

ЙОЖЕ ПИРЪВЕЦ

ТИТО

И ТОВАРИЦИ

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Йоже Пирьевец

ТИТО

и ТОВАРИЩИ

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2019

УДК 94(497.1):929«19»

ББК 63.3(4)

П94

Перевод на русский язык осуществлен при финансовой поддержке Государственного агентства по исследовательской деятельности Республики Словении (Javna agencija za raziskovalno dejavnost Republike Slovenije)

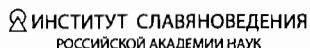
Издание осуществлено при финансовой поддержке:

Словенской академии наук и искусств (Slovenska akademija znanosti in umetnosti)

Научно-исследовательского центра Копер (Znanstveno-raziskovalno središče Koper)

Перевод и подготовка книги к печати выполнены в Институте славяноведения РАН

Ответственный редактор

кандидат исторических наук *Любовь Алексеевна Кирилина*

Рецензенты

доктор исторических наук *Геннадий Филиппович Матвеев*;
кандидат исторических наук *Анатолий Семенович Аникеев*

Пирьевец Й.

П94 Тито и товарищи: Монография / Пер. со словен. Л. А. Кирилиной, Н. С. Пилько. — М.; СПб.: Нестор-История, 2019. — 632 с.

ISBN 978-5-4469-1625-2

Книга известного словенского историка, академика Словенской академии наук и искусств Йозе Пирьевца, написанная на основе богатейшего архивного материала, не только подробно знакомит с биографией Йосипа Броза Тито, который решающим образом влиял на формирование югославской истории во время II Мировой войны — как организатор партизанского движения, и после нее — как глава социалистической Югославии. Она дает широкую панораму жизни югославских народов с начала XX в. до 1980 г. Большое внимание уделено взаимоотношениям Тито с руководителями СССР И. В. Сталиным, Н. С. Хрущевым, Л. И. Брежневым. Монография Й. Пирьевца получила мировую известность, переведена на 10 языков и, несомненно, вызовет интерес как у профессиональных историков и преподавателей истории, так и у широкой читательской аудитории.

ISBN 978-5-4469-1625-2

© Пирьевец Й. (текст), 2019
© Кирилина Л. А., Пилько Н. С. (перевод), 2019
© Институт славяноведения РАН, 2019
© Издательство «Нестор-История», 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (перевод Л. А. Кирилиной)	7
Глаза Тито (перевод Л. А. Кирилиной)	8
Тито: молодость и зрелые годы (1892 – 1939) (перевод Л. А. Кирилиной)	12
Партийная деятельность	19
В Москве	28
Борьба против «параллельного центра»	49
Снова в Москве	57
Во главе КПЮ	62
Вторая мировая война (перевод Л. А. Кирилиной)	67
Нападение сил Оси на Югославию	79
Вторжение в Югославию и призыв к восстанию	82
Восстание и революция	90
Подъем гражданской войны	107
Энигма Хебранг	117
Бихач	120
Раскрытие личности Тито	125
Операция «Вайсс»	127
Мартовские переговоры	132
Британцы усомнились в Михайловиче	135
Операции «Шварц» и «Типикал»	137
Изменение британской политики по отношению к партизанам	141
Размах партизанского движения и его проблемы	146
II сессия АВНОЮ	151
Иллюзии Черчилля	156
Тито — Шубашич	158
Операция «Рёссельшпрунг»	164
Встреча Тито и Черчилля	170
Побег из Виса	175
Освобождение Белграда	180
Победа (перевод Л. А. Кирилиной)	194
Тито: охотник и сибарит	195
1945–1953 годы (перевод Л. А. Кирилиной)	202
Послевоенные убийства без суда	202
«Раздел» власти между товарищами	204
Национализация и аграрная реформа	205

Борьба за Триест (перевод Л. А. Кирилиной)	207
Образование Федеративной Народной Республики Югославии	212
Отношение к католической церкви	214
Парижская мирная конференция	218
Исключение Югославии из Информбюро (перевод Л. А. Кирилиной)	224
Планы Тито по достижению господства на Балканах	228
Сведение счетов с Хебрангом и Жуйовичем	241
Оппозиция Информбюро	264
Голи-Оток	270
Принудительная коллективизация крестьян	272
Обострение конфликта с Советским Союзом и сближение с Западом	275
Угрозы Сталина	285
Тито в тисках холодной войны	290
Корейская война	292
Звон оружия	295
Обострение вопроса о Триесте и его решение	299
Смерть Сталина и нормализация отношений с Москвой	303
Оттепель	308
Милован Джилас (перевод Л. А. Кирилиной и Н. С. Пилько)	314
Идея самоуправления	314
VI Съезд КПЮ	323
Остановка процесса демократизации	327
Падение Джидо	331
Конец единства югославской четверки	339
Интервью Джиласа западным журналистам и приговор к тюремному заключению	347
Эдвард Кардель (перевод Н. С. Пилько)	358
Конституция и планы демократизации общества	359
Движение неприсоединения	362
Московская декларация	368
Беспорядки в Польше и Венгрии	372
Венгерская революция	375
Московская конференция	384
Трбовле	386
VII Съезд СКЮ	389
Полемика китайцев с Тито	395
Азиатско-африканские турне	399
Экономическая реформа	401
Кардель и Ранкович: борьба за наследство Тито	406
Путешествие в Африку	408
Первая конференция неприсоединившихся	412
Кардель в немилости у Тито	415
Пуля Ранковича	420
Заседание в марте 1962 г.	422
Сплитская речь	425
Сближение с Москвой	427
Пиррова победа Ранковича	431

Александр Ранкович (перевод Н.С. Пилько)	433
Социальные и национальные трения в начале 1960-х гг.	433
Еще одна экономическая реформа.	436
Падение Ранковича.	440
Заговор	444
Реорганизация СГБ и неудачная попытка либерализации СКЮ.	454
Помилование Ранковича на VII Пленуме СКЮ.	455
Молодая гвардия (перевод Н.С. Пилько)	459
Углубление экономического кризиса и появление «гастарбайтеров».	460
Укрепление связей Югославии с Советским Союзом	462
Израильско-египетская война.	466
1968 — год студенческих демонстраций.	467
Отношения с СССР и его «сателлитами»	470
Пражская весна.	471
Август 1968 г.	473
Преобразование ЮНА	476
Усиление локального национализма	478
Исполнительное бюро	482
Словения: «дорожная афера»	484
Маспок.	487
Владимир Бакарнич и хорватские либералы	488
Усташская эмиграция.	495
Подготовка расправы над хорватской весной	498
Поправки к конституции.	501
Визит Ричарда Никсона в Югославию.	505
Тито и Святой престол.	507
Брежнев — в Белград, Тито — в США	509
Затишье перед бурей и окончательная расправа с Маспоком	511
Битва против менеджеров.	515
Террористическая деятельность усташской эмиграции.	517
«Ликвидация» сербских либералов.	519
«Старая гвардия правит, среднее поколение молчит, молодое служит».	525
Старость Тито (перевод Н.С. Пилько)	528
Утопия Карделя	528
Конституция 1974 г. — шаг к «республике объединенного труда»	529
Закон об объединенном труде: развал югославской экономики	535
Время позднего титоизма и смерть Карделя	538
Охлаждение отношений между Вашингтоном и Белградом.	542
Враждебная эмиграция членов Информбюро	546
1974 г.: новая коммунистическая партия Югославии	548
Охлаждение отношений с Москвой	555
Йованка и другие (перевод Н.С. Пилько)	557
Пелагея Денисова-Белоусова и сын Жарко	559
Эльза Йоханна Кёниг — Люсия Бауэр	561
Герта Хаас и Даворьянка Паунович — Зденка	562
Йованка Будиславлевич	566

Смерть Тито и его политическое наследство (перевод Н.С. Пилько)	579
Кульٹ личности	579
Вопрос о здоровье Тито и о возможности его ухода с поста	585
Тито и освободительные движения в третьем мире	591
Вопрос независимости движения неприсоединения	593
«Ничто нас не застанет врасплох»	596
Ничто не вечно, и Югославия тоже	598
Смерть Тито	601
Источники и литература	606
Список сокращений	622
Указатель имен	624

ВВЕДЕНИЕ

«Было бы весьма желательно, чтобы люди, стоявшие во главе партии движения, — будь то перед революцией, <...> будь то в период революции <...>, — были, наконец, изображены суровыми рембрандтовскими красками во всей своей жизненной правде. Во всех существующих описаниях эти лица никогда не изображаются в их реальном, а лишь в официальном виде, с котурнами на ногах и с ореолом вокруг головы. В этих восторженно преобразенных рафаэлевских портретах пропадает вся правдивость изображения»¹. Это слова К. Маркса и Ф. Энгельса. Они были оптимистами, поскольку даже не предполагали, что возведенная ими революция может потерпеть поражение, а жизнь ее лидеров — завершиться позором. Это случилось и с Тито: еще вчера он был иконой, после же распада Югославии часто — объектом карикатур. Попытаемся написать его портрет кистью Рембрандта.

¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Новая Рейнская газета. Политико-экономический обзор. № 4. 1850 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полное собрание сочинений. Т. 7. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 280.

ГЛАЗА ТИТО

Выразительные глаза Тито привлекали внимание современников с того момента, как он впервые вышел на историческую сцену, — когда гордо и смело держался во время суда в Загребе, приговорившего его в конце 1928 г. к строгому тюремному заключению. Корреспондент газеты «Новости» описал его внешность так: «Некоторые черты его лица, казалось, были стальными. Его светлые глаза смотрели сквозь стекла пенсне очень холодно, но энергично и спокойно»¹.

Мирослав Крлежа, поэт, писатель, летописец хорватской и югославской провинции, в кратком эссе под названием «Возвращение Тито в 1937 г.» вспоминает: «Сию в сумраке в своей комнате и смотрю на облака. Как высоко над городом гонит их западный ветер. <...> В тишине раздался звонок у входной двери. Его тревожный звук в пустых, серых, неосвещенных комнатах вызывает суеверное предчувствие какой-то неопределенности <...> Я встаю, прохожу через всю квартиру, отпираю сначала одну дверь, потом другую, включаю свет в прихожей, вот заскрипела личина замка, и — перед стеклянной дверью стоит чужак. Через девять лет Тито появился перед этой стеклянной дверью как тень давно минувших дней, и на первый взгляд мне показалось, что он не сильно изменился. Я посмотрел снова: изменился очень сильно, даже более того, полностью. <...> Шесть лет Лепоглавы и три года жизни за границей стерли с его лица то выражение наивной и непосредственной радости, и вместо улыбчивого молодого человека передо мной серьезный, спокойный чужак, глаза которого из-под стекол пенсне сверкают сумрачно, почти сурово».

С этим новым-старым знакомым Крлежа проговорил почти до утра и многое узнал о его бурной жизни и революционных идеях. Тито также поведал ему о тоске по родине, которая по возвращении из Москвы как-то ночью погнала его в родной Кумровец, хотя ясно было, что риск слишком велик, ведь он находился на нелегальном положении. Он шел к отчому дому, и ему казалось, что в этой глубинке, несмотря на великие перемены, преобразовавшие мир, ничего не изменилось с тех пор, как он был там в последний раз. «В конце этого лирического монолога голос Тито зазвучал по-другому, его серо-голубые

¹ *Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Zagreb; Rijeka: Mladost; Spektar; Liburnija, 1980–1984. Vol. I. S. 164. Перевод цитаты дан по тексту Й. Пирьевца.*

глаза приобрели стеклянный, темно-синий металлический оттенок и стали темными, как чернила. Губы утратили свою добродушную мягкость, застыли, превратившись в упрямую, жесткую, будто высеченную из камня, резкую черту. И во взгляде, и в голосе появилось какое-то неопределенное, но обладавшее гипнотической силой выражение, полное боли и тревоги. «Кумровец, благослови его, Боже, храпит, и до каких же пор все у нас будут храпеть?» — Тито задал вопрос нервно, с яростью, тем агрессивным тоном, которым на нашем языке ниспровергают с небес всех богов высшего и низшего ранга»¹.

Милована Джиласа при первой встрече с Тито также поразили его глаза: «Это был человек среднего роста, достаточно сильный, худощавый. Энергичный, несколько нервный, но умел владеть собой. Лицо у него было твердое, спокойное, но при этом довольно нежное, глаза — голубые и тоже нежные»². Ему было присуще природное обаяние, перед которым невозможно устоять»³.

Гойко Николич, хорватский серб, врач, сражавшийся в Испании, в ноябре 1941 г. записал в дневнике впечатления о своей первой встрече с Тито: «Тито я нашел на следующий день в широкой и просто обставленной комнате <...>. После приветствия и рапорта я бросил быстрый внимательный взгляд на этого человека и сразу заметил в нем определенные черты, черты того, кто взял в руки судьбу нашей борьбы и кого мы так долго ждали. Сначала я увидел голубые, немного затуманенные глаза, потом четко вылепленное лицо, лицо идеального классово-сознательного рабочего, пролетария. Как будто скопированное с какой-нибудь русской картины времен Пролеткульта»⁴.

Тито умел очаровать не только своих приверженцев, которые и так им восхищались. Руководитель британской миссии в Верховном штабе так описал впечатление, которое произвел на него Тито во время их встречи в 1943 г.: «Что касается внешности, Тито — личность импозантная: ему было 52 года, фигура крепкая, цвет волос — металлически-сивый. Его лицо, правильные черты которого казались высеченными из камня, было серьезным и очень загорелым, морщины свидетельствовали о бескомпромиссной решительности. Ничто не могло укрыться от взгляда его голубых глаз. В нем была сконцентрирована энергия тигра, готовящегося к прыжку»⁵.

Западногерманский посол, описывая свой первый прием у Тито на вилле Блед в 1951 г., прежде всего подчеркнул, что тот не похож на Германа Геринга, гитлеровского министра авиации, о чем нашептывали злые языки: «Хотя

¹ Nacionalna i sveučilišna knjižnica, Zagreb (далее — NSK). Rukopisna ostavština Miroslava Krleže. «A» 310; *Adamič L.* Orel in korenine. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1981. S. 442–447.

² *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 233.

³ *Velebit V.* Svjedok historije (razgovore vodila i knjigu priredila Mira Šušvar). Zagreb: Razlog, 2001. S. 59.

⁴ *Nikoliš G.* Korijen, stablo, pavetina: memoari. Zagreb: Liber, 1981. S. 335.

⁵ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. М.: Политиздат, 1991. С. 164; *Maclean F.* Josip Broz Tito: a Pictorial Biography. New York: McGraw-Hill, 1980. P. 76–80.

он среднего роста, не массивен, но очень крепок, как будто вытесан из одного куска. Лицо серьезное и совсем не отекающее, очень энергичное, но не жестокое. Больше всего привлекают внимание его голубые глаза, которые кажутся еще более яркими на фоне его загорелой на брионском солнце кожи»¹.

Десять лет спустя глаза Тито поразили и взволновали сербского романиста Добрицу Чосича, сопровождавшего его в поездке по Африке. «Выражение его лица имеет много оттенков, — писал он о Тито. — То оно сентиментальное, задумчивое, интровертное; то таящее угрозу, суровое и опасное; то ясное и добродушное. Иногда кажется, что он дремлет и печалится о чем-то. Но вдруг в зеленоватых глазах мелькнет предостережение, упорство, вера в себя. И больше не видно ни напряжения, ни прожитых лет. Ни у кого я не видел таких глаз...»².

В начале 1970-х гг. на приеме у Тито была французская делегация во главе с премьер-министром Ж. Шабан-Дельмасом. Один из ее членов подытожил свои впечатления об этой встрече, отметив, что Тито стар и нельзя этого не учитывать: «Было видно, что он всё еще находится в хорошей физической форме, у него развитое чувство юмора — он, как Гаргантюа, ел и пил, и всегда был готов посмеяться. Однако, как это случается со старыми людьми, он часто что-нибудь забывал, или повторялся, или терял нить разговора. <...> Как и у всех коммунистов старого поколения, глаза у него бегали. По большей части он смотрел вниз или в сторону, а не на своего собеседника. Впрочем, иногда он бросал на него прямой взгляд, и никому “не захотелось бы быть врагом человека с такими глазами”»³.

Первым упомянул об опасности взгляда Тито Луис Адамич, американский писатель словенского происхождения, который в 1949 г., после конфликта Сталина и Тито, вернулся на родину, чтобы понять, что там в действительности происходит. Как он отмечает в своей обширной книге «Орел и корни», написанной в результате этой поездки, он имел возможность часто встречаться с Тито. Между ними сложились приятельские отношения, поэтому Адамичу позволялось откровенно говорить с Тито о многом, о чем не посмел бы обмолвиться никто из его близкого окружения. Например, он не скрывал своего критического отношения к «бонапартизму» Тито и к его маниакальному увлечению форменной одеждой. После одного политического заседания, вылившегося в настоящий апофеоз Тито, Адамич не скрыл своего сдержанного отношения к этому событию. Уходя, маршал заметил, что писатель наблюдает за ним: «Внезапно и с блеском в (голубовато-стальных) глазах, блеском, намекавшим, что это не просто шутка, он сказал: “Знаете ли, господин Адамич, так уж случилось, что я — Главнокомандующий вооруженных сил”. Это был его ответ на мою критику его маршальской формы»⁴.

¹ Politisches Archiv, Berlin (далее — ПА). В. 11. Bd. 263. 1. S. 41.

² Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). Beograd: F. Višnjić, 2001. S. 175.

³ The National Archives, London (далее — TNA). FCO 28/1641/ENU 3/312/1.

⁴ Adamič L. Orel in korenine. Ljubljana: DZS, 1981. S. 120, 124.

И в заключение — слова Генри Киссинджера, государственного секретаря американского президента Ричарда Никсона: «Тито был человеком, глаза которого далеко не всегда улыбались, когда улыбка была на его лице»¹. Знал ли он, что и о Сталине говорили то же самое?² Возможно, потому что они были похожи, Сталин сразу же заметил эту особенность Тито. На одной из первых встреч в сентябре–октябре 1944 г. он сказал ему: «Почему у Вас глаза, как у рыси? Это нехорошо. Глаза должны улыбаться. А потом — нож в спину»³.

¹ *Kissinger H.* The White House Years. London: Weidenfeld and Nicolson, 1979. P. 928.

² *Vlahović V.* Strogo pov. 1955–1958. Neobjavljeni rokopis. Beograd: Stručna knjiga, 1998. S. 58.

³ *Ćosić D.* Piščevi zapisi (1951–1968). S. 177.

ТИТО: МОЛОДОСТЬ И ЗРЕЛЫЕ ГОДЫ (1892–1939)

Йосип Броз родился 7 мая 1892 г. (о дате своего рождения он давал разные сведения)¹ как подданный Франца Иосифа I в загорском селе Кумровец на границе между Хорватией и Штирией. Хотя обе эти административные единицы были включены в рамки Габсбургской монархии, между ними существовали различия: первая входила в состав земель Короны св. Стефана, вторая относилась к коронным владениям династии Габсбургов. Франц Иосиф в Вене являлся императором, а в Будапеште — королем, и это была не просто формальность, особенно после 1866 г., когда под его владычеством были образованы два государства, не имевшие между собой ничего общего, за исключением его самого и трех министерств: военного, финансового и иностранных дел. В то время как австрийская половина монархии медленно, но упорно припосабливалась к ритму промышленной революции, венгерская оставалась в тисках консервативного феодального класса, игнорировавшего национальные и социальные вопросы.

Если бы Йосип Броз родился и вырос в нескольких километрах от своего села, в долине Быстрице, в доме его матери Марии, которая была словенкой, возможно, его судьба сложилась бы по-другому. Благодаря тому, что католическая церковь имела разветвленную сеть своих организаций в Люблянском епископстве, местный священник обратил бы внимание на его одаренность и, скорее всего, отправил бы его на обучение в епископские учебные заведения в столице Крайны. Оттуда ему была бы открыта дорога в семинарию и на богословский факультет, или в университет — если бы ему удалось избежать принятия духовного сана. (Его верующая мать надеялась, что он станет священником.) Но поскольку он родился и рос в Загорье, где хорватская католическая церковь не имела такой организации, как словенская в Крайне, о его воспитании никто не позаботился. Он закончил лишь четыре класса начальной школы и несколько лет подготовительной. Кроме того, когда мальчику

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 136, 137; Simić P. Tito. Skrivnost stoletja. Jugoslovanski predsednik v novi luči. Ljubljana: Orbis, 2009. S. 19; Simić P., Despot Z. Tito. Strogo poverljivo. Arhivski dokumenti. Beograd: Službeni glasnik, 2010. S. 15, 39; Ridley J. Tito. A Biography. London: Constable, 1994. P. 42, 43; Adamović V. Tri diktatora: Staljin, Hitler, Tito. Psihopolitička paralela. Beograd: Informatika, 2008. S. 449–451.*

было 12 лет, пьяница — сельский священник — дал ему затрещину и отругал за то, что, выполняя обязанности служки, он после мессы недостаточно расторопно помог ему снять облачение. Йожа этого не простил: «Хотя я продолжал ходить на мессу по воскресеньям, поскольку этого хотела мама, думаю что с того момента я распрощался с церковью»¹. Он родился в семье, которая изначально не принадлежала к числу бедняков, но вскоре обнищала — она была «благословлена» 15 детьми (восемь из них умерли в раннем возрасте). Поэтому уже в подростковом возрасте Йосипу пришлось самому зарабатывать себе на хлеб². Отец Франц, человек слабохарактерный — «черный как черт», — пьянствовал и был вынужден продать тот маленький земельный надел, которым владел³. О нем Тито говорил неохотно, да и о крестьянах своего родного Загорья был плохого мнения. «Те, кто не согласен с вами, — рассказывал он через много лет, — стоят в стороне, нахлобучив на лоб шапку и засунув руки в карманы. Они очень пассивны и не умны»⁴. С другой стороны, он с детства слышал рассказы о крестьянских восстаниях, охвативших его родные края во второй половине XVI в., о трагической гибели Матии Губеца и его единомышленников в результате поражения в 1573 г. Не случайно в его рабочем кабинете в Белграде висела огромная картина Крсты Хегедушича, на которой были изображены восставшие крестьяне во время битвы при Стубице⁵.

Сначала Йосип хотел стать портным, его привлекала красивая одежда, но сельский учитель полагал, что он беспокойный мальчик и такая сидячая профессия — не для него. Так что он устроился на работу в одно кафе в Сисаке — он выбрал профессию официанта, потому что они казались ему эlegantными. Однако вскоре он ушел оттуда и поступил учеником в слесарно-механическую мастерскую. Беспокойная душа: закончив обучение ремеслу в 1910 г., он несколько раз менял места работы — побывал в Хорватии, Крайне, Чехии, Баварии, Рурской области и Австрии. Даже собирался эмигрировать в Америку, но добрался только до Триеста, и там ему пришлось бы худо, если бы местные социал-демократы не организовали для таких бедняков,

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 136, 221, 226; Kocbek E. Dnevnik 1949. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1999. S. 226; Adamič L. Orel in korenine. S. 322, 323.*

² *Dilas M. Tito. Eine kritische Biographie. Wien: Molden, 1980. S. 31, 39; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 21; Vol. II. S. 151.* По другим источникам, у Франца и Марии Броз было 10 детей. См.: *Simić P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 26.*

³ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 20; Vol. III. S. 51; Arhiv Slovenije, Ljubljana (далее — AS). L. Šentjurs 1539. Tehnicna enota (T. e.) 40. O ocu Franji; Adamovič V. Tri diktatora. S. 452.*

⁴ *Arhiv Jugoslavije, Beograd (далее — AJ). 837. KPR. IV-5-b. K 49. Записка Й. Вилфана о размышлениях Тито о крестьянах Ужицкого края и Загорья. 20.11.1953. Через несколько лет он изменил свое мнение: «Загорцы умны, непосредственны, шустры». См.: *Ćosić D. Pišcevi zapisi (1951–1968). S. 203.**

⁵ *Ridley J. Tito. A Biography. P. 48; Krajačić I. (Stevo). Resnica mora zmagati // Dnevnik. 11.11.1984.*

как он, питание на общественной кухне¹. В Загребе в 1910 г. Броз вступил в Союз рабочих-металлистов, а на следующий год — в Союз социалистической молодежи, а это означало, что он автоматически стал членом Социал-демократической партии². «Наша молодость, — вспоминал его ровесник Мирослав Крлежа, — проходила на тех безнадежно скучных и серых улицах загребского Нижнего Города <...>, где забегаловки бедны и вонючи, в лавках пахнет мукой и сушеной треской, как в самой убогой провинции, и в пустых трехэтажных домах живут низкооплачиваемые серые служащие некоей серой и скучной империи, находящейся на смертном одре»³.

Осенью 1912 г. Тито призвали в армию, где вскоре он получил должность «водника» (младшего сержанта). Так в 21 год Йосип стал одним из самых молодых унтер-офицеров в императорской армии⁴. Раньше он являлся членом физкультурного общества «Сокол», и поэтому был хорошим спортсменом, отличным лыжником и фехтовальщиком. Он считал, что получил не золотую, а только серебряную медаль на общеармейских состязаниях по фехтованию в Будапеште исключительно из-за того, что был хорватом, а его соперник происходил из графского рода⁵. Даже в последующие годы он не испытывал враждебных чувств по отношению к Габсбургской монархии и полагал, что она была хорошо организованным государством, хотя в то время его уже вдохновляла югославянская идея. Однажды, когда разговор зашел о черногорском короле Николе, которого Милован Джилас пренебрежительно назвал «опереточной фигурой», Тито возразил: «Э, нет. Мы, молодые, ему симпатизировали — он был мужественным человеком, патриотом, югославянином...»⁶ Также он до конца жизни был привязан к своему родному краю. О том, кто он по национальности, Йосип впервые узнал в четыре года от своего деда-словенца Мартина Явершека, в доме которого в селе Подсреда он часто бывал в дошкольные годы. Пытаясь уговорить внука слезть с груши, на которую тот забрался, дед сказал: «А ну-ка слезай, маленький хорватик»⁷. В 1971 г., во время наибольшего обострения конфликта с загребскими «либералами», которые, по его мнению, слишком попустительствовали местным националистам, он, уже слегка захмелев, сказал Савке Дабчевич-Кучар, первому секретарю Союза коммунистов Хорватии: «Вы действительно думаете, что у меня нет никакого чувства национальной принадлежности, что я совсем не ощущаю себя хорватом, что я еще молодым пролетарием вышел в мир, и пролетарский интернационализм уничтожил во мне всякое национальное

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 219–231; Adamič L. Orel in korenine. S. 330, 331.*

² *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 42, 46.*

³ *Krleža M. Moji susreti s Titom // Večernji list. 1972. 23.05. S. 4.*

⁴ *Ridley J. Tito. A Biography. P. 59; Adamič L. Orel in korenine. S. 337.*

⁵ *Dilas M. Tito. S. 234; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 58; Vol. III. S. 48; AJ. 837. KPR. IV-5-b. K 49. Podaci o Titovom boravku u Austriji; Ridley J. Tito. A Biography. P. 59.*

⁶ *Dilas M. Tito. S. 251; Adamović V. Tri diktatora. S. 508.*

⁷ *Šetinc F. Zbogom Jugoslavija. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1993. S. 221.*

чувство. Я, конечно, интернационалист, ведь мы — коммунисты, и мы все должны быть интернационалистами! Но я — хорват!»¹

В конце июля 1914 г. началась Первая мировая война. С августа по декабрь того года Йосип служил унтер-офицером в 25-м Домобранском пехотном полку. Сначала этот полк направили на сербский фронт на Дрине, а позднее его перекинули в Карпаты, на русский фронт. Еще до этого, в Петроварадине близ г. Нови-Сад, Броза на несколько дней посадили в тюрьму по обвинению в антивоенной пропаганде — это, как он отмечал впоследствии, была ошибка военных властей². В тяжелых боях против русских в Восточной Галиции, куда он прибыл в феврале 1915 г., Йосип отличился как командир взвода разведки и даже был удостоен награды. В одном из документов это событие описывается так: «В ночь с 17 на 18 марта 1915 г. он, будучи командиром пехотного патруля, состоящего из четырех солдат, напал на вражеский патруль в Крживотуле-Стары, захватил его в полном составе (11 русских) и привел в свое подразделение. Этот унтер-офицер всегда вызывается добровольцем на каждое опасное дело <...> и уже неоднократно вносил сумятицу в ряды врагов»³. В награду за успех он получил большую сумму денег, поскольку командование выплачивало по 5 крон за каждого плененного врага. Броз был удостоен также малой серебряной медали «За отвагу»⁴, но не успел получить ее, поскольку на Пасху в Буковине был тяжело ранен в бою с черкесами из Дикой дивизии, известными своей жестокостью. Ставшая для него судьбоносной битва у деревни Окно разворачивалась так: сначала его взвод встретился с идущими в наступление русскими. Броз приказал своим солдатам не стрелять, поскольку хотел сдаться в плен⁵. Но вслед за русскими при скакали черкесы и окружили его подразделение. «Мы даже не успели уловить тот момент, когда они появились и обрушились на наши окопы». Хотя он поднял руки вверх, на него напал черкес с двухметровой пикой, и Йосип стал отбиваться штыком. Поскольку Броз был отличным фехтовальщиком, он мог бы убить противника, но не хотел этого делать. В тот момент кто-то на огромном коне вогнал ему копьё под правую лопатку на несколько пальцев в глубину. «Когда я обернулся, то увидел искаженное лицо другого черкеса и огромные черные глаза под густыми бровями»⁶. Он упал. Последним, кого он увидел, был русский солдат, набросившийся на черкеса, когда тот

¹ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. Zagreb: Interpublic, 1997. S. 666.

² *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 60; Vol. II. S. 43, 245, 246; *Ridley J.* Tito. A Biography. P. 62, 63; *Klinger W., Kuljiš D.* Tito. Neispričane priče. Banja Luka; Zagreb, Nezavisne novine; Paragon, 2013. S. 30.

³ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 61.

⁴ Если не двумя. См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 586. С. 8.

⁵ Многие югославы Австро-Венгрии, воспринявшие идеи славянской взаимности, не хотели воевать против русских и сдавались им в плен (*прим. пер.*)

⁶ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 18; *Adamič L.* Orel in korenine. S. 337.

готовился нанести ему смертельный удар. Его взяли в плен вместе со всем батальоном, и он выжил, вероятно, лишь потому, что местные *бабушки* оказали ему первую помощь. Пришел в себя он только в госпитале¹.

Когда его фамилию внесли в список погибших воинов императорско-королевской армии 10–12 апреля 1915 г.², началась новая глава его жизни. Он оказался среди двух миллионов австро-венгерских военнопленных, которых русские отправляли в лагеря, раскиданные по всей огромной империи. Почти целый год, с мая 1915 до марта 1916 г. Броз лечился в госпитале, размещенном в Успенском монастыре в Свяжске на Волге (Казанская губерния), затем его переправили в лагерь близ города Алатырь на реке Сура в Чувашии. Там он познакомился с дочерью одного врача и с ее подругой — девушки посещали военнопленных и оказывали небольшие услуги больным. Они приносили ему книги из дома и часто приглашали в гости: «Они всегда уговаривали меня играть [на пианино]». Так что он и этому научился³. Несмотря на то что он мог бы освободиться из плена, если бы согласился вступить в Добровольческий корпус, в который сербы вербовали «земляков» из Австро-Венгрии, чтобы отправить их на фронт в Добруджу, он вместе с другими 70 товарищами отказался вернуться на службу в армию. Согласно Женевской конвенции, власти не имели права заставлять его, унтер-офицера, работать. Однако он вызвался работать добровольно, и его отправили к житочному крестьянину в деревню Каласеево близ г. Ардатов в Симбирской губернии. Там он стал механиком на паровой мельнице. Осенью 1916 г. его вместе с другими военнопленными отправили в город Кунгур, находившийся на Урале, недалеко от Екатеринбурга. Там он работал переводчиком на строительстве железной дороги и, как «старший» пленный, надзирателем. В мае 1917 г. его отослали еще дальше, на маленькую железнодорожную станцию Ергач рядом с г. Пермь. Там у Броза произошел конфликт с начальником лагеря. Его дважды сажали под арест и сильно избивали, что навело его на мысль о побеге. Три казака так отхлестали его кнутом, что эти удары запомнились ему на всю жизнь⁴.

Летом 1917 г., воспользовавшись хаосом, наступившим после Февральской революции, он сбежал из лагеря и добрался до Петрограда в надежде получить работу на Путиловском заводе. И он действительно проработал там два-три дня, ему даже удалось услышать речь В. И. Ленина на митинге и увидеть писателя Максима Горького. Броз на всю жизнь сохранил глубокое уважение к Ленину. В годы, когда он находился у власти, на его рабочем столе в Белграде стояла фотография Ленина, а на шкафу — его маленький

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 63; Vol. III. S. 54; Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 193.*

² *AJ. 838. LF II-10/2. Fotokopije delova spiskova o nestalima u I. svetskom ratu.*

³ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 64; Vol. III. S. 609; AS. Dedijer. T. e. 215; Adamič L. Orel in korenine. S. 338.*

⁴ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 65, 66; Vol. III. S. 50; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 18; Ridley J. Tito. A Biography. P. 65; Adamič L. Orel in korenine. S. 339, 340.*

скульптурный бюст¹. Когда 13 июля начались демонстрации большевиков, пытавшихся захватить власть, он принял в них участие, когда же их подавили, решил, что революция потерпела крах. Только по чистой случайности его не скосила пулеметная очередь, выпущенная одним из полицейских, которые по приказу А. Ф. Керенского разгоняли демонстрантов. Сначала он прятался под мостами через Неву, а затем перебрался в Финляндию, в то время являвшуюся автономным княжеством в составе Российской империи. Он слышал, что там готовится решающее выступление. В окрестностях города Оулу его арестовали и, поскольку он не говорил по-фински, решили, что он «опасный большевик». В конечном счете он объяснил полиции, что является австрийским военнопленным, и его отпустили. Броз вернулся в Петроград, где его снова арестовали и на три недели посадили в казематы Петропавловской крепости². Кто их видел, не усомнится в том, что Броз почувствовал большое облегчение, когда выяснилось, что он — военнопленный, и его снова отправили на Урал. Однако ему удалось сбежать в Сибирь, не доехав до Кунгура. Он выпрыгнул из поезда для депортированных, и, несмотря на то что на станции один из полицейских его узнал, побег удался. Он вскочил в пассажирский поезд без денег и без билета, но проводнику было всё равно. Это произошло через день после захвата Лениным власти. «Мы ехали долго. В поезде начались драки, солдаты вышвыривали “белых” офицеров из вагонов»³. Броз прибыл в Омск, где вступил в ряды Красной международной гвардии. Он служил в ней охранником и механиком с поздней осени 1917 до лета 1918 г., когда еще не было понятно, кто победит в охватившей Россию Гражданской войне — красные или белые. В деревне Михайловка близ Омска, где он снова стал работать на паровой мельнице, он познакомился с 13–14-летней Пелагеей Белоусовой. Так началась первая из его пяти серьезных связей, ни одна из которых не имела счастливого конца⁴.

В 1918 г. Йосип Броз подал заявление о предоставлении ему российского гражданства и о приеме его в Коммунистическую партию. Неизвестно, одобрили ли его просьбу о предоставлении гражданства. Что касается вступления в партию, из документов Коминтерна известно, что его не приняли, поскольку югославской секции тогда еще не было. Как бы то ни было, он вступил в Омске в интернациональную бригаду Красной гвардии не для того, чтобы стать «солдатом революции», на чем впоследствии настаивала агитграфия. Он был слишком слаб, чтобы отправиться на фронт, он всё еще кашлял кровью из-за раны. Также складывается впечатление, что большевистские власти не хотели использовать его подразделение в боях против белых,

¹ *Ridley J. Tito. A Biography. P. 320.*

² *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 50; Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 85.*

³ *Broz Tito J. Intervjui. Zagreb; Beograd, 1980. S. 91.*

⁴ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 71; Vol. II. S. 243–266; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 589. С. 3–6; Adamič L. Orel in korenine. S. 343, 344; Klingner W., Kuljiš D. Tito. Neispričane priče. S. 43.*

полагая, что от него будет больше пользы в Омске¹. Вскоре Белая гвардия генерала А. В. Колчака заняла этот сибирский центр, и началась систематическая ловля возможных противников и укрывающихся. Спасаясь от белых и их террора, а прежде всего от угрозы насильственной мобилизации в Чехословацкий или Сербский корпуса, ставшие на сторону контрреволюции, Броз сбежал в киргизский аул, находившийся в 50 или 80 км от Омска. Там он вновь стал работать механиком на паровой мельнице богатого крестьянина Исаяи Джаксенбаева, считая, что находится в безопасности. Однако чехи захватили и этот удаленный край и попытались арестовать Йосипа. Из-за связей с коммунистами в Омске ему пришлось бы плохо. Неизвестно, то ли его спрятал Джаксенбаев, то ли местные крестьяне, которых он агитировал за советскую власть, сказали, что он у них живет еще с 1915 г., т.е. не является дезертиром. Во всяком случае, он избавился от угрозы тюремного заключения, если не от чего-то худшего. Киргизы ему симпатизировали как отважному и вдумчивому молодому человеку, способному быстро принимать решения и имеющему особый дар — умение приручать животных². Об этой черте его характера свидетельствует следующий эпизод. Друзья подарили ему сокола. Он его растил, кормил мясом и ласкал. Сокол приучился сидеть у него на плече. Когда он вырос и научился хорошо летать, Йожа решил выпустить его на свободу. Через два дня сокол прилетел назад, сел ему на плечо и стал спокойно ждать, когда его накормят. Наевшись, улетел, но через два дня опять вернулся. Только в четвертый раз он улетел навсегда. Те, кто слышал эту историю, говорили: «Все живые существа должны любить такого человека, как Броз»³.

Когда в 1919 г. Красная армия прогнала Колчака из Омска и железнодорожная связь с Петроградом восстановилась, Йожа решил отправиться в дорогу вместе с женой (ее звали Полка). В Петрограде, где он пробыл около трех недель, он узнал об образовании Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС). Советские власти назначили его комендантом транспорта военнопленных из бывших австрийских земель, которых теперь отправляли в Югославию⁴. Вместе с ними в сентябре 1920 г. он вернулся на родину через Балтику, причем в Вене представители Югославии попытались запретить ему пересечение границы, поскольку два товарища-серба обвинили его в том, что он коммунист. Когда он приехал в Марибор, его вместе с молодой женой арестовали и неделю держали на карантине. Лишь затем ему, после

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 67; Vol. III. S. 50; NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 10. Razgovor Bakarić — Boško Šiljegović, 04.06.1981; Cenčić V. Titova poslednja ispovijest. Cetinje; Beograd: Grafos, Orfelin, 2001. S. 245; Adamić L. Orel in korenine. S. 341.*

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 587. С. 6; *Simčić M. Ženske v Titovi sencí. Tito brez maske 2. Ilirska Bistrica: Intelektualne storitve, 2010. S. 144; Adamić L. Orel in korenine. S. 346; Mandić B. Tito u dijalogu sa svijetom. Novi Sad: Mir, 2005. S. 221, 222; Idem. S Titom. Četrt veka v kabinetu. Beograd: Dam Graf, 2012. S. 150.*

³ AJ. 837. KPR. IV-5-a. K 38. TV serija «Iz Titovih memoara».

⁴ AS. Dedijer. T. e. 262. Pričevanje dr. Očaka o Pelagiji Belousovi.

пятилетнего пребывания в плену, разрешили вернуться в родное село¹. Россия и Сибирь с ее тайгой, конями и лунным светом остались в его сердце на всю жизнь. К стране Советов, с огромной промышленной и военной мощью которой он познакомился позже, он до глубокой старости сохранил теплые чувства². Когда в 1952 г., на пике конфликта со Сталиным, он проводил заседание со своими генералами и один из них стал в грубых выражениях проклинать СССР, Броз рассердился и заявил: «У каждого волка свое логово, которое он никогда не бросает. И я тоже так поступаю»³. Несмотря на все разочарования, сомнения и конфликты, Тито считал неизблемым, «что социалистический материк действительно существует и занимает шестую часть нашей планеты, и это — начало процесса, который невозможно остановить»⁴.

Партийная деятельность

Дома Йосипа Броза ждала печальная весть — его мать умерла два года назад от испанского гриппа. Как вспоминала Полка, узнав об этом, он заплакал. Позже он признался: «Это был самый тяжелый день в моей жизни»⁵. Политическая и социальная ситуация на его родине коренным образом изменилась — Габсбургской монархии больше не было, и нишу, оставленную многовековым государством, заполнила странная химера: Королевство сербов, хорватов и словенцев, в котором под скипетром Карагеоргиевичей объединились славяне средневропейского и левантийского культурно-исторических ареалов. Помимо трех главных этнических групп и македонцев, черногорцев и боснийцев-мусульман, которых Белград не признавал самостоятельными нациями, в нем имелось по меньшей мере 17 меньшинств (албанцы, венгры, немцы и др.). Из европейских государств оно было наиболее разнородным по национальному составу: 80 % населения проживало в сельской местности, часто всё в тех же условиях, что и прежде под властью турок, если не в худших — из-за страшных бедствий, вызванных войной⁶. Было очевидно, что управлять таким пестрым и потенциально взрывоопасным сообществом можно лишь твердой рукой. Белградские правительственные круги стали вести жесткую политику: наряду с другими мерами в конце декабря 1920 г. был принят декрет (так называемая «Обзнана»), запрещающий деятельность только что учрежденной Коммунистической партии Югославии (КПЮ), и последней пришлось перейти на нелегальное положение. Конечно, это очень ослабило партию, созданную на основе довоенных

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 50; Adamič L. Orel in korenine. S. 349.*

² *Vrhunec M. Josip Broz-Tito. Osebnost — storitve — titoizem. Pričevanje, Ljubljana: Društvo piscev zgodovine NOB Slovenije, 2009. S. 130; Krleža M. Titov povratak 1937 // Večernji List. 1972. 25.05. S. 2.*

³ *AS. Dedijer. T. e. 274. Najvažnejši razgovor s Josipom Kopiničem. 05.09.1989.*

⁴ *Krleža M. Moji susreti s Titom. S. 4.*

⁵ *Mandić B. Tito izbliza. Beograd: Jugoslovenska revija, 1981. S. 24.*

⁶ *TNA. FCO 28/1628/ENU 3/303/1; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 75.*

социал-демократических и социалистических партий, имевших разные традиции и культуру: число ее членов сократилось с 65 тыс. человек (в 1920 г.) до 688 (в 1924 г.)¹. Йосип Броз, хотя и вступил в партию, не принимал участия в ожесточенных политических баталиях между фракциями, которые велись «генералами без армий». Он выбрал другую сферу деятельности — профсоюзы, в которых коммунисты занимали прочное положение. Несмотря на это, ему не удалось избежать доносов, увольнений со службы, даже тюремных заключений и избиений в них². Как и в довоенные годы, он не удерживался долго на одном месте: работал в Загребе, Беловаре, на верфи в Кралевице, в Велико-Тройстве и даже в вагонном депо в г. Смедеревска Паланка. На какое-то время он вернулся и к своей первой профессии — устроился официантом, но вскоре организовал среди коллег забастовку, и его уволили³.

В 1926 г. он захотел вступить в Белграде в одну из местных партийных ячеек. Однако правая фракция, заправлявшая партийными делами в городе, отказала ему в приеме, поскольку ее руководители считали, что он не принадлежит ни к ним, ни к левым. «Эта фракционность настолько широко распространилась, что честные коммунисты не имели возможности вступить в партийные организации. Таким способом руководители обеспечивали прочность своих позиций <...>, ведь они получали помощь от Коминтерна. То есть не просто помощь, это была регулярная ежемесячная плата <...>, намного бóльшая, чем зарплата чиновников высокого ранга. <...> И это, помимо всего прочего, подвигло меня вступить в борьбу с фракционностью»⁴. Вернувшись в 1927 г. в Загреб, Броз начал агитацию: сперва — как секретарь Союза хорватских металлистов и кожевников, затем — как секретарь городского комитета Компартии, в котором он присоединился к центристам, противостоявшим как левой, так и правой фракциям. Первая поддерживала федералистскую концепцию общественного и государственного устройства, вторая — централистскую, при этом, естественно, проявлялись и различия между политическими культурами Белграда и Загреба. Как впоследствии писал Мирослав Крлежа, «обсуждение не могло выйти из заколдованного круга: “без полной демократии нет решения национального вопроса” или “без решения национального вопроса нет полной демократии”»⁵.

Поскольку с середины 1920-х до середины 1930-х гг. Коминтерн, объединивший все коммунистические партии мира и подчинивший их Москве, видел в Королевстве СХС, «этом искусственном творении Версаля», возможный трамплин для нападения империалистических сил на Советский

¹ Bilandžić D. Povijest izbliza. Memoarski zapisi 1945–2005. Zagreb: Prometej, 2006. S. 592.

² Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 173, 267, 268; Barnett N. Tito. London: Haus, 2006. P. 32.

³ Ridley J. Tito. A Biography. P. 78.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 111. Magnetofonska snimka predavanja Josipa Broza Tita 26. i 27. ožujka 1977. g. u Kumrovcu. S. 12, 23, 24.

⁵ NSK. M. Krleža. «A» 210.

Союз, он выступал за его распад и образование на Балканах федерации социалистических республик. В резолюции комиссии Коминтерна по особым делам, опубликованной весной 1925 г., КПЮ давалось следующее напутствие: «Партия, по максимуму проводя пропаганду и агитацию, должна убедить трудящиеся массы Югославии в том, что распад такого государства является единственной возможностью для решения национального вопроса. <...> До тех пор, пока Югославия не распадется, невозможна никакая серьезная коммунистическая деятельность. Таким образом, следует разрушить Югославию, поддержав в ней сепаратистские движения»¹. С этой целью ИККИ (Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала) ополчился на правую фракцию и ее руководителя серба Симо Марковича, секретаря КПЮ, которого сам Сталин критиковал за то, что он отвергал ленинский принцип права наций на самоопределение — и в итоге тот в 1929 г. был исключен из партии. В то же время ИККИ подверг критике левую фракцию под руководством Райко Ивановича, утверждавшую, помимо прочего, что крестьяне по своей природе неизбежно являются союзниками буржуазии, а не пролетариата. В 1928 г. Исполком Коминтерна в открытом письме к членам КПЮ так охарактеризовал конфликт между обеими группами: «Насущные вопросы пролетарской борьбы были оттеснены на задний план, на первый же была выдвинута схоластическая казуистика, которая только усиливала раздор между фракциями»².

Вмешательство Москвы во внутренние дела КПЮ еще больше накалило обстановку, причем встал вопрос о том, допустимо ли оно в принципе. В этом контексте была принята «загребская линия», чьи сторонники выступали за преобразование фракций, утверждая, что проблема заключается в склоках между интеллигентами, которых на высших партийных должностях следует заменить рабочими. Тито вспоминал: «Мы искали выход из трудного положения, в котором оказалось коммунистическое движение в Югославии. Мы поняли, что прежде всего необходимо оздоровить партию и достичь в ней единства». Эта борьба, конечно, была рискованной, поскольку руководство КПЮ применяло по отношению к критикам самые жесткие санкции и заявляло, что они являются антипартийными элементами»³.

Не желая углубляться в размышления о достоинствах или недостатках позиций обеих фракций, Йосип Броз был твердо убежден, что многолетняя внутренняя борьба калечит партийную вехушку и лишает ее способности к проведению настоящей революционной акции. В вихре этих баталий в конце февраля 1928 г. на VIII Съезде КПЮ ему с помощью Андрии Хебранга удалось, выступая под лозунгом «монолитной большевистской организации», стать секретарем загребского городского комитета партии.

¹ *Bajt A. Bermanov dosje. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1999. S. 782, 783.*

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 413; AS. Dedijer. Т. е. 7. Kardelj E. Tito na istorijskim raskršćima. S. 6.

³ AS. Dedijer. Т. е. 111. Magnetofonska snimka. S. 25–27.

Главным кандидатом на эту должность был Хебранг, но он отказался от нее в пользу Броза, так как считал, что секретарем должен быть пролетарий, тогда как он сам являлся банковским служащим. Это решение оказалось очень важным для самой многочисленной коммунистической организации в Королевстве СХС (в ней было около 180 членов), ведь уже через два месяца его правильность была подтверждена в открытом письме Коминтерна. Хотя эта «большевистская» политическая тенденция, направленная на создание внутрипартийных связей ленинского типа, устранение «фракционного кошмара» и активизацию работы в массах¹, не утвердилась в партии, ее сторонники, Броз и Хебранг, привлекли внимание полиции. Вскоре они попали в ее тиски². Уже в 1927 г. «товарищ Георгиевич», как в то время звали Броза, был осужден за революционную деятельность на семь месяцев тюремного заключения, а 1 мая 1928 г. его снова арестовали — из-за акции протеста, организованной коммунистами на собрании Социалистической партии в кинотеатре «Аполо». В группе зачинщиков беспорядков, которые во время торжества начали кричать «Долой социал-патриотов!», «Долой слуг капиталистов!» и устроили потасовки, был и Йосип. Его арестовали вместе с товарищами и осудили на 14 дней заключения. При этом на него было заведено личное дело, в котором отмечено, что его рост — 170 см, у него серые глаза, не хватает нескольких зубов, что он близорук и постоянно носит очки, и что ранее его поведение не вызывало нареканий³. Очевидно, в полиции не знали, с кем имеют дело. В июле и августе следующего года его снова арестовали, в последнем случае ему было предъявлено обвинение в попытке организации восстания с целью свержения ненавистного режима Карагеоргиевичей. В Загребе действительно начались забастовки, массовые демонстрации и беспорядки, в результате которых погибли несколько человек⁴.

Казалось, наступил самый подходящий момент для революции: 20 июня 1928 г. в белградском парламенте было совершено убийство группы хорватских оппозиционных депутатов. В них стрелял черногорец Пуниша Рачич, член правящей Радикальной партии, считавший представителей Хорватской крестьянской партии смертельными врагами объединенного и жестко централизованного государственного строя. Среди его

¹ *Dilas M.* Tito. S. 99; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 270, 271; *Simić P.* Tito. Skrivnost stoletja. S. 45; *Simić P., Despot Z.* Tito. Strogo poverljivo. S. 51; AS. *Dedijer.* T. e. 236. Pismo V. Dedijerja redakciji tednika «Danas» 28.07.1988.

² *Kisić Kolanović N.* Hebrang. Iluzije i otrežnjenja. Zagreb: Institut za suvremenu povijest, Biblioteka Hrvatska povjesnica, 1996. S. 24; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 143; *Gupenko Ю. С.* Сталин — Тито. С. 295; *Supek I.* Krunski svjedok protiv Hebranga. Chicago: Markanton Press, 1983.

³ AJ. 838. LF. III-11/8. Predmet sudjenja Brozu i dr. iztražni materjal. Kr. redarstveno Ravnateljstvo. 14. maja 1928.

⁴ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 232; *Klinger W., Kuljiš D.* Tito. Neispričane priče. S. 60–80.

жертв был и харизматичный лидер партии, Степан Радич, который скончался от ран не сразу, а только в августе, после нескольких недель мучительной агонии. Согласно директивам Коминтерна, это кризисное время КПЮ выбрала для начала восстания: ее руководители, не имевшие никакой опоры в массах, взялись за дело со всем пылом неискренности¹. Из-за предательства в партийных рядах жандармерия их опередила и организовала ряд засад и обысков. К тому же, 4 августа 1928 г. — за пять дней до смерти Радича, — у Броза нашли «полностью заряженный» браунинг, на ношение которого у него не было разрешения, а в его конспиративной квартире — кроме марксистской литературы под кроватью — еще и сумку с боеприпасами и четырьмя немецкими гранатами времен Первой мировой войны (впоследствии, защищаясь, он утверждал, что их ему подкинули, но это была неправда)². Его посадили в тюрьму, избили и потребовали, чтобы он дал ложные показания против товарищей. Он никого не выдал и из протеста начал голодовку, как и во время предыдущего заключения. Письмо Броза из тюрьмы, в котором он в преувеличенно ярких красках описал «мучения», которым его подвергали, 24 августа опубликовал орган Коминтерна *Internationale Presse Korrespondenz* под заголовком «Крик из ада югославских застенков»³.

В начале ноября он предстал перед загребским судом, и после громкого процесса, получившего претенциозное название «процесс бомбометателей», 14 ноября 1928 г. его приговорили к пятилетнему заключению. На слушаниях дела он вел себя так, как предписывал в подобных случаях Коминтерн: «Нужно стремиться только к одному. Не к тому, чтобы получить наименьшее наказание, а чтобы своим поведением поднять авторитет партии в глазах трудящихся масс»⁴. В соответствии с этой директивой Броз мужественно заявил, что не считает себя виновным и не признает решений «буржуазного» суда, представляющего реакционные силы. «Да здравствует Коммунистическая партия! Да здравствует мировая революция!»⁵ О вызывающем

¹ Deakin F. W. Yugoslavia 1941–1945 (неопубликованная рукопись 1995 г., копию которой любезно предоставил автору Б. Горьян); The Military Organisation of the Yugoslav Communist Party (1918–1940). P. 5; *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. I. S. 153; Vol. II. S. 289; Vol. III. S. 51.

² NSK. Arhiv Bakarić. Kutija. 10. Razgovor Bakarić — Boško Šiljegović 04.06.1981; *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. II. S. 279; *Večer*. 1928. 08.08; *Simić P. Tito. Skrivnost stoletja*. S. 46; *AJ*. 838. LF III-11/11. Predmet sudjenja Brozu i dr. istražni material; *Klinger W., Kuljiš D. Tito. Neispričane priče*. S. 82.

³ *AJ*. 837. KPR. IV-5-a. K 38. TV serija «Iz Titovih memoara»; *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито*. С. 30; *Ridley J. Tito. A Biography*. P. 98, 99.

⁴ *Kisić Kolanović N. Hebrang*. S. 29; *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. II. S. 267 и далее; *Večer*. 1928. 07.11.

⁵ NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 22. *Novosti*. 1928. 08.01; *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. I. S. 154–175; Vol. II. S. 276; *Večer*. 1928. 09.11; *Stefanović M. Podpis: Tito. «Bila sva Titova šifrantа»*. Pripoved Branke in Pavleta Savića. Zagreb: Globus, 1980. S. 180.

поведении Броза писали газеты, привлекло оно и внимание Москвы¹. Однако не всем его выступление пришлось по нраву. Август Цесарец, один из ведущих хорватских интеллектуалов, придерживавшийся левых взглядов, позже написал об этом в нелегальной газете *Proleter*: «Если этот молодой болезненно амбициозный коммунист возглавит КПЮ, для партии это станет трагедией»².

После оглашения приговора Броз провел в загребской тюрьме еще несколько дней. Товарищи пытались его освободить и с помощью сочувствующего коммунистам охранника тайком передали ему в камеру напильник, спрятанный в буханке хлеба. Броз перепилил им пять из шести железных прутьев решетки на окнах своей камеры, и никто этого не заметил. Когда он собирался перепилить последний, его перевели в другую камеру и вскоре отправили в Лепоглаву в Хорватском Загорье, которая с 1854 г. являлась крупнейшей тюрьмой бановины. Охранник, который пытался помочь Брозу, попал под подозрение властей и при содействии Коммунистической партии сбежал в Советский Союз. Через несколько лет его обвинили в том, что он является агентом югославской полиции, и приговорили к смертной казни³. Вскоре Броз стал уважаемым человеком среди коммунистов, вместе с которыми он отбывал заключение в Лепоглаве, Мариборе (здесьняя тюрьма имела репутацию «самой жестокой тюрьмы Александра») и Огулине. Уважение он заслужил в первую очередь благодаря своему корректному поведению и усердию в изучении марксизма-ленинизма, чему тюремный режим не смог или не сумел воспрепятствовать. Устраивая голодовки, заключенные добились, чтобы их поместили в общие камеры, что дало им возможность «превратить тюрьму в школу». Необходимую литературу им передавали тайно, и помощь в этом оказывали даже обычные уголовники. Так в тюремных заключениях формировалось новое поколение руководителей — Йосип Броз, Моше Пияде, Андрия Хебранг, Александр Ранкович, Милован Джилас. Все они интенсивно занимались изучением теории марксизма и военной тактики, необходимой для проведения будущей революции⁴. В годы заключения, о которых он вспоминал с шутливой непринужденностью⁵, Броз стал профессиональным революционером, что верно отметили еще в мариборской

¹ Večer. 1928. 14.11; 15.11; *Damjanović P.* Originalnost i teškoće Titovog puta // *Borba*. 1976. 25.05.

² *Kranjc M.F.* Zarote in atentati na Tita. Grosuplje: Grafis Trade, 2004. S. 127.

³ *Ridley J.* Tito. A Biography. P. 102.

⁴ *Deakin F.W.* Yugoslavia. P. 6; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 284, 285; Vol. III. S. 608; *Dilas M.* Memoir of a Revolutionary. New York: Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1973. P. 190, 191; *Klinger W., Kuljiš D.* Tito. Neispričane priče. S. 88 и далее.

⁵ AJ. 837. KPR. IV-5-b. K 49. Sjećanje J. B. Tita na dane provedene u Lepoglavi i Mariбору, kao i neke događaje iz NOB. Zabeleška J. Vilfana, 01.12.1953; Sjećanje Tita na robiju i literaturu koju je tada citirao. Zabeleška J. Vilfana, 21.12.1953.

тюрьме: в его личном деле в строке «профессия» записали: «преступная: коммунист»¹.

Несмотря на тяготы заключения, тюрьма, вероятно, спасла Брозу жизнь. Уже через несколько недель после вынесения ему приговора, 6 января 1929 г., король Александр распустил парламент, отменил Видовданскую конституцию и ввел в стране диктатуру. Правительство возглавил один из его самых зловещих приспешников, генерал Петар Живкович. Король и его первый министр считали, что Королевством СХС, переименованным в Югославию, можно править только твердой рукой, и претворяли это убеждение в жизнь. Была запрещена деятельность всех партий и объявлена бескомпромиссная борьба против всех оппозиционных сил: как косовских албанцев, так и македонских сепаратистов, хорватских националистов — и умеренных, и крайних (усташей) — и коммунистов. С 1929 по 1931 г. в тюрьмы попало около 10 тыс. представителей левых партий и других оппозиционеров. Как минимум сто самых преданных и боевых членов КПЮ замучили до смерти только в белградской «Главняче», а ведь тюрьмы были забиты «политическими» и в Лепоглаве, Митровице, Мариборе, Зенице, Нише, Пожаревце и Скопье: всего 1200 человек, среди них — почти тысяча коммунистов, осужденных на заключение сроком от одного года до 15 лет². Те, кто не умер во время допросов или не был застрелен при «попытке к бегству», могли считаться счастливыми, поскольку за решеткой они хотя бы сохранили жизнь.

По окончании срока в марте 1934 г. 42-летний Йосип Броз, в соответствии с требованиями закона к отбывшим наказание заключенным, вернулся в родной Кумровец, но вскоре снова занялся нелегальной политической деятельностью в Белграде и Беловаре. Уже в июле он по заданию партии эмигрировал в Австрию, чтобы попытаться нормализовать отношения между руководителями хорватских коммунистов и центральным комитетом КПЮ, который из-за полицейских репрессий короля Александра I с 1929 г. работал в эмиграции в Вене. Там местные коммунисты в начале 1930-х гг. еще имели возможность помогать югославским товарищам³. С альпинистским снаряжением и с удостоверением хорватского общества альпинистов Броз нелегально перешел границу у Тржича. В Каринтии он сразу попал в трудное положение, поскольку именно в те дни произошел нацистский путч с целью свержения клерикального правительства канцлера Энгельберта Дольфуса⁴. Когда он всё же добрался поездом до Вены, жившие там «товарищи» накинулись на него, «как пчелы на мед», стремясь получить сведения о положении на родине и в партийных организациях. Он встретился с ними в кафе и при

¹ AJ. 838. LF III-11/12. Pismo Borisa Kraigera — Ivonku Brkiću, kojim šalje evidentičnu polu predstojništva mestne policije u Mariboru policijski karton Josipa Broza sa fotografijama.

² Adamič L. Orel in korenine. S. 375, 376.

³ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 205, 207; Vol. II. S. 70.

⁴ Ibid. Vol. III. S. 52; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 36.

виде «полудюжины мужиков с бегающими глазами» внутренне ужаснулся. Броз говорил спокойно, просто и четко. Рассказал им, что ни один искренний коммунист в Югославии из всех, кого он встречал в тюрьме или на воле, не доверяет ЦК КПЮ. «Горкич — генеральный секретарь партии — подкручивал рыжие усы. Они ему не шли, подчеркивали его бледность». Он перебил Броза, грубо выругавшись¹.

Несмотря на неприязненный прием, венские «товарищи» 1 августа 1934 г. кооптировали Броза в политбюро, а на IV Общеюгославской конференции КПЮ, состоявшейся в конце декабря в Любляне, он был избран в центральный комитет, хотя обратная последовательность была бы логичнее². В члены ЦК его выдвинул молодой хорватский коммунист Иван Крайчич — Стево, член загребского городского комитета, с которым Броз всю жизнь поддерживал близкие контакты³. В то время КПЮ возглавлял Йосип Чижинский, более известный под псевдонимом Милан Горкич — Зоммер. Он был чешско-польского происхождения, но родился в Боснии. Югославские реалии он знал неважно, так как в 1922 г., в возрасте 19 лет, уехал в Москву, где работал в разных учреждениях Коминтерна. У него были тесные связи с тайной полицией и «высшими кругами», недоступными простым смертным. Он женился на девушке из этих привилегированных слоев, являвшейся директором знаменитого московского Парка культуры. Естественно, он стал самовлюбленным бюрократом высшего ранга, и в 1932 г. его назначили генеральным секретарем КПЮ. Он оказался во главе партии, в которой было всего около 3 тыс. членов, и большинство из них находилось в тюремном заключении или жили в эмиграции. Среди них было немало провокаторов, предателей и агентов полиции. Партийная верхушка превратилась в настоящее змеиное гнездо, где все подозревали всех и доносили друг на друга в Коминтерн, зная, что в Москве найдутся любознательные слушатели. Не случайно в Коминтерне ходил анекдот, что два югослава представляют три фракции, которые настолько враждуют и грызутся между собой, что забывают о классовом враге⁴.

Поскольку Броз на основании личного опыта убедился в том, что необходимо нормализовать обстановку внутри партии, 2 августа 1934 г. он написал для центрального комитета доклад, в котором подчеркнул, что необходимо покончить с абстрактным политизированием, укрепить связи с рабочими массами и начать восстание. Этот документ он впервые подписал псевдонимом «Тито» — именем, довольно распространенным в его родном Загорье⁵.

¹ *Adamič L.* Orel in korenine. S. 401; *Očak I.* Gorkič. Život, rad i pogibija. Zagreb: Globus, 1988. S. 221.

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 161; *Simić P.* Tito. Skrivnost stoletja. S. 57; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 210; Vol. III. S. 167.

³ AS. *Dedijer.* Т. е. 261. Приčevanje V. Bakarić 08.06.1981.

⁴ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413.

⁵ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 38.

Хотя Броз хотел поехать в Москву — встретиться с женой и ребенком, которые вернулись в Советский Союз после того, как его приговорили к тюремному заключению, и поступить в Ленинскую школу, — Горкич решил иначе. Уже через две недели он послал его в Дравскую бановину, в которую входили словенские земли, чтобы он вместе с местными товарищами организовал областную и IV партийную конференции. Первая из них прошла в сентябре в резиденции люблянского епископа Рожмана (его сводный брат симпатизировал коммунистам)¹. Вторая состоялась в декабре в Любляне, и на ней присутствовало 11 делегатов под председательством Горкича. Броза среди них не было, поскольку по правилам тот, кто занимался организацией конференции, из соображений безопасности не должен был принимать в ней участие². Во всяком случае, так утверждал Горкич, Тито же позже говорил, что это была пустая отговорка, Горкич просто не хотел, чтобы он путался у него под ногами. В обоих случаях речь шла о важных встречах, которые должны были положить конец сектантским спорам и способствовать обновлению партии, которой следовало установить более тесную связь с массами, среди которых она проводила работу. С этой целью и, конечно, с благословения Москвы было принято решение создать в рамках КПЮ две автономные партии: Словении и Хорватии.

Уже в сентябре Броз вернулся в Вену, откуда Горкич скоро снова послал его в Югославию, на этот раз в Загреб, с заданием организовать совещание хорватов по поводу партийной конференции. Эти обременительные поручения с самого начала обострили отношения между ними: Броз заподозрил, что генеральный секретарь намеренно подвергает его опасностям, так как практически сразу после выхода из тюрьмы посылает заниматься нелегальной работой, для которой он после длительной изоляции не подходил. Как ему казалось, Горкич, несмотря на образцовый образ жизни, был слишком доверчив по отношению к людям из своего окружения, т. е. в сущности не приспособлен к конспиративной деятельности. Помимо того, он, по мнению Броза, недооценивал товарищей, работавших в Югославии, и старался задвинуть их на второй план, чтобы им не досталось денег из фондов, выделявшихся Коминтерном для КПЮ³. «Я чувствовал сильное отвращение ко всему этому...»⁴ Естественно, своих мыслей он Горкичу не поверял и внешне сохранял с ним корректные отношения⁵. Броз через много лет высказал Луису Адамичу то, что на самом деле думал о Горкиче, заметив, что самыми красными в нем были волосы и усы⁶.

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 211.*

² *AS. Dedijer. T. e. 111. Magnetofonska snimka. S. 50, 51.*

³ *Eiletz S. Titova skrivnostna leta v Moskvi 1935–1940. Celovec: Mohorjeva, 2008. S. 29, 43, 44; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 52.*

⁴ *Spomini tovariša Tita na slavno preteklost. Viri revolucionarnih sil // Slovenski poročevalci. 1959. 17.04.*

⁵ *Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 189.*

⁶ *Adamič L. Orel in korenine. S. 395.*

В конце 1934 г. от имени политбюро, собравшегося в Брно, Йосип разослал всем областным комитетам КПЮ и Союза коммунистической молодежи Югославии (СКМЮ) директивы по подготовке вооруженного восстания в стране, в которой тем временем вновь разразился сильный кризис. 9 октября произошло убийство короля Александра I. В начале его официального визита во Францию, в Марселе, его застрелил македонец, связанный с вождем хорватских усташей Анте Павеличем. Поскольку казалось, что пробил последний час династии Карагеоргиевичей, Броз, не колеблясь, посоветовал от имени КПЮ, чтобы партийные вооруженные группы установили контакты даже с самыми шовинистическими организациями; он был убежден, что только так можно будет свергнуть враждебный монархический режим¹. Но из этой муки не удалось испечь хлеба, поскольку князь Павел, после смерти двоюродного брата ставший регентом при его малолетнем сыне Петре II, сумел взять ситуацию под контроль. Вместо того чтобы продолжать подготовку революции на родине, Броз в середине февраля 1935 г. получил разрешение уехать в Москву. Он отправился туда, поскольку загребские нелегалы были убеждены, что в ближайшие годы в Югославии будет чрезвычайно трудно: по сравнению с 1929–1931 гг. террор ужесточится. Поэтому руководящие кадры, которые не находятся в тюремном заключении, что было бы относительно безопасно для их жизни, должны покинуть страну. Как можно большему их числу следует поехать в Советский Союз и использовать возможность по мере сил подготовиться там к близящемуся кризису². Перед отъездом Броз чуть не попал в руки венской полиции. Он нелегально жил у одной пожилой еврейки, дочь которой попыталась отравиться газом. Броз спас ее в последний момент, но тут пришли жандармы, которые потребовали у него удостоверение личности. Он еле ускользнул от них³.

В Москве

Броз приехал в страну победившего пролетариата в убеждении, что в ней правят «любовь, товарищество и искренность»⁴, с хвалебным рекомендательным письмом от Горкича, адресованным Владимиру Чопичу — Сенько, одному из организаторов КПЮ, работавшему в Коминтерне: «Он является представителем лучшей части нашего рабочего актива и через некоторое время, шесть–девять месяцев, мы выдвинем его на руководящую должность в ЦК»⁵. Несмотря на то что Чопич видел в Брозе возможного конкурента, он выхлопотал для него комнату № 275 в отеле «Люкс», построенном в стиле русского

¹ *Simić P.* Tito. Skrivnost stoletja. S. 57, 58.

² *Adamič L.* Orel in korenine. S. 415.

³ AS. Dedijer. T. e. 51. Titove primedbe na rukopis Priloge za biografiju; *Adamič L.* Orel in korenine. S. 417; *Klinger W., Kuljiš D.* Tito. Neispričane priče. S. 126.

⁴ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 218.

⁵ *Simić P.* Tito. Skrivnost stoletja. S. 58; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 219.

модерна. От прежней роскоши там осталось только название, поскольку после революции его заполнили прибывшие в Москву иностранные коммунисты. В нем кишмя кишели крысы и всё пропиталось запахами от общих кухонь (их было по две на каждом этаже)¹.

Первым делом Брозу поручили написать автобиографию, как это было принято в Коминтерне². Он писал ее много раз, чтобы чиновники из отдела кадров могли сопоставить разные версии и таким образом проверить ее достоверность. Затем, по заданию некоего Якубовича, представителя ГПУ (Главного политического управления) при Исполкоме Коминтерна, личность которого до сих пор не удалось идентифицировать, и болгарского коммуниста Ивана Караиванова — Шпинера, сотрудника отдела кадров, он написал подробные характеристики семи видных югославских партийцев, в том числе и Горкича. С этой задачей он справился хорошо, поскольку с подкупающей чистосердечностью отметил достоинства, а также ошибки оцениваемых «товарищей», причем только о Чопиче, от которого он зависел, осмотнительно отозвался исключительно положительно. (На самом деле он считал его «бахвалящейся бабой»³). В благодарность последний предложил своему начальству послать Броза для восстановления здоровья в санаторий. По мнению российского историка В. Н. Бондарева, детально исследовавшего московский период деятельности Тито, возможно, это был «санаторий» «Люблянка». Там агенты НКВД — этого «горького плода пролетарской революции» — добровольно или принудительно вербовали самые перспективные «кадры» из рядов приехавших в Москву коммунистов⁴. Когда Тито вернулся, Караиванов 21 мая 1935 г. дал письменную гарантию, «что Броз в политическом плане заслуживает полного доверия»⁵. Это подтвердили также Чопич и влиятельный начальник отдела кадров болгарин Георгий Дамьянов, более известный под псевдонимом А. Белов, хотя последний изначально не был к нему расположен. Исполком Коминтерна затем предложил ЦК КПЮ назначить «товарища Вальтера» — как его называли — своим «политическим референтом» в Балканском секретариате, который возглавлял известный немецкий коммунист Вильгельм Пик. ЦК КПЮ согласился с этим предложением⁶.

В то время во главе Коминтерна стоял легендарный Георгий Димитров, болгарский революционер, один из обвиняемых на процессе о поджоге рейхстага в Берлине, оправданный благодаря своему мужественному

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 306.*

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 27, 21. С. 290–297; Оп. 277. Д. 21.

³ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 56.*

⁴ *Bondarev V. N. Misterija Tito. Moskvske godine. Beograd: Čigoja štampa, 2015. S. 84, 85.*

⁵ *Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 32, 99; Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 178; Bondarev V. N. Misterija Tito. S. 84–87.*

⁶ *Simić P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 62; Klinger W., Kuljiš D. Tito. Neispričane priče. S. 126.*

и эффектному выступлению перед немецкими судьями. Эмигрант из Югославии вскоре заручился его поддержкой: его считали полностью преданным коммунистом, одним из редких югославов, годных для практической работы, хотя и недостаточно подкованным в теории марксизма-ленинизма¹. Несмотря на это, он стал внештатным преподавателем в югославском секторе Международной Ленинской школы и в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), а вскоре и членом представительства КПЮ в Коминтерне. Опыт, полученный в Лепоглаве и других тюрьмах, где он отбывал заключение, укрепил его убеждение, что КПЮ не сможет выйти из охватившего ее кризиса, если не преодолет раздражавшие ее внутренние распри. Броз увидел, что в югославской колонии в Москве, насчитывавшей приблизительно 900 человек (только членов ЦК КПЮ и различных группировок было около 50), обстановка такая же, как в тюрьме². Впоследствии он рассказывал, что избегал общества, отчасти потому, что любил уединение, отчасти же из-за того, что понимал — он должен следить за тем, что говорит. «Особенно в помещениях, где находились телефонные аппараты»³. Он всецело посвятил себя работе и еще проходил обучение на курсах техники руководства и конспирации, организованных Коминтерном в Москве⁴. «Это время я использовал прежде всего для обучения; мой путь пролегал только от отеля “Люкс” до здания Коминтерна, возможно, это и спасло меня от ножа Сталина»⁵. О его сдержанном поведении рассказывает в своих воспоминаниях об отеле «Люкс» Рут фон Майенбург, жена австрийского коммуниста Эрнста Фишера. «По длинным коридорам Тито прошмыгивал тихо, как мышь. Никто из соседей не обращал внимания на молчаливого товарища, который почти ни с кем не разговаривал и в одиночестве шел своей дорогой. Югославы вообще жили в замкнутом конспиративном мире, редко кому из иностранных товарищей дозволялось заглянуть в него. Даже Балканская секция в здании Коминтерна на улице Моховой совещалась за закрытыми дверями»⁶.

Броз прибыл в Москву всего через три месяца после того, как убийство С. М. Кирова, руководителя Ленинградского обкома ВКП(б), дало Сталину повод начать массовые чистки, направленные против «заговорщиков» — ведущих большевиков. Неизвестно, разделял ли он убеждения младшего поколения югославских коммунистов, которые, находясь на родине, наивно верили каждому слову А. Я. Вышинского, главного обвинителя на московских

¹ TNA. FCO 28/2118.

² РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413.

³ *Dilas M.* Tito. S. 74; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 53.

⁴ *Bebler A.* Pismo // *Mladina*. 2009. № 26; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 53; *Adamič L.* Orel in korenine. S. 420. Адамич считает, что он не посещал занятий в какой-либо коминтерновской или военной школе.

⁵ *Spomini tovariša Tita na slavno preteklost. Viri revolucionarnih sil // Slovenski poročevalec*. 1959. 17.04.

⁶ *Mayenburg von R.* Hotel Lux. München: C. Berhtelsmann Verlag, 1978. S. 200.

процессах, и объявляли классовым врагом и троцкистским шпионом каждого, кто казался им подозрительным¹. В любом случае, ему удалось избежать гибели, хотя некоторые написанные им «характеристики» товарищей не соответствовали тем, которыми располагал НКВД². Столкнувшись со сталинским террором, Броз научился многому, прежде всего тому, как работают механизмы революции и власти. Он воспринял его как необходимое средство воплощения в жизнь нового общественного устройства и тем самым морально скомпрометировал себя, но в то же время определил главные вехи своего жизненного пути. Джилас так описал метаморфозу, произошедшую с «Вальтером» в ранний период его московской жизни: «Революционер Йосип Броз <...> лишь теперь понял, что, хотя революционные институты и методы неотделимы от идеи, они — важнее ее, даже важнее, чем сама революция»³. Нехватка серьезного образования избавила его от сомнений, скепсиса, способности к критической оценке. Савка Дабчевич-Кучар даже говорила, что под лозунгом коммунистической морали в ее макиавеллистском варианте, согласно которому цель оправдывает средства, он отошел от традиционных ценностей и с легкостью их отринул. Порядочность, преданность, дружба, fair play⁴, честь — все эти понятия были для него мелкобуржуазным хламом⁵. В противовес этой резкой характеристике следует привести замечание, высказанное Тито в интервью для журнала «Коммунист» 15 апреля 1959 г.: Сталин посредством Коминтерна «уничтожил революционный облик коммунистов и создал коммуниста-слабака»⁶. А также, конечно, свидетельство Эдварда Карделя, сотрудничавшего с Вальтером в Москве в середине 1930-х гг. Он вспоминал, что Броз во время «Большого террора» приложил много усилий, чтобы отослать как можно больше югославских эмигрантов из Советского Союза на нелегальную работу на родину или, если речь шла о младших товарищах, в интернациональные бригады в Испанию, где в июле 1936 г. началась гражданская война. Тем самым он спас их от гибели⁷. Как известно, Советский Союз решил поддержать республиканскую власть в Мадриде, против которой организовали вооруженное восстание правые генералы во главе с Франсиско Франко. Вальтер с энтузиазмом поддержал эту политику — еще и потому, что думал: Испания может стать отличной школой для подготовки военных и политических кадров⁸. Так и вышло, ведь в состав

¹ Vlahović V. Strogo pov. S. 146, 147; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 445.

² Dilas M. Tито. S. 85.

³ Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 33.

⁴ Честная игра (англ.)

⁵ Dabčević-Kučar S.:71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 863.

⁶ National Archives and Records Administration, Washington (NARA), CIA, Records Search Tool (CREST), Laserfiche, Bi-Weekly Propaganda Guidance, 11.05.1959. Tito throws down the gauntlet.

⁷ Edvard Kardelj. Skica za monografijo / Ur. M. Poč. Ljubljana: Delo, 1979. S. 15; AS. Dedijer. T. e. 7. E. Kardelj. Tито na istorijskim raskršćima. S. 11.

⁸ AS. Dedijer. T. e. 242. Kopija iz memoarov druga M. Dilasa. S. 46.

интернациональных бригад вошли примерно 1650 югославы. Несмотря на то что почти половина из них пали, защищая Республику, во время Второй мировой войны ни в какой другой коммунистической партии не было столько «испанцев», как в КПЮ. Они возглавили партизанское восстание¹.

В июле и августе 1935 г. Броз с помощью Горкича стал участником VII «всемирного» конгресса Коминтерна. Он являлся делегатом с совещательным голосом, хотя никого из руководства КПЮ это не устраивало. В ответе на вопрос многоязычной анкеты, которую должны были заполнить все делегаты, под каким псевдонимом он работает в партии, он написал два: «Тито» и «Руди». На вопрос, под каким псевдонимом он принимает участие в конгрессе, он ответил: «Вальтер Фридрих». Из тридцати псевдонимов, которыми он пользовался в своей жизни, «Тито» и «Вальтер» были для него самыми значимыми. Он вписал в анкету неверный год рождения — вместо 1892 указал 1893 г. — и немного солгал, записав в графе об образовании: «начальное, частично среднее». Также он погрешил против истины, заявив, что работает «механиком» начиная с 1910 г. По фотографии, которую он сделал для анкеты, видно, что он уже давно не работал по этой специальности, на ней он скорее похож на молодого доцента университета, чем на пролетария². На конгрессе он впервые увидел Сталина, но издалека и мельком. В зале, где проходило заседание, тот появился только один или два раза и сидел за мраморной колонной. «То ты меня видишь, то не видишь», — позднее с усмешкой рассказывал Тито³.

VII Конгресс Коминтерна имел большое значение, поскольку на нем произошла смена политического курса: Москва приняла решение, что международное рабочее движение должно коренным образом изменить свою тактику, основанную на тезисе, что у коммунистов нет политических друзей — ни социалисты, ни социал-демократы (до конгресса их обзывали «социал-фашистами») ими не являются. Из-за угрозы нацизма, возникшей после прихода Гитлера к власти, руководители СССР пришли к выводу, что не стоит маршировать к светлому будущему без союзников, более того, необходимо искать их везде где возможно, как среди социал-демократов, так и в рядах католических и даже националистических и консервативных партий. Речь шла о политике «народного фронта», которая предусматривала формирование единого блока антифашистских сил. Ожидалось, что он обеспечит безопасность Советского Союза перед лицом гитлеровской угрозы и подготовит условия для второго этапа революции. В этом контексте преобладало убеждение, что в деле защиты родины пролетариата принесет пользу и Югославия, уже не как санитарный кордон вокруг большевизма, а как заслон, выставленный СССР вместе с другими государствами Средней и Юго-Восточной Европы перед Гитлером. Хотя еще на областной конференции в декабре 1934 г.

¹ Berić G. Zbogom XX. stoleće. Sećanja Ive Vejvode. Zagreb: Profil knjiga, 2013. S. 216.

² РГАСПИ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 494.

³ AS. Dedijer. Т. е. 111. Magnetofonska snimka. S. 55.

высказывалось мнение, что королевство Карагеоргиевичей необходимо разрушить, КПЮ, конечно, сразу же приняла новую линию. Ее ЦК констатировал, что остается верен принципу самоопределения народов и их права на отделение, но, «учитывая современное международное положение», считает нужным сохранить Югославию. Любые действия в противоположном направлении были бы на пользу фашизму и его военным планам¹. Политбюро разъяснило эту позицию в письме, адресованном всем руководящим структурам КПЮ, и никто открыто не выразил несогласия. Однако преодолеть настороженное отношение многих «товарищей» к Югославии было совсем не просто².

Что касается Вальтера, то во время VII Конгресса возникла конфликтная ситуация. В середине августа встал вопрос, кто станет новым постоянным представителем КПЮ в Исполкоме Коминтерна. Группа делегатов, неожиданно приехавшая в Москву из Югославии, предложила, чтобы эту престижную должность занял Броз, хотя среди членов ЦК у него был наименьший партийный стаж. В партийных верхах произошла жаркая дискуссия, в результате которой все, включая и Горкича, поддержали кандидатуру Вальтера. Однако это был просто маневр. Горкич и его окружение сразу же выразили свой протест Дмитрию Захаровичу Мануильскому, представителю Сталина в Коминтерне, аргументируя его тем, что избрание Броза укрепит «фракционность» в партии. Мануильский, близкий друг Горкича, очень рассердился и не утвердил решения югославской делегации. Он сказал: «Раз вы не выбрали Горкича, единственного из вас, кому Коминтерн доверяет, мы не позволим вам иметь своего члена в Коминтерне, только кандидата; и этим кандидатом будет Горкич. Пусть это послужит вам наказанием»³. Это был первый знак, свидетельствовавший о том, что КПЮ не пользуется большим авторитетом в Москве. Позже Тито рассказывал: «Тогда я заметил, что что-то в отношении к нам было неладно. Должно быть, без черта не обошлось. Димитров как-то спросил меня: “Скажи мне, Вальтер, у вас вообще есть партийные организации?” Я ответил, что есть. В ответ он сказал, что получает донесения, из которых можно заключить, что в нашей стране нет партийных организаций. О нашей партии судили по ее руководству в Вене. А в Вене все настолько переругались, что это был настоящий позор»⁴.

Конфликт, о котором говорил Вальтер, явился следствием политики, которую пытался проводить Горкич после недавнего конгресса Коминтерна. Он полагал, что в новых, более либеральных условиях, сложившихся

¹ *Bajt A. Bermanov dosje. S. 784, 870–874; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 140.*

² *Cenčić V. Titova poslednja ispovijest. S. 73; Чолакович П. Записки об освободительной войне в Югославии. М.: Прогресс, 1965. С. 43.*

³ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 53; Spomini tovariša Tita na slavno preteklost; AS. Dedijer. T. e. 111. Magnetofonski snimak. S. 55, 56; Adamič L. Orel in korenine. S. 425.*

⁴ *Spomini tovariša Tita na slavno preteklost.*

в Югославии после убийства короля Александра, было бы целесообразно достичь договоренности с другими оппозиционными силами, которые заявили о себе на выборах в мае 1935 г. и добились на них успеха. Для осуществления этой цели он даже был готов заключить союз с социалистами и создать с ними единый блок. Хотя казалось, что с приходом к власти нового премьера Милана Стоядиновича полицейское давление на левых немного уменьшится и хотя социалисты приняли радикальную программу, открывавшую путь к сотрудничеству между партиями, другие члены ЦК всё же воспротивились политике такого тесного союза¹.

Вальтер тем временем залечивал рану, нанесенную его самолюбием, так что в конце августа и первой половине сентября он сопровождал югославских делегатов в их длительном путешествии по Советскому Союзу. Они осмотрели крупные заводы и колхозы и отправились на Урал. Их разочаровало многое из того, что они увидели. Но они оправдывали всё отсталостью России и огромными трудностями, с которыми она сталкивалась, находясь во враждебном мире. Так же думал и Броз: «Мой революционный долг тогда заключался в том, чтобы не критиковать это и не помогать иностранной пропаганде против этой страны, ведь в то время СССР был единственной страной, где свершилась революция и где было необходимо построить социализм. <...> Я чувствовал сильное внутреннее отторжение того, что видел, но я оправдывал русских коммунистов, полагая, что невозможно быстро всего достичь, хотя с октября 1917 г. прошло уже довольно много времени, более семнадцати лет...»²

А в Югославии всё еще шла ожесточенная борьба между внутривнутрипартийными фракциями. Поскольку югославской полиции удалось посадить в тюрьмы несколько видных коммунистов, которые на допросах выдали товарищей, зимой 1935/1936 г. начались массовые аресты. Бывали периоды, когда за стенами находилось от 60 до 70% всех членов партии, так что она была истреблена почти под корень, особенно в Черногории, Далмации, Хорватии, Славонии, Сербии, Македонии, Боснии и Герцеговине³. Стало понятно, что надежда на либерализацию, возникшая в связи с приходом к власти Стоядиновича, была необоснованной, что дало оппозиции козыри против Горкича. В апреле 1936 г. он был вынужден срочно созвать Пленум ЦК КПЮ, не сообщив об этом заранее Коминтерну и не дождавшись прибытия его представителя. В Москве это вызвало сильное недовольство, как и то, что на Пленуме он не смог добиться принятия директив VII Конгресса Коминтерна о создании народного фронта. Члены КПЮ, присутствовавшие

¹ Swain G. R. Tito: the Formation of a Disloyal Bolshevik // International Review of Social History. 1989. Vol. XXXIV. No. 2. P. 250, 251.

² Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 223, 224; Vol. III. S. 53, 189; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 46; Bondarev V. N. Misterija Tito. S. 120–126.

³ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413; Ф. 539. Оп. 3. Д. 1390. С. 19; Ф. 495. Оп. 74. Д. 584. С. 78; Chissold S. Dilas. The Progress of a Revolutionary. London: Maurice Temple Smith, 1983. P. 29; Чолакович Р. Записки. С. 41.

на Пленуме, приняли ряд резолюций о работе и тактике партии, в которых отвергалась любая возможность сотрудничества с социалистами, и Горкич оказался в изоляции¹. В связи с этим секретариат Коминтерна 15 августа 1936 г. сформировал «большую комиссию» для подготовки доклада по «югославскому вопросу». На заседании Димитров выступил с критикой обстановки в КПЮ, отметив, что следует найти другие формы (работы), чтобы югославская партия заняла правильную позицию по всем вопросам. Нельзя допустить, чтобы Югославия стала фашистским государством². Решения апрельского пленума были признаны недействительными и было решено сменить руководство партии. Старания Горкича достичь соглашения с силами оппозиции в Коминтерне учли, однако стали задаваться вопросом, способен ли он овладеть ситуацией и не ошибся ли, с самого начала не попросив у Москвы совета, как проводить правильную политику³.

В середине марта 1936 г. Вальтер перестал работать в Коминтерне. Причины этого не вполне ясны, но, по всей видимости, он тогда прослушал курс лекций о тактике ведения партизанской войны, организованный Коминтерном в так называемой «партизанской гимназии» в Рязани. Тем временем началась гражданская война в Испании, и Советский Союз принял в ней участие на стороне республиканского правительства. Сталин провозгласил: «Дело Испании — это дело всего прогрессивного человечества». Поскольку было необходимо остановить «контрреволюцию» путчиста генерала Франсиско Франко, пользовавшегося поддержкой Гитлера, Муссолини и Ватикана, он приветствовал отъезд на испанский фронт свободомыслящих добровольцев, объединенных в интернациональные бригады. Обязанностью Вальтера стала их вербовка в Югославии, где он появился в августе 1936 г. в облике элегантного австрийского туриста, направляющегося в Далмацию⁴. А уже в конце месяца он вернулся в Москву, поскольку известно, что он принял активное участие в обсуждении внутреннего положения в КПЮ. Он предоставил кадровикам ИККИ ряд сведений «о членах и кандидатах в члены ЦК», при этом не скупился на критические замечания, хотя и не скрывал их положительных качеств. Во всяком случае, он никого не обвинил в троцкизме, что в те времена в Москве было бы смертельно опасно. На основе разработанных предложений комиссия под председательством Димитрова 19 сентября приняла решение перевести оперативное руководство КПЮ на родину, а за границей оставить только представительство, которое должно осуществлять связь с Москвой, работать среди эмигрантов и издавать партийную

¹ *Swain G. R. Tito: the Formation. P. 251; Očak I. Gorkić. S. 244.*

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1109. С. 4–6; *Klinger W., Kuljiš D. Tito. Neispričane priče. S. 131.*

³ *Swain G. R. Tito: the Formation. S. 251; Idem. Tito and the Twilight of Comintern / Eds. T. Rees, A. Thorpe // International Communism and the Communist International, 1919–43. Manchester: Manchester University Press, 1998. P. 209.*

⁴ *Adamič L. Orel in korenine. S. 428–430; Simić P., Despot Z. Tito. Strogo poverljivo. S. 63–66.*

литературу. Секретариат поручил Мануильскому и отделу кадров подготовить проект по вопросу о составе партийного руководства¹.

Через неделю, 25 сентября, секретариат ИККИ, во главе которого тогда стоял Эрколи (Пальмиро Тольятти), обсудил вопрос о «вине руководящих товарищей» КПЮ в сложившихся обстоятельствах и назначил для расследования этого дела особую комиссию в составе трех человек². Вальтер 16 октября написал для нее длинное донесение, в котором подверг критике кадровую политику, проводившуюся до того времени партийным руководством. Он считал, что на ключевые посты, имевшие решающее значение для работы на родине, оно выдвигало не проверенных людей, а тех, о ком имело сведения из вторых рук. Поэтому среди них оказались корыстные люди и провокаторы. Также ЦК вовремя не отозвал партийцев, находившихся под угрозой ареста, что привело к тому, что на допросах они «предали». Вину за всё это он возлагал главным образом на Горкича, который слишком легковверен и ставит палки в колеса людям, желающим работать. Для исправления положения в партии он предлагал, чтобы за отбор кадров отвечали максимум два члена Политбюро, которые должны позаботиться о назначении на ключевые посты зрелых товарищей, заслуживающих доверия не только из-за политических убеждений, но и благодаря своему опыту. Поэтому нужно послать из Москвы на родину всех старых коммунистов, пользовавшихся известностью в массах и имевших контакты как с социал-демократами, так и с «мелкобуржуазными» группами. Они будут незаменимы для создания единого рабочего и антифашистского народного фронта. При этом он зашел настолько далеко, что даже упомянул о двух товарищах, исключенных из партии, да еще и достаточно жестко высказал свое мнение по поводу недостатка конспирации в самом Коминтерне: в курсе его конфиденциальных дел были люди, которым не положено было о них знать. Полемизируя с Горкичем, который предлагал оставить за границей двух партийцев, он полагал, что будет достаточно одного, чтобы предотвратить опасность формирования двух противоборствующих руководящих центров — за границей и дома. За границей пусть останется Горкич с небольшим техническим аппаратом и одним товарищем, не входящим в ЦК, — последний должен стать редактором партийной газеты *Proleter*. Он прямо высказал, с кем ему не хотелось бы сотрудничать в партийном руководстве на родине (Камило Хорватин — Петровский) — поскольку уже в Москве стало понятно, что они не могут работать вместе. При этом нельзя сказать, что он хотел навредить Петровскому, — он предлагал назначить его представителем КПЮ при Коминтерне³. В этом первом донесении Броза, посвященном вопросам организации партии, дается немало резких оценок, однако вовсе не следует считать его доносом. Оно не осталось

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1135; *Dimitrov G. Diario, Gli anni di Mosca (1934–1945)*. Torino: Einaudi, 2000. S. 48.

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1134.

³ Там же.

незамеченным и распространилось среди широкого круга сотрудников руководства ИККИ, которые получили дополнительное доказательство, что этот человек заслуживает доверия¹.

В тот же день, когда он отдал это донесение, 16 октября 1936 г., Вальтера отправили в Вену с 200 долларами в кармане и югославским паспортом на имя Ивана Кисича². Через много лет он с благодарностью вспоминал о Димитрове и Пике, которые помогли ему «выбраться из Москвы», обстановка в которой из-за сталинских чисток всё больше накалялась. Хуже всего были ночные аресты в «Люксе». «Раздавались крики женщин и детей, от которых волосы на голове вставали дыбом»³. Ситуация в австрийской столице была отчаянной, поскольку полиция за несколько недель до приезда Броза арестовала большую часть партийного руководства. Среди тех, кто оказался за решеткой, были Ловро Кухар — Валич, известный под писательским псевдонимом Прежихов Воранц, Карел Худомаль — Оскар и Иван Марич — Железар. Через восемь дней Вальтер снова вернулся на родину, но уже с новыми полномочиями, расширившими его компетенции. Он получил задание возглавить и укрепить партийную организацию, расколовшуюся в период диктатуры короля Александра, а также продолжать оказывать содействие отправке добровольцев в Испанию⁴. Уже в начале декабря он снова был в Вене, куда вернулся из Москвы и Горкич. Он приехал с хорошими новостями — Коминтерн, несмотря на критику в его адрес, оставил его в должности генерального секретаря КПЮ и даже наградил, предоставив ему право вето на любое решение партийного руководства на родине. До тех пор таких прав в Югославской коммунистической партии ни у кого не было. Помимо прочего, Коминтерн исключил из ЦК его «левых» противников и назначил новое руководство. Тридцатитрехлетний Горкич сиял от радости, ведь было очевидно, что в Москве у него есть влиятельные заступники⁵.

Вальтеру, по его словам, «показалось странным», что Горкич получил право вето. Ведь это означало, что он может от имени Коминтерна по своему усмотрению формировать политическую линию и устанавливать связи с югославскими оппозиционными силами. Что он и сделал в надежде, что таким образом КПЮ примет участие в общинных выборах, которые должны были состояться в декабре 1936 г. Он поручил Вальтеру «любой ценой» наладить сотрудничество с социалистами, невзирая на то, под каким названием партия выйдет на общественную сцену. С тезисом Горкича о том, что необходимо заключить договор с оппозицией, даже если партия при этом

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 228, 229.*

² *Šimić P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 87.*

³ *AS. Dedijer. T. e. 236. Pričevanje Tita Beri Badurinu.*

⁴ *Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 63; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 57–80.*

⁵ *Očak I. Gorkić. S. 250; Čolaković R. Kazivanje o jednom pokolenju. Sarajevo; Beograd: Svjetlost; Prosveta, 1977. Vol. III. S. 289, 299.*

потеряет свою идентичность, обнародованном им в ряде брошюр, Вальтер не был согласен, ведь социалисты требовали, чтобы коммунисты ликвидировали свои нелегальные структуры. С его точки зрения, это положение напоминало то, которое сложилось в России в 1907–1914 гг., когда меньшевики требовали «ликвидировать» нелегальные партийные комитеты, чтобы стало возможным сотрудничество с либералами. Тогда Ленин воспротивился «ликвидации». В конце 1936 г. Броз придерживался того же мнения¹. Однако он не задавал вопросов и не возражал, тем более что Коминтерн решил: он сам будет работать в Югославии и нести ответственность за то, что происходит у него на родине². «Я ничего не хотел говорить, поскольку Горкич имел все полномочия. Я был доволен, что мог вернуться домой»³. В середине декабря 1936 г. он уехал с поддельным паспортом, но не с тем, который приготовил для него Горкич. Также он не следовал тем маршрутом, который тот ему порекомендовал, «ведь часто случалось, что товарищей, которым Горкич доставал паспорта, на югославской границе сразу же арестовывали...»⁴ Он посетил Люблянну, Загреб, Белград и Сплит, в том числе и для организации крупной экспедиции добровольцев в Испанию. Завершив дела на родине, он в конце года вернулся в Прагу. Там у Броза состоялся разговор о запланированной отправке добровольцев с Горкичем, который являлся главным связующим звеном между Коминтерном (и НКВД) и советскими представителями на Пиренейском полуострове. Он узнал, что Горкич собирается перевезти добровольцев из Далмации в Испанию на пароходе и доверил организацию транспорта далматинцу Адольфу Муку — Лёви, кандидату политбюро, а для набора молодежи послал в Белград латвийскую коммунистку Брайну Фосс-Ненадову, у которой оказался совсем другой, нежели у Броза, подход к решению этой задачи. В то время как Броз утверждал, что набор следует проводить строго конспиративно, Фосс дала противоположные указания — о «широкой популяризации» экспедиции. Поскольку помимо этого она завязала контакты не с теми людьми, с кем он уже наладил связи, а совсем с другими, Вальтеру показалось, что, приняв такое решение, генеральный секретарь выразил ему недоверие. Между ним и Горкичем произошел серьезный конфликт⁵.

Дело было очень рискованным, и его нужно было организовать в строжайшей тайне, ведь полиция половины Европы, в том числе и югославская, была начеку и старалась не допустить отъезда добровольцев на испанский фронт. Поскольку набралось уже несколько сотен энтузиастов, готовых вступить в борьбу против фашизма, Горкич осуществил задуманное: в конце февраля 1937 г. он отправил из Марселя в Югославию корабль «La Corse»,

¹ *Swain G. R. Tito: the Formation. S. 252; Idem. Tito and the Twilight. S. 209; AS. Dedijer. T. e. 242. Kopija iz memoarova druga M. Đilasa. S. 34.*

² *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 52.*

³ *Spomini tovariša Tita na slavno preteklost.*

⁴ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 231.*

⁵ *Spomini tovariša Tita na slavno preteklost; Cenčić V. Enigma Kopinič. Vol. I, II. Beograd: Rad, 1983. S. 76.*

который должен был переправить добровольцев в Испанию. Он был убежден, что эта экспедиция займет особое место в международной акции в поддержку республиканской Испании, и ее успех убедит Коминтерн в организационных способностях КПЮ и, прежде всего, его самого. «Это вернет нам авторитет, значительно пошатнувшийся из-за наших раздоров»¹.

Но экспедиции не сопутствовала удача. Из-за того, что ее организацией занимались люди Горкича, которые не умели держать язык за зубами, жандармерия узнала о готовящейся акции. В ночь с 28 февраля на 1 марта 1937 г. корабль, за наем которого было заплачено 750 тыс. франков, задержали у Будвы. Около 500 молодых черногорских крестьян, собиравшихся сесть на него, чтобы доплыть до Испании, оказались в тюрьмах. Это была самая масштабная акция по задержанию левых из всех, что удалось осуществить белградскому правительству². Мук, которого полиция арестовала вместе с Фосс, рассказал всё, что знал, еще до начала допроса, и это усугубило катастрофу. К счастью, по словам Джиласа, о новой организации партии он ничего не знал³. Наряду с Горкичем в срыве операции обвинили и Вальтера. На него обрушилась лавина обвинений, которые чуть не стоили ему головы. Тито впоследствии с презрением говорил, что на руководящую должность Мука принял Горкич. «Вы только подумайте, он ввел в ЦК человека, который был то ли владельцем, то ли управляющим кофейни в Будве, хотя в партии его совсем не знали, и у него не было никакой квалификации: он являлся представителем мелкой буржуазии»⁴.

* * *

На родину Йосип Броз вернулся издерганный и встревоженный; было ясно, что он чувствует облегчение, снова получив возможность работать нелегально в Югославии, пусть даже «милитаристской» и «монархической». Несмотря на то что он познакомился со всеми ужасами сталинской Москвы, где каждую ночь ожидал, что его разбудит «роковой стук в дверь»⁵, он всё еще был твердо убежден, что советский путь к социализму является верным и что без беспощадной борьбы с «классовым врагом» невозможно коренным образом изменить существующую действительность⁶. Поскольку со времени процесса 1928 г., когда во всех газетах была напечатана его фотография,

¹ Čolaković R. Kazivanje. Vol. III. S. 21, 47–50, 492.

² Dedijer V. Novi prilozii. Vol. I. S. 236–238; Simić P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 94, 95; Clissold S. Dilas. P. 31; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 48, 49; Spomini tovariša Tita na slavno preteklost; Ridley J. Tito. A Biography. P. 130; Adamić L. Orel in korenine. S. 435; AS. Dedijer. T. e. 242. Kopija iz memoarov druga M. Dilasa. S. 50; Očak I. Gorkić. S. 257, 258.

³ Dedijer V. Novi prilozii. Vol. I. S. 238; AS. Dedijer. T. e. 242. Kopija iz memoarov druga M. Dilasa. S. 50; Чолакович П. Записки. С. 51, 52.

⁴ Spomini tovariša Tita na slavno preteklost; Čolaković R. Kazivanje. Vol. III. S. 625.

⁵ Maclean F. Disputed Barricade. The Life and Times of Josip Broz-Tito Marshal of Jugoslavia. London: Jonathan Cape, 1957. P. 103–104.

⁶ Dilas M. Tito. S. 75.

не прошло и десяти лет, и его внешность еще не сильно изменилась, он стал красить волосы в черный цвет. Иногда он менял внешность недостаточно умело. Когда через год, впервые встретившись с ним по приезду в Белград, молодой журналист Владимир Дедиер предостерг, что его «могут разоблачить», он беззаботно ответил: «Знаешь, мне надо было поторопиться, к тому же мне не хватило краски». Даже мать Дедиера обратила внимание на то, что в облике друга ее сына что-то не в порядке: «Он, наверное, опасен, у нас дома таких людей еще не бывало. Посмотри! У него французская зубная паста, а мыло — чешское!»¹ Не только туалетные принадлежности Броза вызывали удивление, еще больше привлекало внимание то, что он говорил на сербохорватском языке со странным акцентом, который было трудно распознать. Помимо немецкого и русского языков, на которых он мог изъясняться более-менее свободно, он немного знал французский, чешский, венгерский и киргизский языки. Впоследствии он также усовершенствовал свой английский, который начал изучать в тюрьме, читая еженедельник *The Economist*. Из-за того, что он знал несколько языков, но при этом владел ими недостаточно хорошо, было сложно определить его настоящее происхождение.

За несколько месяцев до его смерти американское Агентство национальной безопасности опубликовало в своем ведомственном журнале *Cryptological Spectrum* статью, в которой утверждалось, что на основании определенных фонетических и морфологических признаков выявлено, что Тито — это не Йосип Броз, а русский или поляк, взявший его имя в 1930-х гг. Статья была анонимной, но из текста видно, что ее написал специалист². На это можно возразить, что в документах Коминтерна о Брозе такой информации нет. Это вовсе не означает, что сам Советский Союз не распространял слухов о Тито, когда в 1948 г. у него произошел конфликт со Сталиным. Тогда по Московскому радио передавали следующую историю: настоящий Йосип Броз был убит в 1915 г. на русском фронте. Его форму и документы присвоил какой-то дезертир из царской армии, вероятно, «еврейский буржуй», сын торговца мехом из Одессы. Как его отец надувал своих покупателей, так и этот авантюрист, у которого семь разных паспортов, обманывает югославских трудящихся³.

Броз часто организовывал встречи в Самоборе, маленькой общине, расположенной в 18 км к западу от Загреба, где политической полиции не было, а жандармы не имели навыков борьбы с коммунистами⁴. Опорой его была молодежь, которая еще в то время из-за разницы в возрасте звала его «Старым»,

¹ *Glgorijević M.* Rat i mir Vladimira Dedijerja. Sećanja i razgovori. Beograd: Narodna knjiga, 1986. S. 44.

² Is Yugoslav President Tito Really a Yugoslav? URL: https://www.nsa.gov//public_info/ files/cryptologic_spectrum/ str. 159

³ *Razumovsky A.* Ein Kampf um Belgrad. Tito und die jugoslawische Wirklichkeit. Frankfurt am M.; Wien: Ullstein, 1980. S. 145, 246.

⁴ Zagreb i Hrvatska u Titovo doba / Ur. T. Badovinac. Zagreb: Savez društava «Josip Broz Tito» Hrvatske, 2004. S. 52.

что он воспринимал вполне благожелательно. Это прозвище придумали белградские студенты Милован Джилас и Иво Лола Рибар, сын влиятельного загребского адвоката и политика, и называть так Броза дозволялось лишь тем, кто входил в узкий круг его товарищей¹.

Броз доверил Лоле руководство Союзом коммунистической молодежи Югославии (СКМЮ), в котором на тот момент не было секретаря, и вскоре включил его в число своих ближайших сподвижников. Между тремя товарищами сложился некий симбиоз, для которого, по словам Джиласа, были характерны почти семейные «кровные» узы. Молодые люди видели в Старом своего духовного отца, а друг к другу относились по-братски².

* * *

Диктатура короля Александра и кризис, наступивший в политической жизни Югославии после его убийства 9 октября 1934 г., привели к тому, что многие студенты стали вступать в ряды коммунистов. Они не были связаны с сектантами и видели в ленинско-сталинской партии единственно возможную модель необходимого обществу обновления. Они верили в нее безусловно. Их не смущали известия о разгуле террора в Советском Союзе, если они вообще до них доходили и если они вообще к ним прислушивались³. Они были незрелыми интеллектуалами, идеалистами, утопистами-энтузиастами и без колебаний выбрали Броза своим вождем⁴. «Старый — самый ценный человек в нашей партии!» — было их общим мнением, хотя большинство из них не знали ни того, кем он является, ни того, какие задачи выполняет⁵. По свидетельствам современников, Броз предпочитал жить в тех квартирах, которые обеспечивали ему «скоевцы», как по советскому образцу называли молодое поколение, а не в тех, что находили для него партийцы: в то время среди членов КПЮ часто происходили аресты, тогда как молодежи они не коснулись⁶.

В убеждении, что следует избавиться от сектантов и отбирать партийцев соответственно новым критериям, Броз начал сколачивать свою группу из людей, работавших на фабриках, в мастерских, школах и пользовавшихся доверием коллег благодаря своему авторитету. И в этом он добился успеха. В числе первых из тех, кого он набрал в свою команду, помимо Джиласа и Рибара, был молодой сербский рабочий Александр Ранкович — Лека, который как раз тогда вернулся из армии по окончании срока службы⁷. Присоединился к ним и словенец Эдвард Кардель, с которым Броз уже встречался в Любляне и Москве. Между молодежью и Старым сложились товарищеские отношения — в противоположность той напряженности, которую Коминтерн

¹ Dilas M. Tito. S. 261.

² AS. Dedijer. T. c. 242. Kopije iz memoarov druga M. Dilasa. S. 221.

³ Dilas M. Tito. S. 100.

⁴ Ibid. S. 115.

⁵ Stefanović M. Podpis: Tito. S. 18.

⁶ Zagreb i Hrvatska. S. 51.

⁷ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 233.

раздувал среди членов своей «фирмы». Тито любил говорить: «Если кто-то ошибся, найди для человека подходящие слова, а не уничтожай его. Так создается доверие»¹.

В группе молодых загребских «левых» Броз встретил свою новую любовь, Герту Хаас, миловидную студентку Высшей коммерческой школы, по происхождению — немку из Марибора. С ее помощью он установил в хорватской столице контакты с кругом интеллектуалов, в который входил адвокат Владимир (Влатко) Велебит, ставший во время войны одним из его ближайших сподвижников, а в послевоенный период — крупным дипломатом². С помощью этих молодых коммунистов или людей, сочувствующих партии, Вальтер стал одним из главных организаторов забастовок на верфи в Кралевице и в Трбовле, которые вызвали сильное беспокойство в предпринимательских кругах всей Югославии. Им он стал известен как опасный агент Коминтерна: звали его якобы Бросц, и он был сыном чешского еврея и венгерки, во время войны служил в австрийской армии и был взят в плен русскими. Во всяком случае, именно это рассказал британской писательнице и путешественнице Ребекке Вест шотландец А. С. Хови, в то время управлявший рудником в Трепче³.

Усилия Броза организовать и сплотить вокруг себя новую кадровую структуру, которой удалось внедриться даже в высшие круги, встретили резкое противодействие со стороны старой гвардии политических заключенных⁴. Они основали мощный агитационный центр в тюрьме г. Сремска-Митровица, куда входило около 150 человек. Вероятно, как по численности, так и по сплоченности это была самая сильная партийная организация в Югославии. Ее члены считали КПЮ своим феодалом и воспринимали ее как замкнутую секту, их даже называли «ваххабитами», поскольку своим фанатизмом они походили на арабских фундаменталистов-экстремистов. С 1934 г. ими руководил член ЦК КПЮ, 37-летний черногорец Петко Милетич — Сепо, имевший за плечами бурное прошлое: в 1919 г. он принял участие в венгерской революции, а после ее поражения пытался высечь искру восстания и в только что созданной Югославии. Он два года скрывался в черногорских лесах, долгое время сидел в тюрьме, а затем эмигрировал в Москву, где учился в партийных школах. Там он стал догматиком и уверился, что в политической борьбе необходимы интриги, но по сути так и остался крестьянским бунтовщиком, не имевшим настоящего политического образования. В начале 1930-х гг. он стал членом ЦК КПЮ, а уже в 1932 г. вновь попал в руки югославских жандармов. Его пытали, а затем осудили на семь лет тюремного заключения. В Сремска-Митровице у него был ореол героя, который, несмотря на пережитые им мучения, никого не выдал, не подписал

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 317.*

² *Velebit V. Svjedok. S. 57, 463; Simčić N. Ženske. S. 167.*

³ *Ridley J. Tito. A Biography. P. 123.*

⁴ *Cenčić V. Enigma. Vol. II. S. 106, 197.*

ни одного признания, как и положено настоящему коммунисту. Так он приобрел славу несгибаемого партийца, который никогда не пойдет на сотрудничество с «классовым врагом», и большое влияние — прежде всего среди молодых членов партии в тюрьме и на воле¹. Странники просто обожали его, о нем пели народные песни, и даже одна из противотанковых батарей интернациональной бригады в Испании носила его имя². «Они хотели начать акцию, — пишет Джилас. — Искали сильного вождя, и казалось, что им может стать Петко Милетич»³. Когда начала восходить звезда Броза, Петко сразу же увидел в нем опасного соперника и начал интриговать против него; при этом он пытался повлиять на политику всей КПЮ, не ограничиваясь той ее частью, что находилась за тюремными запорами⁴. И не без успеха, ведь он был чрезвычайно популярен в партии и к тому же имел серьезные связи за рубежом, в первую очередь в Москве. Об этом красноречиво свидетельствует статья, опубликованная осенью 1937 г. в немецком органе Коминтерна *Rundschau*. В нем было написано, что в заточении Милетич ведет «по-большевистски» жесткую борьбу против троцкистов и «в том, что касается воспитания кадров, открывает новую страницу в истории нашей партии»⁵.

В этой напряженной обстановке Броз продолжал последовательно осуществлять свою программу: одной из его первых инициатив стало воплощение в жизнь решения IV Конференции КПЮ, проведенной в Любляне в декабре 1934 г., и создание Коммунистической партии Словении. Это решение, которое Коминтерн одобрил еще перед VII Конгрессом, основывалось на понимании того, что коммунистическое движение в Югославии должно учитывать остроту национального вопроса и стремиться к его разрешению. Иначе оно не сможет укрепить свои позиции среди широких народных масс. Несмотря на то что у Горкича были большие сомнения по этому поводу, Эдвард Кардель успешно выполнил задачу в соответствии с указаниями Броза: 18 апреля 1937 г. в доме местного священника в Чебинах, недалеко от Трбовле, он организовал проведение I Съезда Коммунистической партии Словении (КПС), численность которой в то время составляла всего 200–300 человек⁶. В своем выступлении на съезде Кардель подчеркнул, что мелкую буржуазию не волнуют проблемы народа, тем более — его классовые интересы. Самое большее, что она может предложить, это культурную автономию в рамках Югославии. Но национальный вопрос не является только культурным или языковым вопросом. Поэтому решить его будет возможно лишь тогда, когда словенцы создадут свое государство, которое на основе права на самоопределение займет

¹ *Clissold S. Dilas. S. 25; Dilas M. Memoir of a Revolutionary. P. 175.*

² *Spomini tovariša Tita na slavno preteklost; AS. Dedijer. T. e. 223. Zapis o M. Dilasu.*

³ *Dilas M. Memoir of a Revolutionary. P. 181.*

⁴ *Banac I. Sa Staljinom protiv Tita. Zagreb: Globus, 1990. S. 74; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 54; Čolaković R. Kazivanje. Vol. III. S. 340.*

⁵ *Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 51.*

⁶ *Dedijer V. Novi prilozii. Vol. I. S. 235; Cenčič V. Titova poslednja ispovijest. S. 75.*

свое место в более широком государственном образовании — Югославии¹. Этому замыслу он оставался верен всю жизнь.

В ночь с 1 на 2 августа того же года была создана Коммунистическая партия Хорватии, основы которой заложил Броз на встрече, проведенной 16 делегатами в леске Аминдол у Самобора. Он планировал и создание Коммунистической партии Македонии, но до нее дело дошло только в 1943 г. Пока сербы в Югославии находились в привилегированном положении, о Коммунистической партии Сербии никто не думал. В разговоре с другом Йосипом Копиничем Броз объяснил ему, что хорваты и словенцы угнетены, они находятся под пятой Белграда. На это Копинич возразил, что угнетен также и сербский народ, и однажды отомстит ему за дискриминацию, которой подвергается². Возможно, поэтому Тито позже оценивал создание компартий Словении и Хорватии как ошибку, заложившую мину в основание будущей социалистической Югославии. По его мнению, оно укрепило разделение Югославии на православную и католическую части. Но, как он говорил, используя поговорку родного Загорья: «Поздно идти к мессе пополудни»³. Во всяком случае, создав обе партии, он дал новый импульс КПЮ, которая в то время возрождалась и нашла в нем нужного руководителя в нужный момент. Как вспоминал в конце жизни Коча Попович, «он был способен действовать независимо, у него была уверенность в себе, которая импонировала нам еще и потому, что раньше, работая в Коминтерне, он накопил большой опыт»⁴.

В конце марта 1937 г. Броз отправился поездом в Париж, где политическая атмосфера была лучше, чем в Вене, ведь у власти находился Народный фронт — коалиция социалистов, радикалов и коммунистов. Поэтому члены ЦК КПЮ во главе с Горкичем и другие видные югославские коммунисты переехали из Центральной Европы во французскую столицу. Среди них были и босниец Родолюб Чолакович, и Сретен Жуйович — Црни, один из наиболее образованных и решительных сербских коммунистов. Когда весной следующего года Гитлер осуществил аннексию Австрии, еще три словенца переселились из Вены в Париж: Борис Кидрич, его жена Зденка и Ловро Кухар. Последний руководил во французской столице партийным книжным магазином «Горизонт» и был посредником, отвечавшим за связь и почту. Это было общество интеллектуалов, и хотя Броз учился меньше, чем остальные его члены, он вовсе не был самым необразованным из них — благодаря своему богатому жизненному опыту и большой любви к книгам⁵. Они жили в дешевых квар-

¹ Jović D. Yugoslavia. A State that Withered Away. West Lafayette: Purdue University Press, 2009. S. 56.

² Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 39, 247, 295; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 69. Д. 272. С. 32.

³ Cenčić V. Titova poslednja ispovijest. S. 75; AS. Dedijer. T. e. 274. Najvažniji razgovor s Josipom Kopiničem, 05.09.1985.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 7. Koča Popović. Intervju // Danas. 1989. 07.02. S. 25; Kranjc M. F. Zarote in atentati na Tita. S. 300.

⁵ Zagreb i Hrvatska. S. 52, 55; AJ. 837. KPR. IV-5-b. K 49. Sećanje Tita na Prežihova Voranca i njihov zajednički rad u Parizu. Zabeleška J. Vilfana, 28.01.1956.

тиражах, или снимали комнаты в отелях, встречались в кафе и ходили скорее на представителей богемных кругов, чем на профессиональных революционеров. Как впоследствии вспоминал Тито, в Париже в 1937–1938 гг. он жил в разных местах, сначала в отеле «Латинские кварталы». В одном и том же *arrondissementu*¹ он не мог оставаться более двух месяцев, поскольку тогда был бы обязан встать на учет в полиции, поэтому он всё время переселялся из одного места в другое, хотя и старался жить поближе к центру².

Броз привез в Париж «интересную и оптимистическую» информацию с родины, как сказано в одном из сообщений Горкича Коминтерну и, как проверенный кадр, сразу же получил задание «ликвидировать» технический аппарат партии в Центральной Европе. Поэтому он не задержался в этом городе надолго, а продолжил путь — в Вену и Прагу. Выполнив задание, он в конце апреля вернулся на родину, в середине мая снова объявился в Париже, а в начале июня 1937 г. отправился в Загреб. «Это было опасно; я въезжал и выезжал через разные пограничные пункты Югославии, лишь бы полиция меня не запомнила»³. Тем временем произошло непредвиденное: 4 июля 1937 г. Горкич, подозревая худшее, по вызову Коминтерна уехал в Москву и больше не выходил на связь. «Его поглотила тьма», как он сам говорил о товарищах, сгинувших до него в темницах НКВД. Как уже упоминалось, еще в начале предыдущего года в ИККИ говорили, что руководство КПЮ наделало «больших глупостей» и его следует призвать к ответу⁴. Это не предвещало ничего хорошего, тем более что его собственная жена донесла, что он является агентом тайной полиции. Политику «ликвидационизма», которую он проводил, стремясь заключить договор с оппозиционными силами даже ценой уничтожения нелегальных структур партии, по всей видимости, в Москве не одобрили, как и провал экспедиции добровольцев в Испанию. Но и это ему могли бы простить, если бы он не попал под жернова разборок между высшими функционерами служб безопасности, с которыми контактировал, и они его перемололи⁵. Его арестовали 19 августа по ложным обвинениям в том, что он английский шпион и враг народа, и 1 ноября 1937 г. расстреляли⁶. В Париже об этом ничего не знали, хотя и говорили, что у Горкича «выбили почву из-под ног»⁷.

¹ Округ, район (*франц.*).

² AJ. 837. KPR. IV-5-b. K 49. Snimak «Café de l'Opera» u Parizu u kojoj je Tito često održavao sastanke za vreme boravaka u Parizu. Podaci o boravku Tita u Parizu pre rata. 28.04.1956.

³ Spomini tovariša Tita na slavno preteklost; *Očak I. Gorkić*. S. 282.

⁴ РГАСПИ. Ф. 485. Оп. 74. Д. 585; *Simić P. Tito. Skrivnost stoletja*. S. 97; AJ. 837. KPR. IV-5-b. K 49. Kratak posetnik o revolucionarnoj delatnosti Tita od 1936 do 1940; *Očak I. Gorkić*. S. 307, 319; *Čolaković R. Kazivanje*. Vol. III. S. 132.

⁵ *Čolaković R. Kazivanje*. Vol. III. S. 139, 140, 151.

⁶ *Simić P. Tito. Skrivnost stoletja*. S. 98; *Swain G.R. Tito: the Formation*. P. 252, 253; *Idem. Tito and the Twilight*. P. 210; *Adamič L. Orel in korenine*. S. 436.

⁷ Spomini tovariša Tita na slavno preteklost.

КПЮ была обезглавлена, поскольку помимо Горкича сгинул и Гржетич, ее представитель в Коминтерне. Родолюб Чолакович и Сретен Жуйович призвали Вальтера как можно скорее вернуться в Париж и предложили ему взять на себя руководство партией. Он подходил для этой работы больше, чем остальные члены ЦК, не только потому, что критически относился к Горкичу, но главным образом благодаря своему образцовому прошлому и рабочему происхождению¹. Сначала он колебался, принять ли предложение, но в конце концов дал себя убедить². Как неофициальный вождь партии он в конце августа сделал запрос в Коминтерн, почему нет ни вестей от Горкича и Гржетича, ни указаний из Москвы по поводу дальнейших действий. Поскольку ответа получено не было, через месяц он послал Пику телеграмму с этими же вопросами. И снова без ответа. Хуже того: югославские коммунисты в Париже столкнулись с финансовыми трудностями, так как приток денег из Москвы прекратился. О том, насколько шатким было положение Вальтера, свидетельствовал и тот факт, что он не смог получить от советских властей визы для въезда в СССР, несмотря на то что за него ходатайствовал А. М. Трилиссер, генерал ГПУ/НКВД из отдела кадров³. После нескольких месяцев неизвестности, в середине декабря 1937 г. пришло письмо от Пика, в котором он сообщил о падении Горкича и о том, что «Отто» (Брозу) дано новое поручение: принять на себя ответственность за руководство югославским «филиалом». Вскоре Броз узнал, что Горкича и его жену арестовали по обвинению в шпионаже. Эта новость его не удивила, поскольку он уже давно подозревал, что (как ему сообщили друзья из НКВД) Горкич состоит на службе у англичан, ведь он несколько дней провел в английской тюрьме⁴. Помимо того, он считал его «дутым» руководителем, поскольку свой опыт партийной деятельности Горкич получил за рубежом и не мог достаточно авторитетно представлять массы югославских трудящихся. Горкич, по его мнению, систематически наносил вред КПЮ, препятствуя продвижению тех ее членов, которые — как он сам — происходили из рабочей среды. Позднее Броз на основе расхожего в Коминтерне мнения даже обвинил его в том, что он вместе с некоторыми влиятельными сербскими националистами — в первую очередь Слободаном Йовановичем и Драгишей Васичем — намеревался «ликвидировать» партию⁵. «В стране его никто не знает, — с презрением писал он Димитрову о Горкиче, — кроме нескольких интеллигентов, не имеющих никакого влияния»⁶. А Луису Адамичу он впоследствии говорил,

¹ *Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 65; AS. Dedijer. T. e. 242. Kopija iz memoarov druga M. Dilasa. S. 58.*

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 588. С. 6.

³ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 319; Simić P., Despot Z. Tito. Strogo poverljivo. S. 81.*

⁴ *Dilas M. Tito. S. 85.*

⁵ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 239; Vol. II. S. 306, 342; Vol. III. S. 152; Drušković D. Prežihov Voranc. Pisatelj in politik. Celovec; Ljubljana: Drava, 2005. S. 243; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 586. С. 8, 9.*

⁶ *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 57.*

что Горкич, «без сомнения», был на службе королевского режима в Белграде, правительства Пилсудского в Варшаве, англо-французских интересов и иезуитов. С последними и с режимом Пилсудского он был связан через Центральный комитет Польской коммунистической партии, который какое-то время состоял исключительно из антикоммунистических агентов. Конечно, на ГПУ он тоже работал¹. Лишь в конце жизни Броз признал, что «Горкич не был шпионом, как его обвиняли»².

Вальтер, помимо временного руководства югославской партией, получил и другое важное задание, о котором нам мало что известно. На основе записи Йосипа Копинича, находящейся в архиве Дедиера, можно сделать вывод, что от Горкича он унаследовал и роль посредника между Советским Союзом и Испанией, в том числе и в делах, связанных с борьбой IV отдела НКВД против тамошних «троцкистов». Согласно документу из архива лидера французских коммунистов Мориса Тореза Броз якобы являлся в Париже руководителем штаба, в который входили итальянец Витторио Видали, хорват Иван Краячич — Стево, славонец Иван Сребрняк — Антонов и серб из Боснии и Герцеговины Влайко Бегович, заместитель руководителя НКВД при международных бригадах и начальник его оперативного центра в Альбасете. Все они были ликвидаторами³. Это самая таинственная глава в жизни Броза — сведений о ней мало. По его собственным словам, он уехал в 1936 или 1937 г. в Мадрид; по воспоминаниям шведской коммунистки Густы Стридсберг, он в 1938 г. появлялся и в Барселоне. Как утверждает Добрица Чосич, речь будто бы шла о кратковременных инспекционных поездках, связанных с организацией югославских участников гражданской войны, а также и о «других функциях, о которых мы еще не знаем». Возможно, он хотел присоединиться к интернациональным бригадам, чтобы участвовать в борьбе против фашистов, но товарищи не разрешили ему это сделать, говоря, что партии он больше нужен на родине и в Париже. Другую историю рассказывает Фред Коупман, английский коммунист, возглавлявший во время испанской войны британскую бригаду. По его словам, Броз под псевдонимом «Чашаев» якобы некоторое время руководил бригадой «Георгий Димитров», в которой сражались добровольцы из Центральной Европы и Балкан. «У меня сложилось впечатление, что он искренний и способный командир, хотя, что характерно

¹ *Adamič L.* Orel in korenine. S. 399.

² *Čavoški K.* Tito. Tehnologija vlasti. Beograd: Dosije, 1990. S. 83.

³ AS. Dedijer. T. e. 143. Zapis o Stevu Krajačiću; T. e. 188. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 74; T. e. 235. Pričevanje Kopinič; T. e. 236, Zapis Tito — Pariz — Španija 1937; Pricevanje Alberta Soboula; Pričevanje J. Kopinič, Istorijska ocena Titove uloge u Španiji, 16.09.1985; Pismo V. Dedijerja redakciji Danasa, 19.07.1988; 29.08.1988; *Kopinič J.* Intervju // Mladina. 1986. S. 9; T. e. 261. Rad 4, odseka u Albaceteu; T. e. 274. Najvažnejši razgovor s Josipom Kopiničem, 05.09.1985; Šentjunc. T. e. 40. Zabeležka razgovora tov. Lidije Šentjunc s tov. Vladimirom Dedijerjem, 15.05.1987 v Ljubljani.

для старых коммунистов, он слишком жестко реагировал на небольшие проступки»¹.

Неясно, был ли Броз одним из «los Russos», как называли испанцы членов интернациональных бригад, и принимал ли участие в ликвидациих «троцкистов», инсценированных советскими агентами в Испании. Уже в мае 1944 г. его обвинила в этом Эдит Веддербёрн в письме к британскому министру иностранных дел Энтони Идену. Она утверждала, что Броз организовал в Барселоне военные суды, перед которыми предстали «троцкисты» и другие повстанцы, не желавшие «принять диктатуру ГПУ, установленную в Испании в 1936–1937 гг.» Из другого письма, отправленного дипломатом Foreign Office Е. М. Роузом Элизабет Баркер, сотруднице отдела службы политической разведки, следует, что весной 1944 г. по Лондону ходили слухи о злодеяниях, совершённых Тито в Испании во время Гражданской войны². Писатель Андре Мальро рассказал известному американскому журналисту С. Л. Сульцбергеру о том, что встречал Тито на Пиренейском полуострове. А в июле 1966 г. французский журнал *L'Aurore* писал, что Тито «не хочет говорить об этом периоде своей жизни, поскольку его пребывание в Барселоне и Альбасете в конце 1936 г. совпало с убийствами, совершёнными чекистами, когда они ликвидировали ведущих югославских коммунистов»³. Вопрос в том, стоит ли доверять этому утверждению. Тем более что сам Тито в своем докладе о работе партии в последние годы дистанцировался от «ликвидаторов», которые к тому же еще вели фракционную борьбу и тем самым бесчестили партию. Но каких «ликвидаторов» он подразумевал? Также и тех, кто действовал по указаниям НКВД? Один из них, Иван Краячич — Стево, до конца жизни оставался его близким другом, причем, вероятно, их связывали не только взаимная симпатия, но и мрачное прошлое⁴. Возможно, что именно Броз привлек Краячича к разведывательной работе. Когда в 1948 г. произошел разрыв между Сталиным и Тито, последний, по словам Владо Дапчевича, на ужине с Ранковичем, Вукмановичем — Темпо и Краячичем сказал со злостью: «Смотрите, как они на нас нападают, а ведь мы им дали лучшие кадры. Даже я работал на Министерство государственной безопасности НКВД». Когда Краячич из предосторожности толкнул его ногой, чтобы он замолчал, Броз ответил, что ему нечего скрывать, ведь именно эти кадры и сидят рядом с ним⁵.

¹ *Copeman F.* Reason in Revolt. London: Blandford Press, 1948. URL: <http://spartacus-educational.com/SPdimitrov.htm>.

² Tito's sojourn in Spain // *The South Slav Journal*. 1982/1983. Vol. 5. No. 4 (18). P. 47, 48.

³ *Simić P.* Tito. Skrivnost stoletja. S. 92. См.: Specialni bilten Tanjuga, 30.07.1966.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 261. Ključne suprotnosti u odnosima druga Tita i Stefana; T. e. 298. Novi prilozi. Vol. IV. Osemnajsto poglavje. S. 65; *Lopušina M.* Ubij bližnjeg svog. Jugoslovenska tajna policija 1945/1995. Beograd: Biblioteka «Revija 92», 1996. S. 21, 22.

⁵ *Lopušina M.* Ubij bližnjeg svog. S. 22, 23.

О своем пребывании в Испании Тито в 1949 г. вскользь говорил Луису Адамичу, затем Владимиру Дедиеру. Тот внес эти сведения в его «автобиографию», опубликованную в журнале *Life* в 1952 г. В расширенном югославском издании этого текста их изъяли по требованию самого Тито¹. Воспоминания об Испании явно были ему неприятны, в особенности если принять во внимание рассказ Лео Матеса, хорватского революционера еврейского происхождения, который после войны в основном состоял на дипломатической службе, а в 1958–1961 гг. был главным секретарем президента республики. Матес заявил Дедиеру, что Броз в Испании оказывал Советскому Союзу «грязные услуги», ведь он занимался там «чисткой». Вальтер и сам упомянул об этом в 1939 или 1940 г. на обеде в своем загребском доме. Он неожиданно сказал коммунистке-агитатору Анке Буторац, присутствовавшей за столом: «Я твоего “товарища” в Испании послал на смерть»². «Товарищем» был Благое Перович, известный сербский коммунист и потенциальный лидер КПЮ, который находился в немилости у Коминтерна и был убит 6 июля 1937 г. недалеко от Мадрида при загадочных обстоятельствах. Он получил приказ начать почти самоубийственную атаку (если только, как подозревали многие, не получил пулю в спину от агента НКВД).

Борьба против «параллельного центра»

Арест Горкича черной тенью лег на КПЮ. Югославских коммунистов, особенно тех, кто находился в Советском Союзе, Франции и Испании, неожиданно стали подозревать в «троцкизме». По всей видимости, троцкизм больше всего распространился, наряду с российской, в польской и югославской партиях, попавших из-за этого под жестокий удар. Польскую компартию Коминтерн просто распустил. Как пишет в своих воспоминаниях Густо Стридсберг, казалось, что югославы стали жертвами политической эпидемии. «В первую очередь немецкие коммунисты, но также и другие относились к ним настороженно, как к прокаженным, которых лучше избегать. Их не звали на многие политические собрания <...> И вновь я узнала, что в Москве всех югославов допрашивают, и что арестованный Горкич проводит последние дни жизни, пытаясь в своей исповеди возложить вину на других»³.

В обстановке всеобщего смятения, когда само существование КПЮ находилось под вопросом, далматинец Марич — Железар и черногорец Лабуд Кусовац — Обаров, при поддержке КП Франции, а также определенных кругов Коминтерна, создали так называемый «параллельный центр» среди югославских коммунистов в Париже. Сначала они предложили Вальтеру

¹ *Adamič L.* Orel in korenine. S. 434; *Simić P.* Tito. Skrivnost stoletja. S. 93.

² AS. Dediđer. T. e. 271. Pričevanje Lea Matesa, 24.09.1982.

³ *Stridsberg G.* Mojih pet življenj. Maribor: Založba Obzorja, 1971. S. 411.

сотрудничать с ними и вместе сформировать коллектив, который временно возглавит партию. Взамен же потребовали убрать всех, кого Горкич поставил на руководящие должности, прежде всего — Чолаковича, Жуйовича и Кухара, считая, что они следовали его ошибочной линии. Хотя Броз и в самом деле послал Чолаковича в Испанию с заданием организовать политические курсы для находившихся там югославских борцов, Марич и Кусовац не были удовлетворены: Жуйовича он оставил во Франции, а Кухара самовольно, без предварительного одобрения Коминтерна назначил представителем партии в Париже и редактором ее органа *Proleter*¹. Несмотря на то что Марич и Кусовац раньше и сами были связаны с Горкичем, они стали его заклятыми врагами после того, как в 1936 г. их исключили из ЦК КПЮ. Его гибель предоставила им возможность свести счеты с теми, кто с ним сотрудничал. Вальтер не пошел им навстречу, потому что этих людей назначил на их должности ИККИ, но более вероятно, что он просто ни с кем не хотел делить верховную власть. При этом он сослался на указания, данные Пиком в конце декабря 1936 г., согласно которым Горкич должен был руководить партией за границей, а сам он — на родине. Теперь, когда Горкича не стало, он считал, что несет ответственность за всю партию. Он заявил, что будет работать так, как, по его мнению, необходимо, и приглашать на заседания Политбюро тех, кого сочтет нужным. Кроме того, он стал отсылать из Парижа членов партии, от которых хотел избавиться. Поэтому у Марича возникло подозрение, что он пытается сконцентрировать всю власть в своих руках. Вместе с Кусовацем и его женой Кристиной, сотрудницей советской секретной службы, он начал активно интриговать против Вальтера, утверждая, что тот ведет себя чересчур своевольно, не имея никакого мандата от ИККИ, о чем свидетельствует тот факт, что последний больше не финансирует КПЮ. Они перестали подчиняться директивам Броза и действовали совершенно самостоятельно. Они установили связь с Петко Милетичем в Сремска-Митровице, объявив его «достоинством партии», хотя и не отрицали, что в прошлом он совершал кое-какие «ошибки»². Как будто этого было мало, к ним присоединился еще и Иван Сребрняк — Антонов, агент советских военных служб, который стал обвинять Броза в том, что при обновлении партии он опирается на таких молодых соратников, как Борис Кидрич или Лола Рибар, а они оба — из мелкобуржуазных семей и сыновья масонов. Значит, все они на службе у югославской буржуазии. Также он отметил, что у Вальтера в Москве была любовная связь с некоей Эльзой, членом КП Германии, которую НКВД подозревал в том, что она служит в гестапо. А еще — будто бы его курьером, доставлявшим почту из Парижа в Югославию и обратно,

¹ Swain G. R. Tito: the Formation. P. 253, 254.

² Dilas M. Tito. S. 81; Kisić Kolanović N. Hebrang. S. 32; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 45, 46, 48, 63; Ф. 495. Оп. 74. Д. 588. С. 7а–7б; Simić P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 99, 100; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 53; Dilas M. Memoir of a Revolutionary. P. 278.

была сотрудница гестапо (очевидно, речь шла о Герте Хаас). Исходя из всего этого, Сребрняк предложил ИККИ призвать Броза к ответу, ведь он ничуть не лучше Горкича, и распустить КПЮ¹.

В ответ на эту атаку Броз со своей стороны организовал борьбу с выступавшими против него «троцкистами», «фашистами» и «шпионами». Чтобы обосновать свои действия, он в начале 1938 г. написал статью «Троцкисты, агенты международного фашизма» и подписал ее инициалами «Т. Т.». Статья была опубликована в *Proleter*. В ней он отметил, что многие уважаемые, но недостаточно образованные югославы-антифашисты не верят в распространение новой «чумы». «Они не верят, что троцкисты сейчас пали настолько низко, что стали “обыкновенной бандой шпионов, убийц, диверсантов и агентов фашизма”». Броз в этом не сомневался и потому призывал к осторожности и бдительности: «Пусть и в будущем все происки троцкистских бандитов разобьются о монолитность, дисциплину и единство нашей партии»².

Среди тех, кто представлял наибольшую угрозу монолитности партии, как ее понимал Броз, естественно, был и Петко Милетич. Лишь только пришло известие о падении Горкича, Вальтер и белградские товарищи сочли, что следует сообщить об этом травмирующем событии Милетичу и Моше Пияде, посоветовав им не рассказывать о нем товарищам в тюрьме, чтобы не деморализовать их. Однако Петко не стал хранить тайну и попытался использовать эту ситуацию, чтобы встать во главе партии как ее спаситель. По словам Родолюба Чолаковича, в ноябре 1937 г. он планировал организовать побег из тюрьмы, чтобы созвать чрезвычайный съезд КПЮ, что крайне обеспокоило молодых сторонников Броза в Югославии. «Популяризация Петко Милетича его приверженцами, — писал Милован Джилас, — приняла истерическую форму и получила широкий размах, которому никто не мог противостоять»³. В Париж немедленно послали Лолу Рибара известить Тито об опасности. По инициативе Джиласа и Ранковича, которые прежде какое-то время находились под влиянием Милетича, но затем отошли от «ваххабитства», Вальтер принял решение о необходимости замены партийного руководства в «неволе». Он распустил партийный комитет в тюрьме г. Сремска-Митровица и назначил комиссаром Моше Пияде, своего старого учителя и друга⁴. Поскольку последний был убежденным противником Петко, его назначение вызвало волну негодования как среди заключенных, видевших в нем «бандита, предателя, троцкиста», так и в «параллельном

¹ *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. II. S. 332–334; Vol. III. S. 105; *Cenčič V. Titova poslednja ispovijest*. S. 80; *Grđina I. Josip Kopinič // Tvorci slovenske pomorske identitete / Ur. P. Bobič*. Ljubljana: Založba ZRC, 2010. S. 119; AS. *Dedijer*. T. e. 274. Najvažnejši razgovor s Josipom Kopiničem, 05.09.1985.

² *Broz Tito J. Zbrana dela 1–24*. Ljubljana: Komunist; Borec, 1978–1989. Vol. 4. S. 14–17.

³ AS. *Dedijer*. T. e. 242. Kopija iz memoarov druga M. Đilasa. S. 73.

⁴ *Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968)*. S. 194; AS. *Dedijer*. T. e. 242. Kopija iz memoarov druga M. Đilasa. S. 73, 74.

центре» в Париже, где его считали «оппортунистом»¹. Несмотря на это, линия Броза возобладала: в начале ноября 1937 г. ЦК КПЮ осудил «антипартийную деятельность» организации в Сремска-Митровице. Милетича сняли с должности секретаря тюремного комитета по обвинению в том, что он проводит сектантскую линию вопреки решениям VII Конгресса Коминтерна. И это было только началом его несчастий². Правда, «параллельный центр» в Париже попытался оказать сопротивление, утверждая, что у партии больше нет руководства, а то, что делает Броз, нелегитимно. Но он не добился успеха³. «Не знаю, что и сказать о Железаре, — комментировал ситуацию Тито, — но нашей партии он нанес столько вреда, что он либо дурак, либо явный предатель»⁴. В тюрьмах тем временем началась жестокая борьба между сторонниками Милетича и сторонниками Пияде, причем последних становилось всё больше, поскольку многие арестанты поняли, кто сильнее, и стали «раскаиваться» и «осознавать». Конечно, это был драматичный процесс. Пияде приложил массу усилий, чтобы как можно больше очернить Петко и его группу. Он утверждал, что они пытались его отравить, что они гомосексуалисты и т. п.⁵

* * *

В конце марта 1938 г. в Париже, по пути в Испанию, объявился Н. П. Богданов, представитель Коминтерна. Он вступил в контакт с Кусовацем и Маричем, а Вальтера полностью игнорировал. Последнего это чрезвычайно обеспокоило, ведь казалось, что симпатии Москвы склоняются на сторону «параллельного центра», который уже начал формировать «новый кабинет» и больше не слушал указаний ЦК. Понимая, что только на родине он сможет упрочить свое положение, Броз решился на дерзкий и опасный шаг. Не спросив разрешения у Коминтерна, он расформировал руководство партии в Париже и вернулся в Югославию. Это был совершенно необычный поступок, не характерный для практики зависимых от Москвы коммунистических партий, и Марич расценил его как свою победу, полагая, что «Вальтер сбежал». На самом деле Броз впервые доказал свои способности как лидера. Он принял решение на основании собственной оценки ситуации и тем самым продемонстрировал, что не намерен оставаться просто марионеткой Москвы. Об этом свидетельствовала и одна из последних акций парижского ЦК — декларация по поводу присоединения Австрии к Третьему рейху, опубликованная по инициативе Броза 12 марта 1938 г. В ней более четко, чем прежде, подчеркивалось, что необходимо бороться против фашистской опасности и сотрудничать со сторонниками коалиционных партий, находящихся

¹ *Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 50, 52; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 48; Klinger W., Kuljiš D. Tito. Neispričane priče. S. 174.*

² *Kisić Kolanović N. Hebrang. S. 35; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 54.*

³ *Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 52, 53, 58–61; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 55.*

⁴ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 63.

⁵ AS. Dedijer. T. e. 242. Kopija iz memoarova druga M. Đilasa. S. 117; *Klinger W., Kuljiš D. Tito. Neispričane priče. S. 152, 158.*

у власти, чтобы достичь успеха в этой борьбе. Впервые он высказал свою убежденность в том, что Югославия является общей родиной сербов, хорватов и словенцев, которые нужны друг другу: «Народы Югославии! Все, кому дорога свобода и демократия, все, кто любит свою Родину и свой народ, все патриоты, не желающие прислуживать фашистским захватчикам, объединяйтесь!»¹ Исходя из этого, Броз утверждал, что следует «окончательно» избавиться от сектантов, которые до тех пор парализовали партию, и развил бурную деятельность, чтобы привлечь на свою сторону все «здоровые» элементы. Отчасти ему удалось это сделать — в апреле социальные демократы и представители профсоюзов на съезде в Загребе приняли решение о сотрудничестве с коммунистами против фашизма в рамках Народного фронта и отказались от проведения антисоветской пропаганды. Результат был многообещающим, представители партии заняли прочные позиции в руководстве мощнейших югославских профсоюзов. Крупный союз загорских металлистов уже был у них в руках, а в 1937 г. они получили приоритет и в рабочих союзах строительной, текстильной и деревообрабатывающей отраслей. При этом они не предоставили социалистам никаких важных концессий².

В то время Вальтер регулярно встречался с бывшими заключенными, возвращавшимися из Сремска-Митровицы, чтобы проверить, можно ли привлечь их к партийной работе, даже если они прежде были сторонниками Петко Милетича³. Он использовал возможность окончательно укрепить временное руководство партии на родине и избрать новый ЦК, состоящий из девяти членов, который начал работу, несмотря на то что Коминтерн его еще не признал. В его состав Броз ввел товарищей из своего окружения, сформировавшегося еще в прошлом году: прежде всего Джиласа, Ранковича и Карделя. За исключением последнего, уже побывавшего в Москве, там никого лично не знали, так что Броз стал единственным посредником между верхами КПЮ и Коминтерном⁴. Он отменил управление партией из-за границы, заявив, что «парижане» не имеют права вмешиваться в ее внутренние дела, и способствовал укреплению связей между руководителями партии и ее членами, что дало новый импульс ее развитию. Три региональных центра — Белград, Загреб и Любляна, которые прежде нерегулярно посылали сообщения о своей работе, теперь стали согласовывать действия. Военный комитет, созданный новым руководством, приложил все силы к тому, чтобы сформировать костяк ударной группы, умеющей пользоваться оружием. С этой целью организовывались специальные курсы для студентов, сначала в Белграде, затем и в Словении. Кроме того, партия вела огромную полуполюгальную

¹ Broz Tito J. Zbrana dela. 1–24. Vol. 4. S. 31.

² Ridley J. Tito. A Biography. P. 136; Swain G. R. Tito: the Formation. P. 257; Idem. Tito and the Twilight. P. 211; AS. Dedijer. T. e. 111. Magnetofonska snimka. S. 67; T. e. 242. Kopija iz memoarova druga M. Dilasa. S. 36.

³ Zagreb in Hrvatska. S. 50.

⁴ Dilas M. Tito. S. 80, 81; Idem. Memoir of a Revolutionary. P. 279, 280; Klinger W., Kuljiš D. Tito. Neispričane priče. S. 174, 175.

издательскую деятельность: она издавала газеты, журналы, книги, брошюры, пользовавшиеся хорошим спросом и приносившие крупный доход¹. Броз также потребовал, чтобы партия перешла на самофинансирование, что имело большое значение, ведь отныне коммунистов уже нельзя было упрекнуть в том, что они «оплачиваются большевиками». Конечно, это произошло под давлением обстоятельств, так как Москва всё еще отказывалась от предоставления КПЮ финансовой поддержки, как будто уже сбросила ее со счетов. В письме к Димитрову от 1 марта 1938 г., в котором Вальтер сообщал о своей деятельности, он посоветовал: «Трудно работать в это бурное время без какой-либо моральной, политической и материальной помощи с твоей стороны». Однако с оптимизмом добавил: «Я понимаю общую ситуацию и до последней минуты буду стараться сделать всё возможное, чтобы спасти фирму и выполнить стоящие сейчас перед нами задачи»².

Это письмо не осталось без отклика: по инициативе Димитрова оно получило распространение среди влиятельнейших представителей Коминтерна, в котором с начала года обсуждалась судьба КПЮ. ИККИ 3 января 1938 г. назначил особую комиссию, в состав которой вошли Пик, Мануильский и видный болгарский коммунист Коларов. Их задачей было «изучить обстановку в КПЮ, оценить ее кадры и разработать предложения по обновлению ее руководства и деятельности партии на родине»³. Вопреки негативной оценке начальника отдела кадров болгарина Георгия Дамьянова — Белова, отметившего, что Вальтер в период Великого Октября «бежал от революции» и что после возвращения в Югославию его спас от тюрьмы *хозяин*, а затем «уговор с судьями»⁴, члены комиссии доложили Димитрову, что, по их мнению, Вальтер является наиболее подходящим человеком для руководства партией. И предложили вызвать его в Москву. «Можно вызвать»; — Димитров сделал лаконичную пометку на этом документе 26 апреля 1938 г. Узнав об этом, Броз немедленно отправился через Триест в Париж и добрался до него 14 июня 1938 г. Он был уверен, что задержится во Франции ненадолго, полагая, что назначение уже у него в кармане. Примечательно, что в мае 1938 г. в Белграде он представился своему будущему биографу Владимиру Дедиеру, тогда еще студенту университета, как секретарь Центрального комитета. Однако визы для продолжения пути в Советский Союз он так и не получил, и пребывание в Париже затянулось⁵. Он был очень раздражен и обеспокоен, поскольку хотел как можно скорее вернуться в Загреб, где его ждало множество дел,

¹ Deakin F. W. Yugoslavia. The Military Organisation of the Yugoslav Communist Party (1918–1940). P. 6, 7; AS. Dedijer. T. e. 188. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 48; Adamič L. Orel in korenine. S. 477, 478.

² РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411.

³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1232. С. 4.

⁴ Там же. Оп. 74. Д. 587. С. 2–4.

⁵ Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 95; Simić P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 102; Dedijer V. My two Comrades // Cross Currents 4. A Yearbook of Central European Culture. 1985. P. 399; Čolaković R. Kazivanje. Vol. III. S. 463, 466.

но главным образом потому, что не мог избавиться от подозрений, что задержка с документами — результат интриг его врагов. Фракционная борьба тогда достигла пика. Большую активность в ней проявили Марич и Кусовац, продолжавшие обвинять Броза в том, что он человек Горкича и продолжает его троцкистскую политику, поскольку не хочет убрать людей из старого аппарата, которые сотрудничают с полицией или же просто кажутся подозрительными¹. Распространялись слухи, что в партии настоящий «цирк», что Центрального комитета вовсе не существует, что Коминтерн доверяет только им, и «Георгий» скоро выдаст им мандат на руководство партией². Вдобавок Броз угрожал арест, поскольку из-за проходившего в то время визита английского короля Георга VI в Париж полицейский надзор усилился. Находившиеся под влиянием «параллельного центра» французские товарищи не захотели помочь ему найти конспиративную квартиру и прервали с ним все связи³.

Найти выход из этого затруднительного положения ему помог словенец Йосип Копинич — Вокшин, с которым Броз встречался еще в 1935 г. в Москве, в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада, созданном для нерусских партийных кадров из европейской части Советского Союза и для эмигрантов из Центральной Европы, Скандинавии и Балкан. Копинич был там студентом, а Броз временно занимал должность преподавателя. Вполне возможно, что сблизились они и на почве общих авантюр с женщинами. Копинич был увлекающимся и энергичным человеком: когда он еще служил мичманом в королевском военно-морском флоте, он вступил в КПЮ и создал тринадцать партийных организаций⁴. В 1934 г., узнав, что его собираются арестовать, он бежал в Москву, где стал работать в советской разведке. Он был в числе пяти первых иностранных добровольцев, которые прибыли в Испанию на помощь Республике всего через месяц после начала гражданской войны, и прославился там как герой. Кроме того, Копинич служил и на подводной лодке, мужественно оказывавшей сопротивление французским военным кораблям сначала в Атлантическом океане, а затем в Средиземноморье. Ему удалось прорвать блокаду на Гибралтаре, поэтому в испанской республиканской армии он получил высший чин среди всех югославы. Он стал капитаном фрегата, а также был назначен членом испанской военной миссии в Париже⁵. Поэтому он пользовался большим авторитетом в международных левых кругах и имел связи в высшем обществе. Воспользовавшись своими знакомствами, Копинич нашел для Броза убежище

¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 42–44; Ф. 495. Оп. 74. Д. 587.

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1256; Оп. 74. Д. 587. С. 48.

³ Zagreb i Hrvatska. S. 52; *Cenčić V. Enigma*. Vol. I. S. 82; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 587. С. 49.

⁴ *Swain G. R. Tito: the Formation*. P. 255; *Cenčić V. Enigma*. Vol. I. S. 79; *Kranjc M. F. Zarote in atentati na Tita*. S. 131; *Adamović V. Tri diktatora*. S. 544, 547; *Klinger W., Kuljiš D. Tito. Neispričane priče*. S. 193.

⁵ *Cenčić V. Enigma*. Vol. I. S. 52–73; *Kopinič J. Zgodovinske enigme, intervju // Mladina*. 1986. S. 9; *Velebit V. Svjedok*. S. 62, 63; *Grđina I. Josip Kopinič*. S. 117.

во дворце одного маркиза, военного атташе в посольстве Испанской Республики во Франции, где работал и он сам. Он собирался поехать в Москву и обещал заступиться там за Броза. Копинич разделял его идеи «большевиизации партии» и, возможно, во многом содействовал падению Горкича¹. Броз передал с ним письмо для Димитрова. Это был отчаянный призыв к «товарищу Георгию», чтобы он что-нибудь предпринял «для спасения моего доброго имени»². Копинич отдал письмо и сопроводил его своим собственным, которое завершил просьбой, красноречиво свидетельствующей о том, насколько плохо в тот момент относились к Вальтеру в Москве: «Я обращаюсь к Вам как сын к отцу и прошу Вас ответить мне на вопрос товарища Вальтера. <...> Вы — моя последняя надежда, поскольку все остальные, когда я спрашиваю их, что сделано, отвечают, что лучше не задавать лишних вопросов»³.

Несмотря на то что Димитров симпатизировал Брозу, он смог только посоветовать Копиничу обратиться в отдел кадров ИККИ, являвшийся контролирующим органом всей организации. Хотя Белов, его надменный руководитель, и принял Копинича, но сразу заявил, что помочь не может: «Против Вальтера выдвинуты обвинения, и пока этот вопрос не решен, я не могу вмешаться». Копинич не отступил, он вернулся к Димитрову и предложил ему разрешить Вальтеру приехать в Москву, чтобы дать ему возможность защитить себя самому. Тогда последний послал его к Божидару Масларичу — Андрееву, заместителю Мануильского, который хорошо знал Копинича еще в Испании. Он был более общителен и рассказал, какие именно обвинения выдвинули враги против Броза, чтобы подорвать его позиции. По сути его подозревали в том, что он прямо или опосредованно служит югославской полиции и гестапо: ведь Коминтерн не финансирует прессу КПЮ. Кто же тогда это делает? Вероятно, югославская полиция. Только так можно объяснить эту аномалию. Иво Лола Рибар и Борис Кидрич — сыновья капиталистов, т.е. полицейские агенты и провокаторы. Хуже того, отец Рибара был председателем белградской Скупщины в то время, когда была принята «Обзнана», декрет, которым власти запретили Коммунистическую партию, и известным масоном. Не говоря уже о Герте Хаас, которая является немкой и гестаповской шпионкой. Этих обвинений было достаточно для Лубянки или даже для расстрельного взвода. Однако, вопреки всему, упорство Копинича принесло плоды. Хотя Масларич предложил ему должность генерального секретаря КПЮ, говоря: «Мы тебе доверяем», тот убедил его хотя бы дать Вальтеру возможность приехать в Москву, чтобы вместе с ним разобраться в этом деле⁴.

¹ *Šimčić M.* Ženske. S. 176; *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 78, 81; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 60; *Gligoričević M.* Rat i mir Vladimira Dedijera. S. 131; *Cenčić V.* Enigma. Vol. I. S. 80–82; AS. Dedijer. T. e. 271. J. Kopinič, 04.10.1980.

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 11. Д. 362. С. 54; Оп. 74. Д. 587. С. 64–66.

³ *Eiletz S.* Titova skrivnostna leta. S. 97; *Šimić P., Despot Z.* Tito. Strogo poverljivo. S. 82–85.

⁴ *Eiletz S.* Titova skrivnostna leta. S. 97–99; *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 82–87, 188; *Cenčić V.* Enigma. Vol. I. S. 85–88; AS. Dedijer. T. e. 236. Zapis Kopinič,

Снова в Москве

И действительно, Броз 23 августа 1938 г. уехал из Парижа и через Стокгольм полетел в Москву. Он прибыл туда на следующий день, после почти двухлетнего отсутствия. Можно себе представить, какие чувства его обуревали, учитывая, что в 1937–1938 гг. в Советском Союзе арестовали около 800 югославских коммунистов и более 900 членов их семей — всех, до кого мог дотянуться НКВД. По его словам, он ощущал себя последним из могижан, ведь нельзя было исключить вероятности того, что КПЮ ликвидируют: в ее ЦК остались только он и Кухар. Чолаковича, считавшегося «приверженцем Горкича № 1» и Жуйовича, «№ 2», Коминтерн уже вычеркнул из списка. Они остались живы только потому, что НКВД не смог до них добраться¹. «Всех, кроме меня, посадили»². «Что было трудным? — позже Тито задавал себе этот вопрос. — Погибнуть в Советском Союзе по обвинению в том, что являюсь контрреволюционером. Умереть в Югославии не было трудно. Ты знал, что умрешь как революционер. Я отправлялся на нелегальную работу так, будто выходил на свободу»³. 24 августа 1938 г. он уже находился в резиденции Коминтерна, где его унизили, заставив дожидаться четыре часа, чтобы получить разрешение войти в здание⁴. Ему сразу же пришлось защищаться перед комиссией, состоявшей из пяти членов. Трое из них — враждебно относившиеся к нему болгары, которые требовали его осуждения из-за корабля, захваченного у Будвы, и заставляли его «признать свою вину». Они считали, что генеральным секретарем КПЮ следует назначить Петко Милетича. А если это невозможно, то назначить комиссаром некоего капитана Димитрева, болгарина, сражавшегося в Испании. А Вальтера надо бы «ликвидировать». К тому же его стиль жизни противоречил их представлениям и это вызывало подозрение: его кто-то подкупает. К расследованию подключилась и советская военная разведка, утверждавшая, что он — троцкист. Он был на волосок от гибели, но спасся, поскольку выяснилось, что обвинения против него — обычная фальсификация⁵. Его оправданию, несомненно, способствовало донесение от 23 сентября 1938 г., в котором Вальтер подробно описал свои отношения с теми, кого «разоблачили как саботажников и врагов нашей партии». Речь шла о девяти видных югославских коммунистах; семерых из них уже расстреляли, а двое были еще живы, но их уже подозревали

20.12.1980. Istraga u Moskvi protiv Tita.

¹ Čolaković R. Kazivanje. Vol. III. S. 257, 419, 450, 518.

² Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 52, 54. Позже Хрущев реабилитировал более ста югославских коммунистов и послал их досье Тито; Gligoričević M. Rat i mir Vladimira Dedijerja. S. 315.

³ AJ. 837. KPR. IV-5-b. K 49. Zabeleška J. Vilfana na vreme provedeno u SSSR, 21.12.1953.

⁴ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 333.

⁵ Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 92, 93; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 56, 152; Spomini tovariša Tita na slavno preteklost; AS. Dedijer. T. e. 236. Istraga 1938.

в троцкизме. Конечно, ни для кого из них он не нашел доброго слова, хотя позднее утверждал, что был осторожен, и о товарищах, чьи характеристики должен был написать, говорил, что «недостаточно хорошо их знает, не работал с ними»¹. Во всяком случае, за него вступился Мануильский и, возможно, тогда еще влиятельный Трилиссер — Москвин, один из руководителей НКВД, с которым Броз уже долгое время поддерживал контакты, что было совсем неудачно, учитывая, что последний в конце ноября и сам стал жертвой сталинской чистки. По словам самого Тито, это был самый тяжелый момент в его жизни. «Я не был уверен, — рассказывал он спустя много лет, — что однажды не схватят и меня. За то, что меня не арестовали, следует благодарить Димитрова, который мне доверял и считал, что я должен взять руководство Коммунистической партии в свои руки в качестве ее генерального секретаря»². Как бы то ни было, он сильно переживал, о чем через много лет вспоминал в разговоре с Дедиером: «Ночь у Караиванова. Несколько бутылок водки. Я очень испуган. Теперь понимаю, почему в СССР столько пьют. Пьют, потому что боятся...»³ Караиванов, болгарский коммунист, сотрудник НКВД, доверенное лицо Броза и, по обязанности, предатель, об этом времени написал следующее: «Он был очень встревожен. Его глаза были полны слез. В эти дни у товарища Тито появились первые седые волосы»⁴.

После этих тяжелых испытаний его полностью реабилитировали, 17 сентября 1938 г. он уже принял участие в заседании ИККИ, на котором сделал для крупнейших руководителей организации исчерпывающий доклад о ситуации в Югославии⁵. 7 ноября Димитров дал в дневнике лаконичный комментарий: «Югославская резолюция в главных чертах правильна»⁶. Во многом этому признанию способствовало и то, что во время чехословацкого кризиса в конце сентября — начале октября 1938 г. югославским коммунистам удалось организовать движение протеста в защиту находящейся под угрозой республики. Тысячи студентов в Белграде и в Загребе кричали, что хотят поехать в Чехию, хотят ее спасти, хотят сражаться против Гитлера. Многие даже отправились в Прагу, где собирались вступить в интернациональные бригады, которые должны были организовать сопротивление нацистской агрессии. Поскольку в Москве договор между Гитлером, Муссолини,

¹ *Simić P.* Tito. Skrivnost stoletja. S. 105–108; *Simić P., Despot Z.* Tito. Strogo poverljivo. S. 86–90; *Simčić M.* Ženske. S. 151; Spomini tovariša Tita na slavno preteklost; *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М.: Наука, 2008. С. 28.

² *Eiletz S.* Pred sodbo zgodovine. Stalin, Tito in jugoslovanski komunisti v Moskvi. Celovec: Mohorjeva, 2010. S. 154; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 329.

³ *Eiletz S.* Titova skrivnostna leta. S. 93; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 590.

⁴ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 230; Vol. II. S. 327; *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 78, 79.

⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1256. С. 27–38а; *Broz Tito J.* Zbrana dela. Vol. 4. S. 109–118.

⁶ *Dimitrov G.* Diario. S. 117.

французским премьером Даладье и его британским коллегой Невилом Чемберленом о присоединении Судетской области к Третьему рейху рассматривали как антисоветский жест, это было зачтено в пользу Броза¹.

На этом кошмар для Броза еще не закончился. Осенью 1938 г. вместе с Владимиром Чопичем и Камило Хорватином он получил задание отредактировать сербско-хорватский перевод книги «История ВКП(б). Краткий курс», которая недавно была опубликована под именем Сталина. Это означало, что каждое слово в ней было свято². Работа еще не была завершена, когда 3 ноября 1938 г. в отеле «Люкс» агенты НКВД, можно сказать, у Броза на глазах арестовали Чопича. «Ночью его увели». Ему никак не помогло то, что он сыграл видную роль в испанской гражданской войне, возглавляя англо-американскую бригаду «Линкольн». Камило Хорватин также стал жертвой сталинских чисток, его обвинили в троцкизме. Поскольку Вальтер не захотел давать показания против него разбиравшей этот случай Контрольной комиссии, отговорившись тем, что, по совести, не может сказать того, чего не знает, у него снова возникли проблемы. Их стало еще больше, когда вышла «История ВКП(б)» в переводе, над которым он работал, — всего через несколько дней после ночного ареста двух других редакторов. Как только книга вышла из печати, Марич — Железар и их друзья нанесли Брозу новый удар³. В ряде писем, адресованных ИККИ, его обвинили в том, что он внес троцкистские формулировки в четвертую главу, где речь шла о диалектическом материализме, и таким образом умалил роль самого Сталина. К ним присоединился еврей из Осиека Драган Мюллер (в Москве его звали «Озрен»), который являлся главным редактором «Иностранного рабочего издательства». Возможно, он сделал это по указанию Коммунистической партии Германии, которая использовала сомнительную репутацию Вальтера, чтобы доказать Коминтерну свою бдительность. Из-за этих обвинений Броз опять предстал перед Контрольной комиссией, на которой во второй раз ему с трудом удалось спасти свою жизнь. Копинич снова выступил в поддержку Вальтера и доказал его полную невиновность⁴. Александр Ранкович впоследствии справедливо заметил: «Если бы не было Копинича, не было бы и Тито»⁵. Он был прав — о влиянии «Вальдеса» в Коминтерне свидетельствует даже его заработная

¹ Ridley J. Tito. A Biography. P. 141; AS. Dedijer. T. e. 111. Magnetofonska snimka. S. 74; T. e. 242. Kopija iz memoarova druga M. Dilasa. S. 202; Adamič L. Orel in korenine. S. 447.

² Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 56; Klinger W., Kuljiš D. Tito. Neispričane priče. S. 158.

³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 590. С. 23; AS. Dedijer. T. e. 223. Pričevanja J. Kopiniča, 23.03.1988, O Titovom hapšenju u Moskvi; T. e. 236. Pričevanje Kopinič, 1939 Istraga protiv Tita; Eiletz S. Pred sodbo zgodovine. S. 137.

⁴ Cenčić V. Titova poslednja ispovijest. S. 94–96; Idem. Enigma. Vol. I. S. 103, 105, 106; Ridley J. Tito. A Biography. P. 139; AS. Dedijer. T. e. 199. Zapis Kopinič, 20.12.1980; T. e. 236. Zapis Tića Stanojevića; Zapis Kopiniča, 20.12.1980.

⁵ Gligorijević M. Rat i mir Vladimira Dedijerja. S. 219, 220.

плата: 3 тыс. рублей, при том что средняя заработная плата рабочего в Советском Союзе была 149 рублей¹. Избежав опасности, Вальтер, в утешение себе, на гонорар, полученный за перевод, купил бриллиантовый перстень с опалом, которым очень гордился. Однако и это его чуть не погубило², поскольку одна агентка обвинила его в капиталистических наклонностях. Была ли это «молодая русская», с которой он жил в Москве в 1938 г., и которая, как известно из записей Копинича, каждый день писала о нем донесения?³

* * *

Осенью 1938 г. в Югославии состоялись важные выборы, на которых формально одержал победу Стоядинович, но только с помощью крупных подтасовок. Было ясно, что его режим долго не продержится. Поэтому Вальтер хотел как можно скорее вернуться на родину. По его оценке, сложившееся положение имело «судьбоносное значение для нашего государства, необходимо сделать всё для победы блока демократических сил...» Однако в Москве ему не дали на это разрешения⁴. Лишь 26 декабря 1938 г., после того как с него сняли обвинения, выдвинутые в Париже, в Сремска-Митровице и в самом Коминтерне, В. П. Коларов написал рекомендательное письмо, в котором предложил утвердить временное руководство КПЮ, назначенное Вальтером в Югославии, одобрить бюджет финансовой поддержки партии и дать указание журналу *Rundschau*, чтобы он не смел ничего публиковать без разрешения Вальтера (очевидно, это требование было направлено против «фракционеров») ⁵. Несмотря на эту благосклонность, 30 декабря 1938 г. у него состоялся жесткий разговор с Димитровым, подвергшим резкой критике хаотичные отношения, сложившиеся в КПЮ: «Ваша работа совершенно не имеет значения, она гнилая. Так, как вы это себе представляете, дело не пойдет» ⁶. Поскольку, по мнению генерального секретаря ИККИ, наиболее активные югославские коммунисты, все подряд, включая Броза, являлись фракционерами, в тот момент было невозможно назначить новое партийное руководство, самое большее — только временное. В него должно входить от трех до пяти человек, которые будут вести работу на родине. Противореча собственным замечаниям, сделанным в начале беседы, Димитров в заключение своей филиппики именно Вальтера и назначил осуществлять этот план. В дневнике он записал только, что дал ему «последние указания», а именно: «Руководство (временное) в стране. — Конференция. Назначение постоянного руководства. В Париже: человек для коммуникаций» ⁷. Более того, через

¹ AS. Dedijer. T. e. 261. J. Kopinič 12.07.1981, Titov plač za sinom.

² Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 101.

³ Simič M. Ženske. S. 158; Cenčič V. Enigma. Vol. I. S. 104; AS. Dedijer. T. e. 199. Zapis Kopinič, 20.12.1980; T. e. 201. 12.07.1981; T. e. 235. Istraga protiv Tita. S. 1.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 111. Magnetofonska snimka. S. 75.

⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 587.

⁶ Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 73; Simić P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 110, 111, 123–129; Simič M. Ženske. S. 153; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 64.

⁷ Dimitrov G. Diario. S. 151.

несколько дней, 5 января 1939 г., Димитров снова принял у себя Броза и, воспользовавшись случаем, сообщил ему, что он назначен генеральным секретарем ЦК КПЮ и перед ним ставится задача изменить всю прежнюю структуру руководства: «Ты один остался! Это последний шанс. Или тебе удастся урегулировать (ситуацию), или всё будет распушено, как у поляков. Все арестованы. Люди, за которых я бы сунул руку в огонь»¹. Сообщая об этом разговоре, решившем его судьбу, Броз скромно говорит, что был чрезвычайно удивлен, ведь у него не было намерений взять на себя руководство партией. Прежде всего его подгоняло желание спасти ее от роспуска, которым угрожали в Москве, и преобразовать в надежную революционную организацию с сильным руководящим коллективом. Именно ради этого он принял предложение Димитрова и обещал ему: «Мы смоем с себя пятно»². «Никогда не хвастайтесь заранее!», — нахмурившись, ответил Димитров³.

В тот же день, 5 января, состоялось заседание Секретариата ИККИ и Вальтеру был дан ряд указаний, как реорганизовать партию, добиться ее внутреннего единства и укрепить ее политически и организационно. Перед югославскими коммунистами ставилась задача сплотить народные силы в борьбе против опасности фашистской агрессии, объединить всех демократов в народно-демократический блок, при этом прежде всего стремиться к достижению единства профсоюзного движения. Предполагалось, что эта резолюция ляжет в основу «Открытого письма членам КПЮ», которое Вальтер должен был написать и распространить среди членов партии⁴.

Однако, несмотря на это, единого мнения о Вальтере в рядах Коминтерна всё еще не было. Через два дня, 7 января 1939 г., Мануильский в письменной форме предложил Димитрову снять его с ответственной должности, которую ему только что доверили, и послать на «низшую» работу, поскольку он частично несет ответственность за крах экспедиции добровольцев в Испанию, произошедший двумя годами ранее. Опять его враги ставили ему палки в колеса, а в отделе кадров ИККИ к ним охотно прислушивались. Была создана новая комиссия, задачей которой было прояснить обстоятельства дела, и Броз был вынужден защищаться перед ней от обвинения в том, что он недостаточно тщательно контролировал набор добровольцев и проведение операции в целом. Его линия защиты была такой: он сваливал вину в первую очередь на объективные обстоятельства, на бурю на море, из-за которой корабль задержался. Комиссию он не смог убедить до конца, и Белов записал в заключении, что «тов. Вальтер еще не полностью признает свою ответственность за провал этой экспедиции»⁵. Но худших последствий не было, если

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 56.*

² *Ibid. Vol. I. S. 240.*

³ *Adamič L. Orel in korenine. S. 438; AS. Dedijer. T. e. 242. Kopija iz memoarov druga M. Đilasa. S. 222.*

⁴ *РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1296; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 66; Broz Tito J. Zbrana dela. Vol. 4. S. 144–151.*

⁵ *Eiletz S. Titova skrivnostna leta. S. 104; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 100, 101.*

не принимать во внимание то, что он не мог получить визу, на этот раз — для выезда из СССР. Пошли слухи, что в Москву прибыл Петко Милетич, который имеет веские доказательства его вины. Поэтому НКВД не выпустит его за границу. И лишь когда Димитров обратился к министру внутренних дел Л. П. Берии, ему разрешили уехать¹. В те дни Вальтер пожаловался Караиванову, что его не отпустили домой, и тот посоветовал ему обратиться с письмом к Сталину. Ответ Броза примечателен: «Лучше, чтобы Сталин обо мне не знал»².

Во главе КПЮ

Коминтерн (т.е. советская секретная служба) назначил Вальтера генеральным секретарем ЦК КПЮ с правом вето, что означало, что по всем вопросам его слово было решающим. Понятно, что подобное не могло бы произойти, если бы в Москве ему не доверяли и, с другой стороны, если бы он этого не заслужил³. Позже он с гордостью заявил Луису Адамичу: «В Москве меня проверяли всеми способами. Доверяли только мне». Во всяком случае, это был бурный процесс, который Тито впоследствии в беседе с журналистами охарактеризовал словами: «Это было непросто и нелегко». Еще выразительнее его описал в своих воспоминаниях Родолюб Чолакович, говоря о настоящей драме, «в которой кипели необузданные страсти и головы падали с плеч, прямо как у Шекспира»⁴.

Броз сразу же показал, каким будет его стиль работы. Он собирался навести порядок в партии и руководить ею «железной рукой», как с одобрением говорили его сторонники. На основе советского опыта он понял, что невозможно осуществить революцию без партии нового типа, без идеологически и организационно централизованной структуры. По своей природе он был человеком действия: не любил болтовни, праздных фраз, ненужных сборищ, т.е. всего того, что до тех пор было характерно для КПЮ⁵. В этом смысле, благодаря своей наглядности и правильной интерпретации политики Народного фронта является показательной вышеупомянутая «Резолюция ЦК КПЮ — Директивы», написанная им в Москве и одобренная Коминтерном: «Перед лицом опасности, грозящей Югославии, главная задача КПЮ — организовать и поднять все ее народы на борьбу для защиты целостности и независимости государства от агрессии немецких и итальянских фашистов и им подобных. Необходимое условие для выполнения этой задачи: следует свергнуть нынешнее антинародное правительство Стоядиновича

¹ *Dimitrov G. Diario. S. 153; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 70, 71; AS. Dedijer. T. e. 236. Borba za opstanak KPJ.*

² *Ridley J. Tito. A Biography. P. 140; AS. Dedijer. T. e. 111. Magnetofonska snimka. S. 76.*

³ *Dilas M. Tito. S. 74–76.*

⁴ *Simić P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 156; Čolaković R. Kazivanje. Vol. III. S. 439.*

⁵ *Dilas M. Tito. S. 99; Čolaković R. Kazivanje. Vol. III. S. 553.*

и сформировать правительство народной защиты, способное организовать оборону государства и без колебаний оказать сопротивление фашистской агрессии. <...> КПЮ и впредь будет поддерживать все массовые кампании демократического блока и других демократических организаций. <...> Одновременно КПЮ должна сблизиться со всеми партиями, организациями и группами, которые выступают в защиту независимости Югославии от Гитлера и Муссолини, и бороться вместе с ними, не исключая и организации Евтича (сербских националистов) и Корошеца (словенских клерикалов), если они действительно вступят на путь борьбы против немецкого и итальянского фашизма и их приспешников в государстве»¹.

Длительное отсутствие Вальтера дало возможность развернуться фракционным группам, уверенным, что ему придется худо. Начали колебаться даже некоторые товарищи, которые находились в Париже, Испании и Канаде. Но тут вмешался Димитров. В письме КП Франции он указал, чтобы она поддержала Броза в борьбе с его противниками. Так и произошло: «Тогда наше дело окончательно победило»². О том, насколько КПЮ в то время действовала в соответствии с указаниями Москвы, свидетельствует заседание временного руководства в Бохине 15 марта 1939 г., в котором, наряду с прочими, приняли участие Кардель, Джилас и Ранкович. Единодушно и — как сообщил Вальтер Ловро Кухару — «с радостью» приняли решение исключить из партии всех югославских коммунистов, арестованных и репрессированных в Советском Союзе, как «троцкистов» и «фракционеров», а также всех членов, являвшихся обузой для партии в Париже и на Родине³. Это была акция сталинского толка, показавшая, что, несмотря на все пережитые в Москве потрясения, Броз не смог критически дистанцироваться от его террора: в списке исключенных, помимо фамилий его врагов, встречаются и фамилии друзей, например Чопича. По возвращении он рассказывал товарищам, что, по мнению Димитрова, в Советском Союзе не избежали перекосов, но ведь в любом случае, чтобы удалить опухоль, нужно резать по живому⁴. Очевидно, Броз был согласен с этой установкой и проводил ее в жизнь даже в своем кругу. При этом он мог положиться на поддержку всех товарищей. «Мы гордились своей преданностью Сталину, — вспоминал Джилас, — и тем, что ощущаем себя последовательными большевиками. Быть большевиком стало в партии высшим идеалом, а Сталин для нас являлся воплощением всего большевистского»⁵.

В 1939 г. Вальтер вернулся из Москвы, убежденный, что партия должна стоять на своих ногах. По словам Джиласа, он был доволен, когда ему

¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 104–106. Перевод цитаты сделан по тексту Й. Пирьевца.

² AS. Dedijer. Magnetofonska snimka. S. 78.

³ *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. II. S. 326; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 122; Ф. 495. Оп. 11. Д. 371. С. 2, 6; *Simić P. Tito. Skrivnost stoletja*. S. 131–133; *Simić P., Despot Z. Tito. Strogo poverljivo*. S. 95–98.

⁴ *Dilas M. Tito*. S. 86.

⁵ AS. Dedijer. T. e. 242. Kopija iz memoarov druga M. Đilasa. S. 120.

сообщили, что КПЮ в финансовом отношении стала полностью независима от Коминтерна. «Это было первое самоопределение, намного более важное, чем нам казалось в то время»¹. Следует отметить, что историки подчас преувеличивали значение этого «самоопределения». В 1940 г. из Москвы при- слали чемодан с двойным дном, в котором помимо тайных сообщений нахо- дилась и крупная сумма в долларах². Преувеличивали они и роль Вальтера в формировании новой партии. Как ее секретарь он до войны по большей части был за границей, а значит, никогда не принимал участия в заседа- ниях высших партийных органов. Так, например, он не присутствовал на за- седаниях сербского партийного комитета, даже если находился в Белграде во время их проведения³.

Одним из решающих успехов КПЮ в конце 1930-х гг. стал подъем мо- лодежной коммунистической организации, Союза коммунистической мо- лодежи Югославии (СКМЮ), объединявшей учеников средних школ и сту- дентов университетов, среди которых марксистские идеи пустили глубокие корни. Поскольку прежнее подозрительное отношение к молодежи ушло в прошлое, партия вскоре укрепила свои позиции, прежде всего в студен- ческом университетском сообществе, создав в нем легальную организацию. Британское посольство сообщало в Foreign Office: «В одном только Белграде в университете учатся более 10 000 молодых людей. И если более полови- ны, а может, и три четверти из них настроены прокоммунистически, то ви- ной тому страх перед будущим. В Югославии есть культурный пролетари- ат, который требует хлеба и работы»⁴. СКМЮ стал, можно сказать, партией в партии, поскольку в нем было больше членов, чем в КПЮ. Югославское коммунистическое движение тем самым подчеркивало, что является вырази- телем протеста в большей степени интеллектуальных, нежели малочислен- ных рабочих масс, в которых не было радикальных настроений. В 1939 г. в Югославии было не более 730 тыс. «рабочих», да и из них едва ли поло- вина работали на крупных промышленных предприятиях⁵. Приток новых людей означал увеличение суммы членских взносов (за приходом и расхо- дом следил сам Броз), расширился также круг людей, симпатизировавших партии. Они не являлись ее членами, но были настроены антифашистски и видели в ней единственную организацию, способную к обновлению. При этом примечательно, что на партийных собраниях не обсуждалась внутрен- няя ситуация в СССР, как будто там ничего не происходило — ни хороше- го, ни плохого. Несмотря на то что конфронтация по отношению к нему еще

¹ *Dilas M. Tito. S. 87.*

² *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 362; Vol. III. S. 28; Simić P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 281; AS. Dedijer. T. e. 229. V. Dedijer, S Kopiničem uoči godišnjice Kerestinca, 13.07.1981. S. 3; Simić P., Despot Z. Tito. Strogo poverljivo. S. 102, 103.*

³ *Dilas M. Tito. S. 114.*

⁴ *Deakin F. W. Yugoslavia. The British Image of Yugoslav Communism (1921–1941). P. 21.*

⁵ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 936.*

не прекратилась, Броз в следующие месяцы постепенно укреплял свое положение. 9 и 10 июня 1939 г., в Тацене под Шмарна-Горой близ Любляны, в обстановке строгой секретности он созвал совещание руководящего состава, на которое прибыли 30 товарищей со всей Югославии. На нем еще раз решительно осудили фракционность и создание группировок и одобрили ряд мер против Петко Милетича¹. Хотя Марич и Кусовац, как и Петко Милетич, были в числе тех, кого Броз и его товарищи исключили из КПЮ, все трое, естественно, продолжали вести против него агитацию, по-прежнему не признавая его права руководить партией². Маричу и Кусовацу даже удалось убедить югославских эмигрантов в Америке отказаться от финансовой поддержки КПЮ, сообщив им, что ею руководят люди, у которых Коминтерн отобрал мандат³. Из них троих наибольшую опасность для Вальтера представлял Милетич, которого в июне 1939 г. выпустили из тюрьмы, а значит, он теперь имел возможность еще больше интриговать против соперника сначала в Югославии, а затем и в Москве. Броз вспоминал о нем позднее как о ночном кошмаре: «Петко пишет, пишет...»⁴ В Черногории он собрал вокруг себя коммунистов, исключенных из партийных рядов, и «в идеологическом плане отравил их клеветой». Когда Джиласу и его соратникам в конце сентября 1939 г. удалось достать оригиналы документов о поведении Милетича в полиции, из которых якобы стало очевидно, что он держался вовсе не так мужественно, как говорили, эти материалы немедленно послали в штаб-квартиру Коминтерна. (Конечно, как отмечает Дедиер, остается под вопросом, не были ли они сфабрикованы.) В ответ Милетич уехал в Стамбул, где с помощью своих болгарских товарищей получил в советском консульстве визу в СССР. Он отправился в Москву, убежденный, что по-прежнему имеет там верных защитников, которые спасут его от «простой швали и сброда».

В начале сентября 1939 г. в советскую столицу через Гавр и Ленинград вернулся и Броз. Он прибыл по вызову Коминтерна, так как многие его члены всё еще относились к нему с недоверием, убежденные, что он так и не отказался от своих «троцкистских» симпатий и что его политика слишком радикальна⁵. Когда он плыл на корабле «Сибирь», произошло два судьбоносных события, ставших для него неожиданностью. Он узнал о подписании пакта между Советским Союзом и Германией, согласно которому оба государства обязывались соблюдать нейтралитет в случае войны. А когда корабль вошел в Балтийские воды, пришло известие о нападении Гитлера на Польшу⁶. Но после приезда в Москву Вальтеру пришлось посвятить больше внимания

¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 66; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 56; AS. Dedijer. T. e. 111. Magnetofonska snimka. S. 82.

² *Eiletz S.* Titova skrivnostna leta. S. 74–76, 91; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 113–117.

³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 591. С. 14.

⁴ *Dedijer V.* Novi prilozhi. Vol. III. S. 56.

⁵ *Svain G. R.* Tito and the Twilight. P. 212.

⁶ AS. Dedijer. T. e. 111. Magnetofonska snimka. S. 85.

акции, развернутой против него Милетичем, чем началу Второй мировой войны. В тот момент Копинич снова оказал ему большую услугу: он написал донос на Милетича на пятидесяти страницах и направил его в Коминтерн и ЦК КПСС. При этом А. А. Андреев, секретарь ЦК, и Мануильский дали Копиничу карты в руки, позволив ему изучить все необходимые архивы, в том числе и материалы 1920-х гг. Выглядело так, будто Милетич еще в 1923 г., когда был впервые арестован, сломался под нажимом полиции и предал. В Сремска-Митровицу власти посадили его якобы как агента-provokatora. Вкупе с материалами, собранными Джиласом, донос Копинича стал настолько убедительным доказательством вины, что через три или четыре дня, 5 января 1940 г. Милетича арестовали, а 21 сентября осудили на восемь лет каторги. Умер он в конце января 1943 г. в одном из сталинских лагерей, по другой версии — дожил до 1971 г.¹ Вальтер встретил своего смертельного врага всего лишь дважды: в штаб-квартире Коминтерна, куда он имел свободный доступ, и в московском автобусе — Милетич стоял прямой как столб и держался правой рукой за поручень. С мрачным худым лицом, безучастный, хотя с поврежденной кисти руки у него капля за каплей стекала кровь².

Вальтер испытал один из самых полных моментов удовлетворения в его жизни, когда Димитров сказал ему об аресте Милетича. Он сразу отправился к Дамьянову — Белову, влиятельному болгарину, поддерживавшему Петко и предлагавшему назначить его секретарем КПиО³. Когда Тито вошел к нему в комнату, тот встретил его с надменностью бюрократа из высших кругов: «Как дела, товарищ Вальтер? Что нового?» «Ничего, ничего, — ответил Броз. — Ничего такого, единственное, что могу припомнить, это что Петко арестовали». Дамьянов был настолько удивлен и ошарашен, что побледнел и вскочил. Полчаса он не мог вымолвить ни слова⁴.

¹ *Eiletz S.* Titova skrivnostna leta. S. 106, 107; *Simić P.* Tito. Skrivnost stoletja. S. 141; *Simić P., Despot Z.* Tito. Strogo poverljivo. S. 95; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 26; *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 88, 92; *Idem.* Enigma. Vol. I. S. 101, 107–112; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 79, сн. 5; *AS.* Dedijer. T. e. 236. Pismo Stevana Popovića — Đilasu, 15.03.1984.

² *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 56; Spomini tovariša Tita na slavno preteklost; *AS.* Dedijer. T. e. 223. Izjava J. Kopiniča 23.03.1988, Đilas — Petko Miletić.

³ *Cenčić V.* Enigma. Vol. I. S. 95.

⁴ *AJ.* 837. KPR. IV-5-b. K 49. Zabeleška J. Vilfana na vreme provedeno u SSSR. 21.12.1953; Spomini tovariša Tita na slavno preteklost; *Cenčić V.* Enigma. Vol. I. S. 113.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

В первой половине 1939 г. КПЮ энергично вела антифашистскую пропаганду. В письме к Димитрову от 20 июня 1939 г. Вальтер сообщал о своей работе и, помимо прочего, написал: «Что касается защиты государства, то мы уже в марте опубликовали обращение ЦК, которое произвело большое впечатление не только на рабочих, но и на буржуазные партии. — В деле мобилизации народных сил против агрессоров наша Партия стоит в первых рядах»¹. 7 апреля, когда Италия Муссолини напала на Албанию и осуществила ее аннексию, партийная организация Белградского университета решительно осудила «разбойнически-захватническую политику провокационной оси Берлин — Рим»². Но уже в августе неожиданно был заключен договор между Москвой и Берлином о взаимном нейтралитете в случае войны. Этот головокружительный поворот Сталина по отношению к «злейшему врагу мира — гитлеровской Германии»³ оказал воздействие на югославских коммунистов, веривших в непогрешимость его догм. Если они смирились с его террором, то могли переварить и его политическое «сальто мортале» в убеждении, что это тактический шаг, который обеспечит Советскому Союзу нейтралитет в момент, когда война между «империалистическими» силами уже на пороге⁴.

Когда из-за вторжения Гитлера в Польшу 1 сентября 1939 г. и из-за решения Великобритании и Франции встать на ее защиту вспыхнула война, Вальтер и иже с ним видели в происходящем доказательство того, что началось столкновение между противоборствующими империалистическими блоками. А значит, эта война «не может быть войной рабочего класса»⁵. Когда же Германия и Советский Союз 29 сентября подписали еще и Договор о дружбе и границе, в котором был заложен их общий вызов миру, они немедленно приспособились и стали делать акцент на вине западных «колониальных» сил и «преступной политике английских и французских подстрекателей», а не на захватнических амбициях нацистской Германии⁶. После подписания

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 591. С. 19. Перевод цитаты дан по тексту Й. Пирьевца.

² *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 257.*

³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1109. С. 99.

⁴ AS. *Dedijer. T. e. 7. E. Kardelj. Tito na istorijskim raskršćima. S. 17.*

⁵ *Ibid.*

⁶ *Svain G. R. The Comintern and Southern Europe // Resistance and Revolution in Mediterranean Europe 1939–1948 / Ur. T. Judt. London; New York: Routledge, 1989. P. 34.*

упомянутого дополнительного договора Красная армия вторглась в Польшу. В связи с этим Мануильский созвал на заседание всех представителей коммунистических партий, находившихся тогда в Москве. На нем присутствовал и Броз. Мануильский дал разъяснения по поводу договора с немцами и добавил, что это вопрос политики и тактики, и его не следует рассматривать как препятствие к тому, чтобы все партии, кроме советской, продолжали борьбу с фашизмом. Он дал задание составить в соответствии с вышеизложенным проекты воззваний для каждой из партий, в которых будут намечены направления их будущей деятельности. Никто, кроме Вальтера, этого не сделал, просто из опасений сказать что-нибудь лишнее. Вальтер написал текст, в котором констатировал, что Югославия всё еще находится под угрозой немецкого и итальянского фашизма, злейшего врага прогрессивного человечества. Мануильский с воодушевлением одобрил это воззвание, отметив, что автор думает своей головой¹. Но эта попытка сформировать автономную политическую линию была прервана. Совсем скоро, когда Советский Союз напал на Финляндию, в оценке международного положения возобладала точка зрения Сталина — борьба против фашизма не имеет существенного значения. Следует вернуться к так называемой «классовой конфронтации», акцентировать внимание на борьбе «класса против класса», пролетариата против буржуазии. «В условиях, когда гитлеровские войска перекраивали карту Европы, когда наступление фашизма шло по всем фронтам, — говорил впоследствии Тито, — такая политика, отвергавшая национальные интересы и защиту независимости, я чувствовал, может стать роковой»². Если бы он озвучил тогда эту мысль, последствия для него были бы еще более роковыми. Так что он и сам поддержал «мудрую сталинскую линию мира», которая вынудила Гитлера «капитулировать перед Советским Союзом, опирающимся на непобедимую рабоче-крестьянскую армию и на любовь и поддержку миллионов трудящихся»³. Он и его товарищи в последующие месяцы поддерживали политику Советского Союза, когда он поэтапно «освобождал двадцатимиллионные народы Белоруссии, западной Украины, Бессарабии и Буковины, Литвы, Латвии и Эстонии <...> от капиталистического рабства». В органе Коминтерна *Die Welt*, выходившем в Стокгольме, Вальтер написал, что югославы с воодушевлением приветствовали эти подвиги⁴.

Что касается среды студенческой молодежи, где преобладали левые настроения, тут он не преувеличивал. Как сообщал из Белграда 21 декабря 1939 г. Ганс Гельм, который, в соответствии с договором обоих правительств,

¹ *Dedijer V. Novi prilozci. Vol. II. S. 360; Stefanović M. Podpis: Tito. S. 24; Bajt A. Bermanov dosje. S. 758; Dimitrov G. Diario. S. 185; Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 178; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 75; Damjanović P. Originalnost i teškoće Titovog puta; AS. Dedijer. Т. е. 111. Magnetofonska snimka. S. 86; Čavoški K. Tito. Tehnologija vlasti. S. 276.*

² AS. Dedijer. Т. е. 111. Magnetofonska snimka. S. 87.

³ *Bajt A. Bermanov dosje. S. 745.*

⁴ *Ibid; Čolaković R. Kazivanje. Vol. III. S. 566, 567, 587.*

руководил делегацией немецкой полиции в Югославии, признаки деятельности коммунистов в студенческой среде были очень заметны. При этом, по его мнению, не следовало упускать из виду положительные последствия заключения пакта Риббентропа — Молотова — ведь коммунистическая пропаганда играла на руку Германии. Антинацистские выпады прекратились, средоточие полемики стала борьба против английского и французского империализма. «До подписания германско-российского пакта коммунисты являлись самыми большими националистами в Югославии. Студенты-коммунисты в Белградском университете формировали добровольческие батальоны; обучение в которых вели офицеры. После подписания пакта все эти добровольцы исчезли. До 23 августа коммунисты ожидали, что вот-вот вспыхнет война. Сейчас они стали крайними пацифистами...»¹ В конце ноября 1939 г., когда Советский Союз напал на Финляндию, из-за чего его 14 декабря исключили из Лиги Наций, в Белграде прошли прорусские манифестации, на которых студенты восклицали: «Лучше умереть на улицах Белграда [в борьбе против буржуазии. — *Й. П.*], чем на словенской границе [сражаясь с немцами. — *Й. П.*]». Среди них преобладало мнение, что «Гитлер не представляет никакой опасности для независимости Югославии»². В то время британские дипломаты были убеждены, «что в этом государстве большая часть коммунистической пропаганды — дело немецких денег и немецких агентов». Как отмечено в приложенном к этому донесению меморандуме, коммунисты мастерски умели играть на социальной струне, а также на панславистских чувствах, причем их демагогия, несомненно, пользовалась успехом³.

* * *

Правда, она находила отклик лишь в некоторых левых кругах: многие в Белграде и в Любляне не смогли переварить пакта Риббентропа — Молотова и внезапной политической переориентации КПЮ, продиктованной Москвой. Еще больше таких людей было в Загребе, несмотря на то что там коммунисты активно раздували хорватский национализм и вражду к Белграду⁴. Помимо борьбы за власть и за выживание, Брозу в то время пришлось столкнуться и с сопротивлением, возникшим среди хорватских левых интеллектуалов, критически относившихся как к социалистическому реализму, внедрявшемуся Москвой, так и к ее вмешательству в испанскую гражданскую войну, а также к сталинскому террору, московским процессам и сибирским лагерям. Возглавил эту оппозиционную группу Мирослав Крлежа — Фриц, в то время крупнейший литератор Хорватии, знавший многое о сталинских

¹ Deakin F. W. Yugoslavia. The Military Organisation of the Yugoslav Communist Party (1918–1940). The Setting (1941). P. 9; The British Image of Yugoslav Communism (1921–1941). P. 16.

² Bajt A. Bermanov dosje. S. 775.

³ Deakin F. W. Yugoslavia. The British Image. P. 18, 23; TNA. FO 371/23877 R12201; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 593.

⁴ Deakin F. W. Yugoslavia. The British Image. P. 22; Bajt A. Bermanov dosje. S. 769.

чистках, поскольку о них ему поведал один из «эксекutorsов». Он разговаривал с ним до рассвета, но не пожелал раскрыть содержание этой беседы. Сказал только, что никогда не слышал более «демонической» истории¹. Он стал рупором течения «ликвидаторов» и во время выборов в декабре 1939 г. заявил, что партия должна отказаться от независимого выступления своей Партии трудящегося народа в рамках Объединенной оппозиции, поскольку революции не будет. Ей следует выступать только как левое крыло Хорватской крестьянской партии. Он и его единомышленники были убеждены, что в условиях обострившейся из-за агрессивной политики Гитлера международной ситуации не имеет смысла замыкаться в бесплодном радикализме. «Он не верил в победу революции, — вспоминал Тито впоследствии, — поскольку рассматривал только физическое и материальное соотношение сил. Я говорил ему: это точные факты, но без учета морального фактора. Воли и веры в победу»². Короче говоря, Тито придерживался ортодоксальной политической линии, и это вызвало раскол, который только усугубился, когда пришла неожиданная новость о заключении пакта Риббентропа — Молотова. Для представителей левых кругов интеллигенции, которые умели думать своей головой, она стала ударом. Еще вчера фашисты были «зверьями», с которыми невозможен никакой диалог. Сегодня они стали союзниками³.

Убедить Мирослава Крлежу и людей, группировавшихся вокруг его ежемесячника *Pečat*, в том, что Сталин всегда прав, было сложнее, чем белградских студентов. Однако Броз сделал всё возможное, чтобы преодолеть так называемый «раскол среди левых литераторов». Еще до своего отъезда в Москву он встретился с Крлежей в одном из кафе на окраине Загреба и попытался втолковать ему, что нельзя подрывать авторитет партии. Они заметили группу подозрительных людей, которые зашли во двор, где они сидели. «И тут я впервые увидел Тито в деле, — рассказывает Крлежа. — Сидит спокойно, смотрит вниз, на маленькие ступени у входной двери, ведущие в сад. Вытаскивает револьвер из кармана, заряжает его, кладет рядом с собой на скамью и говорит мне: “Я в любом случае окажу сопротивление. Я не могу по-другому, ну а ты перелезь через ограду и беги наверх”. И еще дал мне указания, по какой дороге идти: Хладнокровно»⁴.

* * *

Но Броз был не только хладнокровным, но и упорным. Осенью, приехав в Москву, он попытался воздействовать на Крлежу и иже с ним, но успеха не добился. В донесении о положении в Югославии, написанном в сентябре

¹ *Očak I. Gorkić. S. 260, 261; Čolaković R. Kazivanjae. Vol. III. S. 430.*

² *Čosić D. Piščevići zapisi (1951–1968). S. 176; Gligoričević M. Rat i mir Vladimira Dedičerja. S. 204, 206, 210; Swain G. R. Tito: the formation. P. 260; Očak I. Krleža — Partija. Miroslav Krleža u radničkom i komunističkom pokretu 1917–1941. Zagreb: Spektar, 1982.*

³ *Zagreb i Hrvatska. S. 54; AS. Dedičer. T. e. 242. Kopija iz memoarova druga M. Dilasa. S. 206.*

⁴ *Očak I. Gorkić. S. 249; Čolaković R. Kazivanjae. Vol. III. S. 609, 610.*

1939 г. для Коминтерна, он упомянул, что «троцкисты», подвизавшиеся в литературной сфере, своей ревизией марксизма вносят смуту в ряды интеллигенции, и партия решительно борется против них¹. В Коминтерне полностью одобрили эту политику и на заседании 23 ноября дали положительную оценку работе Вальтера². Следует упомянуть, что по-прежнему далеко не все члены вышеупомянутой организации были склонны его поддерживать. Поскольку Вальтер в то время заболел гриппом с высокой температурой, приковавшим его к постели, он уехал из Москвы только 26 ноября 1939 г. (Его ближайшие соратники уже боялись, что он сгинул в застенках НКВД.) Он отправился в Турцию, так как Караиванов посоветовал ему не возвращаться на поезде через Прагу, где ему грозит покушение со стороны московских врагов. На станции он зашел в вагон, вышел из другой двери и вскочил в поезд на Одессу. Он приехал в Советский Союз под именем чешского инженера Томанека, а уехал оттуда под именем канадца греческого происхождения Спиридона Матаса³. Прибыв в Стамбул, он задержался там надолго, поскольку счел небезопасным продолжать поездку с паспортом, на котором стояла советская виза⁴. К тому же у него не было транзитных болгарской и югославской виз, которые югославские власти с недавних пор стали требовать от британских подданных. Поэтому он дал поручение товарищам на родине прислать ему новые поддельные документы. Но тут дело застопорилось. «Велебит и Герта, — рассказывал Тито позднее, — принесли настолько плохо изготовленные паспорта, что первый же жандарм мог нас арестовать». И добавил, с ядовитым намеком в адрес Карделя: «У нас была такая техника, которой заведовал Бевц⁵, что мы могли бы печатать фальшивые банкноты. Мне же послали такие паспорта, что казалось, будто кто-то хочет тебя подставить»⁶. В письме Копиничу, написанном по прошествии многих лет, он высказался еще яснее: «Кардель в 1940-м хотел меня уничтожить!» Броз подозревал, что тот хочет избавиться от него, поскольку Кардель знал, что он едет на родину, чтобы занять руководящее положение в КПЮ⁷.

Лишь 13 марта 1940 г. Броз вернулся на родину с документом, изготовленным для него в Коминтерне, и с подделанной там же югославской

¹ Ibid; *Broz Tito J. Zbrana dela*. Vol. 5. S. 18.

² *Swain G. R. Tito*. P. 361.

³ AS. Dedijer. T. e. 3. Jovanka; *Adamič L. Orel in korenine*. S. 449.

⁴ *Velebit V. Svjedok*. S. 59; *Stefanović M. Podpis: Tito*. S. 24; *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. I. S. 260; AJ. 838. LF III-10/2. Fotokopija tranzitne vize izdate u Turskoj sa Spirodona Mekasa sa slikom Josipa Broza, 19.02.1939.

⁵ Псевдоним Карделя.

⁶ *Cenčić V. Titova poslednja ispovijest*. S. 97, 152, 291, 292; *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито*. С. 80; *Velebit V. Svjedok*. S. 60; AS. Dedijer. T. e. 261. *Pogovor V. Dedijerja s S. Dolancem*, okt. 1984; *Pasoši za Tita*; J. Kopinič, 12.07.1981. *Zašto Titu 1940 godine nisu slali dobre isprave*; T. e. 262. *Herta Haas*. S. 47.

⁷ AS. Dedijer. T. e. 252. *Tito: O svom ilegalnom putovanju (iz SSSR u Jugoslaviju preko Istanbula)*; *Bisenić D. Život bez rukavica // Danas*. 2009. 30.12. S. 4.

транзитной визой¹. Чтобы не вызвать подозрений, он купил билет первого класса на пароход «Рекс», который должен был в середине марта отплыть из Неаполя и Генуи в Нью-Йорк. В Геную он отправился на поезде. На греческо-югославской границе его паспорт, якобы выданный английским консульством в советской столице, показался полицейским подозрительным. Они потребовали объяснений. Он выкрутился, отговорившись тем, что его паспорт был просрочен, и, поскольку ему срочно потребовалось по служебным делам уехать из Советского Союза, ему выдали новый². В Загребе он вышел из поезда, якобы прогуляться по перрону, и остался там. Ощущение, что он в опасности, оказалось обоснованным: подтверждение он получил через несколько дней, когда в кафе «Корсо» прочитал в новостях, что на Гибралтаре британские власти задержали и обыскали итальянский пароход в поисках некоего подозрительного человека. Корабль опоздал на шесть часов, что вызвало бурный протест у пассажиров. «А я сижу в Загребе»³.

В хорватской столице он объявился в середине марта 1940 г., очень рассерженный, поскольку ему казалось, что товарищи пытались вывести его из игры, может, даже в пользу Милетича. «У меня было ощущение, — вспоминал Джилас, — что по возвращении из Москвы Тито подозревал и меня — в том, что я помог Петко получить паспорт». Так что на первом заседании ЦК произошло довольно бурное выяснение отношений, во время которого Броз выплеснул всё свое раздражение по поводу того, что был вынужден целых два месяца ждать в Стамбуле. С Карделем он, очевидно, уже разобрался, теперь на очереди был Джилас. Объяснение, что в то время, когда он был в отъезде, мастера, умевшего подделывать печати, арестовали, вовсе не помогло, хуже того — и Герта Хаас стремилась разжечь в нем гнев. Упреки привели Джиласа в такое негодование, что он не стал оправдываться, а когда в конце концов попытался заговорить, глаза его наполнились слезами. «Однако, когда заседание закончилось и я еще весь был в напряжении <...>, он подошел ко мне и предложил прогуляться. Обычно он редко ходил по Загребу, поскольку мог наткнуться на какого-нибудь знакомого. Но тогда пошел. Я думал, что он хочет передо мной извиниться, и ледяная скованность стала меня отпускать. Но он этого не сделал. Просто начал говорить со мной обо всем подряд, больше всего о моей личной жизни и моих обстоятельствах. Время от времени он ласково улыбался. Во всем этом было что-то очень теплое и человеческое, и, когда мы распрощались, я ушел довольный, как ребенок, чей отец понял, что наказал его несправедливо, хотя и не хочет признаться перед ним в этом»⁴.

¹ Ridley J. Tito. A Biography. P. 150; Kranjc M. F. Zarote in atentati na Tita. S. 298.

² Clissold S. Dilas. P. 34.

³ Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 80; Ridley J. Tito. A Biography. P. 151; AS. Dedijer. T. e. 111. Magnetofonska snimka. S. 89; Adamič L. Orel in korenine. S. 449, 450; Broz Tito J. Izjava uredniku «Anadolske agencije». Zbrana dela. 8. S. 21, 22 (srbohrvaški izvod).

⁴ AS. Dedijer. T. e. 242. Kopija iz memoarov druga M. Dilasa. S. 118, 219, 220.

В хорватской столице Брозу снова пришлось разбираться с Крлежей, который дважды давал ему обещание прекратить свою «кампанию» против пакта Риббентропа — Молотова, но не сдержал его. По словам Гертты Хаас, в те месяцы, когда Вальтер должен был приложить максимум усилий к тому, чтобы укрепить партию и распространить ее программу в народных массах, как минимум половину своего рабочего времени он тратил на разговоры с «крлежанцами»¹. Поскольку ему не удалось их переубедить, он еще раз заклеил их как «троцкистов», а в ответ на их «писанину» даже организовал в Загребе издание сборника «Литературные тетради», редактирование которого доверил Владимиру Дедиеру. Он лично вместе с Карделем прочитал и отредактировал текст перед публикацией².

Крлежу особенно задевала судьба тех знакомых и друзей, которые «отдали свою жизнь за большевизм [и] были ликвидированы под собственными знаменами»³. На выдвигавшиеся писателем обвинения в адрес сталинского террора Вальтер отвечал: «Ну и что нам делать в этой ситуации, когда тут новая мировая война? На кого опереться? У нас нет другого выхода, как опереться на СССР, какой бы он ни был»⁴. Всё было напрасно: Крлежа не присоединился к движению сопротивления во время войны, хотя Тито послал ему целых восемь депеш с приглашением приехать на освобожденную территорию. Но он долго не верил в жизненную силу партизанской авантюры, а кроме того был убежден, что, если он это сделает, его «зарезут» как ревизиониста⁵. Из-за нежелания Крлежи принять участие в народно-освободительном движении Тито после войны с трудом удалось спасти ему жизнь, хотя он лично с ним помирился. Когда в августе 1945 г. писатель, подав личное прошение, впервые пришел в Белый дворец, он принял его так холодно, что даже не поздоровался с ним за руку, только резко сказал: «Садись!» Однако уже после получасового разговора Тито пригласил его на обед. Очевидно, победило товарищество, возникшее еще перед Первой мировой войной в загребской казарме, где они вместе проходили военную службу⁶.

* * *

Изменение политической линии повлияло и на отношение коммунистов к внутреннему положению в Югославии. Если до заключения пакта

¹ Zagreb i Hrvatska. S. 54; *Banac I.* Sa Staljinom protiv Tita. S. 80–82.

² *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 217; *Gligorijević M.* Rat i mir Vladimira Dedijerja. S. 205; *Očak I.* Gorkić. S. 242, 243; *Kalezić V.* Dilas miljenik in otpadnik komunizma. Kontroverze pisca i ideologa. Beograd: Zodne, 1988. S. 110, 111.

³ *Očak I.* Gorkić. S. 251; *Čolaković R.* Kazivanje. Vol. III. S. 611.

⁴ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 18.

⁵ NSK. M. Krlježa. «A» 169; *Ispovijest.* S. 139; *Čosić D.* Piščevi zapisi (1951–1968). S. 127, 176; *Ridley J.* Tito. A Biography. P. 145; *Gligorijević M.* Rat i mir Vladimira Dedijerja. S. 153, 211; *Dilas M.* Vlast kao strast // *Start.* 1989. 21.01. S. 28; AS. *Dedijer.* T. e. 242. *Kopija iz memoarova druga M. Dilasa.* S. 206, 210.

⁶ AS. *Dedijer.* T. e. 242. *Kopija iz memoarova druga M. Dilasa.* S. 210; *Krlježa M.* Moji susreti s Titom // *Večernji list.* 1972. 23.05. S. 4.

Риббентропа — Молотова они стремились к диалогу со всеми, кто был готов его вести, то после него они смотрели на происходящее сквозь новые идеологические очки, т. е. так, как диктовал Коминтерн. В директивах, переданных Вальтеру в ноябре 1939 г., четко указывалось, что КПЮ должна серьезно укрепить «большевистскую бдительность и дисциплину» и не быть просто «довеском на хвосте Владко Мачека и социал-демократии»¹. В этом духе он и организовал работу, особенно в Далмации, «раковой опухоли нашей партии», где находилось большинство фракционеров. Со всей решительностью он их денонсировал и призвал лояльных членов партии бойкотировать их, разорвать с ними все связи и даже не здороваться при встрече на улице².

Договор между председателем белградского правительства Цветковичем и лидером Хорватской крестьянской партии (ХКП) Мачеком об автономии Хорватской бановины в рамках Югославии, который еще накануне коммунисты приветствовали бы, в контексте этой правоверности неожиданно стал договором двух буржуазий, которые не способны решить ни национальный вопрос в Югославии, ни какой-либо другой, например аграрный. Что касается внешней политики, то Броз и его товарищи теперь опасались, что новое коалиционное правительство Цветковича — Мачека будет слишком расположено к Великобритании и Франции и позволит вовлечь себя в их «империалистическую» войну. Они считали, что единственный выход — скорейшее заключение союза Югославии с СССР, «который, благодаря своей миролюбивой политике, является сильнейшим противником империалистической войны и гарантом независимости и мира малых государств»³. Этого потребовал от балканских народов Коминтерн в специальной резолюции⁴. Тот факт, что Сталин в середине марта отхватил у Финляндии значительный кусок ее территории и намеревался проделать то же самое и с румынской Бессарабией, естественно, никого из правоверных не смущал⁵, как и «Blitzkrieg»⁶ Гитлера в северо-западной Европе. В устном сообщении, переданном в Москву в конце мая через посредника, Вальтер вообще не упоминает об этом факте. При этом он подробно рассказывает о том, что в Югославии (за исключением словенских и хорватских клерикальных кругов) всё еще распространены англо- и франкофильские настроения: «Одновременно с ростом враждебного отношения к Италии растет также и отрицательное отношение к ее союзнице, гитлеровской Германии. Заключение германско-советского пакта немного умерило антинемецкие настроения. Однако антинемецкие чувства вновь усилились после нападения Германии на Норвегию и Данию, и стали еще глубже с тех пор, как война охватила также Нидерланды и Бельгию. Но осознание

¹ *Simić P.* Tito. Skrivnost stoletja. S. 139.

² *Ridley J.* Tito. A Biography. P. 152; *Broz Tito J.* Zbrana dela. Vol. 6. S. 15.

³ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 133; Ф. 495. Оп. 74. Д. 65. С. 9.

⁴ *Dimitrov G.* Diario. S. 197.

⁵ *Bajt A.* Bermanov dosje. S. 745–749, 766.

⁶ Молниеносная война (нем.).

того, что эти государства вовлекла в войну подстрекательская политика Великобритании и Франции, еще не утвердилось в широких массах»¹.

Когда в первой половине 1940 г. вермахт без труда одолел Францию, Броз решил, что пришла пора начать акцию в Югославии, чтобы она не оказалась вовлечена в вихрь Второй мировой войны. Он размышлял о возможности создания союза Балканских государств, которые оказывали бы поддержку друг другу и спаслись бы от немецкой угрозы, встав под защиту Советского Союза. Что касается Королевства Карагеоргиевичей, то несмотря на его многолетнюю враждебную политику по отношению к Советскому Союзу, эта идея не была такой уж утопичной². В страхе перед немцами белградское правительство 10 июня 1940 г. решило установить дипломатические связи с Москвой. Поскольку республики Прибалтики и Бессарабия уже были присоединены к Советскому Союзу, нетрудно было себе представить, что и Югославия может оказаться под ее крылом. Этот вопрос был поставлен в статье «Между двумя перспективами», опубликованной в газете *Proleter*, причем отмечалось, что было бы ошибкой просто дожидаться, когда Красная армия спасет югославские народы от войны. Даже если она придет на помощь, народ должен помочь себе сам. Ясно, что он сформирует свое правительство, что следует сделать — как отмечал Вальтер еще весной 1939 г. — в соответствии с ленинской теорией³.

В документе из архивов Коминтерна от 15 сентября 1940 г. содержатся любопытные сведения. Речь идет о протоколе заседания, на котором четыре руководителя Третьего Интернационала — Пик, Эрколи (Тольятти), Готвальд и Димитров — обсуждали устное донесение, переданное Вальтером в Москву через посредника Николая Петровича, коммуниста из Воеводины⁴. Вальтер предложил вышестоящим товарищам, чтобы КПЮ организовала падение коалиции Цветковича — Мачека и заменила ее «настоящим народным правительством». Свою инициативу Броз обосновал тем, что положение в Югославии чрезвычайно напряженное и следует опасаться раздела государства между Германией и Италией, к чему якобы склоняются определенные круги югославской буржуазии. «Настоящее народное правительство», опираясь на поддержку рабочих и крестьян, должно подготовить вооруженный отпор любой попытке соседних фашистских государств поработить югославские народы»⁵. Тито долгое время полагал, что Югославия повторит русский опыт. Сначала должна была начаться буржуазно-демократическая революция, носители которой — рабочие массы и либерально настроенные

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 592. С. 12. Перевод цитаты сделан по тексту Й. Пирьевца.

² Там же. С. 13, 17.

³ *Swain G. R. Tito: the Formation*. S. 262, 263.

⁴ *Dedijer V. Novi prilozii*. Vol. III. S. 170; *Pirjevec J. Sklep sekretariata Izvršnega komiteja Komunisticne internacionale*, št. 688 z dne 15. septembra 1940 // *Prispevki za novejšo zgodovino*. 1997. XXXVII. № 2. (Ferenčev zbornik). S. 117–122.

⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1325; *Klinger W., Kuljiš D. Tito. Neispričane priče*. S. 207 и далее.

средние слои, и лишь на следующем этапе пролетариат взял бы всю власть в свои руки. Он был уверен, что следует проводить работу в этом ключе, причем КПЮ должна стать протагонистом событий¹.

Результат заседания ИККИ, на котором обсуждался этот смелый проект, оказался не в пользу плана Вальтера. Руководители Коминтерна считали, что партия недооценивает мощь противника и переоценивает собственную. По их мнению, Югославия еще не созрела до преобразований, подобных тем, что произошли в России после Февральской революции 1917 г., ведь партия не имеет большого влияния на промышленных рабочих, только на крестьянские массы. Поэтому они предостерегли Вальтера от проведения любой преждевременной акции, для которой нет соответствующих внутренних и международных условий, и подчеркнули, что не следует строить иллюзий о возможной помощи Красной армии. В этом документе, где Вальтер впервые упоминался как секретарь ЦК КПЮ, Пик, Эрколи, Готвальд и Мануильский не ограничились лишь запретами. Во второй части упомянутого «решения» они наметили политическую линию, которую партия должна воплотить в жизнь: планам раздела Югославии ей следовало противостоять путем поддержки тех групп среди широких слоев населения, горожан и армии, которые готовы организовать вооруженное сопротивление. «Если раздел югославского государства на немецкий и итальянский протектораты произойдет без вооруженного столкновения, партия должна организовать массы на борьбу против предательства югославской буржуазии и насилия иностранных империалистических сил». С этой целью партии следует продумать, не будет ли целесообразно разработать для разных национальных областей и для всей Югославии военные программы с конкретными политическими, экономическими и национальными требованиями. «Партия должна использовать любую возможность сотрудничества с оппозиционными элементами и оппозиционными группами мелкобуржуазных партий, а также социал-демократии, чтобы расширить и укрепить боевой фронт против реакции и поднять массы на защиту независимости народов Югославии»².

* * *

Вернувшись в Загреб, Вальтер сразу же созвал заседание ЦК КПЮ, на котором было принято решение как можно скорее организовать проведение партийного съезда. Чтобы как следует подготовиться к этому важному событию (последний съезд состоялся одиннадцатью годами ранее в Дрездене), с мая по сентябрь 1940 г. провели ряд областных конференций. В них приняли участие 1500 делегатов, которые выразили согласие с резолюцией, что партия за последние месяцы сильно укрепилась в организационном и идеологическом плане. Она обеспечила себе доверие широких народных масс и стала важным политическим фактором во всей Югославии. В ней насчитывалось 6500 членов, к которым следовало добавить еще примерно

¹ *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. Zagreb: Golden Marketing, 1999. S. 126.

² РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. С. 141–146; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 82, 83.

17800 членов СКМЮ. «Это число, — рассказывал Тито позже, — с каждым месяцем всё увеличивалось»¹.

Хотя курьер, доставивший вышеупомянутую рекомендацию ИККИ, попытался убедить Вальтера не созывать партийный съезд, поскольку в полицейском государстве невозможно организовать встречу, в которой бы приняло участие более 100 человек, тот не отказался от своих планов. Он уступил только в том, что обозначил будущую встречу не как «съезд», а как «конференцию». И так, с 19 по 23 октября 1940 г. состоялась V Конференция КПЮ. Проходила она в Дубраве, куда переехал Тито, поскольку в пригороде Загреба было проще организовать прибытие 108 делегатов со всей Югославии, не привлекая к этому особого внимания. С деньгами проблем не было, ведь партия располагала большим количеством золота, принадлежавшего Независимым профсоюзам, но находившегося в руках Тито². Еще требовалось найти достаточно просторный и удобно расположенный дом, в котором можно было бы убрать несколько внутренних перегородок, чтобы устроить зал для заседаний. Нужно было приобрести скамейки и стулья, оборудовать кухню, купить еду и даже построить временный дополнительный туалет. И всё это, конечно, следовало сделать в несколько заходов, незаметно, чтобы соседи ничего не заподозрили, и чтобы сами делегаты, большинство из которых должны были прийти ночью, не знали бы, где они находятся. Ведь хватило бы одного засланного шпиона, чтобы уничтожить всю верхушку КПЮ³. Опасения не были безосновательными, поскольку сторонники Петко Милетича даже запланировали нападение на место проведения конференции и не смогли осуществить его только из-за того, что кто-то из их группы вовремя оповестил ЦК КПЮ о готовящейся акции⁴. Когда одну загребчанку заподозрили в том, что она может сообщить полиции о происходящем в снятом внаем доме, Броз не колебался: «Я приказал Кончару убить ее. Мы должны были принимать такие меры»⁵.

На конференции поддержали интерпретацию войны, данную Коминтерном: она является столкновением между двумя империалистическими блоками, и обязались бороться «за трудящиеся массы путем организации Народного фронта снизу»⁶. В соответствии с этой линией Броз, которого вновь избранное Политбюро утвердило генеральным секретарем, в своем вступительном слове осудил «псевдодемократию английских и французских империалистов». Он подчеркнул, «что пожар войны распространяется, что фашистские силы уничтожают независимость одного государства за другим,

¹ AS. *Dedijer*. T. e. 111. Magnetofonska snimka. S. 89.

² *Dedijer V. Novi prilozii*. Vol. III. S. 27; AS. *Dedijer*. T. e. 242. Kopija iz memoarov druga M. Đilasa. S. 222–226; T. e. 252. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 19c.

³ Zagreb i Hrvatska. S. 54, 55; *Dedijer V. Novi prilozii*. Vol. I. S. 262; Vol. II. S. 365.

⁴ *Dedijer V. Novi prilozii*. Vol. III. S. 147.

⁵ *Šimić P. Tito. Skrivnost stoletja*. S. 155; *Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968)*. S. 178.

⁶ Zagreb i Hrvatska. S. 54, 55; *Dedijer V. Novi prilozii*. Vol. II. S. 365–367; *Bajt A. Bermannov dosje*. S. 764.

и что опасность всё больше непосредственно угрожает и Югославии». В завершение конференции он заявил, что необходимо готовиться к немецкой и итальянской агрессии: «Товарищи, наступает решающий момент. Теперь вперед, в последний бой. Следующую конференцию мы должны провести в стране, освобожденной от иностранцев и капиталистов!»¹ Историки так впоследствии цитировали его слова. Но это не соответствовало действительности. Он сказал другое — что нужно использовать современный кризис для осуществления революции: «В противовес перспективе, за которую борется империалистическая буржуазия, а именно, закончить войну новым империалистическим “миром”, основанным на новом переделе мира и еще большем угнетении поработанных народов, рабочему классу в союзе с трудовым крестьянством открывается перспектива революционного свержения империализма, перспектива новых побед социализма и ликвидации причин империалистических войн»².

КПЮ после конференции стала «монолитной» организацией сталинского типа; в разнообразии идеологических течений она видела худшее из зол: фракционность. Кроме того, основная масса лишь формально избирала высшие органы, на деле же генеральный секретарь назначал ЦК, а тот уже формировал остальные партийные структуры³. 29 членов ЦК и семь членов Политбюро были утверждены на основе заранее подготовленного списка, причем ради конспирации их не называли по имени и фамилии, не упоминали их псевдонимов, а просто бегло описали. Поэтому впоследствии было трудно определить, кто действительно вошел в состав этих органов⁴. Большинство из них были молодыми людьми от двадцати до тридцати лет. Что касается Тито — не было никаких сомнений в том, что именно он должен занять место генерального секретаря, ведь его поддержала Москва. На этом фундаменте сложилась хорошо организованная и подчиненная жесткой дисциплине партийная структура, которую один британский дипломат справедливо назвал похожей на иезуитскую. Сам не зная того, он повторил мысль Джиласа о коллективе, объединенном товариществом, любовью и экзальтацией, характерной для новообразованных религиозных сект⁵. «Такой нелегальной партии, как наша, не было никогда, — утверждал Эдвард Кардель. — <...> Мы научились доверять друг другу; ты научился доверять человеку, который был в тюрьме, ты знал, что он не предаст тебя, и на этом строились доверие и дружба, которые потом были пронесены через всю войну и далее. <...> Ты

¹ *Kisić Kolanović N.* Hebrang. S. 46; *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 122; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 263; AS. Dedijer. T. e. 111. Magnetofonska snimka. S. 91; *Dapčević V., Ćuruvija S.* Ibeovac: Ja, Vlado Dapčević. Beograd: Filip Višnjić, 1990.

² AS. Dedijer. T. e. 197. L. Koliševski — V. Dedijerju, 10.07.1984; *Broz Tito J.* Zbrana dela. Vol. 6. S. 50.

³ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 215.

⁴ *Ranković A.* Dnevničke zabeleške. Beograd: Jugoslovenska knjiga, 2001. S. 130–134.

⁵ AS. Dedijer. T. e. 242. Kopija iz memoarova druga M. Đilasa. S. 159.

спокойно сидишь в своем доме, уверенный, что никто к тебе не ворвется»¹. Тито присоединялся к нему: «Тогда стало видно, чего достигла наша Партия, какие условия в ней созданы и что эти условия очень хороши для работы. Она очистила свои ряды от фракционеров, избавилась от разных доносчиков, которые были полицейскими шпионами. С моральной точки зрения это принесло нам колоссальное удовлетворение»². Более трезвую оценку КПЮ накануне войны дал позднее Стане Кавчич: «Тито стал настоящим руководителем партии, ликвидировав в ней разные теоретические и политические (фракции) построения. Привел ее к единому теоретическому и практическому знаменателю. Оставался бдительным стражем этого своего успеха»³. КПЮ брала пример с Советского Союза и в том, что касалось обеспечения функционеров привилегиями. До возвращения Броза из Москвы каждый из них получал по 2 тыс. динаров в месяц, что более-менее соответствовало зарплате учителя. Но поскольку в СССР «товарищи», занимавшие ответственные посты, получали дополнительное вознаграждение, Броз предложил ввести эту практику и в Югославии. Зарплату членов Политбюро он повысил на 1 тыс. динаров, а собственную — в три раза. Политбюро также подарило ему виноградник в окрестностях Загреба, доходами с которого Вальтер пополнял свой ежемесячный бюджет. Он выдавал себя за состоятельного инженера Славко Бабича и купил маленькую виллу с беседкой на окраине Загреба. А еще он пожелал иметь автомобиль марки «Форд» и шофера, считая, что должен жить на широкую ногу, чтобы не привлечь внимания полиции. Об элегантной одежде можно и не упоминать⁴.

Нападение сил Оси на Югославию

Сильвестров день 1940/1941 г. Броз вместе с Гертой Хаас и другими друзьями провел у супругов Копинич, которые по заданию Коминтерна вернулись с ним из Москвы в Загреб. «Наверное, мы сейчас празднуем последний Новый год в Старой Югославии, — сказал он. — Гитлер не оставит нас в покое, поэтому настанут трудные времена. В любом случае мы, коммунисты, к этому готовы»⁵. О том, насколько интенсивно работал Тито в этот драматический период истории, свидетельствует статья, посвященная тактике и стратегии вооруженного восстания, написанная им для лекции в партийной школе ЦК КПЮ в феврале и марте 1941 г. В ней ясно выражена идея пролетарской революции как искусства, которое воплощается в жизнь в этой «высшей форме классовой борьбы» (Ленин), конечно, начиная с того критического момента,

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 317.*

² *AS. Dedijer. T. e. 111. Magnetofonska snimka. S. 90.*

³ *AS. Dedijer. T. e. 188. Zapis S. Kavčiča. Tito. 06.03.1985. S. 1.*

⁴ *Ridley J. Tito. A Biography. P. 153; Adamič L. Orel in korenine. S. 440; AS. Dedijer. T. e. 242. Kopija iz memoarov druga M. Đilasa. S. 195.*

⁵ *Cenčić V. Enigma. Vol. I. S. 137.*

когда можно будет использовать «смятение масс», «волнения народа» для вооруженной борьбы с классом эксплуататоров. И какой момент может быть для этого лучше, чем начало кризиса, который разразится, если силы Оси нападут на Югославию? В этом случае не была бы утопией надежда зажечь ту искру, из которой вспыхнет народное восстание. «Высшая точка активности масс проявляется в том, что они готовы сражаться и умереть за победу революции; презирая смерть, они преисполнены гневом и необузданной враждебностью, перерастающими в “бешенство”, переходящее в жестокость». Через много лет на вопрос о том, как он пришел к идее партизанской войны, которая провозглашена в этой статье, Тито ответил, что много думал об этом, поскольку хорошо изучил положения марксизма о вооруженном народе. Ряд идей он позаимствовал у Клаузевица, а также изучил опыт Первой мировой войны, Октябрьской революции, ведения партизанской войны в Китае и испанской герильи против Наполеона. Но главным образом у него перед глазами был пример недавней гражданской войны в Испании, ошибок которой следует избегать и на событиях которой нужно учиться. Прежде всего, подчеркивал он, партия как авангард пролетариата с самого начала должна взять инициативу в свои руки, разработать план восстания в деталях, организовать боевые отряды, «ударный кулак» революционного пролетариата, осуществить их союз с крестьянами и национально-освободительными движениями, и при этом уничтожить или взять под контроль старую административную и военную систему. «Партия не должна допустить, чтобы восстание началось спонтанно, без ее организации и руководства»¹.

* * *

В начале 1940 г. Югославия оказалась в чрезвычайно тяжелом положении. Италия и Германия держали ее в клещах, ведь Третий рейх сотрудничал с Венгрией и Румынией, а Муссолини включил в свою империю Албанию, в которую ввел войска в апреле 1939 г. Он хотел воссоздать Римскую империю и превратить Адриатику в «*mare nostrum*»², затем продолжить свою экспансию, присоединив Югославию, однако Гитлер запретил ему это. Германия уже господствовала экономически в Балканском регионе, поэтому фюрер вовсе не желал проблем с поставками нефти и другого сырья из-за амбиций дуче. Но обуздать Муссолини было трудно: не оповестив Гитлера, 28 октября 1940 г. он силами девяти дивизий напал с территории Албании на северную Грецию. Вопреки ожиданиям, греческая армия действовала эффективно: уже в середине ноября она освободила родную землю и начала вторжение в Албанию. После зимнего затишья, в марте 1941 г., итальянцы организовали новое наступление и вновь не добились успеха³. В этой

¹ Broz Tito J. Zbrana dela. Vol. 6. S. 149–177; Swain G. R. Tito and the Twilight. P. 214.

² Наше море (*итал.*).

³ Leary W. M. Fueling the Fires of Resistance: Army Air Forces Special Operations in the Balkans during World War II. Air Force History and Museums Program. Washington, 1995. P. 1.

ситуации князь Павел долго пытался сопротивляться призывам Берлина и Рима — присоединиться вместе с Венгрией и Румынией к государствам Оси (Германии, Италии и Японии), поскольку по воспитанию, семейным связям и политическим убеждениям он был англофилом. В поисках поддержки он, как уже было сказано, в июне 1940 г. даже установил дипломатические отношения с Советским Союзом, который Карагеоргиевичи до тех пор считали страной Антихриста. Москва в ноябре 1940 и в январе 1941 г. выдвинула Берлину требование не расширять зону военных действий на Балканы и оповестила об этом также и югославское правительство, но больше она ничего сделать не могла¹. Когда весной 1941 г. стало понятно, что Великобритания — единственное государство, которое всё еще боролось против немцев, — не сможет помочь князю Павлу, он принял решение присоединиться к Тройственному пакту, чтобы защитить Югославию от военной оккупации. Условия союза, которые предложил ему Гитлер, были достаточно благоприятны. От Югославии не потребовали ни непосредственного участия в войне, ни предоставления ее территории в распоряжение немецких войск для осуществления их стратегических планов. Однако надежды князя Павла, что таким образом ему удастся уберечь свои народы от ужасов войны, продлились недолго. Следуя примеру Болгарии, 1 марта 1941 г. присоединившейся к Тройственному пакту, премьер Цветкович и министр иностранных дел Д. Цинцар-Маркович 25 марта 1941 г. подписали протокол в Бельведерском дворце в Вене.

О закулисной игре, предварившей этот судьбоносный акт, Политбюро ЦК КПЮ в общих чертах было осведомлено. В государственном пресс-бюро у него был свой журналист, присутствовавший на всех конфиденциальных конференциях Цинцар-Марковича, на которых министр давал указания для прессы. Так что капитуляция правительства не стала для него неожиданностью. Как и массовое восстание, вспыхнувшее в Белграде после подписания пакта, которое было спровоцировано православной церковью, националистически настроенными сербскими кругами и сотрудничавшими с ними коммунистами². Народные демонстрации, которые должны были спасти «честь Югославии», в ночь с 26 на 27 марта увенчались военным переворотом. Совершила его группа офицеров военно-воздушных сил во главе с генералом Душаном Симовичем, которая с помощью британских агентов уже давно плела интриги против князя Павла и его политики договора с хорватами³. Далее события разворачивались как на кадрах киноленты: едва достигший 17 лет король Петр II встал у власти в качестве марионетки военной хунты и тем самым придал ей легитимность. Князь Павел вместе с семьей был вынужден отправиться в эмиграцию, а новое правительство, пришедшее к власти, но не знавшее, что делать, пыталось убедить Гитлера,

¹ Гиренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 85.

² AS. Dedijer. T. e. 242. Koprja iz memoarov druga M. Dilasa. S. 243–245.

³ TNA. HS 3/151.

что намеревается остаться верным только что подписанному пакту. Но тот не принял протянутой руки. Напротив, он немедленно приказал своим генералам организовать наряду с военной интервенцией в Грецию (где требовалось спасти итальянцев от поражения), еще и новое вторжение — в Югославию¹.

Вторжение в Югославию и призыв к восстанию

В дополнение к операции «Марита» разработали операцию «Кара», которая началась на Вербной неделе по православному календарю, ранним утром 6 апреля 1941 г. Тот факт, что в 2:30 утра советское и югославское правительства подписали Договор о дружбе и ненападении в надежде, что этот демонстративный жест убедит немцев отказаться от их завоевательских планов на Балканах, не повлиял на развитие событий. Кардель вспоминает, что коммунисты запланировали провести в тот день в Белграде крупные демонстрации в поддержку подписания договора, но немцы их опередили². На рассвете их самолеты вылетели с аэродромов в Болгарии, без объявления войны вторглись в воздушное пространство Югославии и бомбардировали ее столицу. Через несколько часов войска вермахта пересекли у Марибора австрийско-югославскую границу и двинулись в направлении Загреба. 8 апреля подразделения II германской армии уже были на улицах Белграда. В следующие дни в Югославию, почти не встретив сопротивления, вторглись также итальянские, а после окончательного поражения Югославии еще и венгерские и болгарские отряды — и разделили ее территорию согласно плану Гитлера. Королевская армия рассыпалась как карточный домик. 10 апреля провозгласили создание Независимого государства Хорватии (НГХ), которое под руководством усташского диктатора Анте Павелича распространило свою власть также на Боснию и Герцеговину и в то же время оставило итальянцам центральную Далмацию и Бока-Которску. Итальянцы получили еще и южную часть Дравской бановины с Любляной включительно, немцы удовольствовались Штирией и Верхней Крайной, а венгры — Прекмурьем. Итальянские войска также оккупировали Черногорию и большую часть Косова, присоединив его к Албании. Центральную Сербию заняли немцы и установили в ней протекторат под управлением местных квислингов. Воеводину отдали венграм, а Македонию — Болгарии. Югославская армия, считавшаяся чрезвычайно храброй и сильной, оказалась совершенно не подготовлена к нападению и практически не оказала сопротивления агрессорам. Уже 17 апреля 1941 г. генерал Данило Калафатович подписал безоговорочную капитуляцию вермахту. Тысячи югославских военнослужащих разбежались во все стороны в надежде, что избегнут интернирования и так или иначе вернутся домой. Немцы взяли 344 тыс. пленных, но около 300 тыс.

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 375; Clissold S. Dilas. S. 122, 123.*

² *AS. Dedijer. T. e. 7. Spomini tov. Kardelja, 25.12.1951. S. 1.*

человек смогли от них ускользнуть¹. Король Петр II и большинство министров правительства Симича еще раньше, вслед за князем Павлом, бежали в Афины, где всё еще были дислоцированы британские военные подразделения. Оттуда они направились в Палестину и в конце концов обосновались в Лондоне. Как прокомментировал это Уинстон Черчилль, югославы «спасли душу и будущее своей страны, но спасти ее территорию было уже слишком поздно»². Нападение стран Оси на Югославию стало классическим примером блицкрига, причем немцы были заинтересованы в контроле над путями транспортного сообщения с Болгарией, Грецией, а через Румынию — и с Россией. В Сербии и других регионах для них были важны прежде всего места добычи полезных ископаемых (хрома, боксита и меди)³.

В этом вихре событий Тито постоянно поддерживал связь с Москвой. Одним из его крупнейших достижений в 1940 г. стало установление радиосвязи между Загребом и Коминтерном после того, как был уничтожен его центр в Брюсселе. Для этого Коминтерн в мае послал в Хорватию Йосипа Копинича — Вокшина, под псевдонимом Ваздух, и Стеллу Панайотис-Бамьядзидос, греческую телеграфистку. Они выдавали себя за мужа и жену и вскоре действительно ими стали. С помощью Влатко Велебита они нашли на окраине Загреба подходящий дом с садом и у леса — на случай, если понадобится быстро убежать. С этим центром, помимо КПЮ, были связаны еще семь коммунистических партий: итальянская, швейцарская, австрийская, венгерская, болгарская, греческая и словацкая⁴. Так начался интенсивный обмен информацией, который сперва — благодаря Ваздуху, затем — благодаря работе радистов в Верховном штабе Тито и Главном штабе Словении охватывал во время войны широчайшую территорию. Вероятно, Тито обменивался с Коминтерном и другими советскими службами в Москве сотнями депеш, о которых ничего не знали даже некоторые из его ближайших друзей. Он сам писал их и ревниво хранил в тайне⁵. «На заседаниях Политбюро, — впоследствии рассказывал Ранкович, — из депеш, которые Тито получал из Москвы и Коминтерна, он сообщал нам лишь то, что считал нужным.

¹ *Deakin F. W. Yugoslavia. The Setting (1941). P. 12; Batty P. Hoodwinking Churchill: Tito's Great Confidence Trick. London: Shephard-Walwyn, 2011. P. 36.*

² NARA. CIA Records Search Tool (CREST). Weekly Summary. The Role of the Military in the Yugoslav System, 20.05.1969.

³ *Deakin F. W. Yugoslavia. The Setting (1941). P. 2, 3.*

⁴ *Velebit V. Svjedok. S. 59, 61, 62; Zagreb i Hrvatska. S. 55; Stefanović M. Podpis: Tito. S. 186; Dimitrov G. Diario. S. 215; см.: Коминтерн и Вторая мировая война / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н. С. Лебедева, М. М. Наринский. Ч. I. М.: Памятники исторической мысли, 1994. № 58. С. 255–260; Swain G. R. The Comintern. P. 38; Cenčić V. Enigma. Vol. I. S. 128–131; Grdina I. Josip Kopinič. S. 120, 121.*

⁵ *Simić P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 192; Nenadović A. Razgovori s Kočom. Zagreb: Globus, 1989; Ridley J. Tito. A Biography. P. 187; По утверждению Дедиера, их было 1400. См.: Gligoričević M. Rat i mir Vladimira Dedijerja. S. 132; Cenčić V. Enigma. Vol. I. S. 195; Vol. II. S. 100.*

Никто из нас никогда не видел ни одной депеши. Во время войны, на марше Тито перед тем, как лечь спать, засовывал депеши в сапог и снова надевал его. Так он подстраховывался, чтобы их никто у него не украл. Да и после войны он хранил все депеши из Москвы в стальных сейфах — в Белграде, на Бриони, в Сплите. Некоторые самые важные всегда держал при себе». Ранковича очень раздражало такое недоверие. «Кто я тут? Какова моя ответственность, если от меня скрывают депеши из Москвы?» — спросил он однажды. Тито резко ответил: «Я — генеральный секретарь партии. Я имею право решать, о чем должен оповещать тебя и всех вас»¹.

На следующий день после государственного переворота 27 марта Тито с помощью черногорских летчиков, сочувствовавших партии, вылетел из Загреба в Белград, чтобы на месте следить за развитием событий. Тогда у пассажирского самолета типа «Локхид» сломался мотор, и несчастья едва удалось избежать². (Вероятно, из-за этого он впоследствии не любил летать на самолетах.) На встрече с белградскими товарищами он сказал, что пакт между Югославией и странами Оси разорван. «Война неизбежна, на страну нападут...»³ Он послал в Москву телеграмму, написанную в том же ключе, в которой предложил, чтобы коммунисты организовали всеобщее сопротивление вероятной итальянско-германской агрессии и попыткам британцев вовлечь Югославию в войну на своей стороне. Следует оказать «всенародный нажим на новое правительство, требуя расторжения пакта с тройственным союзом и заключения пакта о взаимопомощи с СССР»⁴. Этот боевой настрой очень обеспокоил Москву, опасавшуюся каким-либо образом бросить вызов Гитлеру. Руководство КПЮ 31 марта 1941 г. получило переданное через Копинича указание Коминтерна отказаться от организации массовых уличных демонстраций и вооруженных столкновений с властями. «Не забегайте вперед. Не поддавайтесь на провокацию врага. Не ставьте под удар и не бросайте преждевременно в огонь авангард народа. Момент для решительных схваток с классовым врагом еще не наступил»⁵.

Неожиданное поражение югославских вооруженных сил удивило коммунистов, ведь они верили мифам о героических традициях сербов. В 1944 г. Джилас сказал Мануильскому: «Нашей ошибкой было то, что мы думали, что большая часть офицерского корпуса, связанного с Генеральным штабом, окажет немцам сопротивление. Но этого не произошло. Большинство из них оказались предателями»⁶. Руководители КПЮ ожидали, что

¹ *Čosić D. Piščevići zapisi (1969–1980). S. 242, 243; Adamović V. Tri diktatora. S. 547.*

² *Stefanović M. Podpis: Tito. S. 177; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 264.*

³ *Stefanović M. Podpis: Tito. S. 177, 178.*

⁴ *Dimitrov G. Diario. S. 291; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. I. № 164. С. 518.*

⁵ *РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 594. С. 21; Stefanović M. Podpis: Tito. S. 230; Dimitrov G. Diario. S. 291–293; Коминтерн и Вторая мировая война. № 166. С. 519, 520; Broz Tito J. Zbrana dela. Vol. 6. S. 211.*

⁶ *РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 607. С. 1; AS. Dedijer. T. e. 242. Kopija iz memoarov druga M. Đilasa. S. 280.*

Югославия будет сопротивляться хотя бы месяц или дольше, что дало бы им возможность укрепить свои организации и связаться со сторонниками, которых в вооруженных силах было много. На деле же немцы при наступлении не встретили сопротивления. По словам Джиласа, «никакого серьезного боя не произошло, это был марш-парад»¹.

На заседании Центрального комитета КПЮ и КПХ 8 апреля 1941 г., за два дня до того, как немцы вступили в Загреб, Тито открыто признал заблуждение относительно королевской армии и при этом констатировал, что коммунисты никак не проявили себя во время трагических событий последних недель, а ведь они должны были взять инициативу в свои руки. После нападения государств Оси на Югославию и ее оккупации встал вопрос, какова вообще их роль в новых обстоятельствах². Поскольку Сталин всё еще являлся союзником Гитлера, было понятно, что им не хватает простора для маневра, ведь они не могли выступить против оккупантов как против врагов. С другой стороны, они были убеждены, что империалистические государства, участвовавшие в войне, исчерпают свои силы в борьбе друг с другом, и уже недалек момент, когда можно будет использовать самоубийственное столкновение европейской буржуазии для подготовки социалистической революции, как это сделал Ленин во время Первой мировой войны. Они были уверены, что появились условия, которые будут способствовать пробуждению в народных массах необходимой энергии. Они решили вступить в контакт со штабом IV армии и потребовать выдать оружие рабочим и антифашистски настроенным подданным, чтобы они вместе с армией обороняли Загреб. Акция не увенчалась успехом, хотя и нашла отклик среди младших офицеров. Начальник гарнизона даже решил арестовать делегацию, но ее члены выскользнули у него из рук³. Через день, 10 апреля, когда под немецким и итальянским протекторатом было провозглашено Независимое государство Хорватия, коммунисты создали Военный комитет во главе с Тито, который дал членам партии директиву о том, что необходимо сделать в момент распада старого государства: организовать сбор легкого оружия и спрятать его. Сразу же после этого в крупных городах и областях началось формирование военных комитетов, задачей которых было создать общую структуру будущих вооруженных сил: мелкие подразделения, отряды и командные кадры⁴. Среди солдат стали вести пропаганду, чтобы они не сдавались в плен, а уносили оружие домой. 15 апреля коммунисты опубликовали «Воззвание к югославским народам», в котором осудили предательство югославского антинародного режима, рост шовинизма и братоубийственного конфликта

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 607. С. 1.

² *Dilas M. Tito*. 1980. S. 19; AS. Dedijer. T. e. 242. Kopija iz memoarov druga M. Dilasa. S. 261.

³ *Dedijer V. Novi prilozci*. Vol. II. S. 382; *Bajt A. Bermanov dosje*. S. 782; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 607. С. 2; AS. Dedijer. T. e. 7. Spomini tov. Kardelja, 25.12.1951. S. 1; T. e. 111. Magnetofonska snimka. S. 96, 97.

⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 607. С. 2; *Velebit V. Svjedok*. S. 69.

еще в большей степени, чем нападение иностранных армий, и призвали народ «не падать духом», а подняться на борьбу с оккупантами. «Из этой кровавой империалистической войны родится новый мир. <...> На основе подлинной независимости всех народов Югославии сформируется настоящая братская общность...»¹ «Я думаю, что воззвание 15 апреля имело историческое значение, — комментировал его впоследствии Тито, — а заключалось оно в том, что КПЮ в то критическое время показала народным массам всех наций Югославии внутреннее общественное значение и перспективы борьбы с противостоявшим нам фашистским оккупантом. <...> Без таких ясных перспектив наша национально-освободительная борьба не получила бы размаха и широты, каких она достигла, и такой мощи, какой она обладала, а быстро переродилась бы в бесплодное сопротивление, как это произошло в других партиях Европы. <...> Другими словами, это был тот исторический момент, который требовал смены ведущих общественных сил. Вышеупомянутые факты подтверждают, что КПЮ осознала этот момент и мужественно и без колебаний взяла на себя историческую ответственность за судьбу югославских народов»².

При принятии этих решений возникали и сомнения, и дилеммы, ведь не просто было найти ответ на вопрос, что лучше — пойти на вооруженное восстание или ограничиться саботажем. «Против курса на вооруженное восстание, — говорит Кардель, — выступали не только довольно широкие круги демократических сил и левой интеллигенции, но и часть коммунистов. Оформилась идея, что партия и силы сопротивления должны использовать прежде всего средства политической борьбы, возможно, в комбинации с диверсией и саботажем. В связи с этим некоторые заявляли, что установка Партии на вооруженное восстание — авантюризм, который облегчит фашистам уничтожение народа. <...> А некоторые коммунисты полагали, что необходимо подождать с началом вооруженного восстания до тех пор, пока война не вступит в заключительную фазу, и лишь тогда повести рабочий класс и другие революционные массы на вооруженное восстание против войны и за власть». Они были убеждены, что «пространством для развертывания революционной борьбы являются города, а не леса»³. В тот же день, когда королевское правительство бежало из Никшича в Черногории в Грецию, под крыло Великобритании, Тито сообщил Коминтерну о решении ЦК КПЮ дать отпор оккупанту, невзирая на его мощь⁴. Поскольку было очевидно, что необходимо дать оценку обстановке, сложившейся в партии в результате произошедших начиная с 6 апреля роковых событий, он, несмотря на большие трудности, созвал 4 мая в Загребе партийную конференцию, в которой приняли участие только сербы, хорваты и словенцы. Товарищи из Черногории, Боснии и Герцеговины отсутствовали, а товарищи из Македонии под

¹ *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 127; *Bajt A.* Bermanov dosje. S. 773.

² AS. Dedijer. T. e. 111. Magnetofonska snimka. S. 98, 99.

³ AS. Dedijer. T. e. 7. E. Kardelj. Tito na istorijskim raskršćima. S. 19, 20.

⁴ Zagreb i Hrvatska. S. 44.

руководством местного секретаря Методия Шаторова — Шарло считали, что им следует вступить в Болгарскую рабочую партию, тем более что Советский Союз прервал дипломатические отношения с югославским правительством в изгнании и тем самым признал распад государства¹. На конференции, с одной стороны, осудили предательство югославской буржуазии, подчинившейся оккупанту, подчеркнули тяготы военного режима для широких народных масс, а с другой — акцентировали внимание на том, что миролюбивая политика Советского Союза и достигнутый им огромный социальный прогресс непримиримо противостоят преступлениям империалистической войны в капиталистическом мире. Веря, что вскоре наступит подходящий момент для революции, коммунисты решительно заявили, что они не признают империалистического раздела Югославии, и обратили внимание на опасность вспышки межнациональных конфликтов. Ведь они были убеждены, что национальную ненависть между югославскими народами оккупанты могут использовать как средство, облегчающее их порабощение, а местная буржуазия — как оправдание своего предательского сотрудничества с оккупантами. По мнению Тито и его товарищей, необходимо было сплотить ряды и под эгидой партии начать борьбу как против немецких, итальянских и прочих фашистов, так и против английских империалистов. В связи с этим Тито обновил тезис о том, что пришло время взять власть в свои руки, полагая, что нет необходимости дожидаться буржуазно-демократической революции, как этого требовала доктрина. Он считал, что коммунисты должны создать военную организацию и подготовиться к тому, чтобы после свержения оккупационных режимов ввести диктатуру пролетариата².

* * *

Тито в большей степени, чем советские правительственные круги, закрывавшие глаза на происходящее, осознавал, что мировая война не ограничится конфликтом внутри капиталистического лагеря, что немцы готовятся и к нападению на Советский Союз. Сосредоточившись на ожидании этого события, которое дало бы ему возможность реализовать свои революционные планы, он пренебрегал всем остальным. Лео Матес, живший вместе с ним, говорил впоследствии, что воспринимал тогда Тито как человека, который всё время повторяет самому себе: «Я хочу, могу и должен быть вождем»³. Он работал так самозабвенно, что не обратил должного внимания на положение хорватских коммунистов, которых бан Шубашич арестовал и поместил в лагерь Керестинац, и они попали в руки усташей, когда те провозгласили Независимое государство Хорватия. Их было около сотни и среди них — немало видных

¹ *Dilas M.* Tito. S. 20; *Velebit V.* Svjedok. S. 260; *AS.* Dedijer. T. e. 242. *Kopija iz memoarov druga M. Dilasa.* S. 282.

² *Dilas M.* Tito. S. 22; *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 610; *Bajt A.* Bermanov dosje. S. 774; *Clissold S.* Dilas. P. 48; *Swain G. R.* Tito: the Formation. S. 268.

³ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 188; *Klinger W., Kuljiš D.* Tito. Neispričane priče. S. 127, 236.

интеллектуалов. Как с упреком отмечал в своих воспоминаниях Владимир Велебит, в момент хаоса, когда режим Павелича еще не утвердился у власти, поскольку не имел тогда ни полиции, ни армии, их можно было бы спасти¹.

Поскольку в столице НГХ становилось всё опаснее и к тому же было понятно, что из-за воодушевления широких масс хорватского народа наконец полученной «государственностью» (хотя и под эгидой немцев и итальянцев) у коммунистов в данный момент нет возможности оказывать на них влияние, на конференции в апреле приняли решение переместить Политбюро ЦК КПЮ из Загреба в Белград². Невозможно было усомниться в преступных замыслах усташей. Вскоре после захвата власти они начали «расовую революцию» против евреев, цыган и прежде всего сербов, составлявших 30 % населения нового государства. Боснийских мусульман Павелич считал братьями «чистейшей хорватской крови» и обращался с ними соответственно; в то же время он одобрил программу уничтожения сербов, согласно которой треть их следовало ликвидировать, треть изгнать из страны, а остальных заставить принять католическую веру. Этот проект сразу же начали претворять в жизнь, и католическая церковь не смогла вовремя дистанцироваться от него. Попавшая в сети национализма, она не выразила решительного протеста по поводу зверского истребления невинных людей или их насильственной «евангелизации». Хуже того, ее прелаты, священники и францисканские патеры были соучастниками преступлений усташей, что способствовало распространению хаоса, инерции и равнодушия в обществе, не имевшем пастырей, достойных своего звания.

Тито покинул Загреб в такой спешке, что не дождался рождения сына, которого Герта Хаас родила уже после его отъезда³. Он ускользнул в последний момент, 23 мая 1941 г., а через день границу между НГХ и Сербией перекрыли. Как он сам позднее рассказывал, он так поступил, опасаясь не только усташей, но и хорватских коммунистов, которые будто бы заключили соглашение с режимом Павелича и стремились к отделению КПХ от КПЮ, убежденные, что нужно сохранять договор Гитлера со Сталиным⁴. В ответ на сепаратистские и пацифистские тенденции, распространенные среди хорватских коммунистов, Тито написал для партийной газеты *Стр и џекић* комментарий под названием «Почему мы по-прежнему находимся в составе КПЮ?». «С тех пор, как империалистические разбойники вторглись в Югославию и оккупировали ее, и было создано “независимое” государство Хорватия, многим нашим товарищам непонятно, почему мы, коммунисты в Хорватии, т. е. наша КПХ, всё еще в составе Коммунистической партии Югославии,

¹ *Velebit V. Svjedok. S. 69, 241, 242; Cenčić V. Titova poslednja ispovijest. S. 111; Očak I. Gorkić. S. 265; Klinger W., Kuljiš D. Tito. Neispričane priče. S. 244.*

² *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 272; Cenčić V. Titova poslednja ispovijest. S. 76.*

³ *Velebit V. Svjedok. S. 70.*

⁴ *Cenčić V. Titova poslednja ispovijest. S. 35, 59, 102, 103, 114, 124, 148, 258, 259, 315; AS. Dedijer. T. e. 271. Dodatak stvaranja KP NDH; Kranjc M.F. Zarote in atentati na Tita. S. 132; Lopusina M. Ubij bližnjeg svog. S. 20.*

почему мы распространяем листовки с подписью ЦК КПЮ. <...> Говорят, что мы <...> против свободы и независимости хорватского народа и за восстановление Югославии в ее прежней форме <...>. Мы, коммунисты, не признаём этой оккупации и раздела Югославии, поскольку они свершились не по воле народов, а путем насилия империалистических захватчиков. <...> Когда мы общими усилиями завоюем настоящую свободу и независимость, мы установим между собой братские отношения, соответствующие устремлениям нашим и наших народов. Так, как это сделали народы великого Советского Союза»¹.

Когда инженер Славко Бабич, представитель «Шкоды», приехал в Белград, он увидел, что немногочисленные коммунисты там решительно настроены на сопротивление и революцию, которые следует объединить для борьбы как против оккупанта, так и против местной буржуазии. Как он рассказывал в октябре 1944 г. К. М. Симонову, в городе властвовал террор. Если ты вечером выходил на улицу, тебя могли застрелить. Под угрозой смертной казни было запрещено запира́ть двери в домах или квартирах: немцы могли войти куда хотели и когда хотели. Несколько недель Тито спал, не снимая одежды, с пистолетом в изголовье. «Единственное, что меня успокаивало в те дни, это то, что меня отделяло четыре дома от дома коменданта Белграда, генерал-лейтенанта Шрёдера. Да, это было время, когда требовалось остаться в живых или умереть, думая только о будущем страны и ни минуты — о своем собственном будущем»². Атмосферу тех дней выразительно описал Джилас: «Ночью патрули, тьма и постоянная стрельба то в одном, то в другом районе города. Евреи с желтыми повязками и страх, и злость, голод и смерть, мрачные лица горожан и веселые бесцеремонные немецкие юнцы с проститутками и фотоаппаратами. Перемещение воздушных сил по направлению к Греции и отрядов в сторону Румынии. Первые “региональные газеты” на службе у оккупанта»³.

Тито уже в конце апреля и затем в конце мая пытался убедить Москву в том, что близятся страшные времена, через служащего в советском посольстве он передавал «Деду», как называли Димитрова, что немецкие подразделения продвигаются к границам Советского Союза и что немецкие офицеры в Загребе не скрывают, куда они направляются. Представителям местной буржуазии их генералы открыто говорили, что войдут в Россию, как нож в масло. На танках вермахта, которые проезжали через Белград на другую сторону Дуная по направлению к Румынии, было написано: «Nach Moskau»⁴. Из депеши, посланной Тито 13 мая, понятно, что готовится восстание,

¹ Broz Tito J. Zbrana dela. Vol. 7. S. 26, 27.

² Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 92.

³ AS. Dedijer. Т. е. 242. Копија из memoarov druga М. Ђиласа. S. 280.

⁴ «На Москву» (нем.). Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 273; Vol. II. S. 383; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 607. С. 3; Cenčić V. Enigma. Vol. I. S. 140; Vol. II. S. 271–274; Velebit V. Svjedok. S. 70; Adamič L. Orel in korenine. S. 482.

которое начнется, когда нападут на Советский Союз: «Мы организуем боевые отряды, воспитываем свои военные кадры, готовим вооруженное восстание на случай нападения на СССР»¹. Пропагандистская листовка, которую коммунисты выпустили в конце мая, свидетельствует об их убежденности в том, что это неизбежно произойдет. Она была адресована немецким солдатам и предупреждала, что фюрер намерен погнать их в бой против России². Принимая во внимание критическое отношение Сталина ко всем, кто предупреждал его о скором нападении Гитлера, было бы удивительно, если бы такие сообщения в Москве приветствовались. Через много лет Владимир Бакарнич, хорошо осведомленный об идеологических конфликтах внутри международного рабочего движения, писал: «В аппарате Коминтерна (т. е. в значительной его части) испытывали большое недоверие к товарищу Тито». Для этих людей он был недостаточно «послушен» и «подобострастен», и чересчур «своенравен» и полон «собственных идей»³.

* * *

Донесение, хранящееся в архивах Коминтерна, свидетельствует о том, что не все в Москве отрицательно относились к его боевому пылу. В этом документе от 29 мая 1941 г. идет речь о тайных встречах Вальтера в Загребе и Белграде с неким московским агентом, который сообщил следующее: в КПЮ насчитывается 8 тыс. членов и 30 тыс. комсомольцев. Партийная организация целостна и находится в боевой готовности. При ЦК организован Военный комитет и Комитет диверсионной деятельности. Оружие в наличии и находится в тайниках. В случае нападения на Советский Союз КПЮ вступит в борьбу. Для пополнения запасов оружия необходимо получить от Коминтерна 5–10 тыс. долларов. «Прошу передать приветы товарищам и сообщить им, что задачи, поставленные перед Коммунистической партией Югославии, будут выполнены»⁴. При этом следует помнить, что не только идея и тем более не только слепая вера подпитывали эту готовность к борьбе. Как признает Коча Попович, «много было и юношеского бунтарства...»⁵

Восстание и революция

Резня и гонения на сербов, начатые режимом усташей, венгерскими и болгарскими оккупационными силами, а также косовскими албанцами, вызвали приток эмигрантов на сербскую территорию под управлением немцев. Однако многие скрылись в лесах и пытались организовать вооруженные группы для отпора врагам. Примечательно, что наряду с этой порожденной

¹ Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 91.

² NIN. 1989. 18. jun.; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 607. С. 5.

³ NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 116. Članak «Na šta je mislio Bakarić». NIN. Br. 1113. 1972. 07.05; Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 38.

⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 593.

⁵ Nenadović A. Razgovori s Kočom. S. 132.

отчаянием формой самозащиты возникла и другая: вокруг офицеров королевской армии, избежавших плена, стали собираться солдаты, не пожелавшие пассивно принять поражение. Четники, опиравшиеся на традицию антитурецких восстаний, появились в ряде сербских и черногорских областей еще в апреле 1941 г. На гористой территории Равна-Горы в западной Сербии маленький отряд возглавил 49-летний полковник Драголюб (Дража) Михайлович, стремившийся сохранить хоть искру сербской независимости. Он создал движение сопротивления, патриотическое, но, как позднее признал один из его сторонников, базировавшееся на враждебном отношении ко всем народам Югославии. Было понятно, что на основе подобной вражды победа невозможна. Он добавил, что к тому же «мы строили всё, опираясь на мифы прошлого, а в наши дни это был путь к поражению»¹.

Тем временем Сталин всеми способами старался сохранить расположение Гитлера. Еще накануне начала операции «Барбаросса» ТАСС опубликовало сообщение: слухи о том, что немецкая армия концентрирует силы на границах Советского Союза, являются ложными. Они выгодны врагам Советского Союза и Германии. Поскольку немцы никак не отреагировали на эту публикацию, Тито и его сторонникам стало ясно, что нападение произойдет в ближайшее время, хотя они не знали точно, когда именно². Поэтому вторжение Гитлера на территорию Советского Союза 22 июня 1941 г., ставшее неожиданностью для Сталина, их не удивило. В тот же день Тито написал, а ЦК опубликовал в Белграде воззвание «Рабочим, крестьянам и гражданам Югославии», в котором говорилось, что произошло нападение на «цветущий советский сад» и каждый югославский пролетарий должен с оружием в руках встать на его защиту. Лидерам югославских коммунистов было нетрудно принять это смелое, но необдуманное решение, ведь они не сомневались в том, что капиталистический мир вот-вот рухнет, что Красная армия с легкостью победит вермахт и ее победа — вопрос нескольких недель, самое большее месяцев. Ее катастрофическое отступление в начале войны они интерпретировали как гениальную тактику Сталина, поскольку чем еще можно объяснить поражения армии, которая недавно отмечала выпуск миллион первого танка?³ «Все наши силы, стратегию и тактику мы ставили в зависимость от русских. Мы были убеждены: если русские победят, то победим и мы», — рассказывал впоследствии Ранкович⁴. В ЦК КПЮ даже говорили, что русские со дня на день спустятся на парашютах в оккупированную Югославию и нужно подготовиться к их встрече. Когда Джилас спросил одного из товарищей, когда закончится война, и тот ему сказал, что еще до конца года, Джидо ему в ответ бросил: «Бьюсь об заклад, это произойдет в

¹ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 88; Velebit V. Svjedok. S. 264.*

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 602. С. 3.

³ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 274; Vol. II. S. 388; Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 69.*

⁴ *Ćosić D. Piščevi zapisi (1969–1980). S. 243.*

течение двух месяцев». Об уверенности в получении непосредственной помощи от Советского Союза убедительно свидетельствует донесение, которое Тито послал Коминтерну в конце июня 1941 г.: «Мы ведем подготовку народного восстания против оккупанта, поскольку народ выказывает высокую готовность к борьбе. Сообщите нам свое мнение об этом. У нас довольно мало оружия. Сможем ли мы получить его в ближайшее время?»¹

Димитров 22 июня призвал Вальтера к тому, чтобы КПЮ сделала всё возможное, чтобы «поддержать и облегчить справедливую борьбу советских народов»². Впрочем, зная о его революционных амбициях, по согласованию со Сталиным, он вновь особо подчеркнул, что «на настоящем этапе речь идет об освобождении из-под фашистского ярма, а не о социалистической революции»³. «Сейчас вся партия является военным аппаратом, каждый партиец должен защищать СССР, каждый партиец сейчас мобилизован в Красную армию»⁴. То есть он требовал от Вальтера только ведения партизанской войны типа той, что начиналась в оккупированных Белоруссии и Украине. Этим указанием Тито и его товарищи пренебрегли, полагая, что война является подходящим моментом для осуществления революции и захвата власти, и таким образом уже в самом начале борьбы против оккупантов посеяли семена будущего политического раскола со Сталиным.

«Истинный смысл этой депеши, — рассказывал Тито Дедиеру, — мы поняли уже позднее. Если бы мы действовали так, как требовала Москва, нам никогда бы не удалось развить нашего восстания. В югославских условиях выполнение этой директивы означало бы ликвидацию восстания еще до его начала. Поскольку старый режим во главе с королем 6 апреля оставил югославские народы на милость захватчика, всё, что осталось от государственного аппарата, перешло на службу к оккупанту. И этим старый режим выявил целый ряд своих недостатков. Прежде всего, он изменил давней традиции югославов — бороться за национальную независимость — традиции, сложившейся на протяжении 150 лет в не менее чем 39 восстаниях и десяти войнах против попыток иностранных государств поработить югославские народы. В Югославии было невозможно запланировать народное восстание против оккупанта, которое одновременно не пробудило бы у народа надежды, что он получит после войны новое, патриотическое в истинном значении этого слова правительство, которое не допустит того, чтобы Югославия, несмотря на все свои природные богатства, и дальше оставалась обычной полукOLONией великих держав, которое не допустит угнетения отдельных народов,

¹ *Broz Tito J. Zbrana dela. Vol. 7. S. 46; AS. Dedijer. T. e. 261. Pogovor Petra Stambolića i Vjenceslava Glišića s Spasenijo — Cano Babović 19.09.1977. S. 28, 29.*

² *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 274; Vol. II. S. 387; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 5.*

³ *Dimitrov G. Diario. S. 320, 325.*

⁴ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 996; Bajt A. Bermanov dosje. S. 841.*

которое не допустит того, чтобы огромное большинство народа жило в нищете и угнетении»¹.

На заседании 27 июня 1941 г. в Белграде Политбюро переименовало Военный комитет в Главный штаб народно-освободительных партизанских отрядов Югославии и назначило Йосипа Броза его командующим. А 4 июля приняло решение перейти от саботажа и диверсий к общенародному восстанию. «Мы чувствовали энтузиазм и большую радость», — вспоминал впоследствии Тито². И еще: «Когда в Европе господствовал фашизм, когда в ней и слуху не было ни о какой партии, кроме КПСС, КПЮ подняла свое революционное знамя и повела рабочий класс, трудящиеся массы, нации и народности Югославии на победоносную национально-освободительную борьбу, к социалистической революции. И этим она на деле мощно укрепила свой революционный и интернациональный дух»³.

Чтобы разжечь искру восстания, ЦК КПЮ 4 июля 1941 г. отправил в разные части государства двенадцать делегатов из руководящих кадров, причем коммунисты — единственная из всех партий — подчеркивали «братство и единство», т. е. равноправие югославских народов, но только в рамках федерации, выйти из которой ни один из них не имеет права. Национальному вопросу они придавали лишь тактическое значение в борьбе за власть и сумели — по примеру Советского Союза — запрячь его в свой воз, тем более что уже долго противостояли югославскому интегрализму, который укрепил король Александр Карагеоргиевич⁴.

На неожиданное препятствие они наткнулись в Хорватии, где любовь к отечеству преобладала над партийной дисциплиной. Когда вермахт вторгся в Белоруссию и Украину, радио «Москва», которое коммунисты преданно слушали, замалчивало войну, как будто ее и не было, и говорило о жизни колхозников и ударном труде рабочих⁵. Почему бы хорватским коммунистам и не верить, что на Восточном фронте всё в порядке и что Красная армия, имевшая в своем распоряжении многобашенные танки, через 14 дней, самое позднее через шесть недель будет в Загребе? Почему бы им не приветствовать распад Югославии, которую Советский Союз с 16 мая 1941 г. уже не признавал? Основываясь на этом убеждении, Андрия Хебранг, который тогда, после 12 лет тюремного заключения, руководил Военной комиссией ЦК КПХ, больше месяца не мог решить, оказывать сопротивление оккупантам, как приказали Коминтерн и ЦК КПЮ, или нет⁶. По сведениям,

¹ AS. Dedijer. Т. е. 51. Titove primedbe na rukopis priloga za biografiju.

² *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. I. S. 276; Vol. II. S. 389.

³ AS. Dedijer. Т. е. 111. Magnetofonska snimka. S. 114, 115.

⁴ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 107; *Dilas M.* Vlast kao strast. S. 29, 31.

⁵ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 13.

⁶ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413; *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. III. S. 344, 345. См.: *Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda*. Т. V. Кнж. III. Borbe u Hrvatskoj 1942 god. Beograd, 1952. Письма Бакарича из этого сборника были опубликованы в: *Vjesnik*. 1981. 07.07. Редакторы вычеркнули все

собранным Владимиром Дедиером, он будто бы даже вел переговоры с влиятельными усташами о создании КП НГХ, причем получил на это благословение самого Анте Павелича. На заседании ЦК КПХ в середине июня он якобы также заявил, что «Независимое государство Хорватия — это реализация многовековых грех хорватского народа»¹.

В этот момент неопределенности и хаоса Копинич — Ваздух от имени Москвы, которая через Димитрова подвергла резкой критике «подлое и предательское» поведение хорватских коммунистов, с помощью городского комитета попытался 9 июля сместить ЦК КПХ и возглавить руководство партией. Он стремился как можно скорее начать акцию саботажа в поддержку Советского Союза². Эта попытка провалилась, поскольку Хебранг ей воспротивился, да и Тито, при поддержке Карделя, встал на его сторону³. Возникшая из-за этого сумятица привела к трагическим последствиям⁴. Поскольку из-за спровоцированной Копиничем ссоры загребскому городскому комитету было необходимо доказать свою готовность к действию, он с одобрения верхушки руководства ЦК КПХ в ночь с 13 на 14 июля организовал освобождение коммунистов и сочувствующих, всё еще находившихся в заключении в Керестинце. За несколько дней до этого усташа расстреляли заложников — трех имевших авторитет коммунистов, и пригрозили, что, если начнется саботаж, расстрелы продолжатся. Копинич и секретарь КПХ Раде Кончар считали: пусть лучше заключенные падут как бойцы во время побега, чем будут пассивно дожидаться смерти. Акция была настолько плохо подготовлена, что при ее проведении погибло 68 человек, цвет хорватской левой интеллигенции⁵.

критические замечания Хебранга и Сребрняка. *Cenčić V. Titova poslednja ispovijest*. S. 35, 56; AS. *Dedijer*. T. e. 7; *Gligorijević M. Rat i mir Vladimira Dedijerja*. S. 247; *Kopinič J. Zgodovinske enigme*. S. 12.

¹ AS. *Dedijer*. T. e. 8. Kako su htjeli osnovati KP NDH; Андрия Хебранг-мл. это решительно отрицает. *Danas*. Pisma. 11.08.1987. S. 4, 5; AS. *Dedijer*. T. e. 197. V. *Dedijer — L. Koliševskemu*, 26.08.1987; T. e. 271; T. e. 261. *Pričevanje V. Bakarić* 08.06.1981; *Kopinič J. Zgodovinske enigme*. S. 12.

² *Dimitrov G. Diario*. S. 326; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. II. № 14. С. 113; *Cenčić V. Titova poslednja ispovijest*. S. 105, 106, 123, 187, 261; *Idem*. *Enigma*. Vol. I. S. 200, 206–217; AS. *Dedijer*. T. e. 215. Dodatak hronologiji dogajanja u sukobu jula 1941. S. 1; T. e. 261, V. *Bakarić — V. Dedijerju* 28.09.1953; *Velević V. Svjedok*. S. 242; *Swain G. R. Tito. A Biography*. P. 34, 35.

³ *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. II. S. 57, 425, 428; *Cenčić V. Enigma*. Vol. I. S. 217, 218.

⁴ *Bilandžić D. Povijest izbliza*. S. 318; ПГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413; *Cenčić V. Titova poslednja ispovijest*. S. 35; AS. *Dedijer*. T. e. 199. *Bakarić o sukobu Kopinič-KPH, Juli 1941*; См.: *Bakarićevo pismo NIN-u* 02.07.1972. Št. 1121.

⁵ *Kisić Kolanović N. Hebrang*. S. 59; *Bilandžić D. Povijest izbliza*. S. 273, 287, 295; *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. II. S. 462, 437–469; *Cenčić V. Titova poslednja ispovijest*. S. 57, 106–109, 127; *Cenčić V. Enigma*. Vol. I. S. 244–272; *Kopinič J. Zgodovinske enigme*. S. 12; *Ranković A. Dnevničke zabeleške*. S. 201; AS. *Dedijer*. T. e. 199. *Slučaj Kerestinac*; T. e. 215. *Kopiničev stav o sukobu jula 1941*. S. 2.

Тито немедленно отреагировал на провал керестинацкой акции. Он отправил в Загреб особую комиссию для расследования дела. Помимо того, он созвал в Белграде заседание Политбюро, на котором обсуждался вопрос о мерах по отношению к виновным. 10 августа 1941 г. было принято решение подвергнуть наказанию весь ЦК Хорватии, включая и Герту Хаас, «за нерешительность и недостаточную партийную бдительность». Еще через неделю Тито послал Коминтерну телеграмму, в которой требовал отстранить «Вальдеса» «от его (воздушной) должности», возлагая на него вину за срыв побега товарищей из Керестинца. Несмотря на резкость его денонсации — одной из самых резких из всех, когда-либо им написанных, — в Москве решили иначе. Ему ответили, что Копинич должен продолжать выполнять свои обязанности, что он и делал в дальнейшем¹.

Сначала наибольший отклик призыв к восстанию получил в Черногории, куда Политбюро послало Джиласа с поручением его организовать. Но оно не планировалось как всеобщее народное восстание. «Итальянцы еще сильны и хорошо организованы. Они вас сломят. Начните с маленьких операций», — потребовал от него Тито². Неорганизованность итальянских властей действительно создала условия для вспышки массового восстания 13 июля 1941 г. Подстегнули его также и уязвленная гордость народа, и русофильские чувства, характерные для черногорского общества. За несколько дней была освобождена вся территория, за исключением нескольких важных городов, и это произошло с легкостью, удивившей самих коммунистов и убедившей их, что пришло время для революции. Бывший «ваххабит» Милован Джилас уже говорил о «ближайшей антифашистской революции, которая есть не что иное, как необходимый этап пролетарской революции»³. Одурманенный успехом, он вместе со своими приверженцами стал проявлять агрессию по отношению не только к иностранцам, но и к местным «классовым врагам», что существенно ослабило коммунистов. А итальянцы отразили удар в полную силу и до середины августа с помощью албанских и мусульманских отрядов восстановили контроль над областью. Еще более роковым обстоятельством для коммунистов стало то, что черногорцы из-за красного террора (который позднее эвфемистически называли «левым уклоном») отвернулись от них и в массовом порядке стали присоединяться к четникам⁴. В убеждении, что «кулаки» и их сыновья предадут их в следующей фазе революции, Джилас и его товарищи решились на проведение массовых расстрелов. Они издали бюллетень, на двух-трех страницах которого были опубликованы фамилии убитых, и написали: «Продолжение следует»⁵. Такие

¹ *Broz Tito J. Zbrana dela. Vol. 7. S. 61–63, 75; Dedijer V. Novi prilozii. Vol. II. S. 1010; AS. Dedijer. T. e. 261. O neuspelom ustanku u logoru Kerestincu.*

² *Clissold S. Dilas. P. 53.*

³ *Banac I. Sa Staljinom protiv Tita. S. 88; Swain G. R. Tito. A Biography. P. 42.*

⁴ *Bajt A. Bermanov dosje. S. 815.*

⁵ *Dedijer V. Novi prilozii. Vol. III. S. 131; AS. Dedijer. T. e. 201. Zabeleška o razgovoru druga E. Kardelja sa Vladimirom Dedijerom, u Ljubljani, 11. oktobar 1978. godine. S. 14.*

сведения Тито получал со всех сторон, и 22 октября он отозвал Джиласа из Черногории. Он обвинил его в том, что восстание не было подготовлено в политическом плане, поскольку началось прежде, чем сформировались сильные партизанские отряды, которые должны были взять на себя руководство им, и поскольку коммунисты делали акцент на «классовости», что противоречило линии партии, подчеркивавшей необходимость сотрудничества патриотов разных идеологических направлений¹. Однако для Джиласа это не стало большим потрясением, хотя в наказание его чуть не приговорили к смерти, как и многих других². Позднее Джидо в шутку охотно рассказывал о своих действиях в Черногории³. Но поскольку он был членом руководства, он избежал наказания. Напротив, его назначили редактором центральной партийной газеты *Borba*, которую снова начали издавать (ранее, 6 апреля 1929 г., ее выпуск был запрещен)⁴.

* * *

После нападения на Советский Союз немцы вывели с Балкан свои лучшие войска. В распавшейся Югославии остались только подразделения, осуществлявшие необходимый контроль над транспортными магистралями между Любляной, Загребом, Белградом и Салониками, поскольку они обеспечивали снабжение воинских подразделений в Греции и отрядов Роммеля в Северной Африке. Так что основной задачей вермахта была охрана дорог, железнодорожных путей, рудников и крупных промышленных центров; до других регионов немцам особо не было дела. Чтобы как можно больше запутать Сербию в своих сетях, они скоро начали думать о сотрудничестве с местными коллаборационистами. В конце августа они решили сформировать правительство местного квислинга, генерала Милана Недича, одного из самых авторитетных офицеров прежней королевской армии и бывшего министра обороны. Сразу по вступлении в должность Недич организовал сильную жандармерию и завязал тайные контакты с Дражей Михайловичем, которому предложил отправиться со своими людьми в Боснию и начать там борьбу против усташей, тогда как сам он разгонит коммунистов. Немцы, которые были информированы и об этом, и о контактах между четниками и партизанами, немедленно запретили переговоры, убежденные в том, что, по словам Гитлера, «сербской конспиративной клике» не следует доверять. 16 сентября 1941 г. фюрер дал приказ командованию вермахта на Юго-Востоке «энергичными методами задушить повстанческое движение», причем он имел в виду как партизан, так и четников, и послал в Сербию для

¹ *Bajt A. Bermanov dosje. S. 816; Clissold S. Đilas. P. 68; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 106.*

² *AS. Dedijer. T. e. 201. Zabeleška o razgovoru druga E. Kardelja sa Vladimirom Dedijerom, u Ljubljani, 11. oktobar 1978. godine. S. 29.*

³ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 131, 133.*

⁴ *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 111; Pavličević V. B. «Lijeve greške» Milovana Đilasa ili partijski silogizam. Podgorica, 2012. URL: <http://www.ff.ucg.ac.me/dokumenta/djilas/Zbornik>. S. 23, 26.*

выполнения этой задачи подразделения из Греции, Франции и даже с Восточного фронта¹.

В тот же день Тито уехал из Белграда, где немцы начали акцию против коммунистов, на территорию повстанцев в юго-западной части Сербии, с паспортом на имя одного четника-коллорациониста. В то время там возникла свободная территория, на которой Сретен Жуйович — Црни, Коча Попович, Петар Стамболич и другие борцы за свободу Испании сформировали первые повстанческие отряды. Уехал он с главного железнодорожного вокзала, в элегантной одежде и в компании двух девушек, воеводинского «шваба» и православного священника. Одной из девушек была Даворянка Паунович, во время народно-освободительной войны — его секретарша, курьер и любовница². Выйдя из поезда недалеко от Валево, он остановился в забегаловке, где было много подвыпивших четников. Ему с трудом удалось от них отвязаться — после того как он убедил их начальника, что является сторонником Михайловича. Вскоре он встретился с партизанским отрядом, который не известили о его приезде. «Я — секретарь Коммунистической партии Югославии», — представился Тито. Он был слишком хорошо одет и имел иностранный паспорт. Ему не поверили и чуть не расстреляли. Выйти из тупиковой ситуации ему помог Милош Минич, член валевокого Главного штаба: «Так это ты немецкий шпион. Помилуй Бог!»³

Через неделю, 26–27 сентября 1941 г., в Столицах у Крупаня он созвал заседание и вместе с примерно двадцатью ближайшими соратниками принял постановления, которые решающим образом повлияли на дальнейший ход событий. Участники заседания договорились вести борьбу в соответствии со стратегией испанской герильи, избегать фронтальных столкновений, децентрализовать сопротивление по областям и организовать его по национальному принципу, но под руководством Верховного штаба. Было решено сформировать регулярные военные подразделения, называть всех борцов, по примеру русских, «партизанами», а во главе отрядов и батальонов помимо командира поставить и политического комиссара. Приняли постановления и о дальнейшем ведении агитационной работы и, главное, решили заменить на освобожденных территориях старую королевскую администрацию народно-освободительными комитетами, которые станут первыми органами новой власти. Короче говоря, определили структуру своих военных сил, в которых большую роль должно было играть идеологическое воспитание, заложили основы нового общественного устройства и объявили борьбу против всех пережитков старого социального строя. Показательно, что отличительным знаком партизан была выбрана пятиконечная красная звезда (старинная

¹ *Karchmar L. Draža Mihailović and the Rise of the Četnik Movement 1941–1942. Vol. II. New York; London: Garland Publishing, 1987. P. 201.*

² *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 109; Ridley J. Tito. A Biography. P. 173; Adamič L. Orel in korenine. S. 491, 493, 494.*

³ *Lalević P. S Titom po svetu. Beograd: Službeni glasnik, 2012. S. 52.*

магическая пентограмма), а партизанским приветствием — сжатый кулак¹. Тито проявил себя как хороший организатор сопротивления, поскольку командирами партизанских отрядов он выбирал главным образом «испанцев», т. е. бывших бойцов интернациональных бригад, имевших богатый военный опыт, и избегал давать назначения кадрам Коминтерна, заслугой которых было лишь то, что они некоторое время жили в Москве². «Короче говоря, Тито доказал, что он уже готов к решению задач, с которыми столкнулся при подготовке и проведении вооруженной борьбы. Вскоре после начала восстания он стал его бесспорным вождем; он с самого начала думал своей головой, хотя и решился на восстание лишь после нападения немцев на Советский Союз». Так говорил Коча Попович³.

Появление конкурирующего движения сопротивления, готового, невзирая на жертвы, помогать Советскому Союзу в его отчаянной борьбе против Гитлера, вынудило четников более детально разработать свою программу и тактику. Они высказались против неразумного конфликта с немцами до тех пор, пока военная удача не повернется к ним лицом, полагая, что «для борьбы еще не пришло время», что нужно сохранять сербскую кровь и тем самым заботиться о «биологической субстанции нации». В ожидании подходящего момента («когда настанет день») для сопротивления, к которому он намеревался призвать весь народ, Михайлович ограничил конфронтацию с немцами до необходимого минимума. Несмотря на это существенное различие, из-за которого партизаны относились к четникам свысока, обе группы вначале не проявляли враждебности по отношению друг к другу, и даже согласовывали свои акции против вермахта, а в Восточной Боснии — против усташей⁴. Однако эти акции были малоэффективны из-за низкой дисциплины и недостатка боевого духа у четников, которые, со своей стороны, не желали отдать всю инициативу партизанам.

В письме Главному штабу сербской компартии от 13 августа 1941 г. Тито предупреждал, что «изоляция от остальных политических течений, симпатизирующих Великобритании, является главным дефектом народно-освободительного движения в Сербии», что вовсе не означает, что ему было бы просто наладить с ними сотрудничество⁵. Уже 19 сентября 1941 г. в Струганике близ Валево, у подножия Равна-Горы, он встретился с Михайловичем и его заместителем Драгишей Васичем, но, поскольку у них были диаметрально противоположные цели, они не смогли договориться о совместной борьбе. Михайлович требовал назначить его Верховным главнокомандующим всех вооруженных подразделений, чтобы заставить их дожидаться «более

¹ Banac I. Sa Staljinom protiv Tita. S. 21; Nenadović A. Razgovori s Kočom. S. 44; Swain G. R. Tito. A Biography. P. 37.

² Nenadović A. Razgovori s Kočom. S. 128.

³ AS. Dedijer. Т. е. 7. Коџа Поповић. Intervju // Danas. 1989. 07.02. S. 25.

⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 602. С. 11.

⁵ Deakin F. W. Yugoslavia. Partisan Suspicions of the British. P. 1.

благоприятных обстоятельств», а после войны — восстановить старый режим. Тито же изнывал от нетерпения, стремясь продолжить свою так обнадеживающе начатую акцию. Но прежде всего он не собирался отказываться от народно-освободительных комитетов, появившихся на освобожденных территориях, поскольку справедливо считал их основой нового общественного устройства. В конце встречи они договорились лишь о том, что партизаны и четники не будут стрелять друг в друга¹. С этой встречи Тито не вынес негативного впечатления о Михайловиче. Как он позже рассказывал в кругу друзей, глава четников в какой-то момент положил ему руку на плечо и предложил выйти. «Скажи, друг, ты русский? Почему не признаешься? Мы любим русских». — «Нет, я хорват». — «Хорошо, даже если и так, я ничего не имею против хорватов, я борюсь против усташей, а не против хорватов». Рассказав этот эпизод, Тито задумался, а потом, к удивлению присутствующих, добавил: «Знаете, я симпатизировал Драже. Если бы не было лондонского правительства в изгнании, Дража наверняка был бы с нами»². Михайлович, напротив, не испытывал никаких дружеских чувств к Тито, и не дал убедить себя в том, что тот не является русским агентом. Поскольку он намеревался сохранить прежнюю власть с ненавистной жандармерией включительно, конечно, он не упускал из виду, какого цвета будет новый строй, если победят партизаны: на первой освобожденной территории, в городке Ужице, центре военной промышленности, где Тито закрепился 23 сентября, они водрузили красное знамя с серпом и молотом. Партизаны ввели приветствие, придуманное самим Тито: «Смерть фашизму!» И ответ на него, предложенный Ранковичем: «Свобода народу!» На фасадах зданий развесили портреты Сталина и пролетарские лозунги, а тех военных, которые вовремя не сбежали или не присоединились к ним, как и многих состоятельных людей, ликвидировали³.

В Сербии в то время было около 40 тыс. партизан, в Белграде — 600 членов партии и 2 тыс. членов СКМЮ⁴. «Крестьяне, привозившие продовольствие в Белград, были в то время единственным связующим звеном с округой, ведь партизаны разорвали все контакты с Белградом. <...> Партизанская борьба в Сербии тогда была на высоте, — рассказывает в своих воспоминаниях Кардель, — и уже в 15 км от Белграда размещались первые партизанские патрули <...>»⁵. Тито был еще оптимистичнее. В начале октября он сообщил

¹ Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 108; *Kardelj E. Spomini. Boj za priznanje in neodvisnost nove Jugoslavije, 1944–1957.* Ljubljana: Državna založba Slovenije; Beograd: Radnička štampa, 1980. S. 27, 162; *Adamič L. Orel in korenine.* S. 495.

² *Lalevič P. S Titom po svetu.* S. 53.

³ *Bajt A. Bermanov dosje.* S. 337, 338; *Dedijer V. Novi prilozi.* Vol. I. S. 303; *Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968).* S. 178; *Glišić V. Užička Republika.* Beograd: Nolit, 1986; *Adamič L. Orel in korenine.* S. 488; *Shepherd B. Terror in the Balkans. German Army and Partisan Warfare.* Cambridge; London: Harvard University Press, 2012. P. 145.

⁴ *Ćosić D. Piščevi zapisi (1969–1980).* S. 243.

⁵ AS. *Dedijer. T. e. 7. Spomini tov. Kardelja,* 25.12.1951. S. 10.

в Москву, что в «партизанской армии в Югославии 100 тысяч человек и около 30 тысяч четников, которые являются нашими союзниками». И повторил просьбу прислать ему оружие, отмечая, что в его распоряжении много аэродромов, на которые могут приземлиться советские самолеты¹.

Ужицкая республика, охватывавшая приблизительно 19 тыс. кв. км, в которой насчитывалось около 300 тыс. жителей, сыграла важную роль в партизанском движении — она стала серьезным организационным и политическим опытом, впервые позволившим руководителям КПЮ почувствовать вкус власти². А также — первой возможностью показать свою силу жестокими методами: когда им в руки попал Живоин Павлович, который прежде был коммунистом, а потом выступил против сталинского террора, написав брошюру «Баланс советского термидора»: его как полицейского информатора безжалостно пытали, а затем расстреляли³. Для себя и Верховного штаба Тито, конечно, выбрал резиденцией лучшее здание города, филиал Народного банка, где он собрал богатую добычу деньгами и серебром⁴. «Пятьдесят шесть миллионов тогда было немало, — констатировал он впоследствии. — Они нам очень помогли в первые дни, мы не трогали крестьян, тогда как четники с первого же дня грабили везде, где могли, а не сражались. Мы, напротив, приказали абсолютно ничего не трогать. Например, идет отряд через деревню, фрукты, созревшие фрукты, осень, никто не срывает ни слив, ни яблок. Крестьяне нам предлагали ракию и удивлялись, почему мы ее не пьем. Они приносили большие сумки с ракией и вином, но никто не смел. Тогда я под угрозой смертной казни запретил пьянство и грабеж, так что дисциплина действительно была исключительной»⁵. В начале этой войны никто еще не носил настоящей формы (за исключением *шайкачи* — традиционного сербского воинского головного убора, на который пришивали вырезанную из ткани красную звезду). Единственным исключением был Тито, который уже тогда надевал советскую пилотку, на которой блестела пятиконечная эмалированная звезда с серпом и молотом⁶.

В то время среди его ближайших соратников появился новый человек, бывший сотник Королевской армии Арсо Йованович, по происхождению черногорец, который благодаря своему военному опыту вскоре стал членом, а позднее и начальником Верховного штаба. По свидетельству Джиласа, предостережения и предложения Арсо часто оказывали решающее воздействие

¹ Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 110.

² Dilas M. Tito. S. 26.

³ Ridley J. Tito. A Biography. P. 173; AS. Dedijer. T. e. 236; Požar P. Jugosloveni — žrtve staljninskih čistki. Beograd: Nova knjiga, 1989; Marić M. Deca komunizma. Beograd: Mladost, 1987. S. 28, 29.

⁴ Dilas M. Tito. S. 183; Simić P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 165.

⁵ AS. Dedijer. T. e. 111. Magnetofonska snimka. S. 102; Adamič L. Orel in korenine. S. 495, 496.

⁶ Dilas M. Tito. S. 46; AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 875.

на Тито, уберегая его от принятия поспешных решений¹. С другой стороны, верно и то, что Йованович, по словам Карделя, представлял собой «тип старого офицера из Генерального штаба, который не понимал, что партизанская война ведется не так, как фронтальная»². Так, например, по его приказу группа черногорских партизан 1 декабря 1941 г. напала на хорошо укрепленный город Плевля в Санджаке, который защищала итальянская дивизия. Несмотря на героизм черногорцев, которые шли «напролом», нападение закончилось не победой, а поражением. 203 партизана пало, 269 было ранено. Поэтому Главный штаб Черногории принял решение сместить Арсо Йовановича. Однако, когда Пеко Дапчевич прибыл с этим сообщением в Верховный штаб, Кардель сказал ему: «Ради бога, не говори Тито об этом решении, ведь он уже назначил его начальником Верховного штаба». Что, по мнению генерала Велимира Терзича, одного из способнейших руководителей партизан, было совершенно неправильно. Вскоре и Тито это понял, но всё равно во время войны почти всегда держал его в своем близком окружении³.

Советская печать уделила довольно много внимания восстанию югославских народов. Начиная с июля 1941 г. до конца года Совинформбюро опубликовало 25 новостных сообщений о событиях в Югославии, в которых говорилось о «партизанах» в общем, без уточнений, о каких именно партизанах идет речь. Сообщения в основном заимствовались из западных средств массовой информации со всеми присущими им неточностями. Это вызвало у Тито подозрения, что Копинич не передал Коминтерну его донесений⁴. Столкновения в Черногории и Сербии летом 1941 г., в которых партизаны и четники часто действовали заодно, также привлекли внимание Лондона, куда 21 июля прибыл король Петр II со своим правительством. Правительственные круги Англии с триумфом встретили горстку беглецов, однако вскоре волна воодушевления спала, и они увидели, что, несмотря на общее несчастье, между сербами и хорватами зияет пропасть враждебности, которая только углубилась при первых известиях о резне, устроенной усташами. Когда затем появились сведения о четническом движении, сербы воспряли духом и одновременно усилились симпатии британцев к «маленькой отважной Сербии». Казалось, что именно в ней воплощается в жизнь сценарий, на который они рассчитывали с начала войны: ведение на оккупированных территориях герильи, организованной и руководимой их агентами. Для осуществления этой цели в июле 1940 г., сразу после капитуляции Франции, по инициативе Черчилля было

¹ Dilas M. Tito. S. 30.

² AS. Dedijer. T. e. 7. Spomini tov. Kardelja, 25.12.1951. S. 25.

³ AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 876; T. e. 201. Zabeleška o razgovoru druga E. Kardelja sa Vladimirom Dedijerom, u Ljubljani, 11. oktobar 1978. godine. S. 15; T. e. 215. Terzić V. Najvecje greške i propusti strateške prirode u pogledu organizovanja i vodenja NOR-a; T. e. 261. Pričevanje P. Dapčevića 02.04.1980; T. e. 271. P. Dapčević: Pljevlja, 06.04.1980.

⁴ Губианский Л. Я. Советский Союз и новая Югославия 1941–1947 гг. М.: Наука, 1987. С. 31, 41; Stefanović M. Podpis: Tito. S. 183; Cenčić V. Enigma. Vol. I. S. 199.

учреждено подразделение особого назначения — Управление специальных операций (УСО), задачей которого было проведение саботажа и подрывных действий в тылу врага¹. Наряду со штаб-квартирой в Лондоне вскоре было создано вспомогательное подразделение в Каире для управления операциями на Балканах и Ближнем Востоке. Для получения более детальной информации 20 сентября 1941 г. УСО направило в Черногорию и Сербию миссию «Bullseye»² под руководством капитана Дуэйна Т. Хадсона, южноафриканского горного инженера, работавшего перед войной в Югославии. Как свидетельствуют некоторые британские документы, «Билл» Хадсон поддерживал и направлял движение сопротивления в Югославии, тем самым опосредованно помогая Советскому Союзу. Последний в октябре 1941 г. даже предложил англичанам координировать помощь югославским борцам³. Поскольку лондонское правительство понимало, что не может предложить им серьезной военной помощи, оно старалось оказать поддержку хотя бы путем пропаганды и, в том числе с целью приободрить английскую общественность, создало миф о генерале Михайловиче и его движении. В печати и на Би-би-си его представляли как светлый пример для всей Европы, особенно той ее части, которая, по словам Идена, находилась под вражеской оккупацией⁴. «Сербы, — говорилось в одной из передач лондонского радио, — показывают нам, как нужно умирать за родину». При этом то, что прославлялись героические деяния, совершённые не четниками, а партизанами, имело второстепенное значение⁵. Партизан никто не хотел замечать, даже советское правительство, ведь в то время, когда немецкие войска были на Волге, на Кавказе и под Москвой, оно не могло позволить себе открыто заявить о поддержке движения, не скрывавшего своих революционных амбиций. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что радиостанция «Свободная Югославия», созданная Коминтерном в Уфе 11 ноября 1941 г., в своих передачах не только не допускала критики Дражи Михайловича, но и, к сильному негодованию Тито, опиралась на сообщения западных средств массовой информации, делавших из него «звезду»: по сведениям, предоставленным британцами, сербская герилья якобы блокировала на Балканах целых шесть немецких и много итальянских дивизий⁶. Тито через Ваздуха высказал Москве резкий протест относительно этой «ужасной глупости», но безуспешно.

¹ TNA. HS 3/151.

² Точный выстрел, прямое попадание (англ.).

³ Губианский Л.Я. Советский Союз. С. 39; *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 433; Gligorijević M. Rat i mir Vladimira Dedijerja. S. 169; Kljaković V. Velika Britanija, Sovjetski Savez i ustanak u Jugoslaviji 1941. godine // Vojnoistorijski glasnik. 1970. № 2. S. 71, 72; Howarth P. Undercover. The Men and Women of the Special Operations Executive. London: Routledge & Kegan Paul, 1980. P. 76.*

⁴ TNA. CAB 121/576/11.

⁵ *Barker E. British Wartime Policy towards Yugoslavia // The South Slav Journal. 1979. Vol. 2. No. 2. April. P. 4.*

⁶ TNA. HS 3/126; *Bajt A. Bermanov dosje. S. 353, 376; Stefanović M. Podpis: Tito. S. 38.*

Надежды британцев, что им удастся с помощью Советского Союза наладить сотрудничество между А/НЗ1 (шифр Михайловича) и Тито, продлились недолго¹. Хотя Тито и не доверял Михайловичу, он был готов после захвата Ужице поделиться попавшими ему в руки трофеями и поэтому уступил ему примерно 15 тыс. ружей и 5 млн динаров². В то время в разговоре с Хадсоном он утверждал, что ничего не имеет лично против Дражи, хотя и добавил, что большинство его офицеров — люди, которым нельзя доверять. По его мнению, главными недостатками четников были пьянство, отсутствие дисциплины, воровство и насилие. Прямая противоположность партизанской этике. Однако он уверял, что хочет любым способом избежать трений с Михайловичем: если тот не желает сотрудничать с партизанами, пусть хотя бы не ставит им палки в колеса³. Оба руководителя еще раз встретились в ночь с 26 на 27 октября 1941 г. в селе Браичи на горе Сувабор, чтобы поговорить о возможности заключения договора на основе 12 пунктов, сформулированных Тито. Они даже достигли принципиальной договоренности, обязывавшей их помогать друг другу, на деле же оба стремились к достижению собственных, диаметрально противоположных целей. Тито, помимо прочего, отверг требование Михайловича передать ему контроль над Ужице и Чачаком, тогда как последний отклонил важнейшие пункты предложенной программы: формирование общего оперативного штаба для борьбы против немцев и их приспешников, общее снабжение партизан и четников, организацию временного управления на освобожденных территориях и проведение мобилизации на добровольной основе⁴. Уже через два дня после встречи представитель Михайловича потребовал от немцев оружие для борьбы с коммунистической опасностью⁵.

Вскоре после этого, в ночь с 1 на 2 ноября, четники напали на Ужице, Чачак и другие подконтрольные партизанам местности и тем самым подали сигнал к началу гражданской войны в Сербии и на всех территориях, где оба движения развивались бок о бок друг с другом⁶. В своих военных мемуарах Джилас говорит, что он и его боевые товарищи радовались тому, что столкновение началось: тем самым разрешилась сложившаяся к тому моменту ситуация, когда было не вполне ясно, как взаимодействовать с отрядами, бойцов которых коммунисты считали классовыми врагами⁷. Тито и его товарищи, ожидавшие нападения, были (ошибочно) убеждены, что Михайлович

¹ TNA. HS 3/198; HS 3/155; *Barker E.* British Wartime Policy. P. 4.

² *Ranković A.* Dnevničke zabeleške. S. 204, 225.

³ *Deakin F. W.* Yugoslavia. Partisan Suspicions of the British. P. 2; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 305.

⁴ *Ridley J.* Tito. A Biography. P. 179; *Kljaković V.* Velika Britanija. S. 75, 78.

⁵ *Banac I.* Sa Staljinom protiv Tita. S. 25.

⁶ А. Байт утверждает обратное. См.: *Bajt A.* Beranov dosje. S. 340–345, 359 и далее. Также см.: TNA.CAB 121/676/16; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 307, 308.

⁷ *Dilas M.* Wartime. London: Harcourt Brace Jovanovich, 1977. P. 88; *Mandić B.* S Titom. S. 26; *Shepherd B.* Terror. P. 145, 146.

решился на него, поддавшись уговорам Хадсона. Тот вместе с двумя сербскими офицерами, являвшимися членами его миссии, после короткой остановки в Ужице направился в главный штаб Михайловича на Равна-Гору, а радиотелеграфист Велько Драгичевич решил, что останется у партизан. За это он дорого заплатил: его заподозрили в том, что он британский шпион и — вероятно, по приказу Тито или Ранковича — ликвидировали¹. Это показывает, насколько твердым было их опирающееся на идеологию убеждение, что англичане были и остаются врагами. «Я уверен, что нападение на нас произошло по указанию английского и югославского правительств, — записал в своем военном дневнике Владимир Дедиер. — Буржуазии не было дела до освобождения народа; она начала классовую борьбу. Сербская буржуазия, как самая алчная, начала первой. Одна ее часть делала ставку на немецкую карту, другая на английскую. Но против нас они объединились»².

По отношению к британцам следовало вести себя осмотрительно из-за их союза с СССР, а радио «Москва» сообщало о Михайловиче как о вожде сопротивления, поэтому, когда партизанские отряды окружили его штаб, они не пошли до конца³. Михайлович внезапно стал утверждать, что силам сопротивления не следует конфликтовать между собой, и согласился на создание комиссии, которая должна расследовать, кто виноват в произошедшем инциденте. Со своей стороны Тито в знак доброй воли отпустил на свободу около ста офицеров-четников, взятых в плен его бойцами⁴. Затем в Чачаке встретились делегации обоих вооруженных формирований, причем партизан представляли Иво Лола Рибар, Петар Стамболич и Александр Ранкович. Был заключен договор, в котором предусматривалось прекращение огня на тех рубежах, где находились враждующие отряды на момент подписания договора⁵. Но это был конец. Затем ужасные события следовали одно за другим: 21 ноября в Ужице начался саботаж на оружейном заводе, был произведен ряд мощных взрывов, от которых погибло 120–160 человек. Сам Тито, находившийся всего в нескольких метрах от завода, едва спасся⁶. Когда через четыре дня, 25 ноября, немцы напали на Ужице, Михайлович отверг просьбу Верховного штаба об организации совместной обороны силами партизан и четников⁷.

Несмотря на посредничество Хадсона, прибывшего с этой целью в Верховный штаб Тито, преодолеть раскол стало невозможно. Причины

¹ AS. Dediđer. T. e. 143. Dragičević Veljko; Kljaković V. Velika Britanija. S. 77.

² Dediđer V. Dnevnik, 1941–1944. Vol. I. Rijeka, Zagreb: Liburnija, Mladost, 1981. S. 52; Gligorić M. Rat i mir Vladimira Dediđerja. S. 169; Kardelj E. Spomini. S. 36.

³ Dediđer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 148; 220; Ridley J. Tito. A Biography. P. 180; Kljaković V. Velika Britanija. S. 92.

⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 607. С. 12, 13; Dediđer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 308.

⁵ Ranković A. Dnevničke zabeleške. S. 204, 205; Swain G.R. Tito. A Biography. P. 40. Mandić B. Tito izbliza. S. 35.

⁶ Ridley J. Tito. A Biography. P. 182; Adamič L. Orel in korenine. S. 497.

⁷ Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 113; Ridley J. Tito. A Biography. P. 181.

окончательного разрыва заключались не только в идеологических, политических и стратегических расхождениях и в социальном радикализме партизан. Дело было еще и в том, что командир четников знал, что Лондон признаёт его вождем сопротивления, и, не в последнюю очередь, в том устрашающем впечатлении, которое произвели на него немецкие репрессии. 16 сентября 1941 г. по инициативе фюрера генерал Вильгельм Кейтель, командующий вермахта на Балканах, издал указ, согласно которому за каждого убитого немца следовало расстрелять сто «коммунистов», а за каждого раненого — пятьдесят¹. В ответ на саботаж, организованные партизанами и четниками, немцы провели ряд жестоких актов возмездия, которые достигли апогея в Крагуеваце 21–23 октября. В те дни в этом промышленном центре расстреляли 2300 заложников (такое число приводится в современных немецких источниках), среди которых были также ученики и преподаватели местной гимназии. (Партизаны утверждали, что их было 7 тыс.)²

Эти и другие репрессивные меры повлияли и на общественное мнение сербов, которые стали дистанцироваться от партизан и даже доносить на них жандармам Недича. Увидев, что события развиваются благоприятным для них образом, немцы в середине ноября решили провести так называемое «первое наступление» против отрядов Тито и Михайловича³. В конце месяца силами четырех дивизий они их разбили и прогнали за границы Сербии, в горные районы Санджака, и, поскольку тот был оккупирован итальянцами, условия и для тех, и для других там, несомненно, были легче. «Так восстание в Сербии, — записал позднее Владимир Бакарич, — потерпело тяжелое поражение, и если бы не было Боснии, Хорватии и Словении, ничего бы не вышло»⁴. Но Тито не хотел это признать. Через месяц после того, как он потерял более тысячи человек в Ужице и Златиборе, он послал сообщение в Словению: «Наши войска сохранились, потерь почти не было. <...> Положение в Сербии существенно улучшилось»⁵. Только через тридцать лет он признал: «Я, можно сказать, едва не погиб на распутье между селами Забучье и Любана»⁶.

Общая судьба не примирила обоих соперников, Тито и Михайловича — уже в декабре между ними снова произошло столкновение, и они без передышки продолжали вести братоубийственную войну до конца войны. А в Сербии тем временем настал трудный мир: к концу года из 25 тыс. партизан там, по свидетельству партийного руководителя Благое Нешковича, осталось только 32 человека⁷. Движение в Сербии еще долго не могло восстановиться,

¹ *Deakin F. W. Yugoslavia. Partisan Suspicions of the British.* P. 18.

² *Dedijer V. Novi prilozi.* Vol. II. S. 392.

³ *Bajt A. Bermanov dosje.* S. 373, 374; *Velebit V. Svjedok.* S. 265.

⁴ *Bilandžić D. Povijest izbliza.* S. 40.

⁵ *Simić P. Tito. Skrivnost stoletja.* S. 171; *Broz Tito J. Zbrana dela.* Vol. 8. S. 67, 68.

⁶ *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито.* С. 114; *Broz Tito J. Vojni memoari // Front.* 1972. 05.05.

⁷ *Bilandžić D. Povijest izbliza.* S. 434; *Velebit V. Svjedok.* S. 294.

в то время как многочисленные четники Михайловича по тайной договоренности «легализовались», т. е. пополнили ряды жандармов Недича. Это дало коммунистам право заклеить их как предателей. Другого мнения придерживалось югославское правительство в изгнании, оно провозгласило четников «югославской армией», Драже Михайловичу 7 декабря 1941 г. присвоило звание генерала, а 9 января 1942 г. ввело его в свой состав в качестве военного министра. Это означало, что любой югославский подданный, не признающий его верховным командующим «югославской армии на родине», является предателем¹.

* * *

Немцы и их сербские приспешники были уверены, что обезглавили коммунистическое движение, тем более что полиции Недича до конца ноября удалось арестовать в Белграде около ста видных членов КПЮ. Однако оставался открытым вопрос, кто на самом деле руководит партизанской войной с целью «большевизировать» Балканы и связать на этой территории отряды, которые нужны для борьбы с Советским Союзом. В гестапо преобладало мнение, что движение невозможно полностью подавить, пока не будет уничтожено его руководство. Харальд Турнер, глава немецкой администрации в Сербии, писал 3 декабря 1941 г.: «Борьбой коммунистов против правительства Недича и его сторонников руководят видные коммунистические агенты, которые не являются сербами. <...> Установлено, что они получают указания из Москвы и что, помимо непосредственных коммуникаций, одним из каналов связи является советское представительство в Софии». Эта точка зрения была основана на сообщениях, поступивших из лагеря Михайловича. Когда последний в октябре встречался с Тито, у того была с собой фотография, снятая в Ужице на военном торжестве, организованном в честь 40-летия Октябрьской революции. На основании этой фотографии и иностранного акцента собеседника Михайлович сделал вывод, что человек, с которым он имеет дело, русский, а именно Виктор Лебедев, который до апреля 1941 г. являлся консультантом по торговле в советском посольстве в Белграде. Так возникла легенда, которую приняли сторонники Недича и немецкие круги в Сербии, а также британцы, с которыми у Михайловича были связи². Дража распространял слухи, что движение сопротивления Тито — не выраженные стремления югославских народов, а искусственный, организованный извне заговор. Вероятно, убежденность Михайловича в том, что Тито русский по происхождению, спасла ему жизнь. После встречи на Равна-Горе один из командиров четников готовил на него покушение. Он приказал заминировать мост, по которому должен был проехать автомобиль Тито. Но Михайлович, отчасти из-за своих представлений о военной чести, а отчасти из-за того, что не хотел портить отношения с русскими, в которых, несмотря ни

¹ *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 138; *Kljaković V.* Velika Britanija. S. 101.

² *Deakin F. W.* Yugoslavia. The Identity of Tito. The German Search. P. 1–8; TNA. CAB 121/676/6A.

на что, видел защитников православной Сербии, запретил покушение¹. В последующие месяцы о Тито ходили и другие слухи. Глава сербской государственной безопасности в Белграде сообщал, что его имя — Виктор Володин и что он русский эмигрант, который будто бы руководил фирмой «Симович» в Ужице. По другой информации, он якобы был бывшим офицером австро-венгерской армии, словенцем по происхождению, который в 1917 г. лечился от тифа в ужицкой больнице. А перед Второй мировой войной Тито, по слухам, находился на службе как у московского Коминтерна, так и у гестапо. «Он говорит на испорченном сербском языке, похожем на кайкавщину»².

Следует отметить, что в то же самое время немецкая тайная полиция в Белграде имела в своем досье на Тито и более точные данные. Из них следовало, что по профессии он рабочий (предположительно наборщик), что он учился в школе, а затем в КУНМЗе, что ему 40–50 лет, высокий, с черными волосами и темно-кариими глазами. «Помимо элегантной одежды у него нет никаких характерных черт». В дополнительной записке, добавленной 24 октября, содержится еще немного информации: «Тито — руководитель партии и ее секретарь <...> Ему около 50 лет, вероятно, он словенец. Бывший рабочий. За свою деятельность в 1927 г. находился в тюрьме в г. Сремска-Митровица — заключение от 7 до 9 лет. После освобождения уехал в Москву и в Киев <...>»³. Если бы тайная полиция сотрудничала с контрразведкой вермахта, которая тоже имела свою резиденцию в Белграде, ей, вероятно, нетрудно было бы установить идентичность Тито. В архивах контрразведки уже 8 августа 1941 г. имелась карточка Ивана Броза. Запись на ней гласила, что он механик, родился в Кумровце, коммунист, много раз был осужден, и его нелегальное имя «Тито»⁴.

Подъем гражданской войны

Осеннее наступление, приведшее к краху «советской республики» в Ужице 29 ноября 1941 г., стало для Тито суровой школой, ведь оно разрушило иллюзию о прочности позиций партизан в этой местности. Кроме того, он совершил ошибку, так как старался проявить себя перед Хадсоном как военачальник. Он послал для защиты Ужице на Кадиньячу, один из подступов к городу, батальон партизан, хотя было ясно, что сдержать наступление невозможно. Все они погибли при столкновении с немецкими танками. Миф поднял Кадиньячу на уровень партизанских Фермопил⁵. Поскольку Тито

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 360; Ćosić D. Piščevi zapisi (1969–1980). S. 243; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 112.*

² *AJ. 838. LF III-11/14. Šef srbske državne bezbednosti. Predmet: Tito-podaci. Upravi grada Beograda, Odelenje specialne policije, 12.12.1943.*

³ *Deakin F. W. Yugoslavia. The Identity of Tito. The German Search. P. 9.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ćosić D. Piščevi zapisi (1969–1980). S. 244; AS. Dedijer. T. e. 5.*

недооценил ударную силу вермахта, партизанские отряды покинули Ужице в последний момент. Начался такой хаос и ужас (немцы танками давили раненных партизан или сбрасывали их в реку и там расстреливали), что Драгойло Дудич, первый председатель Главного народно-освободительного комитета Сербии, открыто выступил против Тито из-за его методов командования и из-за того, что он напрасно посылал людей на смерть¹.

К тому же Тито настолько потерял голову, когда убежал, что никто, даже его адъютант Митар Бакич, не знал, где он. На его счастье, немцы преследовали его отряды только до разделительной границы по реке Увац между их и итальянской оккупационными зонами². Хотя телеграмма «Деду» от 1 декабря 1941 г., в которой Тито просил об оказании военной помощи, упомянув, что в его распоряжении три аэродрома, дошла до Сталина, Молотова и Берии, отклика на нее не последовало³. Тогда немцы были под Москвой, и перед советскими руководителями стояла задача помочь самим себе. Вследствие поражения партизан в Сербии казалось, что судьба всего югославского движения сопротивления висит на волоске. «У нас не было настоящей обороны, — говорил Кардель, — и мы ловили партизан поодиночке, чтобы задержать немцев на границе Златибора хотя бы на такое время, чтобы мы смогли эвакуировать раненых»⁴.

7 декабря 1941 г. в селе Дреново в Санджаке, на заседании Политбюро, в котором приняли участие Кардель, Ранкович, Джилас, Жуйович и Лола Рибар, Тито в приступе малодушия подал в отставку (неизвестно, с поста Верховного главнокомандующего или также и с поста Генерального секретаря партии). Конечно, его отставку не приняли, аргументируя это тем, что в Москве не поймут такого решения и подумают, что в КПЮ произошел раскол. Ранкович добавил, что, если он уйдет в отставку, то и все остальные должны будут это сделать⁵. «Во время войны Тито много раз впадал в серьезные депрессии и был деморализован <...>. Однако он быстро пересматривал ситуацию, быстро принимал решения и энергично претворял их в жизнь», — отмечал Ранкович⁶. Так произошло и в тот раз, несмотря на то что ситуация была действительно катастрофической — Тито тогда имел в своем распоряжении менее 1500 бойцов. Но революционный дух руководителей КПЮ не был сломлен: в свете недавних событий они пришли к выводу, что

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 55; Vol. III. S. 472; AS. Dedijer. T. e. 5; Gligorijević M. Rat i mir Vladimira Dedijerja. S. 238.*

² *Bajt A. Bermanov dosje. S. 372; Clissold S. Đilas. P. 76; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 310.* Дедиер пишет, что он покинул Ужице в числе последних бойцов, за 20 минут до появления немецких танков.

³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 112.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 7. Spomini tov. Kardelja, 25.12.1951. S. 12.

⁵ Это тезис Джиласа. Дедиер с ним не согласен. См.: *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 947; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 114; Ćosić D. Pišćevi zapisi (1969–1980). S. 244; Ranković A. Dnevničke zabeleške. S. 221; AS. Dedijer. T. e. 5.*

⁶ *Ćosić D. Pišćevi zapisi (1969–1980). S. 244.*

на смену вооруженному сопротивлению иноземным оккупантам пришла классовая борьба между крестьянами и рабочими с одной стороны и буржуазией — с другой. Поскольку, по их мнению, близился военный и политический крах Гитлера (о чем свидетельствовали последние успехи советских войск, остановивших наступление немцев под Москвой), переход ко второму этапу революции становился всё более актуальным. Это, в соответствии с учением Ленина и Сталина, утверждал Эдвард Кардель. Они были убеждены, что империалисты хорошо это понимают: именно поэтому Великобритания всё еще не открыла в Европе второй фронт, но пытается — о чем свидетельствует нападение четников на Ужице — сплотить реакционные силы и направить их против революционеров и сил прогресса. Так что нужно продолжить борьбу с оккупантом и одновременно свести счеты с местным классовым и «великосербским» врагом¹.

В соответствии с этими искаженными идейными конструктами, в правильности которых, по всей видимости, не усомнились даже тогда, когда получили известие, что Соединенные Штаты вступили в войну на стороне Великобритании и Советского Союза, Тито и его товарищи 21 декабря 1941 г., в день рождения Сталина, сформировали в селе Рудо Первую пролетарскую ударную бригаду (впоследствии — дивизия), которая должна была стать ударной силой освободительного и социального движения. В связи с тем, что многие партизанские отряды перешли на сторону четников или рассеялись по лесам, поскольку их члены хотели остаться вблизи своих деревень, они решили сформировать боевой костяк, на который могли полагаться, ведь имелись «прекрасные отряды рабочих Сербии». «Вспоминаю <...>, — говорил Кардель, — что, когда мы еще находились на Златаре в Санджаке, мы устраивали там своеобразные парады как подготовку к формированию бригад <...>. Была ужасная метель и сильный мороз, но полуголые и полубосые люди, измученные страшными походами, маршировали в колоннах и пели с невероятным пылом»². Они несли красное знамя с серпом и молотом, ведь, как писал Тито, «по сути, это были вооруженные силы партии»³.

В Первую пролетарскую бригаду не принимали крестьян, большинство ее составляли члены партии и СКМЮ, поскольку она должна была стать основной регулярной революционной армии, отличной от партизанских отрядов⁴. По мнению Эдварда Карделя, это решение сильно повлияло на дальнейшее развитие движения сопротивления. «Создание Первой пролетарской бригады существенно изменило политическое и военное положение в Боснии, что дало возможность относительно быстро компенсировать негативные политические последствия падения Ужицкой республики новыми успехами.

¹ *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 138; *Bajt A.* Bermanov dosje. S. 387, 388; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 314–316.

² AS. Dedijer. T. e. 7. Spomini tov. Kardelja, 25.12.1951. S. 13.

³ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 128; *Adamič L.* Orel in korenine. S. 500.

⁴ Bundesarchiv. Berlin (BA). DY 30 IV 2/20/127; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 394.

Эта мера оказала на восстание и долгосрочный эффект — сформировалось главное ядро революционной армии. В последующие месяцы и годы она уже смогла осуществлять хорошо организованные широкомасштабные операции на территории всей Югославии и даже, особенно в заключительной фазе войны, начинать характерные для Второй мировой войны крупные фронтальные операции против врага»¹.

Командующим бригадой, в которой было 1200 бойцов, назначили Кочу Поповича, ветерана Гражданской войны в Испании, и он сделал из нее хорошо организованное ударное формирование. Вместе со Второй пролетарской бригадой, сформированной на несколько месяцев позже, она стала ядром революционных сил в Боснии и Герцеговине, т. е. на той территории, где в последующие два года вела боевые действия основная часть армии Тито. О царившем в ней духе говорят слова самого верховного командующего на торжестве по поводу создания Второй пролетарской бригады 1 марта 1942 г.: «Мы будем стрелять даже в родного отца, если он пойдет против народа»². Поскольку такое действительно происходило, Тито в последующие годы неохотно вспоминал о многих ошибках революции. Тем не менее он не мог скрыть своего восхищения людьми, которым хватило сил принести такую жертву: «Да, это партийность»³. При этом следует упомянуть, что сам он не принимал участия в преступлениях. «Того, что компрометирует, — не без упрека отмечал Ранкович, — приказов о смертной казни, о поджогах деревень, всего, что грязно и плохо, он не подписывал, а оставлял другим. Он всегда осознавал свою историческую роль. Он вел себя как будущий победитель, человек, который прав, справедлив и великодушен...»⁴

7 и 8 января 1942 г. в деревне Иванчичи Тито провел «областное партийное совещание», на котором было принято решение «углублять революцию по мере обострения классовой борьбы». В документе, который, вероятно, подготовили как основу для обсуждения, помимо прочего говорится: «Политика нашей партии была ясной и направленной на то, чтобы объединить весь народ в борьбе против оккупантов вне зависимости от национальной, религиозной и политической принадлежности. Однако наши враги, великосербская буржуазия и ее представители, поставили на главное место вопрос о будущем устройстве (государства) и зашли настолько далеко, что ради обеспечения и сохранения порядка открыто объединились с оккупантом в борьбе против нас. Они навязали нам классовую борьбу, и мы эту борьбу принимаем...»⁵

¹ AS. Dedijer. Т. е. 7. S. 24, 25.

² *Dedijer V. Novi prilozii*. Vol. III. S. 471.

³ *Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968)*. S. 201.

⁴ *Ibid.* S. 244, 245.

⁵ *Nenadović A. Razgovori s Koćom*. S. 51, 52; *Аникоев А. С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957)*. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. С. 26, 27; *Velebit V. Svjedok*. S. 272, 273.

* * *

После бегства из Сербии Верховный штаб 25 января обосновался в восточной Боснии, на территории Независимого государства Хорватия, в мусульманском городке Фоча, где, невзирая на постоянные налеты немецкой авиации, оставался три месяца. По прибытии в город Тито своими глазами увидел, какую Югославию хочет Михайлович: в Дрине всё еще плавали трупы убитых четниками мусульман¹. Тот факт, что усташи соперничали с четниками в совершении преступлений, лил воду на мельницу движения сопротивления. Вскоре оно укрепилось на новом месте, несмотря на мучившие партизан лютый мороз и голод: ели они почти только один овсяный хлеб, смешанный с кусочками диких груш, а пили в лучшем случае «конский чай» — чорбу с вареной кониной, без соли и специй². Тито в то время сильно похудел, хотя и находился в привилегированном положении. У него была своя корова, так что он всегда получал достаточное количество молока, и личный повар³. Что вовсе не означает, что он не разделял со всеми трудности и неудобства партизанской жизни. Йосип Копинич, который тогда приехал из Загреба, рассказывал, как однажды они, чтобы не мерзнуть, спали вместе, накрывшись одним одеялом. «У тебя есть вши?» — спросил его Тито. Ваздух ответил, что пока нет. На это Тито со смехом сказал: «Не бойся, тут они у тебя появятся, у меня они тоже есть»⁴.

С помощью Копинича примерно 7 февраля 1942 г. удалось установить из Горажде радиосвязь с Москвой, обеспечивал которую руководитель шифровальной службы, физик-ядерщик и бывший ассистент И. Жолио-Кюри Павле Савич, «необыкновенно умный человек»⁵. Пользуясь новой возможностью коммуникации, которая освободила его от зависимости от загребского центра, в конце февраля 1942 г. Тито послал горячее поздравление в связи с 24-летней годовщиной создания Красной армии. Оно было опубликовано в журнале *Коммунистический Интернационал*, а также в бюллетене советского посольства в Лондоне *Soviet War News*. Так его имя было впервые упомянуто на Западе⁶. Но только летом левая пресса в Великобритании и США стала получать из Москвы телеграммы, в которых передавались сообщения

¹ NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 46. Vladimir Dedijer. Review of David Martin's Book «Patriot or Traitor» (To be Broadcasted on the BBC, 08.02.1980); *Vrhunec M.* Josip Broz — Tito. S. 278; *Velebit V.* Svjedok. S. 84.

² *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 593; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 145, *Bajt A.* Bermanov dosje. S. 412; *Stefanović M.* Podpis: Tito. S. 62; *Ranković A.* Dnevničke zabeleške. S. 222; *Gligoričević M.* Rat i mir Vladimira Dedijerja. S. 48.

³ *Bajt A.* Bermanov dosje. S. 373.

⁴ *Cenčić V.* Enigma. Vol. II. S. 12.

⁵ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 320; Vol. III. S. 487–502; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 104; *Velebit V.* Svjedok. S. 83; AS. Dedijer. T. e. 244. Sovjetski pokušaj da 1940. stvori u Beogradu drugi obaveštajni centar; Zapis Miše Brašića, 17.09.1982.

⁶ *Broz Tito J.* Zbrana dela. Vol. 9. S. 65; *Губианский Л. Я.* Советский Союз. С. 44; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 15.

Тито о битвах партизан против оккупантов и раскрывалась ложь коммюнике югославского правительства в Лондоне, информировавших о тех же боях, но приписывавших их проведение «партизанским силам четников генерала Дражи Михайловича»¹.

Поскольку военная ситуация для русских изменилась к лучшему, Сталин почувствовал себя увереннее и начал проявлять интерес к югославским партизанам, прежде всего потому, что Лондон по-прежнему настаивал на том, чтобы заставить Тито сотрудничать с Михайловичем. «Видимо, серьезную силу представляют югославские партизаны, если англичане обращаются к нам за помощью!» А когда королевское правительство в эмиграции выдвинуло ему то же требование, добавил: «Сами справиться с партизанским движением у себя в стране не могут, так хотят при нашей поддержке подчинить партизан Михайловичу, а потом их задушить. Всё это шито белыми нитками. Хитрые, но детские уловки! Жаль, что сейчас мы можем только сочувствовать югославским партизанам и не можем оказать им какой-либо реальной помощи»².

Несмотря на эти первые признаки интереса Москвы к партизанскому движению в Югославии и его поддержке, хотя бы на уровне пропаганды, вскоре от нее был получен и выговор. Уже в феврале Коминтерн выдвинул идею, чтобы югославские партизаны обратились с воззванием к освободительным движениям в Европе, в первую очередь во Франции и Чехословакии. Разумеется, Тито с воодушевлением подхватил эту инициативу и написал воззвание, но тут из Москвы пришло постановление, принятое с оглядкой на правительство в эмиграции, что его текст не следует публиковать. В начале марта Коминтерн поздравил Вальтера с успехом, но при этом напомнил, что «уничтожение фашистских бандитов и освобождение от завоевателя — главная задача, имеющая приоритет перед всеми остальными». Поэтому не следует создавать Советскому Союзу трудности во взаимоотношениях с западными союзниками. «Оценивайте проблемы вашей борьбы не только с ваших национальных позиций, но также с точки зрения международной британско-американо-советской коалиции»³. «При анализе всех ваших информации, — говорилось в телеграмме ИККИ, — создается впечатление, что на основании некоторых сведений, полученных от англичан и югославского правительства, можно предположить, что партизанское движение приобретает коммунистический характер и направлено на советизацию Югославии. Зачем вам, например, нужно было создавать специальную пролетарскую бригаду? <...> Разве кроме коммунистов и сочувствующих им нет других югославских патриотов, с которыми вы могли бы вместе сражаться против оккупантов?»⁴

¹ *Adamič L.* Orel in korenine. S. 532.

² *Голованов А.Е.* Дальняя бомбардировочная... Воспоминания главного маршала авиации 1941–1945. М.: Дельта НБ, 2004. С. 479.

³ *Bajt A.* Bergmanov dosje. S. 887; *Dedijer V.* Novi prilozii. Vol. I. S. 324.

⁴ *Гуренко Ю.С.* Сталин — Тито. С. 130.

Короче говоря, «Дед» посоветовал Тито пересмотреть свою прежнюю тактику и использовать все имеющиеся у него возможности, чтобы сформировать общий национальный фронт всех противников Гитлера и Муссолини. При этом он напомнил ему, что Советский Союз поддерживает дипломатические отношения с югославским королем и его правительством и что выступление против них привело бы к новым проблемам в военном взаимодействии с западными союзниками¹. В ответ Тито послал телеграмму, в которой утверждал, что ИККИ ошибочно истолковал его информацию. Он подчеркнул, что сторонники югославского правительства в Лондоне сотрудничают с оккупантом не открыто, а опосредованно, через армию Недича, в которую влились и четники Михайловича. ЦК КПЮ имеет в своем распоряжении документы, подтверждающие их предательскую деятельность. Кроме того, он потребовал, чтобы КПСС прислала на освобожденные территории своего наблюдателя и много оружия и боеприпасов, чтобы можно было вооружить всех тех, кто присоединяется к освободительной борьбе². Какое-то время казалось, что Москва действительно окажет требуемую поддержку. Моше Пияде вместе со своими людьми отправился на плато у горы Дурмитор, и там они устроили импровизированный аэродром, на который должны были приземлиться советские самолеты. На жестоком морозе и в глубоком снегу они несли свою вахту в течение 37 ночей. Никаких самолетов! Несмотря на то что Димитров лично обращался к Молотову, Берии и Сталину с просьбой попытаться оказать какую-нибудь помощь, успеха он не добился. Самое большее, что он смог сделать, это послать Вальтеру в конце мая 1942 г. «рецепты» для производства взрывчатки³.

Между Тито и Моше Пияде под впечатлением выговора из Москвы произошел любопытный обмен мнениями. Моше полагал, что Коминтерн, возможно, прав, утверждая, что «мы ушли несколько дальше, чем было нужно». На два письма в этом духе, посланных ему Моше, Тито ответил довольно раздраженно, мол, ни к чему «философствовать» о том, «что нас занесло влево»⁴. Однако 6 апреля 1942 г. он созвал в Фоче заседание ЦК КПЮ, на котором сам подчеркнул вред «левых уклонов» (появились они главным образом в восточной Герцеговине и Черногории, меньше — в Воеводине и Нижней Крайне), принимавших тревожные формы: некоторые сербские члены партии даже утверждали, что, поскольку начался второй этап революции, нужно уничтожить всех крестьян, учителей, офицеров и священников, находящихся

¹ *Bajt A. Bermanov dosje. S. 424; Banac I. Sa Staljinom protiv Tita. S. 24; Dimitrov G. Diario. S. 421. См.: Dimitrov and Stalin 1934–1943. Letters from the Soviet Archives / Eds. A. Dallin, F.I. Firsov. New Haven: Yale University Press, 2000. P. 216, 217, 421, 422; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. II. № 60. С. 201, 202; Swain G.R. Tito. A Biography. P. 44.*

² ВА. ДУ 30 IV 2/20/127; *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 131.*

³ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 220; Dimitrov G. Diario. S. 355–357, 388, 391, 430, 450; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 148; Adamić L. Orel in korenine. S. 524–529.*

⁴ *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 132, 133; Broz Tito J. Zbrana dela. Vol. 9. S. 135.*

среди партизан. В соответствии с предостережениями и указаниями «Деда» Тито с товарищами заложили новое политическое направление, основанное на утверждении Сталина, что в настоящий момент необходимо вести «отечественную войну». «Болтовня о мировой революции на руку только Гитлеру и наносит вред объединению всех антигитлеровских сил»¹. Они решили, что теперь следует делать акцент только на народном освобождении, а не на классовой борьбе. Также они решили изменить свое отношение к англичанам и к правительству в эмиграции, с которым отныне они будут полемизировать не по идеологическим соображениям, а исключительно из-за того, что оно оказывает поддержку предателям — четникам. Последовав указаниям «Деда», они, конечно, не отказались от революции, но признали правильность советского тезиса — что в данный момент следует акцентировать внимание главным образом на патриотической составляющей борьбы. Это было тем более необходимо, что даже самым «верующим» уже стало понятно, что на скорую помощь Красной армии рассчитывать не следует². Эта линия, безусловно, привела к успеху, хотя в Черногории, Герцеговине и восточной Боснии нелегко было остановить тех, кто упорно придерживался «левых уклонов». Однако, несмотря ни на что, пишет Джилас, «в том, что касается политической линии и тактики, впоследствии уже не происходило существенных сдвигов. В борьбе с оккупантом революция нашла самое себя...»³ При формировании новой власти стала проявляться двойственность, которая была характерна и для послевоенной Югославии вплоть до 1948 г., когда Сталин исключил Тито и товарищей из социалистического лагеря. По словам хорватского историка Д. Биланджича, партийные форумы проходили в обстановке полной конспирации, поскольку акцент делался на народно-освободительной борьбе, а свою истинную цель — создание коммунистического режима по советскому образцу — скрывали. Никто не смел открыто говорить о ней даже на партийных собраниях. Всё было скрыто под лозунгом: «К старому возврата нет!»⁴

Тем временем вермахт начал второе наступление и в середине января 1942 г. развернул в восточной Боснии широкомасштабную операцию против повстанцев. Она завершилась в течение месяца, и снова началась весной, уже с помощью итальянцев. При этом не обошлось без резкой полемики о том, следует ли использовать четников в борьбе против коммунистов. Гитлер по-прежнему считал их «бандитами», с которыми невозможно договориться,

¹ *Dilas M. Tito. S. 27; См.: Pleterski J. Senca Ajdovskega gradca: o slovenskih izbirah v razklani Evropi. Ljubljana: samozaložba, 1993. S. 75; Banac I. Sa Staljinom protiv Tita. S. 89; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 209, 210; Dimitrov G. Diario. S. 320, 322, 382, 383, 427; Jović D. Yugoslavia. A State that Withered Away. West Lafayette, Indiana: Purdue University Press, 2009. P. 56, 57.*

² *Swain G.R. The Cominform: Tito's International? // The Historical Journal. 1992. Vol. 35, №3. S. 644.*

³ *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 135; Velebit V. Svjedok. S. 87, 88.*

⁴ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 222; Čosić D. Pišćevi zapisi (1969–1980). S. 197.*

а генерал Марио Роатта, командующий итальянскими войсками на Балканах, утверждал, что в данной ситуации их следует использовать, а уничтожить лишь тогда, когда они станут бесполезны. Эти разногласия, еще больше обострившие напряженные отношения между Берлином и Римом, так и не были преодолены: итальянцы, хотя и сделали вид, что согласились с мнением немцев, на деле продолжали опираться на четников, которые в качестве *milizia volontaria anticomunista*¹ стали элементом их стратегической практики, от которой они уже не могли отказаться². Под ударами немцев, итальянцев, усташей и четников (даже между ними было предпринято несколько попыток наладить сотрудничество) силы партизан опасно истощились. Тито попытался закрепиться на границе между восточной Боснией, Черногорией и Сербией, куда намеревался вернуться как можно скорее, пребывая в иллюзии, что это реально. Он был убежден, что не достигнет власти, не сломив сначала четнического движения, которое там было очень популярно³. Однако в середине мая 1942 г. он потерял свои опорные пункты на свободной территории около Фочи. Неизбежное отступление из городка на слиянии Дрины и Чехотины 10–11 мая 1942 г. стало ярким событием. Накануне ухода партизаны подожгли склад древесины на правом берегу реки. Огромный пожар превратил ночь в день: холмистая местность по берегам Дрины вся осветилась, так что птицы проснулись, будто на заре, и полетели к Фоче. Начался необычайный птичий гомон⁴.

* * *

Из-за трудной ситуации, в которой оказались партизаны, многие бойцы покинули ряды армии Тито и присоединились к Михайловичу, чей авторитет рос, поскольку его поддерживали и итальянцы, и британцы. В ответ партизаны расстреливали дезертиров и поджигали села, тем самым усугубляя гражданскую войну, которая всё больше походила на братоубийственную резню. Чтобы вырваться из вражеских тисков, Тито с тяжелым сердцем принял решение переместить отряды, находившиеся в Зеленгоре, Магличе и Любишине, к Боснийской Краине, говоря, что «путь на восток ведет через запад»⁵. Таким образом он приблизился к Хорватии и Словении, где движение сопротивления добилось нескольких важных успехов. Весной в люблянском округе оно получило такой размах, что удивило не только оккупанта, «но и нас самих», как написал Кардель в сообщении к Тито⁶. Решение о перемещении главной части партизанских отрядов в западную Боснию было непростым, в Верховном штабе многие протестовали против него в убеждении, что надо вернуться в Сербию, а не идти в Боснийскую Краину, где усташаи

¹ Добровольная антикоммунистическая милиция (*итал.*).

² *Velebit V. Svjedok. S. 84, 87, 90; Shepherd B. Terror. S. 177.*

³ *Bilandžić D. Hrvatska. S. 137, 138.*

⁴ *Nikoliš G. Korijen, stablo, pavetina. S. 399.*

⁵ *Kisić Kolanović N. Hebrang. S. 75.*

⁶ *Zgodovina Slovencev. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1979. S. 764.*

замарали себя рядом ужаснейших побоищ. Но Тито категорично приказал его осуществить и ждать, пока «ситуация дозреет», и, вероятно, тем самым спас движение сопротивления от краха¹. Примером ему послужила Красная армия: «Как она отступила в глубь России, — рассказывал Ранкович, — так и мы отступили к центру Югославии, в Боснию...»²

Долгий поход ударной группы (около 4500 человек) начался 22 июня и продолжался три недели в вихре столкновений с немцами и итальянцами, с четниками, усташами и их мусульманскими приспешниками. Тито при этом искусно использовал конфликты между немецкими и итальянскими отрядами. И у тех, и у других имелись свои оккупационные зоны, которые они бдительно охраняли не только от партизан, но и от «союзников». Свой великий поход он организовал таким образом, что сначала напал на округ в итальянской оккупационной зоне, занял его, а затем перешел в немецкую зону, зная, что немцы и итальянцы не смогут договориться об общих оборонительных действиях³. Несмотря на хитроумную тактику партизан, этот период восстания, по словам Владимира Дедиера, был «самым трудным». «Дража Михайлович вместе с оккупантом и при полной поддержке со стороны королевского правительства в Лондоне приложил все силы к тому, чтобы уничтожить народно-освободительное движение». И как будто всех этих горестей не доставало, еще и от Москвы был получен болезненный удар: пришло известие, что советское правительство решило поднять статус своего представительства при правительстве в эмиграции до уровня посольства. Тито и его товарищи не знали, что оно приняло такое решение относительно представительств всех государств, оккупированных немцами⁴. Об испытываемых им горечи и разочаровании красноречиво свидетельствует «тревожная» телеграмма, содержание которой Димитров 24 мая внес в свой дневник: «У четников огромное количество автоматического оружия, минометов и боеприпасов. Они насильно мобилизуют крестьян, тех, кто оказывает им сопротивление, убивают или в массовом порядке отправляют в концентрационные лагеря в Албании. Наши партизанские отряды предельно измождены непрерывными боями, а кроме того, у нас нет больше боеприпасов. Мы должны вывести наши отряды из Черногории, чтобы спасти их от полного уничтожения. Всюду народ проклинает югославское правительство в Лондоне, которое, поддерживая Дражу Михайловича, помогает оккупантам. Мне со всех сторон задают вопрос и бойцы и гражданские лица: “Почему Советский Союз не присылает нам помощь, почему он не пошлет нам хоть немного автоматического оружия?”»⁵.

¹ AJ. 837. KPR. IV-5-a. K 38. TV serija «Iz Titovih memoara»; Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 200; Adamič L. Orel in korenine. S. 564; Swain G. R. Tito. A Biography. P. 48.

² Čosić D. Piščevi zapisi (1969–1980). S. 243.

³ AS. Dedijer. T. e. 298; Dedier V. Novi prilozii. Vol. IV. 6. S. 9.

⁴ Dedijer V. Novi prilozii. Vol. I. S. 334; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 140, 141.

⁵ Dimitrov G. Diario. S. 451; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 148.

Энигма Хебранг

В конце февраля 1942 г. усташской полиции удалось арестовать Ивана Сребрянка — Антонова, который после нападения государств Оси на Югославию вернулся на родину, чтобы организовать в ней разведывательный «пункт» Красной армии. Поскольку Тито не простил «этому ничтожеству», «этому гаду» доносов, которыми тот несколько лет назад пытался очернить его в Москве, он отомстил, потребовав, чтобы его сняли с должности на том основании, что партия ему не доверяет (Копинич подозревал его в сотрудничестве с гестапо). Однако успеха не добился, так как его защитили московские товарищи. Когда через несколько месяцев, 25 февраля 1942 г., усташки выследили Сребрянку, арестовали и подвергли страшным пыткам, тот «сломался» и стал «открытой книгой». Поэтому Иван Краячич — Стево по приказу Тито, чтобы предотвратить нанесение им еще большего вреда, организовал его убийство. Из-за его предательства арестовали 10–15 человек, причем не только в Хорватии, но и в Болгарии, Греции и больше всего в Италии¹.

Среди них был и Андрия Хебранг, которого товарищи прозвали «Фэтти», как называли известного толстого голливудского комика. Его взяли в квартире Ивана Сребрянки, с которым он сотрудничал. (Почему после ареста Сребрянки он не нашел более безопасного убежища, остается неясным.) Это был большой успех, ведь Хебранг являлся вождем коммунистического движения в Хорватии, много лет он сотрудничал с Тито, сидел в тюрьме и, после того как его выпустили из Сремска-Митровицы в 1941 г., стал членом ЦК КПЮ. Во время стычки с полицией его тяжело ранили. У него был сильно поврежден правый глаз, поэтому его пришлось сначала отправить в больницу, а уже оттуда — в тюрьму². Он попал в руки тех, кто еще совсем недавно были его товарищами в тюрьме бывшего югославского режима, с которыми он даже планировал сотрудничать в борьбе против враждебного Белграда. Предводители усташей уважали его, поэтому не пытали, но, несмотря на это, по некоторым сведениям, 20 июня он будто бы раскрыл личность Тито. Он рассказал, что его фамилия Броз, он рабочий из Загорья и секретарь КПЮ. По словам Дикина, реконструировавшего это событие, министр внутренних дел Евген Кватерник немедленно оповестил об этом Павелича и вместе с немцами начал разрабатывать дерзкий план: запустить в Центральный комитет «троянского коня». Хебранг был идеальным кандидатом для этого, поскольку не скрывал своего

¹ *Simčić M.* Ženske. S. 181, 182, 232; *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 126, 130, 131; *Cenčić V.* Enigma. Vol. II. S. 23–27; AS. Dedijer. T. e. 8. A. Hebrang — Titu, avgust 1941; T. e. 261. Pričevanje V. Bakarića 31.08.1983; *Grđina I.* Josip Kopinič. S. 127.

² *Barjaktarević D.* Čovek sa maskom // Duga. 1982. 23.10. S. 16; *Gligorijević M.* Rat i mir Vladimira Dedijerja. S. 132, 133; *Cenčić V.* Enigma. Vol. I. S. 303; Vol. II. S. 35, 37, 38; *Velebit V.* Svjedok. S. 76.

национального самосознания и отрицательного отношения к «югославской» компартии¹. Следует отметить, что Владимир Велебит этой истории не поверил. Он утверждал, что, если бы Хебранг действительно предал, полиция наверняка арестовала бы его самого и Копинича, ведь они были связаны с радиостанцией Коминтерна. Хебранг же был одним из немногих, кто знал о вилле, снятой Велебитом в Загребе для нелегальной работы Копинича².

* * *

Момент, благоприятный для установления контактов между усташско-немецким и партизанским лагерями, наступил 3 августа 1942 г., когда отряды под руководством Тито заняли городок Ливно в западной Боснии, важный пункт, где находился рудник бокситов. При этом они захватили группу немецких инженеров, работавших на предприятии «Hansa Leichtmetall», в их числе и Ганса Отта, т. е. Отто Майера. В начале оккупации он был сотрудником немецкой разведывательной службы в Белграде, а в июне 1941 г. его послали в Ливно, где он стал одним из главных организаторов обороны от партизан³. Когда же те с большим трудом заняли город, он, не колеблясь, предложил им себя в качестве посредника на переговорах с немецкими властями по поводу обмена пленными. Уже в середине августа он уехал в Загреб на переговоры и в последующие недели курсировал между Верховным штабом и хорватской столицей, при этом по указанию Тито он поставил также вопрос о возможности перемирия между враждующими сторонами. Его главными собеседниками со стороны немцев были генерал Эдмунд Глайзе фон Хорстенау, представитель вермахта в НГХ, и посланник Третьего рейха в Загребе Зигфрид Каше⁴.

В сообщении о переговорах Отта с Тито говорится, что последний «задал вопрос, не лучше ли было бы, чтобы Германия и Россия заключили соглашение о новом устройстве Европы, принимая во внимание то, что обе они имеют проблемы с союзниками. Также он полагал, что немецко-русская экономика могла бы развиваться к их общей пользе — во всяком случае, лучше, чем британско-германская экономическая система <...>. Если четники могут заключать договоры с итальянцами, почему бы вам

¹ *Deakin F. W.* Yugoslavia. Broz alias Tito. The First «Revelations» (February–June 1942); *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 16, 76, 336; Vol. III. S. 325, 341, 342; *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 73, 119, 319, 320; *Cenčić V.* Enigma. Vol. II. S. 34. В 1954 г. Бакарнич запретил публикацию книги Грге Янкеза, в которой тот рассказывает, почему Хебранг после обмена не предстал перед партийной комиссией; *AS.* Dedi-
jer. Т. е. 4; Т. е. 198. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 354–360; Т. е. 264. М. М. (Mile Milatović). Dnevnik, 02.10.1986; *Barjaktarević D.* Čovek sa maskom. S. 16; *Velebit V.* Svjedok. S. 246; *Dapčević V., Ćuruvija S.* Ibeovac; *Klinger W., Kuljiš D.* Tito. Ne-
ispričane priče. S. 192.

² *Velebit V.* Svjedok. S. 247, 472, 473.

³ *Kranjc M. F.* Zarote in atentati na Tita. S. 179, 180.

⁴ *Cenčić V.* Enigma. Vol. II. S. 50; *Velebit V.* Svjedok. S. 94.

не сделать того же с нами. Думаю, что это было бы выгоднее»¹. Эти совсем не ортодоксальные размышления, если они действительно имели место быть, остались без последствий. Как бы то ни было, 4 сентября произошел обмен пленными. После долгих переговоров, 23 сентября 1942 г. из пользовавшегося дурной славой лагеря Стара-Градишка были освобождены Андрия Хебранг вместе с 30 товарищами в обмен на двух офицеров-ушастей. После того как он оказался на территории партизан, партийная комиссия не подвергла его детальному «допросу» о его тюремном заключении, как это было принято, и Фэтти без проблем вошел в высшие партийные круги. Копинич, который благодаря связям в ушастской полиции сразу же получал копии допросов Хебранга, через Москву послал Тито несколько депеш о его «поведении» в полиции, но тот впоследствии отрицал, что когда-либо получал их². Существует версия, что русские скрывали от Тито эту информацию, поскольку собирались использовать Хебранга как своего человека в кругу его ближайших сподвижников. Во всяком случае, Ваздух распространял среди словенских партизан, к которым присоединился летом 1942 г., нелестные слухи о Хебранге, которые Кардель охарактеризовал как «клевету», отражавшую его паникерский характер³. Позднее, рассказывая о своей партизанской борьбе, Кардель говорил, что после ареста Хебранга сразу же получил «по каналу из полиции» информацию о том, что тот «ведет себя как предатель», и сообщил об этом Тито. Однако из письма, которое он написал Андрии после его освобождения, незаметно, чтобы он подозревал его в чем-то плохом⁴. Товарищу, показавшему ему документы, свидетельствовавшие о предательстве Хебранга, Тито сказал: «Я в это не верю. Ты хочешь поссорить меня с одним из моих старейших друзей». С другом, который, помимо прочего, много сделал для того, чтобы разоблачить в тюрьме его опаснейшего конкурента, Петко Милетича⁵. «Самой большой слабостью Тито было то, — отметил

¹ *Deakin F. W.* Yugoslavia. «The Livno» Affair (September 1942), The Case of Mr. Ott. P. 6. Деша, которую Тито послал в Москву 14 октября 1942 г., написана совершенно в другом тоне. См.: *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 605. Существует и версия самого маршала Тито, более невинная, о его первом разговоре с Гансом Оттом. См.: *Ibid.* S. 841; *Bajt A.* Bermanov dosje. S. 497, 780.

² *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 142; *Cenčić V.* Enigma. Vol. I. S. 181; Vol. II. S. 55, 56; *Milatović M.* Slučaj Andrije Hebranga. Beograd: Kultura, 1952; *Gligorijević M.* Rat i mir Vladimira Dedijerja. S. 133; AS. Dedijer. T. e. 199. Zapis Kopinič, 20.12.1980; T. e. 271. Dunja Hebrang — V. Dedijerju, 04.12.1982; *Velebit V.* Svjedok. S. 473, 474.

³ AS. Dedijer. T. e. 7. Spomini tov. Kardelja, 25.12.1951. S. 24; T. e. 8. E. Kardelj — CK KPH, 17.01.1943; T. e. 229. V. Dedijer. S Kopiničevima uoci godišnjice Kerestince, 11.07.1981. S. 10; T. e. 261, V. Dedijer — Rudiju Rizmanu 06.09.1983; *Cenčić V.* Enigma. Vol. II. S. 45, 46, 48, 59.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 7. Spomini tov. Kardelja, 25.12.1951. S. 14.

⁵ AS. Dedijer. T. e. 68. Krtačni odtisi. S. 698; T. e. 264. M. M. (Mile Milatović). Dnevnik, 02.10.1986.

Кардель в конце жизни, — что он слишком многое спускал людям из своего окружения»¹.

В середине апреля 1943 г. Фэтти стал политическим секретарем ЦК КПХ как преемник Раде Кончара, которого фашисты убили в Шибенике 24 мая 1942 г., затем его кооптировали и в Политбюро ЦК КПЮ. В главном штабе Хорватии он стал влиятельнейшим членом партийной комиссии, задачей которой была проверка всех тех, кого обменяли на наиболее важных пленников из немцев и усташей. При этом он был очень суров и требовал расстрела всех, кто «замарал знамя Партии»². Как и в 1928 г., он по-прежнему считал себя равным Тито, и до конца жизни пребывал в этом опасном заблуждении³. По словам одного из виднейших хорватских коммунистов Якова Блажевича, Андрия Хебранг был «для всех <...> нас крупным авторитетом, как известный коммунист-каторжанин, проведший 12 лет в застенках, где он многому научился. Он умел говорить убедительно, кратко и по существу <...>, как Сталин»⁴.

Бихач

Столкновения в Боснии и Герцеговине весной 1942 г. вызвали международный резонанс. Советский Союз, долгое время игнорировавший жесткие требования Тито заклеить Михайловича как предателя, после тщательной проверки документов партизанского Верховного штаба решился на проведение акции⁵. Как записал Димитров в своем дневнике, даже из фашистской прессы было очевидно, что «сражаются только наши партизаны, в то время как Дража Михайлович в лучшем случае отдыхает в горах»⁶. Радиостанция «Свободная Югославия», транслировавшая передачи из Куйбышева, 6 июля 1942 г. обнародовала призыв патриотов Черногории, Санджака и Бока-Которски, обвинявший четников в коллаборационизме и провокации братоубийственной войны. Текст этого документа 19 июля передало ТАСС, а в последующие недели его опубликовали левые газеты в Швеции и Великобритании, а также *Daily Worker* в Нью-Йорке. Затем известный писатель и публицист словенского происхождения Луис Адамич организовал проведение широкомасштабной кампании против Михайловича, хотя представитель Белого дома еще 24 июля на конференции журналистов прославлял

¹ AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 882.

² Deakin F. W. Yugoslavia. «The Livno» Affair (September 1942), The Case of Mr. Ott. P. 6 (Kasche's report to Berlin, 28.08.1942, Zagreb legation files Pol 3 No. 4 A548/42); Kisić Kolanović N. Hebrang. S. 65–72.

³ Dedijer V. Novi prilozii. Vol. III. S. 341; AS. Dedijer. T. e. 198. Dedijerjev tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 343.

⁴ Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 296.

⁵ Губианский Л. Я. Советский Союз. С. 44, 45; Dimitrov G. Diario. S. 458, 472.

⁶ Dimitrov G. Diario. S. 473.

борьбу, которую вел Михайлович как «пример самоотверженности и бескорыстной воли к победе»¹.

Акция, развернутая Москвой, сильно беспокоила как югославское правительство в эмиграции, так и британские власти. Благодаря различным источникам, в том числе и операции «Ультра», давшей возможность английским тайным службам дешифровать сообщения вермахта, Черчилль и его ближайшие сотрудники были хорошо осведомлены о сотрудничестве четников с итальянцами. Они знали также, что немцы по-прежнему считают Михайловича врагом, и, кроме того, еще не оставили надежды на то, что ему удастся установить контроль над всем югославским движением сопротивления. Неожиданное обвинение, выдвинутое против Михайловича, свидетельствовало о тревожном политическом повороте, и вскоре это опасение подтвердилось: 3 августа 1942 г. югославскому посланнику Симовичу в Москве вручили официальную ноту, в которой советское правительство (несмотря на возражения Молотова) обозначило свое негативное отношение к предводителю четников². Через четыре дня советский посол в Лондоне И. М. Майский высказал ту же позицию в разговоре с английским министром иностранных дел Энтони Иденом. Подозревая, что с помощью этого маневра Сталин хочет обеспечить себе преобладающее влияние на Балканах, югославское правительство в эмиграции и англичане решительно встали на защиту Михайловича. К выпадку Москвы британцы, однако, не остались равнодушны, и, начиная с августа 1942 г., стали всё больше интересоваться событиями в Югославии и задаваться вопросом, действительно ли генерал ведет игру «достойным образом»³.

В июле и августе 1942 г. в Люблянской провинции армия итальянцев численностью 120 тыс. человек выступила против партизан и, вместе со своими словенскими союзниками, нанесла Освободительному фронту тяжелый удар. Однако «интегральных результатов», запланированных Муссолини в начале наступления на Роге, они не достигли, поскольку партизаны не только выдержали тяжкие испытания, но и преобразовали свои отряды в настоящую армию, как это сделал Тито с отрядами, находившимися у него под командованием. Несмотря на поражения, которые они потерпели, и вынужденные отступления, югославские партизаны после критического периода в начале лета 1942 г., по мнению иностранных обозревателей, выказали себя наиболее стойкими повстанцами из всех тех, кто выступил на Балканах против государств Оси. Их жизнестойкость и организаторские способности подтверждались и тем, что к осени 1942 г. им удалось создать в Боснийской Краине, Лике и северной Далмации свободную территорию, охватывавшую

¹ *Ridley J. Tito. A Biography. P. 192, 193; Dimitrov G. Diario. S. 476.*

² *Dimitrov G. Diario. S. 486, 488; West R. Black Lamb and Grey Falcon. London: Penguin, 2007. P. 165.*

³ *Barker E. Britanska politika na Balkanu u II svjetskom ratu. Zagreb: Globus, 1978. S. 295; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 140.*

48 тыс. кв. км, — площадь, большую, чем занимали Бельгия, Швейцария или Нидерланды, на которой проживали 2 млн человек. Центром этой территории был городок Бихач, который войска Тито, в честь 25-летней годовщины Октябрьской революции, заняли 4 ноября 1942 г. в результате ожесточенных боев с усташами. Военная добыча оказалась большой, но еще важнее был психологический эффект победы, которая показала иностранной и отечественной общественности, а также оккупантам, что партизанская армия — сила, с которой следует считаться¹. Сотрудничество, установившееся между партизанскими отрядами и ударными батальонами на территории Боснии и Далмации, дало толчок к началу всеобщего народного восстания и связало между собой повстанцев из Сербии, Санджака, Черногории, Боснии и Герцеговины и далматинцев. Тысячи молодых бойцов присоединились к армии Тито².

В Лондоне, где Черчилль уже планировал нанести удар «в подбрюшье Европы», тем временем обозначилась дилемма: стоит ли поддерживать Михайловича или лучше поставить что-то и «на партизанского коня». Чтобы побудить предводителя четников проявить бóльшую активность, «Би-би-си» в конце октября 1942 г. изредка сообщало также и о военных акциях партизан, а УСО уже целый месяц призывало Михайловича доказать союзникам свою полезность и советовало ему начать акцию саботажа на транспортных узлах, которые немцы использовали для снабжения африканского корпуса Роммеля. В момент, когда британская армия под командованием генерала Монтгомери перешла в контрнаступление при Эль-Аламейне, такие действия были бы очень желательны. Но Михайлович, боявшийся репрессий со стороны вермахта, и слышать об этом не хотел. 5 ноября 1942 г. британский посланник при югославском правительстве передал премьеру Йовановичу официальный запрос с пожеланием, чтобы он приказал своему военному министру осуществить нападение на железную дорогу Белград — Солунь. Этого Михайлович так и не сделал, хотя его очень встревожили сообщения «Би-би-си» о партизанах³.

В конце 1942 г. Тито, который приобретал всё бóльшую уверенность в своих силах, решился на дерзкий шаг: 1 ноября он издал указ о формировании регулярной армии, которая сначала состояла из двух пролетарских бригад, а в последующие недели к ним добавились еще несколько⁴. Он созвал Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), которое должно было стать противовесом лондонскому эмигрантскому правительству и не допустить восстановления старого режима. Об этом замысле он сообщил в Москву уже в августе 1941 г., будучи убежден, что таким

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 337.*

² AS. *Dedijer. T. e. 284. Pismo druga Vicka Krstulovića o ulozi Dalmacije u našoj Revoluciji, 16.01.1980.*

³ TNA. HS 3/170; *Batty P. Hoodwinking Churchill. P. 50, 76–78.*

⁴ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 606.*

образом он воплотит в жизнь указания «Деда» об организации всех демократических течений, имевшихся в югославском обществе, в единый народно-освободительный фронт. Однако когда он узнал, что Советский Союз восстановил дипломатические связи с югославским правительством в эмиграции, то отказался от этой идеи. Но только на время, поскольку вернулся к ней уже в следующем году. «Считаем необходимым образовать новое правительство из демократических элементов в стране и за границей, которое выпустило бы воззвание с призывом к народам Югославии решительно бороться с оккупантами и открыто клеймило бы всех предателей и сотрудников оккупантов»¹. Как только в Москве поняли, что он собирается сделать, последовал немедленный ответ: партизанскому движению дали высокую оценку, но Тито предупредили, чтобы он рассматривал свою борьбу в более широком международном контексте и не выдвигал инициатив, которые могли бы повредить коалиции СССР с англо-американцами, закрепленной недавним визитом Черчилля в Москву². «Дед» был настолько озабочен возможными действиями Вальтера, что послал такую же телеграмму в Словению Карделю с требованием, чтобы коммунисты воспротивились амбициям Тито стать председателем Исполнительного комитета АВНОЮ. На Западе это могли бы интерпретировать, будто в Югославии происходит революция, а не борьба на патриотической основе³. Это давление вынудило Тито проявлять осторожность, на самом деле — чисто внешне⁴. Он вновь оставил идею о создании «Народного комитета», с помощью которого мог бы противостоять правительству в эмиграции, но не отказался от созыва антифашистской скупщины, которая заседала в Бихаче 26–27 ноября 1942 г. Делегаты, в число которых специально включили совсем немного коммунистов, были избраны на основе списка, составленного Ранковичем и затем дополненного ЦК. В основном это были представители Боснии и Хорватии, поскольку словенцы и македонцы из-за военных обстоятельств приехать не смогли. Сербии и Черногорию представляли члены партизанских отрядов. Дискуссии на скупщине были высокопарными, но по сути пустыми, ведь за кулисами всё уже решили. При этом чувствовалось сильное влияние Москвы, посоветовавшей Тито не ставить вопроса о свержении монархии, не говорить о республике и не выступать против югославского правительства в эмиграции. На I сессии, в которой приняли участие 54 делегата, АВНОЮ провозгласило себя верховным политическим органом югославских народов и выбрало

¹ Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 137.

² *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. III. S. 130; *Dimitrov G. Diario*. S. 494, 495, 528, 540, 541; Коминтерн и Вторая мировая война. Т. II. №98. С. 267, 268; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 126, 127, 142, 143; *Swain G. R. Tito and the Twilight*. S. 216.

³ AS. *Dedijer*. Т. е. 111. *Tipkopis za IV. knjigo Titove biografije*. S. 38: Т. е. 201. Zabeleška o razgovoru druga E. Kardelja sa Vladimirom Dedijerom, 11. oktobar 1978. godine; *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 28; *Swain G. R. Tito. A Biography*. P. 50; TNA. W 17/51.

⁴ Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 127.

из числа своих членов Исполнительный комитет, в который вошли представители разных этнических групп и идеологических направлений. Это был первый знак, что цель партизанского движения — не просто освобождение Югославии, но и захват власти¹.

Несмотря на то, что АВНОЮ было в руках коммунистов, т. е. их руководства, и нельзя говорить о нем как об органе, свободно выражавшем политическую волю югославских народов, оно всё же стало рупором новых идей о будущем государстве, основанном на федерализме, этнической и социальной справедливости и равноправии полов (в партизанском движении принимали участие многие женщины). Но о социализме речи не шло, как и о коммунизме, хотя в партийной газете *Borba* часто писали о Советском Союзе как о светлом примере, которому надо следовать. Эту программу, не свободную от мессианских идей, ведь она обещала заменить старый общественный строй совершенно другим, более справедливым, коммунисты использовали для реализации своего стремления к власти, что не тревожило широкие массы народа, опутанного сетями многовековой нищеты и отсталости². На открытии сессии АВНОЮ «люди пели на улицах, собирались перед зданием, в котором она проходила, славили Верховный штаб, товарища Тито и нашу храбрую армию. На улицах было множество мужчин и женщин в народных одеждах из Боснийской Краины и Лики. Некоторые пришли из мест, расположенных в 30–40 км от Бихача, только чтобы присутствовать при великом событии»³. «Первая сессия АВНОЮ, — писал Джилас, — была целиком и полностью делом Тито — ему принадлежат и ее замысел, и авторство ее решений <...>»⁴. И еще немаловажный факт — в своем выступлении Тито, восхваляя «славянских братьев, русских и все народы Советского Союза», о Сталине не упомянул⁵.

Телеграмму от 29 ноября 1942 г., сообщавшую «Деду» о работе I сессии АВНОЮ, Тито, как и раньше, когда он еще был агентом Коминтерна, подпisał псевдонимом «Вальтер». Тон, в котором была написана телеграмма, не остался незамеченным Сталиным, ведь Тито решительно подчеркнул, что теперь у партизанского движения есть своя армия, народное представительство и территория и что оно развилось в зрелый организм, имеющий собственную политическую волю и амбиции. Хотя одновременно Сталин получил и другую телеграмму с сессии АВНОЮ, превозносившую «великого военачальника и организатора победы свободолюбивых народов над фашизмом», ситуация в партизанском лагере его беспокоила, он по-прежнему считал, что югославские коммунисты должны были проявить предупредительность

¹ *Kardelj E.* Spomini. S. 19; *Velebit V.* Svjedok. S. 295.

² *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 338, 339; *Ridley J.* Tito. A Biography. P. 195; *Swain G. R.* Tito. A Biography. P. 54, 55.

³ *Stefanović M.* Podpis: Tito. S. 77.

⁴ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 144.

⁵ *Ridley J.* Tito. A Biography. P. 194, 195.

по отношению к Западу и не списывать со счетов королевское правительство в эмиграции. В этом плане характерно, что *Коммунистический Интернационал* опубликовал сообщение о I сессии АВНОЮ вместе с сообщением об Антифашистской конференции женщин, как будто речь шла о равнозначных событиях¹. Такая позиция вызвала у Тито чувства «отпора и депрессии», но он не отказался от проведения запланированной политической линии². Об этом свидетельствовало и то, что на освобожденной территории началось формирование государственного аппарата, и то, как изменился образ жизни Тито — именно во время Бихачской республики он стал вести себя как настоящий глава государства. Он жил в замке в Боснийском Петровце, окружил себя выдающимися интеллектуалами и стал создавать культ собственной личности, мало отличавшийся от сталинского. Бранка Савич, шифровальщица Верховного штаба, подменявшая на работе своего мужа Павла, позже вспоминала: «Мне кажется, что товарищ Тито в то время изменился, точнее, изменились его положение и обязанности. Он уже был не только человеком, возглавлявшим армию и военные операции, и не только руководителем Партии, он стал человеком, созидающим государство. Вся атмосфера вокруг него была такой, государственной по содержанию разговоров <...>»³. Прославленный скульптор Антун Августинчич, который сначала изваял бюст Павлича, а потом присоединился к партизанам, утверждал: «В 1943 г. я заметил, что ему стало казаться всё более важным, чтобы его одежда была чистой и поглаженной, и он держался прямо, как свеча, даже тогда, когда смертельно уставал. <...> Думаю, что в нем подсознательно развилась потребность стать воплощением гордости своей оборванной, измученной армии и рабочего люда в целом»⁴. Эти тенденции в последующие месяцы еще больше усилились. В 1944 г. партийные пропагандисты получили указание: говоря в своих статьях о московском «отце народов», они всегда должны упоминать и о Тито. Нельзя сказать, что он не осознавал своей значительности и не ценил привилегий, которые давало его положение⁵. Сталин в то время часто говорил о «честных дураках с Балкан»⁶. Не просчитался ли он относительно Тито?

Раскрытие личности Тито

Сессия АВНОЮ в Бихаче имела и другие последствия. На одном из торжеств Тито сфотографировали. Газета КПЮ *Vorba* 6 декабря 1942 г. опубликовала его фотографию с пояснением, что он является верховным главнокомандующим народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ). Через

¹ *Swain G. R.* The Cominform. P. 43.

² *Kisić Kolanović N.* Hebrang. S. 76.

³ *Stefanović M.* Podpis: Tito. S. 74.

⁴ *Adamič L.* Orel in korenine. S. 569.

⁵ *Pirjevec J.* Tito, Stalin in Zahod. Ljubljana: Delavska enotnost, 1987. S. 130; рассказ Душана Бибера автору.

⁶ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 262.

несколько дней экземпляр газеты получил капитан немецкой разведывательной службы в Сараеве, который вместе с коллегами из Загреба и Белграда всё ещё пытался установить идентичность Тито. Он послал фотографию в обе столицы, где расследование продолжилось с привлечением материалов довоенных досье¹. Затянулось оно до февраля 1943 г. О том, насколько запутанным было это дело, свидетельствует донесение особого отделения полиции администрации г. Белград от 6 декабря 1942 г. В нем говорится, что все предыдущие попытки раскрыть таинственную личность «предводителя коммунистов Тито» не увенчались успехом. Некоторые сведения о нем и его роли в партизанском Главном штабе в Ужице сообщил на допросе д-р Курт Леви. Имелась определенная информация, позволяющая предположить, что на самом деле Тито — это еврей Моше Пияде. Но эта гипотеза отпала, поскольку д-р Леви дал совершенно другое описание «Тито». Наверняка можно было сказать следующее: он как коммунист был осужден на много лет тюремного заключения; он не является сербом, не знаком с обстановкой в Белграде, но знает ситуацию в Сербии. Он — человек высококультурный и образованный. Бывал за рубежом и в Советском Союзе. Начиная со второй половины 1939 г. публиковал воинственные статьи в газете *Proleter*, сначала подписывал их «У», потом «Т-t» и наконец — «Тито»².

В одном из немецких досье того времени можно найти следующее сообщение: «Брозович Иван, по профессии рабочий-металлист, возраст около 30–40 лет. Использует псевдоним “Тито”, известен под ним как верховный главнокомандующий народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии, это понятно из обращения Окружного комитета Коммунистической партии Хорватии по Хорватскому Приморью и Горски-Котару к народу. Один заслуживающий доверия человек, находившийся в плену у партизан, несколько раз говорил с Тито. Он описал его так: рост 170–175 см. Глаза темно-серо-голубые, растрепанные волосы с сединой, зачесанные назад по обе стороны лба. Особые приметы: на указательном пальце правой руки верхняя часть ногтя с внутренней стороны расширена, вероятно, вследствие какой-то травмы, что можно заметить при общении с ним — когда Тито держит сигарету, он обычно придерживает ее сверху вытянутым пальцем. <...> Привычки: много курит, вероятно, из-за невроза, и во время разговора приглаживает волосы и решительно зачесывает их назад»³. Точка над *i* была поставлена, когда загребские усташи передали немцам информацию из центрального полицейского управления и из администрации самого диктатора.

¹ *Deakin F. W. Yugoslavia. Transcript of Political Evidence (February 1943). P. 2–7; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 15.*

² *AJ. 838. LF III-11/14. Uprava grada Beograda. Odelenje specialne policije. Šefu srpske državne bezbednosti, 06.12.1942; Simić P., Despot Z. Tito. Strogo poverljivo. S. 105–106.*

³ *AJ. 838. LF III-10/2. Prevod o podacima Nemaca o Titu. Травму Тито получил, когда работал на заводе Даймлер-Бенц в Винер-Нойштадте. См.: Ridley J. Tito. A Biography. P. 56; Simić P., Despot Z. Tito. Strogo poverljivo. S. 107–110.*

Лишь тогда точно установили его идентичность и более-менее подробно описали его политическую карьеру¹.

К концу 1942 г. Тито уже не скрывал свою личность. 22 декабря в Цазине он выступил с речью на большом народном митинге. Тогда он впервые открыто заявил, что его зовут Йосип Броз, что он рабочий и по происхождению хорват из Загорья². В конце 1942 г. и московская газета *Правда* сопроводила статью о югославских партизанах его фотографией с подписью «Вождь югославских коммунистов Йосип Броз Тито»³. Даже для русских он уже не был просто «Вальтером», хотя в своей внутренней переписке они по-прежнему его так называли. Усташская ежедневная газета *Hrvatski narod* также опубликовала 3 марта 1943 г. статью под названием «Кем является Тито, вождь партизан?» и с подзаголовком: «Разоблачен предводитель разбойничьих банд в Боснии». Была помещена и фотография Тито из архива заградской полиции 1928 г. с подписью «Йосип Броз, кличка “Тито”, заключенный № 10434»⁴.

Операция «Вайсс»

Размах партизанской войны неприятно удивил немцев, которые были уверены, что британцы используют восстание на Балканах, чтобы как можно скорее осуществить там высадку, и при этом задавались вопросом, способны ли их союзники итальянцы обеспечить оборону побережья от Триеста до Корфу. Начиная с 1941 г. немецкая разведывательная служба бдительно следила за событиями в этом регионе в убеждении, что британцы окончательно раскроют свои планы в тот момент, когда начнут оказывать более серьезную военную поддержку движениям сопротивления в Югославии и Греции. Риббентроп 24 сентября 1942 г. написал: «Англия будет рассматривать Балканы как центр волнений и главную базу на момент европейского восстания, а также как базу для английских самолетов, подводных лодок и боеприпасов и для английской пропаганды и разведывательной службы. Поэтому Италия и Германия должны замирить эту местность и вновь установить в ней порядок»⁵. В ноябре 1942 г. Гитлер принял Павелича в своем украинском Ге-

¹ *Deakin F. W. Yugoslavia. Transcript of Political Evidence (February 1943). P. 2–7; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 16.*

² *Stefanović M. Podpis: Tito. S. 80.*

³ *Martinović S. Neznani potnik na ladji «Sibir». Pot tovariša Tita od Havra do Moskve 1939 // Komunist. 1958. 23.05.*

⁴ *Kranjč M. Zarote in atentati na Tita. S. 169.*

⁵ *Deakin F. W. Yugoslavia. The German and Allied Plans for a Balkan Landing. P. 4 (Дикин опубликовал переработанное исследование в: Zbornik Janka Pleterškega / Ur. O. Luthar, J. Perovšek. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2003. S. 399–405); Wüsch J. Yugoslavia und das Dritte Reich: Eine dokumentierte Geschichte der deutsch-jugoslawischen Beziehungen von 1933 bis 1945. Stuttgart: Seewald Verlag, 1969. S. 317–318.*

неральном штабе в Виннице, а 18–20 декабря там проходила итальянско-немецкая конференция, в которой, помимо представителей военных, приняли участие Гитлер, Риббентроп и Г. Чиано, министр иностранных дел в правительстве Муссолини. На ней обсуждались необходимые меры по урегулированию обстановки в НГХ. Гитлер подчеркнул, что совершенно уверен в том, что британцы имеют возможность осуществить высадку в Юго-Восточной Европе, причем он полагал, что она представляла бы большую опасность, поскольку могла побудить турок вступить в войну на стороне британцев. Он также сказал, что высадки не будет, пока силы Оси сохраняют контроль над Родосом, Додеканесом, Критом, Грецией, Албанией и Далмацией. «Всё зависит от того, удастся ли нам окончательно уничтожить националистическое и коммунистическое восстание»¹. На этой конференции и позже, на встрече в Риме 3 января 1943 г., немцы и итальянцы приняли решение полностью уничтожить югославские «банды» повстанцев в течение зимы. При этом речь шла не только о партизанах Тито, но и о четниках Михайловича, которых сначала собирались использовать для борьбы против коммунистов, а потом ликвидировать. Это была единственная концессия фюрера итальянцам, всё еще упорно защищавшим своих сербских союзников. Генерал Александер Лёр, назначенный в августе 1942 г. главнокомандующим немецкой армии в Юго-Восточной Европе, резюмируя эти обсуждения, записал, что нужно «освободить Hinterland² до конца марта»³.

Когда после поражения вермахта под Сталинградом военная удача отвернулась от государств Оси, 20 января 1943 г. началась операция «Вайсс» или, как ее называли партизаны, Четвертое наступление. Предполагалось, что она будет иметь три фазы: первые две должны были завершиться полным уничтожением «государства Тито» в НГХ, а третью планировали направить против четников Михайловича в Герцеговине и Черногории⁴. Несмотря на то что Тито в Бихачской «республике» не издавал указа о всеобщей мобилизации, после успехов Народно-освободительной партизанской и добровольческой армии Югославии молодые люди массово вступали в ее отряды. Таким образом, появилась возможность сформировать новые дивизии, среди которых была и так называемая «Далматинская». Верховный штаб планировал к весне перебросить эти силы к Черногории и южной Сербии, чтобы и в этих областях снова разжечь восстание и разбить «контрреволюцию». Однако Тито послал в этом направлении несколько своих лучших отрядов уже в конце 1942 г. Когда в ходе операции «Вайсс» он очутился в капкане, оказалось, что это решение было спасительным. Хотя погодные условия тогда были очень плохими, температура упала до 25° градусов мороза, ему не оставалось ничего

¹ Deakin F. W. Yugoslavia. The German and Allied Plans for a Balkan Landing. P. 5.

² Внутренние районы страны (нем.).

³ Ibid. S. 6; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 339, 340.

⁴ Deakin F. W. Yugoslavia. The German Planning of Operation «Schwarz» (January–March 1943).

другого, как дать приказ об отступлении из Боснийской Краины и последовать за этими первыми отрядами со своими главными силами. По мнению Верховного штаба, враг собирался окружить свободную территорию, перебить население и уничтожить партизанскую армию. В этих обстоятельствах Тито встал перед одной из тяжелейших дилемм: что делать с приблизительно 4 тыс. раненых и больных, размещенных по больницам в лесах в окрестностях Бихача? Если бы он оставил их там, то с боеспособными отрядами мог бы с легкостью маневрировать, но судьба раненых была бы предрешена. Оккупанты не признавали партизан воюющей стороной и считали их «бандитами», а значит, при захвате их немедленно расстреливали¹. Приняв решение взять их с собой, он, по словам Велебита, «повесил себе камень на шею». Проблем добавило и то, что из страха перед усташами к партизанам присоединилось и местное сербское население — около 50 тыс. человек. Тито был вынужден взять их с собой, чтобы не оставлять в руках врага, хотя и не знал, как обеспечить всех провиантом².

Хотя Верховный штаб и ожидал Четвертого наступления, ведь с начала января он получал информацию о скоплении вражеских отрядов около Карловаца и в Бании, однако он ничего не сделал для подготовки к нему и не предупредил нижестоящие службы³. Особых военных талантов Тито не имел. Во всяком случае, так пишет Джилас в его биографии, хотя во время войны в статье, написанной им для советской газеты *Война и рабочий класс*, он утверждал прямо противоположное⁴. В период Четвертого наступления, особенно во время битвы на Раме и Неретве, он постоянно менял свои приказы, что могло бы привести к роковым последствиям. Хотя эта битва и закончилась успешно, но не столько из-за талантов верховного главнокомандующего, как это впоследствии преподносила пропаганда, утверждавшая, что это была «самая гуманная битва в истории», «битва за раненых», сколько благодаря находчивости командиров отдельных отрядов. Они скоро узнали слабые места Тито и стали приурочивать получение приказов к сиоминутной обстановке или же при изменении обстоятельств вынуждали его негласно вносить в них поправки⁵. Несмотря на всё это, можно присоединиться и к точке зрения Кочи Поповича, утверждавшего, что Тито обладал всеми характерными чертами аутентичного лидера: способностями, отвагой, решительностью и воображением. «Он был, так сказать, настоящим волком, или, если хотите, кондотьером, что вообще, думаю, его характерная черта. Он умел найти выход даже из самой сложной ситуации, без колебаний сломить сопротивление и предвидеть опасность»⁶.

¹ *Nikoliš G.* Korijen, stablo, pavetina. S. 467–469; *Velebit V.* Svjedok. S. 99.

² *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 63; *Stefanović M.* Podpis: Tito. S. 89; *Clissold S.* Dilas. P. 99.

³ *Nikoliš G.* Korijen, stablo, pavetina. S. 467; *Bajt A.* Bermanov dosje. S. 484.

⁴ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 25.

⁵ *Dilas M.* Tito. S. 50.

⁶ AS. *Dedijer.* T. e. 7. K. Popović. Intervju. Danas, 07.02.1989. S. 26.

В начале наступления генерал Александер Лёр заявил, что установит мир в стране, даже если придется превратить ее в кладбище. В его распоряжении было 105 тыс. солдат, против которых Тито мог выставить только 44 тыс. борцов. Несмотря на то что Лёр располагал самолетами, танками и пушками, которых у Тито не было, он имел три уязвимые точки: моральное состояние его отрядов было подавленным, союз с итальянцами — шатким, а ударная мощь партизан и их способность приспособиться даже к почти невозможным условиям — большими. В начале войны немецкие солдаты были уверены, что лучше служить на Балканах, чем на русском фронте или в северной Африке. Однако после двух лет сражений это убеждение уже не было таким твердым. Генерал Лотар Рендулич, приехавший в НГХ в 1943 г., рассказывает в своих воспоминаниях, что целая тысяча солдат подала прошение о переводе на другие фронты, даже на Восточный, лишь бы уклониться от войны с партизанскими «бандами» в трудной для ведения боевых действий боснийской местности. Кроме того, разногласия с итальянцами, которые вовсе не были уверены в том, что им выгодно чрезмерное укрепление позиций немцев на Балканах, усиливались изо дня в день¹.

Ударные отряды Тито 17 февраля 1943 г. заняли Прозор, который защищала итальянская дивизия Мурге. В ходе этой успешной военной операции было ранено много бойцов, что создавало дополнительную проблему, ведь их следовало взять с собой, несмотря на нехватку транспортных средств и носильщиков. 5 марта было принято решение переправить партизанскую армию через Неретву и найти убежище в горных районах Герцеговины и Черногории. Тито планировал занять город Кониц, находившийся в руках итальянцев. Это дало бы возможность партизанам пробиться к асфальтированной дороге, по которой можно было безопасно переправить больных и раненых через ближайший мост. Чтобы обезопасить переправу, он приказал разрушить все остальные мосты на этом отрезке Неретвы. Были получены сведения, оказавшиеся ложными, будто 20 тыс. четников, хорошо экипированных немецким оружием, собираются напасть на партизан. Как впоследствии написал генерал Велимир Терзич (чем вызвал недовольство Тито), минирование мостов на Неретве было колоссальной ошибкой верховного главнокомандующего, приведшей к большим и совершенно не нужным жертвам².

Итальянцы в Конице оказали более серьезное сопротивление, чем ожидалось, поэтому партизанские отряды, по пятам которых шли немцы, оказались в капкане, выскользнуть из которого можно было только через подорванный

¹ *Pirjevec J.* Jugoslavija 1918–1992. Nastanek, razvoj ter razpad Karadjordjevićeve in Titove Jugoslavije. Koper: Lipa, 1995. S. 131.

² *Ranković A.* Dnevničke zabeleške. S. 219; *Škušek Močnik Z.* Intervju z Vojinom Lukićem // Mladina. 1987. 17.04. S. 21; AS. Dedijer. T. e. 143. Baileyjeve akcije; T. e. 201. Zabeleška o razgovoru druga E. Kardelja sa Vladimirom Dedijerom, u Ljubljani, 11. oktobar 1978. godine. S. 20. См. также полемику В. Дедиера с Норой Белофф в: *The New York Review of Books.* 1985. 26.09. P. 59, 60; *Klinger W., Kuljiš D.* Tito. Neispričane priče. S. 278.

мост у Ябланицы, который, впрочем, всё еще соединял оба берега. В этой безнадежной ситуации Тито не оставалось ничего другого, кроме как приказать переправиться через Неретву, несмотря на то что на другом берегу партизан поджидали отряды четников. Операция, которую впоследствии превозносили как гениальную «военную хитрость», была успешной: 9 марта по деревянному настилу, положенному на железный каркас заминированного моста, начали переносить больных и раненых через реку. На левом берегу Неретвы находились около 26 тыс. четников, в большинстве своем — насильно рекрутированных крестьян, которые не выдержали натиска вооруженных до зубов далматинских и сербских партизан. Они разбежались, что дало возможность шести батальонам Тито той же ночью переправиться через Неретву. На следующей неделе, несмотря на большие потери, все раненые вместе с боевыми отрядами оказались в безопасности¹. На их счастье, немцы не собирались преследовать их в итальянской зоне, пребывая в убеждении, что четники с ними разберутся. На деле же Дража Михайлович в те дни потерпел поражение, от которого так полностью и не смог оправиться. Он просил о помощи англичан, которые, как думали Тито и его товарищи, подбивали его напасть на партизан. Те хотели, чтобы к весне, к моменту их высадки в Далмации, побережье «зачистили». Перед битвой на Неретве «Би-би-си» якобы передала шифрованное сообщение, которое руководители партизан интерпретировали как одобрение сотрудничества Михайловича с итальянцами, устахами и даже немцами. «Это была широчайшая коалиция против одной революции во Второй мировой войне», — писал Владимир Деджер. Когда же стало известно, что Михайлович потерпел поражение, «Би-би-си» в одной из своих передач на сербско-хорватском языке насмешливо прокомментировала: «*Vojne sreće ne bje svijetlo oružje, već srce junačko*»²³.

Собственно говоря, партизаны расстроили стратегический план Михайловича укрепить контроль над националистическими группами, рассеянными по сербским территориям Хорватии, Далмации и Боснии. Оперативная группа Тито даже переправилась через Дрину, традиционную границу между Сербией и Боснией, и стала непосредственной угрозой для крупных отрядов четников в этой области. Михайлович бросил их на произвол судьбы и с главной частью своих войск отступил в Санджак, надеясь защитить от партизан хотя бы Сербию⁴. Как записал генерал Лёр, «столкновения тех

¹ *Dedjier V. Novi prilozi. Vol. I. S. 344; Ćosić D. Piščevi zapisi (1969–1980). S. 236, 245. Klinger W., Kuljiš D. Tito. Neispričane priče. S. 260; Shepherd B. Terror. P. 235.*

² Военная удача сопутствует не сияющему оружию, а героическому сердцу (*серб.*).

³ *Dedjier V. Novi prilozi. Vol. II. S. 802; Bajt A. Bermanov dosje. S. 480–483; Nenadović A. Razgovori s Koćom. S. 65, 66; AS. Dedjier. T. e. 46; T. e. 201. Zabeleška o razgovoru druga E. Kardelja sa Vladimirom Dedjierom, u Ljubljani, 11. oktobar 1978. godina. S. 20, 21, 23; Maclean F. Disputed Barricade. P. 320; West R. Black Lamb and Grey Falcon. P. 145; Batty P. Hoodwinking Churchill. P. 96.*

⁴ *Deakin F.W. Yugoslavia. The German First Mountain Division and Operation «Schwarz». P. 6.*

дней показывают, что Михайлович не выказал себя хорошим командиром»¹. «В последующие критические шесть недель, — утверждает Уильям Дикин, — войска Тито без помех занялись осуществлением той же задачи, которую ставили перед собой немцы, <...> — ликвидацией движения Михайловича, и по той же причине — чтобы обеспечить себе контроль над герцеговинским и черногорским тылом в ожидании высадки союзников»².

Эпопея Четвертого наступления придала борцам освободительного движения необходимую уверенность в себе и избавила их от убеждения в превосходстве немецкой армии. Также она способствовала изменению отношения к ним западных союзников — они стали рассматривать партизан в качестве возможных союзников³. «Тито на Неретве, — пишет Милован Джилас, — был как тигр в клетке, который искал самый слабый прут в решетке, возведенной итальянцами и четниками, чтобы выломать его и дать возможность партизанам вырваться на волю подобно бушующему урагану»⁴.

Мартовские переговоры

Тито требовалось развязать руки, чтобы свести счеты с четниками, которых как потенциальных союзников британцев он считал наиболее опасными. Поскольку на основании захваченной в Генеральном штабе Михайловича «депеша» он уверился, что Лондон одобрил их сотрудничество с усташами в борьбе против его сил, т. е. что британцы по сути против него, в марте он решил снова установить контакты с немцами, с которыми в последний раз вел переговоры в ноябре 1942 г.⁵ Поводом для этого послужил обмен пленного немецкого майора, но на самом деле главной целью Тито было предложить перемирие, необходимое ему для окончательного уничтожения четников. Тогда он не знал, что операция «Вайсс» уже закончилась и немцы не собираются преследовать партизан на правом берегу Дрины. Прежде чем решиться на этот шаг, он провел совещание со своими сподвижниками, на котором Джилас спросил его: «Что скажут по этому поводу русские?» Тито, уже общившийся Коминтерну о своих намерениях относительно обмена пленных, резко ответил: «Они тоже думают в первую очередь о своих людях и о своей армии»⁶.

Так, 11 марта 1943 г. в Горни-Вакуфе, недалеко от Яйце, состоялись переговоры между посланниками обеих сторон. Милован Джилас, Владимир

¹ *Deakin F. W. Yugoslavia. The German Planning of Operation «Schwarz».* P. 17.

² *Ibid.*

³ *Dilas M. Tito.* S. 26, 56.

⁴ *Ibid.* S. 48.

⁵ *Deakin F. W. Yugoslavia. German-Partisan Negotiations and the Case of Mr. Ott (March to December 1943).* P. 2; *Dedijer V. Novi prilozi.* Vol. II. S. 802, 803. Излишне и говорить, что вышеупомянутой «депеша» нигде нет. См.: *Nenadović A. Razgovori s Kočom.* S. 75, 76; *Dilas M. Vlast kao strast.* S. 29.

⁶ *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито.* С. 153; *Ridley J. Tito. A Biography.* P. 205.

Велебит и Коча Попович сообщили своим собеседникам, среди которых был и незаменимый Ганс Отт, что народно-освободительные силы в данный момент не собираются сражаться против них, доказательством чему служит тот факт, что они просто обороняются, когда на них нападает вермахт. Единственная их цель — уничтожить четников. Также они сказали, что представляют полностью независимое народное движение и что лишь из пропагандистских целей встали на советскую сторону. Если бы произошла высадка британцев на далматинском побережье, утверждали они, народно-освободительная армия сражалась бы против них, чего четники бы не сделали. Напротив, они поддерживают контакты с Лондоном, и итальянцы это допускают. Также они потребовали, чтобы немцы признали партизан «воюющей стороной» и таким образом распространили бы на них военное право — прежде всего в том, что касается обращения с пленными¹. При этом особенно выделился Милован Джилас, говоривший, как рассказывал впоследствии Коча Попович, с «ваххабитским» пылом и воодушевлением, может быть, просто чтобы скрыть «дискомфорт, нервозность и неуверенность» из-за того, что ему пришлось играть такую роль. Что касается немцев, то они заняли очень корректную позицию по отношению к партизанской делегации, похвалили бойцов Тито за мужество и гуманное отношение к раненым. Казалось, что договор между противниками вот-вот будет заключен. В знак доброй воли Тито даже приказал славонским партизанам прекратить устраивать саботаж на железной дороге Загреб — Белград, как этого требовали немецкие переговорщики².

На основании этих предложений Зигфрид Каше 17 марта послал в Берлин телеграмму, в которой написал, что «нужно было бы использовать возможность, поскольку очень важно, чтобы эта прославившаяся на весь мир боевая сила покинула ряды наших противников. Большинство партизан Тито не являются коммунистами, и вообще в битвах и по отношению к пленным и к народу они не допускали особых эксцессов»³. В следующие дни переговоры продолжились в Загребе и в Сараеве, на них поехали Велебит и Джилас. Каше оповестил об их приезде как министра иностранных дел в правительстве Павелича Младена Лорковича, так и итальянского посланника в НГХ Раффаэле Казертано, и они выразили согласие. Итальянские военные круги также были очень заинтересованы в заключении договора с Тито. Однако уже 29 марта берлинское министерство иностранных дел приказало своему загребскому представителю прервать переговоры и привело два аргумента в пользу

¹ *Deakin F. W. Yugoslavia, German-Partisan Negotiations and the Case of Mr. Ott. P. 3; Dediđer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 804, 805; Bajt A. Bermanov dosje. S. 499 и далее; Nenadović A. Razgovori s Kočom. S. 72, 73; Simić P., Despot Z. Tito. Strogo poverljivo. S. 111–116.*

² *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 154, 155; AS. Dediđer. Т. е. 189. Razgovor Pere Damjanovića sa Terzićem 19. jula 1979. S. 17; см. также: Svedočanstvo druga Koče Popovića, 28. mart. 1980; Adamič L. Orel in korenine. S. 506–508.*

³ *Deakin F. W. Yugoslavia. German Partisan Negotiations and the Case of Mr. Ott. P. 3, 4 (1943. F 162394-5 Zagreb Legation Kasche Telegram 17 March).*

этого решения: недоверие к Тито и опасение, что итальянцы могут использовать договор немцев с ним как повод для заключения еще более тесного союза с четниками и Михайловичем. Единственным приемлемым вариантом была бы полная капитуляция Тито¹. Каше настаивал и при этом ссылаясь на генерала Глайзе фон Хорстенау, который будто бы тоже поддерживал «политическое урегулирование» с партизанами. Однако в директивах, посланных Риббентропом 21 апреля в Загреб, говорилось: «Наша цель — не натравливать четников и партизан друг на друга, а уничтожить и тех, и этих. Поскольку нам удалось убедить дуче, что необходимо ликвидировать и четников, и партизан, мы не можем теперь со своей стороны применять тот же метод, который применяли итальянцы, используя четников против партизан»². Еще жестче отреагировал Гитлер, который был уверен — поскольку секретные службы плохо его информировали, — что четники так же опасны, как партизаны, если еще не больше: «С повстанцами нельзя договариваться, повстанцев нужно расстреливать»³.

На этом политическая часть переговоров исчерпала себя, хотя Каше еще в конце августа и в сентябре 1943 г. в разговоре с Гитлером и Риббентропом защищал обоснованность своей позиции. Однако посредническая миссия Ганса Отта, касающаяся обмена пленных, среди которых была и Герта Хаас, выпущенная из усташского концлагеря в апреле 1943 г., не была прервана. Его поездки между Загребом и Верховным штабом Тито продолжались до конца года, хотя он всё больше попадал в зависимость от немецких и усташских секретных служб. Совместно с их специалистами он даже планировал похищение Тито. В конце войны подразделения Отделения по защите народа (ОЗНА) захватили его и подвергли жестокому допросу. Затем след его пропал⁴.

Поскольку нужно было сохранять идеализированную картину народно-освободительной борьбы и ее вождей, в послевоенной Югославии «мартовские переговоры» были табуированной темой до тех пор, пока сам Тито не упомянул о них в конце жизни, а именно 12 ноября 1978 г. в Ябланице, на праздновании 35-летия переправы через Неретву. Но и тогда он не рассказал всей правды, а обвинил Джиласа, Поповича и Велебита в том, что они не придерживались его указаний⁵. Джилас и Попович были в опале и не могли защититься. Влатко Велебита, после войны сделавшего хорошую карьеру в Европейской экономической комиссии ООН в Женеве, заявления Тито поразили и разгневали, как и остальных, но он счел, что разумнее промолчать⁶.

¹ *Deakin F. W. Yugoslavia. German Partisan Negotiations and the Case of Mr. Ott. P. 3, 4 (Gesandtschaft Zagreb 162433; 589013).*

² *Ibid (Gesandtschaft Zagreb 162480-3); Ridley J. Tito. A Biography. P. 205–207.*

³ *Deakin F. W. Yugoslavia. The German Planning of Operation «Schwarz». P. 10; Clis-sold S. Dilas. P. 106; Velebit V. Svjedok. S. 283–289.*

⁴ *Deakin F. W. Yugoslavia. German-Partisan Negotiations and the Case of Mr. Ott. P. 10–13; «The Livno Affair» (September 1942) The Case of Mr. Ott. P. 6; TNA. HW 17/51; Velebit V. Svjedok. S. 283.*

⁵ *Nenadović A. Razgovori s Kočom. S. 72.*

⁶ *Ibid. S. 75, 76; Velebit V. Svjedok. S. 279–289.*

30 марта 1943 г. Вальтер послал в Москву телеграмму, в которой сообщил об обмене пленными и добавил, что «немецкий посланник в Загребе <...> хочет встретиться со мной». Сталин, которого известили об этой депеше, сразу понял, что речь идет о чем-то большем, нежели обмен пленными. «Дед» ответил настоящей проповедью: как это возможно, что именно вы, которые до сих пор были примером для всей поработанной Европы, собираетесь прекратить борьбу с самым большим врагом человечества? «Просим вашего объяснения по этому вопросу»¹. Но Тито тогда не поддался на уговоры изменить свое решение. Он без колебаний ответил, что русские не должны ему мешать, если не могут помочь. «Такое случилось впервые, — позднее писал Джилас, — что член Политбюро — а им был сам Тито — настолько решительно высказал несогласие с Советами»².

Британцы усомнились в Михайловиче

Факт, что партизанские отряды без какой-либо помощи извне оказали сопротивление наступлению шести немецких и четырех итальянских дивизий, а также многочисленных отрядов четников, имел большое политическое, стратегическое и моральное значение. Помимо прочего, он вновь побудил Советский Союз направить 2 апреля 1943 г. ноту эмигрантскому югославскому правительству, настаивая, чтобы оно отмежевалось от Михайловича³. В британских правительственных кругах, разочарованных в сербских националистах, также возродился интерес к событиям на балканской шахматной доске. Они начали осознавать, что югославские повстанцы могли бы оказать существенную помощь при высадке союзников в Сицилии, сдерживая значительные силы врага на восточном побережье Адриатики. Неясно, какую роль в этом сыграл Джеймс Клагман, который с 1942 г. работал в югославской секции УСО в Каире. Благодаря своему интеллекту, личному обаянию и свободному владению сербско-хорватским языком он пользовался на этой должности большим влиянием, чем можно было ожидать, учитывая, что он занимал относительно низкое положение в иерархии. Так как он был убежденным коммунистом и работал на НКВД, то старался поддерживать партизан Тито в ущерб четникам Михайловича, за что первые чувствовали себя обязанными ему. Во всяком случае, они так говорили⁴. Безусловно, еще более значительным было влияние каирского руководителя УСО, полковника Ч. М. Кейбла, который в январе 1943 г. убедил Черчилля в том, что британцам необходимо увеличить помощь как четникам Михайловича, так

¹ *Dimitrov G. Diario*. S. 594, 595; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 156.

² *Clissold S. Dilas*. P. 102; *Ćosić D. Pišćevi zapisi (1951–1968)*. S. 184.

³ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 158.

⁴ *Andrew C., Mitrokhin V. The Sword and the Shield, The Mitrokhin Archive and the Secret History of the KGB*. New York: Basic Books, 1999. P. 127; *Dedić V. Novi prilozii*. Vol. III. S. 625; *Ridley J. Tito. A Biography*. P. 196, 197; *Howarth P. Undercover*. P. 89.

и партизанам Тито. По словам Элизабет Баркер, вероятно, это был первый поворот в политике британских властей на югославском пространстве¹.

Тем временем Михайлович сделал всё, чтобы вырыть себе могилу. Чтобы иметь больше информации о его планах и оперативных возможностях, на Рождество 1942 г. британцы послали в его Главный штаб новую миссию под руководством полковника С. В. Бейли. Тот являлся одним из лучших британских экспертов по югославскому вопросу и занимал одну из высших должностей в УСО. Отношения между ним и Михайловичем вскоре обострились, отчасти и потому, что последний был убежден, что британцы до тех пор недостаточно ему помогали. 28 февраля 1943 г., на крестинах в одной из черногорских деревень, он напился и выпустил пар, осыпая западных союзников едкими оскорблениями, причем заявил, что его враги — в первую очередь партизаны, затем усташы и мусульмане. Он будет бороться с ними, и лишь тогда, когда победит, направит свои силы и против немцев. Что касается итальянцев, он подчеркнул, что они для него — единственный источник обеспечения, и что никакое давление со стороны союзников не заставит его отказаться от их поддержки. Об этих словах доложили Черчиллю, и он направил югославскому эмигрантскому правительству ноту протеста: если Михайлович не изменит своего отношения к итальянцам и к югославским соотечественникам, правительство Его Величества будет вынуждено пересмотреть свою политику по отношению к нему и опереться на другие группы сопротивления². Предупреждение было недвусмысленным, хотя и не давало оснований предположить, что в Лондоне уже начали разрабатывать три возможных сценария: а) помирить четников с партизанами, даже если для этого потребуется помощь русских; б) разделить югославскую территорию между обоими вооруженными формированиями так, чтобы к востоку от реки Ибар в Сербии «правил» Михайлович, а к западу — Тито; в) в случае, если это окажется невозможным, прекратить оказывать поддержку Михайловичу, помогать Тито. Впрочем, последний вариант не казался привлекательным ни штаб-квартире УСО в Лондоне, ни Foreign Office, ведь они понимали, что тем самым отдадут Югославию в руки коммунистов. Однако после долгих размышлений перевесило мнение Черчилля — нужно поддерживать тех, кто «истребляет больше немцев»³. В этом, вероятно, важную роль сыграла так называемая «желтая коробка», в которой хранилась наиболее секретная информация о внутренней переписке немецкой армии, которую британцы регулярно расшифровывали с помощью «Ультры»⁴.

¹ *Barker E. British Wartime Policy. P. 5.*

² *Bajt A. Bermanov dosje. S. 546–548; Ridley J. Tito. A Biography. P. 202; Barker E. British Wartime Policy. P. 5.*

³ *Deakin F.W. Yugoslavia. Mihailović and/or Tito. Summit Considerations (February–April 1943). P. 1 и далее; Bajt A. Bermanov dosje. S. 552; Ridley J. Tito. A Biography. P. 215.*

⁴ *Deakin F.W. Yugoslavia. Mihailović and/or Tito. Summit Considerations. P. 15; Leary W.M. Fueling the Fires. P. 5, 6.*

Операции «Шварц» и «Типикал»

Между тем 3 апреля 1943 г. фельдмаршал Альфред Йодль подписал приказ, согласно которому генералу Александру Лёру в Солуни поручалось начать новую операцию против югославских повстанцев, названную «Шварц». «После уничтожения коммунистического государства перед Тито встает проблема уничтожения организации и структуры национального “сербства” под руководством Дражи Михайловича, чтобы наши тыловые районы были очищены на случай высадки союзников на Балканах». Гитлер и его сторонники не знали, что стали жертвой обмана, поскольку британцы подкинули их шпионским службам фальшивые планы вышеупомянутого вторжения¹. Немцы в строжайшем секрете разработали операцию, которая сначала была направлена против четников, и проинформировали о ней итальянцев лишь в последний момент, в середине мая, когда военная машина под руководством генералов Лёра и Лютерса была уже запущена. Они не доверяли итальянским войскам из-за их связей с Михайловичем, который поддерживал контакты с британцами². В распоряжении Рудольфа Лютерса тогда находилось 127 тыс. воинов, при этом он мог рассчитывать и на элитную дивизию «Эдельвейс», которую как раз для этого переместили с Кавказа, и на дивизию СС «Принц Евгений»³. На рассвете 15 мая 1943 г. он начал наступление, и на этот раз без особых колебаний вступил на территорию, оккупированную итальянцами. Но вскоре оказалось, что тех четников, которые не успели разбежаться, защищают рассерженные итальянцы, поэтому он был вынужден изменить свой первоначальный план и напасть на партизан, «единственного серьезного противника»⁴. Он окружил Верховный штаб и главную часть оперативных сил Тито (около 20 тыс. бойцов) в гористой и дикой местности Дурмитора, в северной Черногории, между реками Пива и Тара. Тито, всё еще надеявшийся на перемирие с вермахтом, неожиданно вместе с бойцами, ранеными и больными оказался в железном кольце, под ударом немецкой авиации, к которой присоединились итальянские, усташские и даже болгарские подразделения. Поскольку с начала войны он так и не организовал настоящей разведывательной службы, лишь 18 мая он окончательно осознал, что вражеские силы начали новое наступление. А вспомогательные службы, зависевшие от него, из-за плохо налаженной передачи информации — еще на день позже. Кроме того, немцы взломали телеграфный шифр,

¹ *Deakin F. W.* Yugoslavia. The German and Allied Plans for a Balkan Landing. P. 7 (German Military Archives OKW/Wfst/OP(H) Nr. 66709/re — Washington microfilm).

² *Deakin F. W.* Yugoslavia. The German Planning of Operation «Schwarz». P. 11 и далее; *Bajt. A.* Bermanov dosje. S. 519.

³ *Deakin F. W.* Yugoslavia. The German First Mountain Division and Operation «Schwarz». P. 2; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 19.

⁴ *Deakin F. W.* Yugoslavia. The German Appreciation of «Schwarz». P. 2–4; *Tomasevich J. J.* The Chetniks. War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945. Stanford: Stanford University Press, 1975. P. 252, 253.

было более 2 тыс., имелось примерно 200–300 итальянских военнопленных, настолько изможденных, что они сами еле двигались. (Позже партизаны всех убили.) Лошадей было всего около сотни¹. Стала ощущаться нехватка продовольствия, причем речь уже шла не о добровольных сборах продуктов народными комитетами (в начале восстания Тито говорил, что не намерен быть верховным главнокомандующим армии грабителей), а о реквизиции. Вследствие чего население пивского плоскогорья, и без того бедное и изнуренное войной, стало отворачиваться от партизан и поддерживать четников². Верховный штаб 3 июня на совещании в Мратине принял решение разделить главную оперативную группу на две части, а также не перемещать тяжелораненых, а спрятать их в пещерах и среди скал пивского каньона. Последовали дни и ночи, полные ужаса и хаоса, когда в вихре войны казалось, что всё потеряно. Но и этого было мало. Немцы узнали от итальянцев, которые несли старого и немощного поэта Назора и которым удалось бежать, точное местонахождение Тито и его сопровождения. И 9 июня 1943 г. они всеми силами нанесли удар в этом направлении. «По нам били страшно, интенсивно, беспрерывно били в одни и те же точки. Сбрасывали стокилограммовые бомбы. А потом неожиданно вокруг нас засвистели пулеметные пули. Немцы стреляли с хребта, находящегося примерно в 500 метров от нас. Тогда я приказал командиру Четвертой бригады (он тоже здесь погиб), чтобы он взял людей и занял этот хребет, потому что бригады не могли бы пройти мимо него. Англичане, которые были с нами, смотрели на него с почтением»³.

В бою 9 июня 1943 г. Тито ранили в левую руку, которой он прикрыл голову⁴. Среди союзников он был единственным верховным главнокомандующим, получившим ранение на поле боя. Ему спасла жизнь его овчарка Лукс, которая в тот момент, когда рядом с огромным сломанным буком, за которым укрылся Тито вместе со Зденкой Паунович, взорвалась бомба, прыгнула ему на голову. «Лукс лежал у моей головы и тесно прижимался телом к моему лицу. Он был грязен, вонял, и у него было полно вшей. Помимо этого, он закрывал мне обзор. Нам было очень худо. <...> Я снова и снова отпихивал Лукса. Но всё было тщетно; он разместился таким образом, что лежал почти на моей голове и не желал передвинуться. Пока я его не отпихивал, он лежал очень спокойно, когда же я его оттолкнул, его тело почти сразу снова свалилось мне на лицо, как мешок, полный зерна. Я разозлился, и у меня кончилось терпение, но отпихнуть его было невозможно, и я оставил его в покое. И, находясь в таком чудесном положении, среди шума я вдруг почувствовал, как Лукса охватила дрожь, затем он застыл. Его убило шрапнелью, которая должна была бы прострелить мне голову». Взрывом убило собаку, а также капитана Стюарта и охранника

¹ *Nikoliš G.* Korižen, stablo, pavetina. S. 525; *Clissold S.* Dilas. P. 114.

² *Nikoliš G.* Korižen, stablo, pavetina. S. 526, 527; *Adamič L.* Orel in korenine. S. 490.

³ *Nikoliš G.* Korižen, stablo, pavetina. S. 530; *AS.* Dedijer. T. e. 220. Tito o svom ranjavanju na Sutjesci. S. 1.

⁴ *Nikoliš G.* Korižen, stablo, pavetina. S. 533.

Тито Василия Джуровича, сражавшегося в Испании, а Билла Дикина ранило¹. «Я ощутил сильный удар», — впоследствии вспоминал Тито. Он был уверен, что удар попал в самое сердце. «Всё кончено, подумал я...» Когда он пришел в себя, то посреди опустошения увидел на сломанном дереве маленькую лесную птичку, которая жалобно щебетала. «Взрывом ей перебило ногу и повредило крыло... Это маленькое создание стояло на одной ноге, и крылышко его трепетало. Эта картина глубоко запечатлелась в моей памяти...»² Из руки, которая к тому времени уже почернела и онемела, лишь через два дня вынули несколько осколков гранаты. А две пули вынули только в 1946 г., когда Тито оперировали из-за воспаления аппендикса³.

Тогда же он пережил одно из самых страшных происшествий в своей жизни, о котором так и не смог забыть. Вот что он рассказывал через много лет: «Я шел со своими телохранителями, усталый, бдительно следящий за всеми маневрами противника. Шел дождь, в руке у меня была палка, и я опирался на нее. В какой-то момент глубокой ночью я споткнулся и упал. Руки погрузились во что-то плотное и мягкое. Засмердело. Я упал на разлагающийся труп. Дождевыми каплями и травяной росой я отмывал и оттирал пальцы, только всё это совсем не помогло, запах мертвеца не исчез. Куда бы я ни шел, повсюду меня преследовала эта страшная вонь»⁴. На фоне трагедии возникали и комичные ситуации: «Это случилось, когда у меня была ранена рука. Она была забинтована, а в другой я держал палку, поскольку не мог нести автомат. Мы шли и повстречали какую-то бабу. Я ей сказал: “Уйди, баба, тут проходит армия”. А она остановилась и посмотрела на меня: “Да какой же ты солдат, если у тебя даже ружья нет?”»⁵.

Те, кто остался в живых, в ночь с 8 на 9 июня 1943 г. спаслись из смертельного кольца окружения благодаря прорыву Первой пролетарской дивизии при Тьентиште на реке Сутьеске. Коча Попович решился на него, не поставив в известность Верховный штаб и не получив его одобрения. Тито очень разозлился на него за это, поскольку ему показалось, что Коча сбежал с поля боя и бросил его с основной частью армии на произвол судьбы⁶. Позже он потребовал, чтобы Поповича и его соратника Жуйовича отдали под военный трибунал, и Ранковичу лишь с большим трудом удалось предотвратить это⁷. Битва при Сутьеске была страшной и кровопролитной, в ней погибло более

¹ *Stefanović M.* Podpis: Tito. S. 71, 107, 192; *Adamič L.* Orel in korenine. S. 127, 128.

² *Stefanović M.* Podpis: Tito. S. 193; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 348; *Ćosić D.* Piščevi zapisi (1951–1968). S. 193.

³ AS. *Dedijer.* Т. е. 220. Tito o svom ranjavanju na Sutjesci. S. 2.

⁴ *Kocbek E.* Dnevnik 1949. S. 241, 242.

⁵ AS. *Dedijer.* Т. е. 220. Tito o svom ranjavanju na Sutjesci. S. 3.

⁶ *Nenadović A.* Razgovori s Kočom. S. 79–87; *Klinger W., Kuljiš D.* Tito. Neispričane priče. S. 290.

⁷ *Ćosić D.* Piščevi zapisi (1951–1968). S. 242; AS. *Dedijer.* Т. е. 8. Zaključki partijske komisije po slučaju A. Hebranga i S. Žujovića, 08.05.1948; Т. е. 262, P. Jakšić. (Neobjavljeni) Intervju Miloradu Vučeliću za «Književni glasnik NIN-a», br. 3, januar 1985. S. 5.

7 тыс. человек, среди них много видных командиров. (Немцы говорили даже об 11 тыс. павших и о 10–20 тыс. умерших от тифа и голода. По их мнению, и среди гражданского населения будто бы погибло более 15 тыс. человек.) По более точным оценкам, в Боснию удалось прорваться 3–4 тыс. бойцов¹. Сначала немцы думали, что взяли Тито в плен, 10 июня генерал Лютерс даже послал телеграмму об этом Генеральному штабу, в которой заявил, что «пробил последний час» армии Тито². Однако вскоре выяснилось, что он ошибался. Правильнее оценил ситуацию в своем сообщении в Каир Дикин: «Ночью нам удалось пробиться сквозь немецкие линии, приблизительно в километре от места, где закрепились немцы, с одной стороны и в 500 метрах с другой. Кольцо снова замкнулось спустя каких-то 50 минут после нашего прорыва»³.

Изменение британской политики по отношению к партизанам

Когда партизаны добрались до покрытых лесами гор Романии, Деветака и Явора в восточной Боснии, стало понятно, что они окончательно спаслись от страшного Пятого наступления. Моральное состояние, конечно, было ужасным. Со всех сторон приходили сведения о больших потерях, понесенных партизанской армией, о павших командирах, о массовых убийствах раненых и санитаров немцами и итальянцами, а также четниками и усташами, — из 2200 человек спаслись всего около 900, а также о тяжелом кризисе в личных взаимоотношениях, который привел к настоящим нервным срывам среди членов Верховного штаба⁴. Несмотря на весь трагизм этих испытаний, нужно сказать, что перенесенные мучения не были напрасны. Уже 4 июля 1943 г. британский посол в Москве оповестил советское правительство о том, что Великобритания будет поддерживать все силы сопротивления в Югославии, другими словами, это означало, что она станет посылать помощь также и партизанам Тито⁵. И в самом деле, уже через несколько дней, 25 июля, авиация союзников произвела запланированный взрыв железной дороги Сараево — Брод. Вскоре после высадки англо-американских отрядов на Сицилии 10 июля 1943 г. стали регулярно доставляться посылки военных материалов, среди которых было много и совершенно ненужных вещей, например лекарства от малярии. Партизанские вожди заподозрили, что эти казусы произошли не из-за бюрократической «тупости», которой они болели и сами, а в результате саботажа «предательского Альбиона», и в этом проявилась их идеологическая зашоренность⁶. В последующие месяцы Советский Союз старательно разжигал эти подозрения⁷. В любом случае, то, что

¹ *Deakin F. W.* Yugoslavia. The German Appreciation of «Schwarz». P. 5, 6.

² *Ridley J.* Tito. A Biography. P. 211.

³ *Velebit V.* Svjedok. S. 303.

⁴ *Nikoliš G.* Korijen, stablo, pavetina. S. 536.

⁵ *Губианский Л. Я.* Советский Союз. С. 59.

⁶ *Nikoliš G.* Korijen, stablo, pavetina. S. 549, 550, 569; *Velebit V.* Svjedok. S. 103.

⁷ TNA. HW 17/51; HW 17/66.

авиация союзников стала доставлять и спускать на парашютах посылки, означало решительный поворот в борьбе партизан. Эта борьба получила международное значение, и Верховное командование союзников включило ее в свои стратегические планы, касающиеся Средиземноморья. Однако члены Верховного штаба партизан не сумели оценить это правильно, как и прежде ориентируясь на Советский Союз и на Красную армию, которая послужила для них образцом при формировании собственной армии¹. Еще в 1941 г. в партизанских отрядах стали вводить знаки отличия для разных военных чинов, и теперь эта система укрепилась, офицерам выплачивали зарплату, при этом всё шире распространялся мертвящий чиновничий дух². По инициативе Тито обновили лозунг «братство и единство», который еще во времена монархии использовали, чтобы подчеркнуть целостность югославского государства. По словам Джиласа, для Тито этот лозунг являлся эмоциональным эквивалентом политического централизма партии³.

Из-за споров между итальянским командованием в Подгорице и немецким в Сараеве скоординированного плана по сжатию кольца окружения вокруг партизанских отрядов так и не было выработано. Это породило всеобщую путаницу, поскольку точно определенной демаркационной линии между ними не существовало. Случалось, что итальянцы и немцы пользовались одними и теми же горными переходами и тем самым блокировали их. Базы снабжения в немецком тылу перестали функционировать: 5 июня 1943 г. дивизия «Принц Евгений» располагала всего лишь однодневным запасом провизии⁴. Генерал Лютерс 20 июня 1943 г. послал Верховному командованию вермахта донесение о ходе операции, в котором не скрывал допущенных ошибок. О «противнике» он сообщил следующее: «Ход сражения доказал, что коммунистические силы под командованием Тито отлично организованы, имеют умное руководство и поразительный боевой дух. Командование врага было гибким и — особенно при обороне — активным. <...> Коммунистам удалось компенсировать нехватку тяжелого оружия и, пользуясь туманом, организовать стычки солдат один на один — причем они показали себя фанатичными, чрезвычайно решительными и хорошими бойцами, которые отлично знают труднодоступную горную местность»⁵.

* * *

Донесения, которые Дикин посылал в Каир, во многом способствовали тому, что Черчилль изменил свое мнение о партизанском движении, и подвигли его к принятию в конце июля решения послать военную помощь также Тито — с условием, чтобы он не использовал ее против Михайловича.

¹ TNA. HS 3/170.

² Dilas M. Tito. S. 46; Nikoliš G. Korijen, stablo, pavetina. S. 527.

³ Dilas M. Tito. S. 106.

⁴ Deakin F.W. Yugoslavia. The German First Mountain Division and Operaton «Schwarz».

⁵ Deakin F.W. Yugoslavia. The German Appreciation od «Schwarz». P. 7. (Nürnberg documents NOKW 1422); Dedijer V. Novi prilozii. Vol. II. S. 817.

Этот поворот, который особенно приветствовали английские военные круги, без сомнения был связан с тем, что немцы, по британским оценкам, потеряли во время операции «Шварц» 2500 человек (погибшими, ранеными и пропавшими без вести). И это было «достижение югославов, достойное большого уважения, если подумать о том, что Ось организовала примерно 1500 нападений авиации и сбросила 460 тонн бомб»¹. Способствовали перемене и события в Средиземноморье, прежде всего высадка англо-американских войск на Сицилии. Через 5 дней, 15 июля 1943 г., Тито провел заседание Верховного штаба и ЦК, на котором рассматривалась ситуация на итальянском фронте, а также на Восточном, где Красная армия перешла в наступление. По инициативе Тито приняли решение передислоцировать главную часть отрядов в западном направлении, на территорию, находившуюся под оккупацией итальянцев, чтобы в момент их капитуляции захватить как можно больше. Ну и, конечно, чтобы успешно оказать сопротивление вторжению англо-американских войск в случае, если оно произойдет. В конце августа партизаны контролировали всю территорию от Госпича до Бихача и славонской границы, причем создавали сильные помехи железнодорожному транспорту и готовились к прорыву на адриатическое побережье².

В августе они победоносно вступили в Яйце, средневековую столицу Боснии, где находились катакомбы богомилов, которые могли послужить убежищем для Верховного штаба в случае воздушного нападения. Они чувствовали свою значимость, ведь впервые в их руках оказался город, не находившийся в глухой провинции. «Старый мусульманский мир смотрел на нас из кофеен по-восточному бесстрастно, словно донося до нас сообщение: разные силы и орды скакали мимо нас, а мы век за веком сидим на своем месте»³.

8 сентября Тито услышал по радио о капитуляции Италии. В городе началась стрельба из всевозможного оружия, от пистолетов до пулеметов, а на окраине подчас взрывались и гранаты⁴. Конечно, он разделял всеобщее воодушевление, но и сердился, что союзники не известили его своевременно о подписании перемирия с римским правительством. Тогда бы он как можно лучше использовал сложившуюся ситуацию. В любом случае, в течение следующих двух недель его отряды разоружили 13 итальянских дивизий, обеспечили оружием и большим количеством снаряжения и провизии 80 тыс. бойцов⁵. За несколько дней до прихода немцев они заняли значительную часть территории, прежде оккупированной итальянцами. Тем временем

¹ *Deakin F. W.* Yugoslavia. Tito and/or Mihailović. P. 9. См.: *Huot L.* Puške za Tita. Ljubljana: Borec, 1965; *Velebit V.* Svjedok. S. 104, 487.

² *Deakin F. W.* Yugoslavia. The German and Allied Plans for a Balkan Landing. P. 10; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 161.

³ *Nikoliš G.* Korijen, stablo, pavetina. S. 555; *Adamič L.* Orel in korenine. S. 568.

⁴ *Nikoliš G.* Korijen, stablo, pavetina. S. 560.

⁵ BA. DY 30/IV B2/20/134; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 857, 858; *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 151; *Bajt A.* Bermanov dosje. S. 533; *Velebit V.* Svjedok. S. 107, 305.

с Восточного фронта стали приходить волнующие и воодушевляющие известия. В июле 1943 г., после судьбоносной битвы у Курска, крупнейшего танкового сражения в истории, когда Красная армия победила силы вермахта, стремительно, как лавина, развернулось советское наступление на запад. В середине сентября русские воины «зачерпнули шеломами» воду из Днепра, переправились через него и 6 ноября, в честь годовщины Октябрьской революции, освободили Киев¹.

В это время западные союзники заняли Апулию в южной Италии и в начале октября 1943 г. разрешили Верховному штабу создать свою базу в Бари. Она стала чрезвычайно важным пунктом для отправки помощи через Адриатическое море и для эвакуации раненных бойцов, а также тысяч гражданских лиц, женщин, детей и стариков. Более того, связь с Италией дала возможность влиться в ряды партизан тем приморским словенцам и истринским хорватам, которых фашисты рекрутировали в так называемые особые батальоны и интернировали как подозрительные элементы на юг или на острова. Вместе с бойцами, попавшими в Северной Африке в плен к англичанам, они организовали Приморские бригады и присоединились к партизанской борьбе. Только через Бари на далматинское побережье переправились около 30 тыс. человек².

* * *

Поскольку крепло убеждение, что поражение Германии неизбежно, в народно-освободительную армию стало вступать множество добровольцев, и их наконец можно было вооружить. За месяц, начиная с 8 сентября, количество бойцов в партизанских отрядах удвоилось (в армии Тито теперь было около 300 тыс. бойцов), что вызвало определенные проблемы, ведь новички не имели большого военного опыта. К ним присоединились и те итальянцы, которые после краха итальянской армии решили продолжить борьбу, но теперь уже против немцев. Так были сформированы итальянские подразделения, и первым среди них был батальон Гарибальди. Они мужественно сражались в движении Сопротивления. В последующие месяцы погибли 8 тыс. итальянцев, бившихся на стороне партизан, на 3 тыс. больше, чем потеряли жизнь в Югославии за два предыдущих года. Немцы, конечно, захватили в плен и отправили в концентрационные лагеря тысячи итальянцев, но многим удалось вернуться домой при помощи местного населения, снабжавшего их гражданской одеждой и едой³.

Четники, разочарованные тем, как развиваются события, старались найти какой-нибудь выход из создавшегося положения. Убежденные, что их

¹ *Nikoliš G.* Korijen, stablo, pavetina. S. 561.

² AS. Dedijer. T. e. 284. Pismo druga Vicka Krstulovića o ulogi Dalmacije u našoj Revoluciji, 16.01.1980. О значении Бари см. также: *Bajc G.* Operacija Julijska krajina. Severovzhodna meja Italije in zavezniške obveščevalne službe (1943–1945). Koper: Založba Annales, 2006. S. 71, 72.

³ *Pirjevec J.* Jugoslavija. S. 135.

«единственные враги — коммунисты», они пытались достичь договоренности с немцами, хотя те по-прежнему относились к ним враждебно. Информация об этих попытках укрепила в британском правительстве позиции тех, кто считал, что следует окончательно порвать отношения с Михайловичем. Тот же, со своей стороны, упорно продолжал отказываться от какого-либо сотрудничества с этим «взломщиком», как он называл Тито¹. Склонить английскую чашу весов на сторону партизан очень помог новый руководитель британской миссии Фицрой Маклин, дипломат и писатель, друг Черчилля и бригадный генерал армии Его Величества. Как представитель генерала Вильсона, командующего войсками союзников в Средиземноморье, 17 сентября 1943 г. он прибыл в Верховный штаб тем же способом, что и его предшественник, — прыгнув с парашютом. По сравнению с миссией капитана Дикина, который являлся всего лишь агентом УСО, это был большой шаг вперед: к Тито послали официальную военную миссию, что *de facto*, если не *de jure*² означало, что союзники его признали. Через много лет, в одном из интервью Маклин рассказал, что прибыл в Югославию с «открытой», но не «пустой» душой. И действительно, при первой же встрече с Тито он поддался его обаянию, причем на ум ему автоматически пришло изречение Наполеона: «В войне берут в расчет не людей, а человека». Если Дикина Тито и его товарищи считали антикоммунистом и шпионом, то в шотландском консерваторе они нашли (почти что) друга³. Его и в самом деле сразу же захватила партизанская эпопея, и вскоре он понял, что планы заключения договора между Тито и Михайловичем, которые всё еще вынашивались в Foreign Office, полностью устарели. После прибытия в Яйце он быстро осознал, что у британского правительства и союзного командования сложились совершенно неверные представления о ситуации в Югославии. Уже через две недели он решил, что вернется в Каир, сообщит о том, что видел, и предложит — как он написал в начале ноября в обширной декларации — отказаться от поддержки Михайловича и существенно увеличить помощь партизанам⁴.

Не акцентируя внимания на вопросе, несет ли Михайлович личную ответственность за коллаборацию с врагом, Маклин в своем донесении ограничился характеристикой великосербских, антихорватских и реакционных тенденций его политики, а также упомянул о его неспособности сплотить вокруг себя югославские народы и о его военной инертности. Его сообщение дошло до Лондона в то время, когда подтвердилось известие об изменении отношения немцев к четникам. Верховное командование вермахта в Юго-Восточной

¹ TNA. HS 3/120; HS 5/969.

² *de facto* — фактически, *de jure* — юридически (лат.).

³ *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. III. S. 132; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 166; *Maclean F.* Eastern Approaches. London: Jonathan Cape, 1949. P. 308; *Velebit V.* Svjedok. S. 108. *Batty P.* Hoodwinking Churchill. P. 146–150.

⁴ *Biber D.* Tito — Churchill, Strogo tajno. Ljubljana–Zagreb: Delo-Globus, 1981. S. 37; *Bajt A.* Bermanov dosje. S. 557; TNA. HS 3/191; HS 5/969; *Batty P.* Hoodwinking Churchill. P. 116, 118, 123 и далее.

Европе 1 ноября выпустило коммюнике, в котором было сказано, что партизаны представляют чрезвычайно серьезную опасность. Поэтому теперь главная задача немецкой армии — не защищать Балканы от возможной высадки союзников, а разбить отряды Тито. Естественно, это привело к кардинальному изменению политики по отношению к четникам: уже 22 ноября британцы распространили сообщение о договоре между немецким командованием и представителем Михайловича в Черногории: в нем шла речь о прекращении их взаимной вражды на территории к западу от Сараева как о первом шаге организации общей борьбы против партизан¹.

Меморандум Маклина и информация, собранная разведывательными службами, окончательно убедили Черчилля в том, что партизаны — единственная группа сопротивления, которая успешно «бьет» немцев. На встрече с Ф. Рузвельтом и Сталиным во время конференции в Тегеране (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) он заявил, что в борьбе против вермахта Тито достиг намного большего, чем Михайлович, и поэтому британцы намерены поддерживать его «всеми силами». При этом он завел речь о возможной высадке на севере Адриатического побережья, что обеспечило бы англо-американским силам прорыв через Люблянское окно в Среднюю Европу. Вероятно, Сталин взял это на заметку и, хотя тогда не уделил большого внимания югославским проблемам, в тайном договоре трех великих держав было записано, что необходимо помогать партизанам «как можно больше поставками и снаряжением, а также акциями коммандос». Рузвельт также выразил свое согласие, и американская разведывательная служба — Управление стратегических служб (УСС) — установила контакты с Тито и стала посылать ему из Бари оружие и одежду².

Размах партизанского движения и его проблемы

Переломные события весны и лета 1943 г. оказали большое воздействие и на внутреннюю обстановку в партизанском движении. Поскольку уже можно было прогнозировать окончание войны, стало ясно, что необходимо заложить основы нового государства еще более определенно, чем это было сделано на I сессии АВНОЮ. Руководители Коммунистической партии не сомневались, что оно будет коренным образом отличаться от прежнего. Светозар Вукманович — Темпо, представитель Тито в Македонии, Албании и Греции, в момент откровенности признался греческим товарищам: «Мы никогда не допустим, чтобы в Югославии восстановилась старая власть и чтобы были проведены “свободные выборы”. Мы принесли слишком много жертв, чтобы допустить это! Мы не позволим силам союзников прийти в наше государство. Только те силы, которые завоевали победу над оккупантом, могут

¹ *Biber D.* Tito — Churchill. S. 29–37; TNA. HW 1/1451.

² *Bajt A.* Bermanov dosje. S. 303, 304; *Barker E.* British Wartime Policy. P. 7, 8; NARA. CREST. Confidential Future Release Note, date 21.12.1945.

проводить выборы новой власти...»¹ А Тито уже в 1942 г. опубликовал статью «Национальный вопрос Югославии в свете народно-освободительной борьбы», в которой он пытался примирить разные исторические традиции и территориальные интересы югославских народов, пообещав им федеративное государственное устройство². На заседании Политбюро КПЮ он выдвинул предложение в этом духе: силы народно-освободительной борьбы должны отказать лондонскому правительству в праве выступать от имени народов Югославии и окончательно взять в свои руки власть в государстве. «Тито и все мы, кто принимал участие в этом заседании Политбюро, — писал Кардель, — осознавали, что это наше решение вызовет недовольство и негативную реакцию у правительств великих держав, и, особенно, что оно может вызвать определенные политические разногласия между Советским Союзом и западными великими державами. <...> Настал момент, когда интересы народно-освободительного восстания и будущности наших народов были для нас важнее реакции великих держав»³.

Для претворения этой политики в жизнь решили создать соответствующие организационные структуры, которые должны были представлять народы в будущей федерации. В Словении этого не нужно было делать, поскольку там уже действовал Освободительный фронт. А в Хорватии 17 марта 1943 г. создали комитет для созыва Антифашистского вече народного освобождения (АВНОХ), которое провело заседание в Плитвицах 13 и 14 июня и провозгласило себя верховным представительным органом государства. Это вече позиционировало себя как коалиция различных политических групп хорватов, сербов и других национальных меньшинств в Хорватии, но, как и Освободительный фронт в Словении, было полностью в руках коммунистов. Роль гегемона, которую дискретно, но решительно присвоила себе партия, т. е. ее верхушка, конечно, не могла предотвратить трений и конфронтаций, проистекавших из личных амбиций отдельных руководителей или из местных и этнических патриотических чувств. Характерно, что Тито с недовольством воспринял новость о присоединении Истрии, Риеки и Задара к Хорватии, провозглашенном Антифашистским вече народного освобождения Хорватии на заседании 20 сентября 1943 г. По его мнению, хорватские коммунисты, которых возглавлял Хебранг, приняв такое решение, присвоили себе суверенитет, принадлежащий исключительно Югославии как общему государству. Однако общего государства в сущности еще не было, поскольку Верховный штаб не имел достаточного влияния на территориях АВНОХ и Освободительного фронта⁴. В любом случае националистический настрой хорватского лидера, контролировавшего

¹ *Vukmanović-Tempo S. Revolucija teče dalje. Memoari. I. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1972. S. 335.*

² *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 684.*

³ *AS. Dedijer. T. e. 7. E. Kardelj. Tito na istorijskim raskršćima. S. 27.*

⁴ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 274; Banac I. Sa Staljinom protiv Tita. S. 100.*

в период с лета 1942 до лета 1943 г. примерно 50% всех партизан, казался большинству членов Политбюро всё более опасным. И всё это происходило еще до II сессии АВНОЮ¹.

* * *

Словенских национальных устремлений, едва прикрытых пропагандой «братства и единства» югославских народов, Тито и его ближайшие сербские и черногорские сподвижники также не одобряли, но относились к ним с большей осторожностью, чем к хорватским, поскольку понимали, что партизанское движение в Словении без его патриотической составляющей было бы весьма слабым. Когда в начале октября 1943 г. Освободительный фронт созвал в Кочевье заседание депутатов словенского народа, на котором провозгласил присоединение Приморья к Словении, никто не решился опротестовать эту декларацию суверенитета, чтобы не вызвать у словенцев латентное неприятие общей жизни в рамках Югославии. Впрочем, несомненно, что на относительную самостоятельность как словенцев, так и хорватов в Верховном штабе смотрели с растущим беспокойством. Это было заметно уже весной 1943 г., когда Арсо Йованович и Иво Лола Рибар, прибыв из Словении, дали довольно тревожную оценку ситуации в ней. Они обвинили словенских «товарищей» в том, что их действия не соответствуют стратегической революционной деятельности Верховного штаба².

На собрании в Кочевье выбрали словенских делегатов на II сессию АВНОЮ, которую Тито начиная с августа планировал провести как скупщину всех югославских народов. Поскольку Сталин 15 мая 1943 г. распустил Коминтерн, чтобы весь мир убедился, что Советский Союз больше не стремится осуществить мировую революцию, Тито полагал, что его уже не связывает, как прежде, необходимость подчиняться Москве, и что наступил подходящий момент для осуществления старого плана: формирования собственного правительства, которое будет основано на власти народа и воплотит в жизнь идеи большевизма по ту сторону границ Советского Союза³. Собрания, подобные тому, что прошло в Кочевье, раньше или позже состоялись и в других местах: в Истрии, Боснийской Краине, Черногории, Санджаке, Боснии и Герцеговине и даже в Македонии. В отличие от Словении и Хорватии, где национализм был помехой, в Македонии коммунисты делали ставку именно на него, чтобы дать импульс сопротивлению, которое никак не могло набрать силу. В 1941 и 1942 гг. партия, несмотря на все усилия организовать восстание против болгар, успеха не добилась. Македонцы сначала с воодушевлением приветствовали приход болгарской армии, убежденные, что

¹ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 436; *Banac I.* Sa Staljinom protiv Tita. S. 94; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 144; *Berić G.* Zbogom XX. stoleće. S. 108.

² *Repe B.* Ob 70. obletnici podpisa Dolomitske izjave // Svobodna misel. 2013. 30.03. S. 9, 10.

³ *Swain G.R.* The Cominform. P. 46; *Idem.* Tito and the Twilight. P. 218; AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 78.

страхнули с себя сербское ярмо. Лишь по прошествии некоторого времени стало ясно, что болгарам также нет дела до их этнической инакости и новый режим в том, что касается использования залежей руды и местной рабочей силы, не слишком отличается от белградского. К тому же, поскольку Москва в июне 1941 г. возобновила дипломатические отношения с югославским правительством в эмиграции, Коминтерн тоже отказался от своего решения объединить македонских коммунистов с КП Болгарии¹.

Рабочая партия Болгарии во время войны проводила совершенно другую политику, нежели КПЮ: она не организовала сопротивления профашистскому правительству в Софии, а, в ожидании красноармейцев, ограничилась антинемецкой пропагандой среди населения. Что касается вопроса о Вардарской Македонии, по которому у них в 1941 г. возник спор, она приняла решение Коминтерна в пользу югославов, но только с виду. Под предлогом, что КПЮ далеко, а местные коммунисты недостаточно сильны, она утверждала, что основ для вооруженной борьбы нет и что бессмысленно уходить в горы. К концу 1942 г. Тито решил принять свои меры: в феврале 1943 г. он послал в Скопье одного из самых энергичных соратников — Светозара Вукмановича — Темпо. Вскоре тот организовал в Македонии, главным образом в западной ее части, присоединенной к итальянской Албании, коммунистическую группу и создал очаг сопротивления, хотя и небольшой. Меньших успехов он достиг в Косово, где албанцы никогда еще не пользовались таким количеством прав и благ, как под властью итальянцев. На призыв Темпо откликнулось только сербское и черногорское население, которое оказалось в малоприятном положении меньшинства и поэтому присоединилось к партизанским отрядам, действовавшим в приграничных сербских, черногорских и македонских областях. И после капитуляции Италии ситуация существенно не изменилась: Косово оккупировали немцы, которые с успехом продолжали разжигать антиюгославские чувства, и без того распространенные среди албанского населения, и при этом утверждали, что партизаны являются русскими и сербскими агентами и намерены разделить и поработить Великую Албанию. Эта пропаганда имела успех: чтобы защититься от сербов, албанцы организовали политическое движение, и военные отряды, которые до конца войны успешно держали под контролем значительную часть страны².

Несмотря на враждебные отношения между албанским и славянским населением в Косово и западной Македонии, в самой Албании КПЮ удалось наладить тесные контакты с коммунистами. Уже в 1941 г. ЦК послал туда инструктора Миладина Поповича с задачей организовать движение сопротивления. Позже к нему присоединился еще Душан Мугоша, и они вместе по заданию Коминтерна сформировали из разрозненных коммунистических групп единую партию. 1 марта 1943 г. в деревушке Лабинот была созвана

¹ Kisić Kolanović N. Hebrang. S. 50.

² Pirjevec J. Jugoslavija. S. 138, 139.

Всеалбанская конференция коммунистов, на которой генеральным секретарем КПА избрали Энвера Ходжу и создали народную армию по югославскому образцу, которая присоединилась к уже существовавшему национальному фронту Балли Комбетар (Balli Kombëtar). Однако к концу 1943 г. сотрудничество баллистов и коммунистов прервалось по требованию югославов, опасавшихся, как бы вторые не заразились великоалбанским национализмом. В отношениях между КПЮ и КПА, естественно, невозможно было избежать вопроса о Косово: правда, из-за осторожности, проявленной Тито по отношению к сербам, его едва затронули и решили, что проведут обсуждение границ и права албанского народа на самоопределение лишь после поражения оккупанта¹.

Неутомимый Темпо не оставил без внимания и Коммунистическую партию Греции, которая и сама организовала партизанские отряды и с успехом отправила их на борьбу с национал-фашистскими силами. ЭЛАС, народно-освободительная армия Греции, имела мощные базы в Румелии, Фессалии, Эпире и эгейской Македонии, хотя ей, как и югославским партизанам, пришлось иметь дело с конкурирующей военной организацией буржуазного направления. Несмотря на то что ЭЛАС находилась в руках коммунистов, они не сумели придать размах греческому сопротивлению, как это удалось сделать их югославским товарищам. Греческие коммунисты не боролись за власть, — с возмущением пишет в своих воспоминаниях Темпо, — они хотели только изгнать оккупанта и после победы дать возможность народу принять свободное решение о своем политическом будущем. Чтобы исправить эту ошибку, Темпо предложил грекам и албанцам вместе с югославами сформировать Балканское верховное командование, которое координировало бы борьбу на всей территории Балкан. Поскольку контакты между Македонией и Верховным штабом имели эпизодический характер и до конца октября 1943 г. радиосвязи не было, Тито долго не получал сведений о том, что происходит на юге. Первые сообщения о деятельности Темпо дошли до него только в середине сентября 1943 г. Тогда он узнал, что были созданы ЦК КП Македонии и Главный штаб, партия исключила из своих рядов сектантов и болгарофилов, а в партизанских отрядах состоят 400–500 бойцов. Темпо в своих донесениях писал и о положении в Косово — что албанцы враждебно относятся к сербам и находятся под влиянием националистов: из 200 партизан (сколько их было в регионе) только 80 являлись албанцами по национальности. Идею создания Балканского верховного командования Тито воспринял негативно, убежденный, что ни британцы, ни русские не одобрили бы такого «маленького Интернационала». Из документов неясно, советовался ли Тито с Москвой перед принятием этого решения, но более чем очевидно, что его приказ Темпо отказаться от этой затеи полностью соответствовал сталинской политической линии².

¹ *Velebit V. Svjedok. S. 101.*

² *Анукеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 49.*

* * *

Расширяя сферу своего влияния на юг, Тито осознавал, что не сможет говорить от имени Югославии, пока не закрепится в Сербии, которая всё еще находилась в тисках подразделений Недича и немцев, с которыми сотрудничали отряды Михайловича и Лютича, так называемая Синяя гвардия. (Из 150 тыс. партизан, а столько их было в конце 1943 г., в восточной половине Югославии насчитывалось едва ли 2 тыс., да и те находились в положении загнанных зверей.)¹ В октябре 1943 г. он полагал, что настал момент для переноса центра операций на другой берег Дрины, но отказался от этой идеи из-за мощного наступления немцев, попытавшихся осенью занять все территории, ранее находившиеся под итальянской оккупацией. Почти три месяца в Словении, Истрии, Горски-Котаре, Далмации и Герцеговине шли жестокие бои между партизанскими и немецкими отрядами за контроль над побережьем и внутренними транспортными связями. В Словении немцы могли рассчитывать на поддержку «домобранцев», а в Черногории и других регионах с помощью четников и албанцев они организовали широкомасштабную операцию, чтобы отрезать партизанам путь в Сербию, этот «важнейший оплот для защиты Балкан», как написал в одном из приказов сам Гитлер².

II сессия АВНОЮ

Несмотря на ожесточенные бои, Тито и его соратники не отказались о намерения создать в Яйце, древней столице боснийских королей, вторую сессию АВНОЮ. Подготовку ее поручили Карделю, Кидричу и Моше Пияде. Как и год назад, решения, которые должно было принять АВНОЮ 29–30 ноября, заранее утвердило Политбюро. В конце октября оно решило объявить Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ) временной исполнительной властью, лишить эмигрантское правительство всех полномочий, провозгласить объединение югославских народов в шесть федеративных единиц и запретить королю возвращение на родину до тех пор, пока народ не выскажется в пользу монархии или республики. При подготовке этих решений, в которых уже были намечены контуры будущей социалистической Югославии, руководителей партии, конечно, не мог не волновать вопрос о том, как отреагирует на них Советский Союз, ведь было очевидно, что он всё больше проявляет недовольство слишком самостоятельной политикой КПЮ. В середине сентября 1943 г. в Верховный штаб прибыл болгарский коммунист Штерью Атанасов, первый человек из Москвы за последние два года, с которым Тито смог побеседовать. Помимо прочего, он сообщил ему, что в советской столице готовится конференция министров иностранных дел трех великих держав. Опасаясь, что Молотов, Иден и Халл примут решения, не соответствующие

¹ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 38; Bajt A. Bermanov dosje. S. 429; Velebit V. Svjedok. S. 294; Ivanji I. Titov prevajalec. Ljubljana: Karantanija, 2007. S. 188.*

² *Broz Tito J. Zbrana dela. Vol. 17. S. 11.*

его планам, Вальтер 2 октября послал Димитрову телеграмму, в которой четко высказал, что королю Петру и его предательскому правительству не позволят вернуться на родину. Намек Маклина, что британцы не будут строить больших планов относительно короля и правительства в эмиграции, еще больше укрепил его уверенность¹. Более того, уже через десять дней он предложил советским властям свою кандидатуру в качестве нового руководителя Югославии, но сделал это очень осторожно. Он попытался прозондировать их мнение телеграммой, в которой сообщил, что «в Словении, Хорватии и в АВНОЮ высказывается предложение, чтобы на следующем его заседании я, оставаясь командующим армией, был избран председателем Национального комитета». И скромно добавил, что не согласен с этим. «Прошу вашей поддержки для того, чтобы убедить хотя бы соратников. За границей это, на мой взгляд, было бы плохо воспринято»². Конечно, он сразу получил от Димитрова «поддержку»: его оповестили, что его назначение было бы «нецелесообразным», что, видимо, подействовало на Тито как холодный душ³.

Реакция Тито на такой ответ Москвы довольно отчетливо выявила особенности его менталитета: он считал, что не нужно информировать русских «обо всем» и таким образом давать им повод саботировать АВНОЮ еще до начала его работы. В следующие две недели он не давал Москве подробных отчетов о подготовке II сессии АВНОЮ, но разрешил Атанасову описать в двух телеграммах обстановку в рядах партизан: «Коммунистическая партия есть единственная реальная политическая сила, способная организовать новое югославское государство...»⁴ В телеграмме, которую Тито послал Димитрову 26 ноября 1943 г. (несмотря на роспуск Коминтерна, он по-прежнему поддерживал с ним регулярные контакты, ведь роль этой организации перешла к «Научному институту 205»), он не упомянул ни о решении, принятом относительно короля, ни о предложении словенской делегации, выдвинутом Йосипом Видмаром: чтобы на сессии ему в знак признания заслуг, как это делали в Красной армии, присвоили звание маршала, которого в Югославии еще не было⁵. Есть сомнения в том, насколько в действительности спонтанным было это предложение, учитывая то обстоятельство, что Йосип Броз уже 20 октября 1943 г. подписал диплом офицерской школы Верховного штаба как маршал Югославии⁶. Как бы то ни было, когда ему предложили

¹ *Broz Tito J. Zbrana dela. Vol. 17. S. 6, 7; Анукеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 30.

² *Broz Tito J. Zbrana dela. Vol. 17. S. 167; Simić P., Despot Z.* Tito. Strogo poverljivo. S. 118, 119.

³ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 167; *Swain G. R.* Tito. A Biography. P. 67.

⁴ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 170.

⁵ *Repe B.* Josip Broz Tito. Kar dobro zapisan v spominu Slovencev // Delo. 1997. 23.08; *Spomini E. Kardelja za TV oddajo «Teh naših 50 let»:* Leto 1943; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 353.

⁶ *Simić P.* Tito. Skrivnost stoletja. S. 197; *Halder M.* Der Titokult. Charismatische Herrschaft im sozialistischen Jugoslawien. München: Oldenbourg Verlag, 2013. S. 54.

это звание, он покраснел и спросил в замешательстве: «Не слишком ли далеко мы заходим? А что скажут русские?» Кардель и остальные быстро его успокоили. У русских есть свои маршалы, почему бы и югославам не иметь своего? Когда на сессии АВНОЮ на повестке дня встал вопрос о присвоении Тито звания маршала, в зале, как пишет Джилас, настало «бурное и воодушевленное единодушие». Истерическим рукоплесканиям, восклицаниям, поздравлениям, объятиям и поцелуям просто не было конца¹. Затем 30 ноября Президиум АВНОЮ издал формальный указ о присвоении звания «с целью высказать заслуженное признание товарищу Йосипу Броз — Тито, верховному главнокомандующему, за гениальное руководство операциями Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии и за талант и настойчивость, выказанные им при ее создании и военно-политическом подъеме на нынешний уровень»².

Наглядную иллюстрацию того, как дали трещину отношения с Москвой, нарисовал в своих воспоминаниях Кардель: «Сначала мы решили, что не станем сообщать об этом в Москву, поскольку были уверены, что они будут против. Мы по-прежнему верили, что они революционны, но не хотели информировать их из тактических соображений. Всё время нашей народно-освободительной борьбы они подчиняли отношения с нами своим тактическим целям, которые главным образом заключались в том, чтобы остаться в хороших отношениях с американцами и англичанами. Они считали, что если нужно пожертвовать революцией в Югославии, то лучше ей пожертвовать, чем вступить в конфликт по этому вопросу с англичанами и американцами. Мы понимали, что не можем на них положиться и что, если мы хотим пробиться, то должны оставить русских в стороне»³. «Пробиться», конечно, означало формально взять на себя прерогативы государственного суверенитета.

Как в Бихаче во время I сессии АВНОЮ, так и в Яйце руководство КПЮ позаботилось о том, чтобы вече было полностью подконтрольно его воле. Решения оно принимало единодушно и с аплодисментами, без обсуждений⁴. Федеративная и республиканская Югославия, несмотря на другие атрибуты, создавалась тем же способом, что и Королевство Карагеоргиевичей. Хотя на второй сессии АВНОЮ провозгласило себя «верховным представителем суверенитета народов и государства Югославия в целом», на деле оно вновь выражало волю и интересы лишь маленькой группы, которая благодаря своей военной силе могла позволить себе организовать новое государство по собственному замыслу, даже не оглядываясь на своего московского защитника. «Новую власть, — пишет Джилас в своих воспоминаниях, — характеризовали

¹ *Clissold S. Dilas. P. 128; Dilas M. Der Krieg der Partisanen. Jugoslawien 1941–1945. Wien; München; Zürich; Innsbruck: Molden, 1977. S. 469.*

² *AJ. 838. LF, III-10/2. Odluka predsedništva AVNOJA o dodeljivanju naziva maršala Jugoslavije, 30.11.1943.*

³ *AS. Dedijer. T. e. 7. Spomini tov. Kardelja, 25.12.1951. S. 35.*

⁴ *Šimić P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 173.*

разрыв со старым и неверность по отношению к нашим духовным отцам»¹. Тито в своей вступительной речи решительно отрицал, что народно-освободительная борьба является «чисто коммунистическим делом, большевизацией государства и попыткой коммунистов захватить власть». Это пропаганда «из кухни» Геббельса, которую распространяют оккупанты и их квислинги². В соответствии с этими утверждениями АВНОЮ не обозначило своей позиции касательно будущих общественно-экономических отношений, однако сам факт, что оно потребовало для себя всю политическую власть и позиционировало себя как государственный орган — цитируя Карделя, «орган революции и власти» — указывал, в каком направлении будет развиваться Югославия и в этой сфере³.

В Яйце не было представителей ни от Македонии, ни от оккупированных областей Сербии, в которых еще процветали монархические настроения. Доминировали хорваты и словенцы. Двух хорватов избрали на важнейшие посты: Тито — председателем Национального комитета освобождения Югославии, обладавшего всеми прерогативами власти, Ивана Рибара — председателем АВНОЮ. Помимо Тито ключевую роль на заседании сыграли два словенца: Эдвард Кардель и Борис Кидрич. Кардель охарактеризовал Кидрича так: «С одной стороны, он был очень энергичен в действиях, неутомимый активист и отличный организатор. С другой стороны, он был глубокий мыслитель, одаренный аналитик и исследователь, который являлся творцом и не удовлетворялся ролью простого исполнителя»⁴.

Роль, которую играли при Тито Кардель и Кидрич на II сессии АВНОЮ, по словам Биланджича, послужила главным аргументом в защиту тезиса о том, что в Яйце был осуществлен заговор против Сербии под диктатом хорватов и словенцев как идейных и политических противников сербского народа⁵. «Тот факт, что все союзнические силы признают временное партизанское правительство Рибара — Тито в Боснии и помогают ему, — писалось в донесении, посланном в конце декабря Особым отделом полиции в Белграде Президиуму Совета министров и министру внутренних дел, — и что это событие в центре внимания всего мира, вызвало в сербском обществе всеобщее смятение и озабоченность. Все его бросили, и его судьба отдана в руки именно тех — не сербов, — которые до сих пор доставляли ему больше всего мучений. После войны будет очень трудно избавиться сербский элемент в этих краях от страшной коммунистической заразы, так что есть мнение, что будут происходить даже вооруженные конфликты — до тех пор, пока коммунистических бродяг не ликвидируют»⁶.

¹ *Dilas M.* Der Krieg. S. 461; *Simić P., Despot Z.* Tito. Strogo poverljivo. S. 129.

² *Broz Tito J.* Zbrana dela. Vol. 17. S. 152.

³ AS. Dediđer. T. e. 7. Spomini tov. Kardelja, 25.12.1951. S. 35.

⁴ Arhiv J. Pirjevec. Trst. Zapuščina Marije Vilfan. Kardeljeve beležke.

⁵ *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 156.

⁶ AJ. 838. LF III-11/14. Upravnik grada Beograda, Odeljenje Specialne policije. Pravitelstvu ministrskog saveta i Ministrstvu unutrašnjih poslova, Beograd, 24.12.1943.

Любопытно, что сербские коммунисты также опасались, что Сербия потеряет роль «Пьемонта» — объединительного элемента — в новой Югославии, тогда как хорватские и словенские коммунисты поднимали вопрос о действительном, а не просто формальном равноправии в планируемой федерации. После II сессии АВНОЮ Тито старался разрешить их сомнения, и для этого встречался с хорватскими и словенскими депутатами по отдельности. При встрече он пообещал им больше, чем впоследствии смог дать. На вопрос генерала Яки Авшича, сохранит ли словенская армия на своей территории собственный язык командования, он решительно ответил: «Ясно, вы — словенская армия и поэтому должны использовать словенский язык...»¹

* * *

Хотя на II сессии АВНОЮ царила атмосфера воодушевления, она омрачилась трагедией. Накануне заседания пришла телеграмма, в которой сообщалось о гибели Иво Лолы Рибара 27 ноября 1943 г. в результате налета бомбардировщиков на Гламочко поле, откуда он собирался улететь в Каир в качестве главы военной миссии при командовании союзников в Средиземноморье. Тито, имевший большие амбиции и мыслявший главным образом политическими категориями, хотел иметь такую миссию, чтобы подчеркнуть свое равноправие с западными союзниками: «Они нам миссию — мы им миссию»². Когда он узнал о смерти Лолы, опустил телеграмму, оперся руками о стол и сказал: «Из-под меня выбили опору». Потом ему пришлось выполнить одну из тяжелейших обязанностей в его жизни — сообщить старому Ивану Рибару, жену которого зарезали усташаи, еще и известие о смерти младшего сына Лолы и старшего — Юрицы, который недавно также пал в бою. Рибар молчал, потом обнял Тито: «Тяжела эта наша борьба...»³

В связи со смертью Лолы Рибара ходило много слухов и подозрений — не произошла ли она из-за предательства. Однако Владимир Велебит, который в момент рокового налета находился недалеко от Рибара, решительно это отрицает, говоря, что произошедшее было просто трагической случайностью. Тито придерживался другого мнения⁴.

Тито, Кардель и их соратники известили Москву о решениях II сессии АВНОЮ лишь после ее завершения. На их депешу ответа не было. «Обычно они отвечали быстро, но в тот раз промолчали. Они не рассчитывали взять нас нахрапом, поскольку не знали, чем это закончится». Поскольку во время войны Сталин долгое время опасался, что Германия и Великобритания заключат сепаратный мир, он не хотел возбудить в Лондоне подозрения насчет «революционных» замыслов России на Балканах. Поэтому он раздраженно

¹ *Veljanovski N. Titove dileme o AVNOJU i ustavnom uredjenju Jugoslavije 1943–1946 // Tito-videnja. S. 292, 293.*

² *Velebit V. Svjedok. S. 109–111.*

³ *Stefanović M. Podpis: Tito. S. 132; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 354, 355.*

⁴ *AS. Dedijer. T. e. 261. Cenčić V. Kratko o Loli.*

прокомментировал, что решения II сессии АВНОЮ — нож в спину Советского Союза. Это высказывание его соратники передали Велько Влаховичу, который представлял КПЮ в Советском Союзе, поскольку не мог сражаться. Во время гражданской войны в Испании он потерял ногу. *Хозяин* будто бы даже послал Тито телеграмму с протестом, но она так и не была опубликована¹. Москву беспокоил не только вопрос о монархии, но и тот факт, что из решений АВНОЮ было видно: новые югославские вожди хотят заменить прежнюю гегемонию сербов гегемонией хорватов. «Имейте в виду, — писал Димитров Тито, — что этот вопрос вызывает много спекуляций в различных англо-американских кругах»². Из этих соображений радио «Свободная Югославия» вынуждено было более двух недель замалчивать решения, принятые на сессии. Лишь когда выяснилось, что британские и американские отклики на них вовсе не негативны, и когда о Яйце уже писала вся мировая печать и все радиостанции цитировали резолюции АВНОЮ и говорили о победе Тито, оно отважилось передать сообщение, в котором советское правительство опосредованно и чрезвычайно осторожно подтвердило решения, принятые в Яйце и признала за «лидерами новой Югославии» серьезные успехи в деле объединения ее народов³. «Лишь после этого мы получили депешу, в которой не высказали ни согласия, ни несогласия с нами, а дали только общие советы»⁴.

Иллюзии Черчилля

Тито хорошо понимал, какую услугу оказал ему Черчилль, не выступив открыто против НКЮЮ: «Русские не сражались за нас, — утверждал он много лет спустя. — Ради каких-то своих комбинаций Сталин оставил бы нас и дальше сражаться самим. Позиция Черчилля способствовала внутренней дифференциации сил и помогла нам утвердиться в международном плане»⁵. Таким образом, протест королевского эмигрантского правительства относительно «насилия террористического движения», которое, по его мнению, не представляло национальных, демократических и общественных стремлений югославских народов и имело успех в значительной мере благодаря покровительству «некоторых институций союзников», никто не поддержал. Впрочем, едва завуалированная критика не особо задела Черчилля и не побудила его пересмотреть свои взгляды. После возвращения из Тегерана, 10 декабря 1943 г., он принял в Каире короля Петра II и его первого министра Божидара Пурича, чтобы сообщить им о своем решении относительно Тито и Михайловича.

¹ AS. Dedijer. T. e. 7. Spomini tov. Kardelja, 25.12.1951. S. 35; *Velebit V. Svjedok*. S. 297; *Adamič L. Orel in korenine*. S. 488.

² *Dimitrov G. Diario*. S. 670.

³ *Dedijer V. Novi prilozii*. Vol. I. S. 358; *Dimitrov G. Diario*. S. 664; *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито*. С. 176.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 7. Spomini tov. Kardelja, 25.12.1951. S. 36.

⁵ *Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968)*. S. 202.

Пурич пытался протестовать, говоря: «Вы не можете таким образом предать Сербию, свою союзницу в 1914 г. Для вас важны только английские интересы. Весь мир и история вас осудят». «Но Михайлович сотрудничает с немцами», — возразил ему Черчилль. «У Вас есть доказательства?» — спросил Пурич. «Нет, у меня их нет, но я уверен, что он коллаборационист»¹.

Черчилль не был искренен, когда заявил, что у него нет доказательств сотрудничества Михайловича с вермахтом. Он сам в телеграмме, посланной 2 января 1944 г. Идену, утверждал, что получил их от Дикина и от офицеров, находившихся в зоне расположения Михайловича². Он получил их также и с помощью «Ультры», тайну которой британцы охраняли самым тщательным образом, и, конечно, он не мог выдать их югославскому премьеру. Эта конспирация, не допуская, чтобы информация об операции «Ультра» просочилась даже в верхушку британского административного и военного аппарата, а также бюрократическая инерция стали причиной того, что политика Черчилля не сразу воплотилась в жизнь. В итоге на рубеже 1943–1944 гг. британцы и американцы (они также послали к Тито свою миссию), с одной стороны, помогали партизанам, а с другой — всё ещё поддерживали связи с Михайловичем. Зная о натиске немцев на освободительную армию, военные службы союзников организовали на юге Италии базу снабжения, из которой перевозили оружие и снаряжение на освобожденную часть далматинского побережья. В то же время их самолеты успешно отражали попытки немцев занять все далматинские острова. А военные круги в Каире решили еще раз испытать Михайловича: в декабре 1943 г. командование союзников приказало ему разрушить два моста и тем самым блокировать транспортное сообщение между Белградом и Солунью. «В середине января, — пишет полковник Бейли, который тогда еще был в его главном штабе, — стало понятно, что мосты никогда не будут заминированы»³.

Под натиском Шестого наступления, предпринятого немцами в Боснии и Санджаке, 6 января 1944 г. Верховный штаб после 145 дней отдыха покинул Яйце. На заседании Политбюро было принято решение разделить его членов на две группы: одна, во главе с Карделем, отправилась в Хорватию, а Тито с Верховным штабом остался в Боснии. Новое наступление не было таким массивным и роковым, как два предыдущих, но, поскольку оно развивалось в зимних условиях, принесло партизанским отрядам много бед. Оно лишь слегка задело Верховный штаб, поскольку он удалился в городок Дрвар в Герцеговине на реке Унац⁴. Город был, можно сказать, в развалинах, поэтому Тито обосновался в пещере на правом берегу реки, перед которой построили трехкомнатный деревянный дом. Пещера находилась на склоне

¹ *Miljuš B.* La révolution yougoslave. Lausanne: L'age d'homme, 1982. P. 160, 161.

² *Deakin F. W.* Yugoslavia. The Prime Minister in Cairo (2–10 Dec. 1943). P. 4; TNA. HW 1/1451.

³ *Barker E.* Britanska politika. S. 343; *Batty P.* Hoodwinking Churchill. P. 163, 164.

⁴ *Nikoliš G.* Korijen, stablo, pavetina. S. 575, 576.

горы Градина примерно в 20 метрах от ее подножия, и из нее открывался великолепный вид на всю долину. К ней вели крутые, вырубленные в скале ступени. Рэндольф Черчилль, сын британского премьера, которого тот послал приглядеться к партизанам, в марте 1944 г. иронично и остроумно написал отцу: «Его (Тито) рабочая комната вся обита парашютным шелком и больше похожа на любовное гнездышко дорогой куртизанки, чем на офис руководителя партизан»¹.

Поскольку немцы, опасаясь ожидаемой высадки союзников, сконцентрировались на Далмации и на островах, чтобы укрепиться на адриатическом побережье, в боснийско-герцеговинском тылу наступило затишье. В то время свежеепеченный маршал находил время для шахматных партий с Ранковичем и Джиласом и учился ставить свою весьма оригинальную подпись на кириллице². Несмотря на примитивные условия жизни, товарищи придерживались определенных норм поведения — по словам Джиласа, в разговоре они не употребляли бранных слов, кроме Моше Пияде, о котором черногорский писатель говорит, что ругательства были у него «в крови» из-за его восточного духовного и языкового наследия³. Тито позаботился также о своем гардеробе: так, он поручил одному словенскому портному сшить ему форму, соответствующую его высокому званию⁴.

Тито — Шубанич

Тем временем хорошие новости следовали одна за другой: уже 8 января 1944 г. Черчилль известил Тито, что порвет отношения с Михайловичем и что уже проинформировал об этом решении Сталина⁵. В ответ Тито потребовал, чтобы его признали официально, и послал сообщение об этом в Москву⁶. Он не мог скрыть от своих ближайших соратников, а также от Димитрова, что у него есть телеграфная связь с Черчиллем, и что тот старается убедить его заключить договор с королем Петром II, чтобы он смог принять участие в борьбе против оккупантов⁷. Конечно, это были пустые хлопоты, поскольку уже стало понятно, что пробил последний час династии Карагеоргиевичей. Во всяком случае, так оценивал ситуацию югославский посланник в Москве Станое Симиц, 10 марта 1944 г. прервавший связи с эмигрантским правительством⁸. Того же мнения придерживался и Фицрой Маклин, который еще в конце предыдущего года, в Лондоне, написал, что настало время посмотреть правде в глаза: «...партизаны сдерживают больше вражеских дивизий,

¹ *Biber D.* Tito — Churchill. S. 128.

² *Dilas M.* Tito. S. 60.

³ *Ibid.* S. 224; *Ćosić D.* Piščevi zapisi (1951–1968). S. 195.

⁴ *Simić P.* Tito. Skrivnost stoletja. S. 178.

⁵ *Губианский Л. Я.* Советский Союз. С. 91; *Bajt A.* Bermanov dosje. S. 620.

⁶ *Губианский Л. Я.* Советский Союз. С. 92; *Stefanović M.* Podpis: Tito. S. 141.

⁷ *Dilas M.* Tito. S. 72, 73; TNA.HW 17/51.

⁸ *Губианский Л. Я.* Советский Союз. С. 84.

чем британские и американские армии вместе в Италии, и они будут править в Югославии, что бы мы ни делали»¹. Но самым важным было то, что Сталин в ответ на вопрос Тито, какую позицию ему занять по отношению к королю, встал на его сторону. Когда он увидел, что англичане и американцы приняли НКОЮ как свершившийся факт, хотя и не признают его официально, он полностью изменил свое отношение к новому правительству и начал вести себя, по словам Карделя, так, «как будто его признаёт»². Когда премьер правительства в эмиграции Пурич предложил советскому послу в Париже Н. В. Новикову подписать с Москвой двадцатилетний договор о дружбе и сотрудничестве, тот 22 декабря 1943 г. отказал ему. «Я предложил вам восемь миллионов сербов, — с упреком прокомментировал Пурич, — а вы не хотите их взять»³. Сталин 9 февраля 1944 г. сообщил Вальтеру через Димитрова, что ему нужно денонсировать правительство в Каире вместе с Дражей Михайловичем: единственной легитимной властью в Югославии будут АВНОЮ и его Национальный комитет. «Если король Петр примет все эти условия, АВНОЮ не будет противиться сотрудничеству с ним, при этом вопрос о монархии в Югославии будет решен народом после освобождения Югославии»⁴. Затем Тито дословно передал это письмо Черчиллю в качестве своих условий⁵.

Телеграмму из Москвы в Верховный штаб перехватили британские спецслужбы, что дало британцам возможность узнать, насколько тесным является сотрудничество Тито и Сталина⁶. Но это не помешало Черчиллю и дальше предаваться иллюзии о том, что благодаря своей политической ловкости он обеспечит для Великобритании и ее геостратегических интересов определенное влияние в Югославии. В начале 1944 г. он писал: «Наша политика должна основываться на трех новых факторах: партизаны будут правителями Югославии. Они так важны для нас в военном отношении, что мы должны оказывать им полную поддержку, подчиняя политические соображения военным. Крайне сомнительно, сможем ли мы впредь рассматривать монархию как объединяющий элемент в Югославии»⁷. В середине февраля его правительство решило также и формально порвать отношения с четниками и отозвать свои военные миссии, действовавшие при Михайловиче и его отрядах. 22 февраля в речи в парламенте Черчилль обозначил главные направления своей политики и при этом пел дифирамбы Тито, «исключительному вождю, прославившемуся в борьбе за свободу». Он подчеркнул также, что Великобритания, отказывая Михайловичу в поддержке, не отворачивается от короля Петра II, хотя и не имеет намерений навязывать югославским народам

¹ TNA.WO 202/138.

² *Kardelj E.* Spomini. S. 25.

³ *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 32.

⁴ *Гиренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 182, 183.

⁵ *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 33.

⁶ TNA.HW 17/51.

⁷ *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 31.

монархию¹. Короче говоря, Черчилль пообещал Тито военную помощь, но не признал его как политического представителя Югославии, надеясь, что еще удастся найти возможность его сосуществования с королем. При этом главным его аргументом было утверждение, что сербские крестьяне негативно относятся к идеологии Карла Маркса и что «сербским силам» чужды идеалы народно-освободительной борьбы. Только в том случае, если Тито достигнет компромисса с королем, он сможет объединить всех, кто противостоит иноземным захватчикам². Тито был «воодушевлен» речью Черчилля, но эти аргументы его не убедили³. Напротив, он утверждал, что сербские крестьяне не симпатизируют королю. «Вы поймете это, когда мы направим свои силы в Сербию»⁴.

5 февраля ТАСС официально заявило, что советское правительство отклонило договор о послевоенном сотрудничестве, предложенный премьером эмигрантского правительства. В сущности, это означало, что оно уже делает ставку на новую Югославию, которой будет руководить Тито⁵. Сталин пошел еще дальше: уже по пути из Тегерана, во время остановки на аэродроме в Баку, он приказал командующему советской авиацией А. Е. Голованову любой ценой организовать военную помощь партизанам. (Правда, оружие стало поступать лишь в конце апреля.)⁶ Кроме того, он решил, что не только будет поддерживать контакты с Верховным штабом по партийной линии, как было до тех пор, но и пошлет к нему военную миссию. Принять это решение его побудили и сведения о том, что в Югославии отдельные лица, симпатизирующие Германии, распространяют слухи, будто отсутствие такой миссии указывает, что Советский Союз не интересуется судьба балканских народов⁷. 23 февраля в Дрвар действительно прибыла советская военная миссия (в ней также находились специалисты по внешней и финансовой политике и агенты разведывательных служб), которую партизаны встретили с воодушевлением, хотя им и не понравился способ, выбранный русскими для приземления. Они не спрыгнули с парашютами, как англичане, а использовали планеры, объяснив это тем, что глава их миссии генерал-майор Николай Васильевич Корнеев — пожилой человек и к тому же инвалид войны (в битве под Сталинградом он получил ранение в ногу). Партизанам пришлось по душе, что, несмотря на увечье, совершенно не подходившее для партизанской жизни, Корнеев имел высшее звание из всех глав военных миссий и был аккредитован не только при Верховном штабе, как англичане и американцы, но и при

¹ *Bajt A. Bermanov dosje. S. 620; Velebit V. Svjedok. S. 128.*

² *Bilandžić D. Hrvatska. S. 161; Dimitrov G. Diario. S. 701.*

³ ТНА.ВО 202/337.

⁴ *Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 200.*

⁵ *Губианский Л. Я. Советский Союз. С. 83, 84.*

⁶ *Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. С. 485.*

⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 598. С. 47, 48.

АВНОЮ¹. Для югославских коммунистов это означало серьезное политическое и психологическое подтверждение их статуса. Несмотря на то что сначала членов миссии из-за их бюрократической манеры поведения приняли прохладно, вскоре между ними и югославами установились теплые товарищеские отношения. 24 февраля Тито организовал в их честь первый торжественный прием представителей иностранных государств и появился на нем в новой маршальской форме². Уже через две или три недели после их прибытия Тито — чуть смущенно, чуть с гордостью — рассказывал соратникам, как во время вечернего застолья Корнеев обнимал его, целовал и ласково называл «Оська, Оська»³. В интервью, которое он дал в апреле 1944 г. журналисту Йозефу Мортону для *Associated Press*, — а это было его первое интервью западному журналисту — он утверждал, что в партизанском движении нет просоветских элементов⁴. Это совершенно не соответствовало действительности.

Весной 1944 г. Тито и его товарищи оказались в приятном положении девицы, у которой два жениха: и русские восхваляли успехи партизанской войны, и британцы превозносили их до небес. Британская концепция послевоенной политической организации Средиземноморья основывалась на идее обновления дружественных монархий в Италии, Албании, Югославии и Греции. Эта мечта была по сердцу Черчиллю не только из-за его роялистских симпатий, но, как пишет историк Гаэтано Салвемини, и из-за убеждения, что местные династии в этих странах станут инструментом английского господства. Сэр Уинстон, веря в свое дипломатическое искусство, в югославском случае поменял одного коня на другого в уверенности, что благодаря этому станет победителем. Однако в Тито он нашел противника себе не по зубам, поскольку тот был способен скрывать свои намерения и вести свободный диалог, избегая конфликтов, и в то же время использовать возрастающую поддержку союзников для укрепления собственной власти. Так, благодаря твердолобости великосербских элементов в эмигрантском правительстве ему удалось затянуть переговоры о сотрудничестве с ним до поздней весны, и это время он использовал для организации прорыва своих отрядов в Сербию и для формирования там движения сопротивления. А это сильно изменило соотношение сил в его пользу⁵.

* * *

Стремясь достичь договоренности с Тито относительно монархии, Черчилль попытался в начале 1944 г. уговорить Петра II отречься

¹ Губианский Л. Я. Советский Союз. С. 85–90; Bajt A. Bermanov dosje. S. 596, 921; *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. I. S. 362; *Howarth P. Undercover*. P. 93; *Velebit V. Svjedok*. S. 119, 120. *Klinger W., Kuljiš D. Tito. Neispričane priče*. S. 317–320; *Suppan A. Hitler — Beneš — Tito. Konflikt, Krieg und Völkermord in Ostmittelund Südosteuropa*. 3 Bde. Wien: OAW, 2014. Bd. II. S. 1276.

² *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. I. S. 363; *Adamič L. Orel in korenine*. S. 503.

³ *Dilas M. Tito*. S. 62.

⁴ *Kisić Kolanović N. Hebrang*. S. 102.

⁵ *Bilandžić D. Hrvatska*. S. 163.

от Михайловича — «мельничного жернова на его шее»¹. Что было не так-то просто, ведь сербские политики в окружении короля решительно отвергли эту идею. Британский премьер, конечно, был не тем человеком, который позволил бы «капкану сербской политики» помешать его планам. Сначала он решил организовать военный путч против предводителя четников, но когда увидел, что в окружении Михайловича нет офицера, способного выполнить такую сложную задачу, отказался от этого намерения. «Жаль», — прокомментировал Иден и одновременно констатировал, что следует как можно скорее расформировать югославское эмигрантское правительство и убрать из него Михайловича. В начале марта 1944 г. Петр II вернулся из Каира в Лондон на свадьбу с греческой принцессой Александрой. Пользуясь случаем, он поговорил и с британским премьером, и с министром иностранных дел, которые пытались убедить его, хотя сперва и без успеха, принять их предложения. Чтобы укрепить свое влияние в Югославии, Черчилль начал посылать Тито большое количество оружия и продовольствие для голодающего населения на освобожденных территориях. Особо важную роль в его планах играла Сербия, поскольку он всё еще был убежден, что в целом она враждебна партизанскому движению и что Тито придется учитывать это обстоятельство. Действительно, у маршала на другом берегу реки Ибар едва набралась бы тысяча бойцов, тогда как Михайлович мог рассчитывать на 20 тыс. человек и по меньшей мере на 45 тыс. резервистов (помимо тех сил, которые находились под командованием Недича и Льотича). Такая заметная разница, по мнению Черчилля, была не так уж плоха, поскольку предоставляла возможность для дипломатического и военного маневрирования, в результате которого сербы встали бы под знамя Тито. А Тито, после того как его армия пополнилась бы преданными королю войсками, попал бы в зависимость от британцев. Только сначала требовалось выбрать нового премьера югославского правительства, который был бы приемлем как для Тито, так и для Петра II, а кроме того, популярен в Югославии, прежде всего в Сербии, и способен провести сложную операцию так, как ее задумал Черчилль.

Найти такого человека было трудно, ведь все сербские политики в эмиграции являлись сторонниками Дражи Михайловича и не были готовы сотрудничать с коммунистами. В конце концов, британскому премьеру пришлось удовольствоваться несербским кандидатом, Иваном Шубашичем, за которого ратовали американцы и их секретные службы. Помимо этой поддержки, последний хорватский бан имел и кое-какие положительные качества: он был сторонником династии, но, с другой стороны, уже давно не скрывал своей симпатии к Тито и его движению сопротивления. В мае 1944 г. «пастыр», как его называли в зашифрованных донесениях, по инициативе Черчилля прибыл из Соединенных Штатов в Лондон и немедленно начал переговоры о составе нового правительства, наивно надеясь, что сможет

¹ *Deakin F. W. Yugoslavia. The Prime Minister in Cairo (2–10 December 1943). P. 4.*

спасти старый строй. Король Петр II, исключенный из этой игры, чувствовал себя уязвленным, тем более что Черчилль в его отсутствие уже объявил в парламенте о формировании нового правительства. Вместе с Пуричем он пытался возражать, но когда его поставили перед свершившимся фактом (да еще и Рузвельт, несмотря на свое ярко выраженное сербофильство, повернулся к нему спиной), в конце месяца был вынужден уступить. Так было создано новое правительство, довольно странное, поскольку Шубашич помимо должности премьера взял на себя и функции всех других министров, даже Дражи Михайловича, который был смещен с поста военного министра королевским декретом от 8 июля 1944 г.¹

Вопрос о положении Югославии в послевоенной Европе, о котором напряженно размышляли ведущие политики в Лондоне и в Москве, неожиданно стал чрезвычайно актуальным. Об этом свидетельствует тот факт, что 1 апреля 1944 г. Черчилль в разговоре с Иденом с беспокойством упомянул о «грандиозной советской миссии» при Тито и о том, что тот послал в Москву свою военную миссию. Руководил ею генерал Велимир Терзич, а наиболее значительным лицом в ней был Милован Джилас, не скрывавший в своих беседах с Молотовым и Сталиным, что новые югославские вожди видят в Советском Союзе землю обетованную. Более того, он прибыл в Москву, так сказать, с отчетом, ожидая услышать в Кремле слова похвалы за хорошо выполненную работу. Недостатка в них не было, Сталин «искренне рассердился», когда Джилас попросил его дать займ и при этом поспешил пообещать, что югославы вернут его после войны: «Вы оскорбляете меня. Вы проливаете свою кровь и хотите, чтобы я брал с вас деньги за оружие! Я не купец, мы не купцы!»² Из этого разговора Джилас сделал два вывода: что теперь югославские коммунисты могут рассчитывать на советскую помощь и что они должны из оппортунистических соображений и дальше поддерживать хорошие отношения с западными союзниками, но не терять бдительности, ведь те способны на любые подлые удары, не исключая даже покушения на Тито. Так между югославами, Советским Союзом и британцами началась тонкая игра, целью которой было обеспечение политического влияния на Балканах, а единственным правилом — общее понимание того, что сначала надо победить немцев. Ждать положительных результатов московского воодушевления югославским партизанам не пришлось: уже 22 апреля Советский Союз сообщил британцам, что необходимо наладить как можно более тесное сотрудничество с Тито. Доказательство того, что Тито пришелся по сердцу его лидерам, было получено в начале мая: в Бари создали специальную базу с десятью транспортными самолетами для снабжения народно-освободительной армии, а также югославам стали посылать знаки отличия и присваивать звания, что означало — их считают своими. Черчилль наблюдал за всем этим

¹ *Barker E.* Churchill in Eden v vojni. Zagreb: Globus, 1980. S. 232, 233; *Velebit V.* Svjedok. S. 129; *Adamič L.* Orel in korenine. S. 503.

² *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 192, 193.

мрачно и с тревогой и уже начал говорить о разделе сфер влияния на Балканах¹.

В Верховном штабе Тито его интриги вызывали растущее беспокойство, поскольку в них видели красноречивое доказательство британских империалистических амбиций. Однако маршалу удалось сохранить хладнокровие и даже разбить главный британский аргумент — что сербы не на его стороне. В интервью с английскими и американскими журналистами, опубликованном в *Times* 16 мая 1944 г., Тито подчеркнул, что в его отрядах 44 % составляют сербы, 30 % хорваты, 10 % — словенцы, 5 % — черногорцы, 2,5 % — македонцы и столько же мусульмане. При этом он, конечно, умолчал о том, что большинство его сербов — с западного берега Дрины и что руководство КПЮ в самой Сербии за последнее время много раз пыталось разжечь восстание, но успеха на добилось². В этих обстоятельствах ему придавало мужества осознание того, что при проведении своей политики он может рассчитывать на помощь русских. В середине апреля 1944 г. он послал в Москву телеграмму, в которой жаловался на болгарских коммунистов и на самого Димитрова — из-за их позиции по македонскому вопросу. Сталин через генерала Корнеева послал ему умиротворяющий ответ, говоря, что не будет принимать никакого решения относительно Македонии «без Вашего одобрения». Более того, в нем он высказал свое представление о послевоенных Балканах, причем подчеркнул, что именно в Югославии видит свою главную опору в Юго-Восточной Европе. К ней присоединится и Болгария, когда избавится от союза с немцами и заключит его с Советским Союзом. Для Тито единственным неприятным штрихом в этом тексте было замечание, «что в нашем плане не предусмотрена советизация Югославии и Болгарии». Это явилось подтверждением того, что кремлевский *хозяин* вовсе не желает проведения социалистической революции на Балканах, а стремится лишь к созданию подчиненных ему «бутафорских демократий»³.

Операция «Рёссельшпрунг»⁴

Весной 1944 г. природа в Дрварской долине расцвела: с гор налетали неожиданные, но кратковременные грозы, сквозь облака пробивались лучи полупрозрачного света, повсюду журчали свежие горные ручьи. Вся долина была в зелени и цветах⁵. Среди этой идиллии 25 мая 1944 г., в день, который

¹ *Губианский Л. Я.* Советский Союз. С. 87, 90, 94; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 365. *Čavoški K.* Tito. Tehnologija vlasti. S. 247.

² *Broz Tito J.* Zbrana dela. Vol. 20. S. 30.

³ *AJ. KMJ I — 3-b/574 D.* Depesa iz SSSR upućena preko Korneeva za Titu, 1944; *Gibianski L.* Mosca, il PCI e la questione di Trieste (1943–1948) // *Dagli archivi di Mosca. L'URSS, il Cominform e il PCI 1943–1951 / Ur. F. Gori, S. Pons.* Roma: Carocci, 1998. S. 89, 90.

⁴ *Ход конем (нем. Rösselsprung).*

⁵ *Nikoliš G.* Korijen, stablo, pavetina. S. 596.

уже во время войны стали отмечать как официальный день рождения Тито¹, напали немцы. Началась операция «Рёссельшпрунг», которую организовал XV горный корпус при поддержке отрядов пехоты из Бихача, Книна и Ливно с целью обезглавить движение сопротивления. По прямому приказу Гитлера вермахт попытался нанести Тито и Верховному штабу дерзкий удар; руководил его подготовкой центр в Загребе, созданный специально для этой цели. Немцы разработали операцию в обстановке строжайшей секретности. Было решено окружить Дрвар и захватить его с помощью парашютного десанта. Для него использовали «штрафной батальон», состоявший из осужденных бывших офицеров. Они полетели с загребского аэродрома, причем задание им дали всего за два часа до вылета². Нападение, в котором приняли участие также 2 тыс. бойцов элитной дивизии «Принц Евгений», произошло в воскресенье 25 мая настолько неожиданно, что чуть не увенчалось успехом. На основании сообщений разведки, которые начали поступать еще в феврале 1944 г., а также интенсивного воздушного наблюдения за ВВС вермахта («Luftwaffe») в Верховном штабе еще за месяц до нападения просчитали такую возможность и позвали на помощь Первую пролетарскую дивизию во главе с Кочей Поповичем. Однако когда немцы узнали об этом, то отказались от своего намерения. Поскольку десанта всё не было и не было, Попович со своими людьми ушел на фронт. Таким образом, в момент нападения в распоряжении Тито имелись только охранный батальон и курсанты офицерской школы, всего 80 человек. Местоположение домика, построенного над водопадом в пещере у Дрвара, не было удобным, поэтому Тито переселился в расположенную неподалеку деревню Бастаси, о чем немцы не знали³. Во время высадки десанта эта деревушка и пещера, в которой жил маршал, остались за пределами территории, занятой вражескими отрядами.

Думая, что опасности нет, Тито 24 мая вернулся в Дрвар, где устроил ужин для членов военных миссий при Верховном штабе, среди которых были сын Черчилля Рэндольф и посланник генерала Эйзенхауэра Роберт Кроуфорд. На ночь он остался в пещере, чтобы на следующий день вместе с Карделем, вернувшимся из Словении, Ранковичем, Арсо Йовановичем, своей секретаршей Зденкой, секретаршей Ранковича, шифровальщицей Бранкой Савич и другими товарищами отпраздновать свой день рождения. И тут на заре внезапно напал десант. Еще больше, чем члены Верховного штаба, которые сами вернулись в западню, где немцы и планировали застать их врасплох, был удивлен глава санитарного отдела Гойко Николиш, когда между пятью и шестью часами утра на небе неожиданно появились многочисленные

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 137.*

² *Jakovina T. Sjećanja Hitlerovega opunomoćenika u ustaškoj državi // Globus. 2008. 27. 06. S. 40. См.: Glaise Horstenau E., von. Ein General im Zwielficht. Die Erinnerungen Edmund Glaises von Horstenau. I, II, III. / Ur. Peter Broucek. Wien; Köln; Graz: H. Böhlau, 1980–1988; AS. Dedijer. T. e. 198. Slavko Odić, Atentatori dolaze.*

³ *TNA.WO 106/3283; Cenčić V. Enigma. Vol. II. S. 91, 92.*

самолеты — «штуки», «дорнье», бипланы и, впервые, на большой высоте — истребители. Его ведь никто не предупредил о возможности нападения. Самолетов было больше, чем когда-либо за всё время партизанской борьбы. Полчаса они бомбардировали город, затем появились транспортные самолеты, с шумом проходившие на бреющем полете над дрварской долиной, едва не задевая крыши и верхушки деревьев. От них, помимо парашютистов, отделялись планеры, которые крутыми дугами спускались на луга и поля. Они были заполнены немецкими солдатами (500-й батальон СС), каждый из которых имел в кармане фотографию Тито, поскольку их главной задачей было захватить или убить его¹.

Сначала ситуация не казалась критической, но когда после первой воздушной атаки парашютисты посыпались на Дрвар и стали приземляться на поляне недалеко от пещеры, положение стало чрезвычайно серьезным. Всех первых парашютистов перебили, но за ними десантировались всё новые и новые. Ударная группа «Пантер» (110 человек) сначала устремилась к кладбищу, уверенная, что Верховный штаб находится поблизости. Когда она поняла, что нанесла удар в пустоту и что упорнее всего оборона у дрварской скалы, сразу же начала обстрел убежища Тито, так что никто не мог из него выйти². Личная охрана Тито была вынуждена защищаться. Товарищи из Верховного штаба предлагали Тито быстро отступить, пока это еще возможно. Сильно взволнованный, чуть ли не в панике, он спросил, спустились ли парашютисты также на вершину горы над долиной. Поскольку ему ответили, что не знают, он отверг совет, говоря, что не пойдет под прицелом немецких пулеметов: «Я не хочу попасть прямо им в руки!» Свой вклад внесла и Зденка, ее истерика только усиливала общее замешательство, а вопли выдавали их местонахождение. Бойцы хотели застрелить ее на месте. В том числе Ранкович³. Собака Тигр также лаяла, не переставая, так что Тито несколько раз тянулся к пистолету, чтобы пристрелить ее, но так и не смог этого сделать⁴. В этом бедственном положении только Ранкович сохранил хладнокровие. Вместе с Жуйовичем и Йовановичем он решил уйти из пещеры и организовать оборону. Под огнем он пробился к охранному батальону и послал курьера в офицерскую школу, которая находилась над пещерой, с приказом, чтобы ее курсанты вступили в бой. «У нас нет оружия, — ответили ему, — но мы всё сделаем. Мы заберем оружие у них». Все были готовы умереть за верховного главнокомандующего. Дело дошло до схватки на ножах, которая не смогла остановить продвижение немцев к убежищу Тито.

¹ *Ridley J. Tito. A Biography. P. 234; AS. Dediđer. T. e. 227. S. Odic. Desant na Drvar. S. 1–3; Kranjc M. F. Zarote in atentati na Tita. S. 193–198.*

² *Dediđer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 77.*

³ *Šimčić M. Ženske. S. 202; Ridley J. Tito. A Biography. P. 187; AS. Dediđer. T. e. 262. Davorjanka.*

⁴ *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 197, 198.*

Единственным возможным выходом было лезть по стене, которая была видна врагам как на ладони. Без охраны и огневой поддержки Ранкович взобрался на вершину горы и вышел на плато, не зная, в чьих оно руках. На его счастье, немцев там еще не было. Тем временем ситуация в долине становилась всё более драматичной. Охранник Карделя Владо Миклавец — Хенрик, который время от времени подходил к выходу, чтобы посмотреть, что происходит, дорого заплатил за свою смелость. Вражеская пуля поразила его прямо в висок: кровь брызнула на скалу, а часть мозгов вытекла в его пилотку. Тито приказал своему охраннику Никице Прљи застрелить его из милосердия, что тот, после краткого колебания, и сделал. «Слава товарищу Владо», — сказал Тито и встал на колени у трупавшего бойца. Лишь в половине одиннадцатого, когда казалось, что всё пропало, Ранкович послал с Жуйовичем короткую записку, в которой сообщил Тито, что делать: следует отступить на вершину горы, где нет вражеских отрядов. Жуйович тогда вернулся с плато, сначала через лес, потом через ручей, и снова появился в домике. Он увидел, что Тито — в маршальской форме, а Зденка — в военной. Она явно убеждала его сдать немцам. Црни, которому Тито уже давно действовал на нервы, повел себя опрометчиво. Он схватил револьвер и закричал: «Что это значит? Надел парадную форму, но знай, что живым им не сдашься. Выходи, старый трус! Хочешь сдать немцам и как командир спасти свою голову, но при этом уничтожить и предать нашу борьбу?!» Угрозами он заставил его покинуть убежище, и в то же время настолько успокоил Зденку, что она последовала за ним¹. По крутой тропинке, которая вела в домик, пойти было нельзя, так как она находилась под непрерывным вражеским огнем. Тогда Жуйович предложил разобрать деревянный пол дома и по канату спуститься вдоль русла ручья, протекавшего через долину, там, где в дождливое время с крутой скалы падал маленький водопад. К счастью, ручей тогда высох, и, главное, был прикрыт от огня немцев. Из шелковых парашютных строп сплели довольно толстый канат, по которому спустились примерно на 15 метров вниз. От места спуска они пошли налево до высокой скалы, а оттуда на палящей полуденной жаре взобрались по крутому склону на вершину горы. «Русло горного ручья, вдоль которого мы уходили, — впоследствии рассказывал Кардель, — было в осколках скалы и сильно изрезано, так что хорошо нас прикрывало, но, конечно, мы очень осторожно спустились по канату, пересекли тропу и, на карачках, прячась за кустарниками, взобрались на склон»². Перед отвесной скалой стоял Жуйович, указывавший им путь наверх. Карделя из-за поврежденной ноги вскоре пришлось нести. У Зденки снова случился такой приступ паники, что она не захотела уходить по руслу ручья, несмотря на то что Тито кричал на нее.

¹ Ćosić D. Piščevi zapisi (1969–1980). S. 239–240; AS. Dedijer. T. e. 3; T. e. 227. Pričevanje Djura Mešterovića, 12.09.1985. Ranković o izlasku iz pećine u Drvaru.

² AS. Dedijer. T. e. 7. Spomini tov. Kardelja, 25.12.1951. S. 37.

Едва все выбрались из пещеры, как около 11:30 прилетела новая группа вражеских самолетов. Парашюты закрыли небо, так что его почти не было видно, но группа Тито уже была близка к спасению. Согнувшись, чтобы не стать слишком заметной мишенью для вражеских самолетов, они карабкались наверх по заросшему склону от одного куста к другому. Они быстро ползли, каждый в своем направлении. Тито был настолько измучен, что раз или два чуть не потерял сознание. На плато, до которого он добрался с большим опозданием, что сильно обеспокоило Карделя, Ранковича и других, они наконец воссоединились. Все были на месте. Они с Ранковичем обнялись со слезами на глазах. «Где иностранные миссии?» — спросил Тито у Марко. Тот ему ответил, что русские в безопасности¹. Тем временем партизанские отряды, на помощь которым подоспела I Далматинская бригада, мобилизовались и перешли в контрнаступление. Оно было таким решительным, что немцы вскоре оказались в трудном положении: от полного уничтожения их спасла моторизированная колонна, которая на следующий день пришла на помощь из Бихача².

План немцев прояснился: комбинированная операция воздушными и наземными силами с целью захватить в плен верховного главнокомандующего, а затем уничтожить в окрестных горах главную часть партизанской армии. Что касается Тито, то они захватили только его джип и новую маршальскую форму, которую нашли в швейной мастерской и в качестве трофея выставили в венском арсенале, именно в том месте, где молодой Тито начинал свою службу в императорско-королевской армии. Позднее, когда арсенал подвергли бомбардировке, сгорела и форма³. Захватили также дневники Рэндольфа Черчилля и Владимира Назора, и всё⁴. Гитлер был в бешенстве, когда узнал, что Тито не взяли в плен. «Видно, что фюрер очень зол и кричит: предательство!» — сделал запись в дневнике Глайзе фон Хорстенау⁵. Убежав из Дрвара, члены Верховного штаба всё еще не были в безопасности: они маневрировали туда-сюда и вышли к горе Шатор, где и встретились с членами союзнических миссий. Те не попали в немецкое кольцо окружения, и им было проще выбраться на плато над Дрваром. Поскольку к Крбавскому полю, куда отступил Тито, продвигались по разным направлениям целых четыре колонны, в последующие дни положение оставалось критическим. Ночью немцы заняли всю территорию, так что для беглецов осталась свободной только одна тропа, по которой они и ушли, когда на них наступали танки вермахта. В этой критической ситуации произошла серьезная ссора с русскими, которые потеряли голову

¹ *Becele Ranković L. Življenje z Leko. Spomini slovenske partizanke. Grosuplje: Grafis Trade, 2002. S. 67–70; Stefanović M. Podpis: Tito. S. 145, 146; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 367–369; Adamič L. Orel in korenine. S. 557.*

² *Nikoliš G. Korijen, stablo, pavetina. S. 598–603.*

³ *AJ. 837. KPR. IV-5-b. K 49. Podaci o Titovom boravku u Austriji.*

⁴ *NARA. German Archives. T 120, 1080.*

⁵ *Ridley J. Tito. A Biography. P. 235.*

и сильно осложнили положение Тито и его соратников. Генерал Корнеев орал на Ранковича: «Вы понесете личную ответственность, если с советским генералом и с советской миссией что-нибудь случится. Это вы нас поставили в такое положение»¹. Он потребовал, чтобы за ним и за его людьми прислали самолет, который был у маленького советского отряда на аэродроме союзников в Бари. Ранкович сразу же одобрил этот замысел и предложил отправить Тито в Италию вместе с русскими. Тот сначала и слышать ничего не хотел о том, чтобы оставить своих бойцов, но под давлением своего сопровождения согласился и разрешил вызвать помощь по оставшейся у них радиостанции².

Дальнейшее развитие событий — по крайней мере, по рассказу маршала Голованова — показывает недоверие русских к западным союзникам. Пилота А. С. Шорникова, который должен был спасти Тито и его товарищей, британский командующий авиабазой в Бари известил о том, что встреча запланирована на ночь 4–5 июня, тогда как по сведениям, которыми располагал советский ас, высадка должна была произойти на сутки раньше. Чтобы получить разрешение на вылет, Шорников сказал англичанину, что в ночь с 3 на 4 июня хочет просто полететь на разведку, хотя на самом деле он собирался совершить посадку. Это стало еще одним знаком недоверия к «коварному Альбиону», постепенно зревшего у Сталина еще с ноября 1943 г., когда он окончательно решил встать на сторону партизан и намекнул на возможность покушения на Тито со стороны «иностранных друзей». «Не забывайте, — говорил он позже Джиласу, — порой случается, что самолеты выходят из строя в воздухе»³. Когда в феврале 1944 г. Сталин узнал, что Черчилль послал к Тито своего сына Рэндольфа, он сказал маршалу Голованову: «Имейте в виду, сыновья премьеров так просто на парашютах не прыгают и в чужих штабах без определенных целей не появляются». Когда же пришло известие о нападении на Дрвар, которое он получил по радиосвязи, задумчиво заметил: «Чья же это работа, хотел бы я знать?.. Видимо, сынки зря время не тратят»⁴. То обстоятельство, что еще за неделю до нападения в небе над Дрваром кружило множество самолетов союзников, а потом, около 25 мая, не было ни одного, только укрепляло эти подозрения. Лишь на третий день после нападения англо-американские воздушные силы взяли под контроль небо над западной Боснией⁵. В ночь с 3 на 4 июня 1944 г. Шорников, совершив дерзкий маневр, пролетел сквозь низкие штормовые тучи и приземлился на обозначенной сигнальными огнями взлетной полосе на Купресском поле, где его ждали члены Верховного штаба, Политбюро и иностранных

¹ AS. Đilas. Т. е. 7. Spomini tov. Kardelja, 25.12.1951. S. 38.

² Ridley J. Tito. A Biography. P. 236; Adamič L. Orel in korenine. S. 557, 558.

³ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 864; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 196, 204; Анискин А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 34.

⁴ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. С. 490–493.

⁵ Adamič L. Orel in korenine. S. 510; Kranjc M. F. Zarote in atentati na Tita. S. 204.

военных миссий. В самолете хватило места всего на 20 человек. Несмотря на сутолоку, Тито, влезая в самолет, крикнул Жуйовичу: «Црни, присмотри за моим конем!» Тот был явно недоволен: «Беспокойся о своем коне, а нас оставляет в этой каше!»¹

Встреча Тито и Черчилля

Операция «Рёссельшпрунг» не достигла своей цели — уничтожить ядро армии Тито еще и потому, что в последующие недели западные союзники организовали со своих средиземноморских баз более тысячи авиационных атак на немецкие подразделения в Югославии. Но партизаны заплатили высокую цену: I и VI дивизии, принявшие на себя главный удар, потеряли убитыми 6 тыс. человек². О кризисе, в котором оказалось движение сопротивления в конце весны, убедительно свидетельствовало и то обстоятельство, что Тито с партизанским руководством пришлось отправиться из Бари на остров Вис, куда он приплыл 7 июня 1944 г. Верховный штаб был вынужден перейти под защиту британцев, превративших далматинский остров в настоящую крепость. Это был настолько страшный психологический удар, что бегство Тито долго скрывали, опасаясь эффекта, который оно может оказать на партизан. Члены Политбюро обосновались в импровизированном убежище на Хуме, одной из самых высоких гор, а британцы в то время выкорчевали виноградники в долине и построили там временный аэродром, обеспечивавший связь с Бари³. Бегство на далматинский остров Кардель впоследствии оправдывал так: «На Вис мы прибыли потому, что он являлся укрепленным пунктом на море, и мы считали, что близится время окончания войны, ведь это было в начале июня 1944 года. Короче говоря, мы не боялись, что немцы нападут на нас на Висе, поскольку они уже были очень ослаблены. С другой стороны, в случае, если бы мы остались в Боснии, мы должны были бы отражать одно наступление за другим, и, возможно, на месяц или два оказались бы отрезанными от внешнего мира, тогда как настал момент, когда центр нашей борьбы стал перемещаться в сферу внешней политики. Поэтому мы с ЦК и НКОЮ хотели вырваться из зоны боевых действий, чтобы иметь возможность непосредственно вмешиваться и влиять на сложившуюся вокруг нас внешнеполитическую ситуацию»⁴.

Гостеприимство британцев не уменьшило недоверия Тито к западным союзникам. Тот факт, что английская и американская миссии за день до нападения перенесли свою штаб-квартиру из Дрвара в окрестности города и таким образом дистанцировались от Верховного штаба, вызывал мысли

¹ *Dilas M.* Tito. S. 236.

² *Leary W.M.* Fueling the Fires. P. 17.

³ *Kisić Kolanović N.* Hebrang. S. 99; *Kardelj E.* Spomini. S. 21.

⁴ AS. Dedijer. Т. е. 7. Spomini tov. Kardelja, 25.12.1951. S. 39.

о тайном договоре между «империалистами» и немцами. (На самом деле последние уже в конце 1943 г. раскрыли шифр радиостанции Верховного штаба и всё время точно знали, где он находится¹.) Не подозревая ничего плохого, британцы решили использовать «исключительный шанс», который им предоставило прибытие Тито на подконтрольную им территорию, и организовали его встречу с Шубашичем. Хотя уже близилось вторжение в Нормандию, Черчилль и Иден не пожалели ни времени, ни сил для достижения этой цели. «Я по-прежнему оказываю мощную поддержку Тито, — сообщал британский премьер верховному главнокомандующему англо-американских сил на Средиземном море генералу Генри М. Вильсону. — Однако, поскольку он прибыл на остров, на территорию, находящуюся под нашей защитой, где у него не больше прав, чем у короля Петра и хорватского бана, мне кажется, что для нас это последний шанс попытаться вынудить этих склочных югославов достичь договоренности и обеспечить единство государства против гуннов, что и является нашей главной задачей. По-моему, это шанс, данный нам Богом, и последняя возможность»².

Эта встреча состоялась только благодаря настойчивости Черчилля и Идена, а также советам Сталина не отказываться от диалога с Шубашичем, прибывшим на Вис 14 июня³. На ней Шубашич выступил перед Тито, Карделем, Бакаричем, Рибникаром и Иосипом Смодлака, комиссаром по иностранным делам в Национальном комитете, со своими наивными предложениями: народно-освободительное движение должно признать королевское правительство, и в него войдут несколько его членов — в первую очередь Тито, который сменит Михайловича на посту военного министра. То обстоятельство, что за столом переговоров ни с одной, ни с другой стороны не было ни одного серба, впоследствии дало возможность великосербским политикам утверждать, что планировалась антисербская коалиция хорватов и коммунистов. На самом же деле, что касается Шубашича, это были просто пустые хлопоты. Факт, что 16 июня 1944 г. военная миссия Тито в Москве подписала с советским правительством договор о предоставлении финансового займа⁴, подтверждает этот вывод. Он стал одним из первых международных актов новой Югославии и по сути подчеркнул второстепенное значение подписанного в тот же день на Висе договора, о сотрудничестве партизан и королевского правительства в эмиграции. (В него вошли два участника народно-освободительного движения, но не как официальные представители Национального комитета, а как частные лица.) Согласно договору Тито — Шубашича, королевское правительство признало федеративное устройство государства, осудило любое сотрудничество с оккупантами и призвало все патриотические силы в югославских землях создать единый

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 50.*

² *Biber D. Tito — Churchill. S. 182.*

³ *Clissold S. Dilas. P. 144, 147; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 373–376.*

⁴ *Губианский Л.Я. Советский Союз. С. 90; Velebit V. Svjedok. S. 325.*

фронт для борьбы против них¹. Хотя Тито, со своей стороны, и признал королевское правительство, однако при этом лишь повторил уже принятое АВНОЮ решение: вопрос об окончательном государственном устройстве будет решать народ после окончания войны. В подтверждение своего нового статуса он тогда получил в подарок от Сталина новую маршальскую форму, которую для него сшили по меркам, привезенным в Москву Джиласом. (Хотя фуражка и была ему не совсем впору, он с удовольствием ее надевал.)²

Исход переговоров Тито с Шубашичем не удовлетворил Черчилля, поэтому он решил вмешаться в них лично. В июле 1944 г. он послал Идену ноту, в которой писал, что не собирается менять свою политику по отношению к Михайловичу и Тито, но за поддержку, оказываемую последнему, должен тоже что-нибудь получить: «Сейчас, когда он находится в безопасности и под нашей защитой на Висе, лучшая возможность разъяснить ему это»³. Более реалистичным был его сын Рэндольф, который через несколько дней после заключения договора Тито — Шубашича писал отцу из Хорватии: «Есть две причины, по которым британцам выгодно поддерживать Тито и народно-освободительное движение: а) только эти югославы сражаются против немцев, и б) будем мы помогать Тито или нет, но после войны он станет хозяином Югославии»⁴.

Конечно, Тито хорошо понимал, чего ожидает от него Черчилль. Как он заявлял позднее, он хотел «вновь навязать нам короля <...>. Король был бы своего рода троянским конем, с помощью которого снова постепенно начался бы возврат к старому»⁵. Британцы попытались сначала организовать встречу Тито с генералом Г. М. Вильсоном, которая должна была состояться 12 июля. Однако за два дня до нее Тито отказался от поездки, ссылаясь на то, что договор с Шубашичем вызвал в Югославии негативный отклик и что его отъезд нанес бы вред НОБ и его личному авторитету. Но вскоре передумал и сообщил Маклину, что собирается отправиться в южную Италию для переговоров с верховным главнокомандующим. А тем временем Черчилль решил сам встретиться с Тито, поскольку его привлекала личность «человека из народа, из низших слоев, который по собственной инициативе, благодаря организаторским способностям и мужеству, создал из ничего мощную армию»⁶.

На встречу, организованную британцами в южной Италии, Тито прибыл, готовый к тому, чтобы ублажить британского премьера хотя бы на словах и, насколько возможно, скрыть от него революционную суть народно-освободительной борьбы. При этом он был внимателен к деталям: он даже

¹ *Nikoliš G.* Korijen, stablo, pavetina. S. 608; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 867; *Kardelj E.* Spomini. S. 60, 61.

² *Waugh E.* Salut für Tito // *Rainischer Merkur.* 1952. 27.02; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 189.

³ *Biber D.* Tito — Churchill. S. 243.

⁴ *Velević V.* Svjedok. S. 327.

⁵ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 210.

⁶ *Velević V.* Svjedok. S. 135–138, 330.

запретил своим генералам в Италии носить брюки с красными лампасами, поскольку этот цвет напоминал о революции. Невзирая на это, «союзники» приняли его не слишком благосклонно. Для него зарезервировали бунгало, а для его сопровождающих наспех подготовили временные бараки. Хотя они и имели крышу, вместо стен была проволочная сетка — как в клетках для диких зверей. Генерал Вильсон, чопорный человек с лицом мясника, принял югославского коллегу очень высокомерно. Он едва его слушал и обращался с ним как с подчиненным офицером, а не как с верховным главнокомандующим союзной армии. Несмотря на это, Тито сохранил хладнокровие, а на лице его даже появилась лукавая усмешка¹. По словам Влатко Велебита, в том, что атмосфера была такой враждебной, были виноваты не только западные союзники, но и «наша иногда совершенно не оправданная подозрительность, наша дикость и нехватка общего образования у многих из наших людей, не говоря уже о незнании правил поведения»².

Так как поездка в Италию впервые предоставила Тито возможность встретиться с западными государственными деятелями высшего ранга, он отправился в нее, испытывая не только изрядное удовлетворение, но и некоторое волнение, что подтверждает эпизод, который зафиксировал американский дипломат Роберт Мёрфи. Он познакомился с Тито, когда тот прибыл в Казерту, и сразу же пригласил его на ужин на свою виллу в Неаполе. Маршал пришел со своими охранниками, с переводчицей Ольгой Нинчич, дочерью бывшего министра иностранных дел короля Александра и затем короля Петра II, по-прежнему в своем роскошном мундире. Вечер был невыносимо душным, и Мёрфи предложил снять пиджаки, ведь встреча была неформальной. «Ist das erlaubt?»³ — спросил Тито и немедленно последовал примеру хозяина дома⁴.

После встречи с Вильсоном Тито близ озера Больсен встретился с генералом Харольдом Александером, командующим войсками союзников в Италии. В разговоре он затронул вопрос о словенском Приморье и об Истрии. Эти области итальянцы аннексировали после Первой мировой войны, несмотря на то что большинство их населения составляли словенцы и хорваты. Итальянскими были только города, важнейшим из которых являлся Триест. Поскольку фашисты проводили в этих областях жесткую политику денационализации, в годы войны в них началось восстание, переросшее позже в национально-освободительную борьбу. Словенцы и хорваты требовали присоединить Приморье и Истрию к Югославии на том основании, что города принадлежат территории, в которую они входят, хотя там и говорят не на языке окрестностей, а на другом языке. К этим требованиям представители

¹ *Nikoliš G. Korijen, stablo, pavetina. S. 611.*

² *Velebit V. Svjedok. S. 134.*

³ «Это дозволяется?» (нем.).

⁴ *Murphy R. Diplomat among Warriors. New York: Doubleday & Company, inc. Garden City, 1964. P. 223.*

Запада относились прохладно, так как опасались, что под влиянием югославских партизан возрастет активность левых сил в Северной Италии. Они не высказывали этого прямо, а утверждали, что имеют право оккупировать спорные территории вплоть до прежней итальянско-югославской границы, и им это нужно сделать для обеспечения связи своих войск на Аппенинском полуострове и в Австрии. Поэтому Александер сказал Тито, что, если британцы займут Триест, то нанесут удар по Средней Европе с югославской территории. «Мы противились тому, — рассказывал Кардель, — чтобы их войска вообще высаживались в Югославии, но Александер настаивал, что <...> должен продолжить путь на Австрию, и утверждал, что <...> ему необходимы дороги Любляна — Марибор и Риека — Загреб. <...> На основании переговоров с Александером мы пришли к выводу, что англичане хотят Словению и Хорватию, тогда как Боснию и Сербию они оставили бы русским»¹.

Находясь под впечатлением от этих неприятных выводов, Тито 7 и 8 августа отправился на туристическую экскурсию в недавно освобожденный Рим. О том, насколько он не доверял британцам, свидетельствует уже то, что он отказался лететь туда на предоставленном ему самолете, а поехал на машине, хотя и в сопровождении их вооруженной охраны. При этом нужно добавить, что еще больше, чем британского саботажа, он боялся усташских и четнических эмигрантов и немецких агентов, которых в Риме было множество. Даже в базилику св. Петра он из предосторожности хотел войти в сопровождении двух личных телохранителей, вооруженных автоматами. Поскольку ватиканские служащие, отвечавшие за безопасность, не разрешили это сделать, с ними был заключен компромисс. Телохранители оставили оружие снаружи, а Тито смог осмотреть могилу св. Петра с пистолетом за поясом. Однако напряжение не отпускало: в базилике один священник узнал его и подошел, чтобы показать ее достопримечательности. Его немедленно убрали². Впрочем, в Риме маршала ждала приятная неожиданность: на Колизее его приветствовала крупная надпись «Evviva Tito»³. Но насладиться изысканными блюдами итальянской кухни он не смог. В отеле, где он проживал, Тито отказывался от приготовленных блюд, опасаясь, что его отравят, и главным образом ел сваренные вкрутую яйца⁴.

Встреча в Неаполе 12 и 13 августа 1944 г. между Черчиллем в свободной летней рубашке и маршалом «в великолепной золотой и голубой» форме, подходящей для русского, а не для южноитальянского климата, была немалого более плодотворной, чем встречи с Вильсоном и Александером⁵.

¹ AS. Dedijer. T. e. 7. Spomini tov. Kardelja, 25.12.1951. S. 39; *Velebit V. Svjedok*. S. 360, 361.

² AJ. KMJ I — 1/1 D. Dokumentacija o poseti Tita Vatikanu; KPR. IV-5-a. K 38. TV serija «Iz Titovih memoara».

³ «Да здравствует Тито» (*итал.*).

⁴ AS. Dedijer. T. e. 92. Razgovori s Titom, 21.06.1952; T. e. 198. Zapis Antuna Miletića.

⁵ *Bajt A. Bermanov dosje*. S. 915; *Velebit V. Svjedok*. S. 139; *West R. Black Lamb and Grey Falcon*. P. 186.

Британский премьер был полон аристократического сарказма — не только из-за одежды Тито, но и из-за его чрезмерной недоверчивости. Впоследствии он писал в своих воспоминаниях: «Маршал, которого сопровождали два личных телохранителя сурового вида, каждый с автоматом, хотел взять их с собой на случай предательства с нашей стороны. Мы с большим трудом отговорили его от этого и предложили, чтобы взамен он взял их с собой на ужин...»¹ Но Тито, видимо, не заметил его иронии, больше его потрясло то, что Черчилль принял его со слезами на глазах и сказал: «Вы первый человек из порабощенной Европы, которого я встретил», а также его уверения, что он сам хотел бы посетить Югославию, если бы не был для этого слишком стар и слишком толст. И позже, несмотря на скептицизм товарищей, Тито не скрывал удовлетворения и гордости от того, что Черчилль принял его так сердечно². Хотя он и не чувствовал себя совершенно свободно во время первого выступления в высших кругах мировой политики, но не потерял голову и искусно отстаивал свои интересы. Была заключена принципиальная договоренность военного характера о возможном сотрудничестве в северной Адриатике, причем Черчилль не мог не заметить, что Тито старается избежать его влияния, и это несмотря на все заверения, что он не собирается после войны ввести в Югославии коммунистический режим. Уже то, что он решительно отвергал монархию, вызывало сомнения в искренности этих утверждений. Черчилля беспокоило не только будущее Югославии, но еще больше — развитие событий в дунайско-балканской Европе. Ведь было ясно, что Сталин хочет развязать себе руки в этом регионе и не станет принимать во внимание британские интересы. Поэтому британский премьер открыто сказал Тито, что его правительство будет возражать против создания Балканской конфедерации между Югославией, Болгарией, Албанией и Грецией, о которой уже заходила речь³. В отношении Триеста и Истрии Черчилль был категоричен. «Он согласился, что нам принадлежит Истрия, за исключением Триеста. Не сказал, что он будет принадлежать итальянцам. Он сказал мне только, что Триест и Пула нужны им для вторжения в Австрию»⁴.

Побег из Виса

Чтобы успокоить Черчилля, Тито по возвращении на Вис опубликовал декларацию, в которой говорилось: «Народно-освободительное движение Югославии по своей сути является всенародным, национальным и демократическим. Поэтому я снова подчеркиваю, что руководство народно-освободительного движения ставит перед собой единственную и важнейшую

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 871.*

² *Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 202; Dilas M. Wartime. P. 401.*

³ *Bilandžić D. Hrvatska. S. 165; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 378, 379; Cenčić V. Titova poslednja ispovijest. S. 194.*

⁴ *Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 202.*

цель — борьбу против оккупантов и их холопов и образование демократической федеративной Югославии, а не установление коммунизма, в чем обвиняют нас наши враги»¹. Взамен король Петр II в конце августа под нажимом Черчилля издал декрет, которым признал Тито единственным руководителем вооруженных сил в Югославии и сместил Дражу Михайловича с поста главнокомандующего. Тот отказался подчиниться решению и даже выпустил приказ, запрещающий проведение всеобщей мобилизации, который, впрочем, не возымел эффекта из-за великих событий, произошедших на Восточном фронте. За две недели, с 23 августа по 8 сентября, Красная армия добилась ряда решительных успехов: в конце августа в Румынии пало пронацистское правительство генерала Антонеску, а король Михай предложил Советскому Союзу и западным союзникам заключить мир. Через несколько дней Красная армия уже была в Бухаресте. 5 сентября Советский Союз объявил войну Болгарии, которая вовсе не пыталась обороняться, а совершила неожиданный поворот и объявила войну Германии, своей вчерашней союзнице. Короче говоря, за 14 дней Красная армия продвинулась вперед на целых 500 км, частично окружила Сербию с востока и полностью изменила соотношение сил на Балканах.

Уже после приезда на остров Вис Тито назначил руководителем Главного штаба Сербии Кочу Поповича, и тот переформировал партизанские подразделения в области, дав им новый импульс к развитию. Как уже говорилось ранее, Тито был убежден, что для укрепления его власти Сербия имеет первостепенное значение. На югославском фронте Верховный штаб начал формировать особую дивизию, которая наконец должна была нанести удар по оккупированной Сербии². Еще до встречи с Черчиллем Тито был совершенно уверен, что для утверждения его власти наибольшее значение имеет Сербия, и что именно этой цели нужно подчинить все другие интересы. «Там мы должны, — говорил он, — решить вопросы о государственном устройстве, о лондонском эмигрантском правительстве и, прежде всего, вопрос о короле»³. В июле он направил новые мощные силы в восточную Боснию и Санджак, а в начале августа ударная группа дивизий из Черногории и Санджака пересекла реку Ибар и захватила горный массив Копаоник. Тем временем Первая пролетарская дивизия 24 августа пробилась к Златибору и продолжила наступление по направлению к Ужице и Пожеге. В южной Сербии также создавались и шли в наступление новые бригады⁴. Тито ощущал уверенность в себе, укрепившуюся благодаря этим известиям, а главным образом — убежденность, что он может рассчитывать на Советский Союз, и выразил эти чувства в своей речи на Висе 12 сентября 1944 г. на смотре отрядов Первой далматинской ударной бригады. На этот раз он ясно заявил,

¹ *Broz Tito J. Zbrana dela. Vol. 22. S. 42.*

² *Ambrožič L. Novljanovo stoletje, 1908–2004. Ljubljana: Modrijan, 2006. S. 311.*

³ *Kisić Kolanović N. Hebrang. S. 73; Simić P., Despot Z. Tito. Strogo poverljivo. S. 138.*

⁴ *Nikoliš G. Korijen, stablo, pavetina. S. 613.*

что Югославию не устраивают западные границы, установленные после 1918 г., и она требует от Италии и Австрии их нового передела. Повторяя лозунг, который впервые выдвинул Прежихов Воранц еще в 1942 г., он заявил: «Мы чужого не хотим, но и своего не отдадим!»¹

Приближение советских войск к югославским границам он отметил манифестом, в котором с воодушевлением приветствовал «долгожданный день», и принял судьбоносное решение, которое предлагал еще в своем первом письме к Сталину 5 июля 1944 г.: он поедет в Москву, чтобы вместе с ним согласовать вступление Красной армии в Сербию и тем самым одним махом достичь двух целей — власти над ключевыми для господства в Югославии территориями и победы революции. И этим раз и навсегда перечеркивались планы западных союзников сохранить Сербию как оплот Карагеоргиевичей².

В этом контексте следует упомянуть о *faux pas*³, совершенном в конце августа 1944 г. американцами. Когда они осознали, что партизанские силы сдерживают на Балканах 15 немецких дивизий и как минимум 100 тыс. коллаборационистов, то весной 1944 г. и сами установили контакты с Верховным штабом, и, по примеру британцев, отказались от сотрудничества с Михайловичем. Для войск союзников в Италии, сражавшихся с 25 дивизиями вермахта, было важно, чтобы силы противника не получили дополнительной поддержки благодаря притоку новых отрядов с балканских территорий. Поэтому 25 августа произошла тайная встреча на острове Капри между Тито и представителем американской разведывательной службы (УСС) Уильямом Донованом⁴. Тем не менее в последующие месяцы в этой организации утвердилось мнение, что следует сохранить базы для сбора информации во всех областях Югославии, в том числе и в тех, которые находились под контролем Михайловича. Одной из причин такого решения стало наличие на этих территориях большого количества американских летчиков, которых немцы подстрелили, когда они принимали участие в военных акциях в небе над Сербией. С помощью посла Роберта Мёрфи и других влиятельных военных этот замысел осуществили. Рядом с деревней Праньяна, в 80 км к югу от Белграда, где Михайлович собрал около 250 американских летчиков, 3 августа спустилась на парашютах группа разведчиков, которая с помощью местного населения оборудовала временный аэродром. 9–10 августа самолеты С-47 эвакуировали всех летчиков. Смелая операция проводилась до ноября. Наряду с этим 25 августа американцы послали на подконтрольную Михайловичу территорию еще группу из шести разведчиков. Их глава,

¹ Goldstein I., Goldstein S. Tito. Zagreb: Profil, 2015. S. 340.

² Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 222; Petranović B. Tito i Stalin (1944–1946) // Jugoslovenski istorijski casopis. 1988. L. XXIII (1–2). S. 143.

³ Промах, неверный шаг (франц.).

⁴ Roosevelt K. War Report of the OSS: In 2 vols. Introduction to the 1976 edition. New York: Walker, 1976. P. 127; NARA. CREST. W.J. Donovan, 14.01.1951.

полковник Роберт Макдауэлл, объяснил генералу, что его задачей является только сбор военной информации, а значит, его прибытие не следует рассматривать как политическую поддержку четнического движения. Однако вскоре появилась листовка, в которой говорилось: «Прибыли делегаты союзнического американского правительства и личные представители президента Рузвельта, верного друга миролюбивых малых народов»¹.

Когда Тито об этом сказали — Ранкович уже с 1943 г. имел своих людей в штабе Дражи, — он пришел в негодование, хотя Донован еще в августе проинформировал его о том, что собирается послать к Михайловичу своего агента. Тито не мог избавиться от подозрений, что миссия Макдауэлла носит не просто «информативный» характер, а ее настоящей целью является поддержка движения Михайловича в Сербии и тем самым раздувание гражданской войны. Он приказал своим отрядам прервать сотрудничество с американскими и британскими офицерами связи и ограничить им свободу передвижения и сбора информации. Британцы позже добились для себя некоторых послаблений, но американцы — нет, отношение Тито к ним оставалось чрезвычайно сдержанным, он был убежден, что не может им доверять². Однако и те ему не доверяли, а УСС уже в июне 1944 г. послало в Вашингтон вовсе не обнадеживающее сообщение из Тегерана: по пути из Москвы в иранской столице остановился Джилас и немного виновато поведал группе западных офицеров о своих разговорах со Сталиным. Тот якобы сказал ему, что сразу по окончании войны прервет отношения с британцами и американцами и рассчитывает на поддержку Тито и югославских товарищей³. Решение Рузвельта не отвечать на два письма, посланные ему Тито, также способствовало ухудшению взаимоотношений. Недоверие, царившее в американско-югославских отношениях, ярко отразилось в меморандуме Уильяма Донована, направленном им 1 января 1945 г. Джеймсу В. Форрестолу, министру военно-морского флота. Донован писал в нем о необходимости секретной деятельности УСС в Восточной Европе, упомянув, что «все, кто не с нами, те против нас». Для подтверждения этих слов он привел цитату из речи Тито, которую 29 сентября предыдущего года опубликовала газета *New York Times*. Она прозвучала как заявление о скором начале революции: «В некоторых странах коммунисты выказали недостаточное мужество и решительность, — сказал Тито. — Когда открытые демонстрации невозможны, нужна вооруженная борьба...»⁴

¹ *Roosevelt K. War Report. P. 132; Velebit V. Svjedok. S. 337, 338; Tomasevich J. War and Revolution. P. 378–385; Batty P. Hoodwinking Churchill. P. 181, 162.*

² *Roosevelt K. War Report. P. 132; Adamič L. Orel in korenine. S. 502.*

³ AS. Dedijer. T. e. 201. Zabeleška o razgovoru druga E. Kardelja sa Vladimirom Dedijerom, u Ljubljani, 11. oktobar 1978. godine. S. 2; Šentjurs. T. e. 40. V. Dedijer — V. Badurina, Ljubljana, 30. marta 1979.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 220. Tito i američki predsednici; Novi prilozi. IV. S. 118; NARA. CREST. Memorandum to Secretary of Defence, James W. Forrestal on Subversive Warfare from William J. Donovan, 01.01.1945.

В контексте расхождений и взаимного недоверия между восточными и западными членами антигитлеровской коалиции и следует рассматривать отъезд, а точнее побег Тито из Виса. Его подготовил Ранкович, начальник Отделения по защите народа (ОЗНА), созданного в мае 1944 г. в сотрудничестве с агентами НКВД и в обстановке строжайшей секретности. Британцев, в чьих руках находился аэродром, убедили, что советские летчики должны учиться совершать ночные посадки, и что лучше всего, если бы они начали свои тренировки на Висе. Британцы выдали соответствующее разрешение и в течение трех-четырёх ночей действительно наблюдали за посадками и взлётами советских самолетов. Когда же советские летчики достаточно «обучились», в три часа ночи 19 сентября 1944 г. с ними улетел и Тито. Его самолет взлетел, не подав сигнала о старте, в полной темноте; псу Тигру, не пожелавшему разлучаться с хозяином, накинули на голову мешок, чтобы утихомирить его. Недоверие к союзникам было настолько сильным, что самолет, в котором находился Тито, сопровождал другой, который над Боснией развернулся и полетел в противоположном направлении¹. Когда британцы через несколько дней обнаружили, что их гость в буквальном смысле «улетел в небо», не сообщив им об этом и не попрощавшись, они выразили недовольство и оскорбленный протест, но выпустили из своих рук вожжи югославских событий. Кардель саркастически заметил: «В конце концов, Черчилль должен и дальше вести себя по-дружески, иначе англичане скажут ему, что вся его политика на Балканах провалилась. А русские в Дони-Михоляце!»^{2,3}

Позже, в ответ на упреки Маклина в том, что он улетел в Москву, не известив об этом своих защитников, Тито ответил с вызовом: «Черчилль тоже не спрашивает меня, когда и куда ему отправляться»⁴. Побег из Виса не остался тайной и для немцев, которые, несмотря на враждебное отношение к югославским коммунистам, прокомментировали его с «Schadenfreude»⁵. На встрече со своими офицерами Генрих Гиммлер, рейхсфюрер СС, заявил: «Я хотел бы привести еще один пример стойкости, пример маршала Тито. Должен сказать, что этот коммунист-ветеран, этот *Герр* Иосип Броз, человек с сильным характером. К сожалению, он наш враг. Он действительно заслужил звание маршала. Когда мы его схватим, то сразу же с ним разделимся, это я вам гарантирую. <...> Однако мне хотелось бы, чтобы у нас в Германии была дюжина Тито. <...> У этого человека не было ничего. Он находился среди русских, британцев и американцев, и ему хватило смелости одурачить

¹ *Simić P.* Tito. Skrivnost stoletja. S. 182; *Stefanović M.* Podpis: Tito. S. 160; *Dediđer V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 383; *Гупенко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 224, 225; *Ridley J.* Tito. A Biography. P. 245; *Velebit V.* Svjedok. S. 141; *Petranović B.* Tito i Stalin. S. 143.

² Город в Славонии.

³ *Kisić Kolanović N.* Hebrang. S. 102; *Bajt A.* Bermanov dosje. S. 923; TNA.HS 4/350.

⁴ AJ. 837. KPR. IV-5-a. K 38. TV serija «Iz Titovih memoara».

⁵ Злорадство (нем.).

британцев и американцев и утереть им нос самым комичным способом. Он — человек Москвы <...> Никогда не капитулировал»¹.

На советском С-47 Тито сначала полетел в Крайову в Румынии, где находился главный штаб маршала Ф. И. Толбухина. Через два дня, 21 сентября, отдохнув после полета, который был вовсе не безопасен, поскольку пришлось перелететь через вражеские линии, он продолжил путь в Москву. У него состоялось целых пять разговоров со Сталиным, о которых известно мало, так как они происходили с глазу на глаз. Позже Тито говорил, что они обсуждали как политические, так и военные проблемы, но в довольно прохладной атмосфере. «Думаю, что главная причина этого, — говорил Тито, — заключалась в моих телеграммах во время войны, особенно в той, которая начиналась словами: “Если вы нам не можете помочь, то хотя бы не мешайте”. Димитров, у которого я был после встречи со Сталиным, тоже подтвердил мне это. Димитров сказал мне: “Вальтер, Вальтер, *хозяин* был страшно зол на Вас из-за той телеграммы <...> От злости он топал ногами по полу...”»².

Освобождение Белграда

Несмотря на временные разногласия из-за слишком явно выраженного революционного акцента народно-освободительной борьбы и грубость Сталина, Вальтеру в Москве оказали честь, какой не удостоивался еще ни один иностранный государственный деятель или главнокомандующий вооруженных сил. *Хозяин* пригласил его на заседание Военного совета, на котором маршал И. Д. Черняховский представил план наступления на Германию. Очевидно, он хотел продемонстрировать ему свою мощь и одновременно выказать доверие³.

В вопросах монархии и создания социализма Сталин советовал проявить осторожность — мол, короля не следует возвращать навсегда: «На время, а потом, в подходящий момент, нанесете ему удар ножом в спину»⁴. Тито, который ранее в разговоре с Маклином выразил готовность принять короля Петра II летчиком в свою армию, это чрезвычайно обеспокоило и рассердило, поскольку он уже видел, что должен будет смириться с монархией, которую ему навяжет Сталин⁵. С другой стороны, последний был готов принять его требование, чтобы Советский Союз вступил в Сербию и чтобы войска Красной армии вошли в нее как союзники, а не как освободители. В любом случае, их вмешательство было необходимо, так как Гитлер 8 августа приказал группе армий «Е», дислоцировавшейся в Юго-Восточной Европе, уйти

¹ Ridley J. Tito. A Biography. P. 247; Kranjc M. F. Zarote in atentati na Tita. S. 170, 171.

² Stefanović M. Podpis: Tito. S. 161. Mandić B. S Titom. S. 137, 138.

³ Ćosić D. Pišcevi zapisi (1951–1968). S. 177, 184.

⁴ Banac I. Sa Staljinom protiv Tita. S. 28; Stefanović M. Podpis: Tito. S. 162; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 385; Vol. III. S. 195; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 229.

⁵ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 605; Petranović B. Tito i Stalin. S. 146.

из Греции и остальных балканских земель, и отступить она должна была по территории Сербии¹. Договор, который предусматривал также окружение Венгрии с юга, и был представлен как концессия партизанского главнокомандующего Советскому Союзу, государственные деятели подписали 28 сентября. Он сразу же вступил в силу². Как впоследствии подчеркивал Тито, он был сформулирован так, чтобы показать западным союзникам, как им следует поступать, если они хотят использовать территорию Югославии для ведения своих боевых операций. К тому же он предусматривал, что на территориях расположения Красной армии будет продолжать действовать администрация народно-освободительных комитетов³. Этот документ имел очень большое политическое значение, поскольку советское правительство в нем открыто подчеркнуло, что считает Национальный комитет Югославии единственным легитимным переговорщиком. «Теперь, — написал в своих воспоминаниях Родолюб Чолакович, — ни одна союзническая армия не может вступить на нашу землю, не получив предварительно разрешения Национального комитета Югославии, если она хочет остаться союзнической»⁴. Намек на возможную высадку западных союзников в Далмации был более чем явным. Если бы высадка произошла, югославы оказали бы ей вооруженное сопротивление, как без колебаний утверждал Тито в разговорах со Сталиным⁵.

Для координации проведения операции, в которой, по желанию Сталина, приняли участие и болгары, Тито 5 октября вернулся в Крайову, где остался до середины месяца. Тем временем Красная армия через Кладово и Джердап без задержек продвигалась к Белграду. В том же направлении пробивались и 40–50 тыс. партизан, которых Тито, предприняв этот дерзкий шаг также из политических соображений, бросил в капкан немецких вооруженных сил, чтобы они сражались плечом к плечу с русскими и не допустили бы их контакта с четниками, которые собирались ждать их прихода с красными флагами⁶. Накануне нападения на столицу Тито попытался убедить маршала Толбухина, главнокомандующего 3-го Украинского фронта, позволить его бойцам первыми войти в город. Но Толбухин, задействовавший в операциях по освобождению Сербии 414 тыс. солдат и потерявший 25 тыс., остался глух к его требованиям. В конечном счете он позволил югославам только взобраться на советские танки, и так они 20 октября, после шести дней напряженных боев, вместе с Красной армией вступили в Белград⁷. Вечером

¹ *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 179; *Stefanović M.* Podpis: Tito. S. 161.

² *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 872, 873.

³ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 230, 231.

⁴ Там же. С. 238; *Чолакович Р.* Записки. С. 762; *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 41.

⁵ *Suppan A.* Hitler — Beneš — Tito. Vol. II. S. 1280.

⁶ *AS.* Dedijer. Т. е. 271. Mišljenje X. Ocena pojedinih naših komandanta za vreme rata.

⁷ *Janko M.* Niko Kavčič, partizan, bankir, sopotnik Staneta Kavčiča // Delo. 1999. 30.01; *Šimić P.* Tito. Skrivnost stoletja. S. 184; *Dedijer V.* My two Comrades // Cross Currents

того же дня в Москве в честь этого события дали артиллерийский салют. Через пять дней Тито вместе со своими соратниками прибыл в столицу из Вршаца и Панчево на советском военном катере¹.

Наступление Красной армии в Сербии коренным образом изменило стратегическую ситуацию на Балканах, оно дало партизанам возможность эффективнее сражаться с немцами и их союзниками в последних битвах за освобождение Югославии. Также необходимо отметить, что Сталин внес решающий вклад как в дело вооружения югославской армии, так и в ее реорганизацию, поскольку он отдал в ее распоряжение ряд специалистов, с помощью которых, по словам Тито, стало возможно организовать «мощную артиллерию, отличную авиацию и танковые части»².

В телеграмме, которую Тито послал воинам 3-го Украинского фронта по поводу освобождения Белграда, говорилось: «Ваша кровь и кровь бойцов НОАЮ, пролитая в совместной борьбе против общего врага, навсегда укрепит братство народов Югославии с народами Советского Союза»³. За этой риторикой, однако, скрывалась другая реальность. Напряженность в отношениях между югославами и русскими возникала не только по вопросам престижа, но и из-за поведения красноармейцев, которые вели себя в Сербии как в оккупированной стране, грабили, насиловали женщин и убивали мирных жителей. Инцидент, переполнивший чашу терпения, произошел в Чукарице, белградском предместье, где один серб позвал группу красноармейцев на ужин. Когда русские напились, один из гостей, майор по чину, напал на жену хозяина, многодетную мать. Муж встал на ее защиту, и русские вышвырнули его из дома, а жену изнасиловали семь человек. После этого супруги повесились. Это событие вызвало в Белграде настоящее ожесточение, так что Тито был вынужден сделать официальное заявление генералу Корнееву. «От имени советского правительства я выражаю протест против подобных инсинуаций по отношению к Красной армии», — ответил тот. «Факт, — озабоченно рассказывал Джилас, присутствовавший на встрече, — что наши враги используют эти происшествия. Поступки воинов Красной армии они сравнивают с поведением английских офицеров, которые не позволяют себе таких бесчинств»⁴. В конце октября Тито как можно более осторожно сообщил о проблеме самому Сталину, говоря, что это его коммунистический долг, и к тому же упомянул о том, что Красная армия не выполняет договоренности о том, что отдаст народно-освободительной армии военную добычу, захваченную в Белграде. Из 500 конфискованных грузовиков и автомобилей югославской армии удалось удержать только 6. Тито

4, A Yearbook of Central European Culture. 1985. P. 405; *Suppan A.* Hitler — Beneš — Tito. Vol. II. S. 1282.

¹ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 234, 249; *Suppan A.* Hitler — Beneš — Tito. Vol. II. S. 1283.

² *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 227, 232, 234, 236, 262.

³ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 237.

⁴ *Clissold S.* Dilas. P. 156; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 411; Vol. III. S. 196, 221; *Čosić D.* Piščeви zapisi (1951–1968). S. 177.

попросил Сталина послать ему несколько тысяч грузовиков для нужд армии на Сремском фронте и для снабжения городов, жители которых умирают с голода. Сталин резко ответил, что никакой договоренности о передаче «трофеев» не было, и отверг обвинения в адрес советских офицеров и солдат в «отдельных инцидентах и проступках». Их нельзя распространять на всю Красную армию¹. С того момента его отношение к Югославии и партизанскому движению заметно ухудшилось, на что указывают оскорбительные замечания, которые он вновь и вновь высказывал в разговорах с югославами: «Ваши партизаны слабо сражаются. Не нюхали порошу. Посмотрите на болгар, вот это настоящая армия!»² Старания советского командования обуздать своих воинов не увенчались успехом, о чем свидетельствует сообщение американского офицера УСС из Белграда, дошедшее в конце декабря до самого Рузвельта. «Встает вопрос о том, как они (красноармейцы) будут себя вести, когда покинут дружественную и освобожденную Югославию и захватят саму Германию»³.

Хотя полемика относительно поведения красноармейцев негативно повлияла на советско-югославские отношения, она не могла их серьезно испортить, поскольку этот союз дал возможность партизанам отпраздновать победу не только над немцами и их сербскими приспешниками, но и над своими самыми опасными врагами — четниками. Когда Красная армия вступила в Сербию, Михайлович надеялся, что ему удастся заключить с ее командующими договор о сотрудничестве, и дал своим отрядам соответствующие указания. Не следует забывать, что через Драгишу Васича он имел контакты с Москвой и, по собственному заявлению, поддерживал их вплоть до апреля 1945 г.⁴ Русские были готовы принять его помощь, но как только прекратились бои, четников арестовали, затем передали Тито или депортировали в Советский Союз. В такой ситуации Михайловичу не оставалось ничего иного, как с теми отрядами, на которые он еще мог положиться, отступить в Санджак и Боснию и оставить Сербию партизанам. Те, конечно, немедленно постарались укрепить свою власть, и не только в Сербии, но и в других областях Югославии. Те регионы, где партизанское сопротивление развивалось своим особым путем, — в первую очередь это Словения и Хорватия — теперь оказались под свинцовым покровом конформизма и централизма. Чему во многом поспособствовали и советские «инструкторы», как писал Тито Ранковичу, присланные «сверху», чтобы координировать работу ОЗНА в Воеводине, Сербии, Македонии, Черногории, Хорватии и Словении. Складывается впечатление, что Сталин провозглашал одно, а его люди в Югославии делали совсем другое. От Карделя, прибывшего на совещание в Москву

¹ AJ. КМК I-3-b/571. 29.–31.10.1944; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 255, 256; *Šimić P., Despot Z.* Tito. Strogo poverljivo. S. 140–144; *Petranović B.* Tito i Stalin. S. 152, 153.

² *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 257.

³ AS. Dedijer. T. e. 243. OSS. Memorandum for the President, 24.12.1944.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 46; *Kranjc M. F.* Zarote in atentati na Tita. S. 139, 140.

в ноябре 1944 г., он требовал, чтобы «югославы ни в коем случае не пускались в какие-либо революционные эксперименты и не подражали советскому режиму»¹. А советские агенты тем временем учили своих югославских товарищей тому, как их осуществлять. О том, насколько драгоценными были их напутствия, свидетельствуют успехи ОЗНА там, где установилась новая «народная» власть. Первые ощутимые результаты в Банате дала акция против немецкого меньшинства, которое во время войны чуть ли не путем плебисцита присоединилось к нацистам, и его теперь следовало наказывать. Тех «швабов», которым не удалось сбежать вместе с конвоями вермахта, ликвидировали, депортировали в Советский Союз или заключили в концентрационные лагеря, а через год выживших изгнали из государства. Вначале этой репрессией руководил сам Тито, что следует из телеграммы, отправленной им 16 октября одному из своих генералов: «Пошли ко мне быстро через Бела-Церкву в Вршац одну из сильнейших дивизий, возможно, Краинскую. Она мне нужна, чтобы очистить Вршац от швабского населения. <...> Храните это в тайне»². Такая же судьба постигла бы и венгерское меньшинство, по локоть замаравшее руки сербской кровью, если бы за него не заступились русские, обосновавшие это тем, что после войны Венгрия станет социалистической и поэтому не стоит портить с ней отношения³. На опустевшую землю изгнанных «швабов» власти в последующие годы стали селить людей из горных районов средней Боснии, откуда вышло наибольшее количество партизанских бойцов и, к концу войны, офицерских кадров югославской армии. Естественно, эти миграционные потоки вызывали напряженность, поскольку люди с различными цивилизационными традициями и образом мышления перемешивались между собой⁴.

Трудно сказать, означала ли начатая Тито до отъезда из Вршаца «чистка иностранных элементов» переход от народно-освободительного этапа к революции. Но можно с уверенностью говорить о ней уже в связи с событиями, произошедшими через несколько дней в Белграде. Партизаны вступили в город с приказом немедленно расстрелять всех приверженцев Лютича и Недича⁵. ОЗНА не упустило возможности и безжалостно рассчиталось с коллаборационистами — и с настоящими, и с выдуманными, — которые в прошлые годы точно так же неустанно и успешно отлавливали коммунистов: после освобождения партизаны не нашли в Белграде ни одного члена КПЮ. «Никогда не будет известно, — пишет Перо Симич, — сколько тысяч человек в Сербии, Словении, Боснии и Герцеговине и в других областях Югославии

¹ *Biber D. Tito — Churchill. S. 394.*

² *AS. Dedijer. T. e. 252. Nemačka manjina, 16.10.1944; Simić P., Despot Z. Tito. Strogo poverljivo. S. 145; Suppan A. Hitler — Beneš — Tito. Vol. II. S. 1296, 1297.*

³ *Biber D. Tito — Churchill. S. 437; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 132, 133; 171; AS. Dedijer. T. e. 201. Zabeleška o razgovoru druga E. Kardelja sa Vladimirom Dedijerom, u Ljubljani, 11. oktobar 1978. godine. S. 24, 25.*

⁴ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 211, 212.*

⁵ *Clissold S. Dilas. P. 154.*

погибло во время чисток. Только в Белграде было двадцать лагерей и расстрельных мест»¹. Еще хуже обстояло дело в Косово, где албанцы с оружием в руках сопротивлялись сербским «освободителям» и мобилизации в партизанскую армию. Началось настоящее народное восстание, настолько успешное, что Тито пришлось в феврале 1945 г. ввести в области военное управление со всеми его ужасами. Около 1200 сторонников коллаборационистских подразделений «баллистов», к которым присоединились еще около тысячи дезертиров, забаррикадировались в одной горной деревне. 42-я дивизия Югославской армии окружила ее и артиллерийским огнем полностью сравняла с землей². В любом случае, Сталин эту политику одобрял, хотя и советовал Тито объявить амнистию четникам Михайловича. Как сказал Тито 12 мая 1945 г. на Учредительном съезде КП Сербии, проведение социалистической революции без переходного «буржуазного» этапа не противоречит ленинизму. «Следовательно, когда мы уже на этом пути, нужно просто идти дальше, делать то, что сейчас актуально»³.

С освобождением Белграда, Македонии, северной и восточной Сербии, восточного Срема и Воеводины начались великие стратегические перемены. Была создана широкая территория, на которой можно было мобилизовать народ для вступления в боевые отряды и для других военных нужд. Если до освобождения Белграда в дивизиях ЮА насчитывалось около 3 тыс. бойцов, то теперь их число выросло до 10 тыс. Сформировался фронт, который растянулся от Кралево, Чачека, Ужице на реке Дрине, по линии Сремска-Митровица — Илок, затем шел по Дунаю и Драве до венгерской границы и дальше, до места расположения болгарских и советских отрядов. Тактически он был связан только в Среме, где произошло вооруженное столкновение с немецкой армией, отступавшей с территории Балкан к австрийской границе. В ней было 800 тыс. человек, и еще к этому числу можно добавить около 300 тыс. разных коллаборационистов. Молодые рекруты, впервые получившие в руки ружья, конечно, не имели достаточной подготовки для ведения фронтального боя с этой огромной людской лавиной, не потерявшей своей военной эффективности, хотя и было ясно, что падение Третьего рейха не за горами. Скорее из политических, нежели из стратегических соображений — ради своего престижа в глазах Сталина и других союзников — Тито принял решение остановить продвижение врага и тем самым доказать, что у него имеется регулярная армия. Произошло настоящее избиение, которое сербы ему так и не простили. О последствиях этой «бойни сербской молодежи»⁴, в которой за 175 дней погибло 37 тыс. бойцов, потрясающе рассказывает в своих воспоминаниях Гойко Николиш: «Из окна канцелярии на углу улицы Неманья

¹ *Simić P.* Tito. Skrivnost stoletja. S. 206; *Kranjc M.F.* Zarote in atentati na Tita. S. 245; *Goldstein S., Goldstein I.* Jasenovac i Bleiburg nisu isto. Zagreb: Novi Liber, 2011. S. 165.

² *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 22.

³ AJ. 836. KMJ I-3-b/572. 12.11.1944.

⁴ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 239.

и улицы генерала Жданова смотрю на процессию крестьян с гробами на плечах. Старики и деды идут искать своих внуков и сыновей, братьев и зятьев. Копают могилы по Срему около Винковца, Дьяково, Плетерницы, Стризи-войны, Пожеги, Палраца, Чазмы... Одни идут по Неманье вниз, другие возвращаются. Гробы из оцинкованного листового железа блестят на плечах сгорбленных старцев. И так целыми днями, месяцами, два года»¹.

* * *

События на Восточном фронте коллаборационисты и квислинги во всей Югославии восприняли как свидетельство приближения сумерек богов. В Словении, где осенью 1944 г., по оценке Коцбека, находилось 18 тыс. домобранцев, всеобщее ощущение поражения красноречиво выразил курат Зорман 6 октября на похоронах четников, павших в окрестностях Краня. Он сказал: «Для всего словенского народа лучше умереть, чем жить в коммунистическом зле»². В НГХ некоторые вожди усташей уже летом установили контакты с представителями Хорватской крестьянской партии в надежде, что с их помощью им как-нибудь удастся спастись. Планировалось организовать более или менее фиктивный путч, после которого усташей бы распустили, домобранцев (бойцов регулярной армии) объединили бы с четниками, и таким образом создали бы преграду коммунизму в западной Югославии. Согласно этим планам, англо-американские союзники должны были высадить свои отряды в Далмации, а Мачек — стать президентом республики вместо Павелича. К этим планам присоединился и архиепископ Степинац, но Павелич не захотел играть намеченную для него роль козла отпущения, хотя ему и пообещали безопасное убежище в Швейцарии. С помощью гестапо он 30 августа 1944 г. арестовал главных инициаторов этого плана. Однако он не смог пресечь распространения уныния в рядах своих сторонников, ведь даже слепцам уже стало ясно, что дни НГХ сочтены. Когда Тито в середине сентября, а потом еще раз 22 ноября 1944 г. объявил амнистию коллаборационистам, не запятанным национальным предательством и военными преступлениями, хорватские домобранцы (но не словенские домобранцы и четники) безудержно устремились к нему³.

Пока продолжались бои за Сербию, велась и интенсивная дипломатическая битва в Москве, где с 9 по 18 октября 1944 г., при участии Сталина и Черчилля, организовали конференцию «Толстой». Британский премьер прибыл в советскую столицу с четким пониманием того, что Тито его обманывал и что его положение в дунайско-балканском пространстве чрезвычайно уязвимо⁴. Об этом свидетельствуют и слова Гарольда Макмилла-

¹ *Nikoliš G.* Korijen, stablo, pavetina. S. 666; *Halder M.* Der Titokult. S. 56; *Batty P.* Hoodwinking Churchill. P. 198.

² *Pleterski J.* Senca Ajdovskega gradca. S. 16; *Suppan A.* Hitler — Beneš — Tito. Vol. II. S. 1284.

³ *Pirjevec J.* Jugoslavija. S. 148.

⁴ TNA. CAB 121/677/146.

на, британского министра по Средиземноморью, который написал в одном из донесений: «Мы не должны скрывать от самих себя, что из-за стратегии, сосредоточившей все наши силы на Западной Европе, мы лишились возможности влияния в Румынии, Болгарии, Югославии, Албании и Греции, так что нам едва хватит сил для завершения боев в Италии. Без сомнения, блефуя, мы должны добиться всего, что удастся, но при этом нельзя врать открыто, так, что любой с легкостью нас разоблачит»¹.

Таким «блефом» было предложение Черчилля Сталину о разделе зон влияния на Балканах и в Придунайских областях (что касается Югославии, соотношение должно было быть 50 на 50, причем русские взяли бы под контроль пехоту ЮА, а британцы — морской и военно-воздушный флот)². Иными словами, британский премьер предлагал диктатору то, что у Красной армии либо уже было, либо ей оставалось только руку за этим протянуть, для себя же он потребовал политического влияния на территориях, на которых, за исключением Греции, еще не было английских войск. Сталин, не хотевший без необходимости портить отношения с Западом, принял это предложение и подтвердил Черчиллю, что он не собирается провоцировать большевистские революции в Европе, а в доказательство этого заявления привел свою политику в Румынии, Болгарии и Югославии³. Московское соглашение не оказало существенного влияния на развитие событий и оставило лишь поверхностный след даже в памяти английских дипломатов: через четыре года в Foreign Office уже не осталось никого, кто бы помнил его в подробностях. Чего нельзя сказать о югославских руководителях. Тот факт, что за кулисами по отношению к ним плетутся интриги, они заподозрили уже в конце апреля или в начале мая 1944 г., когда Рэндольф Черчилль, всплыв, упомянул о разделе областей влияния между его отцом и «дядей Джоом»⁴. Когда же в ноябре сам Сталин конфиденциально рассказал Карделю о содержании соглашения с Черчиллем, югославы разозлились из-за того, что их страна стала для иностранцев предметом торга, и говорили, что не будут разменной монетой в торговле великих держав⁵. Даже годы спустя они не могли избавиться от ощущения, что те заключают тайные договоры на их счет, и часто упоминали соглашение «fifty-fifty»⁶ как доказательство того, что Югославия является предметом алчных устремлений империалистов⁷. Со своей стороны британцы, несмотря на внешний успех предложения Черчилля, не могли примириться с бестактным поведением Тито. Молотов безуспешно пытался успокоить на этот счет министра иностранных дел Идена, высказавшего ему свое возмущение: «Тито — крестьянин, который

¹ *Biber D. Tito — Churchill. S. 333.*

² TNA.CAB 121/677/150, 152.

³ *Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 86.*

⁴ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 221; Adamič L. Orel in korenine. S. 141.*

⁵ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 221.*

⁶ Пятьдесят на пятьдесят (англ.).

⁷ *Ibid. S. 579.*

не понимает политики и склонен к скрытности, поэтому он никому не сообщает о своих планах»¹.

В тот же день, когда в Москве начались переговоры между Черчиллем и Сталиным, Тито телеграфировал Шубашичу и пригласил его вернуться на родину, чтобы сформировать общее правительство. На этот шаг он пошел после двух месяцев колебаний, поскольку только тогда почувствовал, что твердо стоит на ногах, к тому же он знал, что Советский Союз не одобрил бы дальнейшего ухудшения его отношений с Западом. С самого начала встал вопрос о том, какова будет роль короля Петра II при формировании нового правительства, ведь по закону именно он должен был назначить премьера. Но Тито, которому, несомненно, и полагалась эта должность, не был готов принять ее из его рук. В конце концов, по совету Влатко Велебита, выход из тупика нашли, опираясь на практику, применявшуюся в недавний период до совершеннолетия короля: приняли решение о назначении регентов, которым король передаст свои полномочия на то время, пока он остается за границей. После долгих переговоров 1 ноября 1944 г. Тито подписал новое соглашение с Шубашичем, по которому предполагалось назначить регентский совет, состоящий из трех членов, причем двух из них король должен был утвердить по предложению Национального комитета АВНОЮ. Это решение, вместе с обещанием, что в Югославии будет политический плюрализм, должно было обеспечить новому правительству международное признание, в котором оно очень нуждалось, ведь победа была уже на пороге². Когда договоренность была достигнута, следовало получить согласие короля и союзнических сил, что оказалось не так-то просто, ведь отношения между Белградом и Лондоном к концу 1944 г. заметно ухудшились. Соглашение Тито — Шубашича, нанесшее дополнительный удар по монархии, не понравилось и Советскому Союзу, опасавшемуся негативной реакции британцев. Чтобы успокоить Черчилля, Тито и Шубашича пригласили в Москву в надежде, что удастся склонить чашу весов в сторону короля Петра II³. Маршал из осторожности отказался от приглашения, потому что ожидал, что Сталин всеми силами постарается убедить его в правильности своей политики, и послал в советскую столицу с Шубашичем Эдварда Карделя. Последнему пришлось выслушать от разъяренного *хозяина* много горьких слов — Сталин пренебрежительно говорил о партизанской армии, критиковал пятиконечные звезды и красные флаги, твердил, что югославы «не слушают наших инструкторов», требовал хотя бы временного возвращения короля на престол. Несмотря на это, Тито непоколебимо продолжал осуществлять

¹ Roberts W.R. Tito, Mihailović and the Allies, 1941–1945. New Brunswick — New Jersey: Rutgers University Press, 1973. P. 263, 264; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 244.

² Kardelj E. Spomini. S. 62–64; Velebit V. Svjedok. S. 143, 349.

³ Banac I. Sa Staljinom protiv Tita. S. 29; Kardelj E. Spomini. S. 70; Velebit V. Svjedok. S. 144.

«большевизацию» Югославии¹. Дома он чувствовал себя невероятно сильным. «В конце войны, — говорил он впоследствии, — мы имели огромную материальную базу революции, классовые враги и моргнуть не смели. <...> И это только потому, что у революции была огромная база, какой до тех пор не было нигде в мире»². И поэтому он не собирался принять соглашение Черчилля и Сталина о разделе сфер влияния в Югославии по формуле «пятьдесят на пятьдесят». Сталин, рассказавший об этом соглашении Карделю и Шубашичу, при этом добавил: «Это значит, что мы в Югославии ничего не можем без них, а они без нас». «Для нас это стало просто дополнительным напоминанием о том, — комментировал Кардель — что мы должны независимо принимать свои решения»³.

* * *

Тем временем британцы снова выдвинули план военной высадки на Балканском полуострове, которому Черчилль уже два года уделял большое внимание, хотя и не добился успеха. И в этот раз все планы остались только на словах, которые, впрочем, очень обеспокоили югославских вождей, тем более что английские отряды, посланные в начале октября в Грецию, 3 декабря с оружием в руках выступили против коммунистов-партизан, чтобы обеспечить возвращение короля Георга на престол в Афинах. В отличие от Сталина, проводившего чрезвычайно осторожную политику, Тито призывал греческих «левых» упорно сражаться и обещал им военную помощь⁴. Кровавые события в Афинах укрепили в Белграде подозрение, что Черчилль собирается нанести подобный удар и в Югославии, так же как империалисты после Первой мировой войны пытались подавить большевистскую революцию в России⁵. Однако Тито опасался и греческого ирредентизма, так как в то время появилась географическая карта «Великой Греции», в которую были включены почти вся Албания и вся Вардарская Македония⁶.

Кризис, наступивший в конце 1944 г. в отношениях между британцами и высшими руководителями югославского движения сопротивления, король Петр II попытался использовать в своих целях и не принял предложения

¹ *Banac I. Sa Staljinom protiv Tita. S. 29, 30; AS. Dedijer. T. e. 7. Spomini tov. Kardelja, 25.12.1951. 41; Kardelj E. Spomini. S. 66, 67, 69; Simić P., Despot Z. Tito. Strogo poverljivo. S. 145, 146.*

² *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 611.*

³ *AS. Dedijer. T. e. 7. E. Kardelj. Tito na istorijskim raskršćima. S. 31, 32; Kardelj E. Spomini. S. 67.*

⁴ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 886; Ryheshevsky O. A. For Russia, opening of a second front in Europe came far too late // International Herald Tribune. 2004. 08.06; Swain G. R. The Cominform. P. 651; Rajak S. The Cold War in the Balkans: From the Greek Civil War to Soviet-Yugoslav Normalisation // The Cambridge History of the Cold War / Eds. M. P. Leffler, O. A. Westad. Cambridge University Press, 2010. P. 376.*

⁵ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 318.*

⁶ *AS. Dedijer. T. e. 126. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije, poglavje 28. S. 2.*

отказаться от своих прав. Черчилль, убедившись, что «пригрел змею на своей груди» (т.е. Тито), однако, совершенно трезво оценил, что в Югославии можно сохранить хотя бы подобие монархии, лишь признав регентство. Несмотря на это, прошло два месяца, прежде чем упрямый Петр II решил уступить. (Из-за его обструкции члены регентского совета были назначены лишь 2 марта 1945 г.) На конференции в Ялте 4–12 февраля трое великих настоятельно порекомендовали провести в жизнь соглашение Тито — Шубашича, и чтобы до созыва Учредительной скупщины вел работу временный парламент, в котором будут заседать члены АВНОЮ и те депутаты довоенной народной скупщины, которые не сотрудничали с оккупантом. Речь шла о 118 политиках, избранных на выборах 1938 г., во времена стремившегося к диктатуре Милана Стоядиновича¹.

Этот договор был явной попыткой усилить буржуазные, чуждые движению сопротивления силы, и Тито с негодованием назвал его «настоящим преступлением против Югославии», причем недовольство его было больше направлено на Советский Союз, чем на британцев и американцев². Он очень обиделся, что Сталин так легко уступил Рузвельту и Черчиллю. «Трое великих» вообще не известили его о своих намерениях, а просто после принятия решения послали телеграмму, как будто его мнение не имело никакого значения³. У него была четвертая по мощи армия в Европе, поэтому он был так убежден в своей значимости, что даже официально предложил союзникам 100 тыс. бойцов для похода на Берлин⁴. Поэтому он выразил официальный протест новому главе советской военной миссии К. В. Киселеву и пригрозил, что с этих пор станет одинаково относиться ко всем союзникам. Однако государственный деятель в Тито уже одержал верх над революционером, что давало основание предположить, что его отношения с Советским Союзом не будут простыми. Характерно, что британский дипломат Джордж Рендел в разговоре с бывшим югославским премьером Слободаном Йовановичем уже в феврале 1945 г. предсказывал, что Тито вскоре исчезнет с югославской политической арены, и произойдет это не без помощи «русских»⁵. Между политическими лидерами Белграда и Москвы разразился серьезный кризис, который еще больше углубился, хотя об этом и не трезвонили повсюду, когда маршал 7 марта 1945 г. сформировал первое правительство Демократической Федеративной Югославии. Среди 30 его членов, помимо Шубашича, назначенного министром иностранных дел, был и Милан Грол, представитель Сербской демократической партии. Согласно характеристике, данной Карделем, Грол был «очень независимым

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 389; Vol. II. S. 911, 913; Bilandžić D. Hrvatska. S. 181.*

² *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 913; Vol. III. S. 575; Vlahović V. Strogo pov. S. 24, 25, 30, 31; Анукеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 47.*

³ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 222.*

⁴ *Simčić M. Ženske. S. 200.*

⁵ *Анукеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 65.*

человеком, с большим авторитетом, но реакционным политиком правого толка, который, собственно говоря, не совпадал с нами, так сказать, ни в одном пункте»¹. Тито решил ввести его в правительство, чтобы доказать Сталину свою независимость и в то же время сделать приятное Черчиллю. Советские лидеры, узнавшие об этом неожиданном назначении от британцев, были в бешенстве, поскольку полагали, что в правительство следовало включить их кандидата, бывшего посланника короля в Москве Станое Симича. Кроме того, декларация, с которой выступило перед всем миром новое правительство, показалась им «бледной». В тайном письме, посланном советской стороной 11 марта Тито, Карделю и Хебрангу, отмечалось, что в документе не упомянуто о сотрудничестве между славянскими странами и отсутствует выражение благодарности Советскому Союзу, помогавшему освободить Сербию, и подчеркивалось, что «молчание по этому вопросу не может пойти на пользу демократической Югославии». Советское правительство (читай — Сталин) утверждало: «...недостатки декларации <...> являются выражением давления Шубашича и Грола, которые уже с первых шагов нового югославского правительства влияют в нежелательном направлении на демократическую Югославию»². Тито ответил, что назначение Грола министром обуславливалось сложившейся в тот момент в Югославии ситуацией: прежде всего убеждением, что «возможно, таким способом легче разбить блок сербской реакции», а также мнением, что без него «союзы не признали бы нового правительства». Однако инцидент очень обеспокоил Тито и он одновременно послал Димитрову депешу, которую перехватили британские разведывательные службы и в которой он спрашивал: «Как мне относиться к Филиппову?»³

Филиппов (псевдоним Сталина) немедленно ответил в своей грубой манере, что не согласен с этими аргументами, что вынудило Тито в тот же день, 15 марта 1945 г., созвать заседание Политбюро. Лишь после того, как оно в особом заявлении признало свою ошибку и объяснило вышеупомянутую декларацию «оппортунистическими опасениями обострения отношений с Великобританией и США», он немного успокоился. В посланном ему письме Тито и товарищи посыпали голову пеплом и обещали, что впредь будут советоваться с советским правительством по всем вопросам, поскольку убеждены, что для Югославии существует лишь одна возможность — «идти с Советским Союзом и под его руководством»⁴. Несмотря на эти униженные заверения, долго ждать следующего инцидента не пришлось. Тито устроил

¹ *Kardelj E.* Spomini. S. 62.

² *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 264; *Swain G. R.* Tito. A Biography. P. 81; *Petranović B.* Tito i Staljin. S. 156, 157.

³ *Romerstein H.* Aspects of World War Two History Revealed through «ISCOT» Radio Intercept // *The Journal of Intelligence History.* 2005. No. 5, Summer. P. 17.

⁴ TNA.CAB 121/678/431; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 265; *Petranović B.* Tito i Staljin. S. 151–162; *Štrbac C.* Jugoslavija i odnosi izmedju socialistickih zemalja: Su-kob KPJ i Informbiroa. Beograd: Prosveta, 1984. S. 75.

официальный обед в честь послов СССР, Великобритании и США, аккредитованных в Белграде, и на почетное место посадил посла Великобритании, хотя представитель Сталина И. В. Садчиков прибыл в Югославию раньше, чем он. А значит, по протоколу должен был иметь приоритет. И снова из Кремля пришел резкий протест¹.

Об этом закулисном конфликте Черчилль не подозревал. Будучи убежден, что проиграл в Югославии, он решил приспособить свою политику к сложившейся ситуации. В ноте, посланной Идену 11 марта 1945 г., он написал, что отныне оставит Тито вариться в его балканской каше, сделает ставку на Италию и постарается спасти ее от «коммунистической чумы»². При этом он думал о сильной коммунистической партии в северной Италии и об опасности ее совместного революционного выступления с КПЮ. Исходя из этого небезосновательного подозрения, он с большим беспокойством воспринимал территориальные требования новой Югославии, касающиеся Юлийской Крайны, включая Триест, где ОФ уже начиная с 1942 г. развернул сильное движение сопротивления. Он всё больше убеждался в том, что необходимо предотвратить налаживание непосредственных контактов между итальянскими и югославскими партизанами в этом регионе³.

В то время как уже начала вырисовываться угроза серьезного конфликта с западными союзниками, да и отношения югославов с Москвой были далеки от идиллии, главная часть партизанской армии продолжала сражаться с отрядами генерала Лёра, отчаянно пытавшимися пробиться к австрийской границе и сдать там британцам. В южной Каринтии последние сражения произошли, когда во всей остальной Европе уже неделю царил мир. 15 мая 1945 г. III армия под командованием генерала Косты Надя захватила 30 тыс. бойцов, среди них 20 усташских генералов и предводителей черногорских четников и 20 тыс. гражданских беженцев⁴.

Освободительная война закончилась, но гражданская война бушевала по всей Югославии еще годы, до полной ликвидации всякого сопротивления победившему коммунистическому режиму⁵. Но даже когда его противников к 1947 г. в основном уничтожили, продолжала тлеть этническая вражда между народами, зародившаяся в предвоенный период и крайне обострившаяся во время войны. И это несмотря на пропаганду победителей, провозглашавшую мистическое единство нового общества: «Мы — Титовы, Тито — наш». Соответствовала действительности, конечно, главным образом, первая половина этого лозунга, учитывая, что Тито располагал мощной армией, обеспечивавшей ему контроль над всей страной. Если

¹ Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 265, 266.

² Biber D. Tito — Churchill. S. 492.

³ Pirjevec J. «Trst je naš» Boj Slovencev za morje (1848–1954). Ljubljana: Nova revija, 2007. S. 296 и далее.

⁴ Pirjevec J. Jugoslavija. S. 151.

⁵ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 156; Suppan A. Hitler — Beneš — Tito. Vol. II. S. 1288.

принять на веру сведения генерала Илии Радаковича, силы народно-освободительной армии и партизанских отрядов стремительно росли. В 1941 г. в них насчитывалось 80 тыс., в 1943 — 300 тыс., а в 1945 — уже 800 тыс. бойцов¹. Югославскую армию, которую после войны стали формировать по образцу Красной армии, ревниво опекал Тито: до самой смерти он держал ее под своим контролем и никому не позволял вмешиваться в ее организационные структуры².

¹ *Vrhunec M.* Josip Broz — Tito. S. 72. Более скромную цифру приводит Й. Перович, который говорит о 200 тыс. партизан к концу войны. См.: *Perović J.* The Tito — Stalin Split. A reassessment in Light of New Evidence // *Journal of Cold War Studies*. 2007. Vol. 6, Spring. P. 59.

² *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 213; *Halder M.* Der Titokult. S. 60.

ПОБЕДА

Вернувшись 27 октября в Белград, Тито сразу же посетил королевские дворцы в Дединье и приказал реставрировать их. Это был символический жест, означавший больше, нежели просто приход нового хозяина, чья власть опиралась на успех революции. Хозяин, вселившийся в резиденцию династии Карагеоргиевичей, был, по словам Душана Биланджича, «загорской овчаркой», что белградская чаршия, и не только она, но и сербы вообще, восприняли как настоящее осквернение¹. Эти резиденции были просто заброшены, им не было нанесено особого ущерба, там остались и мебель, и инвентарь. Тито выбрал для себя Белый дворец, который по приказу князя Павла построили в современной интерпретации классического стиля и отреставрировали еще до окончания войны. Он сохранил и Старый дворец короля Александра, и еще недостроенную виллу семьи Ацевич на Румынской улице, 15, которую впоследствии переименовали в Ужицкую в память о первом опыте власти. Старый дворец был предназначен для приема высоких гостей и президентов государств, Белый дворец Тито использовал для работы, а вилла в Дединье стала его личной резиденцией. Позже он присоединил к ней еще несколько соседних вилл и садов и создал большой комплекс, который велел окружить стеной. Вскоре вилла в Дединье стала его главным местом проживания в Белграде. Во дворе по его приказу поставили бронзовую скульптуру коня в память о том, на котором он ездил во время войны, а рядом с ней — скульптуру смертельно раненного Иво Лолы Рибара². Хотя по протоколу он не имел права на все эти здания, поскольку являлся не президентом, а только главой правительства, его это не смущало, как не смущало и регентов, а позже и председателя Президиума Союзной скупщины Ивана Рибара, формально занимавшего должность главы государства³. В Белом дворце Тито торжественно отпраздновал новый 1945 г., озаренный лучами приближающейся победы. Его товарищи впервые увидели, как он танцует вальс с соратницами, большинство из которых «носили на поясе револьверы и гранаты». Единственной каплей дегтя в бочке меда стало затесавшееся среди новогодних поздравлений анонимное письмо с вопросом:

¹ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 248.*

² *Ibid. S. 235.*

³ *Ibid. S. 185.*

«Как ты себя чувствуешь в чужом доме?» Тито немедленно оставил дворец Карагеоргиевичей и никогда уже не возвращался туда надолго¹. За исключением этого, он не выказал какого-либо смущения или замешательства, присваивая имущество бывших правителей. Когда в подвале дворца в Дединье нашли сундуки, полные золота и драгоценностей, которые Тито, благодаря своим слесарным навыкам, легко открыл, сопровождавший его генерал Мома Джурич посоветовал отправить всё в Народный банк со словами: «Что нам с этого?» — «Э, Джурич. Кое-что, кое-что! Нам и это понадобится!»²

Он забыл о том, что писал в статье, опубликованной в мае 1939 г. в газете *Proleter*: «Политическая деятельность члена партии неотделима от его личной жизни. Также это первое условие для того, чтобы коммунист заслужил доверие масс»³.

Тито: охотник и сибарит

Конечно, занимая королевские резиденции, Тито не ограничился Белградом, а присвоил себе также все прочие виллы, замки и охотничьи угодья, которыми пользовались Карагеоргиевичи до войны (за исключением Тополы, где была их усыпальница). Он был великодушен и по отношению к соратникам. Он позволил им занять виллы, расположенные на холмах Дединья, элитного белградского района, часто приглашал их на партию бильярда, на просмотр кинофильмов, но прежде всего — на охоту.

Охота в новой реальности имела особую символическую ценность, подтверждавшую достигнутый статус, ведь никто из лидеров не был до войны охотником. После войны она стала действием, посредством которого товарищи подтверждали свою принадлежность к правящей элите. Со временем она стала ритуалом, которого следовало строго придерживаться. Имелись точные предписания по поводу того, кто может застрелить какое дикое животное: член Совета федерации того и того, союзный секретарь — немного больше, член Президиума — еще больше. Больше всех — Тито.

Тито был страстным охотником и гордился своими способностями. В конце 1953 г., на Брдо, когда он испытывал сильные ревматические боли, а триестский кризис достиг одного из своих пиков и итальянцы плели интриги против оборонительного союза Югославии, Греции и Турции, а вдобавок еще и Милован Джилас стал публиковать в газете *Borba* свои еретические статьи, мысли Тито были сосредоточены главным образом на огромном козере с Триглавских гор. Как только он получил известие о том, что его выследили, то немедленно отправился на охоту. Один из его охранников записал: «Всё время своего пребывания в Словении он ждал снега и этого

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 938; Vol. III. S. 138, 139.*

² *Kult Josipa Broza Tita. Vol. II. S. 6. URL: <http://www.nrbg.rs/content/view/blog/134/153>.*

³ *Broz Tito J. Zbrana dela. Vol. 4. S. 184.*

известия. Он целых четыре года хотел его застрелить»¹. Уже в конце жизни, в апреле 1975 г., он завалил медведя, шкуру которого международная комиссия по выставке средиземноморских государств оценила как трофей, достойный первого места в этом виде спорта. Удача ему улыбалась². Когда же в другой раз на охоте в Карпатах румынский диктатор Николае Чаушеску застрелил медведя, которого по нескольким критериям оценили выше, нежели того, которого убил он, Тито пришел в негодование и сказал: «Я бы никогда так не поступил со своими гостями»³.

Поскольку Тито не мог рассчитывать на такой идеологический авторитет, какой имели Ленин и Сталин, ему пришлось создавать себе харизму демонстрацией силы, в которую включался и роскошный образ жизни. Но дело было не только в этом, но и в настоящей страсти к богатству, которой он полностью предался, хотя и пытался это скрыть⁴. При проведении грабежей он мог рассчитывать на помощь сотрудника НКВД Ивана Краячича — Стево, имевшего схожие вкусы. Об этом красноречиво свидетельствуют письма, который последний посылал ему в первые послевоенные годы: «Дорогой Старый, посылаю тебе три ремня и золотую табакерку, а также два ожерелья. Думаю, ты сможешь их кому-нибудь подарить, когда приедешь наверх (в Москву). Специалисты утверждают, что пальто из этого серого материала выйдет очень хорошее, и я посылаю тебе три метра на тренкот». И еще: «Посылаю тебе также два золотых портсигара, настольный и карманный. Думаю, что настольный очень украсит тумбочку в твоей спальне»⁵.

У Тито были автомобили, полученные от Сталина и Хрущева, роллсройсы, о которых говорили, что один ему подарила английская королева, а другой — Словения, не говоря уж о мерседесе, «унаследованном» от Анте Павелича или от генерала Лёра. Он владел каретами, яхтой «Галеб», парусником короля Александра Карагеоргиевича, огромной коллекцией скульптур, картин, ковров и других музейных предметов⁶. Благодаря такому стилю жизни, наводящему на мысли о каком-нибудь габсбургском эрцгерцоге, естественно, изменился и его внешний облик. Если во время партизанской борьбы он своей фигурой и прежде всего словно высеченным из камня лицом напоминал хищную птицу, то «на свободе» он быстро располнел и стал похож на какого-нибудь добродушного куманька. «Издали,— писал дипломат

¹ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 838; AJ. 837. KPJ. IV-5-b. K 49. Zabeleške o boravku u Sloveniji. Zapisao Tića Stanojević, 25.12.1953, 26.12.1953, 07.05.1954; *Ridley J.* Tito. A Biography. P. 407, 408.

² *Ćosić D.* Piščevi zapisi (1951–1968). S. 272, 273; AS. Dedijer. T. e. 264. Pričevanje M. M. (Mile Milatović). Feudalizem na lovu; *Mandić B.* S Titom. S. 112.

³ AS. Dedijer. T. e. 298; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. IV. 9. poglavje. S. 12.

⁴ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 845–851.

⁵ AJ. 838. LF II-1/78. K 4. Krajačić Stevo — Titu, 12.11.1945; 25.05.1946; *Ranković A.* Dnevničke zabeleške. S. 280; AS. Dedijer. T. e. 233. Pričevanje M. Tripala, 30.01.1986.

⁶ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 889, 900; *Koprivc J.* Generalov let. Spomini generala Ivana Dolničarja. Ljubljana: Modrijan, 2005. S. 78.

Богдан Радица, вскоре после войны сбежавший на Запад, — он был очень похож на Стоядиновича (довоенного премьера. — *Й.П.*). В Белграде его называют “Геринг”, а в Загребе — “Титлер”»¹.

Сначала его зарплата была скромной, совсем символической, причем никто не контролировал стоимость «двора» (официально — «маршалства»), ведь не было ни малейших различий между личными и общественными расходами. Лишь в конце 1952 г., за три недели до выборов на пост президента республики, Служба социального обеспечения определила рабочий стаж Тито: учитывая годы официальной работы, нелегальной работы и войны, с 26 мая 1908 по 7 марта 1945 г. он составил 36 лет, 9 месяцев и 13 дней². В соответствии с 220-м параграфом Конституции 1963 г., в котором шла речь о президенте республики, ему для выполнения его функций была одобрена ежемесячная не облагаемая налогом сумма в 40 тыс. динаров. Через два года Союзная скупщина увеличила ее до 550 тыс. динаров, а через два года еще удвоила. С 1 января 1967 г. он получал 10 тыс. динаров в месяц на представительские расходы, с 7 января эту месячную сумму повысили еще на тысячу динаров. Как верховный главнокомандующий он получал с 1970 г. на расходы 10 тыс. динаров ежемесячно, а помимо этого коммунальная служба социального обеспечения выплачивала ему с 1965 г. дополнительные пособия на внуков Йожека и Златицу, тогда как сына Александра (Мишу) вычеркнули из списков³.

Что касается расходов на строительство протокольных объектов для президента, охрану, поездки по стране и по миру и «на другое», то для них выделялся специальный бюджет, средства для которого брали из государственных резервов. Генеральный секретариат президента, выплачивавший зарплаты Тито и его персоналу, не имел доступа к этому бюджету. Он находился в ведении генерала Милана Жежеля, народного героя и командующего гвардией, серба из Лики, который во время войны был девять раз ранен и, по словам Луиса Адамича, просто обожал Тито⁴. При этом следует отметить, что Тито стоил государству намного больше, чем король Александр, хотя тот и имел среди монархов мира самый большой после японского императора гражданский лист. Владимир Попович, в начале 1960-х гг. ведавший бюджетом Тито, утверждал, что в 1961 г. ежедневные расходы на содержание двора составляли около одного миллиарда ста миллионов динаров⁵. Он чрезмерно увлекался драгоценностями. Достаточно сказать, что на его фуражке был государственный герб из чистого золота, что он пользовался золотым письменным прибором и по-прежнему носил на пальце перстень с крупным бриллиантом.

¹ *Pirjevec J.* Il gran rifiuto. Guerra fredda e calda tra Tito, Stalin e l'Occidente. Trieste: Editoriale Stampa Triestina, 1990. S. 204; *Kult Josipa Broza Tita.* Vol. II. S. 4. URL: <http://www.nrbg.rs/content/view/blog/134/153>.

² AJ. 838. LF. III-10/2.

³ Ibid.

⁴ *Dedijer V.* Novi prilozii. Vol. III. S. 107; *Adamič L.* Orel in korenine. S. 565.

⁵ *Dilas M.* Tito. S. 192; AS. *Dedijer.* T. e. 3.

Чтобы оправдать эту мелкобуржуазную привычку, он утверждал, что это тот перстень, который он купил перед войной в Москве как резерв на случай финансовых трудностей. На самом деле, как утверждает Джилас, тот перстень соскользнул с его исхудавшего пальца во время наступления «Шварц». Тот же, который он носил после войны и который был у него на пальце на фотографии, снятой для обложки его биографии, написанной в 1952 г. для американского журнала *Life* Владимиром Дедиером, вовсе не являлся запасом на крайний случай. Он получил его в дар от советского правительства в ответ на высказанное им пожелание, когда посетил Москву весной 1946 г.¹

Он заказал для себя маршальскую форму, которую декорировал при помощи группы стилистов, в ней он регулярно появлялся на встречах с офицерами, а также в тех случаях, когда хотел подчеркнуть, что за ним армия. Когда однажды Владимир Дедиер спросил его, почему он уделяет такое внимание формам, Тито немного резко ответил, что никогда бы их не носил, если бы все югославы были интеллектуалами: «К сожалению, большинство наших людей — крестьяне, и ты не знаешь, насколько в деревнях развит культ формы. Каждый крестьянин только и мечтает о том, чтобы его ребенок поступил на государственную службу, особенно на такую, где носят форму»². Он переодевался по три-четыре раза в день и регулярно принимал ультрафиолетовые ванны, чтобы сохранить загар. Также он привел в порядок зубы, а в конце 1950-х гг., к большому удивлению своих поклонников, начал красить волосы и пожелал сделать себе перманентную ондуляцию, известную под названием «мини-волна». Когда кто-нибудь протягивал ему руку для рукопожатия, то он не пожимал ее, а чуть сдвигал, чтобы вынудить человека спонтанно поклониться³. По словам Савки Дабчевич-Кучар, никто не умел так, как он, просто взглядом, манерой протянуть руку, приветствием определить место, на которое хочет тебя поставить. Так он вел себя даже с ближайшими товарищами, например с Бакаричем или с Карделем⁴. «Он всегда коммуницировал не только словами, — говорит далее Савка Дабчевич-Кучар. — Он коммуницировал и выражением лица, манерой речи, взглядом, а прежде всего — осанкой»⁵. «Он ни на мгновение не переставал быть генеральным секретарем Партии, Президентом Республики и Маршалом», — добавляет Добрица Чосич⁶.

«Склонность к чрезмерной и вульгарной роскоши, которую выказывают высшие лица режима, — писал в середине 1960-х гг. из Загреба американский консул, — является одной из их самых неприятных характерных черт.

¹ *Dilas M. Tito. S. 246; Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 843; Последний визит Й. Броза Тито к И. В. Сталину: советские и югославские записи беседы 27–28 мая 1948 г. // Исторический архив. 1993. № 2. С. 28.*

² *AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 867.*

³ *Dilas M. Tito. S. 207; Čosić D. Pišćevi zapisi (1951–1968). S. 156.*

⁴ *Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 675, 858.*

⁵ *Ibid. S. 861.*

⁶ *Čosić D. Pišćevi zapisi (1951–1968). S. 189.*

Широкая общественность более всего ставит им в вину расхождение между теорией и практикой коммунизма, нежели какой-либо другой аспект общественной системы»¹. Хуже всего было в первые послевоенные годы, когда для «народа» ввели особые пункты, карточки и боны для покупки продуктов питания и одежды, а избранные без колебаний накинулись на блага, о которых столько времени могли лишь мечтать. Характерен пример Карделя, который еще в мае 1944 г. больше всего хотел иметь наливную ручку. Через год он мог пожелать для себя и многое другое². Сербский писатель и бывший партизан Добрица Чосич в 1950 г. жаловался в своем дневнике: «Внешние характерные черты нашей бюрократии можно объединить, используя такие определения и предметы: Дединье. Автомобиль. Нейлоновые чулки. Шаль из воздушного шелка. Кожаное пальто. Ботинки “велебит”, которых нет в свободной продаже. Магазин для дипломатов. Охота. Верховая езда. Теннис. Премьеры. Посещение художественных салонов. Приглашение великих художников и актеров на обеды. Интерес к футболу и искусству...» Он отмечал и противоположное: «На Чубуре ночи напролет, с девяти вечера до самого утра, ждут в очереди мяса в свободной продаже. Семьи организуют дежурства и сменяют друг друга. Толпы людей перед мясными лавками. Сидят, говорят, играют, жалуется, обвиняют... Действительность всё меньше походит на идеал»³.

Тито часто покидал Белград, причем сначала охотнее всего приезжал в Словению на озеро Блед, где жил летом, избегая удушающей жары столицы. Начиная с 1947 г. его любимой резиденцией стала группа островов Бриони в Истрии, где он занял виллы, построенные еще во времена Австро-Венгерской монархии или Королевства Италии. Сначала он жил на вилле герцога из Сполето, которую позже отдал Карделю, а для себя приказал построить новую и больших размеров, подходящую для приемов, на которых бывало до 500 человек. Он засадил остров лесами и, как писал в начале 1970-х гг. посол Западной Германии, привел «скромное, пришедшее в упадок земельное владение в нынешнее состояние, напоминающее загородную резиденцию какого-нибудь римского императора». На 770 га, где паслись примерно 200 голов диких рогатых животных, он велел построить отель люкс и ряд бунгало, предназначенных для высших представителей югославского руководства и высоких иностранных гостей⁴. Среди них было много членов европейских королевских семейств и актеров, пользовавшихся всемирной известностью, например: Орсон Уэллс, Софи Лорен, Джина Лоллобриджида, Жозефина Бейкер, Элизабет Тейлор, Ричард Бартон, Юл Бриннер и др.⁵

¹ NARA. Pol 15-1 Yugo, 25.02.1964.

² AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopolis za IV. zvezek Titove biografije. S. 866; T. e. 271; E. Kardelj V. Dedijerju, 07.05.1944; V. Dedijer E. Kardelju, 06.07.1944.

³ Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 21.

⁴ PA. B 42. Bd. 1343; Mandić B. Tito izbliza. S. 126, 127.

⁵ Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 677; AS. Dedijer. T. e. 3.

Он обустроил пляжи, и даже пожелал иметь зоопарк для экзотических животных, которых ему дарили руководители афро-азиатских государств. Тито приказал построить ему личную виллу на островке Ванга, где он занимался фотографией и заготовкой вина, но прежде всего — обработкой металла и дерева. Он гордился тем, что принадлежит к людям «моторов и станков». Был там у него и свой погреб, куда он охотно звал гостей. Для самых важных из них находились даже бутылки года их рождения¹. При этом характерно, что на строительстве на Бриони использовали труд заключенных, что не смущало Тито, ведь всё, «что было великого в истории, построили рабы»². По словам британского посла, так возникла помесь Аркадии и зоопарка Випснаде³. В послевоенные десятилетия в этом сахарном раю об удобствах и безопасности Тито заботились несколько тысяч человек. Как писал один из его личных врачей, ни один из современных правителей не жил в большей роскоши и благополучии⁴.

* * *

«Революционеры» из окружения Тито не возражали против этого са-трапского вкуса, отчасти потому что сами довольно быстро приспособились к привилегиям, которые давала власть, отчасти из осторожности, чтобы не впасть в немилость. Они также присвоили себе виллы и богатства «врагов народа»⁵ и привыкли к сладкой, часто аморальной жизни, как будто стремились наверстать упущенное⁶. «Все уже превратилось в добровольных слуг единства партии и идеологии, — пишет Джилас, — все уже стали чужими и бессильными вне рамок своей секты, вне власти и утопии»⁷.

Когда Анте Топич Мимара оставил свою коллекцию «хорватскому народу», Тито просто приказал разместить ее в своей загребской резиденции, вилле «Вайс». Но это было не самым страшным. Хуже всего было то, что сразу после войны началось оформление сильной вертикальной комиссарско-партийной структуры, которая функционировала как независимая власть наряду с государственной. «Такая вертикаль, — говорил Гойко Николиш, — неизбежно должна была привести к негативным последствиям: она переродилась в автономную силу и присвоила себе функцию бюрократического управления». Конечно, первыми под удар попали интеллигенты, которые уже просто из-за того, что являлись ими, автоматически считались подозрительными. «Слишком много думают»⁸. Они, как и широкие народные массы, едва ли

¹ *Vrhunec M.* Josip Broz — Tito. S. 31.

² *Dilas M.* Tito. S. 196; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 621; *Ćosić D.* Pišćevi zapisi (1951–1968). S. 186.

³ TNA. FCO 28/2162.

⁴ *Matunović A.* Titova sovladarica. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2008. S. 61.

⁵ *Dilas M.* Tito. S. 193.

⁶ *Becele Ranković L.* Življenje z Leko. S. 126.

⁷ *Dilas M.* Tito. S. 186.

⁸ *Nikoliš G.* Korijen, stablo, pavetina. S. 644, 645; *Nenadović A.* Razgovori s Kočom. S. 200.

подозревавшие о привилегиях, которыми пользовались представители партийной элиты, вплоть до смерти Тито не имели возможности высказать свои взгляды. Редко случалось, чтобы общественное мнение выразилось настолько явно, что его фиксировали. Так, например, произошло в конце 1960-х гг., когда в Белграде и других городах демонстрировали фильм о повседневной жизни Тито в роскошной вилле на Бриони, окруженной волшебным парком. Сцену, в которой маршал сидел на террасе с сигаретой во рту и что-то подчеркивал карандашом в каком-то, очевидно, чрезвычайно важном документе, общественность комментировала с издевками и насмешками. Но это были не просто насмешки: когда люди увидели зоопарк Тито, они не могли удержаться от комментария, что «на Бриони о животных заботятся больше, чем в этой стране о рабочих»¹.

¹ PA. B 12. Bd. 547.

1945–1953 ГОДЫ

Послевоенные убийства без суда

В ходе последних военных операций в мае 1945 г. югославские вооруженные силы захватили и отправили в заключение 125 тыс. коллаборационистов и 280 тыс. немецких бойцов, причем в первую очередь они следили за тем, чтобы гестаповцам не удалось сбежать¹. В конце 1944 г. Тито дважды объявлял амнистию тем членам отрядов квислингов, которые не запятнали себя преступлениями, в случае их перехода в ряды партизан. По соглашению с Шубашичем многие хорватские домобранцы также использовали эту возможность и дезертировали из вооруженных сил НГХ. Однако поскольку Шубашич не имел никакого влияния в Сербии и Словении, то там четники, домобранцы и другие коллаборационисты из-за своей идеологической зашоренности не последовали этому примеру². 14 мая Тито издал приказ, что следует любой ценой предотвращать убийства военнопленных и заключенных, а подозреваемых в военных преступлениях отдавать под суд. «Всех военнопленных передать главным штабам Словении и Хорватии»³. Однако уже 18 мая он ликвидировал упомянутые штабы и включил их подразделения в ЮА, во многом под влиянием информации об угрозе вооруженного конфликта с британцами и американцами на западной границе. Поскольку 1 мая партизанские силы освободили и заняли Триест и Горицу, отношения между Белградом с одной стороны и Лондоном и Вашингтоном — с другой резко обострились. Союзники категорически потребовали ухода югославы с этой стратегически важной территории, сами же были готовы продвинуться до Любляны⁴. Ощущение грозящей опасности, охватившее югославских вождей при таком развитии событий, вероятно, только укрепило их убеждение, что необходимо как можно скорее «уничтожить» плененных или возвращенных на родину югославских коллаборационистов. Примерно 30 тыс. из них удалось пробиться в южную Каринтию, но британцы большинство вернули на родину, хотя и не могли питать иллюзий относительно их дальнейшей судьбы⁵. Тито и его ближайшие соратники неоднократно обсуждали

¹ BA. DY 30/IV B2/20/134; *Vrhunec M.* Josip Broz — Tito. S. 77.

² *Velebit V.* Svjedok. S. 350.

³ *Ridley J.* Tito. A Biography. P. 258. *Goldstein S., Goldstein I.* Jasenovac i Bleiburg. S. 146.

⁴ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 133, 134.

⁵ *Ribičič M.* Iskanja. Ljubljana: Društvo piscev zgodovine NOB Slovenije, 1994.

грядущий кровавый суд в конце войны, в том числе и в конце декабря 1944 г. в Белграде на совещании начальников ОЗНА, во главе которого стоял Александр Ранкович. На нем постановили физически ликвидировать всех бойцов квислингских отрядов. Окончательное решение о том, как поступить с ними, вероятно, приняли в Загребе на строго секретном совещании Тито с командующими четырех армий ЮА на основании оценки сложившейся на тот момент стратегической ситуации. Они опасались, что в случае конфликта с западными союзниками коллаборационисты перейдут на их сторону и станут своего рода «троянским конем» или «бомбой замедленного действия»¹. Когда британцы во второй половине мая 1945 г. действительно начали их возвращать, в Словению прибыл полковник с письмом Ранковича, адресованным местному руководителю ОЗНА Матии Мачеку, в котором говорилось, что нужно осуществить «жюстификацию»². Сведение счетов с домобранцами, усташами, недичевцами, льютичевцами и четниками было фундаментальным: первых расстреляли в Словении, а остальных — кого не убили — погнали «маршем смерти» в лагеря во внутренних районах страны, откуда их должны были интернировать, но до которых мало кто добрался живым³.

Тито не сожалел об этой кровавой расправе, напротив, он считал ее более чем оправданной, особенно в то время, когда у него начался конфликт со Сталиным. «Тогда, — полагал он, — мы избежали вооруженного вторжения, поскольку Югославия была единой, а различные реакционные элементы в стране не могли осуществлять провокации, так как мы уничтожили их главную силу во время народно-освободительной борьбы»⁴. Моральным оправданием этой бойни, по утверждению Тито и других руководителей, также несших ответственность за нее, служило то, что «приговор» жертвам «вынес народ»⁵. Когда Джилас спросил у Тито, почему это произошло, тот хотя и признал, что было пролито много крови, велел ему больше никогда об этом не говорить. Вскоре он приказал «прекратить убийства. Никто больше не боится смертной казни». Действительно, 3 августа 1945 г. была объявлена амнистия. Убийства прекратились, но продолжалась охота на тех — главным образом сербов и хорватов, — кто с оружием в руках в лесах продолжал вести борьбу против режима⁶.

¹ Ibid. S. 50, 52, 53, 60; *Batty P.* Hoodwinking Churchill. P. 256, 257.

² *Bajt A.* Bermanov dosje. S. 862; AS. Dedijer. T. e. 223. Pričevanje Matije Mačka, 14.02.1985. Ko je donijo odluke o Kočevju, fojbama, Dachauskim procesima.

³ NARA. Pol 302 Yugo. Committee for Investigation of the Bleiburg Tragedy, Postwar Massacres in Communist Yugoslavia. Cleveland, 1964; *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 309, 310; *Jakovina T.* Američki komunistički saveznik. Hrvati, Titova Jugoslavija i Sjedinjene Američke Države 1945–1955. Zagreb: Profil, Srednja Evropa, 2003. S. 36, 37.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 252. Tipkopolis za IV. zvezek Titove biografije. S. 349, 350; см. речь Тито в Пулье 11.11.1956 в кн.: *Broz Tito J.* Govori i članci. S. 220.

⁵ AS. Dedijer. T. e. 252. Zapis Ranković IX-87.

⁶ *Suppan A.* Hitler — Beneš — Tito. Bd. II. S. 1353; *Broz Tito J.* Govori i članci. S. 229.

Циничная расправа Тито с «контрреволюционерами» не вызвала отклика на Западе. А Сталин ее одобрил, и югославские руководители очень гордились его похвалой. На встрече с польской делегацией *хозяин* Кремля критиковал варшавские власти за недостаточную жесткость по отношению к оппозиционным силам и поставил маршала им в пример: «Тито *молодец*. Он убил всех своих врагов»¹.

«Раздел» власти между товарищами

Во временном правительстве, сформированном Тито в начале марта 1945 г., было 27 членов. Политическую эмиграцию в нем представляли, помимо заместителя председателя Шубашича, еще Милан Грол, Юрай Шутей и Сава Косанович. Казалось, таким способом было выполнено соглашение между Сталиным и Черчиллем о разделе зон влияния на Балканах, причем Тито и его товарищи не могли воспротивиться этому решению, поскольку от его реализации зависело международное признание новой Югославии. Фактическая власть, конечно, оставалась в руках КПЮ, т.е. девяти членов Политбюро и еще более узкого состава Секретариата (Тито, Кардель, Ранкович, Джилас). Характерно, что Тито никогда не приходил на заседания правительства, за исключением тех случаев, когда они были посвящены каким-нибудь юбилеям или же он хотел проинформировать о своих поездках в иностранные государства. На заседаниях, созывавшихся с большими, иногда даже месячными интервалами, председательствовали Кардель или какой-нибудь другой заместитель председателя, а Лео Матес, многолетний соратник Тито, был обязан сообщать ему о проводившихся на них обсуждениях. На партийном уровне тоже не было никакого порядка, так как Тито в первые послевоенные годы проводил совещания со своими соратниками неофициально. Он хотел править, а не заниматься зачастую второстепенными деталями и пустыми формальностями².

Он правил, потому что мог опереться на сильную армию, которая полностью находилась в руках партии и, приняв доктрину, была готова пойти на любую жертву³. Со своей стороны партия (141 тыс. членов, из них 100 тыс. служили в ЮА) располагала обширной сетью народных комитетов, осуществлявших контроль над широкими массами⁴. Существовало еще и ОЗНА, боровшееся против внутренних и внешних врагов, и дел у него было очень много, если верны сведения о том, что западные секретные службы за два первых послевоенных года послали в Югославию 826 групп диверсантов и шпионов и более 6 тыс. террористов. В столкновениях с ними потеряли жизнь

¹ *Suppan A. Hitler — Beneš — Tito. Bd. II. S. 98.*

² *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 187; Idem. Hrvatska. S. 218; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 89.*

³ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 649.*

⁴ *Bilandžić D. Hrvatska. S. 214.*

столько же югославских граждан¹. Необходимо отметить, что многие люди верили в идеалы Народного фронта, организованного и руководимого КПЮ, и что «буржуазные» силы политически дискредитировали себя и были слабы. Как впоследствии говорил Тито, формирование временного правительства пробудило в рядах оппозиции в стране и за рубежом иллюзию, что еще не всё потеряно. Однако группа его ближайших сподвижников твердо знала, чего хочет достичь². Она собиралась в быстром темпе осуществить революцию, не слишком заботясь о мнении Запада и несмотря на большую помощь от ЮНРРА (Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций), которую обеспечивали прежде всего США³. «Мы шли к строительству социализма с еще не виданным воодушевлением»⁴. Четверка власть имущих разделила Югославию на феодалы. Тито, наивысший по рангу и старше остальных троих на 20 лет, осуществлял глобальное руководство и, в сотрудничестве с Карделем, особое внимание уделял Хорватии. Доменом Карделя была Словения, а Ранкович и Джилас еще с довоенных времен отвечали за Сербию и Черногорию, а через своих вассалов контролировали еще и Македонию, Косово, Воеводину, Боснию и Герцеговину⁵. Разделение обязанностей осуществлялось и на другом уровне: Кардель взял на себя задачи формирования общественной системы и внешней политики, Ранкович ведал внутренним положением страны, тогда как сферой Джиласа были агитация и пропаганда, т. е. власть над интеллектуальной жизнью. Вместе с Тито эта горстка руководителей принимала все важные решения и затем предоставляла их Политбюро для верноподданнического утверждения⁶. На нижних уровнях общественной жизни рычаги власти захватили молодые люди в возрасте от 15–16 до 30 лет, которые приступили к управлению с большой самоуверенностью, хотя часто не осознавали размера проблем, с которыми сталкивались. Большинство из них имели более чем скромное образование. Это поколение оставалось у власти в последующие 30–40 лет⁷.

Национализация и аграрная реформа

В тот период в Югославии были проведены реформы, которые привели к крупным социальным изменениям. В начале 1946 г. Политбюро под руководством Тито решило, что следует приступить к проведению как можно более широкой национализации главных средств производства, причем подготовка к ней проходила в обстановке строгой секретности. У этого решения

¹ AJ. 837. KPR. IV-5-a. K 38. TV serija «Iz Titovih memoara».

² BA. DZ 30 IV 2/20/127.

³ PA. B 11. Bd. 427. 1. S. 97.

⁴ *Dedijer V. Novi prilozci. Vol. III. S. 381.*

⁵ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 294.*

⁶ *Ibid. S. 294, 355.*

⁷ *Bilandžić D. Hrvatska. S. 215; Halder M. Der Titokult. S. 215; Dapčević V., Ćuruvija S. Ibeovac.*

имелись и противники, поскольку некоторые считали, что оно преждевременно и сузит базу Народного фронта или новой политической власти. Они утверждали, что нужно постепенно, шаг за шагом, идти к национализации отдельных отраслей экономики. Советский Союз тоже советовал не слишком спешить, чтобы не ухудшить международное положение Югославии. И это — в преддверии мирной конференции, на которой будут решаться важные вопросы, касающиеся западной границы и Триеста. Также не следует забывать, что в довоенной Югославии в руках иностранного, прежде всего западного, капитала находилось большинство рудников, важнейших промышленных предприятий и банков. Учтя эти замечания, Тито и его товарищи отложили проведение национализации до конца года. И лишь тогда, когда решения великих держав относительно западной границы уже стали известны, в общественную собственность, согласно закону, перешло 90% предприятий. Конечно, на Западе это вызвало сильное негодование, и были выдвинуты требования, чтобы Белград выплатил выкуп за захваченные рудники и фабрики. Одновременно Политбюро приняло решение, что национализация не распространится на землю, за исключением той, что прежде находилась в собственности крупных помещиков. Тито и его товарищи полагали, что характер такой политики в Югославии будет иным, нежели в Советском Союзе во время Октябрьской революции. Там ликвидировали помещичьи хозяйства и дали землю крестьянам. А в Югославии национализация земли, в сущности, означала бы лишение крестьян собственности, ведь огромное большинство земель было раздроблено на мелкие владения. Подобное решение было бы экономически нерациональным и политически вредным, так как поставило бы под вопрос союз рабочих и крестьянского населения и оттолкнуло бы от властей именно те слои, которые в наибольшей мере способствовали успеху народно-освободительной борьбы¹.

«Социалистическая революция» первого послевоенного периода, цитируя Карделя, имела свою цену, ведь в ее эксцессах было нечто патологическое. Людей принуждали к постоянной агитации, к непрерывному маршу на «спонтанных» парадах, к скандированию лозунгов, из которых наиболее часто повторялись: «Да здравствует Тито!», «Да здравствует Сталин!», «Хотим Триест!», «Ура славному Советскому Союзу!», «Смерть врагам народа!» и т. п. «Маршал Тито и его коллеги думают, — написал Филип Гамбургер в иронической статье, опубликованной весной 1946 г. в *The New Yorker Magazine*, — что добротная, длительная, тщательно спланированная спонтанная манифестация прав — это то, что доктор прописал Югославии, и что четыре-пять доз в день поставят пациента на ноги»².

¹ AJ. 837. KPR. IV-5-a. K 38. TV serija «Iz Titovih memoara»; AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 118.

² NARA. RG 319. Box 26. Yug. Miscellaneous.

БОРЬБА ЗА ТРИЕСТ

В конце февраля 1945 г. в Белград прибыл британский фельдмаршал сэра Харолд Александер, с ноября 1944 г. — верховный главнокомандующий союзнических сил в Средиземноморье, чтобы договориться с Тито о сотрудничестве партизанских и англо-американских подразделений в западной части Юлийской Крайны. Он потребовал, чтобы в целях защиты коммуникационных путей между Италией и Австрией его отряды заняли территории к западу от бывшей итальянско-югославской границы. Маршал согласился с условием, что сохранит контроль над созданной партизанами и уже действующей в регионе гражданской администрацией¹. Вопрос об окончательном определении границ должна была впоследствии решить мирная конференция. Как вспоминал в 1951 г. Кардель, Александер «в разговорах с Тито не желал идти ни на какие уступки». Такая позиция укрепила подозрения, что он просто проводит в жизнь политику раздела Югославии, о которой договорились Черчилль и Сталин. «Черчилль рассчитывал, что придет со своими войсками в Люблян и в Загреб, и это стало бы для англичан аргументом и донныне оставаться тут. Разница была бы только в том, что власть находилась бы не у нас в руках, в Белграде сидели бы русские, а в Загребе англичане». Так считал Кардель².

Едва Александер уехал, убежденный в том, что «может получить всё, что хочет»³ от Тито, тот 2 марта 1945 г. приказал сформировать в Боснии и Герцеговине новую, IV армию, оперативной задачей которой было прорваться к Соче. Словенцы считали, что эта река является их естественной границей с Италией. Очевидно, договоренность с Александером, как и в прошлом году в Неаполе с Черчиллем, была просто тактическим ходом, прикрывавшим иные стратегические и политические цели. 5 апреля Тито отправился в Москву с первым официальным визитом. Его приняли с такими же почестями, какие ранее оказывались только Эдуарду Бенешу и Шарлю де Голлю. Может, даже слишком торжественно, ведь после полета на самолете он чувствовал себя плохо, и ему пришлось мобилизовать все свои силы, чтобы

¹ *Губианский Л. Я.* Советский Союз. С. 178; *Biber D. Tito — Churchill.* S. 470, 471.

² AS. Dedijer. Т. е. 7. Spomini tov. Kardelja, 25.12.1951. S. 39, 40; *Velebit V. Svjedok.* S. 361–363.

³ *Biber D. Tito — Churchill.* S. 488; *Velebit V. Svjedok.* S. 147.

произнести приветственную речь¹. 11 апреля 1945 г. в Кремле Тито и Молотов в присутствии Сталина подписали 20-летний договор о взаимопомощи и сотрудничестве, подобный тому, который Советский Союз заключил в декабре 1943 г. с чехословацким эмигрантским правительством. В новых условиях на практике это означало, что он на глазах у всего мира вступил в социалистический лагерь. В США и Великобритании, которые это прекрасно поняли, договор, естественно, вызвал сильный протест и еще больше обострил их отношения с Белградом².

Помимо Шубашича, Тито взял с собой в Москву и Джиласа, чтобы уладить размолвку по поводу «оскорбления» Красной армии. Очевидно, Сталин принял извинения Джиласа. «Почему вы не написали мне обо всем этом. Я этого не знал. Думаю, что на этом спор закончен»³. И атмосфера снова стала дружеской, что доказал и тост Сталина на торжественном обеде, организованном в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца. *Хозяин* сказал, что больше не будет называть Тито «господином» (как обычно было принято в официальных случаях), а станет обращаться к нему «товарищ». Очень показательно, что он два раза пригласил Тито к себе на дачу на ужин, а Шубашич об этом не знал⁴. С другой стороны, Сталин не упустил возможности съязвить по поводу Югославии и ее «партизанской» армии, что Тито воспринял очень тяжело. «Во взаимоотношениях Сталина и Тито, — писал Джилас, — можно было заметить что-то особое, невысказанное — как будто бы они испытывали недовольство друг другом, но каждый из них сдерживался...»⁵

Газета *Красная звезда*, печатный орган Красной армии, 15 апреля 1945 г. опубликовала интервью с Тито, в котором тот подчеркнул, что население Истрии и Триеста стремится присоединиться к новой Югославии, «и мы убеждены, что это желание осуществится»⁶. На встрече с югославскими офицерами, обучавшимися в Москве на военных курсах и курсах контрразведки, он самоуверенно говорил, что отряды ЮА будут продвигаться к Триесту, хотя и не скрывал, что следует ожидать проблем с англо-американцами⁷. Во всяком случае, после двухнедельного пребывания в России он вернулся на родину обнадеженный, как видно из его сообщения Политбюро о переговорах с советскими руководителями: «Нас прекрасно приняли. СССР

¹ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 266–268.

² *Dimitrov G.* Diario. S. 823; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 271.

³ *Dediđer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 197, 222.

⁴ *Гуренко Ю. С.* Сталин—Тито. С. 267.

⁵ Там же. С. 268; *Dilas M.* Conversations with Stalin. Harmondsworth: Penguin Books, 1963. P. 112, 113.

⁶ *Gibianskij L.* Mosca, il PCI e la questione di Trieste (1943–1948) // Dagli archivi di Mosca. L'URSS, il Cominform e il PCI 1943–1951 / Ur. F. Gori, S. Pons. Roma: Carocci, 1998. S. 104; *Broz Tito J.* Govori i članci. Vol. I. S. 253–255.

⁷ *Ribičić M.* Iskanja. S. 43; *Pirjevca J.* «Trst je naš!». Перевод цитаты сделан по тексту Й. Пирьевца. S. 295.

поддержит нас во всем»¹. В убеждении, что нельзя терять времени, он послал в Словению и Хорватию указания сподвижникам, чтобы они были готовы немедленно захватить власть в Юлийской Венеции (как называли Приморье итальянцы) и, если произойдет вторжение англо-американских отрядов, защищать ее даже ценой столкновения с ними. Тем временем IV армии был дан приказ двинуться кратчайшим путем на Триест.

Первого мая IV армия и IX корпус ЮА вступили в Триест и Горицу и дошли до Сочи. Так как англичане и американцы сразу же потребовали вывести их войска, ссылаясь на соглашение Тито и Александра, 5 мая югославское правительство попросило советское поддержать его территориальные требования. Ответ, полученный 11 мая, был обнадеживающим, но также и дипломатически двусмысленным: правительство СССР «всеми силами будет содействовать тому, чтобы обоснованные требования Югославии были удовлетворены мирным путем»². Однако было очевидно, что это невозможно: в последующие дни отношения Белграда с Западом резко обострились, и вопрос приобрел политический характер. Уинстон Черчилль и новый президент США Гарри С. Трумэн изгнанием югославов из Триеста и Горицы сигнализировали Сталину, что не потерпят распространения коммунизма по эту сторону от демаркационной линии, которой в Ялте разделили Европу между двумя блоками. В одном из обращений к своим отрядам фельдмаршал Александр даже сравнил Тито с Гитлером, Муссолини и японскими империалистами, заклеив его «территориальный грабег»³. Чтобы достигнуть своих целей, Черчилль и Трумэн в конце концов пригрозили военным нападением, что югославская политическая верхушка расценила как попытку расчленения Югославии. В одной из записок Эдвард Кардель утверждал, что в Белграде восприняли конфликт очень серьезно и усматривали в нем стремление Запада прорваться не только к прежней рапальской границе, установленной между Королевством СХС и Италией в 1920 г., но и к Загребу⁴.

Так же серьезно оценивали положение и в Москве. Тито упрекнули в том, что он обострил отношения с Западом до крайности и тем самым пошел на риск развертывания вооруженного конфликта, чего Советский Союз не мог одобрить⁵. Сталин, конечно, принимал в расчет неизбежность борьбы с «демократической фракцией» капиталистов, с которой он вступил в союз против «фашистской» Германии. Моше Пияде и другим югославским и болгарским гостям, которых он в январе 1945 г. пригласил к себе на дачу на ужин, он открыто говорил о будущей войне с западными союзниками и о том, что

¹ Biber D. Trst, Triest ali Trieste. Geneza in dileme o tržaški krizi // Konec druge svetovne vojne v Jugoslaviji / Ur. D. Biber // Borec. 1986. XXXVIII, 12. S. 676, 677.

² Губианский Л. Я. Советский Союз. С. 179.

³ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 95.

⁴ Ribičič M. Iskanja. S. 23.

⁵ ВА. ДУ 30 IV 2/20/127.

она «не за горами». Но не сейчас¹. Он был убежден, что югославы заслуживают Триест, поскольку итальянцы оккупировали его после Первой мировой войны, использовали как базу для своих посягательств на Балканы и принесли много зла народам этого региона². В своих посланиях Трумэну и Черчиллю он ясно это высказал и выразил протест по поводу слов фельдмаршала Александера о «грабеже» Тито³. А Тито он так же недвусмысленно сообщил, что не намерен начинать третью мировую войну ради адриатического порта, и потребовал, чтобы он вывел из него войска в течение 48 часов. Когда Тито отдал командующему IV армии Пеко Дапчевичу приказ уйти из западной части Юлийской Крайны, в пояснение своего решения он показал ему телеграмму от Сталина⁴.

То, что их вынудили покинуть Триест, югославы восприняли как предательство. Их чувства выразил сам Тито в речи, произнесенной 26 мая в Любляне. Перед огромной аудиторией он заявил, что Югославия не будет «разменной монетой» в торге ведущих держав о разделе сфер интересов⁵. Сталин отреагировал чрезвычайно раздраженно, поскольку ему показалось, что Тито сравнивает его с западными империалистами. По его поручению советский посол в Белграде выразил официальный протест, говоря, что речь Тито показывает его враждебное отношение к Советскому Союзу. «Скажите товарищу Тито, — приказал Сталин, — что если он еще раз сделает подобный выпад против Советского Союза, то мы вынуждены будем ответить ему критикой в печати и дезавуировать его»⁶. В тот момент отношения Тито с англичанами и американцами уже были основательно подорваны, поскольку те вынудили партизан уйти из австрийской Каринтии и вдобавок выдвинули ультиматум, чтобы они оставили Триест и Горицу. Тито не мог позволить себе пойти еще и на конфликт со Сталиным, и поэтому униженно склонился перед ним. «С наивным замешательством, — сообщал советский посол И. В. Садчиков, — он извинялся и твердил, что в Любляне у него сдали нервы из-за плохой погоды: “Во время моей речи началась гроза с градом. Дождь и град били мне в лицо, и это настолько меня нервировало, что я высказал такие резкие слова”»⁷. Сталин был настолько взбешен, что заставил Тито всю ночь прождать у телефона, когда тот пытался ему дозвониться, чтобы заручиться его поддержкой в триестском вопросе. Во многом из-за этого нажима, а также в рамках соглашения между югославами и англо-американцами 9 июня

¹ *Dimitrov G.* Diario. S. 802; AS. Dedijer. T. e. 8. M. Pijade — V. Dedijerju, 05.03.1953.

² AJ. 836. KMJ I — 3-d/16. Pismo Vladimira Popovića — Titu, 21.05.1945; Ded — Ercoliju (Togliattiju) in v vednost Titu, 07.06.1945.

³ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 277.

⁴ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 73, 917.

⁵ *Broz Tito J.* Govori i članci. Vol. I. S. 276–280.

⁶ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 275.

⁷ *Gibiński L.* The Trieste Issue and the Soviet Union in the 1940s // *Vojna in mir na Primorskem: od kapitulacije Italije leta 1943 do Londonskega memoranduma leta 1954* / Ur. J. Pirjevec, G. Bajc, B. Klabjan. Koper: Založba Annales, 2005. S. 76.

1945 г. партизанские войска были вынуждены покинуть западную часть Юлийской Венеции (Приморья), которая до определения на мирной конференции новой границы между Италией и Югославией была разделена на две оккупационные зоны. Зону А с Триестом включительно заняли западные союзники, тогда как зона Б, в которую входила почти вся Истрия, осталась под военным управлением югославов¹.

На другом уровне этот инцидент выявил подспудную напряженность между Карделем и Тито, появившуюся из-за всё более автократического поведения последнего. В разговоре с русским послом Кардель заявил, что согласен с критикой Сталина и что Тито, несмотря на его бесспорные заслуги, рассматривает Югославию «как нечто самодовлеющее, вне общей связи с развитием пролетарской революции и социализма». Также он критически отметил, что ЦК КПЮ не функционирует как коллектив, и выразил пожелание, «чтобы Советский Союз смотрел на нас как на представителей одной из будущих советских республик, а не как на представителей иностранного государства»². Хотя Тито не могли понравиться тон и содержание высказывания Карделя, по утверждению Джиласа, он никогда его за них не упрекал. Однако, по словам Светозара Вукмановича — Темпо, словенского политика едва не исключили из партии. Как бы то ни было, обида между ними осталась³.

Несмотря на неудачу, югославские коммунисты поздней весной и летом 1945 г. имели, наверное, наибольшее влияние на широкие народные массы, которые были готовы даже «штурмовать небо», убежденные, что новые руководители смогут обеспечить им лучшую жизнь⁴. К тому же следует отметить, что те и сами не знали, как осуществить переход от народно-освободительного движения ко «второму этапу» строительства социализма, как можно понять из слов Тито на учредительном съезде КП Сербии в мае 1945 г.⁵ Они точно знали только одно: необходимо бескомпромиссно расправиться еще и с теми политическими группами и индивидуумами из буржуазного лагеря, которые были готовы сотрудничать с КПЮ, надеясь, что смогут найти с ней общий язык и что им даже разрешат создать лояльную оппозицию⁶. Уинстон Черчилль на Потсдамской конференции трех великих держав говорил: «... администрация Тито установила жесткий партийный режим, который поддерживается политической полицией, печать тоже под контролем, как в некоторых фашистских странах». Защита Сталиным ситуации в Югославии, которая, по его словам, была совершенно нормальной, только усугубила положение⁷. Любопытный диалог состоялся между двумя государственными

¹ *Pirjevec J.* «Trst je naš!». S. 317, 318.

² РГАСПИ. Ф. 375. Оп. 1. Д. 413; *Dedijer V.* Novi prilozii. Vol. III. S. 350, 351.

³ *Dilas M.* Tito. S. 234; AS. *Dedijer.* Т. е. 298.

⁴ *Nikoliš G.* Korijen, stablo, pavetina. S. 657.

⁵ *Pleterski J.* Senca Ajdovskega gradca. S. 69.

⁶ *Ibid.* S. 80.

⁷ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 278, 279.

деятелями на приватном обеде. Черчилль напомнил Сталину о соглашении относительно Югославии и сказал, что в данный момент влияние обеих великих держав в этой стране составляет не 50:50, а 99:1, и не в пользу Великобритании. Сталин не согласился — он утверждал, что в Югославии британское влияние составляет 90%, югославское — 10%, а советского и вовсе нет. «Советское правительство часто не знает, что намеревается предпринять правительство Тито». Тем самым он подтвердил свое мнение об упрямстве Тито, которое высказывал еще в Ялте: «Когда даешь Тито добрый совет, он иногда лягается»¹.

Образование Федеративной Народной Республики Югославии

Тито и его товарищи сначала расправились с сербскими и хорватскими политиками, которые служили им до тех пор, пока было нужно доказывать западным союзникам, что Югославия не полностью находится в тисках коммунистов. Гонения на Грола, Шубашича и остальных представителей довоенных буржуазных партий происходили так: они один за другим отказывались от своих политических постов и их отправляли в ссылку — в самой Югославии или за рубежом². Когда в 1945 г. обсуждались выборы в Учредительную скупщину, коммунисты сознательно включили в закон ряд положений, препятствующих участию в них оппозиции. Так, гражданских прав лишили всех, кого можно было обвинить в сотрудничестве с оккупантом или с силами, находившимися под его контролем. «Коллаборация», естественно, была очень растяжимым понятием. Хотя Тито и его товарищи были уверены, что реально могут рассчитывать получить на выборах 60–70% всех голосов, они решили, что не позволят оппозиции принять в них участие, поскольку не хотели признавать ее «легитимность» и стремились избежать каких-либо «серьезных проблем». С этой целью они создали из существующих партий и политических групп Народный фронт под руководством КПЮ. Его председателем стал Тито, а генеральным секретарем избрали Сретена Жуйовича — Црни. Несмотря на угрозу Вашингтона прекратить предоставление экономической помощи Белграду, если выборы в новую скупщину не будут демократическими, 11 ноября 1945 г. состоялось голосование, результаты которого никого не удивили³. За Народный фронт проголосовало абсолютное большинство. Избиратели — среди них впервые были женщины — могли положить резиновые шарики для голосования (использовавшиеся по причине всё еще широко распространенной неграмотности) в его ящик, а также в «черный» ящик, на котором не было надписи, что должно было обеспечить демократичность

¹ *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 72; *Biber D.* Tito — Churchill. S. 447; *Batty P.* Hoodwinking Churchill. P. 251.

² *Kardelj E.* Spomini. S. 74–76; *Simić P., Despot Z.* Tito. Strogo poverljivo. S. 180–184.

³ *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 75.

выборов. В таких условиях Народный фронт получил 8 393 435 голосов, и лишь 838 239 избирателям хватило мужества опустить шарик в безымянный ящик. Конечно, не обошлось и без многочисленных мошенничеств¹. На основании этих результатов была созвана Учредительная скупщина, состоящая из двух палат: Союзного веча и Веча национальностей. На своем первом заседании 29 ноября 1945 г. она приняла декларацию, в которой провозгласила ликвидацию монархии и создание Федеративной Народной Республики Югославии. Тито неоднократно говорил, что это был счастливейший день в его жизни. Затем Скупщина продолжила свою работу, обсуждая проект новой конституции, которая с большой торжественностью была принята 31 января 1946 г., хотя, в сущности, и являлась копией советской конституции 1936 г. (Потом в Москве над этим посмеивались².) Как и та, она обеспечивала шести союзным республикам право на самоопределение и отделение. Вновь провозглашенное равноправие югославских народов символически подчеркнули тем, что текст конституции зачитали на сербском, хорватском, словенском и македонском языках³. Впрочем, без проблем не обошлось. На албанском языке конституцию не зачитали, несмотря на многочисленность этого этноса. Он уже стал предметом внутренних конфликтов, как признал Тито в 1978 г. в своем последнем интервью американскому профессору Джорджу В. Хоффману. Когда тот спросил его, какая внутривластная проблема была самой трудной в его жизни, маршал без колебаний ответил: «Убедить сербов принять области Воеводину и Косово». Сам он полагал, что Косово должно стать отдельной республикой в Югославии, «но это было невозможно, сербы не вынесли бы этого»⁴.

Перед принятием новой конституции, в которой напрасно было бы искать слово «социализм», а еще больше после него государство затопила лавина радикальных экономических и общественных перемен. Тито осознавал рискованность этих действий. Велебиту, которому он предложил должность в «желтом доме» (как называли министерство внешней политики), хотя тот и считал, что слишком мало знает о дипломатии, он с усмешкой сказал: «Никто из нас, строящих сейчас государство, ничего не знает о том, как это делается. Мы всему должны учиться на деле»⁵. Но он был полон веры в себя и в своих товарищей, как видно из сообщения, которое он с гордостью послал в Москву в январе 1946 г. По его мнению, Югославия за последние месяцы, прошедшие после окончания войны, достигла ступени, на которой Россия была в 1917–1921 гг., в период наиболее интенсивных (и беспредельных) общественных экспериментов⁶.

¹ *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 219.

² *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 393.

³ *Kocbek E.* Dnevnik. 1946. Vol. I. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1991. S. 56.

⁴ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 676; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 156–164, 168–170.

⁵ *Velebit V.* Svjedok. S. 149.

⁶ *Pirjevec J.* «Trst je naš!». S. 350.

Отношение к католической церкви

В интеллектуальной сфере власти, в соответствии с этим «военным коммунизмом», начали вводить доктрину «соцреализма» — ту, которую в Советском Союзе проповедовал А. А. Жданов. А в Югославии ее проводил в жизнь министр агитпропа Милован Джилас¹. Хотя последний позднее утверждал, что первые послевоенные годы были для него нетворческими и унижительными, нельзя сказать, что он не наслаждался привилегиями своего положения. Тот факт, что его жена Митра купила в одном известном ювелирном магазине пару бриллиантов за сказочную сумму 600 тыс. динаров, вызвало в Белграде ряд колких замечаний. «Ja sem Mitrije proleter, — саркастически говорили люди, — ali volim soliter²». Короче говоря, из революционера и писателя он превратился, по его собственному признанию, в пропагандиста монарха, правление которого было еще более абсолютистским, чем правление короля Александра³. И он делал это с таким воодушевлением, рассказывает Кардель, что «нам приходилось смягчать последствия его радикализма, проявлявшегося в догматической организации сферы культуры и пропаганды. <...> Он был сектантом до мозга костей⁴». Судя по разговору, который в 1946 г. состоялся у Джиласа с группой сербских академиков, это суждение не было преувеличением. Во время обеда он свысока спросил их, знают ли они, что означает власть. Никто не ответил. Джилас, ощущавший себя всемогущим, пояснил им: «Власть — это значит палки, господа академики»⁵.

Добавок нужно сказать, что руководители КПЮ продолжали вести двуличную политику, основы которой были заложены еще во время народно-освободительной борьбы. Они скрывали партию от масс, как будто она всё еще была вынуждена находиться на нелегальном положении. На учредительном съезде КП Сербии весной 1945 г. делегатам посоветовали не рассказывать, что Тито на нем присутствовал и выступал, поскольку это могло повредить ему как государственному деятелю. На I съезде югославских писателей в ноябре 1946 г. Тито ни слова не сказал о КПЮ и ее роли в воспитании литераторов, о «партийности» литературы и о том, что писатели и поэты должны овладеть марксистско-ленинской теорией и применять ее в своей работе. Ни в центральном органе КПЮ газете *Vorba*, ни в теоретическом органе партии журнале *Komunist* почти не публиковалось статей, посвященных этим

¹ Dilas M. Tito. S. 97.

² «Я Митра-пролетарка, но я люблю солитеры» (серб.). Солитеры — крупные бриллианты (прим. пер.).

³ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа: 1949–1953: Очерки истории. М.: РОССПЭН, 2002. С. 221.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 7. Intervju s Kardeljem; T. e. 201. Zabeleška o razgovoru druga E. Karđelja sa Vladimirom Dedijerom, u Ljubljani, 11. oktobar 1978. godine. S. 7.

⁵ Antonić Z. Rodoljub Čolaković u svetlu svog dnevnika. Beograd: Knjiga, 1991. S. 82.

вопросам¹. Забота о сохранении «конспирации», однако, не мешала «товарищам» у власти при преобразовании общества подражать жестокости Сталина. «Партия забыла, — жаловался в своем дневнике Эдвард Коцбек 11 января 1946 г., — что мы находимся в Европе, что она должна бы проявлять больше уважения к плюрализму жизни и духа, чем это делают в России, что наша революция — особое явление, что она ведет себя аморально, забывает о помощи союзников, утопает во всё большей брутальности и стерильности, провоцирует в деревнях рост необузданных страстей (вражда, насилие, ложь, эксцессы)»².

В этих обстоятельствах не могло не последовать наступление на религию, прежде всего на католическую церковь. Оно основывалось на убеждении Тито, что довоенная Югославия являлась искусственным образованием, что у проживавших в ней людей не было осознания общей национальной принадлежности и что в значительной степени ответственность за это несли этнорелигиозные распри³. «Церковь не может стоять над государством», — заявил Тито в узком кругу в 1945 г., в период конфликта с загребским архиепископом Алоизие Степинацем, который отважился на противостояние с ним⁴. Тито хотел иметь подданных, которые умеют повиноваться.

Что касается напряженных отношений между государством и католической церковью, следует отметить, что виновны были обе стороны. Незадолго до окончания войны прагматичный Ватикан попытался установить контакты с партизанской армией и принял предложение Тито прислать в Словению и Хорватию военных куратов. Против этого возражали югославские епископы, до конца поддерживавшие антикоммунистические силы⁵. Святой престол после войны послал в Белград в качестве своего дипломатического представителя американского архиепископа Джозефа П. Херли, религиозного фанатика, решившего всеми средствами бороться против коммунизма. «Кто такой Тито? — написал он в своем дневнике и, в подкрепление своих предрассудков, заметил: — Может, украинский еврей?»⁶

После войны Тито искал *modus vivendi*⁷ с церковью. Он настолько хотел достичь его, что на встрече с представителями клира в Загребе 2 июня 1945 г., состоявшейся по его инициативе, заявил, что является «католиком», но при этом тут же заметил, что недоволен поведением части духовенства во время войны. «Со своей стороны я бы сказал, что наша церковь должна быть

¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413; AS. Dedijer. Т. е. 179. Lado Kozak. Podsednik u vezi sa knjigom Milovana Đilasa «Godine vlasti». S. 1; Т. е. 261. Pogovor Petra Stambolića in Vjenceslava Glišića s Spasenijo — Cano Babović, 19.09.1977. S. 109–112.

² *Kocbek E. Dnevnik. 1946. Vol. I. S. 22.*

³ PA. B 11. Bd. 125. 1. S. 5.

⁴ *Đilas M. Tito. S. 165.*

⁵ TNA. FO 371/89817.

⁶ *Gallagher C. R., Gallagher S. J. Vatican Secret Diplomacy: Joseph P. Hurley and Pope Pius XII. New Haven; London: Yale University Press, 2008. P. 161, 170.*

⁷ Образ жизни, условия сосуществования (*лат.*).

национальной, чтобы лучше понимать народ. Возможно, вам кажется немного странным, что я настолько акцентирую внимание на национальности. Однако было пролито слишком много крови, и я видел слишком много мучений народа, поэтому я хочу, чтобы католическое духовенство в Хорватии имело бы более тесную национальную связь с народом, чем сейчас. Должен открыто заявить, что я не присваиваю себе права осуждать Рим, вашу высшую римскую инстанцию. Нет, я не стану этого делать. Но я должен сказать, что смотрю на это дело критически, поскольку эта инстанция всегда больше склонялась к Италии, чем к нашему народу. Я хотел бы, чтобы сейчас, когда для этого имеются все условия, католическая церковь в Хорватии имела бы больше независимости. <...> Мы создадим социалистическую общность. В этой общности будут православные, католики и представители других вероисповеданий, которые должны быть крепко связаны со всеми остальными славянами. В этой общности православных наверняка будет больше, чем католиков. Значит, нужно и вопрос о взаимоотношении православной и католической церковью привести в соответствие с великой идеей сближения и тесного сотрудничества славянских народов, которые в своей истории столько страдали из-за своей разобщенности, и мучения которых достигли пика именно в этой войне, целью которой являлось уничтожение славянства»¹.

Загребский архиепископ Алоизие Степинац сразу же после войны некоторое время провел в тюрьме, но его выпустили уже на следующий день после встречи Тито с представителями хорватского клира. Однако его отношение к новым властям не улучшилось, что стало понятно, когда 4 июня он встретился с маршалом. Он решительно отверг требование Тито сделать церковь независимой от Ватикана и тем самым навлек на себя его недовольство. «Ни один католик не может, даже ценой собственной жизни, отказаться от своей верховной инстанции, Святого престола, ведь тогда он перестанет быть католиком»². Отношения ухудшило еще и то, что югославские епископы в пастырском письме открыто выступили против аграрной реформы, которая нанесла большой ущерб огромным церковным владениям. Враждебность режима по отношению к церкви, единственной носительнице власти, уклоняющейся от его влияния, вылилась в процесс против Степинаца по обвинению в «сотрудничестве с усташами», который был организован осенью 1946 г. и получил широкое освещение в средствах массовой информации. Он стал одним из тех громких судебных процессов, которые новые власти провели в последующие годы против настоящих врагов, таких как Дража Михайлович, против потенциальных врагов, каким был лидер левого крыла

¹ *Broz Tito J. Govori i članci. Vol. I. S. 282, 283; Ridley J. Tito. A Biography. P. 276, 277; Benigar A. Alojzije Stepinac: hrvatski kardinal. Rim: Ziral, 1974. S. 501; Alexander S. Church and State in Yugoslavia since 1945. London: Cambridge University Press, 1979. P. 58.*

² *Dedijer V. Novi prilozii. Vol. III. S. 36, 95, 96; Benigar A. Alojzije Stepinac. S. 506; AS. Dedijer. T. e. 15. Vladimir Bakarić o Stepincu.*

сербской Земледельческой партии Драголюб Йованович, а потом и против членов своей партии, о чем свидетельствуют так называемые «дахауские процессы», организованные в Любляне в апреле и в августе 1948 и в июле 1949 г. совершенно в сталинском духе. На скамью подсудимых посадили коммунистов, которые были интернированы в Дахау и из-за этого обвинены в сотрудничестве с гестапо и в том, что после войны они саботировали экономическое развитие Словении. Некоторых из них приговорили к смерти и расстреляли, хотя они были совершенно невиновны. Как и следовало ожидать, еще раньше такая же судьба постигла Михайловича, а архиепископ Степинац был осужден на 16 лет исправительных работ¹.

Как и в Советском Союзе 1930-х гг., дело дошло до лихорадочных поисков внутренних врагов, необузданного своеволия бюрократии и общего принуждения, распространившегося на все сферы жизни. «Партия очень быстро становится всем и вся; идеология вновь постепенно получает абсолютный приоритет. Когда я говорю “идеология”, то имею в виду доктринерство, не выносящее тех, кто думает иначе. Имею в виду тоталитарную и авторитарную сущность любой слепой веры». Так описал Коча Попович первые послевоенные годы². Однако Югославия всё же отличалась от Советского Союза, частная собственность тут не была полностью ликвидирована, в ней оставались небольшие предприятия и аграрный сектор. Так сформировалась экономика, которая была довольно хаотичной и не вполне соответствовала стремлениям югославских руководителей стать движущей силой в распространении коммунизма в Европе и перехватить у Москвы роль авангарда³.

Товарищеские отношения внутри этого авангарда, характерные для партизанского периода, начали разрушаться — по словам Джиласа — года через два после войны, поскольку Тито всё больше входил в роль харизматичного вождя, с которым невозможно разговаривать и которому нужно просто подчиняться. «В специфической манере — изменением тона голоса, выражения лица, реже словами — он умел ясно дать понять собеседнику, если тот переходил запретную черту — если вступал в “домен, являвшийся исключительно его собственностью”. <...> Он умел внимательно слушать (иногда, возможно, просто притворялся, что слушает) и не перебивал, особенно если собеседник говорил связно и не слишком долго, но иногда начинал говорить с неожиданной резкостью, перебивал тебя и перекраивал всё по своей мерке⁴. Эту перемену заметил и Фицрой Маклин, когда в 1947 г. вернулся в Югославию

¹ *Becele Ranković L.* Življenje z Leko. S. 201; *Banac I.* Sa Staljinom protiv Tita. S. 34; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 484; AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 297; T. e. 197. V. Dedijer — L. Koliševskemu, 26.08.1987; T. e. 271, Pričevanje V. Krivic, 11.04.1987; V. Dedijer — Lidiji Šentjunc, 17.07.1984, 21.08.1984; *Velebit V.* Svjedok. S. 434.

² *Nenadović A.* Razgovori s Kočom. S. 106.

³ *Dilas M.* Tito. S. 156.

⁴ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 426.

с визитом. Как он сообщал Foreign Office, маршал показался ему оторванным от повседневной жизни обычных людей, вместе с которыми он переносил тяготы и опасности партизанской борьбы: свой авторитет он разделял с людьми, далеко не всегда достойными доверия, и создавалось впечатление, что он не вполне в курсе того, что происходит в государстве и в мире, а прежде всего — что вокруг нет никого, кто дерзнул бы высказать ему какую-нибудь неприятную правду¹.

Парижская мирная конференция

На конференции трех великих держав в Потсдаме — Тито надеялся, что его на нее пригласят² — 2 августа 1945 г. британцы обвинили югославов в невыполнении рекомендаций Ялтинской конференции. Советский Союз решительно отверг эту критику³. К тому же во время подготовки к Парижской мирной конференции он занял проюгославскую позицию в вопросе о границах с Австрией и Италией, и, конечно, разногласия и разочарования первой половины года были преданы забвению. Уже 21 октября 1945 г. Тито констатировал, что СССР является «мощным гарантом» югославской независимости⁴. И он был прав: 16–26 декабря 1945 в Москве состоялась конференция, на которой министры иностранных дел трех великих держав достигли соглашения, что Великобритания и США, несмотря на неприятие ими режима Тито, признают ФНРЮ⁵. В доказательство того, насколько близки были в то время Москва и Белград, можно привести и факт, что в конце 1945 — начале 1946 г. в Советском Союзе был опубликован в русском переводе эпос черногорского поэта Р. Зоговича о Тито⁶. А в следующем году были сняты целых два советских фильма, «Освобожденная Югославия» и «В горах Югославии», в которых партизанская борьба показывалась как героическое деяние, и этот факт сам по себе тоже говорит о многом⁷. Во втором фильме, правда, было очень много риторики и настолько превозносилась роль Красной армии в освобождении Сербии, что маршал ушел с предпремьеры «разозленный и в замешательстве». К счастью, он не знал, что Советский Союз использовал съемки, чтобы завербовать одного из его телохранителей в качестве своего агента⁸. Признание молодой федеративной республики Лондоном уже в конце 1945 и Вашингтоном — только в апреле 1946 г., конечно,

¹ TNA. FO 371/71651/N 8852/G; 72581/R 7867; FO 30/116/R 13091; *Pirjevec J.* Tito, Stalin in Zahod. S. 159.

² TNA. FO 934/3.

³ *Губианский Л. Я.* Советский Союз. С. 166.

⁴ Там же. С. 169; *Kardelj E.* Spomini. S. 84.

⁵ *Губианский Л. Я.* Советский Союз. С. 170.

⁶ Там же. С. 159.

⁷ Там же. С. 160.

⁸ *Dilas M.* Jahre der Macht, Kräftespiel hinter dem Eisernen Vorhang: Memoiren 1945–1966. München: Molden — S. Seewald, 1983; *Halder M.* Der Titokult. S. 70, 153, 154.

не означало, что британское и американское правительства прекратят оказывать давление на режим Тито. Президент Трумэн красноречиво высказал эту позицию на боксерском жаргоне, поручив своему послу в Белграде Ричарду К. Паттерсону, чтобы тот проводил по отношению к Тито «two-fisted policy», т. е. чтобы он атаковал его двумя кулаками¹. Так, например, союзники не хотели возвращать югославский речной флот, который нацисты переправили в Германию, а также золотой запас, который князь Павел еще до войны приказал отправить на Запад². Что было еще хуже, к концу 1945 г. англо-американские шпионские центры стали единой организацией. С их помощью, например, подполковник Андрей Глушич, командующий словенской армии в составе югославской армии Дражи Михайловича, штаб-квартира которого находилась в лагере Понгау у Зальцбурга, руководил центром «ОС 101» и посылал вооруженные группы диверсантов в Словению. Эта закулисная партизанская война, один из центров которой был в Триесте, в то же время укрепляла роль УГБ (Управления государственной безопасности), как в 1946 г. переименовали ОЗНА. Оно стало защитником новой власти, что обеспечивало ей большое могущество³.

Враждебное отношение Запада к Тито наиболее авторитарно выразил сам Черчилль, когда в начале января 1946 г. сказал в Брюсселе: «Во время войны я думал, что могу доверять Тито. Он обещал мне, что будет соблюдать соглашение, которое заключил с Шубашичем. Но сейчас я полностью осознаю, что совершил одну из своих самых больших ошибок...»⁴ В начале марта 1946 г. Черчилль, с предыдущего лета находившийся в оппозиции, поскольку на выборах потерпел поражение от лейбористов, во время турне по США произнес речь в университете в Фултоне, штат Миссури. Ситуацию, сложившуюся в расколотой Европе по окончании войны, он описал, проведя знаменитую аналогию с «железным занавесом», который будто опустился на всем пространстве от Штеттина до Триеста. Сталин выразил протест по поводу этих слов, ознаменовавших начало холодной войны между Западом и Востоком, а через пять дней Тито с ним полностью согласился⁵.

Отношения между блоками в последующие месяцы скачкообразно ухудшались, что повлияло и на переговоры между министрами иностранных дел четырех великих государств (к американскому, британскому и советскому присоединилось еще и французское) об определении новой границы между Югославией и Италией. Югославия требовала, чтобы граница проходила по Соче, но из-за конфронтации с Западом, видевшим в ней проводника гегемонистских амбиций Сталина, могла рассчитывать только

¹ Lees L. M. Keeping Tito Afloat. The United States, Yugoslavia and the Cold War, 1945–1960. University Park: Pennsylvania State University Press, 1997. P. 6.

² AS. Dedijer. Т. е. 51. Titove primedbe na rukopis Priloga za biografiju.

³ Ribičič M. Iskanja. S. 58.

⁴ TNA. FO 371/59517/R 710/G.

⁵ Губианский Л. Я. Советский Союз. С. 175.

на поддержку Молотова. (Из шпионских донесений, поступавших на Запад, можно было понять, что Тито — один из главных проводников агрессивной советской политики в Юго-Восточной Европе.)¹ После длительных переговоров на двух заседаниях в Париже в июле 1946 г. четыре великих державы заключили компромисс, согласно которому Югославия получила Сочанскую и Випавскую долины, Внутреннюю Крайну и Крас, но не Горицу. В Триестском заливе между Девином и Новиградом министры иностранных дел США, Великобритании, Франции и СССР решили создать Свободную территорию Триест, что означало, что Словению лишили доступа к морю. Когда Кардель с негодованием упрекнул Молотова в этом, тот ему резко ответил: «Неужели Вы думаете, что каждый уезд должен иметь свой выход к морю?»²

Доказательством враждебности американцев и британцев к режиму Тито стало и то, что в послевоенные годы они совершили более 2 тыс. провокаций на югославских границах на земле, в воздухе и на море³. «Наше министерство иностранных дел, — вспоминал Тито, — передало десятки нот, в которых выражало протест относительно такого грубого ущемления нашего суверенитета. Безуспешно»⁴. Во время парижских переговоров их военные самолеты систематически вторгались в югославское воздушное пространство — в июле 1946 г. произошло около 170 нарушений воздушных границ⁵. И Тито в августе того же года принял жесткое решение. Как раз в то время, когда в Париже проходила мирная конференция, он отдал приказ своим вооруженным силам вынудить американские самолеты приземлиться. В первый раз маневр удался, а во второй, 9 августа 1946 г., пилот упрямо отказывался совершить посадку. Самолет подстрелили, и два члена экипажа погибли⁶. США охватила настоящая антиюгославская истерия, Вашингтон ультимативно потребовал освобождения захваченных членов экипажа и выплаты крупной денежной компенсации⁷. Эту напряженную ситуацию, грозившую перерасти в военную конфронтацию, еще сильнее обострили попытки американцев вмешаться в судебные процессы против Михайловича и архиепископа Степинаца⁸. Дипломатические отношения между государствами свелись к минимуму, накалились также и отношения с Советским Союзом, поскольку югославы полагали, что тот на мирной конференции недостаточно энергично защищал их интересы. Когда было принято окончательное решение об образовании

¹ NARA. RG 38. Box 13.

² *Kardelj E.* Spomini. S. 90, 207; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 281.

³ AJ. 837. KPR. IV-5-a. K 38. TV serija «Iz Titovih memoara».

⁴ AS. Dedijer. T. e. 51. Titove primedbe na rukopis Priloga za biografiju.

⁵ TNA. FO 371/59551/R 1188; R 11950; 12353; *Dedijer V.* Novi prilozii. Vol. I. S. 400, 401.

⁶ *Kardelj E.* Spomini. S. 86, 87; *Velebit V.* Svjedok. S. 339.

⁷ TNA. FO 371/59551/R 12345; *Dedijer V.* Novi prilozii. Vol. III. S. 263, 264; AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 117-E.

⁸ TNA. FO 371/59568/R 7419/G; R 18212/G; R 11053/G; FO 371/59551/R 12514.

Свободной территории Триест, они сначала угрожали, что покинут конференцию, а потом даже заявили, что не подпишут мирного договора с Италией. Только сильное дипломатическое давление со стороны Востока и Запада вынудило их уступить¹.

Ощущение, что Советский Союз недостаточно решительно защищал их интересы, оставило в душе югославских руководителей сильную горечь. «Например, — впоследствии рассказывал Тито, — они считали, что вправе вообще не информировать нас по внешнеполитическим вопросам, непосредственно нас касавшимся, по вопросам, касавшимся самых жизненно важных интересов Югославии. Так, к примеру, Молотов на заседании совета министров (четырех великих) весной 1946 г. в Париже, когда обсуждался вопрос о Триесте, перед решающим заседанием на личной встрече всю ночь обсуждал с нашим представителем Карделем границы, но и не подумал известить его о своих намерениях. А на следующий день согласился с французской линией границ, совершенно несправедливой по отношению к Югославии. Или Молотов также в Лондоне на заседании совета согласился на то, чтобы Италия выплатила 300 миллионов репараций, из них 200 миллионов — СССР, а 100 миллионов — всем остальным государствам, которые во время войны пострадали из-за Италии. Об этом он не сказал нам ни слова, хотя наше государство пострадало от итальянской оккупации больше, чем какой-либо другой член Объединенных Наций»². Такая позиция вызвала протест, и Тито 3 июля послал Сталину телеграмму, в которой пожаловался на пассивность советской делегации. И получил успокоительный ответ, никак не повлиявший на дальнейшую политику Советского Союза, диктовавшуюся его глобальными интересами³. Хотя Эдвард Кардель и написал в своих воспоминаниях, что народы Югославии должны быть признательны Советскому Союзу за помощь, оказанную им на Парижской мирной конференции, сам он не смог удержаться от едкого замечания, что советская делегация заключала «компромиссы <...> иногда без необходимости, или слишком быстро, или без определенных ответных уступок»⁴.

* * *

Перед Второй мировой войной Югославия была одним из самых отсталых государств в Европе. Ее экономика в значительной степени зависела от иностранного капитала, который контролировал почти 50 % всех промышленных предприятий. На них работало примерно 300 тыс. рабочих, т.е. на 100 тыс. жителей приходилось по два рабочих, в то время как сельским хозяйством занималось около 80 % населения. Оснащенность крестьян техникой была плохой, в 1939 г. в Югославии имелось всего 2500 тракторов. В связи с этим производительность труда и жизненный уровень населения были низкими.

¹ *Губианский Л. Я.* Советский Союз. С. 186; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 316.

² AS. Dedijer. Т. е. 51. *Titova primedbena rukopis Priloga za biografiju.*

³ *Gibianskij L.* Mosca. S. 118; *Kardelj E.* Spomini. S. 90.

⁴ *Kardelj E.* Spomini. S. 88.

После войны условия стали еще хуже, государство пребывало в разрухе¹. Уже в августе 1945 г. была проведена аграрная реформа, которая ликвидировала крестьянские долги, позволила иметь в частной собственности 20–30 га земли, но не разрешила проблемы перенаселенности в сельских областях и не улучшила условия жизни крестьян. Более того, осенью 1945 г. ввели обязательные закупки сельскохозяйственной продукции для обеспечения городов и армии — продовольствием, а промышленности — сырьем. Также была введена система планового распределения почти всех имевшихся сельскохозяйственных и промышленных продуктов. Товары согласно rationу распределялись между рабочими, служащими и определенными категориями бедных крестьян по системе переводов, бонов, потребительских карточек и пунктов². На основании постановления президиума АВНОЮ от 21 ноября 1944 г. на территории Югославии было конфисковано имущество немецкого рейха и его граждан, а также военных преступников, пособников оккупантов, предателей и экономических коллаборационистов. Согласно закону, принятому 5 декабря 1946 г., была проведена национализация крупных и средних промышленных предприятий, магазинов, банков, транспорта. Благодаря этому уже в следующем году государственный сектор вместе с кооперативным охватил 90 % всего производства. Конечно, это означало, по словам Велебита, что, вероятно, половину индустрии, опирающейся на инициативу и технические знания собственника, уничтожили одним единственным супербольшевистским декретом. «Тито, Кардель и другие лидеры того времени не знали, или, если знали, то их это не интересовало, насколько сильно частнособственническое сознание и как оно мотивирует предпринимательство»³. На следующий период по советскому образцу был составлен мегаломанский пятилетний план, разработанный под руководством Тито. Он предусматривал, что в 1947–1951 гг. средний национальный доход повысится на 193 %, объем промышленного производства увеличится в пять раз, а сельскохозяйственного — больше чем в два раза. Основное внимание, конечно, уделялось тяжелой промышленности⁴. Пропаганду «народной революции», проводившуюся после освобождения, во время подготовки первой пятилетки сменила новая пропаганда «строительства социализма»: ФНРЮ должна освободиться от полукOLONиального прошлого и преобразоваться из отсталой аграрной страны в индустриально-аграрную⁵. Когда журналист спросил Милована Джиласа в конце его жизни, имели ли руководители, создававшие новое общество, достаточно знаний для этого, тот искренне ответил ему: «Вы же знаете, что не много. Что они опирались на ограниченную доктрину марксизма, причем у нас преобладал сталинский вариант этой доктрины. Знания тех,

¹ *Kardelj E. Spomini. S. 174, 175.*

² *Ibid. S. 181.*

³ *Velebit V. Svjedok. S. 354.*

⁴ *РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 323. С. 118; Kardelj E. Spomini. S. 187.*

⁵ *Ribičić M. Iskanja. S. 29; Kardelj E. Spomini. S. 191.*

кто руководил экономикой, были попросту убогими. Кое-что знали те экономисты, которых мы называли буржуазными, они могли помочь в профессиональном плане, но тогда никто не принимал в расчет их мнения»¹.

Миллиарды динаров «народной собственности» были вложены в быструю, для югославских условий слишком обширную индустриализацию, причем лишь некоторые инвестиции сделали с умом: большая их часть ушла на реализацию непродуманных проектов, которые не были закончены и не принесли никакой прибыли. По всему государству были разбросаны «скелеты» этих «социалистических подвигов»². Поскольку средний уровень жизни по сравнению с предвоенными годами понизился вдвое, Югославия по-прежнему оставалась в тисках нехватки продовольствия, и эту проблему частично удавалось решить благодаря существенной помощи Объединенных Наций (ЮНРРА). Чтобы картина имела законченный вид, следует дополнить ее еще одним штрихом: отношение лидеров к интеллигенции и специалистам всех отраслей было негативным, их занесли в черный список «мелкой буржуазии» и отстранили от участия в общественной жизни. Поскольку, к тому же, в Югославии не хватало средств и кадров для выполнения всех плановых целей, а от западных государств помощи ждать не приходилось, правительство заключило ряд договоров об инвестиционных кредитах, а также о поставках необходимого оборудования для строительства ключевых промышленных объектов с Советским Союзом, Польшей и Чехословакией. До мая 1948 г. обмен с социалистическими государствами составлял 51 % всего внешнеторгового баланса³.

¹ *Dilas M. Vlast kao strast. S. 30.*

² *PA. B 11. Bd. 125. 2. S. 187.*

³ *Kardelj E. Spomini. S. 193.*

ИСКЛЮЧЕНИЕ ЮГОСЛАВИИ ИЗ ИНФОРМБЮРО

Как рассказывал Кардель Дедиеру в июне 1952 г., после войны Тито и его товарищи строили свою политику, исходя из убеждения, что чем сильнее будет Югославия, тем сильнее будет Советский Союз. При этом он утверждал: «В отношениях с русскими мы никогда не вели себя как их рабы»¹. Они не осознавали, что такая позиция неприемлема для Сталина. Его негативное отношение к югославским руководителям всплывало при каждой встрече, несмотря на награды, которыми он их осыпал. Да и с наградами всё обстояло непросто, например, осенью 1944 г. он наградил Тито орденом Суворова, а румынского короля, напавшего в 1941 г. на Советский Союз, высшим военным орденом — орденом Победы. Тито его получил лишь в сентябре 1945 г.²

Единственная встреча между югославами и Сталиным, прошедшая без язвительных замечаний, произошла в Москве в период с 27 мая по 10 июня 1946 г., во время второго официального визита Тито в Советский Союз, когда на повестке дня стоял вопрос о югославско-итальянской границе. Сталин тогда приложил много усилий, чтобы при переговорах с западными союзниками защитить югославские интересы, и вообще был расположен к югославам. После ужина, устроенного им для гостей на своей даче в Кунцево, он пошел с ними в парк, где неожиданно приобнял Тито за талию и три раза пихнул его (или попытался это сделать): «Вы здоровы?» — «Здоров» — «Берегите здоровье. Оно потребуется Европе... ведь я долго не проживу. Физиологические законы... а ты останешься для Европы...»³ Тито и его сопровождающие, которые напрасно старались убедить *хозяина*, что он будет жить еще долго, конечно, сияли от гордости. Особенно когда Сталин предложил Тито выпить на *брудершафт*. И еще больше — в начале июня, на похоронах председателя Президиума Верховного Совета М. И. Калинина, когда Сталин пригласил Тито занять место на почетной трибуне вместе с ним и другими членами Политбюро⁴. Именно тогда Тито заметил, что со Сталиным не всё

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 317.*

² *Ibid. S. 196; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 280.*

³ *Simić P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 228, 229; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 415–420; Vol. III. S. 602; Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 177.*

⁴ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 422; Vol. III. S. 198, 200, 201; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 288.*

в порядке. После похорон у мавзолея Ленина, когда они по ступенькам поднимались на трибуну, чтобы принять парад, он шел за Сталиным. Тот был настолько утомлен, что даже побледнел, но скрывал это и старался сдерживать дыхание, чтобы Тито не заметил, какая сильная у него одышка. «Я подумал: Да дыши же ты, Бога ради. Загнешься ведь»¹.

Советское правительство в июне 1946 г. опубликовало сообщение для печати, в котором брало на себя обязательство снабжать ЮА оружием, боеприпасами «и другим» на основе долгосрочного кредита и оказывать поддержку реорганизации югославской военной промышленности. Также был заключен договор о развитии торговли между государствами и о великодушной поддержке Советским Союзом югославской экономики². По возвращении в Белград Тито послал в Москву следующие «скромные» подарки для «дам» из окружения *хозяина*: дочери Сталина Светлане — платиновые часы с бриллиантами, жене Молотова — золотые часы с бриллиантами, его дочери — золотой браслет, жене министра внешней торговли Микояна — золотые часы марки «Патек», жене члена Политбюро ЦК КПСС Жданова — золотые часы марки «Юго», жене министра внутренних дел Берии — золотые часы марки «Этерна»³.

Однако этот период взаимной симпатии продлился недолго. Вскоре его омрачили разногласия, причиной которых было недовольство югославов тем, как Советский Союз и западные союзники рассматривали вопрос о Триесте. Когда министры иностранных дел четырех великих держав приняли решение предложить на Парижской мирной конференции, начавшейся в августе 1946 г., создание Свободной территории Триест, Тито пришел в негодование. Такое решение вопроса отрезало Словению от моря. Как уже упоминалось, Тито выказал свое раздражение, приказав воздушным силам заставить два американских самолета, нарушивших воздушное пространство Югославии, совершить вынужденную посадку. Это был самый серьезный военный инцидент между блоками из тех, которые произошли сразу после войны. Советский министр иностранных дел Молотов был потрясен: «Разве вы не знаете, что у них есть атомная бомба?» — спросил он Карделя, возглавлявшего югославскую делегацию в Париже. «Ну, что ж, — ответил Янез Становник, молодой секретарь Карделя. — Если у них есть атомная бомба, то у нас — партизанская»⁴.

Без понимания этой донкихотской гордости, основанной на четырехлетней партизанской эпопее, невозможно понять, почему вообще в 1948 г.

¹ Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 185.

² Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 223; AS. Dedijer. T. e. 143. Aleksandar Ranković, Milovan Đilas, Vladimir Dedijer i Vili Jager. Hronologija sukoba Tita i Staljina od 1941. do 1948. godine. S. 7.

³ Simić P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 229; Simić P., Despot Z. Tito. Strogo poverljivo. S. 203, 204.

⁴ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 264, 265; Jakovina T. Američki komunistički saveznik. S. 56–74.

произошел конфликт между Кремлем и Белградом. По словам Кочи Поповича, «Йосип Броз за годы войны привык к независимости, так что уже в силу своего положения, харизмы и власти, которой он обладал, он даже представить себе не мог возвращения к тому положению, когда он находился в подчинении у Сталина. Во время войны он утвердился как независимый руководитель во многом благодаря тому, что принимал решения, не нравившиеся Москве и Коминтерну...»¹ В этом контексте не следует упускать из виду то обстоятельство, что между КПЮ и КПСС уже в период войны и после нее возникали трения, которые оказывали влияние на отношения между партиями и государствами и создавали напряженную атмосферу; если бы не это, Сталин не принял бы решения свергнуть Тито. Еще нужно учитывать, что после войны югославы наивно верили в экономическую мощь Советского Союза, надеясь, что он предложит им безвозмездную помощь продовольствием, сырьем, технологиями и кредитами на индустриализацию страны. Это была утопия, поскольку Советский Союз находился в тяжелейшем положении, чего югославы не понимали или не хотели понимать, убежденные, что сообщения об этом — планомерная вражеская пропаганда². Отношения с Москвой, следуя изгибам политики, колебались в широком диапазоне от любви до недоверия, пока не стало ясно, что Сталин стремится подчинить Югославию экономически и политически. Делалось это путем образования общих экономических предприятий, так называемых «смешанных» обществ, главным образом для использования залежей руды. Советский Союз позиционировал их как способ сотрудничества, «не задевающий престижа» Югославии, в отличие от традиционных концессий, на деле же бесцеремонно использовал их к собственной выгоде³. (Были созданы только два предприятия: «Юста» для воздушного и «Юспад» для дунайского транспорта, поскольку белградское правительство надеялось получить инвестиции на другие предприятия.) Короче говоря, Тито и его товарищи иногда сопротивлялись, иногда уступали, чтобы доказать русским свою добрую волю, но сделать это соответственно ситуации, над которой никогда не теряли контроля. Когда в 1947 г. они подписали договор с Москвой, по которому та обязалась инвестировать в Югославию 200 млн долларов, им показалось, что их «линия» победила⁴. Со временем, однако, они не могли избавиться от ощущения, что Советский Союз пыгается ставить препоны индустриализации их государства и затормозить его на уровне аграрной страны. Они начали критиковать его систему в том виде, в каком она воплощалась в политике по отношению к ним самим, а позже и к другим «народным демократиям». Сначала это происходило в самом узком кругу, затем распространилось шире. При этом Тито был осторожен,

¹ *Nenadović A. Razgovori s Kočom. S. 104.*

² *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 246.*

³ *AJ. KMJ I — 3-b/616. Depeša V. M. Molotova — Titu, 1945/1946; Kardelj E. Spomini. S. 99; Jakovina T. Američki komunistički saveznik. S. 102, 105.*

⁴ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 426–430; Vol. III. S. 223, 244, 245, 322.*

но настойчив. Это была трудная борьба против догм, которые еще вчера являлись его собственными убеждениями¹.

Как стало возможным, что «цветущий сад человечества», как Тито называл Советский Союз после нападения на него Гитлера, за несколько лет превратился в глазах югославских вождей в гегемонистское государство, ничуть не лучшее, чем империалистические державы? Причина этого резкого поворота кроется прежде всего в том, что югославским коммунистам удалось организовать единственное в Европе движение сопротивления, которое создало армию, способную оказывать эффективное противодействие вермахту и его пособникам-квислингам. Мы не имеем в виду, что без помощи Красной армии ЮА освободила бы Сербию так молниеносно, как это произошло в октябре 1944 г. Мы лишь хотим подчеркнуть, что в Югославии во время войны и после нее сформировалась власть, которая не была полностью зависима от Советского Союза, а это означает, что ее представители могли ожидать от Сталина иного отношения, нежели их коллеги в странах «народной демократии». Те были обязаны своим положением только ему и, конечно, присутствию советских войск на своей территории. Упомянутое обстоятельство в любом случае давало Тито возможность использовать больше пространства для маневров как во внутренней, так и во внешней политике. Он вовсе не хотел конкурировать или даже враждовать со Сталиным. Но он не был готов удовлетвориться ролью его вассала. По словам заместителя председателя польского правительства Якуба Бермана, Тито выступил «главным образом как сатрап националистически настроенного народа, вместо того чтобы стать безымянным московским князем». И это сыграло роковую роль. Ведь в мире Сталина не находилось места для свободных людей, даже если они по-прежнему были ему преданы².

* * *

Советский резидент в Белграде, Савелий Владимирович Буртаков, общал в Москву, в НКВД, об «Орле», как в шифровках именовали Тито: «Помимо положительных качеств — популярности, приятной внешности, красноречия, остроумия и твердой воли, ОРЕЛ обладает и следующими негативными чертами: стремление к власти, недостаток смирения, надменность и неискренность. Он считает себя абсолютным авторитетом, любит полную покорность, ему не нравятся обмен мнениями и критика его приказов; он раздражителен, имеет вспыльчивый характер и острый язык, любит производить впечатление». Также Буртаков считал, что нельзя полностью доверять отношениям Тито с Лондоном, «хотя на вид он выказывает мнимую враждебность к союзникам, особенно к британцам»³.

Тито и Ранкович, со своей стороны, были недовольны Буртаковым, поскольку тот бесстыдно присваивал себе драгоценные камни и другие

¹ *Dilas M. Tito. 1980. S. 93; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 322.*

² *NARA. 860H.00/7-1248; 800.00B CI/7-848; Pirjevec J. Tito, Stalin in Zahod. S. 146.*

³ *Andrew C., Mitrokhin V. The Sword and the Shield. P. 356.*

сокровища из богатых белградских домов. Уже в конце года его в качестве главного советника при ОЗНА сменил А. В. Тишков, известный югославам под фамилией «Тимофеев». Но и с ним отношения вскоре стали напряженными, а высокомерное поведение его агентов, действовавших по всей Югославии, подвергалось критике: говорили, что они слишком властно вмешиваются во внутренние дела Югославии. Еще большее раздражение вызвала их попытка завербовать югославских сотрудников, причем в первую очередь Тито обеспокоил случай с Душицей Петровиц, которая была одной из его шифровальщиц. Один советский шпион уже в 1945 г. попытался ее соблазнить и завербовать. Когда Ранкович известил об этом Тито, тот решительно ответил: «Мы не потеряем шпионской сети! Нужно сразу сказать им об этом»¹.

Планы Тито по достижению господства на Балканах

Еще более серьезные разногласия проявились во второй половине 1946 г., когда в Греции вспыхнула гражданская война между афинским правительством и коммунистическими отрядами генерала Маркоса, которые Тито поддержал, убежденный, что это его большевистский долг. Сталин придерживался другого мнения, ведь уже в октябре 1944 г. он договорился с Черчиллем о разделе сфер влияния на Балканах и оставил Грецию британцам. После войны Сталин был уверен в том, что вооруженный конфликт с капиталистическими союзниками неизбежен, и не скрывал этого в разговорах с югославами². Но он был реалистом и осознавал, насколько слаб был в тот момент Советский Союз (кроме того, у него еще не было атомной бомбы). Поэтому для него было важно временно сохранять с Западом более-менее сносные отношения, и он не хотел нарушать московское соглашение. Тито мыслил по-другому, он лелеял амбициозную мечту превратить Югославию в центр революционного движения для всей средиземноморской Европы, в том числе для Греции и Италии, которые согласно договорам входили в сферу западного влияния, и даже для Испании³. При этом его не слишком волновало общественное мнение американцев и британцев, которые на Парижской мирной конференции возражали против югославских территориальных требований к Италии, он даже хотел бросить ему вызов. Напряженность возросла настолько, что в Вашингтоне в следующие месяцы всерьез размышляли о возможности вооруженного конфликта с Югославией. То, что Югославия вопреки запрету ООН тайно поддерживала

¹ Ibid; *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 407, 408; Kranjc M.F. Zarote in atentati na Tita. S. 270.*

² *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 326–328; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 304.*

³ *Klinger W. Tito (1892–1980): un'intervista con Geoffrey Swain // Quaderni. 2010. XXI. S. 386–389; Nikoliš G. Zapisi pod pritiskom. Beograd: Književne novine, 1988. S. 224, 236.*

греческих коммунистов против афинского правительства и тем самым разжигала гражданскую войну, лишь укрепляло убежденность администрации Трумэна в том, что Тито — это рука Сталина на Балканах. По ее инициативе Организация Объединенных Наций в начале декабря 1946 г. сформировала особую комиссию, которая должна была установить, действительно ли соседние государства, в первую очередь Югославия, поддерживают греческих повстанцев, как утверждало греческое правительство. Поскольку британцы, отряды которых до тех пор его защищали, из-за проблем в Палестине и Индии и из финансовых соображений отказались от выполнения этой задачи, президент Трумэн в марте заявил, что США возьмут это бремя на себя и встанут на защиту законных правительств, которые находятся под угрозой со стороны вооруженных меньшинств или внешнего давления¹. «Доктрина Трумэна» стала краеугольным камнем американской внешней политики, основывающейся на тезисе о том, что необходимо всеми силами воспрепятствовать распространению коммунистического влияния за границы советского блока. Из-за опасений, что Сталин окажет давление на Турцию, в следующие месяцы американские вооруженные силы существенно укрепили свои позиции в бассейне Эгейского моря, что побудило югославских руководителей возобновить переговоры с болгарскими вождями о создании федерации, которые, по инициативе Сталина и Димитрова, начались еще в октябре 1943 г. перед II сессией АВНОЮ².

* * *

Югославы так воодушевились этой перспективой, что уже 1 января 1945 г. предложили подписать договор между обоими государствами. Советский Союз проявил большую осторожность, утверждая, что такое важное дело требует серьезной подготовки и что лучшим первым шагом на пути к объединению стало бы подписание двадцатилетнего пакта о дружбе и взаимопомощи. Но и это должно происходить постепенно до тех пор, пока в Югославии не появится правительство, которое получит международное признание. «Нужно проявлять осмотрительность и во внешнеполитических вопросах, — утверждал Сталин. — Наша главная задача — закрепить достигнутые победы»³.

Вскоре начались трудности, поскольку югославы требовали, чтобы Болгария вступила в федерацию в качестве седьмой республики, в то время как болгары настаивали, что нужно создать дуалистическое государство наподобие бывшей Австро-Венгрии. Сталин сначала склонялся к дуализму, но потом решил вопрос в пользу югославов, что болгары — к удивлению

¹ *Ridley J. Tito. A Biography. P. 280; Анукеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 103.*

² *Banac I. Sa Staljinom protiv Tita. S. 48; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 449; Dimitrov G. Diario. S. 708, 711, 722, 723, 734, 735, 753, 771, 781, 782, 784, 789; Petranović B. Tito i Stalin. S. 150.*

³ *Dimitrov G. Diario. S. 785; AJ. 836. KMJ I — 3-b/586. Hebrangovo pismo Titu, 11.01.1945; 25.01.1945; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 259.*

Димитрова — послушно приняли¹. Но британцы уничтожили это дело в зародыше, заявив, что Болгария как потерпевшее поражение государство не может суверенно определять свою внешнюю политику. Они были убеждены, что такая федерация сильно укрепит позиции Советского Союза на Балканах, а также повлияет на ситуацию в Греции и Турции. Сталин, не желавший накануне Ялтинской конференции обострять отношения с Западом, сразу же согласился и приказал прекратить переговоры².

По плану Тито, в федерацию помимо Болгарии должна была войти и Албания, которую его правительство признало уже 28 апреля 1945 г. — первым. Таким образом он собирался создать на Балканах великую социалистическую державу, к которой потянулись бы «народные демократии» Средней Европы. Он был убежден, что Югославия может стать центром коммунизма, воплотить который в жизнь ей удастся быстрее, чем Советскому Союзу. Аналогичным способом он хотел решить и проблему македонского народа и объединить все три части раздробленной Македонии — Пиринскую в Болгарии, Эгейскую в Греции и Вардарскую в Югославии. Конечно, под своей властью³. В июне 1946 г. Тито и Димитров встретились в Москве и договорились, что проведут переговоры о югославско-болгарской федерации, как только это станет возможно. Сталин поддерживал эти намерения, полагая, что Югославия и Болгария, объединившись, будут играть важную роль на Балканах⁴. Снова разговор об этом зашел у трех лидеров на похоронах М. И. Калинина. И тогда они договорились, что осуществят свой план после того, как Болгария подпишет мирный договор. Когда в начале 1947 г. это произошло, казалось, что больше нет препятствий для воплощения его в жизнь, хотя мирный договор вступал в силу лишь 15 сентября⁵.

* * *

В июне 1947 г. Тито обсуждал федерацию с Болгарией на Блеле с Георгием Димитровым, который после войны вернулся в Софию и занял там руководящее положение. Встречу попытались использовать югославские дивертиры в Австрии, которые организовали диверсионную акцию против обоих государственных деятелей, но успехом она не увенчалась. Группа из 19 диверсантов была задержана сразу после перехода через границу, при этом произошло вооруженное столкновение с КНОЮ, в котором трое из них погибли. Остальных потом судили в Любляне⁶. В атмосфере, проникнутой благодаря

¹ *Dimitrov G. Diario. S. 793, 797, 798, 801; AS. Dedijer. T. e. 8. M. Pijade — V. Dedijerju, 05.03.1953.*

² *Kardelj E. Spomini. S. 105; Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 83, 90.*

³ *Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 91–93.*

⁴ *Dimitrov G. Dnevnik (9 mart 1933 — 6 februar 1949). Sofija: Sv. Kliment Ohridski, 1997. S. 528, 535.*

⁵ *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 289, 290.*

⁶ *AS. Dedijer. T. e. 198. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 1; См. также: Adamović M., Milošević D. Kako smo čuvali Tita // Večernje novosti. 1. 1982. 23.09.; Kranjc M.F. Zarote in atentati na Tita. S. 226–229.*

этому успеху и чувствам славянской «взаимности», радостью победы, 1 августа 1947 г. лидеры подписали «исторический» протокол, в котором констатировалось, что они станут как можно интенсивнее развивать торговлю и экономическое сотрудничество между обоими государствами и постараются ввести общую валюту и заключить таможенный союз. Всё это должно было остаться в тайне, поскольку Болгария формально еще не имела полного суверенитета. Речь шла и о возможном объединении Пиринской и Вардарской Македонии и о самоопределении македонского народа¹. Димитров в конфиденциальной беседе даже утверждал: «Мы создадим лучшую федерацию, чем русские, поскольку наш уровень выше, мы более культурны...»² На встрече с болгарскими журналистами Тито говорил, что «Балканы вместе с Советским Союзом должны стать маяком, показывающим путь правильного решения национального и социального вопросов». А на одном из заседаний ЦК КПЮ он даже утверждал, что только Югославия является истинной носительницей «революционного социализма»³. Короче говоря, Тито чувствовал себя сильным и полагал, что может создать на Балканах революционную мощь, которая не только составит конкуренцию Советскому Союзу, но и поставит под вопрос раздел Юго-Восточной Европы, определенный договорами великих держав в Тегеране и Ялте⁴. Когда Сталин узнал от Димитрова, что обсуждалось на Бледе, реакция его была быстрой и жесткой. Уже 12 августа он послал Тито и Димитрову телеграмму со строгим выговором. Он упрекал югославов и болгар в том, что они подписали пакт о сотрудничестве на «неопределенное время», что не принято в дипломатии, и что они не сообщили об этом Советскому Союзу. Но главным образом он поставил им в вину то, что они сделали это до вступления в силу мирного договора, и тем самым дали реакции на Западе повод укрепить свое присутствие в Греции и Турции. «Советский Союз связан союзом с Югославией и Болгарией, так как у него имеется с Югославией формальный договор о союзе <...>. Однако Советское правительство должно предупредить, что оно не может взять на себя ответственность за пакты большой важности в области внешней политики, которые заключаются без консультации с Советским правительством»⁵.

Тито оправдывался тем, что югославское правительство не собиралось поставить советское перед свершившимся фактом, и даже заявил, что готов, если болгары с этим согласятся, опубликовать опровержение. Однако он не изменил своего политического направления и 27 ноября во время

¹ BA. DY 30/J IV 2/2J/8077; *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 195; AJ. KMJ I – 2/17 D. Zapisnik Tito – Dimitrov krajem jula i pocetkom avgusta 1947 na Bledu; *Nešović S.* Bledski sporazumi Tito – Dimitrov (1947). Zagreb: Globus; Školska knjiga, 1979. S. 262–265; *Dimitrov G.* Dnevnik. S. 554, 555.

² *Dediđer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 311.

³ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413. С. 48, 78.

⁴ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 647.

⁵ *Гуренко Ю. С.* Сталин – Тито. С. 325, 326; *Dimitrov G.* Dnevnik. S. 555; *Анукеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 106.

официального визита в Болгарию подписал с Димитровым пакт о сотрудничестве, дружбе и взаимопомощи, причем учел замечания Советского Союза лишь в одном пункте: ограничил его срок двадцатью годами. Переговоры о федерации отложили, говоря, что время для нее еще не пришло. На последовавшей конференции с журналистами он объяснил подписание пакта необходимостью для Югославии и Болгарии защищаться от немецкой или любой другой агрессии. «Поэтому мы не только против немецкого империализма, но и против всех, кто хочет поставить под угрозу нашу независимость»¹. Думал ли он при этом только о Западе, или также и о Советском Союзе?

Согласно подвергнутому цензурной правке документу 1948 г., который ЦРУ даже в 2008 г. пометило как «конфиденциальный», можно сделать вывод, что Тито думал и о СССР. В документе говорится, что конфликт между Тито и Сталиным начал разгораться уже в первые дни июля 1947 г., когда маршал Толбухин потребовал от белградского правительства передать в распоряжение Красной армии следующие морские базы: Пуль, Шибеник и Бока-Которску. Югославские власти должны были отказаться от юрисдикции над этими портами и к тому же разрешить Советскому Союзу построить новый порт у Метковича недалеко от Плоче, причем предоставить для этого необходимые средства и рабочую силу. Еще раз Толбухин выдвинул эти требования в начале 1948 г., но Тито отверг их, будучи уверен, что поставил бы под угрозу свою личную безопасность, если бы разрешил русским управлять базами, которые не находятся под его контролем².

Сомнения Москвы в лояльности югославских лидеров в немалой степени раздувал посол А. И. Лаврентьев, который в своих донесениях из Белграда не упускал возможности подчеркнуть их «ошибки». Так, например, он дал отрицательную оценку речи Тито на II Конгрессе Народного фронта 27 сентября 1947 г., в которой тот говорил о развитии стран «народной демократии». При этом он ни слова не сказал о решающей роли Советского Союза в их образовании и развитии. Более всего Лаврентьев ставил ему в вину то, что маршал не упомянул о роли, которую сыграла Красная армия в освобождении Югославии. «Все эти недоговаривания, очевидно, вытекают из того, что Тито рассматривает процесс освобождения Югославии, процесс социально-экономического преобразования страны лишь с местных национальных позиций, тем самым впадая в национальную ограниченность»³. В Москве, где обращали большое внимание на заявления Тито и на его *вождизм*, резко осудили эти слишком независимые взгляды, как и тот факт, что в своих речах 1945–1947 гг. он только один раз сослался на классиков

¹ Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 325–327; Dimitrov G. Dnevnik. S. 590; Mandić B. Tito u dialogu s svijetom. S. 16.

² NARA. CREST. Yugoslavia / USSR. Break between Tito and the Soviet Union, 06.11.1948.

³ Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 351, 352.

марксизма-ленинизма. «Во всех выступлениях Тито и других руководителей КПЮ нет упоминания товарища Сталина как крупнейшего теоретика нашего времени — гениального продолжателя дела Маркса, Энгельса, Ленина. Не упоминается об авангардной роли коммунистических партий и, прежде всего, о роли *Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)*, игнорируется богатый опыт СССР — единственной страны, которая победоносно строит коммунистическое общество и является защитой всего прогрессивного человечества»¹. Впрочем, этот упрек был не вполне справедлив, ведь, например, Кардель еще в декабре 1945 г., в день рождения Сталина, говорил о его «историческом масштабе» и провозгласил его «гением». Однако, действительно, выступления и поздравления Тито были довольно сдержанными: он не предавался эмоциям и выражал признательность Сталину только за конкретные дела. «Вероятно, — говорит Дедиер, — это потому, что он лучше других знал реальную обстановку в Советском Союзе во времена сталинского господства»².

* * *

Деятельность руководителей КПЮ, их «враждебное» отношение к СССР, чрезмерное подчеркивание своей роли на Балканах — всё это говорило об их авантюризме во внешней политике, о стремлении рассматривать Югославию как нечто самодостаточное, выходящее за рамки революции и социализма. Уже в начале апреля 1945 г. Димитров после встречи с Тито написал в своем дневнике: «Сегодня вечером я принял Тито у себя в городской квартире. Мы долго говорили о ситуации в Югославии, об отношениях с англичанами и американцами, о возможной договоренности относительно Унии (или чего другого) между Югославией и Болгарией и т. д. Общее впечатление: недооценка сложности положения и стоящих перед нами трудностей, очень высокомерен, большой сноб и, несомненно, у него “головокружение от успехов”. Так, как он говорит, конечно, кажется, что всё в порядке»³. И так, с точки зрения Сталина, Тито и его товарищи стали узкими националистами и вступили на путь предательства социалистического фронта, которым руководил Советский Союз, предательства интернационализма⁴. Как говорил Хрущев в своем докладе «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС, Сталин стал «в послевоенный период более капризным, раздражительным, грубым, особенно развилась его подозрительность. До невероятных размеров увеличилась мания преследования. Многие работники становились в его глазах врагами. После войны Сталин еще больше отгородился от коллектива, действовал исключительно единолично, не считаясь ни с кем и ни с чем»⁵.

¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413. Перевод цитаты сделан по тексту Й. Пирьевца.

² *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 335, 336.*

³ *Dimitrov G. Diario. S. 823.*

⁴ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413. С. 49.

⁵ *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 324.*

С другой стороны, Тито строил свои грандиозные планы, не особо считаясь со мнением Сталина, и происходило это именно в тот момент, когда, создав в сентябре 1947 г. Информационное бюро, тот ясно дал понять, что хочет превратить коммунистические силы в Европе в фалангу, которая должна маршировать согласно его воле. Так как США в то время подготовили план Маршалла для оказания экономической помощи разрушенной Европе — той, которая находилась под их контролем, — Сталин счел уместным сплотить ряды собственного лагеря. С этой целью 22–27 сентября в Шклярска-Порембе недалеко от Вроцлава в Польше в спешке была организована тайная встреча девяти влиятельнейших партий Восточной и Западной Европы. Казалось, мечты Тито сбылись, ведь он еще в апреле 1945 г. в беседах со Сталиным говорил о возможности создания новой консультативной организации среди коммунистических партий. Тогда Сталин ничего не сказал, а в следующем году, когда они снова встретились, сам предложил, чтобы югославы взяли на себя инициативу в этом деле. Тито считал, что было бы лучше, если бы это сделали французы, вероятно, из-за того, что их партия пользовалась большим авторитетом. В конечном счете об этом позаботился сам Советский Союз, обеспокоенный американским «долларовым империализмом»¹. На встрече А. А. Жданов развил теорию о двух противоборствующих лагерях, которые раньше или позже неизбежно столкнутся в вооруженном конфликте, и подчеркнул, что коммунисты должны сплотить свои ряды перед этой угрозой. Это была политическая тенденция, которая в определенном смысле, по крайней мере в Европе, вела к обновлению Коминтерна². Когда *Правда* 5 октября 1947 г. опубликовала известие о конференции, Димитров с воодушевлением написал в своем дневнике: «Это заседание — наша “атомная бомба” <...> лучший ответ на антикоммунистический поход американских империалистов»³.

Факт, что Джилас и Кардель на совещании — созванном без определения повестки — выступили как знаменосцы правоверности, не мог перечеркнуть высказывания Тито на встрече с хорватскими крестьянами 25 августа 1947 г.: «С Англией и Америкой, а также с другими государствами мы разговариваем на равных. Мы заявляем, что не позволим обращаться с нами как с колониальным народом»⁴. В Москве не сомневались, что, говоря «с другими государствами», он имел в виду Советский Союз. «Даже в этом случае, — комментировали в Кремле, — вероятно, югославские руководители скажут, что наши утверждения основаны на неточной информации, но пусть они прочитают свою газету “Борба” за 25 мая 1945 г. (речь Тито в Любляне) и газету “Глас” за 26 августа 1947 г. (разговор Тито с крестьянами)». Короче говоря,

¹ Swain G. R. The Comintern. P. 656.

² The Cominform. Minutes of the Three Conferences 1947/1948/1949 / Ur. G. Procacci et al. Milano: Feltrinelli, 1994.

³ Dimitrov G. Dnevnik. S. 574.

⁴ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413; *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. I. S. 440; Vol. III. S. 272.

Сталин был убежден, что Тито проводит долгосрочную и планомерную антисоветскую политику именно в тот момент, когда надо было бы поддерживать Советский Союз как единственную силу, способную хотя бы на время предотвратить третью мировую войну.

В учредительном акте Информбюро КПЮ стоит на первом месте, вероятно, потому что Тито уже в 1945 г. предложил создать его и в следующем году на встрече со Сталиным вновь высказал эту мысль¹. И сам Сталин решил, что штаб-квартира новой организации и ее журнала, которому предполагали дать программное название «За прочный мир, за народную демократию», будут в Белграде². Тито интерпретировал это как поддержку его политики и на II Конгрессе Народного фронта 27 сентября торжественно заявил, что его опыт имеет большое значение не только внутри страны, но и «за ее границами»³. С другой стороны, следует отметить, что югославские лидеры вовсе не испытывали благодарности за оказанную им Сталиным честь, в кулуарах они говорили, что ВКП(б) намерена «использовать Коминформ как средство господства над другими партиями»⁴. Одним из главных показателей этого мятежного духа было то, что югославская пресса старалась всевозможными способами преуменьшить роль Советской армии в освобождении Югославии. Например, 22 декабря 1947 г., в день ЮА, *Borba* опубликовала карту освобожденных в 1941–1944 гг. территорий. Глядя на нее, можно было понять, что государство уже освободилось к тому моменту, когда Красная армия вступила в Югославию. «На самом деле, — комментировали в Москве, — самим руководителям КПЮ хорошо известно, что это абсолютно не соответствует фактам»⁵. Своими действиями Тито серьезно испытывал терпение Сталина, пока оно не лопнуло окончательно. Он дерзнул даже потребовать обеспечить югославскую армию современным оружием, хотя русские, вопреки первоначальным обещаниям, говорили, что Югославия не может взять на себя такое бремя: «Зачем вам будет нужна сильная армия? Ведь есть же мы»⁶. То есть *хозяину* казалось, что в Белграде он имеет дело с группой «фарисеев», которая перед народом на все лады расхваливает ВКП(б) и превозносит ее и Советский Союз до небес. А в узком кругу посвященных они твердят, что «ВКП(б) выродилась», что «социализм в СССР больше не является революционным», что там господствует «великорусский шовинизм» и что «СССР намеревается экономически подчинить Югославию»⁷. «Это уже не критика; — констатировали в Москве, — а клевета, попытка

¹ Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 289, 290.

² *Pirjevec J.* Tito, Stalin in Zahod. S. 27, 28; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 274–276.

³ *Swain G. R.* The Cominform. S. 658.

⁴ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413. С. 78; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 436–438; Vol. III. S. 270, 271, 601.

⁵ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413. С. 83.

⁶ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 304, 307.

⁷ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413. С. 48.

дискредитировать ВКП(б), попытка принизить советский строй»¹. Судя по всему, Кардель не преувеличивал, когда сказал впоследствии, что во всем советском лагере именно к Тито Сталин испытывал самые враждебные чувства². Правильно оценивал советско-югославские отношения и Моше Пияде, когда говорил, что конфликт, произошедший в 1948 г., был столкновением между государством, паруса которого уже не раздувал революционный ветер, и молодой революцией, полной энтузиазма³.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения Сталина, стала политика Тито по отношению к Албании, с которой весной 1946 г. был подписан договор о дружбе и сотрудничестве. Он стремился превратить ее в югославский протекторат, чему Сталин не препятствовал. Но ему не понравилось, что Тито ревниво старался не допустить контактов Тираны с Советским Союзом без югославского посредничества. Давление на албанских руководителей было таким сильным, что один из них, Нако Спиру, покончил жизнь самоубийством в знак протеста против югославского гегемонизма (во всяком случае, таково было официальное объяснение)⁴. Сталин отреагировал на это происшествие. Он послал Тито сообщение, в котором предложил ему прислать в Москву ответственного товарища, лучше всего Джиласа, для переговоров «о ситуации в Албании». Не успел он приехать в начале января 1948 г. — а его сопровождали начальник Генерального штаба Коча Попович и министр военной промышленности Миялко Тодорович, — как уже через два-три часа его позвали в Кремль, где состоялась весьма необычная встреча со Сталиным. Тот был не против, чтобы Югославия «созрела» Албанию, как он сказал и показал вульгарным жестом, как это нужно сделать. Он даже поручил Джиласу отправить Тито от имени советского правительства телеграмму в таком духе, но тот взялся за дело настолько осмотрительно, что она так и не была послана. После этой «срочной» встречи и ужина на даче у Сталина, где царил враждебная по отношению к Тито атмосфера, югославская делегация была предоставлена самой себе и обречена бродить по музеям, памятным местам и театрам Москвы и Ленинграда⁵.

Сдвиг произошел лишь в конце месяца, когда на горизонте вновь возник вопрос о восточноевропейской унии. Югославы и болгары в ноябре 1947 г. подписали пакт о дружбе, подобный тому, который Белград уже заключил в июле 1946 г. с Тираной. А в январе 1948 г. Димитров подписал в Бухаресте еще один сходный договор с румынами. По пути в Софию 17 января он беседовал в салоне своего поезда с западными журналистами и говорил им, что

¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413. С. 48. Перевод сделан по тексту Й. Пирьевца.

² *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 127.*

³ *Ibid. S. 207.*

⁴ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413. С. 78; *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 329–333; Анিকেев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 125; Perović J. The Tito — Stalin Split. P. 45, 46.*

⁵ *Pirjevec J. Tito, Stalin in Zahod. S. 45; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 456; Vol. III. S. 225; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 331, 332.*

наверняка наступит момент, когда народы Румынии, Болгарии, Югославии, Албании, Чехословакии, Польши, Венгрии, а также Греции решат, объединиться им в федерацию или в конфедерацию, и договорятся о том, как воплотить в жизнь такой союз¹. Это дерзкое заявление Тито не понравилось, и он от него отмежевался, еще меньше оно пришлось по душе Сталину, у которого снова возникло ощущение, что ему не сообщили обо всех этих планах и что такие слова льют воду на мельницу англо-американцев. Поэтому он сначала осадил Димитрова в письменной форме, а затем приказал *Правде* заклеить его слова как «проблемные и непродуманные»². В начале февраля 1948 г. он позвал Тито и Димитрова в Кремль, чтобы разобраться раз и навсегда, куда простираются разногласия между тремя правительствами. В телеграмме, которую Молотов послал от его имени обоим государственным деятелям, говорилось: «Неудачное интервью тов. Димитрова в Софии дало повод ко всякого рода разговорам о подготовке восточноевропейского блока с участием СССР». В теперешней обстановке мировая печать может представить этот факт «как антиамериканский и антианглийский шаг со стороны СССР, что могло бы облегчить борьбу агрессивных англо-американских элементов против демократических сил США и Англии»³. Сталин обеспокоился еще больше, когда Тито решил послать дивизию в южную Албанию, которой угрожали греки из-за ее помощи коммунистам-повстанцам. В Корче собирались создать югославскую военную базу для предостережения Западу: нельзя играть с огнем⁴. Тито решился на этот рискованный шаг, несмотря на то что еще в августе 1947 г. Сталин намекнул, чтобы он соблюдал осторожность: на предложение пригласить также и КП Греции на совещание в Шклярска-Порембе он ответил, что ее присутствие на нем будет выгодно только англо-американской реакции. Было очевидно, полагал Сталин, что вступление югославских воинских подразделений в южную Албанию — о чем Энвер Ходжа просил еще в июне 1946 г. — может стать поводом для столкновений не только между югославскими и греческими отрядами, но и с «англосаксами», сражавшимися в Эпире на стороне афинского правительства, и даже с американцами. А это создало бы риск перехода холодной войны в «горячую», вступать в которую Советский Союз не собирался, ведь он искал способы сосуществования с США⁵. Но хуже всего было то, что Тито принял решение, как 21 января 1948 г. сообщил посол Лаврентьев, «без участия советских военных советников при югославской армии». (Если верить словам Джиласа, то ни он, ни Кардель тоже ничего о нем не знали.) Энвер

¹ *Pirjevec J.* Tito, Stalin in Zahod. S. 46, 47; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 459.

² *Dimitrov G.* Dnevnik. S. 595; *Perović J.* The Tito — Stalin Split. P. 51.

³ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 309; *Гуренко Ю.С.* Сталин — Тито. С. 334; *Dimitrov G.* Dnevnik. S. 595.

⁴ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 224, 287, 303, 305, 318, 373; *Kranjc M.F.* Zarote in atentati na Tita. S. 235.

⁵ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 304; AS. *Dedijer.* Т. е. 126. Tipkopis za Titovo biografijo, poglavje 28. S. 6.

Ходжа, которого этот шаг Тито совсем не воодушевил, поскольку его симпатии к Белграду изрядно уменьшились, сразу же сообщил о нем Сталину, а тот ответил, «что не видит какой-либо опасности возможного нападения на вас [Албанию] греческой армии». В конце января Молотов послал Тито сообщение, что «ангლოსаксы» расценят ввод югославских войск в Албанию как оккупацию и используют его как повод для интервенции. В разговоре с А. И. Лаврентьевым Тито немедленно выразил готовность отложить запланированную экспедицию своих отрядов в соседнее государство и даже отказаться от этого проекта. Однако он заметил, что в случае оккупации южной Албании «Югославия вместе с Советским Союзом будет расхлебывать эту кашу»¹. В ответ 1 февраля из Москвы пришли сразу две телеграммы, в которых Молотов раздраженно писал, что своевольное поведение югославского правительства кажется ему «ненормальным» и он не намерен его терпеть. «Как видно, между нашими правительствами имеются серьезные разногласия в понимании взаимоотношений между нашими странами, связанными между собою союзническими отношениями. Во избежание недоразумений следовало бы эти разногласия так или иначе исчерпать»².

На приглашение Сталина в Кремль, где это должно было произойти, Димитров послушно откликнулся и 9 февраля «нелегально» отправился в Москву³. Тито же вновь доказал, что знает, с кем имеет дело. После операции, которую ему сделали годом ранее, он стал подозревать, что Сталин покушается на его жизнь. Операцию провели советские хирурги, которые будто бы на самом деле пытались его убить. В то время уже появилась напряженность между Москвой и Белградом, и Тито попытался смягчить ее тем, что принял предложение *хозяина* прислать к нему своих специалистов, хотя, в сущности, случай был банальный. После операции начались осложнения, что дало повод заподозрить, что профессора М. С. Бакалев и Н. Р. Смотров получили совершенно другие указания, нежели вылечить высокого пациента. Сам Тито впоследствии утверждал: «Сталин много раз хотел меня убить. В том числе и этой операцией»⁴.

Отговорившись болезнью, Тито послал в Москву — в помощь Джиласу — еще Владимира Бакарича и Эдварда Карделя, из-за чего Сталин разозлился еще больше. Они поселились на вилле, предоставленной им советским правительством, причем внимательно следили за тем, как и что говорить. Джилас тихим шепотом сообщил Карделю о своих московских впечатлениях и сказал ему, что невозможно рассчитывать на серьезную помощь. Кардель же поведал ему о намерениях Тито в отношении Албании. Об атмосфере

¹ *Perović J.* The Tito — Stalin Split. P. 49; *Swain G. R.* Tito. A Biography. P. 90; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 337.

² *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 334–338; *Анукеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 131, 132; *Kardelj E.* Spomini. S. 116; *Perović J.* The Tito — Stalin Split. P. 49, 50.

³ *Dimitrov G.* Dnevnik. S. 596.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 4.

недоверия к гостям свидетельствует и то, что в гостиной виллы, в которой они проживали, всё время звучало радио. Один советский служащий спросил, почему. «Мы любим музыку, — ответил Джилас, — особенно Кардель...»¹

На ночной встрече в Кремле со Сталиным и болгарам 10 февраля 1948 г. югославская тройца была вынуждена стерпеть много ругани и упреков, суть которых можно выразить одним предложением: «В вашем случае речь идет не об ошибках, а о позиции, которая отличается от нашей!»² На повестке дня стояли три вопроса: договор на Бледе, интервью Димитрова и прежде всего отношения Югославии с Албанией, а в связи с ними — греческий вопрос. Сталин считал, что во всех этих случаях белградское и софийское правительства позволили себе предпринять внешнеполитические шаги без согласия со стороны Советского Союза, хотя они касались и московского правительства, заключившего с ними двусторонние договоры. Именно в этом и состояла суть вопроса: для *хозяина* было недопустимо и невозможно, чтобы государства-сателлиты, будь то во взаимоотношениях друг с другом или с Западом, проводили бы политическую акцию, заранее не утвержденную Москвой, или объединялись бы без ее дозволения. «А всё, что Димитров говорит, что говорит Тито, за границей воспринимается как сказанное с нашего ведома»³. Встреча в Кремле, начавшаяся в 10 часов вечера, в 11:15 уже закончилась. Сталин обозвал Димитрова старой болтливой бабой, но по отношению к югославам был более сдержан. В тот раз он никого не пригласил к себе на дачу на ужин⁴.

Во избежание в будущем повторения непродуманных действий, как те, в которых Сталин упрекал болгар и югославы, на следующий день Димитрова и Карделя вынудили подписать двусторонние договоры с Советским Союзом. Согласно этим документам, они отказывались от проведения независимой внешней политики и взяли на себя обязательство, что Болгария и Югославия будут «советоваться с Москвой по всем важным международным вопросам». Кардель, которого 11 февраля посреди ночи пригласили в Кремль, чтобы подписать вышеупомянутый договор, утешался тем, что в конце концов русские требуют от него того, что он и так уже делал. Но из-за волнения он подписал документ там, где должна была стоять подпись Молотова. Договор пришлось заново напечатать и повторить мероприятие на следующий день⁵. Югославская делегация после этого осталась в Москве еще

¹ AS. Dedijer. T. e. 179. L. Kozak. Podsetnik u vezi sa knjigom Milovana Dilasa «Godine vlasti». S. 18.

² Pirjevec J. Tito, Stalin in Zahod. S. 54; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 460–467; Vol. III. S. 314; Kardelj E. Spomini. S. 112–117.

³ Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 340; Dimitrov G. Dnevnik. S. 596–603; Perović J. The Tito — Stalin Split. P. 52–54.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 143. A. Ranković, M. Dilas, V. Dedijer i V. Jager. Hronologija sukoba.

⁵ Pirjevec J. Tito, Stalin in Zahod. S. 55; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 315, 319, 575, 578; Kardelj E. Spomini. S. 119; AS. Dedijer. T. e. 201. Zabeleška o razgovoru druga E. Kardelja sa Vladimirom Dedijerom, u Ljubljani, 11. oktobar 1978. godine. S. 3.

на два-три дня и, помимо прочего, договорилась с Димитровым о том, как воплотить в жизнь федерацию, о которой говорил Сталин на встече в Кремле. *Хозяин* полагал, что такой союз «возможен и реален»¹, в отличие от «мифической» конфедерации всех народных демократий, о которой говорил Димитров. Кардель принял участие в переговорах, хотя Джиласу — исходя из решения, принятого Политбюро КПЮ перед его поездкой в Москву, — сказал, когда они возвращались из Кремля, что на таких условиях не стоит придавать значение федерации с Болгарией. «Такая федерация позволила бы Сталину провести к нам троянского коня, а потом он убрал бы Тито и наш Центральный комитет». Из советской столицы югославы уехали чуть ли не тайком: «На заре нас отвезли на Внуковский аэродром и безо всяких почестей впихнули в самолет»².

* * *

Еще до возвращения из Москвы югославской делегации стали поступать сведения из Бухареста о том, что портреты Тито неожиданно исчезли с витрин магазинов и что Югославия собирается присоединиться к плану Маршалла. А из Тираны сообщали, что советский поверенный в делах на одном приеме поднял тост за Тито, но с оговоркой, «если он своей деятельностью действительно укрепляет демократический фронт в мире». Чтобы усилить давление, через 10 дней Богдана Црнобрню, югославского министра внешней торговли, проинформировали в советской столице, что правительство Советского Союза собирается начать обсуждение нового экономического договора между государствами только к концу года³.

19 февраля 1948 г., как только Джилас, Бакарич и Кардель вернулись из Москвы, в самом узком кругу состоялось заседание политбюро ЦК КПЮ, на котором Джилас сделал сообщение о переговорах со Сталиным и другими советскими руководителями. Вопросы внешней политики не слишком волновали Тито, он считал, что тут больших разногласий между правительствами нет. Однако он выступил против федерации с Болгарией и прежде всего затронул проблему экономической и военной помощи как очевидных рычагов давления Сталина на Югославию. «Неясно, желает ли СССР, чтобы мы были сильной, вооруженной страной. Вооружение — огромный груз. Мы должны опираться прежде всего на собственные силы, внести поправки в Пятилетний план и обучиться строительству военной промышленности <...> Советские товарищи из многого делают неправильные выводы... Мы должны проявить упорство в отношении нашей линии, в отношении укрепления роли Югославии в мире, что в конечном итоге и в интересах СССР»⁴.

¹ *Dimitrov G. Dnevnik. S. 599, 603.*

² *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 342; Kardelj E. Spomini. S. 118.*

³ *Pirjevec J. Tito, Stalin in Zahod. S. 62; Dedijer V. Novi prilozii. Vol. III. S. 226, 259; AS. Dedijer. T. e. 143. A. Ranković, M. Đilas, V. Dedijer i V. Jager. Hronologija sukoba. S. 12.*

⁴ *Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. С. 20; Perović J. The Tito — Stalin Split. P. 55, 56.*

Свое негативное отношение к внешней политике Сталина югославские руководители снова высказали еще через два дня, когда Тито, Кардель и Джилас встретились с группой высших греческих партийных функционеров, среди которых был и Генеральный секретарь Никос Захариадис. Им сообщили, что Сталин на встрече 10 февраля выразил сомнения в возможности успеха их восстания, но при этом пообещали и дальше оказывать военную поддержку их «освободительной борьбе». И это были не просто слова. Как узнал Лаврентьев 10 марта от министра иностранных дел Станое Симица, югославская авиация находилась в состоянии боевой готовности, чтобы дать ответ на «военные провокации греческих монархо-фашистов». Кроме того, Тито и его товарищи оказали давление на албанцев, чтобы те убедили Москву в необходимости скорейшего размещения югославских отрядов в их стране и объединения ее с Югославией. Сообщение, посланное советским послом в Москву 26 июля 1947 г., весной 1948 г. звучало чрезвычайно актуально: «Совершенно понятно, что Тито сейчас обдумывает возможность дать военный ответ на греческие провокации»¹.

Сведение счетов с Хебрангом и Жуйовичем

В конце февраля помощник советского министра внешней торговли известил Белград, что не нужно посылать в Москву делегацию на запланированные переговоры о продлении торгового протокола. Это был тяжелый удар для югославских руководителей, поскольку недавно принятый пятилетний план основывался на предпосылке тесного экономического сотрудничества с Советским Союзом и государствами его блока. Из-за этого на личной вилле Тито в Дединье состоялось «расширенное» заседание Политбюро, на котором Кардель и Джилас вновь доложили о переговорах со Сталиным². Все присутствовавшие были очень обеспокоены. Тито предложил подать в отставку с поста главы правительства, но, по мнению Джиласа, сделал он это скорее для того, чтобы понять, может ли он рассчитывать на их поддержку. Заседание началось с констатации маршалом того, что югославо-советские отношения зашли в тупик, и это подтверждалось тем фактом, что «русские» пытались оказать на Югославию экономическое давление и заставить ее вступить в федерацию с Болгарией, которая предполагала и слияние обеих партий. Тем самым они имели бы «троянского коня» в их лагере и усилили бы влияние НКВД на Балканах. Также он заявил, что внутри КПСС произошли идеологические сдвиги, превратившие ее в партию «великорусского шовинизма». Кардель, Джилас и другие члены ЦК КПЮ поддержали его: «Мы не пешки на шахматной доске»³. Джилас даже сказал, что КПСС «будет

¹ *Perović J.* The Tito – Stalin Split. P. 45, 55–57.

² *Kardelj E.* Spomini. S. 216.

³ *Dedićer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 303–306; *Гуренко Ю. С.* Сталин – Тито. С. 343; *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. С. 20.

продолжать оказывать на нас мощное давление, поскольку новая Югославия проявила себя по отношению к ней как мощный идеологический центр сопротивления». «Вопрос в том, будет ли социализм развиваться свободно или путем расширения СССР»¹. Все согласилось с этим и констатировали, что необходимо иметь сильную армию как гарантию независимости. «Нам придется многим пожертвовать на нужды военной промышленности и вооружения, — заявил Тито в заключение заседания. — Слова, произнесенные там, наверху [в Москве. — *Й. П.*], ничего нам не дают. Думаю, что мы сможем укрепить армию»².

Только Жуйович — Црни, министр финансов и Генеральный секретарь Народного фронта, многозначительно помалкивал. (Он был умным человеком с большим политическим опытом, но тем не менее совершил большую ошибку, слишком тесно контактируя с русскими. Достаточно сказать, что после войны он целых пять раз «лечился» в Крыму.)³ Над ним начали сгущаться тучи, так как «товарищи» подозревали его в просоветских взглядах. Не желая еще больше портить отношения с Москвой, на заседании приняли решение, что состоявшееся обсуждение следует держать в строгом секрете, в том числе и от советского посла. Но Жуйович проигнорировал это решение. Из-за его предательства Лаврентьев смог немедленно послать в Москву донесение о заседании, включив в него, помимо прочего, и утверждение генерала Ивана Гошняка, что политика СССР создает препятствия развитию международной революции. На что Тито ответил: «Точно!» Сталин немедленно получил документ и высоко оценил его. По его приказу Молотов поручил Лаврентьеву поблагодарить Жуйовича за драгоценную информацию: «Он делает этим хорошее дело как для Советского Союза, так и для народа Югославии, разоблачая мнимых друзей Советского Союза из югославского ЦК»⁴. Уже 9 марта Лаврентьев послал в Москву новое донесение, в котором привел точку зрения Жуйовича и боснийского премьера Родолюба Чолаквича на сложившуюся ситуацию. По их мнению, вывести Югославию из тупика, в котором она оказалась, можно лишь с помощью ВКП(б), поскольку Тито держит в своих руках все рычаги власти и не допускает открытой оппозиции. На его сторону встанет партийная верхушка, привыкшая к благам, которыми бесконтрольно пользуется. Низовые партийные ячейки слабы в организационном и идеологическом отношении. Жуйович полагал, что Тито не смог бы отклонить предложение, чтобы Югославия присоединилась к Советскому Союзу, если бы существовала возможность запланировать что-то

¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413; *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. I. S. 469; Vol. III. S. 127, 304.

² *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. III. S. 307, 308.

³ *Dilas M. Tito*. S. 239; *Bilandžić D. Povijest izbliza*. S. 220; *Velebit V. Svjedok*. S. 293; *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. С. 503, 504.

⁴ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 348, 349–353; *Анукеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 134, 135; *AS. Dedijer*. Т. е. 179. L. Kozak, Podestniku vezi sa knjigom Milovana Dilasa «Godine vlasti». S. 22.

в таком духе. Но он понимал, что международная ситуация не позволит это сделать. Поэтому он предложил пригласить югославскую партийную делегацию в Москву для открытого разговора. Если югославские руководители станут отрекаться от своих слов, то он, Жуйович, готов их разоблачить. В голову ему приходили и другие мысли: не договорились ли друг с другом Тито и англо-американцы, и не сыграл ли при этом роль посредника Влатко Велебит?¹ (Ранкович уже несколькими месяцами ранее заподозрил, что тот является английским шпионом, а Кардель сообщил об этом Молотову².)

В тот же день, 9 марта, Лаврентьев сообщил в Москву, что югославское правительство запретило своим органам «предоставлять кому бы то ни было какие-либо материалы» и приказало госбезопасности держать этот вопрос под контролем. Это постановление было принято еще прошлым летом, но оно не касалось советского торгового атташе, который, несмотря ни на что, получал от Экономического совета нужную ему информацию. Тот факт, что югославское правительство еще раз официально сообщило в советское посольство об этом запрете, по мнению Лаврентьева, означал только одно: оно изменило свое отношение к Советскому Союзу³.

Через два дня, 11 марта, Тито принял Лаврентьева и сказал ему, что его правительству непонятно, почему СССР отказывается заключить с Югославией торговое соглашение, в то время как заключает подобные соглашения с другими государствами. Он затронул и ряд других злободневных вопросов, начиная с тоста советского дипломата в Тиране, причем был настроен примирительно, говорил, что в каждой семье бывают споры, даже между братьями. Молотов ответил из Москвы, что тост — клевета или недоразумение, как и утверждение, что советское правительство не хочет заключать торговое соглашение с югославским. В то время как происходил этот обмен мнениями, Жуйович продолжал подливать масло в огонь. В разговорах с советскими дипломатами он отзывался о Тито, Карделе, Ранковиче и Джиласе как о «политических перерожденцах», которые собираются построить в Югославии социализм «новым путем». «Поэтому проявляется стремление оторваться от Советского Союза, а также появляется настроение охаивания положения в СССР»⁴.

Под впечатлением от этих донесений Сталин принял неожиданное решение. 18 марта руководитель советской военной миссии в Югославии сообщил Коче Поповичу, что советское правительство отзывает своих военных советников, поскольку их окружает *недружелюбие*. На следующий день советский поверенный в делах известил Тито, что отозваны также и гражданские советники: «Вы к нам не прислушиваетесь!» Действительно, и тех и других

¹ Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 354.

² AS. Dedijer. Т. е. 179. Lado Kozak, Podsetniku vezi sa knjigom Milovana Đilasa «Godine vlasti»; Velebit V. Svjedok. S. 169.

³ Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 354, 355.

⁴ Там же. С. 356.

не любили из-за их высокомерия, неоправданно высоких зарплат и явных попыток завербовать соглядатаев в ключевых отделах армии и экономики. «Они хотели устроить всё в Югославии соответственно своим планам и переносили к нам весь советский опыт, — говорил впоследствии Тито. — Одним словом, хотели сделать из нас самую заурядную русскую губернию»¹.

Неожиданный отъезд советских специалистов был зловещим предзнаменованием и не мог не обеспокоить Тито: он сразу же написал Молотову два письма, в которых опроверг обвинения в неприязненном отношении к советским военным и гражданским специалистам и нежелании югославской бюрократии сотрудничать с ними. «Мы бы хотели, чтобы правительство СССР открыто сказало нам, в чем дело, и указало бы нам на всё, что, как оно полагает, не соответствует хорошим отношениям между нашими государствами»². Кардель, со своей стороны, старался убедить московское правительство разрешить остаться в Югославии хотя бы тем гражданским специалистам, чья работа была необходима для осуществления проектов, в которых принимал участие Советский Союз. Безуспешно. 27 марта в Советский Союз вернулась и эта последняя группа. В тот же день Молотов сообщил Лаврентьеву, что 29 марта в Белград прилетит его помощник с письмом, которое следует немедленно передать «по назначению». Это письмо, которое Сталин и Молотов послали «по поручению ЦК ВКП(б)» Тито и ЦК КПЮ, вызвало обострение конфликта. На основании исследования, проведенного в высшем партийном органе и названного «Об антимарксистских позициях руководителей КПЮ во внешней и внутренней политике», они грубо обвинили Тито и его товарищей во враждебном отношении к Советскому Союзу и заявили, что их беспокоит путь, выбранный компартией Югославии. «Эти антисоветские заявления прикрываются обычно левыми фразами о том, что “социализм в СССР уже не является революционным” и “только Югославия представляет собой подлинного носителя революционного социализма”». К подобным методам будто бы в прошлом прибегал Троцкий, и заканчивалось письмо весьма красноречивой угрозой: «Мы думаем, что политическая карьера Троцкого весьма поучительна». Но и этого оказалось недостаточно, имелись и другие многочисленные грехи, которыми югославы запятнали себя из-за своего самомнения: КПЮ, находящаяся у власти, не хочет это признать и скрывается под маской Народного фронта в двусмысленном полулегальном положении. Помимо того, она пренебрегает внутренней демократией, ведь большинство членов ЦК не избраны, а кооптированы. Вместо того, чтобы, в соответствии с марксизмом, осуществлять контроль надо всеми государственными органами, она допускает, что

¹ AS. Dedijer. Т. е. 51. Titove primedbe na rukopis Priloga za biografiju.

² *Dedijer V. Novi prilozii*. Vol. I. S. 413; Vol. III. S. 226, 311, 373, 375, 600; *Pirjevec J. Tito, Stalin in Zahod*. S. 65, 66; *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито*. С. 313–315, 356, 357; *Kardelj E. Spomini*. S. 216; AS. Dedijer. Т. е. 143. A. Ranković, M. Đilas, V. Dedijer i V. Jager. *Hronologija sukoba*. S. 13.

ее саму контролирует министр внутренних дел. Как можно считать такую структуру марксистско-ленинской и большевистской? Более того. В партии нет духа классовой борьбы, капиталистические элементы укрепляются в деревнях и городах, а руководство не предпринимает против них эффективных мер и не пытается их ограничить. Короче, это гнилой, оппортунистический ревизионизм, заимствованный из теорий Бернштейна, Фольмара, Бухарина. Впрочем, чего еще можно ждать от партии, среди руководства которой такие «сомнительные марксисты», как Джилас, Вукманович, Ранкович, и которая оставляет на руководящем положении в министерстве иностранных дел английского шпиона Владимира Велебита? В такой ситуации советское правительство поставлено в затруднительное положение и не может вести откровенную переписку с югославским правительством через систему *мининдела* (министерства иностранных дел) Югославии¹.

Лаврентьев в сопровождении своего советника вручил Тито это письмо в его загребской резиденции, на вилле «Вайс». Прием был очень холодным, маршал даже не предложил им сесть. Когда он прочитал первые строки под пристальными взглядами советских дипломатов, его «как громом поразило». Однако он овладел собой и дочитал до конца, не выдав своего волнения. Через 3–4 минуты он резко закончил прием, пообещав послу, что ответит на письмо после того, как изучит его досконально. Затем он позвонил по телефону в Загреб Карделю, Джиласу, Ранковичу и Кидричу и немедленно приступил к написанию черного варианта ответного письма, с чем справился за два часа. В письме Сталина содержались как некоторые обоснованные утверждения, так и явно ложные, несправедливые или по меньшей мере утрированные. Одними из самых серьезных были обвинения партии в том, что она не выступает открыто, что в ней нет демократии и что она действует, прикрываясь Народным фронтом. Югославы видели в Народном фронте новый тип политической организации, которая объединяет массы под руководством партии и тем самым дает ей возможность наиболее эффективно укорениться в обществе. Такую структуру они считали своим личным вкладом в теорию марксизма-ленинизма и даже ставили ее в пример другим народным демократиям. Хотя на деле партия действительно держала под контролем весь государственный аппарат, осуществляла она это дискретным способом. Так, коммунисты окружали себя некоей таинственностью, которая была тем больше, чем выше человек стоял на иерархической лестнице: было неизвестно, кто является членами ЦК и Политбюро, и даже само слово «коммунизм» использовалось редко, хотя с точки зрения доктрины Югославия, несомненно, была самым ортодоксальным и «монолитным» среди всех советских «сателлитов». Критика Сталина по сути была несправедливой, потому что не принимала во внимание ни больших усилий, которые прилагал режим, чтобы как можно больше приблизиться к советской модели, ни важных

¹ *Pirjevec J.* Tito, Stalin in Zahod. S. 67, 68; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 475; Vol. III. S. 226; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 360–362.

результатов, которых он достиг на этом пути¹. По словам Карделя, «уже в своем первом письме Сталин не оставил югославским коммунистам никакого выбора. Он выступил как судья и потребовал от них — особенно от Тито и руководителей партии, — чтобы они взяли на себя роль обвиняемого»².

В своем ответе, написанном на 33 листах, Тито пропустил обоснованные обвинения и остановился на необоснованных. Советский Союз плохо информирован и видит ситуацию в Югославии в неверном свете. Он подчеркнул свое «страшное удивление» по поводу содержания и тона письма Сталина, причем не забыл выдвинуть несколько жалоб на советский счет (например, что советская секретная служба вербовала югославских граждан). Но главным образом он призывал к взаимопониманию, ведь для Советского Союза тоже выгодно, чтобы Югославия оставалась как можно более сильной, так как она противостоит капиталистическому миру. Он соглашался только на одну уступку: Велебита снимут с поста помощника министра иностранных дел и проведут расследование его деятельности³. Помимо попытки объяснить и оправдать югославские обстоятельства, в письме Тито встречаются утверждения, выходящие за рамки полемики в том стиле, в каком ее вел Сталин, и затрагивающие самую суть конфликта. Тито полностью осознавал, что вопрос о специалистах и все другие обвинения идеологического плана являются лишь предпосылкой, чтобы ослабить КПЮ и подчинить ее Кремлю. Истинная проблема, о которой Сталин из предосторожности не сказал, коренилась в совершенно новых исторических условиях, сформировавшихся после Второй мировой войны, когда бок о бок с первым социалистическим государством появились и многие другие, также опиравшиеся на теорию Маркса. В связи с этим встал животрепещущий вопрос об их взаимоотношениях и понимании национального суверенитета. Сталин считал, что проблема суверенитета имеет формальный характер, он утверждал — больше делами, чем словами, — что политическая направленность каждой народной демократии уже по самой логике вещей должна совпадать с политической направленностью Советского Союза. Тито, ни в коей мере не отрицавший огромного значения советского опыта, противопоставил этому тезису другой, а именно: не следует жертвовать местными условиями и традициями, их нужно уважать. Ведь лишь тогда, когда социализм будет расти на почве каждого отдельного государства, он примется и принесет плоды. Емко и четко он высказал эту концепцию уже в начале своего ответа: «Даже если кто очень любит страну социализма, Советский Союз, он не может меньше любить свою родину, которая точно так же строит социализм»⁴.

¹ *Pirjevec J.* Tito, Stalin in Zahod. S. 68, 69; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 381; *Idem.* Dokumenti 1948. Vol. I. Beograd: Rad, 1979. S. 234.

² AS. *Dedijer.* T. e. 7. Kardelj E. Tito na istorijskim raskršćima. S. 39.

³ *Dedijer V.* Dokumenti 1948. Vol. I. S. 239–251; *Velebit V.* Svjedok. S. 163, 164.

⁴ *Dedijer V.* Dokumenti 1948. Vol. I. S. 239, 240.

В заключительной части письма он подробнее развил свою мысль и подчеркнул, что необходимо учитывать опыт каждой новой «народной демократии» (т. е. тех государств, у власти в которых коммунисты) как развитие и обогащение достижений Октябрьской революции, как привнесение в ее практику новой и революционной струи, находящейся в полном соответствии с марксизмом-ленинизмом. Основываясь на таком динамичном видении социалистического движения, он точно определил задачу и роль Советского Союза: пусть он своим авторитетом поддерживает идеологически близкие государства, но не вмешивается в их внутреннюю жизнь. Только так революционный процесс будет развиваться и утверждаться в мире¹.

Для Тито эти идеи не были совершенно новыми: он сформулировал их уже в 1945 г. и высказал на учредительном съезде КП Сербии. Тогда он пришел к выводу, что этапы буржуазной и социалистической революций в Югославии четко не разграничены, и поэтому государство будет развиваться в социалистическом направлении иначе, чем Советский Союз. Он сообщил, что говорил об этом лично со Сталиным и получил гарантию, что такая тенденция не противоречит ленинскому учению. Однако в 1948 г. тезис о различных путях к социализму казался настолько опасным, что четыре самых верных соратника Тито (Кардель, Ранкович, Кидрич и Джилас), которым он его озвучил, не восприняли его. Прибыв на виллу «Вайс», они прочли письмо Сталина и ответ Тито. Им показалось, что в заключительной части он слишком дерзок и его не стоит посылать Сталину, потому что такой ответ разозлил бы его еще больше. Первым привел эти возражения Джилас, остальные трое согласились с ним. Тито с тяжелым сердцем принял их замечания, поскольку очень хорошо понимал, что нельзя заходить слишком далеко, если он не хочет оказаться в изоляции от товарищей. Хотя Сталин избегал личных нападок на него (он и позже не делал этого), было очевидно, что его положение стало чрезвычайно опасным и шатким. Когда Джилас предложил, чтобы он сам и другие «сомнительные марксисты» подали в отставку, Тито отклонил это предложение без колебаний и даже высказал недовольство: «О нет! Я знаю, чего они хотят: сломить наш центральный комитет. Сначала вас, потом меня!»²

На встрече в Загребе было решено представить ответ Тито на рассмотрение Пленума ЦК, который не созывался с октября 1940 г. К принятию этого решения их подтолкнули обвинения Сталина по поводу отсутствия демократии внутри КПЮ. По той же причине Тито предложил вынести на повестку дня также вопрос о созыве V Съезда партии, поскольку предыдущий состоялся двадцатью годами ранее. К принятию этих мер побуждала и необходимость мобилизовать югославских коммунистов и доказать тем, кто видел в Сталине блюстителя истины, что руководство КПЮ всегда готово принять его критику, если она справедлива. Тито не верил, что действительно

¹ Ibid. S. 249–251.

² Dilas M. Jahre der Macht. S. 206; Mandić B. S Titom. S. 124.

успокоит его этим, но его убеждение мало кто разделял. Среди его ближайших соратников, возможно, только Кардель был способен стряхнуть с себя идеологические оковы и увидеть положение дел в его грубой реальности. Хотя он всё ещё воспринимал Сталина как вождя мирового революционного социализма и переживал личную драму, переходя на негативную позицию по отношению к нему, иллюзий он не питал. В поезде по пути из Загреба в Белград он говорил товарищам, что отношения между Югославией и Советским Союзом окончательно зашли в тупик: «Я хорошо знаю русских... Знаю их логику. Они даже объявят нас фашистами, чтобы морально и политически обосновать перед миром борьбу против нас. Если бы они могли, то ликвидировали бы нас, применив силу»¹.

Тайное заседание Политбюро Тито созвал 12 апреля 1948 г. в 10 часов утра в библиотеке Старого дворца в Дединье. Поскольку до тех пор в этом здании не проводилось партийных встреч, вероятность того, что в нем размещены советские аппараты для прослушивания, была небольшой. Меньшей была и опасность воздушной или наземной атаки². Тито принял участие в заседании, понимая, что оно имеет «судьбоносное значение». «Жизнь, — пояснил он, — научила меня, что в такие критические моменты опаснее всего остаться без мнения, проявить колебания. Всегда в таких ситуациях следует действовать смело и решительно»³. После вступительного слова, в котором он обозначил главные пункты недавних разногласий со Сталиным, он зачитал письмо Сталина от 27 марта и текст своего ответа. Он обратил внимание ошеломленных слушателей, которые не были осведомлены о закулисных спорах с Москвой, на существенный момент: идеологические обвинения, сформулированные Сталиным, являются просто ширмой, за которой скрывается суть конфликта — а именно, будут равноправными отношения между социалистическими государствами, или нет. Также он потребовал, чтобы присутствующие высказали свое мнение по поводу «страшной клеветы» из Москвы, являвшейся результатом «неправильного информирования». Поскольку он хотел заставить каждого нести личную ответственность за свою позицию, то сказал, что передаст стенограмму заседания ЦК КПСС, если от него этого потребуют. То есть участники заседания должны были сделать выбор между Тито и Сталиным, причем без какой-либо возможности отделаться двусмысленными фразами⁴.

Тем самым он дал импульс ряду выступлений — более или менее продуманных, более или менее эмоциональных. Кардель обратил внимание

¹ *Dedijer V. Izgubljeni boj J. V. Stalina, 1948–1955. Ljubljana: Delo, 1969. S. 231; Dilas M. Jahre der Macht. S. 207; AS. Dedijer. T. e. 7. Kardelj E. Tito na istorijskim raskršćima. S. 39.*

² *Dilas M. Tito. S. 184, 185; Dedijer V. Novi prilozii. Vol. I. S. 478; Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 176.*

³ *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 362, 363.*

⁴ *Pirjevec J. Tito, Stalin in Zahod. S. 74; Dedijer V. Novi prilozii. Vol. I. S. 480; Vol. III. S. 448.*

на тот факт, что «Югославия почти всю страну сама освободила, в то время как Чехословакию и другие страны освободила Красная армия. <...> Мы имеем право требовать от Советского правительства проявлять доверие к партии, добившейся таких результатов»¹. Находившийся в душевном смятении Джилас даже заявил, что после того как Сталин обвинил его в троцкизме, ему остается только покончить жизнь самоубийством. Все поддержали Тито, утверждавшего: «Мы имеем право дискутировать с Советским Союзом на равноправной основе». Когда дошла очередь до Жуйовича, он, «бледный и растерянный», защищал советскую точку зрения: «Товарищи! Я взываю к вашему революционному сознанию. <...> Где будет место Югославии в борьбе против империализма? <...> Я считаю, что наша цель в том, чтобы наша страна вошла в состав СССР»². Из всех присутствовавших, кроме членов Политбюро, Жуйович был единственным, кто еще до заседания знал о содержании письма Сталина, поскольку Лаврентьев ознакомил его с ним сразу, как только получил его. Он был воодушевлен тем, что все вопросы поставлены так «принципиально», хотя и сомневался, что письмо окажет какой-либо эффект: «Все попытки к выправлению положения будут задушены. Поэтому потребует дальнейшее вмешательство ВКП(б)»³.

Своим выступлением на заседании Политбюро Жуйович, конечно, только подтвердил подозрения, которые уже давно одолевали его товарищей: что он информирует советского посла об их взглядах. Решающую роль сыграл случай, произошедший 10 апреля, когда Джилас, проезжая по центру Белграда, заметил перед советским посольством его автомобиль и узнал его бородатого шофера. Конечно, об этом открытии он в тот же день сообщил Тито на встрече, где присутствовали также Кардель и Ранкович, и где было определено содержание заседания Политбюро, созданного через два дня.

После выступления Жуйовича, в котором тот упрекнул товарищей в том, что они хотят стать равными советским коммунистам, началась бурная ссора, во время которой Тито спросил его: «А что ты, Црни, два дня назад делал у советского посла?» Тот попытался выпутаться и ответил, что пришел туда поговорить о покупке новой машины. Джилас кинул ему в ответ: «Югославский министр ползает на коленях перед советским послом, чтобы получить машину...»⁴ Склока прекратилась лишь после того, как Жуйович попросил разрешения уйти, чтобы выполнить свои обязанности в скупщине. Присутствовавшие решили продолжить заседание на следующее утро, но прежде, по предложению Тито, поставили на повестку дня вопрос о Црни и его предательстве. В ту ночь они мало спали. Виднейшие члены руководящей группы провели ряд переговоров, в результате которых приняли решение

¹ Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 363.

² Clissold S. Dilas. P. 194; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 352, 353, 370–372, 377.

³ Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 360; Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. С. 24.

⁴ Dilas M. Tito. S. 248.

посадить на скамью подсудимых вместе с Жуйовичем еще и Андрию Хебранга, дело которого уже с марта расследовала особая партийная комиссия. Его обвиняли в «фракционизме», и он находился под домашним арестом «из-за своего поведения в [ушташском] лагере»¹. Хотя Хебранг ни в чем не признался комиссии, было решено, что, раз уж чистка необходима, то лучше избавиться от обоих потенциально опасных товарищей, являвшихся «носителями советской линии»².

Андрия Хебранг, как и Жуйович, не принадлежали к числу руководителей, которых Тито лично выбрал, когда возглавил КПЮ, он унаследовал их от прежнего руководства. Это сыграло решающую роль в их падении. В Москве тоже знали, что они лояльны в первую очередь Сталину. В досье Хебранга, находящемся в архиве Коминтерна, последний охарактеризован как «проверенный, твердый, преданный делу коммунист, большой искренний друг наших интересов». «Для Советского Союза он готов сделать всё, что возможно»³.

* * *

На заседании Политбюро 13 апреля, проходившем в более свободной и спокойной обстановке, чем то, что состоялось накануне, ведь правила игры уже были определены, Ранкович озвучил решение Политбюро оповестить ЦК о «деле Хебранга». Также он зачитал письмо, посланное ему хорватским политиком, в котором тот выступил в поддержку Сталина. Затем сам Тито проанализировал ошибки Фэтти и показал его как человека опасного и враждебного партии. А Джилас поддержал его слова, заявив, что Жуйович и Хебранг являются главными носителями просоветской линии в Югославии. Это заключение было сделано также на основе прослушивания их телефонных разговоров⁴. Во вводной части письма Сталину, окончательный текст которого утвердили на этом заседании, обвиняемые были представлены иначе — как главные виновники напряженности, возникшей между Москвой и Белградом. Именно они передавали неточную информацию советским органам в Югославии, а те передавали ее в Кремль. Конфликт, зародившийся из-за антипартийной деятельности некоторых отдельных элементов, можно будет легко разрешить, если КПСС пошлет в Югославию одного или двух членов своего ЦК, чтобы они на месте исследовали причины возникших трений⁵. Это предложение, имплицитно признававшее главенствующее положение Москвы, а также утверждение, что Жуйович и Хебранг — главные виновники конфликта, были в числе главных изменений, внесенных в текст письма, составленного Тито и дополненного

¹ Kisić Kolanović N. Hebrang. S. 195.

² Cenčić V. Titova poslednja ispovijest. S. 312; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 366; West R. Black Lamb and Grey Falcon. P. 295.

³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 88.

⁴ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 369, 383, 449.

⁵ Dedijer V. Dokumenti 1948. Vol. I. S. 249; Pirjevec J. Tito, Stalin in Zahod. S. 76.

Карделем, Ранковичем, Джиласом и Кидричем. Еще большее значение имел тот факт, что убрали заключительную часть письма, в которой Тито спрашивал: «В чем же в действительности дело? Нам кажется, что у нас нет единого мнения о том, какими должны быть отношения между нашими странами»¹. Его тезис о праве каждого государства выбирать собственный путь к социализму и неприятие «гегемонизма» прозвучали более мягко, чем в первоначальном варианте, и устроили большинство членов Политбюро. Он был вынужден проявлять осторожность, поскольку хорошо знал, как сильно воздействует на югославских коммунистов харизма Сталина². Они по-прежнему видели в нем человека, который, несмотря на его деспотизм, является воплощением марксистской идеологии. Обсуждение, организованное руководителями партии 12 и 13 апреля, и письмо, посланное в Москву, существенно различались. Однако их несоответствия многие не осознавали. Они были довольны, что, в истинно сталинском духе, могут предложить *хозяину* две жертвы, и уверены, что таким поступком снова улучшат испортившиеся отношения. К тому же они хотели символическим жестом подтвердить свою преданность Советскому Союзу, поэтому послали Якова Блажевича, одного из самых молодых членов ЦК, положить венки на могилу русских солдат, павших в битве за освобождение Белграда³.

Но Тито и его ближайшие соратники не предавались подобным иллюзиям. Было очевидно, что готовность принять русских «инспекторов» и попытка свалить всю вину на Жуйовича и Хебранга не приведут к желаемым результатам. Как могло быть иначе? Если бы Сталин согласился послать в Югославию своих «инспекторов», тем самым он бы опосредованно признал, что мог ошибиться. Если бы он притворился, что верит обвинениям против Жуйовича и Хебранга, он показал бы самым влиятельным партиям в Европе, что готов при первой же помехе пожертвовать людьми, выступавшими в защиту его лидерства. Письмо от 27 марта, адресованное Тито, он послал и всем членам Информбюро с призывом определить свою позицию по отношению к конфликту, и с директивой, читаемой между строк, присоединиться к нему в обвинении югославов⁴.

На заседании 12 апреля 1948 г. Тито заявил: «Наша революция достойная, наша революция не пожирает собственных детей!» Но, едва высказав эту идею, он сразу же начал действовать с ней вразрез⁵. Когда в начале мая стало ясно, что все мосты между ним и Сталиным сожжены, главной его заботой было уничтожить Жуйовича и Хебранга и тем самым предостеречь других возможных «предателей»: думайте, что делаете. Хотя Црни уже разоблачили как советского шпиона, он и после заседания 13 апреля

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 339, 340.*

² *Ibid. S. 338; AJ. 837. KPR. IV-5-a. K 38. TV serija «Iz Titovih memoara».*

³ *Pirjevec J. Tito, Stalin in Zahod. S. 76; Cenčić V. Titova poslednja ispovijest. S. 152, 153.*

⁴ *Dedijer V. Izgubljeni boj. S. 132; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 226.*

⁵ *Dilas M. Tito. S. 178; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 483.*

поддерживал связи с советским послом, которому, в ожидании ареста, передал все личные записи, которые вел с самого начала партизанского движения¹. Он был убежден, что советская партия является единственной партией-матрицей, что именно она дает наиболее полную трактовку марксизма-ленинизма, и что Сталин — «вождь и учитель»². Хебранг, который думал точно так же, но не передавал Советскому Союзу никаких сведений, что подтвердил сам Сталин в письме от 4 мая, из-за своей популярности в Хорватии и организационных способностей был опаснее, чем Жуйович. Было нетрудно представить, что именно он сменил бы Тито, если бы в Белграде произошел переворот, как, вероятно, и было запланировано³. В конце апреля он направил в Политбюро письмо, в котором, в соответствии с идеями Сталина, подверг общую направленность КПЮ детальной критике. «Это была своего рода диссертация для будущего шефа», — прокомментировал Кардель в своих воспоминаниях⁴. В Президиуме Народной скупщины Тито 6 мая охарактеризовал Хебранга и Жуйовича как вредные для государства элементы, противников его единства и социализма, из-за чего их сместили с министерских постов. На следующий день новость, не давая особых пояснений, опубликовали в газетах, а 9 мая загребский *Vjesnik* сообщил, что новые министры финансов и легкой промышленности вступили в должности⁵.

В тот же день состоялось заседание Пленума ЦК, на которое Жуйовича уже не пригласили. Ему предъявили заключение партийной комиссии, состоявшей из трех членов, перед которой 13 апреля была поставлена задача расследовать дела — его и Хебранга. Благое Нешкович, Иван Гошняк и Вида Томшич закончили работу 8 мая. В своем пространном заключении они обвинили Жуйовича и Хебранга в том, что те до войны, а также во время нее и после устраивали провокации против государства и партии, и посему предложили исключить их из КПЮ. Андрия Хебранг в их донесении был охарактеризован как «антипартийный и вредный элемент, как предатель и орудие классового врага», а Сретен Жуйович — как «закоренелый фракционер, антипартийный элемент, клеветник и враг нашей партии и нашего государства»⁶. Через несколько дней общественный обвинитель решил, что можно возбудить против них судебное дело, и выдал ордер на арест обоих. Как утверждает Джилас, Тито сам, ни с кем не посоветовавшись, приказал арестовать их⁷. При этом в оправдание своего решения он сказал, что славно было бы, если бы Югославией руководили «ушаш» и «четник». Это циничное замечание

¹ *Dilas M. Jahre der Macht. S. 197.*

² *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 137.*

³ *Ibid. S. 340.* См. документы, опубликованные С. Даутовичем в *NIN* летом 1983 г. и предварившие издание сборника документов ЦК КПЮ; *Kardelj E. Spomini. S. 129.*

⁴ *Kardelj E. Spomini. S. 129.*

⁵ *Pirjevec J. Tito, Stalin in Zahod. S. 92; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 235.*

⁶ *AS. Dedijer. T. e. 8.*

⁷ *Dilas M. Tito. S. 172; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 495.*

вызвало негативную реакцию даже у его ближайших товарищей, поскольку ни Хебрангу, ни Жуйовичу ничего подобного нельзя было поставить в вину. Тито это понял и больше не выдвигал этого обвинения¹.

По сведениям, собранным британским послом сэром Чарльзом Пиком, органы безопасности 13 мая четыре раза приезжали на виллу Хебранга и вывезли по отдельности сначала его, потом жену Ольгу и детей (старшему было не больше пяти лет), а напоследок еще и все имущество семьи. Должно быть, нечто подобное произошло и с Жуйовичем, поскольку его дом, как сообщал Пик, был совершенно пуст и охранялся². Сначала обоих отщепенцев поместили в одно здание недалеко от Белграда, а позже перевезли в самую надежную тюрьму столицы, чтобы агенты Сталина не могли их освободить. Как писал Кардель, Жуйовича и Хебранга арестовали прежде всего потому, что югославские руководители опасались, что Советский Союз поможет им выехать из страны и представит их Информбюро как «истинных» представителей КПЮ³. Кажется, советская разведслужба действительно попыталась их освободить, но успеха не добилась⁴. Во всяком случае, арест обоих сильно обеспокоил Сталина, и он немедленно потребовал, чтобы в судебном расследовании их дела приняли участие и советские органы. Тито и товарищи решительно отклонили это требование как недопустимое вмешательство во внутренние дела Югославии. А Сталин в начале июня резко ответил им, что будет считать их «уголовными убийцами», если с Хебрангом и Жуйовичем случится что-нибудь плохое. Было ясно, что между Тито и Сталиным все мосты сожжены⁵. Белградская газета *Vorba* 30 июня 1948 г. опубликовала решение Политбюро об исключении Жуйовича и Хебранга из партии. Они были объявлены врагами югославских народов, фракционными элементами, действовавшими против КПЮ начиная с 1937 г. С этого началось их хождение по мукам: их подвергли суровому допросу, причем Жуйовичу поставили в вину прежде всего его связи с Горкичем, ряд самовольных военных акций во время народно-освободительной борьбы, в первую очередь «прорыв» на Сутьеске, который Тито по-прежнему считал «бегством», а после 1945 г. — заговорщическую политику, препятствовавшую экономическому подъему государства⁶. В знак протеста он начал голодную забастовку, но вскоре, когда его убедили обратиться с письмом к Тито, отказался от нее⁷. Неизвестно, получил ли он ответ.

¹ *Dilas M. Tito. S. 237.*

² TNA. FO 371/72578/R 6862/G; *Korbel J. Tito's Communism. The University of Denver Press, 1951. S. 129.*

³ *Kardelj E. Spomini. S. 129; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 331.*

⁴ NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 10. M. Gruić — Bakariću. Zagreb, 10.07.1978; *Nenadović A. Razgovori s Koćom. S. 68, 69.*

⁵ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 311, 390; Idem. Dokumenti 1948. Vol. I. S. 262; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 382–384.*

⁶ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413.

⁷ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 347.*

Хебранг вел себя намного спокойнее, когда по приказу Ранковича ему сообщили, что он исключен из партии. Агент Ранковича вошел в комнату, где он сидел в кресле и читал книгу. Он даже не поднял головы, чтобы посмотреть, кто пришел, а просто спросил: «Кто?» Когда агент представился и сказал ему, зачем пришел, он остался смертельно холоден. «Хорошо», — сказал он. И это было всё¹. В его случае следователей прежде всего интересовал ответ на вопрос: какие связи он имел с людьми Павелича в 1941 г. и как вел себя в тюрьме у усташей в 1942 г. (Тито не хотел, чтобы создалось впечатление, что он «ликвидировал» Хебранга по личным причинам.) Поскольку требовалось любыми способами доказать вину Фэтти, в министерстве внутренних дел подделали несколько документов, которые должны были подтвердить его предательство². Конечно, обвинили его и в том, что, будучи председателем плановой комиссии, он вместе с Жуйовичем пытался саботировать разработку и осуществление первого пятилетнего плана³. Хотя до самого конца его не пытали физически, однако оказывали давление всеми средствами, вплоть до лжесвидетельств⁴. Точка в судьбе Хебранга была поставлена 10 июня 1949 г., когда он не вернулся с допроса, на который его увезли из тюрьмы «Главача». Существуют различные версии его смерти, по официальной, он повесился в камере на радиаторе. Еще ходили слухи, что один из агентов задушил его ремнем⁵, а также что Тито, Ранкович, Кардель и Джилас «сошлись» на том, чтобы убить Хебранга, поскольку из-за телесных повреждений он был неспособен предстать перед судом⁶. Вероятно, верно то, что сам Тито рассказал за несколько месяцев до своей смерти: поскольку Хебранга, по требованию хорватского руководства, решили не судить, ему должны были сделать смертельную инъекцию. Затем его перенесли в тюрьму и затянули на шею петлю из разорванной простыни⁷.

О судьбе Хебранга Тито говорил весной 1952 г. на ужине с Рэндольфом Черчиллем, причем сетовал на его двойное предательство — сначала гестапо, потом СССР. Но он не сказал, что Хебранга тогда уже не было в живых, и на просьбу Черчилля дать ему возможность увидеть его хотя бы издали, ответил резким: «Нет!»⁸ Когда тот 22 мая опубликовал статью об этом разговоре

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 347, 348.*

² *Velević V. Svjedok. S. 472, 473; Ivanković-Vonta Z. Hebrang. Zagreb: Scientia Jugoslaviae, 1998; Kranjc M.F. Zarote in atentati na Tita. S. 149, 187, 239, 240; Marić M. Deca komunizma. S. 242.*

³ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413. С. 94, 95; *Cenčić V. Titova poslednja ispovijest. S. 58.*

⁴ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 80.*

⁵ *Kisić Kolanović N. Hebrang. S. 218; Ridley J. Tito. A Biography. P. 312–314; Milatović M. Slučaj Andrije Hebranga.*

⁶ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 300; AS. Dedijer. T. e. 236. V. Dedijer — Redakciji tednika «Danas», 28.07.1988.*

⁷ *Cenčić V. Titova poslednja ispovijest. S. 34, 57, 150, 202, 325; AS. Dedijer. T. e. 8. V. Cenčić. Istina o jednom izdajstvu. Smrt Hebranga.*

⁸ *Churchill R. Tito's Story of Gestapo's Operation. Hebrang, Communist Leader Turned German Spy // Daily Telegraph. 1952. 21.V.*

в газете *Daily Telegraph*, югославские власти отреагировали на нее коммюнике, в котором дали официальное подтверждение смерти Хебранга. Позже вышла книга его следователя, генерала УГБ Миле Милатовича «Дело Андрии Хебранга». В действительности Милатович будто бы только поставил свою подпись под текстом: инициатором книги якобы был Милован Джилас, и он же вместе с Добрицей Чосичем ее написал¹. В заключение этой трагической истории приведем слова Влатко Велебита: «То, что потом произошло с Хебрангом, почему Тито велел посадить его в тюрьму, почему согласился, чтобы его убили, для меня страшная загадка. Тем более что Хебранг, насколько мне известно, из старых коммунистов был Тито ближе всех»².

Сретену Жуйовичу повезло больше. Поскольку в заключении он признал свои «грехи», то после двух лет тюрьмы и строгой изоляции его освободили и реабилитировали. Служба пропаганды режима даже использовала его для постановки необычного фарса: распространила известие, что в тюрьме его замучили и убили. Когда западные газеты опубликовали эту информацию, и на Востоке выразили громогласный протест по поводу «преступления», якобы совершённого белградскими властями, была организована конференция для представителей прессы, на которой появился Жуйович и разоблачил всю эту «клевету»³.

Легче всего отделался Родолуб Чолакович, который, как и Жуйович, поддерживал контакты с российским послом, но оказался достаточно ловок, чтобы вовремя выступить с «самокритикой». Его не преследовали, но он потерял свои посты и стал «бледной тенью своего имени и престижа»⁴.

* * *

В недели, последовавшие за заседаниями 12 и 13 апреля, Тито взбесил Сталина, продолжая настаивать на том, что Югославия имеет право независимо выступать на международной арене. Он доказал это на практике, так как 22 марта выпустил ноту протеста в ответ на заявления США, Великобритании и Франции о Свободной территории Триест (три западные державы предложили вернуть ее Италии), не посоветовавшись с Советским Союзом. Тем самым он нарушил соглашение, подписанное Карделем в Кремле 11 февраля, что побудило Молотова отказаться от какого-либо сотрудничества с югославами в сфере внешней политики. Те принесли извинения и попросили не разрывать протокола, но успеха не достигли⁵. В письме от 4 мая

¹ AS. Dedijer. Т. е. 7; Т. е. 8. V. Dedijer — uredništvu Danasa, 11.08.1987; *Kljakić D.* Dosje Hebrang. Ljubljana: Partizanska knjiga, 1982; *Cenčić V.* Enigma Kopinić. Vol. II. S. 22, 30, 31. См. также: Chronology of the life and disappearance of Andrija Hebrang. URL: <http://www.andrija-hebrang.com/eng/chronologz.htm>.

² *Velebit V.* Svjedok. S. 247.

³ *Kisić Kolanović N.* Hebrang. S. 204; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 437; *Ridley J.* Tito. A Biography. P. 312; *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. С. 47; *Antonić Z.* Rodoljub Čolaković. S. 170, 172, 173.

⁴ *Mihiz B. M.* Autobiografija — o drugima. Beograd: Evro-Giunti, 2008. S. 412–414.

⁵ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 374, 375.

1948 г. Сталин и Молотов от имени ЦК ВКП(б) обвинили югославских вождей в том, что они запятнали себя приверженностью к худшим видам правого и левого ревизионизма из всех, которым противостояла большевистская доктрина, — в первую очередь троцкистскому и бухаринскому, и даже превзошли их. В Советском Союзе даже одного из этих «грехов» было бы достаточно, чтобы поставить их перед расстрельной командой¹. Отказываясь принимать во внимание предостережения, приходившие из Москвы, они доказали, что «считают себя людьми, которые всё видят и всё понимают»². «Но югославские товарищи должны учесть, что оставаться на таких позициях — значит идти по пути отрицания дружественных отношений с Советским Союзом, по пути предательства единого социалистического фронта Советского Союза и народно-демократических республик. Они также должны принять во внимание и то, что, оставаясь на таких позициях, они лишают себя права на получение материальной и иной помощи от Советского Союза, ибо Советский Союз может оказывать помощь только друзьям»³. Сталин не удовлетворялся этими угрозами, обвинениями и насмешками, сказав, что без помощи Красной армии югославские коммунисты не достигли бы большего, чем французские и итальянские. (Помимо прочего, он обвинил Тито и его товарищей в том, что у них голова закружилась от успехов, и что они ведут себя по-детски, как будто им море по колено.)⁴ Корреспонденцию с югославами он послал для ознакомления другим руководителям партий, являвшихся членами Информбюро, а также албанцам и потребовал, чтобы они высказались, на чьей они стороне⁵. Конечно, все единодушно его поддержали, хотя и понимали, что это конфликт между двумя «цезаризмами», по словам Стеллы Благоевой, дочери основателя КП Болгарии⁶.

Первым и наиболее резким было выступление генерального секретаря КП Венгрии Матиаша Ракоши, в то время как генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии Владислав Гомулка безуспешно попытался выступить в роли посредника. Даже Димитров, который по пути через Белград в Прагу шепнул Джиласу: «Держитесь!», вскоре изменил свою точку зрения и, к примеру, охарактеризовал в своем дневнике письмо *хозяина* от 4 мая как «прекрасный сталинский документ»⁷. Это означало, что руководители КПЮ, сплотившиеся вокруг Тито, уже осуждены и рискуют жизнью, если

¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413. С. 72.

² Там же.

³ *Dedijer V. Dokumenti 1948. Vol. I. S. 269; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 376.*

⁴ *Dedijer V. Dokumenti 1948. Vol. I. S. 280.*

⁵ *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 376.*

⁶ *Caprara M. Quando le Boteghe erano oscure, 1944–1969. Uomini e storie del comunismo italiano. Milano: Il Saggiatore, 1999. S. 137.*

⁷ *Kardelj E. Spomini. S. 131; Ridley J. Tito. A Biography. P. 288; Dimitrov G. Dnevnik. S. 611, 613; AS. Dedijer. T. e. 143. A. Ranković, M. Dilas, V. Dedijer i V. Jager. Hronologija sukoba. S. 13.*

примут приглашение на второе заседание Информбюро. (Копинич предупредил Тито об этой опасности уже в январе 1948 г.)¹

Однако перед общественностью они до конца продолжали высказывать верность Сталину. Несмотря на то что последний 25 мая не поздравил Тито с днем рождения, — на Западе на это сразу обратили внимание, — *Borba* еще 28 мая писала, что «Тито — лучший друг СССР», что «его любовь к первой стране социализма стала искрой, из которой разгорелось пламя любви и доверия наших народов к стране Советов»². А на заседание Информбюро они не собирались приезжать лишь потому, что, как в кратком послании сообщили Сталину уже 17 мая, в сложившейся ситуации чувствуют себя совершенно «неравноправными»³. Чтобы убедить их принять участие в заседании, Сталин послал в Белград члена ЦК КПСС и сотрудника НКВД полковника В. В. Мошетова, который еще до войны отвечал за югославские дела, в том числе и за чистку югославских коммунистов. Если он приехал со слабой надеждой переубедить Тито, то уехал с неприятным чувством, что мосты между белградскими «ревизионистами» и московскими «ортодоксами» окончательно сожжены. В этом его убедили решительные слова Тито и вдобавок странная случайность, свидетелем которой он стал. В рабочем кабинете Тито на стене висели портреты Ленина и Сталина. За несколько минут до того, как Мошетов вошел в нее, портрет Сталина упал на пол, и его пришлось временно прислонить к стене. Советский посланник, конечно, не мог не обратить внимание на это осквернение святыни и его символический язык⁴.

19 июня 1948 г. из Москвы пришла телеграмма, на этот раз подписанная М. А. Сусловым, руководителем Отдела внешней политики ЦК ВКП(б), в которой сообщалось, что совещание Информбюро, на котором будет рассмотрено внутреннее положение в КПЮ, состоится в Бухаресте. Если югославы примут приглашение, они должны прислать своих представителей в столицу Румынии до 21 июня. Те должны связаться с товарищем Г. Георгиу-Деж в ЦК Румынской рабочей партии, чтобы он известил их о месте, выбранном для проведения заседания. «Ждем немедленного ответа Филиппову [псевдоним Сталина. — *Й. П.*]. Москва»⁵. Телеграмма попала на стол к Ранковичу, отвечавшему за связь с советской столицей. К ней прилагалось требование — ответить в тот же день до 23:00. Ранкович сперва выхлопотал 12 часов отсрочки. На основании сообщения, в котором он известил Карделя об этих

¹ *Cenčić V. Enigma. Vol. II. S. 130, 131; Grdina I. Josip Kopinič. S. 133; AS. Dedijer. T. e. 271. Pričevanje J. Kopiniča, 10.12.1984; T. e. 252. Boravak Kopiniča u Turskoj.*

² РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413. С. 64; *Аникоев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 137.*

³ *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 378.*

⁴ *Pirjevec J. Tito, Stalin in Zahod. S. 95; Dedijer V. Novi prilozii. Vol. I. S. 495, 496; Vol. III. S. 228.*

⁵ *Dedijer V. Dokumenti 1948. Vol. I. S. 295; Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. С. 27.*

деталях, можно сделать вывод, что он поступил так в надежде, что партия в последний момент займет более гибкую позицию по отношению к Сталину. Он подчеркнул, что должен получить ответ до 21:30, «если мы придерживаемся принятого решения», потому что только при этом условии успеют подготовить перевод и зашифровать его. И с толикой профессионального раздражения приписал в конце, что, по его мнению, всё должно было уже быть готово¹.

Если перевод и не был готов, то сам ответ, посланный на следующий день ЦК КПЮ на совещание Информбюро, сформулировали уже довольно давно. Это был хорошо продуманный документ, в котором югославские руководители еще раз попытались объяснить своим товарищам и судьям, почему они отказываются принимать участие в их встрече. Они заявили, что всегда готовы к сотрудничеству, однако тема, в этот раз поставленная на повестку дня, касается только расхождений между КПСС и КПЮ, поэтому партии должны разрешить их путем заключения двусторонних договоров². По словам Джиласа, Тито отправил это сообщение самолично, не ставя его снова на обсуждение ЦК. Маршал, которого конфиденциально предупредили, чтобы он не отправлялся в Бухарест, так как его могут там арестовать³, явно хотел решить вопрос раз и навсегда, поэтому не пожелал вновь предоставлять возможность высказаться сомневающимся и колеблющимся. Самого его тревожили совершенно другие заботы: он размышлял о советском военном нападении и уже снова видел себя в лесах, на этот раз — сражаясь против Красной армии. Прогуливаясь на отдыхе с Джиласом у озера близ замка Брдо, он говорил об этой возможности почти с древнегреческим фатализмом: «Западня на своей земле! На худой конец останется хотя бы память!»⁴

На его отказ ЦК ВКП(б) откликнулось новым письмом, на этот раз вызывающе адресованным Тито и Хебрангу. Как в нем говорилось, в утверждении югославов, что на совещании Информбюро они окажутся в неравноправном положении, «нет ни зернышка истины». Чтобы подчеркнуть, насколько свободно проходят обсуждения в этом объединении, Сталин вспомнил о заседании в Шклярска-Порембе, когда именно югославские делегаты «использовали возможность подвергнуть критике ошибки итальянских и французских товарищей, и им не казалось <...>, что тем самым они нарушают принцип равноправия». Решение Тито и Карделя не принимать участия в совещании, созванном в Бухаресте, по мнению Сталина, означало, что им нечего сказать в свое оправдание и что этим они негласно признают свою вину и боятся предстать перед братскими компартиями. Поскольку Информбюро является основой для единого социалистического лагеря, такая политика ведет

¹ *Dedijer V. Dokumenti 1948. Vol. I. S. 295, 296.*

² *Ibid. S. 298.*

³ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 365.*

⁴ *Dilas M. Jahre der Macht. S. 229; Pirjevec J. Tito, Stalin in Zahod. S. 102.*

к измене международной солидарности и переходу на позиции национализма, враждебного борьбе рабочего класса¹.

В бывшем королевском дворце рядом с Бухарестом, где проходило совещание, члены Информбюро, в соответствии с личными директивами Сталина, осудили Тито и его товарищей, Карделя, Джиласа и Ранковича *in absentia*². Их обвинили в отступничестве и в создании «турецкого террористического режима», а в особой резолюции призвали «честных югославских коммунистов» свергнуть их как можно скорее и поставить во главу партии новое, интернационалистическое руководство. Вдобавок Жданов заявил: «Мы располагаем данными, что Тито иностранный шпион»³. При всем этом нельзя пренебречь фактом, что резолюция обвинила югославских руководителей в многочисленных теоретических и практических грехах, но ни словом не обмолвилась о международных проблемах, которые действительно дали толчок развитию конфликта: болгарско-югославская федерация, политика Югославии в Албании, греческий вопрос⁴. Текст упомянутой резолюции, принятой по предложению Тольятти, первой опубликовала пражская газета *Rudé Právo* 28 июня 1948 г., на Видов день, имевший судьбоносное значение для истории сербского народа с 1389 г. до убийства в Сараеве Франца Фердинанда в 1914 г. Тито скоро получил его по телетайпу, новому «техническому чуду», только что смонтированному на Брдо. Читая объемный текст, он гневно ударил кулаком по столу и грязно выругался в адрес Сталина⁵. Следующей ночью он успокаивал нервы тем, что стрелял из пистолета по лягушкам в озере замкового парка, которые своим кваканьем не давали ему спать⁶.

Как позже рассказывал Никита Сергеевич Хрущев, Сталин в то время похвалялся, что ему достаточно шевельнуть пальцем, чтобы уничтожить Тито. Он верил донесениям своих агентов, особенно советского представителя Информбюро в Белграде, философа П. Ф. Юдина, о том, что в Югославии он пользуется огромным авторитетом. И якобы никто не был способен ему противостоять, тем более «марксистские и военные неучи»⁷. Тито, хотя и не знал всю эту подоплеку, правильно полагал, что советские дипломаты и агенты посылали в Кремль такие донесения, которые, по их мнению, наиболее соответствовали «воле, хорошему настроению и пищеварению» Сталина⁸. И этим оказали ему медвежьё услугу, поскольку из-за их информации

¹ *Kardelj E. Spomini. S. 219.*

² В отсутствие, заочно (*лат.*).

³ *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 385, 386; Caprara M. Quando le Boteghe. S. 92.*

⁴ *Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 130.*

⁵ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. I. S. 498; Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. С. 29, 30.*

⁶ *Pirjevec J. Tito, Stalin in Zahod. S. 133.*

⁷ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 334, 411; Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. С. 18, 32, 503.*

⁸ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 364; Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. С. 18.*

он совершил одну из крупнейших политических ошибок в своей жизни, уверенный, что разделается с Тито и его товарищами за два месяца¹. Он полностью просчитался, так как не понимал, что югославские руководители могут рассчитывать на мощную армию и полицию, которые преданы в первую очередь им, а не Москве, и не осознавал, что большинство населения использует возможность и поддержит Тито, чтобы избавиться от советского влияния. По мнению Сталина, «руководители КПЮ боялись рассказать своему народу и широким народным массам о своем предательском и лицемерном отношении к КПСС, ведь югославские народы чувствуют глубокую любовь и симпатию к Советскому Союзу и КПСС»². Но произошло прямо противоположное: они целиком опубликовали бухарестскую резолюцию и ответ на нее, который написал Джилас, а утвердил ЦК КПЮ на пленуме 29 июня 1948 г. В этом ответе они не только опровергли все обвинения Сталина, но даже перешли в контрнаступление и подчеркнули правильность своего политического направления. По отношению к партии, рабочему классу и трудящимся народам Югославии, как писал Джилас, была совершена вопиющая несправедливость, а силам, враждебным социалистическому лагерю, дано чрезвычайно эффективное пропагандистское оружие. ЦК КПЮ не принимает на себя никакой ответственности за будущие последствия: ее несут его обвинители³.

Если Сталин думал, что среди югославских коммунистов найдется немало «здоровых элементов», которые свергнут «политических акробатов», находившихся у власти в Белграде и приведут страну в круг других «сателлитов», то он сильно ошибался. Уже начиная с 29 июня стало очевидно, что Тито полностью контролирует ситуацию. Его поддерживали все три органа власти, партия, армия и полиция, средства массовой информации он также держал в руках. В Белграде и во всей стране жизнь текла как обычно: международная телеграфная и телефонная связь работала без перебоев, поезда ходили регулярно, незаметно было особых военных мер и новых дорожных заграждений. Представители власти вели себя хладнокровно, как будто ничего не случилось. Тито, которого уже некоторое время не было в столице, 30 июня снова появился перед общественностью. Целых два часа он посвятил посещению стройки, где возводили Новый Белград, ставший визитной карточкой режима. Чтобы подчеркнуть единство югославских народов, его сопровождали два сербских генерала, Вукманович — Темпо и Коча Попович, и два хорватских политика, Владимир Бакарич и Иван Краячич — Стево⁴. Тогда же он в первый раз не надел на официальное мероприятие один из своих бросающихся в глаза мундиров, а был в гражданской одежде. Было очевидно, что он хочет

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 408.*

² РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413. Перевод сделан по тексту Й. Пирьевца.

³ *Pirjevec J. Tito, Stalin in Zahod. S. 134; Clissold S. Đilas. P. 198; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 387; Kardelj E. Spomini. S. 221.*

⁴ TNA. FO 371/72581/R 7867; 72563/R 8797; *Pirjevec J. Tito, Stalin in Zahod. S. 135.*

и внешними штрихами подчеркнуть новый облик КПЮ. Молодежные рабочие бригады, которые строили Новый Белград по советскому образцу — на основе добровольного ударного труда, приняли его с большим воодушевлением. Он без специальной охраны ходил среди тысяч девушек и юношей, разговаривал с ними и интересовался, как продвигается работа¹.

* * *

Быстрый, решительный и исполненный достоинства ответ югославских руководителей на бухарестскую резолюцию убедил Лондон и Вашингтон в том, что Тито не последует примеру многочисленных, тоже мужественных коммунистов, которые в прошлом постыдно отреклись от своих идей, как только их обвинили в отклонении от партийной линии. «Тито горд, дерзок, а главное — занял нынешнее положение без непосредственной помощи советской армии»². Также это означало, что он сжег за собой все мосты. Произошло, как писал Сесил Кинг, английский поверенный в делах в Белграде, одно из важнейших событий в истории коммунизма. Впервые стало возможным развитие еретического течения, опирающегося на территориальную базу. Вероотступник Лев Троцкий, например, имел в своем распоряжении только виллу в Мексике, но, несмотря на это, его убили ледорубом. Последствия отступничества, глубоко укоренившегося в европейском государстве, будут беспримерно тяжелее, их можно сравнить только с теми, которые вызвал в глубоком прошлом раскол между Римом и Византией³.

Если бухарестская резолюция спровоцировала появление множества слухов, комментариев и интерпретаций на Западе, то не меньшее удивление она возбудила и в государствах-сателлитах, даже в кругах, близких к правительственным верхам. Партийная дисциплина и заговорщический образ мышления как в Югославии, так и в других странах, не допускали, чтобы известие о конфликте между Тито и Сталиным дошло до тех, кто не имел права о нем знать. В связи с этим примечательно свидетельство Вольфганга Леонгарда, молодого и многообещающего функционера ЦК КП Германии в советской зоне. Когда пришла весть об отлучении, по его словам, главная штаб-квартира партии превратилась в улей: хотя Советский Союз только что принял распоряжение о блокаде Берлина, о ней почти не говорили, настолько сильным было потрясение от резолюции Информбюро. Ответ югославов, который не опубликовала ни одна газета советского блока, но «Би-Би-Си» и «Голос Америки» передавали во всех подробностях, вызвал еще большую сенсацию. В том, что Тито и его товарищи не подчинились и не признали своих ошибок, коммунистические активисты повсюду в Европе увидели вызов, который радикально разрушил не только догму критики и самокритики, но и систему сталинизма в целом⁴.

¹ NARA. 860H.00/6-3048; 860H.00/7-148; *Pirjevec J. Tito, Stalin in Zahod*. S. 135.

² TNA. FO 371/72579/R 7655; NARA. 860H.00B/6-2948.

³ TNA. FO 371/72579/R 7715; *Pirjevec J. Tito, Stalin in Zahod*. S. 136.

⁴ *Leonhard W. Child of the Revolution*. London: Collins, 1957. P. 387–390.

* * *

При этом нужно учитывать, что некоторые обвинения Сталина были небезосновательными, хотя он и интерпретировал всё по-своему. Помимо прочего он обвинял Тито в стремлении «ликвидировать» КП, растворив ее в *беспартийном* Народном фронте, который был образован в августе 1945 г. как движение всех «демократических» сил югославского общества. Утверждая это, *хозяин* ссылаясь на его выступление на II Конгрессе этой организации в сентябре 1947 г., когда маршал задал риторический вопрос: «Имеется ли КПЮ какую-либо программу, отличную от программы Народного фронта? Нет. У коммунистической партии нет другой программы»¹. Было понятно, что тем самым он констатировал простой факт: КПЮ полностью захватила власть над Народным фронтом. А Сталин интерпретировал его слова так, будто бы Народный фронт овладел партией, ведь в него может вступить любой человек, который платит членские взносы. Поскольку было необходимо ответить на упрек в том, что КПЮ по сути «нелегальна» и на самом деле ее уже нет, Тито и его товарищи после долгих лет строгой конспирации, когда о партии ничего не говорили, решили предстать перед лицом общественности. В конце июля 1948 г. в Доме гвардии в парке Топчидер с большой помпой был организован V Съезд КПЮ. «В Белграде, — сообщала газета *Manchester Guardian*, — улицы как каньоны красных полотнищ, и всюду гигантские портреты Тито, которых больше, чем портретов Ленина и Сталина. Если сравнить роскошь красных знамен, то Москва 1 мая — лишь бледное подобие Белграда. Тот факт, что люди, по старому обычаю, украсили окна коврами и покрывалами, казался особенно примечательным, поскольку он свидетельствовал об искреннем, не навязанном пропагандой, воодушевлении»².

21 июля Тито открыл заседание Съезда речью, длившейся более семи часов. Несмотря на страшную духоту, царившую в Белграде, ему удалось дойти до конца выступления без видимой усталости, напротив, он читал свой текст со всё большим воодушевлением. Его выступление было не столько «политическим сообщением» (как назывался реферат), сколько развернутой демонстрацией истории Коммунистической партии Югославии, которая ухидила своими корнями в далекий 1860 г. Тито акцентировал внимание на ее славном и полном жертв боевом прошлом и подчеркнул ее заслуги во время войны и в период послевоенного восстановления. Он решительно отверг резолюцию Информбюро как неслыханное оскорбление, покушение на единство партии и призыв к гражданской войне. Он подверг критике соседние государства социалистического «лагеря» за недавно высказанные в отношении Югославии критические замечания и с сарказмом заклеил тех «великих марксистов», которые догматически интерпретируют теорию и забывают, что ее цель — прежде всего дать руководство к действию. Давая обзор

¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413. С. 80.

² *Pirjevec J. Tito, Stalin in Zahod. S. 164.*

внешней политики, он подтвердил приверженность Югославии Советскому Союзу и высказал неизменное желание КПЮ сохранить хорошие отношения с ВКП(б). «До сих пор КПЮ достойно выполняла свою историческую миссию, и я глубоко убежден, что так же будет выполнять ее и впредь, добившись победы в строительстве социализма в нашей стране, что своей твердостью и единством, своей безграничной преданностью учению Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина она на деле докажет, что не отклонилась от их пути»¹.

Эту речь, которая много раз прерывалась приветственными криками и овациями в честь партии и маршала, по его указанию передавали по радио на заводах, улицах и площадях. Ее сопровождала буря аплодисментов, достигших пика в конце съезда. Тито закончил выступление громким лозунгом: «Да здравствует великий Советский Союз во главе с гениальным Сталиным!», хотя было совершенно ясно, что он не собирается ему следовать². «Тот, кто присутствовал на этом съезде, — рассказывает в своих воспоминаниях Алеш Беблер, — не сравнит его ни с каким другим собранием. Полный зал, много тысяч человек были в гневе из-за неслыханных обвинений и готовы дать ясный, решительный, бескомпромиссный ответ. Поэтому было столько лозунгов и пения, аплодисментов и скандирования. Все мы словно стали единым целым. Когда на трибуне появляется Тито, и когда кто-то очень четко формулирует свою позицию, кличам “Тито — партия”, “Тито — армия”, “Тито — ЦК” нет ни конца, ни края. Они разносятся по всему залу, из конца в конец. Появились новые тексты на мотивы старых партизанских песен: “Družo Tito mi ti si kunemo, da sa tvoga puta ne skrenemo” и “Što je više kleveta in laži, Tito nam je miliji i draži”»^{3 4}.

Харизматичная личность Тито полностью овладела съездом, и не только благодаря умелой режиссуре агитпропа — в зале его портрет доминировал над портретами Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, — но и потому, что большинство делегатов действительно видели в нем оплот и защиту от московских угроз, вождя, который воплощает в себе национальную гордость, способную противостоять братьям и бывшим примерам для подражания, которые внезапно стали врагами. Это коллективное чувство убедительно выразила *Borba*, которая, как это делала и *Правда* по поводу крупных торжеств, 21 июля опубликовала портрет Тито размером более четверти газетной страницы. Только там разместили не фотографию (в СССР было принято печатать фотографии Сталина), а снимок знаменитой скульптуры Августинчича, изображавшей Тито в военной шинели и с выражением непреклонной

¹ *Dedijer V. Dokumenti 1948. Vol. I. S. 368–376.*

² *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 295, 361, 393; Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 27.*

³ «Товарищ Тито, мы тебе клянемся, что с твоего пути мы не свернем» и «Чем больше клеветы и лжи, тем Тито нам милее и дороже».

⁴ *Bebler A. Čez drn in strn. Spomini. Koper: Založba Lipa, 1981. S. 187; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 363; Koprivc J. Generalov let. S. 93.*

решимости на лице. В общем, Тито в большей степени, чем когда-либо прежде, стал символом сопротивления и стремления югославских народов к независимости¹.

Оппозиция Информбюро

После V съезда, подтвердившего полномочия партийного руководства, Сталин стал вести борьбу против Тито по-новому: из Москвы в Югославию посылались нелегальные листовки, напечатанные в издательстве «Правда», в которых раскрывалось содержание тайной корреспонденции двух вождей периода весны предыдущего года. Инициаторы этой акции явно стремились убедить югославское общественное мнение в справедливости советских обвинений против белградского режима, а также запугать людей. Уже с марта распространялись слухи, что все те, кто оказывает сопротивление Советскому Союзу, будут убиты на месте или отправлены в Сибирь, когда к власти придут «здоровые силы»². Хотя на съезде из 2323 делегатов против Тито проголосовали только пять, т. е. никакой оппозиционной группы сформировано не было, маршал и его товарищи боялись просталинских волнений. Поэтому, а также из страха перед нападением с Востока или Запада, помимо ЮА, которая в последние годы была сильно русифицирована, они снова организовали партизанские отряды, которым, очевидно, доверяли больше³. При этом характерно, что после опубликования бухарестской резолюции в армии на целый месяц прекратились ежедневные тренировки, их заменили интенсивными занятиями в идеологической школе для солдат и старшин⁴. После войны в главных военных академиях Советского Союза обучались 17 югославских генералов и около 600 офицеров и младших офицеров. Сталин рассчитывал на них, и тем, кого бухарестская резолюция застала в СССР и кто захотел вернуться на родину, разрешил уехать. Конечно, в Югославии их приняли с большим и отчасти обоснованным недоверием⁵.

Несмотря на бдительность УГБ, развившей бурную деятельность, чтобы в зародыше подавить любую акцию в поддержку Информбюро, «здоровые силы» вскоре начали проявляться. Первым подал голос бывший «ваххабит» черногорец Радонья Голубович, югославский посол в Бухаресте. В начале августа 1948 г. он опубликовал в газете *Scanteia* обширное письмо, посланное им за несколько дней до того Президиуму белградского съезда. Он писал, что был убежден, что КПЮ и ее ЦК постараются преодолеть раскол между

¹ Pirjevec J. Tito, Stalin in Zahod. S. 166.

² Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 460.

³ NSK. Arhiv Bakarić. Kutija. 33. Razgovor Tita sa rukovodiocima Hrvatske u Zagrebu, 02.01.1969; Čosić D. Pišcevi zapisi (1951–1968). S. 27.

⁴ Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 696.

⁵ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 349.

братскими коммунистическими партиями, но возобладовавшая в них политическая линия только ухудшила положение. «В нашей партии господствует унижительное насилие. Всех товарищей, которые выступают, пусть даже робко и не агрессивно, против антимарксистского и антисоветского поведения ЦК КПЮ, исключают из партии и разными способами заставляют отказаться от своей точки зрения, а если это не удастся, то бросают их в тюрьмы». Голубович не собирался следовать за руководством по пути мелкобуржуазной дегенерации, будучи убежден, что Югославию неизбежно ждет печальная судьба колонии западного империализма. И поэтому он заявил, что отказывается от должности посла. Это решение вызвало сильный резонанс и поставило белградские власти в затруднительное положение, ведь его протест перепечатали *Правда*, вся международная коммунистическая печать и западные газеты¹.

Появление просталинской оппозиции, которое официально подчеркиваемое единство партии не сумело полностью закамуфлировать, через несколько дней подтвердили события в Черногории. Там за одну ночь сменили большую часть правительства: без каких-либо объяснений были сняты с занимаемых должностей заместитель председателя исполнительного совета и другие функционеры высшего звена. Все они были делегатами на недавнем съезде КПЮ. «Небольшие отклонения», как конфиденциально сообщил Алеш Беблер западным журналистам, имели место и в союзном правительстве, и в республиканских властных структурах. Повсюду возникали более или менее жизнеспособные ростки сопротивления, были даже случаи, когда старые коммунисты возвращались в леса, чтобы снова организовать партизанскую борьбу против «фашистов». Не говоря уже о дипломатах за границей, многие из которых использовали возможность спрятаться под крыло Москвы. (Всего политическими эмигрантами стали около 5 тыс. человек.) Самыми опасными, конечно, были волнения в армии, среди ее офицерских кадров; многие спрашивали, какие перспективы ждут югославскую армию, если она потеряет свою роль левого крыла Красной армии и вместе с партией и государством, будучи в изоляции, ввяжется в авантюру. Среди тех, кого заманили сирены НКВД, был даже Бошко Чолич, первый из охранников Тито, во время войны и после ее окончания не отходивший от него ни на шаг. После бухарестской резолюции он сделал дырку в стене рабочего кабинета Тито и вставил в нее подслушивающее устройство. Когда его раскрыли, то должны были приговорить к смертной казни, но Тито этого не допустил. Его осудили на 20 лет тюремного заключения, но уже через 10–12 лет помиловали. Естественно, этот эпизод держался в строгой тайне². Как и заговор генерал-майора Момы Юровича — Вала, который, согласно сообщению Джиласа, якобы собирался «ликвидировать»

¹ *Pirjevec J.* Tito, Stalin in Zahod. S. 173; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 406.

² *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 462; *Velevit V.* Svjedok. S. 81; AS. *Dedijer.* T. e. 244. *Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije.* Poglavlje X. S. 334.

главных членов Политбюро во время игры в бильярд на вилле Тито¹. Однако не пришлось долго ждать и инцидента, получившего широкий отклик. В ночь с 12 на 13 августа 1948 г. три офицера ЮА, пользовавшиеся большим авторитетом, предприняли попытку нелегально пересечь румынскую границу и сбежать в Бухарест. Самым известным из них был 41-летний черногорец генерал-полковник Арсо Йованович, бывший начальник Верховного штаба Тито, который попытался после V Съезда организовать военный путч. Правда, успеха не добился².

Уже в начале войны оказалось, что он не способен стать цементирующим фактором в партизанском товариществе³. В народно-освободительную борьбу он привнес всю жесткость старой югославской армии, и свою роль в этом сыграл его психологический профиль. Он был мужественным и общительным человеком, но узких взглядов, фанатиком, ксенофобом по отношению ко всему западному и к тому же страстным русофилом. В 1941 г. в Черногории, он, будучи помощником Джиласа, по локоть замарал руки кровью «сыновей кулаков»⁴. Несмотря на то что он приступал к решению проблем с эмоциональным накалом, который не умел обуздать силой разума, Тито ценил его военные способности и часто поручал ему ответственные задания⁵. 1 февраля 1944 г. он вместе с Жуйовичем возглавлял югославский отряд, встретивший русскую миссию в Верховном штабе⁶. А в январе следующего года вместе с Хебрангом отправился в Москву на важные военно-политические переговоры. Именно тогда четче обрисовались границы его интеллектуальных и психических возможностей. В Генеральном штабе Красной армии он по-детски спрашивал собеседников, как организовать ЮА и Министерство обороны, будто югославы не имели никакого опыта в этих делах⁷. А на ужине у Сталина он совсем потерял голову. *Хозяин* в тот вечер намеренно оскорблял своих гостей, утверждая, помимо прочего, что болгарская армия лучше югославской. Припомнил он и пренебрежительное отношение Джиласа к Красной армии, что настолько потрясло Арсо Йовановича, что он заорал в истерике: «Товарищ Сталин, вы понимаете, как вы можете такое, товарищ, товарищ!» По другой версии, он якобы вскочил со стула и двинулся к Сталину, будто хотел дать ему пощечину. Хебранг его резко одернул: «Арсо, приказываю тебе прекратить»⁸. Вернувшись в гостиницу, он бросил ему: «Если меня спросят, ты больше не будешь не то что начальником Верховного штаба,

¹ Andrew C., Mitrokhin V. The Sword and the Shield. P. 357.

² Banac I. Sa Staljinom protiv Tita. S. 130; Swain G. R. Tito. A Biography. S. 96.

³ Nenadović A. Razgovori s Kočom. S. 70.

⁴ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 131.

⁵ Nikoliš G. Korijen, stablo, pavetina. S. 397, 398.

⁶ Ambrožič L. Novljanovo stoletje. S. 313, 328, 358; Nikoliš G. Korijen, stablo, pavetina. S. 397, 398.

⁷ Nikoliš G. Korijen, stablo, pavetina. S. 634.

⁸ Ibid. S. 634; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 350; AS. Dedijer. T. e. 7; T. e. 271. Pričevanje Peka Dapčevića, 02.04.1980.

но даже простым солдатом»¹. Той же ночью к ним пришли два полковника НКВД и устроили Йовановичу жесткий допрос, ссылаясь на то, что он проявил неуважение к Сталину. И даже якобы вынудили его подписать обязательство сотрудничать с советскими секретными службами. С того момента Арсо стал горячим приверженцем Сталина и зашел настолько далеко, что потребовал, чтобы югославские генералы носили советскую форму².

Возможно, в том числе и из-за упомянутого инцидента он был вынужден в следующем году передать свою должность командующего Верховным штабом Коче Поповичу и уехать для повышения квалификации в Москву, в Академию им. Ворошилова. Там он еще больше запутался в сетях НКВД, который стал его шантажировать из-за связи с дочерью одного советского генерала (Йованович был женат, а в партии всё еще господствовало пуриганство военных лет). И это, судя по всему, стало известно югославским тайным службам. В мае 1948 г., по возвращении на родину, его ждал очень холодный прием: с остальными 16 товарищами, обучавшимися в Советском Союзе, он предстал перед особой комиссией, во главе которой стоял заместитель министра обороны Иван Гошняк. Что, вероятно, очень его обидело. Во время встречи с Тито он вел себя, по словам самого маршала, «как мокрая курица»³. Хотя его еще можно было увидеть в кругу ближайших соратников Тито, стало очевидно, что югославское руководство ему больше не доверяет. Ему предоставили довольно скромную должность начальника Военной академии, что его очень разочаровало и уязвило его гордость. Уже во время ареста Жуйовича и Хебранга ходили слухи о связи Йовановича с ними, но они затихли, когда показалось, что он поддерживает линию Тито. Впервые после возвращения из Советского Союза он появился перед общественностью, когда вместе с другими генерал-полковниками югославской армии (всего их было пять) стал делегатом на партийном съезде в Белграде. Хотя его роль в работе съезда не была значительной, его всё же избрали членом комиссии по подготовке новой программы партии⁴.

Неудавшийся побег, для Йовановича закончившийся смертью, а для его черногорских товарищей — арестом, стал настоящей сенсацией и возбудил сильное любопытство. Сразу же появились слухи, что авантюра несчастного генерала является частью продуманного политического плана, цель которого — подорвать твердость позиций белградского правительства. За осуществление его якобы несут ответственность А. Я. Вышинский и румынский министр Анна Паукер. По слухам, эти партийные и государственные руководители прибыли в Белград не только из-за международной конференции о плавании по Дунаю, организованной в августе 1948 г., но прежде всего для

¹ *Kisić Kolanović N.* Hebrang. S. 155.

² *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 350; AS. Dedijer. T. e. 7.

³ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 349; AS. Dedijer. T. e. 252. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Poglavlje VII. S. 288.

⁴ *Pirjevec J.* Tito, Stalin in Zahod. S. 179.

того чтобы подготовить побег некоторых югославских деятелей, которые сразу же по прибытии в Бухарест должны создать эмигрантское правительство. Советский Союз и его союзники признали бы это правительство, что дало бы ему возможность призвать югославских коммунистов к восстанию и обратиться к восточным армиям за помощью¹. Факт, что Арсо Йованович при побеге в Румынию взял с собой печать Генерального штаба ЮА, только укрепило эти подозрения, ведь нетрудно было представить себе, что ей он заверил бы призыв к Красной армии вмешаться в ситуацию в Югославии и свергнуть титовскую клику предателей².

Это событие сильно обеспокоило югославское руководство. Как Йованович, так и его товарищи Бранко Петричевич и Владо Дапчевич — обоих арестовали — входили в число наиболее авторитетных партизанских борцов. Петричевич тесно сотрудничал с Вукмановичем — Темпо в политическом руководстве армии и на V Съезде был избран в комитет по редакции устава партии³. В том же ключевом учреждении работал и Дапчевич, который к тому же являлся сводным братом Пеко, одного из известнейших генералов ЮА. Вукмановича — Темпо это событие настолько потрясло, что он предложил Тито уйти в отставку, которую тот не принял. Естественно, в Белграде тут же приняли меры, чтобы подобные дезертирства более не повторялись. Усилили контроль на границах и аннулировали все паспорта, чтобы не вводить их владельцев — а ими являлись лишь представители руководства режима — в искушение. Однако, несмотря на все меры по укреплению безопасности, 14 августа удался еще один побег, вызвавший широкий резонанс: Перо Попивода, который только 17 июля получил звание генерал-майора, на самолете эмигрировал в Бухарест. Там он в конце месяца выступил с заявлением, что оставил родину, поскольку не хочет стать жертвой «террориста» Ранковича⁴. Большинство и тех, и других приверженцев Сталина являлись черногорцами, что отвечало эмоциональному настрою населения этой республики. Помимо традиционной привязанности к России тут нужно учитывать и разочарование многих партизан и их семей, возникшее из-за трудных условий жизни в послевоенной Югославии: «Если русские придут, настанет справедливость, будут места и зарплата!»⁵

Известие о смерти Йовановича *Borba* опубликовала 18 августа 1948 г., в день завершения Дунайской конференции. Было очевидно, что это напутствие Паукер и Вышинскому, улетавшим из Белграда, потерпел поражение. Отклика восточных государств не пришлось долго ждать. Их реакция была бурной и по тону и стилю высказываний напоминала ту антизападную травлю в прессе, которую за несколько недель до того вызвало покушение на Тольятти. Уже

¹ *Pirjevec J.* Tito, Stalin in Zahod. S. 180; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 461.

² *Ćosić D.* Piščevi zapisi (1969–1980). S. 241, 242.

³ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 428.

⁴ *Pirjevec J.* Tito, Stalin in Zahod. S. 181.

⁵ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 451, 474; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 391.

20 августа неофициальное румынское агентство *Ager Press* в сообщении, которое потом перепечатали все восточноевропейские газеты, обвиняло «предательскую клику Тито — Ранковича» в гитлеровских методах и утверждало, что Йованович пал жертвой «подлого преступления». Затем подобные обвинения (которые можно было услышать и в Белграде) стали поступать отовсюду. В Венгрии сам Матиаш Ракоши, генеральный секретарь КП, в явно истерическом тоне выражал протест по поводу насилия югославских руководителей, которые убивают искреннейших демократов и славнейших героев освободительной борьбы. «На сторонников Советского Союза и пролетарского интернационализма сейчас в Югославии охотятся как на диких зверей». В последующие дни эта травля в прессе, в которой советские газеты сначала не принимали участия, еще усилилась. Бухарестская газета *Scanteia* 24 августа опубликовала большую статью сбежавшего Голубовича, в которой тот, помимо прочего, заклеил руководителей КПЮ как «банду убийц и злодеев», использующих фашистские методы, подобные методам Гитлера, Муссолини и Франко¹.

Статья Голубовича переполнила чашу терпения югославам. До тех пор белградское правительство делало всё, чтобы, несмотря на разногласия, доказать свою приверженность социалистическому лагерю. В полемике с печатью Информбюро югославская пресса отвечала на нападки исключительно в оборонительном тоне. Но ввиду постыдных обвинений, которые после объявления о смерти Йовановича лавиной посыпались из восточных столиц, и не только в прессе, но и в пропагандистских радиопередачах, белградское правительство ощутило потребность изменить свое поведение. Оно перешло в наступление, и началось это с официальной ноты от 25 августа, адресованной румынскому министерству иностранных дел. Это был важный сдвиг в югославской стратегии, осуществить который стало возможно во многом благодаря недавней внутренней консолидации партии. Нота была составлена в тоне, неприемлемом не только для бухарестского правительства, но и для Москвы, явно управлявшей им из-за кулис. Она осуждала поведение высших руководителей Румынии, начиная с «госпожи» Анны Паукер, осмелившейся открыто подстрекать югославских коммунистов свергнуть свое руководство. Поскольку среди тех, кто раздувает вражду, — виднейшие члены правительства Народной Республики Румынии, было написано в белградском послании, отношения между государствами неизбежно испортятся. Тем более, что их непростительная активность ухудшает положение социалистической Югославии в борьбе против империалистических сил. Подобная нота на следующий день была послана венгерскому правительству. В обоих посланиях подчеркивалось главным образом одно: если социалистический фронт на Балканах и в Средней Европе распадется, то это наверняка произойдет не по вине белградского правительства².

¹ *Pirjevec J.* Tito, Stalin in Zahod. S. 183, 184; *Kranjc M.F.* Skrivnostna smrt general polkovnika Arsa Jovanovića, načelnika VŠ NOVJ, je končno razkrita! S. 1–7. URL: <http://users.volja.net/marijankr/dok/arso-smrt-razkrita.pdf>.

² *Ibid.* S. 184, 185.

Голи-Оток

Белградская *Borba* 21 августа опубликовала статью под названием «Будем бдительнее в борьбе за сплочение партийных рядов». В ней она призвала к чистке, которая должна избавить партию от карьеристов, колеблющихся и враждебных элементов. За этими словами быстро последовали действия. Полицейская машина Ранковича, хорошо отлаженная в годы борьбы против четников и усташей, а также отлично справлявшаяся с настоящими или предположительными сторонниками Информбюро, набирала обороты. «Несмотря на то что решение Тито и решение Политбюро получило огромную поддержку коммунистов и народа, — пишет Кардель, — в государстве всё еще существовали организованные силы, которые в разных сферах и в разных формах всё больше активизировали свою деятельность в русле сталинского давления на Югославию. Нам было ясно, что битва за независимость народов Югославии и независимость югославского социалистического пути неизбежно приведет к маленькой гражданской войне, в которой мы должны будем ответить на догматически консервативное насилие революционным насилием. Так и произошло»¹.

Под «маленькой гражданской войной» Кардель, по всей видимости, подразумевал чистку сталинского типа, направленную против тех, кто в конфликте между Тито и Сталиным занял сторону последнего. Немногие были осуждены согласно обычной процедуре — большинство из них были офицерами (4–7 тыс.), — что на деле ничего не меняло, поскольку с ними обращались так же, как и со всеми другими². Когда аресты уже были на полном ходу, скупщина внезапно приняла закон об «общественно полезном труде», к которому людей приговаривали без судебного процесса, простым административным решением. Сначала этот «общественно полезный труд» ограничивался двумя годами, но часто этот срок в лагере продлевали на 10 и даже на 18 лет³.

Решение о необходимости интернировать информбюровцев Тито принял осенью 1948 г., не посоветовавшись ни с Политбюро, ни с Центральным Комитетом или его секретарями: Карделем, Ранковичем и Джиласом. Он его принял, основываясь на советском опыте, ведь в Москве он научился, как

¹ AS. Dedijer. Т. е. 7. E. Kardelj. Tito na istorijskim raskršćima. S. 40.

² Согласно данным, которые государственный секретарь по внутренним делам Светислав Стефанович представил Союзной скупщине 23 февраля 1954 г., сторонники Информбюро составляли: 1949 г. — 4064; 1950 — 3398; 1951 — 2527; 1952 — 1251; 1953 — 371 чел. По его мнению, в 1954 г. в заключении их было только 2901. Из них 661 человек был осужден в соответствии с административной процедурой, а другие предстали перед судом. РА. В 11. Bd. 126. 1. S. 93; Д. Биланджич в своих воспоминаниях пишет, что их было 4 тыс. См.: *Bilandžić D. Povijest izbliza*. S. 31.

³ *Dilas M. Tito*. S. 174; *Bilandžić D. Povijest izbliza*. S. 219; *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. III. S. 464.

следует обращаться с внутренним врагом. Вероятно, его обеспокоили сообщения о том влиянии, которое имели сторонники Сталина на офицеров и на разные партийные комитеты. Приказ о чистке вышел неожиданно, и следовательно, лагерь еще не был подготовлен¹. Тито объявил о нем на II Съезде КПХ. Он сказал: «Существуют два способа убеждения, товарищи. Один — убеждение словами, но есть и убеждение другим способом»².

Подходящее место для «другого способа» нашли по совету Стево Крайчича, который в поисках качественного мрамора вместе со скульптором Августинчичем наткнулся на Голи-Оток в Кварнерском заливе. Он рассказал об этом Карделю, который сразу же подумал, что этот глухой уголок подходит для концентрационного лагеря. Тито согласился³. «Функционеры УГБ, — впоследствии рассказывал Ранкович, — которые занимались организацией лагерей и внедряли в них порядок и методы, обучались в Москве, все они были учениками НКВД...»⁴ При этом следует сказать, что акция была организована в строжайшей секретности, так что о ней за исключением ближайшего окружения Тито не знал никто — ни начальник Генерального штаба Коча Попович, ни, вероятно, члены Политбюро⁵. «Если мы не создадим такого лагеря, — оправдывал эти действия Кардель, — то Сталин превратит в страшный лагерь всю Югославию»⁶. Словенский идеолог дошел до того, что как министр иностранных дел предложил, чтобы югославская делегация в ООН внесла в Декларацию о правах человека, которую тогда обсуждали, дополнение следующего содержания: «В случае необходимости каждое государство имеет право в интересах защиты мира и порядка путем проведения административной процедуры лишить свободы на неопределенное время всех граждан, которые по побуждению, исходящему от какого-либо иностранного государства, угрожают ее независимости». К счастью, Алешу Бемлеру, представителю Югославии в ООН, хватило самообладания и мужества отклонить это предложение⁷.

Режим на Голи-Отоке (а также в других лагерях, таких как Свети-Гргур, Билеча, Градишка) был крайне суров и жесток, ведь он был направлен на уничтожение человеческого достоинства, что власть имущие обосновывали утверждением о необходимости «перевоспитания» заключенных. Они пытались достичь этого путем недостаточного обеспечения их едой и водой, тяжелой работы, не имевшей никакого смысла, — вырубкой и переноской камней, и всякого рода физического и психического насилия. По русскому образцу осужденные по прибытии должны были пройти сквозь строй заключенных-старожилов, которые избивали их до крови розгами, камнями или

¹ *Dilas M.* Tito. S. 169, 170, 171.

² *Simić P.* Tito. *Skrivnost stoletja*. S. 240; *Broz Tito J.* Govori i clanci. Vol. IV. S. 61.

³ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 465; *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 61, 153.

⁴ *Čosić D.* Piščevi zapisi (1969–1980). S. 245.

⁵ *Nenadović A.* Razgovori s Kočom. S. 105.

⁶ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 464.

⁷ *Ibid.* S. 466.

просто кулаками. И это было только начало. Первое «самоуправление», введенное в Югославии, было «самоуправление» на Голи-Отоке. Придумали его представители УГБ, они поручили некоторым избранным заключенным надзор за сокамерниками и тем самым создали заколдованный круг, в котором жертвы одновременно были и палачами¹. В пекло Голи-Отока и других подобных лагерей попали около 15 тыс. человек (в том числе 800 женщин), некоторые просто из-за того, что в кругу близких высказали какую-нибудь колкость в адрес Тито и его товарищей. Конечно, были среди них и убежденные сталинисты, которые действительно могли бы представлять опасность для режима в случае советского нападения. Никто из них не имел никакой правовой защиты, они были полностью оторваны от своих семей и от внешнего мира, причем им обещали, что вернут их домой, если они выдадут тех товарищей по заключению, которые не отказались от своих заблуждений. И, конечно, это происходило нередко². В то время в руководстве не возникало разногласий относительно такого обращения с информбюровцами, ведь оно всюду вокруг себя видело врагов³. И лишь позже наступило некоторое отрезвление, о чем свидетельствует тот факт, что в 1951 г. Тито лично попытался освободить из тюрем нескольких генералов. Но и тогда еще он открыто признавал, что в армии есть «определенные несогласные элементы». По утверждению одного информатора ЦРУ, Информбюро будто бы завербовало по меньшей мере треть офицеров. Их было бы еще больше, если бы большинство довоенных коммунистов, обучавшихся в Москве и потому верных Сталину, не пали в освободительной борьбе. Тито сам признал это в беседе с молодым членом американского Конгресса, Джоном Ф. Кеннеди, с которым встретился в январе 1951 г.⁴

Принудительная коллективизация крестьян

Если победить «пятую колонну» информбюровцев было более-менее просто, то сложнее оказалось укротить крестьян, которым Тито и его товарищи попытались навязать коллективизацию, чтобы доказать, как ошибается

¹ *Dilas M.* Tito. S. 174; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 467, 468.

² *Dilas M.* Tito. S. 176; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 478. Ранкович утверждает, что их было от 15 до 16 тыс. См.: *Ćosić D.* Pišćevi zapisi. S. 245, 246. См. также: *Marković D.* Istina o Golom otoku. Beograd: Narodna knjiga, Partizanska knjiga, 1987. S. 16, 17; *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа: 1949–1953: Очерки истории. М.: РОССПЭН, 2002. С. 586.

³ *Dilas M.* Tito. S. 91, 92.

⁴ *Ambrožič L.* Novljanovo stoletje. S. 443; NARA. CREST. CIA Office of Current Intelligence Daily Digest, Yugoslavia. Rumored Cominformism in Yugoslav Army, 06.04.1951; Central Intelligence Bulletin, Thirty percent of Yugoslav combat officers reported pro Cominform, 27.03.1952; *Nikolić K.* Tito govori što narod misli. Beograd: Službeni list SCG, 2006. S. 281.

Сталин, обвиняя их в «бухаринстве» в плане попустительства по отношению к «кулакам». После войны новые руководители вели в деревне чрезвычайно осторожную политику, например, в «Основном законе о задругах», принятом в 1946 г., записано, что упомянутые задруги являются «добровольными экономическими организациями трудового народа»¹. Еще в октябре 1947 г. Тито утверждал: «Что касается слухов об экспроприации земли, скажите крестьянам, что это полная ложь. Никто не отберет у крестьян землю, поскольку кому, к черту, мы ее дадим»². В этом он был согласен со Сталиным, который после войны советовал югославским вождям проявлять осторожность в том, что касается коллективизации в деревне: «Это трудное и опасное дело»³.

В начале следующего года Тито был возмущен некоторыми «жесткими» мерами по отношению к аграрному населению. Якобу Блажевичу, только что назначенному союзным министром торговли и снабжения, он говорил, что нужно вести осторожную политику по отношению к крестьянам: «Мы не должны вызывать недовольство крестьян, иначе кто будет сражаться вместе с нами в войне, которая, возможно, начнется. Мы не должны принимать постановлений, которые сами критиковали во время войны. Нельзя отбирать у крестьян тягловый скот или вынуждать его продать единственную корову, что тогда мы получим от крестьянина, если он он продаст свою корову»⁴. Когда Моше Пияде в газете *Borba* 12 июня 1948 г. поведал истину — что именно крестьяне являлись главным столпом югославской революции, на него «с разных сторон» полился настоящий шквал критики, и он был вынужден посыпать голову пеплом⁵. Среди тех немногих, кто дерзнул предостеречь от такой радикальной меры, как принудительная организация «крестьянских трудовых задруг» (эвфемизм коллективизации деревни), были Эдвард Кардель и Владимир Бакарнич. Но их слова не возымели действия, хотя Кардель и ссылался в своей аргументации на Ленина и не возражал против «социализации деревни». Напротив, он даже планировал ее. Он требовал лишь более гуманного и терпимого ее проведения, будучи убежден, что крестьяне сами поймут свои истинные выгоды⁶. В конце концов победила точка зрения, которую наиболее красноречиво и веско высказал один агитпроповец на встрече с крестьянами в Шумадии: «Мать вашу кулачку, из-за вас на нас Сталин напал!»⁷ Короче говоря, стал проводиться в жизнь лозунг «давайте делами опровергнем все обвинения». Главным образом, за счет «кулаков», которых было нужно уничтожить, чтобы победил социализм. В конце

¹ *Kardelj E. Spomini. S. 199.*

² *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 243.*

³ *Ćosić D. Piščevići zapisi (1951–1968). S. 122; Adamić L. Orel in korenine.*

⁴ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 233, 234; Adamić L. Orel in korenine. S. 569.*

⁵ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 210.*

⁶ *Dilas M. Tito. S. 97; Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 258; Kardelj E. Spomini. S. 201; AS. Dedijer. T. e. 188. Zapis S. Kavčiča. Kardelj. S. 3; Swain G.R. Tito. A Biography. P. 99.*

⁷ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 358.*

1947 г. в деревнях было 799 коллективных задруг. В начале января 1949 г. — 1318, в декабре того же года — уже 6492¹.

До июня 1950 г. правительству удалось распространить свой контроль на 22% пахотной земли². Последствия чуть не поставили режим Тито на колени. Крестьяне с самого начала сопротивлялись коллективизации, в большинстве своем пассивно, закалывая скот или поджигая запасы продуктов. Наиболее драматически развивались события в западной Боснии, в Цазинской Краине, где зимой 1948 г. вспыхнуло настоящее восстание мусульман, среди которых были и бывшие партизанские бойцы³. На сопротивление крестьян власти ответили так: пообещали тем, кто вступил в задруги, что они смогут выйти из них через три года. Но три года прошло, а надежда партийных идеологов, ожидавших, что за это время люди осознают «преимущества» коллективного хозяйства, так и не осуществилась. Число заявлений о выходе из задруги уже во время жатвы 1951 г. росло со дня на день. Но поскольку власти ответили на них сначала пропагандой против «классовых врагов», а потом давлением, в том числе психологическим, крестьяне оставили зерно пропадать на полях и настолько затянули с помолом, что колосья сильно попортились⁴. Тито сам признал, что реакция местных властей на бунтарство крестьян была чрезмерной: «У нас нет Сибири, но если бы она у нас была, мы бы отправляли людей туда...»⁵

* * *

В результате горького опыта начала 1950-х гг., когда Югославия, в том числе и из-за засухи, оказалась на грани голода, в 1953 г. власти окончательно отказались от принудительной коллективизации, опасаясь, что дело дойдет до вооруженного восстания. Но в течение десятилетий их отношение к крестьянам еще оставалось подозрительным, по сути, это было отношение мачехи, поэтому модернизация сельского хозяйства проходила трудно. Только в 1956 г. Югославия достигла того уровня крестьянского производства, какой был у нее в 1939 г.⁶ Во многих областях государства крестьяне обрабатывали землю еще средневековым способом, деревянными плугами, и не знали искусственных удобрений. В 1960 г., когда Душан Биланджич после Первомайских праздников показывал итальянской профсоюзной делегации Посавье между Белградом и Банья-Лукой, в этой плодороднейшей области федерации на полях можно было увидеть только впряженных в плуг лошадей (а иногда и людей). «Посмотрите, как вспахивают землю коммунистические

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 364, 517, 518; Kardelj E. Spomini. S. 201.*

² NIE-93. Probable Developments in Yugoslavia, 26.06.1953 // Yugoslavia. From «National Communism» to National Collapse. US Intelligence Community Estimative Products on Yugoslavia, 1948–1990. Washington: National Intelligence Council, 2006. P. 145.

³ *Dilas M. Tito. S. 167; Kranjc M. F. Zarote in atentati na Tita. S. 245, 246.*

⁴ PA. B 11. Bd. 123. Vol. 1. S. 101.

⁵ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 612.*

⁶ *Simić P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 239; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 518.*

тракторы», — прокомментировал один из итальянцев¹. Но даже в 1965 г. министр сельского хозяйства Йоже Инголич предлагал разрешать крестьянам покупать у государственных задруг не новые, а только старые тракторы².

В таких условиях многие крестьяне не могли прокормиться от своей земли и были вынуждены искать временные заработки в промышленности или строительстве. Хотя после войны больше половины югославского населения проживало в деревнях, государству приходилось ввозить зерно, поскольку крестьяне поставляли мало продукции на рынок. Тито всё это понимал и на самом деле с трудом отказался от замысла о сильном задружном хозяйстве, которое было бы приемлемо для крестьян и в то же время внедрило бы общественную собственность на землю. Хотя он и признавал: «...мы сами уничтожили крупнейшую из всех имевшихся у нас фабрик, фабрику производства продуктов питания»; «...мы совершили глобальную ошибку, так как пошли по русскому пути в плане создания задруг», он всё же считал, что режиму не хватило терпения их реорганизовать и поставить на демократическую основу³. Как он отметил в ноябре 1965 г. в разговоре с послом Германской Демократической Республики Элеонорой Штаймер, развитие социалистического сельского хозяйства — очень трудный вопрос, «намного труднее, чем революция»⁴.

Обострение конфликта с Советским Союзом и сближение с Западом

Югославские руководители сильно ошибались, если думали, что путем коллективизации деревни и национализации мелких независимых предприятий вновь добьются милости Сталина, которую они потеряли. Напротив, к концу лета 1948 г. Сталин еще больше разжег конфликт с ними тем, что стал преследовать в государствах-сателлитах всех, кого можно было заподозрить хотя бы в малейших симпатиях к Тито. Он делал это, поскольку не мог добраться до главных еретиков. Первым пал поляк Владислав Гомулка, Генеральный секретарь Рабочей партии и заместитель председателя правительства, которого вместе с двумя единомышленниками обвинили в националистическом и буржуазном уклонах. На самом деле главная его вина заключалась в том, что он дистанцировался от бухарестской резолюции: вскоре после этого его арестовали и осудили на тяжелое тюремное заключение⁵. Тем временем 31 августа 1948 г. неожиданно умер А. А. Жданов, главный проводник послевоенной идеологической политики Сталина. Согласно информации, собранной французским послом в Москве Ивом

¹ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 32, 33, 79.

² *Ibid.* S. 42.

³ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 519; *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 45, 164.

⁴ BA. IV A 2/20/238; Bestand Ulbricht, Walter, NL 182/1235.

⁵ *Pirjevec J.* Tito, Stalin in Zahod. S. 198, 199; *Гиренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 388.

Чатаньо, сразу после его смерти Тито будто бы в последний раз обратился к *хозяину* с призывом преодолеть кризис, который спровоцировала резолюция Информбюро. По Белграду тоже ходили слухи, которые вдобавок разжигались надеждой, что *хозяину* теперь, после смерти главного сторонника отлучения, предоставляется возможность немного поправить свою политическую линию. Однако эти иллюзии рассеялись уже 8 сентября 1948 г., когда на страницах *Правды* появилась большая статья под названием «Куда ведет национализм группы Тито в Югославии». В ней бесповоротно осуждались белградские руководители, которые ведут себя недостойно, лицемерно и в противоречии с учением Ленина. Их дурно пахнущая любовь к Советскому Союзу ни что иное, как «дешевая хитрость», которой они хотят обмануть югославские народы. На самом деле «фракция Тито» как раз во время V Съезда, когда звучали цветистые фразы о принадлежности Югославии к единому антиимпериалистическому фронту, перешла во враждебный лагерь, отреклась от союза с революционным международным пролетариатом и обрекла государство на гибель. «Национализм группы Тито разоружает Югославию перед лицом ее внешних врагов», — провозглашалось в статье. Но так поступает только «клика политических убийц», которая на самом деле «находится в состоянии войны со своей партией» и может править лишь с помощью административно-полицейского аппарата¹.

Эти суровые слова, самые жесткие из всех, какие когда-либо высказывались в советской прессе, были подписаны прописными буквами и жирным шрифтом аббревиатурой «Цека», что само по себе вызывало ассоциацию с Центральным Комитетом: это, конечно, придавало статье дополнительный вес. По мнению специалистов британского посольства в Москве, в тексте, полном резких ироничных высказываний и повторения одних и тех же мыслей, проявлялись характерные черты стиля Сталина. Очевидно, этого не могли не заметить и руководители в Белграде. До тех пор многие югославские коммунисты утешались тем, что советская печать выступает в полемике против них не так враждебно, как пресса в государствах-сателлитах, и именно из-за относительной сдержанности ее критики даже надеялись на возможность примирения. Поэтому статья в *Правде* подействовала на них как холодный душ, что доказывает и тот факт, что ни пресса, ни радио о ней не упомянули. Чтобы еще усилить выпад, *Правда* в том же номере опубликовала некролог Арсо Йовановичу, «недавно варварски убитому в Югославии», память о котором дорога «всем, кто боролся против фашизма». На следующий день статью перепечатал орган советского правительства *Известия*, добавив к ней и направленное против югославских руководителей письмо генерала Перо Попиводе, впервые напечатанное в *Правде* 27 августа. Кремль, очевидно, хотел подчеркнуть, опираясь на весь свой авторитет, каким непростительным грехом является национализм, и предупредить не только югославов, но

¹ *Pirjevec J.* Tito, Stalin in Zahod. S. 199; *Гиренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 394, 395; *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. С. 35.

и других «сателлитов», что интернационализм, в смысле полного подчинения Москве, есть неотъемлемый императив для каждой социалистической партии и социалистической страны¹.

Из-за этих нападок со всех сторон, выставлявших Тито главным врагом пролетариата (говорилось также и о его связях с югославскими буржуазными кругами, и о тайных встречах с посланцами американцев), многие думали, что Сталин попытается устранить его насильственным путем. «Убийство Тито, — писал американский дипломат Роберт Б. Римз из Белграда 15 сентября 1948 г., взвешивая, что может сделать Сталин, чтобы его свергнуть, — для Информбюро, вероятно, самая конкретная политическая возможность». Но добавлял, что для этого «нужно было бы сперва проникнуть в одну из самых мощных систем безопасности в мире», и что в случае смерти Тито можно ожидать беспорядков или попыток государственного переворота, и тогда его место мог бы сразу же занять Ранкович или кто-то другой². Югославские власти, осознававшие, что эта опасность вовсе не выдумана, путем введения жестких мер обеспечили безопасность маршала и его ближайших соратников. Тито, Кардель, Ранкович и Джилас больше не появлялись перед общественностью вместе и перемещались только в сопровождении до зубов вооруженных подразделений. Когда в начале сентября 1948 г. Тито посетил Загреб, он приехал с тремя бронированными поездами, оборудованными пулеметами и двумя легкими танками³.

Раскол с Москвой был очень труден для Тито, ведь как дисциплинированный коммунист он ощущал его как разрыв со всем своим прошлым. В его кругу были убеждены, и сам он был того же мнения, что из-за стресса, которому он подвергся, у него начался приступ желчекаменной болезни, что с ним уже случалось во время войны⁴. В то время он часто нервничал и у него бывали вспышки злости даже по отношению к своим ближайшим соратникам, хотя при этом он умел выказать им и человеческую теплоту, которую потерял в конце войны и после нее. Во время встреч с советским посланником А. И. Лаврентьевым он старался скрыть нервное напряжение, но секретные службы знали о его реальном самочувствии, поскольку имели своих соглядатаев в его ближайшем кругу. Но хотя конфликт со Сталиным принес ему душевные муки, он не колебался⁵. Он понимал, что при столкновении нет среднего пути — либо сдача позиций диктатору, либо тотальная политическая вражда. «Все мы, — говорит Кардель о себе и своих товарищах в Политбюро, — в тот момент несли большую ответственность за решение этой дилеммы, но ответственность Тито была наибольшей и тяжелейшей. Ведь

¹ *Pirjevec J.* Tito, Stalin in Zahod. S. 200; *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 151.

² Foreign Relations of the United States. 1948. Eastern Europe. The Soviet Union. Vol. IV. U. S. Government Printing Office. S. 1109.

³ TNA. FO 371/78680/R 649; NARA.860H.00/9-648.

⁴ *Dilas M.* Tito. S. 88; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 388.

⁵ *Dilas M.* Tito. S. 90; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 342.

Тито приобрел во время нашей народно-освободительной борьбы такой личный авторитет, что его слово в этом случае означало также окончательное принятие решения по этой дилемме»¹.

Югославские руководители не ограничились только укреплением своих позиций, они перешли в идеологическое наступление. К примеру, уже 19 сентября в газете *Borba* вышла статья Моше Пияде, учителя Тито и других видных коммунистов, под названием «Отвергли факты ради догм». Статья вызвала настоящую сенсацию, поскольку старый революционер тогда впервые со всей едкой иронией, которой он был одарен сполна, выступил против КПСС и завуалированно обвинил ее в реакционных тенденциях. Он не ссылаясь на публикации в *Правде*, а комментировал два антиюгославских опуса в *Большевике*. Он обвинил советских политиков в том, что они погрязли в море догматических цитат, совершенно не способны создать новые идеи и теории, которых требуют время и различные условия в государствах, находящихся на пути к социализму. На утверждение *Большевика*, что законы перехода от капитализма к социализму, открытые Марксом и Энгельсом и апробированные и развитые Лениным и Сталиным в рамках советского государства и партии, обязательны для всех, Моше Пияде ответил, что условия для развития социализма различаются в зависимости от территорий и специфических обстоятельств, и что истинному марксизму-ленинизму чужд любой доктринерский подход².

Еще бóльшую сенсацию, чем статья Моше Пияде, вызвала статья, называющаяся «О неправдоподобных и несправедливых обвинениях против нашей партии и страны», которую опубликовала *Borba* 2–4 октября 1948 г. Обширный текст не был подписан, и это еще больше, чем само содержание, усиливало его значение. Несомненно, он никогда не был бы опубликован, если бы его не написал или в целом не утвердил сам Тито. Маршал действительно до такой степени идентифицировал себя с автором статьи, что в беседе с одним американским посетителем даже намекнул, что это его текст. На самом деле он просто прочитал и одобрил то, что написал Милован Джилас, причем сперва засомневался, стоит ли нападать лично на Сталина и этим окончательно развеивать иллюзии о возможности его спасительного вмешательства, которые так долго пестовала КПЮ. Однако Джилас — как он пишет в своих воспоминаниях — настоял на своем, сказав, что всем известно, кто стоит за обвинениями, направленными против Югославии, и что замалчивание этого вызвало бы опасное брожение среди членов партии. «Хорошо, пусть останется так, — согласился Тито, — ведь мы слишком долго щадили Сталина»³.

В упомянутой статье Джилас высказал мысли, до которых додумался сам, или же пришел к ним благодаря беседам с Кидричем и Карделем. Он

¹ AS. Dedijer. T. e. 7. E. Kardelj. Tito na istorijskim raskršćima. S. 37.

² NARA. 800.00B CI/9-2348; CREST. Incoming Telegram, Rome, 06.10.1949; TNA. FO 371/72589/R 10964; R 11211; 71672/R 11195.

³ *Dilas M. Jahre der Macht*. S. 288; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 394; *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. С. 36.

утверждал, что Югославия занимает особое место в социалистическом лагере, ведь народно-освободительная война одновременно являлась и революционным процессом, в ходе которого рабочий класс захватил власть. Это дает ей право строить социализм своими методами. Те государства Восточного блока, с Советским Союзом включительно, которые обвиняют ее в националистических устремлениях, отошли от «настоящего интернационализма». Югославия совершенно не имеет намерения перейти в империалистический лагерь и обособиться от социалистических стран, но она никак не может согласиться с необоснованной критикой и исходящими извне попытками отделить ее руководителей от народа. Наряду с этим она решительно отказывается признать советскую монополию на правильную интерпретацию марксизма и отвергает тезис о непогрешимости Сталина. До тех пор в печати о нем не говорили, но не потому, что строили иллюзии о его отношении к конфликту, просто поскольку сам он не выходил на арену, казалось неподобающим вступать с ним в полемику. Однако все члены партии знали о его точке зрения. «Сталин — величайший авторитет не только международного рабочего движения, но и всего демократического мира. Но в конфликте между КПЮ и КПСС правда не на его стороне»¹.

Как югославская общественность, так и иностранные наблюдатели сразу же поняли, на что нацелена статья: развенчать миф о Сталине и открыто признать, что раскол окончателен. «Югославская критика непогрешимого пророка из Москвы сводит на нет любую возможность примирения, если эта возможность вообще существовала», — прокомментировал американский посол в Москве². Критика, по словам Джиласа, подвигла югославских руководителей заново изучить советскую систему, она означала начало фактического отмежевания от ее политической практики, основанной на лжи и насилии. Монолитному образу общества, заскорузлого в своей ортодоксальности, Джилас противопоставил утверждение, полное этического и революционного энтузиазма: «Власть — это не всё, истина выше власти!»³ Сэр Чарльз Пик, британский посол в Белграде, подчеркнул в своем донесении, что эти мысли в определенной степени уже обкатаны, ведь их высказывают члены правительства, высшие представители министерства иностранных дел, да и сам Тито на встречах с многочисленными иностранными гостями и дипломатами, при этом он сразу же понял значение вышеупомянутой статьи. Она доказывает, писал он, что битва переместилась на открытое поле. Югославские события, по его мнению, можно сравнить с шахматной партией: до сих пор в игре переставлялись только пешки, сейчас же впервые сделан ход против королевы. «Нелегко предугадать результат, в данный момент можно лишь сказать, что вряд ли Тито удастся завершить партию без упорной борьбы»⁴.

¹ *Pirjevec J.* Tito, Stalin in Zahod. S. 207.

² NARA. 860H.00/10-1448.

³ *Dilas M.* Jahre der Macht. S. 286–288.

⁴ TNA. FO 371/72589/R 11692.

* * *

Тито «удержался на плаву», как называли его политическое выживание на Западе, также и потому, что в Вашингтоне и Лондоне скоро поняли, насколько важно для них его противостояние Сталину, не только из психологических и пропагандистских соображений, но и из стратегических. «Новый фактор, имеющий, в сущности, глубокое значение, включился в мировое коммунистическое движение благодаря доказательству того, что один из его сторонников может с успехом бросить вызов Кремлю», — записали сотрудники Государственного департамента. «Этот поступок уничтожил ауру мифического всемогущества и непогрешимости, окружавшую кремлевскую мощь»¹. Тито сравнивали с Мартином Лютером и Генрихом VIII и полагали, что его пример роковым образом подточит монолитность советского блока. В то же время были уверены, что для них чрезвычайно важно, чтобы Люблянские ворота под Наносом, Адриатическое побережье и Вардарскую долину контролировали вооруженные силы, более не находящиеся под советским влиянием. Тем самым Москва потеряла возможность оказывать прямое давление на Грецию, Австрию и Италию, а также доступ к восточному Средиземноморью, Ближнему и Среднему Востоку². Особая роль в этом смысле предназначалась именно приморскому региону, поскольку западные стратеги долгое время всерьез считали, что третья мировая война разразится в тот момент, когда советские тапки попытаются пробиться из венгерской степи через Цельскую и Люблянскую котловины, Постойнский горный перевал в Випавскую долину и далее в Паданскую низменность. Исходя из этих предпосылок, они вскоре решили поддержать Тито и вызволить его из бедственного положения, в котором он оказался, ведь Сталин пытался уничтожить его прежде всего путем прекращения всякого экономического сотрудничества между Югославией и советским блоком. Примечательно, что администрация Трумэна за несколько дней до 28 июня решила вернуть Тито югославские золотые резервы, примерно 20 млн долларов, которые князь Павел Карагеоргиевич накануне Второй мировой войны приказал перевезти на Запад. Это дает основание предположить, что в Вашингтоне еще до исключения Югославии из Информбюро по тайным каналам узнали, что готовится за кулисами³.

Тито и сам отлично понимал стратегическое значение разрыва со Сталиным и на этой основе строил свою политику. «Американцы ведь не глупы, — говорил он Джиласу, — и не позволят, чтобы русские в такой ситуации

¹ George Washington University (GWU). A Report to the National Council by the Department of State. The Attitude of this Government towards Events in Yugoslavia, 06.07.1948. S. 2.

² NIE-7. The Current Situation in Yugoslavia, 21.11.1950 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 85, 92, 93.

³ *Pirjevec J.* Tito, Stalin in Zahod. S. 122; *Jakovina T.* Američki komunistički saveznik. S. 342.

вторглись в Адриатику»¹. При этом он не учитывал наличие некоторых «горячих голов» в их секретных службах, которые думали, что настал подходящий момент для организации четнического путча против режима. Несмотря на советы посла Кэвендиша У. Кэннона не играть с огнем, вышеупомянутые круги в январе 1949 г. отправили в Югославию несколько сербских парашотистов, которые должны были разжечь искру сопротивления и вернуть на престол короля Петра II. Конечно, УГБ немедленно пресекло эту попытку, захватило четников в плен и ликвидировало их. Против подобных авантюр выступил и Государственный департамент, вследствие чего они были пресечены в зародыше и не могли оказать решающее влияние на диалог, начавшийся между Тито и ведущими государственными деятелями капиталистического мира².

Конечно, было нелегко принять помощь от «империалистического» Запада, тем более что существовали опасения, что это вызовет протест среди правоверных в КПЮ. Однако когда экономический бойкот, который Советский Союз объявил Югославии и к которому вынудил присоединиться «сателлитов», начал оказывать всё более болезненное воздействие, Тито не колебался. То, что Восток неожиданно прекратил поставки станков для промышленности и, главное, нефти, тоже не оставляло ему возможности выбора. Уже в августе 1948 г. он принял тайные посылки нефти, которую до этого поставляли из Румынии, хотя, с другой стороны, в середине 1949 г. он еще не был уверен в том, следует ли соглашаться на более существенную экономическую и военную помощь, которую предложил ему Вашингтон³.

Немалую роль в том, что западные силы уверились в окончательности раскола и отказе Тито от каких-либо надежд, «что Сталин спустится с облаков», сыграл Алеш Беблер, член югославской делегации в Генеральной Ассамблее ООН. 5 октября 1948 г. в Париже он встретился на официальном обеде с одним из главных представителей Foreign Office, государственным секретарем Гектором Макнилом. Дипломаты познакомились еще весной, во время длительного пребывания Беблера в Лондоне, и, несомненно, благодаря этому их диалог начался сразу и был откровенным. Макнил тщательно подготовился к встрече и изучил важнейшие донесения британского посла в Белграде, сэра Чарльза Пика. Так, он ознакомился с его выводами о поступательном развитии режима Тито и о том, что, поскольку он дистанцируется от Москвы, его следует поддержать, но сделать это очень осторожно⁴. Он приготовился улавливать в словах Беблера любой позитивный намек, но его политический реализм и откровенность были удивительны. Беблер

¹ *Dilas M.* Tito. S. 240; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. I. S. 453.

² *Ridley J.* Tito. A Biography. P. 296; *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 139.

³ *Rajak S.* In Search of a Life Outside the two Blocs: Yugoslavia's Road to Non-alignment. Great Powers and Small Countries in Cold War 1945–1955 / Ed. L. Dimić. Beograd: University of Belgrade, Archives of Serbia and Montenegro and SD Public, 2005. P. 7.

⁴ TNA. FO 371/72744/UN 2612; *Pirjevec J.* Tito, Stalin in Zahod. S. 208.

не пытался скрыть озабоченность политическими проблемами своего правительства и той изоляцией, в которой югославская делегация оказалась в Париже, поскольку оба блока вели себя по отношению к ней очень холодно. Еще больше он был обеспокоен экономической ситуацией в Югославии: в данный момент государство не может рассчитывать ни на какую помощь извне, и поэтому у него действительно трудное положение. Выполнение пятилетнего плана может сорваться, и всё указывает на то, что у югославов не остается ничего, кроме их безграничной решимости. Любая помощь, которую могли бы предложить британцы, имела бы жизненно важное значение¹.

Если бы Беблер знал, что помощник Макнила Гай Бёрджесс является одним из советских «кротов» в Foreign Office, и что на стол к нему попало много документов, касающихся югославских дел, вероятно, его жалобы были бы более сдержанны и произвели бы меньшее впечатление в верхах британской дипломатии. А так благодаря своей драматической непосредственности они вызвали большой резонанс. Едва сообщение Макнила начало свой путь по соответствующим инстанциям Foreign Office, как британские дипломаты в Белграде подтвердили, что высказывания Беблера — не результат минутного малодушия, они выражают мнение высших государственных органов, даже лично Тито. Именно в те дни Тито пригласил на обед представителя «American Motion Picture Corporation», который хотел продавать голливудские фильмы на югославском рынке. Маршал, любивший кино, не только с одобрением принял его предложение — что само по себе было важно, поскольку тем самым югославской массовой культуре начала открываться дорога на Запад, — но и откровенно побеседовал с американским магнатом. Луис Джонсон сразу же сказал, что передаст его слова Томасу Дьюи, вождю республиканской партии, и маршал, осознававший, что говорит не только для своего гостя, но и для более широкой и влиятельной аудитории, решил играть в открытую. Он подчеркнул, что как жил коммунистом, так и умрет им, но хочет быть хозяином в своем доме. Причина конфликта с Кремлем заключалась именно в том, что Сталин отказывал ему в этом праве. В нынешнем уязвимом положении улучшение торговых отношений с Западом для него абсолютная необходимость, но пусть от него не ждут политических уступок, которые вызвали бы решительный отпор у его сторонников. Тито сначала уклонился от ответа на вопрос Джонсона, что бы он делал, если бы произошла война между Советским Союзом и США, но в конце концов сказал, вопреки многократно подчеркивавшейся безграничной преданности Москве, что это зависело бы от обстоятельств начала войны и от того, кто ее спровоцировал. Таким образом он дал понять, что в случае агрессии со стороны Советского Союза он придерживался бы нейтралитета².

¹ TNA. FO 37172589/R 11501; *Pirjevec J. Tito, Stalin in Zahod*. S. 209.

² TNA. FO 371/72589/R 11666; 72590/R 12041; Archivio Storico del Ministero degli Esteri, Roma, Jugoslavia, Busta 53, fasc. I., Mosca, 20.10.1948; *Pirjevec J. Tito, Stalin in Zahod*. S. 209, 210.

Оба разговора нашли широкий отклик в дипломатических и правительственных кругах Вашингтона и Лондона. Когда британский министр иностранных дел Эрнст Бевин прочитал сообщение Макнила, то сразу же записал, что хочет поговорить «о политике» со своими коллегами, отвечавшими в Foreign Office за территорию Балкан. На этих встречах сформировалось мнение, что нужно помогать Тито в его стараниях сохранить независимость. Свою концепцию Бевин облек в форму лаконичной, но решительной директивы, которая в следующие месяцы стала чуть ли не лозунгом не только для британцев, но и для всех западных представителей: «Keep him afloat!»¹²

Сталина обо всем этом детально проинформировали, ведь помимо Бёрджесса, извещавшего его о переговорах по югославскому вопросу, протекавших между Лондоном и Вашингтоном, у него был и другой «крот» — Дональд Маклин, советник британского посольства в США. Многочисленные предостережения, встречающиеся в британских и американских документах по этой теме, о том, что они «совершенно секретны» и что Советский Союз ничего не должен знать о готовности Запада поддержать Тито, возымели противоположный эффект. По словам А. С. Аникеева, не исключено, что именно это обстоятельство обострило течение конфликта и побудило Кремль принять в отношении Тито еще более решительные меры, которые, конечно, полностью соответствовали жестокости сталинского режима³. Одной из самых значимых мер — и самой болезненной — стало исключение Югославии из Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), созданного в Москве в конце января 1949 г. В ответ на протест Карделя, напомнившего советскому правительству, что Югославия заключила ряд экономических соглашений с членами новой организации, Кремль с сарказмом ответил, что только государства, которые ведут в своих взаимоотношениях «честную и дружественную политику», имеют право сотрудничать в СЭВ⁴.

Поэтому осторожная внешняя политика, которую проводил Эдвард Кардель, занявший в сентябре 1948 г. пост министра иностранных дел Федеративной Народной Республики Югославии, не возымела результатов. В начале октября из Генеральной Ассамблеи ООН в Париже он сообщил Тито о мужественной позиции югославской делегации: «Марко Ристич (посол в столице Франции) на этом заседании провозгласил Югославию третьей независимой державой (после США и СССР). И на самом деле это так и выглядит. Смешно видеть, как разные чехи и поляки избегают нас в коридорах, а в туалетах разыскивают наших людей и выражают им симпатию тем или иным способом»⁵. Однако на заседаниях скупщины он говорил и голосовал в полном соответствии с позицией Советского Союза, поскольку не хотел бросать ему вызов. И,

¹ «Поддерживайте его на плаву!» (англ.).

² TNA. FO 371/72576/R12455; R 11209.

³ Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 140.

⁴ Pirjevec J. Il gran rifiuto. S. 314; Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 162.

⁵ AJ. 838. LF II-1/78. K 4. Kardelj — Titu, 04.10.1948.

хоть и стыдился этого, но ни разу не упомянул о конфликте со Сталиным¹. Еще в конце года он в одном важном выступлении перед Союзной скупщиной в Белграде заявил, что в международной сфере Югославия хранит верность Москве. Конфликт со Сталиным якобы являлся внутренним вопросом коммунистического мира, не связанным с более широким противостоянием между Востоком и Западом. Эти слова в Вашингтоне не воспринимали буквально, полагая, что это заявление «for the record»²³. Ход событий подтвердил это мнение, ведь совсем скоро к экономическому бойкоту присовокупились коллективный отказ Советского Союза и государств социалистического блока от соглашений о дружбе и сотрудничестве с Югославией, а затем и практическая заморозка дипломатических отношений.

Когда американцы и британцы поняли, что режим Тито достаточно прочен и будет сопротивляться мощному советскому давлению, если ему придут на помощь, они организовали акцию спасения, которая в последующие месяцы переросла из экономической в дипломатическую. При этом они не пытались оказать влияние на коммунистический режим в той форме, в какой он утвердился в Югославии, а требовали от Тито только одного: закрыть границу между Вардарской и Эгейской Македонией и прекратить поддержку повстанцев, сражавшихся против афинского правительства⁴. Поскольку греческие коммунисты встали на сторону Сталина и отправили в отставку проюгославского генерала Маркоса, Тито уже в марте 1949 г. установил тайные связи с Афинами. Однако министр иностранных дел Константинос Цалдарис в интервью лондонской газете *Daily Mail* преждевременно рассказал об этой инициативе и тем самым убил ее в зародыше. *Правда* немедленно заявила, что подготавливается союз между «гестаповской» Югославией и «монархофашистской» Грецией. Поскольку дело было важным, государства Запада не опустили руки⁵. Они послали к маршалу его боевого товарища Фицроя Маклина, и Тито обещал ему, что коренным образом пересмотрит свою политику на Балканах, поскольку ситуация там полностью изменилась⁶. Так он и сделал, тем более что греческие повстанцы начали говорить об объединенной и независимой Македонии в составе демократической федерации балканских народов, которая, конечно, должна была находиться под эгидой Информбюро. Получилось, что белградское и афинское правительства неожиданно оказались на одной стороне⁷.

В своей речи в военной академии в Пулье 10 июля 1949 г. Тито объявил, что примет экономическую помощь от Запада, если ему ее предложат,

¹ *Kardelj E.* Spomini. S. 132, 142.

² Для записи, здесь: для протокола — *англ.*

³ ORE 16-49. The Yugoslav Dilemma. 10.02.1949 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 16, 17.

⁴ *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 142, 143.

⁵ *Ridley J.* Tito. A Biography. P. 301, 302.

⁶ *Pirjevec J.* Il gran rifiuto. S. 327.

⁷ *Ibid.* S. 323; *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 143.

и одновременно закрывает границу с Грецией. И этим он предрек окончание гражданской войны¹. Еще через несколько месяцев коммунистов победили, а генеральный секретарь КПГ Никос Захариадис в декабре 1949 г. заявил, что они никогда не решились бы начать борьбу, если бы в 1946 г. могли предвидеть «предательство Тито»². Советский Союз отомстил маршалу тем, что во время дипломатических переговоров с Западом относительно мирного договора с Австрией в июне 1949 г. отказался от поддержки югославских территориальных требований в Каринтии и, в обмен на «имущество немцев» в альпийской республике, признал границу по Караванкам. Между Белградом и Москвой разразились ожесточенные споры, которые, по мнению западной печати, предвещали разрыв дипломатических отношений³.

Угрозы Сталина

Дипломатическая нота, которую один служащий советского посольства в Белграде 20 августа 1949 г. в 4:15 утра вручил привратнику министерства иностранных дел, была составлена в самом угрожающем духе — так, как это было принято в случае объявления войны. В тексте объемом в 12 страниц московское правительство выразило протест по поводу ареста советских граждан, проживавших в Югославии. Речь шла о так называемых «белых русских», которые после революции эмигрировали в Королевство СХС. Во время Второй мировой войны некоторые из них сотрудничали с оккупантами, а по ее окончании те, кому не удалось сбежать или кого не расстреляли, должны были принять советское гражданство. Москва его признала, не заинтересовавшись, согласны ли с этим югославские власти. Это великодушие имело свои причины, поскольку «красные» защитники ожидали, что «белые русские» станут своего рода пятой колонной в Югославии. Когда же произошел разрыв со Сталиным, Тито больше не хотел допускать их шпионской деятельности. Так что совсем скоро «белые русские» стали жертвами полиции Ранковича, которая тайно начала арестовывать их уже в 1948 г., а в следующем году окончательно их «зачистила». Москва отреагировала быстро, причем нота от 20 августа была уже последним, хотя и наиболее агрессивным выступлением в их защиту. В ней говорилось, что югославы не имеют права сажать советских граждан на скамью подсудимых и что советское правительство, если понадобится, прибегнет для их защиты «еще и к другим, более эффективным методам»⁴.

¹ NIE-7. The Current Situation in Yugoslavia, 21.11.1950 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 89; *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 147, 148.

² NARA. FW 768. MSP/22-325; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 268; *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 149; *Clissold S.* Yugoslavia. P. 231–236.

³ *Pirjevec J.* Il gran rifiuto. S. 356, 357.

⁴ *Ibid.* S. 358; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 481; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 396; *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 166; *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. С. 43.

Кардель и его заместитель Алеш Бемлер, прочитав ноту, очень испугались. Незадолго до того советское правительство отозвало из Белграда своего посланника, молодого и толстого Лаврентьева, не назначив никого на его место. Известия о продвижении войск через Румынию и Венгрию по направлению к югославской границе становились всё более угрожающими: не следовало ли интерпретировать «другие и более эффективные методы» как объявление войны? В волнении Кардель сначала позвонил во французское, британское и американское посольства и пригласил всех троих послов на прием. Лишь когда Бемлер связался с Тито, который был на Бриони, он немного успокоился и отменил встречу. Тито приказал сохранять спокойствие и не лить воду на советскую мельницу, предпринимая поспешные шаги. Поэтому он решил, что сам останется в отпуске еще несколько дней, и перед возвращением в Белград задержался в Загребе, как и обещал хорватам. Но и сам он сильно тревожился, ведь было очевидно, что ноту в основном написал сам Сталин¹.

Последние месяцы 1949 г. были очень беспокойными, поскольку казалось, что Сталин готовит военное нападение на Югославию из Болгарии, Румынии, Венгрии и Албании. По информации, имеющейся у белградского правительства, на ее границах будто бы было сосредоточено более семи моторизованных дивизий. Впоследствии маршал Жуков также рассказал, что помимо танкового вторжения планировался еще и десант парашютной дивизии на центральное боснийское плато. Советский Союз якобы контролировал и координировал акцию своих союзников и способствовал ее проведению, организовав «международные бригады», в которых помимо его граждан были чехи, поляки и восточные немцы. А мнимый нейтралитет Москва будто бы соблюдала для того, чтобы предотвратить вмешательство Запада в ход событий². Как сказал Тито в 1952 г. своему биографу Владимиру Дедиеру, Сталин тем самым превратил югославский вопрос во «всемирную проблему». Ведь было ясно, что Советский Союз радикально изменил бы равновесие сил между блоками, если бы, оккупировав Югославию, прорвался к восточным границам Италии и к Адриатике³. Поскольку он считал, что следует избежать повторения ситуации, сложившейся в начале Второй мировой войны, когда агрессоры обрубили все связи белградского правительства еще до начала сражений, политическая верхушка и Генеральный штаб покинули Белград и переместились в Тополу⁴. Они начали эвакуацию складов продовольствия и архивов и перевозили из Воеводины целые заводы в глубь страны, главным образом в Боснию и Герцеговину. Светозару Вукмановичу — Темпо Тито поручил организацию партизанских отрядов, которые должны

¹ *Pirjevec J.* Il gran rifiuto. S. 360; *Berić G.* Zbogom XX. stoleće. S. 124–126.

² NARA. CREST. CIA. Information Report: Points Discussed During Recent Slovene Communist Party Meeting, 23.11.1949; Information Report, Bulgaria, 01.04.1952; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 433, 443.

³ PA. B 12. Bd. 621; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 368.

⁴ *Nenadović A.* Razgovori s Kočom. S. 107, 109.

были действовать на оккупированных территориях. Главная часть армии, насчитывавшая 275 тыс. человек, должна была отступать к центральному горному массиву и далее к морю. Только на этой территории можно было организовать эффективную оборону. Больше всего средств, естественно, направлялось на вооружение ЮА, на нужды которой в 1949 г. было выделено целых 50% годового государственного бюджета¹.

* * *

Однако Сталин по трезвом размышлении отказался от мысли о военном нападении на Югославию; в письмах к Готвальду и другим руководителям Восточного блока он советовал прежде всего дискредитировать Тито². По воспоминаниям Н. А. Булганина, он «не нанес удар» главным образом из-за того, что этому радикальному решению воспротивилась верхушка Красной армии³. Но Тито и его товарищи не знали об этом. И лишь позднее, в 1951 г., вождь итальянских социалистов Пьетро Ненни тайно сообщил им, что Сталин конфиденциально сказал ему: против югославов он будет использовать все средства, кроме войны⁴. С этой целью он создал в Бухаресте Верховный штаб, который разрабатывал акции саботажа, инциденты и передвижения войск на югославских границах, причем маневрировал так, что «горячие точки» возникали то в одном, то в другом месте. И это приводило югославов в состояние бессильного бешенства, поскольку они были вынуждены постоянно перемещать свои подразделения, копать окопы и призывать население проявлять бдительность перед лицом агрессии, которая, казалось, вот-вот начнется⁵. Поскольку они были убеждены, что нападение — просто вопрос времени, то готовились к обороне, используя все средства, законные и незаконные. В ответ на экономическую блокаду, поставившую под угрозу югославскую экономику и пятилетний план, они всюду занимались контрабандой и при этом нарушали все международные законы⁶. В качестве ответа

¹ ORE 16-49. The Yugoslav Dilemma. 10.02.1949 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 16; AS. Dedijer. T. e. 252. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 338, 339, 347; NARA. CREST. Army Contribution to NIE-29: Yugoslavia: How strong and how stable is Tito's regime at present, 06.02.1951.

² *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 673; *Nenadović A.* Razgovori s Kočom. S. 120; *Ridley J.* Tito. A Biography. P. 294.

³ *Osolnik B.* Med svetom in domovino. Spomini 1945–1981 // Obzorja. Maribor; Novo mesto: Dolenjska založba, 1992. S. 198.

⁴ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 446.

⁵ *Ritter I.* War on Tito? The Hungarian Army in Early Cold War Soviet Strategy // Parallel History Project on Cooperative Security (PHP), 12.02.2005. S. 17. URL: <http://php.isn.ch/collections/col-tito/intro.sfm?navinfo=15463>; *Kramer M.* Stalin, Soviet Policy in the Consolidation of a Communist Bloc in Eastern Europe, 1944–1953. Stanford TEC, April 2010. S. 31–39. URL: http://iis-db.stanford.edu/events/6086/Stalin_and_Eastern_Europe.

⁶ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 462, 463; *Vodušek Starič J.* Brionski plenum 1966 — ocene in njegov vpliv // Slovenija — Jugoslavija, krize in reforme 1968/1988 / Ur. Z. Čepić. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, 2010. S. 75. Op. 22.

на вероятную агрессию они подготовили план: разрушить Джердапскую плотину на Дунае и затопить всю Паннонскую низменность, чтобы остановить продвижение вражеских войск¹. В сфере дипломатии они решили разоблачить агрессивную политику Советского Союза на Генеральной Ассамблее ООН и также официально дистанцироваться от нее. Большой отклик в этой связи получила речь Карделя в сентябре 1949 г. в Нью-Йорке. Он подчеркнул, что Югославия будет проводить «независимую» внешнюю политику по всем направлениям². Американцы также считали, что против Югославии будет предпринято военное нападение, поэтому в октябре 1949 г. они поддержали ее кандидатуру на место непостоянного члена Совета безопасности ООН, чтобы обеспечить ей лучшую защиту. И им удалось достичь этого, несмотря на судорожное сопротивление Советского Союза, поддерживавшего кандидатуру Чехословакии. Его представитель А. Я. Вышинский напряг все силы, чтобы провести в жизнь решение Сталина, но успеха не достиг. Таким образом, 20 октября 1949 г. Югославия вошла в состав этого важного международного органа, что давало ей возможность принять участие в осуждении Советского Союза, если бы он опосредованно или непосредственно оказался в рядах агрессоров³. Югославы чувствовали себя триумфаторами и славили Карделя после его возвращения из Нью-Йорка «как победоносного Цезаря». Точно так же чувствовали удовлетворение и в Вашингтоне, где получила распространение самодовольная крылатая фраза: «Хоть Тито и «сукин сын», но теперь он наш сукин сын».

Своей дерзкой политикой, направленной на интернационализацию конфликта, Тито, конечно, спровоцировал усиление травли по отношению к себе и своим товарищам, режиссером которой был Сталин. В соседних государствах-сателлитах начиная с 1948 и 1949 гг. организовали ряд «сфабрикованных процессов» против видных местных политиков, которых обвинили в титоизме и осудили на смерть или на длительное заключение. В Польше, как уже было сказано, сместили Владислава Гомулку, которому посчастливилось попасть в тюрьму. Министр иностранных дел Венгрии Ласло Райк, болгарский партийный лидер Трайчо Костов и албанский — Кочи Дзодзе закончили жизнь перед расстрельным взводом или на виселицах⁴. Конечно, при этом их обвинители раскрыли страшные заговоры, которые подозреваемые якобы устраивали вместе с Тито во время войны и после ее окончания, и тем самым оправдывали травлю Югославии. В московском

¹ *Becele Ranković L.* Življenje z Leko. S. 123, 124; *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 215; *Ridley J.* Tito. A Biography. P. 309.

² NIE-7. The Current Situation in Yugoslavia, 21.11.1950 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 90; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 398; *Kardelj E.* Spomini. S. 142, 246–250; *Idem.* Problemi naše socialistične graditve. Vol. III. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1955. S. 28–35.

³ *Pirjevec J.* Il gran rifiuto. S. 377, 378; *Аликеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 172.

⁴ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 396; NARA. Information Report. Hungary. Background of the Rajk Case, 23.05.1956.

журнале *Новое время* писали: «Судебный процесс против Ласло Райка являлся также и судебным процессом против Тито, Ранковича, Карделя и других фашистов в Белграде. Эти люди всеми силами пытаются остановить развитие истории. Только никому еще не удавалось это сделать. <...> Процесс против Райка и его прихвостней раскрыл многочисленные случаи шпионажа и интриг против демократических государств и, в особенности, показал, какую роль играют Тито и Ранкович в политической и военной стратегии и почему они возглавляют проект, цель которого — насильственным путем свергнуть демократические народные режимы в Восточной и Южной Европе»¹. «Открытия», обнародованные на процессе Райка, дали заместителю министра иностранных дел А. А. Громыко благоприятную возможность расторгнуть 28 сентября 1949 г. «Договор о дружбе, взаимопомощи и сотрудничестве», заключенный между Тито и Молотовым в апреле 1945 г. В конце октября из Москвы был изгнан по обвинению в «шпионской деятельности» югославский посол Карло Мразович, а через месяц и поверенный в делах, хотя формально дипломатические отношения разорваны не были. Конечно, этому примеру последовали все государства-сателлиты, кроме Албании, с которой Югославия сама разорвала отношения².

На третьем и последнем совещании Информбюро, состоявшемся в Венгрии 16–19 ноября 1949 г., Тито и его товарищей в бессильной ярости объявили преступниками, поскольку не могли их ликвидировать. Резолюция, опубликованная в связи с этим в годовщину II сессии АВНОЮ, имела красноречивое название: «Югославская компартия во власти убийц и шпионов». В ней говорилось: «Борьба против клики Тито — интернациональный долг всех коммунистических и рабочих партий»³. Конечно, члены Информбюро не ограничились словами. Тито говорил, что в следующие годы в государствах, входивших в Информбюро, и в Советском Союзе организовали 98 шпионских центров, задачей которых было посылать «ежечасно диверсантов в Югославию». В Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании существовали специальные лагеря, где проходили подготовку специалисты по шпионажу, саботажу и вражеской пропаганде. Ставилось целью внедрить этих людей в Югославию и таким путем доказать, что население оказывает спонтанное сопротивление «титоистскому полицейскому государству»⁴. Границы Югославии со странами-сателлитами стали, можно сказать, непроходимыми, из-за вторжений партизанских групп на них постоянно происходили вооруженные инциденты. По югославским данным, с 1948 по 1953 г. произошло 7877 пограничных инцидентов, в их числе 142 вооруженных столкновения,

¹ NARA. RG 331. Box 8596. SCAP. Central File 1945–1949. Перевод цитаты сделан по тексту Й. Пирьевца.

² Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 397; Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 168, 169.

³ Clissold S. Dilas. P. 206; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 395.

⁴ ORE 8-50. Evaluation of Soviet-Yugoslav Relations (1950), 11.05.1950 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 41.

в которых принимало участие более 600 вражеских агентов¹. Еще ббольшую опасность представлял Триест, где сталинский агент Витторио Видали развернул мощную антиюгославскую пропаганду и создал шпионский центр, пользовавшийся недостаточной охраной границ в этом регионе, ведь Свободная территория Триест была разделена на англо-американскую и югославскую административные зоны. Видали вместе со своими итальянскими и югославскими пособниками под защитой англо-американских властей развил лихорадочную антититовскую активность и даже намеревался организовать путч в югославском военном флоте. По плану, провалившемуся благодаря бдительности УГБ, его приверженцы должны были захватить Сплит, а затем призвать на помощь советские корабли².

Сэр Чарльз Пик, у которого состоялся долгий разговор с маршалом в начале ноября 1949 г., сообщил из Белграда, что Тито и его товарищи находились в осадном положении. При этом он не мог не отметить, что Тито был в состоянии нервного напряжения, хотя и старался, как обычно, сделать вид, что у него хорошее настроение. Факт, что встреча состоялась в одном из залов виллы в Дединье, окна которого были заложены, сам по себе свидетельствует о том, в какой атмосфере скрытности жил югославский премьер. Тем не менее он старался убедить своего собеседника, что спокоен насчет будущего и не верит в возможность прямой агрессии со стороны Сталина. По его мнению, он был мудрее, чем Гитлер, и лучше понимал реальность. Но его слова не смогли развеять сложившегося у посла впечатления, что Тито скрывает значительно больше мыслей, чем высказывает³.

Тито в тисках холодной войны

Естественно, югославы не сидели сложа руки, уже в октябре 1949 г. они начали устанавливать тайные контакты с американцами, о чем свидетельствует состоявшийся в Нью-Йорке разговор Карделя, Джиласа, Велько Мичуновича и Владо Поповича с заместителем главы ЦРУ Алленом Даллесом. Последнему пообещали передать сведения о советских «точках» в Западной Европе, а взамен получили информацию из документов гестапо, захваченных американцами в Германии. Позднее, в ноябре 1950 г., Влатко Велебит заключил формальный договор с Франком Виснером, руководившим отделом секретных операций в Управлении по координации политики в ЦРУ. Чтобы доказать свою готовность к сотрудничеству, югославы сделали американцам драгоценный подарок: самый современный советский самолет

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 461.*

² *Pirjevec J. Vittorio Vidali and the Cominform 1947–53 // The Soviet Union and Europe in the Cold War, 1943–53 / Eds. F. Gori, S. Pons. London: Fondazione Giangiacomo Feltrinelli, Fondazione Istituto Gramsci, Macmillan Press, 1996. S. 264–271; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 464; Gligorijević M. Rat i mir Vladimira Dedijerja. S. 316; A. Dedijer. T. e. 244. Tipkopsis za IV. zvezek Titove biografije. Poglavlje X. S. 335–337.*

³ *Pirjevec J. Il gran rifiuto. S. 386, 387.*

МиГ-15, который вынудили во время разведывательного полета приземлиться на их территории недалеко от Загреба. Вскоре американцы их отблагодарили. От одного «белого русского», своего агента, они узнали, что начальница отдела кадров министерства иностранных дел вместе со своим любовником — шифровальщиком посылает в Москву секретные депеши, предназначенные для Вашингтона, которые Кардель начиная с 1949 г. из предосторожности писал собственноручно. Тито и его товарищей настолько потрясло это известие, что они разместили на пятом этаже здания Министерства иностранных дел особый отдел УГБ, что привело в дальнейшем к нежелательным последствиям, поскольку дало возможность Ранковичу решающим образом воздействовать на югославскую внешнюю политику¹. По утверждению Дедиера, в то время Тито часто встречался в Белграде с высшими функционерами ЦРУ и договаривался с ними о совместных акциях. Конечно, это не осталось тайной для Советского Союза². К тому же сторонники Тито развернули энергичную пропагандистскую кампанию, чтобы укрепить во взглядах тех членов коммунистических и социалистических партий, которые были готовы встать на их сторону. Их деятельность охватывала прежде всего Италию и Францию, частично Бельгию и Германию, а также Индию и Индонезию. «Наши связи с социалистами развиваются хорошо», — сообщал Владимир Дедиер Тито из Парижа в середине декабря 1951 г. И добавлял несколько слишком оптимистически: «Это страшный удар для русских»³.

С другой стороны, Тито не был готов проводить внешнюю политику, не соответствующую его убеждениям, даже если это означало пойти на конфликт с Западом. В январе 1950 г. революционное движение во Вьетнаме завладело северной частью этой французской колонии и сформировало правительство во главе с Хо Ши Мином. В ответ французы создали марионеточное правительство в Сайгоне. 31 января Советский Союз признал правительство Хо Ши Мина в Ханое, а Тито известил западных дипломатов о том, что намерен поступить так же. В Париже дело дошло до яростного протеста и угроз, что Франция станет бойкотировать помощь Запада Югославии. В не меньшей степени был рассержен и Дин Ачесон, госсекретарь США. Он писал

¹ *Koprivc J.* Generalov let. S. 105; *Mehta C. A.* «A Rat Hole to be Watched?» CIA Analysis of the Tito — Stalin Split 1949–1950: Doktorska disertacija. Raleigh: North Carolina State University, 2003. S. 9 и далее; *Berić G.* Zbogom XX. stoleće. S. 123; *Terra S.* Tre anni con Tito. Trieste: MGS, 2011. S. 89; *Petković R.* Subjektivna istorija jugoslovsanske diplomatije // Službeni list SFRJ. Beograd, 1995. S. 143.

² AS. Dedijer. T. e. 197. V. Dedijer — L. Koliševskemu, 04.12.1984; T. e. 223. Pogovor M. Maček — V. Dedijer. Ko je donosio odluke o Kocevju, fojbama i Dachauskim procesima, 14.02.1985; T. e. 298. Novi prilozi. Vol. IV. Šesto poglavje. S. 6; *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. С. 350, 360, 367; *Jakovina T.* Američki komunistički saveznik. S. 303; *Mehta C.* CIA Confronts the Tito-Stalin Split, 1948–51 // Journal of Cold War Studies. 2011. Vol. 13. No. 1, Winter. P. 101–145.

³ AJ. 836. KMJ I — 6/2. Vladimir Dedijer — Titu, 15.11.1951.

своему послу в Белград, что «югославское признание укрепило бы как раз те силы, против которых мы боремся ради независимости [Югославии. — Й. П.] <...> Мы не хотим прямо угрожать югославскому правительству, но дайте ему ясно понять, насколько серьезными были бы последствия, если бы оно признало Хо». Это предупреждение, как и дальнейшие, не испугали Тито. Он решительно заявил, что не готов обменять свою независимость на экономическую помощь Запада¹. Точно так же в 1950 г. он встал на сторону Мохаммеда Моссадыка, который выступал против использования Западом иранской нефти и попытался свергнуть шаха Резу Пехлеви. При этом он не прислушивался даже к своим дипломатам, сомневающимся в уместности такой «принципиальной» политики. «Мы торгуем товарами, продукцией, но не нашим сознанием и не нашими принципами», — заявил он в своем выступлении в Ужице 18 февраля 1950 г.²

Конечно, это не изменило враждебного отношения Москвы ко всему югославскому. Пропагандистские службы Советского Союза и его союзников, прежде всего Венгрии и Румынии, в то время развернули широкомасштабную акцию, пытаясь доказать, что Тито не являлся вождем движения сопротивления, освободительной и революционной борьбы, и что его «клика» фальсифицировала историю. Югославия, как и вся остальная Восточная Европа, была освобождена благодаря «моральной и материальной помощи советской армии». По заданию ЦК КПЮ Моше Пияде ответил на это рядом статей, основанных на переписке 1942 г. между Тито и «Дедом», из которой было очевидно, насколько «большой» была помощь Сталина в начале народно-освободительного движения. Упомянутые статьи, опубликованные в газете *Borba*, к концу года перевели на английский язык с целью доказать Западу, насколько глубоки корни конфликтов между КП Югославии и Советского Союза³. Тем временем международная ситуация настолько изменилась, что никого уже больше не требовалось убеждать в серьезности конфликта Тито со Сталиным.

Корейская война

В конце июня 1950 г. началась война в Корее, с помощью которой Сталин пытался определить, до какого предела он может пойти, меряясь силами с Западом. После войны на дальневосточном полуострове образовались два государства, северное находилось под влиянием коммунистов, а южное — американцев. Когда Северная Корея напала на Южную, в Совете безопасности ООН началось обсуждение, что следует предпринять. Американцы предлагали осуществить военное вторжение ООН для защиты

¹ Ridley J. Tito. A Biography. P. 304, 305.

² Broz Tito J. Govori i članci. Vol. V. S. 17; AS. Dedijer. T. e. 198. Novi prilozi. Vol. IV. Šesto poglavje. S. 21.

³ Adamič L. Orel in korenine. S. 529–532.

Южной Кореи, чему Советский Союз не мог воспрепятствовать, наложив вето. Уже несколько месяцев он бойкотировал Совет безопасности, так как тот не пожелал признать коммунистическое правительство в Пекине легальным представителем Китая и настаивал на том, что им по-прежнему является правительство Чан Кайши, которое в 1949 г., после победы Мао Цзэдуна бежало на Формозу (Тайвань). Поскольку представители Советского Союза отсутствовали, американское предложение было принято. Югославы сначала не знали, что делать, и поэтому при голосовании 26 июня 1950 г. воздержались¹. Югославский представитель в ООН Алеш Беблер заявил, что его правительство понимает и поддерживает акцию США в Корее, но не может проголосовать за их резолюцию из-за идеологического конфликта с Советским Союзом². Американцы сильно обиделись и напомнили Тито, что без их поддержки Югославия не заседала бы в Совете безопасности. На что тот ответил, что Москва обоснованно могла бы интерпретировать одобрение Югославией защиты Южной Кореи как доказательство ее союза с Западом. А это могло бы спровоцировать нападение Советского Союза и его «сателлитов» на Югославию. В следующие месяцы он, хотя и осторожно, занял сторону американцев, особенно после того как в ноябре 1950 г. в войну против Южной Кореи вступил и Китай. То обстоятельство, что советские страны-сателлиты решились проводить такую опасную политику, вызвало в Белграде опасения, что нечто подобное может произойти и на Балканах. Поэтому Тито и его товарищи сочли необходимым, высказывая свою позицию в Совете безопасности, подчеркнуть, что они решительно выступают против любой агрессии. В том, что нападение на Югославию возможно, были убеждены и в Вашингтоне, ведь было ясно, что Кремль занял бы решающее стратегическое и политическое положение, если бы раз и навсегда разделался с ересью Тито. Тито же недвусмысленно заявил, что поддерживает действия Объединенных наций (т. е. Вашингтона) против Северной Кореи и что в случае международного столкновения мировых держав не будет придерживаться нейтралитета, а станет сражаться против Красной армии³.

Пропагандистская акция советского блока против Югославии достигла двух пиков — летом и в ноябре 1950 г., что совпало с первыми месяцами корейской войны. Н. А. Булганин 6 мая в Праге в своем выступлении на мероприятии, посвященном освобождению Чехословакии, заявил: «Югославские народы заслуживают лучшей судьбы и мы верим, что недалек тот день, когда

¹ *Ridley J. Tito. A Biography.* P. 306, 307.

² NARA. CREST. Untitled, June 1950.

³ NIE-7. The Current Situation in Yugoslavia, 21.11.1950 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 90; GWU. A Report to the National Security Council by the Executive Secretary, The Position and Actions of the United States with Respect to Possible Further Soviet Moves in the Light of the Korean Situation, 29.07.1950. S. 8; The Position of the United States with Respect to Yugoslavia, 02.03.1951. S. 3; NARA. CREST. Intelligence Memorandum No. 142. Probable Enemies, Allies, and Neutrals in the Event of War before 1953, 05.04.1949.

они одержат победу над фашистской кликой Тито — Ранковича»¹. Это навело американские секретные службы на мысль, что Советский Союз оказывает психологическое давление, чтобы отвлечь внимание мирового общественно-го мнения от событий на Дальнем Востоке. Югославы же очень обеспокоились и напряженно ожидали нападения².

Во время второго всплеска пропагандистской кампании, в ноябре 1950 г., когда президент Трумэн представил Конгрессу проект закона о помощи Югославии, с советской стороны против Тито даже было выдвинуто обвинение в том, что он планирует превентивно напасть на своих соседей. Не только на Албанию, о чем говорилось сначала, но и на Болгарию и Румынию, и, проведя «Blitzkrieg»³, прорваться к Черному морю⁴. Как известно со слов Джиласа, в ближайшем кругу Тито действительно обсуждали такую возможность⁵. Одновременно они предприняли ряд оборонительных мер и даже планировали в крайнем случае перебраться с главной частью армии за границу (очевидно, под крыло НАТО). А тем временем в самом государстве должна была вестись партизанская борьба силами не более 100–150 тыс. бойцов⁶. Эта разработка планов была вполне обоснованной, ведь известно, что в январе 1951 г. Сталин созвал министров обороны стран-сателлитов на совещание, на котором шла речь о нападении на Югославию следующей весной. Если бы войска Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании одновременно пересекли свои границы, а Красная армия, пройдя через Чехословакию и Венгрию, двинулась бы к Любляне, Югославия могла потерпеть поражение прежде, чем Объединенные нации сумели бы вмешаться. И тогда Запад не пошел бы на риск развязывания третьей мировой войны ради сохранения режима Тито. Маршалу Г. К. Жукову поручили обновить планы, разработанные еще в прошлом году, и подготовить военную операцию, в которой были бы задействованы силы советских союзников, в три раза превосходящие югославские⁷. Офицер венгерской авиации, в 1951 г. сбежавший на Запад, рассказывал своим американским следователям, какая пропаганда против Тито проводилась в казармах на его родине. Тито — «американский цепной пес», который только и ждет знака от Вашингтона, чтобы напасть на Венгрию⁸.

¹ *Dedijer V. Novi prilozii. Vol. III. S. 428.*

² *Ibid. S. 43; GWU. National Intelligence Estimate, Probable Soviet Moves to Exploit the Present Situation. CIA. 11.12.1950. S. 2.*

³ Молниеносная война (нем.).

⁴ NARA. CIA. Information from Foreign Documents or Radio Broadcasts, 07.02.1951.

⁵ *Dilas M. Tito. S. 240; Dedijer V. Novi prilozii. Vol. III. S. 59.*

⁶ *Simić P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 244; Dedijer V. Novi prilozii. Vol. III. S. 432, 434, 445.*

⁷ *Ridley J. Tito. A Biography. P. 308; Анисеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 188. См.: Heuser B. Western 'Containment' Policies in the Cold War. The Yugoslav Case, 1948–53. London; New York: Routledge, 1989.*

⁸ NARA. Lasefiche. CIA. Information Report, 08.05.1951.

Звон оружия

На заседании Политбюро, состоявшемся 4 декабря 1950 г., Тито оценил ситуацию как чрезвычайно серьезную. Он полагал, что «русские» используют своих «вассалов» и нападут на Югославию, поскольку в последнее время они вооружались ускоренными темпами и — что касается Венгрии и Болгарии — не заботясь о том, чтобы соблюсти ограничительные постановления Парижского мирного договора. Тито весной 1951 г. приказал издать «Белую книгу», которая должна была привлечь внимание международной общественности к агрессивной политике, проводившейся Советским Союзом¹. Когда же он понял, что без непосредственных контактов с администрацией Трумэна дело не сдвинется с места, то, после некоторых колебаний, естественных, учитывая психологические барьеры бывших партизан, решил предпринять «конкретные меры для получения поставок оружия»². Он послал в Вашингтон секретную миссию, в состав которой входили начальник Генерального штаба Коча Попович и Влатко Велебит³. Там он встретил доброжелательных собеседников, поскольку американские дипломатические и военные круги уже с ноября 1949 г. начали обсуждать, какой способ им выбрать для вооружения Югославии⁴. В последующие годы они уделяли большое внимание этой проблеме, так как их секретные службы вплоть до 1952 г. повторяли, «что необходимо рассматривать нападение на Югославию как реальную возможность»⁵. Югославы приняли американские «советы» относительно организации и дислокации своей армии, и это существенно способствовало укреплению хороших отношений между Белградом и Вашингтоном. Тито выполнил их требования разместить свои лучшие подразделения на территории Люблянских ворот и этим оказал большую услугу НАТО в плане обороны от вероятного вторжения советских дивизий в Северную Италию⁶.

¹ NARA. CREST. Central Intelligence Bulletin, Yugoslavia Charges USSR with Applying Military Pressure, 20.03.1951; *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. С. 49.

² *Ćosić D.* Piščevi zapisi. S. 18, 19.

³ NARA. CREST. CIA Report. 28.10.1950; Central Intelligence Bulletin. Tito Seeks Tanks and Artillery from the West, 17.05.1950; *Jakovina T.* Američki komunistički saveznik. S. 328–330.

⁴ *Pirjevec J.* Il gran rifiuto. S. 385; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 439; GWU. A Report to the National Security Council by the Executive Secretary. The Position of the United States with Respect to Yugoslavia, 27.02.1951. S. 1–4.

⁵ NIE-29/1. Review of the Conclusions of NIE-29 «Probability of an Invasion of Yugoslavia in 1951», 04.05.1951 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 119; NIE-29/2. Probable Developments in Yugoslavia and the Likelihood of Attack upon Yugoslavia, Through 1952, 04.01.1952 // Ibid. P. 127–132; *Velebit V.* Svjedok. S. 176, 177, 374.

⁶ NIE 15-61. Outlook For Yugoslavia, 23.05.1961 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 264; *Simić P.* Tito i NATO. Uspomen i pad druge Jugoslavije. Biblioteka «Sedma sila». Beograd: Novosti, 2008. S. 76.

«Для США выход Югославии из советской орбиты играет решающую стратегическую роль, — говорится в сообщении Совету национальной безопасности. — Занимая удачное стратегическое положение и имея армию, в которой более 30 дивизий, независимая Югославия может стать щитом для Запада в Восточном Средиземноморье и укрепить его мощь на более широком пространстве Африки и Ближнего Востока»¹. Американские генералы при этом считали, что для защиты Югославии можно использовать даже ядерное оружие, принимая во внимание тот факт, что Советский Союз тогда имел в своем распоряжении еще незначительный арсенал атомных бомб. Они полагали, что в случае нападения на «сателлитов» русские не стали бы отвечать контратакой на США с применением атомных бомб, а прибегли бы их только на тот случай, если бы произошло нападение на их собственную территорию².

Новые отношения с Западом принесли Югославии еще больше экономических кредитов, которые в июле 1951 г. были институционализированы в форме «трехсторонней помощи» США, Великобритании и Франции «на благо мира во всем мире и с целью укрепить югославскую экономику, усилить ее оборонительный потенциал и защитить ее независимость»³. Речь шла не только о финансовой поддержке и посылках продовольствия, прежде всего зерна, но и о крупных военных поставках, стоимость которых уже в начале 1950-х гг. превышала миллиард долларов⁴.

Советский Союз, конечно, заклеил эти связи как предательство социализма, причем особую активность в этом плане проявил В. М. Молотов. 22 июля 1951 г. в Варшаве он утверждал, что Югославия, находясь в тисках шпионов и преступников, уничтожающих свой народ, возвращается к многопартийному капитализму. Очевидно, чаша терпения Тито переполнилась, и 27 июля на праздновании дня восстания в Козаре он ответил резче, чем когда-либо прежде. Он не только встал на защиту своего режима, но и с необычной откровенностью напал на сталинскую диктатуру: «Какое он [Молотов. — *И. П.*] имеет право так говорить, когда является одним из главных руководителей государства, в котором проводится политика геноцида, в котором на глазах у всего мира уничтожаются целые народы?»⁵

В другой речи, произнесенной в то время, Тито отозвался о США так похвально, как никогда прежде, он провозгласил их единственным защитником свободы в мире. Он сравнил американскую политику с советской и высказал мнение, что Сталин, хотя и циничен до крайности, но умен и не нападет на Запад, поскольку понимает, насколько тот мощен. Эти дифирамбы вовсе

¹ GWU. A Report to the National Security Council by the Executive Secretary. The Position of the United States with Respect to Yugoslavia, 02.03.1951. P. 1.

² *Ridley J. Tito. A Biography.* P. 309, 310; *Heuser B. Western 'Containment' Policies.* P. 167.

³ NARA. 768.5-MSP/10-1854.

⁴ *Vlahović V. Strogo pov.* S. 27; *Dedijer V. Novi prilozi.* Vol. III. S. 577.

⁵ *Broz Tito J. Govori i članci.* Vol. VI. S. 73–75; NARA. CREST. Information Report, 09.09.1951; *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. С. 48.

не означали, что он отказался от проведения собственной политики также и в стратегической сфере. Когда американцы потребовали, чтобы югославская армия сосредоточила внимание прежде всего на защите Люблянских и Вардарских ворот, он не согласился и через Кочу Поповича сообщил, что ее долг — защищать всю территорию государства, а не только эти две точки, которые важны для Запада¹.

Вашингтону, стремившемуся включить Югославию в свои военно-политические структуры, такое независимое поведение, конечно, не понравилось. Уже следующим летом США, Великобритания и Франция послали Тито документ, оповещавший, что они больше не будут бесплатно оказывать ему экономическую помощь. В разговоре с американским послом Джорджем Ф. Алленом Тито заметил, что тон и дух документа его не устраивают, и что, если Запад не изменит своей позиции, то Югославия полностью откажется от его помощи, даже если ей придется «затянуть пояс»². Он позволил себе занять такую решительную позицию, поскольку знал, что может рассчитывать на широкую поддержку народных масс. Исследование, проведенное в 1951 г. американским и британским посольствами, показало, что Тито очень популярен, даже среди противников коммунизма. Самоуверенность и твердость, которые он выказал в кризисной ситуации, способствовали сплочению югославских народов вопреки всем этническим и идеологическим различиям между ними³.

В начале 1950-х гг. в Вашингтоне начали всерьез задумываться о том, что Югославию следует принять в НАТО, организацию, созданную летом 1949 г. для защиты Запада от Советского Союза. Американцы были убеждены, что в случае советского нападения Югославия «проявит себя отлично»⁴. Однако это намерение не осуществилось во многом из-за того, что итальянцы не могли смириться с мыслью, что Югославия будет обладать равными с ними правами в североатлантической кампании, та самая Югославия, с которой они всё еще боролись на дипломатической арене за контроль над Свободной территорией Триест⁵.

Однако и Тито не стремился вступить в НАТО, полагая, что присутствие западных сил на югославской территории может подорвать его режим⁶. На встрече с заместителем госсекретаря Государственного департамента Джорджем У. Перкинсом он между прочим сказал, что хочет остаться вне блоков, чтобы в случае агрессии с Востока югославы не могли бы обвинить

¹ NARA. CREST. Central Intelligence Bulletin. Tito Evidences pro-American Sentiment, 08.06.1951; Yugoslav Chief of Staff Concerned over West's Strategic Plans, 17.10.1951; Tito Considers Danger of Soviet Aggression Lessening, 03.01.1952.

² Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 202; *Bekić D.* Jugoslavija u hladnom ratu. Odnosis velikim silama 1949–1955. Zagreb: Globus, 1988. S. 415–416.

³ Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 216.

⁴ NARA. 768.5-MSP/11-1352; *Simić P.* Tito i NATO. S. 64, 65.

⁵ NARA. 768.5-MSP/10-2452; *Kardelj E.* Spomini. S. 144.

⁶ TNA.WO 106/6087; *Jakovina T.* Američki komunistički saveznik. S. 337, 338, 346.

его в том, что она вызвана его слишком дерзкой политикой¹. Таким образом в результате довольно сложных, а временами и напряженных, дипломатических переговоров было принято компромиссное решение. В ноябре 1952 г. в Белграде были организованы переговоры между генералом Томасом Т. Хэнди, руководителем американско-британско-французской военной делегации, и генералом Пеко Дапчевичем. В ходе этой встречи, на которой югославы должны были раскрыть свои стратегические планы, Хэнди не был готов предоставить им гарантии на случай советского нападения, ранее уже обещанные Западом. Он даже дал понять, что в этом случае речь шла бы только о «локальной войне». Как сказал Тито на заседании ЦК 27 ноября 1952 г., «Запад отнесся к нам как к зависимому государству». «Они хотели узнать о наших планах, а взамен ничего не дать!»²

Несмотря на временное охлаждение отношений, американцы настойчиво продолжали укреплять свой «санитарный кордон» против Восточного блока. Так, они поставили на вооружение югославской армии 200 реактивных самолетов F-84, а также проводили обучение ее пилотов на своих базах и послали в Югославию своих военных советников. Победа республиканской партии на президентских выборах в конце 1952 г. и приход генерала Дуайта Эйзенхауэра в Белый дом, а Фостера Даллеса — в Государственный департамент не привели к существенным переменам в отношении США к Югославии. Это подтверждает тот факт, что Коча Попович встретился с будущим президентом еще 10 июля 1951 г., когда он еще был Верховным главнокомандующим НАТО. Они пришли к полному взаимопониманию³.

Уже в начале 1951 г. Тито при посредничестве американского журналиста С. Л. Сульцбергера тайно установил контакты с греческим королем Павлом и с командующим греческого Генерального штаба, чтобы сообщить им о своей готовности сотрудничать с афинским правительством в сфере обороны. Далее последовали формальные переговоры с премьером Софоклисом Венизелосом, красноречиво свидетельствовавшие о том, насколько далеко готов зайти Тито в случае советской агрессии. Оба государства даже разработали совместный план — в случае войны занять Албанию, разделить ее между собой и таким образом обезопасить себе тылы. Американцы одобрили эти контакты. В 1953–1954 гг. администрация Эйзенхауэра содействовала заключению Балканского союза между Грецией и Турцией — членами Североатлантического союза — и Югославией⁴. По инициативе Великобритании

¹ NARA. CREST. Central Intelligence Bulletin. Yugoslavia. Tito Desires to Remain Aloof from West, 19.02.1951.

² *Rajak S.* In Search. P. 11; *Idem.* Yugoslavia and the Soviet Union in the Early Cold War. Reconciliation, Comradship, Confrontation, 1953–1957. London: Rutledge, 2011. P. 33; *Анукеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 227.

³ AS. Dedijer. Т. е. 3; *Simić P.* Tito i NATO. S. 73; *Jakovina T.* Američki komunistički saveznik. S. 330, 331.

⁴ *Sulzberger C. L.* “We Are Going Towards The Death of All Isms” // The New York Times Magazine. 1968. 09.06; NARA. 768.5-MSP/1-1053; GWU. National Security Council.

28 февраля 1953 г. эти государства подписали в Анкаре «Договор о дружбе», целью которого было укрепить юго-восточное Средиземноморье для противостояния возможной советской агрессии. Помимо проведения регулярных совещаний по политическим вопросам договор предусматривал также консультирование и координацию деятельности трех генеральных штабов. После официальных визитов Тито в Анкару и Афины в феврале и июне 1954 г., 9 августа 1954 г. на Бледе Югославия подписала с обеими странами двадцатилетний «Балканский пакт» о взаимной помощи в случае агрессии по отношению к любой из них. Так она опосредованно стала частью того пояса безопасности, который Вашингтон пытался затянуть вокруг советского блока в южной Европе, а также застраховалась от возможных ударов с итальянской стороны. Югославия получила те же гарантии безопасности и взяла на себя те же обязательства, как если бы формально входила в НАТО, хотя ее армия не была подчинена иностранному командованию¹. «Не знаю, защитит ли нас этот пакт, — говорил Тито еще в ходе переговоров, — но это хорошее предостережение Сталину, чтобы он не делал глупостей на Балканах, поскольку этим он развяжет третью мировую войну»².

Обострение вопроса о Триесте и его решение

Следует отметить еще один важный результат американской внешней политики, направленной на усиление южного крыла сил союзников в адриатическо-дунайском пространстве, а именно Лондонский меморандум, подписанный 5 октября 1954 г. На его основе Югославия и Италия, опустив серьезные расхождения предыдущих лет, разделили Свободную территорию Триест. Это решение спорного вопроса, который до тех пор не давал возможности Западу полностью использовать сотрудничество Югославии с его оборонными структурами, должно было заложить основы будущего дружеского сотрудничества между соседними государствами³.

Из-за триестского конфликта Тито в послевоенные годы враждебно относился к Италии и обвинял ее в том, что она вынашивает империалистические планы относительно югославской территории с Далмацией включительно. Опасное обострение конфликта произошло в августе 1953 г., после того как правительство Альчиде де Гаспери сменилось правым правительством Джузеппе Пелла. Уже в своей вступительной речи в парламенте последний

United States Policy towards Yugoslavia, 26.01.1954. P. 4, 21; *Kardelj E.* Spomini. S. 144; NARA. CREST. CIA Office of Current Intelligence Daily Digest, Yugoslav Demarche to Greece, 06.04.1951; Greece. Reported Greek Proposal to Partition Albania Clarified, 16.04. 1951.

¹ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 438; *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 232–246; *Simić P.* Tito i NATO. S. 77.

² AS. *Dedijer.* Т. е. 252. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 343.

³ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 627, 628; GWU. National Security Council. United States Policy towards Yugoslavia, 26.01.1954.

потребовал от западных союзников осуществления «Трехсторонней ноты» от 18 марта 1948 г., предлагавшей Советскому Союзу ревизию мирного договора по вопросу о Свободной территории Триест. Она должна была полностью вернуться под итальянский суверенитет. С марта 1948 г., когда Югославия еще являлась членом советского блока, по август 1953 г., когда она *de facto* была включена в западный, обстоятельства изменились коренным образом, чего итальянцы, исходя главным образом из внутривнутриполитических соображений, не желали учитывать. Пелла перешел от слов к делу: он приказал переместить три бронированные дивизии и группу парашютистов на тактические базы близ Горицы и Тржича, на границу с зоной А и Югославией. Он не известил об этом командование НАТО, хотя и должен был это сделать, более того, за спиной союзников он даже разработал план операции «Дельта», согласно которому его отряды начали бы наступление на Триест и оккупировали его. Поскольку следовало ожидать пограничных столкновений с югославскими подразделениями, в римском генеральном штабе без колебаний думали и о более широком военном вмешательстве, которое распространилось бы на всё Приморье¹.

На этот вызов Тито ответил одной из своих самых знаменитых речей. По поводу десятилетней годовщины итальянской капитуляции 6 сентября 1953 г. он выступил на крупном партизанском митинге в Окроглице недалеко от Новой Горицы и заявил, что югославы не боятся «итальянских героев», размахивающих «деревянной саблей». Эти слова еще подлили масла в огонь и убедили англо-американцев, что проблему Триеста невозможно решить без их вмешательства. Они постановили передать зону А, находящуюся под их управлением, Италии, а зону Б оставить Югославии. Когда об этом решении одновременно, 8 октября, сообщили Пелла и Тито, последний отреагировал спокойно, хотя и считал, что итальянцы не удовольствуются зоной А и продолжают выдвигать свои ирридентистские требования. А это означало, что «двусторонняя нота» не сможет снять напряженность в отношениях между странами. Несмотря на то что Тито с улыбкой попрощался с американским и британским дипломатами, известившими его о декларации своих правительств, он был оскорблен тем, что его поставили перед свершившимся фактом; собственно говоря, он расценил его как «диктат». Более того, итальянцы провозглашали ее своей победой, что он воспринял как «подсечку». Он чувствовал, что союзники его обманули: «Мы не можем продать родину за помощь», — утверждал он. А поскольку он к тому же находился под давлением левых кругов СКЮ, упрекавших его в том, что его политика сближения с Западом не принесла плодов, в следующие дни он дал чрезвычайно жесткий ответ. 10 октября 1953 г. в Лесковце перед многотысячной толпой народа он пригрозил, что Югославия, если потребуется, будет защищать свои интересы с помощью армии, так как «расценит вступление итальянских войск в зону А как агрессию». Он говорил «очень громко,

¹ *Pirjevec J.* «Trst je naš!» S. 433.

взволнованно и с небольшим придыханием, так что временами ситуация казалась элементарной, простой, почти дискомфортной», — писал Эдвард Коцбек¹. В тот же день и на следующий в Скопье, где он повторил угрозу, что «в тот момент, когда первый итальянский солдат войдет в зону А, туда также вступит наша армия», он заявил, что Югославия готова отказаться от американской и британской помощи, если ее условием будет принятие двусторонней ноты. Тем временем в Белграде и других югославских городах произошли манифестации, отчасти спонтанные, отчасти срежиссированные, и их участники более или менее убежденно кричали: «Дайте нам ружья, мы идем в Триест! Жизнь отдадим, а Триест не отдадим!» Началась оживленная агитация в прессе, росту напряженности способствовало и решение Тито издать указ о призыве 90 тыс. резервистов и об укреплении подразделений югославской армии в Приморье.

На итальянско-югославской границе подул ветер войны, что обеспокоило протагонистов этих событий. Тито сам позаботился о том, чтобы разрядить обстановку. Как и в самые трудные моменты в прошлом, в тот раз он взял дело в свои руки и через шотландского боевого товарища Фицроя Маклина послал 25 октября 1953 г. недвусмысленное сообщение в Лондон и Вашингтон: он подчеркнул, что не может принять никакого диктата со стороны союзников, так как это ослабило бы его позиции на родине. Он сказал, что те члены партии, которые недовольны его политикой сближения с Западом, уже твердят, что англо-американские друзья его предали, и русские сумеют как следует этим воспользоваться. Поэтому ему пришлось принять решение о проведении более радикальной политики, чем прежде, что, впрочем, не означает, что он не готов пойти на компромисс. Он считал, что можно принять раздел спорной территории в соответствии с уже намеченными границами между зонами А и Б, но при этом потребовал для Югославии помимо территории, которую она уже имела, еще и подходящий порт рядом с Триестом. Также он добавил, что если союзники при заключении договора обяжутся не поддерживать никаких дополнительных итальянских требований, это может разрешить конфликт².

2 февраля 1954 г. в Лондоне начались секретные переговоры между югославским послом Влатко Велебитом, помощником заместителя секретаря Foreign Office Джеффри В. Харрисоном и американским послом в Вене Ллевеллином Э. Томпсоном. Они стали итогом интенсивной работы дипломатов, которая велась за кулисами с середины января и основывалась на постулате, что необходимо найти решение, которое для югославов было бы лучше, а для итальянцев — не хуже, чем «двусторонняя

¹ Narodna in univerzitetna knjižnica. Ljubljana. Arhivski oddelek. E. Kocbek. Dnevnik 1953. 10.10.1953; NARA. CREST. Memorandum for the record. Conversation between Congressman John Blatnik and the DCI, 12.11.1953; *Pirjevec J.* «Trst je naš!» S. 440.

² TNA. FO 371/10787; NARA. CREST. Current Intelligence Weekly. Yugoslav Reaction to the American-British Announcement on Trieste, 16.10.1953.

нота» 8 октября 1953 г.¹ Именно поэтому переговоры затянулись до конца сентября 1954 г., и президенту Эйзенхауэру даже пришлось в них вмешаться. Камнем преткновения стало изменение границ между зонами А и Б в пользу югославов, которое вызвало бурю страстей. Чтобы ее успокоить, американский президент послал из Вашингтона в Белград и Рим помощника заместителя госсекретаря Роберта Мёрфи, знакомого с Тито еще со времен войны. Особую значимость этому визиту придавало то, что вашингтонский дипломат имел самый высокий ранг из всех, кто до того времени посещал Югославию. Когда 14 сентября 1954 г. Мёрфи прибыл в Белград, у него состоялся предварительный разговор с Карделем и Бемблером, который нельзя было назвать особо обнадеживающим. Мёрфи пытался найти выход из территориального тупика, предложив финансовую помощь и поставки зерна, крайне необходимого Югославии. И услышал классический югославский ответ: «Президент скорее сказал бы людям, что они будут голодать в этом году, чем что им обеспечат еду ценой отказа от национальной территории»². Тито, польщенный тем, что Эйзенхауэр послал ему личное письмо, в котором похвалил его за государственную мудрость, был больше склонен к примирению³. Факт, что американский президент оказал ему такое внимание, очень тешил его самолюбие и, вероятно, сыграл решающую роль в выходе переговоров из тупика. Хотя он снова подчеркнул, что в этом вопросе «с внутривластной точки зрения заложен динамит», однако согласился на территориальные изменения, которых требовали итальянцы. И вызвал этим резкие возражения со стороны Карделя. После нескольких дней бурных дебатов Мёрфи 18 сентября отправился в Рим с приемлемыми для итальянцев территориальными предложениями⁴.

В конце сентября договор был окончательно составлен в деталях. Его подписали в штаб-квартире Foreign Office в Лондоне 5 октября 1954 г. Британский министр иностранных дел Энтони Иден с удовлетворением констатировал, что это «публичный договор, которого достигли секретными методами», что не вполне соответствовало действительности, ведь к основному тексту прилагался ряд писем, так и не ставших достоянием общественности. Прежде всего остался открытым вопрос о его характере, ведь этот международный договор юридически не упразднил Свободную территорию Триест, хотя фактически это сделал⁵. Это был двусмысленный дипломатический ход: 21-й пункт Парижского мирного договора не подвергался пересмотру

¹ *Velebit V. Svjedok*. S. 186–189.

² NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 8. Bilten 691. 15.10.1954. S. 1.

³ *Cambell C.J. Successful Negotiation: Trieste 1954 — An Appraisal by the Five Participants*. New Jersey: Princeton University Press, 1976. P. 18, 168, 169.

⁴ TNA. FO 371/112740 WE 1015/418; FO 371/112739 WE 1015/402; FO 371/112739WE 1015/403; *Pirjevec J.* «Trst je naš!» S. 475; NARA. CREST. Central Intelligence Bulletin. Tito makes significant Trieste concession, 21.09.1954.

⁵ TNA. FO 371/112742 WE 1015/482.

за исключением того, что произошла замена «временной» администрации обеих зон СТТ с военной на гражданскую, а в зоне А итальянцы сменили англо-американцев¹.

Тито был в целом удовлетворен Лондонским меморандумом, говоря, что словенцы и Кардель и не надеялись получить Копер: «Мы боролись решительно и получили максимум. В этой ситуации Триест потерял для Италии важное значение, прежде всего стратегическое...»²

Через месяц Вукманович — Темпо отправился в Вашингтон на переговоры об экономической помощи США. Из-за своего вспыльчивого характера он вступил в конфликт с послом Робертом Мёрфи, который, впрочем, для югославов разрешился благоприятно. Помимо 400 тыс. тонн пшеницы, уже обещанной им американцами, они выторговали еще 450 тыс. тонн. Также югославы наладили связи с Международным банком реконструкции и развития, который должен был одобрить белградскому правительству кредит на модернизацию сельского хозяйства и реструктурировать среднесрочные долги. Короче говоря, Вашингтон дал Югославии гарантии, что не допустит ее экономического краха³.

Смерть Сталина и нормализация отношений с Москвой

Вероятно, включение Югославии в западные политические структуры продолжалось бы и дальше, ведь Тито даже говорил о возможном присоединении к «Европейскому оборонительному сообществу», создание которого планировалось в начале 1950-х гг.⁴, если бы не неожиданная смерть Сталина от кровоизлияния в мозг 5 марта 1953 г.⁵ Свою пропагандистскую войну против Тито Сталин вел, так сказать, до последнего вздоха; по инерции она продолжалась и после его смерти. С 1948 по 1955 г. в «народных демократиях» прошло около 40 громких процессов против «титоилов», не говоря уже о тысячах людей, которых преследовали за их проюгославские позиции⁶. Еще в ноябре 1952 г. в Праге был организован крупный процесс, на котором генерального секретаря КП Чехословакии Рудольфа Сланского, бывшего министра иностранных дел Владимира Клементиса и других высокопоставленных представителей власти обвинили в титоизме, шпионаже и других вымышленных преступлениях. Они признались во всем и были приговорены к смертной казни или длительному тюремному заключению⁷. В первые

¹ Pirjevec J. «Trst je naš!» S. 477.

² Čosić D. Pišcevi zapisi. S. 202; Аникиев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 230.

³ Vukmanović-Tempo S. Revolucija teče dalje. S. 185–193; Rajak S. Yugoslavia and the Soviet Union in the Early Cold War. P. 97.

⁴ Nenadović A. Razgovori s Kočom. S. 118, 119.

⁵ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 72.

⁶ Rajak S. The Cold War. P. 391.

⁷ Ridley J. Tito. A Biography. P. 315; AS. Dedijer. Т. е. 126; Marović M. Sumrak staljinizma. Knj. II. Beograd: Sloboda, 1978. S. 577.

дни и месяцы после похорон Сталина количество пограничных инцидентов между Югославией и странами-сателлитами не уменьшилось, а даже увеличилось¹.

Пока *хозяин* был жив, он не довольствовался преследованием «титовцев» и инсценировкой вооруженных инцидентов на югославской границе. Как известно из советских источников, в последние годы жизни он при помощи своих секретных агентов сделал всё, чтобы и физически уничтожить Тито, но успеха не достиг. По сведениям ЦРУ, Сталин поручил ликвидировать Тито в течение трех месяцев после января 1953 г.² Среди планировавшихся агентами КГБ многочисленных покушений выделяются своей изобретательностью те, в которых был задействован Йосиф Р. Григулевич — Макс, посол Коста-Рики в Италии и Югославии, работавший под именем Теодоро Б. Кастро, на самом же деле являвшийся одним из сталинских убийц. (Он был замешан также в первой попытке покушения на Троцкого.)³ Поскольку благодаря своему дипломатическому статусу он имел возможность доступа к Тито, то предложил убить его. На тайной встрече со своим московским начальством в Вене он предложил четыре возможных способа убийства «Падальщика», как по-новому стали называть «Орла». Первый вариант был необычным: Григулевич должен был во время приема выстрелить в него из особого приспособления бактериями легочной чумы. (Сам бы он сделал от нее прививку.) Второй предусматривал нападение на Тито во время его визита в Лондон. В югославском посольстве, куда бы «Кастро» получил приглашение, он бы застрелил маршала и обеспечил себе безопасный отход, взорвав бомбу со слезоточивым газом. Аналогичным способом Григулевич совершил бы «теракт» с помощью слезоточивого газа в день, когда Тито должен был принять дипломатических представителей иностранных государств в Югославии. Согласно четвертому плану, он собирался подарить Тито шкатулку с драгоценными камнями, из которой произошел бы выброс отравляющего газа в тот самый момент, как он бы ее открыл. Себя он обезопасил бы, приняв антидот⁴. Хотя Сталин одобрил предложение Григулевича совершить убийство, ни одна из этих попыток не была предпринята,

¹ AS. Dedijer. T. e. 244. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Trinajsto poglavje. S. 483; *Rajak S.* Yugoslavia and the Soviet Union. P. 40, 47.

² NARA. CREST. Comment on FBI Report, 10.02.1953.

³ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 448. В 1956 г. югославы подготовили документацию о работе советской разведывательной службы в 1948–1955 гг. Так как и у Советского Союза имела подобная документация о югославских агентах в СССР, делу не дали хода.

⁴ Как сообщали *Известия*, смерть Сталина положила конец подготовке к покушению на Тито. См.: *Primorski dnevnik*, 13.06.1993; *Mlakar B.* Sovjetski načrt atentata na Josipa Broza. Tita rešila Stalinova smrt? // *Delo*. 1998. 11.07; *Kranjc M.F.* Zarote in atentati na Tita. S. 267–270; NARA. CREST. Central Intelligence Bulletin. Plan to Assassinate Tito while in England Reported, 19.03.1952; *Jakovina T.* Američki komunistički saveznik. S. 319.

возможно, из-за того, что служба безопасности Тито сразу же после войны была сформирована по образцу сталинской и поэтому работала чрезвычайно успешно¹.

1 марта 1953 г. агенты КГБ на встрече, состоявшейся около полуночи, сообщили Сталину о планах Макса, которые, однако, не показались *хозяину* полностью убедительными. Он полагал, что надо еще раз всё взвесить и что лучше использовать для ликвидации Тито «внутренние конфликты» в самих югославских верхах. Очевидно, он рассчитывал на возможность того, что убийца будет из ближайшего круга маршала. Во всяком случае, донесение о замыслах Григулевича было последним документом, который он держал в руках перед тем, как ранним утром его разбил роковой инсульт². После смерти Сталина в его сейфе нашли несколько писем, представлявших для него особую важность. Среди них был листок с сообщением от Тито, что сталинские агенты пытались с ним расправиться всеми возможными средствами: стрелковым оружием, отравой и кинжалом. Но безуспешно. «А я пошлю только одного, и он не ошибется». Навсегда останется тайной, была ли то пустая угроза или же предупреждение как-то связано с неожиданным инсультом Сталина. Вряд ли Тито высказал бы угрозу, если бы не был готов ее осуществить. Как Сталин имел в кругу Тито своего агента «Вала», генерал-майора Мому Джурича, так, по всей вероятности, и у маршала были свои люди в Кремле. Нельзя пренебречь и тем фактом, что Лаврентий Берия, кровожадный сталинский министр внутренних дел, с самого начала выступал против конфликта с Тито, и даже после 1948 г. продолжал поддерживать связи с Белградом³. Они с Тито познакомились в конце сентября 1944 г. на даче *хозяина*, где, по русскому обычаю, тосты следовали один за другим. Тито, который во время войны не привык к такому количеству алкоголя, стало плохо. Он поспешил во двор (или в ванную), и там его вырвало. Неожиданно у него за спиной возникла тень. Это был Лаврентий Берия, который шепнул ему: «Не бойся, это всего-навсего твой друг, маленький полицейский»⁴. Принял ли Тито эту «дружескую инициативу»? В любом случае Берия попал в опалу у Сталина и боялся, что его постигнет та же судьба, что и его предшественников на посту главы секретных служб Ягуду и Ежова. В те часы, когда *хозяин* лежал в коме, он сделал всё, чтобы врачи не смогли вовремя оказать ему

¹ Adamović M. Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito i pokušaji atentata. Beograd: samozaložba, 2004.

² Судоплатов П. А. Разведка и Кремль: записки нежелательного свидетеля. М.: Гея, 1996. С. 390–392; *Его же*. Тайная жизнь генерала Судоплатова. Правда и вымыслы о моем отце. Кн. 2. М.: Современник; Олма-Пресс, 1998. С. 340–349; Cold War History Project. URL: <http://ciwihp.si.edu>; Alibek K., Halderman S. Biohazard. New York: Delta, 2000. P. 172–173; Kramer M. Stalin, Soviet Policy. S. 29.

³ Caprara M. Quando le Boteghe. S. 140, 141; Pajetta G. C. Le crisi che ho vissuto. Roma: Editori Riuniti, 1982. S. 29–40.

⁴ Bragg Rich M. The Life of Richard Burton. London: Hodder and Sloughton, 1988. P. 368; Dedijer V. Novi prilozii. Vol. III. S. 582.

помощь¹. Павел Судоплатов, специалист по «мокрым делам» (политическим убийствам), был уверен, что Сталина убили люди Берии. И сын Сталина тоже². Во всяком случае, когда пришло известие о смерти советского вождя, Тито не скрывал своего удовлетворения. На вопрос о том, как он его воспринял, он ответил: «Известие <...> я получил вместе с депешей, в которой мне сообщили, что мой пес Тигр очень болен. Мне было очень жалко Тигра. Он был прекрасным псом...»³

* * *

Фактически международное положение Югославии после смерти Сталина изменилось коренным образом, ведь новое московское руководство уже весной 1953 г. начало налаживать контакты с Белградом и выказывать готовность к нормализации отношений. Первый признак оттепели можно было заметить уже во время похорон Сталина, когда заместитель министра иностранных дел Я. А. Малик подошел к югославскому поверенному в делах Драгое Джуричу и на виду у всего дипломатического корпуса пожал ему руку⁴. Югославы также прилагали усилия в этом направлении, действуя в соответствии со стремлением Тито разрешить конфликт. Поэтому, получив известие о смерти Сталина, югославское правительство решило послать Велько Мичуновича, заместителя Карделя в Министерстве иностранных дел, в советское посольство. Тот выразил поверенному в делах соболезнования от лица югославского руководства (вовсе не искренние). Вскоре после этого стали появляться новые обнадеживающие знаки, свидетельствовавшие о готовности Москвы к диалогу. Советский министр иностранных дел Молотов 29 апреля, в первый раз после 1948 г., принял югославского поверенного в делах в Москве Джурича и говорил с ним в течение 10 минут⁵.

Первого мая в традиционном обращении ЦК КПСС не было приветствий членам Информбюро, а через несколько дней советские дипломаты в Нью-Йорке подошли к югославским коллегам, сказали им, что русские и югославы — самые храбрые народы в мире, и намекнули на возможность того, что они снова подружатся: может быть, сначала в сфере спорта... Не прошло и месяца, и уже 6 июня по инициативе Молотова были восстановлены дипломатические отношения⁶. Тито отнесся к этим шагам настороженно,

¹ *Medvedev R., Medvedev Z. The Unknown Stalin. His Life, Death and Legacy. New York: The Overlook Press; Woodstock, 2004. P. 69, 70; Волкогонов Д. А. Сталин. Политический портрет. М.: Новости, 1996. Кн. 2. С. 598, 599.*

² *Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. С. 172, 173; Kramer M. Stalin, Soviet Policy. S. 29.*

³ *Ćosić D. Pišćevi zapisi (1951–1968). S. 197; NARA. CREST. Central Intelligence Bulletin. Tito Predicts Weakened Soviet regime and sees possibility of Satellite defection, 07.03.1953.*

⁴ *Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. С. 59, 60.*

⁵ *Rajak S. Yugoslavia and the Soviet Union. P. 44, 45.*

⁶ *Rajak S. New Evidence from the former Yugoslav Archives. The Tito-Khrushchev Correspondence 1954 // Cold War International History Project. Bulletin. Iss. 12/13.*

но не отказывался от возможности вести диалог. Уже весной 1953 г. он заявил на пресс-конференции: «Мы в Югославии были бы счастливы, если бы [Советский Союз] однажды признал, что обращался с нашей страной неподходящим образом. Нас бы это порадовало. Подождем, посмотрим»¹.

Долго ждать не пришлось, поскольку и в Москве, и в странах-сателлитах события развивались быстро. Все, за исключением Польши, восстановили дипломатические отношения с Югославией, начался небольшой экономический обмен, был заключен договор о плавании по Дунаю, а пограничных инцидентов становилось всё меньше. Увядала и антититовская пропаганда. Тем временем 25 июня 1953 г. Л. П. Берия встретился с председателем Совета министров Г. М. Маленковым и договорился о том, чтобы его представитель в белградском посольстве передал Ранковичу собственноручно написанное им послание. Оно гласило: «Пользуюсь случаем, чтобы передать Вам, товарищ Ранкович, большой привет от товарища Берии, который хорошо помнит Вас. Товарищ Берия поручил мне сообщить лично Вам строго конфиденциально, что Маленков, Берия и их друзья стоят за необходимость коренного пересмотра и улучшения взаимоотношений обеих стран. В связи с этим товарищ Берия просил Вас лично информировать об этом товарища Тито и, если Вы и товарищ Тито разделяете эту точку зрения, то было бы целесообразно организовать конфиденциальную встречу особо на то уполномоченных лиц. Встречу можно было бы провести в Москве, но если вы считаете это почему-либо неприемлемым, то и в Белграде. Товарищ Берия выразил уверенность в том, что об этом разговоре, кроме Вас и товарища Тито, никому не станет известно»².

Этого послания Ранкович так и не получил. Уже на следующий день, 26 июня, Берию арестовали на заседании Президиума ЦК КПСС, а попытка нормализации отношений между Москвой и Белградом сорвалась. Поступок ненавистного сталинского палача его бывшие товарищи даже расценили как доказательство того, что у него был план установить контакты с «империалистами», т. е., как сказал Молотов, он — «агент, классовый враг». Они обвинили Берию в том, что он под влиянием Тито даже собирался создать в СССР двухпартийную систему, и попытка в борьбе за власть найти поддержку у «черчиллей, даллесов или тито-ранковичей» являлась еще одним подтверждением его предательства³. Эти слова, имевшие целью как можно больше увеличить груз вины Берии и тем самым оправдать его смертный

2001. Fall/Winter. P. 315; *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 251; AS. Dedijer. T. e. 244. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Trinajsto poglavje. S. 480–482.

¹ AS. Dedijer. T. e. 244. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Trinajsto poglavje. S. 484; *Rajak S.* Yugoslavia and Soviet Union. P. 41.

² Цит. по: *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. С. 107; *Zubok V., Pleshakov C.* Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Khrushchev. Cambridge: Harvard University Press, 1996. P. 158, 159.

³ *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. С. 112–114.

приговор, не оказали существенного влияния на развитие отношений между Москвой и Белградом. Процесс нормализации продолжался. 22 сентября 1953 г. в советскую столицу прибыл новый югославский посол Добривое Видич, который начал проводить продуманную дипломатическую акцию с целью улучшения межгосударственных отношений, конечно, без какой-либо идеологической подоплеки. В Москве в то время Тито считали не «товарищем», как хотел Берия, а по-прежнему «господином». Так как о попытке Берии восстановить отношения между государствами ничего не знали, то и не жалели о нем. Наоборот. Его падение Тито охарактеризовал как «прогрессивный шаг»¹. Любопытен и комментарий Ранковича: «Что касается Берии, думаю, что тут самое важное — поставить полицию под контроль партии». Он и не подозревал, что через тринадцать лет и сам лишится власти по той же причине, хотя и не так драматично, как палач Сталина².

Во второй половине 1953 г. борьба за власть в Кремле продолжалась. Пришлось дожидаться еще падения председателя советского правительства Г. М. Маленкова в конце февраля 1955 г. и прихода к власти Никиты Сергеевича Хрущева, чтобы произошел решающий сдвиг в югославо-советских отношениях. Еще в 1949 г., на праздновании 70-летия *хозяйина* Хрущев превозносил его «борьбу не на жизнь, а на смерть» против всевозможных ревизионистов с «тито-ранковичевской бандой убийц и шпионов» включительно³. Однако, оказавшись у власти, он сразу же изменил свою точку зрения. Он был уверен, что сможет преобразовать внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза таким образом, чтобы прекратить конфликт с Югославией. Помимо прочего, нужно было предотвратить окончательное присоединение последней к западному блоку, а ее сближение с НАТО указывало на эту тенденцию⁴. Без малейшего смущения или стыда он стал проводить ту же политику, какую в предыдущем году пытался проводить Берия.

Оттепель

Осуществлять эту политику было не так уж просто из-за того, что машина советской пропаганды годами ставила режим Тито на одну доску с наихудшим ревизионизмом, и поскольку после 1949 г. в Югославии произошли идеологические сдвиги, направленные на полное отторжение советской системы. Югославские идеологи сначала открыто выступили с осуждением внешней политики Сталина, которую в своем кругу критиковали еще до исключения КПЮ из Информбюро, считая ее «гегемонистской», копирующей политику

¹ Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. С. 122; *Rajak S. Yugoslavia and the Soviet Union*. P. 49, 50.

² AS. Dedijer. Т. е. 244. Типkopis za IV. zvezek Titove biografije. Trinajsto poglavje. S. 487–491.

³ *Ridley J. Tito. A Biography*. P. 318.

⁴ PA. B 12. Bd. 585/7; TNA. FO 371/Ry 1018; FO 371/Ry 1631; FO X371/95538; *Dedijer V. Novi prilozci*. Vol. III. S. 543, 544, 572; *Rajak S. Yugoslavia and the Soviet Union*. P. 68.

царской России на Балканах и поэтому не имеющей ничего общего с социализмом. Об этом красноречиво свидетельствует параллель, которую Кардель провел между Наполеоном и Сталиным. «Народы, ожидавшие освобождения от французов, — сказал он, — пережили глубочайшее разочарование, так же как сейчас народы Восточной Европы»¹. Еще лаконичнее был его ответ на вопрос, в чем заключалась истинная причина исключения КПЮ из Информбюро: «Чингисхан!»² После этого первого шага в критике советского режима руководители Югославии сделали и следующий и задались вопросом, всё ли в порядке с самим режимом, при котором вся власть у партии, а рабочий класс ее не имеет. Кидрич уже в 1935 г., когда приехал в Москву, постоянно брюзжал по поводу колоссальной советской бюрократии, так что Кардель был вынужден предостеречь его, чтобы он говорил осторожнее³. После войны Кидрич, став членом правительства, оказывал решающее влияние на формирование у него критического отношения к Советскому Союзу, стране, в которой, по его мнению, не было культуры⁴. В поисках причин, которые привели к конфликту между КПЮ и КПСС, и в убеждении, что последняя идет чуждым им путем «азиатского» типа, югославские руководители снова стали перечитывать классиков, прежде всего Маркса и Энгельса, и открыли «европейский» путь к социализму, который должен основываться не на насилии и бюрократии, а на как можно более свободной организации общества. В нем каждый индивидум принимал бы решение о результатах своего труда, что способствовало бы развитию истинной демократии, намного более полной, чем та, которую провозглашали на Западе. При этом они ссылались на опыт народно-освободительной борьбы, полагая, что в преобразовании югославского общества легко найти «много специфических черт, которые можно с пользой применить в революционном развитии других стран». Они объяснили Москве свою позицию в первом письме в начале раскола, 13 апреля 1948 г.: «Это не значит, что мы бросаем тень на роль ВКП(б), на общественную систему в СССР. Напротив, мы изучаем и принимаем в качестве примера советскую систему, но речь идет лишь о том, что в нашей стране мы строим социализм в несколько иных формах. <...> Мы делаем это не для того, чтобы доказать, что наш путь лучше того, каким идет Советский Союз, не выдумываем что-то новое, а делаем то, что подсказывает жизнь»⁵.

Это было в 1948 г. А через год они стали еще более дерзко отклонять советскую модель и искать новые пути социального развития. После травматического опыта исключения они начали осознавать опасность того, «что

¹ AJ. 837. KPR. IV-5-b. K 49. Sečanje Tita na robiju i literaturu koju je tada čitao. Zabeleška J. Vilfana, 21.12.1953.

² *Stanovnik* J. Viharno stoletje / Ur. I. Kušan. Ljubljana: Ustanova Franc Rozman-Stane, 2013. S. 168.

³ AJ. 837. KPR. IV-5-b. K 49. Sečanje Tita na robiju i literaturu koju je tada čitao. Zabeleška J. Vilfana, 21.12.1953.

⁴ Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 350.

⁵ Там же. С. 373.

прогрессивный централизм революции начнет деформироваться в консервативный централизм бюрократического произвола». «И ранее, — писал Кардель, — мы противостояли этим тенденциям, но недостаточно последовательно и недостаточно решительно. Анализ причин агрессии Сталина по отношению к КПЮ научил нас тому, что мы должны перейти к радикальным способам в борьбе против опасности, угрожающей революции»¹.

Сначала Тито не понимал, что Сталину следует дать ответ и на идеологическом уровне. Карделю и Джиласу пришлось убеждать его в этом, говоря, что нужно критически относиться к советской системе, которой якобы присущи черты государственного капитализма. В этом их поддержали Борис Кидрич, Владимир Бакарнич и другие товарищи, считавшие, что конфликт является отражением кризиса ленинизма и советской модели сталинизма, и что это нужно четко высказать. Осуждая бюрократизм, в котором погрязла КПСС, они постоянно предупреждали об опасности того, что и югославская система может попасть в этот капкан. Хотя «практики» — Тито и Ранкович — осознавали эту проблему в меньшей степени, но и они начали сомневаться в догмах, в которые верили до тех пор². О том, насколько критически стали относиться верхи КПЮ к Сталину и его доктрине, свидетельствуют комментарии, сделанные Владимиром Бакарничем при чтении статьи Сталина «Экономические проблемы социализма», опубликованной в московском журнале *Большевик* 3 октября 1952 г.: «Антимарксизм и примитивизм», «Ха-ха-ха», «Болван»³. Еще более показательным является заключение Карделя, что конфликт со Сталиным в сущности является столкновением старой закостенелой контрреволюции с молодой социалистической революцией, каковой и является югославская⁴.

* * *

Советский Союз, конечно, не упускал из виду, что в Югославии, несмотря на весь радикализм некоторых руководителей и красивые слова о «самоуправлении», у власти прочно стоят коммунисты, с которыми можно вести переговоры⁵. Но процесс восстановления отношений не был простым, ведь в Белграде всё еще испытывали большое недоверие к Москве и обиду на нее.

Впрочем, несмотря на первоначальное недоверие югославам, в последующие месяцы советские власти предприняли ряд попыток «нормализации» отношений. Югославский вопрос бурно обсуждался на заседании президиума ЦК КПСС, и было одобрено решение Н. С. Хрущева 31 мая 1954 г. от имени ЦК КПСС направить Тито секретное письмо. Очевидно, этим жестом Хрущев хотел показать, что сейчас он стоит у кормила власти, хотя при

¹ AS. Dedijer. T. e. 7. Kardelj E. Tito na istorijskim raskršćima. S. 41, 42.

² Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 30.

³ NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 22. Статья Сталина «Экономические проблемы социализма» // Большевик. 1952. 3.10, № 18; *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 373.

⁴ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 104.

⁵ Ibid. S. 553; *Rajak S.* Yugoslavia and the Soviet Union. P. 62, 63.

Сталине был в задних рядах кремлевской номенклатуры. В письме он предложил организовать встречу в верхах «в Москве или Югославии, на Ваше усмотрение», и при этом попытался свалить всю ответственность за раскол на Берию, «агента международного империализма», и его сообщников. Об этом якобы свидетельствовали новые «факты», выявленные в последнее время. Нет нужды пояснять, что он не мог сказать ничего более конкретного. Вторым виновником произошедшего будто бы был Джилас — который в то время впал в немилость — «лжемарксист, человек, чуждый делу коммунизма»¹.

Тито и те его товарищи, которые были ознакомлены с содержанием письма, удивились и сначала думали, что это пропагандистский ход. В тот момент, когда вопрос о Триесте еще не был решен, на пороге подписания Балканского пакта, нетрудно было себе представить, что Хрущев стремится ухудшить их отношения с Западом. Поэтому Тито решил вести осторожную политику: он не ответил Хрущеву лично, но через месяц, в июле, поручил заместителю председателя правительства Э. Карделю вступить в контакт с советским послом в Белграде. Он должен был сообщить ему, что Югославия приветствует эту инициативу, но в настоящий момент не может на нее ответить, поскольку преждевременная новость о диалоге с Советским Союзом может повлиять на развитие переговоров о Триесте. Кардель так и сделал на приеме в честь императора Эфиопии Хайле Селассие 21 июля 1954 г. Уже 24 июля был получен ответ от Хрущева. Он сообщил, что понимает, в каком положении находятся югославы, и пожелал им как можно более благоприятного решения триестского вопроса². Когда тот уже был близок к разрешению, 11 августа 1954 г., через три дня после подписания Балканского пакта на Блде, Тито написал большое письмо, в котором от имени исполкома СКЮ заявил, что готов пойти на примирение в том, что касается отношений между государствами, но проигнорировал предложение Хрущева о возобновлении связей между партиями и прежде всего отверг его стремление свалить вину за всё, что произошло, на Берию и на Джиласа. 19 сентября 1954 г., на торжественном митинге в Острожно, в котором приняло участие 350 тыс. человек, он оповестил общественность о том, что происходит в закулисье, упомянув о возможности сотрудничества с Востоком не только на экономическом, но и на политическом уровне. При этом он обозначил приемлемые для него рамки сотрудничества. «Мы не можем осуществить эту нормализацию вслепую, обнявшись и поцеловавшись, будто всё в прошлом. Она не должна изменить нашу внешнеполитическую линию или повлиять на наше внутреннее

¹ Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. С. 253–255; Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. I: 1946–1964 / Гл. ред. М. Милошевич, В. П. Тарасов, Н. Г. Томилина. М.: Демократия, 2014. С. 587–589.

² Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. С. 260, 261; Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 376–378.

развитие, на наш путь к социализму. Эта нормализация должна исключить какое-либо вмешательство одного в дела другого...»¹

Хрущев 23 сентября ответил третьим письмом, в котором принял точку зрения Тито, что сначала надо улучшить отношения между государствами, а потом уже дойдет очередь до межпартийных. Что касается ответственности за раскол 1948 г., он согласился с тем, что этот вопрос не имеет большого значения и что нужно смотреть в будущее, и к тому же прекратить враждебную пропаганду с обеих сторон. Через три дня, 27 сентября, он послал Тито еще одно письмо, в котором, между прочим, упомянул о книге Ф. В. Константинова «Исторический материализм», изданной в Москве в июне прошлого года. «В книге, вопреки нашему желанию, по вине автора и “Госполитиздата” оказался возмутительный выпад против руководящих деятелей Югославии». ЦК КПСС обсудил вопрос об этой «грубой ошибке» и без промедления строго наказал тех, кто нес ответственность за нее, как нарушивших указания ЦК КПСС о характере материалов о Югославии, публикуемых в СССР². Одновременно высший партийный орган принял решение прекратить дальнейшую деятельность эмигрантского «Союза югославских патриотов», которая могла затруднить нормализацию отношений между странами. Также были закрыты газета «За социалистическую Югославию» и другие подобные органы, а прежде всего радиостанция «Свободная Югославия», которая вела передачи из Бухареста. Вскоре после этого посол В. А. Вальков сообщил Тито, что автора статьи в «Энциклопедии СССР», написавшего, что Югославия — фашистская страна, посадили в тюрьму. Из общественных библиотек изъяли книгу «Тито — главарь предателей!», а в советской печати в двадцатых числах октября опубликовали ряд статей о «героической народно-освободительной армии, с помощью Красной армии освободившей Белград»³.

16 ноября югославы ответили, что согласны с тем, что проведение встречи на высшем уровне является возможным, причем Тито подчеркнул, что не собирается ни вернуться в лагерь, ни отказаться от социализма: «Как на Западе, так и на Востоке должны четко представлять, что Югославия не свернет в своей внешней политике с того пути, который был проложен с 1948 г., у нее свой собственный путь»⁴. В завершение этого процесса сближения, предпосылкой которого было стремление Н. С. Хрущева укрепить свою власть, его смертельная вражда к Сталину и восхищение Тито, осмелившимся оказать ему сопротивление, новый кремлевский хозяин 25 мая 1955 г. во главе

¹ Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. С. 296, 308; *Osolnik B. Med svetom. S. 118; Rajak S. Yugoslavia and the Soviet Union. P. 85.*

² *Rajak S. New Evidence. P. 319–323; Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. С. 294, 295; Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 590–595.*

³ *Ćosić D. Pišcevi zapisi. S. 66; Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. С. 295–305; Rajak S. Yugoslavia and the Soviet Union. P. 81, 82.*

⁴ *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 403; Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. С. 340; Rajak S. Yugoslavia and the Soviet Union. P. 81, 82; Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 606–608.*

представительной делегации прилетел в Белград. Это было смелое решение, против которого выступила группа сталинистов в ЦК во главе с Молотовым, но она не имела достаточного влияния, чтобы остановить Хрущева. Его подружески хлопали по плечу и говорили: «Будь бдителен, раскрой глаза, тебя ведь там даже убить могут»¹.

В Белграде он впервые встретился с руководителем иностранного государства, впервые общался с иностранными дипломатами и журналистами, которые вовсе не проявляли снисходительности, описывая советских лидеров в голубых, плохо пошитых и мятых костюмах². Однако своим визитом Хрущев, вольно или невольно, начал то развенчание культа личности Сталина, которое еще более решительно продолжил в феврале следующего года, на XX съезде КПСС. «Тебе удалось, — в порыве искренности сказал он Тито, — выйти [из столкновения со Сталиным. — *Й. П.*] победителем, поскольку за тобой стояли страна и сорок дивизий. Если бы у меня был хоть один полк, я бы выступил против Сталина задолго до 1948 г.»³. «Хождение в Каноссу», как называли это паломничество во имя примирения, всё же не увенчалось полным успехом, ведь новому кремлевскому хозяину не удалось уговорить Тито и его товарищей вернуться в советский лагерь, хотя он сказал им правду: «Если бы буржуазия могла свести счеты с СССР, <...> она расправилась бы и с Югославией»⁴. Но югославы, как мы видели, уже давно были убеждены в этом. Однако сотрудничать с Советским Союзом они были готовы только на основе полного равноправия, и 1 июня 1955 г. подписали с Хрущевым составленную в этом духе так называемую Белградскую декларацию, ставшую своего рода «Великой хартией» их отношений с Советским Союзом⁵.

¹ Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 403; Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. С. 415.

² Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. С. 441.

³ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 30, 578, 579; Ćosić D. Piščevi zapisi. S. 237; Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 47–135.

⁴ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 571, 594.

⁵ Kardelj E. Spomini. S. 146.

МИЛОВАН ДЖИЛАС*

Идея самоуправления

Еще до исключения из Информбюро руководители КПЮ — как их упрекали в Москве — исповедовали совершенно ошибочную марксистско-ленинскую теорию. Они стремились позиционировать себя как «теоретики», открывающие «новые», «особые», «собственные» пути строительства демократической Югославии, и при этом подчеркивали, что «способствуют» развитию марксизма-ленинизма. «Лидеры КПЮ утверждают, — с насмешкой констатировали советские идеологи, — что они дополнили марксистское учение о войне новой теорией, согласно которой война является совокупностью действий регулярных формирований, партизанских отрядов и народного сопротивления. Эта теория не вносит ничего нового в марксистско-ленинское учение о войне»¹.

Сразу же после войны наиболее образованные соратники Тито ощутили необходимость в творческой модернизации идей Маркса и Ленина, но им приходилось соблюдать осторожность, так как наивысшим авторитетом в этой сфере считался Сталин. Естественно, после исключения из Информбюро их больше ничто не сдерживало. Уже на заседании ЦК КПЮ 1 марта 1948 г. Джилас заявил, что «Югославия становится мощным идеологическим центром сопротивления им [Советам. — *Й. П.*]»². И действительно, этот процесс начался в 1949–1950 гг., когда — на основе «Капитала» Маркса и трудов французских утопических социалистов, в XIX в. развивших концепцию свободных объединений непосредственных производителей, а также ленинских «советов» — была выдвинута идея «рабочих советов» и «самоуправления». Первые акции партия проводила на заводах, чтобы укрепить свое положение среди рабочих. Так возникли зародыши рабочих советов или подобные им организации, показавшие свою перспективность³. «Изначально идея самоуправления, — вспоминал Джилас, — была моя. <...> По моему мнению, системе нужно было упростить: всё предоставим рабочим на заводах, а мы просто будем собирать налоги. В сущности, как на предприятиях на Западе, но чтобы отношения собственности остались социалистическими. <...> Я видел

* В данной главе первая часть (до подглавки «Падение Джидо») — в переводе Л. А. Кирилиной, начиная с нее — в переводе Н. С. Пилько.

¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413.

² Там же.

³ AS. Dedijer. T. e. 7. Intervju Kardelj.

быстрое и постыдное разрастание бюрократии и бумаг, и мне пришло в голову — при чтении Маркса, — что всё это можно было бы упростить. Я хорошо помню, как сидел с Кидричем и Карделем в машине. Рядом с моей виллой. <...> Шел дождь, и мы долго разговаривали. Тогда я высказал им свою идею о самоуправлении, с помощью которого можно было бы многое упростить. Они ответили, что еще слишком рано, что идея сама по себе хороша, но преждевременна. Через два-три дня мне звонит Кидрич и говорит: “На самом деле это хорошая идея. Это возможно!” Затем с этим согласился и Кардель, и мы начали работать»¹. Ведущие члены Политбюро — Джилас, Кардель, Кидрич — обсудили эту тему с Тито уже поздней весной или в начале лета 1949 г., когда приехали во время отпуска к нему в Сплит. Первая его реакция была негативной, поскольку он на самом деле не понял, чего они хотят. Ведь самоуправление совершенно не соответствовало тому коммунистическому опыту, который он имел, помимо этого ему казалось, что югославский пролетариат до него еще не дорос. Однако когда Тито объяснили, что самоуправление может вырвать их из силков сталинизма и даже стать моделью развития для других, и подкрепили всё это еще и цитатами из Маркса, он вскоре понял, о чем идет речь, и воодушевился этой идеей. Если цель классовой борьбы заключается в том, чтобы рабочий класс прекратил выполнять функции наемной силы в общественном устройстве, он должен освободиться и от государственной собственности. «Хорошо, сделаем, мы можем выдвинуть эту идею под лозунгом “Все заводы — рабочим”», — сказал Тито. Опираясь на опыт, полученный еще во время народно-освободительной борьбы, приняли решение о необходимости разработать меры для коренного преобразования всего управления общественными средствами производства².

Проблему выхода из идеологического тупика, в котором югославы оказались в результате конфликта со Сталиным, в конце 1949 — начале 1950 г. впервые четко сформулировал Джилас в эссе «Ленин об отношениях между социалистическими государствами» и в брошюре «Размышления о современных вопросах»³. Он констатировал, что все народы придут к социализму, поскольку это неизбежно, но в то же время отметил, что они придут к нему разными путями. «В социализме нет ведущих народов или государств»⁴. Он критически охарактеризовал советскую систему в том виде, в котором ее создал Сталин: «Бюрократизм в СССР является прибежищем для всех классовых групп <...>, причем он объединяет в себе их худшие стороны <...> [Советская бюрократия. — *Й. П.*] аккумулирует особенности существовавших ранее классов <...> она алчна и ненасытна, как буржуазия, но у нее нет

¹ *Dilas M. Vlast kao strast*. S. 30.

² *Ibid; Karđelj E. Spomini*. S. 136, 235; *Milovan Đilas and George Urbanin Conversation, Đilas on Gorbachov // Incounter*. 1988. September–October. P. 19; *Đilas M. Tito*. S. 105; *Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost*. Vol. II. S. 841; *AS. Dedijer*. T. e. 215. *Izraz govora sa Josipom Kopiničem i Vjenceslavom Cencićem*. S. 4.

³ *Bilandžić D. Povijest izbliza*. S. 22; *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. III. S. 526, 527.

⁴ *Clissold S. Đilas*. P. 207.

присущего той духа предпринимательства и бережливости. Она напоминает постройки, в которых скопированы и смешаны все возможные стили, но без внутренней связи и гармонии»¹. Как написал Мирослав Крлежа, во взглядах истинного приверженца сталинизма началось брожение, наступил интеллектуально-моральный кризис человека, веровавшего в одну-единственную книгу, в «Краткий курс Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)». «Человек одной книги начал открывать для себя проблему демократии, главным образом социал-демократии лейбористского типа...»² Из этой первоначальной критики «цветущего сада новой мировой цивилизации» начала произрастать идея нового, иного социализма, которую в главных чертах сформулировали Эдвард Кардель и Борис Кидрич. «Идею самоуправления, — через много лет написал Душан Биланджич, — мог выдумать только какой-нибудь учитель»³. Добавим: и два недоучившихся студента. В любом случае речь шла о чрезвычайно соблазнительной идее, которую Кардель и Кидрич «обсуждали бесконечно и вместе с другими товарищами искали конкретные решения». «Не знаю, — писал впоследствии Кардель, — была ли когда-либо в истории мобилизована такая масса людей для творческой работы и поисков новых путей, как это произошло под руководством Тито после нашего конфликта со Сталиным»⁴.

Главная мысль заключалась в убеждении, что для построения социализма и достижения его апофеоза необходимо опираться на поддержку народа. «Осознание того, что возникновение из государственной собственности техно-бюрократической монополии является главным источником сталинизма, привело нас к рассмотрению проблемы социалистической собственности как исторического процесса непрерывного освобождения труда и рабочего, как развитие производственных отношений, а именно отношений между людьми, а не между объектами или государством и рабочим. Поэтому мы поставили своей целью постепенно отказаться от системы государственной собственности и <...> положить начало историческому процессу ликвидации монополий на собственность, в том числе и государственной, и сделать это посредством борьбы самого рабочего класса, который должен управлять своим трудом и его результатами»⁵. Так писал Кардель. В интервью незадолго до смерти он высказался еще четче: «Другими словами, рабочий, соответственно, человек, использующий для работы средства производства, находящиеся в общественной собственности, избавляется от положения, по словам Маркса, “дрессированной физической силы”, которая является орудием других, то есть орудием правящего класса. Он сам становится хозяином условий,

¹ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 22, 23; Kalezić V. Dilas miljenik in otpadnik komunizma. Kontroverze pisca i ideologa. Beograd: Zodne, 1988. S. 153, 154.*

² NSK. M. Krleža. «A» 169.

³ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 157.*

⁴ Arhiv Pirjevec. Zapuščina Marija Vilfan. Kardeljeve beležke.

⁵ Ibid.

средств и результатов своего труда, на основе равных прав и ответственности всех тех, кто объединен общественным трудом, основывающимся на общей, а следовательно, общественной собственности на средства производства. Такой путь к освобождению труда и деятельности человека к тому же является путем к преобразованию классового общества в свободное объединение производителей. Самоуправление как форма социалистических производственных отношений — один из важнейших инструментов подобной реорганизации общества. Это означает, что социалистическое самоуправление не может возникнуть на почве частнособственнических отношений¹. Иначе говоря, власть не должна управлять людьми, люди должны управлять средствами производства и тем самым своей жизнью.

Осуществление идей новой экономической политики, по словам Карделя, с самого начала встретило серьезные препятствия, частично по объективным причинам, частично из-за сознательного или подсознательного сопротивления технотехники в производстве, успевшей в значительной степени бюрократизироваться. «Процесс не был гладким ни на заводах, ни в профсоюзах, ни в партии», где «шла ожесточенная борьба с догматическими этатистскими взглядами даже преданных нам людей, выступавших против догматизма и Информбюро»². Для того чтобы погасить это сопротивление, партия и союзное правительство вынуждены были вмешаться более решительно. «Это было сделано путем принятия первого официального государственного постановления, которое подписали Борис Кидрич как председатель Экономического совета правительства и Джуро Салай как председатель профсоюзной организации. Я тоже принимал участие в составлении этого документа, который, по сути, являлся первой официальной формулировкой решений, принятых нами в Сплите. Уже тогда мы обсуждали необходимость регулирования всех этих отношений законодательным путем, но посчитали это преждевременным, поскольку сначала мы должны обогатить свой практический опыт. Поэтому первый закон о самоуправлении был принят только в следующем году»³. На внеочередном заседании Союзной скупщины, созванном 27 июня 1950 г., Тито представил «Основной закон по управлению государственными предприятиями и высшими хозяйственными объединениями со стороны трудовых коллективов» и подчеркнул: «Лозунг “Заводы рабочим, землю крестьянам” — это не какой-то абстрактный пропагандистский лозунг, а лозунг, имеющий глубокий смысл, поскольку он включает в себя всю программу социалистических отношений на производстве, касающуюся общественной собственности, а также прав и обязанностей трудящихся. Следовательно, мы должны и можем ее реализовать, если действительно хотим построить социализм»⁴. Он был убежден, что экономику можно оживить

¹ AS. Dedijer. T. e. 7. Intervju Kardelj.

² Kardelj E. Spomini. S. 223, 235.

³ AS. Dedijer. T. e. 7. Intervju Kardelj.

⁴ Pirjevec J. Jugoslavija. S. 208; Dedijer V. Novi prilozii. Vol. III. S. 512.

с помощью рынка и самоуправления, если государство откажется от собственности на средства производства, и что этот «особый путь к социализму» даст импульс развитию производства, укрепит Югославию и подчеркнет ее специфику¹.

Когда Кидрич вместе со специалистами по экономике и партийными идеологами начал перестраивать экономику в соответствии с «законом стоимости» как краеугольным камнем рыночной экономики, Тито его энергично поддержал. Новый закон поясняли простыми, всем понятными словами: мерило всего — успешность и прибыль. Конечно, это не означало, что Тито был готов перенести эту мерку на партийную жизнь и освободить ее так же, как экономику². Следует учитывать, что экономическая политика, которую начали проводить в 1950 г., вопреки высокопарным словам, не вызвала у рабочих доверия и заинтересованности, прежде всего из-за нехватки правовой поддержки и из-за расхождений между теорией и практикой. Модель самоуправления требовала от рабочего, чтобы он стал умным и дальновидным предпринимателем с развитым «социалистическим сознанием» и чтобы помимо выполнения своей работы он посвящал время и энергию реализации поставленных задач³.

Вскоре в повседневной действительности начался конфликт между этими нереальными посылами, опирающимися на идеологическую «надстройку», и общественной, экономической и политической данностью. Югославские теоретики много говорили о «развитии инициативы масс снизу», которая якобы уже в годы народно-освободительной борьбы являлась первым и главным условием победы. Неграмотность или малообразованность широких народных масс, экономическая отсталость и общая ослабленность югославского общества и прежде всего — нежелание партии в реальности отказаться от своей гегемонистской миссии с самого начала практически парализовали эксперимент самоуправления. Тот факт, что развитие технологии требовало всё более комплексного управления, для которого были нужны квалифицированные кадры, в последующие десятилетия постепенно разрушал видимость активного участия рабочих в управлении предприятиями. Этому способствовало и то, что директоров вплоть до смерти Тито назначали партийные комитеты, а не рабочие советы, и то, что почти всей прибылью предприятий продолжало распоряжаться государство⁴.

Югославские руководители знали об этом, ведь закон о самоуправлении они сформулировали таким образом, чтобы власть осталась в руках менеджеров, а не рабочих. Но из пропагандистских соображений они не хотели этого признавать и беззастенчиво позиционировали свою модель общественного устройства как единственное верное решение для социалистических

¹ *Dilas M.* Tito. S. 162.

² *Ibid.* S. 159.

³ РА. В 42. Bd. 1341.

⁴ *Simić P.* Tito. Skrivnost stoletja. S. 260; *Kardelj E.* Spomini. S. 224.

стран в современных условиях индустриального мира. Тито в своих выступлениях неоднократно подчеркивал, что нельзя ждать, пока отдельные представители рабочего класса достигнут необходимой для самоуправления зрелости. Напротив, он считал, что люди должны привыкнуть к своим правам и обязанностям именно в ходе борьбы за осуществление принципов системы самоуправления¹. Кардель был еще более искренен, когда в конце жизни признал, что в первые годы самоуправление являлось «скорее формой демократии, нежели принципом общественно-экономических отношений»². Однако он предавался иллюзии, что исправил эту аномалию введением своих комплексных мер.

«Самоуправление» на деле долгое время оставалось политико-идеологическим лозунгом, за которым скрывалась совершенно иная реальность. «Рабочие советы всё еще не улучшили производство и экономику, — жаловался в конце 1954 г. Добрица Чосич. — Они предоставляют большие возможности инициативе, но также и безделью. Много слов, но мало истинной демократии»³. Несмотря на это, ссылаясь на Парижскую коммуну 1871 г., «самоуправление» ввели также в общественную администрацию от общин до республик, будучи уверенными, что оно является высшей формой современной демократии⁴. «Если смотреть в целом, — полагал Коча Попович на закате Югославии, — то мне кажется, что к настоящему самоуправлению мы не были готовы. Ведь самоуправление предполагает наличие развитого, цивилизованного общества, как, например, в Швейцарии. Как, скажем, могут сосуществовать самоуправление и безграмотность или массовая халатность не только в общегражданском понимании общих интересов представителей современного общества, но даже в таких элементарных вопросах, как общественная гигиена? Когда Кардель формулировал свои теоретические концепции, по всей видимости, он думал о Словении, но никак не о Косове...»⁵ И он был прав, поскольку Кардель не был способен полностью осознать разнolikость югославского государства, а если и осознавал, то исходил из постулата, что «Словения должна быть приемлемой для Югославии, а Югославия — такой, чтобы Словения могла ее принять». «Этот его пророческий тезис, — констатировал Тито на закате жизни, — говорит обо всем»⁶. Но прежде всего этот тезис подтверждал подозрение, которое стало укрепляться в некоторых, прежде всего сербских, регионах во второй половине 1960-х гг., что «система общественного самоуправления — это маскировка национализма и бюрократической монополии. Самоуправление противоречит югославианству и социалистическому единству Югославии и разрушает их: оно

¹ AS. Dedijer. T. e. 68. Krtačni odtisi. S. 759.

² Kardelj E. Spomini. S. 223.

³ Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 67.

⁴ BA. Bestand Ulbricht. Walter. NL 182/1235; TNA. FCO 28/1628/ENU 1/4.

⁵ Nenadović A. Razgovori s Kočom. S. 169.

⁶ Cenčić V. Titova poslednja ispovijest. S. 49.

создает законный этатизм, партикуляризм и укрепляет власть национальных олигархий»¹.

«Югославский эксперимент» возбудил большой интерес в левых кругах Западной Европы, прежде всего в Скандинавии, тем более что уже в 1951 г. пленум ЦК КПЮ отказался от монополии на идеологию и открыл дорогу свободному обмену мнениями по теоретическим вопросам: «Развитие новых теоретических взглядов в КПЮ происходит на основе дискуссий и борьбы идей. <...> Члены КПЮ имеют полное право свободно высказываться и обсуждать теоретические идеи отдельных членов Партии, невзирая на то, какую должность они занимают...»² Об интересе к самоуправлению в мире свидетельствуют два сборника статей и исследований, которые в 1972 г. подготовил для внутреннего пользования Центр общественных исследований при Президиуме СКЮ³. Итальянские левые круги были воодушевлены меньше, чем скандинавы, в 1960 г. они, по словам Биланджича, хотя и оценили лавирование Югославии между Сциллой и Харибдой, т.е. между сталинизмом и капитализмом, но смотрели на него с большим скепсисом: «Сейчас вы счастливы в этой вашей утопии, но вас ждет настоящий ад, когда иллюзия развеется»⁴.

Реформистский энтузиазм, как и эскалация вооружений, требовали намного больше финансовых средств, чем могла предоставить югославская экономика. Население, особенно городское, существовало на пределе прожиточного минимума, что выразилось, помимо прочего, в быстром росте преступности⁵. Большинство партийных теоретиков — Кардель, Бакарнич, Пияде, Джилас, — которые критиковали не только советскую систему, но всё чаще и югославскую⁶, были слишком увлечены теорией, чтобы замечать тяготы повседневной жизни. Насколько далеко они зашли, отвергая советскую модель, ясно демонстрирует речь Джиласа на IV Пленуме ЦК КПЮ в начале июня 1951 г. Он обвинил КПСС в том, что она уже давно не является марксистской ни на практике, ни в идеологии. Он объяснил это отсутствием двух важных элементов: свободы мнений и внутрипартийной демократии. В современной Советской России, считал Джилас, только одна личность имеет монополию на идеологию, и это напоминает абсолютный авторитет предводителя какой-либо религиозной секты. В прошлом югославская партия не имела иммунитета к таким отклонениям. Однако в последнее время из-за сдвигов в экономическом развитии великих мировых держав обстоятельства изменились. Пройдя начальную революционную фазу, Советский Союз повернулся к «великорусскому государственному капиталистическому

¹ *Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 323.*

² *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 508, 538.*

³ *NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 27. Inostrani autori o jugoslovenskom Samoupravljanju; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 323. С. 138.*

⁴ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 33.*

⁵ *РА. В 11. Bd. 125. 2. S. 187.*

⁶ *Dilas M. Tito. S. 278.*

империализму», который вверг его в современный кризис. Единственный выход из него — отказаться от сталинской практики и рассматривать марксизм как научную доктрину, которая может развиваться и победить в условиях свободного обмена мыслями¹. Венцом полемики стала речь Тито в Титограде 13 июля 1951 г. В ней он заклеил советскую политику по отношению к странам-сателлитам, чьи территории оккупировала советская бюрократия. А под пятой последней нет места для демократии. Но как будто и этого было мало, он высказал мнение и о самом Сталине, которого обвинил в том, что он хочет властвовать над миром, а на людей смотрит как на безликую массу, не имеющую собственного сознания, которую можно просто использовать. Свою филиппику он заключил утверждением, что Сталин известен миру не «благодаря своей мудрости, а благодаря своим усам»².

За словами последовали и действия. Так как югославские власти понимали, что после разрыва со Сталиным они должны укрепить свою популярность в массах, по большей части враждебно относившихся к коммунистическому режиму, они приняли ряд либеральных законов в общественной и культурной сфере. 1 января 1950 г. они объявили амнистию более 7 тыс. политических заключенных (разумеется, исключая информбюровцев), стали в определенной степени допускать критику, смягчили ограничения на поездки за границу для студентов, интеллектуалов и спортсменов и ослабили давление на религиозные группы. А прежде всего — внесли изменения в пятилетний план, предусматривавший ударную индустриализацию. Уже 12 ноября 1950 г. Тито в интервью для агентства печати Западной Германии заявил, «что такого пятилетнего плана, каким был первый, больше не будет». Он подчеркнул, что югославская экономика всё больше будет ориентироваться на товары широкого потребления, поскольку «в следующие пять лет мы должны прежде всего поднять уровень жизни» При этом он признал, что национализация мелких предприятий была ошибкой и что в ближайшее время некоторые из них будут возвращены собственникам³.

Существенным шагом в направлении либерализации стало выступление Эдварда Карделя 31 марта 1952 г., в котором он представил проект закона о народных комитетах. Сначала, опираясь на марксистскую идеологию, он показал, каким образом советская система трансформировалась в бюрократический деспотизм, затем обрисовал наиболее важные особенности югославской системы. Она должна была основываться на самоуправлении рабочего класса, на полноценном развитии демократии, общественной и экономической жизни с помощью органов самоуправления, рабочих и народных комитетов и по возможности на как можно более широкой децентрализации и либерализации. Цель коммунистов — создание нового

¹ TNA. FO 371/95462/Ry 1015/19.

² PA. B 11. Bd. 426. S. 61–63; *Broz Tito J. Govori i članci*. Vol. VI. S. 41–54.

³ NIE-7. The Current Situation in Yugoslavia, 21.11.1950 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 85, 91, 92.

беспартийного общества, в котором каждый гражданин будет прямо и сознательно, без посредников, принимать участие в организации общественных дел и в строительстве социалистической демократии¹. «Во время выступления Карделя, — прокомментировал Коцбек в дневнике, — я мгновенно почувствовал, что, несмотря на иногда даже впечатляющие усилия партии, суть “народной (или социалистической) демократии” в организации чисто внешней, механистической жизнедеятельности, <...> вне зависимости от субъективных потребностей человека. Несмотря на проведенный анализ системы коммунистической демократии, политическая спонтанность оказалась недостижимой — из-за наличия только одной политической организации, навязывания единственно возможного мировоззрения и секретной организации политической полиции»².

Несмотря на справедливость этой критики, интеллектуальное пространство в югославской реальности всё больше расширялось. Власти отказались от политики русификации, усиленно проводившейся в 1945–1947 гг., и в январе 1950 г. приняли резолюцию, согласно которой изучение русского языка в школах стало таким же, как изучение других иностранных языков. Русские учебники, особенно по общественным наукам, заменили, а *Коммунист* в августе того же года оповестил, что сталинский «Краткий курс истории КПСС» больше не входит в список обязательной партийной литературы. 23 сентября в Белграде даже открылась выставка Мичи Поповича, и на ней была представлена брошюра, в которой художник резко критиковал любой тоталитарный контроль над искусством. Печатный орган сербского Народного фронта 20 октября дал комментарий, что «некоторые взгляды Поповича не верны, но никто не лишает его права их высказывать»³. Эту либеральную тенденцию подтвердил в начале октября 1952 г. III Конгресс литераторов в Любляне. В речи на его открытии Мирослав Крлежа, который к тому времени преодолел свои страхи, подчеркнул необходимость свободы творчества. Он осудил отказ от участия в общественной жизни тех, кто утверждал, «что революции приходят и уходят, а лирическая поэзия остается», при этом отверг и точку зрения тех, кто считал, что при социализме возможна только ангажированная и тенденциозная литература. Его выступление было характерным для интеллектуальной атмосферы, которая сложилась в Югославии в начале 1950-х гг. Агитпроп был преобразован в Комиссию по культуре и просвещению, контролировавшую все средства массовой информации, воспитательные учреждения и сферу искусства, причем отменили превентивную цензуру, но только не обязанности тех, кто следил за тем, чтобы работники радиовещания,

¹ TNA. FO 371/102159/WY 1016/14; *Kardelj E.* O komuni. Ljubljana: Državna založba Slovenije; Beograd: Stalna konferenca mest in občin Jugoslavije, Radnička štampa, 1981. S. 201–216.

² *Kocbek E.* Dnevnik 1952. Ljubljana: Cankarjeva založba, 2003. S. 144.

³ NIE-7. The Current Situation in Yugoslavia, 21.11.1950 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 89; *Rajak S.* Yugoslavia and the Soviet Union. P. 28–32.

образования и культуры придерживались линии партии. Вопреки всему в интеллектуальной жизни на всех ее уровнях стало чувствоваться влияние Запада, его стилей и моды. На тягу к обновлению и искушения, обуявшие деятелей искусства и других интеллектуалов, власть смотрела одобрительно, но и с некоторым беспокойством, опасаясь, что Запад приманит их «мелкобуржуазными» посылками, и они попадут в его силки. Не случайно речь Мирослава Крлежи на конгрессе писателей прочитали и поддержали Эдвард Кардель и Милован Джилас¹. Подозрительность партийных руководителей по отношению к интеллигенции в целом, а к гуманитарной — в особенности, осталась, хотя чаще стали высказываться и более толерантные мнения². В этом смысле характерны республиканские съезды СК Сербии, Хорватии, Словении и Македонии 1954 г., на которых было четко сформулировано требование «свободы в сфере науки, искусства и культуры». К глубокому возмущению советских наблюдателей, Кардель на съезде в Сербии даже заявил, что «гангстерская» литература и голливудские фильмы являются «первым шагом на пути к более высокой культуре»³. В освобождении творчества от пут соцреализма, который в Советском Союзе проповедовал Андрей Жданов и который после войны стал популярен и в Югославии, вероятно, определенную роль сыграло отрицательное отношение Тито к этому стилю. «Как ты смотришь на социалистический реализм?» — спросил его Дедиер в 1952 г. «Это, братец мой, как будто лопатой намалевано»⁴.

VI Съезд КПЮ

Об отходе от большевистской ленинской партии наиболее решительно было заявлено на VI Съезде КПЮ, где югославские коммунисты провозгласили себя единственными истинными наследниками Карла Маркса, обязанными построить первое в мире социалистическое общество⁵. Из-за бурных диспутов в кругу власть имущей четверки, в которой Кардель и Джилас были наиболее решительными сторонниками перемен, съезд открылся в Загребе с опозданием на две недели и проходил со 2 по 7 ноября 1952 г. со всей возможной помпой, характерной для подобных партийных встреч⁶. На него пригласили также индийских и индонезийских социалистов, с которыми

¹ *Pirjevec J.* Jugoslavija. S. 715; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 522, 523; NARA. CREST. Central Intelligence Bulletin. Belgrade Embassy Analyses Communist Party Weaknesses in Slovenia, 14.04.1952; Information Report. Control of the Press in Yugoslavia, 17.05.1954.

² *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Vol. II. S. 715.

³ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 323. С. 135.

⁴ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 609.

⁵ *Dilas M.* Tito. S. 105; *Ćosić D.* Piščevi zapisi (1951–1968). S. 27.

⁶ AS. Dedijer. T. e. 143. Dr. Vladimir Dedijer — Umag, Kardelj. S. 3; NARA. CREST. Central Intelligence Bulletin. Significance of Yugoslav Communist Party Congress Postponement, 29.09.1952.

Тито в обществе ведущих политиков провел беседу накануне пленарного заседания. Протокол этой встречи любопытен, поскольку показывает, как далеко зашли югославы в своих размышлениях и планах. И как сильно уже в то время различались их политические взгляды, хотя они сами еще не осознавали этого в достаточной мере. На встрече Тито в первую очередь подчеркнул, что Народный фронт всё больше приобретает социалистический характер, ведь он принял программу строительства социализма. Однако он функционирует не так, как надо. «Чтобы не потерять 8 миллионов человек, мы создадим из Народного фронта Социалистический союз трудового народа. Этот союз установит связи с другими социалистическими партиями и, возможно, не сегодня — завтра вступит в Социалистический интернационал». (В нем бы он благодаря своей многочисленности стал одной из крупнейших партий.) «Другое дело, важное для нашей внутренней жизни, — продолжил Тито, — а также жизни нашей Партии и дальнейшего развития теории и практики социализма, это переименование нынешней КПЮ в Союз коммунистов Югославии. Последний играет другую роль и имеет другую задачу на современном этапе нашего внутреннего развития. Он должен всё больше приобретать воспитательный характер. Если бы мы и дальше шли по нынешнему пути, то, несмотря на все усилия избавиться от бюрократических методов, это бы вело нас в том же направлении. Из органа диктатуры пролетариата партия не смогла бы трансформироваться в фактор воспитания широких масс в духе социализма. Коммунисты у нас не будут иметь привилегий, не будут занимать общественные должности только потому, что они являются коммунистами. Тем самым мы стремимся избежать повторения советской практики, когда партия превращается в бюрократический организм. Эти две организации, Социалистический союз народов Югославии и СКЮ, в определенном смысле связаны, но дополняют друг друга». Джилас зашел еще дальше и говорил о значении югославского опыта для всех народов, тогда как Кардель подчеркнул, что социализм в высокоразвитых странах Западной Европы может реализоваться самыми разнообразными способами и проводиться самыми разными партиями: «Даже некоммунистические партии и группы могут воспользоваться такими формами». Этот дерзкий полет мысли Тито потом несколько притормозил, напомнив о значении демократического централизма внутри партии, даже если она хочет работать только как воспитательница. «Без него нет равномерного идейного развития». Джилас затем сказал, что демократический централизм, значение которого подчеркивал Ленин, не является его изобретением: уже якобинцы были демократическими централистами. А русские превратили его в вампира. Однако при демократическом централизме следует проводить различия между государством и партией. Тито его поправил: «В России нет демократического централизма, там есть централистский бюрократизм»¹.

¹ NSK. Arhiv. Bakarić. Kutija 22. Informativni bilten. Broj 8. Izdanje Sekretariata Komisije CK KPJ za medjunarodna pitanja, Beograd, 15.12.1952.

На VI Съезде стандартное приветствие «героя Тито» и других руководителей партии оставалось всё таким же бурным и единодушным — «не всегда по велению сердца и по убеждению, а скорее по привычке и согласно протоколу съезда»¹. Как обычно, 2 тыс. делегатов якобы единогласно приняли решения. Несмотря на эту тщательную режиссуру, опирающуюся на традиции, которую подпортил только неожиданный выпад секретаря союзного правительства и бывшего генерала Момы Джурича против главы сербского правительства Петра Стамболича за то, что тот соблазнил его жену², съезд действительно стал переломным. Советский Союз на нем заклеямили как гегемонистскую силу, которая предала Октябрьскую революцию, переняла империалистическую политику царской России, вытолкнула крестьян обратно в феодализм, а рабочих оставила на милость деспотичной партийной бюрократии. Во вступительном докладе Тито использовал тезис Кидрича о «государственном капитализме», который будто бы утвердился в Советском Союзе, а также язвительно высказался о теории «руководящей нации» внутри советской системы. Тут он опирался на Карделя, который предупреждал об опасности того, что победивший пролетариат может сесть на шею другим народам. «В многонациональном государстве теория титульной нации на деле является выражением подчинения, национального угнетения и экономической эксплуатации других народов. <...> Понятно, что нерусские нации сопротивлялись и сейчас еще сопротивляются такой теории и практике»³.

* * *

На основе этих выводов югославы вернулись к Марксу: они не только переименовали КПЮ в Союз коммунистов Югославии (СКЮ), по примеру его «Манифеста» 1848 г., но и возвестили, что децентрализуют государственное управление и передадут его в ведение общин или коммун. При этом, в соответствии с идеями Ленина, они подчеркивали необходимость отмирания государства, и утверждали, что по этому вопросу в социалистической теории и практике есть два направления: первое, «теистическое», предало классиков марксизма, так как пыталось задуть аффирмацию личности, освобождение труда или рабочего класса, и другое, «атеистическое», которое не признает никакой другой силы и воли, кроме той, которая исходит от рабочего человека и класса⁴. Югославские коммунисты, конечно, провозглашали себя приверженцами «атеистической» струи и ссылались на ленинскую новую экономическую политику, когда утверждали, что плановую экономику необходимо заменить рыночной. Как говорил в своем докладе председатель Экономического совета Кидрич, таким образом производители будут сами распоряжаться общественной собственностью и свободно продавать свою

¹ *Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1868). S. 28.*

² *Ranković A. Dnevničke zabeleške. S. 42.*

³ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 513.*

⁴ *Vlahović V. Strogo pov. S. 75.*

продукцию. В промышленности, торговле и сельском хозяйстве самоуправленческие комитеты должны взять на себя роль свободных предпринимателей. То общество, полагал Кидрич, которое пытается «задушить закон стоимости, идет прямым путем к сталинизму»¹.

Что касается СКЮ, то его задача будет совершенно другой, нежели у старой КПЮ, заявил Тито в разговоре с индийскими и индонезийскими социалистами. Власть, которую имела последняя, отныне будет осуществлять Социалистический союз трудового народа как матричная организация синдикатов и других массовых объединений. СКЮ должен стать идеологическим центром, который в дальнейшем будет оказывать влияние на экономическую, политическую и общественную жизнь не посредством указов, а с помощью аргументов. В резолюции съезда было записано: «Союз коммунистов Югославии не является и не может быть непосредственным оперативным административным или распорядительным органом в экономической, государственной или общественной жизни»².

Эти радикальные перемены вызвали сильное замешательство среди членов партии, поскольку многим было непонятно, какой станет их роль в обществе. К тому же эти изменения получили большой международный отклик, прежде всего на Востоке, где Информбюро ссылалось на них для подтверждения своего тезиса, что «югославские коммунисты (и дальше) продолжают погружаться в болото ревизионизма»³. Однако югославы не свернули с намеченного пути. 13 января 1953 г. вступил в силу новый конституционный закон, утвердивший упомянутые реформы и еще больше отдаливший югославское общество от советской модели, поскольку теперь на долгосрочную перспективу оно взяло за образец американскую систему, но главным образом основывалось на недавнем «изобретении» самоуправленческой демократии. Закон предусматривал образование двух палат: Союзного веча и Веча производителей (государственные предприятия и задруги), которое, по словам Карделя, должно было стать «инструментом классовой политики», тогда как бывший Совет национальностей был преобразован просто в довесок Союзного совета. «Наша федерация уже не только объединение народов и их государств, — полагал Кардель, — она стала носителем определенных общественных функций единого государства»⁴. Высшим правительственным органом стал Союзный исполнительный совет, состоявший из 43 членов, из которых 37 должны были избираться парламентом, а остальные шесть являлись председателями республик. Председатель Союзного исполнительного совета одновременно являлся президентом федерации и верховным главнокомандующим

¹ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 132, 698.*

² PA. B 11. Bd. 181. 1. S. 29; TNA. FO 371/102164/WY 10112/3; *Swain G. R. Tito. A Biography. P. 103.*

³ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 527.*

⁴ *Čepič Z. Jugoslovanske reforme v šestdesetih // Slovenija — Jugoslavija. S. 48.*

вооруженных сил¹. Эти обязанности, естественно, взял на себя маршал Тито; он сформировал новое правительство, в котором больше не было классических министров, а появились государственные секретари². Секретарем по иностранным делам стал Коча Попович, который в этом качестве сопровождал Тито в его первой официальной поездке на Запад: в Великобританию, куда его пригласил Уинстон Черчилль, после победы консерваторов в 1951 г. снова ставший премьер-министром. Поездка воспринималась как большой успех югославской внешней политики последних лет, ведь казалось, что между Белградом и Лондоном нет расхождений в вопросах, касающихся их общего противодействия советской угрозе. Государственные мужи договорились, что военные стратеги продолжат работу, исходя из предположения, что нападение на Югославию означало бы нападение на Европу. По своему обыкновению, Черчилль заявил о солидарности в патетической форме: «Если на нашу союзницу Югославию нападут, мы будем сражаться и умирать вместе с вами». Тито же заверил британского премьера, что его государство является частью «свободного мира», хотя об этом еще нельзя говорить открыто³.

Остановка процесса демократизации

Тито отплыл в Великобританию на «Галебе», итальянском военном корабле, который в 1951 г. по инициативе Копинича подняли из глубин Кварнерского залива и переоборудовали в учебный корабль югославского морского флота. Позже его дополнительно модернизировали в соответствии с пожеланиями Тито⁴. Еще до того, как Тито покинул черногорские воды, он узнал «радостную новость» о смерти Сталина⁵. Это неожиданное событие в следующие месяцы оказывало решающее влияние на его политическую позицию. По словам Милована Джиласа, Тито после 1949 г. принял новую идеологическую линию, которую ему предложили его интеллектуально более продвинутые товарищи, но после смерти Сталина он избавился от нее как от балласта и угрозы, направленной против его личной власти⁶. Уже во время борьбы со сталинизмом он резко и с обидой реагировал, если среди его окружения возникали сомнения относительно социалистического характера Советского

¹ TNA. FO 371/107819/WY 1017/5; *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. III. S. 441; *Čepić Z. Jugoslovske reforme*. S. 47.

² *Maclean F. Josip Broz Tito*. P. 411.

³ *Pirjevec J. Jugoslavija*. S. 202; *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. III. S. 21; *Velebit V. Svjedok*. S. 185; AS. *Dedijer. T. e. 262. Zapis pogovora Tito – Churchill*; NARA. CREST. Central Intelligence Bulletin. Highlights of Tito – Churchill discussions, 28.03.1953; *Rajak S. Yugoslavia and the Soviet Union*. P. 35.

⁴ *Cenčić V. Enigma*. Vol. I. S. 142.

⁵ *Adamović M. Brozovi strahovi*. S. 64, 70; *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. III. S. 615; *Rajak S. Yugoslavia and the Soviet Union*. P. 38, 39.

⁶ *Dilas M. Tito*. S. 93.

Союза, а следовательно, и относительно самого югославского социализма. «Иногда мне казалось, — пишет Джилас, — что он играет роль пророка, высшего священнослужителя, выступающего против раскольников»¹.

Югославские вожди, в первую очередь Тито, надеялись, что после смерти Сталина за кремлевскими стенами начнется борьба за власть, и давление на Югославию ослабеет. Так и случилось. Тито использовал предоставленный ему шанс и притормозил процесс демократизации, главным образом на идеологическом уровне, а партию подчинил своей абсолютной власти. Чем больше усиливалась его личная власть, тем меньше он был склонен признавать свои ошибки и тем больше оказывал давление на членов ЦК, занимавшихся экономикой, настаивая, что необходимо освободиться от помощи Запада². Насколько быстро произошел поворот влево, вероятно, лучше всего прослеживается в отношении режима к крестьянскому вопросу. Под влиянием недовольства сельского населения, которое начало забастовки³, через три недели после смерти Сталина, 30 марта 1953 г., правительство в результате бурной дискуссии издало декрет о реорганизации крестьянских кооперативов (задруг). Принять такое постановление предложили Кардель и Джилас, тогда как Тито при поддержке некоторых партийных «специалистов» долго сопротивлялся этому, главным образом из идеологических соображений. Он был убежден, что построить социализм сможет только сильный пролетариат, но в Югославии его еще нужно было создать, превратив крестьян в рабочих⁴. Декрет означал окончание идеологической войны против крестьянства, поскольку позволил распускать задруги и вновь организовывать личные хозяйства.

Хотя законом предусматривалось, что крестьяне смогут освободиться только следующей осенью, сразу после его принятия началось их массовое бегство из коллективных хозяйств, что являлось откровенным протестом против внедрения социализма на селе. Однако процесс либерализации находился в застое из-за сильного противодействия партийных боссов, сельских бюрократов, а также бедных безземельных крестьян, — их было около 100 тыс., — которые видели в нем посягательство на свои кровные интересы. Принимая во внимание, что именно эти крестьяне представляли в народно-освободительном движении самую многочисленную группу, правительство уже 22 мая 1953 г. приняло ряд дополнительных постановлений, которые по сути исключили вероятность позитивных изменений, на которые можно было рассчитывать благодаря отмене коллективизации. Оно ограничило количество пахотной земли, которой могла владеть отдельная семья, всего 10 га (20 га в горных районах), ввело новую налоговую систему, обеспечившую возможность оказывать давление на собственников, и, разумеется,

¹ *Dilas M. Tito. S. 102.*

² *Ibid. S. 131.*

³ *BA. NY 4090/480.*

⁴ *Velebit V. Svjedok. S. 171.*

сохранило контроль над продажей крестьянской продукции. И тем самым дало дополнительный импульс росту недоверия большинства крестьянского населения к режиму¹. К тому же оно в зародыше уничтожило возможность здорового экономического развития сельского хозяйства. Вдобавок, конечно, оно затормозило и демократизацию общественной жизни, перестройку партии в Социалистический союз и включение беспартийных интеллигентов в политическую и экономическую жизнь².

Руководители партии долгое время считали крестьян отсталым и консервативным элементом, неспособным принять участие в формировании отношений самоуправления. Поэтому их изолировали и отняли у них какую-либо возможность отстаивать свои интересы, надеясь, что прогресс индустриализации сам по себе решит проблему частной собственности на селе. Крестьянам пришлось ждать до октября 1970 г., пока СКЮ не принял резолюцию, посредством которой попытался включить их в югославскую систему самоуправления как равноправных граждан, хотя от ограничения количества земли 10 га он не отказался. Это привело к тому, что примерно половина активного югославского населения, проживавшая в деревнях, создавала едва ли четверть валовой прибыли³. Несмотря на то что видные партийные руководители и сами понимали, насколько ошибочна была эта политика, основанная на ускоренной индустриализации, а не на реформировании сельского хозяйства⁴, они не могли отказаться от нее из-за идеологического страха перед появлением «кулаков». Как рассказывает в воспоминаниях Яков Блажевич, Тито хвастался, что у него есть «свой крестьянин», который регулярно сообщает ему о том, что происходит в деревнях⁵. Вопрос только в том, понимал ли он его.

Несмотря на возврат к правоверности, последовавший после смерти Сталина, югославы не могли не приветствовать антисоветские восстания рабочих, произошедшие в июне и июле 1953 г. в Восточном Берлине, Плзене и Острове. Радио «Загреб» 8 июля дало комментарий, согласно которому «восстание в Восточном Берлине, которое утопили в крови советские танки, волнения в Чехии и события в Венгрии — уже не только симптомы коварной болезни. Лед давно стал давать трещину и продолжает раскалываться. <...> Невозможно умолчать о том, что югославский пример сыграл важную психологическую роль, поскольку доказал, что человек может успешно противостоять даже такому страшному деспотизму, как русский...»⁶ С другой сторо-

¹ NARA. 768.5-MSP/7-753; NIE-93, Probable Developments in Yugoslavia, 26.06.1953 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 145; Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 33–35; AS. Dedijer. T. e. 179. Podsetnik u vezi sa knjigom Milovana Dilasa «Godine vlasti». S. 39.

² PA. B 11. Bd. 125. 2. S. 185; Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 277.

³ PA. B 42. Bd. 1341; Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 79.

⁴ Neue Zürcher Zeitung, 14.12.1965.

⁵ AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopolis za IV. zvezek Titove biografije. S. 17.

⁶ PA. B 12. Bd. 621; Dedijer V. Novi prilozii. Vol. III. S. 546, 547.

ны, в самих верхах не могли не учитывать, что любое ослабление Советского Союза ослабит также и «наши позиции», как сказал Тито. «Точно, — присоединился к нему Кардель. — Мы ни в коем случае не должны допустить, чтобы кризис в Советском Союзе и в восточных странах разрешился антисоциалистическим путем»¹.

В то время как югославские лидеры подчеркивали значение своего сопротивления Сталину, спровоцировавшего волнения в советском лагере, они сами оказались в кризисной ситуации, прежде всего из-за реформ, проведенных в партии после исключения из Информбюро. Еще до смерти Сталина Тито с тревогой указывал на ее организационную раздробленность и на определенные явления, подрывавшие «демократический централизм» в ее рядах². И он был прав, ведь уже до VI Съезда, и в еще большей степени после него СКЮ существенно изменился, поскольку его руководители отменили всякие ограничения и бюрократические препоны, осложнявшие вступление в партию — например, продолжительность кандидатского стажа и социальное происхождение. Так, в 1948 г. в партии насчитывалось едва ли 70 тыс. членов, которые принадлежали к образованным слоям, а в 1954 г. их было почти 319 тыс.³ В указанный период в КПЮ или СКЮ проходили крупные внутренние проверки, ведь с 1950 до 1955 г. 123 тыс. членов получили партийные взыскания или же были исключены из партии⁴. Эта динамика сильно обеспокоила партийные кадры, которые увидели, что их привилегии под угрозой, и отреагировали на это пассивно и пессимистично. В итоге к концу 1952 г. число членов партии снизилось до 80 тыс. человек. О подавленности, которая овладела СКЮ, в июне 1953 г. открыто написала *Borba*, а загребская газета *Napred* жаловалась: «Среди коммунистов какой-то застой, люди вялые. В Первом районе в каждой из массовых организаций не работает и половина членов Союза. <...> Многими коммунистами овладела апатия»⁵. В ответ на эти явления Тито на I Пленуме ЦК, созванном на Бриони в июне 1953 г., через семь месяцев после VI Съезда, потребовал сплотить ряды и очистить Союз от любого балласта. Он критиковал тех, кто ослабил партийную дисциплину, распространял «мелкобуржуазные идеи о свободе и демократии» и не мог сопротивляться «иностранным и антисоциалистическим влияниям». Он обратился ко всем организациям с особым письмом, в котором утверждал, что необходимо покончить с «пассивностью», «изгнать из Союза старых, бюрократизированных членов», развить «идейно-воспитательную работу и заставить умолкнуть всех врагов»⁶. По словам Джиласа, это означало, что Тито стал отходить от полемики с советской коммунистической практикой,

¹ *Dedijer V. Novi prilozhi. Vol. III. S. 620.*

² *Dilas M. Tito. S. 291.*

³ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 323. С. 133, 137.

⁴ *Simić P. Tito. Skrivnost stoletja. S. 250.*

⁵ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 323. С. 134.

⁶ Там же; NIE-31-55. Yugoslavia and Its Future Orientation, 23.02.1955. // Yugoslavia. From «National Communism». P. 169.

пытался остановить процесс демократизации и вернуть партию на старый и безопасный путь ленинизма-сталинизма¹. И всё это — в ожидании улучшения отношений с Советским Союзом, о чем Кардель, вернувшись из Бриони, конфиденциально сообщил Джиласу².

Падение Джида

Кризис внутри партии, который начался в начале 1950-х гг., не обошел и ее верхушку. Когда произошел конфликт со Сталиным, Тито, Кардель, Джилас и Ранкович сомкнули ряды, поскольку знали, что речь идет об их безопасности. Когда *хозяин* умер, и опасность миновала, можно было заметить небольшое охлаждение в отношении Йосипа Броза к своим потенциальным восприимчивым. Как отмечал Велько Мичунович, «Тито теперь больше ни в ком не нуждался, он — великий победитель над Советским Союзом и смотрит на своих соратников свысока и без уважения»³. Иными словами, они ему больше не были так необходимы, как в 1949–1953 гг., хотя он и продолжал с ними общаться, поскольку за эти годы неплохо узнал их положительные и отрицательные стороны. Кардель выполнял функции теоретика и законодателя, Ранкович — администратора, умелого кадровика и всегда бдительного личного охранника, Джилас — человека новых взглядов. Так или иначе, произошло изменение климата «при дворе», что вносило нервность в личные отношения упомянутой тройцы; каждый из них стал по-своему укреплять свои позиции и смотреть на товарищей как на соперников в гонке за власть. Тито хорошо понимал, что происходит вокруг него, он запомнил слова Берии, которые тот ему прошептал во время одного из визитов в Москву: «Вальтер, Вальтер, не верьте никому вокруг себя, ни Ранковичу, ни Джиласу, ни Карделю, они действуют против вас, держите открытыми четыре глаза и будьте осторожны, когда они начнут действовать»⁴.

После Брионского пленума Джилас понял, что должен отойти от Тито и партии, разницы между которыми уже не было, если он не хочет сгинуть в тени и померкнуть в блеске его славы. «Озабоченность моей личной судьбой мешала мне и далее возвеличивать личность Тито, и считать непогрешимым всё то, чему от него научился»⁵. При этом он не осознавал, что режим черпал свою силу и твердость из харизмы Тито, которая оказывала влияние даже на те слои, которые ему противостояли, ведь в нем видели защитника национальных интересов, особенно после ссоры со Сталиным. Джилас был уверен, что на Бриони была продемонстрирована попытка реставрации бюрократизма,

¹ *Dilas M. Tito. S. 135, 204.*

² *Ibid. S. 277; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 530.*

³ *AS. Dedijer. T. e. 298; Novi prilozi. Vol. IV. Štirinajsto poglavje. S. 16.*

⁴ *Ibid. Novi prilozi. Vol. IV. Štirinajsto poglavje. S. 2, 4; Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. С. 453.*

⁵ *Dilas M. Tito. S. 11.*

что позволило бы начать борьбу во имя обоснования своих идей «о вырождении партии». О том, как партия может переродиться, он писал в статье под названием «Класс или каста», опубликованной 5 апреля 1952 г. в журнале *Svedočanstva*. В ней он отмечал, что в СССР появился новый класс бюрократов, которые препятствуют дальнейшему развитию общества. От критики советской реальности до критики югославской был только один шаг¹.

Тито попытался его спасти. Он почувствовал негативное отношение Джиласа, которое выражалось даже в том, что он не приезжал в отпуск на Бриони, за исключением тех случаев, когда должен был присутствовать там по партийным соображениям. На острове он хотел построить ему виллу и приглашал поселиться в ней под предлогом, что, мол, нехорошо отделяться от коллектива². Джилас выражал нетерпимость к склонности Тито отождествлять государство и партию с собственной персоной и использовать ее для личных целей. «Почему я должен ехать на Бриони?», — говорил он, отводя душу, своей молодой жене Штефице Барич³.

Осенью 1953 г. Тито был полностью погружен в триестский кризис, который разразился из-за решения англичан и американцев лишить военного управления зону А Свободной территории Триест. Несмотря на это, пришло время встретиться с Джиласом и обсудить его идеологические дилеммы, а также публикации, которые стали появляться в газете *Borba*. Они встретились 9 октября 1953 г. в Белом дворце, где Тито примирительно, но не без угрожающих ноток сказал: «Ты хорошо пишешь, ты должен был бы писать больше о буржуазии, о том, как она сильна и самоуверенна. И для молодежи — молодежь важнее всего. У нас демократия еще незрелая, еще необходима диктатура!» Джилас был удивлен, поскольку полагал, что слабая и неразвитая югославская буржуазия уже давно побеждена. У него сложилось мнение, что Тито на самом деле не избавился от старых клише и что нужно говорить о совсем другом противнике: о ленинизме-сталинизме в югославском облике, о вопросах, касающихся партии и ее реформы⁴. При этом он шел в бой, считая, что с ним ничего не может произойти. И действительно, разве не пришли Тито и Йованка в те дни на ужин к нему и к его новой жене, с которой Йованка была в дружеских отношениях?⁵ Не ему ли доверили написать послание Тито народу в честь десятилетия АВНОЮ 29 ноября? Разве не он сидел по его правую руку?⁶

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 540; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 425; Diskurzija između Stanovnika, Kristla i Dilasa: klasa ili kasta // Komunist. 1952. VI, Maj—avgust. Št. 3—4. S. 39—47.*

² *Dilas M. Tito. S. 197.*

³ *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 393; См. NIN. 1989. 28.05.*

⁴ *Dilas M. Tito. S. 111; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 532, 626.*

⁵ *AJ. 837. KPR II-4-a K 164, 165. Razgovor sekretara Kneževića sa Jennie Lee. 11.02.1954; LF. II-1. A-J, Dilasovo pismo Titu, 13.01.1954.*

⁶ *AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopsis za IV. zvezek Titove biografije. S. 312; Swain G. R. Tito. A Biography. P. 105.*

Первая из четырнадцати статей Джиласа появилась в газете *Borba*, 11 октября 1953 г. под заголовком «Новое содержание». Еще в начале октября Джилас в разговоре с Дедиером уверял, что в политике необходимы компромиссы. «Главное, это наше движение вперед. Мы не должны идти против сознания масс»¹. Спустя несколько дней он избрал совсем иной тон: в упомянутой статье он косвенно полемизировал с Тито и нападал на «бюрократизм» внутри партии, поскольку противник социализма — не только буржуазия, но и бюрократия, которая постоянно нарушает и использует к своей выгоде законы и пытается управлять идеологией и политикой. Для того чтобы оправдать собственное существование и остаться верной себе и своим догмам, она сама придумывает противников². По просьбе «некой знакомой» обрисовать новые перспективы, Джилас 29 ноября перечислил необходимые меры, которые следовало применить в борьбе с бюрократизмом, при этом он предупредил, что речь идет о его личных взглядах, и за ним никто не стоит. Корень бюрократизма, по его мнению, необходимо было искать в том, что партия боролась против буржуазии, опираясь только на теорию и на свою генеральную линию, но не на законы. Этого можно избежать, ведя борьбу против «классового врага» только теми средствами, которые закон не запрещает. Задача государственных органов (суда, службы безопасности, милиции) — не обострять классовую борьбу, а заботиться о выполнении законов. Эти органы должны быть освобождены от всякого партийного вмешательства в свои дела, поскольку в противном случае, при наличии большей власти, они не смогут оставаться демократическими³.

Наиболее пространным было размышление Джиласа в статье «Субъективные силы», опубликованной в газете *Borba* 4 января 1954 г. По его мнению, социалистическое и революционное сознание в Югославии сильно, если речь не идет о вопросах, которые не являются спорными, поскольку уже решены (национализация, единство, защита независимости). Однако если же поднимаются вопросы, которые привносит сама жизнь, как то: классовая борьба в современных условиях, правовые учреждения нового классового устройства, роль управления, политических и общественных организаций, свобода культуры, честная критика бюрократизма, то тех, кто ищет на них ответы, оказывается очень мало. «Сегодня социалистическое самосознание мы можем найти вне официальных и коммунистических организаций, да и вопреки многочисленным коммунистическим форумам и функционерам. Эти так называемые “субъективные силы” мы находим сегодня не только в среде коммунистов и классово сознательных рабочих, но и среди тех, кто хочет построить независимую, социалистическую и демократическую Югославию, несмотря на то, являются ли их взгляды псевдосоциалистическими или

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 626.*

² *Dilas M. Nove sadržine // Borba. 1953. 11.10. S. 3.*

³ *Dilas M. Bez zaključka // Borba. 1953. 29.11. S. 3.*

совпадают с социалистическими догмами того или иного функционера»¹. В статье, которая появилась в газете *Borba* 29 декабря 1953 г., Джилас констатировал, что «сегодня ни одна партия или группа, а еще в меньшей степени какой-нибудь класс, не могут выражать объективные потребности целого общества, никто не может присваивать себе права управлять производственными силами, при этом не парализуя и не угнетая их»².

Эти взгляды имели в югославском общественном мнении большой отклик не только внутри буржуазных, но и внутри партийных кругов, прежде всего средних, которые поспешили выступить с самокритикой на различных общественных мероприятиях. В сочинениях Джиласа они видели предвестие осторожной демократизации режима, которая была согласована с Тито. Джилас поставил все точки над «i» и выразил недовольство многих. При этом интересен тот факт, что *Borba* в рубрике «Письма читателей» сообщала только о позитивных откликах в разных партийных организациях на его статьи. Но Джилас сам указал на негативные отклики в статье, опубликованной 24 декабря. Он привел четыре упрека, которые услышал в свой адрес: что он философ, оторванный от реальности; что всё пишет только для заграницы; что отдаляется от диалектического и исторического материализма и ленинизма; что своими статьями он льет воду на мельницу реакции, которая ссылается на них в борьбе против партии и государственных структур. В ответ на эту критику автор говорил, что его размышления не всегда правильны и оригинальны, но они позволяют составить перечень вопросов для обсуждения, продиктованных объективным развитием современного общества. Новые идеи никоим образом не были идеями масс. Из этого неизбежно рождается столкновение мнений, новых по своей природе, которые сейчас можно обозначить как «анархические», «мелкобуржуазные», «западные», а также старых понятий, таких как «бюрократизм», «сталинизм» или «деспотизм»³.

Наибольшую реакцию вызвала статья, которая вышла в газете *Borba* 27 декабря 1953 г. под заголовком «Союз или партия»; день спустя Джилас, по желанию Тито, был избран председателем только что созданной Союзной скупщины. Конечно же, под «бурные овации»⁴. В упомянутой статье указывалось на то, что партия между V и VI Съездами сильно изменилась, поскольку этого требовало время, так что сейчас не нужны такие серьезные изменения, поскольку статуты, принятые на VI Съезде, весьма гибкие и позволяют вносить организационные изменения. При этом он добавил, что сегодня кризис облика и внутреннего содержания политико-идеологической работы весьма глубок. Растущая свобода в экономике натолкнулась на старые отношения и взгляды. «Сейчас мы должны рассуждать обо всей нашей

¹ Dilas M. Subjekrivne snage // *Borba*. 1953. 27.12. S. 3.

² Dilas M. Objektivne snage // *Borba*. 1953. 29.12. S. 3.

³ Dilas M. Odgovor // *Borba*. 1953. 27.12. S. 3.

⁴ *Dedijer V. Novi prilozhi. Vol. III. S. 626; Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 47.*

предыдущей организационной и идеологической системе и аппарате — речь идет о фундаментальных изменениях»¹.

Джилас назвал смешным упрек в том, что он хочет распустить партию. Он хотел ее только реорганизовать, так как Союз коммунистов больше не являлся старой КПЮ — в его руках нет уже всей власти; что касается состава ее членов, то он больше не являлся гомогенным. Носители социалистического сознания — не только коммунисты, но и широкие народные массы. Особенно после войны Союз коммунистов «окрестьянился» и бюрократизировался, а также стал притягателен для тех людей, которые использовали его для получения привилегий. Старая, дореволюционная и революционная Коммунистическая партия, по его мнению, больше не существовала, существовало только ее революционное наследие. «Из-за этого современная работа в базовых организациях <...> партийного аппарата не только бесплодна, но и парализует все творческие начинания коммунистов, их борьбу за демократию и их настоящее участие в политической и общественной жизни <...> Из-за этого коммунистам больше не нужно решать текущие политические вопросы внутри Социалистического союза». Что же еще осталось базовым организациям СКЮ? Выборы функционеров и делегатов и самое важное — внутренняя идеологическая работа. Но и это не должно проходить за закрытыми дверями, в работу должен иметь возможность включиться каждый, кого это интересует. «При современных условиях сегодняшний Союз коммунистов как классическая партия вырождается, но добровольная самодисциплина рядовых коммунистов укрепится». Постепенно Союз коммунистов стал бы твердым идеологическим ядром, которое бы работало рука об руку с Социалистическим союзом подобно тому, как коммунист идет плечом к плечу с гражданином².

В то же время статьи Джиласа привлекли внимание западных дипломатов и журналов, уделивших его размышлениям особое внимание, поскольку считали их самым важным событием в Югославии после разрыва с Информбюро. Эта поддержка «буржуазного» лагеря, конечно же, сыграла не в пользу Джиласа³. Первым, кто указал ему на то, что его положение довольно серьезное, был его друг генерал Пеко Дапчевич, который перед Новым годом был на совещании у Тито на озере Блед и вернулся в Белград с новостью, что «старик» в бешенстве. То же самое несколькими днями позднее подтвердил Кардель. Это вызвало между ними острые дебаты, в которых Джилас проявил неслыханную дотоле со своей стороны дерзость. Он утверждал, что Тито на стороне бюрократии и рано или поздно придется столкнуться с ним. Он предрекал возникновение новой социалистической партии и, в сущности, выступал за двухпартийную систему. Позднее он несколько смягчил свою позицию, и это

¹ *Dilas M. Savez ili partija // Borba. 1954. 04.01. S. 2, 4.*

² *PA. B. 11. Bd. 126. S. 2–12.*

³ *Dilas M. Tito. S. 283; AJ. 837. KPR II-4-a K 164, 165. Avstrijski poslanik Walter Wodak o slučaju druga Dilasa. 14.01.1953.*

позволило Карделю надеяться, что он больше не озвучит подобные идеи. Так или иначе, он решил не сообщать об этом ни Тито, ни Политбюро, хотя знал, что должен был это сделать. Два дня спустя, когда 24 декабря Кардель взял в руки газету *Borba*, он понял, что Джилас остался глух к его доводам. В статье, названной «Ответ», он прежде всего уведомил читателей, что его статьи вызвали критику, на которую необходимо ответить. Он защитился от упрека в абстрактном философствовании, указывая на то, что хочет прямо противоположного, а именно: «оставить мир нереальный, мир избранных и окунуться, насколько это возможно, в реальный мир настоящего трудового народа». Джилас отмечал, что не будет защищаться от упрека, что он еретик. Его ересь «прекрасна» и каждый коммунист должен быть горд тем, что может присоединиться к нему. Что касается его лично, он не готов принять сталинские догмы из вторых рук как истину в последней инстанции. То, как его критиковали, должно быть ясным доказательством «беспринципной, сталинской, бюрократической, псевдомемократической» позиции его противников¹.

В это время Тито прочел его статьи и понял, что Джилас, несмотря на многословность и путанность, собственно говоря, нападал на Союз коммунистов, «что речь идет о ликвидации Союза коммунистов, о подрыве дисциплины»². Об этом узнали и другие, в последующие дни Джилас не мог не почувствовать, что вокруг него начинает образовываться пустота, хотя некоторые товарищи подбадривали его, чтобы он не сдавался. Например, Вукманович — Темпо на приеме правительства в честь Нового года сказал ему: «Джидо, не посыпай голову пеплом, я пойду с тобой до конца»³. Последние две статьи в *Borba* 1 и 4 января Джилас посвятил марксистской доктрине об отмирании государства, причем зашел так далеко, что даже намекнул на «отмирание партии», будто бы в будущем не будут играть роли ни заслуги в освободительной борьбе, ни искренняя коммунистическая убежденность, а только профессиональные знания. Исходя из сказанного выше, Джилас советовал СКЮ избавиться от балласта в виде оппортунистов и карьеристов и сосредоточиться на идеалистах⁴. «Движение вперед сейчас возможно только в демократическом, а не в революционном виде, душу революции можно сохранить только в настоящей свободе <...> Ленинский облик партии и государства устарел»⁵.

¹ *Maclean F.* Josip Broz Tito: a pictorial biography. New York: McGraw-Hill, 1980. P. 416; AS. Dedijer. T.e. 201. Zabeleška o razgovoru druga E. Kardelja sa Vladimirom Dedijerom u Ljubljani. 11. oktobar 1978. Джилас позднее утверждал, что в 1953 г. у него не было идеи создания какой-либо другой партии, он хотел только свободы обсуждения внутри СКЮ. См.: *Vlast kao strast.* S. 30; NARA. Information Report. Yugoslavia. Background of Djilas Removal. 30.03.1954.

² *Simić P.* Tito. Skrivnost stoletja. S. 264; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 532.

³ *Dilas M.* Tito. S. 284; AS. Dedijer. T. e. 201. Zabeleška o razgovoru druga E. Kardelja sa Vladimirom Dedijerjem u Ljubljani. 11. oktobar 1978. S. 13.

⁴ PA. B. 11. Bd. 126. 1. S. 24–32.

⁵ *Simić P.* Tito. S. 263; *Swain G. R.* Tito. A Biography. P. 105.

«Черногорский энтузиаст» в конце декабря 1953 г. осознал, что больше не может быть под крылом Тито, хотя в прошлом утверждал, что нет такой силы, которая могла бы его отдалить от него¹. Позднее он пытался объяснить это «откровением» по пути в Дамаск, ощущением, что не может больше следовать политике ЦК СК, а тем более принимать в ней участие. «Тяжело, невозможно совсем объяснить такие быстрые изменения, такие судьбоносные для человека и на вид бессознательные решения». Решения «о личной интегрированности, которые находятся в тисках правильности или неправильности идей <...> Есть идеи, которые, если они не принадлежат людям, готовым, скажу больше, принужденным своей судьбой, идти на жертвы, то это идеи для гербария, и они не живут в живых людях»². Это размышление, конечно же, было написано *post festum*³, в то мгновение, когда Джилас пытался внести рациональное зерно в это противостояние. Судя по письму, которое он отправил Тито 13 января 1954 г., можно было бы прийти к выводу, что его упрямство породила прежде всего обида, поскольку ему казалось, что Тито стал пренебрегать им. В январе 1953 г. он был назначен заместителем председателя исполнительного веча, а в декабре того же года «только» председателем скупщины. «Незадолго до Нового года, до того, как разгорелся конфликт, я отправился к Карделю и сказал ему приблизительно следующее: последнее время мне кажется, что у тебя есть на меня зуб, но ты не хочешь мне об этом сказать прямо, и поскольку ты, вероятно, решил постепенно вытеснить меня на обочину, а именно так нужно понимать мое выдвижение на должность председателя скупщины, всё это для меня тягостно и дает ощущение невыносимости положения, в котором я никогда прежде не оказывался»⁴.

Поступил ли он так исходя из своей убежденности, что должен спасти революцию и самого себя, или из эмоционального порыва, Джилас увенчал свое творчество эссе, которое опубликовал незадолго до того в культурно-политическом журнале *Nova misao* под вызывающим названием «Анатомия некоей морали». Хотя он уже знал о недовольстве Тито и был приглашен на Брдо, чтобы обсудить с ним возникшие разногласия, в телефонном разговоре с Ранковичем он отверг возможность «броситься к ногам монарха»⁵. Напротив, в какой-то горячке он поспешил с публикацией, уверенный в том, что должен выполнить свою миссию. «Своими статьями, — пишет Стане Кавчич, один из видных словенских политиков послевоенного поколения, — Джилас первый поднял многие вопросы социализма и демократии, но, к сожалению, таким образом, что принес больше вреда, нежели пользы»⁶. Это касается «Анатомии морали», которая была напечатана случайно, поскольку нужно было

¹ *Dedijer V. Novi prilozci. Vol. II. S. 944.*

² *Đilas M., Gaće N. Bošnjak Adil Zulfiarpašić. Zagreb: Bošnjački Institut; Nakladni zavod Globus, 1995. S. 150, 151.*

³ Задним числом (*лат.*).

⁴ *AJ. 838, LF, II-1, A-J. Đilasovo pismo Titu. 13.01.1953.*

⁵ *Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968 / 1969–1980). S. 37.*

⁶ *AS. Dedijer. T. e. 188. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 66.*

заполнить освободившееся место в журнале из-за отказа Йоже Вилфана, главного секретаря Тито, предоставить статью о государственном капитализме. В своем сочинении Джилас безапелляционно заклеил «лживую классовую мораль» правящей партийной прослойки, к которой принадлежал сам, и приписал ей все недостатки буржуазии. Своих товарищей он обвинил в том, что они создают эксклюзивную касту, закрытую для всех «новых членов партии». В первую очередь он подверг нападкам жен высоких партийных функционеров, которые не захотели принять в свой круг молодую и красивую актрису Милену Врсякову, которой был 21 год, вышедшую замуж за народного героя, черногорского генерала Пеко Дапчевича. Причина? В годы войны она не сражалась в партизанских рядах, поскольку тогда ей было только 13 лет. Этот памфлет имел слишком личный характер, чтобы его могли простить высокопоставленные лица: он задел за живое, поскольку в югославских кругах образовался так называемый «клуб бывших партизанок», которые участие в борьбе вместе со своими мужьями приравнивали к некоему аристократическому знаку отличия. О более молодых женщинах, которые оказывались в их кругу в результате заключения брака, они не могли сказать ничего хорошего: «Эх, где были эти в коротких юбках, когда деревья от мороза трещали!»¹ Джилас подобное отношение заклеил иронией и с сарказмом поведал еще много «об экзальтированных женщинах наполовину крестьянского происхождения» и «весьма скромного образования», уверенных, что за партизанские заслуги они могут «скупать роскошную мебель и произведения искусства, не имея при этом вкуса, но при помощи этих предметов роскоши они удовлетворяют свои примитивные инстинкты алчности и раздутых представлений о своем социальном статусе с претензией и всезнайством невежд»².

Руководство Антифашистского фронта женщин начало лихорадить, внутренние конфликты ускорили окончательную «ликвидацию» Джиласа. Тито понял, что речь идет о попытке моральной дискредитации его самого и его товарищей, которых Джилас отчитал за то, что они больше не являются носителями революционной мысли. Они действительно замкнулись в своей исключительной привилегированной группе, в которой из 135 членов ЦК только пятеро вступили в партию во времена войны, в то время как все остальные стали ее членами еще в годы Коминтерна³. Когда он был приглашен к Тито в первые дни января 1954 г., чтобы в присутствии Карделя и Ранковича изложить свою позицию, он вел себя сначала агрессивно и даже начал критиковать классиков марксизма, указав на то, что их утверждения не всегда верны. Тито был потрясен: «Ты готов это прилюдно

¹ Ranković A. Dnevničke zabeleške. S. 153; Ridley J. Tito. A Biography. P. 328; Dedijer V. My two Comrades // Cross Currents 4. A Yearbook of Central European Culture, 1985. P. 415.

² Ridley J. Tito. A Biography. P. 329; Maclean F. Josip Broz Tito. P. 419.

³ Dedijer V. Novi prilozci. Vol. III. S. 532; NIE 15-61, Outlook For Yugoslavia. 23. 5. 1961 // Yugoslavia. From «National Communism». S. 256.

подтвердить?» — «В любое время и буду очень рад!»¹ «Ты другой человек», — прокомментировал Тито и потребовал, чтобы он отказался от должности председателя скупщины². Джилас тогда попытался защититься, напомнил о своей особой преданности Тито, обо всех статьях, в которых его возвеличивал и в которых, в полемике с Советским Союзом, подчеркивал демократическую сущность его политики, но эти доводы не были услышаны³. Для Тито, как и для Карделя с Ранковичем, слова Джидо были весьма болезненны. Когда Джилас на упомянутой встрече попросил чашечку кофе, заметив, что не выспался, Тито ответил: «Другие тоже не спят»⁴. 7 января 1954 г. норвежский посол в Белграде пригласил Джиласа посетить с деловым визитом Скандинавию в сопровождении биографа Тито Владимира Дедиера. Джилас приглашение принял. 10 января *Borba* опубликовала заявление Исполнительного комитета (его новое название — Политбюро), в котором отмечалось, что его статьи, и прежде всего статья «Анатомия морали», вызвали среди членов СКЮ беспокойство, принимая во внимание его высокую должность. «Статьи товарища Милована Джиласа — это результат его личных размышлений, которые существенно противоречат мнению членов исполнительного веча, духу решений VI Съезда и решениям Второго пленарного заседания ЦК СКЮ. Он опубликовал их, не уведомив товарищей из исполнительного веча о тех идеях, которые собирался обнародовать, а также вопреки тому, что после публикации первых статей некоторые товарищи указали ему на их очевидный вред и на то, что они могут негативно повлиять на развитие СКЮ и строительство социалистической демократии в нашей стране». С этого момента над ним началась общественная расправа; Борис Зихерл, один из виднейших словенских теоретиков, начал публикацию серии статей, в которых подверг критике идеи Джиласа. В Белграде между тем уже ходили слухи, что Джидо «троцкист» и это его весьма обеспокоило. Дедиер, который в то время был постоянно рядом с ним, описывает его так: бледный, изможденный, с вытаращенными глазами он бродил по своему учреждению, размахивал пистолетом с серебряной рукояткой, подарком генерала Корнеева, и угрожал, что убьет всех клеветников, а потом жену, ребенка и себя⁵.

Конец единства югославской четверки

13 января 1954 г. Джилас был исключен из Исполнительного комитета СКЮ, что побудило его послать Тито личное письмо, с тем чтобы высказать ему некоторые соображения «после семнадцати лет совместного труда,

¹ *Dilas M. Tito. S. 103.*

² *Ibid. S. 273.*

³ *Ibid. S. 275.*

⁴ *Ibid. S. 286.*

⁵ *Dedijer. T. e. 165. Govor V. Dedijerja na I. Plenumu CK ZKJ, str. 3, 4; Dedijer V. My two Comrades. S. 416, 417.*

которые касались их личных отношений и которые между ними остались не проясненными». Объяснив, что в последние месяцы он испытывал дискомфорт из-за сдержанного отношения к нему Тито, он счел нужным пояснить свой последний памфлет. «Прошу прощения у тебя из-за “Анатомии”, но только за то, что, совершенно не имея тебя в виду, постоянно думал, что ты вынужден, к сожалению, жить той жизнью, которой живешь (к другим это не имеет отношения). Ничего такого мне не могло бы прийти в голову относительно товарища Йованки, которую я всегда уважал за исключительный характер, и которая сама стала жертвой злобы. (Не думай, что этим я льщу тебе или ей, или “интригую”, тем более что это последний привет ей от моего лица и от имени моей супруги) <...> Я достаточно спорил с тобой в своей жизни, наши споры всегда были небольшие и нервные, частично из-за моего необузданного темперамента. Но я никогда не был неискренен с тобой, кроме тех случаев, о которых сказал. У меня не было другой возможности сказать тебе всё это. Джидо»¹.

Если Джилас надеялся, что этим сердечным излиянием смягчит Тито и останется в ЦК, то он ошибся. Вопреки предостережениям одного из лучших знатоков и друзей Югославии, австрийского посла Вальтера Водака, что режим столкнулся с испытанием, исход которого повлияет на его дальнейшие отношения с границей², 16 января, спустя три дня после исключения Джиласа из Исполнительного комитета, был созван III внеочередной Пленум ЦК СКЮ, на котором обсуждалось его «дело». Инициатива исходила от Тито, он лично дал задание Карделю и Ранковичу его провести. О пленуме, на котором присутствовало 108 делегатов, Джиласа никто не оповестил, он узнал о нем из газет³. Это была горькая неожиданность, поскольку Джилас надеялся, что столкновение можно будет сгладить без общественного резонанса и без особого вреда его карьере. Он рассчитывал, что останется в ЦК и ему будет позволено хотя бы в более мягкой форме и дальше развивать свои мысли⁴. Он понял, что, опубликовав статью в *Novi misao*, поступил глупо: «Я большой ребенок... Я не государственный деятель. Всё бы плохо кончилось, если бы я руководил государством»⁵.

Тито решил его полностью изолировать, и перед заседанием с этой целью провел несколько бесед с членами ЦК, которых считал колеблющимися или симпатизирующими позициям Джиласа. Ссылаясь на единство партии и на вред, который Джилас нанес государству, он легко сумел их переубедить и перетянуть на свою сторону всех, за исключением Дедиера⁶. На III Пленуме, который состоялся в Белграде, в атмосфере, наполненной напряженностью и страхом, первым слово взял Тито. Он акцентировал свое

¹ AJ. 838. LF, II-1, A-J. Dilasovo pismo Titu. 13.01.1953.

² Ibid.

³ *Dilas M. Tito. S. 279; Nenadović A. Razgovori s Kočom. S. 167; Dedijer V. Novi prilozii. Vol. III. S. 531; Ridley J. Tito. A Biography. P. 329.*

⁴ *Dilas M. Tito. S. 284.*

⁵ *Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 39, 43.*

⁶ *Dilas M. Tito. S. 286; Clissold S. Dilas. P. 246; Dedijer V. My two Comrades. P. 422.*

внимание на вреде сочинений Джиласа, на том, что он подрывает дисциплину внутри партии и тем самым способствует ее уничтожению, угрожая в том числе и существованию государства. Джилас проповедует абстрактную демократию, цель которой она сама, демократию, которая ведет к анархии: «антисоциалистические формулировки», «раскол союза коммунистов...» За ним выступал Джилас, который, бледный от волнения и нервного истощения, защищал свои взгляды, хотя и признал, что не стремится к тому, чтобы другие с ним соглашались. «Моя самая большая ошибка заключалась в том, что я обнародовал свою позицию, не обсудив ее сначала со своими коллегами, поскольку думал, что настало время, когда можно открыто выразить свои личные взгляды, невзирая на мою должность». Кардель, которому было дано задание теоретически разбить идеи Джиласа, обвинил его в ревизионизме самого худшего типа, который в конце XIX в. внес в марксистскую доктрину немецкий социал-демократ Эдуард Бернштейн¹. При этом, похоже, его не смущало то, что и Сталин ссылался на Бернштейна, когда в 1948 г. обвинял Карделя и Тито. Не помогли и заверения Джиласа, что он никогда не читал Бернштейна. Полемизируя о критике партии, Кардель отметил важность ее наличия, особо подчеркнув, что критика является необходимым инструментом в борьбе за социализм и за развитие демократических процессов в Югославии. «Может быть, он был еще большим еретиком, чем Джилас, — отмечал Деджер, — но он был более умным и более гибким человеком, он умел вовремя отойти в сторону, а также при необходимости мимикрировать. В некоторых вопросах он уступал, но защищался насмерть»².

Джилас его выступление воспринял как предательство, поскольку в предыдущие месяцы они виделись почти каждый день, подолгу говорили по телефону, не столько по делам, сколько обсуждая общие мысли и планы³. Но Кардель был слишком прагматичен, чтобы не понимать, к какой пропасти движется Джилас, и из-за этого стал с ним более осторожен и сдержан⁴. Джилас нравился Карделю из-за его несколько «диковатой искренности и открытости», поскольку «высказывал всё, что приходило ему в голову». Кардель понимал, что в своих «необузданных амбициях» и абстрактных концепциях Джилас переоценивает широту демократических процессов в Югославии, и не был готов вместе с ним встать на путь, ведущий к гибели⁵. Кардель утверждал, что на какое-то мгновение Джилас повредился умом, но при этом решил, что будет ему противостоять, особенно когда

¹ *Dilas M. Tito. S. 274; Vlahović V. Strogo pov. S. 71; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 532; Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 51; Kranjc M.F. Zarote in atentati na Tita. S. 275.*

² *AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 315; Dedijer V. My two Comrades. P. 432; Dilas M. Vlast kao strast. S. 30.*

³ *Dilas M. Tito. P. 204.*

⁴ *Ibid. S. 277; Cencić V. Titova poslednja ispovijest. S. 153.*

⁵ *Dilas M. Tito. P. 278; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 425; AS. Dedijer. T. e. 7. Intervju s Kardeljem.*

узнал мнение Тито¹. В своем выступлении, помимо прочего, он рассказал, что Джилас говорил ему о возможности существования двух социалистических партий, которые бы соперничали между собой (но не упомянул, что одна из них должна была быть антититовской)².

Тито хорошо осознавал, что собака знает, чье мясо съела, и пошел еще дальше, заклеив Джиласа как «классового врага». Он считал, что ликвидировать Коммунистическую партию в Югославии невозможно, поскольку она ответственна за осуществление целей революции, и ей не место «на свалке среди металлолома». К этой позиции присоединились все члены ЦК. Со слезами на глазах их поддержал Светозар Вукманович — Темпо. Моше Пияде, который, по мнению Карделя, был оппортунистом и демагогом, и который терпеть не мог Джидо со времен плена, говорил о политической порнографии, несмотря на то что в прошлом соглашался с его статьями. «За ночь собрал все обиды, которые накопились, и вылил их на меня»³.

Единственным, кто за него заступился, помимо бывшей жены Митры Митрович, был Владимир Дедиер. Со слезами на глазах и в предобморочном состоянии он отметил, что его статьи жадно читали и члены Исполнительного комитета, осуждающие его сегодня. «Джилас только хотел систематизировать наши взгляды». Но от его выступления отгородился и сам Джилас, поскольку оно несло в себе не политическую, а эмоциональную аргументацию. Он не знал, что Дедиер его защищал не столько из-за дружеских чувств, сколько из-за желания доказать, что он не трус, — в годы войны в трусости его обвинил Джилас перед Тито⁴.

На упреки Джилас, «лучший оратор партизанской революции», не смог правильно ответить⁵. Он последовал совету Карделя покаяться, запутался в самокритике, даже частично отказался от своих идей, поскольку всё еще верил, что они имеют значение и влияние только в КП. Как позднее отмечал Джилас, на пленуме он обнаружил в себе росток мазохизма, когда «всё плохо, но пусть будет еще хуже». В конце он был полностью уничтожен, «бегал по залу от одного человека к другому, будто в поисках помощи». Он знал, что, возможно, сделал самую большую ошибку в своей жизни⁶. Хотя «он совершил последний “подвиг” коммуниста: отрекся от своих убеждений

¹ Archiv ministerstva zahranicnih veci (AMZV). Zprávy ZU. Belehrad 1973–1975. 01144/73. V Belehrade. 7. Srpná. 1973; *Ćosić D. Piščevi zapisi* (1969–1980). S. 241.

² *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. III. S. 129, 536.

³ *Ibid.* S. 131; *Pirjevec J. Jugoslavija 1918–1992*. S. 217; AS. *Dedijer. T. e. 201. Zabeleška o razgovoru druga E. Kardelja sa Vladimirom Dedijerom u Ljubljani*. 11. Oktobar 1978. S. 19; *Dilas M. Vlast kao strast*. S. 30; *Lukić V. Sećanja i saznanja — Obračun sa Aleksandrom Rankovićem i Brionski plenum*. Titograd: Slobodno izd., 1989. S. 40.

⁴ *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. III. S. 537; *Gligorijević M. Rat i mir Vladimira Dedijera*. S. 200, 201; AS. *Dedijer. T. e. 165. Govor V. Dedijerja na I. Plenumu CK ZKJ*. S. 3; *Dedijer V. My two Comrades*. S. 418, 430, 437.

⁵ *Ćosić D. Piščevi zapisi* (1951–1968). S. 51.

⁶ *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. III. S. 539; *Dilas M. Vlast kao strast*. S. 30.

и достоинства», подражая жертвам сталинских процессов¹, Тито не смягчился. Наоборот, поскольку он восхищался мужественными людьми, даже если они были противниками, Джилас своим моральным «самоубийством» (а вместе с ним и Дедиер) упали в его глазах. Выслушав его самокритику, он сказал: «...посмотрим, насколько она искренна». Иностранным журналистам он заявил, что самое страшное, что может произойти с Джиласом, — это политическая смерть, при этом не скрывал обеспокоенности расколом, который произошел².

Поскольку Джиласа не обвинили во фракционизме, так как Тито считал, что «здесь речь не шла о какой-то группировке»³, ему сделали последнее предупреждение, не исключили из СКЮ, но выгнали из ЦК. Тито также не хотел, чтобы западная общественность посчитала, что он прибегает к мерам, которые предпринимает в подобных ситуациях Советский Союз. Джилас позднее записал: после полученного опыта с Андрией Хебрангом и с членами Информбюро Тито, когда речь шла о партийных функционерах, следовал правилу: «Не голову, а по голове!»⁴ Последовала жесткая публицистическая кампания, которая, естественно, была инициирована сверху, при этом Джиласу не помогло даже заявление, что он признаёт свои ошибки, «как будто черт отпустил мою душу»⁵. Комиссия, которую возглавил Владимир Бакарич, 20 января отстранила его от всех общественных функций, и он сам отказался от поста председателя скупщины⁶. На следующий день избиратели из Панчево потребовали, чтобы Владимир Дедиер из-за двуличности сдал депутатский мандат⁷. В годы войны Дедиер получил серьезную травму головы, после чего у него начались эпилептические припадки, но после всех этих событий его врач отказался его посещать. Когда Тито об этом узнал, он направил ему своего врача⁸. Это был единственный жест милосердия, которого удостоились оба еретика.

Место председателя Союзной скупщины занял бывший товарищ и противник Джиласа Моше Пияде, в Исполнительный комитет были включены еще двое: словенец Миха Маринко и серб Петр Стамболич. Таким образом, в Комитете укрепилась группа ортодоксальных коммунистов. Черногорские студенты, которых в Белграде было особенно много, в большинстве своем симпатизировали Джиласу. Во время травли, объектом которой он стал, они печатали и распространяли листовки в его защиту. Власти арестовали около десяти инициаторов этой акции, а несколько черногорских офицеров

¹ *Ćosić D. Pišćevi zapisi (1951–1968)*. S. 53.

² *Đilas M. Tito*. P. 109, 135.

³ *Ibid.* P. 285.

⁴ *Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost*. Vol. I. S. 371.

⁵ *Clissold S. Đilas*. P. 254.

⁶ AMZV. Zprávy ZU. Belehrad 1973–1975. 01144/73. V Belehrade. 7. srpna 1973.

⁷ PA. B 11. Bd. 126. S. 31.

⁸ *Ćosić D. Pišćevi zapisi (1951–1968)*. S. 55; *Dedijer V. My two Comrades*. P. 438.

были перемещены на всякий случай в глубь страны¹. Пеко Дапчевича сняли с должности командующего Генеральным штабом и он вынужден был довольствоваться должностью члена союзного правительства². Но всё это коснулось не только черногорцев: бóльшая часть интеллектуальной элиты, для которой Джилас был идолом, «самой продвинутой фигурой в югославском революционном движении», была напугана, она ощутила себя на одной с ним скамье подсудимых: «Коммунисты первыми отобрали свободу у себя, потом у других. Это большая трагедия нашего бытия. Революция превратилась в религию. <...> Партийная бюрократия боится всех, кто мыслит», — написал в своем дневнике Добрица Чосич, а его друг писатель Оскар Давичо даже угрожал покончить с собой³.

Дошло и до небольших чисток, наиболее подходящей жертвой стал Душан Диминич, член ЦК СК Хорватии и главный редактор еженедельника *Naprijed*. Большинство тех членов партии, которые вчера еще были воодушевлены Джиласом и пропагандировали его идеи, сейчас посыпали голову пеплом и громко заявляли, что решение ЦК СКЮ политически взвешено и логично⁴. Джилас и Дедиер были 30 января оповещены, что они не имеют права покидать страну, в связи с этим провалился их план отправиться в Скандинавию. Справедливости ради следует сказать, что бывшие товарищи, начиная с Тито и Ранковича, предлагали Джиласу поговорить, но он не принял предложения, поскольку решил порвать отношения не только с ними, но и с идеологией⁵. На это решение не повлияло даже то, что он остался без министерской зарплаты, его жена не работала и семья жила только на гонорар (220 тыс. динаров), который он получил за свои роковые статьи⁶. (Гонорар был вовсе не маленьким, поскольку в среднем зарплата в Югославии была приблизительно 9 тыс. динаров). Эти деньги он хотел подарить библиотеке в Никшиче, но руководство ему эту сумму вернуло, не желая иметь дела с грязными деньгами предателя социализма. «Моя мать, благоразумная черногорская крестьянка, говорит: “Бог их благослови, иначе у нас не было бы денег”»⁷.

Спустя два месяца Джилас, за которым бдительно следило УГБ, решил выйти из СКЮ. Согласно рассказу Дедиера, «одна словенка, которая была его главным связующим звеном с этой республикой и которая его постоянно уговаривала писать эти статьи, плюнула ему в лицо, когда он со шляпой в руках появился на встрече партийной ячейки в элитном округе, где жил». Джилас ответил ей со всей страстью своего пламенного характера⁸. Спустя

¹ PA. B 11. Bd. 126. 2. S. 102.

² Ibid. Bd. 1225. 1. S. 000023-24.

³ Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 38–40, 50, 54.

⁴ Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 26.

⁵ Ibid. S. 26.

⁶ PA. B 11. Bd. 126. 1. S. 84–85.

⁷ Ibid. Bd. 123. 3. S. 200; Dilas M. Vlast kao strast. S. 30.

⁸ AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 313.

некоторое время он появился перед домом Марии Вилфан, жены личного секретаря Тито, которая в Дединье возглавляла упомянутую ячейку. Он позвонил, и двери открыл средний сын Вилфана, тринадцатилетний Ерней. «Отдай это матери», — сказал он и вручил ему партийный билет¹.

После устранения Джиласа из политической жизни, Ранкович оказался в стороне, но это не означало, что он не вел закулисную игру. С помощью своих агентов в партии он оказывал влияние на общественное мнение внутри СКЮ таким образом, что афера Джида не могла закончиться никак иначе, кроме как драматичным приговором, вынесенным на III Пленуме. По словам Дедиера, именно Ранкович уговорил Тито расправиться с Джиласом подобным образом, поскольку хотел отделаться от опасного соперника, после падения которого он начал хорошо спланированную травлю. Более того, одним ударом он хотел свалить и Карделя, поскольку намеревался стать «первым хозяином» при Тито (так его называли люди из ближнего окружения). Кардель узнал об этом и поэтому обострил свои отношения с Джиласом, хотя вначале он не был склонен поддерживать его полное отстранение от власти. «На III Пленуме, — рассказывает Дедиер, — он через очки, которые ему помогали скрыть свои мысли, постоянно бросал взгляды на Ранковича. Не прошло и года после смерти Сталина, как в январе 1954 г. было разбито единство “югославской четверки”»².

* * *

Хотя советские средства информации не уделили большого внимания этим событиям, в московских руководящих кругах восприняли расправу с Джиласом со вниманием и одобрением, поскольку югославское правительство, отрекшись от «буржуазно-анархического ревизионизма», в то же время отказалось от критики советской системы³. В этом смысле весьма красноречива статья, вышедшая в газете Информбюро под заголовком «Пример Джиласа и югославская действительность». В ней было написано, что внутренняя и внешняя политика югославского правительства, опирающаяся на сотрудничество с Западом, пережила перелом и Югославии не остается ничего другого, как выбрать один из двух путей: либо остаться под ярмом иностранных монополий, либо снова воскресить братские отношения с народами миролюбивого лагеря, тем самым вступив на путь экономического и культурного подъема. Югославская пресса и радио утверждали, что речь идет о старой пропаганде сталинских кругов и было бы ниже их достоинства отвечать на подобные сочинения⁴. На самом деле на внешнеполитической арене что-то начало меняться. В обращении к III Пленуму ЦК 16 января 1954 г. Тито повторил то, о чем часто говорил в последние годы, — что Югославия приближается к Западу, но это не влияет на ее внутреннюю политику. Самая большая ошибка Джиласа заключалась в том, что он этого

¹ Рассказ Ернея Вилфана автору.

² AS. Dediđer. Т. е. 111. Tipkopolis za IV. zvezek Titove biografije. S. 297-E, 312, 314.

³ Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 257, 258; *Rajak S. Yugoslavia*. P. 59, 60.

⁴ РА. В 11. Bd. 126. 1. S. 84, 85; Bd. 123. 1. S. 102.

не понимал¹. Исполнительный комитет предложил ему в письменной форме изложить свои идеи, чтобы проверить, возможно ли разрешить возникший конфликт. Но так как Джилас переживал из-за унижения на III Пленуме ЦК, он не хотел об этом ничего слышать. Когда Дедиер передал ему это предложение, Джидо начал сомневаться и в своем давнишнем друге, полагая, что он агент Тито. В таких условиях следующий инцидент был только вопросом времени². 22 декабря 1954 г. лондонская газета *Times* опубликовала интервью Дедиера, которое тот дал журналисту британского издания. В этом интервью Дедиер говорил о давлении, которому он подвергся из-за лояльности к Джиласу: «Я не соглашался и не соглашаюсь с некоторыми теоретическими положениями господина Джиласа, хотя я его уважаю как интеллектуала и гуманиста <...> Я не могу разорвать отношения с человеком, который сейчас настолько одинок. Я считаю, что коммунист в первую очередь должен быть человеком, и любое политическое движение, которое пренебрегает этикой и моралью, носит в себе ростки самоуничтожения»³. В это же время, перед отъездом Тито в Индию и в Бирму, Джилас дал интервью журналисту *New York Times* в Белгаде, в котором подверг критике югославскую внешнюю и внутреннюю политику, утверждая, что власть находится в руках наиболее реакционных элементов в партии, и требовал свободы слова и введения двухпартийной системы. На съезде ЦК Боснии и Герцеговины в Сараево Кардель, который замещал Тито во время его отсутствия, выступил с острой критикой двух «обанкротившихся политиков», которые стали орудием в руках врагов Югославии в надежде, что они скоро вернуться к власти. Дедиер созвал у себя дома пресс-конференцию для иностранных журналистов, где намеревался опровергнуть заявления Карделя. Когда журналисты пришли, у дверей их ожидала группа сотрудников УГБ, которые сообщили им, что пресс-конференции не будет. С Джиласом он встретился 24 января 1955 г. в суде. В качестве адвоката они избрали Иво Политео, который в 1928 г. защищал Тито, а после войны — главарей усташей и архиепископа Степинаца. На завершающем заседании суда, которое было частично закрытым, но Политео назвал его корректным, приговоры, вынесенные судьями, были достаточно мягкими. Джиласа осудили на полтора года тюремного заключения, Дедиера — на полгода, и обоих условно. Если первый в ближайшие три года не совершит ничего противозаконного, а второй — в ближайшие два, то приговор будет отменен⁴. Было очевидно, что власти не хотели раздувать инцидент, чтобы избежать неприятной полемики с Западом, как с облегчением констатировали дипломатические круги в Белграде⁵.

¹ Ibid. Bd. 126. 1. S. 28.

² Ridley J. Tito. A Biography. P. 332; NARA, CREST, Yugoslavia, 20.05.1954.

³ Maclean F. Josip Broz Tito. P. 430, 431.

⁴ Dediđer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 557–559; AS. Dediđer. T. e. 244. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Trinajsto poglavje. S. 511.

⁵ PA. B 12. Bd. 546.

Интервью Джиласа западным журналистам и приговор к тюремному заключению

Когда стало известно о трудностях, с которыми столкнулись Джилас и Дедиер, их британские друзья начали интересоваться, чем им можно помочь. Было решено, что они не будут выступать перед общественностью, поскольку это ухудшит ситуацию, однако частным образом побеседовали с югославским послом в Лондоне, связались с индийскими социалистами и просили их похлопотать об осужденных перед Тито. Возможно, это было не совсем безуспешным предприятием. Среди членов СКЮ мягкий приговор Джиласу и Дедиеру встретил в основном одобрение, а некоторые националистически настроенные круги в Сербии считали, что «словенцы и хорваты пытаются вытеснить сербов со всех важных позиций в руководстве страны». Черногорца Джиласа они считали сербом¹.

Джилас был воодушевлен исходом процесса. «Этот приговор — прекрасная и великая вещь», — сказал он друзьям (и конечно же, УГБ). «Это дело рук Тито. Благодаря этому авторитет Тито возрос во всей стране и в мире. Приятно удивлен наличием демократии у нас <...> Я ожидал двух-трех лет строгого режима». Он поклялся, что будет уважать решение суда и что больше не будет иметь дела с политикой. Но спустя некоторое время изменил свое мнение, расстроившись, когда власти лишили его военной пенсии, которую он получал на протяжении всех последних месяцев и когда начались гонения на людей из его круга. Его выселили из виллы, где он жил, предоставив апартаменты в центре города, которые находились под строгим полицейским надзором. Помимо всего прочего, сотрудники УГБ часто устраивали провокации ему и его жене, пытались разрушить их брак и угрожали им физически. Из-за всего этого Джилас в своих заявлениях был импульсивен, с насмешкой отзывался о женах высших руководителей, указывал на то, что в Югославии люди занимают должности не за способности, а за доверие и преданность режиму. О жизненном стандарте в государстве он говорил следующее: «Как правило, у нас почти все культурные люди худые. Чего не скажешь о руководителях, которые только жрут и разбазаривают народное имущество. Если бы не это мотовство, другие люди не жили бы так бедно»². В апреле 1956 г. он отправил два письма на имя Моргана Филлипса, секретаря британской лейбористской партии, в которых просил его поддержки³. Филлипс в письме Тито акцентировал внимание на «человеческой стороне проблемы», тем самым ухудшив положение, поскольку

¹ AJ. 837. KPR II-4-a. K 163. Komentari posle sudjenja Đilasu i Dedijeru. 12.11.1955; K 164, 165. Morgan Phillips (Secretary Labour Party) Titu. 21.04.1956.

² Ibid. PR. II-4-a. K 163. Komentari posle sudjenja Đilasu I Dedijeru. 12.11.1955; Djokić D. Britain and Dissent in Tito's Yugoslavia: The Đilas Affair. 1956 // European History Quarterly. 2006. Vol. 36, No. 3. P. 374; NARA, CREST. Current Intelligence Bulletin. Possible Reopening in Yugoslavia of the Djilas Case. 27.05.1956.

³ Djokić D. Britain and Dissent in Tito's Yugoslavia. S. 371–195.

югославы в газете *Borba* ответили, что лучше бы они беспокоились о «человечности» колониальной власти Великобритании на Кипре и в Кении¹. Уже в конце мая 1956 г. Джилас во время визита Тито в Москву послал открытое письмо в *New York Times*, а в начале июня, воспользовавшись случаем, дал интервью Джиму Беллу, директору европейского бюро американской газеты *Times*, с очевидным намерением своей критикой режима заслужить ореол мученика. Но с этим ему не повезло — сам Ранкович заявил, что власти не будут реагировать, и тогда он обратился к французской общественности и опубликовал в *Paris Press* и в *Journal Amerikan* статью, в которой обвинил Хрущева в том, что на самом деле он не думает проводить политику «оттепели». В этот раз в полемику с ним вступили ведущие белградские газеты *Borba* и *Политика*, но опять-таки без тяжелых последствий. В беседе с иностранными журналистами Джилас потом заявил, что эта реакция его не беспокоит, и предсказал, что еще будет печататься на Западе. При этом он дал понять, что не готов навсегда отказаться от политической деятельности²; это он и доказал следующей осенью, когда вспыхнула «антисталинская» революция в Венгрии. В конце октября он дал интервью информационному агентству АФП, в котором подверг критике позицию Югославии, воздержавшейся от голосования в Совете безопасности ООН по вопросу о советском вмешательстве в дела Венгрии. При этом он обвинил югославскую дипломатию в догматизме и идеологической ограниченности. Свое осуждение он подкрепил публикацией в левой американской газете *New Leader*, в которой утверждал, что «коммунистические режимы Восточной и Средней Европы должны отдаляться от Москвы, в противном случае существует опасность, что их зависимость от нее будет возрастать всё больше. Югославия тоже не сможет избежать этого выбора. Как сопротивление Тито Сталину привело к неизбежному зарождению национал-коммунизма, так революция в Венгрии — начало полной гибели коммунизма»³.

После этих сенсационных заявлений информационное агентство ГАНЮГ 20 ноября 1956 г. сообщило, что против Милована Джиласа было возбуждено дело и что он уже арестован. Ему вменялось нарушение 118-й статьи уголовного права (антигосударственная деятельность и вражеская пропаганда), поскольку существовало «обоснованное подозрение, что он подверг критике югославскую внешнюю политику и внутреннее устройство, опубликовал статьи в иностранной прессе, которые являлись лживыми и не соответствовали действительности». Дедиер поспешил другу на помощь с открытым письмом, адресованным Тито, которое не было опубликовано и не оказало влияния на развитие событий⁴. Несмотря на то что за него заступился Влади-

¹ PA. B 12. Bd. 542.2; *Djokic D.* Britain and Dissent in Tito's Yugoslavia. P. 376.

² PA. B 12. Bd. 546.

³ Ibid; *Clissold S.* Dilas. P. 269.

⁴ PA. B 12. Bd. 546; NARA, CREST. Current Intelligence Bulletin. Yugoslav Arrest of Djilas. 21.11.1956.

мир Бакарич¹, в следующем месяце Джилас предстал перед судом, обвиненный в том, что в исключительно серьезных международных обстоятельствах критиковал Югославию и ее руководителей, обвинив их в национальном предательстве: якобы государство, по его мнению, находится в руках класса бюрократии, который замедляет ее демократизацию. Тем самым он пытался предоставить противнику аргументы, используя которые, тот мог бы оказывать давление на Югославию. Судебный процесс, который был закрытым, длился один день — теперь было ясно, что власти пытаются как можно скорее покончить с делом Джиласа и тем самым в зародыше уничтожить дальнейшие толки: прежний приговор был аннулирован и теперь его отправили на три года за решетку². Как заключенный № 6880 он оказался в г. Сремска-Митровица, где сидел еще до войны. На этот раз к нему не проявили жалости: его посадили в одиночную камеру, где не было ничего, так что спать ему приходилось на голом полу. Приговор имел большой отклик на Западе, особенно среди европейских социалистов и социал-демократов³. Тяжелое положение, в котором оказался Джилас, его не сломило. Уже несколько месяцев спустя, 12 августа 1957 г., в издательстве *Praeger* в Нью-Йорке вышла его книга «Новый класс», которую 29 июля с большой помпой в журнале *Life* представил Эдвард Крэнкшоу, один из наиболее известных историков коммунизма. Он утверждал, что эта книга — «политический динамит», который уничтожит теоретические основы коммунизма, что она — «самый острый антикоммунистический документ» из когда-либо опубликованных⁴. В ней Джилас изложил свои, по большей части хаотичные, размышления последних лет, констатировав, что «демократия движущая сила социализма», что «социализм и демократия идут плечом к плечу» и выступил за свободу мысли и слова. При этом подчеркивал, что ни одна партия не может стать единственным рупором объективных потребностей общества, и решительно осудил партийный способ руководства: «...ее методы надзора — одна из самых постыдных сторон в истории человечества»⁵.

Югославская печать, конечно же, ответила презрительными статьями в *Borba* («Смысл некой кампании»), в журнале *Komunist* («Бесстыдная кампания»), в *Политике* («Полупрозрачные намерения») и в *Slovenski poročevalec* («Много шума из ничего»), при этом тщательно избегая характеристики содержания самого текста и проблем, которые поднял автор. Они ограничились тем, что заклеямили Джиласа как «ренегата», «предателя своего движения и государства», «истерика», «деморализованного человека» и говорили прежде всего об отклике, который его книга может иметь

¹ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 202.

² *Dilas M.* Tito. S. 292.

³ PA. B 12. Bd. 546.

⁴ AJ. 837. KPR. II-4-a K 164 i 165. Pregled pisanja svetske štampe o Dilasovoj knizi «Nova klasa»; Svim DK Predstavnštvima FNRJ, 02.10.1957.

⁵ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 425; *Dilas M.* The New Class: An Analysis of the Communist System. London: Harvest, 1957. P. 69.

на Западе. Развернулась организованная и дорогая «капиталистическая кампания», фундамент которой в первую очередь заложили британские лейбористы, и она была нацелена не только против Югославии, но и против всех социалистических государств, против социализма как такового, против миролюбивого сожительства и мира во всем мире. Тито лично просмотрел статью с выпадом против Джиласа, которую 11 августа 1957 г. опубликовала *Borba*, и собственноручно написал вывод: «Для нас в Югославии эта кампания будет иметь положительные последствия — теперь тем, кто до сих пор не верил, насколько глубоко враждебные чувства и недоверие, питаемые отдельными кругами Запада к нашему социалистическому государству и к социализму как таковому, всё стало предельно ясно»¹. Книга, которая при поддержке ЦРУ была переведена на 40 языков и напечатана тиражом 3 млн экземпляров, в Югославии, конечно же, была запрещена, впрочем, как и все иностранные газеты, которые сообщали о ней². Несмотря на это, она распространялась в виде брошюр, которые издала оппозиционная и нелегальная группа «Союз освобождения» со следующим пропагандистским лозунгом: «Если ты коммунист — уничтожь эту полезную книжку! Если ты демократ — дай ее почитать своему самому близкому другу»³.

Американское агентство *United press* 26 сентября 1957 г. объявило о новом процессе против Джиласа, который должен был начаться 4 октября в окружном суде. Эту новость на следующий день подтвердило югославское информационное агентство ТАНЮГ, в то же время *Borba* написала, что Югославия изменила бы основам международного сотрудничества, если бы не пресекла деятельности, которая непосредственно направлена против ее социалистического развития. В день процесса *Borba* обнародовала еще одну неподписанную статью под заголовком «Антисоциалистический памфлет», в которой были цитаты из книги Джиласа. Уже в ранние утренние часы этот номер был распродан. В то же время процесс в Митровице шел по уже накатанной дороге: Джиласа обвинили в том, что он нарушил 118-ю статью Уголовного кодекса и что публикацией своей книги пытался нанести вред внутреннему устройству и имиджу Югославии за границей. Джилас, который, по рассказам иностранных журналистов, со спокойным лицом предстал перед судьями, заявил, что он от первого до последнего слова защищает свою книгу и не готов отвечать на вопросы обвинителя, если судебный процесс не будет открытым. 5 октября был

¹ AJ. 837. KPR. II-4-a K 164 i 165. Članak «Borbe», poslan Titu za uvid. 10.08.1957.

² PA. B 12. Bd. 546; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 425; *Dilas M.* Vlast kao strast. S. 27; *Dionisi David J.* American Hiroshima: The Reason Why and a Call to Strengthen America's Democracy. Bloomington: Trafford Publishing, 2005. P. 163; *Troy Th. M. Jr.* The Cultural Cold War: The CIA and the World of Arts and Letters. Central Intelligence Agency. Library, 14.04.2008. P. 1. URL: <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence>

³ NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 47. Misli Milovana Dilasa u «Novoj klasi». Izdaja Saveza Oslobođenje 1961.

объявлен приговор: за враждебную пропаганду и нападки на конституционное устройство он был осужден на семь лет, которые были добавлены к прежним трем. Кроме того, у него на пять лет отняли гражданские права и все полученные ранее награды¹.

Этот тяжелый приговор, конечно же, поднял много пыли и спровоцировал в дипломатических кругах в Белграде массу предположений, почему это произошло. По общему мнению, Тито пытался доказать внутреннюю сплоченность СКЮ и в то же время угодить Хрущеву, который во время встречи в Бухаресте в августе 1957 г. будто бы потребовал голову Джиласа². На Западе, особенно в тех западноевропейских государствах, где у власти находились социал-демократы, процесс над Джиласом охладил симпатию к Югославии³. Известный итальянский левый писатель Игнацио Силоне заявил в интервью: «...нам кажется, что и в тюрьме Джилас — это человек будущего»⁴. Когда в конце октября госсекретарь по иностранным делам Коча Попович посетил Великобританию и там попытался завязать контакты с лейбористами, чтобы показать миру, насколько популярна югославская политика активного сосуществования, он не смог избежать вопросов о том, что происходит с Джиласом и другими политическими заключенными. В своем ответе он намекнул на возможность амнистии и в то же время добавил, что амнистии препятствуют определенные действия за рубежом, которые выглядят как вмешательство в югославские внутренние дела⁵. Международное давление, которому подверглись югославские власти, не осталось без последствий. В камере Джиласа посетил Слободан Пенезич — Крцун, один из главных функционеров УГБ, с которым Джидо сотрудничал еще перед войной и в годы народно-освободительной борьбы. Джилас сказал ему, что не собирается отказываться от своих идей, но принял предложение подписать петицию, которую за него написал Ранкович⁶. В начале 1961 г. отношения между Белградом и Москвой снова были напряженными; Джилас адресовал белградскому руководству прошение о досрочном освобождении из заключения, поскольку тяжело его переносил. В нем он признал, что внутреннее и внешнеполитическое развитие страны разрушили его обвинения в адрес режима (на самом деле он отрекался от «нового класса») и обещал, что будет избегать любой деятельности, подобной той, за которую был осужден. 20 января он был условно помилован, очевидно, это было сделано и из уважения к западноевропейским социалистическим партиям

¹ PA. B 12. Bd. 546.

² Ibid.

³ Ibid. Bd. 336.

⁴ L'Express (Paris). 1957. 07.12.

⁵ BA. DY 30/ IV 2/20/131.

⁶ Ridley J. Tito. A Biography. P. 357; Dilas M. Parts of a Lifetime. New York; London: Harcourt Brace Jovanovich, 1975. P. 296, 297; AS. Dedijer. T. e. 242. Izjava o Dilasu. X-1055.

и влияния британских лейбористов, с которыми югославские власти хотели иметь хорошие отношения¹.

Однако он был слишком щепетилен и самоуверен, чтобы обуздать себя. Уже в следующем году он передал своему американскому издателю новую рукопись, названную «Разговоры со Сталиным», после того как безуспешно пытался издать ее на родине. В этой книге он описал наблюдения и впечатления о встречах с высокопоставленными советскими руководителями в конце войны и после нее. Книга вызвала большую международную заинтересованность, поскольку в гротескной форме описывала «двор» Сталина, а также моральную и интеллектуальную ограниченность людей, которые возглавляли Советский Союз в годы войны и после нее. Хуже всего было то, что в заключительной главе он обвинил в «сталинизме» и его нынешних критиков, которые превратили процесс над ним в «дешевый театральный фарс». Далее намек на Хрущева, который был показан как «народный демагог», такой же невоздержанный в еде и питье, как и Сталин. Свои наблюдения он увенчал констатацией, что Сталин был «чудовищем», в своих злодеяниях превзошедшим даже Ленина². Из-за этих несдержанных слов книга оказала негативное влияние на внешнюю политику Тито, который стремился к улучшению отношений с Москвой. Она вышла непосредственно перед визитом министра иностранных дел А.А. Громыко в Югославию и во время установления «братской дружбы» Тито с Хрущевым. Джилас был обвинен в том, что стал орудием холодной войны, что пытается ловить рыбу в мутной воде и укреплять свою роль «антикоммунистического протагониста». В начале апреля 1962 г. он был арестован, на этот раз власти сами оповестили иностранных журналистов³. Вопреки тому, что, по сообщению венского радио, известные представители британских общественных и культурных кругов обратились к маршалу Тито с посланием, в котором содержалась просьба освободить «идеалистичного борца за гуманизм и демократию»⁴, 14 мая он снова предстал перед судом, который, как и в предыдущие разы, заседал за закрытыми дверями. За «вражескую пропаганду» и «разглашение государственных тайн» его осудили на пять лет строгого режима. К приговору добавили еще четыре года и восемь месяцев, которые он должен был отсидеть, если бы не был досрочно освобожден год назад⁵.

О новом аресте Джиласа югославская пресса не сообщала. Только за два дня до процесса *Borba* в передовице под заголовком «Не только югославская проблема» попыталась показать, насколько Джилас стал для Запада удобной

¹ Clissold S. Dilas. P. 280, 281; NIE 15-61. Outlook for Yugoslavia. 23.05.1961 // Yugoslavia. «National Communism». P. 263; AS. Dedijer. T. e. 242. Dilas oslobođen. 19. in 20.01.1961.

² Ridley J. Tito. A Biography. P. 360; Dilas M. Conversations with Stalin. Harmondsworth: Penguin Books, 1963. P. 97.

³ AJ. 837. KPR. II-4-a K 164 i 165. Informacija stranim novinarima povodom hapšenja Dilasa 07.04.1962.

⁴ NSK. M. Krleža. «A» 169; Ridley J. Tito. A Biography. P. 359.

⁵ Dilas M. Tito. S. 292; PA. B 43. Bd. 243.

фигурой на шахматной доске международной политики. В дипломатических кругах в Белграде преобладало мнение, что Джилас, описывая балканскую политику Советского Союза и внутреннее положение дел в югославском руководстве после разрыва с Информбюро, нанес удар по больному месту. «Нестабильное положение Югославии в отношениях с восточноевропейским блоком и особенно с другими балканскими государствами объясняет, почему югославское руководство так болезненно отреагировало на заявления Джиласа»¹.

Когда Джиласа посадили, внутри репрессивного аппарата появились предложения ликвидировать его физически. Тогда Тито и Ранкович этому воспротивились, частично из-за прежней дружбы, частично из-за мнения Запада, а также из-за уверенности в том, что Югославия должна проводить в отношении оппозиционеров отличную от СССР политику. Когда Сульцбергер попросил разрешения посетить Джиласа в тюрьме, Тито его просьбу отклонил, пояснив это тем, что «за такое [за то, что Джилас сделал. — *Й. П.*] в Советском Союзе расстреливают»². В любом случае Тито больше и больше отдалялся от него, а также от VI Съезда, который нес на себе отпечаток идей Джиласа. В доверительных беседах в последующие годы он говорил, что переименование КПЮ в СКЮ было преждевременным³. По его мнению, с VI Съезда начался застой партии и падение ее роли в обществе; он полагал, что эти дефекты прошлого необходимо исправить, укрепить положение партии и обновить принципы демократического централизма⁴.

* * *

Джилас же совершенно отдалился от коммунистической идеологии и не симпатизировал левым диссидентам 1960-х гг., которые в полемике с режимом открывали «молодого Маркса». Это, конечно, не значит, что он совсем отошел от марксистских идей, но он не воспринимал их как догму, которая не подлежит критике. «Всё еще считаю, — говорил он в 1968 г. в разговоре с Сульцбергером, — что Карл Маркс величайший человек современной истории. Он был пророком, а не ученым. Во всей истории человечества вы не найдете такой мысли, которая бы настолько захватила человечество, как марксизм»⁵. Во время этого интервью он уже был больше года на свободе, поскольку власти отпустили его досрочно из тюрьмы в конце 1966 г. При этом интересен тот факт, что в его распоряжении был государственный автомобиль с шофером и он снова получал приличную пенсию как бывший участник партизанского движения⁶. Это означало, что Джилас не был полностью

¹ PA. B 42. Bd. 243.

² *Dilas M. Tito*. S. 251.

³ *Šetinc F. Zbogom Jugoslavija*. S. 86; *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. III. S. 527.

⁴ AMZV. ZU. Beograd 1973–1975. 0481/74. V Beogradu. 01.05.1974.

⁵ *Sulzberger C.L.* // *The New York Times Magazine*. 1968. 09.06.

⁶ *Udovicki D. Treći juni 1968. Od kritike svega postojećeg, do uništenja svega postignutog*. Novi Sad: Prometej, 2008. S. 59; *Sulzberger C.L.* // *The New York Times Magazine*. 1968. 09.06.

изгнан из «нового класса», хотя в высших кругах к нему относились очень критично, считая, что он оклеветал революцию и все страдания, положенные на ее алтарь. Много плохого представители этих кругов могли рассказать и о его характере. Пепца Кардель, не умевшая держать язык за зубами, говорила о нем: «Джилас никто и ничто, падшая душа, он не уважал никого. Часто, не будучи приглашенным, приходил в чужие дома, общался высокомерно с теми, кто не соответствовал его меркам или чья внешность ему была неприятна. Это был человек без каких-либо внутренних достоинств»¹. Так или иначе, Джилас не отказался от политики, когда вышел на свободу: в этом ключе было написано письмо, которое он отправил 20 марта 1967 г. Тито. В нем он сообщил, что не согласен с его политикой, и обратил его внимание на кризис, в котором находится страна. «Для любого беспристрастного наблюдателя совершенно неопровержимо, что вопреки официальным возражениям и молчанию, идеи демократического социализма и народной свободы, единственным и самым видным защитником которых был я, сейчас в Союзе коммунистов и вне его больше наполнены жизнью и самосознанием, чем когда они только зародились. <...> идет к тому, что многие волей-неволей оказываются перед выбором между Югославией и свободой...»²

Тито не ответил, хотя это письмо его настолько обеспокоило, что он приказал своему сотруднику из спецслужб Ивану Мишковицу поговорить с Джиласом и вернуть ему его арестованные рукописи. (В тюрьме Джилас не бездействовал — вопреки тяжелым условиям, в которых содержался, он написал 38 больших и маленьких работ общим объемом 3 тыс. машинописных страниц)³. Позднее ему вернули пенсию, а через несколько лет и паспорт⁴. Этот шаг возымел действие. Джилас во время Пражской весны в 1968 г. поддерживал политику Тито, но в интервью, которое опубликовала туринская газета *La Stampa* 17 октября 1970 г. он заявил, что больше не одобряет всех его идей, а также согласен не со всеми его методами, но признаёт Тито как личность, которая войдет в историю Югославии как гарант ее целостности⁵. Некоторое время спустя он снова стал объектом острой критики. В марте 1970 г. власти опять запретили ему выезжать за рубеж. То, что после выхода из тюрьмы он установил контакты с различными западными учреждениями, как, например, с Институтом Востока в Швейцарии, который финансировали американские спецслужбы, тоже говорило не в его пользу. Впрочем, как и то, что во время своей поездки в Западную Европу и США в 1968 г. он встречался с представителями югославской эмиграции и с дочерью Сталина Светланой, которая тогда сбежала из Советского Союза на Запад. Хотя его новая книга «Неполное общество. По ту сторону нового класса», в которой

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 129, 133.*

² *AJ. 837. KPR. II-4-a K 164. 165. Pismo Đilasa Titu. 20.03.1967.*

³ *AMZV. Zprávy ZÚ. Belehrad 1973–1975. 01144/73. V Belehrade. 7. srpna 1973.*

⁴ *Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. S. 980; Clissold S. Đilas. P. 298.*

⁵ *Clissold S. Đilas. P. 300; La Stampa. 1970. 17.10; PA. B 12. Bd. 547.*

он утверждал, что коммунизм «самый большой миф в истории», и не имела такого отклика, как предыдущие, в Белграде она вызвала недовольство. Тито и его товарищей беспокоило то обстоятельство, что, даже исключив Джиласа из политической жизни, они не смогли вычеркнуть его ревизионистские концепции из голов некоторых функционеров и интеллектуалов¹. Еще одной причиной явилось то, что Джилас воспользовался кризисом, в котором находилось югославское общество на переломе 1960-х и 1970-х гг., для беспрецедентной критики режима в некоторых известных иностранных журналах. Приведем несколько заголовков: «У народа нет власти» (*International Herald Tribune*. 1972. 02.08), «Безликая масса, которой руководят рабочие» (*Ibid*), «Югославский кризис — кризис партии» (*Die Zeit*. 1972. 28.07). Комментарий Тито: «В прессе много враждебных точек зрения, за которые его необходимо призвать к ответу»².

Влиятельный белградский еженедельник *Hin* в июне 1973 г. начал публикацию ряда статей, авторы которых доказывали, что Джилас «ничто» и в Югославии им никто не интересуется. Автор статей Саво Крзевац обвинил его в антисоветизме из-за слов, что, дескать, эта система совершенно стерильна и ее могли бы вернуть к жизни только новые побеги внутри советского общества³. В первом номере газеты *Delo* в 1974 г. сам Кардель с критических позиций описал историю жизни Джиласа от кровавых чисток в годы войны и радикального догматизма после нее до социал-демократических позиций после смерти Сталина⁴. Когда в 1975 г. начались гонения против информбюровцев из-за раскрытия сталинской ячейки в Черногории и соседних республиках, пропагандисты режима причислили к ним и Джиласа, утверждая, что его прозападная направленность — это только маска, под которой скрывается агент Коминтерна⁵. Два года спустя, когда Джилас за границей опубликовал воспоминания о своей революционной юности и о военных годах, нервная реакция власти показала, что этот черногорец вовсе не «пустышка». Власть больше всего взволновал рассказ о «мартовских переговорах» с немцами, но Джилас это оправдал тем, что о них так или иначе писали за рубежом⁶. В Президиуме ЦК СКЮ создали хорошо проработанный план того, как в прессе показать его «истинный» моральный облик, причем намеревались прежде всего рассказать о его отношении

¹ AMZV. Zprávy ZÚ. Belehrad 1973–1975. 01144/73. V Belehrade. 7. srpna 1973; AJ. 837. KPR. II-4-a.K 167. Prevod intervjuja M. Dilasa u «Die Presse». 04.03.1972.

² AJ. KPR. II-4-a. K 167.

³ The National Archives (TNA). FCO 28/2408/Radio Free Europe. Communist Area; Clissold S. Dilas. P. 307.

⁴ Kranjc M. F. Zarote in atentati na Tita. S. 276.

⁵ NARA, CREST. Soviet Union — Eastern Europe, Staff Notes. 11.12.1975. P. 16.

⁶ Ridley J. Tito. A Biography. P. 402; Roberts W. R. Tito, Mihailović and the Allies, 1941–1945. New Brunswick — New Jersey: Rutgers University Press, 1973; Höttl W. The Secret Front. Nazi Political Espionage 1938–45. New York: Enigma Books, 2003. P. 151–155; Leković M. Martovski pregovori 1943. Beograd: Narodna politika, 1985.

к «крестьянам, бойцам и к людям в целом в партизанские годы». Решили также оказать на него давление рядом писем, которые ему будут посланы «теми, чьих родителей или родных он уничтожил в годы войны, или от тех, кто физически пострадал из-за него». На международной арене они намеревались дискредитировать личность Джиласа и представить его как беспринципного человека. Для этих целей они сделали подборку обвинительных документов и направили журналистов, «особо выбранных и подготовленных для того», чтобы они провели специальные кампании, используя своих коллег¹. Но этот план не был осуществлен. Как перед смертью говорил Кардель, «вопрос о деятельности Джиласа в Черногории никто из нас: ни Тито, ни кто другой, открыто никогда не поднимал, потому что каждый из нас посчитал бы, что этим самым мы хотим повесить вину на Джиласа, а сами — выпутаться»².

Поскольку было принято решение, что «ни один текст о Джиласе не должен быть напечатан без предварительной договоренности с Отделом иностранной пропаганды, упрямый черногорец укрепил свои позиции за рубежом и в то же время начал устанавливать тайные связи с хорватской националистической оппозицией. По приглашению ее представителей в мае–июне 1978 г. он отправился на переговоры в Загреб, которые не принесли плодов. Но он пока еще ставил на Югославию, естественно, на демократическую и многопартийную, в то время как хорваты уже открыто говорили об отделении от сербов, при этом также рассчитывали на самостоятельную Словению. Великая Хорватия должна была распространиться далеко в Срем и, без учета мусульман как национальности, на Боснию и Герцеговину. Джилас напрасно убеждал их, что раздел Боснии и Герцеговины неосуществим и сопротивлялся идее «хорватского Срема». Из Загреба он вернулся разочарованным и уверенным, что хорватских националистов интересует только демократия в Хорватии, Югославия для них на десятом месте. С другой стороны он не убрал оружие в ножны, считая, что хорватский и словенский национализм — только первая фаза, нечто вроде детской болезни демократии при коммунистическом режиме, которой нужно переболеть: «Хорватские и словенские националисты, уверен, составляют меньшинство. Большинство хорватов — за Югославию. Словенцы без поддержки хорватов мало значат. Им некуда деваться»³.

Когда хорватская полиция узнала о визите Джиласа в Загреб, на него было оказано жесткое давление⁴. Но это его только подтолкнуло летом 1979 г., за несколько месяцев до смерти Тито, стать еще более агрессивным, и он дал иностранным журналистам критическое интервью на тему

¹ AJ. KPR. II-4-a. K 168. Predsedništvo CK SKJ. Oddeljenje za inostranu propagandu. 11.04.1977. Strogo poverljivo.

² AS. Dedijer. T. e. 201. Zabeleška o razgovoru druga E. Kardelja sa Vladimirom Dedijerom u Ljubljani. 11. oktobar 1978. godina. P. 28.

³ Čosić D. Pišćevi zapisi (1969–1980). S. 323, 324.

⁴ Ibid.

югославской действительности. В то же время он пытался частным образом издать литературный бюллетень *Časovnik*, который власти, естественно, сразу же запретили. Джиласа предупредили, чтобы он завязывал со своими подрывными акциями, у него отобрали всё трофейное оружие, которое он хранил в своей белградской квартире, даже револьвер, который ему подарил генерал Корнеев¹. Тито открыто заклеил его как врага и намекнул на возможность нового судебного преследования. На совместном заседании Президиума СФРЮ и Президиума ЦК СКЮ в Херцег-Нови 22 марта 1979 г. он заявил: «Достаточно было предупреждений. Я думаю, что то, что он сделал сейчас, это еще одна причина для скорейшего запрета Джиласу принимать любого, кто приедет в Югославию, и болтать во вред нашей Республике. По конституции он уже давно должен сидеть в тюрьме. Он должен быть там из-за заявлений, которые сделал сразу же, как мы его выпустили оттуда. Он обещал, что больше не сделает ничего против нашего государства. Но он продолжает это делать. И не только это, он становится одним из инициаторов объединения всех врагов Югославии: националистов, либералов и всех других, и даже усташей. Он побывал в Загребе. Там он встречался с этими людьми <...> Если ситуация и дальше будет развиваться в сторону кризиса, то все эти элементы необходимо обезвредить; как известно, у нас с ними свои счеты, им нужно помешать стать пятой колонной в наших тяжелых сражениях, которые, возможно, скоро начнутся»².

Ничего не изменили слова Маргарет Тэтчер, британской «железной леди», которая в ноябре 1977 г. во время визита в Югославию обратила внимание Тито на то, что для него Джилас более опасен в тюрьме, нежели на свободе. Она была права, поскольку гонения, которым он был подвергнут, сильно ухудшили образ Югославии на Западе и омрачили «медовые месяцы», которые наступили у европейских социал-демократов и Социалистического союза трудового народа Югославии в середине 1950-х гг.³

¹ *Lopušina M.* KGB protiv Jugoslavije. S. 53.

² NSK. Arhiv Bakaric. Kutija 11. Izlaganje Tita.

³ *Thatcher M.* The Path to Power. London: Herper Collins, 1995. P. 370, 371; AAB. Aake Anker-Ording. Box 57, Jugoslavia III.

ЭДВАРД КАРДЕЛЬ

Преждевременная смерть Бориса Кидрича в 1953 г. от лейкемии (ему было всего сорок лет) стала для Карделя тяжелым ударом. До войны, во время партизанской борьбы и особенно после войны они тесно сотрудничали, часами говорили о реформах и были довольно близки. «У меня в жизни больше не было такого друга, как Борис», — записал Кардель¹. «Можно сказать, что это было время, когда их общение являлось наиболее интенсивным и буквально ежедневным»². После его похорон он некоторое время находился в растерянности, что обеспокоило его словенских товарищей. Для поддержки к нему направили Антона Вратушу, который, конечно же, не мог заменить Кидрича, но с присущей ему интеллигентностью и преданностью добросовестно вел работу его кабинета. Вратуша говорил о Карделе, что он был человеком высокой степени интеллигентности, человеческого достоинства и теплоты. Среди сотрудников у него был секретарь, который был ответственен за прием и проверку просьб и жалоб, которыми Кардель тогда занимался лично. В начале 1950-х гг. он находился под сильным влиянием шведского премьера Таге Эрландера, с которым много раз встречался и говорил об общественных вопросах, причем швед оказывал положительное влияние на замыслы Карделя относительно коммун, основных ячеек, в которых человек мог бы реализоваться как творческий субъект³. У них не было согласия относительно методов политической деятельности, поскольку Эрландер не разделял мессианства и миссионерского воодушевления Карделя. «Югославия, — говорил он, — хочет быть самым большим из маленьких государств, наша же цель быть самым маленьким государством и работать как можно тише»⁴.

Кардель в своих теоретических размышлениях вскоре зашел очень далеко. В начале 1950 г. он пришел к заключению, «что нельзя Сталина полностью отделять от Ленина. Сталин вышел из Ленина»⁵. В реинтерпретации

¹ Arhiv J. Pirjevec. Zapuščina Marije Vilfan. Kardeljeve beležke.

² AS. Dedijer. T. e. 7. Intervju s Kardeljem.

³ Рассказ Антона Вратуши автору.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 284. Švedska; T. e. 292; *Dedijer V. Novi prilozhi. Vol. IV. Deveto poglavje.*

⁵ *Dilas M. Jahre der Macht. S. 308.*

доктрины, которая начала воплощаться в жизнь в начале 1950-х гг., Кардель при помощи своего политического влияния и стилистической ловкости сыграл главную роль. По своей природе он был реформатором, который считает, что законы, правила и предписания — основа хорошо организованной общественной жизни. «Рациональный, реалистичный и прагматичный дух. Без иллюзий, без огня»¹, — едко отметил Добрица Чосич. «Очень интеллигентный, начитанный и трудолюбивый человек, но несколько узок, — добавлял Влатко Велебит. — От некоторых догм, которые он усвоил в Москве, вероятно, он так и не освободился до конца»². «В Карделе было ощутимо влияние, хотя он это и не осознавал, нормативизма австрийского государства», — отмечал Владимир Дедиер. «Всю жизнь он хочет загнать в законы, указы, предписания, а жизнь требует своего, ломает всю эту нормативную систему. Это последствие убеждений Карделя, впрочем, как и убеждений Джиласа; что главное теория, а не как считал Тито, что, прежде всего, это жизнь со всеми своими противоречиями»³.

Конституция и планы демократизации общества

Как глашатай реформаторских кругов, Эдвард Кардель в начале 1953 г. сконцентрировался на работе над конституцией, которая должна была заменить «сталинскую» 1946 г. Он был этим горд, поскольку видел в новом государственном уставе средство демократизации общества. Две палаты Народной скупщины — Союзное вече и Вече национальностей, приняли ее 13 января, и уже на следующий день Тито был избран первым президентом ФНРЮ на общем заседании, где в присутствии руководителей дипломатических ведомств председательствовали Йосип Видмар и Франьо Гажи. Заседание посетил и смертельно больной Борис Кидрич, который с трудом сумел подняться с постели только для того, чтобы отдать свой голос за Тито. За предложение Йована Веселинова, который от имени других 52 депутатов выдвинул его кандидатуру, проголосовали почти единогласно. Только один голос был подан «против». После оглашения результатов и присяги Тито Видмар поздравил его и отметил, что Тито персонифицирует судьбу югославянских народов⁴.

Новое конституционное устройство, как его задумал Кардель, опиралось прежде всего на укрепление народной власти. В ответ тем, кто жаловался, что после войны Союзная скупщина была похожа на кладбище, а депутаты поднимали руки автоматически, Кардель ответил: «...сейчас будет больше дискуссий — мы будем решать конкретные проблемы». Джиласу он лукаво шепнул: «...может быть, потихоньку мы дойдем до оппозиции...»

¹ Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 152.

² Velebit V. Svjedok. S. 468.

³ AS. Dediđer. T. e. 252. Karizma.

⁴ AJ. LF.III-10/2.

Конституция строилась на идее Маркса о «ликвидации» государства, демократизации и самоуправлении. Кардель был уверен, что высокие партийные функционеры станут его тормозить, прежде всего когда речь будет идти о повседневных, в первую очередь экономических вопросах. Чтобы избежать этого, он запланировал составить правительство из специалистов, а руководящие партийные деятели будут заседать в скупщине, что должно подчеркнуть ее законодательную роль и значение. Было похоже, что в этом отношении договоренность достигнута. Однако в сентябре 1953 г., перед выборами в новую скупщину, Кардель неожиданно был приглашен в Белье, бывшие королевские охотничьи угодья в Хорватии, где находился Тито. Маршал открыто ему сказал: «...все вы пойдете в скупщину (он думал о высоких партийных функционерах), меня же оставите на вершине совсем одного». Это означало, что он не согласен с идеей о правительстве специалистов и противится вхождению членов ЦК в скупщину, поскольку, вероятно, боялся, что она станет центром оппозиции ему. Кардель, конечно же, отступил, Джилас упрекнул его в том, что он бежит за Тито, как щенок. «Это не так», — обиженно ответил Кардель. Но Джилас не ошибся — это стало ясно спустя несколько месяцев, когда Кардель, в соответствии с «лучшими сталинскими традициями», стал его главным обвинителем. Он зашел так далеко, что на III заседании партийного Пленума, созванного в январе 1954 г. с целью осудить ревизионизм Джиласа, в свою речь вплел мысль, которую ему тот доверил, — что именно Тито является носителем бюрократизма. «Зачем Кардель это сделал?», — спрашивает в своих воспоминаниях Джилас. И отвечает: «В первую очередь из-за недостаточной лояльности ко мне, из партийного оппортунизма, также, может быть, из страха, что наши разговоры прослушивались. Вероятно, по этим причинам»¹.

После падения Джиласа Кардель проявил инициативу по установлению связей с западными социал-демократическими партиями, с тем чтобы связать Югославию с Европой. Как отмечал в конце 1954 г. Алеш Беблер, государственный секретарь в Министерстве иностранных дел, в разговоре с западно-германским посланником: «Югославия — европейская страна, которая причислена к Западной Европе не только географически, но и когда речь идет о духовной и культурной природе населения. В мире это почти полностью игнорируется, поскольку по привычке югославский коммунизм бросают в ту же корзину, что и советский»².

Осенью 1954 г. Кардель вместо Джиласа и Дедиера с Владимиром Бакаричем, председателем хорватского Сабора, посетил Германию, Швецию, Норвегию, Данию и Францию и везде вел беседы с местными левыми лидерами, с которыми стремился сблизиться. Наибольшее мужество он выказал в своей речи «Социалистическая демократия в Югославской практике»,

¹ *Dilas M. Tito. S. 206.*

² *РА. В 11. Bd. 430. S. 176.*

которую произнес в октябре 1954 г. в Осло. В норвежской столице Кардель заявил, повторяя сказанное на VI Съезде, что можно найти зародыши социализма и в капиталистических государствах, а в социалистических — капиталистические элементы. Теория, по которой консервативный и прогрессивный лагерь совпадали бы с границами блоков, по его мнению, была неприемлемой. Это отрицание черно-белого разделения мира на лагерь социализма и лагерь капитализма, а еще более утверждение, что социализма нет без демократии, в высшей степени обеспокоило руководство СССР и рассердило до такой степени, что даже спустя какое-то время его продолжали осыпать упреками. Главный идеолог КПСС М. А. Суслов, оценивая упомянутую речь, написал, что «Кардель в своих политических взглядах не коммунист и не марксист-ленинист, а напротив, социал-демократ»¹. Именно из-за этого для Москвы он стал самым враждебно настроенным югославским политиком, который на протяжении десятилетий являлся предметом ожесточенной критики. Эта речь не понравилась и в Белграде, где после смерти Сталина в верхах началась острая критика VI Съезда и даже слышались требования «всё это свернуть»². Тито Карделя всё еще поддерживал. Даже когда Мао Цзэдун в разговоре с первой югославской делегацией журналистов, посетившей Пекин, негативно оценил речь Карделя в Осло, он отправил послу в Китае острую по содержанию телеграмму: «Расстроен, товарищи, тем, что вы не отреагировали на критику товарища Карделя»³.

Вопреки всем усилиям убедить западных социалистических руководителей в демократичности югославского эксперимента словенский идеолог не добился успеха. Хотя эти лидеры и были заинтересованы в сотрудничестве с Югославией, они не были готовы принять Союз трудового народа в международный социалистический союз, так как невозможно иметь в нем членов, которые не признают демократического плюрализма и чьим профсоюзам отказали в праве забастовок⁴. Утверждение Карделя, что Джилас «анархист», который попытался подорвать основы новой послевоенной Югославии, очевидно, прозвучало достаточно убедительно⁵.

Это отрицательное отношение, несомненно, вызвало у югославских руководителей сильное разочарование, хотя, с другой стороны, нужно отметить, что именно в то время они добились на международной арене наибольших успехов, пережили триестский кризис и заложили основы политики сотрудничества с Италией. Прежде всего, по инициативе Москвы в 1953–1955 гг.

¹ Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. С. 354.

² *Vlahović V. Strogo pov.* S. 42, 49; *Dedijer V. Novi prilozi.* Vol. III. S. 585, 586; AS. *Dedijer.* T. e. 111. *Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije.* S. 144; T. e. 143. *Dr. Vladimir Dedijer — Umag, Kardelj.* S. 3; *Kardelj E. Spomini.* S. 146.

³ AS. *Dedijer.* T. e. 298. *Novi prilozi.* Vol. IV. *Štirinajsto poglavje.* S. 16, 17.

⁴ PA. B 11. Bd. 1195. S. 50, 51.

⁵ *Ibid.* S. 34–36.

был преодолен раскол, причиной которого был Сталин¹. Белградская декларация, подписанная 1 июня после интенсивных, отчасти драматичных переговоров, явилась важным событием в международном коммунистическом движении. Тем самым было подтверждено право Югославии строить социализм по-своему, в соответствии со своими специфическими особенностями. Речь шла о большом успехе Тито и его тезиса о суверенности любого социалистического государства, но это не означало, что между Москвой и Белградом были прояснены все недоразумения. Хрущев надеялся, что словесным признанием суверенитета убедил югославов в том, что им необходимо вернуться в социалистический лагерь и присоединиться к Варшавскому пакту, военному союзу государств восточного блока, который был создан тогда Советским Союзом. Но югославские власти о возможности московской гегемонии «от Адриатики до Японии», как говорил Тито, не хотели даже слышать, и как позднее сказал Хрущев, это «разжигало легко воспламеняющуюся искру в наших отношениях»².

Движение неприсоединения

«Хождение в Каноссу» Н. С. Хрущева выглядело как победа Тито. Нужно сказать и о самоуверенности, которой он преисполнился, посетив за несколько месяцев до этого Индию и Бирму³. Неру и У Ну были людьми иного типа, нежели Хрущев, который на югославскую элиту произвел впечатление «родственника из деревни», как сказал американский посол Джеймс В. Риддльбергер. Его британский коллега констатировал, что советские лидеры указали югославам на их «западную» сущность, когда сравнивали их с «жестким, старомодным, стереотипным советским мышлением». «В Белграде сложилось впечатление, — сообщал он, — что советская делегация была составлена из “второсортных политиков” и Тито их превосходил на целую голову». При его «дворе» не могли не заметить, какая пропасть образовалась со времен ссоры со Сталиным между ними и представителями Советского Союза и как различаются их современные взгляды на политику. Их шокировала не столько вводная речь Хрущева на белградском аэродроме — в ней он опять попытался перенести всю вину за раскол на Берию и Джиласа — а его тезис о том, сколько получают коммунисты после третьей мировой войны. После Первой мировой войны коммунизм победил в России, затем, после Второй мировой войны — в Восточной Европе и в Китае, а после третьей — победит во всем мире. Югославы больше не мыслили категориями войны и неизбежного

¹ *Dedijer V. Novi prilozii. Vol. III. S. 561.*

² *Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. С. 456, 457; Marović M. Sumrak staljinizma. S. 133; Dedijer V. Novi prilozii. Vol. IV. S. 6.*

³ *Vlahović V. Strogo pov. S. 27; Niebuhr R. Nonalignment as Yugoslavia's Answer to Bloc Politics // Journal of Cold War Studies. 2011. Vol. 13, No. 1, Winter. S. 146–179.*

столкновения между блоками, но думали о мирном сосуществовании независимо от блоков.

Они также не оценили «хвалебной песни» Сталину, которую себе позволил Хрущев на о. Блед, как полагает Едемский, из чувства зависти после созерцания словенского благосостояния. Он не мог перестать удивляться, что во всех деревнях такие красивые и большие дома и что нигде крыши не покрыты соломой¹.

Югославы начали интересоваться Дальним Востоком еще до раскола со Сталиным, когда искали связи с местными коммунистическими партиями. Так, к примеру, Тито в начале 1948 г. послал в Калькутту черногорского революционера и поэта Радована Зоговича и Владимира Дедиера на заседание II Конгресса КП Индии. Это был только внешний предлог их миссии. У них было тайное задание подобраться к Мао Цзэдуну, который в то время еще боролся за власть в Китае, и связаться с антиколониальным движением в Индонезии². После провозглашения независимости Индии и Индонезии и после победы китайских коммунистов интересы Белграда на Дальнем Востоке умножились, правда, из-за столкновения со Сталиным получили несколько иное содержание. Поскольку китайцы в конфликте внутри Информбюро встали на сторону Сталина, на них нельзя было больше рассчитывать, хотя Белград 5 октября и признал новое пекинское правительство.

После ссоры со Сталиным в Белграде начала оформляться идея третьей силы, которая не зависела ни от Запада, ни от Востока, но не была бы изолированной наподобие швейцарского нейтралитета и активно включалась в решение больших мировых проблем. Эту идею еще в начале 1950-х гг. переняли югославские дипломаты, которые находились в контакте с арабским и индийским миром, начиная с первого посла в Нью-Дели, Йосипа Джержа. Говорили об «активном сосуществовании» со всеми государствами, сосуществовании, которое отвечало бы высоким моральным началам международных отношений: обязанность богатых государств помогать бедным, суверенность и равноправие, право каждого отдельного государства проводить свою внутреннюю политику без внешнего вмешательства, отказ от применения силы в международных отношениях³. Когда после завершения своей работы в Ин-

¹ NARA. CREST. Staff Memorandum No. 29–55. Ambassador's Riddleberger's Views on Yugoslavia, 21.06.1955; Current Intelligence Bulletin, Ambassador Riddleberger Believes Conference May have Widened Gap between Yugoslavia and USSR, 07.06.1955; British Comments on Belgrade Meeting, 11.06.1955; *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. S. 463; *Osolnik B.* Med svetom in domovino. Spomini 1945–1981 // Obzorja. Novo mesto; Maribor: Dolenjska založba, 1992. S. 192.

² AS. Dediđer. T. e. 111. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 117-L, 122-F; *Dediđer V.* Stalinova izgnana bitka. S. 14, 15.

³ NARA. CREST. CIA. Yugoslavia: An Intelligence Appraisal. 27.07.1971 (документ опубликован в: Yugoslavia. From «National Communism» to National Collapse. US Intelligence Community Estimative Products on Yugoslavia, 1948–1990. Washington: National Intelligence Council, 2006); *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 375; *Löwenthal R.*

дии в 1951 г. Джерджа вернулся на родину и начал говорить об упомянутых идеях, он не остался неуслышанным. «Это интересно», — сказал ему на заседании коллегии в министерстве иностранных дел Эдвард Кардель. «Пошли к Тито!»¹ Позвонил ему по личному телефону и договорился о встрече, которая пока имела только характер обмена мнениями, хотя нельзя не принимать во внимание и то, что Югославия и Индия в период с 1950 по 1951 г. в отдельных вопросах, обсуждавшихся в Совете безопасности ООН, были единомышленны².

Тито, который имел опыт знакомства с советской системой, не был воодушевлен предложением — он разделял мнение Кочи Поповича и Велько Мичуновича, что не имеет смысла заключать союз с «мировым сиротой»³. Также Кардель противился связям с «феодалами», которые там правят. В конце 1951 г. он утверждал: «...третий лагерь как политическая сила невозможен. Возможно только то, что социалистическое государство, такое как наше, используя противоречия, которые существуют и в одном, и в другом лагере, будет развиваться дальше»⁴. Но он вскоре увлекся идеей и доработал ее, при этом его коллеги отмечали: «Снова ты выдумал какую-то игрушку, оставим ее, всё равно из этого ничего не выйдет»⁵.

Интерес к Индии в последующие годы подогревал Йоже Вилфан, который был югославским послом в Нью-Дели с февраля 1952 по март 1953 г. Он установил тесные личные связи с Неру, который питал к нему симпатию и позднее, когда Вилфан стал первым руководителем президентского кабинета Тито. Белград в это время посылал в Индию много миссий, поскольку югославские аналитики пришли к заключению, что это государство будет играть важную роль на международной арене, исходя из идей Неру о сотрудничестве между азиатскими и африканскими государствами, которые уже освободились или находились в процессе освобождения от колониализма⁶. Это новое политическое направление держалось за так называемый «дух из Бандунга», индонезийского города, где в апреле 1955 г. встретились упомянутые государства, чтобы создать движение, основанное на политике взаимной солидарности. Тито скоро понял ее значение⁷. Понял, что легко может стать рупором государств третьего мира, которые больше не хотят быть объектом мировой политики, а хотят иметь слово, когда идет речь о войне и мире, и в первую очередь, когда речь идет о разделе материальных благ.

Yugoslavia's Search for Allies. Creating Bonds with Colonial People // The Scotsman. 1951. 09.11; *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. III. S. 554.

¹ AS. *Dedijer*. Т. е. 3; Т. е. 244. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Trinajsto poglavje. S. 503.

² *Rajak S.* In Search. P. 16; *Rajak S.* Yugoslavia and the Soviet Union. P. 100.

³ AS. *Dilas*. Т. е. 96. Hronologija za IV. Т. S. 12.

⁴ AS. *Dedijer*. Т. е. 7. Spomini tov. Kardelja. 25.12.1951. S. 42, 43.

⁵ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 189.

⁶ *Rajak S.* In Search. P. 17.

⁷ *Dilas M.* Tito. S. 106.

13 июля 1954 г. он сказал Эдвину Крецману, первому секретарю американского посольства в Белграде: «...маленькая лягушка не прыгает в лужу, напротив, она ведет переговоры с большими лягушками и таким образом имеет лучшее от двух миров»¹.

О целесообразности встречи Тито с индийским премьер-министром Неру говорил уже в августе 1953 г. британский лейбористский лидер Анайрин Беван во время своего визита на Бриони. Он обещал, что прозондирует почву у особого секретаря Неру, некоего молодого человека, которого тот высоко ценил². Неизвестно, «получился ли хлеб из этой муки». Возможно, осенью следующего года триестский кризис несколько охладил отношения между Западом и Югославией и способствовал окончательному оформлению идеи, что в международной политике нужно искать средний путь между блоками³. В августе 1954 г. в Югославию прибыла делегация Генеральной Ассамблеи ООН, которую возглавляла сестра Неру Виджая Лакшми Пандит. Она посетила большинство югославских республик и провела ряд переговоров с ведущими политиками, включая Тито. В конце визита она вручила ему приглашение посетить Индию в конце года или в начале 1955 г.⁴ Тито не отказался. 30 ноября 1954 г. он отправился в долгий путь в сопровождении самых высоких представителей режима: секретаря иностранных дел Кочи Поповича, секретаря внутренних дел Александра Ранковича, генерала Милана Жежеля и бывшего посла в Нью-Дели Йоже Вилфана. Путешествию предшествовали внутренние споры, Тито предупреждали об опасностях, указывали, во сколько обойдется это путешествие, и говорили, что речь идет о начинании, у которого может и не быть результата. Тито же был уверен, что нужно иметь смелость, если хочешь воплощать великие идеи: «Я так думал: Господи, что-нибудь да сделаем. Мы живем рядом друг с другом. Доброе, миролюбивое сосуществование. Но это пассивное начало. Необходимо активное сосуществование, чтобы выжить. Необходима борьба неприсоединившихся государств, чтобы отношения в мире изменились к лучшему. А это уже революция»⁵. Тито был первым европейским государственным деятелем, который после провозглашения независимости Индии посетил эту страну, поэтому его приняли с королевскими почестями. Вместе с Джавахарлалом Неру, с которым он без труда нашел общий язык, в своих выступлениях он делал упор на то, что сосуществование — это единственная альтернатива тотальной войне в ядерную эпоху. Сосуществование, по его мнению, подразумевало отказ от политики блоков, но это не означало, что Югославия

¹ Brands H. W. The Specter of Neutralism. The United States and the Emergence of the Third World, 1947–1960. New York: Columbia University Press, 1989. P. 195.

² Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 621.

³ Bekić D. Jugoslavija u hladnom ratu. Odnosi s velikim silama 1949–1955. Zagreb: Globus, 1988. S. 557; Анукеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 239.

⁴ Rajak S. In Search. P. 19. См. также: Rubinstein A. Z. Yugoslavia and the Non-Aligned World. New Jersey: Princeton University Press, 1970.

⁵ Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 201.

и Индия уйдут в некий пассивный нейтралитет. Напротив, они намеревались активно содействовать строительству мира¹. Тито выступал перед индийским парламентом 21 декабря 1954 г. со знаковой речью, в которой развил свое видение политики неприсоединения. Прежде всего он упомянул четыре опасности для современного мира: неравноправие между народами и государствами, вмешательство великих держав во внутренние дела других народов, разделение мира на сферы влияния и колониализм. Далее он акцентировал внимание на своей убежденности, что неприсоединившиеся государства должны сомкнуть свои ряды не только на региональном уровне, но и в глобальном масштабе. Он также предупредил бывшие колониальные государства, которые с надеждой смотрели на Советский Союз, что, если они хотят сохранить экономическую независимость от бывших господ и развить свою собственную промышленность, то они должны укрепить рыночный обмен и экономическое сотрудничество, в первую очередь друг с другом. В завершение он упомянул идею «активного сосуществования», суть которой заключалась в создании мирового равновесия².

Тито осознавал масштабы этой политики, что можно понять из его неформальной беседы со своими сотрудниками и югославскими журналистами в поезде после визита в Калькутту. «Что маленькая Югославия могла бы сделать одна в этой битве за независимость от блоков, если бы к ней не присоединилась большая страна? Для этого мы пытаемся заполучить союзников. Это была цель нашего путешествия. Зачем бы мы отправлялись в столь долгий путь? Ясно, что не ради охоты на тигров». На которых он, однако, охотился, «но только с фотоаппаратом»³. Так он ответил на критику одного журнала, который утверждал, что он приехал в Индию только ради этого.

Из Индии и Бирмы Тито вернулся с ощущением, что Югославии открываются новые возможности международной политики, которые выходят за рамки Европы. Помимо всего прочего он говорил об этом в своей речи, с которой выступил на загребском вокзале перед большим скоплением народа, когда снова ступил на родную землю. С самоуверенностью человека, которому кажется, что он поймал ветер в свои паруса, он сказал: «Теперь мы знаем, что сейчас у нас в Азии есть многочисленные друзья, испытывающие к нашей стране большое уважение. Этого наш народ достиг своей борьбой, своим воодушевлением...»⁴

Такие смелые речи, конечно же, были встречены на Западе без воодушевления. В начале 1955 г. демократ Уолтер Джордж, председатель Комитета

¹ PA. B 11. Bd. 1238. 1. S. 50–52.

² Broz Tito J. Govori i članci. Vol. X. S. 28; Rajak S. In Search. P. 30; *Idem*. Yugoslavia and the Soviet Union. P. 103.

³ Rajak S. In Search. P. 35; *Idem*. Yugoslavia and the Soviet Union. P. 105; Mandić B. Tito izbliza. S. 112.

⁴ PA. B 11. Bd. 1236. 1. S. 2–4; B 12. Bd. 336.

Сената по международным делам, от имени многих своих коллег сказал, что Тито должен забыть о поддержке Вашингтона, если он встанет на путь нейтралитета¹. Эти угрожающие намеки не могли остановить маршала, тем более что сам Неру принял решение о сотрудничестве, поскольку видел, с каким вниманием югославского президента изучают в Советском Союзе. Например, Анастас Микоян во время рабочего визита в Нью-Дели с похвалой отзывался о Тито, сказав, что он помог Советскому Союзу лучше понять Индию. Всё это произвело на Неру большое впечатление. На следующий день он сообщил югославскому послу Богдану Црнобрне, что принимает приглашение посетить Бриони².

Между 18 и 19 июля 1956 г. вождь самой великой демократии в мире встретился с египетским президентом Насером и Тито. В ходе встречи три государственных деятеля приняли декларацию, которая заложила фундамент для единой «неприсоединившейся» или, как еще говорили, «неангажированной политики»; ее задача заключалась в противостоянии делению мира на блоки, поскольку следствием блоковой политики были напряженность и страх. «Деление современного мира на сильные блоки, — записали они в коммюнике, — преследует цель надолго сохранить страх. Мира нельзя достигнуть путем раздела, но это можно сделать при помощи стремления к коллективной безопасности в мировых масштабах и с расширением свободы, а также с ликвидацией доминирования одного государства над другим»³. Как констатировали в Бонне, таким образом Тито вышел из европейского и коммунистического круга, в котором был активен до этого, и вступил в политику мирового уровня⁴.

Исходя из уверенности, что он может сыграть важную роль на мировой арене в процессе формирования независимого третьего мира от колониального ига, Тито начал тайно посылать оружие алжирцам, марокканцам и тунисцам, которые в то время объявили войну французским колониальным властям. Это, конечно же, вызвало в Париже большое негодование. 19 января французские морские силы в открытом море остановили торговое судно «Словения» и принудили его изменить маршрут в сторону порта Оран. При досмотре груза было найдено оружие, которое, очевидно, предназначалось североафриканским повстанцам⁵. Югославов это не остановило, поскольку Тито был уверен, что, в отличие от СССР и Китая, в любом случае необходимо поддерживать народно-освободительное движение поработенных народов, даже если оно идет вразрез с его идеологическими взглядами или

¹ Brands H. W. The Specter of Neutralism. P. 196.

² Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 554, 555; AS. Dedijer. T. e. 244, Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Trinajsto poglavje. S. 503–505.

³ Simić P. Svetac i magle. S. 275; Simić P., Despot Z. Tito. Strogo poverljivo. S. 219, 221; NARA. CREST. Current Intelligence Bulletin. Tito — Nehru — Naser Communique, 21.07.1956.

⁴ PA. B 12. Bd. 583/7.

⁵ PA. B 11. Bd. 1236. 3. S. 238, 239.

экономическими интересами¹. Во имя этого начинания он поддержал также кубинскую революцию, которую в конце 1950-х гг. начал Фидель Кастро. Не случайно ближайший соратник Кастро Че Гевара уже в 1959 г., сразу же после смещения власти в Гаване, посетил Югославию «с миссией доброй воли» и там встретился с Тито².

Московская декларация

Путешествие Никиты Хрущева в Белград в мае 1955 г. имело решающее значение для развития отношений с Советским Союзом. Как спустя некоторое время признался Хрущев в своих мемуарах, он впервые понял, насколько неверной была политика Сталина, после того как побывал в Югославии и побеседовал с Тито и остальными товарищами³. В президиуме ЦК КПСС 6 июня 1955 г., на котором он рассказывал об этих переговорах, возникла дискуссия, которая имела большое значение для разрушения сталинского мифа. Решающее слово в ней сказал А. И. Микоян, который отметил, что нужно целиться «в других», если Берия не виновен в разрыве с Югославией⁴. Так начался процесс десталинизации, апогеем которого стала ночь с 24 на 25 февраля следующего года, когда состоялся XX Съезд КПСС в Москве под лозунгом «возвращения к ленинизму». В соответствии с этим Хрущев в своей «секретной» речи напал на Сталина и помимо всего прочего отметил, что виновным в расколе между Советским Союзом и Югославией был только Сталин, который совсем потерял связь с реальностью. «Достаточно будет мне шевельнуть мизинцем — и Тито не будет. Он исчезнет» — говорил *хозяйин* Хрущеву перед исключением КПЮ из Информбюро. «Но этого не произошло, — писал Хрущев. — Несмотря на то, сколько и как он шевелил своим мизинцем, и тем более всем остальным, Тито не пал. Почему? Причина была в том, что Тито имел за собой государство и народ, который прошел через тяжелую школу борьбы за свободу и независимость, народ, который поддерживал своих руководителей»⁵. Это храброе признание, о котором Тито был оповещен, открыло новые возможности для сотрудничества между Москвой и Белградом⁶.

СКЮ не послал своих делегатов на XX Съезд КПСС, хотя Тито отправил своим «советским товарищам» приветственное письмо, в котором с трудом скрывал свои триумфальные чувства относительно тех результатов, которых он достиг и которые подтверждали правильность его сопротивления

¹ AS. Dedijer. Т. е. 68. Krtačni odtisi. S. 693.

² Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 29, 30.

³ Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 266; Rajak S. Yugoslavia and the Soviet Union. P. 136.

⁴ Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. С. 477–479.

⁵ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 20.

⁶ NARA. CREST. CIA. Comment on Khrushchev's Denunciation of Stalin. Preliminary Report; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 21; Rajak S. The Cold War in the Balkans, 1945–1956. P. 399, 546; Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. С. 477–479.

Сталину¹. По прочтении югославских газет и журналов того времени, считает Слободан Станкович, становится очевидным, что коммунистические руководители были на седьмом небе. В их глазах маршал Тито был настоящим гением — руководитель маленького государства, которое имело достаточно храбрости восстать против великана. Библейская притча о Давиде и Голиафе полностью повторилась².

Письмо Тито стало первым ответом с югославской стороны на заявления Хрущева о необходимости помимо государственных отношений обновить и партийные. Это выглядело весьма логично, после того как Хрущев на съезде высказал мысль, что социализм возможно построить не только путем революции, но и парламентскими средствами, и что война не неизбежна³. Так созрели условия для визита Тито в Советский Союз, который обе стороны начали активно готовить. Летом 1955 г. Москву посетила югославская парламентская делегация, в состав которой входили десять членов ЦК и один член Политбюро. Результатом визита стал советско-югославский экономический договор, подписанный 1 сентября того же года. Он должен был удвоить объем торгового обмена между странами. В то же время югославская внешняя торговля с государствами восточного блока увеличилась на 33%⁴. В феврале следующего года на XX Съезде КПСС была принята рекомендация о необходимости «укрепить дружбу и сотрудничество с братскими народами ФНРЮ», немного времени спустя Кремль одобрил крепкие кредиты⁵. В начале марта 1956 г. Тито отозвал из Москвы посла Добривою Видича, о котором в Кремле говорили, что он имеет слишком тесные связи с американским послом, и заменил его на черногорца Велько Мичуновича, который был заместителем секретаря в секретариате иностранных дел и человеком № 2 в югославских спецслужбах, как считали в СССР⁶. На деловом обеде в честь Видича Хрущев после тоста извлек из кармана своего жилета маленькую брошюру и вручил ее послу: «...передайте это товарищу Тито, он прочтет с интересом. Думаю, что вы, югославы, не написали ничего лучше». Это был текст тайного доклада, в котором он подвергал критике Сталина. На Тито этот жест произвел большое впечатление и убедил его, как он говорил, в том, что СССР на пути выздоровления⁷. Советский Союз 17 апреля

¹ PA. B 12. Bd. 582,617.

² Ibid. Bd. 621; NARA. CREST. Current Intelligence Weekly Summary, Yugoslav reaction to developments in the USSR, 29.03.1956.

³ NARA. CREST. Current Intelligence Bulletin. Tito's message to Soviet Party Congress, 21.02.1956.

⁴ NIE 31-2-55. Yugoslavia's International Position. 07.09.1955 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 205; NIE 31-56, Yugoslavia's International Position. 24 July 1955// Ibid. P. 218.

⁵ Гиренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 410, 411; *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. IV. S. 9.

⁶ Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. С. 556.

⁷ Гиренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 411; Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. С. 546.

распустил Информбюро, тем самым подтвердив югославский тезис, что эта организация после Белградской декларации стала анахронизмом. В мае государства подписали договор о сотрудничестве, в конце того же месяца Тито по-своему признал, что культ личности больше не актуален и в Югославии. Прежде всего он предложил, чтобы 25 мая больше не праздновали его день рождения, а отмечали день молодежи. Значительно чаще стали говорить, что помимо межправительственных отношений необходимо обновить межпартийные, вопреки утверждениям некоторых югославских руководителей во время «паломничества» Н. С. Хрущева, что этого никогда не произойдет. 2 июня, после «победоносного» путешествия через Румынию и Молдавию, Тито прибыл в советскую столицу с многочисленной свитой и женой Йованкой, которая в качестве первой леди впервые была за границей¹. На вокзале его встречали все советские руководители во главе с Хрущевым. В тот же день Молотова отправили в отставку с поста министра иностранных дел — красноречивый знак того, что Хрущев хотел принять Тито как блудного сына. В Москве его встретили с таким блеском, которого, начиная с революции, не был удостоен ни один гость; в Сталинграде, в Киеве его встречали тысячи, на улицах Ленинграда — более миллиона человек. Искреннее воодушевление масс, которое он вызвал своим непринужденным и достойным выступлением, а его супруга Йованка — своими скроенными по западной моде костюмами, создало теплую атмосферу, которая оказала влияние и на закаленное циничное советское руководство². Как записал югославский посол Велько Мичунович, под дирижерской палочкой Хрущева Ворошилов, Булганин, Микоян, Каганович и даже Молотов соревновались между собой, кто из них более решительно осудит политику Сталина в отношении Югославии³. Хрущев в стремлении сделать приятное югославам открыто заявил, что «и ФНРЮ успешно строит социализм», но это еще не означает, что он угодил им. Напротив, на многочисленном митинге, на стадионе Динамо, где 19 июня он выступал совместно с Тито, Хрущев пытался в своей речи показать, что Югославия вернулась в «социалистический лагерь», «монолитность» которого он особо подчеркнул. Тито его поправил и отметил, что не собирается отказываться от самобытности, поскольку «наш путь отличается от вашего», но он не был услышан⁴.

Венцом визита стала Московская декларация, которую Тито задумал не только как подтверждение равноправия КПСС и КПЮ, но и равноправия КПСС и других коммунистических партий⁵. Советские лидеры, которые

¹ *Gibijskij L. Pobuna u sovjetskom bloku 1956. godine, Jugoslavija i Kremalj // Jugoslavija v hladni vojni — Yugoslavia in the cold war / Ur. J. Fischer et al. Ljubljana; Toronto: Institut za novejšo zgodovino; University, 2004. S. 229–247.*

² PA. B 12. Bd. 585.

³ *Ridley J. Tito. A Biography. P. 344.*

⁴ NARA. CREST. Current Intelligence Weekly Summary. Of Immediate Interest. 21.06.1956.

⁵ PA. B 12. Bd. 638.

еще в Белграде с раздражением отнеслись к подобным предложениям, с этим не согласились. Их цель заключалась в убеждении югославов в том, что необходимо достигнуть «идеологического единства», иными словами, что они должны присоединиться к «лагерю». Хрущев и его соратники были убеждены, что югославское присутствие в нем решительно улучшило бы личные отношения между социалистическими государствами и в то же время укрепило их власть в самом Кремле. Несмотря на то что Тито хотел поддержать Хрущева в борьбе против сталинистов, которые были еще сильны в КПСС и в народных демократиях, с этим предложением он не мог примириться. Он отметил, что само понятие «лагерь» неприемлемо, поскольку вызывает ассоциацию с диктатурой и представляет собой «устаревшую форму организации». В ходе посещения крейсера «Фрунзе» собравшимся морякам он сказал, что Югославия верный защитник социализма на границах социалистического лагеря в Южной Европе¹. Дело дошло до противостояния и ожесточенных дебатов, которые закончились всего за час до начала запланированного торжества. Ясно было одно — неудачные переговоры показали бы, как нетвердо стоит Хрущев в то время, когда в Польше и Венгрии назревали кризисные события². В итоге декларация, подписанная 9 июня 1956 г. в Георгиевском зале Большого кремлевского дворца, выглядела как компромиссное решение. Признавалось равенство между государствами и невмешательство во внутренние дела и в «духе интернационалистических принципов марксизма-ленинизма» признавалось право на разнообразие социалистического развития. Но не говорилось о равенстве между партиями, на что рассчитывали Тито и его соратники. Однако эта декларация имела исключительное значение. Как сказал Хрущев: «Нельзя было разрешить другим то, что было позволено Югославии»³.

После трехнедельного визита Тито вернулся из Москвы с уверенностью, что хотя Хрущев и на правильном пути, сталинизм всё еще жив. В частности из-за прослушки, которая была установлена везде, где он находился, даже на берегу Черного моря и прогулочной дорожке в Сочи. Тот факт, что советские власти реабилитировали Милана Горкича, его предшественника на посту главы партии, не выглядело как дружеский жест. Тем более что об этом решении, о котором писали все газеты, Тито никто не предупредил⁴. Во время триумфа в Бухаресте, который он посетил по пути домой, Тито заявил:

¹ *Mićunović V.* Moskovske godine. 1956–1958. Zagreb: Liber, 1977. S. 77, 100; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 412, 413; *Анукеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 272, 273.

² *Rajak S.* The Cold War. P. 400; *Idem.* Yugoslavia and the Soviet Union. P. 157, 158; *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. С. 264, 265.

³ *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. С. 572, 573; *Swain G. R.* Tito. A Biography. P. 121.

⁴ *Simčić M.* Ženske. S. 154; NARA. CREST. Current Intelligence Bulletin. Yugoslav — Soviet Communiques. 21.06.1956; *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. С. 569.

«Московские сателлиты теперь больше не сателлиты»¹. Но по возвращении в Белград уже более трезво он отметил: «Всё движется тяжело: одни тянут вперед, другие назад»².

Беспорядки в Польше и Венгрии

Сразу же после отъезда югославской делегации советские лидеры подтвердили, что не собираются отказываться от руководящей роли внутри социалистического блока. Прежде чем Тито успел вернуться в Белград, 22 и 23 июня 1956 г. Хрущев созвал заседание верховных руководителей стран-сателлитов, на котором «презрел» только что подписанную Московскую декларацию. «И никто из присутствовавших не смог ничего ни добавить и ни прибавить», — с грустью писал в своем дневнике Велько Мичунович³. Если такое отношение нравилось московским вассалам, поскольку оно подтверждало status quo, а тем самым и их власть, то народы Восточной Европы восприняли визит Тито как «третью русскую революцию» и ожидали от нее улучшения своего положения. Маршал еще не успел выехать из Советского Союза, как в Познани в Польше начались столкновения между рабочими и полицией, которые 28–29 июня переросли в настоящее народное восстание. Эти драматические события ослабили позицию Хрущева и добавили уверенности тем советским руководителям, которые не соглашались с его политикой. В прессе можно было снова прочесть заявления «о международной пролетарской солидарности» и требования сомкнуть ряды против «капиталистических происков»⁴. На Западе возможную связь между реабилитацией СКЮ и событиями в Польше не могли оценить правильно. Напротив, тот факт, что югославы приняли в отношении беспорядков в Познани советский тезис о влиянии, которое имеют западные реакционеры на польских рабочих, укрепило мнение о существенном сближении и согласии между Хрущевым и Тито⁵. В Вашингтоне и Лондоне и в других столицах «свободного мира» «entente cordiale»⁶ Тито с Советским Союзом получала всё больше и больше обеспокоенных и негативных оценок. Ветер враждебности подул из США: было принято важное дополнение к закону о помощи зарубежным странам, представленное Сенату 29 июня 1956 г., которое предусматривало исключение Югославии из этой программы. Хотя это предложение было отклонено, Сенат вдвое сократил сумму, которая

¹ PA. B 12. Bd. 582/7.

² *Ströhm C. G.* Ohne Tito, kann Jugoslawien ueberleben? Graz; Wien; Köln: Bastei — Lübbe; Styria, 1976. S. 91.

³ *Mičunović V.* Moskvske godine, 1956–1958. S. 93; *Osolnik B.* Med svetom in domovino. S. 230–232.

⁴ *Mičunović V.* Moskvske godine. S. 93.

⁵ NIE 31-56. Yugoslavia's International Position. 24.07.1956 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 220.

⁶ Сердечное согласие (*франц.*).

первоначально предназначалась Югославии, и президенту Эйзенхауэру рекомендовал окончательно перевести эту сумму в течение девяноста дней, но только если он уверен, что это делается в интересах Америки. Обеспокоенный этими новостями, Тито направил Эйзенхауэру секретное письмо, в котором подчеркнул, что помощь США, конечно же, важна, но еще важнее их дружба. В разговоре с американским послом Джеймсом В. Риддльбергером, Тито указал на то, что его политика дружеских отношений с социалистическими государствами освободила их от сталинизма и доказала, что они имеют право иметь отличное от Москвы мнение¹. Но эти медовые речи не помогли. Согласно имеющимся данным, Югославия в промежуток между 1951 и 1956 гг. получила стратегического сырья на 717 млн долларов, а с 1956 по 1963 г. — только на 16 млн².

Несмотря на то что Тито пытался успокоить своих партнеров на Западе, он их в то же время упрекнул в том, что они не в состоянии оценить новое положение, которое сложилось в Советском Союзе отчасти и благодаря его влиянию. «Иногда черт не так страшен, как его малюют», — сказал Тито американскому послу³. Уверенность в том, что он является носителем новых ценностей в международных отношениях, побудила его действовать не только в Африке и Азии, но и в странах-сателлитах с целью укрепить их независимость от Москвы. Югославские дипломаты в разговорах с коллегами из стран-сателлитов подчеркивали отличия своего общественного и экономического устройства и сравнивали свою политическую систему с «государственно-бюрократическим аппаратом» Советского Союза. Для того чтобы защитить свой путь к социализму, Тито направил делегации в Польшу и Венгрию, которые, казалось, были больше всех подготовлены к переменам, подобным югославским. В Польше Тито поддержал Владислава Гомулку в его реформах и подтолкнул его к большей независимости от Москвы, в Албании подстрекал против диктаторского режима Энвера Ходжи, в Болгарии содействовал падению Вылка Червенкова, в Румынии поддерживал противников Георге Георгиу-Деж. Наиболее решительно он выступил против венгерского лидера Матиаша Ракоши, которого хотел заменить на Имре Надя (долгое время находившегося в тюрьме по обвинению в симпатиях к титоизму). Стремление Тито вытащить соседнее государство из «пучины сталинизма» увенчалось только частичным успехом, так как Советский Союз в середине июля принял решение отстранить Ракоши от власти, а во главе венгерской партии поставить Эрнё Герё, который был таким же убежденным сталинистом, как и его предшественник. Чтобы хоть как-то угодить Тито, венгры реабилитировали Ласло Райка, которого перезахоронили

¹ РА. В 12. Bd. 587; *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 283.

² *Pirjavec J.* Jugoslavija. S. 228. *Bogetič D. D.* Tito i nesvrstani. Iskušnja na putu stvaranja asocijacije vanblokovskih država. S. 102, 103.

³ NARA. CREST. Current Intelligence Bulletin. Tito Comments on his Moscow Visit 01.07.1956; *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 297.

в Будапеште с государственными почестями. В Белграде воздание почестей бывшему венгерскому министру, осужденному на смертную казнь в 1949 г. за обвинение в титоизме, восприняли как важный сигнал десталинизации¹.

На беспорядки в Польше и Венгрии советские руководители откликнулись в письме от 13 июля 1956 г., которое направили членам своей партии и партиям держав-сателлитов. В нем предостерегали от «национального коммунизма», отказывались от двух соглашений, торжественно заключенных с югославами, назвав последних из-за их прозападной политики оппортунистами. О Тито написали, что Булганин зашел слишком далеко, назвав его во время недавнего июньского визита «коммунистом-ленинистом» (Хрущев даже из-за этого хотел вынести ему партийный выговор)². О содержании письма скоро узнали югославы, которым во время визита болгарской делегации в Белград попала в руки строго секретная запись беседы Хрущева и руководителя Болгарии. Генеральный секретарь КПСС заявил, что Тито нужно любым способом препроводить в «лагерь», а «затем... свернуть ему шею»³. Советская печать и печать государств-сателлитов затрубили в антиюгославские трубы, югославы на это ответили судом над несколькими информбюровцами, которые только вернулись домой из восточного блока. Всё это не помешало импульсивному Хрущеву в конце августа принять необычные и неожиданные меры: хотя он и был в клещах внутренней оппозиции, он решил, что отправится с частным визитом в Югославию и таким образом обеспечит поддержку Тито при осуществлении реформаторской политики. Очевидно, он еще верил, что сможет его убедить вернуться в советский лагерь⁴.

Переговоры между Тито и Хрущевым начались 19 сентября 1956 г. на Бриони и продолжились в резиденции Белье в Хорватии, а через 8 дней в Ялте, куда, вопреки мнению Карделя, Тито «отправился на охоту». В Ялте они пробыли до 5 октября и там же «случайно» встретились с Эрнэ Герё, который отдыхал в Крыму. Их долгие и бурные дискуссии не решили всех открытых проблем, но сблизили их по-человечески и оказались не бесплодными. Тито, однако, не позволил перетянуть себя в «лагерь», как того хотел Хрущев, но обещал, что нормализует отношения с партиями «сателлитов» и поддержит человека, которого Советский Союз хотел видеть у власти в Будапеште⁵. Эрнэ Герё получил приглашение маршала посетить с рабочим

¹ PA. B 12. Bd. 618.

² *Vlahović V.* Strogo pov. S. 165; NIE 31-57. Yugoslavia's Policies and Prospects. 11.06.1957. S. 230; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 413; *Mičunović V.* Moskofske godine. S. 129; NARA. CREST. CIA, Senior Research Staff on CIA/SRS-6, 16.09.1957. S. 37; *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. С. 575–576; *Rajak S.* Yugoslavia and the Soviet Union. P. 164, 165; Встречи на высшем уровне. С. 692–699.

³ AS. Dedijer. T. e. 298; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. IV. Četrto poglavje. S. 8.

⁴ *Rajak S.* The Cold War. P. 400; *Idem.* Yugoslavia and the Soviet Union. P. 167, 168.

⁵ *Mičunović V.* Moskofske godine. S. 130; *Marović M.* Sumrak staljinizma. S. 113, 114; *Rajak S.* Yugoslavia and the Soviet Union. P. 170, 171.

визитом Белград, надеясь, что этот шаг укрепит его положение в Венгрии. В середине октября он прибыл в столицу Югославии во главе делегации, в состав которой входил и Янош Кадар. В отличие от Герё он, по мнению Тито, не осознавал драматизма положения. После отъезда венгров Тито сказал своим соратникам, что Кадар произвел на него впечатление своим реализмом и спокойствием¹.

Паломничество к своему бывшему смертельному врагу не принесло пользы Герё: 23 октября 1956 г. в Будапеште начались массовые манифестации, причиной которых стали события в Польше, где двумя днями ранее к власти вернулся, в том числе и при поддержке Белграда, «титоист» Гомулка². В начале казалось, что ситуацию можно взять под контроль, поскольку 30 октября 1956 г. в Москве была обнародована декларация правительства СССР, в которой оно обещало строить свои отношения со странами-сателлитами на новых теоретических и практических основах. Признавались в первую очередь принципы равноправия, территориальной целостности, национальной независимости, суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Был даже намек на возможность вывода войск из Польши, Венгрии и Румынии. Югославский посол Мичунович победоносно записал в своем дневнике, что декларация звучала так, «словно ее написали мы»³. Но появилась она слишком поздно. События в Венгрии переросли в восстание, с которым не могли справиться ни тайная полиция, ни части советской армии, которые Герё позвал на помощь против восставшей «черни». Кремлевские руководители тогда приняли решение, что предоставят ненавистного аппаратчика его судьбе и заменили его на нового председателя правительства Имре Надя, а секретарем партии стал Янош Кадар⁴. Микоян из Москвы поспешил в Будапешт для успокоения «взволнованных душ» и пообещал скорый вывод советских войск из Венгрии. Обеспокоенный развитием событий, Тито в то же время послал венгерской партии письмо, в котором засвидетельствовал поддержку новому политическому течению, уговаривая прежде всего «рабочий народ» не терять веры в социализм и не позволять «реакционным элементам» свратить его⁵.

Венгерская революция

Развитие событий пошло по иному пути: в государстве, которое охватило народное восстание, спонтанно образовались рабочие советы, на сцену вернулись буржуазные, а также правые партии, в прессе появились

¹ AS. Dedijer. Т. е. 126. Janoš Kadar.

² Vlahović V. Strogo pov. S. 93.

³ Анукеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 274; Marović M. Sumrak. S. 121, 122.

⁴ Marović M. Sumrak. S. 118, 119; Rajak S. Yugoslavia and the Soviet Union. P. 173.

⁵ Dedijer V. Izgubljeni boj J. V. Stalina, 1948–1955. Ljubljana: Delo, 1969; Idem. Dokumenti 1948. Vol. III. S. 646, 647.

антикоммунистические лозунги. В Будапеште был снесен первый в Восточной Европе памятник Сталину, и началась охота на коммунистов, прежде всего на служащих в полиции, которых в отдельных случаях линчевали¹. Запад при помощи пропагандистского радио «Свободная Европа» подстрекал восставших, в то время как в Москве его действия рассматривали как покушение на баланс сил, который сложился после Второй мировой войны, и уже начали говорить о контрреволюции.

Имре Надь 31 октября решил реконструировать народную демократию, выйти из Варшавского договора и провозгласить нейтралитет Венгрии, наивно полагая, что Москва признает подобное положение вещей, как это произошло год назад с Австрией. Советское руководство, которое, конечно же, не могло принять подобного плана, поскольку осознавало, что любая уступка будет означать конец его гегемонии в Средней и Восточной Европе, решило в тот же день предпринять военное вмешательство. При этом оно рассчитывало воспользоваться кризисом, в котором оказался Запад из-за израильско-французско-британского нападения на Египет в ответ на решение Насера национализировать Суэцкий канал. Перед таким рискованным шагом Хрущев решил заручиться поддержкой всех «братских» партий, в том числе и югославской. Поскольку Тито отказался приехать на консультации в Москву, 2 ноября 1956 г. Хрущев вместе с Маленковым тайно приехал на Бриони и, вопреки тому, что путешествие из-за шторма оказалось весьма изматывающим, всю последующую ночь они вели десятичасовую беседу с Тито и другими руководителями Югославии², которые были сильно озабочены событиями в Венгрии и выразили готовность направить свои войска в соседнее государство, поскольку были уверены, что падение социализма в Венгрии будет иметь печальные последствия для всего подунайско-балканского региона. Тито уже 30 октября предупреждал Надя, чтобы тот не позволял международной реакции использовать венгерские события, дабы они не переросли в контрреволюцию. Но тот не прислушался к его советам³. Поэтому югославские руководители без тени сомнения поддержали вмешательство советской армии, они хотели только, чтобы новое правительство возглавил Янош Кадар, который, по их мнению, более подходил для проведения соответствующих реформ, нежели Ференц Мюнних, которого поддерживал Советский Союз. Согласно анкетам, которые были предложены ряду заводов, югославы были уверены, что в Венгрии было возможно спасти социализм, если бы нашелся кто-нибудь, кто сумеет по их образцу организовать рабочие советы. Для того чтобы заручиться поддержкой Хрущева, они предложили

¹ *Broz Tito J. Govori i članci. Vol. XI. S. 229; Rajak S. Yugoslavia and the Soviet Union. P. 173.*

² *Adamovič M. Brozovi strahovi. S. 210–216; Mićunović V. Moskovske godine. S. 159; Simić P. Tito i NATO. S. 86, 87; Rajak S. Yugoslavia and the Soviet Union. P. 173, 174.*

³ *Ridley J. Tito. A Biography. P. 338.*

предоставить Надю политическое убежище в своем посольстве и тем самым убрать его с пути¹.

События развивались по оговоренному сценарию: 3 ноября Кадар, который двумя днями ранее бежал из Будапешта в советский лагерь и там созвал новое правительство, призвал Советский Союз прийти на помощь и подавить контрреволюцию. В ту же ночь это и произошло, не без отчаянного сопротивления венгерских повстанцев. Хрущев послал на следующее утро Тито победоносную телеграмму: «Ура! Ура! Ура! Наши части вошли в Будапешт»². ТАНЮГ 5 ноября поддержало кровавое советское вмешательство, поскольку на венгерские события необходимо было смотреть «с реализмом», и оправдывало это тем, что речь шла о «судьбе социализма»³. 4 ноября рано утром Надь с большой группой соратников и их семей, общим числом 52 человека, попросил о политическом убежище в югославском посольстве. Но в последующие дни он решительно отклонил предложение, которое ему по советской указке передали югославы, — формально отказаться от должности председателя правительства. При этом между Тито и Хрущевым возникло непредвиденное противоречие. Первый требовал у Кремля, чтобы Надь получил разрешение на свободное проживание в Будапеште или в Югославии, второй же полагал, что Надь предатель, которого следует казнить. Маршала поставили перед неприятной альтернативой: если он Надя и его пособников отдаст Кадару, то договор о сотрудничестве, который был заключен в прошлом сентябре, останется в силе, если же он будет упорствовать и попытается спасти предателей, то его перед всем миром обвинят в поддержке венгерской «контрреволюции»⁴. Для того чтобы придать своим словам вес, Хрущев дал указание советским танкам войти приблизительно на 30 км в Прекмурье, а в Будапеште окружить югославское посольство. Один из солдат выстрелил и через окно убил югославского дипломата, который находился за своим рабочим столом⁵. Негодование Тито из-за подобного поведения подогрела статья Энвера Ходжи в газете *Zeri i Populit*, в которой албанский руководитель напал с острой критикой на «новые виды социализма, которым место в музее хлама международного оппортунизма». Очевидно, что в первую очередь он имел в виду Югославию. *Правда* статью перепечатала и тем самым добавила ей особый вес⁶.

¹ *Mićunović V. Moskvske godine. S. 159; Анисеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 275; *Stuparić D. Diplomati izvan protokola: ambasadori Titove Jugoslavije. Zagreb: Centar za kulturnu djelatnost Saveza socijalističke omladine Zagreba, 1978. S. 233, 234.*

² *AS. Dedijer. T. e. 298; Dedier V. Novi prilozi. Vol. IV.*

³ *PA. B 12. Bd. 582, 618.*

⁴ *AS. Dedijer. T. e. 126; Mićunović V. Moskvske godine. S. 183–193; Ripp Z. Hungary's Part in the Soviet-Yugoslav Conflict, 1956–58 // Contemporary European History. 1998. Vol. 7. No. 2. P. 206.*

⁵ *Ridley J. Tito. A Biography. P. 341; Pirjevec J. Jugoslavija. S. 230.*

⁶ *Ćosić D. Pišćevi zapisi (1951–1968). S. 121; Rajak S. Yugoslavia and the Soviet Union. P. 181.*

Реакции не пришлось долго ждать. 11 ноября 1956 г. Тито выступил в Пуле перед четырьмястами истрийскими активистами с речью, в которой осудил советское вторжение в Венгрию, произошедшее по просьбе Эрнё Герё. Заклеймил первое вторжение как «катастрофу», так как тогда еще было возможно направить гнев людских масс в нужное русло. При этом он опирался на свидетельства Добрицы Чосича, который в конце октября посетил Будапешт и своими симпатиями к венгерским повстанцам сильно повлиял на высшие югославские чины¹. Второе вторжение советской армии Тито обозначил как меньшее зло, поскольку оно предотвратило скатывание Венгрии в хаос гражданской войны и контрреволюции и спасло мир от нового великого столкновения. В противоречии с этой интерпретацией он подчеркнул, что югославы поддерживают политику невмешательства, и сделал акцент на том, что венгерская катастрофа проистекает из сталинской практики, которая существует в Советском Союзе и в большей части «сателлитов». «Они понимали, где кроется источник всех тех трудностей, и на XX Съезде осудили сталинский путь и его политику. Но ошибочно объясняли его политику культом личности, а не как проблему сталинских методов и практик. То, что они посеяли в 1949 г. и позднее, сейчас пожинают. Посеяли ветер — пожинают бурю»².

Хотя Тито в Пуле говорил и об «определенных сталинских элементах», которые в Советском Союзе противятся политике Хрущева, и выразил надежду, что Хрущев победит, его праведная речь, которая прозвучала больше как критика, чем как отпущение грехов, привела Хрущева в бешенство. Он слишком хорошо знал, что удушением венгерского восстания спас от неизбежного падения режим Тито. На приеме в Кремле 17 ноября 1956 г. вместе с Булганиным и Молотовым Хрущев подверг жесткой критике посла Мичуновича, говоря, будто бы югославы открыто заклеили их как сталинистов, словно у них ничего не произошло. «Кому это было нужно, как не нашим врагам?»³ Выглядело всё так, словно нормализация отношений между Советским Союзом и Югославией, которая началась после смерти Сталина, полностью провалилась. Советская пресса начала мощную антиюгославскую кампанию, которую сопровождал активный обмен письмами между московским и белградским руководством. «В речи содержатся некоторые заявления, — сообщало агентство ТАСС в комментариях к речи Тито в Пуле, — которые, по сути и содержанию, противоречат основам пролетарского интернационализма и международной солидарности народов». Советский

¹ *Rajak S.* Yugoslavia and the Soviet Union. P. 113–116. См. также: *Čosić D.* Sedam dana u Budimpešti. Beograd: Nolit, 1957.

² *Dedijer V.* Dokumenti 1948. Knj. III. S. 651–666; *Režek M.* Odmev madžarske vstaje leta 1956 v Sloveniji in v Jugoslaviji // *Prispevki za novejšo zgodovino*. 2006. Vol. XLVI. No. 2. S. 95; PA. B 12. Bd. 617; NIE 31-57. Yugoslavia's Policies and Prospects. 11.06.1957 // *Yugoslavia. From «National Communism»*. P. 231; *Broz Tito J.* Govori i članci. Vol. XI. S. 229; NARA. CREST. Current Intelligence Bulletin. Tito Berates Soviet Leadership. 18.11.1956.

³ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. IV. S. 52./

посол в Белграде Н. П. Фириубин пришел на ужин к маршалу со стопкой антисоветских книг, напечатанных за последние годы в Югославии, чтобы продемонстрировать недружелюбное отношение к Советскому Союзу¹. В донесении, отправленном им в Москву, он развернуто представил направления югославской политики и особо отметил, что югославские руководители «в последнее время по существу начали открытую борьбу против советской общественно-экономической системы, против дружественных отношений СССР со странами народной демократии, за переход этих стран на так называемый “югославский путь”»².

Спор определил судьбу Надя: 22 ноября 1956 г. он со своими соратниками покинул югославское посольство, после того как по требованию Тито и Карделя днем ранее Кадар дал сначала устную, а потом еще и письменную гарантию, что ему не будет причинен вред. Как только в 6 часов вечера он вошел в военный автобус, чтобы его с сопровождающими лицами отправили домой, Надя был арестован советскими агентами, поскольку Хрущев и его окружение полагали, что небезопасно оставлять его на свободе в Будапеште. Поэтому ему решили предоставить убежище в Румынии³.

Чтобы сохранить честь, югославы подняли крик и потребовали, чтобы коренные изменения в политической системе произошли не только в Венгрии, но и в других социалистических странах. В важной программной речи, с которой Кардель выступил в Союзной скупщине 7 декабря 1956 г., можно было услышать некоторый отзвук мысли Джиласа (который как раз тогда оказался под судом). Прежде всего она содержала обвинение в том, что внутри советского общества выдвинулся на первый план бюрократический пласт, который захватил власть рабочего народа. Эта каста провозгласила себя коммунистической, а на самом деле провела в жизнь деспотизм и остановила развитие и создание новой реальности в общественных отношениях. «Если какая-нибудь партия этого не понимает, она может продолжать бить в свою коммунистическую грудь и хвастаться марксизмом-ленинизмом, ссылаясь на свою историческую роль. Несмотря на это, она будет играть роль тормоза социалистического развития и может стать реакционной силой, если выстоит на этом пути. Думать, что партия гарантирует прогрессивное и демократическое развитие своей власти только потому, что она называется коммунистической, глубокое антимарксистское заблуждение»⁴.

В СССР увидели много общего между словами Карделя и Джиласа, и 18 декабря *Правда* написала, что упреки, выдвинутые «господином» Карделем, говорят не в его пользу и демонстрируют, на каких гнилых подпорках

¹ *Ćosić D. Pišćevi zapisi (1951–1968). S. 121; Marović M. Sumrak. S. 127; NARA. CREST. Current Intelligence Bulletin. Moscow-Belgrade Propaganda Fight Developed. 22.11.1956; Pravda Editorial Justifies Position against Tito, 24.11.1956.*

² *Аникиев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 297.*

³ *Vlahović V. Strogo pov. S. 133; Kardelj E. Spomini. S. 148; AS. Dedijer. T. e. 126; Marović M. Sumrak. S. 123; Stuparić D. Diplomati. S. 232.*

⁴ *Marović M. Sumrak. S. 128; Rajak S. Yugoslavia and the Soviet Union. P. 170, 189.*

держатся его ревизионистские теории. При этом не было сказано, что разница между Джиласом и Карделем в следующем: в то время как первый хотел полного отстранения от Москвы и свободного выбора (в этом он был очень близок Имре Надю), второй остался верен идее спасительной силы коммунизма¹. Хрущев особенно обиделся на Карделя, поскольку в его речи перед скупщиной усмотрел оскорбительный намек на себя самого. Когда спустя несколько дней он принял для беседы югославского посла в Москве Велько Мичуновича, тот заметил на его столе речь Карделя и кукурузный початок: «Вы думаете, будто я не знаю, что Кардель думает обо мне, когда он говорил о коммунистических руководителях, которые заботятся только о кукурузе», — и Хрущев стукнул початком по столу².

Венгерские события привели к изоляции югославы внутри «социалистического лагеря», поскольку «титоизм» потерял всякую привлекательность, в нем видели виновника произошедшего, и это в то время, когда отношения Белграда с Западом были далеки от сердечных. Безапелляционная критика со стороны Тито французско-английской авантюры в Египте для Лондона, Парижа и Вашингтона, где ее сравнивали с более сдержанной критикой Советского Союза, явилась подтверждением сомнений в уравновешенности позиции маршала в отношении двух блоков. Югославы в самом деле пытались сохранить полемику с Советами на идеологической почве в соответствии с новогодним интервью Тито газете *Borba*, в котором он утверждал, что необходимо различать межпартийные и межгосударственные отношения и отделять обсуждение идеологических вопросов от сотрудничества между государствами³. Но им не повезло. Будучи убеждены, что югославский «национальный коммунизм» подрывает единство восточного блока, в феврале 1957 г. Советский Союз перешел от слов к делу и заблокировал заем (около 100 млн долларов), который в сотрудничестве с Германской демократической республикой был одобрен для предоставления белградскому правительству. В апреле при поддержке Будапешта, Тираны и Софии был поднят чувствительный вопрос о национальных меньшинствах в Югославии, что было красноречивой угрозой развязать приграничные инциденты. Янош Кадар уподобил «национальный коммунизм» фашизму, в то время как албанцы возобновили свое словесное наступление времен 1948–1952 гг., намекая на ирредентистские требования в вопросах, касавшихся Косова. Проблема приобрела остроту, какой не имела никогда прежде⁴. Эта неприятная тема убедила Тито. 19 апреля он открыто призвал средства массовой информации несколько умерить свои нападки на Советский Союз. Этот шаг имел благоприятные последствия и вызвал новое потепление отношений между

¹ PA. B 12. Bd. 546, 621; *Režek M.* Odmev madžarske vstaje. S. 95; NARA. CREST. Current Intelligence Bulletin. Pravda Answers Yugoslav Analysis on Hungary, 19.12.1956.

² *Ćosić D.* Piščevi zapisi (1951–1968). S. 122, 123.

³ *Marović M.* Sumrak. S. 131.

⁴ NIE 31-57. Yugoslavia's Policies and Prospects. 11.06.1957. S. 231.

Москвой и Белградом, хотя и омраченное периодическими спорами. Когда в апреле Энвер Ходжа, главный противник Тито, посетил Москву, Хрущев заявил, что полемика между советским блоком и Югославией должна прекратиться. В мае 1957 г. *Правда* всего лишь несколькими словами отметила неожиданную смерть Моше Пияде, но в конце месяца советские руководители поздравили Тито с днем рождения. В то же время стало известно, что партиям-саттелитам послали письмо, в котором призывали их вопреки идеологическим различиям улучшить отношения с Югославией. Последовал визит югославского секретаря по национальной обороне Ивана Гошняка в Москву, что выглядело весьма многообещающим¹. Оттепель усилилась в июле 1957 г., когда пришла неожиданная новость о падении «антипартийной группы» Маленкова, Кагановича, Молотова и Шепилова, той фракции в ЦК КПСС, которая соперничала с Хрущевым за власть. Отставка лиц, которые вместе со Сталиным в 1948 г. проводили антиюгославскую политику, в Белграде приняты с одобрением, поскольку было ясно, что победа Хрущева укрепляет реформистские силы в Советском Союзе и открывает возможности для диалога². Оказалось, что эта оценка верна, поскольку Хрущев подготовил большое пространство для маневра в своей политике нормализации: еще 16 июля 1957 г., во время частного визита Карделя и Ранковича в Крым, СССР снова одобрил заем. 29 июля в Москве был подписан протокол о строительстве комбината в Черногории, который бы производил 50 тыс. тонн алюминия в год и в работе которого помимо Советского Союза участвовала бы ГДР. Речь шла о проекте, о котором еще в 1947 г. говорили Кардель и Сталин, и который из-за раскола в 1948 г. так и не был реализован. Для югославов он был крайне важен, поскольку они рассчитывали на возможность подъема военной промышленности³. Тито предлагал провести тайную встречу с Хрущевым на речной яхте на границе Югославии и Румынии и в разговоре с ним окончательно уладить спор. В последний момент он передумал и по телеграфу сообщил, что будет лучше, если они открыто встретятся в Бухаресте. 1 и 2 августа 1957 г. главы государств в сопровождении делегаций встретились в Снагове, близ румынской столицы, в королевском дворце, где в июне 1948 г. была принята злосчастная резолюция Информбюро, и заложили основу для обсуждения открытых вопросов между государствами и партиями. Дошло до довольно бойкого обмена мнениями о событиях в Венгрии, при этом югославы хотели, чтобы «социализм вышел из передней Генриха VIII, Ивана Грозного и подвалов папской инквизиции», а также выразили свою готовность улучшать международные

¹ Ibid. S. 231, 232; NARA. CREST. Current Intelligence Bulletin. Yugoslav Defense Minister to Visit Moscow, 25.05.1957; Current Intelligence Weekly Summary, Patterns and Perspectives. Soviet-Yugoslav relations, 10.10.1957.

² TNA. FO 975/149/PR 117/86/G; *Rajak S. Yugoslavia and the Soviet Union*. P. 201.

³ *Гиренко Ю. С. Сталин — Тито*. С. 302, 303; *Rajak S. Yugoslavia and the Soviet Union*. P. 171.

отношения. Двухдневные переговоры закончились объятиями и поцелуями¹. Скоро сообщение о встрече в Румынии получило большой отклик и прежде всего на Западе. В Вашингтоне, Лондоне и других столицах укрепилось мнение, что Тито и Хрущев заключили договор, на основе которого Белград будет поддерживать Москву на международной арене, а последняя признает за Белградом право на свой путь к социализму². В целом это было так, но Тито помимо прочего обещал, что к 50-летию Октября примет участие в конференции социалистических стран, которую предлагал провести Китай, чтобы подчеркнуть целостность и идеологическую устремленность коммунистического лагеря³.

Следующей осенью стало очевидно, что предположения Запада не высосаны из пальца. Сам Тито в статье для печатного органа белградского секретариата иностранных дел выразил доверие миролюбивой политике СССР и дал понять, что Запад представляет самую большую опасность для мира во всем мире⁴. В сентябре 1957 г. Югославию посетила польская правительственная и партийная делегация во главе с Владиславом Гомулкой, очевидно, по договоренности с Хрущевым. В заключительном коммюнике Тито не признал только спорные границы на Одре и Нисе как окончательные между Польшей и Германией, но сделал важный идеологический шаг — принял «пролетарский интернационализм» как принцип, на который опираются отношения коммунистических государств и партий. Речь шла об отступлении от существовавшей до того момента югославской позиции, что «пролетарский интернационализм» — только дымовая завеса, за которой скрываются советские гегемонистские устремления по отношению к малым государствам. На торжественном ужине, который был создан в честь поляков, дело зашло так далеко, что в одном из своих тостов Тито признал руководящую роль Советского Союза⁵.

В то же время в белградских дипломатических кругах начали ходить слухи, что Тито на встрече в Бухаресте пообещал Хрущеву, что установит дипломатические отношения с ГДР, хотя знал, что это несколько рискованно⁶. Чтобы предотвратить международное выдвижение этого советского «сателлита», статс-секретарь министерства иностранных дел Вальтер Хальштейн опубликовал доктрину, согласно которой Бонн не должен был вступать в дипломатические отношения с государствами, которые имели дипломатические отношения с ГДР. У Югославии с 1954 г. были политические и экономические отношения с ГДР, но они не могли сравниться с теми, которые она

¹ *Vlahović V.* Strogo pov. S. 135, 149; Встречи на высшем уровне. Т. 1. С. 732–739.

² *Pirjevec J.* Jugoslavija. S. 231; *Adamović M.* Brozovi strahovi. S. 221; SNIE 31/1-57. Yugoslavia's International Position. 19.11.1957. S. 243.

³ *Ripp Z.* Hungary's Part. S. 212, 213.

⁴ SNIE 31/1-57. Yugoslavia's International Position. 19.11.1957. P. 243.

⁵ PA. B 12. Bd. 621.

⁶ Ibid. Bd. 97.

установила с Западной Германией¹. Тито долго бился над вопросом германского единства и для достижения этой цели предлагал конфедерацию, которая бы признавала административную автономию двух Германий. Речь шла только о благих намерениях. Несмотря на сомнения, которые выражали его ближайшие соратники, начиная с секретаря иностранных дел Кочи Поповича, понравится ли этот шаг «западным друзьям», 15 октября Тито признал правительство ГДР. В ответ ФРГ 19 октября 1957 г. прервала дипломатические отношения с Белградом². Эта политическая реакция, которую югославы вопреки всем угрозам не ожидали и которую в Бонне оценили как «тяжелый урок», имела сильный отклик у международной общественности. Тито надеялся, что его примеру последуют страны третьего мира, в первую очередь Индия, однако Неру, недовольный тем, что маршал, принимая решение, не посоветовался с ним, сухо отверг эту идею и этим вызвал в отношениях между государствами ощутимое охлаждение³. США приостановили свою военную помощь Белграду и открыто выражали свое недовольство внешней политикой Тито. Чтобы подчеркнуть свою независимость, маршал в сентябре 1957 г. решил не принимать оружия даром, а покупать его. В марте следующего года США по его желанию прекратили военную помощь (но не экономическую) и вывели из страны свою военную миссию, члены которой, а их было 60 человек, за последние годы вопреки частым трениям сотрудничали с ЮНА в ее стремлении подготовиться к возможному советскому нападению⁴. Авторитет, который Тито имел на Западе, из-за подобной вызывающей политики стремительно падал, не говоря уже об огромном экономическом уроне, который понесла Югославия из-за конфликта с ФРГ⁵. После рабочего визита в министерство иностранных дел посол Риддльбергер справедливо отмечал, что так «заканчивается один период в югославо-американских отношениях и начинается новый»⁶.

¹ BA. DY 30/1/IV 2/20/128; NY 4090/480.

² NARA. CREST. Current Intelligence Bulletin, Tito may rise German Confederation Scheme on Moscow, 05.06.1956; Yugoslavia Disclaim any Immediate intention to Recognize East Germany, 08.07.1956; *Nečak D.* Hallsteinova doktrina in Jugoslavija. Tito med Zvezno republiko Nemčijo in Nemško demokratično republiko. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 2002.

³ *Pirjevec J., Ramšak J.* Od Mašuna do New Yorka. 20. stoletje skozi pričevanja štirih slovenskih diplomatov. Koper: Univerzitetna založba Annales, 2014. S. 173.

⁴ *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 280, 281, 288–291.

⁵ PA. B 12. Bd. 547, 336, 643; NARA. CREST. CIA. Memorandum, Yugoslavia — The Ustashi and the Croatian Separatist Problem, 27.09.1972; GWU. 762.00/10-2758. National Security Council. US Policy toward Yugoslavia, 28.02.1958. S. 2, 8; Department of State. Memorandum of Conversation. 27.10.1958; AS. Dedijer. T. e. 126. Tito i pitanje intervencije.

⁶ *Močnik J.* United States — Yugoslav Relations, 1961–88. The Twilight of Tito's Era and the Role of Ambassadorial Diplomacy in the Making of America's Yugoslav Policy: Diss. Bowling Green: Bowling Green State University, 2008. P. 20.

Московская конференция

Несмотря на большую услугу, которую Тито оказал Советскому Союзу, признав ГДР, отношение к нему не изменилось. Едва прошло две недели после его решения игнорировать Доктрину Хальштейна, как Хрущев из-за «нарушения ленинских принципов в советской армии» неожиданно отправил в отставку героического маршала Г. К. Жукова, который в 1945 г. взял Берлин и после смерти Сталина был советским министром обороны. Он также был одним из главных соратников Хрущева, помогавших ему прийти к власти, ведь именно он сыграл ключевую роль в расстреле Берии, как и в недавнем разгроме «антипартийной группы». Говорили о «команде Хрущев — Жуков», которая могла бы захватить московскую политическую сцену, при этом югославы подобную возможность одобряли, поскольку рассчитывали, что советский маршал положительно влияет на непредсказуемого Хрущева. Еще во время встречи с Тито в Бухаресте он говорил, что ситуация имела бы другое развитие, если бы Жуков перешел на сторону Молотова и Маленкова.

Два месяца спустя Хрущев отстранил Жукова по обвинению в «бонапартизме», не дождавшись даже его возвращения из Югославии и Албании, где тот находился с рабочим визитом. То, что он послал министра на Балканы для подготовки в армии и в партии почвы для его «ликвидации», и что всё это произошло именно тогда, когда Жуков летел из югославской столицы в Москву, Тито и его окружение приняли с огорчением. Было ясно, что Хрущев пытался укрепить свою власть, используя их. И это в тот момент, когда в беседах с маршалом югославы выражали готовность поделиться с Москвой некоторыми американскими военными тайнами¹. Хрущев зашел так далеко, что объяснил отставку Жукова тем, что будто бы тот во время визита в Югославию слишком сильно хвалил ситуацию в этой стране и ее дружественные чувства к советским людям. По оценке, которую Хрущев дал на заседании, где обсуждалось дело маршала Жукова, Тито не следовал коммунистической «линии» во внутренней политике, и еще меньше в отношении Советского Союза². Вместе с этой дипломатической пощечиной в Москве тиражом в 100 тыс. экземпляров вышел памфлет, который написал Энвер Ходжа, где подверг нападкам «предательскую роль» югославского ревизионизма. Эти неожиданные подлые удары, которые исходили из Кремля, вынудили югославских руководителей снова задуматься о своей внешней

¹ *Vlahović V. Strogo pov. S. 146; 176; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 443, 583; Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 138, 139; NARA. CREST. Current Intelligence Weekly Summary. Yugoslav Reaction to Zhukov Dismissal. 07.09.1957; Current Intelligence Bulletin. Yugoslav Official Hints at Reappraisal of Soviet-Yugoslav Relations, 05.11.1957; Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Наумов и др. М.: Демократия, 2001. С. 175.*

² Стенограмма октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС и другие документы. С. 634–635.

политике. Заместителя председателя Карделя послали в Грецию с целью завязать контакты с афинским правительством, на крайний случай, если понадобится оживить Балканский пакт¹.

Спустя три дня после публикации памфлета Ходжи, 29 октября 1957 г. у Тито случился «острый приступ люмбаго». Поэтому он не мог посетить Московскую конференцию коммунистических партий всего мира, посвященную сорокалетию Октябрьской революции². На конференцию были приглашены и представители СКЮ, которые из-за предосторожности потребовали от Москвы пояснений, как она будет организована. «Нам ответили, — писал Кардель, — что это будет прежде всего консультация, и если будет подготовлен и принят какой-нибудь открытый документ, он будет основан на идеях мира и мирного сосуществования». Когда в октябре пришел набросок этого документа, оказалось, что Советский Союз настаивает на догматичной интерпретации социалистической солидарности и укреплении лагеря с СССР во главе. Это было для Югославии неприемлемо³. На торжествах, организованных между 3 и 19 ноября 1957 г., югославскую делегацию вместо Тито возглавили Кардель и Ранкович, и это сильно разозлило Хрущева, поскольку он планировал выступить перед общественностью вместе с Тито и Мао Цзэ-дуном, которые бы расположились слева и справа от него⁴. Эту возможность он рассчитывал использовать, чтобы созвать «совещание коммунистических и рабочих партий социалистических стран», которое после венгерской катастрофы обновило бы руководящее положение КПСС и завершилось бы общим заявлением: в нем бы они подтвердили основополагающие начала «социалистического развития», как их диктовал советский опыт. Карделя он намеревался убедить изменить свою отрицательную позицию, и с этой целью пригласил югославскую делегацию на ужин в Подмоскowie. Дело дошло до бурных обсуждений, в ходе которых Хрущев упрекнул югославов в том, что они не хотят подписывать декларацию, поскольку боятся обидеть американцев: «...вам нужна американская помощь, пшеница, вы забыли о марксизме. Отдаляетесь от социализма, если его уже не отбросили <...> Мы думали, что в Бухаресте уже обо всем договорились. Сейчас вижу, что я просчитался. Боюсь выйти перед советским народом и партией и открыто сказать, что меня югославы обвели вокруг пальца»⁵.

По мнению остальных двенадцати делегаций, которые подписали декларацию, причину нежелания югославов подписывать ее следовало искать в их ошибочных и чуждых марксизму-ленинизму убеждениях, которые касались соотношения сил в мире, и в недооценке опасности империализма, особенно

¹ SNIE 31/1-57. Yugoslavia's International Position. 19.11.1957. S. 243.

² PA. B 12. Bd. 621; NARA. CREST. Current Intelligence Bulletin. Tito Will Not Attend 40th Anniversary Celebrations. 30.10.1957; *Kardelj E. Spomini*. S. 149; *Rajak S. Yugoslavia and the Soviet Union*. P. 202.

³ *Kardelj E. Spomini*. S. 149; *Rajak S. Yugoslavia and the Soviet Union*. P. 202.

⁴ *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. III. S. 34.

⁵ *Vlahović V. Strog pov*. S. 165.

американского. Югославский тезис, что существование двух военных блоков усиливает международную напряженность, неприемлем, поскольку Варшавский договор служит защите достижений социализма и поэтому является важным фактором в защите мира. НАТО — это средство разжигания империалистических конфликтов. Югославская концепция миролюбивого сосуществования отдаляет от ленинских принципов, поскольку игнорирует идеологическую составляющую. Югославы считают, что социалистические силы в мире сильны и поэтому их не следует объединять в лагерь. Это означает, что они бросают на самотек рабочее движение и противятся марксистско-ленинской доктрине об общей борьбе. Югославы хотят усидеть на двух стульях и тем самым наносят вред важнейшему оружию, которым располагает интернациональный рабочий класс¹.

Вместе с делегатами других 63 коммунистических и рабочих партий, присутствовавших в Москве, югославы 19 ноября подписали Манифест о мире, но советских лидеров это не удовлетворило. В связи с этим Кардель выступил с речью, которая вызвала одобрение, но это его не успокоило, принимая во внимание то давление, которое в предыдущие дни на него оказывал Хрущев. Его нервы были так истощены, что по пути домой, не доезжая Будапешта, он упал в обморок². Из Москвы он вернулся в плохом настроении, но в твердой уверенности в необходимости продолжать развитие своей политической мысли. В этом его укрепил и IX Съезд ЦК СКЮ, который состоялся на Бриони 7 декабря 1957 г. Участники единогласно одобрили поведение югославской делегации, при этом с оптимизмом подчеркнули, что разница во мнениях не может быть препятствием для «братского сотрудничества» между коммунистическими партиями и государствами. Но это было легче сказать, нежели сделать³.

Трбовле

Между тем на горизонте стали собираться новые тучи. Нельзя было предугадать, что может обостриться напряженность между югославскими народами, особенно между сербами и хорватами. В Хорватии распространялись слухи о «сербокоммунизме». Хорваты считали, что сербы получают от режима наибольшую выгоду. Сербы, черногорцы и македонцы, напротив, чувствовали себя обделенными при сравнении своего уровня жизни с уровнем жизни словенцев и хорватов. Расхождения можно было увидеть и во влиятельных партийных и интеллектуальных кругах, где слышались протесты против привилегий, которыми пользовались северные республики. Известный сербский писатель Добрица Чосич, член ЦК СК Сербии и протеже Ранковича, много раз открыто говорил об этом, указывая, что хорватские

¹ BA. DY IV 2/20/127; PA. B 12. Bd. 621.

² Vlahović V. Stogo pov. S. 166, 197.

³ BA. DY IV 2/20/127; PA. B 12. Bd. 621.

«товарищи» саботируют развитие сербских краев¹. В своем дневнике в сентябре 1954 г. он записал: «Огромная дороговизна. Жизнь всё тяжелее. Белград в полумраке, всё дольше отключение электричества. Все от министра до пенсионера обеспокоены положением крестьянства. Все недовольны, все ненавидят словенцев»².

В Словении, которая была принуждена перечислять союзному правительству десять процентов ВВП, накопившееся недовольство прорвалось 13 января 1958 г. в угледобывающем «красном регионе» Трбовле, где вспыхнула первая после войны большая забастовка. Так же как и их отцы, бастовавшие против Белграда в 1924 г., четыре тысячи шахтеров на три дня прекратили работу. Они требовали повышения зарплаты, а также выражали недовольство распределением доходов, которое было предписано из центра. Этими действиями они очень удивили власть, которая оказалась перед неожиданным вопросом: как возможна забастовка в стране, в которой у власти народ, который правит народом и для народа? Абсурдности добавляло то, что коммунисты среди рабочих оказались в стороне, поскольку никто из них не был выбран в забастовочный комитет. Ведущий партийный функционер Миха Маринко, родом из Трбовле, отправился договариваться с шахтерами, но вызвал такое раздражение, приехав на мерседесе, что еле унес ноги. Было похоже, что забастовка может перекинуться и на другие рудники и фабрики в Словении. Начались аресты курьеров с письмами, в которых забастовочный комитет обращался к рабочим коллективам в республике и призывал их присоединиться к ним. ЦК Словении ситуацию оценил как опасную³. Эдвард Кардель, который сперва пытался скрыть эти события от Тито, расценивал их как поражение. На Съезде ЦК СКЮ 24 января 1958 г. он сравнил события в Трбовле с венгерскими и отметил, что это «просто случайность, что в Трбовле не пришлось применять оружие». Но в отличие от венгров, бастующие шахтеры не выдвигали «контрреволюционных лозунгов», хотя и это могло произойти. Если бы это случилось, власть была бы «вынуждена силой оружия подавить восстание. Могу сказать, что мы были готовы к этому, и мы бы не передумали, если бы кто-то посмел поднять руку на достижения социализма нашего рабочего народа»⁴. Самым суровым оказался Матия Мачек, один из самых кровавых послевоенных ликвидаторов, который отличился жестким высказыванием: «...не армию, дайте им вина и спихните всех в яму». Писатель Боян Штих выразил юмористический протест: купил шахтерский шлем и кирку и так ходил по Любляне. Закончил в тюрьме⁵.

¹ PA. B 12. Bd. 547; *Bilandžić D. Povijest izbliza*. S. 222.

² *Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968)*. S. 64.

³ *Vukmanović S. (Tempo). Revolucija teče dalje*. Vol. II. S. 276; AS. Dedijer. T. e. 298. Novi prilozi. Vol. IV. Štirinajsto poglavje. S. 37.

⁴ *Režek M. Odmev madžarske vstaje*. S. 102, 103.

⁵ AS. Dedijer. T. e. 7. Pričevanje Bojana Štiha. 02.01.1983; *Ivanič M., Zupan R. Ocena stavke v Trbovljah // Delo*. 1984. 30.06.

Среди политиков тогда возобладал здравый смысл. В Трбовле были посланы несколько активистов, которых возглавил заместитель председателя исполнительного веча Стане Кавчич. Начался диалог с шахтерами, которые, по сути, смогли добиться того, чего хотели: повышения цен на уголь и зарплат. По словам Кавчича, словенские теоретики и практики «получили хороший урок, который окажет влияние на развитие и политику»¹. Хотя Тито осудил забастовку как дело рук «империалистических сил» и «враждебных элементов», важно, что Исполнительный комитет на секретном заседании 6 февраля 1958 г., на котором присутствовали представители республик и союзных органов, коснулся сути проблемы, а именно отношений республик между собой и центром, и задался вопросом, какой подход следует избрать в отношениях «партия — общество». В то время как Тито говорил об «административных мерах», словенцы защищали либеральную политическую линию, которую обозначил VI Съезд. Кардель констатировал, что после 1952 г. наступил «застой в развитии, и это привело к укреплению во всех сферах бюрократических тенденций, а партия утратила свою идеологическую функцию». Всё это явилось причиной первого столкновения в югославских государственно-партийных верхах, которое хоть и не имело тяжелых последствий, но явилось предвестником противоречий, которые сохранялись до смерти Тито, впрочем, как отмечает Душан Биланджич, и впоследствии — вплоть до распада Югославии².

Кардель больше не говорил впустую, он теперь хорошо осознавал, что в 1954 г. вместе с Джиласом частично поражение потерпел и он сам, и что после осуждения последнего СКЮ впала в глубокий моральный и психологический кризис. На одном из партийных собраний было высказано следующее предостережение: «Мы, товарищи, должны быть сейчас и в дальнейшем бдительными и широко раскрыть глаза, даже тогда, когда читаем то, что написал товарищ Кардель»³.

Исполнительный комитет 17 февраля 1958 г. отправил членам партии письмо, в котором было резюмировано сказанное на состоявшемся несколькими днями ранее заседании о политическом кризисе системы. С привлечением аргументов, которые недалеко ушли от слов Джиласа, осуждалась коррупция партийных функционеров, бюрократизм и привилегии, и впервые признавалось, что в Югославии появились партикуляристские, националистические и шовинистические тенденции⁴. Но не был поднят главный вопрос — вопрос об отношениях республик и центра. Тито выдал главные тезисы этого письма за свои, а Кардель и Ранкович их в своих выступлениях не упоминали, словно и не читали его; иностранные дипломаты увидели в этом признак разобщенности в верхах партии и попытку маршала

¹ AS. Dedijer. T. e. 188. Zapis S. Kavčiča. Trboveljski štrajk. S. 2.

² Bilandžić D. Hrvatska. S. 403; Cenčič V. Titova poslednja ispovijest. S. 154.

³ Čosić D. Piščevići zapisi (1951–1968). S. 56.

⁴ Pirjevec J. Jugoslavija. S. 242.

укрепить свою власть и стать главным судьей между различными течениями, которые возникали внутри СКЮ¹. Несмотря на это, письмо имело среди партийцев большой отклик. «Это самый революционный документ после того, как партия пришла к власти» — отметил Добрица Чосич и в то же время прозорливо добавил, что «письмо так и останется бескровным пропагандистским шагом, за ним не последуют законы, постановления, государственный контроль и прежде всего свободная и беспристрастная критика со стороны печати и общественного мнения. Опять палка согнется о маленького человека»².

VII Съезд СКЮ

Югославские политики начиная с февраля 1957 г. готовили новую партийную программу, от старой в рабочем порядке отказались еще на VI «загребском» Съезде. Она должна была быть принята на VII Съезде СКЮ, который с большим запозданием хотели провести в ноябре в Любляне. В последний момент его перенесли на апрель следующего года, поскольку в партийных верхах в группе Карделя появилась некоторая озабоченность из-за готовности Тито сотрудничать с СССР. Только когда маршал отменил свою поездку в Москву на празднование Октябрьской революции, отношения между главными политиками стабилизировались, и Кардель мог дальше продолжать свою работу. После смерти Сталина он был уверен, что Югославия в новых обстоятельствах действительно имела влияние на международной арене. «Советские правители потерпели поражение. Мы не только доказали, что имеем право, но и что мы в состоянии сопротивляться»³. Однако из-за дела Джиласа, а также из-за польских и венгерских беспорядков начался застой в том, что касалось демократической реформы. Александр Ранкович использовал беспорядки для укрепления своего влияния, которое и без того уже было огромным из-за успеха, которого УГБ добилось в борьбе с информбюровцами. Всё это тормозило развитие демократических процессов, и в итоге начался возврат к централизму. После нового спора с Хрущевым Кардель надеялся, что можно снова попробовать провести реформу и поэтому с головой ушел в подготовку VII Съезда⁴. Он утверждал, что советские попытки заставить югославов следовать их линии «очень напоминают практику Информбюро» и что настал именно тот момент, когда должна быть представлена собственная идеологическая концепция. В этом ему помогала многочисленная группа экспертов и партийных функционеров. Под звуки музыки Бетховена он почти всё лето, вопреки болезни, с увлечением отшлифовывал

¹ PA. B 12. Bd. 542, 2.

² Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 143.

³ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 618.

⁴ Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 81; AS. Dedijer. T. e. 68. Krtačni odtisi. S. 762; NARA. CREST. Current Intelligence Bulletin, Yugoslav-Soviet Relations Cool, 03.12.1957.

свои идеи и в то же время осознавал, что создает утопию. «Тем не менее, — говорил он сотрудникам, — у утопий есть свойство воплощаться»¹.

Набросок программы Кардель по предложению Тито направил всем «братским» коммунистическим партиям с просьбой высказать свое мнение и предложения по улучшению². Это был скорее вежливый жест, нежели готовность к диалогу, поскольку было ясно, что текст противоречит советской идеологической доктрине. Когда Велько Мичунович принес его главному идеологу КПСС М. А. Суслову, хранителю ортодоксальных взглядов и открытому врагу югославских ревизионистов, между ними разразилась громкая ссора³. Московское Политбюро сделало вывод, что Тито хочет захватить власть над международным коммунистическим движением и объявить идеологическую войну КПСС. В качестве протеста в последний момент был отменен запланированный визит председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова в Югославию, в то время как Хрущев письменно обратился к самому маршалу и попытался его убедить отказаться от наиболее радикальных тезисов партийной программы. Отозвались и поляки, которые послали в Белград двух своих представителей. «Не создавайте нам трудностей, поскольку русские и так будут против». Если бы предлагаемые изменения были внесены, они бы лишили программу ее сути и практически ее уничтожили. Тито велел сделать в тексте несколько формальных, но несущественных поправок⁴. Этим советские руководители, конечно же, не удовлетворились и не смирились.

Н. С. Хрущев, который в это время укрепил свои позиции, помимо руководства партией 28 марта 1958 г. взял в свои руки и контроль над правительством, и из-за успехов СССР в изучении космоса в 1950–1960-х гг. получил большую популярность на родине и за границей. «Титоизм», как его трактовал Кардель, ему не нравился. Ему не нравилась и критика «гегемонизма и сталинизма» со стороны Карделя и тезис, что конечная цель, к которой стремятся югославы, — коммунизм без государства и партии. В программе СКЮ не было ничего такого, чего югославы еще не говорили, но то, что она появилась во время самой острой антиревизионистской кампании и провозглашалась единственно правильным путем к социализму, требовало ответа. За несколько дней до начала VII Съезда в апрельском номере московского журнала *Коммунист* вышла критическая статья, в которой три известных партийных идеолога обвинили СКЮ в том, что во многих пунктах он отстает от «теории и практики марксизма-ленинизма» и «пытается подрывать единство коммунистических партий и социалистических государств»⁵. «Героические народы Югославии, которые пролили немало крови за свободу и право построить свою

¹ Рассказ Антона Вратуши автору.

² *Udovički D. Treći juni 1968. Od kritike svega postojećeg, do uništenja svega postignutog.* Novi Sad: Prometej, 2008. S. 48.

³ *Mičunović V. Moskovske godine.* S. 431; *Rajak S. Yugoslavia and the Soviet Union.* P. 204.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 96. Hronologija za IV tom. S. 5; *Dedijer V. Novi prilozi.* Vol. IV. S. 65.

⁵ *Pirjevec J. Jugoslavija.* S. 233; PA. B 12. Bd. 542. 2.

жизнь на социалистическом фундаменте, заслужили лучшую судьбу. К великой цели, к коммунизму, не ведут сомнительные, кривые и скрученные пути, а только один общий для всех и широкий путь»¹. По оценке американских аналитиков, еще ни разу с 1948 г. Москва так определенно не высказывалась².

В середине марта 1958 г. югославы передали партийную программу на рассмотрение общественности, при этом нарушив заключенный в Бухаресте договор относительно того, что разногласия и взаимная критика не будут преданы гласности³. В тексте, который был разделен на десять глав, Кардель педантично и многословно представил видение социализма и международных отношений, которые сложились за последнее десятилетие в сознании югославских руководителей и прежде всего в его сознании. Его программа опиралась на принцип равноправия между государствами и партиями, на отрицание бюрократических тенденций, на рост самоуправленческого социалистического развития, на тезис об отмирании государства и на утверждение, что диктатура пролетариата — явление преходящее. Московский догмат — что коммунистические партии имеют монополию на все передовые движения, которые тяготеют к социализму, и что последние могут реализоваться в них или посредством них, Кардель обозначил как теоретически ошибочный и вредный. По его мнению, социализм невозможно искать только в советском блоке и в Югославии, поскольку он распространен по всему миру, и в капиталистических государствах тоже. Короче говоря, программа отбирала у коммунистов право монополизировать социалистические идеи и практику и открывала двери для сотрудничества со всеми «передовыми» силами. Это вносило в отношения между ними новую динамику, внутри которой не было верховного судьи. «В сражении за единство и сотрудничество рабочего движения, — говорил на съезде Кардель, — мы не можем не замечать идеологической борьбы против оппортунизма, реформизма, догматизма, ревизионизма и т. д. В соответствии с этим мы решительно будем сопротивляться всякой попытке вмешательства в наши внутренние дела или навязыванию нам чужих мнений. Без этого сражения единство было бы подобно экранированию от революционных социалистических перспектив, навязыванию дезориентации, ложного веса, консерватизма»⁴.

Во внешней политике его программа провозглашала систему блоков главным препятствием к миру и ставила знак равенства между борьбой поработанных народов за свободу и классовую борьбой. При этом она осуждала разделение мира на сферы интересов, отвергала империализм, как и гегемонизм, и отмечала, что нельзя исключить вероятность, что между социалистическими государствами могут существовать взаимная эксплуатация и происходить

¹ PA. B 12. Bd. 542. 2; *Clissold S. Yugoslavia*. P. 277, 278.

² NARA. CREST. Central Intelligence Bulletin. Yugoslav-Soviet Rift Widens. 24.04.1958.

³ PA. B 12. Bd. 542. 2.

⁴ Ibid. Bd. 542.

столкновения¹. «Само собой разумеется, — говорил Кардель далее, — что мы солидарны со всеми коммунистическими партиями во всех вопросах, которые касаются развития социалистического прогресса, укрепления рабочего движения и мира. В этом отношении СКЮ остается верной революционной идее пролетарского интернационализма. С другими марксистскими партиями нас также связывает идеология марксизма и ленинизма, за исключением отдельных идеологических различий. При этом программа СКЮ стремится опереться на сотрудничество, основанное на добровольных началах и равенстве, с тем чтобы исключить навязывание чужих взглядов со стороны большинства, и признает исключительное право каждой отдельной партии судить о целесообразности и об идеальной и тактической обоснованности той или иной линии»².

Кардель пошел на шаг дальше, подчеркнув в программе, помимо автономии партии, и независимую сущность человека. Он дошел до мысли, что «социализм не может подчинять личное счастье человека каким-то высоким целям, поскольку самая высокая цель — это личное счастье человека». Это утверждение прозвучало так радикально, что его дважды вычеркивали из проекта текста программы. В конце концов Карделю удалось включить его в программу, но он должен был уравновесить его следующей фразой: «С другой стороны, никто не имеет права преследовать свой личный интерес во вред общего интереса всех»³. Вопреки сопротивлению Тито, ему удалось увенчать партийную программу еще более вызывающей формулировкой, перифразировав утверждения Маркса и Ленина, что необходимо критиковать всё, что существует: «...ничто, что было осуществлено, не может быть для нас настолько святым, чтобы не было оспорено»⁴.

Хрущева, помимо всего прочего, сильно разозлило то, что Тито во вводной статье тепло поблагодарил США за экономическую помощь, прежде всего это касалось поставок зерна, и едва упомянул не самые скромные кредиты (приблизительно 285 млн долларов), которые Советский Союз обещал Югославии⁵. Спустя два дня после завершения Съезда, 28 апреля 1958 г., *Правда* напечатала острую передовицу, в которой Югославия не упоминалась, но говорилось о ревизионизме, против которого следует бороться. Еще более острая критика против югославских «антимарксистов» последовала 4 мая из Пекина, и Москва с ней полностью согласилась. *Правда* перепечатала статью. В последующие месяцы Советский Союз и его «сателлиты» инициировали желчную полемику против ревизионистской Югославии, обвиняемой

¹ *Pirjevec J.* Jugoslavija. S. 232, 233; PA. B 12. Bd. 542. 2.

² PA. B 12. Bd. 542.

³ AS. Dedijer. T. e. 274. Program 1958. S. 297.

⁴ *Vlahović V.* Strogo pov. S. 71. Говорят, этот лозунг принадлежит Крлеже, которому Кардель посылал свои тексты для прочтения. *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 240; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 641; AS. Dedijer. T. e. 298. Novi prilozi. Vol. IV. Štirinajsto poglavje. S. 19.

⁵ PA. B 12. Bd. 621.

в том, что она за доллары продает марксистскую идеологию. Советские лидеры и их приспешники утверждали, что новой партийной программой югославы предлагали, в сущности, альтернативу декларации, которую в ноябре 1957 г. подписали в Москве двенадцать коммунистических партий. Этим они отказались от доктрины «двух лагерей» и заменили ее тезисом о двух равноправных одинаково опасных военных блоках, поставили на одну доску социалистические государства с капиталистическими и империалистическими силами. На съезде КП Болгарии в Софии Хрущев 3 июня 1958 г. резко осудил программу СКЮ, югославских руководителей обвинил в том, что их подкупили «западные империалисты», повторил упрек в том, что югославы во время венгерской революции поддерживали «реакцию», и отметил, что исключение КП Югославии из Информбюро в 1948 г. было верным. «Мы будем вести войну со всеми теми, кто своими действиями подтачивает единство коммунистических и рабочих партий, кто подтачивает многочисленный и сильнейший лагерь государств социализма»¹. Тито не остался в долгу: уже 15 июня в Лабине он заявил: «Товарищ Хрущев постоянно повторяет, что социализм невозможно строить с американским зерном. Думаю, что это легко делают те, кто знает, как нужно это делать, в то время как те, которые этого не знают, не могут построить социализм и со своим зерном. Хрущев утверждает, что мы живем на милостыню, которую получаем от империалистических государств <...> Какое моральное право он имеет нападать на нас из-за американской помощи или кредитов, когда Хрущев сам недавно пытался заключить экономический договор с Америкой?»².

Спустя три дня, 18 июня 1958 г., с советской стороны последовал новый удар, когда стало известно, что Имре Надь и три его соратника были осуждены и расстреляны. В коммюнике венгерского правительства, в котором сообщалось об этой новости, помимо прочего было отмечено, что казненный руководитель вместе с другими искал и нашел убежище в югославском дипломатическом представительстве, откуда писал инструкции по продолжению вооруженного восстания, по организации забастовок и подпольных диверсий. Югославы, которые были между строк обвинены в этих контрреволюционных действиях, откликнулись весьма резкой нотой и сослались в ней на договор 1956 г., согласно которому Надю и его соратникам была обещана безопасность. Тито направил Хрущеву отдельное протестное письмо, которое разослали всем организациям СКЮ. В начале 1959 г. по его заданию была напечатана «Белая книга», в которой югославское правительство предоставило обширную документацию о деле Надя³.

¹ Ibid. Bd. 226; NARA. CREST. Central Intelligence Bulletin, Daily Brief. The Communist Bloc. 20.04.1958; Current Intelligence Weekly Summary. Yugoslavs Branded Antimarxist-leninist. 08.05.1958; 10.07.1958; 21.08.1958.

² Ridley J. Tito. A Biography. P. 349.

³ Čosić D. Piščevići zapisi (1951–1968). S. 148, 149; NARA. Central Intelligence Bulletin. Execution of Nagy. 17.06.1958.

Спустя месяц, 12 июля, Хрущев назвал югославских коммунистов бактериями, которые повреждают коммунизм, и обвинил их в том, что они получают американскую помощь как награду за попытку разбить социалистический блок¹. Хотя в Софии он обещал, что на межгосударственной арене не дойдет до трудностей и застоя, спустя некоторое время отказал в обещанных кредитах. С этим канул в небытие план строительства алюминиевого комбината в Черногории, который мог дать этой республике экономический подъем. То, что к бойкоту присоединилась ГДР, югославы восприняли как подлый удар в спину, поскольку ради нее они порвали отношения с ФРГ, что нанесло стране существенный экономический урон². Бойкот, под которым они оказались, утвердил югославских коммунистов в уверенности, что они на верном пути и укрепил их престиж внутри страны, временно притушив внутренние политические проблемы. «Тито сейчас так популярен в югославских массах, как уже давно не был», — комментировало ЦРУ³.

Джордж В. Хофман, профессор географии из Техасского университета Остина, после научной поездки в Югославию, где встречался с Карделем, Кочей Поповичем и Владимиром Бакаричем, сообщал, что упомянутые руководители говорят о своей независимости с гордостью, граничащей с «бредом мании величия». «С оглядкой на Насера, на арабские и другие афроазиатские нейтральные страны, югославское правительство и партийное руководство были уверены, что играют роль ключевой силы, находясь в плену иллюзии, что Югославия важное и решающее действующее лицо в международной политике». Когда профессор Хофман указал своим собеседникам на то, что Югославия «маленькая страна», они его с укоризной поправили, что политически это не так⁴.

Югославская пресса в следующие месяцы в один голос восхваляла достижения VII Съезда и делала особый акцент на важности самоуправленческого социализма и «политики неприсоединения» в международных событиях (этот термин начал употребляться, чтобы подчеркнуть независимость от Востока и Запада). При этом, конечно же, она переоценивала собственные силы, утверждая, что Югославия жертва злонамеренных нападков, и превозносила Тито до небес⁵. За несколько дней до люблянского съезда, а также во время него в рядах СКЮ много говорили о том, что 65-летний маршал откажется от места главы председателя правительства и генерального секретаря партии и сохранит за собой только пост президента страны. Его наследниками во главе СКЮ должны были стать Ранкович, во главе правительства — Кардель⁶. Однако реакция Москвы на эти планы, если они вообще имели под со-

¹ PA. B 12. Bd. 336.

² BA. DY 30/IV 2/20/131.

³ NARA. CREST. Central Intelligence Bulletin. Daily Brief. 02.05.1958.

⁴ PA. B 12. Bd. 547.

⁵ BA. DY 30/1/IV 2/201128.

⁶ PA. B 12. Bd. 547; NARA. CREST. Current Intelligence Weekly Summary. Tito May Delegate Some of his Responsibilities. 26.12.1957; NSC Briefing, Background Piece on

бой какую-то реальную основу, полностью их похоронила, Тито сказал, что любое изменение в верхах может быть опасным. В Югославии опять начали вспоминать договор «50 на 50» 1944 г. между Черчиллем и Сталиным и утверждать, что раздел страны между двумя государствами на самом деле еще актуален¹.

Полемика китайцев с Тито

В заявлении, которое ЦК КПСС обнаружил в 1958 г., в связи с годовщиной Октябрьской революции, Югославия не была включена в список государств, «которые строят социализм». Поэтому СКЮ не пригласили на XXI Съезд КПСС, который был назначен на 1959 г.² Несмотря на острую полемику, в Москве преобладало мнение, что с югославами хорошо бы сохранить отношения хотя бы на уровне государств, если на партийном они уже разорваны. Экономическое, культурное и научное сотрудничество продолжалось³. Наиболее радикальную позицию относительно «ревизионизма» заняли болгары и албанцы, которые из-за приграничных споров видели в Югославии своего злейшего врага. Как писала *Политика* 17 сентября 1958 г., последние открыто призывали своих соплеменников в Косово сопротивляться режиму Тито. Автор статьи предположил, что Албании предназначена роль провокатора «в этом безуспешном нецивилизованном» начинании, и упрекнул правительство Энвера Ходжи в том, что оно превзошло свою прежнюю «вульгарность»⁴.

Если враждебная позиция болгар и албанцев в Белграде никого не удивила, то болезненную реакцию вызвала та, что пришла из Китая. Китайско-югославское политическое, экономическое и культурное сотрудничество после установления дипломатических отношений 11 февраля 1955 г. было более чем корректным, если не сказать сердечным, так что Тито и его окружение еще в мае 1948 г. видели в Мао Цзэдуна своего естественного союзника против «большого московского брата». То, что китайские коммунисты совершили революцию своими силами, так же как и югославские, подливало масла в огонь этих надежд. Но очень скоро они оказались иллюзией, поскольку Китай без колебаний перешел на сторону Сталина⁵. После 1955 г. он изменил свою позицию и открыто признал, что его политика относительно

Yugoslavia. 01.04.1958.

¹ PA. B 12. Bd. 547; TNA. FO 371/95496/RV 1076/1 G.

² PA. B 12. Bd. 547.

³ Ibid. Bd. 620; NIE 15-61, Outlook for Yugoslavia. 23.05.1961 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 262; NARA. CREST. Central Intelligence Bulletin, Soviet-Yugoslav Conflict may be easing. 15.10.1958.

⁴ PA. B 12. Bd. 336.

⁵ *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. III. S. 72, 288; AS. *Dedijer*. T. e. 111. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 65; NIE 10-61. Authority and Control in the Communist Movement. 08.08.1961 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 276.

Югославии была ошибочной. Мао Цзэдун после посещения Хрущевым Белграда на каком-то приеме открыто заявил: «Поздравляю Тито с победой его принципов. Белградская декларация — важнейший документ из всех, которые до этого момента разрабатывало рабочее движение». Сам Чжоу Эньлай, ближайший соратник Мао, в конце 1956 г. сказал югославскому послу в Индии, где находился с визитом: «Мы должны быть и будем друзьями»¹. На московской встрече, посвященной 60-летию Октябрьской революции, Мао занял по отношению к югославской делегации весьма доброжелательную позицию и по-своему подчеркнул сходство СКЮ и КПК в отношении к КПСС: «Вы и мы различаемся только тем, что у вас есть усы, а у нас нет»². Год спустя, 28 февраля 1958 г. оба государства подписали торговый протокол, который предполагал товарообмен в 19,6 млн долларов³.

Еретическому утверждению, которое можно было услышать на VII Съезде — что ликвидация блоков спасет мир от опасности атомной войны, китайцы воспротивились. Югославов они обвинили в том, что те отказались от революции и диктатуры пролетариата. И особенно обиделись на то, что свои нонконформистские позиции югославы уподобили доктрине⁴. Началась полемика в прессе, в которой идеологический журнал ЦК КПК *Красное знамя*, не колеблясь, персонально уязвлял руководителей деятелей Югославии, начиная с Тито, упрекая их в том, что они стали «агентами империализма»⁵. Это привело к охлаждению дипломатических отношений настолько, что китайский посол в Белграде Ву Сиу Чанкак и югославский в Пекине Владимир Попович покинули свои посольства. На самом деле речь шла только о дымовой завесе, за которой скрывались по настоящему острые расхождения между Мао Цзэдуном и Хрущевым, о чем великие державы в настоящий момент не хотели открыто говорить. В Пекине сразу после удара, который пережил Советский Союз из-за венгерского восстания, стремились укрепить свой статус внутри коммунистического мира путем создания идеологического направления, которое не зависело бы от Москвы.

Еще во время ноябрьской встречи в Москве в 1957 г. Кардель осознал, что между китайской и советской партиями существует раскол, и предупредил товарищей, что «началась битва за идеологическое доминирование в международном рабочем движении между русскими и китайцами»⁶. Но никто в Белграде не ожидал, что столкновение разовьется таким образом. Обе великие державы, по крайней мере сначала, не полемизировали открыто, каждая

¹ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 556; Vol. IV. S. 86; *Velebit V.* Svjedok. S. 201.

² *Kardelj E.* Spomini. S. 154. См. также: AS. *Dedijer.* T. e. 195, *Koliševski L.* Primedbe na tekst «Sečanja E. Kardelja». S. 4, 5.

³ PA. B. 12. Bd. 336, 586; NIE 31-57. Yugoslavia's Policies and Prospects. 11.06.1957 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 232.

⁴ PA. B. 12. Bd. 618.

⁵ BA. DY 30/1/IV 2/20/131; NARA. CREST. Central Intelligence Bulletin. Yugoslav — Bloc Dispute. 27.06.1958.

⁶ *Kardelj E.* Spomini. S. 156.

из них выбрала козла отпущения, который принимал бы на себя удары вместо настоящих виновников. Китайцы избрали для этой неблагодарной роли Югославию и прежде всего Тито, «предателя мирового пролетариата», Советский Союз — Албанию, которая стала к тому моменту вассалом Пекина на Балканах. Югославы, конечно, знали, что происходит в закулисе, и были не готовы встать на колени, как говорил Владимир Попович¹, они даже подлили масла в огонь полемики, которая вспыхнула после VII Съезда. Комментируя политику оттепели, которая в конце 1950-х гг. наметилась между Москвой и Вашингтоном, Тито в Загребе в декабре 1959 г. подчеркнул, что человечество из-за технологического прогресса, о котором не могли знать Маркс и Ленин, вступает в новую эпоху миролюбивого развития. Новые проблемы, тем более проблемы международного сотрудничества и соревнования, больше не связаны с вопросами мира или войны. «Этим отступник полностью списывает со счетов вопросы классовых противоречий и классовой борьбы, — написала газета *Красное знамя* 16 апреля 1960 г., — и пытается отрицать марксистско-ленинский анализ нашего времени как времени империализма и пролетарской революции, и победы социализма и коммунизма. В новой эпохе Тито нет империализма, никакой пролетарской революции и диктатуры. Жизненных точек классовых противоречий и классовой борьбы в наше время не найти, отсутствуют существенные вопросы ленинизма, собственно говоря, и ленинизма-то нет»².

Чтобы ответить на эти нападки, Кардель по заданию Исполнительного комитета написал так быстро как мог — за двадцать дней — исследование «Социализм и война», опубликованное в августе 1960 г. В нем словенский идеолог, как и прежде, был внимателен к советскому гегемонизму. Прежде всего он утверждал, что вооруженное столкновение между социалистическими государствами, цель которого сводилась бы к навязыванию агрессором своего видения социализма, неизбежно означало бы своего рода «реакцию»³. Было очевидно, что он писал о Советском Союзе. Но в вопросе, можно ли избежать войны между блоками, он поддержал Хрущева и отверг китайский тезис, что империализм только «бумажный тигр», которого не стоит бояться⁴. Рассуждения Карделя еще больше заострили полемику, хотя Хрущев настаивал на тезисе, который повторил и на XXI Съезде КПСС, — что необходимо осудить титоизм, но сохранить хорошие отношения с югославскими народами⁵.

¹ BA. NY 4090/480; NARA. CREST. Central Intelligence Bulletin. China and Albania Reaffirm Solidarity of Ideological Views. 06.10.1969; Daily Brief. Sino-Soviet Dispute. 08.10.1960.

² NARA. CREST. Communist Revisionism and Dissidence (2), 28.06.1960. S. 17.

³ AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 144–146.

⁴ Pirjevec J. Jugoslavija. S. 263; Cenčič V. Titova poslednja ispovijest. S. 247; AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 147.

⁵ PA. B 12. Bd. 620.

Своего апогея полемика достигла 6 ноября 1959 г., на встрече 81 представителя коммунистических и рабочих партий в Москве, на новом праздновании годовщины Октябрьской революции. По этому случаю была предпринята попытка преодолеть возрастающий раскол между Пекином и Москвой путем совместного осуждения югославского «интернационально-оппортунизма». То, что они упорно придерживаются своих ревизионистских тезисов, приводит к отдалению югославских руководителей от основ марксизма-ленинизма, они ставят свое государство в сильную зависимость от империализма, прежде всего от американского, и, в конечном результате, выступают против социалистического лагеря, — говорили выступавшие¹. Некоторые представители соцлагеря объясняли это тем, что виднейшие югославские руководители Кардель, Бакарнич, Вукманович, Стамболич были буржуазного происхождения, что наложило на них свой отпечаток. Речь шла о настоящей ревизионистской струе внутри партии, которой удалось бы с обнародованием программы, объявленной на VII Съезде, нанести новый удар стремлениям Советского Союза, нормализовать отношения между СКЮ, КПСС и другими братскими партиями². Единственными в лагере, кто так или иначе соприкасался с югославами, были поляки, говорившие, что «они дураки, не умеющие скрывать своих мыслей»³.

На следующий год, в сентябре 1960 г. на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке в отношениях между Тито и Хрущевым неожиданно произошло потепление. Два государственных деятеля встречались четырежды и договорились, что покончат с полемикой. «Мы окончательно договорились, — сказал Хрущев после двухчасовой первой беседы, — сейчас наши взгляды идентичны и очень близки». Эти слова были в первую очередь обращены к китайцам, с которыми отношения у Советского Союза катились к окончательному разрыву. Было очевидно, что Хрущев посылает им явственное предупреждение: внешнюю политику советского блока будут вести в соответствии со своими интересами, невзирая на позицию Китая, которому Хрущев не намеревается уступать ни в какой области⁴. Китайцы быстро отреагировали, и, конечно же, по-своему: они опять начали стрелять «изо всех пушек» по югославам. В феврале 1961 г. полемика еще обострилась. В Тиране был созван конгресс КП Албании, на котором Энвер Ходжа, опираясь на Московскую декларацию, обвинил югославов в метафизическом идеализме, который тяготеет к ревизионизму и оппортунизму. Между государствами возникла тяжелая напряженность и произошел ряд инцидентов, приведших к разрыву дипломатических отношений⁵.

¹ BA. DY 30/1/ IV 2/20/128; Authority and Control in the Communist Movement, 08.08.1961. S. 278; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 419.

² BA. DY 30/IV 2/20/131.

³ BA. DY 30/IV 2/20/313.

⁴ NARA. CREST. Central Intelligence Bulletin, Daily Brief, The Communist Bloc, 30.09.1960; Khrushchev-Tito Meetings Will Affront Chinese.

⁵ TNA. FO 975/149/PR 117/86/G.

Совсем иным был отклик на эту полемику на Западе. Там к Югославии относились не только со всей серьезностью, ее всячески подбадривали, чтобы она продолжала придерживаться своих передовых позиций. Когда в октябре 1958 г. новый югославский посол в Вашингтоне Марко Никезич вступал в должность и посетил Белый дом, президент Эйзенхауэр в приветственной речи отметил, что «американское правительство с уважением и благосклонностью наблюдает за решительностью югославы и их правительства. Югославия, которая успешно сопротивляется советскому влиянию, будет и дальше получать американскую помощь, чтобы стабильность ее благосостояния была обеспечена»¹. Вот как это было реализовано: осенью 1958 г. югославы попросили у США и Великобритании кредит в 100 млн долларов, в декабре американская администрация начала обсуждение вопроса об осуществлении новой программы помощи режиму Тито. Год спустя для подтверждения важной роли, которую в ее глазах играла Югославия, одобрили дополнительный кредит для развития, предназначенный для строительства гидроэлектростанции близ Дубровника². В благодарность за эти знаки расположения белградское правительство сообщило прессе, что больше не сражается с Западом. Это касалось в первую очередь США, Великобритании и Франции³.

Азиатско-африканские турне

После 1958 г. Югославия во имя «активного сосуществования» развивала свои отношения с афро-азиатскими странами, с Латинской Америкой, а также со Скандинавией, несмотря на то что Норвегия и Дания являлись членами НАТО. В полемике с Советским Союзом и китайцами, а также с Западом из-за признания ГДР необходимо было доказать, что Югославия не одинока. Главную роль в установлении связей сыграли прежде всего поездки маршала Тито, который сосредоточил свое внимание на Африке и Азии, а также визиты многочисленных делегаций югославских профсоюзных и политических деятелей, которые посещали дружественные европейские и заморские государства (так, Кардель, например, весной 1959 г. побывал в Дании, Норвегии и Швеции)⁴. Первого декабря 1958 г. Тито на яхте «Галеб» отправился в десятидневное турне, в ходе которого посетил Бирму, Индию, Цейлон, Эфиопию, Судан, Объединенную арабскую республику (Египет и Сирию) и Грецию. Как сообщал из Нью-Дели некий западногерманский дипломат, «неофициальный визит» Тито в индийскую столицу 14–16 января 1959 г. имел большой отклик и особую сердечную теплоту. Было

¹ BA. DY 30/IV 2/20/131. S. 278.

² Анисеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. S. 293; NARA. CREST. Bi-Weekly Propaganda Guidance. 15.02.1960.

³ PA. B 12. Bd. 605.

⁴ Ibid. Bd. 547,336, 639.

очевидно, что Неру ценит мнение маршала относительно отношений с Москвой, и что между государственными мужами установились исключительно близкие и дружеские отношения. Но не только в Индии, но и во всей «свободной Азии» югославский руководитель встречал проявления уважения, в первую очередь из-за его поддержки антиколониальных движений¹. Королевским флером был овеян визит Тито и Йованки на Цейлон, где югославский посол Душан Кведер добился, чтобы для маршала подготовили меню и использовали тот же фарфор и приборы, которыми сервировали стол для королевы Елизаветы II несколько лет назад². К сожалению, Тито экзотичная индийская кухня не понравилась³. С такой же роскошью он был принят в Индонезии и при дворе императора Хайле Селассие в Аддис-Абебе. После он отправился в Судан и Египет. Только визит в Бирму был лишен теплоты и не принес результатов⁴.

Из-за приготовлений, которые требовались, количества сопровождающих лиц и багажа, приемов и охоты, азиатско-африканское турне выглядело излишне помпезно, чем-то напоминая походы Наполеона. Но об этом в Югославии, конечно же, никто открыто сказать не мог. Лишь Добрица Чосич записал в своем дневнике: «...великий политик и борец Тито не имел ни силы, ни мудрости уберечь свои политические победы и свои современные формулы мира и спасения цивилизации от столкновений и конфликтов военных блоков, от монархизма и абсолютизма, феодального отношения, опереточных декораций, парадов, костюмов, от всех этих цирковых представлений с кораблями, самолетами и всего этого дворцового барахла»⁵.

На переговорах с Хрущевым в Румынии в августе 1957 г. Тито обязался использовать свое политическое влияние в Азии и Африке ради общих интересов⁶. Но из-за нападок, которым он подвергся в последнее время, всё пошло иначе. Тито повсюду предупреждал о коварстве Советского Союза и Китая и всем, у кого он гостил, представлял реалистичную и подробную картину своих недавних приключений. Об этом узнали в Москве, а в Пекине восприняли как доказательство, что Югославия является средством «империалистической агрессии». В министерствах иностранных дел в Вашингтоне и Лондоне к этим заявлениям отнеслись с удовлетворением. Как говорили в Госдепартаменте, в такой роли Тито представлял собой большую «драгоценность», чем если бы просто являлся частью западного политического союза⁷. Возможно, они не были бы так довольны, если бы знали, что в свое

¹ PA. B 12. Bd. 336,638; *Rajak S. Yugoslavia and the Soviet Union*. P. 206.

² Ibid. Bd. 336.

³ *Ridley J. Tito. A Biography*. P. 365.

⁴ PA. B 12. Bd. 638.

⁵ *Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968)*. S. 155.

⁶ PA. B 12. Bd. 618.

⁷ Ibid. Bd. 620; NARA. CREST. Current Intelligence Weekly Summary. Tito's Travels and the Bloc's Reaction. 08.01.1959; Yugoslavia's International Position. 08.03.1959; *Rajak S. Yugoslavia and the Soviet Union*. P. 207.

«большое путешествие» он отправился с грузом, включавшим в себя оружие и боеприпасы, спрятанные на «Галебе» и на сопровождавшем его корабле. Этот арсенал был предназначен не только Индонезии, первой точке в путешествии Тито, но и алжирскому освободительному фронту, который бы его передал Сукарно при посредстве Насера. С тех пор как французы обнаружили контрабандную деятельность югославы, они стали регулярно досматривать их корабли¹.

Экономическая реформа

Делегация французской КП, которая в 1957 г. прибыла в Югославию и посетила множество городов и сел, констатировала, что жизненный уровень населения весьма низкий, гораздо ниже, чем в других социалистических государствах². В последующие годы условия несколько улучшились, прежде всего из-за подъема, который переживала промышленность, поскольку для ее развития сложились весьма благоприятные условия. По сравнению с довоенным временем она выросла в шесть раз, ВВП по сравнению с 1952 г. утроился. Среднее потребление к концу десятилетия возрастало на 10% в год. Появился ряд новых экономических отраслей, при этом увеличился экономический разрыв между развитыми республиками, в первую очередь Словенией и Хорватией, и теми, которые в основном производили сырье и энергию. Это породило наплыв рабочей силы на северо-запад страны. Начало проявляться существенное несоответствие между промышленными и аграрными регионами, поскольку земля была разделена между многочисленными частными владельцами (едва ли 16% плодородной земли находилось в общественном секторе). Из-за подобного положения и из-за настороженного отношения власти к крестьянину Югославия еще долго после войны была вынуждена ввозить продукты питания, в первую очередь зерно (около 1 млн тонн в год). Это сильно обременяло ее торговый баланс, дефицит которого стабильно рос и приближался к 1 млрд долларов³. Только летом 1959 г. из-за хорошего урожая, а также из-за упреков Хрущева в том, что «Югославия просит у империалистов милостыню»⁴, было принято решение не ввозить зерно. В таких условиях не было речи о росте социалистического самосознания в массах, напротив, разногласия между разными республиками и народностями углубились ровно настолько, насколько самые развитые были недовольны тем, как было организовано выделение средств из их фондов в пользу

¹ *Adamovič M. Brozovi strahovi. S. 235, 241; Kranjc M.F. Zarote in atentati na Tita. S. 289; NARA. Central Intelligence Bulletin, Daily Brief. 20.01.1958; Bogetič D. Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956–1961. S. 238–240.*

² *BA. Bestand Ulbricht. Walter. NL 182/1235.*

³ *BA. IV A 2/20/239. S. 3; NIE 15-61. Outlook for Yugoslavia, 23.05. 1961 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 253.*

⁴ *BA. DY 30/IV 2/20/132. S. 121.*

бедных регионов¹. Речь шла не столько об отказе от помощи неразвитым землям (Черногория, Косово, Македония, части Боснии и Герцеговины, а также Сербии и даже Хорватии), сколько о требовании развивать в упомянутых республиках продуктивность, чтобы помощь не пропадала в «бездонном сосуде»². Об этих противоречиях, конечно же, не смели говорить открыто, поскольку всё ещё был популярен лозунг о «братстве и единстве». Система самоуправления также шла вразрез с официальной пропагандой, поскольку рабочие органы на предприятиях просто не играли той роли, которую им гарантировала Конституция. Из-за снижения уровня технического и управленческого образования последнее слово оставалось за директорами, которые, с другой стороны, избирались только тогда, когда их кандидатура получала одобрение местного народного комитета (государственной и партийной власти)³. Этого Тито и его окружение долго не хотели понять. На II Съезде ЦК СКЮ, созванном 18 и 19 января 1959 г., Тито с ликованием говорил: «Наше развитие шло в три-четыре раза быстрее, чем в самых развитых восточноевропейских странах, в два раза быстрее по сравнению с менее развитыми странами и даже быстрее, чем в западных европейских государствах». В заключительной речи Тито сказал, что сейчас «весь мир говорит об успехах, которых достигла Югославия в индустриализации и развитии крестьянства. Необходимо сохранить престиж, который мы завоевали, и доказать, что наш путь строительства социализма верный»⁴.

Что всё было не так радужно, стало ясно совсем скоро. Недовольство населения, которое уже давно тлело, вырвалось наружу, едва минул год после событий в Трбовле. В середине мая 1959 г. загребские студенты организовали большую протестную манифестацию. Началась она около полудня в университетской столовой из-за некачественной еды. Молодежь сначала разгромила помещение, потом вышла на улицу и направилась к центру города. С собой они несли транспаранты, на которых в насмешку было написано: «Да здравствует Тито — требуем хлеба!», «Да здравствует Бакарнич — мы голодны!» Шествие, к которому примкнуло ещё около тысячи человек, милиция и сотрудники УГБ смогли задержать и разогнать по боковым улицам, чтобы они не добрались до площади перед Народным театром, при этом 90 человек было ранено, один, по слухам, убит. Много демонстрантов было арестовано и вывезено в грузовиках. Около пяти пополудни жизнь в городе вошла в прежнее русло. На следующий день загребская пресса сообщила о событиях кратко, белградская о них умолчала. Эти события весьма обеспокоили верховную власть, она попыталась несколько улучшить материальное положение студентов, повысив стипендии⁵. Было решено, если потребуется,

¹ BA. DY 30/IV 2/20/131. S. 324.

² PA. B 12. Bd. 604 A.

³ Ibid. Bd. 547.

⁴ *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 406, 407.

⁵ BA. DY 30/IV 2/20/132. S. 63–65.

применить силу. Когда на заседании университетского комитета спросили Владимира Бакарича, как сдерживать молодежь, он сказал: «Просто разгоним их пожарными шлангами». А когда кто-то спросил: «А что если они не разойдутся?» — цинично, словно речь идет о чем-то нормальном, ответил: «Потом танками!»¹

Кроме недовольства представителей большей части партии и всё более и более охлаждающих молодежи и рабочего класса нужно упомянуть и недовольство среднего слоя, который снова стал формироваться. Причиной была стагнация, которую власти пытались преодолеть путем кредитов, что в то же время вызывало инфляцию. Временно всё это создавало видимость высокого стандарта жизни, но в то же время вело государство к хаосу². Обстановка стала настолько напряженной, что появилась необходимость обсудить ее на II Пленуме ЦК СКЮ, состоявшемся 18–19 ноября 1959 г. На нем Тито открыто поставил вопрос о помощи неразвитым республикам, осудив сопротивление этой помощи как «локализм» и тем самым в той или иной степени намекнув на экономические и национальные автономистские устремления хорватских и словенских руководителей. Понятнее всего об этих расхождениях высказался Ранкович 1 декабря 1959 г. в Кралево, сербском индустриальном центре: он особо отметил, что необходимо ускорить процесс развития отсталых регионов не столько из экономических соображений, сколько из политических. «Такое развитие — главное условие для единства и братства наших народов, поскольку только таким образом будет возможно полное политическое и экономическое равноправие»³.

Согласно информации, которая приходила из Белграда, в это время отношения между Тито и Карделем начали рушиться как из-за разногласий в вопросах внешней политики, так и из-за проблем во внутренней. От старейших догматично настроенных кадров нередко можно было услышать жалобу, что их уши переполнены карделевским «демократизмом»⁴. Подоплекой, конечно же, было экономическое соперничество и национальные интересы словенцев, которые не могли избавиться от образа мыслей, сложившегося у них еще во времена австро-венгерской монархии. Тито на II Пленуме ЦК СКЮ в ноябре 1959 г. прежде всего целился в них, когда говорил о «национальном шовинизме», который замечен даже в ЦК, и в Карделя, отметив, что «никто здесь не имеет права навязывать своего мнения большинству. И что здесь большинство примет, то и нужно исполнять. Кто этого не сделает, не может больше быть членом ЦК»⁵. Камнем преткновения стала прежде всего железная дорога Белград — Бар, которая должна была послужить экономическому

¹ Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 780, 781, 877.

² Neue Zürcher Zeitung. 1965. 14.09; NARA. CREST. Current Intelligence Weekly Summary. Yugoslavia on Eve of Seventh Party Congress. 10.01.1985.

³ PA. B 12. Bd. 547; Borba. 1959. 02.12.

⁴ Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 803.

⁵ PA. B 12. Bd. 547; Borba. 1959. 21.11.

развитию Черногории. Ее строительство не поддержали словенцы, поскольку большие расходы, необходимые для этого, коснулись бы непосредственно их экономического развития¹. Внутри СКЮ начала обостряться поляризация между «прогрессивными» и «консервативными» силами, при этом первые — как сообщало ЦРУ — выступали за демократизацию партии, расширение самоуправления, децентрализацию как в политической, так и в экономической сферах, реализацию конфедерации или дальнейшее укрепление политической и экономической автономии республик и сохранение хороших отношений с Западом. «Консерваторы» противились демократизации партии, выступали за централизованную экономику, за укрепление федерации и за относительно тесное сотрудничество с СССР. Они были уверены, что членство в СКЮ обеспечивает им привилегированное руководящее положение, в отличие от «не-членов», и противились всему, что могло в этом смысле урезать их власть².

Пятилетний план на период 1957–1961 гг. был принят, ВВП превышал 12%-ный годовой темп роста и был одним из самых высоких в мире, у власти оказались те, кто хотел провести как можно скорее экономическую реформу, чтобы превратить Югославию в политически стабильную страну. В то, что это возможно, верили даже американские наблюдатели внутри ЦРУ и связанных с ним служб: «В прошедшем десятилетии, — писалось в донесении о Югославии от 23 мая 1961 г., — режим освободился от целого ряда навязчивых идей, которые унаследовал от сталинского времени: что крестьян необходимо принудить к коллективному сельскому хозяйству; что необходимо любой ценой развивать тяжелую промышленность, по возможности при помощи больших инвестиционных проектов; что необходимо защищать экономику от влияния мировых рынков. После, отказавшись от этих догм, Белград осторожно экспериментировал и постепенно создал особый вид смешанного социализма, который связывает государственную собственность с многочисленными особенностями, характерными для рыночной экономики. Этот подход, который в прошлом был возможен только благодаря стабильной помощи Запада, оказался неожиданно успешным»³.

Экономическое развитие в поздние 1950-е гг. воодушевило тех, кто утверждал, что экономика слишком зависит от государства, которое благодаря налогам, стекающим в его кассы, копило средства, из которых финансировался Главный инвестиционный фонд. От него в основном зависели предприятия, нуждавшиеся в капитале для расширения. Среди них, естественно, началось жесткое соревнование за кусок пирога, при этом всё чаще слышалось утверждение, что «рабочий класс и рабочий народ, который уже

¹ PA. B 12. Bd. 547.

² Memo. The Yugoslav Succession Problem. 10.03.1969 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 330.

³ NIE 15-61. Outlook for Yugoslavia. 23.05.1961 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 253–255, 258.

управляет средствами производства, тоже должен принимать непосредственное участие в решении вопроса раздела доходов». Иными словами, предприятия сами должны были управлять своими деньгами и получать благодаря этому мотивацию для достижения еще больших экономических результатов. О необходимости экономической реформы югославские руководители начали говорить еще на ноябрьском пленуме в 1959 г., на котором было заявлено, что нужно повышать производство и рационализировать управление предприятиями. «В некоторых случаях» это привело бы к увольнениям и к более строгому контролю над рабочими. Эдвард Кардель на заседании говорил, что производительность можно было бы поднять только тогда, когда перед предприятиями стояли бы очереди рабочих. На упреки тех, кто говорил, что речь идет о «капиталистических методах», он отвечал, что и в капитализме всё не так уж плохо и что среди капиталистов можно найти умных людей, которые знают, что нужно, а что нет¹.

На следующий год произошел дополнительный рост промышленного производства, как констатировал Тито в своей речи перед Союзной скупщиной 26 декабря 1960 г., в которой представил план новой пятилетки. Причиной этих успехов он назвал самоуправление, благодаря которому за последние годы валовой внутренний продукт увеличился на 13%. На самом деле причины этого крылись в модернизации предприятий, в западных кредитах и низкой исходной точке югославской экономики. Но пресса прославляла эти достижения как величайшие в мире и с особым смаком сравнивала их со странами из советского блока, поскольку ни одна из них не могла похвастаться подобными успехами². В своих оценках и планах Тито становился всё более самоуверенным. Он не только говорил, что необходимо построить атомную электростанцию, но уже думал об атомных кораблях, будучи уверенным, что Югославия в начале великого экономического и технического развития. Он уже видел ее в роли поставщика индустриальной и сельскохозяйственной продукции государствам советского блока и третьего мира³. Обстоятельства говорили в пользу экономической реформы, целью которой была децентрализация, затрагивавшая влияние государства на распределение дохода предприятий и инвестиционные фонды развития. В этом смысле особую роль играл Союз профсоюзов Югославии, который под управлением динамичного Светозара Вукмановича — Темпо снова и снова требовал изменения общественно-экономических отношений и выступал за укрепление самоуправления, которое зачастую существовало только на бумаге. При этом упор делался на то, что необходимо стимулирование материальных интересов каждого индивидуума, поскольку только таким способом можно

¹ PA. B 12. Bd. 604 A.

² BA. Bestand Ulbricht. Walter. NL 182/1235; NARA. CREST. CIA. Staff Memorandum No. 29–60. Yugoslavia and the Non-U Countries. 1960.

³ NŠK. Arhiv Bakarić. Kutija 7. Beograd. 18.02.1960; Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 174.

повысить его продуктивность. До того момента рабочим коллективам «было нерезонно» делать больше и достигать более высоких результатов, поскольку государство при помощи различных налогов забирало большую часть дохода. Душан Биланджич говорил, что система была приспособлена для средних коллективов, потому что защищала тех, кто отставал, и отнимала у тех, кто отличался¹.

На неоднородность в экономике и на первые признаки инфляции руководство попыталось ответить урегулированием отношений между государством и предприятиями в вопросах, касающихся раздела общественного дохода. В январе 1960 г. Союзный исполнительный комитет и Союзная скупщина приняли постановления в этой области относительно новых ценовых отношений и перестройки кредитной и банковской системы. Была проведена и реформа в обращении валюты, которая предусматривала ликвидацию различных курсов динара и вводила единый курс для операций с заграницей и девальвацию, которую проводили бы с помощью кредитов, прежде всего ММВФ, США, ФРГ и Великобритании².

Речь шла об отказе от государственного контроля над предприятиями, которые получили полную автономию, что, по мнению критиков, сделало возможным проведение в жизнь капиталистических отношений. Кардель в этом отношении был более оптимистичен. В беседе с журналистами он сказал, что реформа временно понижает уровень жизни, но создает условия для здорового решения вопросов цен на основе высокой производственной продуктивности. Это должно дать импульс экономике³.

Кардель и Ранкович: борьба за наследство Тито

На Съезде ЦК СКЮ в первые дни февраля 1961 г. произошло оживленное обсуждение дальнейшего развития. Консерваторы противились «вульгарной экономической логике» сторонников реформы и в первую очередь напали на Карделя за то, что он якобы защищает капиталистические тенденции. Кардель им ответил, что югославский свободный рынок невозможно сравнить с капиталистическим, который является анархичным и неплановым. «Наш рынок ориентирован на план и в определенном смысле является не столько дополнением, сколько средством для его выполнения». Для уменьшения возможных «эксцессов», которые касались ценообразования, выплат и рабочих мест, Кардель предусматривал различные «административные меры», а это означало его уверенность в том, что политика сохранит контроль над экономикой⁴. Это мнение преобладало. Авдо Хум, председатель Комитета

¹ Bilandžić D. Hrvatska. S. 407.

² TNA. FO 371/163932/C Y1102/5; PA. B 12. Bd. 643; Lorenčič A. Gospodarske razmere v Jugoslaviji v obdobju 1968–1988: na poti v razpad // Slovenija — Jugoslavija. S. 261.

³ BA. IV A 2/20/239. S. 2.

⁴ PA B 12. Bd. 605.

общественного планирования, в своем интервью, напечатанном в журнале *Коммунист* 2 февраля 1961 г., так обрисовал югославскую систему: в советском блоке государство является хозяином производственных мощностей; это означает, что рабочие его служащие; в капиталистической системе хозяева частные лица и там рабочие тоже служащие. Только в Югославии рабочие сами являются собственниками, что означает ликвидацию «наемной системы труда». Основа новой системы — самоуправление, при котором сотрудничают рабочие со своими советами. До победы коммунизма, когда каждый будет иметь в распоряжении столько, сколько ему требуется, нужно придерживаться марксистского принципа: «Каждому в соответствии с его трудом»¹.

На двух внеочередных заседаниях Союзная скупщина приняла 32 закона, связанных с экономической реформой, которые Исполнительный комитет одобрил 23 февраля 1961 г. Эту новость радостно приняли в Словении, в некоторых частях Хорватии, Сербии, Боснии и Герцеговине, где предприятия уже были рентабельны. Напротив, представители неразвитых территорий, особенно Македонии и Черногории, не скрывали своих колебаний и тревоги². И они были правы: в последующие месяцы оказалось, что трудностей даже больше, чем ожидалось — невозможно устранить разницу в ценах, нельзя избавиться от инфляции и еще в меньшей степени от экономической анархии, которая стала проявляться из-за пассивного сопротивления рабочих, союзного государственного и партийного аппарата. Некоторые предприятия воспользовались случаем для повышения зарплат, прежде всего менеджерам, что обострило социальные отношения в государстве. Кое-где, прежде всего в Боснии и Герцеговине, Черногории и Македонии, начались увольнения рабочих³. Увеличился разрыв в торговле с Западом и Востоком, особенно с Советским Союзом. Помимо этого в 1961 г. Югославия снова была вынуждена ввезти из США 500 тыс. тонн зерна, поскольку из-за засухи и наводнений не могла обеспечить население достаточным количеством хлеба⁴. Шептались, что наверху существуют два лагеря, один из которых консервативный, его возглавлял Ранкович, не хотевший, чтобы СКЮ и дальше укрепляла самоуправление. Другой оформился вокруг Вукмановича — Темпо и Карделя, выступавших за продолжение динамичной реформаторской политики⁵. Кроме того, всё очевиднее начал проявляться конфликт между Карделем и Ранковичем из-за наследства Тито, который возник после падения Джиласа, если не раньше. Уже в начале 1950-х гг., когда словенский политик был министром иностранных дел, Ранкович вставлял ему палки в колеса, систематически отвергая кандидатуры послов из-за их неблагонадежности. В 1952 г., например, из 150 предложенных кандидатур он одобрил только 5,

¹ Ibid. Bd. 604 A.

² Ibid; *Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968)*. S. 170.

³ PA. B 12. Bd. 605.

⁴ PA. 702/84/04; TNA. FO 371/163932/C Y1102/13; FO 371/163903/CY 1015/6.

⁵ *Bilandžić D. Povijest izbliza*. S. 32, 46.

что для Карделя было унижительным¹. Поскольку Кардель считался главным инициатором реформ, противником которых являлся Ранкович, формирование вокруг них двух течений: «технократов» и «аппаратчиков» — было неизбежным, помимо всего прочего они были окрашены национальными цветами. Когда реформисты стремились к большей децентрализации, догматики отстаивали централистское политическое направление, за первыми шли самые развитые республики, Словения и Хорватия, за вторыми Сербия, Черногория и Македония. При этом существенным было, что Кардель являлся словенцем, а Ранкович сербом². Этот конфликт весьма беспокоил Тито, поскольку он понял, что не сможет найти общего языка со своими двумя главными соратниками³, но в то же время он использовал его для укрепления собственной власти⁴.

Путешествие в Африку

Как мы видели, после VII Съезда Тито вложил много сил в установление связей с афро-азиатскими странами, будучи уверенным, что югославский экономический подъем можно связать с будущим экономическим расцветом третьего мира. С этой целью Югославия разработала программу займов «развивающимся странам» (всего более 11 млрд долларов)⁵ и способствовала клиринговому обмену товаров на сырье. Югославские специалисты, кроме этого, начали участвовать в строительстве портов и промышленных предприятий в упомянутых государствах, а в геологических исследованиях добились признания своего авторитета. Активно развивались и культурные отношения, при этом наиболее важным было то, что сотни студентов из Африки и Азии приехали получать образование в югославских институтах и университетах⁶. После возвращения Тито из трехмесячного путешествия в Индонезию, Бирму, Индию, Шри-Ланку, Эфиопию, Судан, Египет и Сирию, а на пути домой еще и в Грецию⁷, в Белграде ему подготовили великолепную встречу. Его приветствовало около 300 тыс. человек: от школьников до рабочих, которых автобусами и грузовиками привезли на улицы, по которым он проехал⁸. Успех укрепил в нем еще большую уверенность в том, что неприсоединившиеся страны должны сотрудничать в решении проблем современного мира с великими державами.

¹ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 188.

² PA. 702/84/04; AS. Dedijer. T. e. 215. Tipkopolis za IV. zvezek Titove biografije. Četrto poglavje. Velike Titove životne brige. S. 272.

³ *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 419.

⁴ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 851.

⁵ *Matunović A.* Titova sovladarica. S. 116.

⁶ NARA. CREST. CIA. Staff Memorandum No. 29-60. Yugoslavia and the Non-U Countries. 01.06.1960; *Rajak S.* Yugoslavia and the Soviet Union. P. 208, 209.

⁷ BA. DY 30/IV 2/20/132. S. 1; NSK. Arhiv Bakarić. Kutija. 07, 18.02.1960.

⁸ BA. DY 30/IV 2/29/132. S. 6.

В атмосфере нарастающей международной напряженности, когда как из Вашингтона, так и из Москвы приходили неприкрытые угрозы о применении ядерного оружия, подобные усилия приветствовались. Когда в мае 1960 г. возник конфликт во время встречи Хрущева и Эйзенхауэра, поскольку СССР в своем воздушном пространстве подбил американский шпионский самолет, Тито вину за это возложил на США. В то же время он хотел, чтобы активное участие в международных отношениях приняли неприсоединившиеся страны, которые не были втянуты в холодную войну, и ООН, поскольку нельзя перекладывать всю ответственность на великие державы, когда речь идет о судьбе всего мира. Эта уверенность была закреплена в коммюнике, которое было обнародовано спустя месяц после недельного визита председателя Объединенной Арабской Республики Гамала Абдула Насера в Югославию¹. Словесно она была подтверждена на XV заседании Генеральной Ассамблеи ООН, когда Тито встретился с руководителями Египта, Индии, Индонезии и Ганы. Юбилейное празднование использовали, чтобы предложить Ассамблее направить Эйзенхауэру и Хрущеву призыв к обновлению диалога, который был незадолго до этого драматически прерван. Тем самым движение неприсоединившихся стран от программных лозунгов перешло к действиям².

Несмотря на то что Тито очень беспокоило, не вредят ли его здоровью прививки против тропических болезней, он весной 1961 г. отправился в новое путешествие, теперь уже в Африку. Путешествие было в высшей степени широкомасштабным, поскольку он хотел опередить Хрущева, собиравшегося посетить некоторые африканские страны в первые месяцы того же года³. Но в самом начале путешествия именно от Хрущева пришло сообщение об убийстве Патриса Лумумбы, руководителя антибельгийского движения в Конго, и Тито начал думать о более широкомасштабной акции. В гневе он утверждал, что речь идет «о самом большом преступлении в современной истории», что в смерти Лумумбы в первую очередь виновата ООН и ее генеральный секретарь Даг Хаммаршёльд, поскольку они его не защитили, и что нужно созвать встречу «нейтральных» государств в Каире. «Позвать Абдула (Насера). Послать депешу Сукарно. Только небольшие, внеблоковые государства борются за мир. Только они могут предотвратить войну. Человек и народы. Мировое общественное мнение. Необходимо защититься от этих безумцев (империалистов). Противопоставить им мир и оставить их одних»⁴. Короче говоря, родилась идея о встрече неприсоединившихся, на которой страны-члены должны были выработать стратегию, которая предназначалась бы для борьбы с колониализмом и предотвратила

¹ PA. B 12. Bd. 547; Komunist. 1960. 28.05; *Ridley J. Tito. A Biography.* P. 351.

² *Jakovina T. Tito's Yugoslavia as the Pivotal State of the Non-Aligned // Tito-videnja.* S. 391; *Mandić B. S Titom.* S. 207.

³ AMZV. Zprávy ZÚ. Belehrad 1961–1962. 020239. Belehrad. 2. ledna 1961.

⁴ *Čosić D. Pišćevi zapisi (1951–1968).* S. 169, 175, 192; *Mandić B. S Titom.* S. 35, 54.

бы столкновение между двумя великими державами. Необходимо было еще уговорить Неру, который, по мнению Тито, вел себя нерешительно из-за долгов, которые были у Индии перед Западом, и из-за внутренней реакции. «Нужно ему помочь выбраться из этой каши»¹.

В путешествие по Африке с Тито отправилось около 1400 человек, среди прочих оркестр музыкантов, многочисленные певцы народно-развлекательной музыки. Яхту «Галеб», на которой он находился с супругой Йованкой и сопровождающими, охраняли три югославских военных корабля. Турне длилось семьдесят два дня, с 28 февраля по 22 апреля и включало в себя посещение Ганы, Того, Либерии, Гвинеи, Мали, Марокко и Туниса. Последним и наиболее важным этапом был Египет, хотя в этом случае речь шла о неофициальном визите. Тито всюду рассказывал принимающим сторонам о негативном опыте экономического сотрудничества с Москвой и предостерегал их от односторонних контактов с ней. Он утверждал, что его отношения с Западом в этом смысле более тактичные. Югославию он им представлял как пример государства, которое остается вне блоков, и трактовал это, особенно в Гане и Гвинее, как большое достижение². Президент Ганы Нкрума Кваме сказал: «Это наиболее реалистичный современный государственный деятель. Из всех его современников он лучше всех понял Африку. И мы лучше всего поняли его»³. Речь шла о сдвиге эпохального значения, поскольку впервые в истории европейский политик приехал к африканцам как к равным, общался с ними без патерналистских установок, и при этом не скупился на критику в адрес Запада. Как сообщает Родолуб Чолакович, Тито осознавал психологическое значение своего визита. После возвращения в узком кругу он «говорил об африканских народах, об их отношении к белому человеку, и особенно к белому человеку, которого зовут Тито»⁴.

Путешествие не обошлось без инцидентов, например, когда при раздаче дорогих подарков, которые Тито привез для принимающей стороны, началась жуткая свалка, маршал безропотно сказал: «Пусть каждый возьмет, что хочет»⁵. Обобщающее коммюнике о переговорах с местными политиками, наброски которого, очевидно, были написаны заранее, адаптировали к местным условиям, но всегда подчеркивали сотрудничество и равенство между государствами и осуждали «империализм», «колониализм» и «неоколониализм». Главной новинкой, которую «изготовили» югославские теоретики, была констатация, что разница между развитым севером и неразвитым югом представляет угрозу для мира во всем мире. Эту идею поддерживал прежде всего Эдвард Кардель, и в беседе со шведским экономистом Гуннаром Мюрдалем он развил ее далее. Воспринял ее и Тито, и уже 14 мая 1957 г.

¹ *Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 175, 203.*

² *PA. B 12. Bd. 640.*

³ *Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 210.*

⁴ *Antonić Z. Rodoljub Čolaković u svetlu svog dnevnika. Beograd: Knjiga, 1991. S. 30, 31.*

⁵ *Ranković A. Dnevničke zabeleške. S. 167.*

в интервью британской газете *Daily Herald* потребовал организованной поддержки для неразвитых государств и земель, поскольку это «представляет первое необходимое условие благосостояния мира»¹.

В Каире Тито уже в девятый раз встречался с президентом Насером, с которым говорил об организации конференции неприсоединившихся стран. О ней год назад в Нью-Йорке на генеральной сессии ООН Тито и Насер беседовали с Неру, Сукарно и Нкрумой². При этом возникла путаница, так как Тито во время прогулки по Нилу пытался убедить Насера, что идею поддерживает и Неру, хотя на самом деле он на нее смотрел с большим сомнением. Когда внешнеполитический советник Тито Велько Мичунович, находившийся непосредственно на встрече, указал, что это не так, Тито раздраженно сказал, что Неру еще не с нами, но наверняка будет. Он потом один на один жестко выговорил Мичуновичу за то, что он дерзнул противоречить ему при Насере. Произошло, вероятно, наиболее сильное вербальное столкновение в жизни Тито. Говорят, что никогда он не чувствовал себя хуже и был близок к тому, чтобы разрыдаться, когда рассказывал своему адъютанту Жежелю, как он был опозорен перед Насером³. Мичунович не только дерзнул ему противоречить, но в последовавшей полемике сказал много неприятного о его деспотичном отношении к членам делегации и вмешательстве Йованки в политические и государственные дела, в которых она ничего не смыслила. Он пошел еще дальше, отчитав Тито за то, что он ведет себя как восточный са-трап: «Что бы вы не делали, наша страна дорого стоит. Речь идет о таких растратах, что мне стыдно, что я в этом участвую»⁴. Их столкновение было лишь верхушкой айсберга, поскольку во время путешествия на «Галебе» установилась атмосфера крайней напряженности между Тито и его окружением, между Тито и Йованкой, между Йованкой и всеми их попутчиками, пришедшими в ужас от полученного опыта, достойного «восточного двора». Из-за всего этого Тито был в плохом настроении и скоро прекратил всякое общение с делегацией и не появлялся на людях даже в свободное время.

Добрица Чосич, известный писатель, был приглашен в путешествие, чтобы описать его. Но о подробностях того, что он пережил, Чосич охотнее был молчал. Впечатления, которые он всё же записал в свой дневник, были уничижающими: «Я просто заболел из-за разочарования в Тито и товарищах. На “Галебе” я осознал, что руководство Союза коммунистов Югославии

¹ AS. Dedijer. T. e. 68. Krtačni odtisi. S. 746–749; T. e. 215. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Četrto poglavje. Velike Titove životne brige. S. 241–247; T. e. 244. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Enajsto poglavje. Od kritike društvenog sistema u SSSR-u do radničkog samoupravljanja. S. 422–427.

² PA. B 12. Bd. 640.

³ Ranković A. Dnevničke zabeleške. S. 167; AS. Dedijer. T. e. 197; Koliševski L. Svečanost na Galebu; T. e. 264. M. M. (Mile Milatović). Dnevnik, 02.10.1986; Mandić B. S Titom. S. 61.

⁴ Matunović A. Titova sovladarica. S.107; Dedijer V. Novi prilozii. Vol. II. S. 45, 55; Čosić D. Pišćevi zapisi (1951–1968). S. 213, 214.

с Тито во главе является монархической, бюрократической олигархией, морально лицемерной и без тормозов в своем стремлении к власти»¹. После возвращения Тито хотел, чтобы Велько Мичуновича, Лео Матеса и Лазаря Колишевского, с которыми он также ругался во время путешествия, партия подвергла наказанию. Ввиду примирительного вмешательства Ранковича всё обошлось, хотя они и были на некоторое время устранены из окружения маршала. Лео Матес потерял свое место секретаря. Ни Тито, ни Йованка не простили Ранковичу, что он не применил к этим «грешникам» тех мер, которые они хотели².

Первая конференция неприсоединившихся

Несмотря на инциденты, вызвавшие неприятный осадок, идея о конференции неприсоединившихся дала побег, ведь было ясно, что нужно «реформировать ООН». То, насколько необходимо было превратить движение, которое не входило ни в один из блоков, в действенное орудие мира, подтвердила новость, которая пришла в тот же день, когда Тито сошел на берег в Египте, — 17 апреля. Стало известно, что группа кубинских эмигрантов, которую собрало ЦРУ, в бухте Кочинос попыталась раздуть искру восстания против режима Фиделя Кастро. Безуспешно. Тито и Насер 22 апреля 1961 г. в Александрии подписали совместное послание, а в итоге к инициативе присоединился и Неру в надежде воспрепятствовать ее слишком радикальной направленности. В письме главы 20 «неприсоединившихся» государств были приглашены принять участие во встрече в верхах. Затем с 5 по 13 июня в Каире прошла подготовительная конференция, на которой дипломаты из 21 афро-азиатской страны и Югославии подготовили рабочий распорядок запланированной встречи, не без полемики и разногласий, поскольку было трудно определить значение таких понятий, как «нейтральность», «неприсоединение», «независимость»³. Проще всего было принять решение о проведении конференции 1 сентября 1961 г. в Белграде. Это, конечно же, означало большой успех югославской дипломатии, так как Югославия как единственное европейское государство (если исключить Кипр) встала во главе движения, которое объединило треть человечества, четверть голосов в ООН и представляло собой воплощение «мировой совести». При этом, конечно же, невозможно не упомянуть тот факт, что по сравнению с Западным или Восточным блоками оно не имело почти никакого экономического и военного веса. Может быть, поэтому конференция не встретила сопротивления ни со стороны Москвы, ни со стороны Вашингтона, которые сошлись в одном: они были

¹ Čosić D. Piščevići zapisi (1951–1968). S. 214.

² Ranković A. Dnevničke zabeleške. S. 166, 167; AS. Dedijer. T. e. 197. Tekst Vojina Lukića, Slučaj s Koliševskim; T. e. 264. Sukob s Titom. S. 222 a; M. M. (Mile Milatović). Dnevnik. 02.10.1986; Lukić V. Sećanja i saznanja. S. 53; Mandić B. S Titom. S. 61.

³ AMZV. Zprávy ZÚ. Belehrad 1961–1962. 01253/61. Belehrad. 13.09.1961.

удовлетворены тем, что на нее не был приглашен Китай. Весной 1960 г. именно столкновение между Кремлем и Пекином перешло рамки идеологической полемики и достигло фазы открытой враждебности¹. Наиболее остро на решение провести конференцию отреагировала Франция, поскольку наряду с другими 18 антиколониальными державами в Белград был приглашен Освободительный фронт Алжира как официальный представитель этого движения. Выражая протест, генерал Шарль де Голль, который был не расположен к Тито из-за его враждебного отношения к Драже Михайловичу, отозвал своего посла из Белграда².

В то же время разразился тяжелый кризис из-за решения, которое в середине августа приняло правительство в Панкове: отделить Восточный Берлин от Западного стеной и тем самым остановить волну беженцев со своей территории в ФРГ. Перед конференцией Тито сообщил американскому послу Кеннану, что не согласен с политикой США в Германии, прежде всего в берлинском вопросе, хотя и намекнул, что во время встречи будет искать средний путь и что в своих выступлениях не скажет ничего, что могло бы подлить масла в огонь международной напряженности. В благодарность Эйзенхауэр ответил отдельным посланием, в котором приветствовал белградскую встречу. Ситуация приобрела иной оборот, когда Хрущев неожиданно, выбрав именно тот момент, когда делегаты неприсоединившихся встретились в Белграде, заявил о возобновлении ядерных испытаний в атмосфере, от которых несколько лет назад отказался для подтверждения своей миролюбивой политики. Советский Союз произвел на Новой Земле взрыв водородной бомбы, которая своими 75 мегатоннами затмила все предыдущие ядерные испытания. Тито об этом 31 августа поставил в известность советский посол, с которым маршал вступил в длительную беседу. На следующий день он открыл конференцию речью, которая имела протокольный характер. После новой встречи с советским послом, из-за которой он опоздал на начало заседания, 3 сентября Тито выступил еще раз, но теперь более четко. Хрущев просил Тито поддержать его решение относительно «царь-бомбы». Тито в последний момент собственноручно вписал в подготовленную речь еще несколько предложений и тем самым практически принял аргументы, которыми Советский Союз объяснял свою линию. Вместо того чтобы осудить Хрущева, как того хотело большинство участников, он подверг критике только время, избранное для нового ядерного взрыва. Одновременно он требовал проведения «всемирной конференции по атомному оружию», в работе которой участвовали бы и принимали решения неядерные государства. По всему было ясно, что помимо прочего он поддерживал советскую политику в Берлине. Кроме того, он подверг резким нападкам Запад из-за его отношения к немецкому вопросу. Расстроенному Кеннану, который утверждал, что

¹ NIE. 10-61. Authority and Control in the Communist Movement. 08.08.1961 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 278.

² *Ridley J. Tito. A Biography.* P. 358.

был обманут, позднее югославские дипломаты объясняли, что маршал так поступил потому, что хотел поддержать Хрущева в его столкновении с внутренними врагами, при этом не было ясно, кого он имели в виду¹. Насколько убедительно они это сделали, конечно, остается под вопросом, ведь сам Коча Попович был удивлен импровизацией Тито и сильно раздражен, поскольку ничего о ней не знал².

Конференция не скупилась, с одной стороны, на пустые заявления, среди которых в первую очередь была борьба против колониализма, неоколониализма и империализма, и с другой стороны, не смогла найти ни одной конкретной инициативы относительно открытых вопросов современности³. Требование Тито, чтобы ООН организовала встречу на мировой арене, где бы обсуждались проблемы экономического развития, и прежде всего отношения оси Север — Юг, вызвало ряд инициатив среди неприсоединившихся стран и в самой ООН, которые, однако, не увенчались успехом. Идея Тито «о новом международном экономическом порядке» в реальность так и не воплотилась, поскольку ни в Вашингтоне, ни в Москве не воодушевились ею. Самое большее, что сумела сделать конференция, это принять решение послать Никите Хрущеву и новому президенту США Кеннеди приглашение «начать переговоры о мирном решении современных противоречий», исходя из утверждения, что «ключи к миру и к войне» в руках великих держав⁴. Необходимо сказать, что конференцию ознаменовала подковерная борьба между Югославией и некоторыми участниками с Неру во главе. Югославы выступали за постоянную организацию, которая стала бы главным действующим лицом на международной политической арене, а Неру больше, чем великие проекты, занимала дискуссия о текущих мировых проблемах, он надеялся, что может стать посредником между великими державами. О том, насколько «дружеской» была атмосфера, в которой проходила конференция, свидетельствует тот факт, что югославы организовали прослушку всех вилл и резиденций, переданных в распоряжение иностранным гостям. Для этого была разработана специальная операция, которую назвали «Мир» и одобрил сам Тито⁵.

Самым спорным вопросом, с которым пришлось столкнуться делегатам, была проблема Германии. Тито, Кардель и Попович прилагали большие усилия к тому, чтобы конференция признала существование двух немецких

¹ NARA. CREST. CIA, Memorandum for the Director. Yugoslavia's Foreign Policy Position. 05.10.1961; AS. Dedijer. T. e. 298. Novi prilozi. Vol. IV. Šesto poglavje. S. 27.

² The John F. Kennedy Library. Boston (JFK Library). National Security Files Box 252A; BA. Bestand Ulbricht. Walter. NL 182/1235; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 766–768.

³ *Pirjevec J.* Jugoslavija. S. 266; AS. Dedijer. T. e. 68. Krtačni odtisi. S. 750; T. e. 215. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Četrto poglavje. Velike Titove životne brige. S. 241, 242, 249; PA. 702/84/04.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 68 in 215.

⁵ *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 41, 158; *Ranković A.* Dnevničke zabeleške. S. 289.

государств; в своем натиске они потерпели неудачу из-за давления Запада на Индию и государства, которые находились под их влиянием¹. Вопреки неудаче, Югославия смогла осуществить белградскую встречу, одержав тем самым моральную победу, которая сильно повысила ее международный авторитет. Тито получил статус политика мирового масштаба, и он знал, как это использовать во внутренней политике, поскольку его сотрудничество со странами третьего мира не вызвало воодушевления среди народа. В ответ на критику позиций неприсоединившихся стран, которая витала в воздухе, он часто делал акцент на том, что югославская федерация из-за его политики получила в мире положение, которое не смогла бы получить ни одна из республик, если бы они были самостоятельными².

С другой стороны, не стоит думать, что на Западе «сочувственная» позиция Тито относительно советского ядерного испытания повлекла за собой большое разочарование. В этот раз они посчитали, что его разворот в отношениях с Советским Союзом можно объяснить прежде всего двумя предположениями: когда Тито осознал, что у Неру больше влияния, чем у него, он, решил перейти на более радикальную позицию и занять руководящее место среди тех неприсоединившихся стран, которые были критично настроены в отношении Запада. Кроме того, так они полагали, он действительно испугался возможности войны после сообщения Хрущева о прекращении ядерного моратория и попытался объединить вокруг себя как можно больше государств, с тем чтобы принудить великие державы сесть за стол переговоров³. Никто не подумал, что наиболее близко к реальности объяснение, которое югославские дипломаты предложили Кеннану, поскольку они не понимали внутреннего положения в Кремле так хорошо, как его понимал югославский маршал. О Хрущеве, которого Тито считал самым передовым политиком, который был за всё время в СССР, еще в феврале 1961 г. во время путешествия в Африку он сказал: «Я ему помогаю, поскольку уверен, что он против войны»⁴.

Кардель в немилости у Тито

На конференции неприсоединившихся стран Эдвард Кардель остался в тени, поскольку оказался в немилости Тито⁵. О вожде он часто говорил с восхищением: «В характере Тито есть что-то народное, он может быть грубым, резким, но это только временное изливание чувств»⁶. На его

¹ BA. Bestand Ulbricht. Walter. NL 182/1235.

² AAB. Arkiv Stoltenberg. Thorvald. The Outlook for Yugoslavia 1960–1974. Da-Loo 14. S. 15; *Antonić Z. Rodoljub Colakovič*. S. 464.

³ NARA. CREST. CIA. Memorandum for the director: Yugoslavia's Foreign Policy Position, 05.10.1961. Molly Harriet.

⁴ *Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1961)*. S. 183, 191.

⁵ *Dilas M. Tito*. S. 299.

⁶ *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. III. S. 316.

шестидесятилетия он поздравил его следующими словами: «Твои 60 лет, со всем, что ты дал нашей партии и нашей стране в ее стремлении к лучшему будущему, это не только твоя гордость, а гордость всех нас, всех, кто боролся под твоим руководством и побеждал во имя социализма и кто тебя почитает и любит как душу и воплощение этой борьбы»¹. Это было в то время, когда его рассматривали как естественного наследника Тито, о чем он при случае говорил и сам. Среди югославских коммунистов уже перед войной существовало мнение, что Кардель первый после Тито. В этой своей роли он был настолько уверен, что после визита в Лондон в конце 1945 г. генеральному секретарю Великобритании Гарри Поллиту представился как «заместитель» маршала. Короче говоря, ему не нужно было бороться за власть, поскольку все знали, где его место².

«Эта уверенность, — сказал Владимир Дедиер после смерти Карделя люблянскому телевидению, — продолжалась, насколько можно судить по проверенным мною документам, вплоть до 1954 г., тогда появились новые претенденты, которые надеялись, что после смерти Тито смогут влезть в его шкуру»³. В первую очередь это относилось к Александру Ранковичу. Новое соотношение сил в верхах сложилось во время установления связей с наследниками Сталина, это решение Тито принял без консультации со своими коллегами. Кардель был готов даже изменить свое отрицательное отношение к Советскому Союзу и к Сталину, о котором говорил, что не стоит упускать позитивные элементы в его политике, хотя они были воплощены примитивным, азиатским образом. Вопреки всему, именно благодаря ему сохранилось что-то от идей Октябрьской революции⁴. Но это не могло смягчить озабоченности, которая возникла у него, да и у других югославских руководителей, из-за того энтузиазма, с которым Тито взялся за возобновление диалога с СССР.

В своих воспоминаниях Кардель записал, что югославы отвергли мысль о каком-нибудь новом виде международного центра рабочего движения, о лагерях и подобном. В то же время он упомянул, что Хрущев, «бог знает по каким причинам, утверждал, что я самый ярый противник того, чтобы Югославия вступила в социалистический лагерь, и самый ревностный приверженец политики неприсоединения. Но на самом деле так думало всё наше руководство, и в этом между нами не было разницы. Однако же Хрущев и дальше набрасывался на меня и зашел так далеко, что пытался внести раздор в наше руководство. Это ему не удалось, хотя свою глобальную политику он всё же продолжил»⁵. По прочтении этих слов возникает вопрос, был ли словенский

¹ AJ. 838. LF II-1/78. K 4, Kardelj — Titu. 23.05.1952.

² AS. T. e. 111. Tipkopis za Titovo biografijo. S. 314; T. e. 143. Dediđer V. — Umag. Kardelj. S. 1; T. e. 298; *Dediđer V. Novi prilozi*. Vol. IV. Štirinajsto poglavje. S. 5.

³ AS. T. e. 143. Dediđer V. — Umag, Kardelj. S. 1.

⁴ *Dediđer V. Novi prilozi*. Vol. III. S. 549; *Kardelj E. Spomini*. S. 120–123.

⁵ *Kardelj E. Spomini*. S. 147.

политик полностью искренним, поскольку из других источников мы знаем, что именно в это время начались трения между ним и Тито по поводу отношений с Советским Союзом. Он и люди из его окружения думали, что «московские сирены» поймали. Тито в сети, и поручили старому службисту Матии Мачеку, близкому другу маршала, убедить его быть более осторожным. Когда Тито приехал в отпуск в Брдо, Мачек это задание выполнил. Состоялся бурный разговор, закончившийся якобы переубеждением Тито¹.

Однако во время путешествия югославской делегации в Москву в июне 1956 г. Кардель опять не согласился с обновлением тесных партийных отношений между СКЮ и КПСС, к чему склонялся Тито. Он разделял мнение Кочи Поповича, что Московская декларация является отступлением от позитивных начал, заложенных в Белградской декларации 1955 г., которая касалась только отношений между государствами. Прежде всего он считал, что особенно во внутренней политике, в бюрократии и полиции Советского Союза всё еще преобладают старые сталинисты². То, что в отношениях Тито с Карделем что-то не так, заметили западные дипломаты, которые зафиксировали, что во время разных торжественных мероприятий словенский политик оказался «за бортом». Это подтверждали и фотомонтажи общих фотографий высших руководителей, которые, по старой традиции хорошо отретушировав, публиковала советская пресса. При этом бросалось в глаза, что Кардель всегда вытеснен во второй ряд, и что на всех заседаниях и приемах ему отводили место в стороне. На самом деле речь шла не только о протокольном пренебрежении, а о внутренних расхождениях, которые должны были быть очень сильными, такими, что Тито в 1956 г. даже предлагал Ранковичу «ликвидацию» Карделя, поскольку не выносил, что Кардель критикует его отношение к Советскому Союзу³. После возвращения из Москвы в начале августа он позвонил Ранковичу по телефону и предложил встретиться на обеде в Опленце, дворце Карагеоргиевичей, где не был уже давно. Когда они приехали, Тито пригласил его на прогулку в лес, где сказал, что больше не может сотрудничать с Карделем. «На каждом шагу он меня дезавуирует. Со мной ни о чем не договаривается. Нападает на русских. Ведет свою политику. Пепца (жена Карделя) сплетничает обо мне и Йованке. Созовем съезд ЦК. Из партии вон он или я»⁴. Хотя Ранкович и разделял критическое отношение Тито к Карделю, он считал, что его ликвидация будет

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 103, 548, 549; AS. Dedijer. T. e. 298. Novi prilozi. Štirinajsto poglavje. S. 14; Roter Z. Padle maske. S. 121, 122.*

² *Nenadović A. Razgovori s Kočom. Zagreb: Globus, 1989. S. 21; PA. B 12. Bd. 587, 621.*

³ *Matunović A. Titova sovladarica. S. 159; Simčić M. Ženske. S. 268; Cenčić V. Titova poslednja ispovijest. S. 299.*

⁴ *Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 291. Автор ошибочно относит этот эпизод к 1962 г. Тогда Кардель не ездил в Москву с Тито. Ranković A. Dnevničke zabeleške. S. 125–128; Lukić V. Sećanja i saznanja. S. 54, 55. Автор относит этот эпизод ко времени подготовки конституции 1963 г. Мачек — к 1956 г. См. AS. Dedijer. T. e. 271. Lidija Šentjurg, 11.04.1987.*

излишней и вредной, ведь его заявления, так или иначе, не могли подорвать авторитет Тито и не имели большого значения. Он предупредил его, что память об афере Джиласа еще свежа и что начало нового столкновения повлечет за собой раскол в партии и в государстве. Поэтому Ранкович его не поддерживал, и это так разозлило Тито, что он даже не пошел на обед. «Выпили кофе и вернулись в Белград», — писал Добрица Чосич¹ в своих воспоминаниях. Александр Ранкович о разговоре в Опленце рассказывает более или менее похожую историю, только в конце он говорит: «Тогда он мне впервые сказал, что Кардель неисправимый националист, с которым будут проблемы. В конце он принял мое предложение (что за Карделем необходимо наблюдать) и оставшуюся часть дня мы провели очень приятно. Я был счастлив»². Счастлив от того, что успокоил Тито, или от мысли, что победил опасного противника?

О напряженности в югославских верхах узнали и американские спецслужбы, которые уже в сентябре 1956 г. сообщали, что, по мнению Карделя, некоторые югославские лидеры (читай Тито) зашли слишком далеко в своей некритической симпатии к советскому блоку. По их оценке, Кардель при поддержке словенского и части хорватского ЦК противостоит слишком тесному сближению с Москвой и утверждает, что самые развитые республики внутри Югославии не должны поддерживать такую политику. Говорили даже о возникновении фракции внутри СКЮ и выдвинули тезис, что некоторые из соратников Тито, очевидно, боятся такого союзничества, поскольку в случае его смерти страна легко может снова оказаться под советской властью. В обзоре международного положения в конце 1957 г. они обращали внимание на то, что политика Тито привела Югославию к тому, что она скоро прервет все связи с Западом. «Вероятно, кто-то из партийных руководителей, к примеру Кардель, критиковал некоторые тактические линии Тито»³. Масла в огонь подливали агенты Ранковича, которые сообщали Тито о том, что о нем говорили руководящие югославские лидеры, а Карделя с 1947 г. и далее прослушивали и тем самым способствовали охлаждению отношений между ними. Их встречи становились всё более редкими и, как Кардель перед смертью рассказывал Дедиеру, в начале 1960-х гг. он восемь месяцев не говорил с Тито о серьезных вопросах⁴.

В конце 1956 г. отношения между ними немного улучшились, поскольку венгерский кризис показал, насколько Кардель был прав, когда утверждал, что в отношениях с Москвой необходима предусмотрительность. Вопреки

¹ Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 292.

² Ranković A. Dnevničke zabeleške. S. 125, 126.

³ NARA. CREST. Current Intelligence Bulletin. Belgrade May Adopt Attitude More Critical of Soviet Bloc. 13.09.1945; Current Intelligence Weekly Summary. Yugoslav-Soviet Relations. 19.09.1957; SNIE 31/1-57. Yugoslavia's International Position. 19.11.1957 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 245.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 68. Krtačni odtisi. S. 763, 769; T. e. 215. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Velike Titove životne brige. S. 275, 276.

временному перемирию и обновленному союзничеству, противоречия сохранялись, хотя и не имели прежнего драматизма. Например, в 1957 г. Кардель указал на проблему национального вопроса в Югославии, о котором Тито говорил, что он скоро будет побежден и что якобы на горизонте уже вырисовывается идеал «югославского народа», который будет основан на договоре между хорватами и сербами¹.

Кардель, который после падения Джиласа с прискорбием ощутил подъем этатизма в Югославии, убеждениям Тито воспротивился, хотя и дипломатическим путем. Он подготовил второе, несколько исправленное издание своего труда «Развитие словенского национального вопроса», который впервые опубликовал перед войной под псевдонимом Сперанс. К оригинальному тексту он написал длинное, с учетом современных тенденций, введение, в котором подчеркнул, что Югославия не может и не смеет стать плавильным котлом. Он констатировал, что «сейчас» и в «это время» Югославия полезна, при этом он указывал, что так будет не всегда². В разговоре с сербским писателем Добрицей Чосичем он утверждал, что «югославянство не может быть каким-либо национальным понятием. Югославянство может быть только общественно-политической категорией, следовательно, социалистической»³.

Из-за той роли, которую Кардель играл внутри партийного руководства, никто не дерзнул выступить против его заявлений, поскольку Тито открыто не отреагировал. Он попытался воспрепятствовать публикации книги, но после уговоров Ранковича отказался от этого намерения⁴. Книгу приняли молча, и это означало, как говорил Биланджич, что конфликт, который Кардель предвидел и в который был втянут, отложен на несколько лет⁵. Впервые открыто он проявился в 1961 г., когда Добрица Чосич в загребской газете *Telegram* указал на трудности в отношениях между республиками; он полагал, что «вампирский национализм» можно легко победить с их ликвидацией. «Простите, что вы сказали?» — под таким заголовком последовал ответ Душана Пирьевца, одного из виднейших словенских интеллектуалов, который со всей силой своего пылкого характера (и не без поддержки словенского партийного руководства) опроверг позиции унитаристских и централистских «кровопийц» и тем самым начал полемику, которая вновь подняла в Югославии национальный вопрос⁶. Тито, Ранкович и ЦК Сербии сперва встали на сторону Чосича, но когда поняли, какой отзыв полемика вызвала в Словении, умили свою поддержку, поскольку якобы это «сильно вредит партии»⁷.

¹ PA. B 11. Bd. 125, 1. S. 5.

² Jovič D. Yugoslavia. A State that Withered Away. West Lafayette: Indiana Purdue University Press, 2009. P. 63; Mandić B. S Titom. S. 46.

³ Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 123.

⁴ Ibid. S. 291.

⁵ Bilandžić D. Hrvatska. S. 399.

⁶ Pirjevec J. Jugoslavija. S. 244.

⁷ Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 215; Antonić Z. Rodoljub Čolaković. S. 37.

Пуля Ранковича

Слом «нового экономического устройства», как говорили о реформе, крестным отцом которой в начале 1960-х гг. был Кардель, стал поводом для сведения с ним счетов. Внутри политической элиты провал вызвал настоящий шок, поскольку, в соответствии со своими идеологическими принципами, она была уверена, что социалистическая экономика не может испытать рецессию. Нужно было найти козла отпущения. Всё указывало на то, что политическая жизнь Карделя висит на волоске, ведь его идеологическая деятельность была полностью дискредитирована, а научная группа по разработке систематических изменений, которой он руководил, была распущена¹. Кардель был уверен, что проиграл свою историческую битву и его жизни угрожают, поскольку в конце января 1961 г. на охоте в Моровишских лесах в Среме был сильно ранен. В него попала пуля из ружья Йована Веселинова — Жарко, известного сербского политика, выпущенная тем якобы случайно, «по неопытности». Истинной картины инцидента, жертвой которого стал Кардель, общественности не раскрыли, было сказано, что будто бы во время выстрела в челюсть его ударил приклад винтовки. В окружении Карделя говорили иное. В день несчастного случая охотились на мелкую дичь, зайцев и фазанов, для чего использовали дробь. В то время как словенскому политику в затылок, в кость, попала пуля большего калибра, которая используется при охоте на кабана, что само по себе вызвало вопросы, а не стреляли ли в него с целью «ликвидации». Кардель неоднократно говорил, что Ранкович хотел его убить, а его жена Пепца была уверена, что всё еще хуже, она всюду утверждала, что «Эдо и я живем под железной пятой, Тито нас всех посадит». Бакаричу, которому больше всего верила, она говорила, что «он всех нас убьет»².

После этого события и после выписки из больницы Кардель счел целесообразным в июне и июле 1961 г. поселиться с женой и детьми в Лондоне «для изучения английского языка». Он уехал в своего рода добровольное изгнание — ни Тито, ни кому-либо другому он не сказал, куда отправится. Как утверждали секретные службы, он намеревался эмигрировать насовсем, в лучшем случае уехать в Люблян, где он мог заняться преподаванием марксизма в университете. Хотя *Observer* и *Sunday Times* писали, что пребывание Карделя в Лондоне не так безобидно, как выглядит, в британском Министерстве иностранных дел им не верили. Они только задавались вопросом, как это возможно, что в современной напряженной ситуации югославское

¹ Pirjevec J. Jugoslavija. S. 248; Prinčič J. Vlada Staneta Kavčiča in njena gospodarska politika // Slovenija — Jugoslavija. S. 122.

² Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 81; Becele Ranković L. Življenje z Leko. S. 197; Ranković A. Dnevničke zabeleške. S. 155, 156; AS. Dedijer. T. e. 68. Krtačni zapisi. S. 761; T. e. 215. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Četrto poglavje. Velike Titove životne brige. S. 272, 273; T. e. 264. Odnosi između četvorice velikih.

правительство не нуждается в этой важной личности¹. В британской столице Кардель посоветовался с местными медиками, которые ему не рекомендовали делать операцию, поскольку пуля прошла в миллиметре от центральной нервной системы и вмешательство могло парализовать лицо. То, что он не погиб, — настоящее чудо. На десять тысяч случаев это был единственный. «Пуля Ранковича» так и осталась в его затылке. Ее нашли только через семнадцать лет, когда после смерти Карделя проводили вскрытие его тела. Говорили, что выстрел был сделан из боевого оружия².

Единственный, кого бегство Карделя не обеспокоило, был Ранкович. Очевидно, он хотел его совсем изолировать, так, например, он не позволил ему приехать в Ужице на празднование двадцатилетия революции вопреки желанию Карделя. Ранкович ответил: пусть он лучше «отдохнет». (В то время УГБ подозревала, что он и его жена находятся на службе в ЦРУ.) Среди тех, кто не мог смириться с уходом «Бевца»³ из общественной жизни, в первую очередь был Владимир Бакарнич, который осознал, что теряет важного союзника. Он напряг все силы, чтобы убедить его вернуться на родину. Кардель вернулся спустя два месяца. На границе его встретил секретарь внутренних дел Республики Словения, который находился на службе Ранковича, и в разговоре сказал Карделю, чтобы впредь он был «более дисциплинированным и любезным». Слухи, которые этот инцидент породил за рубежом, а еще больше на родине, показались Тито такими неприятными, что возвращение Карделя он преподнес как безвкусную комедию. В конце августа Кардель должен был вместе с Ранковичем и Веселиновым отправиться «на охоту на серн» в долину Трента. Фотография трех «товарищей» на следующий день была опубликована с большой помпой в люблянской газете *Delo*⁴. Но это еще был не конец опалы, в которой оказался Кардель. Помимо всего прочего, в это время исчезла большая часть его архива, которую сотрудники УГБ на четырех грузовиках увезли в неизвестном направлении⁵. В ответ на негативное отношение Тито словенское политическое руководство поручило окружному комитету ЦК Любляны и Словенскому союзу трудового народа организовать на Площади революции митинг в его честь. Для внутреннего пользования было сообщено, что бюрократические централистские

¹ PA. B 12. Bd. 440.

² AS. Dedijer. T. e. 271. Pričevanje Marije Dev, medicinske sestre v pokoju. 25.01.1984; Delo. 1961. 23.08; Ivan Bratko. «Poglavje o sreči», из книги о Э. Карделе. Književni listi // Delo. 1984. 26.01; Ivan Kreft. Poglavje o sreči, pismo za Delov «Poštni predal» Neobjavljeno; Dedijer V. Pismo, naslovljeno: «Dragi Mito», 26.03.1984; Kranjc M. F. Zarote in atentati na Tita. S. 304; Krivokapič B. Pucanj u Kardelja (a ubistvo Rankovića) // Pobjeda. 2006. 28.09.

³ Один из псевдонимов Карделя.

⁴ Delo. 1961. 23.08; AS. Dedijer. T. e. 298; Dedijer V. Novi priloz. Vol. IV. Štirinajsto poglavje. S. 20–22.

⁵ AS. Dedijer. T. e. 261. Razgovor Bakarić — Dedijer V. 08.06.1981; T. e. 274. V. Dedijer. Pred zaključenim vratima istorije. S. 7.

и настроенные против самоуправления силы в политических верхах государства пытаются ликвидировать Карделя как видного борца за самоуправление. «Поэтому мы должны оказать ему в Словении как можно большую поддержку». Митинг имел огромный успех, люди собрались даже на прилегающих улицах, поскольку на площади уже не было места¹.

Заседание в марте 1962 г.

Третий пленум ЦК СКЮ 27 ноября 1961 г. принял решение, что избыток демократии мешает строительству социализма, и снова взял под свой контроль инвестиции, промышленное планирование, выплаты и торговлю, чтобы «стабилизировать» положение, подчеркнув этим руководящую роль партии в экономике. Предложения Карделя об укреплении Социалистического союза трудового народа, с тем чтобы в политическую жизнь активнее включались широкие массы, были отвергнуты, критике были подвергнуты и идеи VI Съезда СКЮ о прогрессивном отмирании государства и партии. Наиболее ярые сторонники реформ, а среди них было много словенцев, постепенно снимались со своих должностей в союзном правительстве, в то время как Тито всё больше опирался на партийных догматиков Ивана Гошняка, Ивана Краячича, Петра Стамболича. Полных 38 месяцев Тито правил только с их помощью, не проводя заседаний какого-либо верховного партийного органа.

Чтобы колесо развития вернулось к централизму и плановой экономике, некоторые важные югославские экономисты составили так называемую «Желтую книгу», которую позднее дополнила еще и «Белая». В них они пытались доказать марксистам, находящимся у власти, что и в социализме наступает время прогресса и застоя и что реформа не удалась из-за того, что не была достаточно решительной. Однако больше, чем их заявления, на дальнейшее развитие событий оказала влияние битва, вспыхнувшая за кулисами между либеральным и консервативным течением, которая неизбежно приобрела этническую окраску. Камнем преткновения стал проект плана на 1962 г., который в Словении, да и в Хорватии вызвал сильный дискомфорт, поскольку явно был написан в пользу союзной администрации и подчеркивал ее роль при формировании экономической жизни. В декабре 1961 г. в Вече производителей три депутата воздержались от голосования по этому плану, в Союзном вече один (заместитель председателя Словенской скупщины) голосовал против. Поскольку в югославской парламентской практике такое случилось впервые, это вызвало много шума. В это же время Кардель вопреки трудностям завершил работу над проектом конституции, которую подготавливал вместе со своими соратниками, возглавив специально созданную для этого комиссию. Когда Ранкович получил его в руки, ему показалось, что в нем гарантирована полная суверенность республик, что, по его мнению, было неприемлемо. Он поспешил к Тито, который согласился: «Так

¹ AS. Dedijer. Т. е. 283. Zapis o Kardelju.

не пойдет. Дай мне свой проект конституции». На следующий день позвонил ему по телефону: «Если дела так пойдут и дальше, подам в отставку!» — «Не нужно подавать в отставку. Мы созовем Пленум ЦК и разрешим эти проблемы»¹.

Так состоялось внеочередное и тайное заседание Исполнительного комитета СКЮ с 14 по 16 марта 1962 г., на котором, помимо членов упомянутого органа, присутствовала вся политическая элита, не знавшая, о чем будет идти речь². Ко всеобщему удивлению, на заседании представили материалы о различных примерах коррупции, которая поразила руководящих функционеров республик, и об очевидных симптомах национализма. Тито предостерег, что «отдельные индивидуумы децентрализацию всё чаще трактуют как дезинтеграцию», и потребовал последовательного уважения демократического централизма. «Человек спрашивает — наше государство действительно способно выстоять и не распасться? Ставится вопрос, это образование достаточно зрелое для существования или нет»³. К нему присоединился Миялко Тодорович, заместитель председателя Союзного исполнительного веча и главный создатель экономической политики, тем самым породив довольно острую полемику, в которой столкнулись те, кто хотел развития самоуправления, невзирая на радикальные изменения, которые нужны были для этого, и сторонники «этатизма». Преобладали последние, тогда как под ударом оказались главным образом словенцы — из-за «децентрализованного этатизма», точнее, «республиканизма» их обвиняли в том, что они якобы бредут в «мелкобуржуазную анархию»⁴. Ранкович требовал, чтобы самоуправление ограничило, в государстве ввели порядок, говорил, что необходимо укрепить роль партии, обострить идеологическую борьбу и воспротивиться либеральному влиянию, прежде всего по вопросам, касающимся инвестиций. Его противники, конечно же, защищались, при этом необходимо упомянуть вмешательство Карделя, когда он еще раз подчеркнул свою главную мысль — что югославский эксперимент важен не только для народов этой страны. Отступление от самоуправления означало бы поставить на кон «кардинальные проблемы развития социализма в мире» и подтвердило бы, что «нет выхода из сталинского тупика»⁵.

Ранкович и его сотрудники понимали всю важность обсуждения на мартовском заседании Исполнительного комитета и тайно записали его на пленку, чтобы использовать позднее, когда встал бы вопрос о наследстве Тито, — при ее помощи они могли бы доказать, как чужды ему либералы.

¹ *Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 291.*

² *Ranković A. Dnevničke zabeleške. S. 47.*

³ *Bilandžić D. Hrvatska. S. 417; Ridley J. Tito. A Biography. P. 370; AS. Dedijer. T. e. 215. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Četrto poglavje. Velike Titove životne brige. S. 268, 269.*

⁴ *Repe B. Utrinki iz bližnjega leta 1962 // Teorija in praksa. 26. Št. 11/12. 1989. S. 1505, 1506; AS. Dedijer. T. e. 68. Krtačni odtisi. S. 759.*

⁵ *Bilandžić D. Hrvatska. S. 423.*

Магнитофонную запись использовали бы, по крайней мере так утверждали позднее Стане Кавчич и Мико Трипало, бывшие лидеры югославской молодежи и многообещающие политики в Словении и в Хорватии, чтобы выявить тех, кто будет противиться приходу к верховной власти Ранковича¹. В этих условиях Исполнительный комитет ЦК СКЮ заключил, что все республиканские руководители должны определиться относительно дальнейшего положения и письменно оповестить об этом союзное руководство в форме резолюций, принятых на расширенных заседаниях исполнительных комитетов. Поскольку они рассчитывали на поддержку остальных республиканских руководителей (Владимир Бакарич и КП Хорватии осторожно молчали), было очевидно, что Тито и Ранкович этим маневром хотели отстранить от политической жизни Карделя или хотя бы уменьшить его влияние на развитие общества, а самоуправление загнать в тупик. При этом они не принимали во внимание, что Кардель имел в Словении опору, ведь его клан в самом деле доминировал на местной политической сцене и получил поддержку общественного мнения в борьбе с белградским централизмом².

Расширенное заседание ЦК СК Словении, созванное 29 и 30 марта 1962 г., вопреки уверенности, что сильно рискует, единодушно поддержало проект резолюции, которая осуждала унитаристские, экономические и политические течения в государстве. Словенские политики пошли еще дальше и не скрывали уверенности, что «Старый уже пять лет незнаком с событиями в нашей стране»³. Ответ Тито и Ранковича на этот вызов был весьма острым: 3 апреля они созвали новое заседание Исполнительного комитета СКЮ в Белграде, при этом радикализма соотечественников испугался сам Кардель, которых упрекнул их в том, что представленный ими текст еще больше пошатнул его положение. Словенские политические руководители, во главе которых стояли старый сотрудник УГБ Иван Мачек и молодой либерально настроенный Стане Кавчич, были другого мнения. Они ответили ему, что речь идет о принципиальных положениях, которые в этой резолюции защищал словенский СК, таким образом, либо всё, либо ничего⁴. Вопреки этому споры так и не были разрешены, так что заседание закончилось без определенной победы одной или другой стороны, хотя с небольшим преимуществом консерваторов. Кардель остался на нем без поддержки. Он был так потрясен, что на острую критику Тито, Гошняка и других товарищей попытался ответить, но ему не хватило слов. Он замолчал в слезах. Это ему, вероятно, дало возможность

¹ NARA. Pol 12 Yugo, Zagreb. 13.09.1966; *Tripalo M.* Intervju // *Vjesnik u Srijedu*. 1966. 07.09. О стенограмме этого заседания см.: *Čepič Z.* *Jugoslovsanske reforme*. S. 51. Op. 10.

² NARA. Pol 18 Yugo, Zagreb, 04.05.1965; AS. *Dedijer*. T. e. 298. *Novi prilozi*. Vol. IV. *Štirinajsto poglavje*. S. 23.

³ *Šimič P.* *Tito*. S. 333; *Slovenska kronika XX stoletja*. S. 261.

⁴ *Perovšek F.* *Moja resnica. Spominski utrinki iz delovanja po letu 1945 na Primorskem in v Ljubljani*. Ljubljana: Društvo piscev zgodovine NOB Slovenija, 1995. S. 283–288.

выйти из тупика, в котором он оказался, как, впрочем, и заключительное слово, в котором он подольстился к Тито: «Величие нашей партии в том, что ее возглавляет Тито. Он гений, который знает, как вызволить партию из трудного положения. Уверен, что он ее спасет и на этот раз»¹.

Исполнительный комитет СКЮ 3 апреля 1962 г. направил членам партии письмо, в котором потребовал «навести порядок в собственных рядах», указал на «нездоровый либерализм», а также на всё еще наблюдающиеся проявления «шовинизма, национализма, локализма и различных бюрократических и мелкобуржуазных идей». При этом его удар в значительной степени был направлен против словенцев, которые выглядели менее других заинтересованными в Югославии и заботились только об интересах своей республики². Наиболее красноречивым свидетельством острой борьбы, которая развернулась между югославским руководством, было решение на полгода отложить представление проекта новой конституции, над которым Кардель работал уже много месяцев. Союзная скупщина на год продлила свой мандат, в то же время проголосовала за реорганизацию некоторых важных экономических секторов и согласовала их деятельность. Сурово ограничили импорт, особыми поправками ужесточили уголовный кодекс и 19 апреля ввели разветвленную сеть комиссий по надзору, обязанных в стиле уравниловки следить за распределением чистого дохода, что, конечно же, означало отклонение от доктрины самоуправления. Лозунгом дня было: «Необходимо бороться против отклонений в обществе»³.

Сплитская речь

Чтобы объяснить народу, что происходит, и обрести его поддержку, Тито 6 мая 1962 г. на открытии новой гидроэлектростанции вблизи Сплита выступил с длинной речью. В ней перед 150 тыс. слушателей он упомянул о кризисе в руководстве СКЮ, подчеркнул, что коммунисты должны снова взять на себя руководящую роль в государстве, которую потеряли из-за «невнимательности»: «Думаю, самая большая ошибка в том, что коммунисты не были бдительны и позволили каким-то образом, чтобы их руководящая роль утекла у них сквозь пальцы». Не то чтобы он говорил о сущности проблемы, а именно — о том, как должно формироваться югославское общество, он критиковал неплановую промышленность, коррупцию и социальные различия, которые в последнее время разрослись из-за слишком либерального климата и республиканского экономического местничества. Он осудил тех,

¹ Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 292; AS. Dedijer. T. e. 188. Zapis Staneta Kavčiča. Mart 1962. Proširena sednica Izvršnog komiteta.

² NARA. Pol 15-1 Yugo, Zagreb. 18.03.1964; Becele Ranković L. Življenje z Leko. S. 197; AS. Dedijer. T. e. 215. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Četrto poglavje. Velike Titove životne brige. S. 271.

³ Slovenska kronika XX. stoletja. S. 261.

кто угрожал забастовками, чтобы решить тяжелые экономические проблемы, и решительно выступил против всех проявлений национализма и шовинизма, в которых, по его мнению, были виноваты интеллектуалы, в первую очередь «буржуазные писатели». Он обвинил их в том, что они плохо влияют на молодежь, и в то же время подчеркнул, что все ценности общей социалистической культуры, братства и единства неприкосновенны и он никому не позволит их разрушить.

Речь в Сплите, которую в либеральных кругах расценили как возврат к сталинизму, потому что она якобы возвещала обновление «уровнировки», вызвала большой отклик. После нее Тито получил много писем, в которых граждане выражали ему поддержку и требовали, чтобы как можно быстрее были ликвидированы негативные проявления в общественной жизни. В верхах партии многие констатировали: «Тито говорил резко, но это не так важно, поскольку он не думает так на самом деле, всё решится...»¹ Иначе считал Кардель, который расценил речь в Сплите как нападение на себя и на Словению и в закулисе начал активную кампанию, с помощью которой пытался воспротивиться централистскому направлению, которое возникло на горизонте. «Это меня разозлило, — сказал Тито, — и наши отношения охладели»². Личностная отчужденность возникла не только между ними. Если уже в прошлом внутри «товарищества» было много межличностных столкновений, то нужно отметить, что с начала 1960-х гг. с ним было покончено. «Все об этом знали и все молчали, — говорил Ранкович. — Откуда это приходит? Видите, наши межличностные связи настолько ослабели, что мы ограничивались только встречами на заседаниях, на рабочих местах, иногда на охоте, или теми случаями, когда кто-то с кем-то должен был идти. Такие должностные отношения между отдельными людьми привели к обострениям, резкой нетерпимости и ссорам»³.

Речь Тито вызвала бурные обсуждения по всей Югославии, которые переклики, как говорил Ранкович, в решительное отвержение какого-либо партикуляризма, локализма и национализма. Были созданы комиссии, которые должны были проверить происхождение имущества, а также принят ряд законов против злоупотреблений и экономических преступлений, которые парализовали многие предприятия, ведь никто не рисковал взять на себя ответственность за какое-либо решение, одобрить какую-нибудь инвестицию или путешествие за границу, чтобы не подвергнуть себя опасности. Под ударом оказался частный сектор, поскольку власти заставили множество мелких производителей закрыть свои мастерские, и, судя по многочисленным заявлениям, складывалось впечатление, что они собираются дать новый толчок социализации крестьянства⁴.

¹ AS. Dedijer. T. e. 3; T. e. 68. Krtačni odtisi. S. 705.

² *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 39, 48, 154, 170, 178, 297.

³ *Ranković A.* Dnevničke zabeleške. S. 124, 125; *Antonić Z.* Rodoljub Čolaković. S. 90.

⁴ TNA. FO 371/163932/C Y1102/13; *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 49.

Волна «правоверности», которая угрожала захлестнуть всю страну, обеспокоила и самого Тито, так что спустя неделю после сплитской речи он смягчил свои слова, сказав, что речь не идет о начале «охоты на ведьм». Его предостережение не нашло отклика у консерваторов, которые взяли в свои руки ключевые рычаги в союзном государстве и не скрывали, каким образом хотят укреплять «братство и единство». Как с одобрением отмечала госпожа посол ГДР в Белграде (завзятая коммунистка), критика Тито вызвала обновление центрального планирования. «Югославские товарищи открыто признают, что с 1950 г. сделали большие ошибки»¹.

Оказалось, что в опасности целая общественная концепция «интегрального самоуправления», защитником которой был Кардель: когда он вместе с Бакаричем создавал новую конституцию, «централизация децентрализации» грозила тем, что может остановить весь проект, который был в разработке с сентября 1960 г. Первый проект конституции, который базировался на выраженном самоуправлении рабочих и общинников и предусматривал даже возможность конструктивной оппозиции внутри партийного круга, должен был быть представлен уже в конце 1961 г. Но из-за левой направленности в последующие месяцы его основательно переделали, так что от исходного текста, как весной 1962 г. Тито доверительно сообщил американскому представителю в ООН Э. Стивенсону, осталось каких-нибудь 10%. Проект был передан на общественное обсуждение 20–21 сентября 1962 г., как раз в то время, когда Тито пытался убедить руководящих словенских политиков помочь ему свергнуть Карделя. Но безуспешно. Стане Кавчич решительно сказал, что не существует никакого конфликта Тито – Кардель, напротив, возможны только разногласия между Тито и Словенией².

Сближение с Москвой

Одновременно с этим драматичным событием во внешней политике началось новое сближение между Белградом и Москвой, которое побуждало Тито, Ранковича и Гошняка вычеркнуть из программы СКЮ обвинения СССР в гегемонизме. Только из-за решительного сопротивления либеральных членов Исполнительного комитета, среди которых был Лазарь Колишевский, этот план не был осуществлен³. Вершиной процесса сближения между партиями и государствами был, естественно, визит Тито в Советский Союз 3–20 декабря 1962 г. Состав югославской делегации красноречиво показал расстановку сил того времени: в нее вошел Ранкович, но не было ни Карделя, ни секретаря иностранных дел Кочи Поповича. Последний долгое время утверждал,

¹ BA. DY 30/J IV 2/2 A-1.277. Bd. 2; *Selinić S.* Pogledi Josipa Broza na neke probleme jugoslovanskog društva šestdesetih godina 20. veka // Tито-videnja. S. 341, 342.

² Primorski dnevnik. 19.05.1996. S. 18; *Kavčič N.* Pot v osamosvojitvev. S. 269; *Simčič M.* Ženske. S. 268; *Cenčič V.* Titova poslednja ispovijest. S. 154, 170, 297.

³ AS. Dedijer. T. e. 197. Pogovor s L. Koliševskim 07.11.1985.

что политика, которая вопреки всем расхождениям видит в Советском Союзе «главную опору социализма», ведет в никуда и что «догма о международном рабочем движении» губительна. «Жизнь нас научила, что это была фикция, что в реальности послевоенных европейских и мировых отношений на Востоке существовало только доминирование, которое навязывал московский сталинский центр»¹. Но Тито так не считал. О кризисе, в котором оказалось югославское общество, маршал долго беседовал с Н. Хрущевым и в его присутствии соглашался с теми, кто утверждал, что Карделя необходимо отстранить от политической жизни. Согласие, которое установилось между Советами и их югославскими гостями, подтверждает и то, что Тито после возвращения остро критиковал декадентское западное влияние в югославской литературе и искусстве². А еще больше — речь Ранковича 22 декабря 1962 г. в Киеве, на комбинате искусственных волокон, где он открыто говорил «о рабочем классе всего мира под руководством Советского Союза». После Инфобюро впервые югославский руководитель высказал эту мысль, чем удивил как югославов, так и советских граждан. В либеральных кругах в Югославии, как и на Западе, естественно, она вызвала сильную озабоченность. Поскольку слова Ранковича позднее опубликовала также белградская *Политика*, стало ясно, что речь не шла о случайной оговорке³.

Едва прошло три дня после отъезда югославской делегации в Москву, как 6 декабря 1962 г. Кардель уехал в Индонезию, где выступил с тезисами, которые были противоположными тому, что говорили Тито и Ранкович в Советском Союзе. Под влиянием «полезной и важной дискуссии», которую он имел месяц назад со шведским премьером Таге Эрландером, он говорил в духе VII Съезда СКЮ и конференции неприсоединившихся стран и подчеркнул роль Югославии в борьбе против колониализма. В то же время он напал на «гегемонизм» и обозначил его как современный вид классического империализма. Невозможно было не увидеть антисоветскую направленность речи. Советский Союз выступил с протестом, и это побудило Тито дать указание Ранковичу послать Карделю телеграмму, в которой подвергалась критике его позиция и содержалась угроза, что ему придется предстать перед контрольной комиссией партии⁴. На заседании ЦК СКЮ несколько дней спустя, 27 декабря 1962 г., произошло столкновение между Карделем и Ранковичем, которое, конечно же, не ограничилось внешней политикой, а затронуло вопросы дальнейшего развития югославского общества. В качестве протеста Кардель ушел из политической жизни, сохранив за собой

¹ AS. Dedijer. T. e. 7. K. Popović, Intervju // Danas. 1989. 07.02. S. 26; T. e. 215. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Štirideseto poglavje. Velike Titove životne brige. S. 277.

² TNA. FO 371/177760/NU 1011/1.

³ JFK Library, National Security Files. Box 210 A; AS. Dedijer. T. e. 5.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 261. Dedijer — Dolancu. 01.12.1985; T. e. 284. Tito i srpski i hrvatski nacionalizam; T. e. 298; *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. IV. Četrto poglavje. S. 80; Štirinajsto poglavje. S. 24, 40.

только две функции более или менее формального значения: остался членом Совета федерации и Президиума СКЮ¹.

Весной 1963 г. Кардель вопреки всем трудностям закончил написание конституции, насколько это было возможно в сложившихся условиях. При этом ему некоторым образом на пользу пошла статья, которую 10 февраля опубликовала *Правда* и в которой было с воодушевлением написано о югославской «правоверности», так что многие задумались об установившейся тенденции². Орган КПСС защищал югославский социализм от китайских нападков тем, что подчеркивал его связь с советским, хотя в то же время не скрывал, что в СКЮ некоторые руководители отделились от «классовых истоков марксизма-ленинизма» и противятся политике Тито. *Правда* обвинила этих руководителей, фамилии которых не были названы, в том, что они приравнивают НАТО к Варшавскому договору и «считают общность социалистических государств военным блоком». Несмотря на эти выпады, которые очевидно были направлены против Карделя, *Правда* также написала, что «шаги, которые в последнее время сделало руководство СКЮ в рамках партийной жизни, экономики, внутренней и внешней политики, многое исправили, исправили всё то, что международное коммунистическое движение считало ошибочным и вредным для строительства социализма в Югославии. Это, несомненно, положительное явление»³. Речь шла об оценке, которая звучала больше как официальная декларация, чем как обычная журналистская статья, кроме того, текст завершал лозунг «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!», который советские лидеры обычно употребляли в важных документах. Югославские корреспонденты в Москве этого, конечно, не могли не заметить, при этом в своих сообщениях они подчеркнули только те части, которые были подходящими для югославских ушей. Из этих сообщений можно было понять, что возобновленная советско-югославская дружба по всем параметрам находится в соответствии с политикой неприсоединения и самоуправления. Но правда была совсем иной, ведь весь текст подтверждал тезисы о единстве «социалистического лагеря», которые отстаивал Н. Хрущев⁴.

Политолог в эмиграции Слободан Станкович, эксперт по Югославии на радио «Свободная Европа» в Мюнхене, сделал подробный анализ упомянутых событий, при этом задавался вопросом, можно ли принимать заявления *Правды* как доказательство, что Тито оставил «свой особый путь

¹ AS. Dedijer. T. e. 96. Kronologija za IV tom; T. e. 143. Dr. Vladimir Dedijer — Umag. Kardelj. S. 3, 4; T. e. 215. Tipkopolis za IV. zvezek Titove biografije. Štirideseto poglavje. Velike Titove životne brige. S. 276, 277; *Clissold S. Jugoslavia*. S. 290, 291.

² TNA. FO 371/177760/NU 1011/1.

³ Open Society Archives. *Stanković S. Tito Will Have to Make His Position Clear*, 11.02.1963. URL: <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/text/75-2-196>; *Swain G. R. Tito. A Biography*. P. 139.

⁴ Open Society Archives, Background Reports. *Stanković S. Favourable Yugoslav Reaction to Pravda Article*. 14.02.1963. URL: <http://www.osaarchivum.org/backroundreports?col=8&id=31909>.

к социализму», политику неприсоединения и дружбу с Западом. Успокаивал он себя констатацией, что надежда не потеряна, пока в Югославии еще существуют «некоторые руководители», которые сопротивляются тесной дружбе с Москвой»¹. И он был прав. Как записал в своем дневнике Коча Попович, в югославских правительственных кругах уже в начале 1963 г. появилось подозрение, что Ранкович ведет «параллельную политику»; это побудило Исполнительный комитет ЦК СКЮ свое первое январское заседание посвятить именно этому вопросу. Ссылаясь на речь, с которой он выступил в Киеве, Стане Кавич тогда распускал слухи, что «товарищ Марко² сторонник советского типа социализма», и полемически утверждал, «что Югославия не сможет выстоять без социализма скандинавского типа»³. Еще более важным было то, что ведущие сербские политики начали спрашивать, приемлемо ли, чтобы Ранкович наследовал Тито. «В Сербии, — говорил Петр Стамболич, — мы к нему относились как к тяжкому бремени. Вспоминаю разговор с Милентице Поповичем в 1963 г. Мы оба считали, что будет большой катастрофой, если Ранкович наследует Тито. Нужно помнить, что всё, что происходило в то время, было связано с русским вопросом, поскольку мы очень боялись, что они нас снова перетянут в свой блок <...> В этом разрезе нужно было рассматривать и пример Ранковича»⁴.

Эти опасения остались, конечно, внутри круга посвященных. В любом случае усилились те, кто утверждал, что оживают этатистские тенденции, которым нужно сопротивляться путем укрепления системы самоуправления. Но Ранкович не придавал этому значения. Он остался на своих позициях⁵. Тито это не нравилось. В своих выступлениях он начал сближаться с реформистскими силами, и это сыграло решающую роль. Результатом перехода Тито из одного лагеря в другой стал новый проект конституции, который выглядел как временный компромисс, поскольку, с одной стороны, подчеркивал роль партии внутри югославского общества, с другой — защищал базовые основы люблянской программы, опирающейся на самоуправление⁶.

Текст конституции, который сильно переделали в марте 1963 г., учитывая поправки местных властей и властей республик, был устно одобрен 7 апреля 1963 г. Для того чтобы подчеркнуть высокую степень развития, которого достигла Югославия, Федеративную Народную Республику Югославию переименовали в Социалистическую Федеративную Республику Югославию, тем самым признав название, которым до этого гордились только Советский Союз и Чехословакия.

¹ Open Society Archives. *Stanković S. Tito Will Have to Make His Position Clear*, 11.02.1963. URL: <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/text/75-2-196>.

² Псевдоним Ранковича.

³ *Ranković A. Dnevničke zabeleške*. S. 91.

⁴ *Jovič D. Yugoslavia*. S. 109.

⁵ AS. *Dedijer*. Т. е. 5.

⁶ *Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968)*. S. 217; *Čavoški K. Tito*. S. 22.

Пиррова победа Ранковича

Ранкович, который с 1940 г. в качестве организационного секретаря СКЮ «полностью держал партию в своих руках», сперва не понял опасности маневра Карделя, хотя вместе с Тито одобрил конституционный проект, уверенный в том, что никто не сможет ограничить власть партийного руководства¹. Он считал, что кроме высокопарных программных слов и конституционных норм важна действенная сила, прежде всего та, которую имел он сам: контроль над УГБ и над всеми назначенными на сколько-нибудь важные должности (при этом не стоит забывать, что последнее слово оставалось за Тито). При назначениях учитывались не столько способности претендента, сколько позитивная оценка спецслужб. Несмотря на огромную власть, которой располагал Ранкович, он попытался дополнительно укрепить свое положение, потребовав для себя в обмен на одобрение новой Конституции должность заместителя главы государства. В последний момент по просьбе Тито это тоже сделали. Тем самым он отблагодарил Ранковича за поддержку, в которой нуждался в борьбе с Карделем, а также рассчитался с услужливым Гошняком, которого назначил заместителем главнокомандующего вооруженных сил (хотя тот не блистал интеллектом)².

Кардель был в бешенстве — ему не нужно было читать *Washington Post*, который трактовал назначение Ранковича как доказательство того, что он был избран наследником маршала, чтобы понять, куда дует ветер. «Ранкович сейчас второй после Тито, как в партии, так и в правительстве, — записали сотрудники ЦРУ, — его бывший соперник Кардель после долгого периода политического угасания покатился вниз; многочисленные правительственные функции, которые он исполнял в прошлом, сейчас будет исполнять Ранкович»³. При этом они не принимали во внимание тот факт, что маршал не собирается выпускать штурвал из своих рук, а также терпеть себе подобных. Никто также не подумал о Йованке, которая не переносила никого слишком сильного в окружении президента⁴.

Первые действия по отстранению Ранковича были осторожными. Небольшой отклик имело решение Тито в 1963 г. сменить генерал-полковника Ефто Шашича, начальника службы контрразведки Югославской народной армии и большого друга Ранковича. По совету Стево Краячича, серого кардинала на загребской политической сцене, на место Шашича был назначен хорват Иван Мишкович, который до этого возглавлял военную полицию.

¹ NARA. Pol 15 Yugo. Belgrade. 22.01.1964.

² *Matunović A.* Titova sovladarica. S. 161; *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 187; AS. Dedijer. T. e. 274. Titovo nasledstvo i ideja kolektivnog rukovodstva. 30.11.1985; T. e. 261. Gošnjak, 16.09.1985.

³ Memo for the Director. Yugoslavia and the Soviet Bloc. 18.07.1963 // Yugoslavia. From «National Communism». S. 292.

⁴ *Matunović A.* Titova sovladarica. S. 161; *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 52, 154.

Так укрепил позиции человек, у которого, можно сказать, были руки в крови. В конце войны в качестве начальника контрразведки в III армии он был ответственен за расправы над усташско-домобранской армией без суда и следствия¹. В 1965 г. произошли изменения в руководстве союзного секретариата внутренних дел — занимавший эту должность Войин Лукич, который был человеком Ранковича, по прошествии едва ли двух лет уступил свое место Милану Мишковичу, якобы «об этом просили товарищи из Сербии». На самом деле он стал организационным секретарем ЦК СК Сербии, что явно означало отстранение от власти. Эти кадровые изменения создали необычную ситуацию: во главе гражданских и военных разведывательных служб оказались два хорвата — братья Мишковичи².

¹ *Matunović A. Titova sovladarica. S. 163; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 106, 596; Kranjc M.F. Zarote in atentati na Tita. S. 255, 256, 316.*

² *Matunović A. Titova sovladarica. S. 163; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 106, 596; Kranjc M.F. Zarote in atentati na Tita. S. 255, 256, 316.*

Йосип Броз (1892–1980) среди рабочих в Камнике

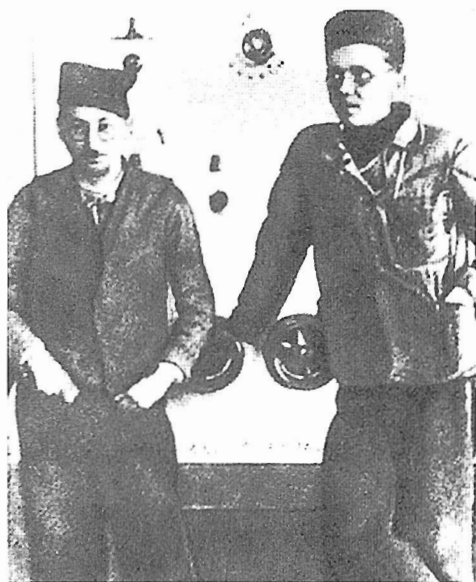
Йосип Броз — член физкультурного общества «Сокол»

*Йосип Броз на фронте
во время Первой мировой войны*

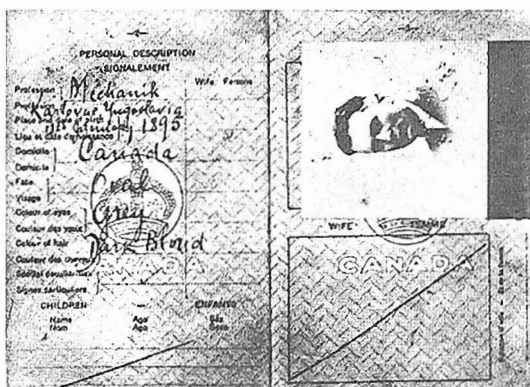
Йосип Броз. Фотография из полицейской картотеки Загреба, май 1928 г.

Йосип Броз и Моше Пияде в тюрьме в Лепоглаве

Йосип Броз. Фотография в анкете делегата VII Конгресса Коминтерна

Поддельный канадский паспорт конца 1930-х гг.

Награда
од **100.000**
рајксмарака у злату!

100.000 Рајксмарака у злату
добиће онај који доведе жива или
мртва комунистичког вођу Тита.

Овај злочинац био је земља у
највећој мери. Као болшевички агент,
он је руководио црњама, попов и другим
разбојницима који су давали организацију у земљи
социјалној демократији, а и томе је убрза-
но да је он позван да „ослободи“ народ.
За остварење тога циља он се спрема
у шпанском грађанском рату и у Сов.
Јетској Тунји, где је упознао све теро-
ристичке методе ППУ-а, методи, скрива-
њима културе и новотимским унапређењем
људског живота.

Ова његова „ослободилачка
иницијатива“, која је имала да утре пут
болшевизму, тога најгрознијег по-
литичког режиму на свету, одузела
је аплауз, добро па и жалост хиљада
добра људи. Она је само перчетина

мир сељака и грађанина и била
заслуга у неистинској беси и изолаци.
Порушени први и спаљени сваи гра-
дови су војска је он прошао.

**Стога је овај опасни
бандит у земљи уцењен
са 100.000 Рајксмарака у
злату.**

Овај који доводи да је овог
злочина учествовао безопасни или га
пред најближој немачкој власти не
само што ће добити награду од
100.000 Рајксмарака у злату, него ће
типа извршити и једно национално
део јер ће ослободити народ и
отарбину од беча болшевичког вр-
лавог терора.

Принцип Зависности
и-мачки прста у Србији

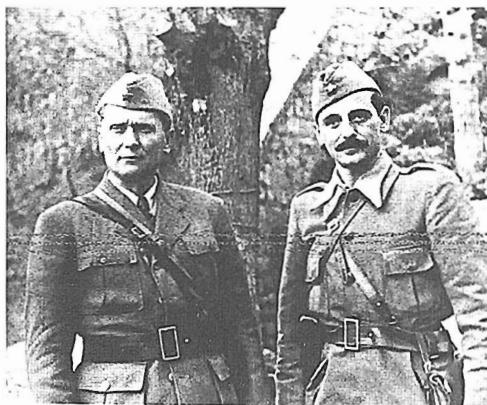
*Немецкое объявление о розыске Тито,
1943 г.*

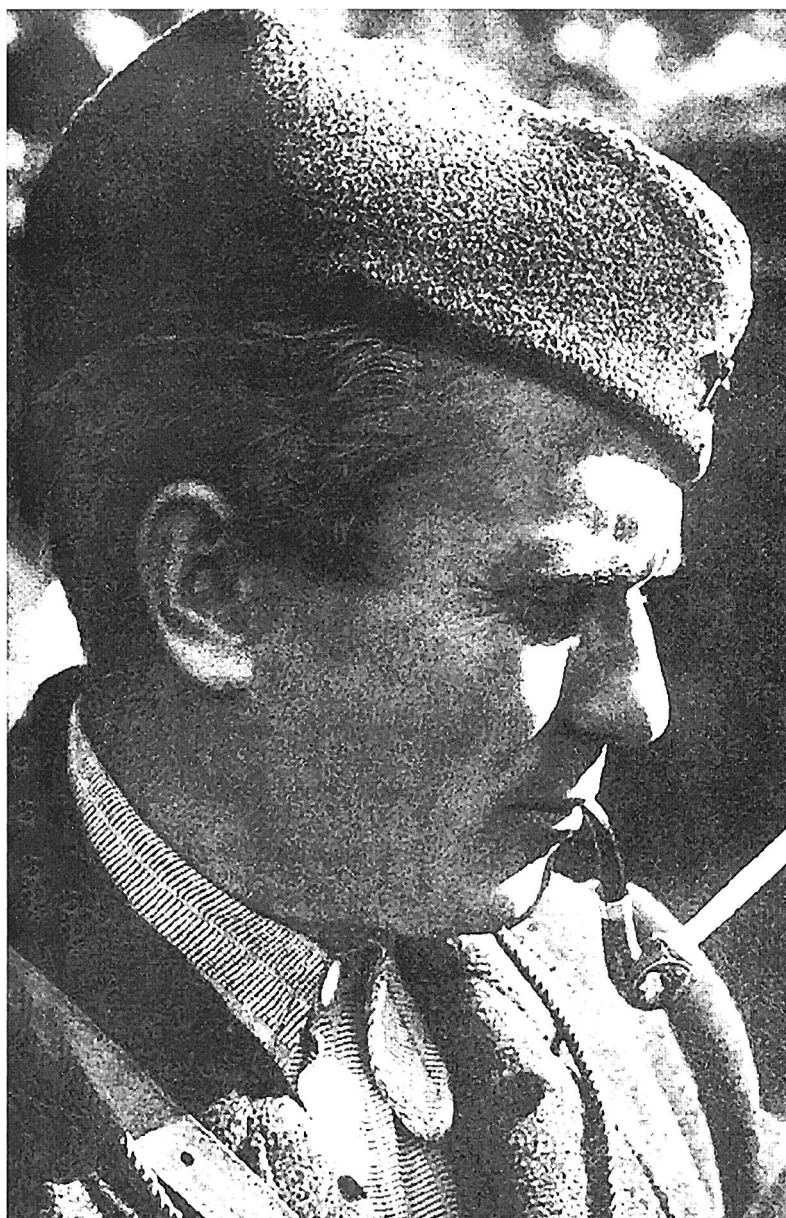
*Јосип Копинич (1911–1997)
с женом Стеллом*

*Александар Ранковић, Тито
и Милован Ђилас*

Тито и Коча Поповић (1908–1992)

Тито — главнокомандующий партизанской армией

*Тито сразу после окончания войны.
Художник Миодраг Дадо Джурич*

Тито в маршальской форме

Тито и Душан Сернеи, 1945 г.

Андрија Хебранг (1899–1948)

Тито и Владимир Дедиер (1914–1990)

*Тито и Мирослав Крлежа (1893–1981)
за партией в шахматы*

Алеш Беблер (1907–1981)

Эдвард Кардель (1910–1979)

Милован Джилас (1911–1995)

Тито и Никола Любичич (1916–2005)

Александр Ранкович (1909–1983)

*Савка
Дабчевић-
Кучар (1923–
2009)*

*Мико Трипало
(1926–1995)*

*Латинка
Перовић (1933)*

*Марко Никчевић
(1921–1991)*

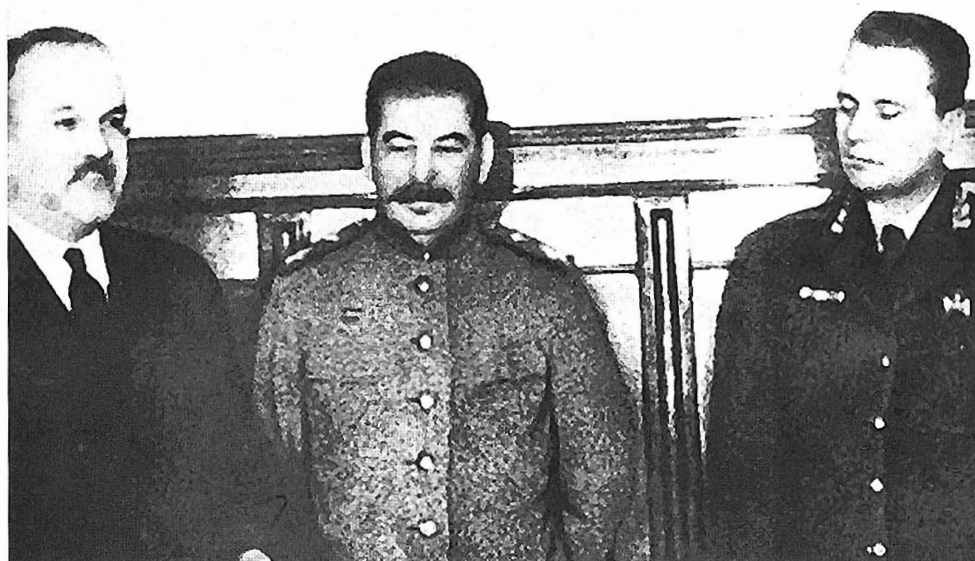
*Стане Кавчић
(1919–1987)*

*Стане Доланец
(1925–1999)*

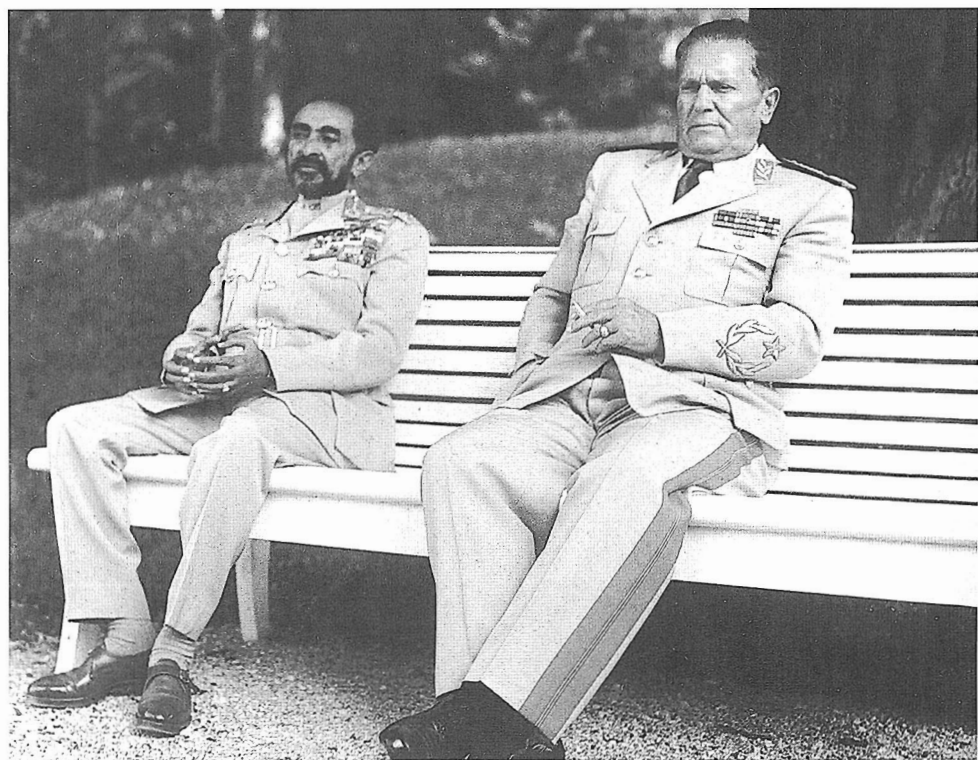
Иван Шубашич, Уинстон Черчилль и Тито в Неаполе в августе 1944 г.

Вячеслав Михайлович Молотов, Иосиф Виссарионович Сталин и Тито в Москве, 1945 г.

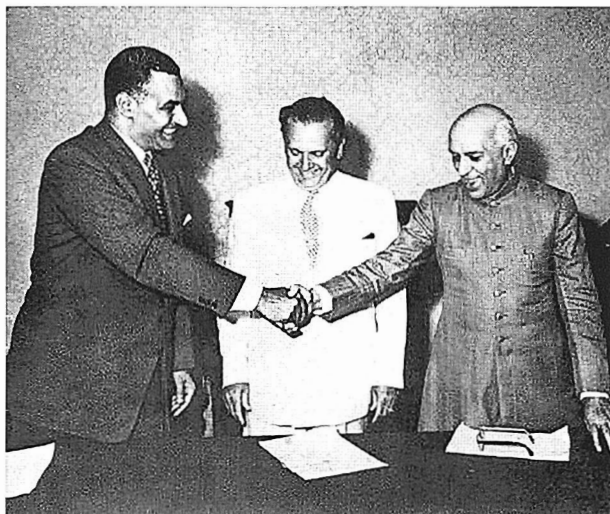
Георгий Димитров и Тито, 1947 г.

Хайле Селассие I и Тито, 1954 г.

Никита Сергеевич Хрущев и Тито, 1955 г.

*Гамаль Абдель Насер, Тито
и Джавахарлал Неру, 1956 г.*

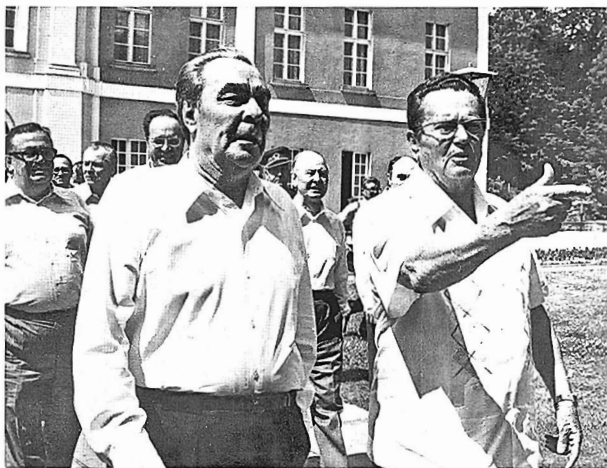
*Эрнесто Че Гевара и Тито,
1959 г.*

*Тито с супругой Йованкой
на приеме у римского папы
Павла VI, 1971 г.*

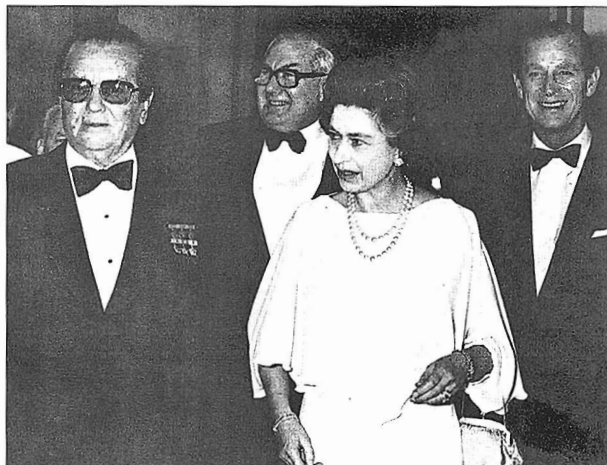
*Джон Ф. Кеннеди и Тито,
1963 г.*

Леонид Ильич Брежнев и Тито, 1968 г.

Тито и Ясир Арафат

Тито и королева Елизавета II, 1972 г.

Тито и Генри Киссинджер, 1974 г.

Вилли Брандт и Тито

Тито с Елизабет Тейлор и Ричардом Бъртоном, 1971 г.

*Тито с Пелагеей Белоусовой (1904–1968)
и сыном Жарко, 1924 г.*

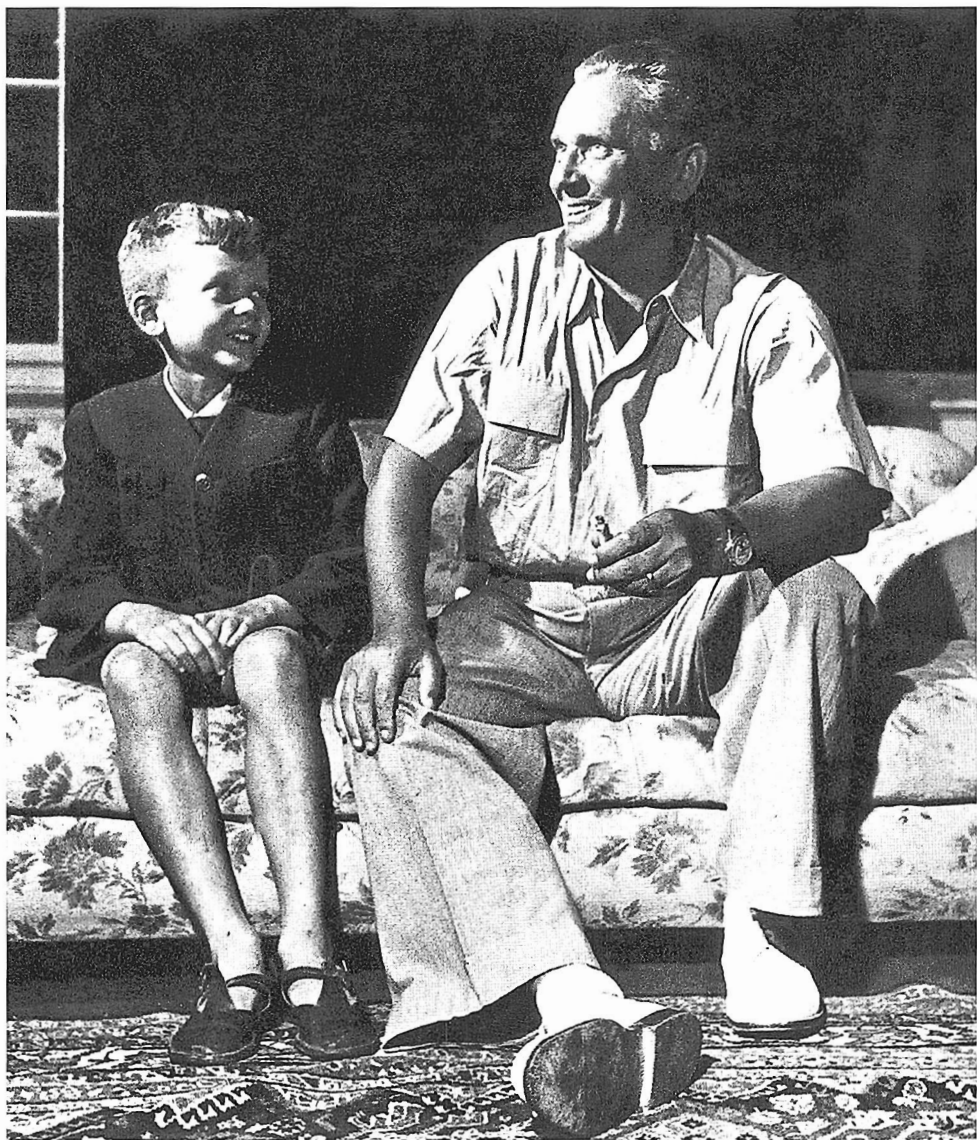
*Даворянка Паунович – Зденка
(1921–1946) с красноармейками*

Герта Хаас (1914–2010)

Тито и Йованка, 1950-е гг.

Тито с сыном Мишей, 1941 г.

АЛЕКСАНДР РАНКОВИЧ

Социальные и национальные трения в начале 1960-х гг.

Несмотря на сильное землетрясение в Скопье, которое повлекло за собой большие финансовые расходы, в 1963 г. экономическое положение Югославии значительно улучшилось. В первые пять месяцев этого года промышленное производство увеличилось, например, на 14% по сравнению с этим же периодом в 1962 г. Экспорт стабильно рос, и ожидался хороший урожай¹. Однако в 1964 г. экономика снова оказалась в тупике, так что Югославия была вынуждена временно приостановить импорт и попросить Международный валютный фонд о новом кредите, чтобы избежать краха. Рабочие начали выражать недовольство, дошло до забастовок, популярной стала так называемая «временная приостановка работы», получившая особенно широкое распространение в Словении. В политических верхах укрепилась уверенность, что от народа уже нельзя требовать больших жертв. Тито 7 марта 1964 г. в своей речи в Нише сказал, что жизненный стандарт и развитие должны идти рука об руку и необходимо при создании новых экономических планов учитывать также потребности отдельного человека. На VI Пленуме ЦК СКЮ 17 марта 1964 г., вопреки протесту Петра Стамболича, председателя союзного Исполнительного комитета, он заявил, что экономику нужно вывести из-под государственного контроля, осудить бюрократизм, и снова произнес формулу: партия должна руководить «внутри, а не снаружи и сверху». В середине апреля 1964 г. скупщина при поддержке профсоюзов, которые всё ещё возглавлял Светозар Вукманович — Темпо, проголосовала за резолюцию о дальнейшем экономическом развитии, в ней было отмечено, что административные меры не дали достаточных результатов, необходимо перейти к радикальной реформе и предоставить предприятиям больше свободы в распределении дохода.

В этой атмосфере, которую помимо всего прочего отравляла националистическая полемика между Белградом и Загребом, проходила подготовка к VIII Съезду СКЮ. Предыдущий съезд состоялся в апреле 1958 г. По уставу, следующий должен был быть созван через пять лет, но из-за трудностей, которые накопились за это время, было решено отложить его на полтора года. Теперь было ясно, что на VIII Съезде система самоуправления будет

¹ Memo for the Director. Yugoslavia and the Soviet Bloc — 18.07.1963 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 292.

расширена или только демагогически подтверждена. В этом случае она начала бы погибать, как говорил Найдан Пашич, директор Югославского института общественных наук. По его мнению, съезд был «парадоксален», ведь его цель была создать активную партию и в то же время уменьшить ее влияние на экономику и управление. Следовательно, необходимо было дать содержание тому, что было до сих пор лишь желанием истово верующих в марксизм, а именно, чтобы партия взяла на себя роль руководительницы, а не надзирательницы¹. В связи с этим начались оживленные дебаты, в которых, с одной стороны, участвовали, прежде всего, Кардель и Вукманович — Темпо, сторонники либерализации общества и экономики, а с другой — Петр Стамболич, председатель союзного Исполнительного комитета, и другие многочисленные высокопоставленные функционеры, главным образом из неразвитых республик. Как показал VI Пленум ЦК СКЮ в марте 1964 г., соотношение сил было еще далеко от того, чтобы обеспечить победу одного или другого течения².

Когда после длительного внутреннего обсуждения, которое продолжалось несколько месяцев, между 7 и 13 декабря 1964 г. в Белграде наконец созвали VIII Съезд, на нем достаточно открыто обсудили современные экономические и межнациональные проблемы югославского общества³. Тито, который, начиная с бурного партийного пленума в марте 1962 г., допускал раскол между либералами и консерваторами и при этом использовал одних и других для соблюдения необходимого равновесия ради сохранения своего режима, на съезде неожиданно перешел на сторону Карделя и его сторонников. По словам Ранковича, он начиная с 1963 г. и далее попал под словенское и прежде всего хорватское влияние: «Шкуру вывернули наизнанку. Он больше не притворялся: национальную и государственную политику он мыслил в виде конфедерации»⁴. В 1963 и 1964 гг. Ранкович с печалью констатировал, что «Тито постоянно “тянули” в Словению. Строили ему охотничьи домики, водили на охоту, готовили для него развлечения... Словенцы свою политику согласовывали с хорватами. Стево Крайчич, Крлежа и Бакарнич его окружили. Тогда Тито потерял всех друзей в Белграде <...> В 1964 г. Тито девять месяцев прожил вне Белграда: на Бриони, в Брдо при Кране, в Хорватии и Словении»⁵. На VIII Съезде СКЮ, который был подготовлен Карделем и его людьми, Тито неожиданно поднял все ключевые вопросы, о которых до сих пор на таких важных встречах не говорили⁶. Хотя, как обычно, он импровизировал, пусть и без

¹ NARA. Pol 15 Yugo. Belgrade. 05.02.1964.

² AS. Dedijer. T. e. 233, Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije, Petnajsto poglavje. Tito umiruje Hrvatsku. S. 22.

³ NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 24. Pripreme za VIII. Kongres SKJ 1964 g.

⁴ Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 287.

⁵ Ibid. S. 292, 294.

⁶ Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 288; Čepič Z. Jugoslovanske reforme v šestdesetih // Slovenija — Jugoslavija. S. 56.

настоящего воодушевления, но всё было предельно понятно: он утверждал, что «шовинистские элементы, которые являются последствием довоенной Югославии, всё еще тлеют под золой» и присутствуют повсюду, «в культуре, экономике, науке и исторической науке», одновременно он осудил этатистско-бюрократические стремления и унитаристское игнорирование общественно-экономических функций республик и краев (Воеводина и Косово). Тито отверг «административно-централистские методы» и осудил тех, кто защищал «искусственный» югославский народ¹. И то, что во время выборов на съезде он впервые обозначил себя как хорвата, само по себе говорило о многом².

Ранкович, который получил тезисы о «вампирической» национальной политике еще перед съездом, возразил Тито, отметив, что всё это ведет к распаду Югославии. Между ними вспыхнул такой спор, что они потом два месяца не разговаривали даже по телефону. Затем Ранкович попытался убедить Карделя, что помимо государственного централизма необходимо также осудить и республиканский этатизм, который ослабляет югославянство. Но безуспешно³. Полемика, которая последовала после выступления Тито, сформировала мнение, что внутри СФРЮ существуют различные национальные субъекты, которые находятся на различных ступенях развития. Одну из ключевых фраз в этом отношении сказал Кардель, который в своем реферате отметил, что «каждый народ имеет право и реальную возможность жить и развиваться в соответствии с плодами своей деятельности»⁴. Эту мысль включили в общую резолюцию, которая осуждала тезис об одном-единственном югославском народе как отражение бюрократического централизма и унитаризма. По предложению Стане Кавичича и вопреки протесту Добрицы Чосича в нее записали: «...нация должна распоряжаться излишками своего труда. И в это ее право не смеют вмешиваться ни центральные, ни государственные верхи. Союзное правительство только координатор республиканских политик развития и экономики»⁵. Поскольку начали подчеркивать значение автономии и для внутренней жизни СКЮ, было решено, что с этого времени съезды республиканских СК будут проходить перед союзным съездом, а не после него. Это означало, что местные партийные руководители больше не будут послушными исполнителями уже запланированного политического направления, более того, будут посредством своих делегатов влиять на его формирование. Единственный несогласный голос, который можно было услышать на Съезде, был голос Ранковича, говорившего о «демократическом централизме»

¹ NARA. Pol 12-3. Belgrade. 08.12.1964; *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 472.

² *Halder M.* Der Titokult. S. 290, 291.

³ *Ćosić D.* Pišćevi zapisi (1951–1968). S. 288.

⁴ *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988: tematska zbirka dokumenata. Beograd: Rad, 1988. S. 928–933; BA. IV A 2/20/237. S. 232 и далее; NARA. Pol 12-3 Yugo, Belgrade. 09.12.1964; *Ćosić D.* Pišćevi zapisi (1951–1968). S. 229–232.

⁵ *Ćosić D.* Pišćevi zapisi (1951–1968). S. 290.

в партии, государстве и экономике. Он указал также на то, что в СКЮ образуются группы, которые ставят под вопрос ее руководящую роль внутри общества. Вопреки тому, что Ранкович не придерживался одних мыслей с Тито и товарищами, он, конечно, тоже сорвал бурные аплодисменты. Его доклад был принят «единогласно»¹. Однако было ясно, что реформы, которые прогнозировал VIII Съезд, невозможно будет осуществить без его отстранения; в тот момент его судьба была решена².

Одним из важнейших событий на VIII Съезде стало избрание нового Центрального комитета из 155 человек. Тито согласился стать его генеральным секретарем. ЦК в тот же день избрал расширенный Исполнительный комитет, который теперь насчитывал 19 членов вместо 13. К уже существовавшим первым секретарям СКЮ Александру Ранковичу и Эдварду Карделю добавили Велько Влаховича, который был более популярен в партии, чем они оба³. С назначением этого триумвирата канули в Лету разговоры, которые велись в последние недели в Белграде, — что Тито якобы собирается уйти с поста, оставить Влаховичу место генерального секретаря СКЮ и удовлетвориться местом почетного главы партии. О том, каковы его планы, он рассказал на пресс-конференции 12 декабря, когда заявил, что чувствует себя достаточно крепким (а так он и выглядел), чтобы и дальше руководить СКЮ⁴.

Еще одна экономическая реформа

Когда начали воплощать экономическую реформу, она вонзилась, по словам Тито, в общественную плоть, «как скальпель», при этом никто не питал иллюзий, что это не будет больно⁵. И в самом деле, речь шла не о нескольких поправках в системе, как было в прошлом, а о долгосрочной и расширенной программе, которая развивалась бы несколько лет. В действительности югославское руководство расправлялось с прежними ошибками, поскольку хотело обновить всю экономическую структуру, что в то же время предполагало глубокую политическую и идеологическую реформу. При этом необходимо сказать, что пачали они строить не на ровном месте, поскольку после войны государство вопреки всему двигалось вперед и модернизировалось. Прогресс наблюдался в здравоохранении и образовании, сильно повысился уровень жизни, так как по среднему темпу экономического роста Югославия была третья в мире (7,2% в год). Раньше Югославия в 4 раза отставала

¹ BA. DY 30/IV A 2/20/1158; BA. IV A 2/20/237 (Einschaetzungen des VIII. Parteitag des BdKJ); Ranković A. Dnevničke zabeleške. S. 75.

² Čosić D. Pišcevi zapisi (1969–1980). S. 247.

³ TNA. 371/182839/NU 1015/1; NU15/13.

⁴ PA. Pol 12 Yugo. Belgrade. 08.01.1965; BA. DY 30/ J IV 2/2 A-1.277. Bd. 2; Löwen-thal R. Yugoslavia's Search for Allies; TNA. FO 371/182839/NU 1015/2.

⁵ BA. IV A 2/20/240. Die jugoslawische Wirtschaftsreform.

от Европы, теперь этот показатель снизился до 2,5, что особенно было заметно в менее развитых республиках федерации. Средний национальный доход составлял 500 долларов на человека, инфраструктура была нормально развита, доходы от туризма приближались к 100 млн долларов в год. Югославия была должна за границей 1200 млн долларов, при этом нужно отметить, что индустриализация быстро развивалась, в этом отношении она находилась наравне с Японией. Это вызвало сильную урбанизацию и массовый переход крестьянского населения в ряды пролетариата, поскольку молодежи это давало возможность оторваться от традиционной жизни в деревне и посмотреть мир. Процент людей, которые жили сельским хозяйством, сократился с 60,7 до 35%. «Для них это скачок, — записал Биланджич, — который не происходил столетиями»¹.

23–24 июля 1965 г. югославская Союзная скупщина одобрила 30 законов, касавшихся экономической реформы. Цели, которые ставила реформа, были: повышение производительности, техническая модернизация, снижение издержек производства и рентабельность предприятий, которые, возможно, смогут укрепить конкурентоспособность собственной продукции на мировых рынках. Было решено, что с этого момента предприятия будут располагать 70% своих доходов. Правительство рассчитывало на быстрое улучшение баланса внешней торговли и на санацию долгов в сотрудничестве с США, Великобританией, Францией, Италией и с Советским Союзом, с которыми начались активные переговоры². Произошла девальвация динара, при этом если до июля 1965 г. 1 доллар стоил 750 динаров, то уже в конце этого же месяца — 1250 динаров. Это означало, что югославскую продукцию можно было продавать на валютном рынке по более низкой цене, что должно было способствовать увеличению экспорта. Экспортные субсидии, которые были в силе до этого момента, ликвидировались, но таможенные пошлины на импорт были повышены на 20%. Много внимания уделили развитию туризма, причем, вопреки некоторому внутреннему сопротивлению, открыли границы, тем самым был ликвидирован визовый режим; особое внимание уделили независимому развитию компаний, которым списали значительную часть налогового бремени (это означало, что они больше не могли рассчитывать на субсидии). Реформа на Западе была принята с одобрением, ведь Югославия зашла так далеко, что была единственным социалистическим государством, которое считало допустимым получать иностранные инвестиции³. Чтобы ее поддержать, американцы в ноябре 1965 г. подписали договор, в котором обязались продать Югославии 700 тыс. тонн зерна стоимостью 46 млн долларов, при этом в первые два года они не требовали платы⁴.

¹ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 56.*

² PA. Zwischenarchiv 651.

³ TNA. FO 371/182857/NU 1102/22.

⁴ TNA. FO 371/182866/NU 113145/6; *Močnik J. United States-Yugoslav Relations.*

Экономическая реформа вступила в действие в конце 1965 г., преследуя цель стабилизации экономики и повышения экономического уровня жизни населения. Но в реальности она вызвала рост цен, прежде всего на продукцию широкого потребления. Поскольку субсидии за квартплату, электричество, газ и общественный транспорт были отменены, произошло подорожание этих услуг¹. Практика в любом случае показала, что реформу осуществлять оказалось труднее, чем предполагали: производство не имело средств для модернизации, административные кадры не были достаточно гибкими для того, чтобы приспособиться к новым рыночным условиям². Тито, Кардель, Бакарнич и другие руководители в своих многочисленных выступлениях пытались убедить людей, что эти трудности только переходные и что реформа необходима для развития югославского общества, но не имели большого успеха, особенно в Сербии и других неразвитых республиках³. При этом более всего беспокоил тот факт, что, как неоднократно подчеркивал Тито, сопротивление реформе исходило не только из широких масс, но и из рядов руководящих политиков⁴. На требования изменить коренным образом стиль мышления многие отвечали пассивным сопротивлением, ожидая, что «капиталистический путь» окажется ошибочным⁵. Сущность расхождений лучше всего представил Стане Кавчич, секретарь СК Словении, в статье, которую опубликовал 2 ноября 1965 г. в газете *Borba* под заголовком «Ошибочные взгляды некоторых коммунистов». В ней он вступил в полемику с теми, кто пытался навязать партийным органам функции государственных и не понимал, что в экономике необходимо уменьшить влияние политики, чтобы начали работать объективные силы «рынка»⁶.

Недовольство новым политическим направлением было особенно сильным в Сербии и Черногории, где внутри государственного аппарата и партии паметилось пассивное сопротивление, если не открытый бойкот. Неприятие реформы строилось на идеологических утверждениях, проистекало из конкретных интересов — из страха союзной бюрократии и специальных служб (в которых сербы были всё еще многочисленны) потерять контроль над государством. Ранкович, который считался верным защитником большевистской традиции в СКЮ, стал катализатором этого недовольства и беспокойства. При этом невозможно было не заметить, что в партийных сферах вокруг него стал образовываться вакуум, и что он всё чаще конфликтовал с Тито. Ранкович осознавал происходящее, поэтому становился всё более нервным — у него дрожали руки, взгляд стал бегающим, и он стал много

¹ ВА. IV A 2/20/239. S. 6.

² *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 481.

³ РА. MFA. A 5433, 3. S. 112, 113.

⁴ РА. MFA. A 5435, 2. S. 191–195.

⁵ *Neue Zürcher Zeitung.* 1965. 14.09.

⁶ РА. MFA. A 5433, 3. S. 184.

пить. Когда после семи лет отсутствия на родине его посетил Владимир Дедер и спросил, что нового, он со смехом ответил: «Ну, я уже всё. Ротация, самоуправство, Владо, я отправлюсь полицейским писарем в Вршку Чуку» (Вршка Чука располагается в горах на границе с Болгарией, это означало: на край света)¹.

Тито и сам жил в параноидальном страхе, что ему угрожают его самые близкие соратники, прослушивают его, воруют его вещи и покушаются на его жизнь. Как записал Ранкович: «...сомневаться во всем и во всех было в его натуре и составляло его характер». В начале 1960-х гг. Тито обвинил в этих грехах трех своих секретарей и даже национального героя генерала Милана Жежеля, командующего его собственной охраной, который ему был предан как пес. Но он не был предан Йованке, с которой был груб и в то время, когда она была ему подчинена, и позднее. На почве сомнений, которые не имели никаких оснований, но их усердно взращивала Йованка, Тито потребовал от Ранковича ареста этих людей, допроса, суда и партийного наказания. Лека² его успокаивал и пытался убедить в верности этих товарищей, но безуспешно. Самое большее, что ему удалось сделать, — это спасти несчастных от ареста и найти им другую работу³. Но сам он навлек на себя гнев Тито. В 1964 г. произошло нечто еще худшее. В немилость попал один из ближайших сотрудников Ранковича Слободан Пенезич — Крцун, председатель сербского правительства, который в 1946 г. проводил операцию по захвату Драже Михайловича. Он был известен своими неуместными заявлениями, например, что для стабильности Югославии важнее всего договор между сербами и хорватами: «Мы держим союзную полицию, они армию, и всё в порядке». Однажды он зашел слишком далеко. Во время путешествия «Голубым поездом» в Загреб он в состоянии подпития сказал маршалу: «Старый, не беспокойся о себе до тех пор, пока тебе верны мы, сербы. Если нас потеряешь, тебя не спасут твои хорваты и словенцы»⁴. Этого прозрачного предупреждения Тито не услышал, тем более что Йованка уже давно его предостерегала, что «сербы ему спутают карты». От Ранковича он потребовал, чтобы против Крцуна началось партийное расследование, что тот и выполнил 6 ноября⁵. А в декабре Пенезич, который говорил о себе, что у него «руки по локоть в крови», стал жертвой автокатастрофы⁶. По одной из версий аварии, неизвестная ядовитая жидкость проела пневматику переднего колеса, которая на большой скорости разлетелась. По другой версии, сломалась полуось. По третьей — шофер из-за слякоти на дороге потерял управление над автомобилем и врезался

¹ AS. Dedijer. Т. е. 68. Krtačni odtisi. S. 765; Т. е. 215. Tipkopis za IV. zvezek Titove Biografije. Štirideseto poglavje. S. 274, 279–281.

² Один из псевдонимов Ранковича.

³ Ranković A. Dnevničke zabeleške. S. 57, 62; AS. Dedijer. Т. е. 3.

⁴ Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 298.

⁵ Ibid. S. 297; AS. Dedijer. Т. е. 3.

⁶ Mihiz B. M. Autobiografija — o drugima. S. 550.

в одиноко стоящий дуб в поле¹. Тито не поехал на похороны погибшего сотрудника УГБ, «о котором скорбел весь сербский народ», а с большим удовольствием встретился с каким-то американским актером. И это несмотря на то, что Крцун в битве у Сутьески спас ему жизнь.

Падение Ранковича

В сентябре 1965 г., после многомесячного отсутствия из-за болезни на политической арене снова появился Владимир Бакарич. С Карделем, который его ценил не только за «проницательный теоретический дух», но прежде всего за «развитое чувство политической реальности», в середине месяца он посетил Загребский Сейм, важнейшее событие в Югославии. В связи с этим они, очевидно, вели разговоры, которые затрагивали динамику развития партийных событий в последующие месяцы, поскольку оба являлись сторонниками строительства современного и правового государства внутри социалистического строя, насколько это было возможно². В рамках этой политики, а также из-за уверенности, что помощь Запада истощится, если не начнется модернизация экономики, Кардель открыто анализировал актуальные проблемы югославского общества и предлагал его глобальную трансформацию. На заседании Исполнительного комитета 12 и 13 ноября 1965 г., к удивлению присутствовавших, он говорил о Югославии как об образовании, которое само по себе искусственно: «В конце концов, я бы сказал, товарищи, в Югославии мы объединены не ради Югославии. Но ради социализма. И если нам не будет ясно, что социализм это то, что объединяет Югославию, потом ее не сможет объединить ни один другой фактор. И когда я говорю “социализм”, я думаю об общественном прогрессе на фундаменте социализма». В государстве, по его мнению, существовали три политических направления: словенско-хорватское, заинтересованное в как можно большей самостоятельности, централистское, которое защищают неразвитые республики, и гегемонистское, сильное, прежде всего в Сербии. Последнее являлось самым крепким и имело больше всего возможностей стать доминирующим в тот момент, когда старые кадры оставят политическую сцену. Для того чтобы избежать этой опасности, необходимо превратить государство, пока это еще возможно, в «стол переговоров», за которым различные суверенные республики в непрерывных переговорах координировали бы свои специфические интересы. Хотя это предложение предусматривало для защиты социалистического устройства двух стражей: СКЮ, организованного по принципу демократического централизма, и общую армию, многим югославским руководителям оно показалось слишком

¹ *Čosić D. Piščevići zapisi (1951–1968). S. 298; Kranjc M.F. Zarote in atentati na Tita. S. 257; AS. Dedijer. T. e. 298. Novi prilozi. IV. Osemnajsto poglavje. S. 26.*

² *NARA. Pol 12 Yugo. Zagreb 21.09.1965; Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. II. S. 803; AS. Dedijer. T. e. 7. Intervju s Kardeljem.*

дерзким, поскольку государству отводилась лишь роль «технического инструмента», подходящего для посредничества между разными партнерами. Кардель на самом деле тяготел к конфедерации. Его предложение оставили в стороне и еще раз выразили поддержку экономической реформе, лишь бы не касаться острых моментов политических и межэтнических отношений, о которых думал Кардель¹.

Вопрос остался открытым, раскол между «либералами» и «консерваторами» всё углублялся. Как сообщал некий информатор американским спецслужбам, последние обесценили всё, что было можно, чтобы бойкотировать программу реформ². Символом этого сопротивления был Александр Ранкович, о котором Кардель говорил, что он многое сделал для создания югославского социализма благодаря непоколебимости своего мышления, организаторским способностям и умению работать в команде. Однако, когда в Югославии возникли новые общественные и политические отношения, он стал опасным элементом из-за двух черт своего мышления и характера: «...первая была склонность к переоценке силы средств государственного принуждения и дисциплины, поскольку это толкало СКЮ на путь централизма, закрытости и прагматичного выбора, вторая — нежелание слышать о правомерности национального вопроса, что тормозило текущее решение проблем в межнациональных отношениях и стало серьезной проблемой для Союза коммунистов»³. По этим причинам Ранковича нужно было отстранить.

В конце 1965 г. в Белграде усилились слухи, которые витали в воздухе еще с 1962 г., — что Ранкович присвоил себе власть, не дожидаясь смерти Тито⁴. Это подтверждали также телеграммы, посланные из министерства иностранных дел югославским послом за границей: что здоровье Тито не в лучшем состоянии (у него был тяжелый грипп)⁵ и поэтому пусть они будут готовы к «переменам». Тито, который к Леке питал искреннюю дружбу, уже давно подозревал, что тот хочет заменить его на посту главы государства и партии, и долго не мог решить, какие меры принять. Но не только из-за дружеской симпатии. Как позднее он сам сказал, также из-за того, что должен был ждать, чтобы равновесие сил в ЦК СКЮ и в ЮНА сместилось в его пользу⁶. Это, очевидно, произошло на стыке 1965 и 1966 гг. Спустя некоторое время после Нового года Ранкович оставил место председателя влиятельного Союза борцов, который возглавлял десятилетиями, что было

¹ *Repe B.* Oris obravnave nacionalne problematike in nacionalnih programov v Sloveniji od konca druge svetovne vojne do zacetka osemdesetih let // *Borec*. 1992. XLIV. № 3–5. S. 290, 291; *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 486.

² NARA. E 1 Yugo. XR Pol 15-1. Washington, 04.11.1965.

³ AS. Dedijer. T. e. 7. Intervju s Kardeljem.

⁴ NARA. Pol 15-1 Yugo, Belgrade. 27.07.1966.

⁵ TNA. FO 371/182839/BU 1015/18.

⁶ NARA. Pol 12. Yugo. Belgrade. 07.07.1966; *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 217.

само по себе красноречиво¹. Важно и то, что в это время ЦК СК Словении высказал несколько критических слов в адрес УГБ, или Службы государственной безопасности, как ее называли по-повому, и выступил за ограничение ее полномочий. С этим предложением согласились также македонцы, которые, как словенцы и хорваты, жили в страхе перед великосербским национализмом.

В белградском общественном мнении дул иной ветер. Как сербы в прошлом ненавидели Ранковича за то, что он арестовал Дражу Михайловича, так сейчас обожали его, поскольку почувствовали в нем защитника своих интересов². Когда он ездил по улицам на автомобиле, прохожие ему аплодировали и кричали: «Лека! Лека!» А иногда даже «Лека, президент». Всего этого и многого другого Тито не улавливал³. Роковой для Ранковича стал провал попытки организовать внутри сербского СК сильную базу для осуществления своего заговора, ведь уже в мае 1965 г. в нем образовалась либеральная струя, которая объявила войну консервативным «вражеским элементам»⁴. В середине марта 1966 г. ЦК СК Сербии использовал заседание Исполнительного комитета, чтобы осудить негативное отношение руководящих политиков республики к осуществлению реформы, и констатировал, что в верхах должны произойти кадровые изменения в пользу более молодых специалистов. В дискуссии было особо подчеркнуто, что ошибки руководства СК Сербии вызвали «проявления националистического характера»⁵. Предостережения против разрастания национализма продолжались и в последующие недели и достигли апогея на праздновании дня молодежи 25 мая, когда в праздничной речи его осудил сам Тито и было совершенно очевидно, что он в первую очередь говорил о ситуации в Сербии⁶. Кроме того, Ранкович утратил симпатии некоторых консервативных сербских политиков, в первую очередь Йована Веселинова, секретаря ЦК Сербии, который обиделся на него исключительно по личным причинам.

В такой атмосфере, наполненной сплетнями, напряженностью и неопределенностью, подал голос Бакарнич, который еще в 1964 г. в поздравительной телеграмме в связи с 20-летием хвалил УГБ за то, что оно избегло опасности стать «отдельным политическим или государственным игроком, изолированным от народа и Союза коммунистов». Он написал также, что Служба государственной безопасности, за исключением случаев «спорадических эксцессов», никогда не использовала жестких полицейских методов, типичных для подобных учреждений в других государствах, и что

¹ NARA. Pol 13-8 Yugo. Belgrade. 16.12.1966; Ранкович объясняет свою отставку иначе. См.: *Ranković A. Dnevničke zabeleške*. S. 88.

² *Bilandžić D. Hrvatska*. S. 491.

³ *Matunović A. Titova sovladarica*. S. 165; AS. Dedijer. Т. е. 111. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 883.

⁴ NARA. Pol 12-3 Yugo. Belgrade. 03.07.1966; Pol 12 Yugo. Zagreb. 13.09.1966.

⁵ PA. MFA. A 5434. 2. S. 170–171; NARA. Pol 12-3 Yugo. 07.07.1966.

⁶ PA. MFA. A 5434. 3. S. 290–291.

ее невозможно сравнивать с предвоенной югославской полицией¹. Два года спустя он выступил с совсем другими аргументами и при этом использовал все свои способности великого режиссера, который руководит спектаклем из-за кулис². В ряде своих выступлений он подверг критике, очевидно с разрешения Тито, ситуацию внутри общества и партии, следовательно, включая и Ранковича, ее организационного секретаря. В начале марта он дал интервью газете *Borba*, в котором заклеил национализм и шовинизм, распространенный среди рабочих и молодежи, политиков и интеллектуалов. Самокритично сказал, что в прошлом покинул политическую арену, поскольку считал, что для изменения сложившейся ситуации еще не пришло время. «Однако оказалось, что я совершил ошибку, поскольку избегал этого вопроса»³.

Вопреки грозovým тучам, которые скапливались на горизонте, в первой половине 1966 г. оказалось, что Ранкович всё еще твердо сидит в седле. В конце марта Тито направил его в СССР во главе делегации, которая посетила XXIII Съезд ЦК КПСС. В связи с этим принимающая сторона оказала «товарищу Марко»⁴ медвежью услугу, поскольку его приняли как главу государства, при этом Слободан Шакота, член делегации и помощник союзного секретаря по внутренним делам, на ужине, на котором присутствовало всё кремлевское руководство, поднял бокал в честь «будущего, молодого президента СФРЮ»⁵. Позднее даже говорили, что Ранкович говорил русским о дряхлости Тито, хотя сам в своих воспоминаниях он это решительно опровергал⁶. В середине мая по приглашению местной партии он посетил также Польшу с деловым визитом. Количество недобрых слов не уменьшилось. В Варшаве он должен был встретиться с Сусловым, серым кардиналом КПСС. Это сильно походило на планирование государственного переворота⁷. После его возвращения из Москвы Тито, которого обо всем оповещали, держался в отношении него весьма сдержано. Когда на одном приеме молодежь начала петь песню, в которой говорилось о Марко и его героических деяниях, Веселинов обернулся к маршалу и спросил: «Как возможно, товарищ Тито, петь такую песню в Югославии?» Тито не ответил, но в расстроенных чувствах покинул прием⁸.

¹ NARA. Pol 23 Yugo. Belgrade 06.06.1964.

² *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. II. S. 795, 797.

³ NARA. Pol 12 Yugo. Zagreb. 09.03.1966; *Borba*. 1966. 06.03.

⁴ Один из псевдонимов Ранковича.

⁵ *Matunović A.* Titova sovladarica. S. 166; *Becelje Ranković L.* Življenje z Leko. S. 176; *Ranković A.* Dnevničke zabeleške. S. 161, 169. Ранкович утверждает, что упомянутого тоста не помнит.

⁶ *Ranković A.* Dnevničke zabeleške. S. 151.

⁷ NARA. CREST. Current Intelligence Weekly. Special Report. Yugoslavia the Fall of Ranković. 05.08.1966; *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 202.

⁸ *Ćosić D.* Piščevi zapisi (1951–1968). S. 293. *Cavoški K. S.* Tito. Tehnologija vlasti. S. 188.

Заговор

В закулисной игре, которая начала плестись против Ранковича, важную роль сыграл доверенное лицо Тито Иван Краячич — Стево, довоенный советский шпион и «палач». Он был одним из первых, кто пробудил пародно-освободительное движение в Хорватии, с 1943 г. был организационным секретарем ЦК КПХ, с 1944 г. — начальником хорватской ОЗНА. Одновременно с февраля 1942 г. и далее с согласия Тито он возглавлял центр советских разведывательных служб на Балканах; это означает, что он работал не на «Деда», а на «Директора» (разведывательный отдел Генерального штаба Красной армии)¹. В то время он заботился о сыне Тито Мише, так что между ними установилась связь, которая не прерывалась вплоть до конца жизни маршала. Будучи человеком «скромных способностей», после освобождения он стал министром внутренних дел СР Хорватии и членом ЦК КПЮ. Говорят, что он был полным инвалидом, поскольку в конце войны самолет, на котором он паходился вместе с Рэндольфом Черчиллем, потерпел авиакатастрофу в районе Топуско (в Хорватии) и загорелся². Его ранения были очень тяжелыми, во что было трудно поверить, глядя на его разнообразную деятельность в последующие десятилетия. После публикации резолюции Ипформбюро он получил задание ликвидировать Тито, но не сделал этого. Тито позднее рассказывал, что узнал об этом от западногерманских спецслужб. Он решил уехать в Загреб и спровоцировать Краячича. Во время встречи он сказал ему: «Давай, Стево, поедем до Самобора. Я поведу». По дороге Тито на какой-то парковке остановил машину и сказал: «Стево, выполни задание Сталина!». Краячич побледнел и достал из кобуры пистолет и депешу Сталина и сказал: «Старый, я свое задание выполнил»³. Из-за этого, а может быть, по каким-то другим причинам Краячич занял «при дворе» особое положение; это подчеркивал тот факт, что он был назначен руководителем тайной службы, подчинявшейся непосредственно Тито. В том, что касалось безопасности и снабжения Тито, слово Краячича было решающим. При этом нельзя было не заметить, что он в его присутствии многое себе позволял и был остер на язык в своей прямой нелицеприятной манере⁴. Кроме Стево, в заговор против Ранковича был вовлечен секретарь по внутренним делам Милан Мишкович и его брат Иван, глава КОС (служба контрразведки). Ранкович позднее высказал подозрение, что Краячич его много раз пытался пригласить

¹ Broz Tito J. Zbrana dela. Vol. 12. S. 186, 187.

² Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 270, 271, 275; AS. Dedijer. T. e. 3. Jovanka; T. e. 235. Izjava J. Kopiniča. 20.12.1980; Kopinič J. Intervju. S. 9; Kopinič I. Resnica mora zmagati // Dnevnik. 11.09.1984; Velebit V. Svjedok. S. 474.

³ Cenčič V. Titova poslednja ispovijest. S. 191, 270.

⁴ Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. I. S. 475; Dedijer V. Novi prilozii. Vol. III. S. 31, 98, 99; Šimčić M. Ženske. S. 249, 269; Cenčič V. Titova poslednja ispovijest. S. 80; AS. Dedijer. T. e. 3; T. e. 264. Rankovićev pad.

на «хорошо организованную охоту», где произошло бы «несчастье»¹. Однако эти приглашения он предусмотрительно отклонял, так что его отставку нужно было осуществить как-то по-другому. При этом до последнего было неясно, как позже в узком кругу рассказывал Кардель, какое течение, либеральное или консервативное, поддержит Тито, и кто сядет на скамью обвиняемых: он или Ранкович².

Кардель в заговоре непосредственно не участвовал, поскольку из-за «проблем со здоровьем» уехал от греха подальше в Словению³. Но это вовсе не означало, что он о нем не знал или что он его не одобрял. Спустя несколько недель после падения Ранковича он сказал американскому политологу Фреду Уорнеру Нилу, что Исполнительный комитет действовал против «товарища Марко» согласованно, и заметил, что в последние месяцы члены УГБ развили лихорадочную деятельность. Прослушиванием, тайной записью разговоров или открытыми угрозами они пытались заставить высоких функционеров бойкотировать реформу и прежде всего принципы ротации, которые были приняты на VIII Съезде СКЮ. Этот механизм должен был начать работать после выборов, которые планировались на май 1967 г., и над организацией которых уже работала комиссия, обязанная вести учет возможных кандидатов. Предполагалось, что первым большим изменением в верхах власти станет смена около 30 тыс. функционеров, причем было бы введено правило, согласно которому отдельные руководители не имели бы права совмещать партийные и государственные функции. Но эти принципы ротации на Тито не распространялись, в отличие от Ранковича, который не собирался отказываться ни от должности заместителя президента СФРЮ, ни от своего положения в СКЮ⁴.

Этого ни Кардель, ни Бакарнич, ни — еще меньше — Тито, не могли припятать, поскольку существовала опасность, что сербы под руководством сильного лидера захватят власть над другими республиками⁵. В разговоре с профессором Нилом Кардель отнесся к Ранковичу великодушно, хотя было известно, что в последние месяцы они не разговаривали: признал, что в грехах УГБ он был виноват не один и что, собственно говоря, СКЮ допустил ошибку, позволив ему так долго возглавлять полицию: «Мы должны были дать ему какое-то другое дело»⁶. Менее снисходительным был Тито, который в прошлом Ранковичу безгранично доверял, и даже в Белграде в 1948 г. протянул между своей и его резиденцией отдельную телефонную линию, которой можно было воспользоваться в случае опасности. Из полученной

¹ *Becele Ranković L. Življenje z Leko. S. 174, 175, 277.*

² *Šetinc F. Zbogom Jugoslavija. S. 185; Nedeljni Vjesnik in Večernje novosti. 1984. 29.10.*

³ NARA. Pol 15-2 Yugo. Zagreb. 24.05.1966.

⁴ *Ibid. Belgrade. 26.04.1966; AMZV. Zprávy ZÚ. Belehrad 1966–1967. 825.328/SM. Belehrad. 3. cervence 1966.*

⁵ NARA. Pol 12-3 Yugo. Belgrade. 04.10.1966.

⁶ NARA. Pol 12-6 Yugo. Belgrade. 03.08.1966; Pol 15-1 Yugo. 28.01.1966; AS. Dedijer. T. e. 215. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Štirideseto poglavje. Velike Titove životne brige. S. 287.

информации он убедился, что «Ранкович готовит государственный переворот». Первое, что пришло ему в голову — организовать против Ранковича какой-нибудь путч внутри самой УГБ. Поскольку эта попытка провалилась, необходимо было найти альтернативное решение. По требованию словенского руководства, 15 июня 1966 г. Эди Брайник, помощник союзного секретаря внутренних дел, послал Тито письмо из Любляны, в котором предложил созвать Исполнительный комитет ЦК СКЮ только с одной повесткой дня: «Проблемы государственной безопасности». Заседание упомянутого органа было созвано на следующий день в белградской резиденции Тито. На ней шла речь о расследовании двух специалистов хорватского секретариата внутренних дел, которых Краячич тайно отправил из Загреба в Белград, чтобы осмотреть резиденцию. Как товарищ Стево говорил позднее, они хорошо выполнили свою работу. Помимо всего прочего они должны были установить, что личные апартаменты президента, а также спальня Йованки, на Ужичке улице, 15, прослушиваются и что провода прослушивающих аппаратов ведут прямо в подвал соседней виллы Леки¹.

Ранкович понял, в каком тяжелом положении оказался, еще на заседании Исполнительного комитета. На него он был приглашен за час до начала, его не оповестили, о чем будет разговор, в то время как все другие участники о мероприятии имели точную информацию². Тито на встрече сказал, что УГБ поставила прослушку не только у него, но и в апартаментах Карделя и у других руководителей; он подчеркнул, что подобная полицейская система «в свое время стоила Советскому Союзу 15 млн жертв»³. (Тито забыл, что задание по установке прослушки своего дома и домов некоторых ближайших соратников по разным причинам дал он сам в 1950 г. и позднее, и что Кардель сам позволил установить микрофоны в своем кабинете⁴.) Члены Исполнительного комитета, включая Ранковича, согласились с ним, что эту практику нужно прекратить, хотя Ранкович выразил сомнение, являются ли обвинения в прослушивании правдивыми. В ответ Тито предложил создать особую «партийно-государственную» комиссию под руководством македонца Крсты Црвенковского, которая оценила бы «методы руководства в органах государственной безопасности». Для того чтобы она была более беспристрастной, ее решили составить из шести членов, по одному от каждой республики. Одновременно предлагалось создать «вторую комиссию, которая была бы технической», хотя она уже начала работу ранее⁵. Поскольку Ранкович хотел

¹ *Simčič M.* Ženske. S. 271; *Cenčič V.* Titova poslednja ispovijest. S. 192; *Ranković A.* Dnevničke zabeleške. S. 36, 49, 50, 268, 275; *Krajačić I. (Stevo).* Resnica mora zmagati // Dnevnik. 11.11.1984.

² *Matunović A.* Titova sovladarica. S. 170; *Becele Ranković L.* Življenje z Leko. S. 155, 156, 181.

³ *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 491.

⁴ *Ranković A.* Dnevničke zabeleške. S. 287; *Škušek Močnik Z.* Intervju z Vojinom Lukicem // Mladina. 1987. 17.04. S. 23.

⁵ *Ranković A.* Dnevničke zabeleške. S. 252–255.

облегчить работу комиссий, он подал в отставку со всех своих партийных и государственных постов, якобы чувствуя себя ответственным за работу Службы государственной безопасности. С относительно короткой встречи он вернулся крайне расстроенным, поскольку понял, что стал жертвой тщательно подготовленного заговора. Жене, которая вышла к нему, он сказал: «Всему конец из-за какой-то гнилой прослушки», но потом добавил сам себе: «Если она вообще была!»¹

Партийно-государственная комиссия закончила работу 20 июня 1966 г. и свои выводы представила Исполнительному комитету на заседании, созванном на белградской вилле Тито. При этом не было надобности допрашивать Ранковича, хотя от Црвенковкого он потребовал очной ставки. Но потом было решено этого не делать, Тито решил сам поговорить с ним. Первые допросы вначале не дали результатов, стало ясно, как говорил член комиссии Мико Трипало, что новички не будут равны профессиональным полицейским. Все допрошенные пытались защитить Ранковича и Стефановича — Чечу, главу УГБ, позднее они были готовы пожертвовать последним, чтобы спасти товарища Марко. Только когда в секретариате внутренних дел открыли сейф, в котором нашли досье с сообщениями Службы государственной безопасности о многочисленных послахах и руководителях упомянутых ведомств с примечаниями и рекомендациями Ранковича и Стефановича, они напали на настоящий след. Начали появляться первые признания, причем некоторые сотрудники или бывшие сотрудники УГБ сами приходили в комиссию и приносили важные сведения. «Как бы тяжело ни было признать, — сообщает Трипало, — стало очевидным властное и доминирующее положение службы безопасности в обществе и то, что она находится на службе некоторых функционеров. Трудно утверждать, действительно ли Ранкович готовил переворот против Тито, скорее всего, он готовился однажды, когда Тито умрет, без особых трудностей занять его место»².

Служба государственной безопасности, было записано в сообщении комиссии Црвенковского, сделала много важного, особенно во время спора со Сталиным, однако после введения самоуправления не смогла избежать искушения «возвыситься над обществом», поскольку хотела быть «одним из важнейших факторов в создании общественной политики», попытаться расширить свое влияние не только на партийный и государственный аппарат, но и на ряд экономических предприятий, инвестиционной политикой которых бы управляла. При этом служба безопасности «стала

¹ *Becele Ranković L. Življenje z Leko. S. 156; Bilandžić D. Hrvatska. S. 491; Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 294, 295.*

² *Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 295; Ranković A. Dnevničke zabeleške. S. 183; AS. Dedijer. T. e. 233. Zapis M. Tripala. Odluke IV. Plenuma CK SKJ 1966. Pad Rankovića, burne diskusije u toku 1968. i 1969. S. 4, 5. О влиянии УГБ на внешнюю политику см.: Velebit V. Svjedok. S. 192; Antonić Z. Rodoljub Čolaković. S. 129.*

монополией отдельных лиц», ее руководитель Александр Ранкович был приравнен к ЦК КПЮ¹. В ходе обсуждения этого документа, которое проходило в Исполнительном комитете 20 июня 1966 г., присутствовавшие резко нападали на заговорщические и путчистские умыслы и говорили о борьбе Ранковича за наследство, аргументируя обвинения «бабскими» доказательствами, которые, по мнению Леки, распространяли «супруги некоторых функционеров, испытывавших надуманный страх за судьбу своих мужей»². Среди них первой была Пепца Кардель, которая за год до отстранения Ранковича во время прогулки по Белграду указала подруге на его квартиру и сказала: «Оттуда исходит всё зло!»³ Более милостивым по отношению к товарищу Марко был ее муж. В конце июня он встретился с ним случайно в лифте здания ЦК в Белграде. «Ты, Бевц, действительно думаешь, что я тебя и Тито прослушивал?» — спросил Ранкович. «Не верю. Ты хорошо знаешь, что у Тито навязчивая мысль, что его убьют сербы», — сказал ему Кардель. «Не знаю», — ответил Ранкович. «А это, Марко, ты должен знать»⁴.

На заседании 20 июня Исполнительный комитет принял решение, что 1 июля на Бриони состоится VI Пленум ЦК СКЮ, на котором «государственно-политическая» комиссия представит окончательный отчет о своей работе⁵. Секретарь обороны Иван Гошняк с этой инициативой не согласился. Он не был другом Ранковича, однако считал, что не стоит во всех югославских проблемах винить только его. В связи с этим он предложил Тито, чтобы все «исторические» кадры ушли в отставку, это позволило бы ему собрать новую команду. Тито к предложению отнесся сначала положительно, но позднее отказался от него⁶. Гошняк не сдался: около 25 июня он организовал встречу Ранковича и Тито, на которой тот попытался убедить своего бывшего «товарища» работать вместе и дальше. При этом, как позднее Лека рассказывал своей жене, Тито автоматически надел солнечные очки, чтобы скрыть свои глаза и мысли⁷. Он не мог удержаться, чтобы не пожаловаться на плохих друзей, которые в последнее время его окружили и распространяли слухи, что он, Тито, стал дряхлым и живет только за счет наркотиков.

Заговор против Ранковича был исключительно опасным и рискованным предприятием, поскольку УГБ имело в распоряжении вооруженные части и даже танки. Однако то, что ЮНА встала на сторону Тито, не дало Ранковичу возможности для маневра, даже если бы он намеревался совершить государственный переворот, о котором в верхах СКЮ говорили как о вполне

¹ *Nenadović A. S. Razgovori s Kočom.* Zagreb: Globus, 1989. S. 139.

² *Ranković A. Dnevničke zabeleške.* S. 41, 152, 153.

³ *Ibid.* S. 152, 155.

⁴ *Ćosić D. Pišćevi zapisi (1951–1968).* S. 293, 298, 299.

⁵ NARA. CREST. Current Intelligence Weekly. Yugoslavia — The Fall of Ranković. 05.08.1966; *Bilandžić D. Hrvatska.* S. 492; *Ranković A. Dnevničke zabeleške.* S. 259.

⁶ AS. Dedijer. T. e. 264. Mile Milatović. *Dnevnik.* 02.10.1986.

⁷ *Becele Ranković L. Življenje z Leko.* S. 166; *Ćosić D. Pišćevi zapisi (1951–1968).* S. 295; *Ranković A. Dnevničke zabeleške.* S. 259.

вероятной возможности. Так или иначе, они подготовились ко всему — уже в середине июня усилили охрану радио и телевидения и привели в боевую готовность как армию, так и полицию. Для нанесения удара использовали кадры из Хорватии, Словении и из ЮНА, но не из Сербии, так как считали их ненадежными¹.

Ситуация была настолько обострена, что генеральный штаб организовал тайный отъезд Тито из Белграда, поскольку, согласно секретным сведениям, ему грозила опасность — якобы Ранкович с помощью УГБ может его арестовать. (По другой версии, его на своем мерседесе по проселочным дорогам через Осиек па Бриони вывез сам Краячич².) Остров, где обычно во время летних отпусков было много избранных гостей, тогда был полупустым, кроме членов ЦК на нем было много военных и полиции. Президента пытались убедить, что он находится в смертельной опасности и должен пасть бронезилет³. Эти страхи были преувеличены. «На Бриони противник не мог проникнуть, и опасность была исключена, — говорил Краячич позднее в одном из интервью. — Могу сказать, что я был весьма удовлетворен ходом событий на пленуме. Думал, что будут трудности, однако всё прошло легче, чем я себе представлял»⁴. Атмосферу происходящего хорошо иллюстрирует письмо, которое он 1 июля отправил Тито. Хотя у него и был аккуратный школьный почерк, тогда он писал очень нервно, так, что некоторые слова трудно разобрать. Из содержания понятно, что товарищ Стево в то время плел интригу с Владо (Бакаричем) и Мишковичем, «который волен сделать всё, что возможно, дабы разрулить твою ситуацию, поскольку все люди, которые тебя окружают, довольно сложные и мы должны найти способ решить проблему»⁵.

Едва все прибыли на Бриони, вечером накануне пленума членам ЦК раздали материалы для следующего дня. Значительная часть этих материалов позднее была напечатана, но это не коснулось так называемой документации, которую все участники должны были после Пленума вернуть. В ней были данные, имевшие непосредственное отношение к прослушке, и имена тех, кто был к ней причастен⁶. Ранкович осознал серьезность своего положения только ночью перед заседанием, когда последним из членов ЦК, где-то около 12 часов получил реферат, в котором было введение в темы дискуссий следующего дня. В нем содержались совсем другие обвинения, о которых никто ранее не говорил. Он был настолько взволнован, что ему стало плохо. Как

¹ Ranković A. Dnevničke zabeleške. S. 40.

² Vrhunec M. Šest let s Titom (1967–1973). Ljubljana: Laser Print, 2001. S. 16; AS. Dedijer. T. e. 3.

³ NARA. Pol 15-1 Yugo. Belgrade. 20.07.1966; Cenčič V. Titova poslednja ispovijest. S. 41.

⁴ Simčič M. Ženske. S. 271.

⁵ AJ. 838. LF.II-1/78. K 4. Krajačić Stevo — Titu. 01.07.1966.

⁶ AS. Dedijer. T. e. 5. Vojin Lukić — V. Dedijerju.

стало известно позже, у него был микроинфаркт, о котором врач, осматривавший его, никому не сообщил, даже ему самому¹.

Тито на VI Пленуме ЦК СКЮ 1 июля 1966 г. выступил самокритично, отметив, что он не занимался решением проблем, которые накопились в руководстве партии с 1962 г. Одновременно он обвинил Ранковича и Стефановича в том, что они защищали нелегальную деятельность группы функционеров Службы государственной безопасности, которые намеревались захватить власть и остановить развитие самоуправленческой социалистической демократии. При всем этом якобы за ним самим следили, его прослушивали, им манипулировали, предоставляя неточную и неуместную информацию: «Речь идет о фракционной, групповой борьбе за власть»². На бурном заседании ЦК в отеле «Истра», которое длилось много часов, Ранкович был физически сломлен, у него поднялась температура и началась сильная боль в груди. Он был, как рассказывал один из присутствовавших, «как вешалка, а не как живой человек»³. После Тито и Црвенковского он взял слово. Сначала он пытался защищаться и начал читать уже подготовленное заявление, в котором не было ответа ни на одно из обвинений, выдвинутых против него. Хотя он признал, что методы, которые использовала УГБ, были «грязными», он не рассматривал их как свои, поскольку не руководил тайной службой уже давно. Отрицал он также и то, что является сербским националистом. Самое большое, что он готов был признать, была «моральная ответственность».

Вся афера, по его мнению, была либо махинацией «вражеской группы», которая работает на врага, или отдельных лиц, которые их подталкивают к злему умыслу. Его прервали и потребовали, чтобы он дал объяснения по пунктам обвинения. Это требование он проигнорировал и продолжил читать свое пустое заявление. Во время перерыва Иван Гошняк настолько осмелел, что выразил ему сочувствие и посоветовал уехать, поскольку он мог не выдержать того, что еще должно было произойти. Лека этот совет отклонил, заявив, что должен услышать всё, что скажут против него и его работы. «При этом я даже не предполагал, что может дойти до того, до чего дошло». Самым неприятным было то, что кое-кто из самых близких соратников первым начал обливать его грязью, хотя до этого они были его верной свитой. Особенно Йован Веселинов и Добриное Радославлевич, которые его перебивали и истерично требовали, чтобы он точно отвечал на поставленные вопросы. Не боролся ли он за власть, за наследство Тито, не готовил ли переворот и путч, исходя из великосербских и гегемонистских амбиций?⁴

¹ *Becele Ranković L. Življenje z Leko. S. 195; Skušek Močnik Z. Intervju z Vojinom Lukićem // Mladina. 1987. 17.04; Intervju s Slavko Becele Ranković // Mladina. 1986. 26.12.*

² *Ranković A. Dnevničke zabeleške. S. 262.*

³ *Nenadović A. Razgovori s Kočom. S. 146.*

⁴ *Ranković A. Dnevničke zabeleške. S. 90; Antonič Z. Rodoljub Čolaković. S. 123–128.*

В конце обсуждения Ранкович перестал упорствовать и не пресмыкаясь признал не только свою моральную, но и политическую ответственность за ошибки. Обещал, что «в рамках своих возможностей» будет сопротивляться всем, кто хотел бы использовать его в качестве средства для раскола СКЮ, яростно отрицал, что он что-то знал о специфической деятельности УГБ, что был виновен в «сектантстве» и что планировал стать наследником Тито¹. Тито с глазу на глаз он напомнил: «Если словенцы в 1962 г. спасли Карделя, я счастлив, что сохранилось единство государства, что мои сербы не сделали для меня того же». И еще: «Меня можешь легко выгнать, Старый. Однако когда ты уйдешь, в Югославии будет катастрофа»². Тито пропустил мимо ушей зловещее предсказание. Заседание он завершил с облегчением, констатировав, что произошедшее «даже превзошло ожидаемое», и выразил благодарность членам Центрального комитета за оказанное доверие. А Ранковича даже похвалил, что он «хорошо держался»³.

Для югославской общественности, которая о противоречиях в партии ничего не знала, новость о Брионском пленуме, о котором сообщали по громкоговорителям в больших магазинах, была подобна взрыву бомбы. В Словении отреагировали сдержанно, в Хорватии сияли от удовольствия, что «нет возврата к прошлому»⁴. В Ранковиче они видели не только символ полицейской диктатуры, но и символ великосербских планов и гегемонии⁵. В Сербии были шокированы, им казалось, что они остались без своего руководителя в верхах как раз в тот момент, когда возник вопрос о наследстве Тито. Сдержанное недовольство за три дня до пленума выразил Добрица Чосич в письме Тито, где он спрашивал об обоснованности «скандального» осуждения Ранковича, будучи уверенным, что эта афера имеет антисербские корни. Об этом протесте общественность ничего не узнала, ведь Тито это письмо аккуратно сохранил в своем сейфе⁶. Это имело только одно последствие: диалог между ним и известным писателем был прерван, при этом последний относился к «брионскому режиму» и его носителю всё более критично. Чосич стал преданным представителем той части сербов, которые верили в югославскую идею, конечно, при условии, что она защитит их ценности и интересы. В этом смысле он стал опасен режиму, причем из-за его авторитета было невозможно так или иначе его «ликвидировать».

14 июня 1966 г. состоялось совместное заседание всех комитетов Союзной скупщины, которые должны были обсудить просьбу Ранковича

¹ NARA. Pol 12-3 Yugo, Belgrade 03.07.1966; Pol 15-1 Yugo. Belgrade, 13.09.1966; AS. Dedijer. T. e. 68. Krtačni odtisi. S. 768.

² *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 58.

³ AS. Dedijer. T. e. 264. Sukob s Titom. S. 222 b.

⁴ NARA. Pol 12 Yugo. Zagreb. 01.07.1966.

⁵ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. S. 83.

⁶ *Perović L.* Na tragu srpske liberalne tradicije // Srpska krhka vertikalna. Svedočanstva 15. Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji. Beograd, 2003. S. 17; *Ćosić D.* Piščevi zapisi (1951–1968). S. 248–254, 256, 262.

освободить его от должности заместителя президента СФРЮ. Поскольку Ранкович после Бриони «по состоянию здоровья» попросил 20-дневный отпуск, обсуждение происходило без его участия. Всё произошло быстро, процедура не продлилась и 10 минут. Председатель скупщины Эдвард Кардель наскоро прочитал заявление Ранковича об отставке и, поскольку больше никто ничего не добавил, заявил, что просьба удовлетворена. Кардель, однако, вторым пунктом повестки сообщил, что 36 депутатов предлагают в качестве нового заместителя председателя государства Кочу Поповича. Новость вызвала долгие аплодисменты, при этом не стоит упускать из виду тот факт, что с тех пор, как Попович ушел с поста секретаря внутренних дел, он не проявлял особой политической активности¹. Его назначение стало бальзамом на раны сербской гордости, хотя никто, кто имел собственное мнение, не питал иллюзий, что этот одинокий интеллеktуал сможет что-то изменить. «Пока существует Тито и пока существует титовское руководство, СКЮ — это аморфный, либерализованный, конформистский сталинизм»². Так считал Добрица Чосич.

После свержения Ранковича последовала большая чистка УГБ и СКЮ, в первую очередь на сербских территориях: в самой Сербии, в Косово и в Черногории, позднее в Боснии и Герцеговине, в Хорватии и Словении³. И это вопреки тому, что пресса в сообщениях о разных заседаниях органов внутренних дел в общинах и республиках утверждала, что в обеих республиках не дошло до «политических злоупотреблений»⁴. В действительности оказалось, что только в Хорватии Служба государственной безопасности собрала досье на 1300 тыс. граждан. (Большая часть этих досье была уничтожена, за исключением тех, в которых речь шла о принадлежности к антисоциалистическим организациям, или об антисоциалистических настроениях⁵.) Тысячи функционеров были арестованы и осуждены на тюремные сроки, исключены из партии или уволены с работы. Партийные комитеты всех уровней соперничали в раскрытии коррупции и злоупотреблений, в которых была виновна УГБ; постановили, что подобные вещи больше не повторятся. В прессе появились статьи с ханжеским вопросом «Как такое возможно?», писали о «нашей разновидности сталинизма», раскрывали интриги и нарушения, которые совершили «сталинские, реакционные, подобные кастам полицейско-бюрократические и реакционные силы». Самые страшные преступления, которые совершила ОЗНА, или УГБ, сразу после войны, которые были связаны с насильственным отъемом зерна, Голи-Отоком и судебными процессами в Любляне, не упоминали. «Об этом не было речи, — сказал

¹ PA. MFA. A 5435. 1. S. 48, 49.

² Čosić D. Pišcevi zapisi (1951–1968). S. 270.

³ NARA. Pol 12. Yugo. Zagreb. 17.10.1966; Pol 12. Yugo. Belgrade. 06.10.1966.

⁴ Ibid. Zagreb. 18.08.1966.

⁵ NARA. Pol 12-3. Yugo. Zagreb. 27.09.1966.

Войин Лукич — Войкан, — поскольку от этого нельзя было отмыть руки, как Понтию Пилату»¹.

Средства массовой информации сообщали о многочисленных собраниях, которые организовывал СКЮ или другие институты, участники которых одобряли решения IV Пленума, обещали «полную, неограниченную поддержку» при воплощении в жизнь «дальнейшего развития самоуправления и непосредственно социалистической демократии». Осуждали «вредоносную деятельность» Ранковича и «деформации» внутри УГБ, при этом гарантировали, что партия будет и дальше двигаться по пути «дальнейшей демократизации, самоуправления и большей внутренней демократии». Сербию в то время обуревала мания самобичевания, причем представители верхов общественно-политических организаций забрасывали общественность признаниями в ложности пути сербского шовинизма и национализма. Часто упомянутые встречи совмещались со спонтанными манифестациями в честь СКЮ и Тито и завершались партизанской песней «Друг Тито, мы тебе клянемся!»²

Хорваты воспользовались случаем, чтобы освободиться от своего «Распутина» — председателя сабора Ивана Краячича, который не имел никакого отношения к группе Ранкович — Стефанович, но из-за своего властного и нетактичного поведения нажил себе много врагов. Как говорил американский консул в Загребе, Краячич был опасен по трем пунктам: из-за своей агрессивности, крика и зловония³. В Загребе говорили, что в качестве предлога для его отставки (ему было только 60 лет) использовали случай, когда в состоянии подпития, что с ним случалось часто, он сказал: «Дайте мне пистолет, и я пойду и перестреляю сербов»⁴. Но на самом деле он сделал кое-что похуже. После открытия памятника жертвам концентрационного лагеря Есеновац 3 июля 1966 г., во время обеда он в грубой форме, будучи пьяным, сказал сербской делегации: «Убирайтесь, четники! Вон! Здесь покоятся уважаемые хорваты, и этот лагерь мы строили для вас, сербы! Для четников и цыган! Слишком мало мы вас тут уничтожили»⁵. Этот инцидент сильно задел и разозлил Тито. Вопреки дружбе он дал указание хорватам заменить Стево на посту председателя сабора. Его отставка «из-за слабого здоровья» еще не означала, что он впал в немилость Тито, о чем свидетельствовал факт, что его не исключили из ЦК СКЮ и что на день рождения 28 августа ему вручили высокую награду и Тито от своего имени и от имени жены направил ему сердечное поздравление.

¹ *Skušek Močnik Z. Intervju z Vojinom Lukićem. S. 24.*

² *Pirjevec J. Jugoslavija. S. 259; NARA. Pol 12. Yugo. Belgrade. 09.07.1966; Skušek Močnik Z. Intervju z Vojinom Lukićem. S. 25.*

³ *NARA. Pol 15-1. Yugo. Zagreb. 21.09.1964; Antonič Z. Rodoljub Čolaković. S. 103, 104.*

⁴ *NARA. Pol 18. Yugo. Zagreb. 20.10.1966; Pol 15-2. Yugo. Zagreb. 15.11.1966.*

⁵ *Cenčič V. Titova poslednja ispovijest. S. 60, 191, 192; Ranković A. Dnevničke zabeleške. S. 162; AS. Dedijer. T. e. 3.*

Реорганизация СГБ и неудачная попытка либерализации СКЮ

В конце июля 1966 г. была создана комиссия из 20 членов для реформирования Службы государственной безопасности, которую возглавил Петр Стамболич, председатель союзного Исполнительного совета. Как в разных интервью говорил Милан Мишкович, союзный секретарь внутренних дел, его задача была решить, какое место занимает упомянутая служба внутри югославской системы самоуправления и как обновить контроль общества (т.е. партии) над ней¹. На самом деле всё осталось по-старому: УГБ, хотя и была разделена между республиками, всё еще нелегально прослушивала всех видных деятелей, и результаты этой работы отсылала в Белград, где сноу-ва начала накапливаться конфиденциальная «информация»².

Еще важнее комиссии Стамболича была комиссия, состоявшая из сорока человек, созданная для обновления и развития СКЮ, которая с большой помпой в прессе начала свою работу 15 июля. Ее основной задачей было перестроить организационную структуру партии так, чтобы она не могла попасть в руки одной только личности. Ее возглавил Миялко Тодорович, доверенное лицо Карделя, заместитель председателя Союзной скупщины; ему предсказывали блестящее политическое будущее, видели в нем возможного наследника Тито³. Средствам массовой информации он открыто заявил: «СКЮ в последние годы упустила возможность для развития нашего общества» и многое «запрещала вместо того, чтобы способствовать его развитию». По его мнению, IV Пленум открывал возможность для дальнейшего подъема непосредственно демократии и самоуправления также на территориях, «которые до сих пор не были достаточно открыты». На октябрь Тодорович запланировал новый пленум, который утвердил бы работу комиссии и решил вопрос об организации внеочередного партийного съезда⁴.

Члены комиссии Тодоровича работали с большим энтузиазмом и не скрывали своего реформаторского рвения. Словенец Матия Рибичич поставил под вопрос даже основы демократического централизма, в то время как его македонский коллега Крста Црвенковски зашел так далеко, что предсказал отмирание СК — якобы Югославия устремляется к «непартийной демократии». Их целью было раздробление власти внутри ЦК, что позволило бы избежать ее концентрации в чьих-либо руках, как это происходило прежде с секретариатом из четырех человек и Исполнительным комитетом. Они планировали, что распространят право принимать решения на весь ЦК, который, по их мнению, до этого являлся скорее «аморфным телом» без реального влияния, и считали, что необходимо «обезглавить» тех, кто был связан

¹ NARA. Pol 23-3. Yugo. Belgrade. 20.07.1966.

² *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Vol. I. S. 404, 405.

³ NARA. Pol 14. Yugo. Belgrade. 07.06.1966.

⁴ NARA. Pol 23-3. Yugo. Belgrade. 18.07.1966.

с фракцией Ранковича¹. Как холодный душ на них подействовала речь Тито 1 сентября 1966 г., в которой он отмежевался от таких идей, отверг всякую возможность отмирания СКЮ и повторил ленинские тезисы о «кадровой», дисциплинированной партии².

Стало очевидным, что старая гвардия еще твердо стоит у руля. Теперь сам Тито требовал для центрального органа права не только определять политическую линию, но и по необходимости также принимать решения о том, как ее реализовывать³. Так провалилась попытка либерализации СКЮ. В завершающей речи Тито выразил удивление, что в обсуждениях дело дошло до выражения недовольства подобным решением, которое не учитывало требований, чтобы в будущем партийные и государственные функции были разделены и не сосредоточивались в руках одного человека. Он не услышал также возражений либеральной общественности, которая не смогла донести идею о необходимости окончательной ликвидации привилегий, гарантированных партийной номенклатуре⁴. В какую сторону дует ветер, показал эпизод из интервью Кочи Поповича, которое было напечатано в *Политике* к государственному празднику 29 ноября 1966 г. В нем заместитель президента СФРЮ, помимо всего прочего, заявил: «Задача, которую мы ставим перед партией, труднее, нежели править с помощью дисциплины. Она требует намного больших умений. В конце концов, с помощью дисциплины, будь то полицейской или военной, править можно так же, как какой-нибудь южноамериканский генерал. Для этого не нужно никакой идеи. А если кто-то хочет строить социализм и реализовать это при помощи идей, то это весьма тяжелая задача». Такие мысли Тито не понравились. Хотя интервью уже было готово к печати, набрано и разбито на две страницы специального праздничного номера *Политики*, оно так и не вышло⁵.

Помилование Ранковича на VII Пленуме СКЮ

9 декабря 1966 г. Союзная скупщина получила отчет союзного Исполнительного комитета: «Александр Ранкович проводил антиконституционную деятельность и действовал против целей социалистического общества»⁶. В конце 1966 г. было принято решение, что Ранкович и 18 его ближайших соратников не предстанут перед судом из уважения к сербскому

¹ NARA. Pol 12-3. Yugo. Belgrade. 03.10.1966; *Antonič Z. Rodoljub Čolaković*. S. 143.

² NARA. Pol 12. Yugo. Belgrade. 08.09.1966; *Swain G.R. Tito. A Biography*. P. 147. *Antonič Z. Rodoljub Čolaković*. S. 139, 140.

³ NARA. Pol 12-3. Yugo. Belgrade. 06.10.1966; 08.10.1966; BA. Bestand. Ulbricht, Walter. NL 182/1237; *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Vol. II. S. 786.

⁴ NARA. Pol 12-3. Yugo. Belgrade. 03.10.1966; BA. Bestand Ulbricht. Walter, NL 182/1237; *Bilandžić D. Povijest izbliza*. S. 59.

⁵ *Nenadović A. Razgovori s Kočom*. S. 217.

⁶ *Ranković A. Dnevničke zabeleške*. S. 181, 265.

общественному мнению, а также потому, что против «товарища Марко» было невозможно выдвинуть конкретные криминальные обвинения¹. В партийных кругах преобладало мнение, что пужно принимать во внимание в первую очередь «грехи» Ранковича в рамках политической борьбы за власть, а не преступления, которые подпадали под юрисдикцию обычного гражданского права².

Лека погрузился в частную жизнь. За исключением того, что он написал небольшое повествование о своем постыдном «исключении из партии и политики», которое долгое время оставалось засекреченным, он не сделал ничего компрометирующего его. Он жил под надзором полиции, которая время от времени его предупреждала, чтобы он был осторожен, поскольку якобы устали готовили на него покушение³. Он не был осторожен и не скрывал своего презрения к Тито в разговорах с людьми, которым доверял. Сравнивал его с наполеоновским министром Жозефом Фуше, при этом цитировал французского писателя, который написал о нем следующее: «Настоящий предатель, а не случайный. Он — гениальный предатель по своей природе, так как предательство — не только его намерение, его тактика, оно заложено в его характере». И еще: «В жизни не встречал человека, который бы настолько верил в себя и настолько не доверял своему окружению... Со временем, с годами он всё меньше верил людям вокруг себя... Сколько раз он говорил: посадить в тюрьму, отдать под суд, наказать по партийной линии, снять с должности, понизить»⁴.

В начале июля 1967 г. в Белграде был созван VII Пленум СКЮ; в основном он был посвящен арабо-израильской войне и военному путчу в Греции. Не обошел он вниманием и вопрос о реорганизации партии. Важным для новой атмосферы, которая вопреки всему распространилась в партии после падения Ранковича, было то, что Тито подвергся острой критике, позволив Советскому Союзу использовать воздушное пространство Югославии для доставки помощи Египту, а также, как он подчеркнул в беседе с Насером, танков и оружия⁵.

Кроме того, не ставя в известность Исполнительный комитет, в середине июня 1967 г. Тито посетил две встречи руководителей Варшавского договора в Москве и Будапеште. На этих встречах он полностью согласился с их политикой на Ближнем Востоке и вопреки решению Исполнительного комитета разорвал дипломатические отношения с Израилем⁶. Это решение было

¹ NARA. Pol 29. Yugo. Belgrade. 12.12.1966. M. Bešlin. S. 68.

² NARA. Pol 12-6. Yugo. Belgrade. 14.10.1966.

³ Ranković A. Dnevničke zabeleške. S. 185.

⁴ Ćosić D. Piščevi zapisi (1969–1980). S. 234, 235; Ranković A. Dnevničke zabeleške. S. 223.

⁵ Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Vol. II. S. 870.

⁶ Nenadović A. Razgovori s Kočom. S. 125; Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 309; AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 114; Simić P., Despot Z. Tito. S. 231–236, 238.

самовольным и вызвало в Югославии яростную реакцию: десять членов государственно-партийной верхушки собралось на тайной встрече, на которой пришли к выводу, что Тито не может оставаться во главе государства, если он и дальше будет двигать Югославию в сторону СССР. По их мнению, его политика противоречила интересам Югославии как независимого государства. Кардель, Бакарич, Коча Попович и их единомышленники требовали «его голову», причем в защиту Тито выступил только Гошняк¹. В верхах руководства партии говорили, что «Старый не понимает больше современных условий и потребностей», что у него «мания преследования», что «он не знает, ни что делает, ни что говорит»². Тито, конечно же, был не готов выпустить ситуацию из своих рук, своим же товарищам пригрозил, что обратится к Союзной скупщине, если они и дальше продолжат его критиковать, тем самым усмилив их³.

Помимо драматичной дискуссии на VII Пленуме, было невозможно не заметить, что хотя Тодорович остро критиковал внешнюю политику Тито, он смягчил свои радикальные позиции относительно СКЮ и примкнул к тем, кто подчеркивал руководящую роль партии в обществе. «Демократический централизм, — сказал он, — и в новых условиях остается базовой основой для организации всеобщей деятельности». «Казалось, — с удовольствием констатировала посол ГДР, ортодоксальная Элеонора Штаймер, — что Тодоровичу и его приверженцам не удалось воплотить либеральную линию <...> Что касается внутренних проблем СФРЮ, Пленум доказал, что позитивные силы в СКЮ с Тито во главе всё еще авторитетны. Всегда нужно придерживаться стремления при дальнейшем строительстве социализма укреплять роль партии, а не бичевать ее»⁴. Первый секретарь советского посольства в Белграде в августе 1967 г. отметил, что словосочетание «реорганизация СКЮ» на самом деле обещало больше, чем оказалось в действительности. Что касается базовых вопросов, например демократического централизма, роли рабочего класса и классовой борьбы и т. д., то побеждали «здравые взгляды»⁵.

Это поражение побудило Миялко Тодоровича и его круг снова говорить об автократии Тито, которого вынудили вступить в многоходовую политическую игру. Тот боялся, что сербы его как хорвата обвинят в государственном перевороте из-за отставки Ранковича и им немного уступил. Так, Сербия в последующие годы получила помимо важных политических функций около 80 % всех государственных инвестиций (Джердап, дорога Белград — Бар, инфраструктура в Белграде). Но всё это не вернуло благосклонности сербских руководителей, которые были уверены, что он большевистский

¹ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 296; *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 59; *Koča Popović.* Intervju // *Danas.* 1989. 07.02. S. 25.

² *Ćosić D.* Pišćevi zapisi (1951–1968). S. 311.

³ *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 513; *Šimić P., Despot Z.* Tito. S. 237.

⁴ BA. Bestand Ulbricht. Walter. NL 182/1238.

⁵ *Ibid.*

догматик и автократ и у него свои дела с Советским Союзом. Они опасались, что Югославия вернется в Восточный блок, и пытались различными ухищрениями нейтрализовать Тито и заставить прислушаться к партийному и государственному руководству. Поскольку в то время в Индонезии местный диктатор Сукарно потерял власть (хотя и дальше оставался номинальным главой государства), в Белграде всё чаще можно было услышать: «Сукарнизируем Тито». К сербам присоединилось большинство словенцев, а также и Лазарь Колишевский, многолетний вождь македонского народа. В этом кругу по предложению Стане Кавчича была предпринята попытка отнять у маршала контроль над армией, который он осуществлял через генерала Ивана Гошняка. Но попытка не удалась¹.

В отличие от сербов, словенцев и македонцев, хорваты придерживались другого мнения. Они были уверены, что смогут использовать политическую слабость Тито в Белграде, чтобы впрячь его в свою телегу. Как сказала вновь избранная председатель СК Хорватии Савка Дабчевич-Кучар в узком кругу соратников, «если нас поддержит Тито, мы победим!»² Было ясно, что другие республики не хотели сильной личности во главе партии и государства, но Хорватия намеревалась разыгрывать карту Тито, что настраивало Люблянину и Белград против Загреба. Сербы искренне обвиняли хорватов в том, что они защищают автократа и сохраняют его у власти³.

¹ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S.53, 54, 81; *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 173.

² *Matunović A.* Titova sovladarica. S. 122; *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 300.

³ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 66; AS. Dedijer. T. e. 233. Zapis M. Tripala Odluke IV. plenuma CK SKJ 1966. Pad Rankovića. Burne diskusije u toku 1968 i 1969. S. 9.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Американский посол в Белграде Чарльз Б. Элбрик после падения Ранковича констатировал, что это событие уничтожило систему властных отношений, которая сложилась в Югославии после войны между шестью республиками и которую заботливо возвращали в последние годы. IV Пленум, по его мнению, нанес мощный удар по «братству и единству», являвшимся до того момента связующей силой между членами партии. «Вероятно, непосредственным результатом всего этого будет рост напряженности между национальностями, поскольку каждая станет стремиться использовать новые условия для удовлетворения своих интересов, которые не всегда отвечали общим югославским интересам»¹.

Этот прогноз почти осуществился, так как в некоторых республиках появились передовые группы — в Хорватии «национальная», в Сербии «либеральная», в Словении «технократическая», которые стремились к самоуправлению во всех областях общественной жизни при условии уважительного отношения к местной специфике. Их носителями были представители среднего поколения, которые только в последние годы получили вес внутри СКЮ. Именно СКЮ превратился в федерацию девяти относительно автономных организаций: шести республиканских и стоящих на несколько более низком уровне двух краевых (Косово и Воеводина) и военной. Военная организация осталась в тисках партизанской номенклатуры, но новые люди, вставшие у руля в Белграде, Любляне и Скопье, не стремились, как, возможно, надеялся Тито, бичевать партикуляристские идеи. Совсем наоборот. «Неизменной чертой югославской политической жизни, — констатировали специалисты ЦРУ, — является то, что большинство сербов, хорватов, словенцев и македонцев ощущают себя в первую очередь сербами, или хорватами, или словенцами, или македонцами и только потом югославами. Национальные и этнические противоречия эндемичны; они долго представляли центробежную силу, которую не может преодолеть ни один союз для решения экономических и политических задач. Страх перед возвратом “великосербской гегемонии” охватывает всех югославов, кроме сербов; некоторые хорваты

¹ NARA. Pol 12. Yugo. Belgrade. 07.07.1966.

и словенцы говорят серьезно об отделении, чего не допустила бы ни одна централизованная власть...»¹

В этих вызывающих озабоченность умозаключениях не учитывалось, что за всеми и всем бдительно следила старая гвардия, которая не собиралась отказываться от своей руководящей роли и уже осознала нависшую над ней угрозу. Это в первую очередь относилось к Тито. Во время заседания, на котором «молодые» выступали особенно активно, на листке, переданном им Карделю, Тито написал: «Эти нас хотят заменить»².

Углубление экономического кризиса и появление «гастарбайтеров»

Новая гвардия, полная оптимизма, ринулась в наступление ради обновления общества. Стане Кавчич, оценивая период 1965–1970 гг., записал: «...речь шла о сведении счетов с нашим сталинизмом, почти во всех областях началось движение в направлении, которое быстрее бы привело нас к более развитой демократии и экономике, на этой почве мы бы постепенно преодолели нашу материальную и идейную отсталость, невзирая на то, является ли она результатом наших внутренних особенностей или идейного влияния большевистской теории и практики». Однако вскоре всё запуталось. «Логично, — пишет Кавчич, — что подобное общественное развитие выплеснуло наружу массу противоречий и щекотливых проблем, а также опасностей. Рыночная экономика требовала больше знаний, укрепилась роль специалистов и менеджеров, появился технократизм, возросшая роль демократии в партии и обществе породила новые идеи и взгляды, необходимо было проявить большее терпение к ним; так появился либерализм. Оказалось, что экономические, политические и системные интересы республик очень различаются, и вспыхнула новая волна национализма. Все эти противоречия нельзя было решать старым, коминтерновским образом, давя дисциплиной, регрессией и мечом, распутывать их должны были с большей демократичностью, терпимостью и открытостью диалогу в Союзе коммунистов, к тому же следовало предоставить гражданские права в СКЮ и в обществе и инакомыслящим»³.

В Хорватии, помимо Мико Трипало, выдвинулась известный профессор экономики Загребского университета Савка Дабчевич-Кучар, которая после падения Ранковича на Пленуме ЦК СКЮ со всей решительностью напала на партийное руководство и его привилегии: «Партия не должна избежать ответственности за свои прошлые дела»⁴. При поддержке Владимира Бакарича (который защищал ее, поскольку боялся конкуренции Мико Трипало,

¹ NIE 15-67. The Yugoslav Experiment. 13.04.1967 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 308.

² Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 125; Kuljić T. Tito. S. 126.

³ AS. Dedijer. T. e. 188. Zapis S. Kavčiča. Šestdeseta leta. S. 3.

⁴ NARA. Pol 12-3. Yugo. Zagreb. 27.09.1966.

наиболее одаренного «нового» человека в Хорватии) она вскоре поднялась на самый верх СКХ и в конце марта 1969 г. была избрана председателем исполнительного совета республики¹. Нововведения, которые она принесла с собой уже тем, что отказалась от стереотипного партийного языка, сразу же почувствовал Мирослав Крлежа. После одной из ее речей он подошел поздравить ее и добавил: «Хотите ввести Европу в партию»². Того же хотели ее сверстники: Марко Никезич и Латинка Перович в Сербии, Стане Кавчич со своей командой в Словении и Крста Црвенковски и Славко Милославлески в Македонии³. Среди них имели особый вес сербы, которые видели в падении Ранковича исключительную возможность для создания современной, демократической Сербии, освобожденной от подозрений в стремлении захватить всю Югославию⁴.

Югославское общество за десятилетия после войны изменилось коренным образом. В 1946 г. в государстве было не более 624 тыс. рабочих и служащих, 80 % населения составляли крестьяне и почти половина граждан была неграмотной. В конце 1960-х гг. было 4 млн работающих и из них — менее 50 % крестьян. Число студентов выросло с 16 тыс. до 200 тыс. Несмотря на это, Югославия оставалась в хвосте европейского развития, ведь в 1970 г. на душу населения приходилось 860 американских долларов ВВП. Ее можно было сравнить с Грецией, но она отставала от Румынии и Болгарии, не говоря уже об Италии, которая имела в два раза больший ВВП. Однако роковую роль в дальнейшей судьбе страны сыграл тот факт, что несоответствие в развитии между шестью республиками и краями (Косово и Воеводина) увеличивалось, вместо того чтобы уменьшаться. Средний ВВП в Словении составлял приблизительно 1550 американских долларов, что означает, что он был в пять раз больше, чем в Косово, которое считалось самым отсталым краем⁵.

Экономические реформы постепенно включали государство в западный рынок. В 1970 г., например, 57 % рыночного обмена составляла торговля с Западной Европой, 6 % — с США. Почти 25 % — с советским блоком. Первые два года реформ казались успешными, ведь властям удалось укротить инфляцию, однако немного позже оказалось, что взаимопроникновение рыночной и управляемой экономики не дало желаемых результатов. Борис Крайгер, один из главных архитекторов и защитников реформ, понял это уже к концу 1966 г., за месяц до своей гибели в автомобильной катастрофе (конечно же, шептались, что это было убийство). Год спустя иллюзию о возможном успехе

¹ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I, II. S. 57, 58; *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 175.

² *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 71.

³ *Ibid.* S. 546; *Perović L.* Na tragu srbske liberalne tradicije. S. 30–32.

⁴ *Jović D.* Yugoslavia. A State that Withered Away. West Lafayette: Purdue University Press, 2009. S. 109; *Milosavljević O.* Činjenice: tumačenja. Dva razgovora Sa Latinko Perović. Beograd: Helsinski odbor za ljudska prava u Srbiji, 2010. S. 48, 49.

⁵ NARA. CREST. CIA. Yugoslavia: An Intelligence Appraisal. 27.07.1971.

реформ отвергли также и верховные государственные руководители, среди которых были Эдвард Кардель и Владимир Бакарич. Это произошло прежде всего из-за сопротивления неразвитых регионов, которые считали, что рыночная экономика из-за большого различия между республиками Югославии не подходит. Промышленное производство начало останавливаться, что помимо всего прочего вызвало безработицу: в начале 1968 г. 327 тыс. человек находились в поиске работы. К ним еще нужно присовокупить около 750 тыс. рабочих, которые «временно» уехали за границу, прежде всего в Западную Германию. Среди них было много хорватов, что придавало явлению дополнительную политическую окраску, поскольку гастарбайтеры за рубежом столкнулись с усташской эмиграцией¹.

При этом поколение, которое участвовало в войне и после победы 1945 г. заняло руководящие места, не отвечало вызовам времени. Его представители всё чаще утверждали, что в прошлом нужно было бороться против сторонников бюрократизма, а теперь — против сторонников технократизма, которые имеют ту же цель: захватить власть от имени рабочего класса. Они, с Тито во главе, чувствовали себя призванными защищать его и править от его имени². Во время беседы с представителями Боснии и Герцеговины 24 марта 1968 г. Тито сказал: «Наш Союз коммунистов должен иметь партийную линию, не имеет права быть только каким-то советчиком, а должен быть носителем экономического, культурного и любого другого прогресса»³.

Укрепление связей Югославии с Советским Союзом

В 1960-е гг. международный авторитет Тито неуклонно рос. После успеха первой встречи неприсоединившихся в Белграде в 1961 г. ему посчастливилось, как мы видели, наладить отношения и с Москвой. Об этом сообщил на XXII Съезде КПСС, проходившем с 17 по 31 октября 1961 г., сам Хрущев, который, ко всеобщему удивлению, реабилитировал Югославию и в то же время позволил убрать тело Сталина из ленинского мавзолея. «Критика так называемого югославского ревизионизма проявилась в новом свете», — скромно комментировали восточные немцы⁴. Изменившийся политический климат привел американского посла Джорджа Кеннана к следующему горькому выводу: «...мои местные клиенты вопреки застою и фрустрации

¹ NARA. CREST. CIA. Memorandum, Yugoslavia — The Ustashi and the Croatian Separatist Problem. 27.09.2001; *Vodopivec P.* Od poskusov demokratizacije (1968–1972) do agonije in karastrofe (1988–1991) // Slovenija — Jugoslavija. S. 14; *Repe B.* Slovenski «liberalizem» šestdesetih let // Slovenija — Jugoslavija. S. 110.

² BA. DY 30/ IV A 2/20/1158; *West R.* Tito and the Rise and Fall of Yugoslavia. P. 291.

³ NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 116. Razgovor Tita sa predstavnicima BiH. Lupari. 24.03.1968.

⁴ BA. DY 30/ IV 2/20/132; AMZV. Zprávy ZÚ. Belehrad 1961–1962. 022857/62-2, Belehrad, 27. února 1962.

продолжают стараться завоевать г. Хрущева, при этом некоторым кругам кажется, что настоящее более успешно, нежели прошлое. Печальная правда заключается в том, что, если советское руководство бросит югославам лишь приглашающую улыбку, то Тито и его ближайшие советники будут сразу же готовы позабыть дядю Сэма со всеми его подарками и корзинами еды в надежде, что легко воспользуются солнцем, которое сияет с Востока»¹.

В апреле 1962 г. Белград с визитом посетил советский министр иностранных дел Андрей Громыко, затем в сентябре и октябре последовали визиты председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Брежнев и, по приглашению Хрущева, «деловой отпуск» Тито в Москву в декабре того же года². В советской столице его удостоили чести, пригласив на заседание Верховного Совета СССР, в ходе которого, помимо всего прочего, Хрущев заявил: «Никто не может, словно Будда, игнорировать факты, очевидную правду и судить, какое государство социалистическое, а какое — нет <...>. Если мы исходим из объективных законов, из учения марксизма-ленинизма, нельзя отрицать, что Югославия социалистическое государство»³.

По возвращении на родину Тито заявил, что советское руководство готово строить конструктивные отношения с Югославией, как в прошлом, после этого руководство СКЮ отправило всем партийным организациям документ, в котором говорилось, что их задача теперь заключается в том, чтобы «выбить антисоветизм из голов своих кадров»⁴. Этому способствовало то, что Тито всё больше волновался из-за агрессивной политики, которую США проводили в Средиземноморье и на Дальнем Востоке, используя, по его мнению, неоднородность коммунистического лагеря, который расколот из-за китайской догматичной политики и «культурной революции» Мао Цзэдуна⁵. В этих условиях он был уверен, что именно он должен сыграть важную роль в глобальных изменениях, выступить против китайской авантюры (его очень беспокоило столкновение между Пекином и Нью-Дели из-за спора о границе в Тибете) и одновременно защититься от возможной «империалистической» опасности, исходящей от США⁶.

Визит Хрущева в Белград с 20 августа по 3 сентября 1963 г. был важен для роста взаимопонимания, которого достигли два государственных деятеля относительно важнейших международных вопросов⁷. Югославские

¹ JFK Library. National Security Files. Box 210.

² TNA. FO 371/169614/CY 100/1; AMZV. Praga, Zprávy ZÚ. Belehrad 1961–1962. 025122/62-2. V Belehrade. 24. dubna 1962.

³ Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 419; AS. Dedijer. T. e. 298; Novi prilozi. Vol. IV. Četrto poglavje. S. 79; Swain G. R. Tito. A Biography. S. 135. Перевод сделан с текста Й. Пирьевца.

⁴ Nenadović A. Razgovori s Kočom. S. 26; Memo for the Director, Yugoslavia and the Soviet Bloc, 18.07.1963 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 293.

⁵ TNA. FO 371/163907/CY 1022/16.

⁶ TNA. FO 371/169617/CY 1022/13.

⁷ TNA. FO 371/177760/NU 1011/1.

политики, которые до этого подчеркивали свою независимость от «блоков», начали подчеркивать роль Югославии внутри «международного революционного рабочего движения». Что касается третьего мира, они теперь ставили не столько на неприсоединение, сколько на интересы развивающихся государств, чтобы при поддержке советского блока строить «миролюбивое сосуществование». При этом они пытались в полемике с западной «неоколониалистской» политикой налаживать союзнические связи, прежде всего с «передовыми» движениями в Африке, Азии и Латинской Америке¹.

Когда в октябре 1962 г. после обнаружения советских ракет на Кубе вспыхнул кризис, благодаря чему мир оказался на пороге третьей мировой войны из-за ультимативных требований нового американского президента Кеннеди убрать их оттуда, белградское руководство не скрывало, на чьей оно стороне. Хотя Тито не очень симпатизировал Кастро, он заявил, что односторонние акции могут серьезно угрожать миру во всем мире, и выступил за то, чтобы спор между великими державами был разрешен в рамках ООН. При этом он апеллировал не только к американцам, но и к СССР тоже, ведь он предупреждал Хрущева, как сообщал посол Джордж Кеннан, чтобы тот не попался в ловушку Кастро². Его отрицательное отношение к США стало более выраженным, когда осенью 1963 г. по приглашению президента Кеннеди Тито совершил турне по Латинской Америке (Бразилия, Чили, Боливия, Мексика) с посещением Вашингтона³. Хотя американские власти постарались принять его со всеми почестями и Тито уезжал из Америки, уверенный в том, что с Кеннеди они достигли договоренностей во всем, за исключением кубинского вопроса, встречу омрачили инциденты, которые инициировали сербские и хорватские эмигранты, получавшие на протяжении долгого времени помощь американских властей, закрывавших глаза на то, что среди них были военные преступники. Их действия были настолько агрессивными⁴, что Тито отказался от визита в Калифорнию, куда был приглашен, сославшись на то, что заболел гриппом. Хуже всего было в Нью-Йорке, где протестующие массы окружили отель «Вальдорф Астория», в котором он проживал со своим окружением, и не позволяли ему отправиться на прием в его честь. Говорят, тогда Тито был на волосок от покушения⁵.

Вопреки тому, что Тито сорвал бурные аплодисменты после своей речи на Генеральной Ассамблее ООН, домой он вернулся с неприятным

¹ Memo for the Director, Yugoslavia and the Soviet Bloc, 18.07.1963 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 294.

² GWU. 87-DOS 02138 PB. Department of State. Belgrade, 24.10.1962; Department of State. Incoming Telegram. Zagreb, 13.11.1962.

³ NARA. CREST. CIA. Special Report. Yugoslav Interest in Latin America. 12.04.1963; CIA. Weekly Summary. 11.10.1963.

⁴ *Dedijer V. Novi prilozii. Vol. III. S. 37.*

⁵ *Adamović M. Brozovi strahovi. S. 353–362; AS. Dedijer. T. e. 198. Tiskopis za IV. zvezek Titove biografije; Mandić B. Tito u dialogu s svijetom. S. 127–132.*

ощущением, что четники, усташи и албанские экстремисты с такой легкостью выступили против него, поскольку имели поддержку правых сил внутри американского аппарата, ответственного за его безопасность¹. Когда через месяц пришло сообщение об убийстве Кеннеди, в Белграде с визитом находилась румынская делегация с Георгиу-Деж во главе. Он позднее рассказывал, что они с Тито, бесконечно обеспокоенные этой трагической новостью, целую ночь задавались вопросом, что случилось и куда катится Америка². Тито в любом случае не верил, что убийство — дело рук сумасшедшего Харви Ли Освальда, он считал, что президент стал жертвой заговора американских военных кругов. В разговоре с послом ГДР Элеонорой Штаймер он сказал, что с ним в США могло произойти то же, что и с Кеннеди, и что настоящего убийцу никогда бы не нашли, поскольку его защищают влиятельные люди в Пентагоне. «Поскольку он сам был солдатом, — говорила Штаймер, — он знает, что из винтовки, которую показали после убийства, невозможно за столь короткое время выстрелить четыре раза с такой точностью по движущемуся автомобилю, и чтобы были такие попадания. Уверен, что Кеннеди убит из пулемета и стрелял не один человек»³.

Так как Тито считал, что американская внешняя политика опасна для мира, он в 1960-х гг. попытался остановить реакционные силы, которые были на марше, путем создания широкого «миролюбивого фронта». Последний должен был охватить неприсоединившиеся страны и большинство социалистических государств, народно-освободительные движения третьего мира, передовые силы в капиталистическом лагере, а также некоторые западные государства, критически относящиеся к политике Вашингтона, каковой была, например, Франция. Тито считал, что такой фронт более успешно работал бы в ООН, где баланс сил быстро бы сложился в ущерб США. Его цель заключалась в изоляции США и Китая, что заставило бы оба государства перейти к более умеренной политике⁴.

Дабы ликвидировать влияние Пекина на неприсоединившиеся страны, в середине апреля 1965 г. Тито посетил Алжир, куда незадолго до этого приехал Чжоу Эньлай. Хотя на Западе и думали, что Тито хочет играть на международной арене политическую роль, которая превышает его возможности, этой линии не противились. Напротив, были уверены, что это в их интересах⁵. Гораздо менее западные политики были воодушевлены его заявлениями против империализма, на которые он не поспешил и в Алжире. Во время празднования годовщины победы над нацистами, 10 мая 1965 г. он зашел настолько далеко, что сравнил политику Муссолини и Гитлера перед Второй мировой

¹ NARA. CREST. CIA. Office of Current Intelligence. Reaction of Tito and his entourage to his US Visit. 04.11.1963; *Ridley J. Tito. A Biography.* P. 365.

² JFK Library. Oral Histories. William A. Crawford, 12.03.1971. S. 26.

³ BA. Bestand: Ulbricht, Walter, NL 182/1235.

⁴ NARA. Pol 15-1. Yugo. Belgrade, 21.06.1965; Pol 15-1. Yugo. Belgrade, 11.05.1965.

⁵ TNA. FO 371/182850/NU 103170/8.

войной с действиями США во Вьетнаме, Конго и на Карибских островах. При этом он осуждал прежде всего бомбардировку Северного Вьетнама, которая, по его мнению, вызвала сочувствие у всех, кто пережил подобное в годы Второй мировой войны¹.

Хо Ши Мин встал на сторону Мао Цзэдуна в осуждении югославского ревизионизма, но Тито вопреки этому поддерживал вьетнамцев. И это мужественное выступление не осталось без отклика в Вашингтоне. В конце июля 1965 г. американский президент Линдон Джонсон послал на Бриони своего особого представителя, губернатора Аверелла Гарримана, чтобы он посоветовался с Тито, как выйти из войны с Вьетнамом. В беседах с Гарриманом маршал не скрывал уверенности, что США должны прекратить бомбардировки Северного Вьетнама, что должно было стать первым шагом, который бы убедил Ханой начать мирные переговоры. По его мнению, американцы должны были позволить Вьетконгу, движению за освобождение Южного Вьетнама, создать в Сайгоне «смешанное» правительство, приблизительно такое, какое он сам образовал с Шубашичем². Этих советов Вашингтон, конечно же, не принял. Но это не помешало администрации президента Джонсона продолжать диалог с Тито и финансово поддерживать экономические реформы в Югославии³.

Мирными инициативами югославского президента северо-вьетнамское правительство не было довольны. В середине июня 1966 г. Вьетнамское печатное агентство резко осудило его усилия, направленные на политическое разрешение кризиса. «Тито не смог скрыть своей настоящей окраски добровольного слуги американских империалистов, — написало оно. — Всем хорошо известно, что он упорно пытался продать смердящее барахло переговоров о мире, которое производят его американские хозяева». Эти нападки, по словам ближайших соратников Тито, его очень сильно заделали, поскольку к ним присоединился также Хо Ши Мин с пренебрежительными оценками его личности, говоря, что он якобы лакей империализма и живет роскошной королевской жизнью⁴.

Израильско-египетская война

Когда Хо Ши Мин говорил о роскоши, в которой жил Тито, он был прав, но глубоко заблуждался, сомневаясь в искренности борьбы Тито с империализмом. Так, например, Югославия резко осудила государственный переворот в Греции, который осуществила в апреле 1967 г. с американского

¹ NARA. Pol 15-1. Yugo. Belgrade, 03.06.1965.

² NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 33. Razgovor Tita sa rukovodiocima Hrvatske u Zagrebu, 02.01.1969.

³ NARA. Pol 15-1. US–Yugoslavia. Washington, 02.09.1965; GWU, 01673, 28.12.1965, Notes on Telecon with the President; *Моћник J.* United States — Yugoslav Relations. 1961–88. P. 77.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 120. Tito nikad nije zaboravio svoju revolucionarnu dužnost. S. 2, 3.

благословения горстка реакционных полковников, и арабско-израильскую войну, которая произошла при поддержке Вашингтоном правительства в Тель-Авиве. Из-за тесных контактов с Насером Тито с самого начала был настроен проарабски, что не помешало ему попытаться стать посредником между Египтом и Израилем¹.

После завершения Шестидневной войны (5–10 июня 1967 г.), которая закончилась катастрофическим поражением арабов, Тито не успокоился. Он составил план мирного урегулирования для решения израильско-палестинского вопроса, который был разделен на пять пунктов, из которых были особенно важны два первых: победоносные израильские части должны отойти на линию границы 5 июня 1967 г., когда начались столкновения, а взамен для всех ближневосточных государств, втянутых в войну, будет обеспечена международная защита со стороны великих держав и ООН. С этой целью он направил своих представителей в Вашингтон, Москву, Лондон и Париж, а сам с Карделем отправился в Каир, где попытался убедить Насера в необходимости найти формулу, которая создала бы условия для того, чтобы арабские государства признали Израиль². Без успеха. Но в то же время Тито получил поддержку папы Павла VI и лестную похвалу патриарха Афинагора: «Прочел ваш план по стабилизации Ближнего Востока и положил его в свой архив как важное свидетельство... Желаю вам счастья, вы настоящий борец за мир во всем мире. Когда-нибудь доброе семя, оброненное в сердца и души людей, породит сад»³.

1968 — год студенческих демонстраций

В середине января 1968 г. сербским либералам удалось осуществить чистку в белградской городской организации Союза коммунистов. Партийная контрольная комиссия объявила об исключении 400 членов из СК Сербии по причине задержек выплаты членских взносов, отсутствия на заседаниях и других подобных «грехов», как говорили, и тем более из-за оппозиции партийной программе, а следовательно, из-за сопротивления реформам⁴. События показали, до какой степени расколото сербское общество и как сильно в нем распространены радикальные течения, от великосербских шовинистов до левых утопистов. Вся эта напряженность в 1968 г. вылилась в студенческие беспорядки, причиной которых стала драка между студентами и молодыми рабочими, возникшая из-за наплыва людей на бесплатный поп-концерт. Кто получит доступ к имеющимся местам — студенты или бригадиры? Милиция действовала жестко и тем самым разожгла искру

¹ PA. В 42. Bd. 989; TNA, FCO 28/512/NU 1/3.

² BA. Bestand Ulbricht. Walter. Sign. NL 182/1238.

³ JA. KPR I-1/1340.

⁴ NARA. CREST. CIA. Weekly Summary. Special Report. The Yugoslav Power Structure under Revision. 23.02.1968.

сопротивления¹. Выплеснулась накопленная напряженность, которую, помимо всего прочего, вызывали трудности при поиске работы для молодых интеллектуалов (53 тыс. выпускников в год), появившиеся из-за экономической реформы и введения рыночных механизмов управления экономикой.

Под влиянием майских беспорядков во Франции и в других регионах Европы белградские студенты пошли на баррикады с левыми радикальными лозунгами и 4 июня 1968 г. провозгласили «Красный университет Карла Маркса». Многие из них следовали идеям философского издания *Praxis*, которое с 1964 г. выходило в столице Хорватии как печатный орган профессуры, в большинстве своем из Загребского и Белградского университетов. Объединившись в группу, которая стала известной не только на родине, но и в Европе из-за летней школы на острове Корчула (Хорватия), они начали агрессивную критику югославской системы, исходя из идеи Маркса об отчуждении, которое существует между человеческой природой как таковой и тем, какой она потенциально могла бы быть. В этом контексте они полагали, что самоуправление не может осуществить все свои творческие возможности до тех пор, пока останется включенным в авторитарные и иерархические государственно-партийные структуры, и требовали преобразования системы в самоуправленческую группу производителей и граждан. Хотя журнал *Praxis* из-за этих «мелкобуржуазных» идей, против которых выступил сам Тито, в апреле 1968 г. был временно закрыт, спустя два месяца стало ясно, какое влияние он имел. Белградские студенты воспротивились существующему режиму и в знак приверженности истинному социализму повесили на фасаде университета огромный портрет Тито времен партизанской борьбы в поддержку требования, что нужно вернуться к корням². Протестное движение также перебросилось на другие югославские университеты, но свой эпицентр сохранило в столице, где помимо радикально-левого невозможно было не услышать унитаристского, «югославянского», по сути великосербского призыва. До падения Ранковича государством правила сербская бюрократия (66% функционеров в союзных органах были сербами, хорватов едва 9%), которая в последующие годы стала терять силу³. Этого будущие бюрократы не могли не заметить, хотя свой экзистенциальный страх выражали примитивно-утопическим способом. Они требовали изменений, которые бы быстро устранили социальные различия, присутствовавшие в обществе, требовали долгосрочной программы экономического развития, которая бы решила проблемы безработицы, хотели быстрого и основательного развития самоуправленческих

¹ Swain G. R. Tito. A Biography. P. 157.

² Udovički D. Treći juni 1968. S. 23; Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 86; Bilandžić D. Hrvatska. S. 518–522; Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 332; Swain G. R. Tito. A Biography. P. 154–157.

³ PA. Zwischenarchiv. 112617. 12.03.1973; Kranjc M. F. Zarote in atentati na Tita. S. 347.

отношений и проведения реформы образовательной системы, которая предоставила бы права на равное образование для всех, а также улучшила социальную структуру и материальное положение студентов. Всё время, что шли демонстрации, студенты пытались найти точки соприкосновения с рабочими, так как были уверены в решающем объединении двух половин пролетариата: интеллектуалов с одной стороны и рабочих с другой.

Забастовка в партийных кругах вызвала шок и панику, каких еще не было. В Белграде 9 июля 1968 г. было созвано заседание Президиума ЦК СКЮ, на котором Тито, вернувшийся с Бриони, выступил с острой критикой студентов. При этом он особо подчеркнул, что забастовка нанесла «большой удар по престижу нашего государства за границей». Кардель присоединился к партийному руководству Сербии и потребовал, чтобы против них выступила армия¹. К этим крайним мерам не пришлось прибегать, поскольку кризисную ситуацию с присущей ему ловкостью разрешил сам Тито, да так, что движение он обозначил как «взрывоопасное выражение сопротивления, которое снизу проявляется уже много лет»². Ярким выступлением на телевидении 9 июня 1968 г. он попытался успокоить студентов и «вопреки существующим трудностям пообещал открыть определенные перспективы», оправдал «позитивный беспорядок» июньских событий и дал слово, что тотчас лично займется решением выявленных проблем: «Если эти вопросы я не в состоянии решить, то больше я не могу занимать своего места»³. А после телевизионной передачи присутствовавшим сказал нечто совсем другое: «Это произойдет, товарищи, если некая обезьяна не будет своевременно арестована»⁴.

Тактическое мастерство Тито имело силу катарсиса: студенты за ночь успокоились, уверенные, что они победили. На улицах они от всего сердца плясали «Козарачко коло» и пели⁵. Верхушка партии 14 июня под руководством Карделя создала особый документ о «Направлениях важнейших обязанностей СКЮ в развитии системы общественных и политических отношений», в котором было обещано углубление самоуправления, но при условии, что КПЮ останется руководящей силой развития. Тито вскоре начал предупреждать об опасности, которую несли мелкобуржуазные либеральные группы, собиравшиеся в университетах, и выступил против «гуманитарной интеллигенции», сторонников многопартийной системы, против так

¹ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 270; Idem. Hrvatska. S. 519; Cenčić V. Titova poslednja ispovijest. S. 159; Čepić Z. Jugoslovsanske reforme v šestdesetih // Slovenija — Jugoslavija. S. 44; AS. Dedijer. T. e. 244. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Šestnajsto poglavje. S. 2–4.*

² *BA. DY 30/IV A 2/20/1158; Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 87.*

³ *BA. DY 30/IV A 2/20/1158; Antonić Z. Rodoljub Čolaković. S. 188–190.*

⁴ *Vuković Z. Od deformacij v SDB do Maspoka i liberalizma. Moji stenografski zapisi 1966–1972 godine. Beograd: Narodna knjiga, 1989. S. 178, 179.*

⁵ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 66; Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 342, 343.*

называемого политического «плюрализма», «Джиласцев» и «догматических элементов»¹. Спустя некоторое время студенты вынуждены были признать, что режим на самом деле не готов исполнять их требования, так как уже осенью 1968 г. он распустил партийные организации на философском факультете Белградского университета и начал цензурировать студенческие газеты, которые посредством критических и иронических статей нападали на современность². Речь Тито на телевидении и «Направления» Карделя, которые должны были перестроить общество, остались, таким образом, на бумаге; была тотально свернута экономическая реформа, поскольку старая гвардия испугалась, как бы она не принесла с собой слишком много свободы. Хотя студенты белградского философского факультета в июне 1969 г. попытались снова напасть на режим и его политику, в этот раз они остались в одиночестве. Партийный журнал *Коммунист* необычайно остро критиковал «оппозицию радикалов», которая в университете направлена на «общественную деструкцию», и приравнивал редакцию газеты *Student* к усташам и четникам³. «Нет надежд в этом обществе, — с горечью комментировал Добрица Чосич. — Всё разрушится в хаосе, крови, диктатуре и упадке <...>»⁴.

Отношения с СССР и его «сателлитами»

Помимо Энвера Ходжи и Мао Цзэдуна в 1964–1965 гг. Тито посетил или принял с государственным визитом всех руководящих представителей социалистических государств и тем самым сделал дополнительный шаг в направлении нормализации отношений с Советским Союзом. В середине октября 1964 г. югославы были весьма взбудоражены из-за внезапной отставки Хрущева. Тито ценил в нем прежде всего готовность выслушивать собеседника, раздумывать над тем, что услышал, и иногда полностью менять свое мнение. За последние два года он установил с ним дружеские связи, кроме того являлся посредником между советским первым секретарем и румынскими руководителями, которые лелеяли стремление к автономии⁵. Тито долгое время сомневался в том, что новые кремлевские руководители, главным из которых был Брежнев, смогут его полностью заменить⁶. 18 июня — 1 июля 1965 г. Тито по особому приглашению Брежнева снова посетил советскую столицу, Минск и Сибирь и, конечно же, обновил диалог с новым советским правительством, которое приняло его со всеми подобающими почестями. Югославы были удивлены не только тем, что Тито от аэропорта

¹ BA. DY 30/IV A 2/20/1158; *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 572.

² PA. B 12. Bd. 547.

³ Ibid.

⁴ *Čosić D.* Piščevi zapisi (1951–1968). S. 344.

⁵ *Mandić B.* Tito u dialogu sa svijetom. S. 212–224.

⁶ NARA. Pol 15-1. Yugo. Belgrade. 26.05.1965; TNA. FO 371/177767/NV 1015/11; FO 371/182840/NU 1022/29; Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 472–498.

до Москвы встречала 30-километровая «шпалера», но и тем, что гостей поселили в Кремлевском царском дворце, главный вход в который впервые открыли для главы иностранного государства¹. Воодушевленный таким вниманием, Тито в Свердловске заявил, что в случае войны Югославия будет плечом к плечу сражаться с СССР и другими социалистическими государствами. Эти слова не удивили Запад, поскольку из секретных источников там знали о мыслях Тито. Но то, что он высказал их публично, показалось достойным особого внимания². По возвращении в Белград он подчеркнул, что его взгляды на вопросы, о которых он говорил с русскими, «те же самые или близки к ним»³. В 1966 г. падение Ранковича несколько снизило сердечность диалога между Белградом и Москвой, ведь Советский Союз с озабоченностью оценивал реформы СКЮ, которые, по его мнению, были беспрецедентными в истории социализма. Советские руководители задавались вопросом, контролирует ли еще Тито ситуацию, хотя, с другой стороны, констатировали, что Югославия не блокирует действия, которые способствуют единству коммунистического движения. Поэтому они были готовы терпеливо изучать перемены в СФРЮ, говоря, что якобы речь идет о внутренних делах, которые не наносят непосредственного вреда интересам социалистического блока⁴. В таком настрое в сентябре 1966 г. Брежнев впервые посетил Югославию в качестве генерального секретаря ЦК КПСС, а в следующем году Тито участвовал в торжествах по случаю 50-летия Октябрьской революции⁵.

Пражская весна

Уже к концу 1967 г., когда в Чехословакии начали проявляться первые признаки оттепели, особенно после январского пленума ЦК КПЧ, югославское руководство во главе с Тито начало поддерживать «новое направление» с нескрываемой симпатией. При этом оно исходило из тезиса, что такое развитие необходимо, поскольку соответствует современной фазе строительства социализма в Чехословакии. Между 28 и 30 апреля 1968 г., во время возвращения из Японии, Ирана и Монголии, Тито посетил секретную встречу в Москве, которую созвал Брежнев, чтобы поговорить с руководителями пяти партий — членов Варшавского договора о том, как реагировать на чехословацкий кризис. Между советским руководителем и маршалом состоялся оживленный обмен мнениями, Тито предупредил, что применение силы приведет к катастрофическому положению и, вероятно, намеренно употребил ту же лексику, которую использовал двенадцать лет назад при комментировании подавления венгерской

¹ *Marović M.* Sumrak. S. 269; *Mandić B.* Tito u dialogu sa svijetom. S. 212–224.

² TNA. FO 371/182846/NU 103138/6; NU 113138/5.

³ TNA. FO 371/182864/NU 113138/5.

⁴ NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 12. CK SKJ. Komisija za Međunarodne veze. Informacija o reagovanjima rukovodstva partija nekih socialističkih zemalja na IV. in V. sednicu CK SKJ. Beograd. 07.11.1966.

⁵ TNA. FCO 28/1635/ENU 3/303/1.

революции. Своего собеседника он не переубедил: «Почему вы, югославы, боитесь слова “интервенция”? — спросил Брежнев. — Нужно ли дожидаться, когда в Чехословакии, как в Венгрии в 1956 г., начнут вешать коммунистов?! История нам не простит, если мы будем сидеть сложа руки и пассивно смотреть, как активизируются антикоммунистические силы, как хоронят социализм!» — «Будь осторожен, Броз, — добавил он, — чтобы там, у тебя, не начались процессы, подобные чехословацким». На это резкое предупреждение Тито ответил, что положение в Югославии совсем другое, поскольку с противниками социализма они рассчитались еще во время народно-освободительной войны и революции. Что касается опасности, которая угрожает социализму в Чехословакии, он отметил, что в молодости работал на чешских предприятиях и хорошо познакомился с местным рабочим классом. Поэтому он уверен, что рабочий класс в состоянии самостоятельно справиться с классовым врагом и защитить завоевания социализма. Он также считал, что нужно верить Александру Дубчеку, генеральному секретарю КПЧ, и чешской интеллигенции, которая всегда была на стороне Коммунистической партии¹.

Вопреки этому обмену мнениями, который не обещал ничего хорошего, Тито вернулся в Белград с надеждой, что русские не станут решать спора с чехами и словаками при помощи военного вмешательства². Он считал, что развитие ЧССР является «переходом на более высокую ступень социализма» и его нужно поддержать, и поэтому уже весной попытался организовать встречу с Дубчеком, что в социалистическом мире подтвердило бы право на разные пути развития³. IX Пленум ЦК СКЮ, созванный 16 июля 1968 г. ясно выразил и подчеркнул, что рабочий класс, его партия и другие социалистические и передовые силы ЧССР призваны сами, без внешнего вмешательства оценивать ситуацию в государстве и решать проблемы, которые накопились за прошедшие годы⁴. Кардель, со своей стороны, бдительно следил за развитием событий в Чехословакии, будучи уверенным, что югославы не могут отстать от них. Но спустя какое-то время он начал задаваться вопросом, куда может привести радикализация Пражской весны. Вместе с многочисленными партийными «либералами» он полагал, что систему можно реформировать только сверху, посредством партии, и ни в коем случае не снизу, из народа⁵.

¹ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 420; AS. Dedijer. T. e. 126; *Hadalin J.* Tito in praška pomlad v jugoslovanskih diplomatskih virih // Slovenija — Jugoslavija. S. 153; *Mandić B.* Tito u dialogu sa svijetom. S. 290–292; *Idem.* S Titom. S. 54.

² PA. B 42. Bd. 1348; *Ridley J.* Tito. A Biography. P. 385.

³ BA. DY 30/IV A2/20/1175.

⁴ BA. DY 30/J IV 2/2 A-1.331. Vorlage für das Politbüro, 20.09.1968; *Hadalin J.* Tito in praška pomlad. S. 158.

⁵ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 600; *Pelikan J.* Jugoslavie a pražské jaro. Praga: Univerzita Karlova; TOGGA, 2008. S. 145–146; *Roter Z.* Padle maske. S. 258, 259.

Когда Тито осознал опасность укрепления в Чехословакии «антисоциалистических элементов», между 9 и 11 августа 1968 г. он посетил Прагу; во время этого визита на переговорах с Дубчеком и его соратниками он призывал к осторожности и в то же время на пресс-конференции открыто защищал процесс демократизации. Конечно же, он был встречен с триумфом, со спонтанными манифестациями народа, который видел в нем сторонника Пражской весны, и не без оснований, поскольку в последующие дни он с румынским президентом Чаушеску приложил все силы, чтобы не произошло военного вмешательства Варшавского пакта, направленного против Дубчека и его сторонников. Тито провел ряд телефонных разговоров с Брежневым, Кадаром и другими руководителями партий, которые ему обещали, что вмешательства не будет¹. Но эти разговоры уже не могли повлиять на развитие событий.

Август 1968 г.

21 августа силы Варшавского пакта, за исключением Румынии, вторглись на территорию Чехословакии и заняли Прагу, где якобы началась «контрреволюция» и было необходимо во имя международной солидарности оказать помощь братской республике. Эта вооруженная «защита социалистических достижений» породила в Югославии страх перед опасностью непосредственной военной угрозы. Уже в последующие два дня правительство СФРЮ и ЦК СКЮ решительно осудили военное вмешательство и заклеили его как «агрессию», «интервенцию», «оккупацию» и «грубое вмешательство во внутренние дела ЧССР». Пять государств, которые участвовали в этом, и прежде всего Советский Союз, они упрекнули в том, что была совершена попытка воспрепятствовать развитию социализма в ЧССР, и в первую очередь развитию социалистической демократии. Тито заявил, что абсурдно говорить о «контрреволюции», которой не было, поскольку он сам в этом убедился во время своего недавнего визита в чешскую столицу. Для него вмешательство Варшавского пакта было еще более болезненным, поскольку в последние годы он часто говорил, что недоверие к СССР — это последствия империалистической пропаганды западных сил. «Я, как мог, помогал, чтобы это исправить. Я хотел доверия — а теперь всё это разрушено»². В заявлении для радио и телевидения Тито не скрывал своего разочарования: «Вторжение иностранных военных частей в Чехословакию без приглашения и одобрения законного правительства нас глубоко опечалило. Этими действиями разрушена, попорана суверенность

¹ *Hadalin J.* Tito in praška pomlad. S. 161, 162; *Režek M.* Odmev praške pomladi in njenega zloma v Sloveniji in v Jugoslaviji // Slovenija — Jugoslavija. S. 169.

² NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 33. Razgovor Tita sa rukovodiocima Hrvatske u Zagrebu, 02.01.1969.

социалистического государства и нанесен тяжелый удар социалистическим и передовым силам в мире»¹.

Нигде, за исключением Чехословакии, крушение «социализма с человеческим лицом» не имело такого отклика, как в Югославии. Начались общественные протесты, жесткая медийная кампания против СССР, который был обвинен в неосталинских методах и великорусском шовинизме. Из Москвы и других столиц Варшавского договора отвечали, что югославы с антисоветской пропагандой полностью созвучны с Западом и маоистскими схизматиками. Это не убедило Тито и его соратников смириться, напротив, был принят ряд мер для подготовки населения к возможному нападению. Их страх еще больше укрепился после дипломатической ноты, которую 30 августа посол Иван Бенедиктов по поручению правительства и ЦК КПСС передал Тито. В ней московское правительство резко нападало на Югославию из-за ее антисоветской и антисоциалистической деятельности и поддержки «контрреволюции»². ЮНА ввела самую высокую степень боевой готовности, дошло до частичной мобилизации, у границы с Венгрией и Болгарией были поставлены приграничные кордоны, аэродромы были снабжены всем необходимым для предотвращения посадки вражеских самолетов, и в большинстве городов были организованы учения ночной тревоги. В этих условиях Тито попытался организовать конференцию тех европейских левых партий, которые не имели отношения к вторжению в Чехословакию, и для этого установил связь с КП Италии, Франции, Австрии, Швеции, а также с социалистическими и социал-демократическими партиями Западной и Северной Европы. С этой же целью он собирался собрать совещание неприсоединившихся государств, но попытка не удалась, поскольку Объединенная арабская республика и Индия не осудили советского нападения. Насер, к большому разочарованию Тито, в самый критический момент целые две недели отказывался принимать югославского посла Данило Лекича³.

Осенью 1968 г. международные отношения еще обострились из-за заявления Леонида Брежнева, что глобальные интересы коммунистической общности важнее суверенитета отдельных государств. Газета *Правда* уже 26 сентября передала его мысль: «Каждая коммунистическая партия ответственна не только перед своим народом, но и перед всеми социалистическими странами, перед всем коммунистическим движением. Кто об этом забывает, подчеркивая лишь самостоятельность, независимость коммунистических партий, тот впадает в односторонность, отклоняясь от своих интернациональных обязанностей <...> То или иное социалистическое государство, находящееся в системе других государств, составляющих

¹ AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopic za IV. zvezek Titove biografije. S. 115.

² Režek M. Odmev praške pomladi. S. 175, 176.

³ NARA. CREST. CIA. Yugoslavia: An Intelligence Appraisal, 27.07.1971; AS. Dedijer. T. e. 126. Tito i pitanje intervencije. S. 2; Režek M. Odmev praške pomladi. S. 177.

социалистическое содружество, не может быть свободным от общих интересов этого содружества»¹

Новая «доктрина» имела для югославов угрожающий оттенок, поскольку было нетрудно догадаться, что она была направлена против них. Советский посол в разговоре с Тито отметил, что заявление не касается Югославии, но это едва ли успокоило последнего. Его требование, чтобы было сделано открытое заявление об этом, Советский Союз отклонил. Разгорелась активная полемика в прессе, которая, конечно же, не способствовала разъяснению понятий, хотя советская печать вместе с печатью стран-сателлитов утверждала, что тезис об «ограниченном суверенитете вымысел буржуазной пропаганды, который позаимствовали ревизионисты»².

Как и после конфликта со Сталиным, Тито был вынужден снова искать защиты на Западе, который проявлял в то время благосклонность к Югославии, поскольку уже не мог защитить Чехословакию. Американский президент Линдон Джонсон сделал заявление в поддержку ее независимости и целостности и направил заместителя государственного секретаря из Госдепартамента Николаса Катценбаха с визитом в Белград. Даже де Голль был удивлен решимостью югославов сопротивляться возможному вторжению Советского Союза. Когда, после десятидневного ожидания аудиенции, де Голль принял чрезвычайного представителя Тито, который просил его о поддержке, в ходе беседы он по-старчески задремал. Однако, когда он понял, о чем идет речь, сразу пришел в себя: «Это фантастика... это существенно! Сегодня Тито единственный человек в Европе, который способен говорить так», — воскликнул старый вояка и ударил ладонью по столу³.

На заседании министров иностранных дел стран — членов НАТО в ноябре 1968 г. помимо этого было составлено коммюнике, которое предупреждало СССР, что любое посягательство, которое «опосредованно или непосредственно повлияло бы на положение в Европе или Средиземноморье, вызовет международный кризис с тяжелыми последствиями». Было очевидно, что США и их союзники держат в мыслях так называемые «серые зоны», те, которые не покрывали ракеты НАТО, и весьма обеспокоены судьбой Югославии, Финляндии, Австрии, а также Румынии, правда, последняя рассматривалась в ином контексте. С согласия Секретариата внешней политики югославская пресса сперва приветствовала это заявление, но несколько дней спустя, после некоторых размышлений, отвергла как нежелательное и ненужное. Вопреки этому в закулисе шли переговоры с Западом, которые подтверждали тот факт, что Тито не противится укреплению военного сотрудничества с членами Североатлантического альянса. В этом смысле начались

¹ AS. Dedijer. T. e. 126. Правда. 1968. 26.IX.

² PA. B 42. Bd. 1348.

³ *Tripković D. Pisma koja je Josip Broz Tito razmenio sa Leonidom Brežnjevim i Lindonom Džonsonom povodom događaja u Čehoslovačkoj u jesen 1968 // Istorija 20. veka. 2010. Vol. 28, No. 3. S. 176, 182.*

особо тесные отношения с Италией и бывшими партнерами внутри Балканского пакта — Турцией и Грецией (хотя в последней у власти еще находилась полковническая хунта). Заместитель секретаря по обороне Иван Долничар развернулся в сторону Вашингтона и предложил список оружия, которое Югославия хотела бы приобрести в США, и одновременно — снова начать обучение югославских офицеров в американских военных академиях¹.

Когда страх перед советским военным вмешательством в конце 1968 г. немного поутих, Тито самоуверенно ответил на заявление НАТО о «серых зонах», что его государство не чувствует угрозы и не собирается быть под зонтиком ни одной из великих держав². В то же время постепенно сходили на нет резкие выпады в отношении социалистического лагеря. Всё чаще можно было услышать, что Югославия вопреки всем расхождениям готова сохранить с ним хорошие отношения, прежде всего в области экономики, науки и культуры. На праздновании 50-летия II сессии АВНОЮ в Яйце Тито едва коснулся событий в Чехословакии, что было красноречивым признаком его желания снова завязать диалог с Советским Союзом³. В разговоре с журналистами он даже заявил, что необходимо ориентироваться «на дальнейшее развитие сотрудничества, вопреки различным взглядам»⁴. Речь шла о тактической линии, которая натолкнулась на вал критики, особенно в Словении и Белграде, за то, что якобы Тито уступает русским, и это было небезосновательно. К подобной примирительной позиции Тито склонили итальянские и французские коммунисты, и к тому же экономические интересы. После ликвидации Пражской весны русские прекратили поставки военного снаряжения, за которое югославы уже заплатили. После примиренческой речи Тито в Яйце был подписан торговый договор, который увеличивал экономический обмен между государствами на 16%. То же происходило в отношениях с другими восточными «сателлитами», что для Югославии не было лишено смысла, поскольку ее товары с трудом выдерживали конкуренцию на западных рынках⁵.

Преобразование ЮНА

Югославская Союзная скупщина 11 февраля 1969 г. в ускоренном режиме проголосовала за закон о территориальной защите, согласно которому против потенциального оккупанта следовало организовать партизанское

¹ NARA. CREST. CIA. Yugoslavia: An Intelligence Appraisal, 27.07.1971; NIE 15-73, Yugoslavia after Tito. 05.07.1973 // Yugoslavia. From «National Communism». S. 519.

² PA. B 42. Bd. 1348; NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 33. Razgovor Tita sa rukovodiocima Hrvatske u Zagrebu, 02.01.1969.

³ PA. B 42. Bd. 1348; BA. Bestand Ulbricht. Walter. NL 182/4238; Režek M. Odmev praške pomladi. S. 180.

⁴ Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 421.

⁵ NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 33. Razgovor Tita sa rukovodiocima Hrvatske u Zagrebu. 02.01.1969.

сопротивление на территориях, которые ЮНА не смогла бы защитить. Речь шла о концепции «вооруженного населения», которая опиралась на военную доктрину, написанную еще на переломе 1940–1950-х гг., когда стало ясно, что Югославия не может напрямую сопротивляться советскому блоку или НАТО; это означало, что в случае войны она потеряла бы часть своих территорий, на которых следовало организовать партизанское сопротивление¹. При этом территориальная защита расширила радиус своего действия, и теперь пыталась захватить в свою сеть всё население в возрасте от 17 до 60 лет, не принимая во внимание ни пол, ни расходы, которые несли республики и общины². К этому присовокупили и гражданскую оборону, и все эти меры позволяли мобилизовать на борьбу с предполагаемым оккупантом, помимо регулярной армии, 3 млн граждан. Фабрики, учреждения и поселения получили склады с оружием³. Иными словами, ни одно другое европейское государство не вложило столько сил в разработку и подготовку национальной самообороны, в нее были даже вовлечены дети начальной школы, которых обучали, как быстрее оказаться в укрытии в случае нападения. Своим вооруженным силам оно отдавало приблизительно 6% годового бюджета, будучи уверенным, что нужно опасаться как «большого брата» на Востоке, так и НАТО на Западе⁴. В случае нападения Югославия должна была среагировать как еж, при этом подобное сравнение не являлось случайным, по сути это была тактика, которую после германского вторжения в 1941 г. использовал Советский Союз. Это была попытка приспособить оборону к децентрализации партии и государства в рамках самоуправленческой системы, и в то же время ответ на тезис великих держав, что маленькие народы в ядерный век не имеют возможности выжить.

Поскольку в августе 1968 г. страх перед советским нападением достиг апогея, ЦК КПЮ рассуждал о возможной реакции на встрече, созданной на Бриони. В связи с этим генерал Гошняк, союзный секретарь по народной обороне, был подвергнут острой критике из-за своих просоветских позиций и обвинен в том, что хотел открыть границы подразделениям Варшавского договора. После заседания Кардель вернулся в Люблян, где с большим удовольствием рассказал словенской политической элите, что в случае нападения руководство сопротивлением возьмут в свои руки отдельные республики и оба края (Косово и Воеводина). Словенцы эту новость приняли с одобрением, поскольку еще не смирились с тем, что их партизанские

¹ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 29; Guštin D. Teritorialna obramba — vojaška potreba in politični projekt 1968:1988 // Slovenija — Jugoslavija. S. 279.*

² PA. B 42. Bd. 1341; NARA. CREST. CIA. Yugoslavia: An Intelligence Appraisal, 27.07.1971.

³ ИИМ 76-040С. The Yugoslav Armed Forces. 01.10.1976 // Yugoslavia. From «National Communism». S. 530; AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 2.

⁴ *Guštin D. Teritorialna obramba. S. 281.*

части в 1945 г. вошли в состав создававшейся тогда Югославской армии¹. Как рассказывает сын Матии Мачека, его отец от счастья скакал на одной ножке как ребенок. Но не всем в ЮНА решение о создании территориальной защиты понравилось. Многие, начиная с генерала Гошняка, задавались вопросом о ее эффективности и говорили, что всё это угрожает престижу ЮНА². После падения Ранковича было очевидно, что Иван Гошняк находится на вершине своей силы и влияния. С Тито он тесно сотрудничал, особенно когда воспротивился попытке ввести самоуправление и в армии, как того хотел бы Кардель. Однако не прошло и года, как почва у Гошняка под ногами заколебалась, ведь его уже давно критиковали из-за кадровой политики, которую он проводил самовольно, даже минуя Исполнительный комитет. Поскольку после IV Пленума вся каша заварилась прежде всего из-за подъема национализма, Гошняк упрекнул Тито, что было бы лучше послушать его совет и перед осуждением Ранковича заменить все «исторические» кадры. Тито на него обиделся, и их отношения настолько ухудшились, что министр обороны, когда упоминал маршала, использовал ругательство: «тот самый пес»³. Хотя он всё еще сохранял пост заместителя верховного командующего, в июне 1967 г. маршал его заменил на должности секретаря по обороне сербом, Николой Любичичем, который, помимо того, что в 1941 г. спас Тито из итальянской засады, имел еще одно качество: он умел слушаться. Эта замена не снизила напряженности и накала интриг в армии, особенно когда стало ясно, что в партизанское ядро ЮНА всё глубже проникает национализм. Это укрепляло озабоченность тех, кто был настроен «проюгославски»⁴. (Из-за внутренних столкновений, которые очень часто были результатом межличностных конфликтов и афер, в 1968 г. было отправлено в отставку 38 генералов и 2400 офицеров).

Усиление локального национализма

Во второй половине 1960-х гг. повсеместно в Югославии стал подниматься национальный вопрос.

Уже осенью 1966 г. можно было снова услышать требования словенцев и македонцев относительно равноправия их языков в союзных органах⁵. В конце 1966 и в начале 1967 г. дошло до открытого спора с болгарами

¹ Сообщение о встрече ему предоставил Александр Лучу; *Guštin D. Teritorialna obramba*. S. 282.

² TNA. FCO 28/1647; NIE 15-79. Prospects for Post-Tito Yugoslavia. Vol. II / The Annexes, 25.09.1979 // Yugoslavia. From «National Communism». S. 607.

³ AS. Dediđer. Т. е. 68. Krtačni odtisi. S. 774; Т. е. 261. Gošnjak, 16.09.1985; Т. е. 264. Sukob s Titom. S. 222 c; М. М. (Mile Milatović). Dnevnik. 02.10.1986.

⁴ *Bjelajac M. JLA v šestdesetih in v prvi polovici sedemdesetih // Slovenija — Jugoslavija*. S. 93, 94. См.: *Duhaček A. General Gošnjak o sebi i Revoluciji*. S. 90, 91; *Guštin D. Teritorialna obramba*. S. 283.

⁵ NARA. Pol 15-8. Yugo. Belgrade. 08.11.1966.

относительно Македонии, который изначально вспыхнул между историками двух народов, при этом македонцы упрекали соседа, что он проводит денационализаторскую политику в отношении македонского меньшинства в Пирине, и требовали, чтобы правительство в Софии признало национальную автономию. Болгары об этом ничего не хотели слышать, поскольку отрицали существование отдельного македонского этноса, считая его лишь ветвью своего народа. В последующие два года полемика усилилась, достигла острой фазы и не утихла вплоть до смерти Тито вопреки временным попыткам примирения¹. Поскольку македонцы стремились укрепить свою национальную идентичность, они, начиная с войны и далее, пытались сделать свою церковь автокефальной, что в православном мире традиционно является важнейшим атрибутом государственности. Пока у власти был Ранкович, было невозможно, чтобы эти желания услышали, ведь он считался защитником Сербской православной церкви, в рамках которой находились македонские епархии. Почти год спустя после его падения, 18 июня 1967 г., македонцы получили разрешение коммунистических властей отделиться и избрать своего патриарха. Сербская православная церковь этому сильно противилась, поскольку якобы речь шла о дополнительном ударе по югославянской идее, однако у нее ничего не получилось. Она никогда не признавала македонской автокефалии, впрочем как и патриарх в Константинополе².

Тито с озабоченностью следил за ростом национализма. На IV Пленуме ЦК СКЮ в феврале 1967 г. он четко сказал: «...мы не позволим расширения деструктивных лозунгов, национальной нетерпимости и шовинизма, что иногда происходит в наших школах и в других областях нашей общественной жизни»³. Однако вопреки этому предупреждению уже месяц спустя вспыхнул языковой конфликт между сербами и хорватами, который нес в себе еще большую разоблачающую силу, нежели сербско-македонский церковный спор. Корни этой ссоры уходили в 1954 г., когда, согласно указу партийного руководства, в Нови-Саде встретились представители двух руководящих культурных образований: Матицы сербской и Матицы хорватской и достигли соглашения, которым подтвердили существование сербско-хорватского или хорватско-сербского языка, который имеет два диалекта: «иековский» и «ековский» (например: *mleko* или *mljeko*), и два способа написания: кириллицу и латиницу. Однако в последующие годы оказалось, что в едином языковом пространстве (Сербия, Хорватия, Босния и Герцеговина и Черногория) в ущерб хорватскому всё же распространялся сербский вариант. То, что латиница начала вытеснять кириллицу, хорватам не служило утешением. Начали говорить, что они

¹ BA. DY 30/J IV 2/2J/8077.

² *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 452; *Pirjevec J.* Jugoslavija. S. 285; NIE 15-61, Outlook For Yugoslavia, 23.05.1961 // Yugoslavia. From «National Communism». S. 257; NARA. CREST. Central Intelligence Bulletin, Church-State Conflict Sharpens in Yugoslavia. 10.06.1952.

³ *Ridley J.* Tito. A Biography. P. 383.

жертвы сербских гегемонистских стремлений, цель которых сводилась к тому, чтобы хорватская культура и язык растворились в югославянской общности с сербским оттенком¹.

По предложению видных членов Югославянской академии наук и искусств и не без благословения Бакарича в Загребе в апреле 1967 г. была опубликована «Декларация о названии и положении хорватского литературного языка», которую, помимо представителей восемнадцати культурно-научных учреждений, подписал также Мирослав Крлежа. Хотя после падения Джиласа он был одним из главных интеллектуалов в кругу Тито, подобно Максиму Горькому в кругу Ленина, и поэтому пользовался большим уважением, очевидно, в вопросе о Декларации он не посоветовался с Тито². В упомянутом заявлении виднейшие хорватские интеллектуалы в первую очередь предлагали поправку к статье конституции, которая провозглашала единство сербско-хорватского и соответственно хорватско-сербского языка и предлагала необходимое разделение. Начался огромный скандал, какого доменная Югославия еще не знала. Сербы ответили со всей ожесточенностью и даже требовали, чтобы тех, кто подписал декларацию, посадили в тюрьму. (Бакарич этому воспрепятствовал, причем вышел из игры и отсеял наиболее сомнительных из оставшихся)³. В ответ на хорватские требования белградский писатель Антоние Исакович вместе с другими интеллектуалами обнародовал «Предложение для размышлений», в котором развил великосербские идеи и, помимо прочего, утверждал, что в Хорватии необходимо открыть школы для сербского меньшинства, в которых бы употреблялась кириллица⁴. Главной мишенью нападок был, конечно же, Крлежа, обвиненный в том, что он «бастион великохорватства». Поскольку было необходимо разрядить обстановку, Крлежа в разговоре с Тито решил попросить о своей отставке из ЦК СКХ, которую сразу же приняли⁵. В тот же день ему позвонил Тито и пригласил на ужин на Бриони. Писатель, чей лозунг был «Береги голову», конечно же, принял приглашение⁶.

После падения Ранковича сербы столкнулись не только с хорватами, но и в еще большей степени с мусульманами как в Боснии и Герцеговине, так

¹ PA. B 12. Bd. 547.

² AS. Dedijer. T. e. 188. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 89.

³ *Bilandžić D. Povijest izbliza*. S. 60, 61, 258, 295; *Cenčić V. Titova poslednja ispovijest*. S. 16, 172.

⁴ AJ. KPR II-4-a, K 163, Informacije o dogajanjima u vezi s deklaracijom o Hrvatskom jeziku i predlogom za razmišljanje grupe srpskih književnika. 21.III.–24.V.1967; *Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968)*. S. 305–307; *Milosavljević O. Činjenice i tumačenja*. S. 201–203.

⁵ NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 47. Sjednica IK CK SKH. 04.12.1967; AJ. 838, LF. II-1/78, Miroslav Krleža — Titu. 18.04.1967; *Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968)*. S. 308.

⁶ *Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost*. Knj. II. S. 822; *Bilandžić D. Povijest izbliza*. S. 240; *Cenčić V. Titova poslednja ispovijest*. S. 137, 138; *Ćosić D. Piščevi zapisi (1969–1980)*. S. 286.

и в Косово. Босняки, славяне по происхождению, долгое время после войны не имели возможности создать свою этническую группу, поскольку власти признавали лишь их религиозную идентичность. Только в январе 1968 г. они были провозглашены одним из государствообразующих народов Федерации, причем в Белграде ходили слухи, что Тито сделал это, поскольку хотел заручиться симпатией арабского мира¹. Сильно обеспокоенные сербы были уверены, что речь идет о попытке сломить мощь православия на Балканах и что маршал вместе с Карделем планомерно осуществляет идею Коминтерна о развале Югославии². Упомянутое мнение подкрепило то, что после падения Ранковича прекратилось давление УГБ на албанское меньшинство в Косове, но это местных албанцев не удовлетворило, ведь они хотели большей независимости от Белграда. В Приштине и других городах края 27 ноября 1968 г., накануне Дня флага — национального праздника Албании, и непосредственно перед югославским государственным праздником, вспыхнули студенческие демонстрации, которые переросли в первое народное восстание и в следующем месяце перекинулись на соседний город Тетово в Македонии³. Демонстранты выкрикивали и писали на транспарантах лозунги: «Требуем конституцию!», «Да здравствует Энвер Ходжа!», «Требуем объединения с Албанией!»⁴ Восстание, которое, возможно, организовала Тирана, было потоплено в крови, затем последовали широкие реформы управления в пользу «шиптаров», что временно их успокоило, но не удовлетворило. Так или иначе, они остались уверенными в том, что политически и экономически находятся в колониальной зависимости от Белграда⁵. Сербы это хорошо знали: «Мы дали им национальные кадры, университет, албанский флаг, язык — чего они еще хотят?» — вопрошали они. «Албанцам мы скажем, что будем защищать Косово с танками»⁶. В Сербии, конечно же, начался подъем национализма: в 1968 г. Рождество было, например, отпраздновано так основательно, как не праздновалось с 1941 г. «Православием мы подтверждаем, что мы сербы», — писал Добрица Чосич и отмечал, что всё больше тех, кто из-за разочарования в Югославии воскрешает идею «великой Сербии»⁷.

¹ *Matunović A.* Titova sovladarica. S. 121; *Simić P.* Tito. S. 295; *Ćosić D.* Pišćevi zapisi (1969–1980). S. 82.

² *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 191, 246.

³ AJ. KPR II-4-a. K 166. O demonstracijama na Kosovu. 28.11.1969; *Ćosić D.* Pišćevi zapisi (1951–1968). S. 391, 392; NARA. CREST. Yugoslavia: The Kosovo Problem. A Research Paper, 21.04.1979; *Simić P., Despot Z.* Tito. S. 260–264.

⁴ AJ. KPR II-4-b. K 169. Akcija Saveza komunista Srbije povodom demonstracija u nekim gradovima AP Kosova i Metohije. Latinka Perović, 27.11.1968; *Ćosić D.* Pišćevi zapisi (1951–1968). S. 385, 386; *Kranjc M.F.* Zarote in atentati na Tita. S. 335–337.

⁵ AJ. KPR II-4-b. K 169. Političko stanje na Kosmetu. Informacija na osnovu razgovora sa M. Nikezićem. 27.11.1968.

⁶ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 68; Memo, The Yugoslav Succession Problem, 10.03.1969 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 336.

⁷ *Ćosić D.* Pišćevi zapisi (1969–1980). S. 10, 11, 202, 203, 275.

Исполнительное бюро

Эту напряженность власти пытались преодолеть либерализацией системы, о чем шли разговоры уже в 1967 г., но в последние месяцы процесс затормозился из-за растущей инфляции и других трудностей, связанных с провалом экономической реформы¹. Реформа возобновилась в конце 1968 г., когда был принят ряд конституционных поправок, предусматривавших больше равноправия между народами (сербами, хорватами, мусульманами, македонцами, словенцами, черногорцами) и «народностями», как были названы «национальные меньшинства» (албанцы и венгры). В этом контексте были более четко определены права автономных краев внутри Республики Сербия, а также взаимоотношения между федерацией и отдельными республиками, у которых были более широкие политические права в области законодательства и экономики. Одна из важнейших поправок предусматривала равные права для всех языков и способов написания; это означало, что в титовской Югославии 12 языков имели статус рабочих. В скупшине Воеводины, к примеру, обсуждения переводили на пять языков, в то время как сербская официальная газета выходила на сербско-хорватском, венгерском и албанском.

Помимо этих нововведений нужно упомянуть также реформу партии, внутри которой традиционную структуру ячеек заменили общинными партийными органами, что должно было демократизировать политическую жизнь. Одновременно по предложению Лазаря Колишевского и с разрешения Тито начали в большом количестве отправлять на пенсию «старые» кадры, чьи заслуги были связаны прежде всего с народно-освободительным движением и послевоенным обновлением, и их по прошествии почти 25 лет заменяли молодыми, более образованными специалистами. Трагедия заключалась в том, что новоиспеченные пенсионеры были еще молоды, большинству было чуть больше 50, а некоторым только за 40, что, естественно, вызвало дополнительные нарекания. «Когда я остался без работы (в 55 лет), — почти десять лет спустя с упреком писал Светозар Вукманович — Темпо Тито, — я практически был лишен возможности работать по линии самоуправления. Немалое число “старых” революционеров на самом деле не имеют возможности работать внутри своей основной организации»². Он был одной из наиболее авторитетных жертв чистки, поскольку из-за своих требований, чтобы профсоюзы, которыми он руководил, имели больше прав при создании самоуправленческой политической системы, стал лишним элементом³.

¹ NARA. CREST. CIA. Yugoslavia: An Intelligence Appraisal, 27.07.1971; *Lorenčić A. Gospodarske razmere*. S. 263.

² AJ. 837. KPR II-4-a. K 168. Tempo — Tito 25.04.1977; *Ćosić D. Piščevi zapisi (1969–1980)*. S. 125–131; AS. Dedijer. T. e. 233. V. Dedijer — M. Tripalu, 21.07.1987; *Velebit V. Svjedok*. S. 197.

³ *Swain G. R. Tito. A Biography*. P. 149–151.

С 12 по 15 марта 1969 г. проходил IX Съезд СКЮ, который, за исключением румынской компартии, не посетила ни одна делегация Восточного блока, но на нем присутствовали 25 социалистических и социал-демократических партий Запада. Это был первый коммунистический съезд, на котором после раскола, произошедшего в рабочем движении после Первой мировой войны, в таком количестве присутствовали делегации умеренно левых. Он также был важен тем, что впервые в истории СКЮ был поставлен вопрос об отношениях между развитыми и неразвитыми частями Югославии. На съезде констатировалось, что партии в различных югославских республиках самостоятельны, а это означало начало федерализации и в данной области. Одновременно было признано, что самоуправление на самом деле остается только на бумаге, поскольку предприятия свободно распоряжаются лишь шестью процентами своей прибыли. Было понятно, что необходимо укрепить их автономию. Хотя в правильности этого утверждения многочисленные экономисты и технократы выражали сомнения, некоторые даже предлагали жесткие меры, как, например, закрытие 30% фабрик и заводов и вложение средств в те, которые были «здоровы», преобладали партийные теоретики, которые не хотели отказываться от святых принципов самоуправления, одновременно закрывали глаза на пропасть между идеалами, которые провозглашали, и положением того политико-государственного аппарата, во главе которого стояли они сами¹.

Как противовес реорганизации и децентрализации СКЮ и его (по крайней мере провозглашенному) отделению от государства и экономики, чего потребовал IX Съезд, был создан новый верховный орган, который был призван управлять им². За несколько дней до съезда Тито вмешался в драматическое политическое столкновение, так как его соратники с Карделем во главе пытались навязать партии Миялка Тодоровича в качестве генерального секретаря, т.е. ее действующего руководителя. Чтобы этому воспрепятствовать, он прибег к умелому маневру: решил ликвидировать функцию генерального секретаря и заменить ее Исполнительным бюро, которое бы насчитывало 14 членов — по два от каждой республики и по одному от каждого края. Бюро должно было работать без постоянного председателя, при этом в соответствии с ротацией каждый из членов председательствовал бы в качестве «дежурного» по два месяца. «Делегаты, — рассказывает Биланджич, — на радостях скакали по залу, когда Тито сообщил о своем решении». Очевидно, им казалось, что с этим решением Югославии и СКЮ удастся избежать раскола, его же цель была в том, чтобы собрать в Белграде «лучших и самых способных» лидеров из республик и краев и тем самым создать мощный орган власти. Всё было совсем наоборот, как во времена

¹ Mandić B. S Titom. S. 61; AAB. Arkiv Stoltenberg, Thorvald, The Outlook for Yugoslavia 1969–1974.

² PA. B 42. Bd. 1327; AS. Dedijer. T. e. 215. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Četrto poglavje. Velike Titove životne brige. S. 255.

Людовика XIV в Версале, — югославских «лидеров» собрали в Белграде, с тем чтобы их было легче контролировать. Тем самым Тито укреплял свое авторитарное положение¹. Как говорит Латинка Перович, «Тито этим решением потопил не только Тодоровича, но и всех партийных лидеров в аморфном органе, а сам остался за его пределами»². То, что он по прошествии первоначального воодушевления нерегулярно посещал заседания, само по себе красноречиво. Было очевидно, что Тито тяжело участвовать в коллективной работе и он продолжал решать открытые вопросы в соответствии со своими старыми привычками. То есть обсуждал их непосредственно с отдельными людьми, которым доверял. Хотя IX Съезд укрепил положение Тито, он всё же послужил толчком к либерализации, особенно в средствах массовой информации, которые благодаря ему утратили однообразие. Так началась подготовка почвы для конституционной реформы, которая произошла в последующие годы. Уже в марте и потом в сентябре 1970 г. Президиум СКЮ организовал две важные встречи, темами обсуждений на которых стали значение федерации и кадровая политика. Преобладало мнение, что жизненно необходимо изменить межнациональные и межреспубликанские отношения. Хотя этого никто не сказал открыто, но это было очевидно из-за событий, которые в тот момент произошли, сначала в Словении и Хорватии³.

Словения: «дорожная афера»

Весна 1969 г. была драматичной. Сперва об этом позаботились усташские эмигранты, которые совершили два покушения в Белграде и вдобавок еще стреляли в руководителя югославской военной миссии в Берлине. Государство охватила настоящая истерия, которая серьезно осложнила вновь установленные дипломатические отношения между Белградом и Бонном, хотя и не смогла уничтожить их в зародыше, как того хотели хорватские экстремисты⁴.

Этот важный сдвиг был возможен, поскольку в Западной Германии в 1957 г. к власти пришло левоцентристское правительство, в котором социал-демократ Вилли Брандт занял пост министра иностранных дел. Одним из главных направлений его «Восточной политики» стало примирение с Югославией после десятилетней напряженности, к чему Брандта побудил тот факт, что в 1957 г. Тито решил нарушить Доктрину Хальштейна и признать ГДР. Теперь западногерманская дипломатия была вынуждена посыпать пеплом голову, поскольку нормализация отношений с Югославией

¹ *Bilandžić S. Povijest izbliza. S. 78, 177; Idem. Hrvatska. S. 536.*

² *Perović L. Zatvaranje kruga — ishod rascepa. Sarajevo: Svjetlost, 1991. S. 90; Milosavljević O. Činjenice i tumačenja. S. 241; Simić P., Despot Z. Tito. S. 250, 251.*

³ *Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 83–85; AS. Dedijer. T. e. 233. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Petnajsto poglavje. Tito umiruje Hrvatsku. S. 44, 45, 51; Čepić Z. Jugoslovanske reforme. S. 62.*

⁴ PA. B 42. Bd. 1343.

была первым условием для диалога с другими социалистическими государствами¹. Операция была успешной, так как создала атмосферу взаимного доверия, которое превышало личную симпатию между Тито и Брандтом. В противоположность Конраду Аденауэру, многолетнему канцлеру Германии, который назвал Тито «настоящим бандитом», новый боннский министр иностранных дел считал, что маршал, несмотря на феодальные замашки, достоин уважения из-за повстанческого прошлого и энергичного напора в деле создания новой Югославии, даже «в интересах Средиземноморья». Еще больше он уважал его политику неприсоединения, которая, по мнению Брандта, конструктивно влияла не только на третий мир, но и на нейтральные государства в Европе². Герберт Венер, один из ведущих западногерманских политиков, который помнил Тито еще с московских времен и был ему благодарен за поддержку, которую тот ему тогда оказал, в мае 1971 г. на банкете, подготовленном в честь югославской делегации, заявил: «Мы едины в стольких вещах, что лучше этого вслух не произносить, чтобы не навредить ни вам, ни нам. Вы не найдете лучших и более внимательных последователей вашей политики, чем социал-демократы в этой части разъединенной Германии». В этой конструктивной атмосфере были заложены основы для подготовки конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, которую предлагал провести Советский Союз. Тито и Брандт договорились, что она должна стать не только возможностью для встречи между блоками, на ней должны получить слово также нейтральные и неприсоединившиеся страны³.

Весна 1969 г. ознаменовалась словенской «дорожной аферой». Люблянское правительство одним из первых дерзнуло бросить вызов союзному правительству. В Словении уже давно назревало недовольство населения существующим положением дел. Люди хотели лучшей жизни, которую реформы так и не обеспечили, одновременно хотели большей политической свободы, которую самоуправленческая система обещала, но не могла дать. Дошло также и до более или менее открытых нападок на федерацию, причем нельзя было не заметить стремления словенцев получить большую независимость. Любляна, помимо прочего, хотела через Социалистический союз трудового народа установить непосредственную связь с немецкими *Ländner*, якобы для того чтобы заботиться о соотечественниках, которые находятся там «на временной работе». Традиционные отношения с Австрией и Италией еще больше укрепились, когда были отменены визы, так что в приграничной зоне образовался огромный рынок, где процветала контрабанда.

¹ BA. DY 30/J IV 2/2 A-1.277; *Nečak D.* «Ostpolitik» Willyja Brandta in Jugoslavija (1966–1974). Ponovna vzpostavitev diplomatskih stikov // Slovenija – Jugoslavija. S. 221–223.

² *Brandt W.* Erinnerungen. Berlin: Ullstein, 2003. S. 42, 237, 485.

³ *Dimić I.* Josip Broz Tito: Yugoslav Policy and the Formation of the Concept of European Security 1968–1975 // Helsinki to Belgrade: The First CSCE Follow-up Meeting and the Crisis od Détente. Bonn: V&R-Bonn University Press, 2014. P. 69.

Словенское правительство уже давно планировало построить автодорогу от Шентийа до Нове Горице и Копера, которая бы связала Словению с Западной и Центральной Европой и дала бы толчок ее экономике. При обосновании проекта словенская сторона подчеркивала, что более 94 % югославского трафика проходит через Словению, но за десятилетие с 1956 по 1965 г. она получила из союзного фонда на дороги только 3,4 % от имеющихся в наличии денег. Казалось, что с финансированием автодороги не будет проблем: необходимые средства республика частично собрала бы сама, частично бы их выделил Международный банк реконструкции и развития, который в то время предоставлял выгодные кредиты на строительство дорог. Большая часть денег шла на строительство так называемых «дорог братства и единства», которые проходили через Сербию и которые сербы задумали как вертикаль, связывавшую их земли с европейскими дорогами, а на юге с г. Солунь¹. Когда словенцы представили свои планы как представляющие первостепенный югославский интерес, они надеялись, что в Белграде им не станут ставить палки в колеса.

Во второй половине 1968 г. союзный Исполнительный комитет, который возглавлял Митя Рибичич, обсуждал, какие проекты направить Международному банку: изначально было выбрано шесть, а затем принят еще один. Среди них, конечно, был и словенский. Когда в конце июля 1969 г. в Люблянину пришла новость о том, что Исполнительный комитет предложил Международному банку предоставить кредиты для строительства дорог Белград — Нови-Сад, Сараево — Зеница, Печ — Приштина и Бар — Улцинь, словенское общество взорвалось от негодования². Кавчич и его сотрудники, которым никто не сказал, что их проект провалился, собрались на внеочередное заседание и направили Рибичичу резкое письмо, в котором потребовали, чтобы заново изучили их требования и анонсировали, что о проблеме будут говорить в Словенской скупщине. Скупщина затем потребовала отставки Рибичича. В сорока общинах, заинтересованных в строительстве автодороги, начались протесты и уличные манифестации, которые не обошлись без сепаратистских проявлений. «Дорожная афера, — написал Кавчич в своем дневнике, — была началом первого большого сопротивления в Словении тех, кто хотел продолжения реформы 1965 г., кто хотел больше правды и меньше формальной демократии, кто хотел ослабления централизма федерации и укрепления самостоятельности республик»³.

Но им не повезло: именно из-за силы всеобщего негодования спор вышел за рамки проблемы, которая его вызвала, и обнажил ряд деликатных вопросов о том, кому принадлежит последнее слово при принятии решений

¹ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 292.

² *Repe B., Prinčič J.* Pred časom. Portret Staneta Kavčiča. Ljubljana: Modrijan, 2009. S. 135–165.

³ *Kavčič S.* Dnevnik in spomini, 1972–1987 // Časopis za kritiko znanosti. Ljubljana, 1988. S. 430.

о распределении средств, может ли республиканское правительство критиковать союзное и влияет ли общественное мнение на политику. «Во время “дорожной аферы”, — писал Кавчич, — многие события вышли за пределы границ монополии и практики СК, демократического централизма и партийной дисциплины. Это был опасный прецедент и для других»¹.

Митя Рибичич, который из-за аферы прервал свой отпуск, констатировал, что протест люблянских руководителей неприемлем, поскольку если уступят их давлению, то придется уступить давлению других, что опасно угрожало бы экономической стабилизации. По его мнению, речь шла о «движении масс» против федерации. После этого аргумента Тито и Кардель, которые вначале уговаривали Кавчича уступить, изменили свою позицию. Чтобы так называемая «партия порядка» не осудила симпатий к центробежным стремлениям в государстве, 7 августа 1969 г. на заседании Исполнительного бюро поведение словенского правительства было обозначено как недопустимое, националистическое, проникнутое технократическим мышлением. «Демократическое государство, которое не может сопротивляться давлению, — справедливо подчеркнул Кардель, — не могло бы существовать как демократическое государство». Соглашаясь с Тито, он считал, что необходимо для гарантии порядка прибегать к недемократическим средствам, если подобная практика будет продолжаться. При этом он предупредил, что методика давления, которую себе позволило словенское правительство, ведет либо к нашему полицейскому террору, либо к повторению венгерского, и особенно чехословацкого варианта; подобный путь был бы тяжелым поражением именно для словенского народа².

Маспок

Столкновение между старой гвардией и молодыми либерально настроенными силами, которые взяли власть в Загребе, Белграде и Любляне, на самом деле являлось борьбой за наследство Тито. Это была борьба, о которой Тито знал и ловко ее использовал для защиты своего собственного положения. Среди молодежи наиболее боевыми были загребчане, поскольку они пытались заручиться поддержкой широких масс с тем, чтобы власти прислушались к требованиям со стороны общественного мнения большей самостоятельности Хорватии внутри югославской федерации. Их подстегивало недовольство тем, что обещания IX Съезда СКЮ не исполнялись и что союзное правительство вело себя так, словно их и не было вовсе³. Росла психологическая потребность в избавлении от дискриминации, которой хорваты подвергались в послевоенной Югославии из-за преступлений усташей

¹ AS. Dedijer. T. e. 199. Zapis S. Kavčiča. Cestna afera in demokracija.

² Šetinc F. Vzpon in sestop. Ljubljana: Cankarjeva zažloba, 1989. S. 67; Pirjevec J. Jugoslavija. S. 293, 294; Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 80; Idem. Hrvatska. S. 559.

³ TNA. FCO 28/1629/ENU 1/5.

(среди сербов было распространено мнение о коллективной ответственности хорватского народа). Они хотели переустройства государства, которое гарантировало бы республикам внутреннюю автономию и одинаковую возможность влияния на центральную власть. «Массовое движение (Masovni rokret — maspok), — позднее рассуждал Мико Трипало, — обозначило новые демократические отношения обоюдного влияния и стабильного диалога между партией и рабочим классом, между партией и широкими слоями граждан, между сознательными действиями и спонтанным движением, а также контроль народа и рабочего класса над партией и ее функционерами»¹.

Чтобы новым людям проникнуть во власть, им было важно заручиться поддержкой самого Тито, который находился под ударом белградских кругов и считал, что с помощью хорватов сможет провести «федерализацию федерации». Он полагал, что с преобразованием Югославии в совокупность автономных единиц расстроил планы сербов и обеспечил себе роль пожизненного арбитра². При этом Тито был уверен, что в Сербии против него готовится заговор, и много раз со старческой паранойей жаловался, что ему не на кого опереться, хотя мог рассчитывать на поддержку генерала Любичича, командующего армией, на секретаря внутренних дел Радована Стиячича, генерала Ивана Мишковича, главу его разведывательной службы, и на хорватскую молодую гвардию. Притом свою роль сыграло и то, что Тито лично привязался к Мико Трипало и Перо Пиркеру, поскольку ему нравилось общество этих молодых остроумных людей. Они умели развеселить его шутками, которые другие не рискнули бы даже произнести при нем³. Как позднее он сам утверждал, некоторое время Тито тешил себя мыслью, что Трипало может стать его преемником⁴.

Владимир Бакарнич и хорватские либералы

Хорватские либералы также рассчитывали на Владимира Бакарнича, который с 1930-х гг. и позднее был одним из влиятельнейших соратников Тито и его доверенным лицом. После 1945 г., особенно после падения Андрии Хебранга Бакарнич стал в Хорватии чем-то наподобие «бана», поскольку беспрекословно исполнял все задачи, которые перед ним ставил белградский партийный центр. Его сотрудники утверждали полушутя, полусерьезно, что всегда нужно смотреть, куда едет Бакарнич, и следовать за ним, поскольку он никогда не шагнет в неопределенность. При этом нужно отметить, что Бакарнич не руководил жестко, он не полностью изменил своему «буржуазному» происхождению, своей интеллигентности и не был без нужды грубым в отношениях

¹ AS. Dedijer. T. e. 233. Zapis za IV. zvezek Titove biografije. Petnajsto poglavje. Tito umiruje Hrvatsku. S. 12; *Miloslavjević O. Činjenice i tumačenja*. S. 102.

² *Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost*. Knj. I. S. 117, 118, 137, 363.

³ Ibid. S. 431.

⁴ *Cenčić V. Titova poslednja isповijest*. S. 47.

с людьми. Еще в военное время он недаром носил кличку «Шелковый». Савка Дабчевич-Кучар в начале своей работы с ним записала в своем дневнике, что в ЦК Бакарич единственный, кто постучит в дверь, прежде чем войти в комнату¹.

После падения Ранковича, с которым, как мы видели, он активно сотрудничал, Бакарич начал сближаться с группой молодых хорватских руководителей, которые взяли в свои руки управление республикой, якобы защищая их спины, хотя и не подвергал себя опасности вплоть до конца 1969 г.² Изменения произошли 13 декабря того же года, когда перед партийным активом ЦКХ он выступил с речью, в которой ответил на упреки из Белграда относительно нового подъема хорватского национализма. Первый залп в этом смысле сделал представитель Далмации Милош Жанко, один из семи заместителей председателя Союзной скупщины и член хорватского ЦК, который уже с февраля 1969 г. указывал на возникшую опасность. Конечно же, делалось это с согласия консервативных кругов, которые поднимали голову в надежде, что им удастся вызвать политический кризис в Хорватии³.

Развернулась оживленная полемика в прессе, что ещё больше накалило атмосферу. Поскольку главная загребская газета *Vjesnik* не хотела печатать ответы Жанко на нападки, он обратился в *Borba*, где между 17 и 23 ноября 1969 г. вышел его текст, названный «В этой националистической дурости есть система». Непосредственным поводом для нее стало рассуждение литератора Владо Готовца, который в октябрьском номере журнала *Kritika* резко напал на Югославию, причем показал «действительность» и «повседневность» Хорватии внутри федерации как «испачканную, сумасшедшую, бешеную, безумную, смешную, гротескную, трагичную, кретинскую»⁴. В своем ответе Жанко рассчитался с «националистической и реакционной» линией, которая окрепла в Загребе под крылом Матицы Хорватской, некоторых ее журналов и части католической церкви. Местных руководителей он отчитал за то, что они не знают, как взнуздывать «хорватский национализм», и даже более того — поддерживают его⁵. Как сообщает Савка Дабчевич-Кучар, еще никогда такого не было, чтобы кто-то посадил на скамью подсудимых полностью легально избранную команду какой-либо республики⁶.

Сербские националисты в статьях Жанко увидели «свет», который разгонял сумрак югославянства как идеи и как государства⁷. Совсем иного мнения были хорватские руководители, указывавшие, что не собираются больше переносить

¹ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 788, 794; *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 258, 260.

² PA. B 12. Bd. 547; *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 138.

³ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 76; AS. Dediđer. Tipkopolis za IV. zvezek Titove Biografije. Petnajsto poglavje. Tito umiruje Hrvatsku. S. 45, 46, 49, 50.

⁴ AJ. KPR. II-4-a. K 166. Miloš Žanko. Pismo Titu, 05.01.1970.

⁵ Ibid. Pismo Titu. Priložena dokumentacija; *Antonić Z.* Rodoljub Čolaković. S. 208.

⁶ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 119, 120.

⁷ *Matunović A.* Činjenice i tumačenja. S. 123.

союзный централизм. Час расплаты настал между 15 и 17 января 1970 г., на X пленарном заседании ЦК СКХ, которое имело необычайно широкий отклик, ведь часть заседания транслировали по телевидению (что было новшеством), а рефераты и тезисы дискуссий были напечатаны в *Vjesnik* полностью.

Бакарич, Савка Дабчевич-Кучар и вместе с ними другие участники пленума (с одним только исключением) пошли в контратаку и эмоционально отвергли «унитаризм» и «гегемонизм» бюрократическо-консервативной закалки, что в их речи прозвучало как синоним великосербского централизма. Конечно, это всё было продумано на встречах, которые проходили в октябре и ноябре 1969 г. с Тито, на которых он укрепил их в уверенности, что статьи Жанко — часть организованного переворота. Его якобы готовили в Сербии, а возглавил бы переворот Милентие Попович¹. В дополнение описания атмосферы сплетен и двусмысленности, которые стали атрибутом политической жизни того времени, интересен тот факт, что перед X заседанием Тито шесть часов разговаривал также с Жанко и поддерживал его в борьбе против национализма².

В начале января 1970 г. у Жанко был изъят мандат на право представлять хорватов на традиционной югославской партийной конференции, в апреле его освободили от всех других функций. X заседание вошло в историю как решающий момент, когда либералы из Загреба открыто выступили в качестве сторонников коренного обновления режима, при этом они подчеркивали автономию отдельных республик как одну из жизненно важных характеристик системы самоуправления. Это самоуверенное нападение на консервативные силы, которое в Словении приняли с воодушевлением, послужило причиной ряда встреч на разных уровнях внутри СК в Хорватии, на которых в большинстве своем поддерживали решения X заседания. Всё это было бы невозможно без благословения высшего руководства, включая Тито. Полемику против централизма загребчане обострили еще и тем, что придали ей экономическое и общественно-политическое содержание. В череде заявлений и публикаций был подвергнут критике тот факт, что имевшийся в распоряжении капитал был сосредоточен в центральных банках и других белградских учреждениях, к чему привели недостатки финансовой системы. Эта система за счет непосредственных производителей, прежде всего за счет рабочего класса, обеспечила условия для возникновения «финансовой олигархии», которая благодаря своему гегемонистскому положению завладела экономикой государства, угрожала самоуправлению и парализовала развитие республик. 3 сентября 1970 г. *Privredni vjesnik* написал: «Практика нам снова и снова показывает,

¹ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 123, 147, 156; Knj. II. S. 808, 887; *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 563; AS. Dedijer. T. e. 233. M. Tripalo, X. plenum.

² *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 125, 148; *Bilandžić D.* Povi-jest izbliza. S. 92; *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 181; AJ. KPR. II-4-a. K 166. Pisanje štampe o X. sednici CK SKH «Slučaj Žanko»; *Antonić Z.* Rodoljub Čolaković. S. 226–230.

что мало случаев, когда капитал используют таким образом, с очевидно гегемонистскими устремлениями, как это делает социалистическая бюрократия. Свою “вампирскую” роль она играет так, что стрижет всех под одну гребенку, тем самым создавая свою всеохватывающую монополию»¹. Загребский экономист Шиме Джодан в феврале 1971 г. предупреждал, что во времена императора Франца Иосифа 55 % хорватского дохода уходило в государственную казну, во времена короля Александра и князя Павла — 46 %, во времена Тито — 63 %. «Таким образом, для хорватов СФРЮ еще большая “выжималка” и поэтому менее приемлема, чем Австро-Венгрия и старая Югославия»².

Что же было на самом деле? Югославские предприятия, которые экспортировали за границу, или фирмы, занимавшиеся туризмом и использовавшие валюту, согласно закону от 1967 г., не могли ею свободно распоряжаться. Фабрики и заводы имели право сохранить в своих кассах 7 % валютного дохода, гостиничные предприятия — 15 %. Остальная часть шла в центральные банки, которые находились в Белграде, где, конечно же, доминировала сербская «камарилья». По разным каналам в благоприятных условиях капиталы стекались в огромные местные финансовые учреждения — «Югобанка», «Инвестициска банка» и «Кмечка банка». Именно они преобладали на югославском рынке и держали в руках всю структуру импорта. К этому следует добавить скандальную систему раздела валюты, которая привела к возникновению полуофициального черного рынка, на котором «непосредственные производители» должны были при помощи разных махинаций покупать деньги, которые сами же заработали. Поскольку хорватская промышленность, за исключением словенской, была сильнее всего связана с Западом и в последние годы благодаря туризму заработала много валюты, хорваты из-за такой системы чувствовали себя более обделенными и хотели, чтобы деньги оставались там, где они зарабатывались. В Загребе начали даже говорить о «распродаже» побережья Истры и Далмации — якобы крупные белградские учреждения покупают местные гостиничные предприятия. Хорваты из-за этого всё громче требовали так называемой «третьей национализации», при которой бы разделили аккумулированный капитал между рабочими организациями, которые его заработали, будучи уверенными, что такие шаги обеспечат подъем экономики всего государства. «Гнилые компромиссы», которые до сих пор обуславливали югославские внутривнутриполитические обстоятельства, больше невозможно продолжать³.

При этом они рассчитывали на помощь Эдварда Карделя, поскольку он якобы уже давно разрабатывал конституционные изменения, которые бы ослабили союзный перевес и укрепили экономические и политические права республик⁴. На встрече, созванной по этому вопросу 8 июля 1970 г.,

¹ Privredni vjesnik. 1970. 03.09.

² Ridley J. Tito. A Biography. P. 391; Pirjevec J. Jugoslavija. S. 290.

³ РА. В 12. Bd. 547.

⁴ Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 803.

он заявил, что ему всё равно, будет ли Югославия федерацией, унией или конфедерацией. Важно, чтобы народы договорились, как им жить вместе, и пусть определится в этом вопросе Союзная скупщина, всё остальное будет перенесено на республики¹.

В следующем октябре он обнародовал свое третье предложение по изменению конституционного устройства, согласно которому был бы заключен новый договор между шестью республиками и краями (Косово и Воеводина). Слово «конфедерация» он больше не употреблял, но предлагал, чтобы носительницами суверенитета были республики, в то время как федерация заботилась бы только об обороне, внешней политике и единстве общественной и экономической систем. И еще эти функции, как и назначение союзных функционеров, обязанных их осуществлять, были бы оформлены в соответствии с волей отдельных республиканских руководств².

В это время между Тито и Карделем был заключен своего рода договор, что они образуют президиум СФРЮ, который как некий коллективный руководящий орган государства начнет работу после «ухода» маршала. Молчание вокруг этой деликатной темы прервал сам Тито, когда 21 сентября 1970 г. встретился с политическим активом загребской партийной организации; это событие полностью транслировало телевидение. Хотя он обещал, что об этом не будет говорить открыто, он сообщил о создании коллективного органа, который возглавит государство, но при всем том было ясно, что Тито не собирается пока выпускать кормило из рук. Он говорил просто, без записей, поэтому оставил впечатление свежести мысли и высокой сконцентрированности и доказал, что он всё еще хозяин положения³.

Вопреки его призыву к терпимости, число тех, кто пытался усилить конфликт между национальностями, не уменьшилось. Особенно в Сербии были недовольны проанонсированными конституционными поправками, и прежде всего из-за особо подчеркнутой автономии, которую получили бы два края в составе Сербии: Косово и Воеводина. Говорили, что конституцию нельзя изменять каждый раз и что такие важные решения не стоит принимать импровизированно. Сербские власти тоже беспокоило слишком радикальное акцентирование самоуправления, поскольку, как рассказывали Марко Никезич и Латинка Перович в разговоре с Карделем, Сербия «только выходит из опанков» и невозможно проводить модернизацию без помощи специалистов и управленцев. Более консервативно и националистически настроенный Дража Маркович, бывший в то время председателем Сербской скупщины, упрекнул Карделя в том, что словенцы хотят, чтобы сербы защищали границы, а сами в это же время будут богатеть за счет общего югославского рынка⁴.

¹ Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 94; *Idem*. Hrvatska. S. 577.

² TNA. FCO 28/1629/ENU 1/5.

³ PA. B 12. Bd. 547.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 233. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Petnajsto poglavje. Tito umiruje Hrvatsku. S. 53; *Ivanji I.* Titov prevajalec. S. 139.

Кроме того, в начале 1971 г. снова возник лингвистический спор между сербами и хорватами из-за того, что Матица Сербская и Матица Хорватская не могли договориться относительно издания общего словаря (что им было поручено сверху в 1969 г.). Когда работа остановилась, 10 января Матица Сербская обнародовала заявление, в котором обвинила хорватскую «сестру» в обструкции. Хорватская Матица 20 января необычайно резко ответила на этот выпад, сообщив, что якобы сербы отрицают «культурную и национальную индивидуальность и целостность хорватского языка». Одновременно она заявила, что издаст свой словарь без сербского кластера. Эта полемика нашла отклик в прессе, впрочем, как и вопрос об избрании проректора Загребского университета, который бы сотрудничал с ректором в управлении этим единственным учреждением высшего образования в Хорватии, где обучалось приблизительно 35 тыс. студентов. В соответствии с новыми академическими статутами, принятыми после беспорядков 1968 г., проректора из студенчества выбирал сенат, составленный из профессуры, ассистентов и студентов в равных долях. Партийная организация с этой целью выдвинула от студентов своего кандидата Дамира Грубишу, а сенат вместо него избрал двадцатипятилетнего Иво Звонимира Чичака, который учился на философском и теологическом факультетах и был известен своими националистическими позициями и пламенным характером. Хотя это и не особо нравилось хорватскому руководству, оно поддержало его избрание, поскольку он был выбран демократическим путем¹.

Повесткой дня стала «демократия». Это подчеркнула также встреча руководителей федерации, организованная в конце 1970 г. под руководством Тито на Бриони, где речь шла о поправках, которые должны были заменить приблизительно треть статей конституции². Они меняли отношения между центром и отдельными республиками, которым гарантировали широкие полномочия от имени «полной федерализации». Союзное правительство сохранило бы только контроль над внешней политикой и обороной, заботилось бы об организации и защите «общего национального рынка», о перенаправлении фондов от богатых к бедным и об арбитраже между республиками. Все другие функции и ответственность, включая контроль над большей частью экономической деятельности, были бы переданы республикам, общинам и отдельным предприятиям. Речь шла об организованном управленческом и экономическом плюрализме, который был первым условием для создания социалистической демократии и нивелировал бы все этнические и региональные различия³.

В рамках этих грандиозных конституционных изменений особую группу составляли так называемые «рабочие поправки», которые Кардель обозначил как «исключительно важные и революционные». По его мнению, они

¹ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 754; TNA. FCO 28/1630/ENU 1/1.

² TNA. FCO 28/1627/ENU 1/3.

³ NARA. CREST. CIA. Yugoslavia: An Intelligence Appraisal, 27.07.1971.

прежде всего должны были гарантировать рабочим возможность овладеть процессом общественного производства. «В отношениях взаимозависимости и взаимной ответственности» рабочие должны были управлять и распоряжаться всем доходом, который приносила их работа. «Только такое экономическое положение гарантировало бы им главную роль в системе политической власти»¹.

В этом процессе обновления сербское либеральное руководство (Марко Никезич и Латинка Перович) сыграло ключевую роль, так как оно не ставило на националистическую, великосербскую карту, а наоборот, сопротивлялось консервативному течению, которое в Белграде возглавили Дража Маркович и Петр Стамболич², исходя из уверенности, что Сербия должна избавиться от «государствообразующей» миссии внутри федерации и в диалоге с другими республиками и, как равная среди равных, заботиться прежде всего о своем развитии³. В погоне за популярностью среди своего народа, прежде всего в среде интеллигенции, председатель ЦК Сербии, компетентный и передовой Марко Никезич выразил эту позицию через формулу «чистые расчеты», согласно которой каждая республика должна была финансировать свои программы из собственного кармана. Тем самым Сербия отказывалась от своей роли основной ячейки в Югославии и в определенном смысле смирялась с равноправным статусом внутри федеративного содружества⁴.

Днем «Х» для начала обновления стало 17 апреля 1971 г., когда у Тито закончился мандат президента СФРЮ. В Загребе в сентябре прошлого лета он дал понять, что ему хотелось бы именоваться «бессменным почетным президентом», в то время как его место занял бы новый коллективный правящий орган, в который отдельные республики назначали бы своих представителей. Очевидно, как написано в документе ЦРУ, посвященном этой теме, югославским руководителям казалось необходимым включить вопрос о наследстве Тито в конституцию, чтобы предотвратить хаос, который может возникнуть, когда он покинет политическую сцену. Однако 13 февраля 1971 г. Эдвард Кардель, который возглавлял Координационную комиссию конституционной реформы, в заявлении для прессы отметил, что невозможно осуществить реформу одним рывком, поскольку она еще не совсем созрела. Даже первая фаза, которая предусматривала создание новых конституционных органов и разделение компетенций между союзом и республиками, затянулась бы из-за необходимых обсуждений в Союзной скупщине, в СКЮ и с общественностью. В то же время он дал понять, что югославское руководство не допустит распыления власти, о чем красноречиво свидетельствовало продление

¹ *Kardelj E.* Spomini. S. 243.

² *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 351, 352, 544.

³ *Perović L.* Na tragu. S. 41.

⁴ ПА. В 12. Bd. 547; *Nenadović A.* Razgovori s Kočom. S. 155; *Milosaavljević O.* Činjenice i tumačenja. S. 164.

мандата Тито до конца августа¹. В верхах, очевидно, преобладало мнение, что в столь напряженных условиях, которые сложились в Хорватии и в Сербии, нельзя выпускать вожжи из рук².

Усташская эмиграция

Югославию взбудоражила афера, целью которой было показать хорватских руководителей как предателей государства и членов усташских организаций в Западной Германии и других частях мира. До середины 1960-х гг. группы, составленные из политических эмигрантов, не играли большой роли, они были якобы изолированы. Когда после экономической реформы 1965 г. белградские власти открыли границы и позволили рабочим искать работу за рубежом, ситуация радикально изменилась. Большинство безработных в первую очередь направились в ФРГ, где к 1970 г. обосновалось приблизительно 500 тыс. югославских гастарбайтеров. Здесь они соприкоснулись с эмигрантами, среди которых было около 6 тыс. членов различных эмигрантских антиитовских организаций, прежде всего четнических и усташских. Под лозунгом «независимой Хорватии» усташки вели активную пропаганду и попытались оказать идеологическое воздействие на соплеменников, которые прибыли в Германию на заработки и среди всей массы гастарбайтеров были особо многочисленными. Эта агитация очень обеспокоила белградские власти, особенно когда усташские организации в конце 1960-х и в начале 1970-х гг. начали более активно разворачивать террористическую деятельность. Поскольку протесты у немецкого правительства не находили большого отклика³, УГБ активно влилась в них, таким образом узнавая о 90% всех акций, которые они планировали. И то, что она помимо этого была вовлечена в частые акции «ликвидации» людей, которые ей были неуютны, само собой разумелось⁴.

Эти смутные обстоятельства централистские силы использовали для заговора, целью которого была дискредитация Владимира Бакарича, Мико Трипало и Савки Дабчевич-Кучар и их принуждение к отставке. Они начали распространять слухи, что те состоят в тесном контакте с усташской эмиграцией в Мюнхене, прежде всего с ее руководителем Бранко Еличем, и после «ухода» Тито готовят отделение республики. По информации, которую предоставляла румынская тайная служба «Секюритате», эта группа была просоветски ориентирована и получала поддержку КГБ, с которым Елич установил необходимую связь⁵. Не его

¹ TNA. FCO 28/1628.

² Ridley J. Tito. A Biography. P. 394.

³ PA. Zwischenarchiv, 65.

⁴ Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 488, 506, 514, 515, 540, 577; Cenčić V. Titova poslednja ispovijest. S. 273.

⁵ NARA. CREST. CIA. Yugoslavia: An Intelligence Appraisal, 27.07.1971; AS. Dedijer. T. e. 233. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Petnajsto poglavje. Tito umiruje Hrvatsku. S. 54; Kranjč M.F. Zarote in atentati na Tita. S. 349; Lopušina M. Ubij bližnjeg svog. S. 35.

ли газета *Hrvatska država* в своем февральско-мартовском номере утверждала, что Варшавский договор будет защищать хорватскую независимость и признает статус Хорватии, подобный тому, который был у Финляндии?¹

Ведущие хорватские политики были в бешенстве: в своих публичных выступлениях они пытались сдержать негодование из-за подобной клеветы, а за кулисами, напротив, высказывали пожелание, чтобы ситуация достигла дна, и пытались добиться от Тито создания следственной комиссии. Маршал предлагал, чтобы комиссию возглавил Стане Доланц, бывший высокопоставленный функционер армейской разведывательной службы, который в последние два года — во многом благодаря хорошим родственным связям — сделал головокружительную политическую карьеру: с должности секретаря университетского комитета СК в Любляне он взлетел на место секретаря Исполнительного бюро ЦК СКЮ.

Комиссия 23 марта 1971 г. представила результаты своей работы: по ее мнению, речь шла об интригах тайных служб, связанных с политической эмиграцией, с помощью которых хотели скомпрометировать хорватское руководство. Из сообщения Доланца было очевидно, что агенты Службы госбезопасности так вплетены в организацию Елича, что невозможно определить, кто есть кто². Нити заговора будто бы тянулись в Белград, в Министерство иностранных дел, которое возглавлял представитель сербской либеральной линии Мирко Тепавац. Вопреки тому, что сербское руководство было вовлечено в аферу, оно попыталось сохранить хладнокровие, будучи уверенным, что интрига родилась не в Загребе и не в Белграде, а напротив, что за ней стоит сам Тито. Так или иначе, они официально опровергали подобные обвинения в свой адрес³.

Хорваты, которые считали, что сербы намеренно смягчают значение интриги, потеряли пронизательность. Хотя Исполнительное бюро приняло решение, чтобы материалы комиссии Доланца остались засекреченными, ЦК Хорватии 6 апреля 1971 г. постановил ознакомить общественность с новостью о «заговоре». «Сообщение», которое на следующий день опубликовали *Vjesnik* и другие хорватские средства массовой информации, вызвало волну недовольства в Белграде не только у националистов, но и у либералов, ведь им казалось, что они ложно оклеветаны как носители сопротивления конституционным изменениям и главные сторонники централизма. Мирко Тепавац вообще угрожал отставкой⁴. Трипало и другие влиятельные хорватские функционеры и дальше требовали прекратить «грязные интриги» внешних и внутренних противников и попытки представить хорватов как наиболее проблемный югославский народ. В прессе развернулась

¹ *Swain G. R. Tito. A Biography. P. 169; Razumovsky A. Ein Kampf. S. 376, 377.*

² *Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 504, 506, 507; Cenčić V. Titova poslednja ispovijest. S. 62; Lopušina M. Ubij bližnjeg svog. S. 35.*

³ *Pirjevec J. Jugoslavija. S. 497.*

⁴ *Ibid. S. 298; Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 521–523.*

желчная полемика, в которой прохорватские и просербские группы с разной степенью резкости обменивались упреками. «Заявления Трипало, — сообщал британский генеральный консул Йозеф Добб в Загребе, — захватывали дух из-за своей безответственности»¹.

Масла в огонь и в без того тяжелой атмосфере подлила новость о покушении на югославского посла в Стокгольме, черногорца Владимира Роловича, бывшего полковника ОЗНА, которое 16 апреля 1971 г. совершил усташский террорист Винко Баришич. В Загребе распространились слухи, что убийство было организовано с помощью антихорватских и «сталинских» сил. В Сербии и Черногории это событие вызвало настоящую волну антиусташской и антихорватской истерии², которая еще возросла, когда какой-то другой усташ открыл стрельбу на вокзале в Белграде и в кинотеатре «Балкан». Говорили даже, что КОС составила список 450 важных сербов в Хорватии, которых хорватские националисты собирались ликвидировать³. Для того чтобы смягчить негодование, Тито созвал 28–30 апреля на Бриони XVII заседание Пленума СКЮ, которое, судя по всему, обещало быть бурным. Уже в предварительной беседе с Трипало Тито в первую очередь заявил, что положение серьезное, что грядет контрреволюция (при этом он думал не только о Хорватии, но и о Сербии), что он не будет вести себя как Дубчек и наведет порядок, если потребуется, даже с помощью армии. В каждой республике он найдет группы людей, которые его поддержат. Когда обсуждение закончилось, загребчане были вынуждены проглотить множество упреков в адрес своего попустительства «шовинистическим элементам», а белградцы — в адрес своих протестов против конституционных поправок⁴. Наиболее драматический момент имел место в последний день встречи, когда адъютант подошел к Тито и что-то ему шепнул. Тито вопреки обыкновению прервал заседание, ушел из зала и после возвращения сказал изумленным присутствовавшим, что говорил по телефону с Брежневым. Советский руководитель выразил свою озабоченность из-за событий в Югославии и предложил «братскую помощь»⁵. Тито сказал, что Брежневу ответил: «Работаем над консолидацией партии. У нас есть большие вопросы, которые решить может только сама партия. Это должны решить мы сами без иностранной помощи». Но он не смог разубедить хорватских и сербских представителей, полагавших, что он подстроил всё это сам, поскольку хотел их напугать русским военным вторжением⁶. Но, так или

¹ TNA. FCO 28/1630.

² *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 522.

³ *Matunović A.* Titova sovladarica. S. 122; *Ivanji I.* Titov prevajalec. S. 180.

⁴ AS. Dedijer. Tipkopolis za IV. zvezek Titove biografije. Petnajsto poglavje. Tito umiruje Hrvatsku. S. 55, 56.

⁵ NARA. CREST. CIA. Yugoslavia: An Intelligence Appraisal, 27.07.1971; *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 560, 561; Knj. II. S. 602; *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 591, 592; *Kranjc M.F.* Zarote in atentati na Tita. S. 350.

⁶ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 561, 562; *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 593.

иначе, история о звонке Брежнева способствовала тому, что страсти поутихли и был достигнут компромисс¹. Заключительное коммюнике было переполнено общепринятой, мало понятной фразеологией, но одно было предельно ясно: внешние противники, подрывающие основы югославской федерации, используют внутренние трудности, при этом рассчитывают на «врагов, которые проживают в государстве». Организованная акция по дисквалификации загребского руководства была частью этого плана, хотя в нее и не были вовлечены органы союзного управления². Казалось, что хорваты, как и сербы, получили удовлетворение. Больше получили хорваты, поскольку им Тито перед итоговым заседанием президиума признался, что в значительной мере согласен с ними. После того как он выслушал их жалобы на то, что Хорватией пренебрегают, неожиданно встал и в очевидном потрясении, положив руку на сердце, глубоким голосом сказал: «Тут вижу, что вы правы, но недостает вам государственной мудрости»³.

В то же время Владимир Бакарич, которого из-за его способности предвидеть события сравнивали с Буддой, тоже догадался, что Савке Дабчевич-Кучар, Мико Трипало и их соратникам «не хватало государственной мудрости». Не позднее конца апреля 1971 г., если не раньше, он начал постепенно от них отгораживаться. Вероятно, он почувствовал, к какой бездне ведет хорватский национализм, который его более молодые коллеги больше не могли сдерживать. Тито позднее заявил на одной внутренней встрече: «Он не имеет привычки идти в бой, который заранее обречен на проигрыш»⁴. Иными словами, Бакарич был, как ему признавался Кардель, непревзойденным мастером в оценке политического положения. Во время поездки по Хорватии как искушенный партиец он начал умирять разогревшиеся патриотические чувства и утверждал, что, давая определение хорватскому государству, не стоит употреблять слово «национальное». В городке Тоунь он впервые резко выступил против тройки, находящейся у власти в Загребе. Этим самым он вызвал сильную критику и должен был защищаться от обвинений в симпатии унитаристским силам⁵.

Подготовка расправы над хорватской весной

То, что Хорватию ждут тяжелые времена, стало очевидным уже на II Конгрессе самоуправленцев 5–8 мая 1971 г. в Сараево, на котором главное слово было предоставлено Карделю. Во вводном докладе он предупредил, чтобы республики не использовали автономию, которую им готовили

¹ Tripalo M. Hrvatsko proljeće. S. 150, 151.

² PA. B 1342. Bd. 1327.

³ AS. Dedijer. T. e. 188. Zapis S. Kavčiča, Odnosi Kardelj–Bakarić. S. 8.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 233. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Petnajsto poglavje. Tito umiruje Hrvatsku. S. 35.

⁵ PA. B 12. Bd. 547; Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 258; Cenčić V. Titova posljednja ispovijest. S. 17; Roter Z. Padle maske. S. 294.

конституционные поправки, для укрепления шовинистских и партикуляристских стремлений. Савка Дабчевич-Кучар, которая сидела в первом ряду, после этого заявления не присоединилась к общим аплодисментам. Она была в шоке от разговора, который состоялся с Бевцем в Любляне в апреле 1971 г., когда он открыто сказал: «Лучше видеть русские танки на улицах, чем с вашей склонностью к Дубчеку угрожать завоеваниям революции»¹. Он остался при своем мнении — что в Югославии любое движение в сторону парламентской демократии «быстро ведет к победе контрреволюции»².

На II Конгрессе самоуправленцев под ударом оказались не только хорваты, но и в еще большей степени — сербы. В Белграде крепла оппозиция против конституционных поправок, о которых шла дискуссия, при этом критика была направлена прежде всего против товарища Тито. Противники поправок утверждали, что в момент, когда возводят границы между республиками, «наша главная задача защитить политические права сербского народа, большая часть которого (40%) живет за пределами Сербии». То, что сейчас происходит, напоминает распад Югославии. Некий профессор даже дерзнул заявить, что Тито не имел права больше баллотироваться на пост президента республики³. В дополнение Миялко Годорович в югославском посольстве в Москве сказал: «Тито постарел, долго не протянет». Эти еретические слова посол с депешей отправил маршалу, который взбесился⁴. Случилось и нечто худшее: Брежнев, имевший тайный канал связи с Тито, через который они делились самой секретной информацией, предупредил его, чтобы он опасался хорватов, которые собираются отделиться, но еще больше пусть опасается сербов и боснийцев, которые хотят отправить его в отставку⁵.

Для политической обстановки этого момента было важно, что уже в публичных выступлениях он нападал на некоторых генералов в отставке, которые работают против него, заигрывают с русскими и призывают их к вторжению в Югославию. Поскольку никто прежде не критиковал открыто военную верхушку, этот намек имел силу взорвавшейся бомбы. На тайной ночной встрече 8 мая с избранными партийными функционерами из разных республик (Бакарнич, Кардель, Любичич, Милентие и Коча Поповичи) он был еще более откровенен. Тито говорил о шпионах в верхушке сербской партии и указывал, что необходимо наряду с некоторыми генералами арестовать также Ранковича, который дружил с ними. Но не удовлетворился этим: Милентие Поповичу в лицо бросил, что Белград — центр контрреволюции.

¹ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 548; AS. Dedijer. T. e. 233. Tipkopolis za IV. zvezek Titove biografije. Četrto poglavje. Tito umiruje Hrvatsku. S. 35.

² *Kisić Kolanović N.* Hebrang. S. 142.

³ AJ. KPR. II-4-a. K 167. O raspravama na Pravnom fakultetu povodom ustavnih amandmana. 5. i 6.04.1971 g.; *Simić P., Despot Z.* Tito. S. 282.

⁴ *Ćosić D.* Piščevi zapisi (1951–1968). S. 293.

⁵ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 602, 603; *Kranjc M.F.* Zarote in atentati na Tita. S. 120, 121; *Milosavljević O.* Činjenice i tumačenja. S. 107.

«Я об этом оповещен. Заговор против меня! Требую, чтобы Миялко Тодоровича выгнали из СКЮ, поскольку он связующее звено сербского руководства с русскими. В Белграде некоторые говорят, что я отстрелялся. Но у меня полно патронов, и я только жду, когда пробьет час и кого-то я должен буду “подстрелить”»¹. Присутствующие едва его успокоили.

Нападение на видных политиков, которые представляли Сербию как в союзных органах, так на государственном и партийном уровне, было явно направлено против четверки, в которую входили Кардель и Бакарич, и которая пыталась, как говорила Латинка Перович, отдалить Югославию от сталинского социализма. Несмотря на то что упомянутые политики видели в Тито преграду для развития общества, они понимали, что он представляет собой защиту от Советского Союза, и поэтому не сопротивлялись ему. Но этого, конечно, было недостаточно². Милентие, который был тесно связан с Миялко Тодоровичем, ведь они вместе разделяли одинаковые реформистские идеалы, оповестил своего друга по телефону о том, что произошло. Договорились, что встретятся в Клубе депутатов в Белграде. Когда они действительно встретились, Попович получил телеграмму, в которой Тито подтверждал обвинения против Тодоровича. Это так его потрясло, что он скончался от инфаркта³.

Через четыре недели после XVII Пленума ЦК СКЮ, 2 июня 1971 г. в Белграде был созван новый пленум для оценки влияния, которое оказали решения, принятые на Бриони. Вопреки ожиданиям, его участники положительно оценили внутривластическое развитие и достигли согласия, а также договорились, что междоусобные противоречия в будущем не будут выносить напоказ. «Каждый пусть метет перед своим порогом», — говорил Марко Никезич. Что касается конституционных поправок, то решили, что их можно быстрее примут в «брионском духе». При этом составили даже расписание, которое предусматривало, что в июне Союзная скупщина их подтвердит и во второй половине июня будет избран президент СФРЮ, как и другие члены Президиума. Последовали бы утверждение нового исполнительного совета и назначение функционеров, которые заняли бы ответственные посты внутри руководящего аппарата⁴.

Открытыми остались, конечно же, многие вопросы, прежде всего касавшиеся будущих отношений между верхами партии и государства. Нельзя

¹ *Vrhunec M.* Šest let s Titom. S. 221, 251, 252; *AS. Dedijer.* T. e. 68. *Krtačni odtisi.* S. 775; *Kranjc M. F.* Zarote in atentati na Tita. S. 250; *Čavoški K.* Tito. Tehnologija vlasti. S. 65–67.

² *Milosaavljević O.* Činjenice i tumačenja. S. 240, 241.

³ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 105; *Čosić D.* Piščeви zapisi (1951–1968). S. 293; *AS. Dedijer.* T. e. 68. *Krtačni odtisi.* S. 775; T. e. 184. *Dragan Marković u razgovoru sa M. Marovićem.* Kako je umro Milentije Popović; T. e. 233. *Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije.* Petnajsto poglavje. Tito umiruje Hrvatsku. S. 7; T. e. 244. *Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije.* Šestnajsto poglavje. S. 10, 11.

⁴ PA. B 12. Bd. 547.

было игнорировать тот факт, что ряд важных партийных руководителей не стремится быть избранным в Президиум СФРЮ, что само по себе порождало мысль, что этот орган не имеет решающего значения, которого от него ожидали. В этот момент Тито надеялся найти союзника в Мико Трипало. Когда в Белграде 15 июня 1971 г. собралось Исполнительное бюро, он пригласил хорватского руководителя для частной беседы, в ходе которой предложил ему должность, «о которой тот и не мечтал», т. е. наследство, если он ему поможет решить проблемы в Хорватии. Трипало ответил, что не может отказаться ни от своих принципов, ни от верности своей родине. Тито на это сказал, что в Хорватии проблема — сербы в Лике (земли в Далмации, где сербское население довольно многочисленно) и в других частях республики, на что Трипало полемически ответил, что проблема не сербы, а хорваты в Хорватии. И они разошлись, не договорившись. В Загребе, где нередко слышались лозунги: «Тито, плюнем тебе в лицо, если не носишь усташскую одежду», «Не повторится больше 1941», «До сих пор мы пили далматинское вино, а сейчас будем пить сербскую кровь», партийное руководство во что бы то ни стало пыталось обуздать националистическую эйфорию широких народных масс и их глашатаев. На встрече Тито с Савкой Дабчевич-Кучар и их соратниками на вилле «Загорье», которая состоялась 4 июля, он снова угрозил армией, если они сами не примут меры. Пусть «лучше армия наведет порядок прежде, чем это сделают русские»¹. При этом загребское руководство оказалось меж двух огней, ведь на них теперь нападала газета *Praxis* слева, указывая, что самоуправление в Югославии идет не туда, между тем как националистические студенты вокруг Чичака предсказывали «горячую осень» из-за исключения двух слишком патриотически настроенных и болтливых доцентов из СКХ. И, кроме того, Тито был самым опасным из всех.

Поправки к конституции

Летом 1971 г., после месяцев больших усилий, была завершена нормативная работа над поправками, которой в основном руководил Эдвард Кардель. В них он отказался от своей изначальной концепции, согласно которой, общины должны были быть основными ячейками югославского общества, и сделал выбор в пользу сильных республик. Союзная скупщина, таким образом, 30 июня 1971 г. подтвердила изменение конституции, которая реформировала федерацию и вносила в нее конфедеративные элементы, т. е. признавала государственность республик, основываясь на суверенности народов, и даровала им в определенных случаях право вето. Одновременно скупщина создала новый орган, коллективный президиум государства, который состоял из трех представителей от каждой республики и двух представителей от каждого края (за исключением Тито всего

¹ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 661; *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 600, 601.

22 человека); работать он должен был по принципу ротации: каждый год в точно установленной последовательности председательствовать должен был новый представитель одной из федеральных единиц. Таким образом, ни одна республика или край внутри федерации не могли бы получить решающее влияние. Это был первоначальный замысел — якобы сам Тито сказал, что нужно создать руководящую структуру, которая позволяла бы «легко уйти, когда захочу»¹. Поскольку было одновременно решено — прежде всего по требованию хорватов и боснийцев — что Тито останется председателем Президиума и только его заместитель каждый год будет избираться снова, стало ясно, что он не собирается уходить². Тито выражал недовольство этим устройством, по крайней мере он так говорил. «Вместо того чтобы меня разгрузить, — жаловался он, — и новый орган взял бы всю ответственность за государство, меня еще больше обременили, пусть и временно»³. Ему предложили пожизненное президентство, но он его отклонил, сказав, что эту функцию он будет сохранять пока способен, год или около того, пока верховный орган не будет готов нормально работать⁴. Конституционные поправки, помимо прочего, запрещали, чтобы кто-то имел одновременно партийную и государственную должность и сохранял ее дольше одного мандата. Это не касалось Тито, который остался и президентом СФРЮ, и председателем СКЮ⁵. Новое подтверждение его автократии вызвало в белградском общественном мнении большое разочарование, настолько большое, что сербы начали открыто его упрекать за уступчивость и слабость по отношению к хорватам. Когда 3 июля 1971 г. Тито пришел на праздничный спектакль в сербском народном театре, посвященный его столетию, впервые после войны никто из присутствовавших не встал и не аплодировал, когда он вошел в зал⁶.

Хорватское руководство приветствовало реформы как великую победу, при этом рассматривало их как трамплин для осуществления своих экономических требований. Под влиянием всплеска национальных чувств они поторопились и ввели во внутреннее управление функции, которых лишалось союзное правительство, при этом интеллектуалы, объединившиеся вокруг Матицы Хорватской и Загребского университета, их постоянно предупреждали, чтобы они не удовлетворялись половинчатыми решениями, и критиковали руководителей республики за неумение эффективно отстаивать национальные интересы. Между тем активизировалось сербское меньшинство в Хорватии, которое насчитывало приблизительно 15% населения и которое не забыло военного ужаса усташского режима. Его представители внутри

¹ *Vrhunec M.* Josip Broz. S. 97.

² *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 545–551, 586, 597; *Vrhunec M.* Šest let s Titom. S. 164–166; TNA. FCO 28/2113/ENY 1/3.

³ *Vrhunec M.* Josip Broz. S. 102.

⁴ TNA. FCO 28/1628/A 20.

⁵ TNA. FCO 28/2118/ (31.08.1972).

⁶ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 263; *Milosavljević O.* Činjenice i tumačenja. S. 103.

Союза борцов и культурной организации «Просвета» относились к событиям в республике всё более и более критически. Они хотели защиты от ассимиляции, а также от так называемого критерия этнического равновесия, который начал применяться при приеме на работу¹.

Белградская пресса воспринимала тяжелое положение сербского меньшинства в Хорватии, конечно же, со вниманием и сочувствием, оно вызвало в общественном мнении волну негодования. Сообщалось, что Савка Дабчевич-Кучар и ее сотрудники крайние националисты и антиюгославские элементы и что они разваливают Югославию, подчеркивалось, что, возможно, это только средства «внешнего противника». Между строк Тито обвиняли в том, что он безмерно поддерживает хорватов, что выступает за децентрализацию, поскольку хочет остаться арбитром между республиками, и что это вредит Сербии и ее центральной роли внутри федерации². При этом следует сказать, что сербское либеральное руководство не попало на удочку национализма, наоборот, пыталось найти возможность диалога с хорватами, будучи уверенным, что такая политика единственно разумна³. Но эти старания не увенчались успехом.

На нерешительность Тито относительно того, как поступить, оказал влияние его визит в Загреб в начале сентября судьбоносного 1971 г. В аэропорту его встречал почетный караул с оркестром, который сыграл государственный гимн «Гей славяне», и сразу после этого хорватский национальный гимн «Красивая наша Родина», который не звучал с усташских времен. Он был этим удивлен, сделал шаг вперед и потом остался стоять на месте спокойно. В Загребе, где праздновали снова полученную государственность, которую даровали конституционные поправки, его встречали с овациями. Население толпами высыпало на улицы, воодушевление достигло апогея, особенно когда он с хорватским руководством пешком ходил по центру города⁴. В конце турне по республике, вероятно, также под влиянием Крлежи, Тито сильно смягчил свое отношение к Маспоку, ведь его убедили в том, что речь идет о демократическом движении и что всё еще устроится. Во время праздничного ужина на 200 персон, который для него подготовили в отеле «Эспланде», Тито неожиданно уверовал, что разговоры о необузданном национализме в Хорватии не соответствуют действительности: «Сейчас мы дополнениями к конституции создали условия для окончательного решения национального вопроса. Каждая республика имеет свою государственность, это не означает дезинтеграции нашего общества, социалистической Югославии, напротив, это означает укрепившееся единство на новом фундаменте, как и должно

¹ *Vrhunec M. Šest let s Titom. S. 265; Antonič Z. Rodoljub Čolaković. S. 255.*

² *Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 695, 696–699; Milosavljević O. Činjenice i tumačenja. S. 73.*

³ PA. B 12. Bd. 547.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 233. Tipkopsis za IV. zvezek Titove biografije. Petnajsto poglavje. Tito umiruje Hrvatsku. S. 63; T. e. 271. Jakov Blažević. 15.09.1983.

быть в многонациональной социалистической Югославии. Этого хотим. Здесь, в Хорватии я видел достаточно и многому научился. В следующий раз буду лучше, чем до сих пор, знать, как оценивать различные новости и слова»¹.

Речь, которую транслировало телевидение, присутствовавшие встретили с настоящим неистовством воодушевления и одобрения². Но не все. Те, которые пачали отдаляться и даже критиковать загребских руководителей, были удручены. Бакарич вспотел и был совсем серым. Кардель в бешенстве склонил голову над тарелкой, так же поступила и Йованка³. Под вопросом остается то, насколько Тито был искренен и насколько соответствует действительности утверждение Владимира Биланджича, что это был тактический ход, которым перед встречей с Леонидом Брежневым и Ричардом Никсоном он пытался доказать международной общественности, что Югославия не разваливается, как утверждают иностранные средства массовой информации⁴. Сербы на эти слова сильно обиделись, уверившись, что Тито пытается завоевать симпатии загребчан для противовеса своему шаткому положению в Белграде⁵. Там развернулась против него страшная, яростная кампания, говорили, что он якобы полностью слился с хорватской националистической политикой. Всё более громкими становились голоса, утверждавшие, что он могильщик Югославии, фатально росла патологическая ненависть к хорватам и было очевидно, что может вспыхнуть гражданская война, в которую вмешается ЮНА, и это приведет к русской интервенции⁶. Негативное впечатление, которое Тито произвел своей речью, он пытался исправить спустя месяц, 5 октября, в Карловце, где заявил офицерам резерва, что из-за преступлений усташей не чувствует своего хорватского происхождения. Это, конечно же, не способствовало его популярности в Загребе, поскольку начали распространяться слухи, что история никогда не простит ему послевоенной резни 140 тыс. в большинстве своем невинных хорватов. Говорят, что Тито решил вернуться к критике соплеменников потому, что узнал, будто Савка Дабчевич-Кучар после ужина в отеле «Эспланде» шуточно заявила: «Опять мы провели этого старого дурака». «Это слышала какая-то птичка, — сообщает Владимир Дедиер, — и на следующий день на столе Тито лежало сообщение о том, что она сказала». Птицей была, конечно же, военно-разведывательная служба, известная как КОС⁷.

¹ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 683; AS. Dedijer. T. e. 233. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. XV. Poglavlje. Tito umiruje Hrvarsku. S. 11.

² *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 109; *Vrhunec M.* Šest let s Titom. S. 263.

³ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 683, 683; *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 605.

⁴ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 174.

⁵ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 684.

⁶ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 111, 112; *Antonić Z.* Rodoljub Čolaković. S. 183.

⁷ AS. Dedijer. T. e. 233. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Petnajsto poglavje. Tito umiruje Hrvatsku. S. 13.

Визит Ричарда Никсона в Югославию

После советского вторжения в Чехословакию долгое время попытки Тито получить у Советского Союза поручительство, которое ему дал Хрущев относительно независимости Югославии и ее права на самостоятельный путь к социализму, не приносили успеха. Ни во время визита Андрея Громыко в Белград в сентябре 1969 г., ни в ходе визита Мити Рибичича в Москву в июле 1970 г. СССР не был готов официально заявить, что «доктрина ограниченного суверенитета» Брежнева не относится и к югославам¹. Как отмечает Латинка Перович, которая ссылается на современные российские исследования, после вмешательства стран Варшавского договора в дела Чехословакии, Советский Союз не мог позволить, чтобы экономическая реформа в Югославии удалась. Это бы означало, что социализм с человеческим лицом возможен. В таких условиях Тито был вынужден вести двойную политику: с одной стороны, он пытался сохранить существенные моменты советской модели (которая, помимо всего прочего, обеспечивала его власть)², с другой — он пошел в контраступление и сделал акцент на международной поддержке, на которую мог рассчитывать. Поскольку после смерти Неру и Насера он остался единственным основателем движения неприсоединения, ему казалось, что именно он должен развивать и укреплять его, насколько ему позволяют возможности, и полагал, что играет важную роль на международной политической арене. Между 26 января и 27 февраля 1970 г. Тито посетил с рабочим визитом Танзанию, Замбию, Эфиопию, Кению, Судан, Египет и Ливию. Результатом этого турне стал созыв III Конференции неприсоединившихся в Лусаке, столице Зимбабве, которую Тито планировал уже давно, будучи уверенным, что движению необходимо дать новый толчок³. По его мнению, конференция в Лусаке стала «началом уверенной деятельности неприсоединившихся стран, которая должна получить динамику благодаря ежегодным конференциям министров иностранных дел и встречам в верхах каждые четыре года». В этом он хотя бы временно достиг своей цели, ведь движение получило «золотую прибыль» и стало активным игроком на международной арене⁴. Одновременно ему удалось обновить связи с Китаем, который в последние десятилетия не пренебрегал ни одной возможностью вступить в полемику с югославскими еретиками⁵.

После окончания «Культурной революции» по инициативе Тито, а также Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая в 1970 г. между государствами были возобновлены дипломатические отношения. Посол Китая Зенг Тао был удивлен тем, что

¹ BA. Bestand Ulbricht. Walter. NL 182/1238.

² *Milosavljević O.* Činjenice i tumačenja. S. 241.

³ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 76; *Mandić B.* Tito u dijalogu sa svijetom. S. 301–332.

⁴ *Bogetić D.* Tito i nesvrstani. S. 410, 411.

⁵ PA. B 42. Bd. 1348; NARA. CREST. CIA, Yugoslavia: An intelligence Appraisal. 27.07.1971.

Тито при передаче верительных грамот на Бриони принял его без протокольной жесткости и уделил ему более часа, ведя сердечную беседу, хотя торжественное мероприятие длилось всего 20 минут. Самым важным результатом этого сближения, помимо экономического обмена между Югославией и Китаем, было возобновление отношений между Белградом и Тираной, как, впрочем, и визит министра иностранных дела Тепаваца в Пекин в апреле 1971 г.¹

То, насколько значительным был авторитет Тито на международной арене, красноречиво доказал визит Ричарда Никсона, первого американского президента, который отправился в Югославию². Хотя Тито в беседе с ним и государственным секретарем Генри Киссинджером не скрывал, что не согласен с американской политикой во Вьетнаме, с военной поддержкой Израиля, с присутствием Седьмого флота США в Средиземноморье, уже тот факт, что он открыто об этом говорил, подтверждало важную роль, которую играла Югославия в мире³. Американцы со своей стороны заявили, что высоко оценивают «титоизм», который символизирует плюралистическую возможность развития в рамках социалистической общественной системы и своей политикой неприсоединения способствует равновесию в Европе⁴. Когда Никсон выразил свое желание посетить родную деревню Тито, речь шла не только о любезности, наоборот, о чем-то большем, что видно из следующего эпизода. Тито в определенный момент сказал своему гостю: «Вы великий президент, но станете еще более великим, если закончите войну во Вьетнаме». Никсон, который имел привычку записывать, если слышал что-то важное, достал из кармана карандаш и эти слова записал⁵.

На переломе десятилетий Тито организовал ряд поездок в Западную Европу. До осени 1970 г. он посетил только четыре западноевропейские страны, с большими интервалами между поездками. Ранкович приказал своим людям в министерстве иностранных дел сделать всё возможное, чтобы маршал туда не ездил⁶. Но в октябре 1970 г. он отправился в турне по Бельгии, Люксембургу, Западной Германии, Нидерландам и Франции, которые все были членами НАТО и Единого европейского рынка. Не получилось только с Италией, хотя Югославия рассчитывала на нее больше всего и планировала после подавления чешской весны тесное военное сотрудничество с ней⁷. Несмотря на то что

¹ AS. Dedijer. Т. е. 68. Krtačni odtisi. S. 699.

² *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 604–608; *Vrhunec M.* Josip Broz. S. 37.

³ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 607; *Vrhunec M.* Šest let s Titom. S. 66–70.

⁴ GWU. 00735. US Policy and Post-Tito Yugoslavia. Prepared by the NSC Interdepartmental Ad Hoc Group for Yugoslavia, 13.09.1971. S. 1–5.

⁵ Слова очевидца.

⁶ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 240.

⁷ NARA. CREST. CIA, Yugoslavia: An Intelligence Appraisal, 27.07.1971; GWU. 00735. US Policy and Post-Tito Yugoslavia. Prepared by the NSC Interdepartmental Ad Hoc Group PA, for Yugoslavia, 13.09.1971. S. 36; *Vrhunec M.* Šest let s Titom. S. 70–80.

граница между государствами, установленная в 1947 и в 1954 гг., стала «самой открытой на свете», как утверждала югославская пропаганда, Италия всё еще ставила вопрос о независимости зоны Б бывшей Свободной территории Триест. Для Югославии это было весьма тревожно, тем более что она конфликтовала с Болгарией, которая постоянно подогревала македонский вопрос. Хотя Югославия и была уверена, что позиция Рима относительно зоны В внутри НАТО не имеет поддержки, но в той же мере она была уверена, что София ведет свою ирредентистскую политику в тесной связи с Москвой и что некоторые болгарские руководители открыто предсказывают присоединение Вардарской Македонии к своему государству, как только это станет возможным¹. Поэтому возникла острая необходимость подчеркнуть, что границы, которые появились после Второй мировой войны в Европе, неприкосновенны, а для этого нужно было как можно быстрее решить вопрос о границе с Италией. В этом смысле уже в конце 1960-х гг. между Белградом и Римом начались дипломатические переговоры, которые итальянская сторона смогла расстроить. В декабре 1970 г. отношения между государствами неожиданно настолько охладели, что Тито за несколько дней перед запланированным визитом в Рим отказался от него. В последующие месяцы произошли новые дипломатические контакты между двумя министрами иностранных дел, так что спор сгладился, и в марте 1971 г. Тито отправился в Рим, хотя это не слишком помогло решить спорные вопросы между государствами².

Тито и Святой престол

Самым ярким событием путешествия в Рим была встреча Тито с папой Павлом VI; это был первый случай, когда глава коммунистического государства вошел в Апостольский дворец. Отношения между Святым престолом и Белградом стали крайне напряженными в сентябре 1946 г. из-за процесса против загребского архиепископа Алоизие Степинаца, который состоялся вопреки попыткам Тито его избежать. Обвиненный в том, что сотрудничал с усташами во время войны и после нее, Степинац был осужден на 16 лет принудительного заключения. Отношения драматически ухудшились в 1952 г. когда Пий XII назначил его кардиналом. В то время, когда Сталин представлял для него смертельную угрозу, Тито не мог понять, как папа решился на столь откровенно враждебный шаг. Тем более что он предусмотрительно выпустил Степинаца в 1951 г. из тюрьмы и направил в его родную деревню. Этот милостивый шаг не удовлетворил Католическую церковь. В глазах верующих всего мира кардинал стал жертвой титовского режима, что вызывало враждебные чувства к Югославии прежде всего в США,

¹ PA. B 42. Bd. 1348.

² *Bajc G.* Dietro le quinte della visita di Tito a Roma nel 1971; Il contesto locale e internazionale letto dalla diplomazia britannica // *Annales. Ser. hist. sociol.* 2014. Vol. 24, No. 4. S. 714–728.

поскольку Степинаца воспринимали как мученика. Только после его смерти в 1960 г. и похорон в Загребском кафедральном соборе обстановка улучшилась. То, что Тито это разрешил вопреки мнению хорватских партийных функционеров, не осталось незамеченным в Ватикане. Наследник Пия XII папа Иоанн XXIII спустя некоторое время после начала своего понтификата дал толчок обновлению диалога, признал послевоенные изменения в Югославии и дистанцировался от усташской эмиграции. Когда Тито посетил Латинскую Америку, помимо всего прочего, он попытался убедить местных епископов не занимать в отношении него слишком отрицательной позиции. Вопреки противостоянию римской курии и Сербской православной церкви, которая не забыла преступлений католиков в НГХ, наследник Иоанна XXIII, Павел VI после тайных переговоров в 1966 г. подписал с Белградом протокол о сотрудничестве и в 1970 г. обновил дипломатические отношения. Ватикан в первую очередь видел в Югославии пример сосуществования церкви и государства, который можно было бы ввести где-нибудь еще в коммунистическом мире¹. Со своей стороны Тито также сделал несколько примирительных шагов в сторону католической церкви, среди прочего в 1964 г. он вместе с Йованкой посетил картезианский монастырь Плетьерье и на следующий год инициировал новый закон о религиозных обществах, который давал больше прав верующим². За кулисами по дипломатическим каналам до конца 1966 г. он часто общался с папой Павлом VI, обменивался с ним взглядами на актуальные международные вопросы. Монтини был так «впечатлен государственной мудростью Тито, его способностями и ролью в международных отношениях», что считал его искренним и самым большим сторонником мира на земле³.

Это же отразилось и в приветственной речи, с которой он принял Тито в Ватикане. В ней он высоко оценил усилия Тито по сохранению мира, которые способствуют более плодотворным отношениям «между народами и континентами». При этом он «забыл», что Пий XII отлучил от церкви всех католиков, замешанных в процессе против Степинаца, а значит, опосредованно и маршала. Сотрудничество, которое начали Югославия и Святой престол на этой ниве, уже привело к многообещающим результатам⁴. Сразу по приезде Тито в Рим стало очевидно, что его визиту уделяют большое внимание, поскольку на аэродроме его встречали помимо итальянских

¹ NARA. Pol. Vat-Yugo, Rome, 02.02.1965; *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 452; *Vrhunec M.* Šest let s Titom. S. 82–84; AMVZ. Zpravy. Belehrad 1966–1967. S. 323–325; PA. B 26. Bd. 457; TNA. FO 371/1828/NU 0791; NU 1781; *Terzić N.* Odnos Josipa Broza Tita prema Rimskokatoličkoj crkvi 1945–1952 // *Vojno-istorijski glasnik*. 1996. Vol. I; *Roter Z.* Padle maske. S. 185, 186, 237, 238; *Antonić Z.* Rodoljub Čolaković. S. 491, 492.

² TNA. FO 371/182879/NU 1781/1; NU 17.

³ *Stuparić D.* Diplomati izvan protokola: ambasadori Titove Jugoslavije. Centar za kulturnu djelatnost Saveza socijalističke omladine Zagreba. Zagreb, 1978. S. 327.

⁴ PA. B 42. Bd. 1350.

высокопоставленных лиц и представители Ватикана, что было весьма необычным. Впервые в истории какому-то гостю папы оказали такие почести¹. Кардинал Жан-Мари Вийо, государственный секретарь Святого престола, говорил: «Югославии повезло, что у нее есть Тито», кардинал Эжен Тиссеран ему вторил: «Он гордость югославских народов, и если бы в других государствах был Тито, не нужно было бы бояться за мир во всем мире»².

То, что папа принял Тито 28 марта, как раз в тот день, когда другие коммунистические лидеры собрались в Москве на XXIV Съезде КПСС, и беседа с Тито велась два с половиной часа, имело дополнительную информационную ценность³. На съезде Брежнев упомянул Югославию только одной фразой в числе социалистических стран. Это можно было интерпретировать как указание на то, что она входит в сферу советских интересов⁴. Усилия маршала Тито и его окружения воспротивиться этому оказались небезрезультатными, что доказал его визит в Ватикан.

Брежнев — в Белград, Тито — в США

Будучи уверенным в том, что Югославия «удержится на плаву», Запад не скупился на экономическую и политическую помощь, которая выражалась в более или менее открытых заявлениях, что НАТО не позволит расширения Советского Союза до адриатического побережья⁵. Режим Тито, прежде всего, из-за давления инфляции, дефицита внешней торговли и растущей безработицы опять оказался в тяжелом положении. Югославы просили в кредит 600 млн долларов у МВФ, США и ряда западноевропейских государств, что им позволило бы перебиться до 1972 г. В Вашингтоне считали, что следует ожидать и других просьб о помощи⁶.

При всей лихорадочной деятельности, которую югославы развили после 1968 г. на международной арене, укрепляя отношения с неприсоединившимися странами, с Китаем и с Западом, они не переставали повторять, что их политика не направлена против СССР. Это дало результаты, поскольку диалог между Белградом и Москвой ощутимо укрепился. Когда весной 1971 г. пришла новость, что Тито как первый президент коммунистического государства приглашен с официальным визитом в США, Брежнев впервые за три с половиной года по собственной инициативе поспешил в Белград 22–25 сентября. На пленарных встречах обеих делегаций шли активные переговоры, важным стал и семичасовой диалог между двумя руководителями с глазу на глаз, который состоялся на охоте в Караджорджеве и явился, конечно же, предметом

¹ *Stuparić D.* Diplomati. S. 338.

² *Ibid.* S. 340.

³ NARA. CREST. CIA. Yugoslavia. An Intelligence Appraisal, 27.07.1971; TNA. FCO 28/1628/ENU 1/4.

⁴ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 601.

⁵ NARA. CREST. CIA. Yugoslavia: An Intelligence Appraisal, 27.07.1971.

⁶ *Ibid.*

всевозможных предположений, сомнений и страхов¹. После довольно оживленного обмена мнениями Брежнев, вернувшись из «неофициальной и дружественной поездки», сделал заявление, которого Тито ждал столько времени: он подтвердил, что Белградское соглашение 1955 г., которым Хрущев признал за Югославией право идти к социализму собственным путем, остается в силе. Взамен Тито обещал, что урегулирует обстановку в государстве, и одновременно разрешил, чтобы в официальной декларации был упомянут принцип «социалистического интернационализма», как, впрочем, и «связь коммунистических партий всего мира». У него не было иллюзий, что СССР окончательно отказался от своих гегемонистских амбиций. Гарантии Брежнева в этом смысле он обозначил как «слова, слова, слова», хотя принял их как желаемое перемирие, которое нужно использовать как можно активнее, поскольку Советский Союз обещал 600 млн долларов, а может быть, и другие кредиты².

В конце октября 1971 г. последовал визит Тито в Вашингтон, куда он отправился также как посредник между великими державами. От американцев в этой связи он потребовал общее коммюнике, в котором бы они заявили, что мир и безопасность во «всей» Европе неделимы. Еще никогда США так открыто не выступали в пользу югославской независимости, как в тот раз, вдобавок они обозначили движение неприсоединения как «важный фактор», который обеспечивает «активный вклад в решение мировых проблем» и в «развитие международных отношений»³. Не говоря уже о комплиментах, которыми засыпали Тито. Тито был принят, как писала *Evening Star*, с исключительной помпой (а также с высокими мерами безопасности). *Washington Post* назвала его легендарным руководителем, который вызвал у президента Никсона искреннюю симпатию и который находится в тесном контакте с изменяющимся миром и его новой расстановкой сил. *Baltimore Sun* подчеркнула, что Тито удалось смягчить внешние и внутренние острые проблемы путем политики «примирения и приспособления». В этом он настоящий глашатай эпохи ослабления напряженности, чьего совета и помощи ищут многие. Сейчас, без сомнения, и в Вашингтоне⁴.

К этой позитивной, хотя в чем-то слишком оптимистичной оценке нужно еще добавить, что визиты Тито в Западную Европу и США имели свои дивиденды, поскольку Югославия получала весьма выгодные кредиты в поддержку своей стабилизационной программы приблизительно в размере 1 млрд американских долларов⁵.

¹ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 603; *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 298; NARA. CREST. Propaganda Perspectives, Brezhnev in Yugoslavia, 04.11.1971.

² *Vrhunec M.* Šest let s Titom. S. 99–102; TNA. FCO 28/1636/ENU 3/303/1; FCO 28/1635/ENU 3/303/1; FCO 28/1636/ENU 3/303/1; AMZV, Zpravy ZU 622461, V Belehrade, 15. dubna 1973; Memo, Tito's Time of Troubles, 17.11.1972 // Yugoslavia. From «National Communism».

³ PA. B 42. Bd. 1348; *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 603.

⁴ PA. B 42. Bd. 1350; *Mandić B.* Tito u dialogu sa svijetom. S. 369.

⁵ *Vrhunec M.* Šest let s Titom. S. 121, 122.

Затишье перед бурей и окончательная расправа с Маспоком

В октябре 1971 на Плитвицах были организованы большие учения, названные «Свобода '71», в которых участвовало более 60 тыс. человек из частей регулярной армии и территориальной обороны. Согласно общему мнению, они подтвердили готовность вооруженных сил к защите государства и его общественного устройства¹. Хотя в разговорах с хорватским руководством Тито всё еще обвинял некоторых своих важнейших соратников, высоких политических, государственных и военных деятелей в том, что они, вероятно, «агенты иностранных военных служб»², внутренняя ситуация всё же несколько стабилизировалась. Главный редактор белградского журнала *NIN* Фране Барбиери еще в середине ноября утверждал, что нужно быть благодарным реформе конституции, поскольку она позволила преодолеть сербско-хорватский конфликт³.

На самом деле речь шла о затишье перед бурей, которую вызвала забастовка студентов в поддержку хорватских экономических требований за неделю перед 29 ноября, югославским государственным праздником. В эйфории они приветствовали «перемены в общественно-государственном устройстве, которые создают Социалистическую республику как суверенное, национальное государство хорватского народа», но теперь они еще требовали собственное место в ООН и своего представителя в Международном банке, который непосредственно бы вел переговоры о кредитах. Утверждали, что нужно создать автономный Национальный банк и независимую армию и прежде всего гарантировать Хорватии, что она сохранит в своих кассах валюту, которую заработает⁴. «Ведут себя как обезьяны в девственном лесу, — прокомментировал Крлежа. — Взобрались на дерево и от собственного крика не чувствуют, что им огонь уже жжет задницу»⁵.

Студенты хоть и послали Тито и хорватским руководителям телеграммы, в которых выразили свою лояльность, всё же не смогли развеять сомнения, что речь идет о контрреволюционной акции, которая инициирована извне. Мнения о том, кто является ее режиссером, были различными: одни указывали пальцем на усташских эмигрантов, другие — на белградские тайные службы, которые таким образом пытались скомпрометировать хорватское руководство. Хорватское руководство открестилось от забастовки, но выразило понимание «нетерпению молодежи». Попытки Савки Дабчевич-Кучар и ее сотрудников

¹ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 684–689; PA. B 42. Bd. 1351; IIM 76-040C, The Yugoslav Armed Forces, 01.10.1976 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 546.

² *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 888; *Kranjc M.F.* Zarote in atentati na Tita. S. 351.

³ *NIN.* 1971. 14.11.

⁴ PA. B 12. Bd. 547; TNA. FCO 28/2113/ENY 1/3; AJ. KPR. II-4-a. K 167. Zaključci završnog zbora hrvatskih sveučilištaraca o promjenama hrvatskog ustava, 22.11.1971.

⁵ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 819.

убедить студентов прекратить забастовку, не были успешными, напротив, произвели впечатление, что это только фасад, за которым скрываются другие намерения: использовать студенческие протесты для достижения собственных целей¹. То, что хорватская КП перестала координировать свою работу с партийными органами на союзной ниве, еще больше подкрепляло это сомнение².

Хотя движение загребских студентов не имело большого размаха и к концу месяца начало угасать, Тито его использовал для сведения счетов с хорватами³. В Белграде шептались, что всё это происходило из-за того, что Тито якобы слышал, будто «Савка и Мико» намереваются его подсидеть. Решение о сведении счетов было принято несколько ранее, как можно заключить из разговора, который Эдвард Кардель имел 19 ноября 1971 г. с западногерманским послом. По его просьбе он прокомментировал внутреннюю ситуацию в государстве, причем полагал, что децентрализация, которую спровоцировала реформа конституции, подготовила условия для урегулирования национальных споров. Сейчас действуют уже обузданные «этактистские» стремления в отдельных республиках и сильно развитые реформистские процессы в направлении интегральной системы рабочего самоуправления. «Здесь и там нужно будет навести порядок»⁴. Об этом позаботился Тито, который в конце ноября 1971 г. раньше времени вернулся из поездки в Румынию. На его решение окончательно расправиться с хорватским национализмом, вероятно, повлиял разговор, состоявшийся у него с Любичичем. Он рассказал Тито, что члены Союза борцов, не только в Сербии, но и в Хорватии и в других республиках, взволнованы из-за его нерешительности, и судя по всему, намекнул, что его положение во главе государства и армии в опасности: «Или ты, или они»⁵. В ответ на эту угрозу Тито созвал заседание в Караджорджеве, в своем любимом охотничьем хозяйстве, куда пригласил «товарищей из Хорватии»⁶. С Савкой Дабчевич-Кучар и ее соратниками 30 ноября – 1 декабря он разговаривал 20 часов подряд – что было для

¹ TNA. FCO 28/1630/ENU 1/7; AJ. KPR. II-4-a. K 167. O situaciji na Zagrebačkom sveučilištu, 24.11.1971; Informacija CK SKH o štrajku studenata, 01.12.1971; Depeša studenata Titu, 23.11.1971; *Swain G. R. Tito. A Biography*. P. 175.

² NARA. CREST. Office of National Estimates, Memorandum: The Crisis in Croatia, 05.01.1972 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 2650; AS. Dedijer. T. e. 233. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Petnajsto poglavje. Tito umiruje Hrvatsku. S. 82, 85, 86.

³ *Tomac Z. The Struggle for the Croatian State: Through Hell to Democracy*. Zagreb: Profikon, 1993. S. 34; AJ. KPR. II-4-a. K 167. Govor Dražena Budiše na mitingu studenata povodom okončanja štrajka. 03.12.1971; *Supek I. Krivovjernik na ljevici*. Zagreb: Globus, 1992; *Bjelajac M. JLA*. S. 98.

⁴ PA. B 42. Bd. 1343; *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 809.

⁵ *Ridley J. Tito. A Biography*. P. 397; AS. Dedijer. T. e. 233. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Petnajsto poglavje. S. 65.

⁶ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 895; *Sječa Hrvatske u Karadorđevu 1971. Autorizirani zapisnik*. Zagreb: Meditor, 1994.

него нетипично, поскольку Тито не любил долгих встреч — но без драматизма. Напряженность атмосферы подчеркнула только вооруженная охрана перед зданием, где проходила встреча и где они жили¹. Он полагал всё еще, что в Хорватии только несколько сотен шовинистов, которые, однако, смогли вызвать массовое движение, что недопустимо. В республике слишком много демократии: «Я всегда говорил, что для классового врага демократии нет»².

Марафонская встреча, по мнению Тито, оказалась неудачной, поскольку из 19 членов хорватской делегации на его сторону перешли только Бакарнич и семь человек, в то время как большинство во главе с Дабчевич-Кучар и Мико Трипало не хотели отступать. Обсуждение поэтому продолжалось 1 и 2 декабря внутри расширенного президиума СКЮ, собранного на XXI заседании, которое вел Стане Доланц. На этот раз Тито был более резким: он утверждал, что целью Маспока прежде всего было уничтожить Социалистический союз трудового народа и постепенно превратить партию в организацию националистического типа. «Далеко ли это от национал-социализма?»³ Заседание Тито закончил речью, которой югославские средства массовой информации придали большое значение. В ней он осудил загребскую руководящую команду за снижение бдительности, легкомыслие и гнилой либерализм, которые имели негативные последствия в Хорватии. Программа хорватских коммунистов была, по его мнению, неясной и отступала от решений IX Съезда СКЮ, о чем, помимо всего другого, свидетельствовало возникновение Маспока. Тито указал на опасность того, что в этом движении объединились люмпен-пролетариат, антиреволюционные националисты, шовинисты, догматики «и черт знает кто еще». При этом он отметил поддержку из-за границы, которой пользовались эти силы (он думал об усташских эмигрантах, а также о западных спецслужбах). Он осудил публикации в хорватской печати, которые частично были антиконституционными и противозаконными, особо напал на Матицу Хорватскую, подстрекательств которой не мог более терпеть. Острая критика, которую он месяцами направлял в адрес хорватского партийного руководства, была, по его мнению, бесплодной, о чем свидетельствовало то, что хорваты даже теперь оказались неспособны к самокритике⁴. На встрече он не избежал и сам упрека со стороны Карделя, который ему открыто указал на то, что он слишком долго поддерживал руководителей Маспока и что он виновен в событиях в Хорватии. Однако эти слова не были занесены в стенограмму⁵.

Речь Тито, которую в тот же день транслировало телевидение, президиум в целом принял и включил ее в итоги XXI заседания. Единственным, кто попытался защитить хорватов, были сербские либералы с Латинкой Перович

¹ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 932; *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 189; *Vrhunec M.* Šest let s Titom. S. 267.

² *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 931.

³ NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 33. Izlaganje Tita političkom aktivu Hrvatske.

⁴ PA. B 12. Bd. 557; *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 940–949.

⁵ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 220.

и Марко Никезичем во главе, поскольку они осознали (но слишком поздно, как отмечала Савка Дабчевич-Кучар), что теперь очередь за ними. Уже в мае, на конфиденциальной встрече с Тито они насмерть схлестнулись с ним из-за его критической позиции относительно враждебной атмосферы, которая сложилась против него в Белграде¹.

Ближе к вечеру 2 декабря 1971 г. Тито принял Савку Дабчевич-Кучар, Мико Трипало и их соратников, с тем чтобы они ему сообщили свое решение — принимают они постановления XXI заседания или нет. Дабчевич-Кучар и Трипало ответили отрицательно и потребовали, чтобы эти постановления сперва были обсуждены в Хорватии, и только после этого было бы принято решение о том, что будет дальше. Тито ответил на это отрицательно и сказал, что тот, кто выражает несогласие, возьмет ответственность за последствия на себя. Но упрямая Савка еще раз встряхнула Тито: «Товарищ Тито, осторожнее, думайте, что делаете, с нами весь рабочий класс и хорватский народ». Тито на нее спокойно посмотрел и сказал: «Савка, ты глубоко ошибаешься»². Несмотря на упрямство собеседников, Тито решил спасти хотя бы Трипало. 8 декабря, когда в Караджорджеве была созвана встреча Исполнительного бюро, он позвонил Савке и Пиркеру и предложил им выйти из ЦК СКХ, одновременно он убеждал Трипало остаться и продолжить работу. Но Трипало отклонил это предложение со словами: «Я ответственен. Считаю себя одним из ответственных за эту политику»³.

На место уволенных загребских руководителей пришли люди, о которых можно было бы сказать, что они, «без сомнения, будут послушны», как отметил Бакарнич⁴. Председателем ЦК СКХ стала партийный идеолог Милка Планинц, ее секретарем — бывший «борец» и журналист Йосип Врховец, Иван Мишкович, многолетний сотрудник УГБ и уже союзный секретарь внутренних дел стал и членом Исполнительного комитета ЦК. Кроме этих серых аппаратчиков реальная власть перешла в руки местных консервативных групп, каковыми были Союз борцов, в котором влиянием пользовались прежде всего сербы и службы безопасности. Последние были настолько сильны, что в середине семидесятых годов даже вынудили Владимира Бакарнича сделать предупреждение, чтобы партия следила за тем, что происходит⁵.

«Отстрел» загребских либералов после падения Ранковича был наиболее драматичным событием в современной югославской истории. Этими действиями Тито еще раз утвердил себя в качестве хозяина местной политической сцены и подчеркнул, что при коммунистическом режиме без

¹ *Simić P.* Tito. S. 305–307; *Marković D.D.* Život i politika, 1967–1978. Vol. I. S. 283, 284; *Milosaavljević O.* Činjenice i tumačenja. S. 106.

² *Simić P.* Tito. S. 305–307; *Marković D.* Život i politika, 1967–1978. Vol. I. S. 283, 284; *Milosaavljević O.* Činjenice i tumačenja. S. 106.

³ *Ridley J.* Tito. A Biography. P. 399; AS. Dedijer. T. e. 233. Tipkopolis za IV. zvezek Titove biografije. Petnajsto poglavje. Tito umiruje Hrvatsku. S. 103; *Milosaavljević O.* Činjenice i tumačenja. S. 105.

⁴ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 798.

⁵ NARA. CREST. Soviet Union-Eastern Europe. Cominformists in Croatia. 05.08.1975.

железной руки нельзя¹. Это было подкреплено введением в Загребе особого положения; весь город заняли многочисленные полицейские части, которые изолировали студенческие общежития с целью предотвратить возможные демонстрации. Вопреки этому несколько вечеров подряд происходили столкновения между полицией и несколькими сотнями студентов, которые, выкрикивая «Савка — Трипало», собрались на площади Революции. В последующие дни были организованы судебные процессы, которые последовали указанию Тито, чтобы «судьи не держались за букву закона, как пьяный за стену». Как этого в свое время потребовал Тито от возмущенной Савки Дабчевич-Кучар на Бриони в конце апреля и позднее в Белграде², арестованные студенты были осуждены на сроки от четырех до восьми недель. Хуже всего пришлось видным представителям Маспока, которые были заключены в тюрьму и осуждены за то, что хотели силой изменить общественное и государственное устройство. Повсюду в Хорватии начались чистки и судебные процессы, в которые было вовлечено приблизительно 2 тыс. человек, что сопровождалось исключением из партии, государственной администрации или экономики. В своих воспоминаниях Савка Дабчевич-Кучар пишет, что в то время из СКХ были исключены (или сами вышли из партии) почти половина членов. Некоторые университетские профессора потеряли работу³, Тито отстранил генерала Янко Бобетко, за то якобы, что он подорвал веру народа в партию и ЮНА⁴. В кругах политически ангажированной загребской интеллигенции распространились страх и разочарование, поскольку хорваты снова оказались на скамье подсудимых в качестве народа, в югославской федеральной структуре меньше других достойного доверия⁵. В Хорватии, население которой двинулось в некую «внутреннюю эмиграцию», сообщало западногерманское посольство из Белграда, «стали преобладать депрессивные настроения и наступила летаргия»⁶.

Битва против менеджеров

В последние годы, с тех пор как была начата экономическая реформа, Тито в общественных выступлениях часто предупреждал об опасности бюрократов и технократов. Уже в декабре 1969 г. в своей речи в Сараево он их отчитал, отметив, что они хотят заполучить монополию и снова вытеснить «непосредственных

¹ PA. B 12. Bd. 547.

² *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 564; Knj. II. S. 655; *Čavotški K. Tito. Tehnologija vlasti.* S. 181.

³ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 986, 992, 996; *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 655; AJ. KPR. II-4-a. K 167. Informacija o stanju istrage protiv kontrarevolucionarnih grupa u Zagrebu. 19.04.1972.

⁴ NARA. CREST. Central Intelligence Bulletin. 13.12.1971.

⁵ PA. B 12. Bd. 547.

⁶ PA. Zwischenarchiv. 112617. 13.03.1973.

производителей» на ступеньку наемных работников¹. В последующие два года Тито развивал эту полемику далее, пока после поражения хорватов полностью не посвятил себя ей. На самом деле речь шла не столько об идеологических вопросах, сколько о вопросах силы. Тито и его соратники в первую очередь осознали, что внутри рабочих организаций «менеджеры» и их управленческие комитеты подрывают влияние партии. С этими комитетами в прошлом было нетрудно справиться с помощью лояльных, хотя и немногочисленных членов СКЮ. В управленческих комитетах, которые между тем выдвигались на предприятиях с учетом экономического образования и компетентности, возможность провести партийную линию была существенно меньше. Опасность красноречивее всего обозначил Эдвард Кардель, который сказал, что СКЮ угрожает «отделиться от правящей классовой базы и понизиться до уровня незначительного довеска бюрократии, когда ею завладеют менеджеры»².

Речь Тито в Караджорджеве в последующие недели в несколько смягченном виде стала обязательным чтением для всех партийных органов, при этом акцент делался на утверждение, что искать главную причину хорватских отклонений нужно в отступничестве от марксизма-ленинизма, в уничтожении руководящей линии партии и роли народа, в снижении твердого руководства и в полной идеологической анархии³. Всё чаще можно было слышать, что идея партии, которая ведет, а не правит, провозглашаемая югославами последние 20 лет, неудачна. Тито пришел к заключению, что партия должна осуществлять сильный контроль над децентрализованным самоуправленческим обществом, чтобы оно выжило. Он требовал больше власти для ее центральных органов, больше дисциплины, и был готов для этого использовать в том числе и силу. В связи с этим была создана особая «Программа действий», которая должна была обеспечить контроль рабочих над инвестициями, искоренить коррупцию и устранить из партии все «чужеродные элементы»⁴.

Знак для начала нового наступления подала II Конференция СКЮ, которая имела исключительное значение, поскольку была своего рода заменой настоящего партийного съезда. Ее созвали в Белграде 25–27 января 1972 г. с целью, как сказал Тито, чтобы она стала «поворотной точкой в нашей организационной деятельности». В этом ключе преобразовали Исполнительное бюро, которое сократили с 15 до 8 членов, и таким образом снова централизовали партийную верхушку. Из нее исключили «великих лидеров» Карделя, Влаховича, Тодоровича, Црвенковского, а включили второсортных личностей и тем самым еще больше укрепили власть Тито⁵.

¹ PA. B 42. Bd. 1341.

² Ibid.

³ BA. DY 30/IV A 2/20/1158.

⁴ NARA. CREST. Office of National Estimates. Memorandum. The Crisis in Croatia. 05.01.1972.

⁵ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 125; TNA, FCO 28/2117; NARA. CREST. Propaganda Perspectives, The Yugoslav Experiment Challenged. March 1972; Swain G.R. Tito. A Biography. P. 177.*

Прежде всего на конференции осудили политику невмешательства, которая угрожала отъемом у партии контроля над экономикой и превращением ее в запасное колесо. Под ударом оказались банки и предприятия, которые работали с заграницей, поскольку они якобы накапливают капитал в ущерб рабочим и наживаются на результатах их труда. На самом деле речь шла об обвинениях, которые уже сформулировали хорватские либералы, правда, с национальным, а не с классовым акцентом. Верховные руководители использовали их, чтобы с аргументами, совсем чуждыми экономической логике, отвергнуть само понятие предприятия, опирающегося на заработки и конкурентоспособность, и вместо него создать «организацию объединенного труда», которая должна была строиться на пролетарской солидарности. В результате они оставили на обочине словенских и сербских либералов, утверждавших, что необходимо продолжать реформу и освободить экономику от партийного покровительства. Их слабым местом были именно «менеджеры», на которых они ставили. Среди менеджеров царили коррупция и расхищение общественной собственности, поскольку многие под прикрытием своих фирм перевели за границу значительные средства (4 млрд долларов), на которые создали новые предприятия под своими именами. Эти операции, которые они защищали, утверждая, что необходимо обеспечить проникновение югославской индустрии на мировой рынок, создали, конечно, условия для всевозможных злоупотреблений и нечестых дел. Повсюду предприятия безответственно обрастали долгами, и государство вскоре столкнулось с большим внешнеторговым дефицитом и с самым высоким уровнем инфляции в Европе¹. Не случайно в 1971 г., когда стали очевидными перемены, более 130 директоров предприятий бежали за рубеж, где у них были свои «фирмы». Это, конечно же, дало возможность консервативным силам пойти против либерализма и выступить защитниками морали и идеологической правоверности.

Террористическая деятельность усташской эмиграции

5 апреля 1972 г. генерал Иван Мишкович, секретарь совета безопасности в Президиуме СФРЮ, опубликовал в *Vjesnik* одно из своих редких интервью, в котором предупреждал об опасностях, которые угрожают Югославии справа и слева². Большой акцент он сделал на опасности «справа», поскольку она исходила от хорватской эмиграции, которая была убеждена, что пришло время ударить по режиму Тито. Как мы уже отметили, усташская эмиграция была особенно сильна в ФРГ, где группа Елича даже организовала террористические курсы³. Уже в конце января 1972 г. произошло нападение на самолет компании JAT, который упал на территорию Чехословакии,

¹ TNA. FCO 28/2407/ENU 1/1.

² TNA. FCO 28/2115/ENU 1/4.

³ PA. Zwischenarchiv 112618. 28.03.1972.

и была подброшена бомба в поезд близ Загреба¹. Однако это было только начало. В конце июня 19 молодых усташей, большинство которых прибыло из Австралии, недалеко от Марибора незаконно перешли австрийско-югославскую границу, захватили грузовик и на нем уехали в Бугойно в Боснии и Герцеговине в надежде, что им удастся поднять восстание местных хорватов. Произошло растянувшееся на несколько недель столкновение с югославскими вооруженными силами, среди которых было тринадцать убитых и пятнадцать раненых. Местное население не оказывало усташам никакой поддержки, что означает, что они остались без еды и даже без воды. Под конец они вынуждены были есть лесные растения и траву. О всех перемещениях диверсионной группы крестьяне сообщали органам государственной безопасности и тем самым помогли ее быстрому уничтожению. Милиция и армия часть террористов убили, часть захватили, но, несмотря на это, происшествие напугало тех, кто был у власти². Тем более что оно было лишь эпизодом в широком наступлении, которое в то время хорватские националистические организации вели против Югославии. После запрета Тито хорватской весны 1972 г. враждебные элементы пытались даже взяться за биологическое оружие; некий усташ, приехавший из Австрии, тайно привез с собой опасные микробы, которые должен был использовать в Косове и Земуне, отравив в казарме еду. Подозревали также, что он намеревался отравить водопроводы. «Началась биологическая, химическая и психологическая война, — прокомментировал Тито. — Враждебные акции особенно активизируются во время туристического сезона»³. И он оказался прав: хорватские эмигранты решили сделать Югославию банкротом, лишив ее миллионов долларов, которые давали туристы. Для этого нужно было их напугать. Но как? На самых популярных пляжах Адриатики закопать мины, которые бы взорвались, когда там отдыхали бы туристы. К счастью, Служба государственной безопасности предотвратила осуществление этого злого умысла⁴.

Напряженность из-за этих событий достигла пика, когда пришло известие, что итальянцы у г. Удине перехватили вертолет, на котором усташаи хотели похитить Тито с Бриони. Вопреки советам вернуться в Белград, он остался на архипелаге, где меры безопасности были усилены, а море патрулировали военные корабли в полной боевой готовности. Так, Коча Попович, который в костюме аквалангиста вопреки запрету в вечерние часы ловил рыбу у берега большого острова на Бриони и на предупреждение часового не отозвался, поскольку его, вероятно, не расслышал, мог поплатиться жизнью. Охранник в него стрелял, но, к счастью, не попал⁵. Что касается Тито,

¹ TNA. FCO 28/2117/EBU 1/5.

² *Pirjevec J.* Jugoslavija. S. 317; *Stipanić A.* Od pastirja do direktorja. S. 111, 112.

³ NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 33. Izlaganje Tita političkom aktivu Hrvatske; *Kranjc M.F.* Zarote in atentati na Tita. S. 355.

⁴ *Stipanić A.* Od pastirja do direktorja. S. 112.

⁵ *Vrhunec M.* Šest let s Titom. S. 187, 307.

на некоторое время его рабочая деятельность была приостановлена, объявили, что он в отпуске, оставив лишь один канал связи с ним, через его личного секретаря¹.

Трудности, с которыми пришлось столкнуться из-за наступления усталости, заставили югославские власти строить диалог с рядом западных правительств, прежде всего с австралийским, чтобы заручиться их поддержкой в ликвидации вражеской эмиграции². При этом говорили, что после смерти Тито некоторые силы, в первую очередь Советский Союз, а также США используют хорватское недовольство, чтобы укрепить свое влияние в Югославии. В защите, которую хорватские эмигранты получали у правых кругов на Западе, никто не сомневался. Однако в белградских кругах также намекали на поддержку Москвы. Партийные деятели этого открыто не говорили, зато в разговорах с иностранными дипломатами красноречиво обвиняли некоторые «шпионские службы» в том, что они поддерживают «как усташей, так и другие «фашистские организации» за границей и на родине»³.

«Ликвидация» сербских либералов

В то время Тито казалось, что он вернулся в свою молодость, когда боролся с фракциями внутри КПЮ. Во время беседы с делегацией Союза борцов, которую он принял в селе Кумровец 21 апреля 1972 г., он сказал, что всегда успешно решал проблемы с «раскольниками», как в 1937 г., и еще раньше, в 1928 г. Всем было ясно, что он имеет в виду не только хорватских оппонентов, поскольку напомнил, что вместе с тем недоволен происходящим в других республиках. «Я уже давно говорю о необходимости чистки в СК»⁴. В первую очередь он целился в Сербию, хотя местную «молодую гвардию» нельзя было упрекнуть в грехе национализма. Сербские либералы просто хотели больше демократии, при этом их лидер Марко Никезич всё время, что находился у власти, был весьма осторожен и оптимистичен. «[Я] думал, — писал он позднее, — что обязательно нужно быть в согласии с Тито. Думал, что он пойдет дальше в распространении демократии, именно потому, что неприкосновенен. Хотел видеть в нем человека, который покровительствует нашей эволюции. Верил, что мы должны под его покровительством преодолеть еще один этап и встать на ноги в большем соответствии

¹ *Vrhunec M.* Josip Broz. S. 27.

² NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 34. Predsednik Avstralije G. Whitham-predsedniku SIV Bijediću, Camberra. 19.06.1974; AJ. KPR. II-4-a. K 167. O ustaško-terorističkoj grupi na području BiH. 11.07.1972.

³ NARA. CREST. Memorandum, Yugoslavia — The Ustashi and the Croatian Separatist Problem, 27.09.1972; NSK. Arhiv Bakarić. Pogovor Petrović-zamjenik CIA Walters, Washington, 03.10.1974; *Pirjevec J.* Yugoslav Political Emigration to Australia after World War II // *Annales. Series historia et sociologia.* 2006. 16.01. S. 1–6.

⁴ NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 33. Razgovor Tita sa Delegacijom SZBNOR Jugoslavije, Kumrovec, 21.04.1972.

с современностью»¹. Вопреки тому, что британский посол Д. Л. Стюарт в начале 1972 г. написал о нем — что, вероятно, это наиболее интеллигентный и умный человек, который когда-либо занимал руководящую должность в Сербии, Никезич не подозревал, как он горько заблуждается в отношении Тито². Тито находился в тисках идеи-фикс, что видно из заявления, которое он сделал во время «частного разговора», который перехватили агенты ее величества королевы Великобритании: «Править из Белграда — сущий ад. Однако я никогда не забывал о словах, которые мне сказал Черчилль в Италии в августе 1944 г.: в конце концов, важно только одно: власть, власть и еще раз власть»³.

Его действия против Никезича и его «первоклассной команды», как отметил британский посол, начались в конце марта 1972 г., когда он получил от своих информаторов совершенно секретное и «особое» сообщение о Сербии. В нем было сказано, что в последние два года высокие представители республики прямо или косвенно критиковали или даже действовали против основных направлений партийной политики, касавшихся «дальнейшего строительства нашей общественно-политической системы». Одновременно говорилось, что они могут противиться ведению Тито «классовой борьбы» или политике «твердой руки» в отношении либералов в Хорватии, считая, что подобным образом нельзя решать актуальные вопросы. Говорили, что акцент на единстве внутри партии ведет к созданию партии сталинского типа, нападали на демократический централизм и утверждали, что «некто» хочет завладеть партией, чтобы иметь власть⁴.

Чтобы разрешить накопившиеся противоречия, Тито 11 апреля созвал на Бриони заседание с Марко Никезичем, Латинкой Перович и их соратниками, на котором они попытались выступить с самокритикой. Тито это воспринял только частично и призвал их предпринять конкретные шаги и делом доказать свою способность сражаться с «враждебными элементами». Начался судебный процесс над группой студентов из-за их «троцкизма» и над неким профессором из-за великосербского национализма, и прежде всего давление было оказано на Сербское литературное общество, самую элитную культурную организацию в Белграде, руководство которой во главе с Добрицей Чосичем было вынуждено подать в отставку. Однако все эти доказательства преданности Тито не могли спасти сербских либералов. «В своей лодке в югославском море защищались от крокодила так, что бросили раба ему прямо в открытую пасть», но безрезультатно⁵. Так писал Добрица Чосич.

¹ *Perović L.* Na tragu. S. 12.

² TNA. FCO 28/2114 1/1; *Milosavljević O.* Činjenice i tumačenja. S. 108.

³ *Amodeo F., Cereghino M.* Tito spiato dagli inglesi. I rapporti sulla Jugoslavia 1968–1980. Trieste: MGS, 2014. S. 86.

⁴ AJ. KPR. II-4-a. K 167. Zapažanja o nekim neslaganjima, otporima i polemikama sa zvaničnim stavovima druga Tita u SR Srbiji, Beograd, 28.04.1972.

⁵ *Ćosić D.* Piščevi zapisi (1969–1980). S. 118–121; *Milosavljević O.* Činjenice i tumačenja. S. 268; *Antonić Z.* Rodoljub Čolaković. S. 307.

В июле 1972 г. произошел открытый раскол между руководящими сербскими политиками и их противниками, которыми руководил Дража Маркович, председатель Сербской скупщины¹. Последние были совершенно уверены, что Никезич и его сотрудники своим попустительством по отношению к хорватам, а главным образом — чрезмерной демократизацией ослабили бы положение Сербии, что сыграло бы роковую роль после «ухода» Тито. Их нужно было устранить еще до истечения мандата, чтобы они не продолжали свою вредную политику, которая опиралась на поиск компромисса с другими югославскими республиками и даже соглашения с косовскими албанцами. Оказалось, что либералы всё еще твердо сидят в седле, поскольку в упомянутом столкновении они решительно победили². Вопреки этому подтверждению их влияния на партийный аппарат в Сербии, Тито при поддержке Карделя и Бакарича и дальше интриговал против них. Уже во время посещения Советского Союза, где ему в честь 80-летия вручили орден Ленина и маршалский жезл, а Брежнев похвалил за решительность, с которой он разобрался с ситуацией в Хорватии, Тито ответил: «Я еще не закончил, главное меня ждет в Сербии»³.

После летней передышки, когда Тито в страхе перед похищением два месяца прожил практически в одиночестве; 10 сентября в Приедоре, на праздновании 30-летия битвы на Козаре, он уже указал, кто враги рабочего класса, против которых нужно бороться: технократы, спекулянты и университетская профессура, которая западными идеями портит молодежь⁴. Опыт с усташами, очевидно, укрепил отрицательное отношение Тито к Западу и его ценностям и убедил его, что необходимо опять найти дорогу к марксистскому правотеорию, чтобы Югославия выжила.

Следующим этапом этого процесса стало заседание Исполнительного бюро 18 сентября 1972 г., на котором Стане Доланц предложил направить членам СКЮ письмо с указанием главных слабых мест настоящего момента и с призывом к идеологическому и политическому единству⁵. Жалобно было направлено в первую очередь против Никезича и сербских либералов, которые хотели ввести демократизацию и в партийную жизнь⁶. Тито, который был всю жизнь уверен, что большевистская организованность авангарда — главное условие революции и строительства социализма, поддержал инициативу, и Доланц был привлечен к делу: 19 сентября 1972 г. на Сплите выступил с речью, которая имела большой отклик, и через три

¹ TNA. FCO 28/2116/ENU 1/4; 28/2407/ENU 1/1; *Perović L. Na tragu. S. 42; Milosavljević O. Činjenice i tumačenja. S. 49–51, 274.* Латинка Перович утверждает, что Джурич был арестован после отступления либералов.

² TNA. FCO 28/2116/ENU 1/4; 28/2407/ENU 1/1; *Perović L. Na tragu. S. 42; Milosavljević O. Činjenice i tumačenja. S. 49–51.*

³ *Simić P., Despot Z. Tito. S. 271; Milosavljević O. Činjenice i tumačenja. S. 106.*

⁴ TNA. 28/2116/ENU ¼; *Mandić B. S Titom. S. 173.*

⁵ *Vrhunec M. Šest let s Titom. S. 191.*

⁶ AMZV. Zpravy ZU, Belehrad 1973–1975, 01169, Belehrad, 18.11.1974.

дня была опубликована в белградской прессе¹. «Тонтон», как его назвал Коча Попович, при этом намекая на его неуклюжесть, заявил: «...все должны знать, что во главе Югославии коммунисты». Без единой коммунистической партии, ее различных исторических, экономических и культурных традиций не было бы Югославии. Это означает, что необходимо укрепить партию при помощи чистки на всех уровнях и изменить уголовное право так, чтобы оно защищало завоевания революции, если будет необходимо, и «административными методами». К этим угрожающим словам, которые с особым акцентом перепечатала *Правда*², в последующие дни было присовокуплено уже упоминавшееся ранее письмо, которое Тито и Доланц послали всем партийным членам, и пресса не сразу его опубликовала. В нем они констатировали, что необходимо повысить единство, способность к действию и эффективность СКЮ, которая должна снова стать революционной организацией. «Сегодняшний этап революции имеет решающее значение для направлений развития и для судьбы социализма в Югославии. Суть вопроса в том, будет ли рабочий класс господствовать в общественной репродукции и обеспечит ли главную роль в политических и общественных решениях, или окрепнут те отношения и силы, которые являются противоположными интересам рабочего класса, социализма и самоуправления»³.

В интервью для загребского *Vjesnik* с известной журналисткой и партизанкой Дарьей Янекович, напечатанном 7 октября 1972 г., Тито добавил, что Югославия нуждается в авангардной партии. Это означает, что в ней нет места для карьеристов, которые не имеют ничего общего с социализмом и коммунизмом. Тито решительно осудил демократизацию, которой он открыл двери в 1952 г. на VI Съезде, и подчеркнул, что коммунисты должны работать вместе и дисциплинированно. «Кто коммунист, тот солдат; до тех пор, пока длится революция, он солдат революции»⁴.

Неделю спустя после этого интервью, в котором маршал отметил, что будет «жестoko» обращаться с либералами, был созван «актив» сербских коммунистов, на который пригласили также руководителей ЮНА. Обсуждение затянулось, с перерывом в конце недели, со среды 9 октября до понедельника 16 октября 1972 г. Речь шла о нерядовой встрече 73 известных людей, которую после уговоров Тито организовал Дража Маркович, чтобы изолировать Никезича и его соратников, поскольку они держали в своих руках все институциональные органы ЦК Сербии⁵. Между «здоровыми силами» и лидерами либералов, которые для защиты своих идей опирались на профсоюзы, велись горячие дебаты, в которых участвовал

¹ TNA. FCO 28/2117/ENU 1/5.

² TNA. FCO 29/2122/ENU 3/303/1.

³ *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 661.

⁴ *Pirjevec J.* Jugoslavija. S. 307, 308; *Perović L.* Na tragu. S. 43; TNA. FCO 28/2116.

⁵ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 192; *Antonić Z.* Rodoljub Čolaković. S. 325.

сам Тито. Он отстаивал тезис, что «мы слишком склонны к демократии», однако ему не удалось убедить бóльшую часть присутствовавших. После завершения первого круга переговоров произошло нечто неожиданное. Он остался в меньшинстве, несмотря на то что Никезич и Латинка Перович очень слабо оборонялись. В пятницу вечером либералы в Белграде праздновали: «Тито проиграл»¹.

Тито был не очень хорошим оратором. Как пишет сербский писатель Иван Иванжи, который ассистировал ему во время переговоров с немецкоязычными представителями, он был «худшим оратором на земле»². Когда он импровизировал, в его речи часто отсутствовала логика, он нередко прибегал к избитым фразам, народным поговоркам, разговорному языку. Однако во время политической борьбы и полемики он умел сформулировать свою мысль четко. Его борьба с сербскими либералами в 1972 г., пишет Джилас, — настоящая модель внутренней согласованности и ловкости в аргументации³. Самого себя он представил как решительного борца за Югославию против ошибочной сербской политики: «...наступил решительный час, когда мы должны устранить то, что тревожит наш народ, нашего рабочего человека»⁴. На скамью подсудимых он прежде всего посадил финансовую олигархию, а также политиков, которые ее защищали. Якобы ничего не было сделано в отношении преобразования «банков, реэкспорта, внешней и оптовой торговли». Это была основная критика Сербии со стороны других республик, которую Тито сопроводил формулировкой, что всё это имеет далеко идущие политические и экономические последствия для всей страны. «Банду негодяев», как именовал противников Дража Маркович, Тито обвинил в анархо-либерализме, элитарности и технократии. Упрекнул их в том, что они поддерживали концентрацию капитала в Белграде, пренебрегали классовой борьбой и позволяли, особенно в университете, открытые нападки на него самого. «Большинство, во главе с Никезичем и Латинкой Перович, — пишет Биланджич, — оказались в ситуации “шах и мат”, так как перейти с позиций защиты в нападение на Тито означало начать нападение на Югославию»⁵. «Он классово, по-большевистски борется за свой престол», — едко отметил Добрица Чосич⁶.

¹ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 126; Simić P. Tito i NATO. Uspomen i pad druge Jugoslavije. Beograd: Biblioteka «Sedma sila»; Novosti, 2008. S. 308; Ćosić D. Piščevi zapisi (1969–1980). S. 90; Simić P., Despot Z. Tito. S. 332; AS. 1945. Zbirka Srbski liberalizem. T. e. 12–14.*

² *Ivanji I. Titov prevajalec. S. 167.*

³ *Đilas M. Tito. S. 14, 134, 135; Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 867; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 950.*

⁴ *Ćosić D. Piščevi zapisi (1969–1980). S. 122.*

⁵ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 126, 127.*

⁶ *Ćosić D. Piščevi zapisi (1969–1980). S. 89.*

Под тяжестью обвинений Никезич и Латинка Перович 21 октября 1972 г. на закрытом заседании ЦК СК Сербии оставили все партийные и государственные должности. Когда Никезича предупредили, что за Тито стоят генералы, прежде всего министр обороны Любичич, он самонадеянно ответил: «Не верю, что генералы последуют за восьмидесятилетним старцем». Однако он ошибся¹. Их падение (Никезичу был 51 год, Латинке Перович — 39) означало также поражение «европейского» направления, которое уже два столетия присутствовало в сербской политической и интеллектуальной жизни, хотя никогда не было достаточно сильным, чтобы быть в большинстве. Последствия были плохими как для Сербии, так и для Югославии, гораздо хуже тех, которые повлекло за собой падение хорватских либералов.

«Югославский либерализм, — сетовал *The Economist*, — был выброшен в окно»². Поражение «наиболее грамотной части сербского общества» снова открыло двери «восточной» партии, ксенофобии и пребыванию в своих собственных мифах, неспособных вытянуть народ из экономической и цивилизационной отсталости. Действия, которые предприняли во имя «укрепления единства», не были ни кратковременными, ни простыми. Вопреки сопротивлению всё было сделано основательно, невзирая ни на кого и ни на что, хотя Тито понимал, насколько ценны люди, которых он лишает положения. «После октябрьских переговоров, — говорит Латинка Перович, — Сербия вступила в период сталинских чисток. А если этот механизм однажды запустить, он всё время будет требовать нового топлива, чтобы функционировать»³. Уже 11 ноября 1972 г. из президиума государства вышел Коча Попович, член коллективного президиума СФРЮ; он не скрывал своего критического отношения к тому, что происходило, будучи уверенным, что речь идет о своего рода «дворцовом перевороте». После короткого разговора с Тито, которого он упрекал, что тот преувеличивал и напрасно драматизировал ситуацию, Попович сказал его секретарю: «Мы делали ошибки много лет, это меня побуждало к их исправлению, сейчас я потерял всякую надежду что-либо сделать, поэтому я ухожу»⁴. За ним более или менее добровольно ушли два редактора наиболее известных белградских изданий: *Политика* и *NIN*⁵. В последующие месяцы почти 6 тыс. человек потеряли свои рабочие места в политической, экономической и культурной сферах деятельности, а заменили их совершенно неизвестные «средняки». На предприятиях и в учреждениях начал главенствовать, как написал в своем дневнике директор белградского телевидения, который и сам стал жертвой чистки, «наплыв

¹ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 127.*

² Memo. Tito's Time of Troubles, 17.11.1972 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 484; *Antonić Z. Rodoljub Čolaković. S. 325.*

³ *Perović L. Na tragu. S. 48; Milosavljević O. Činjenice i tumačenja. S. 81, 82.*

⁴ *Vrhunec M. Šest let s Titom. S. 195; Nenadović A. Razgovori s Kočom. S. 152–154, 156, 157; Simčić M. Ženske. S. 267; Milosavljević O. Činjenice i tumačenja. S. 92.*

⁵ TNA, FCO 28/2116/ENU 1/4; PA, 112620, 30.12.1972.

примитивизма», поскольку самые худшие служащие и рабочие пытались воспользоваться реставрацией «диктатуры пролетариата», чтобы добиться авторитета. Среди интеллектуалов было много оппортунистов, что побудило самого Дражу Марковича пожаловаться: «Какие слабые и беспомощные у нас корифеи культуры! Как при более или менее организованном наступлении наших сил они разрушаются, словно карточные домики... Смешно и грустно немного»¹.

Едва обезглавили белградских «анархо-либералов» (среди населения это не вызвало большого сожаления, ведь все решительно выступали против великосербского национализма), пришла очередь словенских либералов. В Любляне чистка была менее зрелищной, поскольку Тито в ней практически не участвовал лично, всё дело он предоставил своим местным вассалам. Под удар в первую очередь попал Стане Кавчич, председатель словенского исполнительного комитета; он был обвинен в том, что уделял мало внимания рабочему народу и поддерживал средние слои. Противники упрекали его (и справедливо), что он пытался развивать интеграцию Словении с Западом и Центральной Европой, особенно с Баварией и Австрией, при этом игнорировал страны третьего мира². Так в этой стратегической части Югославии он вызвал нестабильность, которую Советский Союз не стал бы долго терпеть. Однако на этом его грехи не закончились: на его совести была «дорожная афера», сепаратистские устремления и амбициозное желание преобразовать экономику по либеральному образцу, ввести свободный рынок капитала и даже акционерные общества. В разговоре с Биланджичем Кардель утверждал, что под крылом Кавчича в Словении правят 70 директоров, которые исключили из жизни КП. «Мы оказались перед разрушением самоуправления и социализма»³. Сообщение о политическом «обезглавливании» Кавчича и его сподвижников, которое было направлено в Словению, прокомментировал британский посол; он отметил: «Республика не должна больше выглядеть настолько явно некоммунистической и такой явной частью Европы»⁴.

«Старая гвардия правит, среднее поколение молчит, молодое служит»

Похожая судьба постигла в эти дни видных партийных деятелей в Боснии и Герцеговине, Воеводине и Македонии. Падение представителей высшей власти республиканского руководства Тито и его соратники, конечно же, использовали, чтобы оправдать те проблемы, которые поразили югославское общество: инфляцию, потери в экономике, неликвидность, большие долги и ошибочные инвестиции, коррупцию, противозаконную деятельность,

¹ *Marković D. D. Život i politika. 1967–1978. Vol. I. S. 414.*

² TNA. FCO 28/1630.

³ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 128; Idem. Hrvatska. S. 664.*

⁴ TNA. FCO 28/2116/ENU 1/4.

социальное расслоение. Таким образом, этим государственным ударом был остановлен ход реформ, который начался семь лет назад, а настоящий подъем произошел в последние три года. Девиз, который оправдывал эту политику, гласил, что нужно строить Югославию будущего на «чувстве ответственности ее частей за целое»¹. Речь шла, как говорит Биланджич, о личной трагедии высшего партийного руководства и государственных деятелей: демократизацию они начали сами, когда же она ввергла режим в кризис и начала угрожать их власти, они ее отвергли под предлогом, что хотят спасти самоуправление, предотвратить гражданскую войну и советское военное вмешательство. На самом деле они просто испугались хаотичного освобождения экономики, общества и политики и спрятались под зонт ортодоксальной идеологии. «Мы, коммунисты, должны поддержать такую демократию, при которой была бы защищена главная роль интересов рабочего класса», — на заседании ЦК СКС 4 ноября 1972 г. говорил секретарь ее президиума Андрей Маринц².

Этим и закончился период, записал в своем страстном обвинении Стане Кавчич год спустя, когда поколение революционеров встретилось с поколением своих сынов, которые хотели в политике и обществе воплотить в жизнь современную концепцию. «Старая гвардия» не была способна понять и принять новых ценностей, поэтому восстала при помощи авторитета Тито. Власть объединилась с поколением внуков, которые не участвовали в партизанской войне, но их вырастили в послушании и дисциплине партийных школ. Операция, названная «замена кадров», этим была закончена: «Старая гвардия правит, среднее поколение молчит, молодое служит»³. Популярным стало понятие «высокий морально-политический облик». Он должен был быть у каждого, кто претендовал на партийную или государственную службу. «Это другое выражение для классово-партийной принадлежности», — с негодованием комментировал Добрица Чосич, который открыто протестовал вместе с другими видными интеллектуалами⁴.

Под этими революционными лозунгами в то время, когда Тито праздновал свое восьмидесятилетие, скрывалась борьба за наследство. Борьба, полная интриг, которую один из сербских либералов проиллюстрировал библейской метафорой «Кто сеет ветер, пожинает бурю». «Мы все сеяли ветер, вся Югославия. И будет сильная буря, и эта буря уничтожит югославское социалистическое общество и самоуправление, консервативная, великосербская, враждебная самоуправлению и социализму»⁵.

Тито, конечно же, говорил иное. Он полагал, что существовала угроза гражданской войны, и открыто говорил, что хочет ликвидировать эту опасность

¹ PA. Zwischenarchiv. 112617. 13.03.1973.

² *Vodopivec P.* Od poskusov demokratizacije. S. 18.

³ *Pirjevec J.* Jugoslavija. S. 310; *Kavčič S.* Dnevnik in spomini. S. 236.

⁴ *Čosić D.* Piščevi zapisi (1969–1980). S. 313, 314.

⁵ *Pirjevec J.* Jugoslavija. S. 306; *Milosaavljević O.* Činjenice i tumačenja. S. 60, 76.

своими силами, а не при помощи советской армии¹. Встает вопрос, не шла ли речь только об отговорке, за которой скрывалась его страсть к власти. Диагноз, который после своего «ухода на пенсию» поставил ему Ранкович, кажется достаточно убедительным: «Политические аферы были его насущной потребностью. Он получал удовольствие, показывая кому-то свою силу. Никогда не сомневался, что добьется в этом успеха, даже если афера была грязной, неприличной, плохо подготовленной»².

¹ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 132.*

² *Ranković A. Dnevničke zabeleške. S. 223; Roter Z. Padle maske. S. 293.*

СТАРОСТЬ ТИТО

Утопия Карделя

После самоубийства сына Борута в конце 1971 г. Кардель на много месяцев замкнулся в себе. X Съезд СКЮ (27–30 мая 1973 г.) придал ему энтузиазма, и он принялся за написание уже четвертой послевоенной конституции с иллюзией, что она сможет изменить ход жизни. Как говорил Кавчич, Кардель был проницательным человеком, в определенном смысле преданным демократии и гуманизму. Поскольку он, по крайней мере отчасти, осознал, что сведение счетов с либеральной элитой и проведение чисток будут иметь опасные последствия, так как югославские народы этого не поддержали (особенно хорваты и словенцы), он искал выход из тупика. «Демократии и человеческому лицу нашего социализма он пытался вернуть больше, нежели у него было взято». Решение он нашел в новой конституции, которой начал заниматься, исходя из своих большевистско-прудонистских взглядов¹. Он был уверен, что самоуправление — это «социалистическая категория, которая опирается на общественную собственность» и что она развилась в борьбе против бюрократизма в государственном и экономическом аппарате. Это столкновение между «социалистическим самоуправлением и технократическим сталинизмом» сейчас переросло «в новую фазу революции», которую должна была определить новая конституция. Главной ее целью была реализация рабочим классом и трудовым народом своей руководящей роли в обществе, в котором не было бы конфликтов. «Конституция должна исходить из аутентичных интересов и потребностей человека, отношений между людьми, которые возникают на основе их прав и взаимных обязательств, а не из отношений между человеком и государством». При этом Кардель всё еще был уверен, что речь идет не только о вопросе внутреннего устройства Югославии, но и о модели социализма, которая может иметь международное распространение и значение². «Кардель был и хотел быть прежде всего теоретиком, — говорит в другой записи Кавчич. — Он хотел приказывать практике и управлять ею на основе теории. У него теория приобретала характер

¹ AS. Dedijer. T. e. 7. Zapis: Kardelj utvrduje svoju vlast u slovenskoj deželi; *Vodopivec P.* Od poskusov demokratizacije // Slovenija–Jugoslavija. S. 19; *Halder M.* Der Titokult. S. 119.

² AMZV. Zprávy ZÚ. Belehrad 1973–1975, 0171/74, V Belehrade, 6. února 1974; *Kardelj E.* Spomini. S. 244; *Roter Z.* Padle maske. S. 324, 325.

религии — марксистской религии, источником которой были не Ленин и Октябрь, а Парижская коммуна, идеи Маркса и Энгельса о раннем социализме. Особенно в последние 15 лет своей жизни Кардель был глубоко уверен, что именно на него возложена историческая миссия воплотить в жизнь теоретические и практические основы некоторых взглядов классиков марксизма»¹.

Создавая идеальное общество, которое он использовал как лабораторию для апробирования своих взглядов, он игнорировал скандалы, интриги и коррупцию, в которых это общество погрязло. Также он не принимал во внимание экономическую слабость Югославии, интеллектуальную ограниченность ее руководящих кадров и утраченные иллюзии граждан, которые оказались в роли подопытных мышей. Он не знал сомнений, о которых мы можем прочесть в дневнике Душана Биланджича в начале 1973 г.: «Спрашиваю себя, возможно ли в каком-нибудь маленьком и, помимо всего прочего, отсталом государстве построить новую общественную систему, отличную от всего мира, который нас окружает, особенно принимая во внимание то, что образуются большие экономические группы, превышающие сто миллионов потребителей. Мировая история не может твориться в маленьком государстве, если это не зов некоего исторического момента»².

Еще больше, чем приверженцев идей Биланджича, планы Карделя, касавшиеся великосербской гегемонии, беспокоили великосербскую группировку. То, что он вместе с Бакаричем и боснийским «правителем» Бранко Микуличем входил в так называемую «могучую тройку», которая оказывала сильное влияние на решения Тито, и то, что кадровая политика сводилась к назначению на важные должности в государственных верхах словенцев, в Белграде многим не нравилось. Особенно на него обиделись за то, что он назначил Митю Рибичича на должность заместителя председателя Президиума СФРЮ, что выглядело так, будто словенцы хотят стать посредниками в отношениях сербов и хорватов³. Как говорит Нико Кавчич, это происходило потому, что сербы всё менее терпеливо переносили «идеологическую узду», которую на них пытался надеть Кардель⁴.

Конституция 1974 г. — шаг к «республике объединенного труда»

В 1970-х гг., пишет Джилас, Тито подавил все модернизационные течения. Он оперся на старые общественные, национальные и личные силы, на обобщающие формулы и на повторение идеалов своей молодости:

¹ AS. Dedijer. T. e. 188. Zapis Kardelj, 06.03.1985. S. 2.

² Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 134, 282.

³ AMZV. Zprávy ZÚ, Belehrad 1973–1975, 0171/74, V Belehrade, 6. února 1974.

⁴ Kavčič N. S. Pot v osamosvojitve. S. 318, 319; Janko M. Niko Kavčič, partizan, bankir, sopotnik Staneta Kavčiča // Delo. 1999. 30.01; Kranjc M. F. Zarote in atentati na Tita. S. 253, 254.

партия, класс, марксизм, монолитность — всё это снова стало актуальным¹. Частично из-за старческого слабоумия, частично из-за сталинских рефлексов он не имел храбрости опереться на новое либеральное поколение и поэтому выбрал то, что ему было хорошо знакомо и казалось наиболее безопасным — бюрократию². Кардель же все ещё верил, что можно создать условия, которые обеспечили бы Югославии не только существование, но и социальное развитие. В этом отношении он напряг все силы, в немалой степени из-за того, что боялся Советского Союза, поскольку знал: его руководство не любит самоуправства и движения неприсоединения, но готово допустить существование независимой Югославии, до тех пор пока оно заинтересовано в смягчении напряженности в расколотах Европы³. Необходимо было, следовательно, использовать правильный момент и как можно быстрее создать новую конституцию, которая бы гарантировала воплощение самого передового и самого справедливого общества на свете. Общества, которое в случае большого кризиса было бы невозможно разрушить. Беда в том, как сказала Савка Дабчевич-Кучар, что он был «борцом за демократию, целью, отправной точкой и критерием которой был он сам»⁴. Для того чтобы объяснить гражданам содержание и цель новой конституции и новых понятий, которые она вводила в политический оборот, Кардель сделал всё, что было возможно. К тому же, он не менее восьми раз выступил на телевидении с длинными докладами, «которые из-за усыпляющего многословия не имели успеха»⁵.

Как говорил чехословацкий посол в Белграде, «рабочий класс не любил Карделя, поскольку его теории слишком “ученые” и мало понятны»⁶. «Если бы он не был так невыносимо скучен в своих речах и работах, — написано в биографическом досье Карделя, которое подготовило британское посольство, — он мог бы быть признан политическим теоретиком международного значения»⁷.

Тито смотрел на замыслы Карделя скептически, прежде всего оттого, что боялся, что они «уничтожат экономику», как он выразился после прослушивания его доклада на II Конгрессе самоуправленцев в Сараево. Под давлением накопившихся конфликтов и драматических процессов последних лет Тито более или менее безропотно дал согласие на новую конституцию, хотя и произошло это после нового столкновения, которое окончательно

¹ *Dilas M.* Tito. Eine kritische Biographie. S. 312.

² *Udovički D.* Treći juni 1968. S. 67.

³ PA. B 42. Bd. 1343.

⁴ *Dabčević-Kučar S.* '71 Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I., II. S. 548; AS. Dedijer. T. e. 188. Zapis S. Kavčiča, Šestdeseta leta. S. 4; *Roter Z.* Padle maske. S. 260.

⁵ TNA. 28/24211/ENU 1/1.

⁶ AMZV. Zprávy ZÚ, Belehrad 1973–1975, 0171/74, V Belehrade, 6. února 1974.

⁷ TNA. FCO 28/2118.

охладило их отношения¹. Как говорит Йосип Копинич, Тито был работоспособен и ответственен за свои действия до середины 1960-х гг., потом он начал терять контроль над внутривластным развитием и всё, что касалось реформ югославского общества, переложил на Карделя и Бакарича. Во что бы то ни стало Тито заботился, чтобы в новой конституции присутствовал ряд защитных механизмов, которые оберегали бы жизненно важные элементы режима, созданного им за послевоенные десятилетия. Прежде всего он требовал помимо роли партии точнее определить роль вооруженных сил, поскольку это касалось защиты независимости и суверенитета Югославии². К упомянутым защитным механизмам относилась статья, обещанная ему Карделем, обеспечивавшая его защиту, согласно которой Тито гарантировался пожизненный пост президента страны. Благодаря этому его власть стала абсолютной и на формальном уровне. «Знаю, — оправдывался Кардель, — что конституционное провозглашение пожизненной власти президента не является комплиментом для демократического государства. Однако я должен был это сделать для государства и для его функционирования. Ранее все высшие государственные деятели на своих местах определенным образом были парализованы. Тито в каждом сомневался. Опасался любого, так как боялся, что у него хотят отобрать власть. Некоторые из нас оказались под особым ударом. Кроме меня были еще Доланц и Любичич. Йованка своими фантазиями в той же мере разжигала недоверие и сомнения Тито»³.

Новую конституцию Тито анонсировал 23 апреля 1973 г. в речи, с которой выступил в Союзной скупщине. «Судя по всему, он был в порядке, — сообщал британский посол, — однако еще никогда у меня не было впечатления, что он без воодушевления читает слова, написанные кем-то другим. Его речь была точно хронометрирована и длилась один час, после этого заседание скупщины продолжалось всего пять минут, так, наверно, посоветовали врачи. В отличие от его импровизированных речей эта была исключительно долгой и неинтересной»⁴. Но дело было не только в рекомендациях врачей. Тито не был воодушевлен новой конституцией, поскольку ему казалось, что с дополнительным акцентированием государственности республик и автономии Косова и Воеводины разрушается единство Югославии. Его смущало то, что конституция давала республикам возможность выйти из федерации без договора с другими партнерами, особенно без всеюгославского референдума. Он принял ее только потому, что в Конституционной комиссии оказался в меньшинстве и не имел в силу возраста достаточно сил,

¹ *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 178; *AS. Šentjunc.* T. e. 40. Zabeleška razgovora tov. L. Šentjunc, tov. Dedijer, dne 25.05.1987 v Ljubljani.

² *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 865; *AS. Dedijer.* T. e. 184. Tipkopis za IV. knjigo Titove biografije. S. 370.

³ *Matunović A.* Titova sovladarica. S. 186; *Antonić Z.* Rodoljub Čolaković. S. 307, 308.

⁴ TNA. FCO 28/2407/W/35.

чтобы вмешиваться во внутриполитические события. Но он утверждал, что через три-четыре года станет ясно, насколько он был прав в своих сомнениях. Свой скепсис он выразил также тем, что не хотел подписывать текст конституции, когда ее приняли 21 февраля 1974 г. Это задание он переложил на председателя Совета национальностей в Союзной скупщине Мику Шпильяка¹.

Эта конституция была четвертая в послевоенной истории Югославии и явилась воплощением мысленных конструкций, с которыми Кардель начал работать уже в конце 1960-х гг., когда представил доклад, названный «Критический анализ функционирования политической системы социалистического самоуправления». Этим докладом он вызвал бурное обсуждение в партийных организациях, поскольку коснулся существенных вопросов, которые в последующие два года стали дополнениями к конституции 1963 г. После падения либералов в Загребе, в Белграде и Любляне «партийный теолог», как его насмешливо называли, не перестал заниматься своей идеологической работой². Он был уверен, что она представляет собой важный шаг в направлении реализации видения Марксом «республики объединенного труда», где рабочий класс и другие рабочие люди непосредственно осуществляют власть. Он хотел реализовать общество, «в котором человек был бы всё меньше гражданином, подданным государства, и всё больше равноправным членом самоуправленческой общности». В этом смысле самоуправление ввели бы также в неэкономические сферы и воплотили его как целостную общественную систему. Осуществлению этой цели прежде всего должны были послужить «основные организации объединенного труда» (ОООТ), которые бы исполняли обязанности на экономических началах как самостоятельные подразделения и договаривались бы между собой на основе своих интересов. Политика бы не вмешивалась в самоуправление, более того, ограничилась бы созданием общественно-экономической системы и ее долгосрочного плана. Чтобы как можно сильнее вплести в политическую канву ОООТ, Кардель вместо традиционного парламентского представительства ввел «депутатское представительство», какого не было нигде в мире. Оно прежде всего предусматривало комплексное устройство советов и скупщин на предприятиях, в районных группах и общинах, в автономных краях и республиках, вплоть до федерации. Каждая ОООТ на тайных выборах должна была избрать делегацию, которая бы направила «корпоративного делегата» в общинную, республиканскую и Союзную скупщину. Эти делегаты должны были быть непрофессиональными политиками и сохранить свои трудовые обязанности. Подобным образом была бы осуществлена непосредственная демократия, которая

¹ *Cenčić V. Titova poslednja ispovijest. S. 13, 23, 39, 175; AMZV. Zprávy ZÚ, Belehrad 1973–1975, 0318/74, V Belehrade, 12. brezna 1974.*

² *Dabčević - Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 360.*

на постоянной основе оказалась бы связана с самоуправленческой базой и не могла переродиться в «игрушку» партикулярных сил, которые бы попытались монополизировать власть в обществе¹. Так образовались бы совсем новые социальные условия, которые бы сделали возможным осуществление политических и экономических интересов рабочего класса и принятие им самостоятельных решений относительно средств и результатов своей работы.

Короче говоря, конституция Карделя со своими 406 статьями, самая длинная в мире, а также самая тяжело воспринимаемая, включала в себя ряд элементов, направленных на дальнейшее укрепление социалистических основ Югославии. Речь шла об особом виде диктатуры пролетариата, которая нашла бы выражение внутри гармонично организованной государственной общности, в которой отдельные республики и края имели важные полномочия. Только оборона, внутренняя безопасность, внешняя политика и забота о единстве югославского рынка должны были остаться под надзором союзного правительства². «Согласно этой конституции, — самоуверенно сказал Кардель, — Югославия не будет ни федерацией, ни конфедерацией в классическом смысле, а наоборот, будет “совокупностью народов”, которая в значительной мере привнесет в международные отношения содержательно новые категории. В такой общности независимость народов растет больше, чем в классической федерации или конфедерации»³.

Более осторожным был Тито, который дал почитать набросок конституции Фицрою Маклину. «Что думаете, она будет работать?», — спросил Тито у него. «Не знаю, почему бы и нет», — вежливо ответил тот. «Надеюсь на это», — сказал маршал⁴. На самом деле конституция не работала, как констатировал один сербский политик: «Мудрый крайнец Тито обманул. Вместо монолитной партии, которая была идолом для Тито, появились восемь партий, вместо одного сильного государства конституция 1974 г. создала конфедерацию восьми держав, вместо одной экономики мы получили восемь экономик в долгах по горло. Мудрый крайнец, конечно, рассчитывал на законы физиологии — что он переживет Тито и станет его наследником, и тогда бы он кроил конституцию так, что все бы его послушались»⁵.

Из всех республик Сербия тяжелее всего восприняла новую конституцию, поскольку увидела в ней инструмент разрушения своего центрального

¹ TNA. FCO 28/2411/ENU 1/4; BA, DY 30/J IV 2/2-J/5258; AS. Dedijer. T. e. 7. Intervju s Kardeljem; Žagar M. Ustava SFRJ in ustavni sistem 1974: povzročitelj krize ali mehanizem za njeno razreševanje? // Slovenija — Jugoslavija. S. 233.

² BA. DY 30/IV B2/20/130.

³ Cenčič V. Titova poslednja ispovijest. S. 290.

⁴ Ridley J. Tito. A Biography. P. 393; Maclean F. Josip Broz Tito: a pictorial biography. New York: McGraw-Hill, 1980. P. 108.

⁵ AS. Dedijer. T. e. 298. Novi prilozi. Vol. IV. Štirinajsto poglavje. S. 27.

положения в федерации и покушение на свою территориальную целостность. «Под маской демократизации и децентрализации был легитимизирован сепаратизм и распад Югославии», — позднее комментировал Добрица Чосич¹. Сербия была плохо представлена в правящих кругах, так как из-за кадровых изменений после 1972 г. потеряла своих самых способных представителей, поэтому она была вынуждена принять новую конституцию. Конечно же, это произошло после острых дебатов, в которые был вовлечен и сам Тито. Однако он не высказался ни в пользу тех, кто хотел признать за Воеводиной и Косово больше прав, ни в пользу их противников. У Карделя настолько были развязаны руки, что он сумел воплотить свои замыслы². Уже долгое время он считал, что важнейшим условием для выживания Югославии после смерти Тито является уравнивание ее разноликих этнических компонентов. Он был также уверен, что разные народы и народности достаточно зрелы и дисциплинированы и понимают опасность фрагментации, поэтому будут сохранять существующее государственное устройство и без присутствия центральной харизматичной личности³. Он создал конституцию, которая стала тяжелым ударом для великосербских кругов, поскольку уничтожала Югославию как единое союзное государство и этим, помимо всего прочего, снижала влияние Белграда на сербское население вне Сербии и в двух краях⁴. Воеводину и Косово конституция уподобила республикам тем, что предоставила им ряд прав, которые подчеркивали конфедеративное устройство государства: членов Президиума СФРЮ избирала не Союзная скупщина, а скупщины республик и краев, внутри этого органа решения должны были приниматься с их согласия, что означало наличие права вето у членов федерации, к чему добавлялось право на самоопределение и отделение⁵.

Кардель был достаточно проникновенным, чтобы сомневаться в безукоризненности своей работы, хотя и надеялся, что она будет иметь успех. На внутренней встрече в Любляне в 1974 г., хотя он уверенно обосновывал конституционные изменения, в конце вводного слова он также сказал, что это его последняя попытка сохранить СФРЮ⁶. Несмотря на все красивые слова, конституция по сути была новым экспериментом, который посредством разветвленной системы самоуправления решал наиболее важные политические, экономические, социальные и национальные проблемы⁷. На самом деле она настежь открывала двери структурам, которые, несмотря на полную раздробленность, всё еще имели сильную внутреннюю организацию: армии и полиции. В этом смысле имели большое значение Закон о национальной безопасности 1974 г., который укрепил контроль ЮНА над территориальной

¹ Čosić D. Piščevi zapisi. S. 217, 218.

² AMZV. Zprávy ZÚ, Belehrad 1973–1975, 0341/74. V Belehrade, 22. brezna 1974.

³ NARA. Pol 15. Yugo, Belgrade, 22.01.1964.

⁴ Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 367.

⁵ Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 147; AS. Dedijer. T. e. 244, Sukob u Srbiji 1974.

⁶ Об этой встрече мне любезно рассказал Александр Луцу.

⁷ Dilas M. Tito. S. 161, 162.

защитой, и Закон о защите государства и его социалистического устройства, принятый в конце 1975 г., который ужесточал наказания для «врагов народа». В нем наиболее дурной славой пользовалась статья 133, статья «ленинского толка», в которой говорилось о враждебной пропаганде и «контрреволюционной деятельности» и тем самым под нее подпадало всё что угодно, даже словесная критика режима. Она была сформулирована настолько небрежно, что давала властям возможность принимать меры против любого, кто дерзнул бы защищать основные права человека. «Полиция прослушивает, сажает в тюрьму, следит, приглашает к сотрудничеству...» — так охарактеризовал ситуацию Добрица Чосич¹.

Закон об объединенном труде: развал югославской экономики

В этот период активной законодательной деятельности самым важным стал Закон об объединенном труде, принятый 25 ноября 1975 г., после семимесячного общественного обсуждения, в котором Тито не участвовал. Этот «гигантский» закон из 671 статьи, который справедливо называли «малой конституцией», ставил целью «укрепить, организовать и направить более эффективно самоуправление в условиях социалистической рыночной экономики». Он должен был защищать ее как от сталинских, так и от централистских устремлений, присутствовавших в системе, кроме того, от «анархии», которую постоянно порождает рынок (в чем был уверен Эдвард Кардель). В противоположность Бакаричу, говорил Стане Кавчич, Кардель меньше разбирался в экономике. На нее он «всегда смотрел через очки идеологических предположений и искал приемы и нормы, чтобы направить ее в их русло. Бакарич знал, что экономика подобна дикому коню, которого нельзя полностью укротить и оседлать по желанию. Кардель думал и верил, что это возможно с помощью воли, знания и сознательности Союза коммунистов»². Во имя «договорной экономики», как с усмешкой говорили его критики, и во имя самоуправленческого соглашения он отверг как старый хлам не только традиционные рыночные законы, но и любую инициативу, которая тяготела бы к целесообразному планированию югославской экономики³. Лозунг «заводы рабочим» он дополнил лозунгом «все доходы рабочим», будучи уверенным, что тем самым обеспечит «свободным

¹ Čosić D. Piščevi zapisi (1969–1980). S. 263.

² AS. Dedijer. T. e. 188. Zapis S. Kavčiča. Odnosi Kardelj–Bakarić. S. 6; T. e., 233. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. Petnajsto poglavje. Tito umiruje Hrvatsku. S. 3.

³ NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 36, Oslobođenje, 28.–30.11.1974; Kardelj: Osnovna rešenja ustava stimulišu istorijsko neophodno udruživanje rada // Borba. 1975. 10.09; Socialističko samoupravljanje stvara uvjete da sloboda človeka postaje sloboda stvaraoaca: Sjednica Saveznog savjeta za pitanja društvenog uređenja i Savez sovjeta za privredni razvoj, 04.03.1975; E. Kardelj, Politički sistem socialističkog samoupravljanja (Uvodne napomene iznete naslednici Predsedništva CK SKJ, 13.06.1977); BA. DŸ 30/J IV 2/2-J/7179.

производителям» также и политическую власть. При этом он предусматривал тот уровень социалистического развития, при котором продукция обменивается не по рыночной стоимости, а по количеству труда. С введением ООТ и организаций объединенного труда (ОТ) Кардель запустил в работу огромный бюрократический механизм, который достиг пугающих размеров. «Было подсчитано, — говорил Биланджич, — что при “воплощении” Закона об объединенном труде приняли от 1 250 000 до 1 500 000 правовых актов, которые, конечно же, в основном остались на бумаге»¹. Результатом этой гигантской массы предписаний и мастодонтовой управленческой надстройки, в которую в 1976 г. были вовлечены миллион человек, стал паралич экономики, ведь годовой показатель индустриального роста за 10 лет с 13% упал до нуля. В конце 1977 г. рабочая группа СКЮ и Союзного исполнительного веча констатировала, что за прошлый год «треть всех основных организаций коллективного труда не могла обеспечить простого воспроизводства, и не осуществила даже аккумуляции денег»². Ошибочные условия пытались нивелировать ускоренной процедурой займов, при этом одолженные деньги раздавали направо и налево без особого контроля. Всё это было беззаботно растрчено, «добрая часть денег, вероятно, осела в швейцарских банках». За несколько лет до распада СФРЮ министр финансов бернского правительства сказал, что югославы имеют почти 13 млрд долларов на беспроцентных счетах в швейцарских банках³.

При создании своих концепций об «интегрированном самоуправлении» Кардель не мог игнорировать вызовы итальянской, французской и испанской коммунистических партий, которые в середине 1970-х гг. отказались от догмы диктатуры пролетариата и признали, что политический плюрализм важен для развития действительно здорового государства. Словенский идеолог поприветствовал «еврокоммунизм» как позитивное явление в международном рабочем движении, при этом особо подчеркнул свое критическое отношение к гегемонизму брежневского типа.

Одновременно Кардель полагал, что новая интерпретация марксизма приемлема только для специфической действительности Запада и поэтому его нельзя считать «единственным рецептом» или даже примером, которому может последовать Югославия. В условиях зрелого социализма, которого она достигла, именно политический плюрализм мог бы оттолкнуть ее на шаг назад. Результаты этих размышлений он развил в исследовании «Направления развития общественно-политической системы», которое было опубликовано в начале ноября 1977 г. в качестве исходника для XI Съезда СКЮ⁴. В нем он пытался построить квадратуру круга, т. е. комбинировать социализм

¹ *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 680.

² *Simić P.* Tito. S. 279, 316; *Halder M.* Titokult. S. 125.

³ *Nedeljski Dnevnik.* 1989. 02.07. S. 2; NARA. CREST. National Intelligence Daily (Cable). 1978. 23.12.

⁴ *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 686, 687.

у власти в Югославии с концепцией плюрализма, но не политического, а наоборот, «плюрализма самоуправленческих интересов». «Он до крайности хотел демократизировать такую проекцию строительства социализма, — говорил Кавчич, — при которой идеологическо-стратегическую монополию держит в руках один субъект, базирующийся на принципах большевистской партии. За эти границы он не выходил и не верил, что можно выйти. Был твердо уверен, что марксизм-ленинизм всё еще имеет монополию на социализм. Верил, что марксизм не только идеология, но прежде всего — знание. В тактическом плане он пошел дальше Коминтерна. В идейно-философском нет. Поэтому отношения демократия — социализм остались у него непоследовательными и недоработанными. Гражданину он хотел дать как можно больше простора, но в то же время хотел, чтобы он двигался только под зонтиком власти, которую осуществляло всезнающее руководство»¹.

Инфляция нормативно-правовых бумаг, которыми сыпал Кардель, его постоянное недовольство тем, что было достигнуто, для его товарищей в президиуме звучали как заезженная пластинка. Между словами и практикой, между «реформой реформы», моральным и экономическим кризисом, в котором утопало югославское общество, было слишком большое несоответствие, чтобы они его не заметили². Консервативные круги внутри партии с досадой шептались о «джиласовщине», которая снова стала актуальной³. На Карделя не нападали никто, поскольку ожидали, что он станет преемником Тито, но никто больше не верил его теориям. «Уже воробьи говорят, — комментировал Душан Биланджич в декабре 1978 г., — что старые идеи исчерпали себя. Новые решения, новые направления, новая политика не могут быть реализованы при жизни Тито. Все ждут времени “Ч”»⁴.

За утопией, которую провозглашал Кардель, «ярко выраженный дидактичный моралист»⁵, скрывалась горькая сущность автократии Тито, которая осталась единственной точкой опоры неудавшегося югославского эксперимента. Все правящие команды как на союзном, так и на республиканском уровне оказались неспособными и дилетантскими. С 1972 г. на различные планы развития потратили 40 млрд долларов, но не достигли ничего⁶. При этом сильно задолжали за границей, следуя примеру союзного министра финансов Петра Костица, который без ведома правительства занял миллиард долларов, чтобы спасти убыточный металлургический завод в Смедерево⁷. После принятия конституции 1974 г. этот тренд укрепился, поскольку республики благодаря приобретенной государственности не нуждались в одобрении Белградом кредитов, которые они брали

¹ AS. Dedijer. T. e. 188. Zapis S. Kavčiča, Kardelj. S. 4.

² Pirjevec J. Jugoslavija. S. 343.

³ Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 686, 687.

⁴ Ibid. S. 181, 699.

⁵ Nenadović A. Razgovori s Kočom. S. 170.

⁶ Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 223.

⁷ Bilandžić D. Hrvatska. S. 684.

за рубежом. Между тем Югославия к середине 1970-х гг. задолжала за границе больше 4600 млн американских долларов, к концу же десятилетия долг составил 16 млрд долларов. Мировой экономический кризис, который вызвал рост цен на нефть и нефтепродукты, внутренние проблемы страны, как мы уже отмечали, сильно замедлили экономический рост, к которому в прошлом привыкли югославы. В ответ на это отдельные республики обратились к автократии, что еще больше подчеркивало неудачу союзного правительства в создании единого рынка и в реализации «разделения труда», о котором говорилось в пропаганде режима. Несмотря на то что наиболее развитый север предназначил по плану пятилетки 1971–1975 гг. для неразвитого юга около трех миллиардов долларов и в следующую пятилетку намеревался даже превысить эту сумму, пропасть между ними было невозможно преодолеть¹.

Кардель знал, в каких опасных условиях находится государство: с 1974 г. не было ни одного партийного заседания или других закрытых встреч, на которых не подвергали бы критике современные экономические и политические реалии. На встрече союзных функционеров в феврале 1977 г., когда он уже знал, что смертельно болен, он сказал: «Не ждите больше меня. Когда читаю газеты и слушаю разговоры, мне становится страшно. Через год или два мы скатимся в инфляцию, которая будет мчаться галопом, как в Чили [где в 1973 г. произошел государственный переворот против левого президента Сальвадора — *Й. П.*]»². Еще более горьким откровением стали его слова Богдану Магличу, югославскому физику в США: «Наша система страшная и ошибочная». «Практически ничего нельзя сделать. Ни одно изменение к лучшему уже невозможно»³. Наиболее выразительно и красноречиво он признал поражение следующей фразой: «Счастья человеку не может дать ни государство, ни система, ни политическая партия. Счастье может сотворить только сам человек».

Время позднего титоизма и смерть Карделя

В конце своей жизни Тито всё реже присутствовал на встречах: он предпочитал приглашать представителей разных ветвей власти к себе на разговор. Исполнительное бюро ЦК СКЮ работало так, что его председатель Стане Доланц выносил директивы из дискуссий с Тито и Карделем, а члены их просто принимали. «Этой тройке, — сказал Юре Билич, секретарь ЦК СКХ, — важно удержать власть и кроме этого их ничего не интересует»⁴.

¹ *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 47; NIE 15-79, Prospects for Post-Tito Yugoslavia. Voll. II — The Annexes, 25.09.1979 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 590, 601, 602.

² *Bilandžić D.* Hrvatska. S. 685.

³ *Šimić P.* Tito. S. 316; *Idem.* Svetac i magle. Tito i njegovo vreme u novim dokumentima Moskve i Beograda // Službeni list SCG. Beograd, 2005. S. 20.

⁴ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 171.

В атмосфере позднего титоизма, когда Тито в Югославии прославляли с огромным пропагандистским воодушевлением, практически обожествив его, он стал средством властной системы, которое использовали для защиты своих привилегий¹. Кардель точно знал, что «Югославия больше никогда не позволит себе иметь нового Тито», хотя не отрицал его исторической роли².

На VI заседании Президиума ЦК СКЮ 9 октября 1978 г. в Брдо он поднял вопрос, какой будет партия, когда Тито больше не будет ее руководителем. При этом предостерег всех кандидатов на наследство, которые ходят по Югославии и представляются «маленькими Тито» и хотели бы иметь такую же общественную роль, какую имеет он, но при этом не имеют ни его характера, ни способностей. «В будущем мы не будем искать нового Тито, поскольку его нет и еще долго не будет». Поэтому Кардель предлагал создать коллективный орган, который бы управлял СКЮ в соответствии с настоящими демократическими основами, хотя у него не было иллюзии, что это будет просто, принимая во внимание отсталость югославского общества: «Для этого нужно было бы сломить силу иерархии и иерархических основ, которые у нас всё еще сильны»³.

Думал ли Кардель, говоря о «маленьких Тито», также о своем протеже Стане Доланце, вожде ЦК СКЮ, которому многие предсказывали, что он будет наследником маршала? В пользу последнего он включил сильную пропагандистскую машину, при этом было невозможно не заметить, что толстый словенец пользовался доверием Тито и одновременно имел тесные связи с военными кругами и их контрразведывательными службами⁴. Важным было и то, что 52-летний Доланц на XI Съезде СКЮ в июне 1978 г. был наделен новой функцией — секретаря Президиума СКЮ, и это недвусмысленно указывало на то, что он первый из узкого круга коллег Тито. По сообщению ЦРУ, он рассчитывал стать министром обороны, и из-за этого пустился в «грязную» гонку с другим потенциальным кандидатом, адмиралом Бранко Мамулой. Но его восхождение не нравилось партийной верхушке. О Доланце Добрица Чосич сказал, что он самый сильный человек «брионской монархии». Почти полтора десятилетия он был его железной рукой. «Империи немощного от дряхлости Тито он придавал энергию альпиниста и жестокость охотника на мелких животных. Тито посредством Доланца возмещал те силы, которые у него иссякли, и без которых его деспотия не работала бы»⁵. В подтверждение этих слов следует упомянуть слухи, которые ходили в середине 1970-х гг. о Доланце, — что он человек, с которым небезопасно идти на охоту на медведя. «Сказано было без злобы, — сообщал британский посол, — но тот факт, что

¹ *Dilas M. Tito. S. 158, 159.*

² *Matunović A. Titova sovladarica. S. 187; Čavoški K. Tito. Tehnologija vlasti. S. 51.*

³ *NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 121. Izlaganje E. Kardelja na VI. sednici Predsedništva CK SKJ 09.10.1978.*

⁴ *NIE 15-73. Yugoslavia after Tito, 05.07.1973 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 511, 514.*

⁵ *Lopušina M. Ubij bližnjeg svog. S. 43, 51.*

это сказал политик, который был близок к внутреннему кругу, подкрепило мою уверенность, что нельзя стать оружием Тито для восстановления централизма, не набрав мешка врагов, поскольку речь идет о будущем после Тито»¹. Конечно, всё крутилось не только вокруг Доланца. Наверху, особенно в военных кругах, о коллегах и сотрудниках повсюду сплетничали как о проблемных людях или как о возможных предателях, осуждали их союз с Западом или с Россией. Обо всем ставили в известность Тито, предлагая ему свои услуги в качестве информаторов, он всё это регистрировал, сам участвовал в распространении слухов и время от времени, так или иначе, реагировал².

В ожидании ротации, которая должна была скоро начаться, в конце 1976 г. против Доланца сформировался широкий фронт противников, среди которых выделялся уже упомянутый Юре Билич, который вел против него войну всеми доступными средствами. Аналитики ЦРУ полагали, что в этом участвовал и Советский Союз, руководству которого Доланц не нравился, поскольку не скрывал критического отношения к «гегемонистским» амбициям СССР и своих более или менее либеральных взглядов на социализм (утверждал, что его должны строить не только коммунисты, и обозначил «централистов» как самую большую опасность для югославского общества). В Вашингтоне были уверены, что «прагматичный и организованный» словенец имеет над всеми преимущество, чтобы в ожидании времени «Ч» укрепить свое положение. С другой стороны, не отвергали гипотезы, что непредвиденные события в югославских верхах еще могут разрушить его планы: «Главное действующее лицо во всем этом, вероятно, сам Тито. Его реакция на борьбу в руководстве, судя по всему, сейчас такая: он позволяет, чтобы гонка продолжалась. Таким образом, он влияет на выбор первого среди равных, так, чтобы не казалось, что он хочет навязать свою волю тем, кто его переживет»³. Атмосферу интриг, которая отмечала последние годы жизни Тито, хорошо иллюстрирует судьба Джемаля Биедича, известного и способного боснийского мусульманина, который при поддержке Карделя в 1971 г. стал председателем Союзного исполнительного веча. Во время действия его мандата с ним произошли две авиакатастрофы, при этом во второй 18 января 1977 г. он погиб. Всеобщим мнением было, что его убили те, кто противился признанию «мусульманской нации» в самом сердце Югославии, создателем которой был Биедич, а также малых этносов: словенцев, македонцев, мусульман⁴.

Когда в июле 1978 г. Доланц предложил образовать внутри Президиума СКЮ орган из пяти членов, который он бы возглавил, старая гвардия,

¹ TNA. FCO 28/2622/ENU 1/4/80.

² *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 421; *Simić P., Despot Z. Tito.* S. 370, 371.

³ NARA. CREST. Soviet Union – Eastern Europe. Staff Notes. Dolanc Says Centralists Now Primary Threat to Yugoslav Stability, 18.06.1975; Memorandum, Yugoslavia: Tensions at the Top, 10.12.1976.

⁴ *Ciliga A.* Il labirinto jugoslavo. Passato e futuro delle nazioni balcaniche. Milano: Jaca Book, 1982. S. 85, 121, 132.

во главе которой встал Бакарич, среагировала решительно. Ходили слухи, будто бы Бакарич открыто говорил, что партийное руководство хорошо знает, как Сталин пришел после смерти Ленина к власти, и у них нет ни малейшего желания повторить этот опыт. Произошли бурные внутренние трения, которые подогривало взаимное соперничество и ревность. Всё это вызвало паралич политического выбора. В ожидании времени «Ч» в партийных верхах установилась такая нездоровая атмосфера, что один британский дипломат сделал циничный вывод: «Последняя большая услуга, которую Тито может оказать своей стране, это как можно скорее умереть»¹.

Поскольку Тито не хотел, чтобы кто-нибудь из его круга стал слишком сильным, не случаен тот факт, что он спустя лишь 11 дней после речи Карделя о «маленьких Тито», 20 октября 1978 г., без предварительного оповещения предложил членам Президиума СКЮ преобразовать его в коллективный орган, подобный Президиуму СФРЮ. Тогда решили, что будут по точно установленной системе ротаций назначать каждый год нового председателя Президиума, и первым на это место (т.е. заместителем Тито) поставили союзника Бакарича, 51-летнего Бранко Микулича, который был известен как твердый догматик и лизоблюд. Секретарем заново созданного Президиума остался Стане Доланц, а в партийных верхах установилось двоевластие, разделенное между председателем и секретарем, что, казалось, было сделано намеренно, чтобы они следили друг за другом, а на самом деле это знаменовало закат Доланца. 15 мая 1979 г., за день до того, когда он должен был отправиться с Тито в Москву, Доланц ко всеобщему удивлению заявил, что добровольно оставляет должность секретаря Президиума, якобы он должен взять на себя некоторые функции Карделя, который умер 10 февраля. Кардель, протестуя против политики Тито, опиравшейся на разжигание внутреннего соперничества для защиты личной власти, потребовал, чтобы его похороны были закрытыми. Тито воспрепятствовал этому и приехал в Люблянну на «государственное» торжество, при этом он не мог скрыть своего негативного отношения к покойному².

С отставкой Доланца с поста секретаря Исполнительного бюро для него сразу же отпал вопрос об участии в делегации, которая отправлялась в СССР, что западные наблюдатели рассматривали как подтверждение того, что он возвращается в гонку в качестве возможного соперника Тито. Хотя он и остался в Президиуме как представитель Словении и получил высшую государственную награду, орден Героя социалистического труда, в критический момент, менее чем за год до смерти Тито, Доланц потерял

¹ NIE. 15-79. Prospects for Post-Tito Yugoslavia Voll. II – The Annexes, 25.09.1979 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 585; NARA. CREST. National Intelligence Daily Cable, 01.02.1977; 03.06.1977; 06.10.1977; 25.01.1978; 25.01. 1979; Memorandum, Jugoslavia; Tensions at the Top, 10.12.1976; TNA. FCO 28/3909, ENU 010/3; FCO 28/3907, ENU 010/1.

² *Čiliga A.* Il labirinto. S. 132; *Ambrožič L.* Novljanovo stoletje. S. 473, 474.

свое ключевое положение в верхах КПЮ. Почти целое десятилетие он руководил Исполнительным бюро СКЮ, хотя для этой должности предусматривался одногодичный мандат и последовательная ротация кадров. Он был последней жертвой из десяти тысяч выдающихся людей, которых Тито за свою жизнь убрал с пути в ходе многочисленных чисток. (Ничто не помогло — ни то, что развлекал его своими скользкими шутками, ни то, что был готов играть с ним в карты, хотя и знал, что должен проиграть¹.)

Поскольку Тито верил правилу «разделяй и властвуй», он спустя короткое время после смерти Карделя отказался от реформизма словенцев и сблизился с консервативной группой, самой важной фигурой которой был Душан Драгосавац, представитель сербского меньшинства в Хорватии, который стал секретарем партии. Также в то время в верхушке ЮНА произошли изменения: словенского генерала Стане Поточника, занимавшего должность командующего Генеральным штабом, заменил адмирал Бранко Мамула, тоже хорватский серб. Другие видные сербы из бывших австро-венгерских областей пришли к власти с заданием держать в узде как хорватов, так и словенцев, а также соплеменников в Белграде².

Охлаждение отношений между Вашингтоном и Белградом

Отстранение сербских, словенских и македонских либералов в 1972 г. Советский Союз принял с одобрением, поскольку речь якобы шла об обновлении партийного централизма в СКЮ. Как с удовлетворением констатировали в Белграде дипломатические представители Восточного блока, некоторые функционеры в борьбе против национализма и либерализма опять начали употреблять «нашу» терминологию³. Тито не обновил старой номенклатурной системы, которую ловко использовал Ранкович, наоборот, отдал администрирование партии своим доверенным лицам в отдельных республиках. Для себя он сохранил только назначение нескольких ключевых людей в государственной администрации, в СКЮ, в спецслужбах и армии, причем следил, чтобы на союзном уровне не возобновилась гегемония сербов и черногорцев, типичная для периода перед 1966 г. В любом случае партия после кризисных 1971 и 1972 гг. укрепила свое влияние на общественную жизнь. В издательствах, в университетах, на заводах, в региональных администрациях снова появились партийные «коллективы», которые стали важным орудием режима для достижения политического догматизма⁴. Югославская печать вычеркнула из лексикона слово «сталинист»

¹ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 251; AS. Dedijer. T. e. 252. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 40.

² *Ciliga A.* Il labirinto. S. 14, 52, 132, 133, 224.

³ AMZV. Zpravy YU, Belehrad 1973–1975, 622461, V Belehrade, 16. dubna 1973.

⁴ NIE. 15-79, Prospects for Post-Tito Yugoslavia Voll. II — The Annexes, 25.09.1979 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 585, 587, 599, 600.

и отказалась от всяких критических намеков на советскую действительность. Повседневностью «нового направления», которое началось с XXI заседания Президиума СКЮ в Караджорджево, стало указание на противника с Запада, причем лидировал в этом Тито. На III Конференции СКЮ в Белграде, в декабре 1972 г., он, например, упомянул о 300 тыс. резервистов, в том числе и офицеров, которые были на «временной» работе в Западной Европе. Следовательно, это «три большие армии», которые имела Югославия за рубежом. При этом Тито спрашивал, позволили бы им западные правительства «в случае какого-нибудь конфликта Югославии с кем-нибудь» вернуться на родину? Партия до сих пор «слишком сильно была заинтересована в валюте и мало обеспокоена тем, что молодые, способные люди и даже офицеры получают работу за рубежом»¹. Его поддержал Доланц, который на рубеже 1972–1973 гг. в интервью газете *Delo* констатировал, «что в некоторых западноевропейских государствах активность против Югославии на самом деле является активностью против передовых сил в собственном государстве». Хотя на эти размышления частично оказали влияние напряженные отношения с Италией и Австрией из-за границы у Триеста, особенно по поводу словенского меньшинства в Каринтии, руководство прежде всего стремилось создать в общественном мнении ощущение угрозы, чтобы оно стало предохранительным клапаном от недовольства югославского населения из-за внутренней ситуации². Когда 6 октября 1973 г. начался новый конфликт между Израилем и арабами, Тито, конечно же, не думал, на чью сторону перейти. Поддержав арабов, помимо всего прочего он пытался укрепить свой авторитет среди неприсоединившихся стран, поскольку на заседании недавней IV Конференции движения в Алжире не мог не заметить, что его влияние ослабевает. Югославские журналисты получили задание писать так, словно «страна находится в состоянии войны с Израилем». Советским самолетам Тито снова разрешил использовать югославское воздушное пространство и аэродромы для доставки оружия египетским и сирийским частям, и когда они потерпели тяжелое поражение, наследнику Насера Садату даже советовал бомбить Тель-Авив. Сообщение, которое перехватила американская контрразведывательная служба, конечно же, вызвало в Вашингтоне большое недовольство. Американцы обвинили Тито в том, что он оказывал сильное влияние на разжигание войны на Ближнем Востоке и, что еще важнее, окончательно отказались от надежды, что Югославия станет посредницей между враждующими сторонами в ООН. Отношения между Белградом и Вашингтоном настолько ухудшились, что спустя некоторое время были почти прерваны. Киссинджер игнорировал югославского посла в Вашингтоне и не хотел принимать

¹ PA. Zwischenarchiv, 112619, 12.12.1972; AMZV, Zpravy ZU, 020.282/70-2, V Belehra-de, 04.12.1973; ИМ 76-040С, The Yugoslav Armed Forces, 01.10.1976 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 544; *Simić P., Despot Z. Tito*. S. 339, 340.

² PA. Zwischenarchiv, 112618, 12.03.1973; TNA, FCO 28/2407/5.

министра иностранных дел, который посетил заседание Генеральной Ассамблеи ООН¹. От этой не очень приятной ситуации Тито испытал моральное удовлетворение. В конце июня 1974 г. президент Всемирного еврейского конгресса Наум Гольдман попросил о встрече. Гольдман, который уже давно находился с маршалом в приятельском диалоге, отметил, что его предсказания 1967 г. осуществились, и в первую очередь утверждение, что «Израиль не может постоянно действовать с позиции силы». В условиях, которые возникли после Войны Судного дня, президент Всемирного еврейского конгресса был уверен, что Тито, принимая во внимание «его авторитет, объективность, дальновидность, цельность», может стать посредником между арабами и израильтянами². Но этого не произошло.

Охлаждение между Вашингтоном и Белградом имело позитивный отклик в верхушке ЮНА, где полагали, «что захватнические империалистические силы развернули широкое наступление повсюду в мире. Прежде всего во Вьетнаме, Камбодже, в Чили, затем последовало давление на Панаму, Пуэрто-Рико и т. д. И в завершение — на Ближнем Востоке. В своей наступательной политике, цель которой заключалась в захвате новых позиций, они могут пойти даже до третьей мировой войны»³. Но в югославских правящих, экономических и интеллектуальных кругах проарабская позиция Тито вызывала некоторые сомнения. Говорили, что он полностью идентифицировал интересы Югославии со своими амбициями, желанием играть важную роль на международной арене, и осыпали его критикой, которая, конечно же, не помогла. Тито удвоил свои усилия и продолжал свой курс, а с Брежневым достиг такого взаимопонимания, какого никогда не было. В ноябре 1973 г. он посетил Киев, где отправился «на охоту», чем вызвал в западной прессе лавину предположений. «Почему это некоторые так часто встречаются? — спрашивал *The Economist*. — Не потому ли, что они просто хорошие друзья?»⁴

Совместное заявление о результатах переговоров показало, что отношения СССР и Югославии перешли на новый уровень. Чтобы описать атмосферу, в которой проходила встреча, Тито и Брежнев впервые употребили слова «вера и доверие» и при этом забыли упомянуть Белградскую и Московскую декларации, поскольку развитие событий переросло их. Тито занял непримиримую позицию по отношению к американским «гангстерам» и их политике во Вьетнаме, Камбодже, на Ближнем Востоке и Средиземноморье и, поскольку он был уверен, что Югославия находится в опасности из-за

¹ NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 34. Informacije, telegrami SSUP 1974; TNA, FCO 28/2803/ENU 3/304/1; AS. Dedijer. T. e. 120. Tito nikad nije zaboravio svoju revolucionarnu dolžnost. S. 4, 5.

² NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 34. Razgovor sa šefom vojnopolitičke službe Sovjetskog jevrejskog kongresa, 27.06.1974; *Vrhunec M.* Šest let s Titom. S. 59; TNA, FCO 28/1645/NU 3/548/5.

³ *Bjelajac M.* JLA. S. 92.

⁴ *The Economist*. 1973. 24.11. P. 37.

того, что ее окружают капиталистические государства — Италия, Греция, Австрия, Брежнев пообещал Тито помимо других военных поставок также ракеты типа SAM, которые незадолго до этого использовали на израильско-египетском фронте. Между двумя государственными мужами установилась сердечная атмосфера, которую подчеркнула очевидная растроганность Тито, когда Брежнев подарил ему собрание его избранных сочинений, которые именно тогда вышли в Советском Союзе¹. На X Съезде СКЮ в 1974 г., где было подчеркнуто значение «демократического централизма» и «ленинской дисциплины», после долгого перерыва присутствовала советская делегация, в то время как печатный орган КПСС *Правда* в своем комментарии особо похвалил решительность Тито и успехи в борьбе с «врагами социализма». В этом он был и сам убежден, поэтому на «съезде победы», как он его назвал, не скупился на выражение удовлетворения, ведь его утвердили пожизненным председателем СКЮ.

Эта переориентация на ортодоксию советского типа осложняла югославские отношения не только с Вашингтоном, но и с Европейским экономическим союзом. Когда арабские государства решили, что в ответ на израильскую победу в Войне Судного дня они существенно поднимут цены на нефть, югославы совсем забыли о личных экономических интересах и приветствовали эту линию. Напрасно министр иностранных дел Мирко Тепавац предупредил, что Югославия вместо проарабской «неприсоединенности» лучше бы избрала нейтралитет швейцарского или австрийского типа. «Наша политика, — записал Стане Кавчиц в своем дневнике, — видит большего союзника в каждом арабском шейхе, чернокожем вожде или азиатском деспоте, чем в развитой и цивилизованной Европе <...>». В этой политике, смиренно констатировал он, есть что-то от сталинской недоверчивости, сектантства и азиатского менталитета². Конечно же, он был прав. Ошибся, только сказав «наша», поскольку на самом деле речь шла о личной политике маршала Тито, который с годами всё больше ассоциировал себя с Югославией и одновременно становился всё более и более восприимчивым к лести. «Господин президент, — сказал ему диктатор Центральноафриканской Республики Жан Бедель Бокасса на IV Конференции неприсоединившихся в Алжире, — то, что не удалось Александру Великому, Цезарю, Наполеону и Вильгельму II, а именно — с помощью оружия объединить большую часть человечества, удалось вам при помощи идей. Вы объединили маленькие и средние государства современного мира, которые представляют две трети человечества и также его совесть»³. Разумеется, отношения между Югославией

¹ AMZV. Zpravy ZU. Belehrad 1973–1975, 01504/73, V Belehrade, 08.11.1973; NARA. CREST. Central Intelligence Bulletin, Yugoslav-Soviet Relations, 13.12.1973; *Simić P., Despot Z. Tito*. S. 344.

² *Kavčić S. Dnevnik in spomini*. S. 132.

³ *Vlahović D., Marković N. Život na dvoru*. Jovanka Broz. Beograd: Akvarijus, 1990. S. 139.

и Центральноафриканской Республикой (позднее Империей) после таких ласковых слов стали сердечными. Мирко Тепавац, позиции которого ослабило падение его либеральных друзей, в таких условиях не мог остаться в положении государственного секретаря иностранных дел. Он подал в отставку 1 ноября 1973 г., на его место был назначен консервативный Милош Минич, который некоторое время назад был в немилости, а сейчас рассматривался как «человек Тито», склонный к тесному сотрудничеству с СССР. В советской столице не пропустили его заявление перед отъездом югославской делегации на празднование 50-летия Октябрьской революции, когда он говорил о Ленине как об учителе, прежде всего когда речь шла об отношениях между государствами¹.

За новую дружбу с Советским Союзом заплатило издание *Praxis* и его сотрудники, среди которых было несколько известных профессоров философии из Белградского и Люблянского университетов. Из-за влияния, которое эти «троцкисты» имели на интеллектуальные и студенческие круги, они были отстранены от своих кафедр, в то время как журнал был ликвидирован². «Югославия, — утверждал заместитель председателя Президиума СФРЮ в разговоре с чехословацким министром обороны Мартином Дзуро, — ощущает себя частью социалистического мира. В случае напряженности она присоединится к социалистическим государствам и вместе с ними будет бороться против империализма»³. Во имя этой дружбы, если не сказать, неформального союзничества, Тито разрешил Советскому Союзу использовать для дозаправки своих военных кораблей адриатические порты в Далмации, что было в высшей степени важно из-за его нарастающего присутствия в Средиземноморье⁴.

Враждебная эмиграция членов Информбюро

В тот самый момент, когда казалось, что между Москвой и Белградом больше нет открытых вопросов — хотя экономическое сотрудничество не было таким, как ожидалось, произошел непредвиденный инцидент, связанный с эмиграцией бывших приверженцев Информбюро. Во время пятилетнего давления Сталина на Югославию эта эмиграция организовала активную антититовскую пропаганду посредством печати и радиопередач, которые передавались из соседних социалистических государств

¹ AMZV. Zpravy ZU, 020.285/73-2, V Belehrade, 04.12.1973.

² Ibid. Belehrad 1973–1975, 058/74, V Belehrade, 29. prosince 1973; 0317/74, V Belehrade, 12. brezna 1974; AJ. KPR. II-a-4. K 168. Informacija o stavljanju na raspolozhenje pojedinih nastavnika i saradnika Filozofskog fakulteta u Beogradu, 04.02.1975; Čosić D. Pišćevi zapisi (1969–1980). S. 111, 196; Simić P., *Despot Z. Tito*. S. 350, 351.

³ AMZV. Zprávy ZÚ, Belehrad 1973–1975, 0341/74, V Belehrade, 25.04.1974; 086/75, V Belehrade, 22. ledna 1975.

⁴ NIE 15-79, Prospects for Post-Tito Yugoslavia Voll. II — The Annexes, 25.09.1979 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 609.

и Советского Союза¹. Кроме этого, были сформированы диверсантские группы, которые провоцировали приграничные инциденты и пытались подорвать производство и дестабилизировать общественную жизнь в Югославии. На Урале появился даже югославский авиаполк, который в начале 1950-х гг. переместили в Москву, чтобы он был под рукой в случае нападения на Югославию.

В трагические годы спора со Сталиным эмигранты (тогда их было около 3,5 тыс.) представляли собой «здоровые силы», «настоящих марксистов-ленинцев», которые стали бы «ядром новой КПЮ». Их делегаты выступали на всех трибунах партийных конгрессов социалистических стран и, когда Сталин умер, на его гроб положили венок с надписью: «Самому большому другу и защитнику народов Югославии». После 1954 г., когда произошло сближение Тито и Хрущева, в Москве только формально распустили их организации, хотя прекратили радиовещание и печать газет. Вопрос не был решен и в 1956 г., когда после визита Тито в Советский Союз Хрущев потребовал от маршала, чтобы он встретился с эмигрантами в Киеве. Поводом для встречи была конвенция между обоими правительствами, которая бы подготовила амнистию приверженцам Информбюро и помогла тем, кто захотел бы вернуться на родину.

Вопреки тому, что Тито принял это предложение и попытался убрать проблему с повестки дня, эмигрантские группы и дальше подстрекали против его режима. Приблизительно 1300 членов Информбюро использовали амнистию, которая была провозглашена, и покинули советский «лагерь». Большая же часть эмигрантов (почти все, кто жил за пределами Москвы) благодаря службе безопасности так и не ознакомились с конвенцией. Следствием этого было то, что большинство из них приняло советское гражданство. Это было в духе Москвы, ведь в ее распоряжении находились люди, которыми она легко манипулировала по своей воле². Из-за этого их деятельность не была полностью прекращена: сторонники Информбюро и дальше состояли в своих клубах и оживлялись, когда отношения между Белградом и Москвой становились напряженными. На XX Съезд КПСС они отправили письмо, которое не было прочитано, поскольку на нем Хрущев расправился со Сталиным, сделав секретный доклад. Однако когда в конце 1950-х гг. вспыхнул конфликт между КПСС и СКЮ из-за «ревизионистской программы» Карделя, инфорбюровцы снова проснулись. На XXI внеочередной съезд КПСС в 1959 г. они направили антититовское послание,

¹ Ondrej Vojtechovsky, Informbirovska emigracija u jugoslovansko-čehoslovačkim odnosima. Nacionalni i politički identitet jugoslovenskih informbirovca u Čehoslovačkoj // Selinić S. (ur.) Spoljna politika Jugoslavije: 1950–1961. Zbornik radova. Beograd, 2008. S. 207–230.

² АЖ. КРЕ. II-9-b. К 267. Informacija o pismu grupe IB iz SSSR, 09.05.1974; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 395; *Marović M.* Sumrak. Vol. II. S. 140–141; AS. Dedijer. Т. е. 244. O Informbiro s one strane. S. 5, 6; *Osolnik B.* Med svetom in domovino. S. 176.

которое было включено в рабочие материалы¹. Одновременно они выпустили ряд публикаций, направленных против югославских еретиков. В последние годы они раскололись на две группы: «экстремистов», которую возглавил Миле Перович, и «умеренных» с Владо Дапчевичем во главе. Последний представлял больший интерес, в отличие от фанатика Перовича тем, что имел за спиной авантюрную историю. Он был сводным братом знаменитого партизанского генерала Пеко Дапчевича и после войны — близким соратником генерала Арсе Йовановича. В августе 1948 г. вместе с ним он пытался сбежать в Румынию, но его поймали и посадили в тюрьму. В 1955 г. его помиловали и интернировали в родную деревню близ Цетинье, откуда ему три года спустя, после VII Съезда СКЮ, удалось бежать в Албанию вместе с группой действующих офицеров. Оттуда он перебрался в Советский Союз, а в 1967 г. с разрешения московских властей отправился в Брюссель, чтобы в среде соотечественников вести антититовскую пропаганду².

После падения Хрущева Брежнев на переговорах с Тито признал, что в Москве возможны нелегальные связи между противниками югославского режима и некоторыми югославскими эмигрантами, но категорически опроверг утверждение, что их поддерживали советские власти. «Для нас подобные методы не существуют, только наши противники могут так говорить»³. На самом деле еще в 1971 г. эмигранты в Москве «поздравили» Тито с днем рождения двумя передачами, в которых раскритиковали его в пух и прах. Дошло даже до оживленной полемики между *Политикой*, которая сообщила о событии, и газетой *Известия*, а также до официального протеста белградского Секретариата иностранных дел. В сентябре того же года в Караджорджеве состоялась беседа о деятельности членов Информбюро между Тито и Брежневым, при этом последний еще раз уверил, что советское правительство не поддерживает враждебной деятельности против Югославии⁴. Как стало известно спустя некоторое время, московское правительство формально разогнало информбюровцев, но на самом деле сказало: «Хотите работать, работайте за границей»⁵.

1974 г.: новая коммунистическая партия Югославии

6 апреля 1974 г., когда Тито во всеуслышание заявил, что Советский Союз никак не угрожает Югославии, и выразил протест против Запада, который «хотел нас им напугать», в черногорском городе Бар тайно собрался учредительный съезд новой коммунистической партии Югославии. Среди

¹ AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopolis za IV. zvezek Titove biografije. S. 123.

² Marović M. Sumrak. Vol. II. S. 141.

³ Ibid. S. 124, 125.

⁴ Ibid. S. 143, 144.

⁵ AS. Dedjer. T. e. 271. Zapis o Informbiroju.

организаторов встречи, которая состоялась одновременно с подготовкой к X Съезду СКЮ, был также Душан Бркич, бывший заключенный Голи-Отока, и, похоже, пережитый опыт его ничему не научил¹. Также под его влиянием участники на упомянутом совещании приняли программу и статут, которые были диаметрально противоположными тем, который титовский режим осуществлял с 1948 г. и далее. Они распустили Союз коммунистов Югославии, провозгласили образование «новой КПЮ», которая в соответствии со сталинской системой и брежневской доктриной ограниченного суверенитета тяготела бы к включению Югославии в Советский Союз. Тито, как генерального секретаря партии, отправили в отставку и на его место назначили старого сторонника Информбюро Миле Перовича².

Югославские власти узнали о съезде не случайно, так как имели своего информатора в «киевской группе». Когда стало ясно, что документы, необходимые для нелегальной встречи, будут ввезены в страну на дипломатической машине через Будапешт, близ границы они организовали автомобильную катастрофу. В нее был вовлечен сын советского дипломата, который работал в посольстве в Белграде. В его багажнике милиция нашла листовки, которые он должен был доставить в Бар. Власти, конечно же, арестовали участников съезда, они предстали перед судом и их осудили на сроки от 2 до 14 лет тюремного заключения³.

Это событие было исключительно тяжелым ударом для Тито и его соратников, поскольку они поняли, что руководители Советского Союза вопреки заверениям в дружбе не отказались от своих «гегемонистских» планов. В момент внутренней напряженности, причиной которой могла стать смерть Тито, СССР прибег бы к хитрости, которая оказалась столь эффективной во время венгерского и чехословацкого кризисов, и с войсками вторгся бы в Югославию по просьбе легитимной, хотя и действующей нелегально КПЮ. Как говорил Владимир Бакарнич датскому журналисту Гуннару Ниссену, в Москве думают, в Югославии только Тито «хороший», а его сотрудники — нет⁴. Вопреки утверждениям, что раскрытие информбюровской антипартийной группы не повлияет на отношения с Советским Союзом, между государствами всё же произошло охлаждение отношений, так как югославы не могли избавиться от подозрений, что русские всё еще планируют революционную деятельность в их государстве⁵. Дополнительному росту недоверия

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 459; AJ. KPR. II-4-a. K 168. Informacija o kongresu u Baru, 06.04.1974.*

² *AS. Dedijer. T. e. 298. Novi prilozi. Vol. IV. Četrtro poglavje. S. 106, 107.*

³ *AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 125, 126; T. e. 96. Hronologija za IV. tom. S. 7; T. e. 123. O «Barskom kongresu»; Kranjc M. F. Zarote in atentati na Tita. S. 329.*

⁴ *NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 10.*

⁵ *AMZV. Zprávy ZÚ. Belehrad 1973–1975, V Belehrade, 01019/74, 2. ríjna 1974; IIM 76-040C, The Yugoslav Armed Forces, 01.10.1976 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 534.*

посодействовал и генерал Ян Шейна, ответственный за политическое ведомство в чехословацкой армии, который в 1968 г. бежал в США и в феврале 1974 г. в интервью венской газете *Profil* раскрыл военный план Варшавского договора, согласно которому в случае кризиса части советского блока вторглись бы в Югославию через австрийские земли¹.

Своих сомнений, касавшихся московской шпионской деятельности и подпольного подстрекательства, югославы не скрывали, напротив, говорили открыто, что речь идет о разветвленной сети. В кулуарах они упрекали Советский Союз за то, что он был вовлечен как в косовские беспорядки 1968 г., так и в антирежимные акции эмигрантских групп всех цветов и направлений, что произошло позднее. Уже в январе 1970 г. Тито и советский посол Иван Бенедиктов провели оживленную беседу на эту тему, которая, конечно же, не имела никаких последствий². Также в момент наивысшей дружбы между маршалом и Брежневым советские спецслужбы не оставляли мысли, что в Югославии нужно образовать пятую колону. Как еще по-другому можно трактовать то, что в июне 1973 г. руководитель КГБ Юрий Андропов через своего агента тайно оповестил Добрицу Чосича, чтобы тот был осторожен, так как ему из «главного города» грозит «опасность»? Очевидно, Советский Союз в известном писателе, который в то время был рупором оппозиционного, националистически окрашенного течения в Сербии, видел возможного союзника³.

Вопреки тому, что, по данным службы безопасности, съезд в Баре посетили только 12 участников, Тито не недооценил происшествия. Он приказал начать расследование, которое закончилось арестом 32 информбюровцев, в основном черногорцев, и конфискацией большого количества материалов, напечатанных в Советском Союзе. В конце июня 1974 г. начались значительные чистки, в которые было вовлечено приблизительно 24 тыс. человек, прежде всего интеллектуалов, студентов, партийных руководителей, членов элиты⁴. Новость об афере распространилась уже весной, но о ней было запрещено говорить, пока Тито не прояснил отношения с Брежневым. Исполнительный комитет СКЮ 25 июля 1974 г. отправил Политбюро ЦК КПСС меморандум, в котором шла речь о мятежной деятельности информбюровцев, а на высшем уровне часто велись беседы между представителями Югославии и СССР. «Из-за этого Исполнительный комитет ЦК СКЮ считает, что ответственным советским органам неизвестна такая антиюгославская активность информбюровской эмиграции. Ответственные советские органы не приняли эффективных мер (против нее)»⁵.

¹ PA. Zwischenarchiv, 112620, 25.02.1974; *Hadalin J.* Tито in praška pomlad. S. 147.

² NARA. CREST. CIA, Yugoslavia: An Intelligence Appraisal, 27.07.1971.

³ *Čosić D.* Pišćevi zapisi (1951–1968). S. 117; Pišćevi zapisi (1969–1980). S. 123, 124.

⁴ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 156.

⁵ AJ. KPR. II-4-a. K 168. O neprijateljskoj delatnosti informirovske emigracije, 25.07.–03.10.1974.

После бесполезного обмена дипломатическими нотами и бесплодных переговоров Стане Доланца с исполняющим обязанности посла СССР и послами Венгрии и Чехословакии в начале сентября Кардель отправился в Советский Союз, официально в «отпуск», на самом же деле по причине событий в Баре. Результат его путешествия не был позитивным: кремлевские руководители, как и раньше в подобных ситуациях, отрицали любую причастность к нелегальному съезду — якобы самых активных информбюровцев, которые проживали в СССР, они заставили уехать на Запад. Пытались смягчить Тито и тем, что послали в Югославию большую партию современного оружия, при этом не скрывали своего критичного отношения к самоуправлению и к политике неприсоединения, считая, что югославы игнорируют основную данность современного мира, разделенного на два блока. По их мнению, в Югославии помимо «обожествления» Тито произошло «обожествление» самоуправления и политики неприсоединения, поскольку никакая критика невозможна. Утверждали, что белградские власти должны были поддержать социалистические силы, присутствовавшие в государстве, и противопоставить их прозападным силам, которые пытались подорвать сближение Югославии с Советским Союзом. Последние, как говорили в Москве, будто бы были сильны в некоторых интеллектуальных и журналистских кругах, которые вопреки договору Тито и Брежнева о прекращении враждебной пропаганды всё еще печатали антисоветские статьи¹.

Такое двуличие окончательно убедило Тито, что, вопреки красивым словам, Советы всё еще пытаются перетянуть Югославию или всю ее православную часть в свою сферу влияния. И когда *Washington Post* раскрыл всё, что касалось съезда в Баре, больше не было причин молчать. Через два дня после возвращения Карделя из Киева, 12 сентября 1974 г., Тито в своей речи перед сталеварами из Есениц упомянул заговор против СКЮ, хотя и не слишком его драматизировал. Совсем другой посыл неделю спустя имело осуждение 32 членов Информбюро, которых судили за закрытыми дверями: все вместе они получили 200 лет лишения свободы. В последующие дни пресса была полна статей об эмигрантах Информбюро, которых было около 725, в большинстве своем сербов. Одновременно служба государственной безопасности организовала настоящую травлю против их местных единомышленников. Не пришлось долго ждать, пока ее подразделения раскрыли еще три враждебные режиму группы в Боснии и Герцеговине, Далмации и Воеводине².

Это ухудшило отношения с Советским Союзом, который ответил в своем коварном пропагандистском стиле: к 30-летию Победы, весной 1975 г., маршалы Иван Якубовский и Андрей Гречко в пражской прессе опубликовали две статьи, где приписали Красной армии все заслуги в освобождении Восточной и Центральной Европы, включая Югославию, и в установлении

¹ AMZV. Zprávy ZÚ, Belehrad 1973–1975, 622461, V Belehrade, 16. dubna 1973; NARA. Soviet Union — Eastern Europe, Staff Note, Soviet-Yugoslav Relations, 12.11.1975.

² AJ. KPR. II-4-a. K 168. O radu frakcijske grupe u Vojvodini, 09.10.1974.

социализма на этих землях¹. Партизаны Тито, по их мнению, в победе над фашистами сыграли только декоративную роль. Тезис, что КПЮ, как и все восточноевропейские партии, пришла к власти с помощью советской армии, быстро использовали болгары и при этом в своей прессе упоминали исключительную роль, которую сыграли их части в освобождении Сербии. На это оскорбление народно-освободительной армии, которое отрицало специфику югославской революции и легитимности КПЮ, Тито резко отреагировал 2 апреля 1975 г. в Скопье и днем позднее в Косове². Затем, более прямо, — в длинном телевизионном интервью, в котором изложил свое видение Второй мировой войны³. Тем самым он вызвал целый вал протестных заявлений от бывших борцов, которые постоянно повторяли слова маршала: «Мы шли с Советским Союзом с самого начала. Хотел бы я увидеть кого-то другого, кто еще был с нами из тех, кто сегодня хочет недооценить наши жертвы»⁴. Русские, начиная с Брежнева и Косыгина, пытались оправдаться, но оскорбление оставило след и дало повод для нового всплеска недоверия⁵. Кардель обострил его еще больше, когда отклонил приглашение присутствовать на праздновании 250-летия основания Академии наук СССР (бывшей Императорской)⁶.

Американцы также попытались использовать сложившуюся ситуацию. 3–4 августа 1975 г. в Белград отправили президента Джеральда Форда и, помимо прочего, подписали соглашение на 600 млн долларов на строительство ядерной атомной электростанции Кршко⁷. Тито принял протянутую руку и попытался преодолеть охлаждение, которое произошло в 1972 г. из-за противоположных взглядов относительно арабско-израильского конфликта. Этот процесс нового сближения, конечно же, был нелегким, всё еще продолжались недопонимание и полемика. Так, в начале 1976 г. маршал принял драматическое решение прервать переговоры о противотанковых ракетных комплексах TOW, в которых Югославия весьма нуждалась, в то время как союзный секретарь по обороне Никола Любичич упрекал американцев, что они не хотят продавать Югославии новейшее оружие. Всё это одновременно сопровождала полемика в прессе относительно деятельности усташских, четнических, домобранских и албанских групп в США, которых защищали «враждебные элементы» в Вашингтоне⁸. В октябре того

¹ TNA. FCO 28/2809/ENU 3/303/1; FCO 28/2801/ENU 3/303/1.

² TNA. FCO 28/2801/ENU 3/303/1.

³ TNA. FCO 28/2816/ENU 18/4.

⁴ Delo. 1975. 03.04.

⁵ TNA. FCO 28/2816/ENU 18/4; AMZV, Zprávy ZÚ, Belehrad 1973–1975, 0345/75, Belehrad, 24.04.1975.

⁶ TNA. FCO 28/2801/ENU 3/3.

⁷ NARA. CREST. Soviet Union — Eastern Europe, Tito-Ford Talks: Atmospheric, 01.08.1975.

⁸ Pirjevec J. Jugoslavija. S. 330; NARA. CREST. National Intelligence Daily Cable, 09.02.1978.

же года Тито был снова обеспокоен, когда Джимми Картер, кандидат в президенты от демократов, профан во внешней политике, во время телевизионных дебатов с Джеральдом Фордом заявил, что не верит в возможность советского вторжения в Югославию. Одновременно он добавил, что не стал бы использовать американскую армию для ее защиты, если бы такое всё же произошло, поскольку безопасность США в этом случае не была бы под угрозой. Когда потом Картер пришел в Белый дом, отношения между государствами сильно охладились. Чтобы их улучшить, в 1978 г. Картер пригласил Тито посетить Вашингтон в третий раз. В связи с этим он полностью сменил риторику и обязался принять более жесткие меры против экстремистских эмигрантов и оказать поддержку «независимой, территориально единой и объединенной Югославии». Начались открытые переговоры, во время которых американский президент попросил Тито объяснить ему, почему русские так ненавидят США. Тито ответил ему без обиняков: «...вы окружили их своими военными базами и хотите уничтожить их экономически, втягивая в гонку вооружений, и угрожаете им нейтронной бомбой»¹. Збигнев Бжезинский, советник президента по безопасности, был так потрясен, что позднее заявил: «...вместе с США и Советским Союзом Югославия единственный протагонист на международной арене». Американская армия снова обещала, что будет вооружать ЮНА, и наряду с упомянутыми признаниями это был один из редких успехов, которые Тито снискал во внешней политике на закате своей жизни².

Вопреки настойчивым утверждениям советской прессы, что Москва не может ничего сделать с акциями мятежников против Югославии, что речь идет о «поклепе» западных кругов, 1975 г. закончился новой полемикой относительно подстрекательства информбюровцев, против которых власти не колеблясь использовали «грязные» методы³. Так, 26 декабря было заявлено, что за закрытыми дверьми идет процесс против Владо Дапчевича, который в ночь с 8 на 9 августа тайно исчез из своего отеля в Бухаресте⁴. В румынскую столицу Дапчевич отправился, очевидно, рассчитывая на защиту своих советских опекунов, при этом он недооценил хорошие отношения между Тито и Николае Чаушеску, румынским президентом, УГБ и Секуритате. Югославские агенты его схватили и привезли в Белград, где он был приговорен сначала к смертной казни, затем — к двадцати годам строгого режима из-за «нелегального» перехода границы, преднамеренной враждебной деятельности и даже попытки содействия отделению Косова

¹ AJ. 837. KPR. E. P-2/741.

² *Razumovsky A.* Ein Kampf um Belgrad. S. 78; *Močnik J.* Intervju z Vojinom Lukićem; *Slovenska kronika XX. stoletja.* S. 182–191, 197.

³ NARA. CREST. Soviet Union — Eastern Europe, Staff Notes, USSR–Yugoslavia: The Kremlin Innocents, 28.11.1975; *Lopušina M.* Ubij bližnjeg svog. S. 39, 40.

⁴ NARA. CREST. CIA, Soviet Union — Eastern Europe, Staff Notes, 30.12.1975; TNA, 28/2803/ENU 3/304/1; FCO 28/2802/ENU 3/303/1.

и западной Македонии в пользу Албании¹. На эти обвинения *Правда* ответила, что они беспочвенны, но в Югославии и на Западе в это не верил никто.

В то же время Тито дал руководителям служб безопасности «особые инструкции», как поступать с инакомыслящими, которые не сулили им ничего хорошего. По всей стране призывали к бдительности, которая обретала черты паранойи². Беспочвенный способ борьбы с противниками режима, который время от времени сопровождался убийствами, в середине 1970-х гг. получил такое распространение, что гамбургский еженедельник *Der Spiegel* в отношении югославского правительства даже писал о политической мафии на Балканах. В то же время французский президент Жискара д'Эстен отреагировал на тайное убийство двух югославских эмигрантов в Париже и Ницце, отложив запланированный визит к Тито. Когда в августе 1976 г. власти обвинили в шпионаже и посадили в тюрьму некоего американского гражданина югославского происхождения, который находился в туристической поездке на свою прежнюю родину, между Вашингтоном и Белградом также обострились отношения. Из-за беспочвенного отношения югославского правительства в 1973 г. вспыхнул настоящий дипломатический инцидент с Австралией, на что живо отреагировал американский посол в Белграде Лоренс Зильберман. Своим выступлением он вызвал обиду Тито и обвинение, что он вмешивается во внутренние дела государства. Его объявили персоной нон грата и создали вокруг него своего рода вакуум, из которого он вышел только после своего отъезда³.

В конце 1960-х гг. в Югославии практически не осталось политических заключенных. После чисток в Хорватии и в Сербии в последующие годы ситуация изменилась настолько, что в 1976 г., во время визита в Швецию, Тито был вынужден признать, что в его темницах, возможно, больше политических заключенных, чем в какой-либо другой восточноевропейской стране, за исключением Советского Союза⁴. Секретарь шведской Международной амнистии отметил, что их приблизительно тысяча⁵. Упрек задел Тито настолько сильно, что перед созывом Конференции по европейской безопасности, которая должна была состояться в Белграде в июне 1977 г., неожиданно объявил широкую амнистию. Поскольку он понял, насколько нарушение прав человека вредит международному авторитету Югославии, по слухам, перед смертью он пытался инициировать процесс, который бы ликвидировал

¹ *Ridley J. Tito. A Biography. P. 403, 404; NARA. CREST. Yugoslavia: The Kosovo Problem. A Research Paper, 21.04.1979; Simić P., Despot Z. Tito. S. 388–390.*

² *NARA. CREST. Soviet Union — Eastern Europe. Staff Notes. Yugoslavia: Crackdown Nears, 21.10.1975; Yugoslav Vigilance Campaign, 11.11.1975; National Intelligence Bulletin, Yugoslavia–USSR, 30.10.1975.*

³ *Pirjevec J. Jugoslavija. S. 327.*

⁴ *Dilas M. Tito. S. 180, 181.*

⁵ *Clissold S. Dilas. P. 309; NARA. CREST. National Intelligence Daily Cable, Yugoslavia, 23.06.1976; Possible Amnesty, 08.03.1977.*

преследование за словесные преступления. Для этих целей предусматривалось специальное заседание ЦК СКЮ, но до обсуждения этой темы так и не дошло¹.

Охлаждение отношений с Москвой

Югославия на закате жизни Тито имела два образа: с одной стороны, она хотела доказать Западу свою демократическую суть, с другой стороны, Востоку — свою решимость избежать капкана, который постоянно пытался поставить Советский Союз. В этом отношении важным представляется инцидент, который произошел в середине ноября 1976 г., во время визита Брежнева в Белград. В начале беседы генеральный секретарь ЦК КПСС заявил, что в присутствии Стане Доланца он не хотел бы говорить, поскольку тот якобы «продался империализму». Тито, говорят, вырвал сигарету изо рта у своего гостя, растоптал ее на ковре и закричал: «Ты баран! Мы не в Чехословакии и я не Дубчек!»² Беседа продолжалась в напряженной атмосфере. Помимо прочего, Брежнев снова потребовал для своих военных кораблей морские базы на адриатическом побережье, коридор для советских самолетов через югославскую воздушную зону и большее политическое и экономическое сотрудничество, включая создание советско-югославского общества дружбы. Он хотел также, чтобы СКЮ начал регулярно посещать идеологические консультации для руководителей социалистического блока и чтобы Тито перенаправил политику неприсоединения в пользу Москвы и утихомирил бы антисоветскую публицистику в югославских средствах массовой информации. Тито спокойно его выслушал, затушил сигарету, захлопнул блокнот, который лежал перед ним на столе, и сказал: «Поздно. Лучше идем сейчас ужинать и продолжим переговоры утром в девять». Когда он отодвинулся от стола, удивленным русским не осталось ничего другого, как смириться с его решением³.

Когда он остался один на один со своими сотрудниками, то раздраженно сказал, что Брежнев поднял вопросы, «которых мы не ожидали», и внутри югославской делегации определил группу, которая должна на них ответить. Она проработала всю ночь и сформулировала аргументы, которые позволили ему отвергнуть все требования, при этом он особо подчеркнул, что говорит не только от своего имени, а выражает мнение всех югославских руководящих деятелей, присутствующих на совещании, а также мнение СКЮ и всех народов и народностей⁴. Это не убедило Брежнева, и он снова

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 115; NIE 15-79, Prospects for Post-Tito Yugoslavia Voll. II — The Annexes, 25.09.1979 // Yugoslavia. From «National Communism»; NARA. CREST. National Intelligence Daily Cable, Yugoslavia: May Day Amnesty, 30.04.1977.*

² *Razumovsky A. Ein Kampf um Belgrad. S. 135, 136.*

³ *AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 135, 136.*

⁴ *Ibid. S. 136.*

повторил свои слова в августе следующего года, когда они встретились в Москве. Тогда он так же налетел на глухую стену¹. В любом случае советский «ультиматум», как его называли западные журналисты, когда американское агентство ЮПИ обнародовало «восемь требований Брежнева и восемь “нет” Тито», сильно обеспокоил югославов. Они интерпретировали его как еще одно предупреждение, что Москва не собирается отказываться от своей гегемонии. При этом прежде всего их обеспокоило утверждение, которое озвучил идеолог КПСС Михаил Суслов в статье, напечатанной к 60-летию Октябрьской революции в журнале *Новое время* (полуофициальном издании министерства иностранных дел), — что советская политика, включая сталинское время, с 1917 г. и далее стопроцентно правильная². Кардель по этому поводу в свои последние дни послал через Доланца специальное сообщение Тито, в котором отметил, что проблема защиты от советской опасности будет самой тяжелой задачей не только сейчас, но и в будущем³. Боевой настрой Тито в отношении Советского Союза проявился во время визита французского президента Жискара д'Эстена в Белград в конце 1976 г. В частной беседе маршал ему сказал, что требование полного разоружения, которое тогда Югославия открыто отстаивала в ООН, ничего не значит, якобы речь идет о пропаганде чистой воды. Как констатировал в Вашингтоне Генри Киссинджер на встрече министров иностранных дел Франции, Великобритании и Западной Германии, югославы точно знают, что они сделают, если Советы сделают первое, второе, третье. Его французский коллега Луи де Гиренго напомнил, ссылаясь на последний визит в Белград: «Много раз подчеркнули, что они готовы сопротивляться русским. Я никогда не слышал слова от Тито. На этот раз мы его слушали час или два. Очень решительный в каждой части своей речи и объяснений. Было понятно, что всеми силами он будет защищать свою независимость, свою целостность...»⁴

¹ NIE. 15-79, Prospects for Post-Tito Yugoslavia Voll. II — The Annexes, 25.09.1979 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 609; NARA. CREST. National Intelligence Daily, 17.05.1979.

² Smole J. Pripoved komunista novinarja (1845–1980). Ljubljana: Založba ČZP Enotnost, 1994. S. 183.

³ AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 148; T. e. 220. O strategiji Titove spoljne politike 1955–1980; T. e. 244, V. Mićunović: Prilog, S. 31/C. Jedan razgovor s Veljkom Mićunovićem o sovjetskoj politici prema Jugoslaviji. S. 2, 3.

⁴ GWU. 02141, 12.08.1976, The White House, Memorandum of Conversation. P. 7–9.

ЙОВАНКА И ДРУГИЕ

Тито был человеком больших страстей, в личных желаниях и аппетитах, в еде и питье, в любви и ненависти, при принятии важных решений и в отношениях в семье, с сотрудниками и персоналом. «Тито знает, как наслаждаться жизнью, — писал о нем Добрица Чосич, когда в 1961 г. имел возможность наблюдать за ним вблизи. — Этот человек не отказывает себе в своих желаниях. Он вовсе не аскет»¹. Прежде всего в жажде власти.

В беседе он был непринужденным, при этом с глазу на глаз с друзьями не особенно следил за словами. «Тито был импульсивным человеком, — пишет Владимир Дедиер, — знал, как пресекать некоторые вещи, выразив свои мысли по-народному, со всеми нашими обычными глаголами»². При этом нужно сказать, что он терял контроль над собой только в критические минуты и то ненадолго. С удовольствием отправлялся в гости и любил общественные мероприятия, приемы, обеды или показы фильмов, часто избирал их для важнейших политических переговоров и решений. В противовес сталинским «вечеринкам» Пантагрюэля, своих гостей он не принуждал к чрезмерному питью и непотребному поведению³. В поздние годы после ужина (а также днем) не отказывался от стаканчика виски с несколькими каплями лимона, говоря, что так его научил пить Черчилль. Алкоголь ему развязывал язык, он умел быть веселым, приятным, остроумным, любил пошутить в свойственной ему манере, даже если он сам был объектом этой шутки, даже если это была шутка над ним. Это была часть его врожденного или приобретенного шарма⁴. От матери он унаследовал красивый голос и любил петь народные песни и напевы. От нее также научился готовить, в годы нелегальной жизни он это умение усовершенствовал⁵. Он любил политические шутки, и когда в 1960-х гг.

¹ Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968 / 1969–1980). S. 194.

² AS. Dedijer. T. e. 298. Novi prilozi. Vol. IV. S. 289.

³ Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 869, 870; AS. Dedijer. T. e. 274.

⁴ Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 873, 887; Vrhunec M. Šest let s Titom. S. 39; Jakovina T. Američki komunistički saveznik. S. 192.

⁵ AS. Dedijer. T. e. 68. Krtačni odtisi. S. 698, 714.

эти шутки появлялись каждый день, его личный секретарь должен был пересказывать их. Обычно смеялся над ними, хотя они подчас содержали критику его самого. Он мог быть ироничным по отношению к себе. В июле 1944 г. писатель-сатирик Ивлин Во прибыл в качестве члена британской миссии с Рэндольфом Черчиллем в Вис. Он распространял слухи, что Тито — женщина и лесбиянка. Тито встретил его однажды на пляже, вышел из воды, одетый только в плавки, и спросил его со смехом: «Капитан Во, почему вы считаете, что я женщина?» — вызвав жгучую антипатию у английского денди¹. И когда в конце 1970-х гг., возвращаясь из-за границы, Тито совершил посадку в белградском аэропорту, в делегации, которая его ожидала, он увидел Стевана Доронского, председателя президиума СКЮ. «Все там. Хорошо, — сказал он, — режим еще у власти — можно спокойно высаживаться»². Он умел очаровывать даже тех людей, которые не находились под влиянием его харизмы. Во время посещения Киева в 1973 г. во время антракта в опере Брежнев встал и начал декламировать какую-то русскую балладу. К большому удивлению присутствующих, затем встал Тито и начал цитировать Пушкина. Нанизывал строчку на строчку не менее 20 минут. Русские были удивлены и воодушевлены. Уже несколько опьяневший Брежнев плакал целый час³. Нужно также отметить, что он не был настолько самовлюбленным, чтобы принимать хвалебные гимны и не признавать собственных промахов. Например, не выносил песен, где его сравнивали с «белой фиалкой», стыдился одной своей фотографии с Черчиллем, где он в маршальской форме, которую ему прислал Сталин, похожий на лесного бога. «Я в такой позе, что кажется, будто я и правда вышел из лесу...»⁴

Тито любил женщин «больше, чем Сулейман Великолепный», и от половой жизни не отказывался ни во время тягот нелегального положения, ни во время тяжелых партизанских сражений. В старости он вспоминал графиню из Штирии, которой нравились молодые революционеры; она прятала их в своем венском доме, помогая поддерживать партийные связи. Без особой благодарности ее протекже называли ее «партийной подстилкой». «Видишь теперь, как было с нами, нелегалами... — не без лукавого самолюбования говорил он Йованке. — Несомненно, мы не были монахами». По собственному признанию, он научился вести себя на курсах для унтер-офицеров в австро-венгерской армии. Но и грацкая аристократка тоже внесла свою лепту в его образование⁵.

¹ West R. Tito. S. 185.

² AS. Dedijer. T. e. 68. Krtačni odtisi. S. 700; Vrhunec M. Josip Broz — Tito. S. 12.

³ Matunović A. Titova sovladarica. S. 130.

⁴ Ivanji I. Titov prevajalec. S. 38; Mandić B. S Titom. S. 111.

⁵ Šetinc F. Zbogom Jugoslavija. S. 190.

Пелагея Денисова-Белоусова и сын Жарко

Тито был женат три раза, имел двух любовниц, с которыми сожительствовал. Первый раз он женился на Пелагее Денисовой-Белоусовой в 1918 г., два года спустя заключив с ней гражданский брак, поскольку церковный брак тогда уже не признавался¹. Когда они с Йосипом поженились, ей было 13–14 лет, это означало, что она была значительно младше его. Она была очень красивой девушкой, что было характерно для женщин Тито: все как на подбор были красивы, молоды и поэтому весьма агрессивны. Как он сам сказал, «каждая из моих женщин на тот момент, когда я с ними знакомился, были девушками и наивными овечками. В браке каждая превращалась в львицу, ведь я ценил и уважал их личности. Когда львицы начинали кусаться, мне нужно было их умирять, что было довольно тяжело и приводило к конфликтам»². Когда в 1920 г. он вернулся в Югославию, молодую русскую, которая была коммунисткой, он привез с собой. У них было четверо детей, из которых выжил только сын Жарко. Брак начал рушиться уже в 1920-е гг., однако о причинах Тито не хотел говорить, поскольку, очевидно, это ему причиняло боль. Так или иначе, Пелагея после того, как Броза осудили, нелегально вернулась с сыном в Россию, чтобы избежать интернирования в Загорье и возможного ареста. Пелагея была уверена, что в Югославии она растрчивает свою жизнь, и что Йосипа убьют, если он будет стоять на своем³.

После возвращения в Москву она поступила в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада, Жарко был отправлен в дом для коминтерновских детей. Видимо, она либо не могла оставить его при себе, либо не хотела, чтобы он жил с ней и ее новым мужем. Когда Вальтер в 1935 г. появился в Москве, она не могла сказать ему, где одиннадцатилетний мальчик, поскольку потеряла его след. Тито был так взволнован, что однажды ночью перед своим другом Копиничем разрыдался. Ситуация с сыном была одной из причин, почему после двухмесячной попытки жить снова вместе, он развелся с Пелагеей 19 апреля 1936 г. «Думаю, — говорила Зденка Кидрич, которая познакомилась с Пелагеей в Москве, — она не была большой любовью Тито»⁴.

Существует и другая версия этого события. Согласно рассказу хорватского коммуниста Анте Цилиге, который позднее порвал с партией, а в середине 1930-х гг. жил в Советском Союзе, Пелагея после возвращения из Загреба присоединилась к группе югославов, которые противились сталинской «тройке». Из-за этой деятельности как троцкистка она была арестована. Произошло это ночью в отеле «Люкс» в присутствии Броза,

¹ *Dediđer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 308, 309; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. С. 19.*

² *Matunović A. Titova sovladarica. S. 17; Simič P., Despot Z. Tito. S. 43.*

³ *AJ. LF III-11/13. Pismo-Brozu, kojim se dostavlja raspis odseka za državnu upravu kraljevske banske uprave savske banovine sa podacima o J. Brozu. Sresko načelstvo. Svima. 29.06.1934; Adamič L. Orel in korenine. S. 389.*

⁴ *AS. Dediđer. T. e. 271. Zdenka i Marijetka Kidrič. 23.09.1982.*

который не пошевелил пальцем, чтобы ее защитить. Из-за связи с ней следующие три года Вальтер находился между жизнью и смертью, поскольку ГПУ и его подозревал в троцкизме. Пелагея была исключена из партии и сослана на 10 лет в Среднюю Азию. По Москве поползли слухи, что она умерла в камере¹. Похоже, что Тито верил этим слухам, поскольку в 1949 г. он рассказывал эту версию Луису Адамичу. На самом деле Пелагея вернулась из ссылки перед войной, но из-за конфликта между Сталиным и Тито опять была осуждена на 10 лет. И это несмотря на то что уже тогда у нее была другая семья². КГБ предложил ей уехать в Югославию и работать там агентом, Пелагея это предложение отклонила. Может быть, из-за того, что ей сказали, будто Тито убил сына Жарко, якобы потому что тот был сталинистом. В 1956 г. ее реабилитировали и позволили поселиться в городе Истра под Москвой, где она как учительница жила в весьма скромных условиях. Там ее нашел хорватский историк Иван Очак, он рассказал ей правду и помог снова установить связь с сыном. Умерла она в апреле 1968 г., прежде, чем Жарко удалось организовать ее поездку в Югославию. Тито, который позаботился, чтобы ей выделили скромную пенсию за предвоенную революционную деятельность, послал на ее могилу венок. На самом деле он в определенном смысле списал ее со счетов, никогда ее не вспоминал и не искал с ней контактов, когда начал в 1950-е и 1960-е гг. посещать Россию³. Запретил даже, чтобы о ней что-либо было опубликовано. Кардель уже перед войной предупредил Джиласа, чтобы он ничего о Пелагее не спрашивал, так как для Тито это болезненно и неприятно. Но когда он умер, в папке, которую он всегда носил с собой, нашли фотографию Пелагеи. К сыну он испытывал нежные чувства. Частично из-за своего беспокойного характера, частично из-за советских педагогических методов Жарко превратился в настоящего хулигана, с которым Тито пришлось возиться, когда он его в итоге нашел⁴. Никто о нем не заботился, поскольку мальчик до войны жил по разным интернатам или опекунам (некоторое время он жил с Йосипом Копиничем), в стесненных финансовых обстоятельствах. Настолько стесненных, что в 1940 г. Димитров выделил для него дополнительные

¹ *Ciliga A.* Come Tito si impadronì del Partito comunista jugoslavo // Quaderni del Centro studi Pietro Tresso. Ser. Studi e ricerche. 1989. No. 12, Febbraio. S. 12; *Idem.* Il labirinto jugoslavo. Passato e futuro delle nazioni balcaniche. Milano: Jaca Book, 1983. S. 12.

² *Adamić L.* Orel in korenine. S. 441; *Matunović A.* Titova sovladarica. S. 17; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 60, 308; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 43.

³ *Simčić M.* Ženske. S. 141–144; *Ridley J.* Tito. A Biography. P. 344; AS. Dedijer. T. e. 271. Pričevanje Pepce Kardelj.

⁴ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 315; *Simčić M.* Ženske. S. 146, 147; *Cenčić V.* Enigma Kopinič. Vol. I. S. 91, 92; AS. Dedijer. T. e. 201. Pričevanje J. Kopiniča, 20.12.1980; T. e. 261. Kopinič, 12.07.1981. Titov plač za sinom; T. e. 262. Pričevanje dr. Očaka o Pelagiji Belousovi. S. 15; Pelagija Belousova; T. e. 271. Zdenka i Marijetka Kidrič. 23.09.1982.

100 рублей месячного содержания, поскольку имевшихся 250 рублей ему не хватало на жизнь¹.

Во время войны Тито несколько раз о нем упоминал и был горд, когда узнал, что при обороне Москвы Жарко, семнадцатилетний доброволец, потерял руку и был удостоен звания Героя Советского Союза. Эта новость, однако, была не точной, поскольку Жарко получил только орден Отечественной войны, но это не уменьшило привязанности Тито к сыну². Жарко вернулся в конце войны в Югославию, где прибавил отцу седых волос своим пристрастием к разврату и пьянству. В феврале 1946 г., во время гастролей Ансамбля народных танцев Игора Моисеева в Белграде, он совершил «невероятные и глупые вещи», цитируя слова Густава Влахова, секретаря Тито, которого тот просил присматривать за Жарко. Произошел серьезный инцидент между Жарко и русским офицером, они повздорили из-за некой балерины. Когда Влахов на следующий день оповестил Тито о том, что произошло, тот сказал: «Вы неверно поступили, нужно было стрелять». И стрелять в Жарко. Всё закончилось домашним арестом, что его не образумило. Помимо прочего, после упомянутого инцидента посреди Белграда он «случайно» ранил себя настолько тяжело, что из-за срочности операции сам Сталин послал на помощь своего хирурга. Но тот прибыл слишком поздно, а операцию необходимо было делать сразу³. Этим его злоключения не закончились. Еще в 1966 г. он чуть не убил Лазаря Колишевского, который с женой и дочерью прогуливался вблизи его квартиры на Бриони. Из своего окна Жарко стрелял по воронам. Когда потрясенный Колишевский пожаловался Тито, тот обреченно ответил, что новость его не удивляет: «Да, это произошло, чего там... Это Жарко, знаешь же, какой он»⁴.

Эльза Йоханна Кёниг — Люсия Бауэр

13 октября 1936 г. Вальтер женился на 22-летней немке Эльзе Йоханне Кёниг, которая под псевдонимом Люсия Бауэр жила в отеле «Люкс» и работала в Коминтерне настройщиком радиоаппаратов. Поскольку через три дня после свадьбы Вальтер покинул Москву, куда вернулся только весной 1938 г., его брак был кратким. В то время, когда он был в Югославии и в Париже, НКВД в конце сентября 1937 г. обвинил Люсию Бауэр в шпионаже в пользу гестапо и в декабре она была расстреляна⁵. Как мы узнаем из рассказа Зденки

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 594. С. 2–5.

² *Dilas M.* Tito. S. 255, 256; *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 135, 136; *Puhar A.* Skrivalnica največjega sina // Delo. 1997. 06.09; AS. Dedijer. T. e. 3; T. e. 262. Pelagija Belousova.

³ *Vlahov G.* Život u Belom dvoru // Duga 400. 1989. 26.06. S. 86.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 264. Sukob s Titom. S. 222 c; T. e. 271. Pričevanje Lidije Šentjursc. 17.04.1987.

⁵ *Simčič M.* Tito brez maske. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2007. S. 171; *Simčič M.* Ženske. S. 155; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 587; Ридли утверждает, что Люсия Бауэр

Кидрич, «немка» очень страдала, поскольку Тито нечасто писал, и она в приступе ревности иголкой на фотографии проколола ему глаза¹. Когда Вальтер узнал о трагической судьбе своей молодой и несчастной жены, он, конечно, не колеблясь осудил ее, тем более что она во время допросов на Лубянке обвиняла его. Чтобы объяснить, почему он с ней связался, Тито упомянул сына Жарко, которому Люсия должна была стать второй матерью, хотя позднее Жарко сказал, что они никогда не встречались². На всякий случай Вальтер также самокритично заметил: «Думаю, я в этом случае не был достаточно бдительным, и это большое пятно в моей биографии»³. Из безвыходного положения его и тогда вытащил Копинич, который обратил внимание на то, что Эльза казалась достойной доверия женщиной, поскольку уже давно жила вместе с функционерами Коминтерна в отеле «Люкс», и никто не подозревал ее в предательстве⁴.

Герта Хаас и Даворянка Паунович — Зденка

Третьей подружкой Тито была Герта Хаас, студентка с экономического факультета в Мариборе. Она родилась в 1914 г. в Словенской Бистрице. Происходила из семьи состоятельного юриста, австрийца по происхождению, как неодобрительно отмечали словенские товарищи, она была из мелкой буржуазии. На самом деле она была весьма симпатичной, элегантной и интеллигентной женщиной, которую нельзя было упрекнуть в том, что она не была верна партии. На ее фотографиях юных лет мы видим веселую, улыбающуюся девушку с волшебными глазами актрисы Бетт Дэйвис⁵. Как полиглот, чей родной язык был немецкий, она легко передвигалась по международным просторам, поэтому не случайно перед войной она выполняла самые необходимые курьерские задания. После войны она поселилась в Белграде, где вышла замуж и родила двоих детей. К Тито она сохранила сдержанное и достойное отношение, притом не забыла, что он отец ее первенца Александра — Миши.

Герта и Тито разошлись в 1941 г., окончательный разрыв произошел в 1943 г. В Загребе перед самым началом войны появилась сербская студентка, изучавшая французский, — Даворянка Паунович — Зденка. Типичное

выжила и до конца жизни проживала в СССР. См.: *Ridley J. Tito*. P. 344; *AS. Dedijer*. T. e. 264. *Portret Cane Babović*.

¹ *Simić P. Tito*. S. 81–84; *Simić P., Despot Z. Tito*. S. 73–80; *Cenčić V. Titova poslednja ispovijest*. S. 90; *AS. Dedijer*. T. e. 262. *Nemica u Moskvi*; T. e. 271. *Zdenka i Marijetka Kidrič*. 23.09.1962.

² *Ridley J. Tito*. S. 121; *Simić P., Despot Z. Tito*. S. 91, 92.

³ *Simić P. Tito*. S. 108; *Simčić M. Ženske*. S. 157; *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито*. С. 44, 75, 76.

⁴ *AS. Dedijer*. T. e. 252. *Pričevanje Kopiniča*.

⁵ *Dedijer V. Novi prilozi*. Vol. II. S. 952; *Novak B.A. Herta Haas (1914–2010) // Delo*. 2010. 18.03. S. 4.

хорватское имя, которое ей дал сам Тито. Для нее он нашел нежные слова, каких не говорил ни об одной из своих женщин: «Прозвище я ей дал по названию ключа, что означает непересыхающий источник быстрой и холодной воды. Обычно он пробивается из-под камня и своим видом радуется человека. Зденка была неисчерпаемым источником моих идей и моей интеллектуальной, революционной и политической деятельности. Она была для меня и вдохновение, и телесное удовольствие. До конца своей короткой жизни оставалась моим сильнейшим духовным стимулом»¹. Поскольку Зденка находилась в контакте с советскими тайными службами, она в Загребе посещала курсы по радиосвязи, чтобы наладить связь с Москвой. В доме Стеллы и Йосипа Копинича — Ваздуха она познакомилась с Брозом. Когда он с членами Политбюро переселился в Белград, они уже были тесно связаны. Так продолжалось всю войну, Зденка сотрудничала с Тито как курьер и как секретарь, при этом нельзя сказать, что она подходила для такой работы. Она была нервной паникершей и кроме Тито, который был в нее по уши влюблен, никому больше не нравилась, хотя была красивая, стройная, загорелая, с необычными зелеными глазами. «У нее была такая улыбка, такие глаза, которые я не могу забыть», — говорил о ней Йово Капичич, ее первый парень². Когда в мае 1941 г. Тито появился в Белграде со Зденкой, в партии царило строгое пуританство, которое исповедовали Джилас и Ранкович. Тито приспособился и долго держал свои отношения в секрете. Только весной 1942 г. его товарищи узнали, что он находится с ней в связи, прежде всего это произошло из-за того, что Зденка хотела, чтобы признали ее место рядом с Тито, при этом не скупилась на оскорбления, ссоры, агрессивное и надменное обращение. Вследствие этого все начали ее избегать и не могли понять, как она могла залучить в свои сети такого человека, как Тито. Марьян Стилинович, секретарь партийной ячейки при Верховном штабе, однажды решил открыто сказать Тито, что он и его товарищи думают о Зденке. «Знаю, Марьян, стыдно мне, — ответил Тито, — но без этой женщины не могу прожить ни минуты!»³

Весной 1942 г., когда, как говорят, Зденка родила ребенка, которого они отдали на воспитание, чаша терпения ближайшего круга Тито переполнилась. На Фоче созвали встречу, на повестке дня которой стоял только один пункт: отношения Тито и Даворянки Паунович. Один из сопровождающих Тито в связи со сложившейся ситуацией даже потребовал его исключения из партии из-за недостойного поведения. Но Тито был непреклонен: «Я без нее не могу! Делайте что хотите»⁴. В том, что он притащил с собой любовницу на войну, он был не одинок, так поступали и другие члены Верховного

¹ *Matunović A.* Titova sovladarica. S. 19.

² AS. Dedijer. T. e. 5. Jovo Kapčić o Davorjanki. 02.10.1983.

³ *Simčić M.* Ženske. S. 194; *Gligorijević M.* Rat i mir Vladimira Dedijera. S. 61; *Velebit V.* Svjedok. S. 82.

⁴ *Matunović A.* Titova sovladarica. S. 19, 20; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 953; *Kranjc M. F.* Zarote in atentati na Tita. S. 156, 157.

штаба. «Мало-помалу, — рассказывает Дедиер, — я понял истину: в партизанских частях были строгие наказания для всех нарушителей запрета на половую жизнь, за исключением тех, кто эти предписания разработал»¹.

Что касается Тито, то все в его окружении надеялись, что он опять сойдется с Гертой Хаас. В 1943 г. немцы поместили ее в усташский лагерь и отпустили через несколько месяцев во время обмена пленными. После страданий, которые явились причиной попытки самоубийства, весной 1943 г. Герта в сопровождении Джиласа из Сараево отправилась в Верховный штаб, который располагался в одном лесу. Во время поездки Джилас ничего не сказал о Зденке, и казалось, что Герта о ней тоже ничего не знает. Был дождливый день. Она вошла в землянку, где были Тито и его «секретарша». Тито брился (он делал это каждый день, даже в самые трудные моменты)². «Что она здесь делает?» — спросила Герта. «А что делаете здесь вы?» — спросила Зденка. «Или я, или она», — сказала Герта. «Нет, я ухожу», — ответил Тито³. Тогда Герте пришлось встретиться лицом к лицу с горькой правдой: Тито ее бросил, она расплакалась на плече у Джиласа, и смирилась с этим. Она с храбростью пережила операцию «Шварц» и весной 1943 г. вернулась из Боснии в Словению. Во время наступления Зденка окончательно потеряла голову, что вызвало волну критики в окружении Тито. «Вела себя так, — саркастично отмечал Джилас, — словно главной целью немцев было именно ее уничтожение». Когда после ее очередного нервного припадка Тито спросил командира своей личной охраны, что ему с ней делать, тот ему ответил: «Если бы я был на вашем месте, товарищ Тито, я бы позволил ее пристрелить»⁴.

В конце войны Зденка заболела туберкулезом, который развился у нее из острого воспаления легких и, вероятно, этот процесс начался давно, что частично объясняло ее вспышки гнева, страхи и странное поведение. В июле 1944 г. ее отправили на лечение в Советский Союз, но безуспешно, поскольку она отказалась от прописанного лечения. Когда осенью 1944 г. Тито посетил Москву, Зденка заставила его забрать ее домой, хотя опасная болезнь так и не была вылечена. Вопрос жизни и смерти зависел в тот момент от дисциплинированности пациентки, которая, как сообщает Густав Влахов, была далека от понимания ситуации⁵. По возвращении в Белград ее редко можно было увидеть. Она появлялась с болезненной улыбкой на лице, говорит Джилас, словно хотела оправдаться. Одновременно она педантично занималась обихаживанием Тито и была очень ревнива в этом отношении. Адьютанту Тито Моме Джуричу она так и не простила, что тот разрешил Герте Хаас посетить сына Мишко, который тогда жил в Белом дворце.

¹ *Gligorijević M. Rat i mir Vladimira Dedijera. S. 61.*

² *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 168; Velebit V. Svjedok. S. 464.*

³ Рассказ Лучке Чеховин автору, основанный на рассказе Герты Хаас.

⁴ *Clissold S. Đilas. S. 91; Dedijer V. Novi prilozi. Vol. III. S. 469.*

⁵ *Šimčić M. Ženske. S. 203; Гупенко Ю. С. Сталин — Тито. С. 109; AS. Dedijer. T. e. 215; Vlahov G. Život u Belom dvoru. S. 83; Nikolić K. Tito govori što narod misli. S. 291.*

Зденка умерла 1 мая 1946 г. в госпитале Гольник, куда ее направил Тито в надежде, что ее спасут. Ей было всего 27 лет. По ее просьбе она была похоронена в саду Белого дворца, чтобы остаться вблизи Тито. Ее смерть сильно потрясла его, при этом он не сообщил об этом ни одному из своих товарищей и никого не пригласил на похороны. Кроме него, никто не сожалел о ней¹. В угнетенном состоянии он написал длинное письмо Герте Хаас и попросил ее вернуться, ее ответ был решительно отрицательным: «Дорогой мой, Герта Хаас стоит перед мужчиной на коленях только один раз!»² Он также думал и о Цане Бабович, с которой лет десять назад у него были недолгие отношения в Москве, но отказался от этой идеи, поскольку Ранкович сказал, что она «ему не нравится». Цана, одна из героинь сербской КП, страшно разозлилась из-за этого и так и не простила «товарищу Марко» его вмешательство; в 1966 г. она решительно способствовала его падению³. Пепца Кардель позднее подтвердила, что в то время Тито ей и ее мужу предлагал нечто вроде *ménage à trois*, но Кардель отказался. Зденка Кидрич это признание прокомментировала, иронично отметив, что Пепца всё выдумала, поскольку «ее мечтой было стать первой дамой Югославии»⁴.

Однако от потери Зденки Тито постепенно оправился и обратил внимание на Зинку Кунц-Миланову, известную мировую оперную певицу, которая после окончания войны вернулась из Нью-Йорка на родину. Это была великолепная женщина редкой красоты, с манерами королевы, которая, однако, не увлеклась им. Она вышла замуж за генерала Любомира Илича, который прославился еще в годы испанской гражданской войны и потом сотрудничал с французским движением сопротивления. Хотя он не интересовался сплетнями женской части «товарищества», которая негодовала из-за появления новичков, а тем более оперных певиц, в их избранном круге, Тито не начал ухаживать, поскольку понимал, что не может соблазнить жену одного из своих генералов⁵.

В 1946 г. он встретился с одной из популярных советских артисток Татьяной Окуневской, которую называли русской Гретой Гарбо. Тито сказал ей, что не может сразу жениться, но готов открыть для нее все югославские киностудии, все театры. «Поедьте со мной». Но опять-таки не срослось. Кроме того, Татьяна дорого заплатила за ухаживания Тито во время турне по Югославии после войны. Когда Тито исключили из Информбюро, ее отправили в сибирский ГУЛАГ, где она пробыла несколько лет⁶.

¹ *Dilas M.* Tito. S. 261; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 955; Kult Josipa Broza Tita. Vol. II. S. 2 URL: <http://www.nrbg.rs/content/view/blog/134/153>; AS. Dedijer. T. e. 262. Davorjanka Paunović.

² *Šimčić M.* Ženske. S. 180.

³ AS. Dedijer. T. e. 264. Portret Cane Babić.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 271. Stvari, koje se nikada neće objaviti. Pričevanje Zdenke Kidrič.

⁵ *Dilas M.* Tito. S. 262.

⁶ *Окуневская Т.* Татьянин день. М.: Вагриус, 1998. С. 302.

Йованка Будиславлевич

Его новой подружкой стала Йованка Будиславлевич, сербка из Лики в чине капитана. Во время войны, в 1942 г., семнадцатилетней девушкой она присоединилась к местному женскому отряду. В сражениях была дважды ранена, но без тяжелых последствий. В конце войны стала комиссаром больницы в Дрваре, затем Хирургической больницы Первой армии. Она происходила из почтенной, но бедной крестьянской семьи и закончила основную школу, что для деревенских девушек было нехарактерно. Будучи проверенным кадром, после войны работала в генеральном штабе ЮНА в Белграде, затем в Нише, с 1945 г. ОЗНА назначила ее администратором Кабинета маршала Югославии. Это означает, что она была сотрудником военной службы безопасности. Что касалось решения бытовых проблем, то у нее в этом был некоторый опыт — в прошлом она помогала своему родственнику, который был владельцем пансиона. Но главным критерием ее квалификации было то, что она имела за плечами безупречный партизанский стаж, была награждена медалью партизанской памяти и другими наградами за военные заслуги и всецело предана партии и ее верховному руководителю. Она встретилась с Тито, будучи сотрудником его личной охраны, созданной по сталинскому образцу, а также по образцу охраны короля Александра Карагеоргиевича¹. На службу она ходила в форме, в тяжелых военных сапогах и в пилотке на голове. По одной версии, ее выбрал сам Ранкович, когда Тито был прооперирован в 1946 г. По слухам, которые Лека, конечно, неубедительно опровергал, он ее к нему подтолкнул, чтобы «природа сделала свое». Более вероятно, что Тито с Йованкой познакомил сотрудник НКВД Иван Краячич — Стево, который тем самым хотел еще больше укрепить свое положение при дворе, поскольку необразованной уроженкой Лики было легко манипулировать. Как утверждает Копинич, он отправил ее в середине 1945 г. в Москву, где она девять месяцев училась в академии Ф. Э. Дзержинского. «Когда она вернулась, он назначил ее домохозяйкой Тито»². Это он сделал по приказу своих советских начальников, которые хотели бы иметь в окружении маршала надежного человека. Задача не была трудной, поскольку после мировой войны, как пишет в своих воспоминаниях Войин Лукич, бывший некогда секретарем внутренних дел, ни один человек не мог быть принят на работу у Тито, если его не проверил Краячич и лично не позволил его нанять. Матия Мачек, словенский глава УГБ и близкий друг Тито, добавил, что «Йованка до конца [его] жизни была во всем подчинена Стево»³.

¹ *Adamovič M.* Orel in korenine. S. 14, 15; AS. Dedijer. T. e. 298. Novi prilozi. Vol. IV. Osemnajsto poglavje. S. 3; *Razumovsky A.* Ein Kampf um Belgrad. S. 334.

² AS. Dedijer. T. e. 274. Najvažniji razgovor s Josipom Kopiničem. 05.09.1989; *Kranjc M. F.* Zarote in atentati na Tita. S. 371.

³ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 56; Vol. III. S. 99; *Simić P.* Tito. S. 224; *Simčić M.* Ženske. S. 183, 227, 237, 238, 249; *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 183–185, 191; AS. Dedijer. T. e. 271. O Titovoj ličnoj obaveštajnoj policiji.

Йованка была исключительно красива, с черными густыми шелковистыми волосами, белой кожей, без кокетства, но и не без сдержанной женственности, которая напоминала, пишет Джилас, монахинь или незамужних крестьянок. Тесно скроенная униформа подчеркивала ее привлекательность и стройность ее молодого и здорового тела. У нее было милое лицо и большие черные глаза, которые сияли терпением, уважением и преданностью. Ей было 23 года, в то время как Тито был на 32 старше. Товарищи заметили, что между ними что-то происходит, и не препятствовали этому. «Почему нет? — говорил Коча Попович. — Это совершенно нормально»¹. Густав Влахов сообщает: «...однажды, в то время как мы встали в прихожей возле пианино, Йованка Будиславлевич поднялась по ступенькам на первый этаж, чтобы проверить готовность комнат в тот день. Тито повернулся ко мне и сказал, что Йованка “породистая личанка”. Эти слова стали знаком для меня, что Йованка нравится товарищу Тито»².

Их отношения, которые они некоторое время скрывали, с самого начала были плохо обставлены. Целых шесть лет не было ясно, какова ее роль при Тито, ведь она являлась частью сопровождающего персонала. Личной жизни, так сказать, у нее не было, и случалось, что во время важных встреч она целыми часами просиживала в предбаннике, ожидая, когда Тито появится отдохнуть. К членам Политбюро она относилась с уважением и не решалась с ними заговорить. В таких условиях она, конечно же, подвергалась всякого рода унижениям, однажды «товарищи» из охраны даже заставили ее попробовать еду, которую она приготовила для маршала, чтобы быть уверенными, что она не отравлена. Всё это она терпеливо переносила из любви к своему «герою», на которого смотрела как на божество. Но и он был сильно ею увлечен. Когда в 1946–1947 гг. Йованка из-за болезни легких лечилась на Голнике, он каждый день посылал ей букеты красных роз и любовные письма. Непонятно, почему они столько времени находились в неопределенных отношениях, и почему он на ней женился только через шесть лет. Возможно, он (и справедливо) сомневался в том, готова ли она предстать перед общественностью в качестве официальной супруги. Уже на Голнике пациентки, которые имели возможность наблюдать как Зденку, так и Йованку, говорили, что их нельзя сравнивать. В то время как первая перед смертью стала тихой и грустной, вторая была до невозможности надменна и агрессивна. Когда Йованка в 1949 г. вместе с женой Ранковича приехала в Копер, где должна была получить паспорт для поездки в Триест, чтобы «купить какие-то женские вещицы», на местных милиционеров она не произвела хорошего впечатления. «Чья эта коза?», — спросил один из них. «Молчи, это будущая жена Тито»³. На решение Тито жениться на ней большое влияние оказал пуританин Ранкович, который

¹ *Dilas M. Tito. S. 263, 264.*

² *AS. Dedijer. T. e. 215; Vlahov G. Život u Belom dvoru. S. 85; West R. Tito. P. 328.*

³ *AS. Dedijer. T. e. 3. Jovanka; Рассказ Боро Самсе автору. Со слов Море Самса.*

постоянно твердил, что руководящие кадры должны быть для других примером в личной жизни¹.

Их свадьба не была чем-то особенным. По рассказу генерала Жежеля, даже не было формального обряда. По другой версии, были свидетели, у Йованки — Александр Ранкович, у Тито — Иван Гошняк, брак был зарегистрирован в каком-то белградском общинном учреждении только после торжества. На нем не мог отсутствовать Иван Крайчич — Стево, который должен был по сербскому обычаю стать «старшим сватом» Йованки. Йованке было 28 лет, Тито — в два раза больше. Праздничный стол подготовили в старом дворце Дунавка в Илоке, среди виноградников и охотничьих угодий с видом на Фрушку гору. Сваты были в большинстве своем из руководящих структур, ближайшие соратники Тито, которые не избавились от крестьянских привычек своей молодости.

Как рассказывает Славка Бецеле Ранкович, гостям не было конца, так что угощение перешло в попойку. «Мы чокались бокал о бокал, пили и снова ставили пустые стаканы — пусть знают, кто герой и на этой территории!». Крайчич произнес тост в честь новобрачных и поздравил Тито со вступлением в клуб «подкаблучников»². После того как Тито узаконил свои отношения с Йованкой, он отдал директиву, чтобы все руководящие деятели легализовали свои интимные отношения. Среди них был и Милован Джилас, расставшийся с Митрой Митрович, с которой пережил довоенные годы нелегального положения и ужасы партизанского периода, и заключивший новый брак со своей молодой секретаршей Штефкой. В Белграде началось настоящее свадебное поветрие, что побудило жену французского посла заметить: «То мы ходим на похороны, то на свадьбы»³.

Йованка впервые появилась перед общественностью в статусе жены Тито 19 сентября 1952 г., когда в Югославию с визитом прибыл британский министр иностранных дел Энтони Иден, один из самых уважаемых мировых политиков. Речь шла не об обычной дипломатической встрече, а о двусторонних переговорах о том, как развязать запутанный «триестский узел». Помимо всего прочего, это был первый настоящий государственный визит на таком высоком уровне, который состоялся в Югославии после сталинской блокады, поэтому взоры всех были обращены на Блед, где Тито принимал британского гостя. Маршал воспользовался этим поводом и представил общественности свою молодую жену. Фотография с троицей, которая сидит на диване, облетела мир: с одной стороны солидный, но хорошо сохранившийся президент, с другой — аристократический Иден, а в середине Йованка с короткой стрижкой, стройная, как модель, с голливудской улыбкой, которую сразу же провозгласили «самой красивой югославской улыбкой». (Позднее среди белградских студентов ходила колкая шутка «Святая

¹ *Becele Ranković L. Življenje z Leko. S. 126.*

² *Primorski Dnevnik. 1996. 19.05. S. 18; Becele Ranković L. Življenje z Leko. S. 127–129.*

³ *AS. Dedijer. T. e. 3; T. e. 298. Novi prilozi. Vol. IV. Osemnajsto poglavje. S. 6.*

Йованка смеющаяся».)¹ За этим фасадом скрывалось разочарование Идена, который сожалел, что не взял с собой молодую супругу — он думал, что Тито холост². Можно было почувствовать и неуверенность Йованки, поскольку она оказалась в окружении, которое было ей незнакомо и которым она не владела. Она была так перепугана, что дрожала, по словам Джиласа, как какая-то дебютантка из русского романа во время дворцового бала³. Ее неподготовленность проявилась, когда через несколько месяцев, весной 1953 г. Тито отправился в свое первое важное путешествие на Запад, в Лондон ко двору королевы Елизаветы II. Йованка не поехала, поскольку чувствовала себя «не на уровне». Но нужно учитывать, что она прежде всего исходила из соображений, что была, так сказать, «без университетов» и, как бывшая партизанка, лучше умела обращаться с автоматом, чем находиться в высшем свете. Правда, перед свадьбой она отправилась на двух- или трехнедельный курс этикета в Рим к послу Югославии Велебиту и его жене⁴. Но этого оказалось мало, хотя супруги Велебит утверждали иное. Внутри самого узкого круга Тито они оказались теми, кто до конца симпатизировал Йованке. Последняя же из-за своего гордого и мстительного характера не снискала симпатий, особенно у жен верховных руководителей. Когда Пепца Кардель в 1954 г. дерзнула раскритиковать ее слишком глубокое декольте, Йованка ей ответила: «У меня есть что показать». И отомстила ей тем, что на восемь лет вычеркнула ее из списка допущенных ко «двору»⁵.

Поскольку Йованка, или Йоле, как ее иногда называл Тито, была сообразительна, после свадьбы она быстро научилась, по мнению иностранных дипломатов, достойно представлять Югославию. Но несмотря на это, до конца не избавилась от своей неподготовленности, хотя и закончила гимназию, сдав настоящие экзамены⁶. Она начала одеваться вызывающе и украшать себя драгоценностями, не подходящими жене вождя революции и социалистического государства. Это особенно бросилось в глаза во время визита Тито в Даку в 1974 г, где его как глашатая надежд на лучшую жизнь ожидали миллионы людей. Позднее он говорил одному из своих коллег, что подобный прием ему был оказан только в Мексике и Египте. «Было праздничное заседание парламента в Бангладеш. В этой беднейшей стране мира даже парламентский дворец был чрезвычайно скромным. Как и одежда местных жителей. На торжественное заседание, где выступал Тито, Йованка пришла одетая в вычурное белое платье, в ушах у нее были бриллиантовые серьги и тяжелое бриллиантовое кольцо на шее. В этой тропической жаре она выглядела как безвкусовая новогодняя елка. В зале все смотрели на нее с некоторым

¹ *Udovički D.* Treći juni 1968. S. 74.

² *Ridley J.* Tito. P. 315.

³ *Dilas M.* Tito. S. 268.

⁴ *Ridley J.* Tito. P. 315; *Velebit V.* Svjedok. S. 181; AS. Dedijer. T. e., 261. Nikola Mandić. O protokolu. 14.10.1980.

⁵ AS. Dedijer. T. e. 3. Jovanka; T. e. 271. Tužna ispovest Pepce Kardelj.

⁶ *Dilas M.* Tito. S. 270.

презрением и негодованием, а Тито говорил о нищете и убогости. Она на всех произвела плохое впечатление»¹.

Из-за психологического давления, которое она на себе испытывала, Йованка начала много есть, что приобрело характер одержимости. Мария и Йоже Вилфан, которые были близки к Тито в 1950-е гг., рассказывали, как во время визитов в Брдо она вставала ночью и шла на кухню, где таскала из холодильника пирожные. Из-за того, что была не прочь выпить, она сильно расплнела и из модели превратилась в дебелую балканскую матрону, хотя своего шарма и не потеряла. Но шарм был виден только на фотографиях, в реальной жизни она стала несносной, много о себе мящей, упрямой и злой: с прислугой, которая работала в разных домах Тито, она обращалась как тиран, постоянно увольняла и меняла людей, так что повсюду создавала атмосферу напряженности. Говорят, что из различных служб при президенте она уволила более тысячи человек разных должностей и профессий².

Как-то в начале 1950-х гг. она потребовала, чтобы из администрации Бриони уволили 50 человек разом. Хотя подбор кадров был очень трудоемким процессом, поскольку у Тито работали только проверенные и высококвалифицированные профессионалы, она постоянно повторяла, что «никто ничего не делает, и никто ничего не умеет»³. Лео Матес, который в конце 1950-х — начале 1960-х гг. некоторое время работал секретарем Тито, говорил: «Йованка была настолько злобной по отношению к персоналу Белого дворца, что могла бы получить пожизненный срок в тюрьме»⁴. Весьма грубо и часто просто агрессивно Йованка относилась к важнейшим сотрудникам президента, которые в своих воспоминаниях о ней оставили критические заметки. Когда в 1958 г. Лео Матес занял должность главного секретаря Тито, его предшественник Йоже Вилфан сказал ему: «Будь осторожен, хорошо сработайся с первой леди, ее мнение для твоей работы важнее, чем мнение Тито»⁵. Помимо Вилфана, который ввел практику, чтобы «при дворе» с ней обращались как с «первой дамой», Йованка перессорилась со всеми ближайшими соратниками Тито. В их число входил и Владимир Попович, член верховного партийного руководства, который попал в немилость и вынужден был отбыть в изгнание в Лондон, где вскоре умер, будучи не в состоянии бороться с раком. С негодованием он жаловался перед смертью: «Я был выброшен из кабинета президента, словно пес». Те, кто был близок к Тито, говорили, что он уже давно «заложник» Йованки⁶. Не лучше сложилась и ситуация с Богданом Црнобрней, о котором Йованка постоянно говорила, что Тито

¹ AS. Dedijer. T. e. 3; T. e. 68. Krtačni odtisi. S. 718.

² Matunović A. Titova sovladarica. S. 71; Vrhunec M. Šest let s Titom. S. 32, 35, 106, 188, 296, 297; Čosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 156; Kranjc M. F. Zarote in atentati na Tita. S. 106.

³ Vrhunec M. Josip Broz. S. 22.

⁴ Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 272; Vrhunec M. Šest let s Titom. S. 196.

⁵ Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 189.

⁶ AS. Dedijer. T. e. 3. Jovanka.

должен был его повесить «на фонарном столбе». Чтобы отделаться от него, Тито отправил Црнобрню послом в Вашингтон, но Йованка не перестала его преследовать. В сентябре 1971 г., в преддверии визита Тито в США, в организации которого Црнобрня принял самое активное участие, Йованка потребовала, чтобы его сняли с занимаемого поста. Когда министр иностранных дел Мирко Тепавац узнал, что происходит, он тут же исполнил приказ, однако набрался смелости и спросил Тито, почему нужно менять посла непосредственно перед его визитом в Вашингтон. «Ты когда-нибудь ссорился с женой? — Тито был искренен. — Йованка мне вынесла мозг. Что мне оставалось делать, как не угодить ей ради мира в доме?»¹

Йованка начала становиться несносной уже в конце 1950-х гг., что видно из рассказа командующего охраны Тито генерала Милана Жежеля о большом азиатско-африканском турне 1959 г. Она начала выступать против протокола, жалуясь, что ею якобы пренебрегают из-за повышенных мер безопасности, из-за чего на «Галебе» воцарилась атмосфера крайней напряженности². Еще более тяжелая обстановка сложилась во время следующего путешествия Тито в 1961 г. в Африку. Йованку на корабле сопровождала целая группа портних, которые шили ей платья, и не одно или два, а десяток для посещения каждого государства. Всего около 150 платьев. «На корабле была швейная мастерская», — рассказывал секретарь Тито Лео Матес. Был случай, когда Йованка потребовала, чтобы из Белграда был отправлен специальный самолет с шелком, который она оставила дома. Тито не согласился. Началась бурная ссора, во время которой Йованка ему желчно заявила: «А ты что делал вчера? Во время остановки ты перешел на торговый корабль (который сопровождал “Галеб”), чтобы посмотреть на тюленя, которого тебе подарили в Гане. А всем ты сказал, что хочешь сходить к матросам и посмотреть, как они живут». Тито на эти слова, которые были сказаны перед обслуживающим персоналом, ответил ей: «Как только самолет прилетит, ты отправляешься домой!» Йованка разрыдалась и два дня ее и Тито никто не видел³.

В последние годы жизни Тито она начала лелеять политические амбиции и интриговала прежде всего против Александра Ранковича. Она утверждала, что не хочет закончить как королева Драга, которую вместе с королем Александром Обреновичем сербские заговорщики убили в 1903 г., и хотела, чтобы Леку отстранили от политики. По признанию Карделя, она была еще более радикальна: она требовала убить Ранковича и закопать на трехметровой глубине. Говорят, что при помощи Стево Крайчича и его специалистов она «обнаружила» прослушку под их с Тито постелью. Часто она хвалилась тем, что Брионский пленум, на котором произошло падение «товарища Марко», ее рук дело. Она была так довольна результатом, что сразу же после

¹ AS. Dedijer. T. e. 398. Novi prilozi. Vol. IV. Šesto poglavje. S. 29.

² Adamović M. Brozovi strahovi. S. 266–268, 270, 286, 288–290.

³ AS. Dedijer. T. e. 3; T. e. 4; T. e. 271. Leo Mates. Jovanka na Galebu. 12.09.1982.

пленума отправилась в Париж покупать летний гардероб (обычно она ездила в Италию)¹.

После смерти Тито в стиральной машине нашли его записи и другие документы, связанные с отстранением Ранковича, которые спрятала Йованка. Пока она была «при дворе» хозяйкой, у нее были ключи от всех личных тайников мужа². После свержения «товарища Марко» Йованка, которой тогда было 37 лет, начала более открыто демонстрировать свои властные амбиции. Престарелого супруга она хотела «освободить от некоторых обязанностей», чтобы исполнять их самой и одновременно его защитить. «Тито совершенно слеп. Вокруг него плетутся заговоры, а он ничего не видит. Здесь только я одна, словно насадка, защищающая своих птенцов, могу его спасти». Она начала сама выстраивать отношения Тито с миром, решать, кого президент примет, а кого нет и когда, следить за его телефонными переговорами. Так началось осадное положение, в котором ее супруг Броз «окуклился», при этом сложно сказать, кто из них был больше в этом виноват.

Во время правления либералов из Загреба, они прежде всего пытались обхаживать «товарища Йованку» и зашли так далеко, что летом 1970 г. предложили ей стать президентом Хорватии в новом коллективном президиуме государства, которое было запланировано в рамках конституционных поправок. Когда Тито об этом сказала Савка Дабчевич-Кучар, он некоторое время молчал, потом выпил свой виски и сказал: «Идем!»³ Этим кандидатура Йованки была похоронена, но не ее роль в разыгравшейся хорватской драме. Несколько месяцев спустя, когда события перешли в острую фазу, сербы в Хорватии самовольно избрали ее своей защитницей и забрасывали письмами (по 2 тыс. в день), в которых сообщали ей о «геноциде и усташской политике» загребских властей, которые настолько опасны, что они не спят в своих домах и выставляют «охрану вокруг деревень»⁴.

В октябре 1971 г. Йованка на обеде в честь своего дня рождения, на котором были Тито и Доланц, сказала, что в Хорватии повторится 1941 г., если армия не вмешается. «Надеюсь, сербы тогда не будут наивными и легкомысленными и не пойдут на убой, как овцы»⁵. Будучи уверена, что Тито «ядовитая националистическая змея», она, как сама рассказывала, «день и ночь забрасывала его новостями, которые получала из Хорватии и где говорилось о том, что там творят усташаи, и что хорватские коммунисты перенимают националистическую идеологию»⁶. «Мадам Броз, — сообщал в то время британский посол в Foreign Office, — за кулисами имеет политическое

¹ *Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 149, 271; Ćosić D. Piščevi zapisi (1951–1968). S. 262.*

² *Dedijer V. Novi prilozii. Vol. II. S. 61, 74; Adamović M. Brozovi strahovi. S. 125.*

³ *Vrhunec M. Šest let s Titom. S. 167; Idem. Josip Broz Tito. S. 22.*

⁴ *Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 345; Knj. II. S. 627, 687; Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 192, 198; Broz J., Jokanović Ž. Moj život, moja istina. Beograd: Blic, 2013. S. 54, 55.*

⁵ *Matunović A. Titova sovladarica. S. 129.*

⁶ *Ibid. S. 141.*

влияние, которое велико, но не всегда полезно»¹. О роли Йованки в конце ноября 1971 г., когда Тито решил свергнуть загребских представителей власти, Савка Дабчевич-Кучар написала следующее: «Когда мы приехали в Караджорджево, она выглядела так, словно в момент нашего приезда сошла с картины испанских мастеров. Стоит, надменно подняв голову, с твердым взглядом на едва сохраняющем вежливое выражение лице. Стоит царица и с легким удовольствием смотрит на нас свысока, а ее глаза представляются нам глазами полипа»².

За заслуги в борьбе с хорватскими националистами и за всё, что она сделала для укрепления движения неприсоединения, она требовала, чтобы Тито признал за ней важное место внутри партии и включил в ЦК. Она надеялась, что после его смерти станет его политической наследницей. Несомненно, в конце 1960-х и в начале 1970-х гг. она имела большое влияние на Тито: известно, что он давал ей читать даже депеши, которые не доверял своим сотрудникам³. Савка Дабчевич-Кучар пишет в воспоминаниях, что о сербском перевесе в ЮНА с Тито невозможно было говорить даже частным образом, если при этом присутствовала Йованка⁴. Своим поведением Йованка создала себе много врагов, среди них осторожного Бакарича и Карделя, у которых сложилось негативное мнение о ней и о ее влиянии на Тито. Несмотря на то что они этого внешне никак не демонстрировали, она почувствовала их нерасположение и мстила им за него, но неявно⁵. При этом следует сказать, что в страхе за свою жизнь и жизнь Тито она пыталась построить вокруг себя стену из заслуживающих доверия людей и ввести их в высшие круги власти⁶. В самом начале, когда она стала появляться перед общественностью, Тито часто говорил ей: «Ты только улыбайся!» Когда же ее сила возросла, говорит Славка Бецеле Ранкович, Йованка всё меньше улыбалась, а хаос наступил, когда она вовсе перестала улыбаться и начала морщиться⁷. Однако известно, что в последние годы жизни отношение Тито к ней ухудшилось, ходили слухи, что по ночам он запирался в ванной, только бы избежать ее общества⁸. Как он говорил своим доверенным людям, Йованка была как надзиратель на каких-нибудь южноафриканских коях, где работников подгоняют плеткой⁹.

Перелом в их отношениях произошел накануне отъезда Тито в Москву в 1972 г. Йованка захотела, чтобы подполковник Славко Попович, личный секретарь Тито, остался дома, потому что он якобы советский шпион.

¹ *Amodeo F., Cereghino M.* Tito spiato dagli inglesi. I rapport sulla Jugoslavia 1968–1980. Trieste: MGS, 2014. S. 15.

² *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 935.

³ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 179.

⁴ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I. S. 431.

⁵ *Ibid.* Knj. II. S. 796; *Primorski dnevnik.* 1996. 19.05. S. 18.

⁶ *Bilandžić S.* Povijest izbliza. S. 174.

⁷ *Becele Ranković L.* Življenje z Leko. S. 127.

⁸ Рассказ Антона Беблера автору; *Simčić M.* Ženske. S. 320.

⁹ *Čolak A.* Peklenska rezidenca Brozovih. Mengeš: Založba Ciceron, 2014. S. 101.

Она пригрозила, что в противном случае не поедет с ним. Начался резкий спор, закончившийся капитуляцией Тито. Позднее расследование показало, что Славко Попович был полностью невиновен¹. Однако это происшествие было симптоматичным, поскольку с этого момента Йованка стала еще более властолюбивой и начала «при дворе» настоящий террор. В соответствии со своей склонностью к мании заговоров Тито не мог истолковать подобное отношение никак иначе, как что его провоцируют ближайшее окружение или иностранные службы. Поэтому он приказал Ивану Мишковичу проследить и выяснить, зачем Йованка крадет секретные документы и кому их относит². Тайная служба раскрыла ее связи с Загребом, прежде всего с Краячичем и Крлежей, с действующими и резервными генералами и некоторыми политиками. Было установлено, что Йованка часто подслушивала его переговоры за шторой, которая разделяла кабинет маршала и его жилые покои. Бакарич позднее утверждал, что она это делала регулярно³. В своих воспоминаниях чехословацкий партийный руководитель Антонин Новотны пишет о том, как Тито во время доверительной беседы с глазу на глаз время от времени вставал и смотрел за дверь, не подслушивает ли кто: «И это происходило в его личном дворце»⁴.

В конце января 1974 г. была создана партийная комиссия, задача которой заключалась в опросе и проверке всех, с кем Йованка имела какие-либо связи, и определении уровня влияния, которое они имеют на нее. В первую очередь Тито хотел узнать, кто «портит» ему жену, что приводит к тому, что в резиденциях создается нездоровая атмосфера. Во время бурного разговора с руководителем комиссии Рато Дугоничем, заместителем президиума СФРЮ, Йованка обвинила его в том, что УГБ следит за ней и прослушивает, впрочем как и Тито. Утверждала, что у нее есть документы, которые подтверждают виновность генерала Ивана Мишковича, но была не готова их предоставить комиссии. Эти обвинения комиссия не приняла во внимание, хотя выразила мнение, что она сама частенько взращивает в супруге страх перед сотрудниками, недоверие и ощущение угрозы и таким образом закликает его на себе. По мнению Дугонича и его коллег, Тито таким образом стал ее средством для захвата власти, особенно в вопросах дипломатии и армии. Комиссия пришла к выводу, что Йованка с 1958 г. активно участвовала во внешней политике, читала дипломатические депеши и сообщения спецслужб, участвовала в принятии решений о поездках Тито в Африку и Азию и в вопросах о встречах с иностранными государственными деятелями, участвовала в кадровой политике и в вопросах протокола, пыталась превратить резиденцию Тито в двор монарха⁵.

¹ *Kranjc M.F.* Zarote in atentati na Tita. S. 372.

² *Simčić M.* Ženske. S. 30.

³ *Ibid.* S. 254, 255; AS. Dedijer. T. e. 3.

⁴ *Kaplan K.* Antonin Novotny. Vzestup a pad lidoveho aparatčika. Brno: Barrister & Principal, 2011. S. 202.

⁵ *Čosić D.* Piščevići zapisi (1969–1980). S. 297–299.

На совместной встрече комиссии Исполнительного бюро ЦК СКЮ Эдвард Кардель сказал о Йованке: «Это больной человек, который болен настолько, что представляет угрозу для Тито». По его мнению, на Йованку нельзя было больше повлиять: «Нужно было думать о ее изоляции. Любое другое действие только еще больше разъярит ее <...> Существует реальная опасность из-за ее неконтролируемых реакций, что она еще больше усложнит жизнь Тито». Доланц обратил его внимание на то, что, если с Тито что-нибудь случится, виноваты будут они. Он и Дугонич предлагали созвать специальное заседание исполнительного комитета ЦК СКЮ, которое обсудит случай Йованки. Тито требовал, чтобы присутствовала и его жена, что и произошло. В конце заседания он сказал: «Сорок лет я строю эту партию и не позволю, чтобы ее разрушили так, как это делаешь ты, Йованка. Куда это ведет?» 9 марта 1974 г. было созвано еще одно заседание расширенного исполнительного комитета ЦК СКЮ, где снова председательствовал Тито. На нем Кардель предлагал, чтобы в будущем все, кто находится на руководящих постах, были бы ответственны только перед Тито и только от него получали указания. Это решение потом он сам, Доланц и Дугонич сообщили Йованке. Однако из-за ее нервных припадков разговор был прерван и так и остался без результата¹. Главной жертвой этой аферы стал генерал Мишкович, которому Йованка так отомстила, что это было похоже на психологическую войну, которую она в итоге выиграла. «По состоянию здоровья» Мишкович был вынужден отказаться от всех своих обязанностей².

Вопреки глубокой старости, Тито не потерял интереса к женскому полу, «при дворе» в то время появились массажистки, сестры Дарьяна и Радойка Грбич, с которыми Йованка упорно, но безрезультатно боролась³. С первых дней супружеской жизни Йованка закатывала Тито сцены ревности. Его сеансы массажа с молодыми женщинами, которые каждый день длились по часу и сначала были совершенно невинными, выбивали ее из колеи. Она хотела ограничить массаж, требовала, чтобы во время него всегда присутствовал врач, чего Тито не допускал. Он не знал или не хотел знать, что физиотерапевты после работы каждый день сообщали адмиралу Тихомиру Виловичу, о чем идет беседа во время сеанса. Если данные были интересными, они оказывались на столе генерала Николы Любичича, секретаря по обороне.

Разлад между супругами Броз произошел после ряда скандалов в черноморском аэропорту Игало. Там Йованка устроила такие сцены, что адъютант президента генерал Марко Рапо и его врачи серьезно испугались за его «жизнь и здоровье». Боялись, что Йованка в порыве гнева может выстрелить в него, напасть на него с тупыми предметами или с чем-нибудь

¹ Ibid. S. 299, 300.

² *Razumovsky A.* Ein Kampf um Belgrad. S. 331, 332.

³ *Matunović A.* Titova sovladarica. S. 235.

еще. По предложению Александра Шокараца, главы его кабинета, в Игало позвали заместителя председателя Президиума СФРЮ Петра Стамболича, Стане Доланца, Джемалю Биедича и Николу Любичича, которым Тито на тайной встрече на «Галебе» признался, что он в западне и что, если не удастся обуздать террор Йованки, он оставит все должности. Югославскую Ксантиппу «арестовали» и из Игало отправили в Белград, где была создана специальная медицинская комиссия для проверки ее психического состояния. Были проведены и бурные допросы, в ходе которых установили, что Йованка не вовлечена ни в какой заговор, а напротив, что она параноик и лучше ей развестись с Тито. Но он этого не сделал, наоборот, помирился с ней и даже позволил отомстить врагам. Тито обиделся на врачей за то, что в отчете, переданном Президиуму, они «грубо выражались и позорили» его супругу, провозгласив ее сумасшедшей¹. Однако в феврале 1975 г. произошло реформирование кабинета президента республики, на котором было сильно ограничено влияние Йованки «при дворе» в пользу Стане Доланца и Владимира Бакарича, генерала Марко Рапо и самого Карделя. Очевидно, Кардель считал, что, несмотря на болезнь, проживет дольше Тито. По схеме, которую называли «карделевская», вокруг Тито создавалась изоляция, якобы потому, что из-за старости он не мог много работать².

Йованка уже давно рассчитывала, что на X Съезде СКЮ 1974 г. ее выберут в ЦК. Она полагала, что это последняя возможность для правового укрепления своего положения перед смертью Тито. Была уверена, что такое признание она заслужила за свою преданность Тито и Югославии и за свои государственные способности³. Предложение на обсуждение должны были вынести Доланц, Бакарич и Кардель. Однако, когда во время разговора с Тито они поняли, что он этого не поддерживает, то отказались от этой инициативы. Когда Йованка на заключительном заседании съезда узнала, что была обманута, она разрыдалась, при этом большинство подумало, что от радости, поскольку Тито снова был единогласно избран главой партии. Позднее в салоне, где собиралось избранное общество, в приступе бешенства Йованка на глазах у всех пнула ножку его кресла⁴. Своих противников она не простила и против них — Карделя, Доланца, Любичича и Бакарича,

¹ Ibid. S. 177–184; *Simčić M. Ženske*. S. 289, 377–388; *Simić P., Despot Z. Tito*. S. 581–587.

² *Cenčić V. Titova poslednja ispovijest*. S. 309; NIE 15-73. Yugoslavia after Tito. 05.07.1973 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 512; *Čosić D. Piščevi zapisi (1969–1980)*. S. 300, 301; AS. Dedijer. T. e. 143. Dr. Vladimir Dedijer — Umag. Kardelj. S. 1.

³ *Simčić M. Ženske*. S. 256; *Simić P., Despot Z. Tito*. S. 536.

⁴ *Matunović A. Titova sovladarica*. S. 173–176; *Bilandžić D. Povijest izbliza*. S. 192; AS. Dedijer. T. e. 271. Tri kapi odličan lek: ako dodaš četvrtu kap onda je to otrov. Zato ima dosta stvari o kojima još ne mogu da pišem; T. e. 298. Novi prilozi. Vol. IV. Osemnajsto poglavje. S. 63.

начала интриговать в надежде, что убедит супруга в опасности этой группы и «ликвидирует» их¹. Будто желая хоть как-то оправдаться, Тито по предложению Карделя и Бакарича решил наградить ее высшей югославской наградой за заботу и внимание, которое она проявляла по отношению к нему. Однако Йованка награду не приняла, поскольку ее должен был вручить во время праздничного торжества в Загребе 11 декабря 1975 г. Бакарич — Тито не хотел походить на Чаушеску или Мао Цзэдуна². Она ее не приняла еще и потому, что не собиралась мириться с Бакаричем: ее обиды были скоропалительными и окончательными. Она заявила, что «уже долго испытывает притеснения и унижения. Наградой ее хотят подкупить, но она с этим не согласна»³.

Конфликт снова разгорелся в августе 1976 г., во время поездки в Шри-Ланку, где была организована, в основном на югославские деньги, встреча лидеров неприсоединившихся стран. Когда Йованка узнала, что Тито будет сопровождать Дарьяна Грбич, с ней случился истерический припадок. Конфликт дошел до такой степени, что Тито ударил ее. Пытаясь оправдаться, он доверил ей принимать иностранных государственных деятелей, которые прибыли на «Галеб» с прощальным визитом (хотя это было и не по протоколу), что устроило, но не успокоило Йованку⁴. Всё определеннее ощущая угрозу, Йованка в мае 1977 г. во Флоренции распорядилась напечатать роскошно иллюстрированную книгу с названием «Их дни», которая должна была доказать всем, что в семье супругов Броз царит гармония. Многие считали, что книга с многочисленными снимками несет в себе и другой посыл: это было что-то вроде рекламы кандидатки на наследство. В ней Тито был показан как старик, нуждающийся в заботе, а еще не достигшая 50 лет Йованка, несмотря на свою тучность, на вершине своей силы⁵. Почти два месяца спустя Тито отправился в Советский Союз, Северную Корею, но прежде всего в Китай, куда его после кончины Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая пригласил новый руководитель. То, что он был первым государственным деятелем, которому выпала возможность встретиться с Хуа Гофэном и его аппаратом, принесло ему большое удовлетворение. Он был уверен, что сможет установить диалог с наследником Мао, который поможет в его подкованном столкновении с Советским Союзом. В долгий путь он отправился один, поскольку жена в ультимативной форме потребовала, чтобы он исключил из сопровождения массажистку Дарьяну, адъютанта Виловича и Стане Доланца, чего маршал не сделал. Противодействие Йованки имело не только личный, но и политический

¹ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 198, 267.

² *Matunović A.* Titova sovladarica. S. 136, 137, 148, 149, 177.

³ *Čosić D.* Piščevi zapisi (1969–1980). S. 301; *Kranjc M.F.* Zarote in atentati na Tita. S. 376.

⁴ *Ibid.* S. 110–114, 252–260.

⁵ *Simčić M.* Ženske. S. 305.

характер, она говорила, что Доланц и другие «деловые» члены делегации не должны ехать в Москву, поскольку они антисоветски настроены¹. Вечером перед отъездом Тито в Пекин между супругами произошел скандал, в ходе которого Йованка назвала своего мужа развращенным безумцем, развратником, нечестивцем, он ее — бесстыжей, неуклюжей, параноидальной лгуньей. После возвращения из путешествия, которое для Тито явилось настоящим апофеозом, поскольку ему удалось обновить отношения с Пекином и на партийном уровне, Йованка исчезла из общественной жизни². Как тогда сказал Тито Лазарю Колишевскому, председателю еще одной комиссии по «делу Йованки»: «Революционер никогда не должен жениться»³. Расставание с женой было для него болезненным. Когда высшие представители государства и партии оказывали на него давление, чтобы он с ней развелся, он долго молчал, так, что всем присутствующим стало неловко. Потом сказал, что этого совета принять не может: «С Йованкой мы живем уже более 30 лет. Я ее очень любил и сейчас мои чувства не совсем угасли. Жить мы будем каждый сам по себе, но официального развода не будет»⁴. Новость ударила как молния среди ясного неба, ведь этого никто не ожидал, о чем говорят многочисленные открытки к новому 1978 г. от сотрудников, товарищей и друзей, которые они адресовали ему и Йованке⁵. Неизбежно начали распространяться слухи, что Йованка попала в немилость из-за политических причин, поскольку Тито узнал, что она советская шпионка⁶. Как говорит Добрица Чосич, «дело Йованки» между 1974 и 1988 гг., т. е. еще долго после смерти Тито, на 59 заседаниях обсуждали высшие политические форумы. «Йованка Броз два десятилетия сотрясала Югославию». Судя по запискам разных комиссий, можно увидеть, что Йосипа Броза больше мучила личная семейная драма, чем спасение Югославии из политической, экономической и моральной агонии. Супруге он и дальше посылал алые розы, хотя в последние годы его жизни она не изменила манеры общения с прислугой и его аппаратом. И ему она не простила того, что он ее бросил. Когда Тито начал ухаживать за ней, он сказал: «Чувствую, что с тобой я смогу найти счастье и мир»⁷. Но он сильно ошибся. «Тито был коммунистическим Наполеоном, чьим Ватерлоо была супружеская спальня»⁸, — написал в дневнике Добрица Чосич.

¹ AS. Dedijer. T. e. 3. Jovanka; *Mandić B.* Tito u dijalogu sa svijetom. S. 514–555.

² *Pirjevec J.* Jugoslavija. S. 347; AS. Dedijer. T. e. 271. Pričevanje A. Grličkova, Obnavljanje partijskih odnosa sa KP Kine. 10.10.1980; NARA. CREST. National Intelligence Daily Cable. 31.08.1977.

³ *Šimčić M.* Ženske. S. 31, 259.

⁴ *Ćosić D.* Piščevi zapisi (1969–1980). S. 302; AS. Dedijer. T. e. 3.

⁵ AJ. LF. II-1. A-J. Pisma i čestitke prijatelja, saradnika i drugova Josipa Broza Tita.

⁶ *Smole J.* Pripoved komunista novinarja. S. 205, 206.

⁷ *Broz J., Jokanović Ž.* Moj život, moja istina. S. 45.

⁸ *Ćosić D.* Piščevi zapisi (1969–1980). S. 302, 303.

СМЕРТЬ ТИТО И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Культ личности

Как противоядие мыслям о смерти Тито, которые нельзя было развеять, в конце 1960-х и 1970-х гг. еще сильнее разросся культ его личности. Он был взращен по образцу культа личности Сталина, но, подняв Тито на уровень «хозяина», подчеркивал исключительность югославского опыта. Созданию культа Тито способствовало то, что он был красивым мужчиной крепкого телосложения, среднего роста, блондином с выразительным некрестьянским лицом. Скульптор Антун Августинчич, который начал писать его портрет перед II сессией АВНОЮ, шутя сказал: «Он, должно быть, аристократического происхождения. Кто когда-нибудь видел такого человека из Загорья?»¹ «У него лицо и голова вождя, — двадцать лет спустя утверждал Добрица Чосич. — Это голова для бюста; профиль для монет. Есть что-то римское и в голове, и в лице этого человека»².

Его культ начался еще перед войной, и прежде всего в тех районах, которые были самыми отсталыми. Во время народно-освободительной войны культ его личности усилился. Согласно рассказу Ранковича, осенью 1942 г. он, Тито, Кардель и Джилас встретились под каким-то буком. Джилас сказал: «...мы недостаточно популяризируем Тито. Мы должны иметь вождя, человека, за которым пойдут массы. Полководца. Секретаря партии. Такого, каким является Сталин у русских»³. В патриархальных кругах, в которых народный эпос имел глубокие корни, это предложение нашло плодородную почву. «Тито, белая фиалка...» — обычные солдаты сравнивали его с белым цветком, чтобы подчеркнуть его редкость и историческую особенность. Точно так же дело обстояло с самой известной песней, которая заканчивается своеобразной присягой масс своему вождю: «Товарищ Тито, мы тебе клянемся, что с твоего пути мы не сойдем!»⁴ С позиции «искусства» ту же мысль выразил черногорский поэт Радован Зогович, изложив ее в конструктивистской поэтической форме:

¹ *Dilas M.* Tito. S. 220; *Ćosić D.* Pišćevi zapisi (1951–1968). S. 104.

² *Ćosić D.* Pišćevi zapisi (1951–1968). S. 174.

³ *Ćosić D.* Pišćevi zapisi (1969–1980). S. 238; *Dilas M.* Kako je stvarana Titova karizma // Slobodna Dalmacija. 1989. 22.10; *Šetinc F.* Zbogom Jugoslavija. S. 232.

⁴ *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 929.

Тито родился в гневе,
в стремлении творить —
титан —
народ,
и борьба —
мать, Тито — это мы,
все!
и армия, и земля, и горы!¹

Наиболее человечным был Владимир Назор в «Поэме о кулаке», первые строки которой гласили:

Рядом с Тито и Сталиным
двумя героическими сынами,
нас и пекло
не сможет смести...²

Как говорил Ладо Козак, культ личности Тито начался на II сессии АВНОЮ: «Прекрасная форма, аплодисменты, бурные выкрики, помпа, напоминающая чествование монарха»³. Он стал «всеобщим вождем», если употреблять слова Джиласа⁴.

Масла в огонь подлила и советская военная миссия, которая в 1944 г. прибыла в Дрвар. Ранковичу было дано указание создавать культ личности по советскому образцу. Представители миссии отмечали, что к Тито следует обращаться на «вы», а не на «ты», что Ранкович сразу же исполнил. Он направил указание командующим всех корпусов, где особо оговорил, как нужно обращаться к главнокомандующему, когда с ним встречаешься. Советская миссия также потребовала, чтобы была ликвидирована партизанская уравниловка, которая касалась провизии, одежды и обуви между солдатами и командующим составом, что последние с удовольствием приняли, начиная с Тито, поскольку и раньше пользовались отдельными личными привилегиями⁵. Когда в июне он приехал на остров Вис, его культ уже прочно внедрился в умы народных масс. После высадки группы беглецов из Дрвара с британского военного корабля, как сообщает Луис Адамич, более ста людей на пирсе почти остолбенели, когда кто-то сказал, что среди них Тито. «Затем в полной тишине, которая длилась минуту, послышались дикие выкрики, кто-то плакал от счастья, кто-то обнимался и падал на колени от благодарности»⁶.

¹ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 30; Halder M. Der Titokult. S. 57.*

² *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 831.*

³ *AS. Dilas. T. e. 179. Lado Kozak. Podsetnik u zvezi sa knjigom Milovana Dilasa «Godine vlasti». S. 1.*

⁴ *Dilas M. Kako je stvarana Titova karizma.*

⁵ *Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 937; Vol. III. S. 216, 217.*

⁶ *Adamič L. Orel in korenine. S. 516.*

После войны во всех казармах, учреждениях, заводах, банках, даже ресторанах и кафе появились фотографии Тито, которые стали неотъемлемым атрибутом югославской повседневности, как и различные изречения Тито на всевозможных поверхностях: от стен до крыльев самолетов и горных склонов. «Тито для нас всё. Всё». Так сказали Луису Адамичу, когда он в 1949 г. вернулся на родину. На II Съезде КП Сербии, в работе которого писатель принимал участие, овации в адрес Тито в начале заседания не смолкали. Ритмичные и громкие аплодисменты, крики: «Тито — герой! Тито — герой! Тито — герой!» И так без остановки¹.

После конфликта со Сталиным культ Тито получил новые условия для развития, поскольку теперь у него не было больше соперника в гонке на коммунистический Олимп. Джилас писал: «Культ Тито в определенные моменты повторял культ личности Сталина, он дал Югославии возможность восстать и защитить свою независимость», так как «советские посягательства можно было отбить только методами и средствами, подобными советским»². Белградские студенты уже в 1949 г. пели во время митингов в поддержку КПЮ: «Товарищ Тито, ты из стали, с тобой вся Америка, мы молодые партийцы, не пьем вина, мы жаждем крови усатого Сталина»³. Однако когда правящая элита в 1949 г. собралась в Нью-Йорке на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, журнал *Life* опубликовал фоторепортаж о маршале и его окружении и Алеш Библер предупредил, что складывается впечатление, будто Тито какой-то южноамериканский диктатор. По возвращении на заседании, где обсуждались итоги миссии, Джилас указал на это неприятное сходство, что повергло Тито в замешательство, но не образумило. Были моменты, когда власти допускали небольшую критику в свой адрес, но это происходило редко. Так, например, в 1962 г. на первомайской демонстрации среди выступающих шла группа из шестерых студентов, которые несли огромное зеркало. Когда они проходили мимо трибуны, на которой стоял Тито с высшими представителями власти, они повернули его к ним⁴. Когда десять лет спустя художник Мича Попович открыл выставку, на которой напротив друг друга висели две картины «Президент республики и нидерландская королевская чета» и «Поезда с рабочими, которые уезжают в Германию», выставку сразу же закрыли, якобы потому что она имела «политический подтекст»⁵. Однако в то время, как верно отмечает Коча Попович, культ личности Тито стал одним из важнейших факторов, ограничивавших развитие югославского общества⁶.

¹ *Adamić L.* Orel in korenine. S. 107.

² *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. С. 392.

³ *Pirjevec J.* Il gran rifiuto. S. 398.

⁴ PA. B 42. Bd. 243.

⁵ AJ. KPR. II-4-a. K 168. O izložbi slika Miće Popovića. 06.06.1974; *Ćosić D.* Piščevići zapisi (1969–1980). S. 159–164.

⁶ AS. Dedijer. T. e. 7. Intervju. Danas. 07.02.1989. S. 26.

С возрастом Тито становился всё больше зависим от культа личности, которому стали проступать черты фараонской власти. «На этой планете, — обвинял Добрица Чосич, — только в Югославии проводится эстафета, которую передают по всей стране и торжественно вручают в его день рождения 25 мая». Кроме того, Тито именовали «самым дорогим гостем» везде, куда бы он ни приезжал¹. «Он действительно считал, — добавляла Савка Дабчевич-Кучар, — что армия — это он! Партия — это он! Государство — это он! Болезнью, которая называется скромность, он не болел»². Complimentами Тито осыпали не только его подданные, но и коронованные особы. Увертюра в концерте прославлений была сыграна эфиопским императором Хайле Селассие, который в июле 1954 г. посетил Югославию во время ее самого тяжелого столкновения с Италией. Визит был не без символического значения, поскольку два государства в недалеком прошлом были жертвами империализма Муссолини и имели зуб на Рим. Событие имело особое значение и потому, что Хайле Селассие был первым главой государства, который приехал в Югославию после ссоры со Сталиным. Служба протокола раздавала «товарищам» отдельные указания, как одеваться на приемы, организованные в честь наследника царя Соломона. Мужчинам рекомендовались пиджаки, фраки и смокинги во время торжественных мероприятий, между тем женщины на вечерних приемах должны были быть одеты в длинные платья. Не допускались платья или туфли спортивного покроя, а также сандалии. Шоферы должны были носить униформу с двубортными пиджаками, особо оговаривалось, как будут одеты горничные и официанты³. Внимание к тому, кто во что должен одеваться, в последующие годы стало гротескным. Когда Тито отправлялся с визитом в какое-нибудь государство, протокол готовил для членов делегации новый гардероб, а для их супруг по двадцать моделей платьев из Парижа⁴.

Тито любил награды, почетное членство в республиканских академиях наук и искусств, почетные научные степени доктора, которых имел больше, чем кто-либо из современных ему государственных деятелей. Кроме того, у него было 10 золотых сабель, которые ему подарили по разным поводам дружественные правительства, около десяти бриллиантовых коле, 16 югославских и 99 иностранных наград, среди них такие престижные, как орден Бани, который ему в 1972 г. вручила королева Елизавета II, или датский рыцарский орден Слона (1974). Что касается орденов социалистического лагеря, то среди них были орден Ленина (1972), орден героя республики (Демократическая Республика Корея, 1977), среди экзотических — Наивозвышенный

¹ Čosić D. Pišćevi zapisi (1951–1968). S. 308; *Idem*. Pišćevi zapisi (1969–1980). S. 247.

² Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 844.

³ NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 7. Priručnik Protokola. Izdanje NTH. Zagreb, 1953. Kutija 12. Programme de la Visite officielle de S. M. Hailé Selassié I. en RPFdY. 20 juillet — 26 juillet 1954.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 3.

орден Царицы Савской (Эфиопия, 1952), Орден Ацтекского орла (Мексика, 1963) или Высший орден Хризантемы (Япония, 1968), орден реки Моно (Того, 1976). Дошло до гротескной ситуации, когда Социалистический союз из Белграда незадолго до его смерти предлагал наградить его четвертым орденом народного героя за то, что он удачно перенес операцию. Но это предложение не нашло отклика, так как ему вскоре стало хуже¹.

В обществе коронованных особ Тито чувствовал себя великолепно. Он с удовольствием рассказывал, как греческая королева Федерика гостила у него на Бриони. Любил цитировать ее слова: что она, несомненно, стала бы членом его партии, если бы родилась в Югославии². Он высоко оценил ее подарок — пару белых пуделей, которые стали его любимцами и родоначальниками псовой династии при «дворе»³. К 80-летию маршала английский посол посоветовал королеве Елизавете подарить ему что-нибудь серебряное: «Местные обычаи и вкусы таковы, что лучше пусть это будет подарок из поздних викторианских времен, что-нибудь старое и изысканное»⁴. Но вместо серебра и виски «Chivas Regal», как ей советовали, британская королева решила отметить 80-летие Тито рабочим визитом, «пока он еще был в седле». Это был ее первый визит в коммунистическое государство⁵. Потом, когда проходили приемы нидерландской королевы Юлианы и британской принцессы Маргарет, при дворе Тито уже знали, как обращаться с гостями — представителями иностранных династий⁶. Елизавета II была настолько удовлетворена визитом, который состоялся в октябре 1972 г., как раз после того как Тито обезглавил сербское либеральное руководство, что послала ему в дар серебряную посуду и, говорят, отозвалась о нем похвально: «Если этот человек механик, то я не королева Англии». Для Тито вершиной его социального взлета стал вальс, который он станцевал с ее королевским величеством на Бриони⁷.

Достойным венцом культа личности Тито могла стать Нобелевская премия мира; инициатива принадлежала Пьеру Грегуару, главе Палаты депутатов Люксембурга. Когда из Осло пришло полуофициальное сообщение, что Тито избран в номинанты этой престижной награды, осенью 1973 г. была создана особая рабочая группа с заданием обеспечить на местной и международной арене необходимую поддержку. Югославским послам во всем мире было поручено бросить на это все силы⁸. И не без успеха. Около ста мировых

¹ *Dilas M.* Tito. S. 209; *AS. Dedijer.* T. e. 244. 115 Titovih ordena.

² *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 838.

³ *Vrhunec M.* Josip Broz. S. 34; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 85; *AS. Dedijer.* T. e. 271. Nikola Mandić — V. Dedijerju, 06.04.1981 in 10.04.1984.

⁴ TNA. FCO 28/2155, 10.05.1972.

⁵ TNA. FCO 28/2167/ENU 26/1; 28/2155; *The Economist.* 1972. 04.10.

⁶ TNA. FCO 28/216; 28/2163/EESD; FCO 28/1645/ENU 3/128/616/8.

⁷ *Vrhunec M.* Šest let s Titom. S. 140, 141; *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. II. S. 237; TNA. FCO 28/2162.

⁸ TNA. FCO 28/2156/ENU 18/9; *Simić P., Despot Z.* Tito. S. 291–299.

государственных деятелей, среди них Вилли Брандт, Индира Ганди, Хайле Селассие, У Тан, Урхо Кекконен, Бургиба Хабиб, Наум Гольдман, а также много известных людей: Иво Андрич, Фицрой Маклин, Чарли Чаплин — поддержали обширное 300-страничное предложение, которое написали Владимир Дедиер и словенский политолог Руди Ризман. При этом югославским дипломатическим кругам казалось необходимым заручиться поддержкой Святого престола. Государственный секретарь папы Павла VI кардинал Агостино Казароли не имел ничего против, как и загребский кардинал Франьо Кухарич (правда, взамен своей поддержки он требовал реабилитации Алоизие Степинаца, полагая, что нужно успокоить консервативные круги в Ватикане и местном епископате)¹. Более сдержанным был собор Сербской православной церкви, который принял решение не высказываться в пользу кандидатуры Йосипа Броза².

Медвежью услугу Тито оказал Советский Союз, поддержав его кандидатуру в особой резолюции и сделав это достоянием общественности. Это имело негативный отклик на Западе³. Возможно, история с премией застопорилась из-за сопротивления США и еврейского лобби, которое не простило Тито его проарабской политики, а также из-за полемики, которую инициировали эмигрантские круги и которая, помимо прочего, завершилась меморандумом Любо Сирца. В ней словенский экономист, который после войны был вовлечен в так называемый Нагодетов процесс и осужден на смертную казнь (но ему удалось спастись бегством в Великобританию), перечислил все грехи Тито и был достаточно убедителен⁴. Норвежский король пытался спасти кандидатуру Тито и предлагал последнему письменно оправдаться за Голи-Оток. «Я могу извиниться только перед теми, кто попал туда безвинно, — уязвленно ответил Тито. — Перед информбюровцами я не собираюсь оправдываться»⁵.

Полуофициальное объяснение Нобелевского комитета относительно того, почему он не получил награды, было, конечно, иным: Тито солдат, и поэтому не может получить награду за мир⁶. Принимая во внимание ту роль, которую он играл в то время в мире, защищая его, благодаря чему Тито удалось включить Югославию в десятку государств, имевших существенное международное влияние, можно сказать, что принятое решение было ошибочным⁷.

¹ NSK. Arhiv Bakarić. Kutija10, Radna grupa «Nobelova nagrada». 17.07.1973; *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 670; TNA. FCO 28/2156/ENU 18/9; *Simić P.* Tito. S. 312.

² *Radić R.* Josip Broz Tito i patrijarhi Srpske pravoslavne crkve (Gaveilo Vikentije i German) // Tito — viđenja. S. 133; *Berić G.* Zbogom XX. stoljeće. S. 133.

³ AS. Dedijer. T. e. 3. T. e. 68. Krtačni odtisi. S. 711.

⁴ *Sirc L.* Nobelova nagrada za predsednika Tita? Odprto pismo, avgust 1973. Februar 2006. S. 31; *Miladinović V.* Nobel, najveći Titov poraz. URL: <http://www.pressonline.rs/sr/vesti/magazin/story/105392/Nobel,+najveci+Titov+poraz.html>

⁵ *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 61, 193.

⁶ *Vrhunec M.* Josip Broz — Tito. S. 42.

⁷ *Ibid.* S. 130.

В тот год награду разделили северо-вьетнамский дипломат, политик и генерал Ле Дюк То и американский госсекретарь Киссинджер, заслуга которого заключалась в завершении Вьетнамской войны, и в то же время он несет ответственность за разрушительные бомбардировки Ханоя и организацию путча против левоцентристского чилийского президента Салвадоре Альенде. Вместо Нобелевской премии Тито получил Премию им. Джавахарлала Неру, которой его наградила президент Индии Варахагири Венката Гири. Это был бальзам для его раненного самолюбия¹.

Вопрос о здоровье Тито и о возможности его ухода с поста

Об уходе Тито, точнее, о его смерти в дипломатических кругах начали говорить еще в начале 1950-х гг. С того момента и далее пожилой маршал стал объектом пристального внимания, результаты которого можно найти в многочисленных сообщениях послов, аккредитованных в Белграде, или его коллег из столиц, которые Тито посещал. Уже в феврале 1964 г., например, распространился слух, что он собирается уйти из активной политической жизни, удовлетворившись лишь церемониальной представительской функцией, и переселиться в Загреб. Там ему его друг Краячич, который был мегаломаном — дважды в день в его бассейн возили цистернами морскую воду, предоставил Тито в пользование огромную резиденцию, где тот мог бы жить, уйдя на пенсию². Говорят, он старался подражать дворцам, которые видел в Индии, при этом примечательно, что упомянутую виллу Загорье частично финансировали из государственных, а частично — из нелегально приобретенных средств, о которых Тито знал. Вилла, которая имела собственные охотничьи угодья и бункер на случай ядерной войны, стоила 27 млрд динаров. Тито она не нравилась, во время первого визита он заявил: «Вы это построили для себя, а не для меня». Хотя он туда приезжал и много раз останавливался там. Конечно же, это был не единственный объект, который для него построил Краячич в Хорватии. Как он сам говорил, его забота распространялась на резиденции в Дубровнике, Сплите, Бриони, Самоборе и Кумровце. А о многочисленных охотничьих домиках, куда нога Тито вообще не ступала, мы и не говорим³.

Если в 1960-е гг. преобладали сообщения о хорошем самочувствии Тито, то в 1970-е гг. можно заметить, что перестала быть редкостью информация

¹ AS. Dedijer. T. e. 3.

² NARA. Pol 15-1. Yugo. Zagreb. 25.02.1964; 04.10.1965; 28.01.1966; *Cenčić V. Titova poslednja ispovijest*. S. 157, 192.

³ *Dabčević-Kučar S.* '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 848; *Kavčić N.* Pot v osamosvojitve. S. 203; *Čosić D.* Piščevi zapisi (1969–1980). S. 236; *Ranković A.* Dnevničke zabeleške. S. 53, 116–119; *Ridley J.* Tito. A Biography. P. 320, 321; AS. Dedijer. T. e. 3; T. e. 68. Krtačni odtisi. S. 706; T. e. 298. Novi prilozi. Vol. IV. Osemnajsto poglavje. S. 35–37; *Krajačić-Stevo I.* Resnica mora zmagati. Dnevnik. 11.11.1984; *Antonić Z.* Rodoljub Čolaković. S. 215, 216.

о проблемах с его здоровьем. Еще в июле 1969 г., во время передачи верительных грамот американского и западногерманского послов на Бриони, Тито производил впечатление здорового мужчины шестидесяти, а не семидесяти лет. Он был гибким, хватким в разговоре и полон непринужденного юмора¹. Два года спустя, в ноябре 1971 г. западногерманский посол в Канаде, где Тито побывал после визита в США, сообщал, что в начале общественных церемоний он был свеж и оживлен, и почти невозможно было заметить его нарастающего утомления². В честь своего 80-летия он дал интервью телевидению о своей жизни, в котором выступил весьма убедительно и живо. Кроме того, все торжества, которые он посетил в связи с этим, показывали, что он в форме, хотя протокол тогда принял решение передать большую часть контактов с иностранными представителями Крсте Црвенковскому. Все посещения и встречи были отменены, за исключением встречи с Анваром Садатом³.

Уже в середине июня 1971 г. президент Ричард Никсон отдал распоряжение Национальному совету безопасности подготовить исследование о возможном развитии событий в Югославии после «ухода» Тито. В начале марта 1972 г. в Лондоне встретились представители Общего англо-американского разведывательного комитета, который занялся тем же заданием. При этом британцы на всякий случай составили телеграмму с соболезнованиями, которую должна была послать королева вдове Тито⁴. Естественно, речь шла не только о протоколе. Среди прочего ставился вопрос, какой будет реакция итальянцев, если Югославия станет коммунистической (когда ее захватит Советский Союз). Не разрушит ли она целостности стратегии НАТО в Средиземноморье?⁵ В конце сентября и в начале октября 1972 г. между американцами и британцами прошли двусторонние переговоры о том, произойдет ли советское вмешательство в Югославию после смерти Тито⁶. Эти переговоры продолжались и в последующие годы, особенно когда из Белграда стали приходить новости, что Тито впервые стал прислушиваться к своим врачам⁷. В сценарии, который в Вашингтоне нарисовали уже в сентябре 1971 г., помимо всего прочего, писали, что в случае захвата Сербии, Македонии и Черногории США должны потребовать, чтобы представители ООН послали свои вооруженные силы, так называемые «голубые каски», в Словению и Хорватию. «К этой акции следовало принудить объяснением, что США и НАТО не будут иметь другого выбора, если не произойдет

¹ PA. B 42. Bd. 1343.

² Ibid. Bd. 1349.

³ TNA. FCO 28/2155/ENU 18/6; ENU 1/6.

⁴ GWU. 00733. National Security Study Memorandum 129. US Policy and Post-Tito Yugoslavia. 15.06.1971; TNA. FCO 28/2119/ENU 1/7; FCO 28/2408/46.

⁵ TNA. FCO 28/2119/UD of S (RAF)/V.23/72/7/538; FCO 28/2119/ENU 1/7.

⁶ TNA. FCO 28/2119/ENU 1/7.

⁷ TNA. FCO 28/2121/ENU 2/3; FCO 28/2414/ENU 2/2; FCO 28/2408/ENU1/5; FCO 28/2408/ENU 1/1.

вмешательства ООН, кроме как попытаться обеспечить независимость прозападно ориентированных Хорватии и Словении. В этом случае <...> мы войдем в обе республики»¹.

С 1973 г. и далее весной и в начале лета Тито постоянно болел; его отсутствие пытались объяснить подготовкой к X Съезду СКЮ². В апреле 1973 г. французский посол сообщал, что выглядит он хорошо, только его голос теперь «голос старого человека»³. Немного позднее по медицинским соображениям, которые не были пояснены, он прервал свое путешествие по Сербии (у него был инфаркт)⁴. После ответственного путешествия в Индию, Бангладеш, Непал и Сирию его на следующий год свалил грипп, от которого он смог излечиться только через шесть недель, и даже не присутствовал при провозглашении новой конституции. В западных военных кругах ширились слухи, «что он при смерти»⁵.

В 1975 г. у него был тяжелый приступ ишиаса, он вынужден был перенести визит венгерского лидера Яноша Кадара и принимал парад к 30-летию победы только благодаря обезболивающим инъекциям. Когда он в итоге принял Кадара, то попытался не показать, что плохо себя чувствует: «На Западе с удовольствием спекулируют. Сколько раз обо мне говорили, что я при смерти. Посмотрите на меня, разве я выгляжу так, словно я при смерти?»⁶ Он не знал, что в его окружении говорили о «фоссилизации Тито» и смеялись над его речами на банкетах и во время визитов на предприятия. Последние десять лет он говорил одно: «Товарищи, только братство и единство нас защитит, даст прогресс нашему социализму самоуправления, только братство и единство... все запомните это»⁷. Те, кто издевался над ним, не смогли не почувствовать, что это был его «последний крик», как говорил Иван Иваньич, осознававший, что государство катится к распаду⁸. В мае 1974 г. Отдел ЦРУ, который занимался СССР и восточноевропейскими вопросами, провел в Вашингтоне специальный семинар, на котором представители американских разведслужб рассуждали о том, что произойдет в первые шесть месяцев после смерти Тито⁹.

¹ GWU. US Policy and Post-Tito Yugoslavia. Prepared by the NSC Interdepartmental Ad Hoc Group for Yugoslavia. 13.09.1971. S. 63.

² AMZV. Zprávy ZÚ. Belehrad 1973–1975. 0279. V Belehrade, 20.01.1973.

³ TNA. FCO 28/2407/29.

⁴ Simić P. Tito. S. 353.

⁵ TNA. FCO 28/2621/EU 1/4/36. F. Amodeo; Cereghino M. Tito spiato dagli inglesi. S. 11.

⁶ TNA. FCO 28/2121/ENU 1/6; AMZV. Zprávy ZÚ. Belehrad 1973–1975. 0481. V Belehrade. 01.05.1974.

⁷ AS. Dediđer. T. e. 261. Fosilizacija Tita.

⁸ Ivanji I. Titov prevajalec. S. 135; Mandić B. S Titom. S. 46.

⁹ TNA. FCO 28/1625/ENU 1/1; FCO 28/2121. 30.11.1972; FCO 28/1628; NARA. Memorandum for the Record. NIO Sponsored Seminar on Yugoslav Affairs. 21.05.1974; NSK. Arhiv Bakarić. Kutija. 34. Pogovor Petrović-zamjenik CIA Walters. Washington. 03.10.1974.

Мысль о том, что дни Тито сочтены, имела большое влияние на италийско-югославские отношения. Римское правительство считало, что необходимо решить спорный вопрос о границе между зонами А и Б бывшей Свободной территории Триест, так как в противном случае русские танки могли оказаться на улицах Триеста. После многих лет напряженности, которые Югославия трактовала как выражение империалистического давления на нее, срежиссированное в Вашингтоне, были проведены тайные переговоры, которые закончились подписанием Осимских соглашений. С небольшими поправками они подтвердили раздел спорных территорий, который был определен Лондонским договором 1954 г. Тито активно участвовал в создании упомянутых договоров и рассматривал их как большой успех, который придал новый смысл отношениям Югославии и Италии¹.

Вопреки проблемам со здоровьем, которые его преследовали, Тито не отказался от визитов в Южную Америку, Швецию, Грецию, Португалию, Турцию и Финляндию. На конференции за мир и сотрудничество в Европе, организованной в Хельсинки в июле 1975 г., он сыграл видную роль в борьбе за разрядку напряженности на континенте, поскольку лучше, чем все присутствовавшие политики, знал «ужасы Голгофы» фашизма и войны². Принимая во внимание тот факт, что Югославия граничила с семью государствами, из которых два являлись членами НАТО, три — Варшавского договора, Тито был заинтересован в укреплении коллективной безопасности и хотел сыграть при этом роль посредника³. Поэтому он стремился к укреплению отношений между четырьмя нейтральными европейскими странами (Австрией, Финляндией, Швецией и Швейцарией), которые вместе с Югославией составляли группу «НН» (нейтральных и неприсоединившихся), поддерживали Хельсинкский акт и пытались включить в него договоры военного значения⁴.

Год спустя, 29–30 июня, в Восточном Берлине он посетил съезд европейских коммунистических партий, который готовился 18 месяцев. Его присутствие до последнего момента не подтверждалась, таким образом, можно было понять, что с Советским Союзом, вопреки «долгим и открытым» переговорам, трудно было найти общий язык. В итоге он решил, что отправится в столицу Германской Демократической Республики, что выглядело как сенсация, поскольку впервые на подобной встрече он выступал в качестве

¹ NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 34. Razgovor: šefa grupe u Upravi za Severnu Ameriku sa savetnikom Ambasade SAD D. Ticeoom. 29.04.1974; Kutija 35. Razgovor Bakarića sa delegacijom PCI, 29.05.1974; TNA. FCO 28/2804/ENU 3/311/1; AMZV. Zprávy ZÚ. Belehrad 1973–1975, 0341. V Belehrade. 25.04.1974; AS. Dedijer. T. e. 298. Novi prilozi. Vol. IV. Deveto poglavje. S. 11.

² *Ridley J.* Tito. S. 389, 390; AS. Dedijer. T. e. 123.

³ ABB. Arkiv Stoltenberg. Thorvald. The Outlook. S. 14.

⁴ From Helsinki to Belgrade — The First CSCE Follow-up Meeting and the Crisis of Détente / Eds. V. Bilandžić, D. Dahlmann, M. Kosanović. Göttingen: Bonn University Press / V & R unipress, 2012. P. 10–14.

руководителя партии и президента государства. Для Брежнева его присутствие значило многое, что можно было понять по тому вниманию, которое было уделено Тито: Брежнев встретился с ним за день до съезда, ожидал его перед входом в зал перед началом съезда, а на торжественном обеде посадил его рядом с собой и хозяином Эрихом Хонеккером¹. Как сообщает Александр Грличков, который возглавлял югославскую делегацию на подготовительных переговорах с СССР, Тито прибыл на съезд на «белом коне», поскольку была принята декларация о праве каждого государства следовать своим путем к социализму и о равенстве всех коммунистических партий. Это было как раз то, за что он боролся более 30 лет². Его комментарий в узких кругах был следующим: «Мы рассчитались за 1948 год»³.

К концу своей жизни Тито был весьма озабочен внутренними и международными событиями. Поэтому он принялся за работу с небывалым жаром⁴. Что касается внутренней политики, он особо указывал на опасность национализма в отношениях между республиками и несколько угрожающе заявлял, что рассчитывает на интеграционную силу ЮНА: только она может быть гарантом целостности государства. Представители армии организовали работу в этом направлении и в последние годы жизни Тито потребовали и осуществили введение анти-разведывательной системы «общественная самозащита», которая должна была обеспечивать прочность режима⁵. Его заботил и подъем исламского фанатизма в Боснии и Герцеговине с их 4 млн суннитов. И прежде всего события в Косове, где он предрекал «национальное восстание» албанцев, если власти своевременно не примут меры. «Здесь начнется раньше всего», — сказал он журналисту Дарии Янекович уже в 1976 г. Он был уверен, что власти в Тиране посылают своих агентов в эту область и что в ней находится центр контрабанды золота, наркотиков и оружия, который поддерживают местные политики, албанская эмиграция и иностранные тайные службы. В университете в Приштине в 1974 г. снова вспыхнули студенческие беспорядки, за которыми последовали сотни арестов. В последующие годы увеличилось количество забастовок заключенных в тюрьмы албанцев из-за ложных доносов, за которые они были осуждены. Край оказался на пороге восстания⁶.

Тито боялся «шиптаров»⁷, поскольку они, сотрудничая с усташами, попытались организовать последнее из 21 или 25 покушений, мишенью

¹ NARA. CREST. National Intelligence Daily Cable. European Communist Meeting. 28.06.1976; *Ivanji I.* Titov prevajalec. S. 161, 162.

² *Dedijer V.* Novi prilozi. Vol. III. S. 34; T. e. 271. Pričevanje Aleksandra Grličkova, 10.10.1980; NARA. CREST. National Intelligence Daily Cable. European Communist Meeting, 08.06.1976.

³ *Mandić B.* Tito u dijalogu sa svijetom. S. 451.

⁴ *Bilandžić D.* Povijest izbliza. S. 221.

⁵ ИМ 76-040С. The Yugoslav Armed Forces. 01.10.1976 // Yugoslavia. From «National Communism».

⁶ NARA. CREST. Yugoslavia: The Kosovo Problem // A Research Paper, 21.04.1979.

⁷ В южнославянских языках пренебрежительное прозвище албанцев.

которых был он сам. Оно должно было произойти в Загребе, где в середине сентября 1975 г., во время ярмарки, он собирался вручить ордена народного героя местным руководителям. О том, что готовится покушение, югославам сообщили советские разведслужбы, из-за чего в последний момент был изменен протокол визита. Бомбы, которые были подложены там, где Тито мог на несколько мгновений задержаться, взорвались, но единственной их жертвой стали окна Загребского банка. Пресса о событиях не упоминала, но это не означало, что оно не взволновало руководящих лиц в партии и государстве¹. Считалось, что нельзя допустить сотрудничества между разными эмигрантскими группами, которые после смерти Тито могут напасть на Югославию. «Дерзость последних террористических акций, — написано в сообщении ЦРУ, — убедила Белград удвоить безопасность и предупредить иностранные правительства, которые имеют судебную власть над террористами»².

На международной арене Тито хотел поставить точку и навсегда прояснить отношения с Советским Союзом. В ноябре 1976 г., как мы уже отмечали, он снова встретился с Леонидом Брежневым, который после пятилетнего перерыва приехал с рабочим визитом в Белград. Этот визит состоялся спустя несколько недель после того, как в Боснии и Герцеговине, Черногории и Сербии закончились большие военные маневры, названные «Голиаф». Они были направлены против возможного танкового столкновения на территориях у румынско-венгерской границы и длительной партизанской борьбы во внутренних областях государства. Хотя об этом и не говорилось открыто, было очевидно, что югославские стратеги всё еще видят в Советском Союзе и его «сателлитах» возможных агрессоров.

Брежнев, который провел с Тито, Карделем и Доланцем череду открытых, бурных переговоров, пытался развеять эти страхи. В тосте на торжественном ужине он шутливо отметил, что Югославия не Красная шапочка, которую, по мнению западной прессы, «серый волк хочет сожрать». Однако эти примирительные слова не имели успеха. В сообщении, опубликованном в конце визита, можно найти абзац о независимости СКЮ, которого до этого не было ни в одном советско-югославском документе, слово «доверие», включенное в декларацию 1973 г., теперь имело совсем иной смысл: доверие — это то, что необходимо постоянно дополнять и надстраивать. Коротче говоря, после истории с информбюровцами югославы больше не верили

¹ NSK, Arhiv Bakarić. Kutija 20. Libre Belgique. 24.–25.12.1977; Kleine Zeitung. 1977. 29.12; *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 19, 20, 44, 65; TNA. FCO 28/1647; NIE 15-79. Prospects for Post-Tito Yugoslavia Vol. II — The Annexes. 25.09.1979 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 603; AS. Dediđer. T. e. 3; T. e. 198. Tipkopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 2; *Kranjc M.F.* Zarote in atentati na Tita. S. 378, 379; NARA. CREST. Soviet Union-Eastern Europe. Explosion on Tito's Travel Route in Zagreb. 18.09.1975.

² NARA. CREST. Soviet Union — Eastern Europe. Yugoslav Security Concerns Outlined, 25.09.1975.

Советам, тем более что были уверены: можно ожидать подлого удара в наиболее чувствительный момент: после смерти Тито¹. Когда советская печать попыталась преподнести встречу в контексте «коллективного обсуждения стратегии и тактики социалистических государств», югославские комментаторы, очевидно по указанию сверху, решительно ответили, что нет речи о возврате Югославии в «социалистический лагерь»².

Озабоченность Тито и его окружения из-за намеков, что они возвращаются в «лагерь», была настолько велика, что им казалось, будто и на западе укрепляется мысль о зависимости Югославии от Варшавского пакта. Гельмут Зонненфельд, руководитель отдела Восточной Европы в Государственном департаменте, говорил на встрече в Лондоне в декабре 1975 г. с американскими послами, аккредитованными в коммунистических государствах, что латентный конфликт между Советским Союзом и его сателлитами может быть более опасен для всего мира, чем напряженность между блоками. Западу, следовательно, выгодно способствовать созданию «более нормальных и органичных» отношений в советской геополитической сфере, так как Москва в ней имеет «логично обоснованные права», которые нужно уважать. Когда информация о «Доктрине Зонненфельда» дошла до общественности, в Белграде ее восприняли с чувством большого дискомфорта, поскольку американский дипломат в свои рассуждения вовлекал и Югославию. Руководителям Югославии следует втолковать, «что наш интерес в ее независимости не меньше, чем их, и поэтому не должны допускать какой-либо иной внешней политики»³. Эти слова югославская пресса интерпретировала как попытку воскрешения ялтинского духа, который основывался на концепции разделения Европы между великими державами, и как покушение на суверенитет и независимость Югославии. Тито был уверен, что между Москвой и Вашингтоном существует некий «джентельменский договор», который как американцам, так и русским гарантировал «право охотиться в своих угодьях»⁴. Мысль о том, что в советские «угодья» попадала Югославия, конечно же, была для него неприемлема.

Тито и освободительные движения в третьем мире

Тито до последней минуты своей жизни оставался партизанским вождем, поскольку своими советами и взглядами решительно способствовал развитию движения освобождения, особенно в некоторых африканских государствах. В то время как в 1950-е гг. он участвовал в поддержке алжирского Освободительного фронта и в 1960-е гг. активно поддерживал южных вьетнамцев, в 1970-е гг. Тито обратил свое внимание прежде всего на палестинцев

¹ *Pirjevec J.* Jugoslavija. S. 329, 339; NARA. CREST. Weekly Summary, 19.11.1976.

² AS. Dedijer. T. e. 123.

³ *Pirjevec J.* Jugoslavija. S. 327, 328.

⁴ AS. Dedijer. T. e. 123.

и борьбу за независимость в португальских колониях в Анголе, Мозамбике и Гвинее-Бисау.

Об этих движениях в 1974 г. на X Съезде СКЮ он сказал, что они — важная составляющая передовых сил современной действительности. Своей борьбой за национальное освобождение они способствуют борьбе против империализма и колониализма, это означает, что всесторонняя поддержка и помощь им — интернациональный долг всех социалистических и демократических стран¹. В статье, которую 15 января 1974 г. напечатала *Internacionalna politika*, видный македонский общественный деятель Димче Беловски написал: «Югославия поставила на карту свой мировой престиж, который получила в народно-освободительной войне, перейдя к помощи колониальным народам Азии и Африки. Нет ни одного освободительного движения, которое в соответствии со своими возможностями мы не поддерживали бы морально, политически и материально»².

Тито не ограничился только теми, кто боролся за независимость. Когда в середине 1970-х гг. вспыхнул приграничный спор между Ираном, где в то время правил шах Реза Пехлеви, и Ираком Саддама Хусейна, Тито призвал на помощь всё свое влияние, чтобы содействовать перемирию (временному) между государствами Персидского залива³. После принятия конституции 1974 г. на основе договора между республиками и краями был установлен специальный договор солидарности с неприсоединившимися государствами и развивающимися странами. Целью этого договора была помощь национально-освободительным движениям, которую в основном координировал Социалистический союз трудового народа Югославии. В то время, когда палестинское освободительное движение было еще изолировано на международной арене, Тито стал одним из первых, кто его поддержал. Он зашел так далеко, что косвенно оправдывал некоторые террористические акции, поскольку говорил, что угнетенные народы имеют право бороться всеми средствами за свободу и независимость. Принимая во внимание эту позицию, неудивительно, что Ясир Арафат, вождь палестинцев, в последние десять лет жизни Тито раз в год бывал его гостем. Еще чаще Тито встречался с лидером ангольских партизан Агостиньо Нето, при этом следует добавить, что Югославия в это время обучала около ста бойцов партизанских отрядов из Анголы, Гвинеи-Бисау и Мозамбика, а также посылала им оружие, провизию и медицинскую помощь. В ноябре 1975 г., когда была провозглашена независимость Анголы, части Южноафриканского союза, часть регулярной армии Заира и диссидентские движения «Национальный фронт освобождения Анголы» и «Национальный союз за полную независимость Анголы» со всех сторон вторглись в Анголу. Они попытались захватить столицу Луанду и уничтожить освободительное движение «Народное движение за освобождение

¹ AS. Dedijer. T. e. 220. Tito nikad nije zaboravio svoju revolucionarnu dužnost. S. 2.

² Razumovsky A. Ein Kampf um Belgrad. S. 405, 406.

³ AS. Dedijer. T. e. 252. Pismo V. Dedijerju. 01.12.1983.

Анголы — Партия труда». Тито приказал направить туда военную помощь. В Анголу отправились два югославских военных корабля, что имело большое значение: как позднее заявили местные вожди, первый бой за независимость Анголы, бой за Луанду, был выигран с югославской помощью. В другой фазе в нее включились также кубинские части¹.

Особые связи имел Тито с вождем сопротивления Родезии, впоследствии Зимбабве, Робертом Мугабе, хотя Югославия не дискриминировала и другое освободительное движение, которое возглавлял Джошуа Нкомо. Обычно руководство придерживалось правила сохранять рабочие отношения с теми освободительными движениями, которые официально признала Организация африканского единства и движение неприсоединившихся. К ним не относилось освободительное движение западной Сахары «Полисарио». Однако когда Тито умер, на его похороны неожиданно приехали и его представители. Протокол вначале предположил, что речь идет о предшественнике алжирского президента, но после осознал, что это ошибка, а не хитрость. Высокий, черноволосый юноша, объясняя, почему он хочет там оказаться, сказал: «Мы дети Тито, поэтому мы приехали на похороны поклониться ему последний раз». Конечно же, не было речи о том, чтобы отправить их восвояси, несмотря на протесты представителей Марокко².

Вопрос независимости движения неприсоединения

Так же как и независимость Югославии, Тито к концу жизни беспокоила и независимость движения неприсоединения. В то время, когда он посетил Кувейт, чтобы укрепить единство арабского мира, он активно вмешался и в столкновение между Эфиопией и Сомали, и пытался убедить СССР и кубинцев убрать свои подразделения из Сомали³. Большую часть усилий он направил на конференцию неприсоединившихся в Гаване, куда отправился в 1979 г., чтобы из «уважения к началам движения» предотвратить раскол внутри него. Этот раскол длился достаточно долго — со встречи неприсоединившихся в Алжире в 1973 г., и Тито с трудом удалось его преодолеть. В последующие месяцы после алжирской конференции, в сентябре 1973 г., оказалось, что государства третьего мира получили больший вес на международной арене из-за подорожания нефти, о котором арабы приняли решение после Октябрьской войны между Египтом и Израилем. Подорожание нефти показало, в какой степени богатый «север» зависит от «юга» и его полезных ископаемых. Хотя повышение цен на нефть и нефтепродукты сильно задело и Югославию, Тито в разговоре с немецким канцлером Гельмутом Шмидтом этот урок обозначил как, «возможно, самое важное событие в истории человечества». Он ожидал, что индустриально развитые государства должны

¹ Božič J. Jug Afrike in narodnoosvobodilni boj. S. 130.

² AS. Dedijer. T. e. 220. Tito nikad nije zaboravio svoju revolucionarnu dužnost. S. 6, 7.

³ Ibid. 28.03.1978; 16.01.1979.

будут установить новые, более справедливые партнерские отношения с неразвитыми, но богатыми природными ресурсами странами. Из-за этого он поддержал предложение, адресованное генсеку ООН, — чтобы предстоящая Генеральная Ассамблея прежде всего обсудила глобальные экономические вопросы. И действительно, в сентябре 1973 г. впервые в истории ООН было созвано специальное заседание, на котором обсуждалась эта тема. Была принята декларация о новом международном порядке и создана программа действий, которую представители неприсоединившихся стран восприняли как свое большое достижение¹. Но эта программа не была реализована².

Идея нового экономического устройства, которая в Алжире стала стимулом к действию всех развивающихся государств, решивших воспротивиться потребительскому отношению, не прижилась. Напротив, движение неприсоединившихся из-за внутренних столкновений между государствами — членами арабского мира, Азии и Африки оказалось в кризисе самоопределения. По мнению Тито, в этом виновны были прежде всего США со своей «империалистической стратегией фрагментации», которая тяготела к тому, чтобы разобщить неприсоединившиеся страны с помощью «проплаченных» режимов в Африке и Азии³. Он попытался выйти из кризиса, взяв на себя роль посредника в различных региональных конфликтах и глашатая общих целей, которые были бы приемлемы для всех: разоружение великих держав и создание новой экономической системы, приемлемой для развивающихся стран. Эта политика имела свою цену. Поддержка Тито освободительного движения в Африке и на Западе вызвала недовольство и вовлекла государство в целый ряд проблем, которые были ему неведомы. Тито был настолько самоуверен, что посылал в конфликтные зоны своих военных советников (как это делали Куба и Восточная Германия) и разрешил организацию учебных лагерей для палестинцев, ливийцев и южноафриканцев на югославских территориях. Не говоря уже об оружии, которое он продавал государствам третьего мира⁴.

В этом контексте Куба и некоторые другие неприсоединившиеся государства начали возражать против отделения от блоковой системы, указывая, что в борьбе против империализма нужно опереться на «естественного» союзника, Советский Союз. Обсуждение этого вопроса должно было состояться на конгрессе, который был созван в начале сентября 1979 г. в Гаване. Югославы, которые боялись как западного империализма, так и советского гегемонизма, этого тезиса принять не могли. Они полагали, что речь идет об опасной политике, которая по сути является реакционной,

¹ Bogetić D. Tito i nestvrstani. S. 411, 412.

² PA. Zwischenarchiv. 112618. 26.06.1974.

³ AS. Dedijer. T. e. 96. Hronologija za IV. tom. S. 13.

⁴ BA. DY 30/IV B2/20/134; NARA. CREST. Sub-Saharan Africa Report. No. 643; AMZV. Zprávy ZÚ. Belehrad 1973–1975. 0481/74. V Belehrade. 01.05.1974; TNA. FCO 28/1647; NIE 15-79. Prospects for Post-Tito Yugoslavia Voll. II-The Annexes, 25.09.1979 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 611.

и которая неизбежно ослабит положение неприсоединившихся, снизит их роль на международной арене и сузит возможности для дальнейшего развития социализма как «мирового процесса»¹. Уже в 1961 г. югославские дипломаты сказали американским коллегам, что им не стоит беспокоиться по поводу неприсоединившихся, поскольку они не допустят, чтобы движение кубинцев приняло ярко выраженный антизападный характер². Попытки Кастро в последующие годы спровоцировать революционное движение в Латинской Америке и Африке натолкнулись на решительное сопротивление Тито, поскольку он отстаивал тезис, что необходимо возвращать дружественную политику со всеми государствами третьего мира, невзирая на их внутренние режимы, а не только с теми, кто устремлен в направлении социализма, как хотел того кубинский лидер³. Несмотря на критическое отношение к американскому империализму, Тито в 1979 г. остался при мнении, что не стоит недооценивать советского гегемонизма. Поэтому он решил прибегнуть к энергичным действиям, так как считал, что только он может предотвратить распад лагеря неприсоединившихся. Будучи уверен, что речь идет о том, «быть или не быть нашему движению», он за шесть месяцев посетил семь афро-азиатских государств, чтобы заручиться необходимой поддержкой. В самом крайнем случае он готов был созвать «антиконференцию» в Белграде, «поскольку отношение Кубы абсурдно. Многие считают, что Куба не соответствует критериям, необходимым для проведения на ней саммита»⁴.

На конгрессе в Гаване, шестом по счету, присутствовало 95 стран-участниц и 21 страна-наблюдатель. Перед этим мировым собранием, самым большим в истории человечества, если говорить о количестве присутствовавших глав государств, Тито в последний раз сыграл свою роль вождя и учителя и попытался убедить неприсоединившихся не следовать за теми, кто хочет их воодушевить «борьбой за чуждые интересы». Он имел особый успех и сорвал бурные овации. Президент Гвинеи Ахмед Секу Туре назвал его «великим государственным неимущим всего мира»⁵. Но результаты его усилий не воодушевляли. После драматичных обсуждений президиум принял документ, который отличался от просоветского проекта кубинцев, однако те со своими единомышленниками завладели информационным бюро движения, которое в последующие три года, т.е. до следующего конгресса, должно было руководить неприсоединившимися. Югославы на Кубе болезненно

¹ BA. DY 30/IV B2/20/130; *Simić P., Despot Z.* Tito. S. 416.

² PA. 702/84/04.

³ BA. DY 40 IV. B 2/20/139; *Petrović V.* Havana, 1979. Labudova pesma Titove lične diplomatije // Tito-videnja. S. 418, 419.

⁴ NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 11. Izlaganje Tita na zajedničkoj sednici predsedništva SFRJ i predsedništva CK SKJ u Herceg-Novem. 22.03.1979; *Pirjevec J.* Jugoslavija. S. 333; *Cenčić V.* Enigma Kopinič. D. II. S. 147; *Mandić B.* S Titom. S. 86, 87.

⁵ AS. Dedijer. T. e. 3; NARA. CREST. The Nonaligned Movement: Dynamics and Prospects. A Intelligence Assesment. 30.03.1979.

почувствовали свое одиночество, они понимали, что теряют влияние в движении неприсоединения, и делали всё возможное, чтобы его сохранить. Но они не понимали, что потеря ими главенствующей роли в этом движении является следствием их внутривосточного кризиса. Чтобы дать движению неприсоединения новый разбег, они должны были разоблачить суть советского социализма и поставить тем самым под вопрос легитимность своего собственного режима. «Здесь протекает Рубикон, — записал Стане Кавчич, — который современное руководство Югославии с Тито во главе не хочет, не знает как и не может перейти»¹. Тито проиграл свою последнюю битву с СССР, поскольку его режим, несмотря на все преобразования, был слишком похож на советский.

При исследовании борьбы против советского «гегемонизма» нельзя упустить тот факт, что Югославия в экономическом плане становилась всё более зависима от Советского Союза. В 1979 г. она достигла такой же зависимости, какую имела до конфликта со Сталиным, не говоря уже о вооружении, которое, несмотря на развитие национальной промышленности, в первую очередь опиралось на поставки из СССР². О расхождении во мнениях, которые вопреки всему остались актуальны, Тито имел разговор с Брежневым во время своего последнего «нерабочего и дружеского» визита в Москву в мае 1979 г. Главы государств не смогли достигнуть договоренности относительно спорных вопросов, которые касались отношений с Китаем, политики в Юго-Восточной Азии и в Африке, балканских ирредентистских стремлений в Македонии и прежде всего движения неприсоединения. Единственное, в чем они были единодушны, — это было обещание притушить общественную полемику и создать пятилетний план для развития межгосударственной торговли³. Когда Тито уехал, «Радио Москва» обнародовало комментарий, который прозвучал зловеще, поскольку снова подчеркнул доктрину Брежнева об ограниченной суверенности социалистических государств. В нем говорилось, что Советский Союз хочет возвращать равноправные отношения с Югославией, при этом собирается уважать «не только национальные, но и международные интересы»⁴.

«Ничто нас не застанет врасплох»

Еще больше ситуации на Кубе Тито волновало положение в Юго-Восточной Азии в конце 1970-х гг. С югославской точки зрения вторжение Вьетнама в Камбоджу, которое произошло 25 декабря 1978 г., выглядело как

¹ *Kavčič S.* Dnevnik in spomini. S. 313.

² *Simić P.* Tito. S. 335; *Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. S. 27.

³ TNA. FCO 28/1647; NIE 15-79. Prospects for Post-Tito Yugoslavia Voll. II-The Annexes. 25.09.1979 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 610; NARA. CREST. National Intelligence Daily Cable. 17.05.1979; 23.05.1979; *Mandić B.* Tito u dijalogu sa svijetpom. S. 632–642.

⁴ *Razumovsky A.* Ein Kampf um Belgrad. S. 452.

агрессия, на которую во имя «братской помощи» ее вдохновил СССР, не смотря на общественное мнение. Утверждение, что Камбоджа под кровавым режимом Пол Пота не является социалистическим государством, по мнению Тито, было лишь отговоркой, которой агрессоры оправдывали нарушение международного права и принципов отношений между социалистическими государствами. Никто не имеет права, отмечал он, принимать решение о социалистическом характере какого-либо государства, кроме его народа и руководства. Кто утверждает, что недвусмысленные преступления режима Пол Пота являются доказательством его непринадлежности социализму, плохо знает историю. В Советском Союзе число убитых сталинским режимом шло на миллионы, однако никто на основе этого не делал вывод, что он потерял свое социалистическое содержание. Нападение Вьетнама на Камбоджу создало напряженность не только в Юго-Восточной Азии, но и во всем мире. Необходимо спросить, говорили Тито и его товарищи, куда это всё может привести. СКЮ пристально рассмотрела ситуацию в Индокитае и пришла к двум важным выводам: первый — сбылось предсказание Карделя о том, что напряженность между социалистическими государствами имеет объективный характер, а это означает, что войны между ними могут происходить. Второй — что Югославия ныне и в будущем должна быть готова ко всему. Тем более что она противостоит сильному нажиму постоянного советского вмешательства, а также территориальным претензиям болгар. Готовность к сопротивлению должна охватывать две области: политико-экономическую и военную. По мнению Тито, средства информации создали в Советском Союзе враждебное отношение к Югославии, в то время как Болгария концентрировала войска на ее границе. «Сейчас у нас ситуация, какой не было на протяжении всего послевоенного времени. После войны мы говорили и делали всё для того, чтобы у нас был мир сто лет, а готовились так, словно завтра могла начаться война. Мне кажется, что сейчас настало время для второго. Необходимо работать, и работать так, чтобы как можно больше содействовать единству внутри государства, словно завтра война. Расстановка сил в мире сейчас такая, что никто не может сказать, что будет утром»¹.

В связи с этим была проведена большая пропагандистская акция, которая должна была сплотить всё население; ее лозунгом было: «Ничто нас не может застать врасплох», и она искусственно нагнетала страх и психоз перед возможной угрозой. Словно весь мир готовил заговор против Югославии². При этом было невозможно не заметить, что речь шла об акции, которая в первую очередь имела своей целью укрепление режима и ликвидацию его

¹ NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 11. Izlaganje Tita; TNA. FCO 28/1647; NIE 15-79. Prospects for Post-Tito Yugoslavia Vol. II — The Annexes, 25.09.1979 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 610; NARA. CREST. National Intelligence Daily, 08.02.1979.

² NSK. Arhiv Bakarić. Kutija 45. Poseta sekretara Predsedništva CK SKJ Dolanca Francuskoj na poziv George Marchaisa. 06.–08.11.1978; Ivan Dolničar — Bakariću, Aktualna vojno-politička problematika. 28.11.1978.

политических и экономических противоречий, которые нарастали изо дня в день. Партия после поражения либералов смогла снова взять на себя решающую роль в югославской действительности и укрепить свой авторитет. Вопреки заявлениям о самостоятельности самоуправления ключевые вопросы, касавшиеся руководства государством и обществом, оставались в руках узкого круга Тито, который строился на основе принципа «демократического централизма». На XI Съезде СКЮ, проходившем 20–23 июня 1978 г., стало ясно, что партия строится на диктатуре пролетариата, особенно его авангарда, и не собирается отказываться от контроля над органами власти: секретными службами, армией и дипломатией¹. Эту ситуацию хорошо иллюстрирует эпизод, произошедший во время подготовки вводного реферата Тито к XI Съезду. Основу его тезисов написала группа специалистов, которая работала всю ночь, чтобы на следующий день маршал их прочел и дополнил. Он это сделал и встретился с коллегами после полудня, дав им новые указания. В конце обсуждения последовал совместный ужин, во время которого в непринужденной беседе кто-то из присутствовавших предложил, чтобы часть реферата, касавшаяся международной политики, была послана в Секретариат иностранных дел. Тито побарабанил по столу пальцами, немного помолчал и сказал: «Могли бы и им послать!» После этих слов его лицо искривилось, он ударил ладонью по столу и в бешенстве крикнул: «Не пошлю им, я в этом разбираюсь как никто в Югославии»².

Ничто не вечно, и Югославия тоже

В мае 1978 г. праздновали 86-летие Тито. На Бриони организовали встречу старых товарищей. Среди них был Родолюб Чолакович, который в своем дневнике записал: «Хотел бы я не пойти. Старик в упадке, с трудом ходит, с трудом говорит, несмотря на то что на парад он надел белый мундир и принарядился, на него было тяжело смотреть. Всё торжество проходило так, словно он здоров. На самом деле у него повышенный сахар, ноги отказывают, а он считает, что это ишиас... У деда трясется правая рука, верхняя губа поднимается вверх, он постоянно стискивает зубы, поскольку знает, что так губа опустится»³. Осенью 1979 г. здоровье Тито сильно ухудшилось, прежде всего из-за проблем с кровяным давлением в правой ноге, которое медицинское вмешательство не смогло изменить. Тито и его товарищи в годы войны каждый день смотрели смерти в глаза и воспринимали ее как некую дань, которую нужно было заплатить для достижения цели. Когда они пришли к власти, их отношение к смерти изменилось — теперь она стала не правилом, а скорее исключением. Тяжелым ударом была смерть Бориса Кидрича в 1953 г. — это была первая смерть после войны человека из узкого

¹ BA. DY 30/IV B 2/20/129.

² AS. Dedijer. T. e. 298, Novi prilozi. Vol. IV. Deveto poglavje. S. 20, 21.

³ Antonić Z. Rodoljub Čolaković. S. 437.

круга руководства, который был двигателем реформ после ссоры со Сталиным. Тито приехал на похороны в Люблян и на «Голубом поезде» вернулся в Белград. Во время поездки он говорил своим попутчикам о скоротечности жизни; Джилас отметил, что человек не что иное, как изменяющаяся материя. Тито прервал его с упрекающей усмешкой: «Мы говорим сейчас не о том. Кто это знает, кто об этом что знает?»¹

Тито понимал, что за ним остается пустота. И не хотел, чтобы было по-другому. Когда Сталин умер, он сказал: «Диктаторы никогда не оставляют наследников». И когда в ноябре 1953 г. на 10-летию II сессии АВНОЮ Джилас предложил ввести специальную «маршальскую» регалию (работа скульптора Антуна Августинчича), которую после смерти Тито наследовал бы новый руководитель, Тито этой идее воспротивился: «Конечно, ее будет носить какой-нибудь трус»². В последние годы его жизни Югославия начала отставать в экономике и политике, конституцию 1974 г. нельзя было воплотить, союзное государство невозможно было трансформировать в конфедерацию, связать по-новому республики, осуществить переход из однопартийного режима в систему политического и экономического плюрализма. Перенос власти на республики препятствовал союзному правительству осуществлять успешную экономическую стратегию, СКЮ — влиять на местные политические верхи. Стане Доланц проиллюстрировал сложившееся положение так: «...демократический централизм ограничивается рамками республик»³. Мирослав Крлежа, который хорошо знал как королевскую, так и социалистическую Югославию, понимал, к чему всё идет. Уже в начале 1970-х гг. он осознал, что созданная Тито федерация не может выжить: «Старый господин сшил костюм по меркам, но не увидел, что он трещит по всем швам»⁴. Вопрос только в том, действительно ли он этого не понял. В интервью, которое Тито дал итальянскому писателю Альберто Моравиа, он заявил, что его Первая мировая война научила, как в жизни может всё меняться, что ни одно государство не вечно, что всякое царство преходяще⁵. Накануне смерти он должен был понять это и относительно своего государства.

В мае 1978 г. на XI Съезде СКЮ он оптимистично заявил: «...мы, югославские коммунисты, как и всегда, честно исполняли свой долг по отношению к рабочему классу, своим народам и народностям, ко всем социалистическим, прогрессивным и демократическим силам в мире. <...> Поэтому мы с ясностью и оптимизмом смотрим в завтрашний день»⁶. Но этим словам он уже давно сам не верил: едва прошел месяц после военных учений «Свобода 1971», в конце ноября, возвращаясь из Бухареста,

¹ Dilas M. Tito. S. 251.

² NARA. CREST. Outside Official Reaction to Stalin's Death; Dilas M. Tito. S. 299.

³ TNA. FCO 28/3909 ENU 010/3.

⁴ Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. II. S. 820.

⁵ Dedijer V. Novi prilozi. Vol. II. S. 262.

⁶ Simić P. Tito. S. 331.

чтобы разделаться с хорватскими либералами, в поезде он говорил своим коллегам: «Если бы вы знали, каким я вижу будущее Югославии, вы были бы шокированы»¹.

Когда Тито на Бриони навестил старый боевой товарищ, Светозар Вукманович — Темпо, он спросил: «Как дела с Югославией?» Тито ответил: «Нет больше Югославии». «А что с партией?» — «Нет больше и партии»². Он был прав. Хотя на свое наследие он мог бы смотреть с большей гордостью, поскольку в годы его правления уровень жизни населения решительно возрос, давление полиции снизилось, различия между привилегированным партийно-политическим верхом и гражданами уменьшены. У каждой четвертой семьи был автомобиль, не говоря уже о дачах, которые росли, как грибы под дождем. Югославия была одной из самых открытых стран в мире, это касалось и туристов, и югославов, которые без визы могли свободно путешествовать в 44 страны мира. Югославы пользовались всеми свободами, кроме свободы слова. Именно в этом крылась причина разложения³. Поскольку не было свободы обмена мнениями, невозможно было говорить о том, что будет с Югославией после Тито. Было ясно, что после его смерти она уже не будет такой, какой была прежде. «Как национальный патриарх, спаситель и политический организатор Тито незаменим, — записали аналитики ЦРУ уже в 1967 г. в исследовании, посвященном “югославскому эксперименту”. — Почти четверть столетия он был символом единства югославских народов и верховным судьей в Югославии. Как распорядиться его наследством — самый большой вопрос, с которым сталкивается партия и сам Тито. Хотя Тито и видит проблемы, которые вызовет его уход, его гений компромисса и импровизации в этой области бессилён. Человек может позаботиться о своих похоронах, но вряд ли сыграет в них активную роль»⁴. При этом особенно горьким было то, что из-за удушающих обстоятельств, которые сложились в государстве, политически мыслящие люди боялись смерти Тито и в то же время желали ее, осознавая, что до нее изменений не будет. «Его смерть — это последняя надежда и спасение», — записал Добрица Чосич в начале января 1978 г.⁵

Что касается личной жизни, то на закате жизни Тито оказался не только без жены, но и без друзей. Он был настолько одинок, что это даже заметил британский посол в сообщении за 1978 г.⁶ Это стало очевидным во время празднования 35-летия битвы на Неретве, поскольку на торжестве не было, кроме функционеров, ни одного из его ближайших боевых

¹ Jović D. Yugoslavia. A State that Withered Away. West Lafayette : Purdue University Press, 2009. P. 139.

² Bilandžić D. Hrvatska. S. 693; Ridley J. Tito. A Biography. P. 409.

³ TNA. FCO 28/2798/ENU 1/1.

⁴ NIE 15-67. The Yugoslav Experiment. 13.04.1967 // Yugoslavia. From «National Communism». P. 316.

⁵ Čosić D. Piščevići zapisi (1969–1980). S. 295.

⁶ TNA. FCO 28/3909. ENU 010/3.

товарищей. Коча Попович был в немилости, отсутствовал и Пеко Дапчевич, легендарный командующий Второй пролетарской дивизии. Во время поздравительной речи Тито громко спросил: «Как это здесь нет Пеко Дапчевича? Пошлите за ним вертолет». Это тут же произошло, но Пеко не хотел ехать, так как его своевременно не пригласили¹. Еще хуже было то, что во время своей речи Тито совсем потерял меру и говорил о себе самом и о своей роли в судьбоносной битве без излишней скромности. «Он сам себя убедил, что является величиной», — язвительно отметил Лазарь Колишевский².

Смерть Тито

Новый 1980 г. Тито отпраздновал в кругу своих сыновей и ближайших соратников в Караджорджеве, причем все в Югославии, кто смотрел телевизор, отметили, что поздравления он принимал сидя³. Первого января он посетил традиционный обед с виднейшими югославскими политиками и в связи с этим выразил надежду, «что и следующий новый год мы встретим вместе». Он пытался быть радушным, при этом было видно, что он скрывает болезнь, которая его мучила. На самом деле еще перед праздниками его мучил тромб левой ноги. Два дня спустя его приняли в Университетском клиническом центре в Любляне «на диспансеризацию». Одно из последних политических решений, которое принял Тито до отъезда в больницу, был запрет девальвировать динар более чем на 30 %, как то предлагал председатель союзного Исполнительного совета, министр финансов и глава Национального банка. Он знал, что это будет сигнал миру о катастрофическом положении югославской экономики. Этого он не хотел. Но ситуация была весьма трагичной: у Югославии был приблизительно 21 млрд долларов внешнего долга, на выплату которого шла значительная часть национального дохода, в то время как 6,5 % населения оставалось безработным⁴, несмотря на большое количество гастарбайтеров.

После осмотра Тито отпустили из Клинического центра, но врачам было ясно, что необходимо оперировать. Последовала новая госпитализация, по совету известного американского хирурга Майкла Дебейки и русского специалиста Марата Князева была сделана попытка произвести все необходимые манипуляции с артериальным байпасом. Когда это вмешательство не принесло желаемых результатов, семь дней спустя пришло сообщение, что Тито ампутировали левую ногу, в противном случае он умер бы от гангрены. Когда ему сказали, что его ожидает, он был так впечатлен, что грозил самоубийством. Со времен своей нелегальной работы до войны он всегда

¹ AS. Dedijer. T. e. 68. Krtačni odtisi. S. 697.

² AS. Dedijer. T. e. 197. Pogovor z L. Koliševskim. 07.11.1985.

³ Čosić D. Piščevi zapisi (1969–1980). S. 355.

⁴ Bilandžić D. Povijest izbliza. S. 204, 251; Simić P., Despot Z. Tito. S. 518, 520–522.

спал с пистолетом под подушкой¹. Операции он долго сопротивлялся, поскольку, как он говорил, родившись с двумя ногами, не хочет умереть как калека. Но в конце концов, в последний момент он согласился².

Поскольку было очевидно, что это его «последняя битва», политическое руководство в середине февраля приняло «программу» его похорон. Международная обстановка была неблагоприятная, так как 27 декабря 1979 г. Советский Союз ввел свои войска в Афганистан, чтобы защитить свои интересы в этой стране. Это убедило югославов, что они находятся перед лицом реальной опасности. Было очевидно, что Советский Союз как никогда раньше готов использовать свою армию для реализации внешнеполитических целей, и не только в Средней Азии³. Подобное мнение преобладало и в Белом доме, откуда президент Джимми Картер направил Тито специальное письмо и обещал свою поддержку. Со своей стороны Маргарет Тэтчер, британский премьер-министр, заявила в парламенте, что «сделает всё возможное, чтобы гарантировать независимость Югославии». Эти заявления югославы оценили и в первую очередь рассчитывали «на наших западных друзей», как говорил секретарь по обороне Любичич командующему Генерального штаба ВВС Британии⁴. Югославию охватила настоящая паника. Люди опустошали магазины, начали снимать деньги в банках, а некоторые даже бежали за границу. На тайных совещаниях, где речь шла о защите государства, секретарь национальной безопасности Сербии назвал Джиласа, изгнанных профессоров, которые входили в кружок журнала *Praxis*, и Добрицу Чосича врагами, против которых будут приняты меры. Была провозглашена повышенная боевая готовность, вокруг Белграда и других крупных городов были размещены танки и орудия. Чтобы избежать советского окружения, некоторые высокие политические представители в Белграде, согласно сведениям ЦРУ, как и в начале 1950-х гг., думали об ударе по Албании, чтобы прикрыть себя с тыла. В то же время в закулисе усилилась борьба за власть между группой Бакарича, которая хотела, чтобы он был избран главой партии, и сербами с Петром Стамболичем и Милошем Миничем во главе, которые этому противились⁵.

Чтобы переход власти прошел как можно безопасней, необходимо было продлить агонию Тито. «На каком-то заседании врачебного консилиума

¹ *Šimčić M.* Ženske. S. 289.

² *Ćosić D.* Piščevi zapisi (1969–1980). S. 356; AS. Dedijer. T. e. 68. Krtačni odtisi. S. 729; T. e. 298. Novi prilozi. Vol. IV. Devetnajsto poglavje. S. 6; *Lalević P.* S Titom po svetu. Beograd: JP Službeni glasnik, 2011. S. 152–173.

³ NARA. DCI Turner's Address to Amherst, Smith. Vassar and Williams. Wash. D. C. Alumni Clubs, 19.03.1980.

⁴ TNA. FCO 28/4229.

⁵ *Ćosić D.* Piščevi zapisi (1969–1980). S. 357, 364; NARA. CREST. National Intelligence Daily. 03.01.1980; 08.01.1980; 10.04.1980; Memorandum for the Record. Staff Meeting Minutes. 18.01.1980; Worldwide. Reaction to the Soviet Invasion of Afghanistan. An Intelligence Memorandum.

с членами Президиума, — сообщает д-р Лалевич, — Доланц нам сказал, что в тот день из Болгарии несколько танковых колонн двигались к нашей границе. Они остановили их близ границы и через час вернулись. И поэтому важен не каждый день, а каждый час жизни президента»¹. Последовала интенсивная терапия. «Почти за невероятные сроки» врачам удалось продлить его жизнь, они позаботились об оттоке крови в жизненно важные органы, при этом не могли обойтись постоянным перекрытием вен. Произошли побочные эффекты, в результате которых Тито пришлось подсоединить к аппарату искусственной вентиляции легких. Клиническое состояние было настолько запутанным, что «они не могли найти аналогов в медицинской практике». Появились проблемы в печени, что вызвало желтуху. В конце смерть наступила из-за периферийной кровеносной системы и остановки сердца. При вскрытии в желудке обнаружили опухоль размером с яйцо, вероятно, не злокачественную. В заключении о смерти написали, что из-за болезни произошли такие изменения, каких не наблюдали «у других пациентов»².

Йосип Броз Тито умер в воскресенье, 4 мая 1980 г. в 15:05, в возрасте 88 лет. Верховные партийные и государственные власти были оповещены сообщением: «Гонка отменена»³. Три часа спустя пришло служебное сообщение, что «великое сердце» товарища Тито остановилось. После смерти «самый великий человек современности» вернулся в Белград на «Голубом поезде», который после Второй мировой войны «унаследовал» от короля Александра, но обновил его, поскольку тот был недостаточно роскошным. В этом принимали участие советские специалисты, которые добавили два бронированных вагона. Защита Тито была такой же, как у Сталина. И так же как и тот, Тито был удостоен похорон, достойных фараонов, еще более величественных, поскольку на них присутствовали представители почти всех государств мира. Это было такое скопление людей, как говорил британский посол, которое собирается единожды⁴. Итальянский коммунистический лидер Джан Карло Пайетта записал в своем дневнике: «Огромное количество людей ждало день и ночь, чтобы увидеть гроб <...> Еще вижу, как в начале процессии шла героическая Первая пролетарская бригада с красным знаменем и лентами югославских цветов. Со всего мира приехали коммунисты и социалисты, представители народно-освободительных движений. Вспоминаю, как рабочая милиция из автоматов громко стреляла в воздух, последний салют, как двинулись короли и эмиры, госпожа Тэтчер и Брежнев, представитель

¹ *Lalević P.* S Titom po svetu. S. 169, 170.

² *Lusa S.* La dissoluzione del potere. Il partito comunista sloveno ed il processo di democratizzazione della repubblica. Udine: Kappa Vu, 2007. S. 19–21; *Titova poslednja bitka / Ur. M. Poč.* Ljubljana: Cankarjeva založba, 1981; AS. 1689. SK ZKS. Predsednikova dejavnost. T. e. 36; AS. Dedijer. T. e. 298. Novi prilozi. Vol. IV. Devetnajsto poglavje. S. 9–11.

³ *Šetinc F.* Vzpon in sestop. S. 222; *Lusa S.* La dissoluzione del potere. S. 79–86; AS. Dedijer. T. e. 197. Pogovor z L. Koliševskim. 07.11.1985.

⁴ TNA. FCO 28/4229.

Китай, главы государств, министры и генералы всех армий. Все стояли под звуки Интернационала»¹.

Как и Сталин, Тито был похоронен в мавзолее, правда, не в таком темном, как тот, который *хозяин* некоторое время делил с Лениным. В качестве места упокоения он выбрал «Дом цветов» в Дединье, который построил, когда расстался с Йованкой. Во время одного из последних разговоров с генералом Любичечем он сказал: «Хотел бы, когда умру, покоиться там <...> оттуда прекрасный вид на Белград...» В отличие от Ленина и Сталина, Тито не хотел, чтобы его бальзамировали, он терпеть этого не мог². Согласно словам сотрудника УГБ Марко Лопушины, его труп был сохранен подобным образом, чтобы из-за проводившегося лечения не начал распадаться раньше времени и дурно пахнуть. Из медицинских и гигиенических соображений Доланц, Микулич и Доронски приняли решение, что на похоронах гроб будет пустым. Но это решительно отверг Иван Долничар, в то время генеральный секретарь Президиума, который был ответственен за проведение похорон. Он также рассказывает, что перед смертью Тито просил похоронить его с бриллиантовым перстнем, с которым было связано много событий его жизни; так это и произошло³.

Было бы неверным завершить его историю, утверждая, что Йосип Броз был тираном, как Сталин, несмотря на его 53-летнюю диктатуру. Напротив, он воспротивился его тирании и создал в Югославии социализм самоуправления, социализм с человеческим лицом. Он остался в истории и в воспоминаниях людей как государственный деятель, который заслуживает благодарности. Югославия, которую он оставил после своей смерти, сильно отличалась от той, которой он начал править в 1945 г. Из централизованного сталинского режима она трансформировалась в рыночный социализм, провела быструю индустриализацию, обеспечив широким слоям населения стабильный рост жизненного стандарта, пусть и за счет кредитов. Хотя СКЮ оставалась у власти, система самоуправления обеспечивала на местах возможность влияния на выбор политической линии. Хотя критика режима в любой форме была всё еще запрещена, искусство и интеллектуальная жизнь уже не были подвержены предварительной цензуре как таковой, но продолжала существовать самоцензура, т.е. каждый нес ответственность за то, что писал. Еще важнее было то, что границы были открыты. Не только для людей, но и для идей. Ссора со Сталиным без Тито не произошла бы. «Это чисто дело рук Тито», — много раз повторяли Кардель и Бакарнич. А то, что, помимо прочего, он сопротивлялся Муссолини и Гитлеру и обеспечил югославским народам победу во Второй мировой войне, начиная с 1950-х гг. и далее противостоял

¹ Pajetta G. C. Le crisi che ho vissuto. S. 49

² Dilas M. Tito. S. 198; Adamovic M. Brozovi strahovi. S. 17, 18; AS. Dedijer. T. e. 274. Zapis Dedijerja o pogovoru z Lazarjem Koliševskim. 25.05.1986; T. e. 298. Novi prilozji. Vol. IV. Devetnajsto poglavje. S. 14, 15–17.

³ Lopušina M. Ubij bližnjeg svog. S. 210; Koprivc J. Generalov let. S. 191.

сиренам Запада и возглавил «сырых и убогих» третьего мира, также говорит в его пользу. На международной арене Югославия перешла от угрожающей изоляции, в которой оказалась в 1948 г., к активной мультивекторной политике, которая в рамках движения неприсоединения обеспечивала влияние и престиж, несоизмеримый с ее экономическим и военным весом. Как носительница особого вида социализма, отличного от советского, и посредница между Западом и Востоком, Западом и Севером и Югом, она стала узнаваемым игроком международной жизни.

С другой стороны, невозможно не упомянуть о преступлениях режима (послевоенные убийства, Голи-Отток), а также о его крахе, поскольку он не был способен сохраниться без связующей силы личности Тито — только в том случае, если бы самоуправленческий эксперимент развился в современную плюралистическую демократию. Экономический кризис 1970-х гг. принес с собой ряд проблем, с которыми система не могла справиться: 17%-ная инфляция, различия между более и менее развитыми регионами внутри федерации, которые подливали масло в огонь национальных конфликтов между республиками и краями. «1980-е гг., — как было отмечено в 1979 г. аналитиками ЦРУ в меморандуме «Перспективы Югославии после Тито», — будут, по всей вероятности, беспокойным временем <...> Причиной этого может стать смерть президента Тито, чья роль в создании и сохранении Югославии была настолько велика, что тяжело поверить, что государство можно будет сохранить без него»¹. Они были правы. Всего лишь через десять лет после его смерти Югославия развалилась, как карточный домик, причем некоторые ее народы пережили кровавую бойню. Что же тогда остается от жизненного опыта Тито? Может быть, это лучше выразить народной поговоркой, которую он сам любил повторять: «В мечеть ходил, но намаз не совершал»².

¹ NARA. CREST. NIE 15-79. Prospects for Post-Tito Jugoslavia. 25.09.1979. S. 1.

² Ibid.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Неопубликованные архивные материалы

Archivio Storico del Ministero degli Esteri, Roma
Arhiv J. Pirjevec, Trst
Arhiv Jugoslavije, Beograd (AJ)
Archiv ministerstva zahraničních vecí, Praga (AMZV)
Arhiv Republike Slovenije, Ljubljana (AS)
AS 1945, Zbirka Srbski liberalizem (Šentjurc)
Bundesarchiv, Berlin (BA)
George Washington University (GWU)
Nacionalna i sveučilišna knjižnica, Zagreb (NSK)
Narodna in univerzitetna knjižnica, Ljubljana (NUK)
National Archives and Records Administration, Washington (NARA)
Politisches Archiv, Berlin (PA)
The John F. Kennedy Library, Boston (JFK Library)
The National Archives, London (TNA)
Российский государственный архив социально-политической истории, Москва
(РГАСПИ)

Интернет-источники

Chronology of the life and disappearance of Andrija Hebrang: <http://www.andrija-hebrang.com/eng/chronology.htm>
Kult Josipa Broza Tita, II: <http://www.nrbg.rs/content/view/blog/134/153>
Lopušina, Marko, Ubij bližnjeg svog I–III, (Ulomci), Jugoslovenska tajnapolicija 1945/1997: <http://www.4shared.com/document>
Miladinovic, Veljko, Nobel, najveći Titov poraz: <http://www.pressonline.rs/sr/vesti/magazin/story/105392/Nobel,+najveci+Titov+poraz.html>
Open Society Archives: <http://www.osaarchivum.org>

Неопубликованные труды

Broz alias Tito. The First «Revelations» (February–June 1942)
Deakin F. W. Yugoslavia 1941–1945, неопубликованная рукопись 1995 г., машинописный текст (копию передал автору Бого Горьян)
Dedijer V. Novi prilozi za biografiju J. Broza Tita. Vol. IV, неопубликованная рукопись, машинописный текст (копию передал автору Руди Ризман)
German-Partisan Negotiations and the Case of Mr. Ott (March to December 1943)
Mihailović and/or Tito. Summit Considerations (February–April 1943)
Partisan Suspicions of the British
The British Image of Yugoslav Communism (1921–1941)
The German and Allied Plans for a Balkan Landing

The German Appreciation of «Schwarz»
 The German First Mountain Division and Operation «Schwarz»
 The German Planning of Operation «Schwarz» (January–March 1943)
 The Identity of Tito. The German Search
 «The Livno» Affair (September 1942), The Case of Mr. Ott
 The Military Organisation of the Yugoslav Communist Party (1918–1940)
 The Prime Minister in Cairo (2–10 December 1943)
 The Setting (1941)
 Tito and/or Mihailović (May–June 1943)
 Transcript of political evidence (February 1943)

Газеты и журналы

Borba
 Danas
 Delo
 Der Spiegel
 Kleine Zeitung
 Komunist
 La Repubblica
 La Stampa
 La Voce del Popolo
 L'Express (Paris)
 Libre Belgique
 Manchester Guardian
 Narodna Armija
 Nedeljski dnevnik
 Neue Zürcher Zeitung
 NIN (Nedeljne informativne novine)
 Primorski dnevnik
 Privredni vjesnik
 Slobodna Dalmacija
 Specialni bilten Tanjuga
 The Economist
 Večer
 Vjesnik
 Vjesnik u srijedu

Литература (монографии, статьи, сборники, опубликованные источники и т. п.)

Adamič L. Orel in korenine. Ljubljana: DZS, 1981.
Adamović M. Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito i pokušaji atentata. Beograd, 2004.
Adamović M., Milošević. D. «Kako smo čuvali Tita» // Večernje novosti. 1982. 1–23.09.
Adamović V. Tri diktatora: Staljin, Hitler, Tito. Psihopolitička paralela. Beograd: Informatika, 2008.
Alexander S. Church and State in Yugoslavia since 1945. London: Cambridge University Press, 1979.
Alibek K., Halderman S. Biohazard. New York: Delta, 2000.
Ambrožič L. Novljanovo stoletje. 1908–2004. Ljubljana: Modrijan, 2006.
Amodeo F., Cereghino M.J. Tito spiato dagli inglesi. I rapporti sulla Jugoslavia 1968–1980. Trieste: MGS, 2014.

- Andrew C., Mitrokhin V.* The Sword and the Shield. The Mitrokhin Archive and the Secret History of the KGB. New York: Basic Books, 1999.
- Antonić Z.* Rodoljub Čolaković u svetlu svog dnevnika. Beograd: Knjiga, 1991.
- Bajc G.* Operacija Julijska krajina. Severovzhodna meja Italije in zavezniške obveščevalne službe (1943–1945). Koper: Založba Annales, 2006.
- Bajc G.* Dietro le quinte della visita di Tito a Roma nel 1971: contesto locale e internazionale letto dalla diplomazia britannica // *Annales. Ser. Hist. Sociol.* 2014. Vol. 24, No. 4.
- Bajt A.* Bermanov dosje. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1999.
- Banac I.* Sa Staljinom protiv Tita. Zagreb: Globus, 1990.
- Barjaktarević D.* Čovek sa maskom // *Duga.* 1982. 23.10.
- Barker E.* Britanska politika na Balkanu u II svjetskom ratu. Zagreb: Globus, 1978.
- Barker E.* British Wartime Policy towards Yugoslavia // *The South Slav Journal.* 1979. Vol. 2, No. 2, April.
- Barker E.* Churchill in Eden v vojni. Zagreb: Globus, 1980.
- Barker E.* The Yugoslavs and the Greek Civil War 1946–1949 // *Studies in the History of the Greek Civil War* / Eds. L. Baerentzen, J. O. Jatrises, O. L. Smith. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 1987.
- Batty P.* Hoodwinking Churchill: Tito's Great Confidence Trick. London: Shephard-Walwyn, 2011.
- Bebler A.* Čez drn in strn. Spomini. Koper: Založba Lipa, 1981.
- Bebler A.* Knjiga o Primožu Alešu Beblerju. Ljubljana: Cankarjeva založba, 2004.
- Bebler A.* Pismo // *Mladina.* 2009. No. 26.
- Becele Ranković L.* Intervju // *Mladina.* 1986. 26.12.
- Becele Ranković L.* Življenje z Leko. Spomini slovenske partizanke. Grosuplje: Grafis Trade, 2002.
- Beevor J. G.* SOE: Recollections and Reflections 1940–1945. London; Sydney; Toronto: The Bodley Head, 1961.
- Bekić D.* Jugoslavija u hladnom ratu. Odnosi s velikim silama 1949–1955. Zagreb: Globus, 1988.
- Belinić M.* Put kroz život. Zagreb: August Cesarec, 1985.
- Benigar A.* Alojzije Stepinac: hrvatski kardinal. Rome: Ziral, 1974.
- Berić G.* Zbogom XX. stoljeće – Sjećanja Ive Vojvode. Zagreb: Profil knjiga, 2013.
- Bešlin M.* Josip Broz Tito i jugoslovenski federalizam (1963–1974) // *Tito – viđenja i tumačenja.* AJ. Institut za Noviju Istoriju Srbije. Biblioteka Zbornici Radova. 8. Beograd, 2011. (далее: Tito – viđenja).
- Biber D.* Tito – Churchill. Strogo tajno. Ljubljana; Zagreb: Delo; Globus, 1981.
- Biber D.* Trst. Triest ali Trieste. Geneza in dileme o tržaški krizi / Konec druge svetovne vojne v Jugoslaviji // *Borec.* 1986. Vol. XXXVIII, No. 12.
- Biber D.* Failure of a Mission: Robert McDowell in Yugoslavia // *The Office of Strategic Services in World War II* / Ed. G. C. Chalou. Washington: National Archives Record Administration, 2002.
- Bilandžić D.* Historija Socialističke Federativne Republike Jugoslavije. Glavni procesi. Zagreb: Školska knjiga, 1979.
- Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. Zagreb: Golden Marketing, 1999.
- Bilandžić D.* Povijest izbliza. Memoarski zapisi 1945–2005. Zagreb: Prometej, 2006.
- Bisenić D.* Život bez rukavica // *Danas.* 2009. 30.12.
- Bjelajac M.* JLA v šestdesetih in v prvi polovici sedemdesetih // *Slovenija – Jugoslavija, krize in reforme 1968/1988* / Ur. Z. Čepič. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, 2010. (далее: Slovenija – Jugoslavija).
- Bogetić D.* Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956–1961. Beograd: Institut za suvremenu istoriju, 2006.
- Bogetić D.* Tito i nesvrstani. Iskušenja na putu stvaranja asocijacije vanblokovskih država // *Tito – viđenja.*

- Bondarev N. V.* Misterija Tito. Moskvske godine. Beograd: Čigoja štampa, 2013.
- Bondarev N. V.* Tito's Cult. Chronological Borders and Intensity // Tito – viđenja.
- Bondžić D.* Titove titule. Josip Broz i naučne ustanove // Tito – viđenja.
- Borak N.* Jugoslavija med integracijo in dezintegracijo // Slovenija – Jugoslavija.
- Bottoni S.* Un altro Novecento. L'Europa orientale dal 1919 a oggi. Rome: Carocci, 2011.
- Božič J.* Jug Afrike in narodnoosvobodilni boj. Ljubljana: Zavod SR Slovenije za šolstvo, 1978.
- Bragg M.* The Life of Richard Burton. London: Hossler and Sloughton, 1988.
- Brands H. W.* The Specter of Neutralism. The United States and the Emergence of the Third World. 1947–1960. New York: Columbia University Press, 1989.
- Brandt W.* Erinnerungen. Berlin: Ullstein, 2003.
- Broz Tito J.* Autobiografska kazivanja. Vol. I–II. Beograd: Narodna knjiga, 1982.
- Broz Tito J.* Govori i članci. Vol. I.–XII. Zagreb: Naprijed, 1959.
- Broz Tito J.* Intervjui. Zagreb; Beograd, 1980.
- Broz Tito J.* Vojni memoari // Front. 1972. 05.05.
- Broz Tito J.* Zbrana dela 1–24. Ljubljana: Komunist; Borec, 1978–1989.
- Broz J., Jokanović Ž.* Moj život, moja istina. Beograd: Blic, 2013.
- Buchanan A. N.* «We have become Mediterraneanites». Washington's Grand Strategy in the Mediterranean. 1940–1945: Diss. Rutgers – New Brunswick: The State University of New Jersey, 2011.
- Campbell J. C.* Successful Negotiations: Trieste 1954. An Appraisal by the Five Participants. New Jersey: Princeton University Press, 1976.
- Caprara M.* Quando le Botteghe erano oscure. 1944–1969: uomini e storie del comunismo italiano. Milano: il Saggiatore, 1999.
- Carillo S.* Mi testamento politico. Galassia Gutenberg S.L., 2014.
- Cave Brown A.* Wild Bill Donovan. The Last Hero. New York: Times Books, 1982.
- Cenčić V.* Enigma Kopinič. T. I, II. Beograd: Rad, 1983.
- Cenčić V.* Titova poslednja ispovijest. Cetinje; Beograd: Grafos, Orfelin; 2001.
- Chronology of the Life and Disappearance of Andrija Hebrang. URL: <http://www.andrija-hebrang.com/eng/chronology.htm>.
- Churchill R.* Tito's Story of Gestapo's Operation. Hebrang. Communist Leader Turned German Spy // Daily Telegraph. 1952. 21.05.
- Ciliga A.* Il labirinto jugoslavo. Passato e futuro delle nazioni balcaniche. Milano: Jaca Book, 1983.
- Ciliga A.* Come Tito si impadroni del Partito comunista jugoslavo // Quaderni del Centro studi Pietro Tresso. Serie: Studi e ricerche. 1989. No. 12, février.
- Clissold S.* Dilas. The Progress of a Revolutionary. London: Maurice Temple Smith, 1983.
- Clissold S.* Yugoslavia and the Soviet Union 1939–1975. A Documentary Survey. The Royal Institute of International Affairs. London – New York – Toronto: Oxford University Press, 1975.
- Copeman F.* Reason in Revolt. London: Eden Blandford, 1948.
- Cripps J.* Mihailović or Tito? How the Codebreakers Helped Churchill Coose // The Bletchly Park Codebreakers / Eds. R. Erskine, M. Smith. London: Biteback, 2011.
- Čavoški K.* Tito. Tehnologija vlasti. Beograd: Dosije, 1990.
- Čengić E.* Balade o životu koji teče. Zagreb: Globus, 1985.
- Čengić E.* Krleža post mortem I. S Krležom iz dana u dan (1981–1988). Sarajevo; Zagreb: Svjetlost – Mladost, 1990.
- Čepič Z.* Jugoslovske reforme v šestdesetih // Slovenija – Jugoslavija.
- Čepič Z., Nećak D.* Slovenska kronika XX. stoletja. 1941–1995. Ljubljana: Nova revija, 1996.
- Čolak A.* Peklenska rezidenca Brozovih. Mengeš: Založba Ciceron, 2014.
- Čolaković R.* Zapisi iz oslobodilačkog rata. Vol. I–II. Sarajevo; Svjetlost, 1977.
- Čolaković R.* Kazivanje o jednom pokoljenju. Vol. III. Sarajevo; Beograd: Svjetlost; Prosveta, 1972.

- Ćosić D. Sedam dana u Budimpešti. Beograd: Nolit, 1957.
- Ćosić D. Pišcevi zapisi (1951–1968 / 1969–1980). Beograd: F. Višnjjić, 2001.
- Ćuruvija S. Ibeovac. Ja, Vlado Dapčević. Beograd: Filip Višnjjić, 1990.
- Dabčević-Kučar S. '71. Hrvatski snovi i stvarnost. Knj. I, II. Zagreb: Interpublic, 1997.
- Dallin A. Dimitrov and Stalin 1934–1943. Letters from the Soviet Archives. New Haven: Yale University Press, 2000.
- Damjanović P. Originalnost i teškoće Titovog puta // Borba. 1976. 25.05.
- Deakin F. W. D. Gora trdnjava. Ljubljana: DZS, 1976.
- Deakin F. W. The German and Allied Plans for a Balkan Landing // Zbornik Janka Pleterskega. Ljubljana: Založba ZRC; ZRC SAZU, 2003.
- Dedijer V. Dnevnik. 1941–1944. Vol. I–III. Rijeka; Zagreb: Mladost; Spektar; Liburnija, 1981.
- Dedijer V. Izgubljeni boj J. V. Stalina. 1948–1955. Ljubljana: Delo, 1969.
- Dedijer V. Dokumenti 1948. T. I, II, III. Beograd: Rad, 1979.
- Dedijer V. Dnevnik. 1941–1944. T. I. Rijeka; Zagreb: Liburnija; Mladost, 1981.
- Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. T. I, II, III. Zagreb; Rijeka: Mladost; Spektar; Liburnija, 1980–1984.
- Dedijer V. My two Comrades // Cross Currents 4. A Yearbook of Central European Culture. 1985.
- Dedijer V. Kominterni i Tito. Intervju // Kominterni i Jugoslaveni. 1969. 14.07.
- Detajli tajnog dokumenta. URL: <http://www.blic.rs//drustvo/detajli-tajnog-dokumenta-leka-ranković>.
- Đimić L. Josip Broz Tito. Yugoslav Policy and the Formation of the Concept of European Security 1968–75 // From Helsinki to Beograd. The First CSCE Follow-up Meeting and the Crisis of Détente. Bonn: V&R. Bonn University Press, 2014.
- Dimitrijević B. Građanski rat u miru. Uloga i službe bezbednosti u obračunu sa protivnicima Titovog režima 1944–1954. Beograd: Srpska reč, 2003.
- Dimitrijević B. JNA od Staljina do NATO pakta. Beograd: Službeni list SRJ, 2005.
- Dimitrijević B. Jugoslovenska armija — oslonac Titovog kulta ličnosti u prvim posleratnim godinama // Tito — viđenja.
- Dimitrov G. Dnevnik (9 mart 1933 — 6 februar 1949). Sofia: Universitetsko izdatelstvo Sv. Kliment Ohridski, 1997.
- Dimitrov G. Diario. Gli anni di Mosca (1934–1945). Turin: Einaudi, 2000.
- Dimitrov and Stalin 1934–1943. Letters from the Soviet Archives / Eds. A. Dallin, F.I. Firsov. New Haven: Yale University Press, 2000.
- Diskusija između Stanovnika, Kristla i Đilasa // Komunist. 1952. Vol. IV, No. 3–4.
- Djokić D. Britain in Tito's Yugoslavia. The Đilas Affair. 1956 // European History Quarterly. 2006. Vol. 36, No. 3.
- Dodging A. The Third World War that Almost Was // Cryptologic Quarterly. 1998. 24 February. URL: http://www.nsa.gov/public_info_files/cryptologic_quartely/dodging_armagadon.pdf.
- Dokumenti o spoljnoj politici SFRJ. 1945. Beograd: Jugoslavenski pregled, 1984.
- Dragosavac D. Zbivanja i svjedočenja. Zagreb: Globus, 1985.
- Drušković D. Prežihov Voranc. Pisatelj u politik. Celovec; Ljubljana: Drava, 2005.
- Duhaček A. General Gošnjak o sebi i revoluciji // Duga. 1989. 14.10.
- Dulić T. Tito's Slaughterhouse: A Critical Analysis of Rummel's Work on Democide // Journal of Peace Research. 2004. Vol. 41, No. 1.
- Đilas M. The New Class: An Analysis of the Communist System. London: Harvest, 1957.
- Đilas M. Land without Justice. San Diego; New York; London: Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1958.
- Đilas M. Conversations with Stalin. Harmondsworth: Penguin Books, 1963.
- Đilas M. Memoir of a Revolutionary. New York: Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1973.
- Đilas M. Der Krieg der Partisanen. Jugoslawien 1941–1945. Wien; München; Zürich; Innsbruck: Molden, 1977.

- Dilas M.* Wartime. London: Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1977.
- Dilas M.* Tito. Eine kritische Biographie. Wien: Molden, 1980.
- Dilas M.* Jahre der Macht. Kräftespiel hinter dem Eisernen Vorhang: Memoiren 1945–1966. München: Molden – S. Seewald, 1983.
- Dilas M.* Parts of a Lifetime. New York; London: Harcourt Brace Jovanovich, 1975.
- Dilas M.* Vlast kao strast // Start. 1989. 21.01.
- Dilas M.* Kako je stvarana Titova karizma // Slobodna Dalmacija. 1989. 22.10.
- Dilas M., Gaće N.* Bošnjak Adil Zulfikarpašić. Zagreb: Bošnjački Institut; Nakladni zavod Globus, 1995.
- Dukić R.* «Topli zec» u Oslu. Neuspeli pohod J. B. Tita na Nobelovu nagradu za mir 1973. Beograd: Građevinska knjiga, 2004.
- Durić L.* Sećanja na ljude i događaje. Beograd: Rad, 1989.
- Edvard Kardelj. Skica za monografiju / Ur. M. Poč. Ljubljana: Delo, 1979..
- Eiletz S.* Titova skrivnostna leta v Moskvi 1935–1940. Klagenfurt: Mohorjeva, 2008.
- Eiletz S.* Pred sodbo zgodovine. Celovec: Mohorjeva, 2011.
- Fine J. A. A.* Strongmen Can Be Beneficial: The Exceptional Case of Josip Broz Tito // Balkan Strongmen: Dictators and Authoritarian Rulers of South East Europe / Ed. B. Fischer. London: Purdue University Press, 2007.
- Foreign Relations of the United States. 1948. Eastern Europe. The Soviet Union. T. IV. Washington: U. S. Government Printing Office, 1978.
- Foreign Relations of the United States. 1951. Asia and the Pacific. T. I. Washington: U. S. Government Printing Office, 1978.
- Foreign Relations of the United States 1955–1957. Western Europe and Canada. T. XXVI. Washington: U. S. Government Printing Office, 1992.
- Franceschini E.* Gli stupri di Berija // La Repubblica. 1993. 29.06.
- From Helsinki to Belgrade – The First CSCE Follow-up Meeting and the Crisis of Détente / Eds. V. Bilandžić, D. Dahlmann, M. Kosanović. Göttingen: Bonn University Press / V & R unipress, 2012.
- Gaddis J. L.* George F. Kennan: An American Life. New York: Penguin, 2011.
- Gallagher C. R., Gallagher S. J.* Vatican Secret Diplomacy: Joseph P. Hurley and Pope Pius XII. New Haven – London: Yale University Press, 2008.
- Gibianskij L.* Mosca, il PCI e la questione di Trieste (1943–1948) // Dagli archivi di Mosca. L'URSS, il Cominform e il PCI 1943–1951 / Eds. F. Gori, S. Pons. Rome: Carocci, 1998.
- Gibianskij L.* Pobuna u sovjetskom bloku 1956. godine. Jugoslavija i Kremalj // Jugoslavija v hladni vojni – Yugoslavia in the cold war / Ur. J. Fischer et al. Ljubljana; Toronto: Inštitut za novejšo zgodovino; University, 2004.
- Gibianskij L.* The Trieste Issue and the Soviet Union in the 1940s // Vojna in mir na Primorskem. Od kapitulacije Italije leta 1943 do Londonskega memoranduma leta 1954 / Ur. J. Pirjevec, G. Bajc, B. Klabjan. Koper: Založba Annales, 2005.
- Glaise von Horstenau E.* Ein General im Zwielicht. Die Erinnerungen Edmund Glaises von Horstenau / Hrsg. P. Broucek. Bde. I–III. Wien; Köln; Graz: Böhlau Verlag, 1980–1988.
- Gligoričević M.* Rat i mir Vladimira Dedijera. Sećanja i razgovori. Beograd: Narodna knjiga, 1986.
- Glišić V.* Užička Republika. Beograd: Nolit, 1986.
- Glišić V.* Dosije o Blagoju Neškoviću. Prilozi za biografiju. Beograd: Službeni glasnik, 2011.
- Glišić V.* «Šef partije preti Sibiru!» // Večernje novosti. 2014. 04.08.
- Godeša B., Repe B., Grafenauer N.* Zgodovina Slovencev. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1979.
- Goldstein I., Goldstein S.* Jasenovac i Bleiburg nisu isto. Zagreb: Novi Liber, 2011.
- Goldstein I., Goldstein S.* Tito. Zagreb: Profil, 2015.
- Grđina I.* Josip Kopinič // Tvorci slovenske pomorske identitete / Ur. P. Bobič. Ljubljana: Založba ZRC, 2010.
- Greentree D.* Knight's Move. The Hunt for Marshal Tito. London: Angus & Robertson, 2012.

- Guštin D.* Teritorialna obramba — vojaška potreba in politični projekt 1968:1988 // Slovenija — Jugoslavija.
- Hadalin J.* Tito in praška pomlad v jugoslovanskih diplomatskih virih // Slovenija — Jugoslavija.
- Halder M.* Der Titokult. Charismatische Herrschaft im Sozialistischen Jugoslawien. München: Oldenbourg Verlag, 2013.
- Heuser B.* Western 'Containment' Policies in the Cold War. The Yugoslav Case. 1948–53. London; New York: Routledge, 1989.
- Hofman A.* «Druga Tita rodila je vila». Kako se pevalo Titu // Tito — videnja.
- Höttl W.* The Secret Front. Nazi Political Espionage 1938–45. New York: Enigma Books, 2003.
- Howarth P.* Undercover. The Men and Women of the Special Operations Executive. London: Routledge & Kegan Paul, 1980.
- Hoxha E.* Titovcy. Istoričeskie zapiski. Tirana, 1983.
- Huot L.* Puške za Tita. Ljubljana: Borec, 1965.
- Intervju s S. Becele Ranković // Mladina. 1986. 26.12.
- Is Yugoslav President Really a Yugoslav? URL: https://www.nsa.gov/public_info/_files/cryptologica_spectrum/is_yugoslav.pdf.
- Ivanič M., Zupan R.* Ocena stavke v Trbovljah // Delo. 1984. 30.06.
- Ivanji I.* Titov prevajalec. Ljubljana: Karantanija, 2007.
- Ivanković Z. (Vonta).* Hebrang. Zagreb: Scientia Yugoslavia, 1998.
- Jakovina T.* Američki komunistički saveznik. Hrvati. Titova Jugoslavija i Sjedinjene Američke Države. 1945–1955. Zagreb: Profil; Srednja Evropa, 2003.
- Jakovina T.* Sjećanja Hitlerovega opunomoćenika u ustaškoj državi // Globus. 2008. 27.06.
- Jakovina T.* Tito's Yugoslavia as the Pivotal State of the Non-Aligned // Tito — videnja.
- Janko M.* Niko Kavčič, partisan, banker, sopotnik Staneta Kavčiča // Delo. 1999. 30.01.
- Jovanović A. S.* Broz i Hrvati. Veternik: Ldij, 1999.
- Jović D.* Yugoslavia. A State that Withered Away. West Lafayette: Purdue University Press, 2009.
- Kalezić V.* Dilas miljenik in odpadnik komunizma. Kontroverze pisca i ideologa. Beograd: Zod-ne, 1988.
- Kamberović H.* Josip Broz Tito i nacionalni identitet Muslimana u Bosni i Hercegovini — dva videnja // Tito — videnja.
- Kanzleiter B.* Die «Rote Universität». Studentenbewegung und Linksoption in Belgrad 1964–1975. Hamburg: VSA, 2011.
- Kaplan K.* Antonin Novotny. Vzestup a pad lidoveho aparatčika. Brno: Barrister & Principal, 2011.
- Karaivanov I.* Ljudi i pigmeji, političko-biografski eseji. Beograd: RAD, 1953.
- Karchmar L.* Draža Mihailović and the Rise of the Četnik Movement (1941–1942). T. I–II. New York — London: Garland, 1987.
- Kardelj E.* Problemi naše socialistične graditve. T. III. Ljubljana: DZS, 1955.
- Kardelj E.* Pravec razvoja političkog sistema socialističkog samoupravljanja // Komunist. Beograd, 1977.
- Kardelj E.* Smeri razvoja političnega sistema socialističnega samoupravljanja // Komunist. Ljubljana, 1977.
- Kardelj E.* Spomini. Boj za priznanje in neodvisnost nove Jugoslavije. 1944–1957. Ljubljana; Beograd: DZS; Radnička štampa, 1980.
- Kardelj E.* O komuni. Stalna konferenca mest in občin Jugoslavije. Ljubljana; Beograd: DZS; Radnička štampa, 1981.
- Kavčič N.* Pot v osamosvojitve. Ljubljana: samozaložba, 1996.
- Kavčič S.* Dnevnik in spomini. 1972–1987 // Časopis za kritiko znanosti. Ljubljana, 1988.
- Kiraly B.* La premiere guerre entre Etats socialistes // La deuxième revolution d'Octobre / Eds. P. Kende, K. Pomian. Paris: Seuil, 1978.

- Kisić Kolanović N. Hebrang. Iluzije i otrežnjenja. Zagreb: Institut za suvremenu povijest; Biblioteka Hrvatska povjesnica, 1996.
- Kissinger H. The White House Years. London: Weidenfeld and Nicolson, 1979.
- Klinger W. Tito (1892–1980): un'intervista con Geoffrey Swain // *Quaderni*. 2010. Vol. XXI.
- Klinger W., Kuljiš D. Tito. Neispričane priče. Banja Luka; Zagreb: Nezavisne novine – Paragon, 2013.
- Kljajić D. Dosje Hebrang. Ljubljana: Partizanska knjiga, 1982.
- Kljaković V. Velika Britanija. Sovjetski Savez i ustanak u Jugoslaviji 1941. godine // *Vojnoistorijski glasnik*. 1970. No. 2.
- Kocbek E. Dnevnik. 1946. T. I. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1991.
- Kocbek E. Dnevnik. 1949. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1999.
- Kocbek E. Dnevnik. 1952. Ljubljana: Cankarjeva založba, 2003.
- Kolendić A. Staljinova smrt. Od Staljinove do Berijine smrti. Beograd: KIZ, Altera, 1989.
- Kopinić I. Resnica mora zmagati // *Dnevnik*. 1984. 11.09.
- Kopinić I. Izdavačka radna organizacija. Beograd: Rad, 1983.
- Kopinić J. Intervju // *Mladina*. 1986. No. 35, 25.10.
- Koprivc J. Generalov let. Spomini generala Ivana Dolničarja. Ljubljana: Modrijan, 2005.
- Koprivc J. Prezgodaj je razkrival nevarne ideje // *Večer*. 1999. Vol. 55, No. 294.
- Korbel J. Tito's Communism. The University of Denver Press, 1951.
- Krajačić I. (Stevo). Resnica mora zmagati // *Dnevnik*. 1984. 11.11.
- Krajačić I. (Stevo). Intervju // *Nedeljni Vjesnik*. 1984. October.
- Kramer M. Stalin, Soviet Policy and the Consolidation of a Communist Bloc in Eastern Europe. 1944–1953. Stanford: TEC. April 2010. URL: http://iis-db.stanford.edu/events/6086/Stalin_and_Eastern_Europe.
- Kranjc M. F. Zarote in atentati na Tita. Grosuplje: Grafis Trade, 2004.
- Kranjc M. Skrivnosta smrt generalpolkovnika Arsa Jovanovića, načelnika VŠ NPVJ, je konačno razkrita! URL: http://users.volja.net/marjankr./dok/arso_smrt_razkrita.pdf.
- Krivokapić B. Pucanj u Kardelja (a ubistvo Rankovića) // *Pobjeda*. 2006. 29.09.
- Krleža M. Moji susreti s Titom // *Večernji list*. 1972. 23.05.
- Krleža M. Titov povratak. 1937 // *Večernji list*. 1972. 25.05.
- Kuljić T. Tito, sociološkoistorijska študija. Zrenjanin: Gradska narodna biblioteka «Žarko Zrenjanin», 2005.
- Kullan Riina E. From the Tito – Stalin Split to Yugoslavia's Finnish Connection: Neutralism Before Non-Alignment. 1948–1958. Diss. College Park: University of Maryland, 2008.
- Kult Josipa Broza Tita. Vol. II. URL: <http://www.nrbg.rs/content/blog/134/153>.
- Kuš J. Tragedija jednog čovjeka, partije i naroda – iza jednog 'privatnog' sudskog spora // *Nova Hrvatska*. 1985. Mart.
- Laković I. Vidjenje Tita u američkim dokumentima 1951–1958 // *Tito – viđenja*.
- Lalević P. S Titom po svetu. Beograd: Službeni glasnik, 2012.
- Leary W.M. Fueling the Fires of Resistance: Army Air Forces Special Operations in the Balkans during World War II. Washington DC: Air Force History and Museums Program, 1995.
- Lees L.M. Keeping Tito Afloat: The United States, Yugoslavia and the Cold War. 1945–1960. University Park: Pennsylvania State University Press, 1997.
- Leković M. Martovski pregovori 1943. Beograd: Narodna politika, 1985.
- Leonhard W. Child of the Revolution. London: Collins, 1957.
- Lindsay F. Ognji v noči. Z OSS in Titovimi partizani v medvojni Jugoslaviji. Ljubljana: Zveza združenj borcev un udeležencev NOB Slovenije; Zveza društev vojnih invalidov Slovenije; Društvo partizanska knjiga, 1998.
- Litar Tavar K. Tito: Glavna ličnost. Vodja za druge. Ili kako dovesti u pitanje mit o imobilizmu za vreme socializma // *Tito – viđenja*.
- Lopušina M. KGB protiv Jugoslavije. Beograd: Evro, 2002.

- Lopušina M.* Ubij bližnjeg svog. T. I–III. (Ulomci). Jugoslovenska tajna policija 1945/1997. URL: <http://csef.ru/media/articles/4419/4419.pdf>
- Lorenčić A.* Gospodarske razmere v Jugoslaviji v obdobju 1968–1988: na poti v razpad // Slovenija – Jugoslavija.
- Löwenthal R.* Yugoslavia's Search for Allies. Creating Bonds with Colonial People // The Scotsman. 1951. 09.11.
- Lukić V.* Sećanja i saznanja – Obračun sa Aleksandrom Rankovićem i Brionski plenum. Tитоград: Slobodno izd., 1989.
- Lusa S.* La dissoluzione del potere. Il partito comunista sloveno ed il processo di democratizzazione della repubblica. Udine: Kappa Vu, 2007.
- Maclean F.* Eastern Approaches. London: Jonathan Cape, 1949.
- Maclean F.* Disputed Barricade. The Life and Times of Josip Broz-Tito Marshal of Yugoslavia. London: Jonathan Cape, 1957.
- Maclean F.* Josip Broz Tito: a Pictorial Biography. New York: McGraw-Hill, 1980.
- Mandić B.* Tito izbliza. Beograd: Jugoslovenska revija, 1981.
- Mandić B.* Tito u dialoгу s svijetom. Novi Sad: MIT, 2005.
- Mandić B.* S Titom. Četvrt veka u kabinetu. Beograd: Dam Graf, 2012.
- Marić M.* Deca komunizma. Beograd: Mladost, 1987.
- Marković D.* Istina o Golom otoku. Beograd: Narodna knjiga, Partizanska knjiga, 1987.
- Marković D.* Život i politika. 1967–1978. T. 1–2. Beograd: RAD, 1987.
- Marković D.* Nikola Milovanović. Đuro Rebić. Bojevnici za mir. Hladna in posebna vojna. T. I–II. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1984.
- Marković P.J.* Titova komunikaciona strategija kao politički činilac // Tito – viđenja.
- Marović M.* Sumrak staljinizma. Knj. II. Beograd: Sloboda, 1978.
- Martinović S.* Neznani potnik na ladji «Sibir». Pot tovariša Tita od Havra do Moskve 1939 // Komunist. 1958. 23.05.
- Mastny V.* The Beneš – Stalin – Molotov Conversations in December 1943. New Documents // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. NF. 1972. Vol. 20, No. 3.
- Matović I., Jovanović A. R.* Vojskovodja s oreolom mučenika. Beograd: Novinskoizdavački centar Vojska, 2001.
- Matunović A.* Titova sovladarica. Ljubljana: MK, 2008.
- Matyburg R. von.* Hotel Lux. München: C. Berthelmann Verlag, 1978.
- Medvedev R. A.* All Stalin's Men. Oxford: Basil Blackwall, 1983.
- Medvedev R.* On Stalin and Stalinism. Oxford: Oxford University Press, 1979.
- Medvedev R. A., Medvedev Z.* The Unknown Stalin: His Life, Death and Legacy. New York; Woodstock: The Overlook Press, 2004.
- Mehta C.* CIA Confronts the Tito – Stalin Split. 1948–1951 // Journal of Cold War Studies. 2011. Vol. 13, No.1.
- Mehta C.* «A Rat Hole to be Watched!» CIA Analysis of the Tito – Stalin Split. Raleigh: North Carolina State University, 2005.
- Memorandum for the President: From Peter To Tito. CIA Historica Program. URL: <http://www.cia.gov/library/centret-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/volum2/vogiza-o7p.0001.htm>.
- Mićunović V.* Moskovske godine. 1956–1958. Zagreb: Liber, 1977.
- Mihailović D.* Goli otok. Beograd: Politika, 1990.
- Mihiz B. M.* Autobiografija – o drugima. Beograd: Evro-Giunti, 2008.
- Mikolić K.* Tito govori što narod misli. Beograd: Službeni list SCG, 2006.
- Milatović M.* Slučaj Andrije Hebranga. Beograd: Kultura, 1952.
- Miljuš B.* La revolution yugoslave. L'age d'homme. Lausanne, 1982.
- Miller N.* The Nonconformists. Culture. Politics and Nationalism in a Serbian Intellectual Circle. 1944–1991. Budapest; New York: Central European University Press, 2007.

- Miloradović G.* Ljudi na strateškim mestima. Uzroci, posledice i smisao sukoba Josipa Broza Tita i Milovana Đilasa na Trećem (vandrednom) plenumu CK SKJ 1954 godine // Tito – viđenja.
- Milosavljević O.* Činjenice i tumačenja. Dva razgovora sa Latinko Perović. Beograd: Zagorac, 2010.
- Milovan Đilas and George Urban in Conversation. Đilas on Gorbachov // *Incounter*. 1988. September–October.
- Mingfu Y.* Huiyi liangci Mosike huluyi he Hu Quiaomu (Spomini na obe moskovski konferenci) // *Dangdai Yhongguo shi zanjiu*. 1997. Vol. 3.
- Mišić S.* Poseta Josipa Broza Tita Italiji 1971. godine // Tito – viđenja.
- Mrakar B.* Sovjetski načrt atentata na Josipa Broza. Tita rešila Stalinova smrt? // *Delo*. 1998. 11.07.
- Močnik J.* United States – Yugoslav Relations. 1961–88: The Twilight of Tito's Era and the Role of Ambassadorial Diplomacy in the Making of America's Yugoslav Policy. Diss. Bowling Green: Bowling Green State University, 2008.
- Murphy R.* Diplomat among Warriors. New York: Doubleday & Company Inc. Garden City, 1964.
- Nećak D.* Hallsteinova doktrina in Jugoslavija. Tito med Zvezno republiko Nemčijo in Nemško demokratsko republiko. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 2002.
- Nećak D.* Ostpolitik Willyja Brandta in Jugoslavija (1966–1974). Ponovna vzpostavitev diplomatskih stikov // Slovenija – Jugoslavija.
- Nenadović A.* Razgovori s Kočom. Zagreb: Globus, 1989.
- Nešović S.* Bledski sporazumi Tito – Dimitrov (1947). Zagreb: Globus; Školska knjiga, 1979.
- Niebuhr R.* Nonalignment as Yugoslavia's Answer to Bloc Politics // *Journal of Cold War Studies*. 2011. Vol. 13, No. 1.
- Nikoliš G.* Korijen, stablo, pavetina: memoari. Zagreb: Liber, 1981.
- Nikoliš G.* Zapisi pod pritiskom. Beograd: Književne novine, 1988.
- Novak B. A.* Herta Haas (1914–2010) // *Delo*. 2010. 18.03.
- Nuove rivelazioni della malattia. Dell'amputazione Tito non voleva sentir parlare // *La Voce del Popolo*. 1999. 03.03.
- Očak I.* Krleža – Partija. Miroslav Krleža u radničkom i komunističkom pokretu 1917–1941. Zagreb: Spektar, 1982.
- Očak I.* Gorkić. Život, rad i pogibija. Zagreb: Globus, 1988.
- Odlikovanja Josipa Broza Tita. Beograd: Muzej «25. Maj», 1980.
- Osolnik B.* Med svetom in domovino. Spomini 1945–1981 // Obzorja. Novo mesto; Maribor: Dolenjska založba, 1992.
- Pacepa I. M.* Red Horizons: Chronicles of Communist Spy Chief. London: Regnery, 1987.
- Pajetta G. C.* Le crisi che ho vissute. Roma: Editori Riuniti, 1982.
- Pavličević V. B.* Lijeve greške Milovana Đilasa ili partijskiki silogizam. Podgorica, 2012. URL: <http://www.ff.ucg.ac.me/dokumenta/djilas/Zbornik>.
- Pavlović Z.* Bilans Sovjetskog Termidora. Titovo Užice: Medjaj, 1989.
- Pelikan J.* Jugoslavie a pražske jaro. Prague: Universitě Karlova; TOGGA, 2008.
- Perović J.* The Tito – Stalin Split. A Reassessment in Light of New Evidence // *Journal of Cold War Studies*. 2007. Vol. 9, No. 2.
- Perović L.* Na tragu srpske liberalne tradicije // Srpska krhka vertikala. Svedočanstva 15 / Ur. M. Nikezić. Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2003.
- Perović L.* Zatvaranje kruga – ishod rascepa. Sarajevo: Svetlost, 1991.
- Perovišek F.* Moja resnica. Spominski utrinki iz delovanja po letu 1945 na Primorskem in v Ljubljani. Ljubljana: Društvo piscev zgodovine NOB Slovenija, 1995.
- Pervan R.* Tito and the Students. The University and the University Student in Self-Managing Yugoslavia. Nedlands: University of Western Australia Press, 1978.
- Petković R.* Subjektivna istorija jugoslovenske diplomatije. Beograd: Službeni list SFRJ, 1995.

- Petranović B.* Tito i Staljin (1944–1946) // Jugoslavanski istorijski časopis. 1988. L. XXIII (1–2).
- Petranović B.* Jugoslavija 1918–1988: tematska zbirka dokumenata. Beograd: Rad, 1988.
- Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988: tematska zbirka dokumenata. Beograd: Rad, 1988.
- Petrović V.* Havana 1979. Labudova pesma Titove lične diplomatije // Tito – viđenja.
- Pirjevec J.* Fiube. Una storia d'Italia. Torino: Einaudi, 2009.
- Pirjevec J.* Il giorno di San Vito. Jugoslavia 1918–1992. Storia di una tragedia. Torino: Nuova ERI, 1993.
- Pirjevec J.* Tito. Stalin in Zahod. Ljubljana: Delavska enotnost, 1987.
- Pirjevec J.* Il gran rifiuto. Guerra fredda e calda tra Tito. Stalin e l'Occidente. Trieste: Editoriale Stampa Triestina, 1990.
- Pirjevec J.* Jugoslavija 1918–1992. Nastanek, razvoj ter razpad Karadjordjevićeve in Titove Jugoslavije. Koper: Lipa, 1995.
- Pirjevec J.* La corsa jugoslava per Trieste // La crisi di Trieste. Maggio–giugno 1945. Una revisione storiografica. Trieste: Istituto regionale per la storia del movimento di liberazione nel Friuli – Venezia Giulia. Quaderni. 9, 1995.
- Pirjevec J.* Vittorio Vidali and the Cominform 1947–53 // The Soviet Union and Europe in the Cold War. 1943–53 / Eds. F. Gori, S. Pons. London: Fondazione Giangiacomo Feltrinelli, Fondazione Istituto Gramsci, Macmillan Press, 1996.
- Pirjevec J.* Sklep sekretariata Izvršnega komiteja Komunistične internacionale. št. 688 z dne 15. septembra 1940 // Prispevki za novejšo zgodovino. 1997. Vol. XXXVII, No. 2 (Ferenčev zbornik).
- Pirjevec J.* Yugoslav political emigration to Australia after World War II // Annales. Series historia et sociologia. 2006. 16.01.
- Pirjevec J.* «Trst je naš!» Boj Slovencev za morje (1848–1954). Ljubljana: Nova revija, 2007.
- Pirjevec J.* Tito, Nehru and Slovenes // Indian Studies / Ur. L. Škof. Calcutta: Sampark, 2008.
- Pirjevec J., Ramšak J.* Od Mašuna do New Yorka. 20. stoletje skozi pričevanja štirih slovenskih diplomatov. Koper: Univerzitetna založba Annales, 2017.
- Pleterski J.* Senca Ajdovskega gradca: o slovenskih izbirah v razklani Evropi. Ljubljana: samozaložba, 1993.
- Pleterski J.* Pravica in moč za samoodločbo. Med Metternichom in Badinterjem. Ljubljana: Modrijan, 2008.
- Popović K.* Intervju // Danas. 1989. 07.02.
- Požar P.* Jugosloveni – žrtve staljninskih čistki. Beograd: Nova knjiga, 1989.
- Prinčič J.* Vlada Staneta Kavčiča in njena gospodarska politika // Slovenija – Jugoslavija.
- Puhar A.* Skrivalnice največjega sina // Delo. 1997. 06.09.
- Putovi Revolucije. Zagreb: Institut za historiju radničkog pokreta, 1964.
- Radić R.* Josip Broz Tito i patrijarhi Srpske pravoslavne crkve (Gavrilo. Vikentije I German) // Tito – viđenja.
- Radica B.* Živjeti nedoživjeti. 2. Uspomene hrvatskog intelektualca kroz apokalipsu Jugoslavije. München; Barcelona: Knjižnica Hrvatske revije, 1984.
- Radosavljević P.* Odnosi između Jugoslavije i Svete Stolice 1963–1978. Beograd: Službeni glasnik, 2012.
- Rajak S.* New Evidence from the former Yugoslav Archives. The Tito – Khrushchev Correspondence. 1954 // Cold War International History Project. Bulletin. 2001. Iss. 12/13. Fall/Winter.
- Rajak S.* In Search of a Life Outside the two Blocs: Yugoslavia's Road to Non-alignment // Great Powers and small countries in Cold War. 1945–1955 / Ed. L. Dimić. Belgrade: University of Belgrade, Archives of Serbia and Montenegro and SD Public, 2005.
- Rajak S.* The Cold War in the Balkans. 1945–1956 // The Cambridge History of the Cold War. Vol. I. Origins / Eds. M. P. Leffler, O. A. Westad. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

- Rajak S.* The Cold War in the Balkans: From the Greek Civil War to Soviet-Yugoslav Normalisation // The Cambridge History of the Cold War. 2010.
- Rajak S.* Yugoslavia and the Soviet Union in the Early Cold War: Reconciliation, comradeship, confrontation. 1953–1957. London: Routledge, 2013.
- Ramšak J.* Between Ideology and Pragmatism. Polemic on the Civil Rights of Christians in the Socialist Slovenia of the 1970s // Religion, State and Society. 2015. Vol. 4/3, No. 2 (June).
- Ranković A.* Dnevničke zabeleške. Beograd: Jugoslovenska knjiga, 2001.
- Razumovsky A.* Ein Kampf um Belgrad. Tito und die jugoslawische Wirklichkeit. Frankfurt a. M.; Wien: Ullstein, 1980.
- Rebeschini M.* Edvard Kardelj: una biografia nella storia del comunismo. Trieste: Università de Trieste, 2005.
- Repe B.* Utrinki iz bližnjega leta 1962. T. 1 // Teorija in praksa. 1989. Vol. 26, No. 11/12.
- Repe B.* Oris obravnave nacionalne problematike in nacionalnih programov v Sloveniji od konca druge svetovne vojne do začetka osemdesetih let // Borec. 1992. Vol. XLIV, No. 3–5.
- Repe B.* Josip Broz Tito. Kar dobro zapisan v spominu Slovencev // Delo. 1997. 23.08.
- Repe B.* Kdo, kaj je bil Edvard Kardelj // Delo. 1999. 27.03.
- Repe B.* Slovenski «liberalizem» šestdesetih let in vloga Staneta Kavčiča // Slovenija – Jugoslavija.
- Repe B.* Ob 70. letnici Dalmatinske izjave // Svobodna misel. 2013. 30.03.
- Repe B.* Oris obravnave nacionalne problematike in nacionalnih programov v Sloveniji od konca druge svetovne vojne do začetka osemdesetih let // Borec. 1992. Vol. XLIV, No. 3–5.
- Repe B.* Tito in Slovenci // Pirjevčev zbornik: poti zgodovine med severnim Jadranom, srednjo in vzhodno Evropo. Koper: Univerza na Primorskem, 2011.
- Repe B.* Utrinki iz bližnjega leta 1962 // Teorija in praksa. 1989. Vol. 26, No. 11–12.
- Repe B., Prinčič J.* Pred časom. Portret Staneta Kavčiča. Ljubljana: Modrijan, 2009.
- Resis A.* The Churchill – Stalin Secret «Percentages» Agreement on the Balkans. Moscow. October 1944. // The American Historical Review. 1978. Vol. 83, No. 2.
- Resoconto dell'incontro do Stalin con la delegazione bulgara e jugoslava, 10 febbraio 1948 / Ed. V. Zaslavsky // Ventesimo secolo. 2002. Vol. 1, No. 1.*
- Režek M.* Odmev madžarske vstaje leta 1956 v Sloveniji in v Jugoslaviji // Prispevki za novejšo zgodovino. 2006. Vol. XLVI, No. 2.
- Režek M.* Odmev praške pomladi in njenega zloma v Sloveniji in v Jugoslaviji // Slovenija – Jugoslavija.
- Ribičič C.* Še o Kardeljevem odnosu do Stalina in stalinizma // Mladina. 1985. 21.03.
- Ribičič M.* Iskanja. Ljubljana: Društvo piscev zgodovine NOB Slovenije, 1994.
- Ridley J.* Tito. A Biography. London: Constable, 1994.
- Ristović M.* L'insurrection de decembre a Athenes. Intervention britanniques et reaction yougoslave (decembre 1944 – janvier 1945) // Balcanica. 2005. Vol. XXXVII.
- Ritchie S.* Our Man in Yugoslavia: The Story of a Secret Service Operative. London; New York: Routledge, 2004.
- Ritter L.* War on Tito's Yugoslavia? The Hungarian Army in Early Cold War Soviet Strategy // Parallel History Project on Cooperative Security (PHP). 2005. No. 18, februar. URL: http://php.isn.ethz.ch/collections/coll_tito/intro.cfm?navinfo=15463.
- Roberts W. R.* Tito, Mihailović and the Allies. 1941–1945. New Brunswick; New Jersey: Rutgers University Press, 1973.
- Roksandić D.* «Bratstvo i jedinstvo» u političkom govoru jugoslovenskih komunista 1919–1945 godine // Tito – viđenja.
- Romerstein H.* Aspects of World War Two History Revealed through ISCO Radio Intercept // The Journal of Intelligence History. 2005. No. 5.
- Roosevelt K.* War Report of the OSS. 2 vols. Introduction to the 1976 edition. New York: Walker, 1976.
- Ross M.* El secreto encanto de la KGB. San Jose: Farbe-Norma, 2004.

- Roter Z. Padle maske. Od partizanskih sanj do novih dni. Ljubljana: Sever & Sever, 2013.
- Rubinstein A. Z. Yugoslavia and the Non-Aligned World. New Jersey: Princeton University Press, 1970.
- Ryheshevsky O. A. For Russia, opening of a second front in Europe came far too late // International Herald Tribune. 2004. 08.06
- Schmider K. Partisanenkrieg in Jugoslawien 1941–1944. Hamburg: E. S. Mittler & Sohn, 2012.
- Selinić S. Pogledi Josipa Broza na neke probleme jugoslovenskog društva šestdesetih godina 20. veka // Tito – viđenja.
- Shen Zh., Yafeng X. Hidden Currents during the Honeymoon. Mao, Khrushchev, and the 1957 Conference // Journal of Cold War Studies. 2009. Vol. 11. No. 4.
- Shepherd B. Terror in the Balkans. German Army and Partisan Warfare. Cambridge; London: Harvard University Press, 2012.
- Simčić M. Tito brez maske. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2007.
- Simčić M. Ženske v Titovi senci. Tito brez maske. T. 1. Ilirska Bistrica: Intelektualne storitve, 2010.
- Simić P. Svetac i magle. Tito i njegovo vreme u novim dokumentima Moskve i Beograda. Beograd: Službeni list SCG, 2005.
- Simić P. Tito. Skrivnost stoletja. Jugoslovanski predsednik v novi luči. Ljubljana: Orbis, 2009.
- Simić P., Despot Z. Tito. Strogo poverljivo. Arhivski dokumenti. Beograd: Službeni glasnik, 2010.
- Simić P. Tito i NATO. Uspomen i pad druge Jugoslavije. Beograd: Biblioteka «Sedma sila»; Novosti, 2008.
- Sirc Lj. Nobelova nagrada za predsednika Tita? Odprto pismo. Avgust 1973 // Ampak. 2006. Februar.
- Sječa Hrvatske u Karadjordjevu 1971. Autorizirani zapisnik / Ur. M. Pišković. Zagreb: Mediator, 1994.
- Skušek Močnik Z. Intervju z Vojinom Lukićem // Mladina. 1987. 17.04.
- Slovenska kronika XX. stoletja. Ljubljana: Nova revija, 1996.
- Smole J. Spomini Titovega sekretarja. 1968–70. Ljubljana: Enotnost, 1992.
- Smole J. Pripoved komunista novinarja (1845–1980). Ljubljana: Založba ČZP Enotnost, 1994.
- Spehnyak K. Josip Broz Tito's Visit to Great Britain in 1953 // Review of Croatian History. Vol. 1. December 2005.
- Spomini tovariša Tita na slavno preteklost. Viri revolucionarnih sil // Slovenski poročevalec. 1959. 17.04.
- Stamova M. Albanska manjina u Titovoj Jugoslaviji kao factor u jugoslovensko-albanskim odnosima (1945–1951) // Tito – viđenja.
- Stanovnik J. Viharno stoletje / Ur. J. Kušar. Ljubljana: Ustanova Franc Rozman – Stane, 2013.
- Stefanović M. Podpis Tito. «Bila sva Titova šifrant». Pripoved Branke in Pavleta Savića. Zagreb: Globus; 1980.
- Stefanović M. Poslednji susreti s Titom. Zagreb; Sarajevo: Globus; Svetlost, 1983.
- Stefanović M. Podpis: Tito. «Bila sva Titova šifrant». Pripoved Branke in Pavleta Savića. Zagreb: Globus, 1980.
- Stipanić A. Od pastirja do direktorja. Ankanan: samozaložba, 2012.
- Stridsberg G. Mojih pet življenj. Maribor: Založba Obzorja, 1971.
- Ströhm C. G. Ohne Tito, kann Jugoslawien überleben? Graz; Wien; Köln: Bastei-Lübbe; Styria, 1976.
- Stuparić D. Diplomati izvan protokola: ambasadori Titove Jugoslavije. Zagreb: Centar za kulturnu djelatnost Saveza socijalističke omladine Zagreba, 1978.
- Sulzberger C. L. We Are Going Towards The Death of All Isms // The New York Times Magazine. 1968. 09.06.
- Supek I. Krunski svjedok protiv Hebranga. Chicago: Markanton Press, 1983.
- Supek I. Krivovjernik na ljevici. Zagreb: Globus, 1992.

- Suppan A.* Hitler – Beneš – Tito. Konflikt, Krieg und Völkermord in Ostmittel- und Südosteuropa. Wien: OAW, 2014.
- Swain G.R.* The Comintern and southern Europe // Resistance and Revolution in Mediterranean Europe 1939–1948. London; New York: Routledge, 1989.
- Swain G.R.* Tito: the Formation of a disloyal Bolshevik // International Review of Social History. 1989. Vol. XXXIV, No. 2.
- Swain G.R.* The Cominform: Tito's International? // The Historical Journal. 1992. Vol. 35, No. 3.
- Swain G.R.* Tito and the Twilight of Comintern // International Communism and the Communist International. 1919–43 / Eds. T. Rees, A. Thorpe. Manchester University Press, 1998.
- Swain G.R.* Tito. A Biography. London; New York: I. B. Tauris, 2011.
- Šetinc F.* Uspon i silazak // Borba. 1989. 25.01.
- Šetinc F.* Vzpon in sestop. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1989.
- Šetinc F.* Zbogom Jugoslavija. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1993.
- Šnurdrl M.* Dnevnik 1941–1945. Vol. I–II. Maribor: Obzorja, 1953.
- Štaubringer Z.* Ne stalinizmu. Zagreb: Globus, 1980.
- Štrbac Č.* Jugoslavija i odnosi između socialističkih zemalja. Sukob KPJ i Informbiroa. Beograd: Prosveta, 1984.
- Tasić D.* Josip Broz Tito na stranicama Vojnoistorijskog glasnika // Tito – viđenja.
- Terra S.* Zte anni con Tito. Trieste: MGS, 2011.
- Terzić M.* Odnos Josipa Broza Tita prema Rimskokatoličkoj crkvi 1945–1952 (Prilog proučavanju političkih odluka) // Vojnoistorijski glasnik. 1966. Vol. 1.
- Thatcher M.* Path to Power. London: Harper; Collins, 1995.
- The Diaries of Evelyn Waugh. London: Weidenfeld and Nicolson, 1976.
- The Cominform. Minutes of the three Conferences 1947/1948/1949 / Eds. G. Procacci et al. Milan: Feltrinelli, 1994.
- Timofeev A.* Sovjetski uticaj i Josip Broz Tito uoči izbijanja ustanka u Jugoslaviji 1941. godine // Tito – viđenja.
- Tito's Sojourn in Spain // The South Slav Journal. 1982/1983. Vol. 5, No. 4 (18).
- Tito – viđenja i tumačenja. AJ. Institut za Noviju Istoriju Srbije. «Biblioteka Zbornici Radova». Vol. 8. Beograd, 2011.
- Titova poslednja bitka / Ur. M. Poč. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1981.
- Titova posljednja ispovijest. URL: <http://forum.cafemontenegro.com/showthread.php?17015-Titova-poslednja-ispovijest>.
- Tomac Z.* The Struggle for the Croatian State: through Hell to Democracy. Zagreb: Profikon, 1993.
- Tomasevich J.* The Chetniks. War and Revolution in Yugoslavia. 1941–1945. Stanford: Stanford University Press, 1975.
- Tomašević S.* Tito u Vatikanu. Stepinčev progonitelj kod pape Pavla VI. Zagreb: Medija, 2011.
- Tomizza F.* Bolje življenje. Koper: Založba Lipa, 1981.
- Tošić D.* Ko je Milovan Djilas. Disidentsvo 1953–1995. Beograd: Otkrovenje, 2003.
- Tripallo M.* Intervju // Vjesnik u srijedu. 1966. 07.09.
- Tripallo M.* Hrvatsko proljeće. Zagreb: Nakladni zavod Matice Hrvatske, 2001.
- Tripković D.* Pisma koja je Josip Broz Tito razmenio sa Leonidom Brežnjevom i Lindonom Džonsonom povodom događaja u Čehoslovačkoj u jesen 1968 // Istorija 20. veka. 2010. Vol. 28, No. 3.
- Troy Th. M. Jr.* The Cultural Cold War: the CIA and the World of Arts and Letters. Central Intelligence Agency. Library. 14.20008. URL: <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence>.
- Udovički D.* Treći juni 1968. Od kritike svega postojećeg, do uništenja svega postignutog. Novi Sad: Prometej, 2008.
- Unkovski-Korica V.* The Yugoslav Communist's Special Relationship with the British Labour Party 1950–1956 // Cold War History. 2014. Vol. 14, No. 1.

- Urban G.* A Conversation with Milovan Djilas // Encounter. 1979. December.
- Velebit V.* Sećanja. Zagreb: Globus, 1983.
- Velebit V.* Svjedok historije (razgovore vodila i knjigu priredila Mira Šušvar). Zagreb: Razlog, 2001.
- Velebit V.* Moj život. Zagreb: Fraktura, 2016.
- Veljanovski N.* Titove dileme o AVNOJU i ustavnom uređenju Jugoslavije 1943–1946 // Tito – viđenja.
- Villemars P.F. de (avec Kiracoff C. A).* Le plus secret des services soviétiques 1918–1988. Paris: Stock, 1988.
- Vishnevskaja G.* A Russian Story. London: Hodder & Stoughton, 1984.
- Vlahov G.* Život u Belom dvoru // Duga. 1989. Vol. 403.
- Vlahović D., Marković N.* Život na dvoru. Jovanka Broz. Beograd: Akvarijus, 1990.
- Vlahović V.* Strogo poverljivo. 1955–1958. Neobjavljeni rukopis. Beograd: Stručna knjiga, 1998.
- Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana: Modrijan, 2006.
- Vodopivec P.* Od poskusov demokratizacije (1968–1972) do agonije in katastrofe (1988–1991) // Slovenija – Jugoslavija.
- Vodušek Starič J.* Brionski plenum 1966 – ocene in njegov vpliv // Slovenija – Jugoslavija.
- Vojtehovský O.* Informbirovska emigracija u jugoslovensko-čehoslovačkim odnosima. Nacionalni i politički identitet jugoslovenskih informbirovca u Čehoslovačkoj // Spoljna politika Jugoslavije: 1950–1961. Zbornik radova. Beograd, 2008.
- Vrhunec M.* Šest let s Titom (1967–1973). Ljubljana: LaserPrint, 2001.
- Vrhunec M.* Josip Broz – Tito. Osebnost – storitve – titoizem. Pričevanje. Ljubljana: Društvo piscev zgodovine NOB Slovenije, 2009.
- Vukmanović S. (Tempo).* Revolucija teče dalje. Memoari. T. I–II. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1972.
- Vuković Z.* Od deformacije SDB do maspoka i liberalizma. Moji stenografski zapisi 1966–1972. godine. Beograd: Narodna knjiga, 1989.
- Waugh E.* Salut for Tito // Rheinischer Merkur. 1952. 27.02.
- West J.* Tito and the Rise and Fall of Yugoslavia. London: Sinclair-Stevenson, 1994.
- West R.* Black Lamb and Grey Falcon. London: Penguin, 2007.
- Williams H.* Parachutes, Patriots and Partisans. The Special Operations Executive and Yugoslavia. 1941–1945. London: Hurst & Company, 2003.
- Wüscht J.* Yugoslavia und das Dritte Reich: Eine dokumentierte Geschichte der deutsch-jugoslawischen Beziehungen von 1933 bis 1945. Stuttgart: Seewald Verlag, 1969.
- Yugoslavia. From «National Communism» to National Collapse. US Intelligence Community Estimative Products on Yugoslavia. 1948–1990. Washington: National Intelligence Council, 2006.*
- Zagreb i Hrvatska u Titovo doba / Ur. T. Badovinac. Zagreb: Savez društava «Josip Broz Tito» Hrvatske, 2004.
- Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda. T. V. Knj. III. Borbe u Hrvatskoj 1942 god. Beograd, 1952.
- Zbornik Janka Pleterskega / Ur. O. Luthar, J. Perovšek. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2003.
- Zgodovina Slovencev. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1979.
- Zubok V.* A Failed Empire. The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Khrushchev. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2009.
- Zubok V., Pleshakov C.* Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Khrushchev. Cambridge: Harvard University Press, 1996.
- Zvijer N.* Slika Josipa Broza Tita u partizanskom ratnom spektaklu // Tito – viđenja.
- Žagar M.* Ustava SFRJ in ustavni sistem 1974: povzročitelj krize ali mehanizem za njeno razreševanje? // Slovenija – Jugoslavija.
- Živojinović D. R.* Vatikan. Katolička crkva i jugoslavenska vlast 1941–1958. Beograd: Prosveta; Tersit, 1994.

- Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. М.: Институт славяноведения РАН, 2002.
- Бухарин И. В., Гибианский Л. Я.* Первые шаги конфликта // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 5.
- Вологозов Д. А.* Сталин. Политический портрет. Т. I–II. М.: Новости, 1996.
- Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа: 1949–1953. Очерки истории. М.: РОССПЭН, 2002.
- Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953. Т. 1. М.–Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.
- Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. / Ред. М. Милошевич, В. П. Тарасов, Н. Г. Томилина. Т. 1: 1946–1964. М.: Демократия, 2014.
- Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС и другие документы / Ред. А. Н. Яковлев; сост. В. Наумов и др. М.: Демократия, 2001.
- Гибианский Л. Я.* Советский Союз и Новая Югославия. 1941–1947. М.: Наука, 1987.
- Гибианский Л. Я.* Сталин и триестинское противостояние 1945 г.: за кулисами первого международного кризиса холодной войны // Сталин и холодная война. М.: Институт всеобщей истории, 1998.
- Гиренко Ю. С.* Сталин – Тито. М.: Политиздат, 1991.
- Голованов А. Е.* Дальняя бомбардировочная... Воспоминания главного маршала авиации 1941–1945. М.: Дельта НБ, 2004.
- Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М.: Наука, 2008.
- Коминтерн и Вторая мировая война / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н. С. Лебедева, М. М. Наринский. Т. 1–2. М.: Памятники исторической мысли, 1994.
- Лаврентий Берия 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: Демократия, 1999.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue. No. 4. 1850 // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956.
- Матонин Е. В.* Иосип Броз Тито. М.: Молодая гвардия, 2012.
- Митрович М.* Югославская действительность в анонимных посланиях Иосифу Броз Тито (1956–1966 гг.) // Славяноведение. 2008. № 3.
- Очерки истории внешней разведки. М.: Олма-Пресс, 2003.
- Окуневская Т. К.* Татьянин день. М.: Вагриус, 1998.
- Последний визит И. Броза Тито к Сталину. Советская и югославская записи беседы 27–28 мая 1946 года // Исторический архив. 1993. № 2.
- Романенко С. А.* «Хорватская весна» и советско-югославские отношения на рубеже 1960–1970 гг. // Славяноведение. 2008. № 3.
- Судоплатов А. П.* Тайная жизнь генерала Судоплатова. Т. 1, 2. М.: Олма-Пресс, 1998.
- Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. М.: Гея, 1996.
- Чолакович Р.* Записки об освободительной войне в Югославии. М.: Прогресс, 1965.

Иллюстрации

Arhiv Republike Slovenije, AS 1549, Zbirka fotografij Zgodovinskega arhiva CK ZKS: I/65, XIV/38; AS 1556, Zbirka fotografij Založbe Komunist: Tito – JLA, Tito – državniki, Tito – razno: 21, 29, 33, 39; arhiv Mladinske knjige Založbe in arhiv Cankarjeve založbe: 1–11, 14, 16–21, 23, 29, 30, 32, 34–37, 39–44, 46, 47, 50–55; Fotodokumentacija Dela: 24–28; Tine Logar: 15; Jože Pirjevec: 13

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВНОХ — Антифашистское вече народного освобождения Хорватии
АВНОЮ — Антифашистское вече народного освобождения Югославии
АНБ — Агентство национальной безопасности США
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ГДР — Германская Демократическая Республика
ГПУ — Государственное политическое управление
ИККИ — Исполнительный комитет Коминтерна
КГБ — Комитет государственной безопасности
КНОЮ — Корпус народной обороны Югославии
Коминтерн — Коммунистический Интернационал
Королевство СХС — Королевство сербов, хорватов и словенцев
КОС — Служба контрразведки
КПА — Коммунистическая партия Албании
КПК — Коммунистическая партия Китая
КПС — Коммунистическая партия Словении
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
КПХ — Коммунистическая партия Хорватии
КПЧ — Коммунистическая партия Чехословакии
КПЮ — Коммунистическая партия Югославии
КУНМЗ — Коммунистический университет национальных меньшинств Запада
Маспок — «массовое движение» в Хорватии
МВФ — Международный валютный фонд
НАТО — Организация Североатлантического договора
НГХ — Независимое государство Хорватия
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКОЮ — Национальный комитет освобождения Югославии
НОАЮ — Народно-освободительная армия Югославии
НОБ — Народно-освободительная борьба
ОЗНА — Отделение по защите народа
ООН — Организация Объединенных Наций
ОООТ — основные организации объединенного труда
ООТ — организации объединенного труда
ОФ — Освободительный фронт
Политбюро — Политическое бюро
Пролеткульт — Всероссийский Центральный комитет пролетарских культурно-просветительных организаций
СГБ — Служба государственной безопасности
СК — Союз коммунистов
СКМЮ — Союз коммунистической молодежи Югославии
СКЮ — Союз коммунистов Югославии

СРС — Секретная разведывательная служба
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
СФРЮ — Социалистическая Федеративная Республика Югославия
США — Соединенные Штаты Америки
ССТН — Социалистический союз трудового народа
СТТ — Свободная территория Триест
СЭВ — Совет экономической взаимопомощи
ТАНЮГ — Государственное информационное агентство Югославии
ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза
УГБ — Управление государственной безопасности
УСО — Управление специальных операций
УСС — Управление стратегических служб
ФНРЮ — Федеративная Народная Республика Югославия
ФРГ — Федеративная Республика Германия
ХКП — Хорватская крестьянская партия
ЦК — Центральный комитет
ЦРУ — Центральное разведывательное управление
ЧССР — Чехословацкая Социалистическая Республика
ЭЛАС — Греческая народно-освободительная армия
ЮНРРА — Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций
ЮА — Югославская армия
ЮНА — Югославская народная армия
ЮПИ — информационное агентство США

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Августинчич Антун 125, 263, 271, 579, 599
Авшич Яка 155
Адамич Луис 10, 27, 30, 46, 49, 62, 120, 197, 560, 580, 581
Аденауэр Конрад 485
Александр Харольд 173, 174, 207, 209, 210
Аллен Джордж Феликс 297
Аллилуева Светлана Иосифовна 225, 354
Альенде Сальвадор 538, 585
Андрич Иво 584
Андронов Юрий Владимирович 550
Апикеев Анатолий Семенович 2, 110, 123, 150, 152, 159, 169, 181, 187, 190, 212, 229–231, 236, 238, 242, 257, 259, 277, 281, 283–285, 288, 289, 294, 297–299, 303, 307, 345, 365, 368, 371, 373, 375, 377, 379, 383, 399, 622
Антонеску Ион 176
Арафат Ясир 592
Атанасов Штерью 151, 152
Афинагор, патриарх 467
Ацевич семья 194
Ачесон Дин 291

Бабич Славко (псевдоним Йосипа Броза) 79, 89
Бабович Спасения (Цана) 565
Байт Александр 103
Бакалев М. С. 238
Бакарич Владимир 90, 93, 105, 118, 171, 198, 238, 240, 260, 273, 310, 320, 343, 349, 360, 394, 398, 402, 403, 420, 421, 424, 427, 434, 438, 440, 442, 445, 449, 457, 460, 462, 480, 488–490, 495, 498–500, 504, 513, 514, 521, 529, 531, 535, 541, 549, 573, 574, 576, 577, 602, 604
Бакич Митар 108
Барбиери Фране 511
Барич Штефица 332
Баришич Винко 497
Баркер Элизабет 48
Бартон Ричард 199
Бауэр Люсия (Эльза Йоханна Кёниг) 561
Бемлер Алеш 263, 265, 271, 281, 282, 286, 293, 302, 360, 581
Беван Анайрин 365
Бевин Эрнст 283
Бевц (псевдоним Карделя) 71, 421, 448, 499
Бегович Влайко 47
Бейкер Жозефина 199
Бейли С.В. 136
Белл Джим 348
Белов А. (Дамьянов Георгий) 29, 54, 56, 61, 66
Беловски Димче 592
Белуосова Пелагея Денисовна (Полька) 17, 559
Бенедиктов Иван Александрович 474, 550
Бенеш Эдвард 207
Бёрджесс Гай 282, 283
Берия Лаврентий Павлович 62, 108, 113, 225, 305–308, 311, 331, 362, 368, 384
Берман Якуб 227
Бернштейн Эдуард 245, 341
Бжезинский Збигнев 553
Биедич Джемаль 540, 576
Биланджич Душан 114, 154, 194, 270, 274, 316, 320, 406, 419, 437, 483, 523, 525, 526, 529, 536, 537
Билич Юре 538, 540
Благоева Стелла 256
Блажевич Яков 120, 251, 273, 329
Бобетко Янко 515
Богданов Н. П. 52
Бокасса Жан Бедель 545

- Бондарев В. Н. 29
Брайник Эди 446
Брандт Вилли 484, 485, 584
Брежнев Леонид Ильич 2, 463, 470–474, 497–499, 504, 505, 509, 510, 521, 544, 545, 548, 550–552, 555, 556, 558–590, 596, 603
Бриннер Юл 199
Бркич Душан 549
Броз Александр (Миша) 197, 444, 562
Броз Жарко 559–562
Броз Мария 12, 13
Брозович Иван (псевдоним Тито) 126
Броз (урожденная Будиславлевич) Ёванка 332, 340, 370, 400, 410–412, 417, 431, 439, 446, 504, 508, 531, 557, 558, 566–578
Броз Франц 13
Брос Иван (псевдоним Тито) 107
Бросц (псевдоним Тито) 42
Булганин Николай Александрович 287, 293, 370, 374, 378
Бургиба Хабиб 584
Буртаков Савелий Владимирович 227
Буторац Анка 49
Бухарин Николай Иванович 245

Ваздух (псевдоним Ёсипа Копиница) 83, 94, 102, 111, 119, 563
Вальков Василий Алексеевич 312
Вальгер Фридрих (псевдоним Ёсипа Броза) 29, 31–39, 42, 46, 47, 49–54, 56, 57, 59–68, 71, 73–77, 79, 90, 92, 112, 113, 123, 124, 127, 135, 152, 159, 180, 331, 559, 561, 562
Васич Драгиша 46, 98, 183
Веддербёрн Эдит 48
Велебит Вера 569
Велебит Владимир (Влатко) 42, 71, 83, 88, 118, 129, 133, 134, 155, 173, 188, 213, 222, 243, 245, 246, 255, 290, 295, 301, 359, 569
Венер Герберт 485
Венизелос Софоклис 298
Веселинов Ёван (Жарко) 359, 420, 421, 442, 443, 450
Вест Ребекка 42
Видали Витторио 47, 290
Видич Добривой 308, 369
Видмар Ёсип 152, 359
Вийо Жан-Мари 509
Вилович Тихомир 575, 577
Вилфан Ерней 345
Вилфан Ёжа 13, 338, 345, 364, 570
Вилфан Мария 344
Виспер Франк 290
Влахов Густав 561, 564, 567
Влахович Велько 156, 436, 516
Водак Вальтер 340
Во Ивлин 558
Ворошилов Климент Ефремович 370, 390
Вратуша Антон 358, 390
Врсякова Милена 338
Врховец Ёсип 514
Вукманович Светозар 48, 146, 149, 211, 245, 260, 268, 286, 303, 336, 342, 398, 405, 407, 433, 434, 482, 600
Ву Сиу Чанкак 396
Вышинский Андрей Януарьевич 30, 267, 268, 288

Гажи Франьо 359
Гамбургер Филип 206
Ганди Индира 584
Гарбо Грета 565
Гарриман Уильям Аверелл 466
Гельм Ганс 69
Генрих VIII 280, 381
Георгиу-Деж Георг 257, 373, 465
Георг VI 55
Герё Эрнё 373–375, 378
Геринг Герман 9, 197
Гиммлер Генрих 179
Гиренго Луи де 556
Гири Варахагири Венката 585
Гитлер Адольф 32, 33, 35, 44, 58, 63, 65, 67–70, 74, 79–82, 84, 85, 88, 90, 91, 96, 98, 109, 113, 114, 127, 128, 134, 137, 151, 165, 168, 180, 209, 227, 269, 290, 465, 604
Глайзе фон Хорстенау Эдмунд 118, 134, 168
Глушич Андрей 219
Голубович Радонья 264, 265, 269
Гольдман Наум 544, 584
Гомулка Владислав 256, 275, 288, 373, 375, 382
Горкич Милан (Зоммер) 26–29, 32–39, 43–47, 49–51, 55–57, 253, 371
Горький Максим 16, 480
Готвальд Клемент 75, 76, 287
Готовац Владо 489

- Гошняк Иван 242, 252, 267, 381, 422, 424,
 427, 431, 448, 450, 457, 458, 477, 478, 568
 Грбич Дарьяна 575, 577
 Грбич Радојка 575
 Грегуар Пьер 583
 Гречко Андрей Антонович 551
 Гржетич Иван (Фляйшер) 46
 Григулевич Йосиф Р. (Макс, Теодоро Б.
 Кастро) 304, 305
 Грличков Александр 589
 Грол Милан 190, 191, 204, 212
 Громько Андрей Андреевич 289, 352, 463,
 505
 Грубиша Дамир 493
 Губец Матия 13
 Дабчевич-Кучар Савка 14, 31, 198, 458,
 460, 489, 490, 495, 498, 499, 501, 503,
 504, 511–515, 530, 572, 573, 582
 Давичо Оскар 344
 Даладье Эдуард 59
 Даллес Алан 290
 Даллес Фостер Джон 298
 Дамьянов Георгий (А. Белов) 29, 54, 66
 Дапчевич Владо 48, 268, 548, 553
 Дапчевич Пеко 101, 210, 268, 298, 335, 338,
 343, 548, 601
 Дебейки Майкл Эллис 601
 Де Гайринго Луи 556
 Де Гаспери Альчиде 299
 Де Голль Шарль 207, 413, 475
 Дедиер Владимир (Гангстер) 40, 47, 49, 54,
 58, 65, 73, 83, 92, 94, 104, 108, 116, 130,
 131, 198, 224, 233, 286, 291, 323, 333,
 339–348, 359, 360, 363, 416, 418, 439,
 504, 557, 564, 584
 Джаксенбаев Исая 18
 Джержа Йосип 363, 364
 Джилас Милован (Джидо, Велько) 9, 14,
 24, 31, 39, 41, 43, 51, 53, 63, 65, 66, 72, 78,
 84, 85, 89, 91, 92, 95, 96, 100, 103, 108,
 114, 124, 129, 132, 133–135, 142, 153,
 158, 163, 169, 172, 178, 195, 198, 200,
 203–205, 208, 211, 214, 217, 222, 234,
 236–241, 243, 245, 249–252, 254–256,
 258–260, 265, 266, 270, 277–280, 290,
 294, 310, 311, 314, 315, 320, 323, 324, 327,
 328, 330–357, 359–362, 379, 380, 388,
 389, 407, 418, 419, 480, 523, 529, 560,
 563, 564, 567–569, 579–581, 599, 602
 Джодан Шиме 491
 Джонсон Линдон Б. 466, 475
 Джонсон Луис 282
 Джурич Драгое 306
 Джурич Любомир (Мома) 195, 305, 325,
 521, 564
 Джурович Василий 140
 Дзержинский Феликс Эдмундович 566
 Дзодзе Кочи 288
 Дзуро Мартин 546
 Дикин Уильям (Билл) 117, 127, 132, 138,
 140–142, 145, 157
 Диминич Душан 344
 Димитров Георгий 29, 33, 35, 37, 46, 47, 54,
 56–58, 60–63, 66, 67, 75, 89, 92, 94, 113,
 116, 120, 152, 156, 158, 159, 164, 180,
 191, 230–234, 236–240, 256, 560
 Добб Йозеф 497
 Доланц Стане 496, 513, 521, 522, 538–541,
 543, 551, 555, 556, 572, 575–577, 590,
 599, 603, 604
 Доличар Иван 476, 604
 Дольфус Энгельберт 25
 Донован Уильям Джозеф 177, 178
 Доронски Стеван 558, 604
 Драгичевич Велько 104
 Драгосавац Душан 542
 Дубчек Александр 472, 473, 497, 499, 555
 Дугонич Рато 574, 575
 Дудич Драгойло 108
 Дьюи Томас Е. 282
 Дэйвис Бетт 562
 Евтич Боголюб 63
 Едемский Андрей Борисович 58, 240–242,
 249, 255, 257, 259, 276, 278, 285, 291,
 295, 296, 306, 307, 311–313, 331, 361–
 363, 368, 369, 371, 374, 622
 Елизавета II, королева Великобритании
 400, 569, 582, 583
 Елич Бранко 495, 496, 517
 Жанко Милош 489, 490
 Жданов Андрей Александрович 214, 225,
 234, 259, 275, 323
 Жежел Милан 197, 365, 411, 439, 568, 571
 Живкович Петар 25
 Жискара Д'Эстен Валери 554, 556
 Жолио-Кюри Ирен 111
 Жуйович Сретен (Црни) 44, 46, 50, 57, 97,
 108, 140, 166, 167, 170, 212, 241–243,
 249–255, 266, 267

- Захариадис Никос 241, 285
 Зенг Тао 505
 Зильберман Лоренс 554
 Зихерл Борис 339
 Зогович Радован 218, 363, 579
 Зонненфельд Гельмут 591
- Иванович Райко** 21
Иваньи Иван 587
Иден Энтони 48, 102, 121, 151, 157, 162, 163, 171, 172, 187, 192, 302, 568
Илич Любомир 565
Инголич Йоже 275
Иоанн XXIII, папа римский 508
Исакович Антоние 480
Йованович Арсо 100, 101, 148, 165, 166, 266–269, 276, 548
Йованович Драголюб 217
Йованович Слободан 46, 190
Йодль Альфред 137
- Кавчич Нико** 529
Кавчич Стане 79, 337, 388, 424, 427, 430, 435, 438, 458, 460, 461, 486, 487, 525, 526, 528, 529, 535, 537, 545, 596
Каганович Лазарь Моисеевич 370, 381
Казароли Агостино 584
Казертано Раффаэле 133
Калафатович Данило 82
Калинин Михаил Иванович 224, 230
Капичич Йово 563
Карагеоргиевич Александр I 93, 196, 566
Карагеоргиевичи, династия 19, 22, 28, 33, 75, 81, 153, 158, 177, 194, 195, 417
Карагеоргиевич Павел 280
Караиванов Иван (Шпинер) 29, 58, 62, 71
Кардель Борут 528
Кардель Пепца 354, 417, 420, 448, 565, 569
Кардель Эдвард (Франц Эдуардович Бирк, Тоне Бродар, Криштоф, Левц, Бевц, Голиа, Сперанс) 31, 41, 43, 53, 63, 71–73, 78, 82, 86, 94, 99, 101, 108, 109, 115, 119, 120, 123, 147, 151, 153–155, 157, 159, 167, 168, 170, 171, 174, 179, 183, 187–191, 198, 199, 204–207, 209, 211, 214, 220–222, 225, 233, 234, 237–241, 243–246, 248, 250, 253, 254, 258, 259, 270, 271, 273, 277, 278, 283, 286, 288, 291, 302, 303, 306, 309–311, 315–317, 319, 320, 322–324, 326, 328, 330, 331, 336–342, 345, 346, 355, 358–361, 364, 379–381, 385, 386, 388–392, 394, 396–399, 403, 405–408, 410, 414–429, 431, 434–436, 438, 440, 441, 445, 446, 448, 451, 452, 454, 457, 460, 462, 467, 469, 470, 477, 478, 481, 483, 487, 491–493, 498–501, 512, 513, 516, 521, 525, 528–532, 534–542, 547, 551, 552, 556, 560, 565, 569, 571, 573, 575, 576, 579, 590, 597, 604
Картер Джеймс 553, 602
Кастро Фидель 368, 412, 464, 595
Катценбах Николас 475
Каше Зигфрид 118, 133, 134
Кватерник Евген 117
Кведер Душан 400
Кейтель Вильгельм 105
Кекконен Урхо 584
Кёниг Эльза Йоханна см. Бауэр Люсия 561
Кеннан Джордж Ф. 413, 415, 462, 464
Кеннеди Джон Ф. 464, 465
Керенский Александр Федорович 17
Кидрич Борис 44, 50, 56, 151, 154, 245, 247, 251, 278, 309, 310, 315–318, 325, 326, 358, 359, 598
Кидрич Зденка 44, 559, 562, 565
Кинг Сесил 261
Киров Сергей Миронович 30
Киселев К. В. 190
Кисич Иван Д. (псевдоним Йосипа Броза) 37
Киссинджер Генри 11, 506, 543, 556, 585
Клаузевиц Карл фон 80
Клементис Владимир 303
Князев Марат 601
Козак Ладо 580
Коларов Васил 54, 60
Колишевский Лазарь 412, 427, 458, 482, 561, 578, 601
Колчак Александр Васильевич 18
Константинов Ф. В. 312
Кончар Раде 77, 94, 120
Копинич Йосип (Вокшин, Ваздух) 44, 47, 55, 56, 59, 60, 66, 71, 79, 83, 84, 94, 95, 101, 111, 117–119, 257, 327, 531, 559, 560, 562, 563, 566
Копинич Стелла (Панайотис Бамьязидос) 83, 563
Корнеев Николай Васильевич 160, 161, 164, 169, 182, 339, 357
Коропец Антон 63
Косанович Сава 204
Костич Петр 537
Костов Трайчо 288

- Косыгин Алексей Николаевич 552
 Коупман Фред 47
 Коцбек Эдвард 186, 215, 301, 322
 Крайгер Борис 461
 Крайчич Иван (Стево) 26, 47, 48, 117, 196,
 260, 271, 422, 431, 434, 444, 446, 449,
 453, 566, 568, 571, 574, 585
 Крецман Эдвин 365
 Крзевац Саво 355
 Крлежа Мирослав (Фриц) 8, 14, 20, 69, 70,
 73, 316, 322, 323, 392, 434, 461, 480, 503,
 511, 574, 599
 Кроуфорд Роберт 165
 Крэнкшоу Эдвард 349
 Кунц-Миланова Зипка 565
 Кусовац Кристина 50
 Кусовац Лабуд (Обаров) 49, 50, 52, 55, 65
 Кухарич Франьо 584
 Кухар Ловро 37, 44, 50, 57, 63
 Кэннон Кэвендиш Уэллс 281
- Лаврентьев Анатолий Иосифович 232,
 237, 238, 241–245, 249, 277, 286
 Лалевич 603
 Леви Курт 126
 Ле Дюк То 585
 Лекич Данило 474
 Ленин Владимир Ильич (Ульянов) 16, 17,
 38, 79, 85, 109, 196, 257, 262, 263, 273,
 276, 278, 314, 315, 324, 325, 352, 358,
 392, 397, 480, 529, 541, 546, 604
 Леонгард Вольфганг 261
 Лёр Александр 128, 130, 131, 137, 192, 196
 Лоллобриджида Джинна 199
 Лопушина Марко 604
 Лорен София 199
 Лоркович Младен 133
 Лукич Войин-Войкан 432, 453, 566
 Лумумба Патрис 409
 Льотич Димитрие 151, 162, 184
 Любичич Никола 478, 488, 499, 512, 524,
 531, 552, 575, 576, 602, 604
 Лютер Мартин 280
 Лютерс Рудольф 137, 141, 142
- Майский Иван Михайлович 121
 Макдауэлл Роберт 178
 Маклин Дональд 283
 Маклин Фицрой 145, 146, 152, 158, 172,
 179, 180, 217, 284, 301, 533, 584
 Макмиллан Гарольд 186
- Макнил Гектор 281–283
 Маленков Георгий Максимилианович 307,
 308, 376, 381, 384
 Малик Яков Александрович 306
 Мальро Андре 48
 Мамула Бранко 539, 542
 Мануильский Дмитрий Захарович 33, 36,
 54, 56, 58, 61, 66, 68, 76, 84
 Мао Цзэдун 293, 361, 363, 385, 395, 396,
 463, 466, 470, 505, 577
 Маргарет, британская принцесса 583
 Маринко Миха 343, 387
 Маринц Андрей 526
 Марич Иван (Железар) 37, 49, 50, 52, 55,
 59, 65
 Маркович Драгослав (Дража) 492, 494,
 521–523, 525
 Маркович Сима 21
 Маркос Вафиадис 228, 284
 Маркс Карл 7, 160, 233, 246, 263, 278, 309,
 314–316, 323, 325, 353, 360, 392, 397,
 468, 529, 532
 Маршалл Джордж Кэтлетт 234, 240
 Масларич Божидар (А. А. Андреев) 56
 Матас Спиридон (псевдоним Йосипа
 Броза) 71
 Матес Лео 49, 87, 204, 412, 570, 571
 Мачек Владко 74, 75, 186
 Мачек Иван (Матия) 203, 387, 417, 424,
 478, 566
 Мёрфи Роберт 173, 177, 302, 303
 Миклавц Владо (Хенрик) 167
 Микоян Анастас Иванович 367, 375
 Микулич Бранко 529, 541, 604
 Милатович Миле 255
 Милетич Петко (Сепо) 42, 43, 50–53, 57,
 62, 65, 66, 72, 77, 119
 Милославлески Славко 461
 Мимара Анте Топич 200
 Минич Милош 97, 546, 602
 Митрович Митра 342, 568
 Михайлович Драголюб (Дража) 91, 96–99,
 102–106, 111–113, 115, 116, 120–122,
 128, 131, 132, 134–137, 142, 145, 146, 151,
 156–159, 162, 163, 171, 172, 176–178,
 183, 185, 216, 217, 219, 220, 413, 439, 442
 Михай I, король Румынии 176
 Мичунович Велько 290, 306, 331, 364, 369,
 370, 372, 375, 378, 380, 390, 411, 412
 Мишкович Иван (Брк) 354, 431, 432, 444,
 449, 488, 514, 517, 574, 575

- Мишкович Милан 432, 444, 454
 Моисеев Игорь Александрович 561
 Молотов Вячеслав Михайлович 108, 113,
 121, 151, 163, 187, 208, 220, 221, 225,
 237–239, 242–244, 255, 256, 289, 296,
 306, 307, 313, 370, 378, 381, 384
 Монтгомери Бернард Лоу 122
 Моравиа Альберто 599
 Мортон Йозеф 161
 Моссадык Мохаммед 292
 Мошетов Василий В. 257
 Мразович Карло 289
 Мугабе Роберт 593
 Мугоша Душан 149
 Мук Адольф (Лёви) 38, 39
 Муссолини Бенито 35, 58, 63, 67, 80, 113,
 121, 128, 209, 269, 465, 582, 604
 Мюллер Драган (Озрен) 59
 Мюнних Ференц 376
 Мюрдаль Гуннар 410
- Надь Имре 373, 375–377, 379, 380, 393
 Надь Коста 192
 Назор Владимир 139, 168, 580
 Наполеон I, Бонапарт 80, 145, 309, 400,
 545, 578
 Насер Гамаль Абдель 367, 376, 394, 401,
 409, 411, 412, 456, 467, 474, 505, 543
 Недич Милан 96, 105, 106, 113, 151, 162,
 184
 Ненни Пьетро 287
 Неру Джавахарлал 362, 364, 365, 367, 383,
 400, 410–412, 414, 415, 505, 585
 Нето Агостиньо 592
 Нешкович Благое 105, 252
 Никезич Марко 399, 461, 492, 494, 500,
 514, 519–524
 Никола I Петрович, король Черногории
 14
 Николиш Гойко 9, 138, 165, 185, 200
 Никсон Ричард 11, 504–506, 510, 586
 Нил Фред Уорнер 445
 Ниссен Гуннар 549
 Нкома Джошуга 593
 Нкрума Кваме 410, 411
 Новотны Антонин 574
- Обренович Александр 571
 Обренович Драга 571
 Окуневская Татьяна Кирилловна 565
 Освальд Ли Харви 465
- Отт Ганс (Отто Майер) 118, 119, 133, 134
 Отто (псевдоним Йосипа Броза) 46
 Очак Иван 560
- Павелич Анте 28, 82, 88, 94, 117, 125, 127,
 133, 186, 196, 254
 Павел I, король Греции 298
 Павел VI (Монтини), папа римский 467,
 507, 508, 584
 Павлович Живоин 100
 Пайетта Джан Карло 603
 Пандит Виджая Лакшми 365
 Паттерсон Ричард Каннингэм 219
 Паукер Ана 267, 268, 269
 Паунович Даворянка (Зденка) 97, 139,
 562, 563
 Пашич Найдан 434
 Пелла Джузеппе 299, 300
 Пенезич Слободан (Крцун) 351, 439, 440
 Перкинс Джордж У. 297
 Перович Благое 49
 Перович Й. 193
 Перович Латинка 461, 484, 492, 494, 500,
 505, 514, 520, 521, 523, 524
 Перович Миле 548, 549
 Петричевич Бранко 268
 Петрович Душица 228
 Петрович Николай 75
 Петр II Карагеоргиевич, король
 Югославии 28, 81, 83, 101, 152, 156,
 158, 159, 161–163, 171, 173, 176, 180,
 188, 189, 190, 281
 Пехлеви Мохаммед Реза 292, 592
 Пий XII, папа римский 508
 Пик Вильгельм 29, 37, 46, 50, 54, 75, 76
 Пик Чарльз 253, 279, 281, 290
 Пилсудский Йозеф 47
 Пиркер Перо 488, 514
 Пирьевец Душан 419
 Пияде Моше 24, 51, 52, 113, 126, 151, 158,
 209, 236, 273, 278, 292, 320, 342, 343,
 381
 Планинц Милка 514
 Политео Иво 346
 Поллит Гарри 416
 Пол Пот 597
 Попивода Перо 268, 276
 Попович Владимир 197, 290, 396, 397, 570
 Попович Коча 44, 90, 97, 98, 110, 129, 133,
 134, 140, 165, 176, 217, 226, 236, 243,
 260, 267, 271, 295, 297, 298, 319, 327,

- 351, 364, 365, 383, 394, 414, 427, 430,
452, 455, 457, 490, 499, 518, 522, 524,
567, 581, 601
- Попович Миладин 149
Попович Миленгие 490, 499, 500
Попович Мича 322, 581
Попович Славко 573
Поточник Стане 542
Прежихов Воранц (псевдоним Ловро
Кухара) 37, 177
Прља Никица 167
Пурич Божидар 156, 157, 159, 163
- Радакович Илия 193
Радица Богдан 196
Радич Степан 23
Райк Ласло 288, 289, 373
Ракоши Матиаш 256, 269, 373
Ранкович Александр (Марко, Лека) 24, 41,
48, 51, 53, 59, 63, 83, 84, 91, 99, 104, 108,
110, 116, 123, 140, 158, 165–169, 178,
179, 183, 203–205, 227, 228, 243, 245,
247, 249–251, 254, 257, 259, 268–272,
277, 285, 289, 291, 294, 307, 308, 310,
331, 337–340, 344, 345, 348, 351, 353,
365, 381, 385, 386, 388, 389, 394, 403,
406–408, 412, 416–424, 426–428, 430–
436, 438–453, 455–457, 459–461, 468,
471, 478–481, 489, 499, 506, 514, 527,
542, 563, 565–567, 571, 579, 580
- Ранкович Бецеле Ладислава 567, 568, 573
Рапо Марко 575, 576
Рачич Пуниша 22
Рембрандт ван Рейн 7
Рендел Джордж 190
Рендулич Лотар 130
Рибар Иван 56, 154, 155, 194
Рибар Иво Лола 41, 50, 51, 56, 104, 108,
148, 155, 194
Рибар Юрица 155
Риббентроп Иоахим фон 127, 128, 134
Рибичич Митя 454, 486, 487, 505, 529
Рибникар Владимир 171
Риддльбергер Джеймс В. 362, 373, 383
Ризман Руди 584, 606
Римз Роберт Б. 277
Ристич Марко 283
Роатта Марио 115
Рожман Григорий 27
Ролович Владимир 497
Роммель Эрвин Йоханнес 96, 122
- Роуз Е. М. 48
Руди (псевдоним Йосипа Броза) 32
Рузвельт Франклин Делано 146, 163, 178,
183, 190
- Савич Бранка 125, 165
Савич Павле 111
Садат Анвер 543, 586
Садчиков Иван Васильевич 192, 210
Салай Джуро 317
Салвемини Гаэтано 161
Силоне Игнацио 351
Симич Перо 184
Симич Станое 83, 158, 191, 241
Симович Душан 81, 107, 121
Симонов Константин Михайлович 89
Сирц Любо 584
Слански Рудольф 303
Смодлака Йосип 171
Смотров Н. Р. 238
Соломон 582
Спиру Нако 236
Сребрняк Иван (Антонов) 47, 50, 94, 117
Сталин Иосиф Виссарионович 2, 9–11, 15,
16, 19, 21–23, 25, 26, 30–35, 39, 40, 43, 46,
48, 50, 52, 56, 59–63, 65–68, 70–72, 74,
76, 81, 85, 88–92, 96, 97, 99, 100, 104, 105,
107–114, 116, 120, 121, 123–127, 132,
133, 135, 143, 145, 146, 148, 150, 152, 155,
156, 158–160, 163, 164, 166, 169, 171, 172,
175, 177–183, 185–192, 196, 198, 203,
204, 206–212, 215, 219–221, 224–253,
255–264, 266–268, 270–273, 275–290,
292, 294, 296–299, 303–316, 321, 327–
332, 341, 345, 348–350, 352, 354, 355, 358,
361–363, 365, 368–371, 373–375, 377–
379, 381, 383, 384, 389, 395, 398, 399, 416,
444, 447, 462, 463, 472, 475, 476, 507, 541,
546, 547, 558, 560–562, 564, 579–582,
596, 599, 603, 604, 622
- Стамболич Петр 97, 104, 325, 343, 398, 422,
430, 433, 434, 454, 494, 576, 602
- Станкович Слободан 369, 429
Становник Янез 225
Степинац Алоизие 186, 215–217, 220, 346,
507, 508, 584
Стефанович Светислав (Чеча) 270, 447,
450, 453
Стивенсон Эдлай Эвинг II 427
Стилинович Марьян 563
Стияичч Радован 488

- Стоядинович Милан 34, 60, 62, 190, 197
Стридсберг Густо 47, 49
Стюарт Билл 138, 140
Стюарт Д. Л. 520
Сукарно Ахмед 401, 409, 411, 458
Сульцбергер Сайрус Лео 48, 298, 353
Суслов Михаил Андреевич 257, 361, 390, 443, 556
- Тейлор Элизабет 199
Тевац Мирко 496, 506, 545, 546, 571
Терзиц Велимир 101, 130, 138, 163
Тиссеран Эжен 509
Тишков Арсений Васильевич (Тимофеев) 228
Тодорович Миялко 236, 423, 454, 457, 483, 484, 499, 500, 516
Толбухин Фёдор Иванович 180, 181, 232
Тольятти Пальмиро 36, 75, 259, 268
Томанек (псевдоним Йосипа Броза) 71
Томпсон Ллевеллин Э. 301
Томшич Вида 252
Торез Морис 47
Трилиссер Михаил Абрамович (Москвин) 46, 58
Трипало Мико 424, 447, 460, 488, 495–498, 501, 513–515
Троцкий Лев Давидович 244, 261, 304
Трумэн Гарри 209, 210, 219, 229, 280, 294, 295
Туре Ахмед Секу 595
Турнер Харальд 106
Тэтчер Маргарет 357, 602, 603
- У Ну 362
Уолтер Франклин Джордж 366
Уэллс Орсон 199
- Федерика, королева Греции 583
Филипов (псевдоним Сталина) 191, 257
Филлипс Морган 347
Фирюбин Н. П. 379
Фольмар Георг фон 245
Форд Джеральд 552, 553
Форрестол Джеймс Винсент 178
Фосс Ненадова, Бреина 38, 39
Франко Франсиско Баамонде 31, 35, 269
Франц Иосиф I 12, 491
Франц Фердинанд, эрцгерцог 259
Фуше Жозеф 456
- Хаас Герта 42, 51, 56, 72, 73, 79, 88, 95, 134, 562, 564, 565
Хадсон Дуэйн Т. (Билл) 102, 103, 104, 107
Хайле Селассие I, император Эфиопии 311, 400, 582, 584
Халл Корделл 151
Хаммаршёльд Даг 409
Харрисон Джефри В. 301
Хебранг Андрия 21, 22, 24, 93, 94, 117–120, 147, 191, 241, 250–255, 258, 266, 267, 343, 488
Хебранг Ольга 253
Хегедушич Крста 13
Херли Джозеф Патрик 215
Хови А. С. 42
Ходжа Энвер 150, 237, 238, 373, 377, 381, 384, 385, 395, 398, 470, 481
Хонеккер Эрих 589
Хорватин Камило (Петровский) 36, 59
Хоффман Джордж В. 213
Хо Ши Мин 291, 466
Хрущев Никита Сергеевич 57, 196, 233, 259, 308, 310–313, 348, 351, 352, 362, 363, 368–372, 374, 376–382, 384–386, 389, 390, 392–394, 396, 397, 400, 401, 409, 413–416, 428, 429, 462–464, 470, 505, 510, 547, 548
Хуа Гофэн 577
Худомаль Карел (Оскар) 37
Хумо Авдо 406
Хусейн Саддам 592
Хэнди Томас Трой 298
- Цалдарис Константинос 284
Цветкович Драгиша 74, 75, 81
Цилига Анте 559
Цинцар-Маркович Александр 81
Црвенковски Крста 446, 447, 450, 454, 461, 516, 586
Црнобрия Богдан 240, 367, 570
- Чан Кайши 293
Чаплин Чарли 584
Чатаньо Ив 275
Чаушеску Николае 196, 473, 553, 577
Че Гевара Эрнесто 368
Чемберлен Невил 59
Черняховский Иван Данилович 180
Черчилль Рэндольф 158, 165, 168, 172, 187, 254, 444, 558

- Черчилль Уинстон 83, 101, 121–123, 135, 136, 145, 146, 156–163, 165, 169–172, 174–176, 179, 186–192, 204, 207, 209–212, 219, 228, 254, 327, 395, 520, 557, 558
- Чжоу Эньлай 396, 465, 505, 577
- Чиано Галеаццо 128
- Чижинский Йосип см. Горкич Милан
- Чичак Иво Звонимир 493, 501
- Чолакович Родолюб 33, 34, 39, 44, 46, 50, 51, 57, 62, 181, 242, 255, 410, 598
- Чолич Бошко 265
- Чопич Владимир (Сенько) 28, 29, 59, 63
- Чосич Добрица 10, 47, 198, 199, 255, 319, 344, 359, 378, 386, 389, 400, 411, 418, 419, 435, 451, 452, 470, 481, 520, 523, 526, 534, 535, 539, 550, 557, 578, 579, 582, 600, 602
- Шабан-Дельмас Жак 10
- Шакота Слободан 443
- Шаторов Шарло, Методие 87
- Шашич Ефто 431
- Шейна Ян 550
- Шмидт Гельмут 593
- Шокарац Александр 576
- Шорников Александр Сергеевич 169
- Шпильяк Мика 532
- Шрёдер Людвиг фон 89
- Штаймер Элеонора 275, 457, 465
- Штих Боян 387
- Шубашич Иван 87, 158, 162, 163, 171, 172, 188–191, 202, 204, 208, 212, 219, 466
- Шутей Юрай 204
- Эйзенхауэр Дуайт 165, 298, 302, 373, 399, 409, 413
- Элбрик Чарльз Б. 459
- Энгельс Фридрих 7
- Эрландер Таге 358, 428
- Юдин Павел Федорович 259
- Юлиана, королева Нидерландов 583
- Юрович Момо (Вал) 265
- Явершек Мартин 14
- Якубовский Иван Игнатъевич 551
- Янекович Дария 522, 589

Научное издание

Йоже Пирьевец

ТИТО И ТОВАРИЩИ Монография

Перевод со словенского *Л. А. Кирилиной, Н. С. Пилько*

Корректор *А. М. Никитина*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 14.11.2019. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 39,5. Заказ № 1762. Тираж 1000 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Книга известного словенского историка, академика Словенской академии наук и искусств Йоже Пирьевца, написанная на основе богатейшего архивного материала, не только подробно знакомит с биографией Йосипа Броза Тито, который решающим образом влиял на формирование югославской истории во время II Мировой войны — как организатор партизанского движения и после нее — как глава социалистической Югославии. Она дает широкую панораму жизни югославских народов с начала XX в. до 1980 г. Большое внимание уделено взаимоотношениям Тито с руководителями СССР И. В. Сталиным, Н. С. Хрущевым, Л. И. Брежневым. Монография Й. Пирьевца получила мировую известность, переведена на 10 языков и, несомненно, вызовет интерес как у профессиональных историков и преподавателей истории, так и у широкой читательской аудитории.

ISBN 978-5-4469-1625-2

9 785446 916252